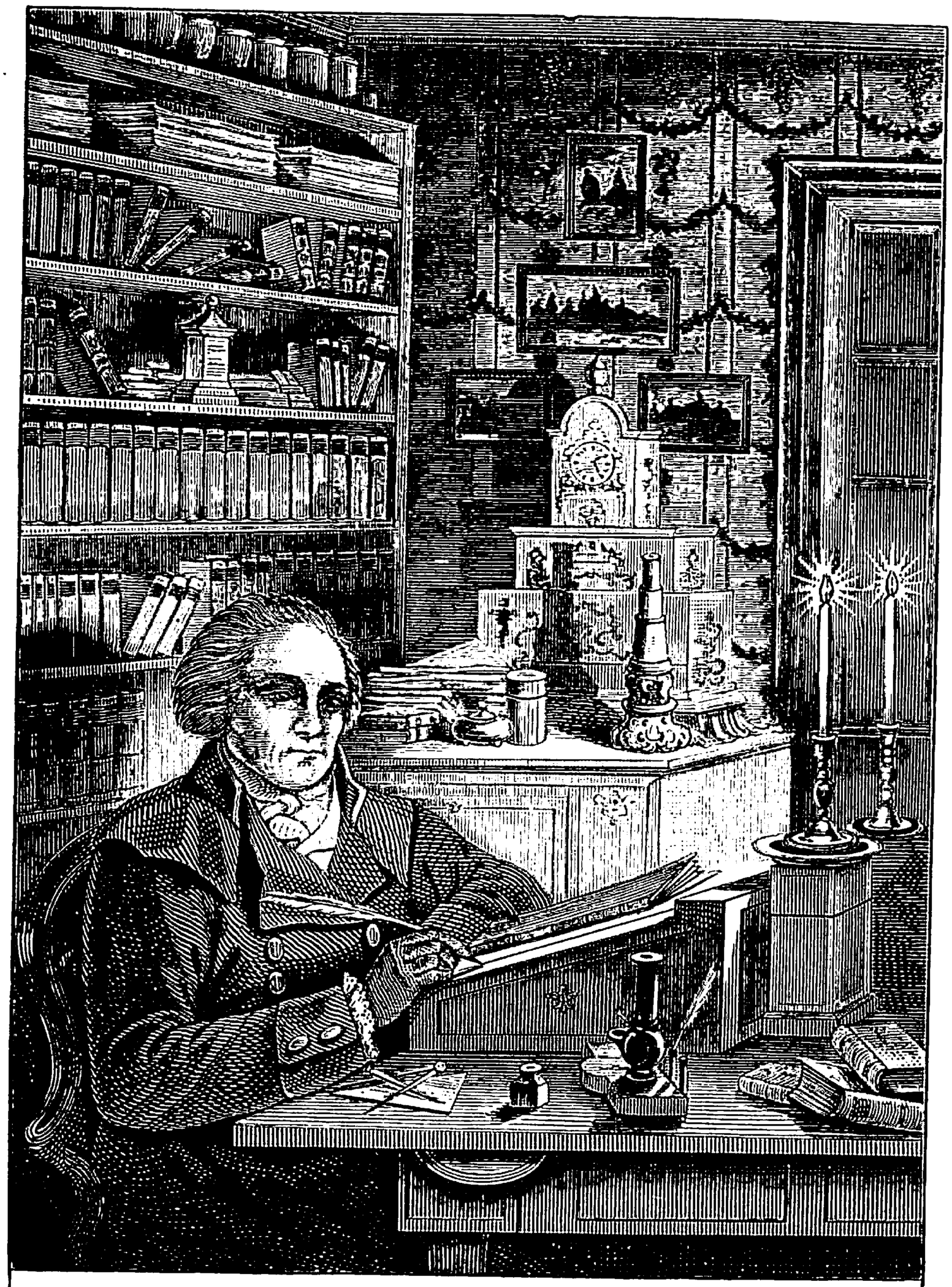
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738 — 1793.



Точное изображеніе,
той комнаты и мѣста, гдѣ писана
Сія книга. въ 1789.ⁿ и 1790. году. въ богородицкѣ.

рис. А. Т. Болотовъ. 1789 г. грав. Л. А. Сѣряковъ.

А. Т. БОЛОТОВЪ.

род. 7 Сктября 1738 г. ум. 7 Октября 1833 г.

Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей исторической литературы. Обнимая внутренній бытъ русскаго общества за все XVIII столѣтіе, а именно съ царствованія Петра Великаго по 1793 годъ включительно—онѣ касаются самыхъ разнообразныхъ его сторонъ. Такимъ образомъ, въ этомъ историко-литературномъ памятникѣ заключаются живѣйшія подробности о домашнемъ и общественномъ воспитаніи русскихъ дворянъ прошлаго вѣка, ихъ домашней же и общественной жизни, также о прохожденіи ими военной и гражданской службы; о жизни нашихъ предковъ въ деревнѣ, въ провинціальныхъ городахъ и въ столицахъ, о состояніи сельскаго хозяйства, о состояніи въ томъ вѣкѣ русской литературы, науки и книжной торговли; о военныхъ дѣйствіяхъ XVIII вѣка — въ особенности объ участіи Россіи въ войнѣ съ Фридрихомъ II и о войнахъ Екатерины II съ турками, поляками и шведами. Вмѣстѣ съ симъ записки представляютъ послѣдовательный разсказъ о разныхъ распоряженіяхъ правительствъ — восьми царствованій, съ Петра I по царств. Екатерины II включительно; здѣсь же находится довольно много подробностей о русскомъ дворѣ эпохи Елисаветы, Петра III и Екатерины II; тутъ же разсѣяно множество драгоцѣннѣйшихъ подробностей для біографій государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей—за время преимущественно съ 1740 по 1793 годъ включительно; наконецъ почтенный авторъ этихъ записокъ, повѣствуя о дворянскомъ сословіи по преимуществу и подымаясь иногда въ высшіе слои его, не забываетъ и народъ. Фигуры русскаго крестьянина, русскаго солдата, русскаго священника выпукло выдѣляются въ полномъ жизни и правды—разсказѣ Болотова.

Лучшія стороны этого разсказа составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и къ дорогому отечеству. Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Большія природныя дарованія онъ развилъ упорнымъ изученіемъ наукъ и литературы какъ отечественной, такъ и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Независимо отъ этого, это былъ человѣкъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ: въ запискахъ его какъ въ зеркалѣ — отражается его чистое, прекрасное серце. Отсюда эта теплота разсказа, эта правдивость, этотъ добродушнѣйшій юморъ.

Обширною начитанностью Болотова объясняется замѣчательная легкость и живость изложенія его разсказа. Мѣстами онъ до того увлекателенъ, что невольно забываешь, что это пишетъ человѣкъ, родившійся въ царствованіе Анны

Іоанновны и первоначально обучавшійся чуть еще ни у дѣдушекъ—знаменитыхъ россійскихъ педагоговъ: «Кутейкина», «Цыфиркина» и «Вральмана».

Вотъ главнѣйшіе факты жизни Болотова.

Андрей Тимоѳеевичъ родился въ Тульской губерніи 7 октября 1738 г.; десяти лѣтъ онъ зачисленъ капте-нармусомъ въ армейскомъ полку, командуемомъ его отцемъ; на двѣнадцатомъ году Болотовъ теряетъ отца, а два года спустя умираетъ его мать. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, по происхожденію своему изъ дворянъ средней руки и при томъ весьма недостаточный,—начинаетъ самъ прокладывать себѣ дорогу. Въ 1755 году Болотовъ, волею неволею, вступаетъ, въ дѣйствительную службу сержантомъ въ Архангелогородской полкъ, девятнадцатилѣтнимъ офицеромъ—принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками и затѣмъ, пробывъ въ дѣйствующихъ войскахъ съ 1756 по 1762 годъ, онъ, однимъ изъ первыхъ, — спѣшитъ воспользоваться свободою, предоставленною россійскому дворянству манифестомъ 18 февраля 1762 года. Добродушный, тихій нравъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ—чтенію, письму, рисованью, а также къ сельскому хозяйству влекли Болотова [illegible] среды военнаго міра. Онъ оставляетъ полкъ, радуется, что судьба спасла его отъ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II, ни мало не сожалѣетъ о чинахъ и почестяхъ, которыми готовы были его осыпать его друзья, сторонники новой государыни, еслибы онъ принялъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ, — женится и окончательно поселяется въ родовомъ своемъ сельцѣ Дворяниновѣ, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ и проводитъ 70 лѣтъ въ трудахъ ученыхъ и литературныхъ. Живя въ уединеніи, Болотовъ, не упуская ни малѣйшей. бытовой черты той жизни, которая его охватила, сталъ заносить въ свою автобіографію все, что относилось до тогдашней какъ государственной, такъ и общественной жизни Россіи, что, при установившихся его сношеніяхъ съ Н. И. Новиковымъ и другими образованнѣйшими общественными дѣятелями Москвы, а также и при его страсти къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ, представлялось дѣломъ довольно легкимъ.

Болотовъ умеръ 7 октября 1833 года, 96 лѣтъ отъ роду.

Здѣсь-то, въ деревнѣ, въ возрастѣ уже пожиломъ, Болотовъ начинаетъ свой многотомный трудъ, нынѣ предлагаемый читателямъ и пишетъ его съ поразительнымъ постоянствомъ около тридцати лѣтъ. А именно, начавъ первый томъ въ 1789 году, Болотовъ двадцать девятую его часть оканчиваетъ въ 1816 году *).

---

*) Кромѣ записокъ, Болотовъ оставилъ нѣсколько ученыхъ и литературныхъ трудовъ, изъ которыхъ при жизни его были напечатаны: 1) Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей, 2 части, Москва, 1776—1779 г.; 2) Экономическій Магазинъ или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лекарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и не безполезныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей, въ пользу россійскихъ домостроителей, 40 частей, Москва, 1780 — 1789 г. Магазинъ

Громадный трудъ Болотова есть, безспорно, одинъ изъ наиглавнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества восемнадцатаго столѣтія. Внѣшняя сторона рукописи также не безъинтересна. Она разбивается на двадцать девятьтомиковъ, въ одиковый малый, восьмидольный форматъ и почти одинаковаго объема: 400 съ небольщимъ страницъ въ каждомъ томикѣ. Всѣ 29 частей писаны рукой Болотова почти безъ малѣйшихъ помарокъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что каждый томикъ предварительно написывался авторомъ вчернѣ и затѣмъ имъ же самимъ переписывался. И какъ переписывался! Никакой искусный калиграфъ того времени не положилъ бы столько старанія и труда при этомъ, какіе употребилъ Болотовъ. Почеркъ его четокъ, ясенъ, красивъ, — на каждой страницѣ одинаковое число строкъ, чуть не одинаковое число буквъ; каждое письмо къ фантастическому пріятелю (записки вмѣсто главъ разбиваются на письма) имѣетъ особое заглавіе; въ первыхъ томикахъ находятся фигурныя буквы, затѣмъ виньетки и заставки, и все это рисовано перомъ самимъ авторомъ довольно красиво и отчетливо. Смѣло можно сказать, что въ нашей литературѣ историческихъ записокъ XVIII вѣка нѣтъ другой такой рукописи, которая бы такъ была любопытна и съ внѣшней своей стороны. Не довольствуясь мелкими рисунками, авторъ приложилъ нѣсколько картинокъ, сдѣланныхъ имъ водяными красками, а къ первому томику приложилъ свой собственный портретъ.

При всѣхъ этихъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ достоинствахъ, многолѣтнему и многотомному труду Болотова не посчастливилось въ русской литературѣ.

Долго хранились записки его въ неизвѣстности, въ семейномъ архивѣ его потомковъ. Въ 1839 году въ «Сынѣ Отечества» (кн. VIII и IX) появляются первые небольшіе отрывки изъ записокъ Болотова — самымъ безцеремоннымъ образомъ противъ подлинника передѣланные и исправленные. Въ 1850 году записки эти начинаютъ дѣлаться извѣстными русскому обществу въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года, а именно въ томахъ: LXIX, LXX, LXXI и LXXII помѣщены первыя четыре части записокъ Болотова; въ 1851 году въ томъ же журналѣ (томъ: LXXIV, LXXV и LXXIV) напечатаны пятая и шестая части. Но любопытно обратить вниманіе на то, какъ напечатана эта пятая лишь доля автобіографіи Болотова. Мы взяли на

этотъ издавался листками при «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; 3) «Краткія, на опытахъ основанныя замѣчанія о электрицизмѣ и о способности электрическихъ машинъ помоганію отъ разныхъ болѣзней, съ изображеніемъ и описаніемъ наипростѣйшаго рода машинъ и разныхъ способовъ, употребляемыхъ при врачеваніи ими болѣзней». Спб. 1803 г. съ фигурами. — Кромѣ того, Болотовъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» и, вслѣдствіе этого въ первые десятки годовъ существованія этого журнала онъ помѣстилъ въ немъ много своихъ статей по сельскому хозяйству. Познанія Болотова въ этой отрасли науки были громадны и это едвали не самый замѣчательный русскій агрономъ XVIII столѣтія.

Краткая біографія А. Т. Болотова напечатана С. А. Масловымъ въ «Земледѣльческомъ журналѣ» 1838 года, кн. 8. Г. Масловъ отдалъ полную дань уваженія достопамятному русскому агроному и помологу.

себя трудъ самымъ тщательнымъ образомъ сличить текстъ печатный съ подлинникомъ и не нашли сряду десятка строкъ, которыя не были бы исковерканы тѣми лицами, которыя сообщили рукопись редакціи. Не говоря уже о томъ, что весь строй разсказа Болотова, вся его форма — передѣланы, слогъ исправленъ, большая часть его разсужденій, ярко рисующихъ нравственный обликъ разскащика, выброшены, пострадала и фактическая сторона записокъ. Въ доказательство отмѣтимъ особенно крупныя сокращенія, сдѣланныя въ подлинникѣ записокъ Болотова при напечатаніи первыхъ шести его частей.

Въ I части, въ 3-мъ письмѣ въ печати мы не находимъ, между прочимъ, предсказанія, сдѣланнаго однимъ странникомъ-монахомъ бабкѣ Андрея Тимоѳеевича Болотова.

Въ 4-мъ письмѣ въ печати нѣтъ въ высшей степени простодушнаго разсказа о первомъ днѣ рожденія Андрея Тимоѳеевича и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ фактъ.

Въ 10-мъ письмѣ въ печати довольно большой пропускъ тѣхъ страницъ рукописи, на которыхъ трактуется о нѣкоторомъ курляндскомъ дворянинѣ Корфѣ.

Во II части, въ письмѣ 15-мъ, находится довольно много пропусковъ въ разсказѣ о сельскомъ духовенствѣ, разсказѣ весьма невиннаго свойства, но довольно характеристичнаго для знакомства съ положеніемъ въ средѣ дворянскихъ семей, того времени, духовенства и для обрисовки отношеній лицъ этого сословія между собой. Въ 16-мъ письмѣ той же части значительные выпуски подробностей, относящихся до злоупотребленій тогдашнихъ воеводъ.

Въ 18-мъ письмѣ сдѣланъ громадный пропускъ въ чрезвычайно характеристичной сценѣ изъ учебнаго быта Андрея Тимоѳеевича Болотова.

Въ письмѣ 19-мъ опять большой пропускъ въ разсказѣ о тогдашнихъ суевѣріяхъ.

Въ 23-мъ письмѣ выброшенъ довольно характеристичный разсказъ изъ сельской жизни автора.

Въ III части записокъ встрѣчается много пропусковъ, преимущественно тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ дозволяетъ себѣ характеризовать нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе высшихъ, военныхъ дѣятелей своего времени; такого рода пропуски особенно часты въ письмахъ 27, 28 и 29-мъ.

Вообще всякаго рода злоупотребленія въ тогдашней военной службѣ, откровенно и незлобно передаваемыя Андреемъ Тимоѳеевичемъ въ его запискахъ, не были воспроизведены въ печатномъ изданіи или правильнѣе сказать, извлеченіи изъ первыхъ шести частей его записокъ. Равнымъ образомъ, не переданы весьма интересныя подробности русскаго солдатскаго быта прошлаго столѣтія, о которомъ, кстати сказать, мы крайне мало знаемъ, и тѣмъ, казалось бы, слѣдовало болѣе дорожить тѣми данными, которыя мы встрѣчаемъ у нашихъ правдивыхъ и обстоятельныхъ писателей, каковъ Болотовъ. Достойно замѣчанія, что выпуски и искаженія при печатаніи первыхъ томиковъ его труда коснулись даже тѣхъ мѣстъ его простодушнаго разсказа, въ которыхъ повѣствуется о его любовныхъ шашняхъ. Такого рода пропуски въ письмѣ 34-мъ и др.

Чтобы нагляднѣе судить, до чего доходило, не далѣе какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, искаженіе историческихъ памятниковъ при напечатаніи ихъ, мы при-

ведемъ на удачу нѣсколько выдержекъ изъ печатнаго текста Болотовыхъ записокъ—сопоставивъ ихъ

Часть IV, письмо 40, стр. 128 по рукописи:

Наконецъ 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли, и какъ мы симъ образомъ къ непріятельской землѣ совсѣмъ почти уже приближились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ и баталіонъ кареемъ. Также употребляемы были уже предосторожности. Передъ фрунтомъ закинуты были у насъ рогатки, власно такъ какъ бы пруссаки были турки и татары, были у насъ уже на носу и могли насъ всехъ перерубить и искрошить въ мелкія части, еслибъ не взять сей смѣшной предосторожности, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще не довольно. За рогатки сіи на всякую ночь обводились еще превеликіе бекеты при пушкахъ и гоубицахъ, и ничто намъ такъ не досадно было, какъ сіи проклятые бекеты, въ которыхъ принуждены мы были ночевать въ ружьѣ и безъ палатки, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ пріученію насъ къ военнымъ трудамъ, а того болѣе къ напрасному отягощенію.

Въ семъ мѣстѣ и не входя еще въ прусскія границы стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назади еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣданія о непріятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ иттить надлежало, въ которое время на другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-маіоръ гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ со всею кавалеріею и кирасирскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ чрезъ Польшу совсѣмъ иной дорогой.

Въ послѣдующій день, т. е. 17 іюля, пойманъ былъ уже прусскій шпіонъ, разъѣзжающій подъ видомъ польскаго шляхтича съ собаками: Я думаю, онъ хохоталъ, увидѣвъ нашу трусостьи излишнія предосторожности. Его поймали наши казаки и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, что будто бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Черезъ сіе узнали мы, что и непріятель съ своей

сѣ соотвѣтственными мѣстами подлинника.

Вотъ образчики:

Въ печатномъ изданіи От. Зап. 1850 г. т. LXXII стр. 262—263.

«Наконецъ 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли. Такъ какъ мы симъ образомъ къ непріятельской землѣ совсѣмъ почти уже приблизились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ и баталіонъ карреемъ; также употребляемы были уже всѣ предосторожности. Передъ фронтомъ закинуты были у насъ рогатки, какъ будто пруссаки были турки и татары и находились у насъ уже на носу и безъ сей предосторожности могли насъ всѣхъ перебить и искрошить въ мелкія части, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще не довольно; за рогатки сіи на всякую ночь выводились еще превеликіе бекеты при пушкахъ и гаубицахъ. Ничто такъ насъ не досадовало, какъ сіи бекеты, въ которыхъ принуждены мы были ночевать въ ружьѣ и безъ палатокъ, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ пріученію насъ къ военнымъ трудамъ.

Въ семъ мѣстѣ, и не входя еще въ прусскія границы, стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назади еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣданія о непріятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ идти надлежало. На другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генерал-майоръ гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ со всею кавалеріей и кирасирскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ черезъ Польшу совсѣмъ иной дорогой.

Въ послѣдующій день, т. е. 17 іюля пойманъ былъ уже прусскій шпіонъ, разъѣзжавшій подъ видомъ польскаго шляхтича съ собаками. Я думаю, онъ удивился, увидѣвъ наши предосторожности. Его поймали наши казаки, и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, будто-бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Черезъ сіе узнали мы, что и непріятель, съ своей стороны, былъ не безъ дѣла, но бралъ равномѣрно нѣкоторыя и существенныя предосторожности.

стороны былъ не безъ дѣла, но бралъ равномѣрно нѣкоторыя, однако существеннѣйшія предосторожности.

18-го числа сдѣланы были въ арміи нашей опять новыя распоряженія между полками. Нѣкоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому бы иттить всегда напередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили въ бригаду, Бѣлозерскій и Бутырскій. Богу извѣстно, на что происходила тогда такая тасовка.

Симъ кончился тогда весь нашъ походъ черезъ Польшу и дружескими землями, и какъ съ сего времени начался въ непріятельской, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, симъ письмомъ сіе кончить и проч.

Часть IV, письмо 44 стр. 231 подлинной рукописи:

Первая тревога.

Любезный пріятель, теперь приближился уже я къ важнѣйшему пункту времени изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, ибо упомянутое до сего состояло по большей части только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ извѣстно, не бываютъ никогда рѣшительны и обращаются только обыкновенно обѣимъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую растерю людей. Или, короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ вамъ разсказываать о нашей Апраксинской баталіи, о которой наслышались вы довольно, но подлинныхъ, притомъ бывшихъ произшествій вѣрно не знаете. Но можно ли вамъ и знать, когда вы сами при томъ не были, а по однимъ слухамъ подлинно все знать ни коимъ образомъ не можно. Собственные примѣры мнѣ сіе довольно доказали.

Совсѣмъ тѣмъ не дожидайтесь того, чтобъ я вамъ сообщилъ въ подробности всѣ, при томъ бывшія обстоятельства, но я напередъ вамъ при-

18 числа сдѣлано было въ нашей арміи опять новое распоряженіе между полками. Нѣкоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому бы идти всегда напередъ, и команда надъ нимъ поручена была генерал-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили Бѣлозерскій и Бутырскій».

Часть IV, записокъ Болотова въ печатномъ изданіи въ Отеч. Запискахъ т. LXXII, стр. 285.

Первая тревога.

Теперь приблизился уже я къ важнѣйшему пункту времени изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или касаюсь до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля; ибо все, доселѣ мной описанное, состояло большею частью только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ извѣстно, не бываютъ никогда рѣшительны, и обращаютса только обоимъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую трату людей; короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ разсказываать о нашей апраксинской баталіи, о которой всякій довольно наслышался, но подлинныхъ, бывшихъ происшествій навѣрное незнаетъ. Совсѣмъ тѣмъ, не ожидайте того, чтобъ я сообщилъ вамъ въ подробности всѣ притомъ бывшія обстоятельства. Я напередъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности они неизвѣстны, несмотря на то, что я дѣйствительно самъ притомъ былъ и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, какимъ я тогда былъ, знать въ подробности, происходившее въ арміи, въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ, и

знаюсь, что мнѣ самому всѣ подробности оной не извѣстны, несмотря на то, хотя я дѣйствительно самъ при томъ былъ и все своими глазами видѣлъ, да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я былъ тогда, знать всѣ подробности, происходившія въ арміи въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно. Итакъ, не иное что остается, какъ сообщить вамъ то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія. Армію въ походѣ не инако, какъ съ великимъ и многонароднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу конечно всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобъ кто-нибудь, не исключая и самихъ предводителей, могъ всѣ подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, вопли, пыль, густота дыма, а паче всего повсемѣстная опасность и тысяча другихъ обстоятельствъ тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ иное ли что остается, какъ сообщить вамъ только то, что случай допустилъ мнѣ самому видѣть или о чемъ съ достовѣрностью могъ я тогда слышать. Но какъ сія баталія была тогда одна, которую мнѣ самому видѣть случилось, то въ награжденіе недостатка въ прочемъ, постараюсь по крайней мѣрѣ изобразить все, видѣнное мной, живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ, дабы вы могли всѣ видѣнныя мной произшествія вообразить себѣ нансовершеннѣйшимъ образомъ и получить объ нихъ такое понятіе, какъ бы вы сами оное видѣли.

Но прежде приступленія къ собственному повѣствованію о баталіи и т. д.»

Приведенныхъ нами выписокъ, какъ кажется, достаточно, чтобы имѣть понятіе о тѣхъ искаженіяхъ, которымъ подверглась почти каждая страница первыхъ шести частей подлинныхъ записокъ Болотова при напечатаніи ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ спустя послѣ первой попытки кое-что напечатать изъ записокъ Болотова - сдѣлана была вторая попытка въ этомъ же родѣ: въ 1858 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» въ т. CXLVIII, CL и CLII, и наконецъ въ томъ же журналѣ въ 1860 году, въ т. CLVIII напечатаны части 7, 8

когда мнѣ, бывшему тогда ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и роты своей ни на шагъ отлучиться было не можно. Итакъ, не иное что остается, какъ сообщить то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія.

Армію въ походѣ не иначе, какъ съ великимъ и многолюднымъ городомъ сравнивать можно, въ коемъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобы кто-нибудь, неисключая и самихъ предводителей, могъ всѣ подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, пыль, густота дыма и тысяча другихъ обстоятельствъ, тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ не иное что остается, какъ сообщить только то, что случай допустилъ мнѣ самому видѣть, или о чемъ съ достовѣрностью могъ я тогда узнать».

и 9 записокъ; но и при этомъ—явилась лишь выборка отдѣльныхъ эпизодовъ, причемъ, впрочемъ, искаженій собственно языка подлинника мало, но пропуски въ печати противъ подлинной рукописи встрѣчаются десятками страницъ, и это въ описаніи событій въ высшей степени интересныхъ въ 1760—1762 годахъ.

Просвѣщенной любви къ литературѣ отечественной исторіи—Павла Алексѣевича и Владиміра Алексѣевича Болотовыхъ, — родныхъ правнуковъ Андрея Тимоѳеевича,—«Русская Старина» обязана тому, что получила возможность, съ перваго же своего выпуска, начать печатаніе драгоцѣнныхъ записокъ. Въ виду неоспоримыхъ достоинствъ и важности труда А. Т. Болотова, объемъ его не пугаетъ редакцію «Русской Старины»; но чтобы читатели въ возможно скорѣйшемъ времени получили полный экземпляръ этихъ записокъ, мы печатаемъ ихъ въ возможно компактномъ видѣ, въ два столбца и мелкимъ, хотя, какъ могутъ замѣтить, вполнѣ четкимъ шрифтомъ. Въ тѣхъ же видахъ, мы не сочли возможнымъ обставлять эти записки какими бы то ни было примѣчаніями: въ противномъ случаѣ это чрезвычайно отдалило бы время окончательнаго отпечатанія всѣхъ частей записокъ Болотова. Впрочемъ, въ случаѣ, если представится то удобнымъ, «Русская Старина» не замедлитъ, начиная съ одной изъ послѣдующихъ частей записокъ Болотова, печатать ихъ, въ этомъ же форматѣ и тѣмъ же шрифтомъ, совершенно отдѣльными отъ журнала выпусками, именно для того, чтобы этотъ драгоцѣнный историко-литературный памятникъ скорѣе явился во всемъ своемъ объемѣ въ свѣтъ, и въ такомъ случаѣ собственно при журналѣ, взамѣнъ автобіографіи Болотова, явятся мемуары другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей; собраніемъ записокъ и воспоминаній которыхъ редакція «Русской Старины» весьма богата.

Въ заключеніе скажемъ, что записки Болотова являются въ нашемъ изданіи безъ малѣйшихъ пропусковъ или тѣмъ болѣе искаженій. Но печатая ихъ дословно, мы не нашли нужнымъ воспроизводить орѳографію подлинника, такъ какъ она, безъ всякой пользы для дѣла, затрудняла бы чтеніе.

М. Семевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предъувѣдомленіе.

Не тщеславіе, и не иныя какія намѣренія побудили меня написать сію исторію моей жизни; въ ней нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ и такихъ достопамятныхъ и важныхъ происшествій, которыя-бы достойны были переданы быть свѣту, а слѣдующее обстоятельство было тому причиною.

Мнѣ во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были такъ нерадивы, что не оставили послѣ себя ни малѣйшихъ письменныхъ о себѣ извѣстій, и чрезъ то лишили насъ, потомковъ своихъ, того пріятнаго удовольствія, чтобъ имѣть о нихъ, и о томъ какъ они жили, и что съ ними въ жизни ихъ случалось и происходило, хотя нѣкоторое небольшое свѣдѣніе и понятіе. Я тысячу разъ сожалѣлъ о томъ, и дорого бы заплатилъ за каждый лоскутокъ бумажки съ таковыми извѣстіями, еслибъ только могъ отыскать что-нибудь тому подобное. Я винилъ предковъ моихъ за таковое небреженіе, и не хотя и самъ сдѣлать подобную ихъ и непростительную погрѣшность, и таковыя же жалобы навлечь со временемъ и на себя отъ моихъ потомковъ, разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы, на описаніе всего того, что случилось со мною во все время продолженія моей жизни; равно какъ и того, что мнѣ о предкахъ моихъ по преданіямъ отъ престарѣлыхъ родственниковъ моихъ, которыхъ я засталъ при жизни, и по нѣкоторымъ не многимъ записка отца моего и дяди, дошедшихъ до моихъ рукъ, было извѣстно, дабы сохранить, по крайней мѣрѣ, и сіе немногое отъ забвенія всегдашняго, а о себѣ оставить потомкамъ моимъ незабвеннную память.

При описаніи семъ старался я не пропускать ни единаго происшествія, до котораго достигала только моя память и не смотрѣлъ, хотя бы иныя были изъ нихъ и самыя маловажныя, случившіяся еще въ нѣжнѣйшія лѣта моего младенчества. Сіе послѣднее дѣлалъ я наиболѣе для того, что напоминаніе и прочитываніе происшествій бывшихъ во время младенчества, и въ нѣжныя лѣта нашего возраста, причиняетъ и самимъ намъ нѣкоторое пріятное удовольствіе. А какъ я писалъ сіе не въ томъ намѣреніи, чтобъ издать въ свѣтъ посредствомъ печати, а единственно для удовольствованія любопытства моихъ дѣтей, и тѣхъ изъ моихъ родственниковъ и будущихъ потомковъ, которые похотятъ обо мнѣ имѣть свѣдѣніе: то и не заботился я о томъ, что сочиненіе сіе будетъ нѣсколько пространно и велико; а старался только, чтобы чего не было пропущено, почему въ случаѣ если кому изъ посторонних случится читать сіе прямо на-бѣло писанное сочиненіе, то и прошу меня въ томъ и въ ошибкахъ благосклонно извинить. Наконецъ, что принадлежитъ до расположенія описанія сего образомъ писемъ, то сіе учинено для того, чтобъ мнѣ тѣмъ удобнѣе и вольнѣе было разсказывать иногда что-нибудь и смѣшное.

ИСТОРІЯ МОИХЪ ПРЕДКОВЪ И ПЕРВѢЙШИХЪ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 1-е.

Любезный пріятель!

Накопецъ рѣшился я предпріять тотъ трудъ, который давно уже былъ у меня на умѣ, и который вамъ съ толикою нетерпѣливостію впдѣть хотѣлось, а именно, сочинить исторію моей жизни, или описать все то, что случилось со мною во все теченіе моей жизни; я посылаю къ вамъ теперь начало сего труда, предпріятаго не менѣе для удовольствованія и вашего любопытства, сколько и для пользы и любопытнаго свѣдѣнія обо мнѣ, моимъ будущимъ потомкамъ. Если трудъ сей будетъ имъ угоденъ, то должны они благодарить нѣсколько и васъ за оный, ибо еслибъ вы не побудили меня къ тому, то можетъ бы не собрался я никогда къ дѣйствительному приступленію къ сему давно уже замышляемому дѣлу. Вы уничтожили нерѣшимость мою и разсѣяли тѣ сумнительства, кои удерживали меня до сего отъ предпріятія тепереишняго и нашли способъ, удостовѣрить меня, что обстоятельство, что жизнь моя не такова славна, чтобъ стоила описанія и что въ теченіе оной не случилось со мною никакихъ чрезвычайныхъ, рѣдкихъ и особливаго примѣчанія достойныхъ происшествій, ни мало не мѣшаетъ описать мнѣ жизнь свою. Вы уговорили и увѣрили меня, что въ происшествіяхъ, бывшихъ со мною и безъ того много кой-чего такого найдется, о чемъ можно писать и разсказывать, и о чемъ какъ вамъ, такъ и потомкамъ моимъ можно будетъ не безъ удовольствія и любопытства читать и слушать. Но я не знаю, не ошибаетесь ли вы въ томъ, любезный пріятель! Я исполню ваше желаніе; но буде послѣдующее описаніе жизни моей не будетъ для васъ таково любопытно, весело и пріятно, какъ вы себѣ воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мнѣ не достанется другого дѣлать, какъ пересказывать вамъ только то, что дѣйствительно со мною случилось и вы сами того вѣрно не похотѣлибъ, чтобъ я для украшенія моего сочиненія, или для приданія ему болѣе пріятности сталъ выдумывать небылицы, или затѣвать и прибавлять что-нибудь лишнее, къ бывшимъ дѣйствительно приключеніямъ.

Теперь, прежде приступленія къ дѣйствительному началу моей исторіи, надобно васъ попросить о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, чтобъ вы дозволили мнѣ начало учинить краткимъ описаніемъ всего того, что извѣстно мнѣ о моихъ предкахъ, дабы чрезъ то сохранить память объ нихъ моимъ потомкамъ, и чтобъ не поскучали вы, если описаніе сіе, слѣдовательно, самое начало сочиненія моего будетъ нѣсколько сухо и скучновато. Во-вторыхъ, чтобъ не поскучали уже и тѣмъ, что я послѣдующую затѣмъ исторію мою начну съ самаго моего младенчества и буду разсказывать и все то, что помню еще я изъ случившагося со мною въ сіе нѣжнѣйшее и можно сказать наипріятнѣйшее для насъ время жизни. Я располагаюсь дѣлать сіе для того, что напоминаніе сихъ происшествій производитъ самому мнѣ нѣкоторое увеселеніе, ибо человѣкъ приводя себѣ на память все то, что случалось съ нимъ въ младенчествѣ и въ малолѣтствѣ, власно какъ возвращается на то время въ тогдашній возрастъ и сладость тогдашней жизни, чувствуетъ вновь и при самой своей старости. Сверхъ того, описаніе сихъ въ самомъ дѣлѣ, хотя сущихъ бездѣлицъ, можетъ быть придастъ сколько-нибудь и всему сочиненію болѣе пріятности, и сдѣлаетъ его для чтенія не таковымъ скучнымъ.

Итакъ, приступая теперь къ самому дѣлу, прежде всего скажу вамъ, любезный пріятель, что я природы татарской! Вотъ какое страпное начало, однако вы тому

не дивитесь Я говорю самую правду и ни мало не стыжусь тѣмъ; ибо подобныхъ мнѣ между россійскими дворянами очень мн[illegible]; нѣкоторые и многіе изъ нихъ нынѣ гораздо меня знатнѣе и лучше, по совсѣмъ тѣмъ такой же природы какъ и я. Ибо сіе ничто иное значитъ какъ то, что первые наши предки были татары, и вышли въ Россію изъ Золотой Орды, сего [illegible]внаго въ древности восточнаго и великаго царства, владѣвшаго нѣкогда многіе годы всѣмъ Россійскимъ государствомъ.

Кто таковъ именно первый основатель нашей фамиліи былъ? Въ которое время и при которомъ государѣ въ Россію выѣхалъ; и гдѣ сперва поселился — того всего я подлинно не знаю. Небреженіе ли моихъ предковъ, невѣжество ли тогдашнихъ временъ, или иной какой случай, не могу вамъ вѣрно сказать, лишилъ меня сего удовольствія; однимъ словомъ, родословная наша весьма мала, и порядочной мы и по сіе время не имѣемъ. Покойный дядя мой, родной братъ отцу моему оставилъ только мнѣ небольшой реестръ, или краткую поколѣнную роспись нашимъ предкамъ, которыхъ могъ онъ собрать изъ книгъ и дѣлъ въ разныхъ приказахъ.

Помянутый дядя мой разсказывалъ мнѣ, что онъ не могъ далѣе дойтить какъ до Василья Романова сына: а чей сынъ былъ Романъ того уже онъ не знаетъ. Можетъ быть сей Романъ былъ и первой тотъ, который выѣхалъ и принялъ святое крещеніе, что нѣкоторымъ образомъ и вѣроятно, по счисленію лѣтъ: ибо я смѣчаясь находилъ, что жилъ онъ около временъ царя Іоанна Васильевича или прежде за нѣсколько времени. А въ сіе время, какъ извѣстно, многія татарскія фамиліи къ намъ выѣхали и въ здѣшнихъ мѣстахъ поселившись, пріобщены были къ россійскому дворянству и натурализированы. Какой онъ человѣкъ былъ, всего того не знаю: а сказывала мнѣ одна только старушка, ближняя моя родственница, которую засталъ я еще въ живыхъ, что слыхала она отъ своего дѣда, что самые выѣзжіе предки наши были знатной татарской и княжеской породы, да и здѣсь не служилъ никто изъ нихъ низкимъ чиномъ, но бывали всегда чиновными людьми, и хаживали съ царями на войну. Правда ли все сіе или нѣтъ, въ томъ не ручаюсь, по крайней мѣрѣ, то достовѣрно, что мы нынѣ на ряду съ прочими россійскими дворянами, и имѣемъ всѣ тѣ же преимущества, какія они имѣютъ.

У упомянутаго Василія былъ одинъ только сынъ Гаврило, прозвищемъ Горянинъ, а у сего Горянина было два сына: Ерофей и Еремѣй. О семъ Еремѣѣ разскажу я вамъ послѣ обстоятельнѣе, а что касается до Ерофея, то отъ него раздѣлилась фамилія наша на четверо, ибо у него было четыре сына: Осипъ, Кирила, Ерофей и Дорофей; но поколѣніе сихъ послѣднихъ двухъ, уже давно, а третьяго недавно и при мнѣ уже пресѣклось. Я и мой двоюродный братъ происходимъ отъ поколѣнія Осипова, а домъ за нѣсколько лѣтъ умершаго сосѣда моего, послѣ котораго находится нынѣ въ живыхъ одна только дочь, происходитъ отъ поколѣнія Кирилова.

Ежели хотите далѣе знать, кто таковы обоихъ сихъ колѣнъ ближайшіе къ намъ предки были, то вкратцѣ теперь скажу, что отъ Кирилы былъ сынъ Матвѣй, отъ Матвѣя Никита, отъ Никиты же недавно умершій Матвѣй; а въ разсужденіи нашего поколѣнія отъ Осипа былъ Ларіонъ, отъ Ларіона Петръ, отъ Петра Тимоѳей и Матвѣй. Первой былъ отецъ мой, а послѣдній моего двоюроднаго брата.

Изъ сего видите, что весь нашъ родъ очень не великъ, и Провидѣнію небесъ не угодно было сдѣлать его многожизненнымъ. Нынѣ вся наша фамилія состоитъ въ четырехъ особахъ: двухъ старыхъ, и двухъ молодыхъ, и я съ братомъ и обоими нашими сыновьями, составляемъ всю оную. О мѣстѣ, гдѣ жили предки наши, мы подлиннаго знанія не имѣемъ. Сказывали только мнѣ, что до сего жили они хотя въ томъ же Каширскомъ уѣздѣ, но верстъ съ двадцать отъ

нынѣшняго жилища, а именно на рѣкѣ Безпутѣ. Но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что они не въ тѣхъ мѣстахъ жили, гдѣ нынѣ мы живемъ, ибо видно по книгамъ и письмамъ, что имѣли тутъ совсѣмъ другіе люди жительство и владѣніе. Въ одномъ принадлежащемъ намъ теперь мѣстѣ жилъ нѣкой князь Шестуновъ, почему находящійся послѣ сего мѣста лѣсъ, и понынѣ еще называютъ Шеступихою. А въ другомъ, а именно въ пустоши Шаховой, жилъ князь Гундоровъ, въ которыхъ урочищахъ и самыя мѣста, гдѣ были ихъ жительства, видны и по нынѣ. Овинныя и погребныя ямы доказываютъ гдѣ ихъ дворы стояли, а части оставшіяся отъ плотинъ, гдѣ ихъ пруды были. Чрезъ какой случай сіи селенія опустѣли, неизвѣстно, но чаятельно чрезъ свирѣпствующее въ тогдашнія времена моровое повѣтріе, а можетъ быть разорены они и во время войны татарской. Но какъ бы то ни было, но сіи опустѣвшія мѣста даны потомъ за службы нашимъ предкамъ, кои около сихъ мѣстъ имѣли уже поселеніе свое на рѣчкѣ Скнигѣ и въ другой, въ близости того мѣста бывшей деревни, посящей и по нынѣ еще имя ихъ фамилій. Кирила и Ерофей, жили уже въ здѣшнихъ мѣстахъ и имѣли дачи и владѣніе на рѣкѣ Скнигѣ, которыми владѣемъ мы и по нынѣ.

Что касается до исторіи и до дѣлъ нашихъ предковъ, то равномѣрно имѣю я о томъ очень малое и недостаточное свѣдѣніе. Невѣжество тогдашнихъ временъ было тому причиною, что они не старались оставить потомкамъ своимъ о томъ какого-нибудь свѣдѣнія, хотя бы то было для насъ нынѣ весьма пріятно и я дорого бы заплатилъ, еслибы могъ только отъискать и достать какія-нибудь письменныя объ ихъ породѣ, ихъ жизни и приключеніяхъ извѣстія. Итакъ, все извѣстное объ нихъ состоитъ только въ нѣкоторыхъ словесныхъ преданіяхъ, да и то очень несовершенныхъ и темныхъ. Знатныхъ и отмѣнно прославившихся людей не было между ими. Не хочу я тѣмъ хвастать, а неугодно было также судьбѣ одарить ихъ и знаменитыми достатками, и преподать имъ случай по примѣру прочихъ пріобрѣсть себѣ богатство, но они были дворяне недостаточные и не знаменитые. При случающихся войнахъ хаживали они на войну съ царями нашими, и важивали съ собою по нѣскольку человѣкъ собственныхъ своихъ людей, по тогдашнему обыкновенію. Когда же въ новѣйшія времена введено въ войскѣ нашемъ регулярство, то служили они въ полкахъ офицерами. Однако выше штабскаго чина никого почти не было изъ старыхъ.

Объ одномъ только изъ нашихъ старинныхъ предковъ, а именно о Еремѣѣ сынѣ Гавриловѣ, а внукѣ Василія Романовича, передана мнѣ повѣсть, которая по особенности своей достойна внесена быть въ сіе описаніе, но какъ она довольно пространна, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, разсказаніе оной отложить до послѣдующаго за симъ втораго письма, а между тѣмъ, будьте довольны симъ первымъ, и не взыщите, что наполнилъ его столь сухою матеріею, будущее можетъ быть будетъ уже для васъ любопытнѣе, и не таково скучно. Я окончу оное сказавъ, что я есмь, и прочее.

ИСТОРІЯ ЕРЕМѢЯ ГАВРИЛОВИЧА.

Письмо 2-е.

Любезный пріятель!

Обѣщавъ вамъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ разсказать вамъ повѣсть, преданную мнѣ объ одномъ изъ моихъ предковъ, хочу теперь обѣщаніе мое исполнить и надѣюсь, что вы не поскучаете ея чтеніемъ, но будете ею довольны.

Предокъ сей, какъ прежде мною уже упомянуто, назывался Еремѣемъ; онъ былъ сынъ Гаврилы прозваннаго Горяпомъ и жилъ въ упомянутой недалеко отъ пасѣ находившейся и на рѣчкѣ Гвоздевкѣ сидящей деревнѣ, которая по немъ стала называться Болотово, между тѣмъ какъ братъ его родной Ерофей поселился на

берегахъ рѣки Скниги и въ самомъ томъ мѣстѣ гдѣ мы нынѣ живемъ. У сего Еремея было два сына и двѣ дочери. Одна изъ сихъ послѣднихъ выдана была замужъ за сосѣдняго дворянина Ладыженскаго, а другая находилась въ дѣвкахъ.

Какъ около тогдашняго времени случилось нашимъ государямъ имѣть войну съ крымскими татарами, и все дворянство по тогдашнему обыкновенію имѣло въ томъ участіе, то принужденъ былъ и помянутый Еремей, оставивъ жену и дочь въ дѣвкахъ, идти на оную съ обоими своими сыновьями и лучшими людьми, Но сія война была ему крайне злополучна. При глазахъ его поражены были оба его сыновья и пали мертвы къ ногамъ своего родителя. Сіе такъ тронуло сего несчастнаго старика, что онъ въ безпамятствѣ почти бросался на непріятелей, желая отмстить за смерть дѣтей своихъ, но тѣмъ лишь только свое несчастіе усугубилъ. Будучи отхваченъ отъ своихъ, хотя и долго оборонялся онъ отъ окружившихъ его непріятелей, но наконецъ принужденъ былъ уступить силѣ и дать себя взять въ плѣнъ и отвесть въ жестокую неволю.

Какъ въ семъ плѣну препроводилъ онъ долгое время, и о немъ въ Россіи никакого слуха и извѣстія не было, то считали его всѣ погибшимъ; жена и дочь были о лишеніи его неутѣшны, но небо въ особливости изліяло гнѣвъ свой на сей несчастный домъ, и присовокупило новыя бѣдствія и напасти. Немногіе годы спустя, ночнымъ временемъ напали разбойники на домъ сей госпожи; они ограбили оный весь и самое ее измучивъ, тиранническимъ образомъ лишили жизни. Бѣдной дочери ея удалось уйти босикомъ и совсѣмъ почти обнаженною. Къ несчастію, устрашенная боязнію, чтобъ ее не нашли и не догнали, воспріяла она бѣжать въ ближнюю и самую ту деревню, гдѣ мы нынѣ обитаемъ, и гдѣ тогда жили двоюродные ея братья Кирила и Ерофей, искать у нихъ спасенія и прибѣжища. Но когда разгнѣванное небо похочетъ кого гнать, то можно-ли найти гдѣ спасенія и укрытія отъ его гнѣва. Самый сей побѣгъ, свободившій ее отъ рукъ и варварства злодѣевъ, обратился ей въ вящее несчастіе. Какъ случилось сіе въ зимнее время и въ жесточайшіе морозы, то она, бѣжавъ около трехъ верстъ до нашей деревни босая по снѣгу, отзнобила ноги и пришедъ въ домъ родственниковъ своихъ пала безъ памяти. Страхъ, печаль, простуда и самая боль ногъ въ короткое время низвели ее во гробъ. А какъ за короткое предъ тѣмъ время и замужняя ея сестра умерла бездѣтно, то пресѣклось чрезъ то все ихъ поколѣніе, и имѣнію ихъ остались наслѣдниками помянутые ея родственники, то-есть наши предки Кирила съ своими братьями, въ которое они поступили спокойно во владѣніе.

Всѣ думали тогда, что отца ея, настоящаго владѣльца сего имѣнія, не было въ живыхъ, ибо нѣсколько уже лѣтъ прошло какъ онъ безъ вѣсти пропалъ и не было о немъ ни малѣйшаго слуха. Совсѣмъ тѣмъ онъ былъ живъ и претерпѣвалъ всѣ суровости плѣна; слишкомъ двадцать лѣтъ принужденъ онъ былъ, удаленнымъ отъ отечества, отъ дома и родныхъ своихъ, стонать подъ игомъ жесточайшей неволи, быть рабомъ у многихъ перемѣнныхъ и немилосердныхъ господъ, и отправлять всѣ должности раба и невольника. Многажды покушался онъ уйтить, но всѣ его покушенія были тщетны и произвели только то, что содержать его стали жесточе, а для отвращенія отъ побѣга, по варварскому своему обыкновенію, взрѣзали ему пяты, и насыпавъ рубленныхъ лошадиныхъ волосъ, заростили оныя въ нихъ, дабы не способенъ былъ къ долговременной ходьбѣ.

Наконецъ судьба соединила его съ однимъ землякомъ, такимъ же дворяниномъ, каковъ былъ онъ, и который былъ нетолько ему знакомъ, но и нѣсколько съ-родни. Сей несчастный былъ фамиліи Писаревыхъ, и будучи взятъ тогдаже въ полонъ, претерпѣвалъ такую-жъ неволю и рабство. Хотя сей столько-же мало могъ подать ему помощи, сколько онъ ему, однако обоимъ имъ приносило соединеніе

сіе великую уже отраду. По крайней мѣрѣ могли они совокуплять всѣ слезы и жалобы на суровость своего жребія, и напоминая свою родину, говорить другъ съ другомъ и утѣшать себя взаимно.

Нѣсколько времени препроводили они вмѣстѣ, служа одному татарскому господину. Наконецъ убѣжденъ былъ мой предокъ товарищемъ своимъ къ испытанію еще разъ своего счастія въ побѣгѣ. Близость тогдашняго ихъ пребыванія отъ предѣловъ и границъ россійскихъ и явившійся удобный къ тому случай подавалъ имъ къ сему поводы — но и въ сей разъ не были они счастливѣе прежняго. Они ушли, но ихъ догнали и наказали наижесточайшимъ образомъ.

Сіе прогнало въ нихъ охоту къ предпріятію впредь тому подобнаго. Однако въ самое то время, когда они всего меньше о томъ думали, и когда лишились уже на вѣкъ надежды видѣть когда-нибудь любезное свое отечество, явился неожиданный и новый благопріятствующій имъ случай. Одна старушка, раба того-жъ господина, сжалилась на ихъ несчастіе. Благопріятствуя имъ во всякое время, не могла она безъ соболѣзнованія смотрѣть на раны ими претерпѣваемыя. Она утѣшала ихъ и говорила, что имъ никогда не уйтить, если непохотятъ они пользоваться ея помощію, при ея-жъ вспоможеніи они вѣрно отечество свое увидѣть могутъ. Легко можно заключить, что не надобно было имъ сіе два раза предлагать. Они пали къ ея ногамъ и просили, чтобы помогла, если только можетъ. Татарка обѣщала имъ сіе сдѣлать и велѣла дожидаться, покуда найдетъ она къ тому удобное время.

Чрезъ нѣсколько дней она и исполнила свое обѣщаніе: «добро!», сказала она пришедъ въ одинъ день съ поспѣшностію къ нимъ: «мнѣ надобно сдержать свое обѣщаніе, не могу болѣе видѣть вашихъ слезъ и горести, — добродушіе и постоянство ваше меня тронуло — вотъ возмите сіе, и не теряя времени бѣгите и будьте счастливы. Богъ да поможетъ вамъ увидѣть вашу землю и родныхъ вашихъ». Въ самое то время отдала она имъ связку и напоминала, чтобы они въ нужномъ случаѣ хоть-бы все кинули, но не бросали-бъ, а берегли маленькій узелокъ, завязанный въ связкѣ. Они не знали, что это значитъ, однако, поблагодаря старушку и простившись съ ней, отправились того часа въ путь свой.

Цѣлую ночь бѣжали они неоглядкою въ ту сторону, которую указала имъ старушка, и дошедъ до одного назначеннаго ею мѣста, спрятались въ камышъ для отдохновенія и препровожденія въ опомъ всего дня того.

Тутъ имѣли они время осмотрѣть все, что находилось въ связкѣ. Они увидѣли, что добросердечная старушка снабдила ихъ всѣмъ нужнымъ къ продолженію пути ихъ. Находилось тутъ нѣсколько денегъ, и столько съѣстныхъ припасовъ, что имъ можно было ими до пришествія въ свое отечество пропитаться; но что привело ихъ въ великое удивленіе, то былъ помянутый узелокъ, о береженіи котораго старушка неоднократное имъ дѣлала подтвержденіе; въ опомъ не нашли они ничего, кромѣ двухъ небольшихъ пучковъ незнакомой имъ травы; хотя они и не знали, чтобъ это значило, однако положили свято хранить старушкино завѣщаніе, и для лучшаго сохраненія взяли оба по пучку, и спрятали въ безопаснѣйшее мѣсто.

Но не успѣли они скарбъ свой опять связавши нѣсколько отдохнуть, какъ услышали уже въ дали крикъ и вопль татаръ, скачущихъ по пространнымъ степямъ и другъ другу голосъ подающихъ. Не трудно было имъ заключить, что то была за ними погоня. Они ужаснулись отъ близости предстоящаго имъ бѣдствія, и лали ницъ въ густомъ камышѣ, прося Бога о помилованіи ихъ и о защищеніи отъ гонителей. Слухъ и топотъ отъ скачущихъ лошадей приближался отчасу ближе, и страхъ ихъ былъ неописанный, какъ татары, гнавшіе за ними и ихъ повсюду искавшіе, прискакали къ самому тому болоту и камышу и въ ономъ повсюду искать ихъ начали. Но небо похотѣло тогда конецъ положить ихъ страданіямъ:

татары не нашли ихъ, хотя нѣсколько разъ и въ такой близости отъ нихъ ѣздили, что одному изъ нихъ едва-было головы лошадьми не раздавили. Они спаслись, — и возблагодаривъ Бога, пролежали тутъ весь день, и не прежде пошли въ дальнѣйшій путь, какъ по наступленіи опять ночи.

Симъ образомъ, идучи всегда по ночамъ, препроводили они нѣсколько сутокъ въ безпрестанномъ страхѣ и боязни, покуда не дошли благополучно до предѣловъ россійскихъ и не достигли до любезнаго своего отечества. Тутъ отдохнули они по желанію и благословляли Бога, что вывелъ ихъ благополучно наконецъ изъ долговременной и жестокой неволи, и далъ еще прежде смерти увидѣть свое милое отечество.

Совсѣмъ тѣмъ мѣсто ихъ родины отстояло оттуда еще далеко, и имъ предстоялъ путь гораздо дальнѣйшій. Но какъ бы то ни было, но продолжали они оный охотно, питаясь мірскимъ подаяніемъ, ибо собственнаго ничего болѣе у себя не имѣли. Надежда вскорѣ увидѣть свои домы и родныхъ увеселяла ихъ духъ, и облегчала трудности путешествія. Но сколь мало зналъ мой предокъ, какія печальныя вѣсти его тамъ дожидаются, гдѣ онъ веселье найти надѣялся!

По приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже неподалеку ихъ обоихъ жилищи были, распрощались они другъ съ другомъ наинѣжнѣйшимъ образомъ и каждый спѣшилъ къ своему дому и обиталищу. Съ какими чувствіями приближался нашъ старикъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ рожденъ, воспитанъ и препроводилъ большую часть вѣка своего живучи въ покоѣ, и отъ коихъ толь долгое время былъ отлученъ и не имѣлъ надежды никогда видѣть, сіе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать удобнѣе. Трепетало сердце его и наполнялось наисладчайшею радостію, какъ начали уже появляться тѣ мѣста, которыя ему съ малолѣтства были знакомы, и встрѣчаться съ нимъ всѣ тѣ положенія мѣстъ, тѣ рѣчки, ручьи, вершины и бугорки, которыхъ и званія не могло изъ памяти его истребить толь долговременное отсутствіе. Переходя оные называлъ онъ каждый изъ нихъ знакомымъ ему еще именемъ, и каждое привѣтствовалъ. Всѣ они были ему милы и казались глазамъ его имѣющими въ себѣ нѣчто пріятное и прелестное, а многія мѣста не могъ уже онъ и узнавать совсѣмъ, а особливо лѣса и рощи. Во время толь многихъ годовъ его отсутствія многія совсѣмъ иной видъ воспріяли. Тамъ, гдѣ при отшествіи его на войну были лѣса, находилъ уже онъ пашни и поля, а гдѣ низкіе кустарники и чепыжи были, тамъ высокія и большія рощи и заказы стояли. Однимъ словомъ, все ему казалось ново, мило и пріятно, но не зная, что въ домѣ его происходило, и кого онъ найдетъ, находился онъ между страхомъ и надеждою.

Передъ вечеромъ было то, какъ нашъ старикъ, изнемогшій отъ трудовъ и долговременнаго путешествія, въ пыли, въ поту, въ разодранномъ рубищѣ, съ котомкою за плечами, и съ посошкомъ въ рукахъ добрелъ до своихъ полей и тѣхъ мѣстъ, откуда хотя вдали, но могъ даже онъ свое жилище видѣть. Вострепетало сердце его при узрѣніи сего селенія, и вся душа взволновалась въ немъ. Онъ удвоилъ остатки своихъ силъ и спѣшилъ добраться до одного знакомаго ему еще бугорка, съ котораго можно было ему свой домъ видѣть и съ котораго, идучи на войну, онъ въ послѣдній разъ съ нимъ прощался. Онъ доходитъ туда. Но, увы! какое зрѣлище представляется его зрѣнію! Нигдѣ, нигдѣ не видитъ онъ своего дома и хоромъ, и глаза его тщетно ищутъ сего обиталища, которое ему до сего столь мило было, и которое онъ съ толикимъ вожделѣніемъ видѣть желалъ. Отъ сердца его власно какъ оторвалось тогда что-нибудь! Вся кровь взволновалась въ немъ при семъ печальномъ предвозвѣстіи и онъ едва-было на самомъ томъ мѣстѣ не упалъ, обезсилѣвъ. Однако нѣкоторый остатокъ надежды подкрѣплялъ еще его: «можетъ быть», говорилъ онъ самъ себѣ: «жена моя перенесла хоромы въ другое мѣсто;— можетъ-быть новый домъ и на другомъ

мѣстѣ построила!—Лѣтъ не мало прошло съ того времени, какъ я отлучился!—Поспѣшу вонъ на этотъ пригорокъ!... Оттуда уже явственнѣе все увижу и всю деревню обозрю!» Сказавъ сіе, и собравъ остатки силъ, поспѣшалъ сей, сѣдинами покрытый мужъ добраться до пригорка вожделѣннаго. Ноги его едва служить ему могли, колѣни его согибались противъ хотѣнія и никогда не былъ ему посошокъ его такъ нуженъ, какъ въ то время. Наконецъ достигаетъ онъ и до того пригорка и съ страхомъ и надеждою восходитъ на него и обозрѣваетъ вновь всю деревню. Но, увы! онъ и тутъ ничего не видитъ. Онъ ищетъ темнѣющими глазами своихъ хоромъ, но и слѣда хоромъ и дворянскаго дома не находитъ. Повсюду видны были только мужичьи хижины и дворы, а на мѣстѣ гдѣ онъ живалъ, былъ уже огородъ и росли конопли. Онъ и мѣста не узналъ-бы, если-бъ нѣкоторыя деревья, оставшіяся отъ бывшаго его и любезнаго ему садика, не дѣлали его примѣтнымъ. Однимъ словомъ, онъ не могъ болѣе никакъ сомнѣваться и все доказывало дома и жилища его совершенное уничтоженіе.

Тогда не могли уже ноги его болѣе на себѣ держать. Колѣна его подломились и онъ, изнемогши, рпнулся на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и слезы какъ градъ покатились изъ очей его. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ тутъ опершись на посошокъ и орошая оный слезами, и не былъ въ силахъ встать и продолжать путь свой.

Наконецъ пришло ему въ мысли, что можетъ-быть жена его умерла, и дочь вышла замужъ, или и она еще жива, но живетъ съ замужнею дочерью. Сія мысль ободрила его нѣсколько, и подала новый лучъ надежды и отрады... Въ сихъ помышленіяхъ видитъ онъ вдали человѣка приближающагося къ себѣ и возвращающагося въ домъ свой съ поля съ хлѣбопашеннымъ своимъ орудіемъ. «Подожду», сказалъ онъ тогда, «сего земледѣльца я къ себѣ, и услышу отъ него о судьбѣ моего дома и моихъ домашнихъ. Нельзя ему не знать, что съ нимъ и съ живущими въ немъ учинилось и какимъ случаемъ онъ совсѣмъ уничтожился».

По приближеніи сего человѣка показались ему черты и признаки его лица знаемы. Старикъ то былъ сѣдинами покрытый и хотя двадцатилѣтнее время много видъ его перемѣнило, но онъ вскорѣ призналъ, что сей человѣкъ принадлежалъ прежде ему и былъ самый тотъ, который при отъѣздѣ его изъ дома былъ старостою. Обрадовался нашъ старикъ, узнавъ и увидѣвъ сего знакомаго человѣка, однако имѣлъ столько терпѣнія и духа, что не открылъ тотчасъ о себѣ, но хотѣлъ видѣть узнаетъ-ли онъ его, и пользуясь неузнаніемъ, готовился распровѣдывать у него обо всемъ, и потому хотя съ нетерпѣливостію, но дожидался его къ себѣ.

Земледѣлецъ поровнялся противъ его и видя дряхлаго и престарѣлаго человѣка, неинако его счелъ какъ нищимъ, а будучи добросердечнымъ человѣкомъ, не могъ его пройтить мимо. «Старинушка!» сказалъ онъ ему: «небось ты, бѣдненькій, усталъ и сегодня еще не обѣдалъ?... Добреди, дружокъ, до моего двора и переночуй у насъ, мы тебя напоимъ и накормимъ».—«Спасибо, мой другъ!» отвѣтствовалъ опечаленный старикъ, и сказавъ сіе началъ собирать свои силы и вставать. Добродушный крестьянинъ, видя его дряхлость и изнеможеніе, подошедъ къ нему и помогши подняться, не хотѣлъ его покинуть, но самъ восхотѣлъ довесть его до двора.

На дорогѣ спрашивалъ онъ его, откуда и изъ какихъ мѣстъ онъ. — «Издалека, добрый человѣкъ»! отвѣтствовалъ нашъ старикъ «и болѣе двадцати лѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывалъ. И куда какъ у васъ всѣ мѣста здѣсь перемѣнились! И не узнаешь уже ихъ!.. Вотъ здѣсь, помнится мнѣ, стояли хоромы и былъ домъ господскій, а теперь и слѣда его нѣтъ! — «Да, старинушка! тутъ былъ домъ нашего прежняго боярина... Покойникъ-свѣтъ, дай Богъ ему царство небеспое! боярипъ былъ добрый и мы его очепь любили.»—«А нынѣ чьи же вы, добрый человѣкъ», спросилъ его нашъ путешествен-

никъ. «Племяпниковъ его, старипушка! которые живутъ вонъ въ эптой деревпѣ».— «Племянпиковъ его, подхватилъ изумившійся старикъ: но развѣ не осталось у него дѣтей? Мнѣ помнится, что опи у него были... Я какъ теперь ихъ вижу».— «Такъ, старипушка! Дѣти были, но всѣ на томъ свѣтѣ!.. Сыновья его побиты на войпѣ, самъ онъ тамъ же безъ вѣсти пропалъ, а бѣдную боярыню нашу разбойники разбили и до смерти замучили. А изъ дочерей его одна была замужемъ и умерла, а другая ноги отзнобила, бѣжавши отъ разбойниковъ, и оттого также на томъ свѣтѣ!.. И какъ никого не осталось, то такъ и перевелся этотъ домокъ и мы достались его племяпникамъ».

Легко можно заключить, что немногія сіи слова поразили несчастнаго старца, власно какъ громовымъ ударомъ. Не въ силахъ онъ былъ выслушивать далѣе хотящаго говорить добросердечнаго крестьянина. Колѣни его подломились и онъ воскликнулъ только: «О, Боже милосердный»! безъ памяти рпнулся на землю, и не въ состояніи былъ говорить болѣе; слезы какъ градъ покатились изъ очей его и вздохи послѣдовали за степаньями. Таковое явленіе удивило простодушнаго крестьянина. Опъ оробѣлъ сочтя, что старикъ опасно занемогъ, и стоялъ надъ пимъ въ изумленіи. «Что тебѣ, старипушка, сдѣлалось»? сказалъ опъ потомъ, примѣтя, что опъ нѣсколько опамятовался: «о чемъ ты, дружокъ, такъ плачешь и горюешь?— «О мой другъ! есть о чемъ мнѣ плакать и горевать», отвѣтствовалъ вздыхая и всхлипывая старикъ: Куда мнѣ теперь приклонить свою голову? всего того уже пѣтъ, чѣмъ бы могъ я веселиться — всей надежды я теперь лишился»!

Слова сіи невразумительны были для крестьянина, по онъ вскорѣ его вывелъ изъ сумленія сказавъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ пристальнѣе на него и не узнаетъ ли онъ въ немъ своего прежняго боярина?—«Ахъ батюшка Еремѣй Гавриловичъ! закричалъ узпавъ его крестьянинъ, и упалъ къ нему въ ноги,—въ живыхъ ли тебя, государя нашего, видѣть!.. Откуда ты это къ намъ взялся? Мы тебя, государь, давно уже поминаемъ и думали, что ты давпо на томъ свѣтѣ! Какъ это тебя Богъ спасъ и на святую Русь вынесъ? Пожалуй, батюшка, поцѣловать мнѣ свою ручку». — Старикъ не могъ тогда удержаться, чтобъ не удвоить своихъ слезъ и чтобъ не обпять своего старинпаго подданнаго; онъ облобызалъ его и обмочивъ вкупѣ лице его слезами, изъявляя радость, что нашелъ хотя его еще въ живыхъ и его незабывшаго.

Приключеніе сіе въ такое замѣшательство привело добросердечнаго сего крестьянина, что онъ не зналъ, что тогда ему съ господиномъ его дѣлать: и въ деревню бѣжать, и повозку для отвоза его къ себѣ въ домъ привесть ему хотѣлось, но не хотѣлось и утружденнаго и крайне опечаленнаго старика оставить одного на полѣ, пенаходящагося въ состояніи итти далѣе. Онъ озпрался кругомъ, не увидитъ ли кого пного, но не видя никого, усердіе превозмогло наконецъ. Онъ упросилъ его, чтобъ онъ на минуту посидѣлъ и отдохнулъ на томъ мѣстѣ, а самъ бросился въ деревню, и схватя первую телѣгу попавшуюся ему въ глаза, спѣшилъ обратно на помощь къ своему господину.

Между тѣмъ какъ сіе происходило и покуда они до деревни ѣхали, успѣлъ разнестись о приключеніи этомъ слухъ по всей деревпѣ. Семья того мужика разсыпалась по всѣмъ дворамъ, и встревожила всѣхъ жителей. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ и стекался народъ, и собирался ко двору того крестьянина, и множество было тогда сбѣжавшихся, какъ пріѣхали они въ деревню. Всякій спѣшилъ отчасти изъ усердія, отчасти изъ любопытства видѣть прежняго своего господина, и многіе отъ нетерпѣливости бѣжали ему па встрѣчу, и клапяясь изъявляли свою радость. А не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ многіе наперерывъ бросались его вынимать и цѣловать у него руки. Сколь старикъ ни былъ печалію отягощенъ, но не могъ чтобъ не чувствовать тогда нѣкоторой отрады. Онъ соединялъ тогда слезы горести съ слезами радости

и удовольствія, и не оставилъ никого изъ всѣхъ, кого бы не облобызалъ онъ и не обмочилъ слезами. Всѣ отъ мала до велика принуждены были къ нему подходить и всѣхъ старался онъ приласкать, колико было ему тогда можно. Многихъ засталъ онъ еще живыхъ, которыхъ зналъ, но большая часть была незнакомыхъ; отчасти родившихся послѣ его, отчасти такихъ, коихъ оставилъ онъ еще въ малолѣтствѣ, но всѣ до единаго были ему рады, и не могли на него насмотрѣться.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, бѣгалъ хозяинъ почти безъ памяти взадъ и впередъ, и суетился о скорѣйшемъ приуготовленіи милому своему гостю ужина. Все, что достатокъ крестьянскій лучшаго могъ снискать, сносимо и приуготовляемо было бабами, понуждаемыми то и дѣло кропочущимся старикомъ-хозяиномъ, а по изготовленіи, что могли въ скорости успѣть, приглашаютъ они утружденнаго старца, сажаютъ почти насильно ѣсть нехотящаго за столъ, окружаютъ оный толпами и просятъ, чтобы покушалъ и не прогнѣвался на худую пищу.

Сколь мало и имѣлъ старикъ охоты къ пищѣ, но принужденъ былъ сдѣлать имъ удовольствіе, а между тѣмъ суетился ужъ самъ хозяинъ о приуготовленіи ему мѣста для отдохновенія. Хозяйки принуждены были сломя голову бѣгать и приготовлять все, что къ тому было потребно. Уже все было готово, и уже начали приглашать старика, чтобъ онъ далъ утружденнымъ членамъ своимъ отдохновеніе, какъ появились его племянники и тогдашніе владѣльцы его имѣнія. Нечаянный и власно какъ нарочный случай, доставилъ до нихъ слухъ о возвращеніи ихъ дяди изъ полону, скорѣй нежели могъ кто думать. Одинъ ихъ человѣкъ, случившійся въ самое то время тутъ въ деревнѣ, какъ его привезли, бросился опрометью съ извѣстіемъ о томъ къ своимъ господамъ; а они не успѣли услышать и въ томъ удостовѣриться, какъ бросились на лошадей и поскакали опрометью къ своему дядѣ, котораго съ младенчества еще любили и почитали.

Свиданіе ихъ съ нимъ было нѣжно и таково, которое не можетъ никакъ описано быть. Слезы съ обѣихъ сторонъ имѣли наивеличайшее участіе въ ономъ. Они не могли съ нимъ довольно наговориться и не хотѣли никакъ допустить, чтобъ онъ остался ночевать въ крестьянскомъ домѣ. Коляска по повелѣнію ихъ пріѣхала вскорѣ за ними, и хотя утружденному и къ трудамъ и худой постели привыкшему уже старцу, пріятнѣе бы было остаться и взять скорѣе покой тутъ, но не могъ онъ отказать на усильныя просьбы и лишить удовольствія семьи и домашнихъ племянниковъ своихъ, чтобъ видѣть себя еще въ тотъ же вечеръ.

Тутъ принужденъ онъ былъ опять вновь плакать и непринужденно соотвѣтствовать тѣмъ, которые его съ радостными слезами встрѣчали и были ему какъ отцу рады. Сіе много помогло ему перенесть съ великодушіемъ печаль, которую имѣлъ онъ о потеряніи жены и обѣихъ дочерей своихъ. Онъ благодарилъ Бога, что не всѣхъ еще родныхъ лишился, но видитъ столь многихъ столькожъ ему радующихся, какъ дѣтей отцу своему.

На другой день извинялись племянники его предъ нимъ въ томъ, что во владѣніе его имѣніемъ вступили, и что не чая его быть въ живыхъ, перевезли домъ и строеніе его въ свое жилище и тамъ дворъ его уничтожили. Но онъ никогда не почиталъ ихъ въ томъ виноватыми, но давно уже оправдалъ ихъ въ своемъ сердцѣ, и доволенъ былъ тѣмъ, что они крестьянъ его не разорили, но заставили себя также любить, какъ они его любили. Но какъ стали они съ великою охотою возвращать его имѣніе и усильно просить, чтобъ онъ по прежнему вступилъ во владѣніе своей деревни и выбралъ для жилища своего любое жило въ ихъ дворѣ, которое хотѣли они перевесть и гдѣ прикажетъ онъ поставить, то онъ поступилъ далѣе и будучи ласкою пріязнію ихъ доволенъ, имъ сказалъ: «Не хочу я сего и никакъ не соглашусь на вашу просьбу... вѣкъ мой уже коротокъ и жить мнѣ на свѣтѣ осталось уже не

долго! къ чему мнѣ вступать въ такія хлопоты и поднимать труды, силамъ моимъ несоразмѣрные!. Проводивъ столько лѣтъ въ неволѣ и въ рабствѣ, позабылъ уже я какъ и управлять другимм. Мнѣ теперь всему учиться надобно. Но кому мнѣ прочить и для кого трудиться?.. Кто остался у меня на свѣтѣ, кромѣ васъ, друзей моихъ?.. Всевышнему угодно было лишить меня жены и дѣтей и дозволить вамъ заступить ихъ мѣсто, будьте же вы оными въ самомъ дѣлѣ. Не хочу отнимать у васъ то, что даровало вамъ небо, но не хочу и оставить васъ и дѣтей вашихъ. Сіе утѣшеніе осталось мнѣ въ жизни. Хочу окончить жизнь мою у васъ, не мѣшая ни мало вамъ въ правленіи моими деревнями; владѣйте ими, мои други, а меня кормите и пойте, покуда буду жить и погребите кости мои, когда умру и переселюсь въ вѣчность. А до тѣхъ поръ можетъ найдется праздный уголокъ въ вашемъ домѣ, гдѣ-бъ я могъ изнемогшимъ членамъ моимъ давать отдохновеніе и приносить молитвы мои Господу. Можетъ быть, не помѣшаю я вамъ ни мало и не наскучу».

Излишнее будетъ, если мнѣ описывать теперь тѣ чувствія, какія имѣли тогда его племянники и мои предки; они были неудобь изобразимыя перомъ, и преисполнены наинѣжнѣйшею благодарностію. Они и подлинно соотвѣтствовали таковой поступкѣ стариковой достойнымъ образомъ и не только кормили, поили, покоили и одѣвали его до смерти, но не иначе почитали и любили его, какъ отца, и имѣли о немъ попеченіе. Онъ прожилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ въ совершеннѣйшемъ спокойствіи, и окончилъ жизнь благодаря Бога, что онъ при концѣ оной допустилъ его наслаждаться покоемъ и лишивъ его родныхъ даровалъ другихъ дѣтей, отъ которыхъ онъ не могъ лучшей и совершеннѣе той любви и почтенія требовать, какое они ему оказывали.

Вотъ, любезный пріятель, повѣсть, которая передана мнѣ помянутою старушкою, моею родственницею *). Она, доживъ до глубочайшей старости, запомнила еще того честнаго старика, и была тогда ребенкомъ, когда онъ возвратился и у нихъ жилъ въ домѣ, и разсказывала мнѣ все сіе происхожденіе неоднократно.

Теперь не знаю, не наскучилъ ли я вамъ, любезный пріятель, своимъ болтаніемъ; письмо мое слишкомъ велико, но мнѣ не хотѣлось прервать повѣсть, но какъ теперь она уже вся, то окончивъ остаюсь, и прочая.

ИСТОРІЯ БЛИЖНИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Письмо 3-е.

Любезный пріятель!

И для прочтенія сего письма нужно вамъ небольшое терпѣніе, ибо и въ ономъ не начну еще я разсказывать вамъ собственную мою исторію, а наполню все оное краткимъ повѣствованіемъ о прочихъ моихъ и ближайшихъ предкахъ, которое хотя и не таково любопытно будетъ какъ предъслѣдующее: но вы уже должны быть онымъ довольными, ибо мнѣ не выдумать-стать любопытныя и такія исторіи, которыя-бы читать было пріятно, если таковыхъ въ самомъ дѣлѣ не происходило! Сего я думаю и сами вы не потребуете.

Итакъ, возвращаясь къ моимъ предкамъ, скажу, что о прапрадѣдѣ моемъ, Осипѣ Ерофѣевичѣ Болотовѣ, не имѣю я почти никакого свѣдѣнія. А то только знаю, что умеръ онъ въ молодыхъ лѣтахъ и съ вышеупомянутыми братьями его, Кириломъ и Ерофѣемъ, жилъ уже въ одно время оставшій послѣ его сынъ, а мой прадѣдъ, Ларіонъ Осиповичъ, а ихъ родной племянникъ.

О семъ прадѣдѣ моемъ также ничего мнѣ болѣе неизвѣстно, кромѣ того, что

---

*) Она называлась Варварою Матвѣевною, бывшая замужемъ за Темирязовымъ, и дочь Матвѣя Кириловича Болотова.

онъ жилъ уже особо отъ дядей своихъ и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ я живу; также, что былъ онъ великій дѣлецъ по приказнымъ дѣламъ, имѣлъ пословицу, реку и хаживалъ еще въ бородѣ. Впрочемъ сказываютъ, былъ онъ человѣкъ неуступчивый и не скоро себя давалъ въ обиду. Почему и въ тогдашнее еще время было между обоими нашими домами, то есть домомъ прадѣда моего и Кирила Ерофѣевича временемъ не очень согласно. Далѣе, имѣемъ мы отъ сего прадѣда моего и понынѣ еще одну антику, доказывающую вкусъ тогдашнихъ временъ и вкупѣ раченіе его о церкви, ибо рѣзныя и вызолоченныя царскія двери въ нашей приходской церкви, въ селѣ Русятинѣ были его построенія, какъ то изъ надписи на нихъ и понынѣ еще видно.

Обоимъ симъ старикамъ наслѣдовали дѣти ихъ. Послѣ Кирилы остался сынъ Матвѣй, а послѣ Ларіона дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ, а Матвѣевъ двоюродный племянникъ, но съ тою-жъ опять разницею, что дѣдъ мой остался послѣ прадѣда моего очень молодъ и еще въ самомъ младенчествѣ, а Матвѣй Кириловичъ былъ уже на возрастѣ. Натура раздѣлила оба сіи домы чудпымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельные и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилины гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обоихъ сихъ домовъ изстари были несогласны между собой. Наши предки были добродушны, откровеннѣе, чистосердечнѣе, дружелюбнѣе, а тѣ скромнѣе или прямѣе сказать, лукавѣе и неприступнѣе, почему и самое господствующее иногда между ими согласіе было только наружное и притворное, по которой причинѣ нашимъ не безъ обидъ съ той стороны иногда бывало.

Не успѣлъ дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ придти въ возрастъ, какъ началось въ войскѣ нашемъ регулярство, слѣдовательно, и онъ служилъ уже въ регулярныхъ войскахъ и былъ офицеромъ. Онъ женился на одной дворянской дѣвушкѣ фамиліи Бабиныхъ, и взялъ въ приданое за нею двѣ деревнишки, которыя были хотя очень не велики, однако по тогдашнимъ обстоятельствамъ очень важны, а особливо потому, что самъ дѣдъ мой былъ человѣкъ не богатый. Все его имѣніе состояло въ нѣсколькихъ крестьянахъ, живущихъ въ той деревнѣ, гдѣ мы нынѣ живемъ, да въ нѣсколькихъ крестьянахъ, доставшихся на его долю изъ владѣнія помянутаго несчастнаго старика Еремѣя Гавриловича, въ деревнѣ Болотовѣ, въ которыхъ обоихъ мѣстахъ не думаю чтобъ душъ 50 за нимъ было. Изъ сихъ взятыхъ за женою своею въ приданое деревень, одна была въ Каширскомъ уѣздѣ и называлась Бурцово, которая дошла до рукъ моихъ, и я ее перевелъ уже въ другое и лучшее мѣсто; а другая въ Епифанскомъ уѣздѣ и называется и попынѣ Бабинкою, и которою я и по днесь владѣю.

Бабка моя, а его жена называлась Екатерина Григорьевна и объ ней слышалъ чудное повѣствованіе. Было ихъ у отца три дочери, сія Екатерина, другая Лукерья, выданная за Арсеньева, а третья Аѳимья, бывшая въ замужствѣ за Тутолминымъ, дѣдомъ нынѣшняго Архангелогородскаго намѣстника. Нѣкогда, какъ бабка моя была еще въ дѣвкахъ, случилось притти къ нимъ одному монаху, странствующему и собирающему милостыню изъ земли обѣтованной. Любопытству подвержены были люди во всѣ времена. Бабка моя, бывшая тогда еще въ дѣвкахъ, показывала ему руку и требовала предсказанія, ибо онъ угадывалъ многимъ и былъ хиромантикъ. Вопросъ клонился болѣе къ тому, долго-ли жить, и быть-ли замужемъ? Старецъ, посмотрѣвъ, сказалъ ей удивительное предсказаніе, а именно, что ежели хочетъ она долго жить, то не ходила-бъ замужъ, буде же пойдетъ, то жизнь ея только пять лѣтъ продлится.

Послѣдствіе доказало, что предсказаніе сіе было очень справедливо. Какъ онъ сказалъ, такъ и сдѣлалось. Ее выдали еще въ тотъ самый годъ замужъ, и она

жила съ нимъ дѣйствительно пять лѣтъ и родила только двухъ сыновей, которые и остались живы. Одинъ изъ нихъ былъ Тимоѳей и самый тотъ, которому я рожденіемъ моимъ обязанъ, а другой Матвѣй, оставшійся послѣ матери самымъ младенцемъ и еще у груди. Дѣдъ мой находился тогда въ службѣ какъ она умерла, почему взяла дядю моего къ себѣ тетка его, а ея сестра Лукерья Григорьевна, бывшая уже замужемъ, и воспитала своею грудью. Изрядный примѣръ бывшаго между сестрами сими согласія и любви совершенной.

Жизнь дѣда моего продолжалась также не долго. Онъ дослужился маіорскаго ранга и умеръ наконецъ въ Ригѣ, и погребенъ въ церкви Алексѣя человѣка Божія; дѣти его были тогда при немъ и отецъ мой былъ уже записанъ въ службу и едва ли уже не офицеромъ. Какъ около сихъ временъ отечество наше, подъ премудрымъ правленіемъ славнѣйшаго въ свѣтѣ государя Петра Великаго, начало изъ прежняго невѣжества выходить, и часъ отъ часу просвѣщаться, то и дѣдъ мой воспиталъ дѣтей своихъ не по примѣру своихъ предковъ, но гораздо лучше; онъ отдалъ ихъ въ Ригѣ въ нѣмецкую школу, и выучилъ ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, что послѣ отцу моему служило въ великую пользу. .

По кончинѣ отца своего продолжалъ отецъ мой военную службу. Братъ его послѣдовалъ ему въ томъ же, да инако въ тогдашнія времена было и не можно, ибо всѣ дворяне должны были служить, почему вступили въ тоже время и дѣти Матвѣя Кириловича въ службу, которыхъ было четверо: Семенъ, Богданъ, Никита и Еремѣй. Они служили всѣ въ разныхъ полкахъ, а не вмѣстѣ, и всѣ подвержены были разнымъ жребіямъ. Изъ помянутыхъ четырехъ братьевъ, внучатныхъ дядьевъ отцу моему, одинъ только остался живъ, а трое прочіе лишились разными случаями жизни. И Никита былъ тотъ, которому судьба назначила прожить до глубокой старости и быть отцу моему, а потомъ и мнѣ современникомъ.

Что касается до моего отца, то служилъ онъ въ гренадерскомъ Лессіевомъ полку, который послѣ переименованъ Бѣлозерскимъ, подпоручикомъ. Изъ сего полка, при случаѣ сочиненія третьяго гвардейскаго полка взятъ былъ тѣмъ же чиномъ въ Измайловскій полкъ, въ которомъ служилъ онъ до 1740 года, и почти до самаго того времени, какъ я родился.

Во время сей своей службы бывалъ онъ во многихъ посылкахъ и походахъ, а особливо въ турецкихъ съ фельдмаршаломъ Минихомъ, и дослужился наконецъ въ гвардіи до капитанскаго чина. Одинъ изъ славныхъ нашихъ Бироновъ любилъ его особливымъ образомъ, и онъ былъ у него въ милости. Впрочемъ служба его счастливо продолжалась. Онъ не навелъ себѣ никакого нареканія, былъ всѣми любимъ и почитаемъ и не бывалъ никогда въ штрафахъ и подъ судами.

Одну изъ его посылокъ почитаю я всѣхъ достопамятнѣе, ибо досталась мнѣ отъ того вещь для меня весьма драгоцѣнная. Не подумайте, чтобъ онъ что-нибудь во время сей посылки нажилъ. Нѣтъ, любезный пріятель! отецъ мой не таковъ былъ сродства, чтобъ неправеднымъ образомъ что-нибудь себѣ наживать. Вся достопамятность состоитъ только въ томъ, что я нашелъ одинъ ордеръ данный отцу моему отъ Петра Великаго, сего славнаго и безпримѣрнаго въ свѣтѣ монарха, подписанный собственною его рукою. Мой отецъ былъ въ то время еще армейскимъ подпоручикомъ и посланъ былъ изъ Риги отъ самаго Государя, для отвоза женцовъ нѣмецкихъ въ наши степныя мѣста. И сіе-то письмецо почитаю я тою драгоцѣнною для меня вещью, хотя она въ самомъ дѣлѣ ничего не стоитъ.

Вся сія долговременная служба не принесла отцу моему много прибыли. Онъ принужденъ былъ жить однимъ почти жалованьемъ, ибо отъ малыхъ своихъ деревень, полученныхъ въ наслѣдіе послѣ отца своего, а моего дѣда, не могъ онъ получать знатныхъ доходовъ; а сверхъ того не имѣлъ никогда и случая жить въ нихъ, а пріѣзжалъ временно и на са-

мое короткое время въ деревню, слѣдовательно не имѣлъ способа о приведеніи оныхъ въ лучшее состояніе стараться. Вся прибавка состояла только въ томъ, что онъ взялъ за женою своею, а моею матерью, небольшую деревнишку, или прямѣе сказать одинъ только дворъ въ Чернскомъ уѣздѣ въ приданое, да сдѣлалъ основаніе маленькой деревеньки въ Шацкомъ уѣздѣ.

Мать моя была фамиліи Бакѣевыхъ, внука живущаго неподалеку отъ насъ одного каширскаго дворянина. Отецъ ея назывался Степанъ Гаврилычъ и служилъ въ Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку маіоромъ, а послѣ въ рижскомъ гарнизонѣ полковникомъ и прославился при одномъ случаѣ, во время шведской войны, а именно при взятіи 4-хъ фрегатовъ, въ которое морское сраженіе, будучи съ полкомъ своимъ на галерахъ, взялъ онъ шведскаго Шутбенахта въ полонъ своими руками. За сіе пожалована была ему отъ государя Петра Великаго золотая медаль съ цѣпью, и записано было имя его въ журналѣ сего великаго монарха.

Какъ былъ онъ завсегда въ службѣ, то жила дочь его, которая называлась Маврою, съ своей матерью у его отца Гаврилы Прокофьевича Бакѣева, въ деревнѣ, который и выдалъ ее безъ отца за моего родителя. Приданое ея было по тогдашнимъ временамъ очень не велико, но надежда та была, что она была одна у отца дочь, слѣдовательно, всему имѣнію наслѣдница, что послѣ и сдѣлалось, ибо какъ дѣдъ мой Степанъ Гавриловичъ умеръ, то получилъ отецъ мой во владѣніе свое то сельцо Калитино, гдѣ былъ ихъ домъ, да другую деревню Тулеино, лежащую по близости къ нашей деревнѣ и весьма намъ подручную.

Какъ деревни отца моего симъ образомъ съ одной стороны пріумножались, такъ убавилось потомъ нѣсколько ихъ по другому случаю. Я уже упомянулъ, что у отца моего былъ родной братъ Матвѣй Петровичъ. Сей жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ и будучи уже великъ, женился на дѣвушкѣ изъ фамиліи Резанцовыхъ. Желаніе ихъ было раздѣлить между собою отцовское наслѣдство, но сего учинить не можно было по тогдашнимъ законамъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ пунктовъ, и по силѣ которыхъ старшій братъ долженствовалъ быть одинъ наслѣдникомъ. Но какъ въ самое то время сіи пункты отмѣнены и дозволено было дѣлиться, то отецъ мой первый подалъ о томъ челобитную и просилъ о раздѣлѣ не для какой ссоры, а единственно для любви къ брату и для убѣжанія отъ несогласія, что и учинилось въ самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ раздѣлился домъ нашъ на-двое, и пошло особливое поколѣніе. Дядя мой построился шаговъ со сто отъ насъ въ особливомъ мѣстѣ, а отецъ мой остался въ старомъ домѣ. Деревня же и люди отцовскіе раздѣлены были во всѣхъ мѣстахъ пополамъ.

Дѣтьми былъ отецъ мой не гораздо счастливъ. Онъ имѣлъ хотя многихъ, но не имѣлъ того, чего желалъ, то-есть живого сына. Изъ дочерей его осталось двѣ живущихъ. Одну и старшую мою сестру звали Прасковьею, а другую Маѳою. Но небо даровало ему наконецъ сына, и назначивъ меня жить, восхотѣло сдѣлать ему при старости утѣшеніе.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, начало моей исторіи, или паче начало исполненія вашего желанія. Довольны ли вы тѣмъ будете? — Въ сихъ письмахъ описалъ я все, что нашелъ упомянуть о происхожденіи нашей фамиліи, о моихъ предкахъ, и о бывшихъ до меня происшествіяхъ и обстоятельствахъ, а въ будущемъ начну уже разсказывать собственную мою исторію, со дня моего рожденія; а между тѣмъ остаюсь, и прочая.

ИСТОРІЯ МОЕГО МЛАДЕНЧЕСТВА.

Письмо 4-е.

Любезный пріятель!

Вотъ теперь дошелъ я и до собственной своей исторіи. Я начну оную съ са-

маго дня моего рожденія, дня достопамятнаго въ моей исторіи и ознаменованнаго однимъ рѣдкимъ и примѣчанія достойнымъ происшествіемъ; однако надобно примолвить, что не на небѣ и не во всемъ свѣтѣ, а въ господской только нашей вотчинѣ, маленькой деревнишкѣ Дворянинове или лучше сказать, въ одной спальнѣ моей матери. Происшествіемъ не столько удивительнымъ, сколько страннымъ и столь смѣшнымъ, что оное заставило мать мою, въ самыя опасныя минуты своихъ родовъ, и несмотря на всю свою болѣзнь, смѣяться, и которое власно какъ служило нѣкоторымъ предвозвѣстіемъ тому, что я въ теченіи жизни моей не столько печальныхъ, горестныхъ и скучныхъ, сколько спокойныхъ, веселыхъ и радостныхъ минутъ имѣть буду!.. И буде это такъ, то я очень обязанъ за то моей бабушкѣ-повитушкѣ, которая ко всему тому подала поводъ и мать мою разсмѣшила.

«Какъ это такъ! скажете вы; конечно была она какая-нибудь проказа»?—Нѣтъ! право нѣтъ! любезный пріятель! Она была старуха добрая; старуха богомольная, старуха честная; старуха большая; старуха толстая *); однимъ словомъ, старуха всѣмъ хороша и я ее, будучи маленькой, очень любилъ и часто объ ней плакивалъ, потому что она была моя мамка, а что она проказу сдѣлала, тому не она, а полъ виноватъ. Ибо виновата ли она, что полъ разсохся и ея крестъ увязъ въ трещинѣ?—«Какъ это»?—спросите вы, — а вотъ какимъ образомъ.

Какъ случилось мнѣ родиться ночью послѣ полуночи, то не было никого въ той комнатѣ, кромѣ одной сей бабушки старушки да моей матери. Мать моя сидѣла на постелѣ, а старушка молилась Богу и клала земные поклоны. Вы вѣдаете, какъ старухи обыкновенно молятся. Гдѣ-то руку заведетъ, гдѣ-то на плечо положитъ; гдѣ-то на другое, гдѣ-то нагнеться, гдѣ-то наклонится; и гдѣ-то начнетъ подниматься съ полу и гдѣ-то встанетъ; однимъ словомъ, въ одномъ поклонѣ болѣе минуты пройдетъ. Но представьте себѣ, какой странный случай тогда сдѣлался!—Въ самую ту минуту, какъ назначено было мнѣ свѣтъ увидѣть, бабушка отправляла свой поклонъ и была нагнувшись, и въ самый тотъ моментъ попади крестъ ея въ щель на полу между разсохшихся досокъ и тамъ перевернись ребромъ, что его ей вытащить никакъ было не можно. — Мать моя начала кричать и звать ее къ себѣ, а она «постой, матушка» говоритъ, «погоди немножко! крестъ зацѣпилъ, не вытащить».—И между тѣмъ барахталась на полу головою и руками. Вытянуть его было не можно, перервать также; — гайтанъ не рвется, крѣпокъ; — вздумала его скидывать съ головы. — Но чтожъ, еще того хуже сдѣлала. Голова не прошла, а только увязла и привязалась къ полу! — что́ оставалось тогда дѣлать, и не смѣшное ли приключеніе? Мать моя разсказывала потомъ часто, что она не могла отъ смѣха удержаться видя сію проказу, и слыша усиленныя ея просьбы, чтобъ немного погодила, ибо въ ея ли власти было погодить.

Ежели спросите, какимъ же образомъ она освободилась, то скажу, что на крикъ ихъ проснулась и прибѣжала еще баба и гайтанъ принуждена была разрѣзать. И по счастію, поспѣла бабка къ исправленію своей должности.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, первое смѣшное приключеніе, случившееся еще при самыхъ моихъ родахъ. Но теперь возвращусь я къ порядку моей исторіи.— Я родился въ 1738 г. октября въ 7 день, что случилось тогда въ субботу. Мѣсто моего рожденія есть самое то, гдѣ я нынѣ живу.—Отца моего въ то время не было дома, какъ я родился. Онъ находился въ Нѣжинѣ, одномъ украинскомъ городкѣ, гдѣ тогда полки по возвращеніи изъ турецкаго похода стояли *). Онъ былъ очень радъ получивъ извѣстіе сіе чрезъ полто-

*) Она называлась Соломонидою и была мать прикащика моего Григорія Ѳомина, у котораго былъ сынъ Абрамъ, бывшій со мной въ походѣ.

*) Откуда и мать моя въ преднедавнее время и беременная мною домой отъ него пріѣхала.

ра мѣсяца. Крестины мои отправлялись обыкновеннымъ у насъ въ деревняхъ образомъ. У меня было два отца и двѣ матери крестныхъ,—всѣ родственники и пріятели моихъ родителей. Одинъ изъ нихъ былъ господинъ Раевскій, по имени Иванъ Артемьевичъ, а другой господинъ Ладыженскій, по имени Иванъ Леонтьевичъ. Кумы же двѣ старушки наши родственницы и мнѣ бабки: Арина Савична и Авдотья Борисовна, жена сосѣда нашего Матвѣя Кириловича Болотова.

О самомъ первомъ періодѣ моей жизни или о времени перваго моего младенчества много говорить мнѣ о себѣ нечего, ибо со мною не происходило ничего особливаго, и сказать развѣ только то, что воспитывали меня съ особливымъ стараніемъ и берегли какъ порохъ въ глазѣ, но тому и дивится не можно. — Мать моя была уже негораздо молода, и дѣтей болѣе родить уже не надѣялась, а сына не одного еще живого не имѣла. Всѣ бывшіе до меня умирали въ самомъ еще младенчествѣ, слѣдовательно, имѣла она причину опасаться, чтобъ и со мною того же не сдѣлалось, а особливо потому, что я съ самаго младенчества подверженъ былъ многимъ болѣзненнымъ припадкамъ, почему легко можно заключить, что жизнь моя была обоимъ родителямъ моимъ гораздо нужна и драгоцѣнна. Но могли-ль бы они всѣми трудами и всѣми стараніями своими оную сохранить, еслибъ небо того непохотѣло? Но сіе назначило меня къ тому, чтобъ жить и потому сохранило отъ всѣхъ опасностей, которымъ мы въ младенчествѣ своемъ ежеминутно бываемъ подвержены.

Года два послѣ рожденія моего жила мать моя со мною и съ обѣими моими сестрами дома, ибо родитель мой былъ въ сіе время во многихъ отлучкахъ. Въ послѣдующій 1739 годъ ходили они въ послѣдній турецкій походъ, гдѣ марта 5-го пожалованъ онъ былъ гвардіи старшимъ капитаномъ, а августа 17 дня былъ онъ на случившемся въ Молдавіи на рѣчкѣ Шуланцѣ сраженіи и при взятіи города Хотина, гдѣ благополучно сохранился.

Какъ сей походъ былъ послѣдній въ тогдашнюю турецкую войну, то возвратилась армія въ Россію и отецъ мой прибылъ зимою съ гвардейскимъ баталіономъ въ Петербургъ, заѣхавъ напередъ въ деревню и побывъ въ ней самое короткое время.

Не успѣлъ онъ въ помянутый столичный городъ возвратиться, какъ объявленъ былъ заключенный миръ съ турецкимъ государствомъ и отецъ мой отправленъ былъ съ объявленіемъ о томъ въ нѣкоторыя отдаленныя провинціи нашего государства, лежащія въ сторону къ Сибири. Сія посылка была ему не убыточна, ибо извѣстно то обыкновеніе, что присылаемые съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ получаютъ отъ жителей тѣхъ мѣстъ многіе подарки и приносы, и я имѣю и понынѣ нѣкоторыя, а особливо фарфоровыя вещи, привезенныя имъ изъ Соликамска, гдѣ ему тогда быть случилось.

Вскорѣ послѣ возвращенія отца моего оттуда, а именно октября 17 дня 1740 г. воспослѣдовала кончина императрицы Анны Іоанновны. Я не буду упоминать о тѣхъ замѣшательствахъ, которыя тогда при избраніи наслѣдниковъ у насъ въ государствѣ происходили, ибо мнѣ о томъ знать было не можно, къ тому жъ ихъ весь свѣтъ довольно знаетъ. При возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны находился отецъ мой уже въ полевыхъ полкахъ, ибо его выпустили между тѣмъ изъ гвардіи, пожаловали полковникомъ и дали ему Архангелогородскій пѣхотный полкъ.

Сія перемѣна привела обстоятельства наши въ иное состояніе; отецъ мой находился съ того времени почти безпрестанно при полку, а и мы жили также по большей части при немъ.

Такимъ образомъ началъ мой отецъ мало-по-малу приходить въ честь. Онъ и дѣйствительно чрезъ хорошіе свои поступки и умное поведеніе сдѣлался извѣстнымъ. Однимъ словомъ, его почитали человѣкомъ должность свою довольно знающимъ, и заведенныя имъ въ полку порядки доказывали его способность. Еще

находясь въ гвардіи нажилъ онъ себѣ многихъ хорошихъ пріятелей. а особливо жилъ онъ въ великой дружбѣ съ однимъ придворнымъ генераломъ господиномъ Шепелевымъ. Однимъ словомъ, всѣ знатные были ему благосклонны, а между оными любилъ и почиталъ его и самъ командующій тогда арміею фельдмаршалъ Лессій.

Мы принуждены были слѣдовать повсюду за отцемъ моимъ и я, размышляя о томъ часто, самъ тому дивился, что съ рожденія моего никогда долгое время на одномъ мѣстѣ не живалъ. Не успѣлъ отецъ мой полкъ принять, какъ взялъ онъ насъ къ себѣ въ полкъ, стоявшій тогда неподалеку отъ Нарвы, въ селеніи называемомъ Наровскъ. Вскорѣ послѣ того пошелъ онъ съ полкомъ въ другое мѣсто и мы принуждены были слѣдовать за нимъ, — а симъ образомъ съ мѣста на мѣсто переходя, нигдѣ онъ долгое время на одномъ мѣстѣ не стоялъ, что причиною было, что и мы съ нимъ всюду и всюду таскались.

Между тѣмъ, бывали мы съ матерью моею нѣсколько разъ и въ домѣ нашемъ, а особливо какъ вскорѣ потомъ началась у насъ война съ Шведами, и отецъ мой, идучи въ походъ съ полкомъ своимъ на галерахъ, принужденъ былъ отпустить насъ въ деревню изъ Эстляндіи. Мнѣ шелъ тогда уже пятый годъ, а большой моей сестрѣ семнадцатый, а другой тринадцатый, ибо первая родилась въ 1725, а другая въ 1730 году. Я былъ самый меньшой и дѣйствительно послѣдній.

Что касается до начала воспитанія моего по отнятіи отъ кормилицы, то было оно обыкновенное. Превеликая нѣга слѣдуетъ всегда за любовью, которую матери имѣютъ къ своимъ дѣтямъ. Мать моя крайне меня любила, и не оставляла всякимъ образомъ нѣжить, чрезъ что допустила вкорениться во мнѣ многимъ худымъ привычкамъ. Упрямство было первое, которое тогда корень свой и пустило, умалчивая о прочихъ. Блаженны дѣти, о коихъ родители ихъ въ самомъ младенчествѣ о нихъ пекутся, и о исправленіи ихъ нравовъ стараніе прилагаютъ.

Что касается до того пункта времени, съ котораго началъ я самъ себя познавать и сколько-нибудь помнить, то не могу оный въ точности означить, а только то знаю, что до 1744 г. память моя была еще мала и безпорядочна. Я хотя и помню много кой-чего бывшаго до сего времени, но безъ всякой связи и все клочками, и только то, чему случилось тверже впечатлѣться въ мою память, какъ, напримѣръ, памятую я, какъ сквозь сонъ, какъ мы съ полкомъ стояли въ Наровскѣ и какъ я ѣзжалъ тутъ въ салазкахъ на козлѣ для принимапія будто отъ компсара жалованья, и получалъ по нѣсколько копѣекъ; также какъ мы съ меньшою моею сестрою однажды въ отсутствіе родителя забрались въ его комнату и возжелали посмотрѣть, какъ идутъ карманные часы его, но были столь неосторожны, что оныя уронивъ разбили на нихъ стекло, и какъ сестра моя за то принуждена была терпѣть наказаніе, да и меня едва было не высѣкли. Также памятно мнѣ, какъ мы стояли въ Эстляндскомъ мѣстечкѣ Гапсалѣ въ одномъ каменномъ домѣ, котораго образъ и фигуру какъ теперь вижу, и какъ случалось мнѣ тутъ быть въ одной пустой нѣмецкой киркѣ и видѣть несогнившее тѣло одного человѣка, погребеннаго лѣтъ за сто, и о которомъ говорили тогда, якобъ онъ былъ проклятъ. Далѣе, какъ я тутъ зимою съ родителями ѣзжалъ по городу кой-куда въ саняхъ въ гости, и сматривалъ на бывшую тогда на небѣ звѣзду съ хвостомъ или комету и проч., но когда что было, и что за чѣмъ слѣдовало, того никакъ въ памяти моей сообразить не могу.

Наконецъ, вскорѣ по возвращеніи полка нашего изъ шведскаго похода, и по заключеніи съ короною шведскою мира, воспослѣдовала въ государствѣ нашемъ вторичная всему народу перепись, или вторая ревизія. При семъ случаѣ отца моего опредѣлили ревизовать Псковскую провинцію. Итакъ, принужденъ онъ былъ оставить полкъ и во Псковъ отправиться, куда къ нему и мы изъ деревни пріѣхали.

Но какъ съ самаго сего времени началась моя память и я уже помню все происходившее порядочно, а не такъ какъ прежде клочками, то окончивъ опять мое письмо, сдѣлаю чрезъ то нѣкоторое отдѣленіе и пожелавъ вамъ всѣхъ благъ,

остаюсь и прочая.

ПРИ РЕВИЗІИ ВО ПСКОВѢ.

Письмо 5-е.

Любезный пріятель!

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что отецъ мой опредѣленъ былъ ревизоромъ во Псковъ, и что мы къ нему туда изъ деревни пріѣхали. Теперь продолжая повѣствованіе мое скажу, что во время сего пребыванія нашего во Псковѣ у ревизіи, происходили съ нами многія и разныя приключенія. Не успѣли мы изъ деревни пріѣхать, что случилось въ 1744 году, какъ однимъ нечаяннымъ случаемъ лишился-было я моей матери. Она была очень слаба головою, особливо въ случаѣ угара, а тутъ въ каменной нашей квартирѣ такъ она однажды угорѣла, что упала безъ чувствъ и безъ памяти, и всѣ почитали ее уже умершею. Плачъ, крикъ, стонъ и вопль поднялся тогда во всемъ нашемъ домѣ, особливо отъ сестеръ моихъ: ее вынесли и положили на снѣгъ, и къ великому обрадованію нашему, хотя съ великимъ трудомъ, но оттерли, наконецъ, снѣгомъ. Каковъ для меня былъ сей случай по тогдашнему малолѣтству, всякому легко вообразить себѣ можно.

Вскорѣ послѣ того принужденъ я былъ переходить важную и опасную переправу человѣческой жизни, то-есть лежать въ оспѣ. По счастію была она хороша и я освободился отъ ея свирѣпства, съ которымъ она такъ великое множество бѣдныхъ дѣтей пожираетъ. Товарищъ ея корь не преминулъ такъ-же меня посѣтить, и я принужденъ былъ и его вытерпѣть.

Не успѣлъ я сіи болѣзни перенесть, какъ началъ мой отецъ помышлять объ обученіи меня грамотѣ. Мнѣ шелъ уже тогда шестой годъ, слѣдовательно, былъ я мальчикъ на смыслу и могъ уже понимать буквы. 17-го числа іюня, помянутаго 1744 года, былъ тотъ день, въ который меня учить начали, и я долженъ былъ ходить въ домъ къ одному старику малороссіянину и учиться со многими другими. Съ какимъ успѣхомъ я учился, того не могу вамъ сказать, ибо того не помню, слышалъ только послѣ, что понятіемъ моимъ были всѣ довольны, какъ напротивъ того не довольны моимъ упрямствомъ. Сіе пристрастіе въ маленькомъ во мнѣ было такъ велико, что великаго труда стоило его преодолѣвать; но таковы бываютъ почти всѣ дѣти, которыхъ въ малолѣтствѣ нѣжатъ, отчего и произошло, что ученіе мое болѣе года продолжалось. Изъ всего онаго помню я въ особливости то, что первое обрадованіе родителямъ моимъ произвелъ я выученіемъ почти наизусть одного Апостола изъ посланія къ Коринѳянамъ, начинающагося сими словами: «Облецытеся убо яко избранніи Божія», и проч., и прочтеніемъ предъ ними и какъ сіе случилось скоро послѣ начатія ученія моего, то родитель мой такъ былъ тѣмъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ нѣсколько денегъ на лакомство.

Между тѣмъ, большая моя сестра была уже совершенная невѣста, ей шелъ уже тогда девятнадцатой или двадцатой годъ, слѣдовательно, и выдавать замужъ ее было уже время. Родители мои начинали уже о томъ заботиться и не столько отецъ, сколько мать. Имѣя двухъ дочерей, а приданое за ними очень малое, не могла она, чтобъ не безпокоиться, и тѣмъ не тревожить завсегда духъ моего родителя. Сей имѣя надежду и упованіе на Бога, отзывался только тѣмъ: что когда Богъ ихъ далъ, то непремине тъ и приставить ихъ къ мѣсту, въ которой надеждѣ опъ и не обманулся, какъ то изъ нижеслѣдующаго усмотрится.

Коммиссію, которая поручена была отцу, моему отправлялъ онъ такимъ успѣхомъ и столь порядочно, что заслужилъ отъ всѣхъ похвалу и благодареніе; сверхъ того, за хорошіе свои поступки и благоразумное поведеніе сдѣлался онъ любимъ и почитаемъ во всемъ городѣ и уѣздѣ. Всѣ дворяне и лучшіе въ городѣ люди, въ короткое время сдѣлались ему друзьями, а сіе самое служило ему основаніемъ счастію сестры моей и важной пользѣ всей нашей фамиліи.

Мы не успѣли полгода прожить въ семъ городѣ, какъ начали уже многіе за сестру мою свататься; хорошій ея нравъ и несвоевольное, а порядочное воспитаніе, какое имѣла она въ домѣ родителей моихъ, дѣлали ее завидною невѣстою и она была во всемъ уѣздѣ знаема. Въ самое сіе время случилось пріѣхать въ сей уѣздъ одному тутошнему молодому и богатому дворянину, онъ выпросился изъ полка на короткое время, чтобъ побывать въ домѣ, въ которомъ не былъ онъ почти ниоднажды послѣ смерти отца своего. Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ родственники начали его принуждать, чтобъ онъ женился, и предлагали въ невѣсты сестру мою. Они представляли ему, что хотя сестра моя не богата, но дочь хорошихъ родителей и имѣетъ нравъ изрядный; а болѣе всего хотѣлось имъ, чтобъ она поправила его состояніе и хозяйство, которое по молодости его и по долговременной отлучкѣ, очень разстроено и упущено было. Таковыя представленія убѣдили наконецъ сего молодого дворянина. Онъ согласился на ихъ желаніе и началъ искать случая видѣть сестру мою. Онъ скоро его нашелъ, и она ему понравилась, и для того началъ тотчасъ сватаніе, не требуя никакого приданаго. Легко можно заключить, что таковое предложеніе не могло противно быть отцу моему. Онъ хотя и находилъ нѣкоторыя затрудненія въ разсужденіи низкаго чина, въ которомъ сей молодой дворянинъ служа въ Рижскомъ гарнизонѣ находился, а паче того въ разсужденіи нѣкоторыхъ повѣствованій о его тамошней жизни, однако первое почиталъ не за великую важность, а послѣднему вѣрилъ и не вѣрилъ, ибо зналъ, что никакое сватаніе безъ опорочиваньевъ не проходитъ; да хотя бы все сказанное и справедливо было, такъ можно было бы приписывать то молодости, почему и надѣялся его исправить, переведя его въ свой полкъ и имѣя всегда при себѣ, и для того безъ труда на требованіе его согласился.

Такимъ образомъ просватана, сговорена и выдана была сестра моя замужъ. Свадьба была тутъ же въ городѣ, гдѣ зять мой имѣлъ у себя небольшой каменный домъ. Сіе происходило въ августѣ мѣсяцѣ 1744 года, и отецъ мой въ своей надеждѣ не обманулся. Онъ получилъ себѣ достойнаго зятя и былъ симъ случаемъ очень доволенъ. Однимъ словомъ, сестра моя замужствомъ своимъ была счастлива и получила мужа, который былъ не глупъ, хорошаго нрава, имѣлъ чѣмъ жить, а что всего лучше, любилъ ее, какъ надобно, и она не могла ни въ чемъ на него жаловаться. Мы дали за нею небольшое приданое, которое состояло только въ нѣсколькихъ семьяхъ людей, и въ нѣсколькихъ стахъ наличныхъ денегъ, ибо деревень имѣлъ зять мой и своихъ довольно, почему не столько приданое, сколько человѣкъ ему былъ нуженъ. Онъ былъ изъ фамиліи Неклюдовыхъ и назывался Васильемъ Савиновичемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы сестры моей, сдѣлалось-было съ нами весьма несчастное приключеніе. Мы лишились-было совсѣмъ отца моего, при случаѣ приключившейся ему жестокой и опасной горячкѣ, которою занемогъ онъ мая 6 дня 1745 года, и пролежалъ цѣлыхъ пять недѣль. Болѣзнь сія столь жестоко надъ нимъ свирѣпствовала, что никто уже не имѣлъ надежды о его исцѣленіи, и его совсѣмъ отчаяли. Однако небо не восхотѣло еще его у насъ отнять и сниспослало облегченіе, въ самое то время, какъ соборовали его масломъ и читали надъ нимъ евангеліе.

Легко можно заключить, въ сколь великую печаль погруженъ былъ весь нашъ

домъ во время его болѣзни и сколь много, напротивъ того, обрадованъ, получивъ надежду о дальнѣйшемъ продолженіи его жизни. Мать моя проливала великое множество слезъ, да ежели по справедливости разсудить, то и имѣла къ тому причину: на рукахъ у ней оставалась тогда другая дочь, почти невѣста и сынъ въ такомъ возрастѣ, который былъ еще весьма нѣженъ и требовалъ уже не женскаго, а мужскаго за собою смотрѣнія. Да и подлинно смерть его въ тогдашнее время произвела-бъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашихъ великую отмѣну, а всего бы болѣе лишился бы я чрезъ оную, ибо воспитаніе мое было-бы уже конечно не таково, каково оно въ самомъ дѣлѣ было.

Мы прожили въ семъ городѣ почти два года, ибо прежде того отецъ мой не могъ коммисіи своей окончить, въ которое время ѣзжали мы нѣсколько разъ въ деревню зятя моего, лежащую отъ города верстъ за 80. Впрочемъ не имѣли никакихъ особливыхъ приключеній, кромѣ одного собственно до меня принадлежащаго; и какъ въ томъ было нѣсколько смѣшного, то разскажу оное теперь.

Купецъ, котораго въ домѣ мы стояли, имѣлъ подлѣ онаго садъ, и въ немъ сажелку. Въ сей садъ хаживалъ я часто гулять, или прямѣе сказать, въ гулящее время рѣзвиться. Дѣти хозяина нашего дѣлали мнѣ въ томъ компанію. Однимъ днемъ, какъ мы съ ними въ этомъ саду играли, пришли мы къ помянутой сажелкѣ, и я не знаю уже, для чего было въ ней нѣсколько досокъ по водѣ плавающихъ. На сихъ доскахъ хотѣлось мнѣ давно по сажелкѣ поѣздить, и сіе происходило отъ нѣкоего рода любопытства, ибо могу сказать, что любопытенъ былъ съ самаго младенчества. Учася въ то время грамотѣ, наслышался я о Фараонѣ, объ морѣ и корабляхъ на оныхъ плавающихъ, почему я часто, будучи иногда одинъ въ саду, прихаживалъ къ той сажелкѣ, сравнивалъ ее съ моремъ и представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ Фараонъ въ морѣ погибъ, и какъ по морю корабли плаваютъ, и для того многажды хотѣлъ отвѣдовать на доскѣ поплавать, однако по счастію до того времени не отважился, по помянутый случай былъ къ тому наудобнѣйшимъ. Товарищамъ моимъ захотѣлось также предпріять сіе морское путешествіе и остановилось только затѣмъ, что никто не осмѣливался учинить начало. Я, будучи объятъ предваренною къ тому охотою, тотчасъ къ тому вызвался, ибо хотя не меньше ихъ трусилъ, однако какъ самолюбіе дѣйствуетъ въ насъ съ самаго ребячества, то захотѣлось мнѣ предъ ними выдаться, показать свою нетрусливость и для того тотчасъ имъ сказалъ: «Всѣ вы братцы, трусы и прямые мужики, ужъ боитесь по водѣ ѣздить! Чего бояться! Посмотрите-ка какъ я поѣду!» И тотчасъ взбѣжавъ на одну широкую доску, отсупился отъ берега. Но не успѣлъ я на сажень отъѣхать, какъ все явленіе перемѣнилось. Господинъ мореплаватель былъ неискусенъ и позабылъ взять съ собою весло. Товарищи мои кинули мнѣ палку. Я нагнулся ее доставать и тѣмъ все дѣло испортилъ: доска моя подо мною закачалась, я не устоялъ и полетѣлъ въ воду, и едва было не утопулъ по примѣру Фараона. Къ великому моему счастію, сажелка въ томъ мѣстѣ была не гораздо глубока, и я хотя чуть-было не захлебнулся, но вынырнувъ и стараясь стать, досталъ ногами до дна, и вода была мнѣ только по шею. Не успѣло сего произойтить, какъ товарищи мои подняли великое хохотаніе, и начали осмѣхать худой успѣхъ моего предпріятія, вмѣсто того чтобъ сдѣлать мнѣ какое вспоможеніе. Сіе было причиною, что я сердился болѣе на нихъ, нежели помышлялъ объ опасности, въ которой находился. Ибо надобно знать, что сажелка была къ тому берегу гораздо глубже, а сверхъ того я такъ въ тину увязъ, что не могъ ни одной ноги выдрать. И я не знаю, чтобъ сдѣлалось со мною, еслибъ въ самое то время не вошла вскорѣ за мною въ садъ старуха, моя мама, и увидѣвъ меня не бросилась въ воду, и на рукахъ

меня не вынесла. Она встрянулась меня и услышавъ, что я въ саду, шла искать равно какъ зная, что я подвергнусь опасности и что мнѣ ея вспоможеніе будетъ надобно.

Чѣмъ происшествіе сіе кончилось, всякому нетрудно угадать. Скрыть сего ни коимъ образомъ было не можно. Я весь обмокъ и обгрязнился, и принужденъ былъ поневолѣ слѣдовать за моею мамою, которая прямо повела меня къ моей матери. Тутъ не помогли мнѣ всѣ оправданія, которыхъ дорогою я знатное число выдумалъ. Мнѣ не повѣрили, что товарищи мои меня спихнули въ воду, но находили болѣе вѣроятности въ ихъ объявленіи. Однако и они правы не остались, насъ всѣхъ пересѣкли и мнѣ запрещено было болѣе ходить въ садъ играть съ ними. По счастію былъ отецъ мой въ то время въ уѣздѣ, а то досталось бы мнѣ еще того больше.

Сіе приключеніе хотя не инако, какъ бездѣлкою почесть можно, однако въ разсужденіи меня почитаю я его довольно важнымъ, ибо, во-первыхъ, находился я въ великой опасности, ибо такъ легко могло-бы статься, чтобъ я захлебнулся и утонулъ, особливо еслибъ предпріялъ сіе, когда-нибудь будучи одинъ въ саду, слѣдовательно, самъ Богъ хотѣлъ меня сохранить отъ сего бѣдствія; во-вторыхъ, примѣчанія достойно, что сей случай такъ меня настращалъ, что съ того времени завсегда уже я боялся по водамъ ѣздить, который страхъ не весь еще и понынѣ изъ меня истребился, ибо признаюсь, что и понынѣ нѣсколько потрушиваю, когда случится зимою ѣхать по рѣкамъ, а особливо ледъ не гораздо крѣпокъ и падеженъ, что можетъ быть имѣетъ и свою пользу.

Въ другой разъ нечаяннымъ образомъ настращанъ я былъ чрезвычайною пушечною пальбою, бывшею при случаѣ нѣкоего большого торжества, отправляемаго моимъ родителемъ. Ибо онъ хотя и большую часть времени своего препровождалъ въ уѣздѣ, гдѣ переѣзжая съ мѣста на мѣсто переписывая всѣхъ жителей, однако не рѣдко случалось, что онъ по нѣсколько недѣль живалъ и въ городѣ, и тогда ежели случались какіе-нибудь викторіальные дни и знаменитые господскіе праздники, то имѣлъ онъ обыкновеніе дѣлать у себя обѣды и сзывать къ себѣ воеводу и всѣхъ лучшихъ людей въ городѣ, въ особливости-жъ тамошняго архіерея, съ которымъ жилъ онъ въ особливой пріязни и дружествѣ; а потому, не рѣдко случалось и мнѣ видѣть сего первосвященника, равно какъ бывать у самого его вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, при каковыхъ случаяхъ получалъ я обыкновенно отъ него себѣ въ подарокъ какую-нибудь маленькую духовную книжку

Наконецъ, въ началѣ 1746 года окончилъ отецъ мой благополучно свою комисію, и принужденъ былъ возвратиться къ полку своему, который находился тогда въ Эстляндіи. Чего ради, отпустивъ мать мою съ нами въ свою деревню, въ которой мы во все сіе время слѣдовательно давно уже не были, отправился самъ къ полку. И стоялъ съ опымъ въ сіе лѣто на рѣкѣ Залѣ близъ Пернова, въ Эстляндіи, между которымъ временемъ перевелъ онъ зятя моего изъ Рижскаго гарнизона къ себѣ въ полкъ, и старапіемъ своимъ произвелъ его въ офицеры.

Симъ окончу я мое теперешнее и довольно уже увеличившееся письмо, и увѣрпвъ васъ о непремѣнности моего къ вамъ дружества и почтенія, остаюсь и проч.

ДОМЪ УДРИХЪ И ЛАЙ МЫЗА.

Письмо 6-е.

Любезный пріятель!

Проводивъ отца моего въ путь и распрощавшись съ сестрою, отправились мы съ матерью моею въ деревню. Путь сей былъ для насъ не ближній, ибо деревня наша была еще 120 верстъ за Москвою и намъ надлежало долгое время ѣхать Но какъ бы то пи было, но мы пріѣхали

туда благополучно и пробыли тутъ почти все лѣто. Поелику мнѣ шелъ тогда еще восьмой годъ и я былъ сущій еще ребенокъ, то не могу я ничего о томъ сказать, что мы тогда дома дѣлали и за чѣмъ наиболѣе прибѣхали; а изъ всѣхъ бывшихъ тогда съ нами происшествій впечатлѣлось въ память мою только то обстоятельство, что я, будучи въ сей разъ въ деревнѣ, доучивался русской грамотѣ и училъ псалтырь подъ присмотромъ моего дядьки.

Кромѣ сего, помню я изъ сего періода времени, что ѣздили мы въ Калитино наше праздновать праздникъ. Это была приданая деревня моей матери, лежащая отъ насъ верстъ съ 12, въ томъ же уѣздѣ. Тутъ стояли тогда еще изрядныя хоромцы, былъ господскій домъ и старинный садъ, въ которомъ было великое множество сливъ и превысокихъ грушъ, усыпанныхъ плодами, и какъ осенью сентября 8 дня былъ тутъ храмовой праздникъ, то имѣла мать моя всегда обыкновеніе пріѣхать въ сіе время въ сей родительскій ея домъ и находящіяся въ оном еще дѣдовскія иконы почтить служеніемъ и окропленіемъ святою водою, а всѣхъ тамошнихъ сосѣдей угощать праздничнымъ пиршествомъ. Что-жъ касается до меня и до сестры моей, то наилучшее наше утѣшеніе составлялъ садъ, наполненный тогда множествомъ плодовъ. Въ самое то время надлежало его обивать и наше наипріятнѣйшее упражненіе было подбирать отрясенныя яблоки и груши, которыхъ послѣднихъ такое было тогда множество, что я никогда съ того времени ихъ столько не видывалъ.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, и мы помянутымъ образомъ все лѣто жили дома, отецъ мой находился съ полкомъ въ лагерѣ. По наступленіи-жъ осени назначено было полку сему зимовать въ Эстляндіи и мы получили письма, чтобы намъ туда пріѣхать по первому зимнему пути.

Такимъ образомъ, не успѣла настать зима, какъ собравшись отправились мы изъ своей деревни и препроводивъ недѣли двѣ въ дорогѣ, пріѣхали благополучно сперва во Псковъ, а потомъ въ деревню къ сестрѣ моей большой; ибо мы положили къ ней заѣхать и пробыть у ней нѣсколько дней для отдохновенія.

Время сіе, каково ни коротко было, однако со мною случилось опять происшествіе, достойное замѣчанія потому, что при случаѣ семъ подверженъ я былъ опять не малой опасности. Хоромы у сестры моей были уже совсѣмъ не тѣ, въ какихъ мы прежде бывали, но совсѣмъ иныя. Въ небытность нашу перестроился зять мой и снабдилъ себя уже домикомъ получше прежняго. Итакъ, по любопытству моему надобно мнѣ было всѣ ихъ исходить и все пересмотрѣть, что въ нихъ было. Къ сему избралъ я ни то на другой, ни то на третій день нашего пріѣзда, послѣобѣднѣшнее время, въ которое всѣ спали. Какъ у всѣхъ псковскихъ помѣщиковъ обыкновеніе есть строить и располагать хоромы особымъ образомъ, и такъ, чтобъ всегда было двѣ половины, одна жилая, а другая для гостей чрезъ сѣни, порожняя, и всегда чистая и прибранная, то расположены были хоромы и у зятя моего точно такимъ же образомъ. Въ сію-то гостинную и порожнюю половину забравшись одинъ, началъ я все пересматривать и перебирать что въ ней было. Тутъ къ несчастію попалось мнѣ на глаза ружье, стоявшее въ уголку за стульями, и какъ думать надобно, поставленное тутъ нарочно для того, чтобъ никто его не трогалъ, ибо было заряжено для стрѣлянія по птицамъ. Но никто того не воображалъ себѣ, что я пойду сюда одинъ и буду такъ любопытенъ, что похочу неотмѣнно его и все устроеніе его замка видѣть. Однако сіе любопытство чуть-было не лишило меня жизни. Какимъ образомъ сіе произошло и что я съ нимъ тутъ дѣлалъ, того истинно уже не помню, а только то знаю, что оно вдругъ въ рукахъ у меня выстрѣлило и я получилъ такой толчекъ, что я упалъ безъ памяти и безъ чувствъ на полъ; ружье подлѣ меня, а по всей горницѣ посыпалась дробь и куски большого зер-

кало, въ которое прямо я выстрѣлилъ и разшибъ его въ нѣсколько сотъ частей. Звукъ выстрѣла разбудилъ всѣхъ спящихъ и привлекъ множество людей ко мнѣ. Меня нашли безъ памяти лежащаго, и сколько сперва испужались, столько досадовали потомъ на мою рѣзвость и дурачливость, которая вѣрно-бы также не прошла мнѣ даромъ, если-бы сестра, любившая меня чрезвычайно, не упросила мать мою сію вину мнѣ отпустить и въ домѣ ея меня за то не наказывать.

Погостивъ нѣсколько дней у сестры и распрощавшись съ нею, продолжали мы свой путь далѣе и пріѣхали наконецъ къ отцу моему благополучно.

Мы нашли его стоящаго съ полкомъ своимъ на зимнихъ квартирахъ въ Эстляндіи, и онъ имѣлъ квартиру на мызѣ *) Удрихъ, и довольно покойную. Домъ былъ хотя деревянный, но не тѣсный и обитый внутри тканными гаруспыми обоями и прибранный въ прочемъ изрядно. Полковая церковь поставлена была тутъ же на дворѣ въ одной службѣ.

Какъ въ сей разъ увидѣлъ я еще впервые полковую жизнь, находясь въ такихъ лѣтахъ, что могъ уже нѣсколько помнить и чувствовать, то была она для меня по колику новая, по толику и пріятная. Ежедневное біеніе зори въ множество барабановъ и всякій день двукратное играніе подъ окномъ полковой музыки, и множество офицеровъ, бывающихъ всегда у моего отца, и честь повсюду ему воздаваемая, были для меня пріятные и плѣняющіе предметы, которыми долгое время не могъ я довольно налюбоваться, въ особливости же пріятно было мнѣ то, что всѣ полковые офицеры любя моего отца ласкались и ко мнѣ.

Пріѣздъ нашъ въ сіе мѣсто воспослѣдовалъ около начала 1747 г., который достопамятенъ для нашего дома тѣмъ, что въ оный родители мои выдали и другую свою дочь, а мою сестру, замужъ, и остался на рукахъ у нихъ одинъ только я. Сіе воспослѣдовало вскорѣ послѣ пріѣзда нашего къ полку, а именно февраля 20 дня. Женихъ для ней нашелся въ томъ же полку, въ которомъ служилъ отецъ мой, и былъ тогда хотя не болѣе какъ сержантомъ, однако не убогой дворянинъ, имѣвшій жительство въ Кашинскомъ уѣздѣ. Его звали Андреемъ Ѳедоровымъ сыномъ Травинымъ. И онъ былъ человѣкъ еще молодой и не имѣвшій, также какъ и большой мой зять, ни отца ни матери. Нѣкоторые офицеры нашего полка рекомендовали его моему отцу и сосватали сію свадьбу. А какъ онъ имѣлъ достаточекъ изрядный и не требовалъ многаго за моею сестрою, а былъ доволенъ тѣмъ, что мы давали, то родители мои и не имѣли причины пропускать толь удобнаго случая къ замужству сестры моей и были тѣмъ довольнѣе, что не принуждено было имъ за сею дочерью давать болѣе того, сколько дали они за моею большою сестрою.

Такимъ образомъ, по милости Господней пристроены были объ мои сестры къ мѣсту, и небольшой достатокъ родителей моихъ не претерпѣлъ отъ того знатнаго ущерба. Они лишились немногихъ только семействъ людей, а изъ деревень ни одной не потеряли; а сверхъ того и самаго двпжимаго придапаго дано было весьма умѣренное колпчество. Времена были тогда совсѣмъ не такія, какъ нынѣ, и цѣлыя тысячи не терялись при подобныхъ тому случаяхъ на сущіе и ничего незначущіе вздоры и бездѣлки, служащіе только обѣимъ сторонамъ въ отягощеніе а нерѣдко и въ сущее разореніе; почему и не удивительно, что всѣ сборы и приготовленія къ свадьбѣ происходили не долго, но все дѣло въ немногіе дни было окончано.

Изъ прочихъ приключеній, происходившихъ во время пребыванія нашего въ семъ мѣстѣ, памятно мнѣ только то, что я тутъ учился писать, и что помогалъ мнѣ въ томъ маленькій писарь по прозванью Красиковъ, умѣвшій рисовать корабли; родившись въ Кронштадтѣ, на-

*) Мызами называются въ Лифляндіи и Эстляндіи такія селенія, въ которыхъ есть дворянскіе дома.

смотрѣлся опъ симъ огромнымъ зданіямъ и умѣлъ изображать ихъ довольно хорошо перомъ на бумагѣ. Мнѣ, по малолѣтству моему, казались они тогда изящными картинами, и я не могъ ими довольно налюбоваться. Но каковую бездѣлку сію корабли ни составляли, однако они вперили въ меня первѣйшую склонность и охоту къ рисованію и положили первое основаніе охотѣ къ сему невинному и пріятному художеству, которому я за безчисленное множество пріятныхъ минутъ въ жизни моей обязанъ, и которую имѣю и понынѣ.

Кромѣ сего помню я еще то, что мнѣ случилось тутъ съ сестрою моею крестить одного большого татарина, и какъ было сіе зимою, то принуждено было производить сіе дѣйствіе на прудѣ, и онъ, вмѣсто купѣли, долженъ былъ погружаться три раза въ большую пролубь.

Еще памятно мнѣ очень и то, что нашли тутъ какимъ-то образомъ въ разрытомъ колодезѣ или родникѣ безчисленное множество маленькихъ лягушечекъ, сбившихся въ кучу и сидѣвшихъ тутъ между камней. Мы всѣ приходили сію рѣдкость смотрѣть, и не могли довольно тому надивиться.

Кромѣ сихъ трехъ происшествій, не помню я ничего болѣе, а только приходитъ мнѣ въ память, что предъ окончаніемъ зимы и на самой вербной недѣлѣ, переѣхали мы на другую мызу, которая называлась Лайпплосъ, по причинѣ, что находился тутъ древній развалившійся замокъ; но того уже не знаю, далеко ли она отъ прежней отстояла или не далеко, и велѣно ли было тутъ полкъ и штабъ перевесть, или зависѣло то отъ произволенія моего отца; но только то знаю, что тутъ получили мы для квартированія домъ уже гораздо просторнѣйшій, такъ что не только могли мы помѣститься въ немъ со всѣмъ нашимъ увеличившимся семействомъ, ибо около сего времени пріѣхалъ къ намъ и большой зять съ сестрою, но поставлена была тутъ же въ особыхъ комнатахъ и полковая церковь.

Не успѣли мы въ сіе мѣсто перебраться, какъ подверженъ я былъ опять величайшей опасности въ свѣтѣ. Полку нашего адъютанту Мармылеву вздумалось какъ-то подарить меня маленькою лошадкою. Я, по ребячеству своему, былъ сему очень радъ, но лошадка сія чуть-было не лишила меня жизни. Случилось сіе слѣдующимъ образомъ: какъ до сего времени никогда я еще на лошадяхъ не ѣзживалъ, то получивъ тогда въ собственность себѣ лошадь, получилъ я вкупѣ охоту и учиться на лошадяхъ ѣздить. Меня посадили на оную и водили понемногу, а какъ нѣсколько я къ тому приобыкъ, то перестали придерживать и можетъ быть по собственной моей просьбѣ дали волю самому править; но не успѣли сіе сдѣлать, какъ проклятая лошадь, почувствовавъ легкость всадника, а можетъ быть и неумѣнье управить ею, не долго шла тихою ступою, но выбравшись за хоромы, пошла часъ отъ часу скорѣе, а потомъ пустилась во всю прыть, такъ что ее уже и поймать и удержать не было способа. Я не вспомнилъ тогда самъ себя, и ухватившись за гриву и за сѣдло, кричалъ только во все горло, а она отъ того еще болѣе разъярилась и поскакала со мною во весь опоръ и къ вящему несчастію вдоль по плотинѣ превеликаго пруда, бывшаго тутъ подлѣ развалинъ замка. Люди хотя бѣжали за мною, но ни догнать, ни остановить ее не было способа, и я не знаю, чтобъ со мною было и куда-бъ она меня занесла, если не пришло мнѣ въ голову соскочить съ оной. Къ сему побудило меня наболѣе то, что скакала она со мною прямо къ прудовому спуску, гдѣ, по случаю бывшей тогда половоди, вода ревѣла во весь спускъ и производила шумъ превеликій. Мнѣ казалось, что испужавшись сего шума, она вѣрно меня съ себя собьетъ и низринетъ въ бучило; итакъ, не допуская до того, разсудилъ я спрыгнуть съ нея долой. Но въ семъ случаѣ, бѣжавъ отъ волка, чуть было не попалъ я на медвѣдя: прыжокъ мой былъ хотя довольно удаченъ, но размѣръ взятъ былъ такъ худо, что я попалъ на самый край плотины, такъ

что не могши никакъ удержаться, покатился кубаремъ подъ оный и не доставало очень малаго, что не попалъ въ самое бучило. Однимъ словомъ, самъ Богъ хотѣлъ меня спасти и я уже не знаю, какимъ образомъ и за что и какъ я ухватился и до тѣхъ поръ удержался и не упалъ въ воду, покуда не прибѣжали бѣгущіе вслѣдъ за мною люди и меня оттуда не вытащили.

Родители мои перетревожены были чрезвычайно симъ приключеніемъ, и лошадь моя сдѣлалась имъ, а особливо матери моей такъ ненавистною, что велѣли ее тотчасъ отдать обратно,и о чемъ и самъ я не тужилъ, ибо случай сей такъ меня настращалъ, что я долгое время послѣ того не могъ отважиться сѣсть на лошадь: и почему знать, можетъ быть самый тотъ же случай.положилъ нѣкоторое основаніе и тому, что я во всю жизнь мою не былъ и не могъ быть никакъ охотникъ до лошадей.

Вскорѣ послѣ того случилась тутъ же надо мною другая напасть, однако не столь опасная, а болѣе смѣшная. Наступалъ день Пасхи и святая недѣля. У отца моего обыкновеніе было, всегда, когда ни случалось ему въ полку праздновать сей праздникъ, приказывать во время заутрени и обѣдни стрѣлять изъ пушекъ, въ этомъ находилъ онъ особливое удовольствіе, почему приказано было отъ него и въ сей разъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому приготовленія. Но для меня утѣха сія была не весьма пріятна, будучи въ младенчествѣ стрѣльбою изъ пушекъ нечаянно настращенъ, боялся я съ того времени оной чрезвычайнымъ образомъ. Было сіе еще въ то время, когда отецъ мой находился во Псковѣ для ревизіи, и когда я былъ еще сущимъ ребенкомъ. Ему случилось праздновать какой-то большой праздникъ и дѣлать для всѣхъ лучшихъ въ томъ городѣ людей у себя пиръ. Что-то вздумалось ему придать пиру сему болѣе пышности пушечною пальбою, и какъ было небольшихъ пушекъ нѣсколько у тамошняго воеводы, то выпросилъ онъ ихъ на сей случай и приказалъ поставить на улицѣ за воротами, чтобъ стрѣлять изъ нихъ во время питья здоровьевъ. Мы ничего о томъ не знали и не вѣдали, тѣмъ паче, что и мѣста сего, гдѣ онѣ поставлены, за строеніемъ изъ дома не видать было, а узнали уже во время самаго обѣда. Какъ мнѣ до сего времени отъ роду моего пушекъ вблизи видать никогда еще не случалось, то весьма любопытенъ я былъ ихъ видѣть: почему, не успѣлъ услышать, что пушки привезены и стоятъ на улицѣ, какъ вмигъ очутился я уже у воротъ, чтобъ видѣть сіи орудія. Но къ несчастію моему такъ случись, что въ самое то время, какъ только высунулся я изъ калитки на улицу, надобно было по данному сигналу начать стрѣлять, а что того еще вяще, то изъ самой той пушки, которая стояла подлѣ той калитки и не далѣе отъ меня какъ на сажень. Громкость выстрѣла, учиненнаго ею, и никогда мною въ такой близости не слыханнаго и самое зрѣлище необыкновенное для меня до того времени, такъ меня испугавъ поразило, что я вмигъ очутился лежащимъ на землѣ безъ памяти. Весь скопившійся тутъ народъ перетревожился симъ зрѣлищемъ, ибо всѣ подумали, что меня какимъ-нибудь образомъ убило выстрѣломъ. Поднимается превеликій шумъ, дѣлается въ стрѣльбѣ остановка, бѣгутъ сказывать о семъ въ палаты; люди наши, занимавшіеся услугою при столѣ, перетревоживаются, отыскиваютъ старуху, мою маму; сія безъ памяти бѣжитъ ко мнѣ на улицу, а вскорѣ за ней приходитъ и сама моя мать, испужавшаяся до безконечности; она примѣтила перешептываніе и бѣганіе людей и догадываясь тотчасъ, что вѣрно что-нибудь особливое произошло, допытывается у оныхъ. Утаить долго было не можно. Сердце обмираетъ у ней какъ услышала, что со мною что-то сдѣлалось, она позабываетъ всю благопристойность, вскакиваетъ изъза стола, бѣжитъ безъ памяти сама на улицу, нѣкоторые изъ гостей послѣдуютъ за нею, и всѣ встрѣчаютъ меня препровождаемаго уже мамою за руку обрати

въ палаты и обгрязнившагося объ грязь при упадепіи на улицѣ, ибо со мною несдѣлалось ничего, кромѣ того, что я испугался до чрезвычайности. Я былъ еще и тогда поблѣднѣвшимъ, какъ мертвый и старался обѣими руками затыкать уши, чтобъ болѣе стрѣльбы не слышать.

Испуганная до безкопечности и нѣжно меня любящая мать, обрадовалась неописанно, увидѣвъ меня цѣлымъ и здоровымъ. Стрѣлять велѣли тотчасъ перестать и меня повели, власно какъ въ торжествѣ, въ палаты, но тамъ принужденъ я былъ отъ отца моего вытерпѣть великую гонку за мою рѣзвость и бѣганье на улицу и смѣхъ надъ собою за мою трусость. Онъ хотѣлъ-было приказать продолжать стрѣлять и меня вести туда опять, чтобъ приучить къ стрѣльбѣ, однако гости упросили уже, чтобъ сего не дѣлать. Но старухѣ моей мамѣ досталось довольно за то, что она упустила меня одного бѣгать на улицу.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе, но послѣдствіемъ отъ того было то, что я нѣсколько лѣтъ послѣ того всякой стрѣльбы, а особливо пушечной смертельно боялся, хотя послѣ, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, страхъ сей не только миновался, но я до стрѣльбы сдѣлался еще особливымъ охотникомъ.

Но какъ въ тогдашнее время, какъ стояли мы въ помянутой мызѣ Лайшлосъ, страхъ мой еще продолжался, то сердце у меня обмерло, какъ увидѣлъ я полковыя пушки, устанавливаемыя предъ нашею квартирою. Онѣ казались мнѣ ужасными громадами предъ тѣми, которыя настращали меня во Псковѣ, и я не зналъ, что со мною тогда будетъ, когда изъ сихъ начнутъ стрѣлять; со всѣмъ тѣмъ боясь, чтобъ опять не было мнѣ за трусость мою отъ отца гонки, скрывалъ я всю боязнь мою во глубинѣ сердца, и помышлялъ только о томъ, чѣмъ бы себѣ сколько-нибудь пособить; пособить было можно, и вотъ что я выдумалъ и сдѣлалъ.

Церковь полковая поставлена у насъ была въ самомъ томъ же домѣ, гдѣ мы жили, ибо хоромы были преогромныя и покоевъ множество. Я распровѣдалъ, что стрѣлять станутъ въ то время, когда запоютъ впервыя «Христосъ воскресе», и станутъ входить съ образами въ церковь. Дождавшись сего времени разсудилъ за лучшее куда-нибудь уйти и скрыться, а чтобъ удобнѣе сіе сдѣлать, то разсудилъ воспользоваться стѣсненіемъ народнымъ, когда выходить станутъ изъ церкви съ образами. Сіе и учинилъ я съ такимъ искусствомъ, что никто не вѣдалъ, какъ я скрылся и ушелъ. Далече бѣжать мнѣ было некогда, но я ушелъ въ отдаленнѣйшіе покои того же дома, и въ самой задней компатѣ нашедши кровать, легъ на опую и укрылся подушками и одѣялами такъ, что меня совсѣмъ было не видать, и пушечные выстрѣлы едва были слышны. Отъ каждаго выстрѣла трепетало у меня сердце, но по счастію было ихъ немного и число оныхъ было мнѣ извѣстно.

Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ закутавшись лежалъ и трепещущи считалъ выстрѣлы, въ церкви происходила уже тревога, родители мои меня встрепулися и вездѣ меня спрашивали и искали. Но какъ никто не могъ ничего обо мнѣ сказать, то пришли въ недоумѣніе и разослали повсюду людей меня искать.

Нѣкоторые изъ нихъ приходили въ самую ту комнату, однако ни сколь меня не примѣтили, и вѣрно бы и никто не нашелъ, еслибъ по окончаніи стрѣльбы я самъ уже не вошелъ и не явился въ церковь.

Тутъ начались тотчасъ спросы и распросы, и какъ утаить истины не было способа, я принужденъ былъ признаться, то, посмѣявшись тому, въ наказаніе за мое плутовство, опредѣлено было, во время обѣдни держать меня въ церкви уже подъ честнымъ арестомъ. Покойный родитель мой поставилъ меня уже предъ собою на скамейку, и я во время стрѣлянія изъ пушекъ, при чтеніи Евангелія хоть со всякимъ выстрѣломъ присѣдалъ, но принужденъ былъ выдержать

все оное, не зажимая даже и уши. Не успѣла пройтить святая недѣля, какъ старанія отца моего обо мнѣ стали простираться отъ часу далѣе. Ему не хотѣлось, чтобъ я выросъ у него неучью и болваномъ, и онъ судилъ, что уже время отнять меня изъ рукъ женскихъ и учить чему-нибудь дальнѣйшему, кромѣ грамоты русской. Паче всего хотѣлось ему, чтобъ я зналъ также нѣмецкій языкъ, которымъ онъ самъ умѣлъ говорить, и коимъ онъ въ жизнь свою очень много пользовался, также и ариѳметики. Учители нѣмцы и французы не были еще тогда въ нашемъ отечествѣ таковы многочисленны, какъ нынѣ, ихъ было очень мало, а сверхъ того и достатокъ отца моего не такъ былъ великъ, чтобъ могъ онъ, и особливо въ тогдашнее время, нанимать и содержать у себя въ домѣ учителя нарочнаго, въ отдачѣ же въ люди былъ я еще слишкомъ малъ; итакъ, другого не оставалось какъ искать какого-нибудь иного способа, и къ удовольствію его таковой скоро и нашелся.

Въ полку его было не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ множество нѣмцевъ: изъ сихъ послѣднихъ вздумалось ему отыскать какого-нибудь поспособнѣе и приставить ко мнѣ для наученія нѣмецкому языка. Но какъ большая часть сихъ нѣмцевъ состояла изъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ, и наиболѣе изъ небогатыхъ, всего же меньше учившихся въ молодости своей какимъ-нибудь наукамъ и разумѣющихъ что-нибудь порядочное, то трудно было и между ими отыскать человѣка, и по долгомъ исканіи иного не оставалось, какъ взять прибѣжище и обратить вниманіе свое на одного унтеръ-офицера родомъ изъ Германіи и пріѣхавшаго за немногіе годы до того изъ Любека для принятія нашей службы. Прозвище ему было Миллеръ, а впрочемъ названъ онъ уже былъ у насъ въ службѣ Яковомъ Яковлевичемъ, поелику у насъ всѣмъ иностранцамъ даютъ тотчасъ имена и отечества. Богу извѣстно, какого былъ онъ рода, но только то мнѣ извѣстно, что онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной ариѳметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки, почему заключаю, что надобно быть ему какому-нибудь купеческому сыну, и притомъ весьма не богатому, и воспитанному въ простой городской школѣ, и весьма просто и низко.

Но какъ говорится въ пословицѣ, что «на безлюдье и сидни въ честь», то въ недостаткѣ лучшаго былъ отецъ мой и сему уже радъ, ибо для перваго случая довольно уже было и его знаній, потому что читать и писать могъ и онъ уже меня научить, равно какъ и ариѳметикѣ.

Такимъ образомъ назначенъ былъ сей иностранецъ мнѣ въ учители, взятъ въ нашъ домъ и я препорученъ ему на руки. Для насъ съ нимъ отведенъ былъ особый уединенный покоецъ и онъ началъ меня учить всему, что зналъ, вдругъ, то-есть читать, писать по-нѣмецки и самой ариѳметикѣ понемногу.

Мнѣ шелъ въ сіе время хотя девятый еще годъ, однако родители мои и самъ учитель былъ понятіемъ моимъ довольны. Я очень скоро научился читать, а и писать учиться мнѣ не мудрено было, но не столько я доволенъ былъ своимъ учителемъ. Человѣкъ онъ былъ особливаго характера, нравъ имѣлъ строптивый и своенравный, не могъ терпѣть никакихъ шутокъ, сердился и досадовалъ на всѣхъ за сіе, а сіе и побуждало другихъ еще болѣе надъ нимъ смѣяться, и тѣмъ паче, что и собою былъ онъ очень дуренъ и губастъ. Со мною обходился онъ не такъ, какъ хорошему учителю должно, но такъ какъ отъ неуча и грубаго воспитанія человѣка ожидать можно, и не рѣдко принужденъ я былъ претерпѣвать отъ него лихо и проливать слезы.

Со всѣмъ тѣмъ и каковъ онъ ни былъ, но я за первое основаніе своего нѣмецкаго языка и ариѳметики обязанъ сему иностранцу; онъ научилъ меня читать и писать, но говорить научить былъ не въ состояніи, а мучилъ меня только вокабулами.

Мы простояли въ семъ мѣстѣ не дол-

го, ибо какъ скоро наступила весна и трава выросла, то велѣно было иттить полку нашему подъ Ригу, и тамъ сіе лѣто стоять лагеремъ. Итакъ, все наше стояніе тутъ не продолжилось и трехъ мѣсяцевъ. Богу извѣстно, на что производимы были полкамъ такіе марши и контръ-марши, изъ одного мѣста перебивка въ другое. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были повелѣнію сему повиноваться, и въ повелѣнное мѣсто въ походъ съ полкомъ въ непродолжительномъ времени и выступить.

Во время сего лѣтняго похода, который въ первый еще разъ мнѣ случилось видѣть, разстался я впервыя и съ моею матерью, ибо какъ отцу моему съ собою ее взять и въ лагерѣ при себѣ держать не годилось, то отпустилъ опъ ее вмѣстѣ съ большою моею сестрою въ деревню ея мужа во Псковъ, а меньшую мою сестру съ мужемъ въ ихъ кашинскую деревню, меня же, какъ начавшаго уже учиться, взялъ съ собою, и какъ съ сего времени начинается новый періодъ моей жизни, то я симъ письмо сіе и кончу сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ВЪ ЛАГЕРѢ И ВО ПСКОВѢ.

Письмо 7-е.

Любезный пріятель!

Первое разставаніе съ моею матерью и со всѣми родными моими, съ которыми отъ самаго рожденія жилъ я неразлучно, и притомъ въ столь нѣжныхъ молодыхъ лѣтахъ, было мнѣ какъ сущему еще ребенку весьма горестно и чувствительно.—Было сіе въ Эстляндскомъ городѣ Дерптѣ или Юрьевѣ, ибо оттуда поѣхала мать моя во Псковъ, а я съ покойнымъ родителемъ моимъ въ походъ подъ Ригу. Не могу и понынѣ забыть того, въ какой разстройкѣ находился тогда духъ мой, когда часъ разлуки нашей началъ приближатся и какою грустью и тоскою преисполнилось сердце мое. Мнѣ казалось, что всѣ стихіи тогда иной видъ воспринимали и все перемѣнилось въ свѣтѣ. Колико слезъ пролито было мною въ сей день! колико вздоховъ испущено, и сколько разъ оглядывался я назадъ, въ ту сторону, въ которую поѣхали мои родныя. Съ какимъ вожделѣніемъ желалъ я пробыть съ ними хоть еще нѣсколько минутъ вмѣстѣ и видѣть ихъ еще однажды.

Такимъ образомъ вступивъ въ новый родъ жизни началъ я часъ отъ часу далѣе и съ множайшимъ прилежаніемъ продолжать свою науку, и какъ я наиболѣе занятъ былъ оною, то и не могъ я знать все, что тогда происходило, а помню только то, что лагерь назначенъ намъ былъ нѣсколько верстъ отъ Риги, что стояли мы тутъ все лѣто, жили въ палаткахъ, и что пріѣхалъ къ намъ туда и большой мой зять изъ деревни.

Во все сіе время продолжалъ я учиться и упражнялся болѣе въ писаніи. Походная жизнь и стояніе въ лагерѣ было для меня совсѣмъ новое: частыя полковыя строи, и смотры генеральскіе, и ежедневныя перемѣны и ученья и вся военная жизнь и происхожденія были такими предметами, какихъ я до сего не видывалъ и которыя меня и удивляли и веселили; почему она мнѣ довольно и полюбилась. Между прочимъ, помню я еще и то, что однажды пріѣхалъ смотрѣть нашъ полкъ и самъ старикъ фельдмаршалъ Лессій, жившій тогда въ Ригѣ, и что отецъ мой возилъ однажды меня съ собою къ нему въ Ригу, ибо онъ его считалъ себѣ милостивцомъ и пріятелемъ. Случай сей для меня, ничего подобнаго тому еще невидавшаго, былъ весьма поразителенъ; какъ въ городѣ Ригѣ, такъ и въ замкѣ у фельдмаршала не могъ я всему довольно насмотрѣться.

По наступленіи осени велѣно было полку нашему иттить на зимнія квартиры въ столичный нашъ городъ Петербургъ; и какъ маршрутъ назначенъ былъ чрезъ Псковъ, то отцу моему былъ наиудобнѣйшій случай заѣхать къ моему зятю и свидѣться съ своими родными. Тутъ имѣлъ я неописанное удовольствіе увидѣть опять мою мать и сестеръ, которыхъ любилъ я чрезвычайно.

Отецъ мой пробылъ въ сей разъ у зятя моего не долго, по отправился съ полкомъ своимъ въ назначенный путь, и взялъ съ собою и мать мою.

Изъ приключеній случившихся со мною около сего времени памятны мнѣ только два, изъ которыхъ одно имѣло великое вліяніе во всю мою жизнь и чуть было не лишило меня жизни, а именно:

Родителю моему въ бытность его у зятя въ деревнѣ вздумалось однажды съ нѣкоторыми пріѣзжими гостьми поѣхать съ собаками на охоту. Онъ хотя и не былъ страстнымъ охотникомъ до сей толь многихъ людей съ ума сводящей увѣчущей и разоряющей забавы, однако изрѣдко, а особливо съ пріятелями любилъ выѣзжать для компаніи въ поле, и потому всегда бывали у него двѣ или три борзыхъ собаки. Точно такъ случилось и въ сей разъ. Съѣхалось къ зятю моему множество сосѣдственнаго дворянства, нѣкоторые изъ нихъ расхвастались своими собаками и что звѣрей много, и всѣмъ тѣмъ уговорили отца моего, чтобъ выѣхать съ ними въ поле. Но сего еще было не довольно; но какъ и въ тогдашнее время была такая же у многихъ глупость, какою заражены многіе и нынѣ, то-есть чтобъ брать съ собою на охоту маленькихъ дѣтей, коихъ отъ младыхъ когтей пріучать къ сей вредной и разорительной охотѣ, то всѣ гости убѣдили родителя моего, чтобъ и меня взять съ собою на охоту, на маленькой моей и смирной лошади, и тѣмъ паче, что я около сего времени умѣлъ уже сидѣть на лошади и ѣздить, а охоты отъ рожденія моего еще не видѣлъ; но чтожъ воспослѣдовало?

Не успѣли мы въѣхать въ лѣсъ и на одну вырубленную въ ономъ обширную поляну, наполненную множествомъ высокихъ пней, какихъ вездѣ въ тамошней мѣстности много и каковыя мѣста называются тамъ суками, какъ появился заяцъ и началась травля. Собаки полетѣли за онымъ и всѣ охотники на лошадяхъ своихъ поскакали во весь опоръ за оными. Лошадь моя какова ни была смирна, но увидѣвъ таковую дружную скачку сопровождаемую крикомъ, вздумала для компаніи скакать вмѣстѣ съ ними, и что ни есть поры мочи. Я ее держать, и останавливать, ибо мнѣ скакать ни мало не хотѣлось, но не тутъ то было. Силы мои были слишкомъ слабы къ удержанію сего животнаго. Она и не чувствовала всего моего тащенія поводами, но ярилась еще болѣе. Увидѣвъ сіе и что лошадь взяла верхъ, и меня не слушается, обмеръ я, испужался, ибо какъ ни малъ былъ, но заключалъ, что она меня собьетъ и я легко могу лишиться жизни. Къ вящему несчастію я никогда еще добровольно не скакивалъ кромѣ того случая, о которомъ упоминалъ я прежде, и при которомъ едва было я не лишился жизни, иному же лошадь мою остановить было некому, всѣ безъ памяти поскакали вслѣдъ за зайцемъ и я находился позади всѣхъ. Въ сей крайности находясь другого я не нашолъ, какъ ухватиться обѣими руками за холку у лошади и прилечь къ сѣдлу, думая что чрезъ то удержусь я лучше; но сіе положеніе было для меня еще того труднѣе и опаснѣе. Меня зачало тресть и взметывать немплосердно, и я всякую минуту ждалъ, что полечу съ лошади долой. До сего времени все еще я молчалъ, но какъ сдѣлалось сіе, то отчаявшись въ жизни поднялъ я ужасный вопль: Ай! ай! ай! ай! ай! ай! Но крикомъ симъ сдѣлалъ себѣ еще того хуже; изъ господъ охотниковъ никто онаго не услышалъ и не оглянулся, а моя лошадь сочла что я ее еще болѣе понукаю, и начала скакать еще прытче прежняго. Тогда-то считалъ я уже погибель свою неизбѣжимою и тѣмъ паче, что вскакала она въ такое мѣсто, гдѣ пень на пнѣ почти находится и я того и смотрѣлъ и ждалъ, что она спотыкнется и меня и себя разобьетъ въ дребезги. Что было тогда дѣлать?... удержать не было способа, ибо между тѣмъ какъ я лежалъ на сѣдлѣ, вырвались у меня и повода и я не могъ уже и достать оныхъ. Крикъ и вопль мой былъ тщетенъ, никто меня не видѣлъ и не слышалъ, всѣ уже изъ виду ускакали. Лошадь неслась во всю прыть, и то и дѣло

цѣпляла за пенья и каряги. Въ таковой крайности находясь другого не оставалось, какъ искать по прежнему спасенія своего въ прыганьѣ. По крайней мѣрѣ думалъ я, что тутъ нѣтъ никакой вершины и буерака и убиться мнѣ будетъ не можно. И такъ не долго думая и улучивъ такое мѣсто, гдѣ пенья были порѣже и не таковы часты какъ въ другихъ мѣстахъ, прыгъ я съ лошади долой; но надобно было, чтобъ и сіе не къ спасенію моему, но къ вящему еще приумноженію моей опасности послужило. Разсудокъ мой былъ не такъ еще великъ,чтобъ взять предосторожность въ разсужденіи ногъ моихъ: одну изъ нихъ я изъ стремя освободилъ, а о другой и позабылъ вовсе, а она благополучно и просунулась сквозь стремя и я упавъ на землю, повисъ одною погою на стремѣ.

Всякому можно теперь разсудить, ни на единой ли волосъ или не на пядень ли я былъ отъ смерти? упасть на всемъ скаку лошади между пеньевъ и повиснуть на стремѣ! долго ли было убить лошади меня погою, либо раздребежить о пенья и каряги. Однако ни того ни другого не воспослѣдовало.Но Провидѣнію,бдѣвшему о цѣлости моей жизни и назначившему мнѣ жить многіе годы на свѣтѣ, угодно было распорядить инако, и сдѣлать то, чтобъ самый сей повидимому бѣдственный и напопаснѣйшій случай не только не послужилъ мнѣ ни къ малѣйшему вреду, но обратился еще мнѣ въ существенную пользу. Лошади надобно было паденіе мое почувствовать, а въ самое тожъ время заступить погою за поводъ, и отъ самаго того тотчасъ остановиться, а самое сіе и спасло меня отъ смерти. Я успѣлъ ногу свою изъ стремя высвободить и отъ лошади откатиться прочь; и какъ паденіе было не совершенное, то и не убился я ни мало, но былъ цѣлъ и невредимъ; польза же произошла та, что сей случай и родителя моего и самого меня такъ пастращалъ, что опъ съ сего времени не сталъ уже меня никогда брать съ собою на охоту, а я никогда не помышлялъ уже и проситься, но получилъ къ ней совершенное отвращеніе, что спасло меня отъ того, что я не могъ въ молодости своей къ сей пагубной охотѣ пристраститься, но во всё продолженіе жизни моей не находилъ въ ней никакого удовольствія, и не потерялъ на все ни единаго часа времени, но былъ всегдашнимъ ея ненавистникомъ.

Что касается до другого приключенія, то оно не составляло никакой дальней важности, и я упомяну о немъ только для того, чтобъ изъявить чрезъ то одну черту характера моего учителя. Было то уже на походѣ и въ самомъ городѣ Псковѣ, куда мы изъ зятниной деревни пріѣхали и нашли полкъ нашъ тутъ дожидающимся. Во все продолженіе сего похода отводима была обыкновенно, мнѣ съ учителемъ моимъ нѣмцемъ, особливая квартира, ибо какъ я учиться безпрерывно у него продолжалъ, то дабы намъ никто въ томъ не мѣшалъ и приказано было квартермистру назначать намъ всегда особую избу. По обыкновенію сему получили мы и въ семъ городѣ особый домикъ. Тутъ учась однажды послѣ обѣда, чѣмъ-то такимъ не угодилъ я своему учителю. Я уже сказывалъ, что человѣкъ онъ былъ мудренаго права и не угодить ему всего легче и скорѣе и всѣмъ было можно, и не рѣдко за самую бездѣлицу и ничего не стоющее дѣло не только сердился, бранился и ярился нѣсколько часовъ сряду, но и бивалъ и сѣкалъ меня немилосердымъ иногда образомъ, и чрезъ то произвелъ то; что я его не столько любилъ, сколько боялся и страшился.

Итакъ, не успѣлъ я ему не угодить и примѣтить, что начинаетъ опъ сердиться, какъ вострепеталъ душою и сердцемъ, слезы покатились у меня изъ глазъ, и я просилъ его, чтобъ опъ отпустилъ мнѣ мой проступокъ. Но не такого права и расположенія былъ мой учитель, чтобъ ему тропуться моими слезами и признаніемъ что я виноватъ; опъ возъярился еще болѣе и желая умышленно нанесть мнѣ болѣе страха и боязни, схватилъ стоявшее тутъ у стѣны по случаю ружье. зарядилъ оное и сбирался выстрѣлить въ

окно на улицу, вѣдая что мнѣ стрѣльба всего была страшнѣе. Я вострепеталъ сіе увидѣвъ, просилъ его сколько могъ, чтобъ онъ сего не дѣлалъ и меня не стращалъ; но какъ увидѣлъ, что всѣ мои просьбы были тщетны и онъ имъ только насмѣхался и меня дразнилъ, то дѣйствіе страха и боязни столь близкой стрѣльбы до того меня довело, что я вскочилъ, упалъ ему въ ноги и со слезами просилъ лучше меня сколько угодно ему высѣчь, но только не стрѣлять. — Но упрямца сего ни слезы, ни обниманія его ногъ, ни всѣ жалостныя умалиганія не могли тронуть, но онъ выстрѣлилъ и находилъ удовольствіе въ томъ, что я на смерть перестращался.

Но судьба не оставила его за таковое жестокосердіе безъ наказанія: ружье отдавши назадъ произвело ему такой толчокъ въ плечо, что онъ, насилу на ногахъ устоялъ, и у него оно недѣли двѣ болѣло. Однако и сего было еще не довольно, по скоро увидѣлъ онъ, что его и разорвало. Сіе явленіе произвело тогда сущую комедію: учитель мой примѣтивъ сіе столькожъ испужался тогда сколько самъ я настращанъ былъ до того времени. Ружье было хорошее и принадлежало квартермистру. Онъ легко могъ заключить, что какъ сіе дѣло откроется, и узнаютъ все происходившее, то для него будетъ весьма трудно отвѣчать; онъ радовался хотя что отдѣлался самъ цѣлъ, и что ружье хотя разорвало, но не совсѣмъ испортило, а только въ одномъ боку раздуло, и что можно еще было поврежденное мѣсто чѣмъ-нибудь замазать, и тѣмъ все дѣло на время скрыть; однако мнѣніе, что я не премину обовсемъ томъ разсказать, устрашало его несказаннымъ образомъ. Сіе обстоятельство превратило его изъ прежняго лютаго звѣря въ напсмиреннѣйшаго агнца. Низкоть духа его была такъ велика, что онъ сталъ меня просить, чтобъ я никому сего не сказывалъ, и всячески улещать, чтобъ я ему сіе угожденіе сдѣлалъ, обѣщая самъ мнѣ то замѣнить и не наказывать меня за вины мои. Я сколько ни огорченъ и ни раздосадованъ на него пи былъ, но чего не согласится ученикъ для учителя и для учителя такового сдѣлать. Посмѣявшись внутренно его трусости, и помучивъ нѣсколько своимъ молчаніемъ, согласился я наконецъ на его просьбу, и обоимъ намъ удалось такъ хорошо скрыть сіе дѣло, что никто не узналъ истины, чѣмъ дѣло сіе и кончилось.

Изъ дальнѣйшихъ происшествій бывшихъ во время сего похода, ничего особливаго я не помню кромѣ того, что мы шли чрезъ городъ Гдовъ, и пріѣхали въ Петербургъ уже по-зазимью.

Видъ сего нашего города и столицы былъ мнѣ поразителенъ. Я никогда еще его до тогдашняго времени не видывалъ, а только наслышался довольно, и потому нетерпѣливо хотѣлъ видѣть. Желаніе мое и удовольствовано было съ избыткомъ. Я при самомъ въѣздѣ растерялъ уже глаза на прекрасные дома и раскрашенные повсюду заборы и рѣшотки, и только что сидючи съ покойною матерью въ колескѣ восклицалъ: ну! Петербургъ! прямо Петербургъ! Когда-жъ увидѣлъ дворецъ и прочія огромныя зданія, то не зналъ какъ и изобразить свое удивленіе.

Квартиры для нашего полка назначены были тогда на Петербургской сторонѣ и были довольно изрядныя. Намъ случилось получить домъ подлѣ самой церкви Введенія Богородицы, и мы были квартирою своей очень довольны.

Не успѣли мы по симъ квартирамъ расположиться, какъ случилось въ Петербургѣ нарочито великое наводненіе. Явленіе сіе было для меня также новое. Всѣ улицы вокругъ нашего дома поняты были водою, и люди принуждены были ѣздить на лодкахъ и на воротахъ. Но по счастію продолжалось сіе наводненіе не долго и не произвело никакого дальняго вреда.

Вскорѣ послѣ насъ пріѣхала къ намъ старшая сестра съ мужемъ... сей былъ тогда уже аудиторомъ. Отцу моему хотя хотѣлось доставить и меньшому зятю офицерскій чинъ, но тогда производство было очень туго, и сдѣлать сіе не таково

было скоро. Но по счастію поспѣшествовалъ къ тому особый и печаянный случай. Въ полку нашемъ былъ тогда адъютантомъ алексинскій дворянинъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, самый тотъ, который послѣ дослужился до генеральскаго чина. Высокій его ростъ и красивый станъ полюбился при Дворѣ. Его взяли отъ насъ изъ полку въ лейбъ-компанію и какъ его мѣсто опросталось, то и произведенъ былъ на сію вакапцію мой старшій, а на его мѣсто мой младшій зять господинъ Травинъ въ аудиторы. Что касается до меня, то какъ я былъ еще сущимъ ребенкомъ, то по тогдашнимъ временамъ ничего еще со мною учинить было не можно, а все что я помню, то родитель мой учинилъ только то, что взялъ меня однажды съ собою во дворецъ, желая показать мнѣ сіе пышное императорское жилище.

Я не могу изобразить, съ какимъ удивленіемъ и подобострастіемъ взиралъ на тогдашній огромный домъ царей нашихъ. Онъ былъ тогда хотя сущая малость противъ нынѣшняго и немногимъ чѣмъ лучше нынѣшнихъ домовъ знатныхъ бояръ, но для меня казалось все велико и удивительно. Въ особливости же поразился я его внутренности, мнѣ показался онъ сущимъ раемъ, и я не зналъ на что смотрѣть и чему удивляться больше. Все казалось мнѣ величественно и великолѣпно, а паче всего утѣшали меня зеркальныя стѣны въ галереѣ, на которыя я не могъ довольно налюбоваться. Впрочемъ ходилъ я за отцомъ моимъ ни живъ ни мертвъ отъ подобострастія, и боялся прикоснуться самыхъ стѣнъ сихъ священныхъ чертоговъ нашихъ монарховъ.

Со всѣмъ тѣмъ самую Императрицу сколько я ни желалъ, но не удалось мнѣ тогда видѣть. А отецъ мой представлялъ меня только гофъ-маршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, котораго считалъ онъ себѣ милостивцемъ и другомъ.

Другой же знакомецъ и пріятель былъ у него гвардіи Измайловскаго полку маіоръ Гаврило Андреевичъ Рахмановъ. Сего я также видѣлъ, но какъ я былъ ребенкомъ, то и не удостоенъ я отъ нихъ никакого уваженія.

Другое и также для меня удивительное зрѣлище составлялъ бывшій, не помню въ какой день, фейерверкъ, но какъ я все еще боялся стрѣльбы, то видѣлъ я его не совершенно, и только издали верхніе огни и ракеты, которыя не могу изобразить какъ показались мнѣ удивительными.

Впрочемъ, препровождалъ я время свое въ продолженіи моихъ наукъ, и былъ безотлучно отъ учителя. Онъ жилъ у насъ же въ домѣ въ особливой пристройкѣ и тамъ сидѣли мы съ нимъ отъ утра до вечера. Сколько мнѣ помнится, то умѣлъ уже я около сего времени изрядненько писать понѣмецки, а въ прочемъ училъ уже грамматику нѣмецкую, но судя по теперешнему знанію все мое ученіе было пребѣднѣйшее. Ибо какъ учитель мой самъ не зналъ ни аза въ глаза, о томъ, какъ учатъ люди по грамматикѣ, то все ученіе его состояло въ томъ, что выписывалъ онъ всѣ слова и вокабулы и заставлялъ меня вытверживать ихъ наизусть; до глаголовъ и до прочихъ частей намъ съ нимъ и дѣла не было, и потому можно сказать, что все ученіе его было прямо топорной работы, почему и не удивительно, что не было оттого и дальняго успѣха, ибо память моя отягощаема была только множествомъ вокабулъ, но которыя я стольже скоро опять по молодости своей позабывать могъ, какъ и выучивался, пользы же отъ того было очень мало.

Предъ приближеніемъ новаго года, вздумалось учителю моем у сочинить поздравительное письмо родителю моему отъ имени моего съ новымъ годомъ, и заставить его меня переписать на бѣлой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Въ работѣ сей упражнялся я нѣсколько времени, ибо становилъ всякое слово съ превеликою осторожностію и боязнію, чтобъ не испортить. Бумага сія почитаема была власно какъ нѣкакою святостію и я трепеталъ писавши оную, и нынѣ весьма дорого-бъ заплатилъ, если-бы кто могъ отыскать мнѣ оную. Я надсѣлся со смѣха

тогдашнему моему писанью, а не столько писанію сколько русскому переводу, который вздумалось учителю моему пріобщить на другой страницѣ, и который, какъ теперь помню, былъ наиглупѣйшій и вздорнѣйшій и содержалъ такую нескладную галиматью, чтобъ тому довольно нахохотаться было неможно. Но, къ сожалѣнію, время похитило у меня сію грамоту и монументъ глупости моего учителя.

Кромѣ сего продолжалъ я учиться ариѳметики, и около сего времени былъ уже далекъ въ опой, ибо за понятіемъ моимъ не было ни малѣйшей остановки. Я понималъ все хорошо и довольно скоро, а не доставало только порядка въ ученіи и хорошаго учителя.

Какъ въ доказательство тому, такъ и въ дальнѣйшее изображеніе страннаго характера моего учителя, разскажу я теперь одинъ случай и происшествіе со мною, бывшее около сего времени.

Однажды, обучая меня ариѳметики, вздумалось учителю моему мнѣ сказать, что въ послѣдующій за тѣмъ день задастъ онъ мнѣ такую задачу, надъ которою я довольно посижу и едвали сдѣлать буду въ состояніи. Я каковъ ни малъ былъ, но какъ самъ о себѣ вѣдалъ, что ариѳметика была мнѣ довольно знакома, то тронуло сіе мое честолюбіе, я любопытенъ былъ узнать, что за такая мудреная была та задача, о которой онъ съ превеликою надменностію о своемъ знаніи говорилъ, и почему-бъ такому сомнѣвался онъ, что я ее не сдѣлаю. Побуждаемъ симъ любопытствомъ просилъ я его, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, существо задачи, и по несчастію моему онъ сіе и исполнилъ.

Задача въ самомъ дѣлѣ была для меня новая и такая, какой я до того времени не дѣлывалъ. Она принадлежала къ фальшивымъ правиламъ и всѣмъ ариѳметистамъ довольно извѣстная, а именно касающаяся до стада гусей и повстрѣчавшемуся съ нимъ одного гуся.

Не успѣлъ я услышать и узнать въ чемъ состояла задача, какъ не хотя поставить себя въ стыдѣ, началъ я еще тогда же мысленно доискиваться, какомужъ числу надлежало быть, если положивъ оное еще разъ да половину, да четверть того числа, да еще одного гуся, пришлось бы ровно сто. И какъ любопытство, такъ и желаніе до того добраться было такъ велико, что я легши спать до полуночи не спалъ, а все думалъ, и прежде не уснулъ, покуда не добрался, что число гусей было 36. Сей случай былъ первый, при которомъ разумъ мой оказалъ свою способность и принужденъ былъ дѣйствовать собою. Я несказанно обрадовался добравшись до дѣлаемаго и заснулъ въ мечтательныхъ воображеніяхъ отъ удивленія и удовольствія, какое будетъ имѣть мой учитель при скоромъ моемъ рѣшеніи его задачи, и съ нетерпѣливостію дожидался того времени, какъ мнѣ оная задана будетъ. Сколь я ни малъ былъ, но разсудилъ, что дурно будетъ, если сдѣлаю я ее слишкомъ скоро, а потому и положилъ притвориться и напередъ минуту другую цифровъ пописать, а потомъ уже сдѣлать, что и исполнилъ я въ самой точности.

Но что жъ воспослѣдовало и сколь много обманулся я въ моемъ чаяніи и ожиданіи и сколь худо заплачено было за мое усердіе и труды. Не успѣлъ я извѣстное мнѣ число на доскѣ написать и задачу сдѣлать, какъ вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ за то похвалъ, учитель мой взъярился. Обстоятельство, что онъ въ ожиданіи своемъ обманулся, и ему не удалось меня помучить, такъ его взбѣсило, что напалъ на меня какъ лютый звѣрь и насильно требовалъ, чтобъ я признался, что я у него число сіе, написанное на аспидной доскѣ, повѣшенной на стѣнѣ, подсмотрѣлъ, а не самъ собою допскался. Я, вѣдая его бѣшеный нравъ, вострепеталъ сіе увидѣвъ. Я клялся ему небомъ и землею, что того не вѣдалъ, что у него задача сія была написана на доскѣ, и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что цѣлую почти ночь не спалъ и доискался

самъ; но всѣ мои клятвы и увѣренія были тщетны, онъ и слышать того не хотѣлъ, чтобъ сіе возможное было дѣло, и я принужденъ былъ вытерпѣть отъ него цѣлую пытку. Во вѣки не позабуду сего случая и того, сколь чувствительно и несносно было мнѣ тогда терпѣть сію сущую пытку по напрасну. Нѣмецъ мой сдѣлался сущимъ тогда извергомъ. Онъ не только меня пзсѣкъ немилосердным образомъ хворостинами по всему тѣлу, безъ всякаго разбора, но грызъ почти меня зубами и терзалъ какъ лютый звѣрь безъ всякаго человѣчества и милосердія. Онъ такъ разъярился, что пѣна стояла у него во рту, и до тѣхъ поръ меня мучилъ, покуда выбился самъ уже пзъ силъ, и запыхался такъ, что принужденъ былъ меня покинуть. Ни слезы, ни вопль, ни умаливанія, ни цѣлованія рукъ его и ногъ, ни повторяемыя клятвы, не могли смягчить сего чудовища. Къ вящему моему несчастію, комнатка моя была въ такомъ углу и отдаленіи что никому крика и вопля моего было не слышно и никто не могъ приттить и меня отнять у сего тирана. Вотъ какого имѣлъ я учителя.

Насытившись сколько душѣ его было угодно и не добившись отъ меня всѣмъ сѣченіемъ своимъ ничего, ибо мнѣ въ самомъ дѣлѣ сказать было нечего, утолился онъ наконецъ самъ отъ своей ярости, и смотрѣлъ на меня, хлипующаго и сидящаго въ наижалостнѣйшемъ состояніи. Слезы текли у меня изъ глазъ ручьями, и горесть, которую я тогда чувствовалъ, была неописанна.

Но сколь удивленіе мое было чрезвычайно, какъ въ самое сіе время увидѣлъ я учителя моего, вставшаго подошедшаго ко мнѣ, превратившагося изъ прежняго лютаго звѣря въ наикротчайшаго агнца, и начавшаго нѣжно трепать меня по щекѣ и ласковѣйшимъ образомъ уговаривать, чтобъ я пересталъ плакать: «ну! ну! говорилъ онъ, Богъ тебя проститъ! перестань плакать, помиримся». Явленіе сіе и таковыя неожиданныя слова еще болѣе усугубили мою горесть и слезы: «не въ чемъ меня, отвѣчалъ я сквозь слезы, ни Богу, ни вамъ прощать, я ничего не сдѣлалъ, и вы Бога, сударь, не боитесь, что такъ меня измучили совсѣмъ напрасно; батюшка и матушка какъ изволятъ, а я упаду къ ногамъ ихъ и буду просить, чтобъ они меня помиловали». Сей отвѣтъ мой его еще болѣе встревожилъ, ибо надобно знать, что таковое дружное и скорое превращеніе его было по причинѣ: онъ примѣтилъ, что во время сѣченія и ярости своей, поступилъ онъ слишкомъ неосторожно и розгами попалъ мнѣ въ лицо и произвелъ превеликой рубецъ на щекѣ и въ самой близости подлѣ глаза. Сего обстоятельства я и самъ тогда еще не вѣдалъ, а онъ какъ ни золъ былъ, однако легко могъ предвидѣть, что за сіе будетъ ему отъ родителей моихъ превеликая гонка. Онъ раскаявался тогда, но уже было поздно, что поступилъ со мною такъ безчеловѣчно, и не зналъ чѣмъ пособить сему злу, и чѣмъ и какъ бы скрыть и утаить сіе дѣло отъ узнанія моихъ родителей. Самое сіе и припудило его надѣть на себя овечье платье, сдѣлаться сущею лиспцею и всячески стараться меня улещпвать и уговорить, чтобъ я сказалъ, что рубецъ сей получилъ не отъ сѣченія, а будто бы ходилъ въ садъ и выстегнулъ себѣ лицо нечаянно хворостиною. Но я не таковъ былъ глупъ, чтобъ тотчасъ на сіе предложеніе и согласиться, но узнавши сіе обстоятельство восторжествовалъ надъ моимъ мучителемъ: смѣялся внутренно его трусости и малодушію и въ нѣкоторое отмщеніе за претерпѣнныя отъ него невинно побои помучилъ его часа три своею несговорчивостію и нехотѣніемъ утаить сего дѣла отъ родителей, и довелъ его наконецъ до того, что онъ перетрусился въ прахъ, не зналъ что дѣлать, ласкалъ меня всѣмъ чѣмъ можно, надавалъ тысячу клятвъ и обѣщапій, что впередъ меня сѣчь не станетъ, насулилъ мнѣ ягодъ и конфектовъ и всѣмъ тѣмъ и неотступными просьбами убѣдилъ меня наконецъ къ тому, что я согласился по крайней мѣрѣ не приносить родителямъ моимъ на него жалобы.

Сіе слово я хотя и сдержалъ, однако дѣло сіе не могло никакъ утаиться въ домѣ. Сестра моя, любившая меня весьма горячо, примѣтивъ рубецъ, тотчасъ меня стала спрашивать, и я хотя и не хотѣлъ сказывать, но догадались и сами. Тотчасъ узнала и покойная моя мать и не только учителю моему дала превеликую за то гонку, но поссорилась за то почти и съ моимъ отцомъ; но сей, не узнавъ всей истины, не уважилъ сего дѣла по достоинству, и чрезъ самое то далъ учителю моему поползновеніе и впередъ предпринимать дѣла тому подобныя. Говорилъ ли онъ отъ себя что-нибудь учителю, того уже я не знаю; но какъ бы то ни было, но тѣмъ исторія сія тогда кончилась, и учитель мой нѣсколько времени былъ посмирнѣе, однако не надолго, а скоро принялся опять за свое глупое ремесло, какъ о томъ упомянется впослѣдствіи.

Изъ прочихъ приключеній, случившихся со мною около сего времени, помню я только одно, и довольно странное и удивительное. Одному изъ самыхъ переднихъ верхнихъ моихъ зубовъ во рту вздумалось что-то рость совсѣмъ превратнымъ образомъ, а именно вверхъ, и не только прорѣзать собою верхнюю десну, но произвесть рану и на самой верхней губѣ изнутри и пройтить уже почти на половину сквозь оную. Таковое странное и необыкновенное явленіе озаботило и смущало моихъ родителей, они не знали что со мною и съ зубомъ симъ дѣлать и тѣмъ паче, что онъ росъ къ верху острымъ концомъ и мнѣ много мѣшалъ уже и говорить. Они совѣтовали уже со многими врачами, но для всѣхъ явленіе сіе было новое и необыкновенное, и никто не отваживался взять на себя коммисію его выдернуть. И я истинно не знаю, чтобъ со мною воспослѣдовало, если бъ не сталъ сей опасный зубъ самъ качаться и не раскачался въ скоромъ времени такъ, что полковому нашему лекарю никакого почти труда не стоило опый, пальцами повернувъ немного, выдернуть и чрезъ то избавить меня отъ опасности быть уродомъ.

Примѣчанія достойно, что на семъ мѣстѣ не выросло уже у меня никогда зуба, а дабы число зубовъ не сдѣлать у меня недостаточнымъ, то произвела натура новый зубъ, хотя подлѣ того мѣста, но въ необыкновенномъ мѣстѣ, а именно въ небѣ, которымъ зубомъ я и по нынѣ еще отличаюсь отъ всѣхъ прочихъ людей на свѣтѣ, ибо во всю мою жизнь случилось мнѣ видѣть и найтить у одного только человѣка, у котораго былъ зубъ точно подобный моему, а именно у одного изъ господъ Бакѣевыхъ, дальняго моего родственника съ материей стороны; онъ назывался Сила Борисьевичъ, жилъ не подалеку отъ насъ въ деревнѣ и объ немъ имѣть я буду говорить впредь при другомъ случаѣ. Впрочемъ, всѣ родственники мои сначала боялись, чтобъ сей удивительный зубъ не сталъ мнѣ мѣшать говорить, однако послѣ оказалось, что онъ дальняго помѣшательства мнѣ не дѣлалъ, но я прожилъ съ нимъ цѣлый вѣкъ и говорилъ какъ надобно.

Между сими происшествіями прошелъ тысяча семь сотъ сорокъ седьмой годъ, который былъ достопамятенъ въ жизни моей тѣмъ, что я въ оный началъ впервые учиться иностраннымъ языкамъ, и подверженъ былъ два раза величайшей опаспости, но отъ которыхъ счастливо освободился; а какъ кстати и письмо сіе довольно увеличилось, то отложивъ дальнѣйшее повѣствованіе до послѣдующаго, сіе теперь окончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

ВЪ КУРЛЯНДІИ.

Письмо 8-е.

Любезный пріятель!

Предслѣдующее письмо пресѣкъ я окончаніемъ 1747 года, а теперь, продолжая повѣствованіе мое, разскажу вамъ, что случилось со мною въ наступившій послѣ его новый и 1748 годъ, который

не менѣе достопамятенъ былъ бывшими со мною разными приключеніями.

Полкъ нашъ простоялъ въ Петербургѣ недолго, ибо не успѣло наступившаго новаго года пройтить одного мѣсяца, какъ вдругъ и совсѣмъ нечаяннымъ образомъ сказанъ былъ намъ опять походъ, и велѣно было немедленно иттить въ Курляндію. Причиною движенію сему была горѣвшая около сего времени въ Европѣ война и намѣреніе нашего двора отправить въ Германію къ Цесаревѣ вспомогательный корпусъ. Неожиданность сія насъ не менѣе удивила, сколько и поразстропла: но какъ бы то ни было, но мы должны были повиноваться и выступить въ походъ еще въ началѣ февраля мѣсяца.

Походъ сей, продолжаемый зимнимъ путемъ, былъ мнѣ сколько пріятенъ тѣмъ, что мы получали вездѣ прекрасныя квартиры, ибо оныя отцу моему отводимы были обыкновенно на почтовыхъ дворахъ, изъ коихъ въ каждомъ находили особыя и отмѣнныя отъ другихъ украшенія и убранства, сколько досаденъ тѣмъ, что учитель мой и во время самой дороги заставливалъ меня учить наизусть и твердить вокабулы, и требовалъ, чтобъ я изъ многихъ тысячъ выученныхъ наизусть словъ не позабылъ ни единаго. Но какъ сіе составляло сущую невозможность, то и принужденъ я былъ терпѣть отъ него за то превеликое зло и лихо. Всѣ обѣщанія его меня не сѣчь были позабыты и я не рѣдко принужденъ былъ страдать отъ сего жестокосердаго; но никогда онъ такъ много меня не сѣкалъ, какъ при одномъ случаѣ во время сего путешествія. Какъ теперь подумаю, то кажется, что онъ существительное находилъ увеселеніе и утѣшеніе въ томъ, чтобъ меня терзать и мучить. Въ сіе время затѣялъ онъ однажды всѣ вокабулы, сколько я ихъ въ разныя времена ни выучилъ, прослушать, и давъ мнѣ только сутки времени протвердить, напередъ сказалъ, что онъ за каждое позабытое мною слово неотмѣнно влѣпитъ мнѣ по три удара розгою въ спину. Я удостовѣренъ былъ, что онъ сіе дѣйствительно исполнитъ, и сіе нагнало на меня такой страхъ и привело мысли мои въ такую разстройку, что я множество и такихъ словъ позабылъ, которыя дѣйствительно помнилъ, а особливо тогда, когда онъ началъ меня прослушивать и всѣ забытыя слова считать и радоваться, что будетъ ему случай насытить свою лютость и хорошенько меня помучить. Розги приготовлены уже были превеликія и лежали на столѣ, и сіе зрѣлище привело меня въ такую робость, что я и на самые извѣстнѣйшіе вопросы не могъ ему ничего отвѣтствовать. Наконецъ кончилось прослушиваніе и онъ насчиталъ всѣхъ позабытыхъ словъ болѣе двухсотъ и съ звѣрскимъ хохотомъ возвѣщалъ мнѣ, что я получу 600 ударовъ. Я обмеръ и испужался увидѣвъ, что онъ дѣйствительно сіе исполнить предпріялъ, и не зналъ что дѣлать. Къ несчастію случилось сіе въ одномъ селѣ на особой и отдаленной квартирѣ, въ которой никого не было кромѣ одной хозяйки; я упалъ ему въ ноги и обливши слезами просилъ о помилованіи; но всѣ мои умаливанія были тщетны, прощать не его было свойство, и я принужденъ былъ шествовать на дворъ, гдѣ вознамѣрился онъ произвесть надо мною сію экзекуцію и собственно для того, чтобъ тѣмъ меньше можно было кому-нибудь мой вопль услышать. Тутъ ущемивъ меня между ногъ, началъ онъ меня тиранить и дѣйствительно считать всѣ разы; я кричалъ, вопилъ, а наконецъ и вопить уже болѣе не могъ и уже не зналъ, чтобъ со мною было еслибъ не сжалилась со мною хозяйка и не избавила меня отъ сего мучителя. Уже пасчиталъ онъ двѣсти разъ и началъ считать третью сотню, и я уже осипъ отъ кричанія, какъ выбѣжала на дворъ сія добросердечная женщина, и прибѣгши къ намъ силою отняла меня отъ него и оттолкнувъ его прочь сказала: «и что ты за лукавый! вѣдь ты ребенка-то до смерти засѣчешь! и если тебѣ Богъ?— Бусурманъ проклятый»! Онъ-было вздумалъ противиться и отнять меня у ней

опять. Однако она такъ его отъ себя толкнула, что онъ чуть было не упалъ, и повела меня прямо со двора, чтобъ весть къ моей матери. Но самая сія выдумка усмирила моего мучителя, опъ побожился ей, что не станетъ болѣе сѣчь: и она послушалась и оставила.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ въ сей разъ было уже слишкомъ неспосно, то я не преминулъ уже формепно на него матери своей пожаловаться, и разсказавъ все, показать сколь жестоко я изсѣчепъ, и сіе такъ много воздѣйствовало, что ему отъ родителей монхъ досталась не только превеликая гонка, но и формально запрещепо впредь безъ ихъ вѣдома меня наказывать. Исъ сего времени сдѣлался учитель мой уже гораздо смирнѣе, и я не помню уже ш однажды, чтобъ онъ меня такъ сильно сѣкалъ.

Мы препроводили въ семъ походѣ не малое время, ибо надлежало проходить всю Ингрію, Эстляндію и Лифляндію, а полки, какъ извѣстно, ходятъ не скоро, и при томъ все съ растахами, посему и не могли прежде въ Курляндію приттить, какъ въ Мартѣ мѣсяцѣ. Для стоянія нашему полку пазначепо было мѣстечко или городокъ Бовскъ съ его окрестностями, куда пришедъ мы и расположились.

Мѣстечко сіе было изрядное, лежащее при рѣкѣ Немоптѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Муха. Подлѣ самаго устья сей послѣдней рѣки паходился старинный каменный, но на половину развалившійся замокъ съ полверсты отъ нынѣшняго жила. Въ нынѣшнемъ-же городкѣ были многіе изрядные домики, и для отца моего отведена была изрядная квартира и учителю моему прямо насупротивъ у одпого пекаря, куда я къ нему и хаживалъ учиться.

Не успѣли мы тутъ расположиться и основать свое жилище, какъ наступила святая недѣля. Мы праздновали день Пасхи въ поставленной въ домѣ полковой церкви, и отецъ мой имѣлъ при семъ случаѣ ту досаду, что во время стрѣлянія изъ пушекъ оторвало одпому капопиру руку.

По наступленіи весны выведенъ былъ весь полкъ въ лагерь, но какъ расположенъ опъ былъ въ близости подлѣ самаго города, то мы остались стоять на прежней своей квартирѣ въ городѣ.

Полкъ нашъ простоялъ въ семъ мѣстѣ во все сіе лѣто, и стоять было ему тутъ не дурно. Отецъ мой, пользуясь знаніемъ своимъ нѣмецкаго языка, спознакомился тотчасъ съ живущими тутъ по близости дворянами, и будучи всѣми ими обласканъ и всячною обсылаемъ, имѣлъ не рѣдко съ ними свиданія, ѣзжая съ нимъ въ деревни и угощая самъ у себя оныхъ.

Изъ сихъ выѣздовъ его къ сосѣдственнымъ дворянамъ памятенъ мнѣ въ особливости одинъ, потому что и мнѣ случилось при томъ быть, и произошло при случаѣ семъ нѣчто смѣшное и такое, изъ чего можно нѣкоторымъ образомъ видѣть образъ жизни дворянъ курляндскихъ.

Одному изъ нихъ, верстъ пять отъ города живущему, вздумалось позвать отца моего съ лучшими офицерами къ себѣ обѣдать. Отецъ мой на то охотно и согласился и взялъ съ собою моего старшаго зятя и человѣкъ трехъ изъ лучшихъ капитановъ, также и меня туда, и поѣхали. Мызникъ былъ намъ очень радъ, и по ласковому его пріему думали всѣ мы, что онъ угоститъ насъ изящнымъ образомъ. Но чтожъ воспослѣдовало?

Пришелъ двѣнадцатый часъ, подали по маленькой рюмочкѣ водки и вмѣстѣ съ нею на тарелкѣ по маленькому сухарику бѣлаго хлѣба для закуски. Родитель мой тѣмъ былъ и доволенъ, ибо онъ не жаловалъ никогда пить много. Но господамъ нашимъ русакамъ гренадерскимъ капитанамъ было сіе уже первое не понутру. Для нихъ лучшебъ было по хорошей красаулѣ и для закуски чего-нибудь такого, чего-бъ можно-бъ было въ полсыта паѣсться. Однако какъ пріѣхали они всѣ въ первый разъ къ сему дворянину и при томъ не одни, а съ своимъ полковникомъ, то принуждены они были уже тѣмъ довольствоваться, ласкаясь по крайней мѣрѣ тою надеждою, что скоро станутъ обѣдать, и что за обѣдомъ награ-

дятъ они уже сей недостатокъ. Выпивши по сей рюмочки, усѣлись они опять по своимъ мѣстамъ, и начали слушать неразумѣемые ни кѣмъ изъ нихъ нѣмецкіе разговоры у отца моего съ хозяиномъ. Сидятъ они и ждутъ обѣда часъ, сидятъ и другой, по обѣда по завѣтѣ нѣтъ. Пробило двѣнадцать, пробило часъ за полдни, миновала уже и второго половина, но не слышно было, чтобъ и тарелками гремѣли «Господи помилуй! думаютъ они, и шепчутъ между собою, когда это обѣдъ будетъ»?!...

Однако нечего дѣлать, принуждены сидѣть и зѣвая дожидаться. Проходитъ наконецъ и вторая половина часа, бьетъ два часа за полдни, но на столъ и сбирать не помышляли. Тогда пропяло уже ихъ не путемъ: не привыкши никогда такъ долго говѣть, бѣсились они и досадовали всѣ на хозяина. Они моргали моему родителю, давая знать свое удивленіе и петерпѣливость, но сей, будучи весьма скромный человѣкъ, терпѣлъ хотя самъ голодъ, но не хотѣлъ нарушить благопристойность, и просить хозяина о скорѣйшемъ ихъ накормленіи, а удивляясь не меньше самъ тому, какъ и они, шепнулъ одному изъ нихъ, что ежели имъ скучно, такъ вышли-бъ они на дворъ или пошли въ садъ и погуляли, а между тѣмъ распровѣдали и о причинѣ. Они сего только и дожидались, ибо, наскучивъ статуями сидѣть, почти уже дремали.

Итакъ, покинувъ отца моего съ мызникомъ въ разговорахъ, вышли мы всѣ на дворъ, и тогда-то бы послушать надобно было всѣхъ ихъ благословеній мызнику. Всякъ напрерывъ старался его ругать и бранить, и всякій ругалъ за то, что моритъ голодомъ, но ругательствы и брани ему не такія пошли, какъ узнали причину. Всѣ они до того думали, что конечно онъ позабылъ, что звалъ насъ въ сей день обѣдать, и заключали, что вѣрно онъ тогда только велѣлъ готовить кушать, какъ мы пріѣхали. Однако было совсѣмъ не то; а вышло наконецъ, что онъ ни мало не позабылъ и пасъ къ себѣ ждалъ, а за тѣмъ только на столъ не собираетъ, что жаренаго нѣтъ, и что не возвратился еще съ поля егерь, посланный стрѣлять дичь всякую. И! дьяволъ бы тебя проклятаго взялъ! закричали они всѣ, сіе услышавъ, — и со своею дичью. Неужели нѣтъ у тебя никакого куска зажарить, и стоитъ-ли того, чтобъ для этого одного насъ такъ долго морить»? Однако какъ они ни сердились и ни бранились, но принуждены были еще съ цѣлый часъ поговѣть для двухъ маленькихъ кулячковъ, которыхъ и обоихъ для одного человѣка было мало. Но за то и дали же они ему, возвращаясь назадъ, изрядное благословеніе, и всю дорогу о томъ продосадовали и прохохотали.

Между тѣмъ какъ мы симъ образомъ тутъ стояли, продолжалъ я по прежнему учиться нѣмецкому языку и ариѳметики, и какъ я былъ уже нѣсколько постарѣе и попонятнѣе, то ученье мнѣ было уже не таково скучно; и тѣмъ паче, что и учитель былъ уже смирнѣе, сверхъ того и труды мои услаждаемы были частыми отпусканіями меня гулять, да и сверхъ того особыми удовольствіями, ибо, во-первыхъ, угодно было родителю моему въ сію весну записать меня въ военную службу, и помѣстить въ полкъ свой въ число солдатъ, а чрезъ мѣсяцъ произвесть въ капралы. Опредѣленіе въ службу малолѣтныхъ было тогда не таково легко, какъ нынѣ, и родителю моему самаго сего бездѣльнаго дѣла не можно-бъ было сдѣлать, если-бъ на тотъ разъ не находились мы за границей и внѣ своего отечества, ибо Курляндія и тогда намъ не принадлежала. Сверхъ того помогло къ тому много и то, что имѣлъ онъ фельдмаршала себѣ пріятелемъ.

По какъ бы то ни было, но для меня имя солдата обращалось въ превеликое удовольствіе, а какъ сдѣлали мнѣ маленькой мундиръ, и нашли капральской позументъ, то я уже не зналъ отъ радости что дѣлать.

Вступивъ симъ образомъ въ военную службу, былъ я хотя по десятому году, но началъ помышлять уже о военномъ

и въ праздное время и утѣшать себя такими забавами, которыя къ тому были приличны. Я спознакомился со многими мѣщанскими дѣтьми сего мѣстечка, уговорилъ и набралъ изъ нихъ цѣлое капральство и человѣкъ до тридцати выбралъ изъ нихъ ефрейторовъ и барабанщиковъ, снабдилъ ихъ всѣхъ деревянными ружьями, а барабанщиковъ маленькими барабанами. Потомъ, научившись самъ я бить въ барабанъ, и метать ружьемъ артикулъ, переучилъ и ихъ всѣхъ тому-же, и наилучшая моя забава состояла въ томъ, чтобъ съ ними порядочно маршировать и екзерцироваться ружьями; но не могу и по нынѣ надивиться тому, какъ я могъ тогда довесть ихъ себѣ до совершеннаго послушанія, и до того что я могъ съ ними дѣлать что хотѣлъ. Всякой разъ когда надобно мнѣ было ихъ собрать, такъ нужно было только послать ефрейтора, какъ всѣ безотговорочно являлись.

Обыкновенное наше ученіе было въ праздничные и воскресные дни; тутъ собравшись маршировали мы порядочно взводами чрезъ весь городъ. Выхаживали въ поле и дѣлали разныя екзерціи, а не рѣдко прохаживали до выше помянутаго старинаго замка, и раздѣлясь на-двое, нѣкоторые приступали къ опому, а другіе, засѣвъ въ опомъ и вскарабкавшись на стѣны и въ проломы, оборонялись. Но дивиться надобно было, какъ не случилось намъ тутъ никогда другъ друга перебить. Вокругъ всего сего на половину развалившагося замка лежало еще множество чугунныхъ пушекъ съ отрубленными ушами и между ими и мусоромъ валялось множество большихъ и малыхъ ядеръ, а всего болѣе пушечныхъ картечей. Я не понимаю и дивлюсь еще и по нынѣ, какимъ образомъ они уцѣлѣли тутъ отъ древности и не растасканы были поселянами. Но какъ бы то ни было, по всякій разъ какъ мы къ симъ развалинамъ ни прихаживали, наилучшее наше утѣшеніе состояло въ томъ, чтобъ собирать и выкапывать изъ мусора сіи ядры и картечи и ими швыряться при дѣлаемыхъ нами приступахъ и оборонахъ. И самъ Богъ насъ охранялъ, что мы никому изъ насъ не проломили имя голову.

Изъ сихъ дѣтскихъ игрушекъ явствуетъ, что я съ малолѣтства имѣлъ великую склонность къ военному дѣлу, и можетъ-быть вышелъ-бы изъ меня и воинъ, если-бы судьбѣ угодно было расположить обстоятельства мои иначе, но Провидѣніе назначило, меня не къ тому чтобъ мнѣ быть генераломъ, а совсѣмъ къ иному. Но я возвращусь къ исторіи.

Препровождая въ таковыхъ воинскихъ игрушкахъ нерѣдко свое время, угодилъ я тѣмъ весьма много моему родителю и сдѣлалъ то, что онъ хотя и скупъ былъ на раздачу чиновъ, а особливо мнѣ, однако по неотступной просьбѣ офицеровъ, которые всѣ меня любили, произвелъ меня въ подпрапорщики, а потомъ въ каптенармусы и далъ мнѣ другой позументъ.

Сіе было опять мнѣ причиною къ великой радости. Я начиналъ уже мечтать о себѣ, что я уже нѣчто составляю, и какъ чинъ мой ни малъ былъ, но я гордился уже онымъ. Я примножилъ еще болѣ мою военную команду, и перенимая все какъ маленькая обезьяна у старыхъ, восхотѣлъ завесть и такую строгую дисциплину, какая наблюдалась въ полкахъ, и не только учить ихъ екзерціи, но и ослушныхъ наказывать по военному, не предвидя того, что самое сіе въ состояніи было всѣмъ нашимъ забавамъ конецъ положить и все дѣло испортить.

Одинъ негодный мальчишка былъ тому причиною. Будучи нѣсколько разъ браненъ за ослушаніе команды, и за неприходъ въ повелѣнное время, и не хотя исправиться, побудилъ онъ насъ всѣхъ сдѣлать общій совѣтъ, чѣмъ-бы намъ его за то наказать. И всѣ мы были такъ глупы, что осудили по общему приговору высѣчь его предъ фронтомъ порядочнымъ образомъ батожьями. Сіе и учинили мы во всей формѣ, и бѣдняка сего разложивъ порядочно выпороли. Но бездѣльникъ сей и разрушилъ всѣ наши забавы и утѣшенья. Онъ расплакался и разжаловался матери, сія разжаловалась

своему мужу и подожгла пттпть просить. И такъ дошла просьба о томъ моему родителю, и слѣдствіемъ отъ того было то, что все общество наше было разрушено, корпусъ кассированъ, а мнѣ учинена превелпкая гонка.

Однако забавамъ симъ и безъ того не можно-бъ было долго продолжпться, ибо покойный родитель мой, видя меня часъ отъ часу возрастающаго и примѣтивъ, что способности во мнѣ ко всему отъ часу оказывались болѣе, давно уже помышлялъ о дальнѣйшемъ поспѣшествованіи моимъ наукамъ. О тогдашнемъ моемъ ученіи могъ онъ уже самъ усмотрѣть, что изовсего онаго мало прока выйдетъ. Ибо я хотя и зналъ нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ словъ, но говорить былъ вовсе не въ состояніи, ибо учитель мой вовсе не такъ меня училъ какъ надобпо, или прямѣе сказать, не умѣлъ какъ учить, и я думаю, что хотябъ я проучился у него еще 3 года, но и тогда говорить бы былъ не въ состояніи, а особлпво потому, что я живучи дома имѣлъ всегда случай говорить по-русски. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, и хотѣлось родителю моему уже давно отдать меня куда-пибудь въ лучшую школу, или къ лучшему учителю, и какъ онъ узналъ, что у одного сосѣдственнаго курляндскаго дворянина содержался въ домѣ для обученія дѣтей учитель, то, сведя съ нимъ знакомство, и отдалъ меня къ сему учителю.

И какъ съ сего времени начинается новый періодъ моей жизни, и начало самаго ученія, то я предоставлю говорить о томъ въ предбудущемъ письмѣ, а сіе симъ кончу и остаюсь вашъ и прочая.

ВЪ МЫЗѢ ПАЦЪ.

Письмо 9-е.

Любезный пріятель!

Тотъ курляндскій дворянинъ, къ которому въ домъ меня отдали учиться, назывался господиномъ Нетельгорстомъ, и жилъ отъ мѣстечка Бовска верстъ съ 16, или около 20, на самой польской границѣ. Онъ былъ не убогой человѣкъ, имѣлъ въ мызѣ Пацъ изрядный у себя домъ и подлѣ его прекрасный регулярный садъ, украшенный множествомъ статуй. Самъ онъ былъ уже старикъ, и старикъ угрюмый и несговорчивый, но жену имѣлъ молодую, боярыню бойкую и прекрасную. Она была ему уже вторая жена, а отъ первой имѣлъ онъ двухъ сыновей, уже довольно взрослыхъ. Одного изъ нихъ звали Ерпстомъ и который нынѣ заступилъ мѣсто отца своего и владѣетъ сею мызою, а другого Оттою или Отономъ. Сей находится нынѣ въ Дерптѣ, комендантомъ или плацъ-маіоромъ. Отъ помянутой же второй жены, имѣлъ онъ только одну дочь, и ту еще маленькую. Сыновья же его были несравненно меня больше, и такими, какихъ нынѣ у насъ болѣе уже никто не учитъ. Но у курляндцевъ такого глупаго обыкновенія не было, чтобъ оставлять дѣтей полуобученными и сущими еще ребятками пускать въ службу, — но они и тогда еще продолжали учиться, хотябъ большого время было и женить. Для обученія ихъ содержалъ сей дворянинъ не такого француза вѣтра, какіе бываютъ у насъ, а порядочнаго и ученаго человѣка родомъ изъ Саксоніи и прозваніемъ Чааха. У сего не столько учились, сколько студировали они философію на латинскомъ языкѣ, ибо языкамъ и прочимъ прелиминарнымъ наукамъ они давно уже выучились.

Учитель сей былъ весьма степенный и важный и порядочной жизни человѣкъ, онъ студировалъ въ лейпцигской академіи или университетѣ, и кромѣ прочихъ наукъ умѣлъ довольно изрядно рисовать. Для спокойнѣйшаго ученія сдѣланъ былъ для него на дворѣ и окошками въ садъ особый домикъ, гдѣ онъ и жилъ съ сыновьями господина Нетельгорста.

Сему-то человѣку порученъ я былъ на руки, съ тѣмъ, чтобъ меня не только доучивать по-нѣмецки, но начать учить и по-французски, также и рисовать. А господинъ Нетельгорстъ былъ столько къ отцу моему благосклоненъ, что взялся содержать меня при своемъ столѣ без-

заплатно. Меня привезъ туда самъ покойный родитель, и оставилъ меня тутъ, прислявъ мнѣ только одного моего прежняго дядьку, для одѣванія меня и раздѣванія. Мнѣ отвели мѣсто въ томъ же маленькомъ домикѣ, гдѣ жили сыновья господина Нетельгорста.

Такимъ образомъ, вступилъ я совсѣмъ для меня въ новый родъ жизни. До сего времени никогда еще не отлучаемъ я былъ изъ дому моихъ родителей, и это случилось еще въ первый разъ. Но отлученіе сіе и отданіе меня въ чужой домъ, а особливо такой, каковъ былъ сей, послужило мнѣ въ безконечную пользу, такъ что я и по нынѣ еще благословляю священный для меня прахъ моего родителя за то, что онъ сіе сдѣлалъ, ибо тутъ не только въ полгода я гораздо множайшему, а нѣмецкому языку столько научился, сколько не выучилъ во все время у прежняго учителя, но и вся моя натура и все поведеніе совсѣмъ перемѣнилось и въ меня впечатлѣлось столько начатковъ къ хорошему, что плоды проистекли изъ того на всю жизнь мою.

Обстоятельство, что во всемъ этомъ домѣ не умѣлъ никто по-русски говорить ни единаго слова, весьма много поспѣшествовало къ тому, что я весьма скоро началъ уже порядочно говорить по-нѣмецки, и научился сопрягать слова нечувствительно. Ибо какъ дядьку моего видѣлъ я только по утрамъ и по вечерамъ, а все прочее время принужденъ былъ препровождать и говорить съ нѣмцами, то самая неволя заставила меня перенимать и учиться съ ними говорить ихъ языкомъ. За тихое мое поведеніе, переимчивость и охоту къ наукамъ, меня скоро какъ учитель, такъ и всѣ полюбили. А хозяева сего дома содержали меня неинако какъ своего сына, и не только ласкали наивозможнѣйшимъ образомъ, но и старались поправлять мои поступки и поведеніе, однако не строгостью и не браньми, а все ласкою и благопріятствомъ. Во все время моего у нихъ пребыванія не слыхалъ я отъ нихъ ни единаго браннаго слова, а ласки ихъ и попеченіе обо мнѣ было такъ велико, что я и по нынѣ еще благословляю прахъ ихъ, и за всѣ ихъ благодѣянія чувствую благодарность. Самъ учитель мой такъ меня любилъ и столько понятіемъ моимъ былъ доволенъ, что я ни однажды не только не терпѣлъ отъ него такихъ пытокъ, какъ отъ прежняго, но и легкаго сѣченія, и сколько помню, то однажды только погрозился и хотѣлъ-было меня высѣчь розгами, да и то за какую-то непростительную шалость, такъ что я самъ себя признавалъ того достойнымъ. Что касается до моихъ соученниковъ, то какъ они были меня старѣе, то и не можно было мнѣ имѣть съ ними компанію дѣтскую и рѣзвиться. Они содержаны были очень строго и въ совершенномъ повиновеніи у родителей, не смѣли предпринимать ничего худого, воспитываны были очень хорошо, были хорошаго поведенія и имѣли охоту къ наукамъ; а сіе много помогло къ тому, что я и отъ нихъ не могъ перенимать ничего худого, а напротивъ того, перенималъ все хорошее, и нечувствительно получилъ склонность какъ къ наукамъ, такъ и къ рисованью.

Словомъ, жить мнѣ было тутъ такъ хорошо, весело и пріятно, что я не только тогда очень скоро позабылъ домъ родителей моихъ, но и по нынѣ напоминая тогдашній періодъ жизни, чувствую въ душѣ моей нѣкое удовольствіе и почитаю оный наилучшимъ и пріятнѣйшимъ временемъ моего младенчества. Мы учивались всякій день до обѣда и послѣ обѣда, и я учился когда читать, когда по-французски, когда писать и рисовать, а между прочимъ получилъ начальныя понятія и о географіи. Каждый часъ приносилъ мнѣ пользы, и не только учебный, но и всего прочаго времени. Обѣдать и ужинать хаживали мы обыкновенно въ большія хоромы къ старику, а послѣ обѣда важивалъ меня нерѣдко учитель съ собою гулять по саду, а въ иное праздное время, а особливо по вечерамъ бывали мы въ хоромахъ и я принужденъ былъ вести себя кротко, благочинно и

порядочно. Въ праздники же и въ воскресные дни нерѣдко отпускали меня къ моимъ родителямъ въ мѣстечко Бовскъ, а иногда старикъ самъ меня туда важивалъ; а иногда пріѣзжалъ и покойный родитель къ намъ.

Въ семъ-то мѣстѣ и въ сіе-то время впечатлѣлись въ меня первѣйшія склонности къ наукамъ, искусствамъ и художествамъ, продолжавшіяся потомъ во всю мою жизнь, и производившія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему что есть во мнѣ начало положилось тутъ,а сверхъ того имѣлъ я и ту пользу, что живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣлъ я первый случай узнать и получить попятіе о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить оную.

Я жилъ и учился тутъ во все то время, покуда полкъ нашъ стоялъ въ Курляндіи, что продолжилось болѣе года. Въ сіе время нерѣдко видался я съ моими родителями; они жили сначала все въ томъ же мѣстечкѣ, куда пріѣхала потомъ и большая моя сестра съ мужемъ. Для сего свиданія обыкновенно ѣзжалъ я къ родителямъ моимъ съ моимъ дядькою, лѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ, а зимою въ пошевенкахъ, и пробывъ у нихъ воскресенье, возвращался обратно къ понедѣльнику на свою мызу.

Самые сіи недальніе, но частые переѣзды и путешествія и подали случай къ нѣкоторымъ особливымъ и хотя не важнымъ, однако такимъ со мною около сего времени приключеніямъ, которыя такъ впечатлѣлись въ мою память, что я и по нынѣ ихъ забыть не могу, и къ коимъ наиболѣе характеръ дядьки моего былъ поводомъ.

Симъ дядькою, у меня былъ одинъ изъ служителей нашего дома, по имени Артамонъ. Онъ былъ сынъ старухи, бывшей у покойной родительницы моей еще няпею, и человѣкъ не глупый, умѣющій грамотѣ, ходившій за мною довольно изрядно, но подверженный той проклятой слабости, которой такъ многіе наши рабы подвержены бываютъ: то-есть, любилъ иногда испивать. Другой порокъ въ немъ былъ тотъ, что онъ чрезвычайно любилъ курить табакъ; впрочемъ же былъ лучшій у насъ слуга, и любилъ меня какъ должно; что-жъ касается до меня, то я любилъ его чрезвычайно, но это и не удивительно, потому что онъ всегда за мною ходилъ, а тогда и жилъ только одинъ со мною въ чужихъ людяхъ. Одно изъ вышеупомянутыхъ приключеній было слѣдующее.

Нѣкогда, побывавъ у родителей моихъ, случилось мнѣ съ нимъ изъ Бовска поѣхать обратно на мызу, въ одноколкѣ. Было то лѣтомъ, и не рано, а часа за полтора или за два до вечера. Одноколка была у насъ съ нимъ легонькая мызничья, въ одну лошадь, и я обыкновенно сижывалъ въ ней, а онъ у меня позади и правилъ. Симъ образомъ бывало мы съ нимъ одни и ѣдемъ, и дорогою обыкновенно о чемъ-нибудь разговариваемъ. Онъ читывалъ довольно нашихъ церковныхъ книгъ, и часто разсказывалъ мнѣ все, что зналъ о сотвореніи міра, о потопѣ и о прочемъ, относящемся до библейской исторіи, которая была ему нарочито свѣдома. И я могу то въ похвалу ему сказать, что первѣйшими попятіями о созданіи міра, а отчасти и о законѣ обязанъ я ему, а потому и слушивалъ я всегда его съ удовольствіемъ, и мнѣ съ нимъ помянутымъ образомъ ѣздить никогда было не скучно.

Но въ сей разъ случилось совсѣмъ тому противное. Предъ самымъ отъѣздомъ, какому-то пріятелю захотѣлось его поподчивать и вкатить въ него рюмки двѣ-три лишнихъ. Мы не знаемъ того не вѣдаемъ, и ни мнѣ и никому иному и въ умъ не приходило запримѣтить, что дядька мой былъ и въ то уже время на девятомъ взводѣ, какъ я садился въ одноколку. Но не успѣлъ я съ нимъ выѣхать, какъ его такъ начало разнимать, что я, каковъ ни малъ былъ, но могъ уже примѣтить, что дядька мой пьянъ. Вскорѣ послѣ выѣзда надлежало намъ переѣзжать рѣку Муху, и спускаться подлѣ развалинъ замка, подъ гору; уже и тутъ

онъ меня напужалъ, будучи не въ состоянiи довольно сильно держать лошадь, которая чуть-было насъ съ нимъ не опрокинула. Однако какъ бы то ни было, но мы рѣку благополучно переѣхали, и поднялись на гору. Тутъ къ несчастiю моему случись корчма; дядька мой не успѣлъ ее увидѣть, какъ захотѣлось ему выпить винца еще. Онъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я подержалъ на минуту лошадь, а онъ зайдетъ на часокъ въ корчму и раскуритъ свою трубку. Я хотя и догадывался, что у него не трубка на умѣ, и хотя старался его уговаривать, чтобъ не ходилъ, однако просьбы мои остались тщетны. Онъ пошелъ себѣ въ корчму и я принужденъ былъ нé хотя стоять и его дожидаться. Что онъ тамъ дѣлалъ, того уже не знаю, но послѣ нѣсколькихъ минутъ возвратился съ трубкою во рту, но при томъ гораздо уже предъ прежнимъ пьянѣе, и такъ, что почти на ногахъ стоять не могъ. Обмеръ я, испужался сiе увидѣвъ, и не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать; ѣхать еще было очень далеко, я легко могъ заключить, что править лошадью былъ онъ совсѣмъ не въ состоянiи. Назадъ возвращаться было также уже версты три и при томъ переѣзжать опять рѣку и страшную гору. Сверхъ того не хотѣлось мнѣ и на гнѣвъ привесть моихъ родителей, и дядьку своего наказанiю подвергнуть. Сколько мнѣ ни горестно и ни досадно на него было, однако при всемъ томъ было его жаль. Въ сей крайности находясь, рѣшился наконецъ я посадить его съ собою въ одноколку, и предавшись въ волю судьбы, продолжать путь далѣе и править уже лошадью самому. Время тогда было хорошее, дорога гладкая и мнѣ довольно знакомая, а и вечеръ еще былъ не слишкомъ близокъ, и такъ, думалъ я, поѣду себѣ потихоньку, авось-либо какъ-нибудь доѣду и его довезу. Но тутъ великаго труда мнѣ стоило преклонить его къ тому, чтобъ онъ сѣлъ рядомъ со мною. Пьяные обыкновенно много о себѣ и о силѣ своей думаютъ, и такъ насилу-насилу я его уговорилъ и посадилъ съ собою, но что-жъ воспослѣдовало?

Не успѣли мы еще версты отъѣхать, какъ дядьку моего уже не путемъ и такъ розняло, что онъ не въ состоянiи былъ и одного слова порядочно выговорить, а болѣе мычалъ, нежели говорилъ. Отъ вихлянья и качанья его во всѣ стороны я приходилъ ежеминутно въ страхъ и трепетъ, того и смотрѣлъ, что онъ у меня полетитъ чрезъ голову изъ одноколки. Я поддерживалъ его сколько было силы, но какъ выбился изъ силъ. а притомъ примѣтилъ, что онъ дремлетъ, то уговорилъ его, чтобъ онъ къ одному углу прилегъ и себѣ заснулъ. Онъ тому и радъ былъ, а мнѣ хотя и тѣсно было уже сидѣть, но я также радъ былъ уже тому, что онъ заснулъ и захрапѣлъ какъ боровъ, и я не имѣлъ нужды его держать.

Симъ образомъ продолжая путь потихоньку, доѣхали мы съ нимъ благополучно до одного большого и густого лѣса, который находился уже неподалеку отъ нашей мызы, простирался версты на три длиною и сквозь который надлежало намъ необходимо проѣхать, и притомъ узкою, дурною и коленстою дорогою. До сего мѣста ѣхали мы все-таки хорошо, дорога была гладкая, лошадь смирная, ѣхали мы все полями и лугами и притомъ днемъ и еще засвѣтло; но какъ предъ въѣздомъ въ сей лѣсъ уже начало смеркаться, то сталъ я уже и заботиться о томъ, какъ бы скорѣе проѣхать лѣсъ, а притомъ гораздо уже и потрушивать. Густота высокаго лѣса темноту вечернюю умножала еще больше, и нагоняла на меня тѣмъ паче ужасъ, что мнѣ никогда еще не случалось бывать одному въ такомъ лѣсу, и еще одному, ибо дядька мой что былъ, что нѣтъ, все равно, онъ храпѣлъ только и спалъ наиспокойнѣйшимъ образомъ, какъ убитый. Къ вящему несчастiю пришло мнѣ на память, что я слыхалъ, что въ семъ лѣсу водилось множество волковъ. Сiе еще меня пуще смутило и озаботило; я не зналъ, что дѣлать и разсудилъ испытать, не могу ли я разбудить моего спутника; но онъ такъ

крѣпко почивалъ, что всѣ кликанья, трясенья и толканья ни малаго не производили дѣйствія: онъ вовсе ихъ не чувствовалъ и только что сапѣлъ. Тогда перетрусился я еще того больше, ибо до того все-таки надѣялся, что его разбужу и мнѣ съ нимъ съ несопнымъ не таково страшно будетъ ѣхать.

Между тѣмъ ночь приближалась уже скорыми шагами. Сумерки уже окапчивались и становилось уже совсѣмъ темно, а мы еще и половины лѣса не проѣхали, а только добрались до самой его густоты и дурнѣйшаго мѣста. Тутъ восхотѣлось мнѣ еще разъ испытать его побудить, я собралъ всѣ свои силы сколько ихъ ни было, и не пропявшись трясеніемъ и толканіемъ, началъ его приподнимать, по самымъ тѣмъ все дѣло еще хуже испортилъ. Несчастіе мое хотѣло, чтобъ въ самое то время, когда я съ нимъ симъ образомъ возился, вошло одно колесо одноколки моей въ преглубокую колею, и одноколку мою отъ того въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, такъ качнуло, что онъ полетѣлъ какъ чурбанъ чрезъ колесо и прямо въ грязь. Не могу вспомнить, какъ я тогда испужался, и надивиться тому, какъ онъ и меня съ собою не утащилъ. Но какъ бы то ни было, но я остался почти висящимъ на одноколкѣ и столько еще имѣлъ памяти, чтобъ остановить лошадь. По особливому счастію сія была весьма смирная скотина, и тотчасъ велѣнію моему повиновалась. Я сошелъ тогда съ одноколки, старался еще всячески разбудить моего товарища и спутника: но онъ такъ былъ пьянъ и такъ спалъ крѣпко, что и самое паденіе не могло его растрогать. Онъ лежалъ себѣ въ грязи, какъ на мягкой постели, и ни о чемъ не помышлялъ, только всхрапывалъ. Тогда потребенъ былъ для меня хорошій совѣтъ: но къ несчастію мнѣ дать было его некому, а самъ я былъ еще слишкомъ къ тому малъ, чтобъ могъ придумать, что-бы мнѣ въ такомъ случаѣ сдѣлать было лучше. Правда, мнѣ и пришло-было на мысль, чтобъ, оставя его тутъ, сѣсть опять въ одноколку и ѣхать одному до мызы, и оттуда прислать за нимъ, что-бъ и лучшее было средство. Но статочное дѣло, чтобъ я могъ тогда на сіе отважиться и рѣшиться. Любовь къ дядькѣ моему не такъ была мала, чтобъ я могъ оставить его одного, и въ такомъ состояніи въ лѣсу: я не инако заключилъ, что его съѣдятъ тутъ волки и потому тотчасъ сію мысль откинулъ, а приступилъ къ дѣлу самому дѣтскому, совсѣмъ невозможному и силы мои превосходящему, а именно, я началъ его совсѣмъ безчувственнаго тащить ближе къ отъѣхавшей на нѣсколько шаговъ одноколкѣ, и возмечталъ себѣ, что я могу его какъ-нибудь поднять и положить въ оную. Но всякому можно разсудить, въ силахъ ли я былъ сіе сдѣлать и не тщетно ли мое было предпріятіе. Но какъ бы то ни было, однако я приступилъ къ сему дѣлу, и не зная даже, страхъ ли, или самая крайность нужды, силы мои столько подкрѣпила, что я хотя съ превеликимъ трудомъ, однако кое-какъ дотащилъ его до одноколки, и приподнявъ верхнюю половину тѣла, прислопилъ уже къ оной. Легко можно разсудить, что сей необъятный для меня трудъ меня крайне изпурилъ, я запыхался на смерть и сдѣлавъ сіе, принужденъ былъ отдыхать и собирать вновь силы, чтобъ докончить желаемое предпріятіе. Но я сколько бы ни старался, но вѣрно бы его не исполнилъ, ибо на одноколку поднять не было уже никакой для меня возможности, и я истинно не знаю, чѣмъ бы кончился мой тщетный трудъ, если-бъ въ самое то время, какъ только началъ я съ дядькою моимъ вновь ворочаться, новый нечаянный случай всего намѣренія моего не разрушилъ, и смятенія моего и страха еще больше не умножилъ. Откуда ни возьмись и порхни изъ-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова: лошадь моя, стоявшая до того какъ вкопаная, какова была ни смирна, но печаемымъ духомъ и шорохомъ симъ такъ была испужана, что вдругъ шарахнулась и что ни есть мочи съ одноколкою поскакала и оставила меня одного съ упав-

шимъ опять въ грязь и спящимъ моимъ дядькою.

Теперь вообрази себѣ всякъ, каково было мнѣ тогда, будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, остаться одному посреди большого густого и въ самомъ дѣлѣ страшнаго лѣса, и притомъ еще ночью, и съ однимъ только опьянившимся до безчувства человѣкомъ! Состояніе, въ которомъ я тогда находился, было дѣйствительно таково, что я его изобразить никакъ не въ состояніи. Внезапность и неожиданность сего происшествія такъ меня поразила, что я лишился и послѣдняго ума и разсудка. Когда дѣйствовала до сего во мнѣ единая боязнь, такъ постигло меня тогда уже совершенное отчаяніе. Въ единый мигъ вообразилась мнѣ тогда вся великость опасности, въ которой я тогда находился, я не инако полагалъ, что меня съѣдятъ тутъ волки и что я за вѣрное въ ту ночь погибнуть буду долженъ: вообрази-же теперь всякъ, каково ребенку быть въ таковыхъ помышленіяхъ и готовиться къ смерти! Боязнь моя превратилась въ сущее отчаяніе, я такъ оробѣлъ и въ такое пришелъ малодушіе, что залился слезами, поднялъ превеликій вопль и крикъ, бѣгалъ и метался, какъ сумасшедшій и не зналъ что дѣлать. Нѣсколько разъ предпринималъ я бѣжать вслѣдъ за ушедшею моею лошадью, и нѣсколько разъ, будучи не въ состояніи ее догнать, опять назадъ возвращался. Не успѣю отбѣжать нѣсколько сажень и забѣжать за кусты, почувствовать, что я одинъ, какъ страхъ такъ меня обыметъ, что я опрометью побѣгу назадъ къ моему безчувственному спутнику. Сей сколь ни слабую составлялъ мнѣ тогда подпору, и сколь ни мало мнѣ могъ служить защитою и оборопою, но я въ отчаяніи своемъ радъ уже былъ тому, что хоть онъ со мною остался. Надежда, что авось-либо онъ какъ-нибудь проснется и сколько-нибудь опамятуется, подкрѣпляла меня въ моемъ страхѣ и отчаяніи.

Я позабылъ уже тогда всю мою на него досаду, прилѣплялся къ нему какъ къ единой моей защитѣ и оборонѣ, будилъ, просилъ, умолялъ, обливалъ его слезами, и всѣмъ тѣмъ добился только до того, что онъ однажды промычалъ, но сіе въ состояніи уже было меня невѣдомо какъ обрадовать, и подѣйствовало столько, что я пришелъ сколько-нибудь опять въ разсудокъ, и могъ уже разсудить, что я крикомъ и воплемъ своимъ ничего себѣ не помогу, а въ состояніи только буду скорѣе волковъ къ себѣ приманить. Сія мысль столько подѣйствовала, что я тотчасъ плакать и шумѣть пересталъ, а вытащивъ кое-какъ дядьку моего изъ грязи на травку, сѣлъ подлѣ него и прижавшись къ нему наиплотнѣйшимъ образомъ, сидѣлъ молча ни живъ ни мертвъ, дожидаясь его пробужденія или того, что судьбѣ со мной учинить будетъ угодно.

Но сія и сжалилась, наконецъ, надъ моимъ состояніемъ. Приведя меня нечаянностію въ отчаянный страхъ и дѣйствительную опасность, восхотѣла она таковою же нечаянностію и освободить меня изъ онаго. Одному мужику, принадлежащему господину Неттельгорсту и работавшему во весь тотъ день у насъ на мызѣ, власно какъ нарочно велѣно было не прежде домой ѣхать, какъ по окончаніи одного порученнаго ему дѣла, и за самымъ тѣмъ замѣшкаться до самой ночи. Онъ возвращался тогда въ свою деревню, и какъ ему сквозь самый сей лѣсъ ѣхать было надобно, то не успѣлъ онъ къ нему подъѣхать, какъ повстрѣчался съ моею лошадью и пустою одноколкою. Хотя былъ онъ латышъ, однако легко могъ заключить, что это не даровое, и что лошадь людей конечно выпрокинула и сбила; а какъ случилось къ тому такъ, что ему и самая лошадь и одноколка, какъ принадлежащая господину его, была знакома, а и то было вѣдомо, что я на ней ѣзжалъ, то легко онъ могъ догадаться, что ѣхалъ на ней я. А поелику сему добросердечному крестьянину было и то извѣстно, сколь любили меня господа его, то все сіе такъ его встревожило, что онъ бросился тотчасъ и перехватилъ мою лошадь, привязалъ къ своей телѣгѣ, поскакалъ по дорогѣ къ

намъ и чтобъ ему насъ не проѣхать, сталъ то и дѣло аукать и кричать, чтобъ мы услышали.

Слухъ крнчанья сего весьма скоро и достигъ до насъ, и тутъ я уже не знаю, какъ изобразить мнѣ ту радость, которую почувствовалъ я, сей крикъ и называніе самаго моего имени услышавъ. Я думаю, что если бы былъ то гласъ и самого ангела, то не больше бы ему обрадовался. Съ превеликимъ восхищеніемъ вскочилъ я и, забывъ всю горесть, побѣжалъ на встрѣчу добродушному мужичку, меня призывающему, и ведущему за телѣгою своею мою лошадь съ одноколкою, и не зналъ какъ возблагодарить ему за его одолженіе. Онъ удивился, нашедъ меня одного въ лѣсу, а того больше еще, какъ я довелъ его до моего спутника и показалъ ему онаго. Съ негодованіемъ и бранью поднялъ онъ его и, бросивъ въ свою телѣгу, былъ столь добродушенъ, что самъ сѣлъ со мною въ одноколку, а телѣгу привязалъ сзади и довезъ меня до мызы.

Симъ образомъ кончилось сіе происшествіе, и дядькѣ моему надлежало-бы получить за то нажесточайшее наказаніе; но какъ поспавшись сталъ онъ у всѣхъ валяться въ погахъ и просить, чтобъ его тутъ наказали, а родителю моему сего не сказывали, а особливо валяясь у ногъ просилъ о томъ меня, то и отдѣлался онъ небольшимъ за то наказаніемъ отъ мызника.

Въ другой разъ самый тотъ же мой дядька, и на таковомъ же путешествіи, но уже и не пьяный, да и днемъ, стравилъ-было меня дѣйствительно волками. Было сіе слѣдующимъ образомъ.

Однажды случилось намъ съ нимъ ѣхать, но не лѣтомъ, а зимою, въ саняхъ изъ помянутой мызы Пацъ въ мѣстечко Бовскъ, къ моему родителю. Обыкновенно ѣзжали мы съ нимъ въ пошевенкахъ, я, окутавшись, въ нихъ сиживалъ, а онъ у меня правливалъ. Въ сей разъ поѣхали мы поутру и спѣшили поспѣть къ обѣду. Но не успѣли мы вышеупомянутый большой лѣсъ проѣхать, какъ увидѣлъ дядька мой въ сторонѣ небольшую деревеньку, отстоящую отъ дороги не болѣе какъ саженъ на сто. Видъ оной возбудилъ въ немъ охоту раскурить трубку его съ табакомъ, до чего былъ онъ, какъ я уже упоминалъ, превеликій охотникъ. Но какъ огнива съ нимъ не случилось, то захотѣлось ему сбѣгать въ сію деревню и раскурить тамъ опую. «Постойте, батюшка, здѣсь», говоритъ онъ мнѣ, «а я на минуточку сбѣгаю въ сію деревушку и раскурю трубку». Мнѣ и не весьма хотѣлось его отпустить отъ себя и остаться одному, однако онъ убѣдилъ и уластилъ меня своими просьбами: «и день-то теперь, и бояться нечего, и жило близко, и опаспости никакой быть не можетъ, и лошадь онъ завернетъ, и она уйтить не можетъ», коротко, онъ столько мнѣ наговорилъ и такъ меня улестилъ, что я и склонился на его просьбу и сбѣгать туда дозволилъ. Но падобно же было какъ нарочно случиться такъ, что не успѣлъ онъ уйтить у меня изъ глазъ и вбѣжать въ деревню, какъ гдѣ ни возмись не одинъ, а цѣлое стадо волковъ, и не далѣе отъ меня впереди какъ саженъ на тридцать. Я обмеръ, испужался ихъ увидѣвъ, ибо такого большого стада волковъ не случалось мнѣ никогда видывать, и какъ считалъ я себя уже погибшимъ, то кровь ледепѣла отъ ужаса въ моихъ жилахъ, и я не зналъ что мнѣ дѣлать, и сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, прижавшись въ уголокъ моихъ санокъ. Однако страхъ мой былъ по пустому. У волковъ и на умѣ не было на меня нападать, но они около сего времени ходились и шли верепицею одинъ за однимъ, вслѣдъ за волчицею. Было ихъ волковъ съ двадцать, однако всѣ они, перешедъ дорогу, прошли спокойнѣйшимъ образомъ далѣе въ лѣсъ. А между тѣмъ прибѣжалъ и мой дядька, и на смерть испужался, какъ услышалъ, что безъ него со мною случилось. Тутъ пошли опять просьбы и умаливанія, чтобъ я и о семъ приключеніи отцу моему не сказывалъ, и какъ страхъ мой былъ кратковременный, то я наконецъ, любя и жалѣя его, на то и склопился.

Изъ прочихъ произшествій, бывшихъ въ теченіи сего 1748 года, памятно мнѣ только то, что однажды приѣзжали мы съ старикомъ господиномъ Нетельгорстомъ, къ покойному родителю моему, въ какой-то большой праздникъ обѣдать, и что я при семъ случаѣ надѣлалъ смѣхъ и проказу. Такъ случилось, что пріѣхавъ въ Бовскъ довольно еще рано, не застали мы покойнаго родителя моего дома, который въ самое то время находился еще въ лагерѣ для слушанія обѣдни и молебна, и оттуда еще не возвратился. Какъ лагерь нашего полку не далѣе отстоялъ отъ города, какъ на версту, то приди старику моему охота ѣхать туда, отчасти чтобъ посмотрѣть лагеря, а отчасти чтобъ видѣть нашу божественную службу, которой онъ никогда еще не видывалъ, почему и велѣлъ онъ кучеру туда ѣхать. Но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣли мы подъѣхать къ шатру, въ которомъ поставлена была церковь, какъ вдругъ увидѣлъ я разставленныхъ подлѣ нея моихъ злодѣевъ пушекъ, и канонировъ подлѣ нихъ съ курящимися фитилями. Я и не зналъ о томъ, не вѣдалъ, что въ тотъ день производиться будетъ толь страшная для меня пальба изъ пушекъ, почему неожидаемое сіе зрѣлище такъ меня поразило, что я поблѣднѣлъ и вся кровь во мнѣ взволновалась отъ ужаса. И какъ мы остановились подлѣ самыхъ пушекъ и я со всякою минутою ожидалъ стрѣлянья, то чтожъ я сдѣлалъ?... Таки не долго думая, сигъ изъ кареты въ опущенное съ моей стороны окно, и дай Богъ ноги! побѣжалъ куды зря, и на прорѣзъ сквозь весь лагерь и даже за обозъ и до тѣхъ поръ неоглядкою какъ стрѣла летѣлъ, покуда только бѣжать могъ и покуда не остановило меня болото, въ которое вбѣжалъ я по кочкамъ по колѣно.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ безъ памяти бѣжалъ, происходила у церкви сущая комедія. Такъ случилось, что скачка и бѣгства моего никто ни примѣтилъ. Старикъ мызникъ въ самое то время выходилъ изъ кареты и былъ ко мнѣ спиною, слѣдовательно ему видѣть было не можно; а лакей, которой одинъ только у насъ позади и былъ, упражнялся тогда въ придерживаніи старика, своего господина, и помоганіи выходить ему изъ кареты, а потому за нимъ и ему примѣтить бѣгства моего было не можно. Кучеръ нашъ и форейторъ, вылупя глаза, смотрѣли на церковь и на пушки, а всѣхъ прочихъ случившихся тутъ людей глаза обращены были на выходящаго изъ кареты мызника, и всѣмъ и не ума было взглянуть, что дѣлалось позади кареты и въ той сторонѣ, куда я воспріялъ бѣгство; къ томужъ, какъ тутъ въ близости стояли ящики и солдатскія палатки, то я въ одинъ мигъ за нихъ забѣжалъ и отъ глазъ ихъ скрылся. Словомъ, такъ случилось не нарокомъ, что бѣгство мое было совсѣмъ не примѣтно.

Но теперь вообрази себѣ всякъ, въ какое изумленіе пришолъ нашъ лакей, когда, выпустя мызника, хотѣлъ помогать изъ кареты выходить мнѣ, и вдругъ увидѣлъ, что въ каретѣ никого нѣтъ! Онъ глядь туда, глядь въ другую сторону, глядитъ позади кареты обѣгая кругомъ, но столько же видитъ. «Господи помилуй! говоритъ онъ, да гдѣ-жъ маленькой бояринъ, куда онъ дѣвался?»—кричитъ, зоветъ меня по имени, но никто ему не отвѣчаетъ! «Батюшки мои! говоритъ онъ, продолжая бѣгать кругомъ кареты и соваться какъ угорѣлая кошка,—да гдѣ-жъ это онъ?» Спрашиваетъ у кучера, спрашиваетъ у форейтера, но тѣ говорятъ, что не знаютъ и что не видалъ никто меня, и хотятъ съ каретой отъѣзжать, но слуга кричитъ: «стой и погоди» и продолжаетъ искать меня далѣе. Между тѣмъ старикъ, не оглянувшись, отошелъ нѣсколько шаговъ отъ насъ, и подходитъ уже къ самой церкви и къ тѣснотѣ народной. Но тутъ вздумалось ему оглянуться назадъ, дабы меня взять за руку и провесть: но какъ изумился онъ, когда позади себя ни меня, ни своего лакея не увидѣлъ. Онъ остановился и сталъ насъ поджидать, но какъ увидѣлъ, что оба мы не показываемся еще и въ ограду

церковную, которая была по обыкновенію плетневая и превысокая, то удивленіе его умножалось съ каждою минутою и наконецъ, придя въ нетерпѣливость, принудило его иттить назадъ и насъ кликать. Но сколь изумился онъ, когда увидѣлъ лакея своего помянутымъ образомъ бѣгающаго только около кареты и меня ищущаго.

«Что вы тамъ стали, закричалъ онъ на него, и что пейдете?»—«Да чего, сударь, иттить, я не найду молодого боярина.—«Какъ это не найдешь, онъ тутъ былъ, дуракъ! и со мною спдѣлъ въ каретѣ.»—«Я самъ знаю, что онъ тутъ былъ, и съ вами пріѣхалъ, но воля ваша, его нѣтъ и я не наполъ его ни въ каретѣ, ни за каретою.»—«Врешь ты дуракъ, какъ это не найтить, куда ему дѣться. Онъ былъ въ каретѣ какъ я выходилъ, развѣ ты не видалъ, какъ онъ вышелъ и не ушолъли впередъ?»—Какое, сударь, въ каретѣ, въ ней-то его и не было, какъ вы выходить изволили; тому-то я и дивлюсь и не понимаю куда онъ дѣлся.» — «Что ты врешь! какъ это! онъ былъ со мною — нельзя статься.... куда ему дѣться?»—Да воля ваша, а его не было, и я готовъ присягнуть въ томъ, что его въ каретѣ не было а вы одни вышли. — «Господи помилуй! что это? либо ты пьянъ, либо я себя не помню. Я кажется самъ съ себя не сколокъ, и знаю всего уже вѣрнѣе, что онъ остался въ каретѣ, какъ я пошолъ изъ оной.» — «Ну! что ни извольте говорить, а его не было, и дверцы другія заперты, какъ были и никто ихъ ни растворялъ, а въ тѣ, въ которыя вы вышли, я готовъ умереть въ томъ, что онъ не выходилъ.»

Таковыя увѣренія смутили моего старика и привели его въ такое изумленіе, что онъ не зналъ что̀ думать и заключить; въ самое то время закричали изъ церкви, чтобъ начинали стрѣлять. И тотчасъ изъ пушки бухъ! Лошади въ каретѣ шарахнулись и начали прыгать. Кучеръ силится держать, кричитъ форейтеру; тотъ не удержитъ. Изъ пушки еще разъ бухъ! лошади давай бѣситься, закусили удила и понесли карету куда зря; народъ бросился за нею, поднялся крикъ и вопль: лакей бѣжитъ за нею, мызникъ за нимъ; одинъ кричитъ «стой! стой!» другой «держи! держи!» мызникъ охаетъ: «эхъ! разобьетъ и исковеркаетъ карету. Экое горе! экая бѣда!» Шумъ увеличивается, и распространяется до церкви, весь народъ перетревоживается и бѣжитъ изъ церкви; одинъ говоритъ то, другой другое, а все не знаютъ истинной причины. За народомъ выходитъ и покойный родитель мой со всѣми офицерами, спрашиваетъ, что такое? не убило-ли опять канонира?—никто не знаетъ и не отвѣчаетъ. Наконецъ усматриваетъ моего мызника: «Ба! ба! ба! Господинъ Нетельгорстъ! откуда это вы взялись и давно-ль пріѣхали сюда, къ намъ?» — «Сей только часъ, господинъ полковникъ. Но чего, сударь, лошади мои перепугались вашей стрѣльбы, и помчали теперь и коверкаютъ карету, и я думаю, что всю ее въ дребезги расщелкаютъ.»—«Но мальчишка-то мой ужъ не въ ней-ли?» спросилъ, встревожившійся отецъ мой.—«Нѣтъ! нѣтъ, ваше высокоблагородіе, въ ней-то его нѣтъ но... но... но...»—«Что но...?» подхватилъ испугавшійся мой родитель и не далъ ему далѣе выговорить. «Ужъ не убили-ли его, господинъ Нетельгорстъ? Да гдѣ-жъ онъ, я не вижу его, а вы хотѣли привезти его съ собою.»—«Я привезъ его, господинъ полковникъ, но такая диковинка! истинно не знаю самъ, что сказать....»

Легко можно всякому себѣ вообразить, что слова сіи еще пуще родителя моего смутили и встревожили, его съ ногъ до головы какъ морозомъ подрало.—«Батюшка ты мой! возопилъ онъ: сказывайте, ради Бога, скорѣй, что съ нимъ сдѣлалось и гдѣ-жъ онъ, когда вы его привезли? Конечно онъ тамъ же въ каретѣ, и вы мнѣ только не сказываете. Государи мои, обратясь онъ къ офицерамъ закричалъ, бѣгите ради Бога и велите какъ-нибудь остановить и удержать, и спасайте мнѣ ребенка, у меня онъ одинъ только и есть! Ахъ, господинъ Нетельгорстъ, что вы со мною сдѣлали? ну-ка

его убьютъ!...» — «Нѣтъ! нѣтъ! господинъ полковникъ, этому быть не можно, право не можно, не извольте тревожиться, его ей-ей нѣтъ тамъ».—«Но гдѣ-жъ онъ?»

На сей вопросъ паки не зналъ старичокъ мой, что сказать и опять замялся и остановился; но какъ началъ покойный родитель мой уже не путнымъ дѣломъ приставать, то принужденъ онъ былъ наконецъ сказать: — «Чего, господинъ полковникъ, онъ пріѣхалъ со мною до самаго сего мѣста благополучно, но, между тѣмъ, какъ я выходилъ изъ кареты, онъ оставшись въ ней, такая диковина, въ одну минуту сгибъ у насъ и пропалъ, и мы оба съ слугою не знаемъ, не вѣдаемъ, куда онъ дѣлся: выходить не выходилъ, а въ каретѣ ужъ его, и за каретою нигдѣ не нашли, и нигдѣ его нѣтъ, сколько ни искали».

Сіи слова не уменьшили, а умножили еще смущеніе моего родителя и его недовѣрчивость.—«Умилосердитесь! сказалъ онъ, господинъ Нетельгорстъ. Можно-ли сему повѣрить? куда ему дѣться, еслибъ онъ привезенъ сюда былъ? Нѣтъ, нѣтъ, а конечно есть что-нибудь иное?» Но какъ онъ началъ клясться и божиться, что говоритъ правду, а и припедшій слуга подтверждалъ тоже, то не только родитель мой, но и всѣ офицеры впали въ великое недоумѣніе, не знали что обо мнѣ заключить, и разославъ повсюду солдатъ и людей меня искать и спрашивать, сами только сему странному случаю дивились.

Что касается до меня, то я, между тѣмъ, какъ у нихъ все сіе тутъ подлѣ церкви происходило, стоялъ по колѣно въ болотѣ и считалъ только пушечные выстрѣлы, и какъ стрѣльба пресѣклась, то выдравшись изъ грязи, пошолъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывалъ, прямо чрезъ обозы и чрезъ лагерь къ церкви. Тутъ увидѣлъ я уже многихъ людей, бѣгающихъ и ищущихъ меня и обрадовавшихся, когда меня увидѣли. Они взяли молодца подъ руки и привели къ родителю моему, которой нечаянному явленію моему такъ обрадовался, что, вмѣсто брани за мою трусость, расцѣловалъ меня и въ глаза и въ щёки. Не могу вспомнить, какой смѣхъ тогда у всѣхъ поднялся и какъ начали иные хвалить мое проворство, когда узнали, какимъ образомъ я скрылся и какъ въ окно изъ кареты выскочилъ; однако послѣ не прошло безъ хорошей мнѣ за то гонки.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе произшествіе, а какъ вскорѣ послѣ меня привели и карету съ лошадьми, ничѣмъ почти не поврежденную, то поѣхали мы всѣ въ Бовскъ, и погостивъ у покойнаго родителя, возвратились въ свою мызу.

Нѣсколько времени спустя, случилось мнѣ опять быть въ Бовскѣ. Въ сіе время пріѣхалъ какой-то генералъ для смотрѣнія полку нашего, и былъ покойнымъ отцомъ моимъ угощаемъ. Я при семъ случаѣ пожалованъ былъ симъ генераломъ въ сержанты, ибо самъ покойный родитель мой не хотѣлъ никакъ на то согласиться, чтобъ меня произвесть въ сей чинъ, совѣстясь, чтобъ его тѣмъ не упрекали. Но какъ сему гостю я отмѣнно полюбился за то, что будучи ребенкомъ умѣлъ порядочно бить въ два барабана вмѣсто литавръ при играніи на трубахъ, то взявъ сіе въ предлогъ, сдѣлалъ онъ сіе учтивство въ знакъ благодарности за угощеніе хозяину.

Я не могу довольно изобразить, какъ обрадованъ я былъ симъ произшествіемъ и какъ милъ мнѣ былъ третій позументъ, нашитый на обшлага мои. Я думалъ тогда о себѣ, что я превеликій человѣкъ и сталъ дѣйствительно оттого учиться ревностнѣе и прилежнѣе. А какъ между симъ кончился и 1748 годъ, то окончу и я свое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

ПОХОДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 10-е.

Любезный пріятель! Изъ бывшихъ въ началѣ 1749 года произшествій не помню я никакого такого, которое бы стоило повѣствованія; а то только памятно мнѣ, что предъ окончаніемъ зимы, неизвѣстно для какихъ

причинъ, штабъ нашего полку изъ мѣстечка Бовска выведенъ и родителю моему отведена была квартира на одной, за нѣсколько верстъ отъ Бовска лежащей, дворянской небольшой мызѣ, называемой Клейнъ Мемельгофъ, и что онъ подъ конецъ зимы стоялъ уже въ оной и я къ нему уже туда принужденъ былъ ѣздить. Также памятно мнѣ то, что сія мыза принадлежала одному несчастному курляндскому дворянину Корфу, заколотому незадолго до того на поединкѣ другимъ дворяниномъ, по имени Шепингомъ и что поединокъ сей, происходившій во время стоянія нашего въ Бовскѣ, былъ столь славенъ, и мы такъ наслышались объ обстоятельствахъ онаго, что оныя даже и теперь мнѣ памятны; и какъ онѣ не недостойны замѣчанія, то и перескажу я оныя.

У помянутаго Шепинга была жена молодая и красавица; но сколь хороша была она, столь дуренъ, малъ и невзраченъ былъ помянутый мужъ ея. Что касается до Корфа, то жилъ онъ у него въ недальнемъ сосѣдствѣ и былъ холостой, малой молодой, высокій и взрачный собою, прекрасный, ловкій, но и азартный. Съ Шепингомъ были они знакомы и друзья, но говорили тогда, якобы Корфъ влюбился въ его жену и та будто-бы ему нѣсколько и отвѣтствовала, но имѣя мужа строгаго и весьма проворнаго, принуждена была скрывать тайное свое съ Корфомъ согласіе; однако, какъ они ни таились, но отъ мужа не могло сіе сокрыться: онъ узналъ и, приревновавъ къ женѣ, сталъ ее содержать строже. Самое сіе, какъ говорили тогда, было истинною причиною сей дуели, а наружнымъ поводомъ и предлогомъ къ тому была небольшая обида, оказанная Корфомъ Шепингу. Сей Корфъ, надѣясь на взрачность, силу и на умѣнье свое стрѣлять и драться на шпагахъ, искалъ самъ случая поссориться съ Шепингомъ, ибо не сомнѣвался въ томъ, что онъ его либо застрѣлитъ, либо заколетъ, и чрезъ то можетъ современемъ получить жену его за себя. Какъ вознамѣрился, такъ и сдѣлалъ. Бывши однажды на охотѣ, заѣхалъ онъ умышленно въ одну деревню, принадлежащую Шепингу и подъ предлогомъ спрашиванія у мужика его пить, велѣлъ искать силою пива и нацѣдить, а между тѣмъ умышленно выпустить всю бочку у хозяина. Мужикъ принесъ жалобу о томъ своему господину. Сему показалось сіе слишкомъ обидно; онъ послалъ съ выговоромъ о томъ къ Корфу и съ требованіемъ, чтобъ онъ мужика удовольствовалъ. Сей того только и ждалъ, и сочтя требованіе его для себя слишкомъ грубымъ и обиднымъ, предложилъ ему, для удовлетворенія мнимой обиды, поединокъ, вѣдая, что Шепингу, по тамошнему обыкновенію нельзя будетъ отказаться, въ чемъ и не обманулся. Шепингъ хотя и не хотѣлъ, но принужденъ былъ на то согласиться и назначить къ тому день и мѣсто.

Поелику поединки въ Курляндіи были тогда въ великомъ обыкновеніи и равно какъ позволенными, то оба они не имѣли причины таиться, но оба положили сдѣлать его публичнымъ; а потому не успѣли они объ ономъ условиться, какъ вся Курляндія объ ономъ свѣдала, и всѣ начали говорить объ ономъ и съ нетерпѣливостію ожидать, чѣмъ дѣло сіе кончится. До насъ самихъ дошла тотчасъ о томъ молва, почему самому и помню я, что тогда о семъ дѣлѣ говорили и разсуждали. Всѣ винили Корфа, и сожалѣли Шепинга, почитая за вѣрное, что сей послѣдній лишится жизни, ибо никакъ не думали, чтобъ онъ могъ одолѣть Корфа, который былъ самый величень и сущій головорѣзъ, и при томъ славный стрѣлокъ изъ пистолета. Но не только прочіе, но и самъ Шепингъ заключалъ самое тоже, и потому готовился къ поединку сему, какъ на извѣстную смерть, и никакъ не думалъ остаться въ живыхъ. Почему, отправляясь съ секундантами своими на оный, не только распрощался на вѣкъ съ своими родственниками, но повезъ съ собою даже и гробъ для себя. Что-жъ касается до Корфа, то ѣхалъ онъ съ превеликою

пышностію и въ несумнѣнной надеждѣ побѣдить, почему самому и не внималъ никакимъ уговариваніямъ друзей своихъ, старающихся примирить его съ Шепингомъ, полюбовно и безъ драки. Всѣмъ намъ извѣстенъ былъ не только день, но и часъ, въ который они драться станутъ, и который, противъ чаянія всѣхъ, сдѣлался бѣдственнымъ Корфу. Несчастіе его состояло въ томъ, что Шепингъ не согласился драться на пистолетахъ, а предложилъ, не устрашаясь величины Корфовой шпаги. Сіе онъ всего меньше ожидалъ; но какъ выборъ оружія зависѣлъ отъ вызваннаго на поединокъ, то нельзя было ему уже того и перемѣнить. Кромѣ сего сдѣлалъ Корфъ и другую погрѣшность, состоящую въ томъ, что онъ пошелъ на Шепинга съ излишнимъ и неумѣрнымъ азартомъ, а особливо какъ его сначала онъ поранилъ и просить сталъ, чтобъ перестать и помириться. Ибо какъ для него слишкомъ было обидно и несносно быть отъ малорослаго Шепинга побѣжденнымъ, то закричалъ: «нѣтъ, каналья, либо ты умри, либо я», пустился онъ на него съ толикою яростію, что самъ почти набѣжалъ на шпагу своего противника и въ тотъ же мигъ испустилъ духъ свой, будучи имъ проколоть насквозь.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе славное дѣло, и всѣ были рады, что Корфъ лишился жизни, ибо онъ надоѣлъ уже многимъ своимъ нахальствомъ и озорничествомъ. Мы, стоявши потомъ въ самомъ его домѣ, видѣли многія пули, сидящія въ стѣнахъ, которыя разстрѣлялъ онъ наканунѣ того дня, стрѣляя все по зажженной свѣчѣ, и стараясь пулею только съ ней снять, и огня не потушить. Однако не такъ сдѣлалось, какъ онъ думалъ, а такъ, какъ угодно было Провидѣнію, восхотѣвшему наказать сего высокомѣрнаго человѣка.

Между тѣмъ, какъ покойный родитель мой въ семъ мѣстѣ стоялъ, я жилъ въ помянутой мызѣ Пацъ и продолжалъ учиться по прежнему; однако, къ сожалѣнію, не долго удалось мнѣ симъ пріятнымъ и полезнымъ для меня случаемъ пользоваться. Не успѣла весна вскрыться и наступить лѣто, какъ полку нашему сказанъ былъ походъ и велѣно было иттить въ Финляндію. И какъ отцу моему одного меня и въ такихъ лѣтахъ и въ такой отдаленности оставить было никакъ не можно, то принужденъ былъ нехотя взять меня съ собою.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ оставить то мѣсто, которое сдѣлалось мнѣ такъ мило и пріятно, что я и понынѣ еще напоминаю оное съ нѣкакимъ удовольствіемъ. Самъ старикъ мызникъ, жена и дѣти его провожали меня какъ родного, а учитель столь меня полюбилъ, что у него слезы даже на глазахъ навернулись, когда онъ со мною прощаться началъ. Отецъ мой, пріѣхавшій самъ за мною, былъ столько тронутъ всѣмъ явленіемъ симъ, что не могъ довольно словъ найтить ко возблагодаренію имъ за всѣ ласки и благопріятствы, оказанныя имъ ко мнѣ и одолженіе, ему сдѣланное.

Польза, полученная мною во время пребыванія моего на сей мызѣ, состояла наиболѣе въ томъ, что я научился порядочно говорить по-нѣмецки, что для покойнаго родителя моего всего было пріятнѣе. Онъ, любя сей языкъ, не могъ довольно тѣмъ навеселиться и радовался по крайней мѣрѣ тому, что онъ успѣлъ сіе сдѣлать; а сверхъ того, и то служило ему къ великому удовольствію, что я и французскому языку сдѣлалъ уже хорошее начало, также получилъ охоту къ рисованью, а что всего лучше, во всѣхъ поступкахъ и поведеніяхъ моихъ несравненно предъ прежнимъ поправился, и изъ прежняго прерѣзваго баловня сдѣлался постояннымъ мальчикомъ, обѣщающимъ собою многое.

Шествіе наше или походъ простирался самымъ же тѣмъ путемъ, которымъ мы шли въ Курляндію, а именно чрезъ Ригу, Дерптъ, Нарву и въ Петербургъ. Во время сего путешествія не помню я ничего особливаго и достойнаго, кромѣ того, что по приходѣ къ пограничному городу Ригѣ, полку нашему велѣно было

иттить чрезъ городъ церемоніею, и я въ первый разъ отъ роду былъ въ строю и въ сержантскомъ мундирѣ и съ маленькимъ ружьишкомъ велъ свой взводъ. Боже мой! какое было для меня тогда удовольствіе! Мнѣ казалось, что на меня весь городъ тогда смотритъ, какъ и дѣйствительно видѣлъ я очень многихъ на меня указывающихъ и говорящихъ: «ахъ, какой маленькій сержантъ!» — въ тогдашнія времена и дѣйствительно было сіе въ диковинку и въ великую рѣдкость.

Мы дошли до Нарвы благополучно; но тутъ у покойнаго родителя моего произошла какая-то ссора съ парвскимъ комендантомъ Штейномъ, за шествіе чрезъ городъ церемоніею: нѣмецъ комендантъ вздумалъ-было строить капризы и требовалъ чего-то многаго, а родителю моему не хотѣлось удовлетворить излишняго его честолюбія. Тотъ заперъ вороты и не пускалъ чрезъ крѣпость, а сей, почтя за обиду, вошелъ въ письменныя командѣ представленія, и такъ произошла у нихъ вражда; но чѣмъ дѣло сіе кончилось, и кто изъ нихъ остался правъ, кто виноватъ—не знаю, а извѣстно мнѣ, что было только много переписки, и что мы вскорѣ послѣ того пришли въ Петербургъ.

Въ семъ столичномъ городѣ стоялъ полкъ въ сей разъ не долго, ибо ему назначено было иттить къ Выборгу, и такъ простоялъ онъ тутъ только нѣсколько дней. Но въ нашемъ домѣ и съ семействомъ произошла въ немногіе сіи дни великая перемѣна. Родитель мой рѣшился мать мою съ меньшою замужемъ сестрою, которая была съ нами, отпустить изъ сего мѣста въ деревню за Москву съ тѣмъ, чтобъ она заѣхала въ деревню къ сестрѣ моей, гдѣ она еще не бывала, а болѣе для того, что она была беременна и почти на сносѣхъ, а меня расположился оставить въ Петербургѣ и отдать въ какой-нибудь пансіонъ учиться французскому языку. Онъ имѣлъ у себя близкаго родственника, живущаго тогда въ Петербургѣ и служившаго въ конной гвардіи ротмистромъ. Былъ то господинъ Арсеньевъ, по имени Тарасъ Ивановичъ. Онъ былъ двоюродной братъ отцу моему и въ малолѣтствѣ своемъ жилъ у него и воспитывался. Они любили другъ друга очень, и потому вознамѣрился онъ поручить ему меня на руки. При вспоможеніи его тотчасъ былъ пріискапъ пансіонъ и учитель, и тотчасъ съ нимъ обо всемъ нужномъ условлепось и договорепось. Наилучшимъ пансіономъ почитался тогда въ Петербургѣ тотъ, который содержалъ у себя кадетскій учитель старикъ Ферре́, жившій подлѣ самаго кадетскаго корпуса и въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ оному; въ сей-то пансіонъ меня и отдали.

Легко можно вообразить себѣ, что какъ я тогда принужденъ былъ разлучиться вдругъ и съ отцомъ и матерью, и въ первый разъ остаться однимъ и находиться отъ обоихъ ихъ въ удаленіи, то сей пунктъ времени былъ для меня весьма тягостенъ и что прощапіе съ моими родителями было весьма трогательно и плачевно. Меня отвезли на Васильевской островъ, а въ тотъ же часъ и родитель мой съ моею матерью, которая съ сего времени его уже болѣе и не видала, ибо судьбѣ было угодно, чтобы прощапіе ихъ другъ съ другомъ было въ сей разъ послѣднее. Какое счастіе для смертныхъ, что они не знаютъ ничего изъ будущаго! Какими слезами не преисполнено-бъ было сіе разставаніе, еслибъ было извѣстно, что оно послѣднее въ жизни!

Поелику жизнь моя съ сего времени получила новой образъ и видъ, то окончу я симъ и письмо мое, сказавъ вамъ, что я навсегда пребуду вашъ... и прочее.

ЖИЗНЬ ВЪ ПАНСІОНѢ.

Письмо 11-е.

Любе́зный пріятель! Итакъ, по отъѣздѣ матери моей въ деревню, а родителя съ полкомъ въ Финляндію, остался я одинъ въ Петербургѣ, посреди людей, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ и власно какъ въ лѣсу. Не могу никакъ забыть того дня, въ который привезли меня въ домъ къ учителю и оста-

вили одного. Мнѣ казалось, что я находился совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и дышалъ другимъ воздухомъ; все было для меня тутъ дико, все ново, и все необыкновенно. Я принужденъ былъ начать вести совсѣмъ новаго рода жизнь, и совсѣмъ для меня необыкновенную. Не могъ я уже ласкаться, чтобъ могъ пользоваться тою нѣгою, какою наслаждался въ родительскомъ домѣ. Маленькая постелька и сундучокъ съ платьемъ оставлялъ весь мой багажъ, а дядька мой Артамонъ былъ одинъ только мой знакомый. Прочіе же всѣ были незнакомы и я долженствовалъ со всѣми ознакомливаться и спознаваться, а особливо съ тѣми, которые тутъ также по примѣру моему жили. Учениковъ было тогда у учителя моего человѣкъ съ двѣнадцать или съ пятнадцать; нѣкоторые были на его содержаніи, а другіе прихаживали только всякой день учиться, а обѣдать и ночевать хаживали домой. Изъ числа первыхъ и знаменитѣйшій изъ всѣхъ былъ нѣкто господинъ Нелюбохтинъ, сынъ одного полковника гарнизоннаго, да двое господъ Голубцовыхъ, которые были дѣти одного сенатскаго секретаря. Сіи жили вмѣстѣ со мною и каждому изъ насъ отведена была особливая конторочка въ томъ же покоѣ, гдѣ мы учились, досками отгороженная. Мнѣ, какъ новичку и притомъ полковничьему сыну, отведена была наилучшенькая вмѣстѣ съ господиномъ Нелюбохтинымъ, который былъ мальчикъ нарочито уже взрослый и притомъ тихаго и хорошаго характера, и потому я скоро съ нимъ спознакомился и сдружился. Голубцовы были также меня старѣе, ибо мнѣ было только 10 лѣтъ отъ роду, однако уже не таковы, какъ Нелюбохтинъ. Одного изъ нихъ звали Александромъ, а другого позабылъ. Я познакомился скоро и съ ними, ибо были они не изъ числа дурныхъ дѣтей. Чтожъ касается до приходящихъ къ намъ учиться, то были они разные и между прочими одна нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маіорши; по прошествіи долгаго времени позабылъ я, какъ ее звали, только то помню, что она при мнѣ не долго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали. Какъ мнѣ никто изъ нихъ не былъ слишкомъ коротокъ, то и не помню я изъ нихъ почти ни одного, что̀ и не удивительно по моему возрасту.

Учитель мой былъ человѣкъ старый, тихій и весьма добрый; онъ и жена его, такая же старушка, любили меня отмѣнно отъ прочихъ. Онъ самъ насъ мало учивалъ, потому что по обязанности своей долженъ былъ всякій день ходить въ классы въ кадетскій корпусъ, и учить кадетовъ, и такъ, доставалось ему самому насъ учить двѣнадцатый часъ, да въ вечеръ еще одинъ часъ. Прочее время училъ насъ старшій изъ его сыновей, которыхъ было у него двое. Одного звали Александромъ, и онъ былъ нарочито уже великъ и могъ уже по нуждѣ обучать и былъ малый изрядный, а другой еще маленькой, по имени Фридрихъ, и малой огненный, рѣзвый и дурной. За рѣзвость и бѣшенство его мы всѣ не любили.

Что касается до содержанія и стола для насъ, то былъ онъ обыкновенно пансіонный, то-есть, очень очень умѣренный; наилучшій и пріятнѣйшій кусокъ составляли булки, приносимыя къ намъ по утрамъ, и которыми насъ каждаго одѣляли. Сіи были по счастію отмѣнно хороши, и хлѣбникъ, пекущій оныя, умѣлъ ихъ такъ хорошо печь, что мнѣ хорошій вкусъ ихъ и понынѣ еще памятенъ. Обѣды же были очень очень тощи и въ самые скоромные дни, а въ постные и того хуже. Но привычка чего не можетъ сдѣлать! — сколько сначала ни были мнѣ такіе тощіе обѣды маловкусны, однако я наконецъ привыкъ и довольно бывалъ сытъ, а особливо когда поутру либо лишнюю булочку, либо скоромный прекрасный кренделекъ купишь и съѣшь, которыя такъ намъ казались вкусными, что подберешь и крошечки. Не рѣдко же случалось, что иногда и ложка другая третья хорошихъ щей съ говядиною, варимыхъ для себя слугою моимъ, помо-

гали обѣду, и которыя не рѣдко казались мнѣ вкуснѣе и сытнѣе всего обѣда.

Какъ я ученью французскаго языка начало сдѣлалъ еще въ Курляндіи, и тутъ стоило только продолжать оный, то успѣхъ ученія моего былъ весьма хорошій. Я столь былъ понятенъ и прилеженъ, что менѣе нежели въ полгода обогналъ всѣхъ моихъ сотоварищей и сдѣлался первенствующимъ въ школѣ, и каковъ былъ ни малъ, но могъ всѣмъ указывать и за всѣми поправлять. Ученіе наше состояло наиболѣе въ переводахъ съ русскаго на французскій языкъ Езоповыхъ басней и газетъ русскихъ; и метода сія не дурна, мы чрезъ самое то спознакомливались отъ часу больше съ французскимъ языкомъ, а переводя газеты, и съ политическимъ и историческимъ штилемъ и съ званіями государствъ и городовъ въ свѣтѣ.

Какъ обѣщано было, чтобъ выучить меня и географіи, то чрезъ нѣсколько времени принялъ учитель нашъ или пригласилъ какого-то нѣмца, чтобъ приходилъ къ намъ и училъ насъ часа два послѣ обѣда сей науки. Для меня была она въ особливости пріятна и любопытна. Я пожиралъ такъ-сказать всѣ говоренныя учителемъ слова, и мнѣ не было нужды два раза пересказывать. Европейская карта, которую онъ одну намъ только и трактовалъ, впечатлѣлась такъ твердо въ умѣ моемъ, что я могъ всю ее пересказать по пальцамъ; но жаль, что ученіе сіе не долго продолжалось: не знаю и не помню, что тому причиною было, что онъ ходилъ къ намъ не очень долго, по сему и ученіе было весьма слабое и короткое. Со всѣмъ тѣмъ получилъ я чрезъ сей случай нарочитое о географіи понятіе, но что болѣе моей удобопонятности, охотѣ и любопытству приписывать должно; а судя по ученію, то оное не принесло-бъ мнѣ дальней пользы, такъ какъ прочимъ пользовало оно очень мало.

Что принадлежитъ до исторіи, то сей наукѣ въ пансіонѣ нашемъ не было обыкновенія учить. Но сіе едва было и не лучше, нежели учить такимъ образомъ, какъ учатъ нынѣ (1789 г.) въ пансіонахъ, гдѣ теряется только на то время, а пользы никакой не производится, ибо заставливаютъ дѣтей учить объ сіи науки наизусть на французскомъ языкѣ, и они ничего не понимаютъ.

Но недостатокъ сей наградилъ я нѣкоторымъ образомъ собственнымъ своимъ любопытствомъ, и чрезвычайною охотою къ читанію книгъ, полученною около сего времени. За охоту къ тому обязанъ я книгѣ «Похожденія Телемака». Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу! Учитель нашъ заставливалъ меня иногда читать ее у себя въ спальнѣ для науки, по я ее мало разумѣлъ по-французски, а покрайней мѣрѣ узналъ, что она такое, и доставъ не помню отъ кого-то русскую, не могъ довольно ей начитаться. Сладкій піитическій слогъ плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода, и вперилъ любопытство къ чтенію и узнанію дальнѣйшаго. Я получилъ чрезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о троянской войнѣ, и мнѣ она такъ полюбилась, что у меня старинныя брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались безпрерывно въ головѣ, къ чему много помогали и картинки, въ книгѣ находившіяся. Словомъ, книга сія служила первымъ камнемъ, положеннымъ въ фундаментѣ всей моей будущей учености, и куда жаль, что у насъ въ Россіи было тогда еще такъ мало русскихъ книгъ, что въ домахъ нигдѣ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей того меньше. Литература у насъ тогда только-что начиналась, слѣдовательно не можно было мнѣ, будучи ребенкомъ, нигдѣ получить книгъ для читанія.

Но ни однимъ симъ я, живучи въ семъ пансіонѣ, воспользовался: я уже упоминалъ прежде, что я съ самаго малолѣтства получилъ великую склонность къ рисованью и маранью красками. Еще въ то время, какъ я учился писать по-русски, то писаришка, учитель мой, вперилъ въ меня первую охоту рисованіемъ своимъ кораблей, церквей, колоколень и прочаго;

дядька мой также умѣлъ гваздать колокольни и чернецовъ, и я насмотрѣлся у него. Охота сія возросла еще того болѣе въ Курляндіи, когда учитель мой Чаахъ научилъ меня держать кисть въ рукахъ и бездѣлицы ими мазать красками. Словомъ, склонность моя къ сему искусству была такъ велика, что въ то время, когда ѣхали мы изъ Курляндіи въ Петербургъ, почиталъ я наивеличайшимъ благополучіемъ въ свѣтѣ, когда могъ я имѣть котелъ съ кранами вокругъ, такой, чтобъ изъ каждаго крана текла мнѣ изъ него разная краска и какой бы я отвернулъ, такая бы и потекла. Но тутъ жилъ я, окруженъ будучи вокругъ рисовальными мастерами и имѣлъ наивожделѣннѣйшій случай насмотрѣться, какъ они рисуютъ и какъ составляютъ разныя краски, и получить ближайшее понятіе о семъ искусствѣ; меня оно столь прельщало, что я досадовалъ, для чего меня не учатъ и писалъ къ родителю моему, чтобъ онъ сдѣлалъ милость, и велѣлъ меня учить. Онъ и сдѣлалъ мнѣ сіе удовольствіе: живущій съ нами объ стѣну рисовальной мастеръ Дангауеръ нанятъ и приговоренъ былъ меня учить, и такъ началъ я къ нему ходить и по нѣскольку часовъ учиться. Но какая досада была для меня, что учить меня начали не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, красками, а карандашемъ и рисовать все фигуры. Въ этомъ прошло все время, и мнѣ не удалось поучиться рисовать красками и любимые свои ландшафты, которые мнѣ всего были милѣе, но покрайней мѣрѣ имѣлъ я тутъ случай насмотрѣться и узнать многое. Самъ учитель рисовалъ очень хорошо, и наиболѣе яйцы гусиныя красками, я же научился у него изрядно рисовать карандашами.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ живучи тутъ, учился французскому языку, географіи и рисованью, не оставлялъ я въ праздное время, а особливо въ праздники ходить къ дядѣ моему господину Арсеньеву. Благопріятствомъ и ласками его и тетки, жены его, былъ я очень доволенъ, они принимали меня всегда какъ близкаго родственника и любили меня очень за тихое и скромное мое поведеніе. Они имѣли у себя другого племянника, жившаго въ кадетскомъ корпусѣ и записаннаго въ оном. Онъ былъ и мнѣ внучатный братъ, звали его Тимоѳеемъ Ивановичемъ Тутолминымъ и онъ самой тотъ, которой нынѣ намѣстникомъ въ городѣ Архангельскомъ. Судьбѣ угодно было произвесть его далеко предомною, но тогда имѣлъ я преимущество предъ нимъ и дядя любилъ меня болѣе нежели его, ибо онъ былъ рѣзовъ и вертоголовой. Мы всегда почти бывали съ нимъ вмѣстѣ у дяди и всегда ночевывали, ибо ходить должно было чрезъ весь Петербургъ, и были друзья между собою.

Въ сихъ произшествіяхъ кончился 1749 и начался 1750 годъ. Бываемыя около сего времени и въ другіе торжественные дни увеселенія, а особливо иллюминаціи изъ разныхъ фонарей, прельщали меня до безконечности, для меня были они новымъ зрѣлищемъ, и я не могъ ихъ довольно насмотрѣться. Ко всему любопытному былъ я съ малолѣтства склоненъ. Такимъ же образомъ утѣшали меня чрезвычайно кадетскіе строи и ихъ ученья, бывшія лѣтомъ: всегда, когда они ни бывали хаживали мы смотрѣть, ибо парадное мѣсто было подлѣ самыхъ насъ.

Предъ приближеніемъ масляницы восхотѣлось родителю моему меня видѣть. Онъ прислалъ за мною повозку и лошадей и просилъ учителя, что онъ недѣли на двѣ меня къ нему отпустилъ. Учитель не только на то охотно согласился, но поступилъ еще далѣе и отпустилъ со мною и старшаго своего сына. — Итакъ, ѣздили мы къ моему родителю въ полкъ и гостили у него недѣли двѣ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ между Выборгомъ и Петербургомъ, на винтеръ-квартирахъ и имѣлъ квартиру свою въ селѣ называемомъ Краснымъ; хоромцы были самыя маленькія, но въ этакой странѣ, какова Финляндія, и требовать было лучше не можно. Родитель мой былъ намъ очень радъ и о успѣхѣ ученія моего изъявлялъ свое удовольствіе. Все время нашего пребыванія у него препроводили мы весело

и пріятно: онъ биралъ насъ съ собою, когда случалось ѣздить ему куда въ гости. Всѣ полковые офицеры ласкались ко мнѣ напрерывъ и всѣ хвалили за мою прилежность и охоту къ ученію; въ сіе-то время выпросилъ я у родителя моего прежде упомянутое дозволеніе учиться рисовать: онъ охотно на то согласился и велѣлъ купить для меня рисовальную книгу и все нужное.

Здоровье родителя моего начало около сего времени гораздо слабѣть; онъ уже давно жаловался ногами, но въ сіе время чувствовалъ и во всемъ себѣ слабость. Какъ теперь помню, однажды идучи вмѣстѣ съ нами къ церкви, которая была не подалеку отъ хоромъ, обратившись онъ къ идущимъ позадь его офицерамъ, сказалъ: «Нѣтъ, государи мои, недолго уже мнѣ жить, чувствую одышку и отмѣнную слабость во всемъ моемъ тѣлѣ, которая меня очень устрашаетъ». Всѣ утѣшали его говоря, что лѣты его еще не такъ велики, чтобъ скорой смерти опасаться было можно; однако онъ оставался при своемъ мнѣніи.

Другое, что мнѣ изъ сего періода времени памятно, было то, что родитель мой, издѣвками своими вогналъ меня однажды въ превеликія слезы.—Идучи однажды въ баню, угодно ему было взять меня съ собою. Не успѣли мы раздѣться, какъ вздумалось ему надо мною пошутить: «ну! братъ Андрюша, сказалъ онъ мнѣ, ты у меня теперь уже женихъ, и пора уже тебя женить». Меня сіе такъ поразило, что слезы у меня какъ градъ покатились, ибо природная застѣнчивость моя противъ женскаго пола была такъ велика, что я не могъ разсудить, что это была одна шутка; и можно ли быть правдѣ, когда я тогда не болѣе какъ по одиннадцатому году былъ, женютъ-ли кого въ такіе лѣты!

Погостивши у родителя моего недѣли двѣ три, и на первой недѣли великаго поста исповѣдовавшись и причастившись, возвратился я опять въ Петербургъ и сталъ продолжать свои науки и жить по прежнему у моего учителя. Съ сего времени, сколько я помню, упражнялся я въ переводѣ какой-то французской книжки. Мнѣ и понынѣ жаль, что у меня пропалъ сей переводъ. Безъ всякаго сомнѣнія, былъ онъ весьма еще не совершенъ и недостаточенъ. Нѣкто господинъ Барыковъ нашего полку выпросилъ у меня его прочесть и увезъ.

Симъ образомъ продолжалъ я тутъ жить и учиться во весь остатокъ зимы, во всю весну и лѣто; а между тѣмъ родитель мой перешолъ съ полкомъ своимъ въ самый городъ Выборгъ, ибо полку его велѣно стоять тутъ во все лѣто лагеремъ. Желалъ бы онъ охотно, чтобъ я прожилъ у учителя моего еще годъ, но усиливающаяся его слабость и болѣзненное состояніе принудили его прервать, противъ хотѣнія своего, мое ученіе и взять меня къ себѣ изъ Петербурга. Онъ прислалъ за мною нарочныхъ лошадей, и я принужденъ былъ оставить Петербургъ и всѣ свои науки, и къ нему въ Выборгъ ѣхать.

Симъ окончу я сіе письмо, предоставляя въ послѣдующемъ разсказать дальнѣйшее, что со мною случилось; а между тѣмъ, при увѣреніи о моей непремѣнной дружбѣ, остаюсь и прочее.

ВЪ ВЫБОРГѢ.

Письмо 12-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, не продолжалось ученіе мое въ Петербургѣ болѣе одного года, и заплачено за меня съ небольшимъ только сто рублей. Но сіи сто рублей принесли мнѣ великую пользу. Лѣты мои, сколь ни были еще нѣжны и малы, однако я тутъ многому набрался не столько учася, сколько наглядкою. Что-жъ принадлежитъ до французскаго языка, то оному, судя по лѣтамъ моимъ, я довольно выучился и не только могъ говорить, но и переводить по нуждѣ. Напротивъ того, нѣмецкій языкъ я совсѣмъ почти позабылъ, ибо какъ во всей нашей школѣ ни одинъ человѣкъ не разумѣлъ и не говорилъ по-нѣмецки, то не имѣя случая

цѣлый годъ ни съ кѣмъ ни единаго слова промолвить и разучился я оному такъ, что не умѣлъ и пикнуть. Вотъ что дѣлаетъ отвычка и неупотребленіе! Однако читать и писать, и разумѣть я все-таки еще могъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Выборгъ, нашелъ я родителя моего стоящаго на маленькой квартиркѣ, по ту сторону города и подлѣ самаго поля по конецъ всего форштата, гдѣ неподалеку стоялъ и полкъ его лагеремъ. Онъ лежалъ уже въ постели и врачуемъ былъ полковымъ нашимъ лекаремъ. Большой мой зять находился тогда въ отпуску, а меньшой былъ въ полку, однако стоялъ на другой квартирѣ.

Родитель мой не преминулъ меня проэкзаменовать во всѣхъ моихъ знаніяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками, а паче всего мило ему было, что я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о географіи. Онъ самъ любилъ и зналъ сію науку, и не могъ довольному знанію моему нарадоваться, а не менѣе и я радъ былъ, что нашелъ у него цѣлый атласъ съ ландкартами и могъ любопытство свое по желанію удовольствовать. Одно только родителю моему было не весьма пріятно, что я за французскимъ языкомъ совсѣмъ нѣмецкій позабылъ. Чтобъ пособить сему сколько-нибудь, то заставилъ онъ прежняго учителя моего Миллера, который у него въ домѣ жилъ, по нѣскольку часовъ въ день возобновлять мнѣ языкъ сей. Я принужденъ былъ ходить къ нему въ сарай, гдѣ онъ имѣлъ свое жилище и тамъ препровождать съ нимъ по нѣскольку часовъ, въ читаньѣ и говореньѣ; однако хоть продолжалось сіе болѣе мѣсяца, но пользы отъ него я получилъ мало, ибо онъ совсѣмъ неспособенъ былъ къ ученію.

Сію скуку замѣнялъ я въ праздное время другими и пріятнѣйшими для меня упражненіями. Я узналъ, что у родителя моего былъ цѣлый ящикъ съ книгами; я добрался до онаго, какъ до нѣкоего сокровища, но къ несчастію не нашолъ я въ нихъ для себя годныхъ кромѣ двухъ, а именно: Курасова сокращенія исторіи, и исторіи принца Евгенія. Не могу однако довольно изобразить, сколько сіи немногія книги принесли мнѣ пользы и удовольствія. Первую я нѣсколько разъ прочиталъ и получилъ чрезъ нее первѣйшее понятіе объ исторіи, а вторую не могъ довольно начитаться: она мнѣ очень полюбилась и я получилъ чрезъ нее понятіе о нынѣшнихъ войнахъ, объ осадахъ крѣпостей и о многомъ, до новой исторіи относящемся. Пуще всего было мнѣ пріятно и полезно, что въ книгѣ сей находились планы баталіямъ и крѣпостямъ. Я скоро научился ихъ разбирать и получилъ такую охоту къ военному дѣлу, что у меня одни только крѣпости, батареи, траншеи, ретраншементы и прочія укрѣпленія на умѣ были. Не рѣдко просиживалъ я по нѣскольку часовъ, читая сію для меня милую книгу и разсматривая чертежи и рисунки. И читаніе сіе подало однажды поводъ къ особливому происшествію: какъ однажды я ее симъ образомъ читалъ, то вздумалось родителю моему, лежащему въ комнаточкѣ, отгороженной отъ того покоя, гдѣ я читалъ, спросить меня что я дѣлаю: «читаю, батюшка, книгу», сказалъ я; «а какую, мой другъ»? «Принца Евгенія».—«О мой другъ!» сказалъ родитель мой, сіе услышавъ, «книгу сію читать тебѣ еще рано».—«Но почему-же»? спросилъ я, «я ее довольно понимаю и разумѣю и мнѣ она очень полюбилас».—«Ну, хорошо, мой другъ», сказалъ родитель мой «ежели такъ, то пожалуй себѣ читай»; а услышавъ, что я ее уже въ другой разъ читаю, а Кураса три раза прочолъ, похвалилъ меня за охоту мою къ чтенію и за мое любопытство особливое.

Другое и весьма пріятное для меня упражненіе было въ хожденіи смотрѣть, какъ артиллеристы учились стрѣлять изъ пушекъ въ цѣль. Учебная батарея ихъ была подлѣ самой нашей квартиры, и какъ я около сего времени давно уже пересталъ бояться стрѣльбы, но паче получилъ къ ней особливую охоту и склон-

ность, то не пропускалъ я ни единаго случая, чтобъ не быть на батареѣ, когда стрѣляли, и не рѣдко имѣлъ удовольствіе самъ зажигать нацѣленныя пушки. Но никогда я самъ собою такъ доволенъ не былъ, какъ при одномъ случаѣ. Артиллеристамъ симъ вздумалось однажды, не знаю для чего, кинуть изъ мортиры одну начиненную бомбу, съ тѣмъ, чтобъ ее разорвало на воздухѣ. Какъ офицеръ артиллерійскій былъ мнѣ уже знакомъ, то выпросилъ я дозволеніе, что мнѣ ее бросить, то-есть зажечь мортиру. Сперва не хотѣли-было мнѣ на то позволить, боясь, чтобъ меня не оглушило; однако я убѣдилъ ихъ моею просьбою и удовольствіе мое было неописанное, когда увидѣлъ я брошенную мною бомбу къ верху разрывающеюся; день былъ тогда прекрасный, бомба разсѣлась въ самой высотѣ и произвела наипріятнѣйшее зрѣлище своимъ сперва маленькимъ, и на облачко похожимъ дымомъ, а потомъ своимъ громомъ.

Другое, но еще вящее удовольствіе имѣлъ я при слѣдующемъ случаѣ. Извѣстное то дѣло, что полки во всякое лѣто не только учатся, но наконецъ всѣ солдаты стрѣляютъ и въ цѣль — пулями въ нарисованныхъ на щитахъ людей; каждый солдатъ долженъ выстрѣлить три раза, и всякій разъ записывается кто и во что̀ попалъ. Сей обрядъ долженъ былъ производить около сего времени и нашъ полкъ. Я, какъ сержантъ, находившійся въ дѣйствительной службѣ, долженъ былъ находиться также въ строю. Правда, никто бы не взыскалъ, еслибъ я и не былъ, но мнѣ самому того хотѣлось, ружье было у меня маленькое и по моей силѣ, и мнѣ восхотѣлось также съ прочими стрѣлять. Сіе было въ первый разъ отъ роду, что я стрѣлялъ изъ ружья моего пулею, и какое неописанное удовольствіе мое было, когда изъ всѣхъ трехъ пуль не потерялъ я ни одной, но всѣми попалъ въ щитъ и одною прямо въ сердце, что̀ почиталось за превеликую рѣдкость. Похвалы загремѣли мнѣ отвсюду, и я не вспомнилъ самъ себя отъ радости; хотя дѣло само по себѣ не составляло никакой важности, но для ребенка все было мило и пріятно.

Далѣе, нерѣдко хаживалъ я въ самую крѣпость и городъ Выборгъ; многіе изъ офицеровъ нашихъ имѣли тамъ свои квартиры, и какъ они всѣ меня любили, то хаживалъ я къ нимъ иногда въ гости. При семъ случаѣ, имѣлъ я довольное время насмотрѣться сего города и крѣпости, построенными почти на одномъ камнѣ. Онъ раздѣляется на двѣ части; одну и бо́льшую часть составляетъ старинная крѣпость, наполненная довольно изрядными нѣмецкимъ каменнымъ строеніемъ и имѣющая внутри себя нѣсколько киpокъ и церквей. Одна наизнаменитѣйшая изъ нихъ превращена была въ нашу церковь и была соборная. Другую часть составляла новая пристройка, которой укрѣпленія и тогда не совсѣмъ еще были отдѣланы, ибо какъ кряжъ, на которомъ вся сія и нарочитаго пространства часть города была построена, составлялъ единый и цѣльный дикій камень, и какъ рвовъ около укрѣпленіевъ копать было никакъ не можно, то принуждено было дикій камень сверлить и порохомъ рвать. На сію работу, производимую съ великимъ трудомъ, не однажды я сматривалъ, и видѣлъ какъ рвало каменья и бросало на воздухъ; чтобъ не могли они кого убить, то назначалось къ тому особливое время, и по данному сигналу, всѣ удалялись прочь и подъ защиты, а тогда вдругъ всѣ сверлы и запалялись. Боже мой! какое начиналось тогда трескань̀е и лопатня и какое летаніе на воздухъ привеликихъ глыбъ каменныхъ! Но по счастію летали они не далече въ стороны и городскимъ жителямъ не было отъ нихъ ни малѣйшей опаспости.

Сія новая и недостроенная еще часть города отдѣлена была отъ стараго города нарочитой ширины морскимъ рукавомъ или узкимъ заливомъ, простирающимся внутрь земли на знатное разстояніе. Для коммуникаціи между обѣими частями сдѣланъ былъ чрезъ рукавъ сей предлинный мостъ, а противъ середины онаго, на случившемся природномъ попереди ру-

кава каменномъ островѣ, воздвигнута была превысочайшая башня, окруженная внизу весьма крѣпкими укрѣпленіями и снабженная множествомъ пушекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ и самыя величайшія были на самой башнѣ и могли очищать всѣ окрестности города: все сіе укрѣпленіе называется Шлоссомъ или за́мкомъ.

Въ сихъ-то и подобныхъ сему упражненіяхъ препровождалъ я свое тогдашнее время, и оно было мнѣ пріятно и весело. Но, увы! пріятное сіе время не долго продолжалось. Судьбѣ угодно было положить предѣлъ днямъ моего родителя, и произвесть чрезъ то во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ великую и весьма важную перемѣну.

Лѣта родителя моего были хотя весьма еще не многочисленны, но болѣзнь, чувствуемая имъ за нѣсколько уже лѣтъ до того въ ногахъ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, свела его во гробъ и лишила его той жизни, которая для меня весьма еще была нужна и надобна, ибо я былъ сущій еще ребенокъ. Недѣли за двѣ до кончины его, болѣзнь такъ усилилась, что всѣ старанія полкового нашего искуснаго лекаря не могли подать ему ни малѣйшаго облегченія, но онъ, напротивъ того, со всякимъ днемъ приходилъ въ вящую слабость. Тогда не только всѣ окружающіе его, но и самъ родитель мой предвидѣлъ, что конецъ его жизни приближается. Онъ требовалъ самъ, чтобъ приготовили его къ кончинѣ по долгу христіанскому; и такъ исповѣдали его и приобщили свя́тыхъ тайнъ, а потомъ особоровали еле́емъ.

При производствѣ сихъ церковныхъ обрядовъ, сердце мое поражено было наивеличайшею тоскою. Вмѣсто прежнихъ удовольствій текли изъ глазъ моихъ слезы; меня хотя старались всѣ утѣшать и льстили надеждою, что авось-либо родителю моему полегчеетъ и онъ отъ болѣзни своей свободиться, но изображающаяся на лицахъ у всѣхъ печаль и господствующее во всемъ домѣ унынie и печальное молчаніе не то мнѣ предвозвѣщало. Я ходилъ повѣся голову и утиралъ только текущія изъ глазъ слезы.

Поелику родитель мой былъ до самаго конца своей жизни въ совершенной памяти и разсудкѣ, то и не упустилъ онъ сдѣлать все, что должно. Онъ написалъ духовную и поручилъ попеченіе обо мнѣ и о моей матери наплучшему своему другу, Ивану Михайловичу Дурнову, одному сосѣдственному по деревнямъ нашимъ дворянину; но сія духовная осталась потомъ безъ всякаго дѣйствія. Потомъ распрощался онъ со всѣми нами и домашними. Всѣ домашніе обмывали руки его своими слезами и наполняли воздухъ своими рыданіями. Что касается до прощанія со мною, то было наитрогательнѣйшее и для меня наипечальнѣйшее.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ и, собравъ послѣднія свои силы, обнявъ меня залился слезами, и прерывающимъ голосомъ, сколько помню, говорилъ слѣдующія слова: «Смерть моя, мой другъ, приближается, — вижу я самъ уже, что мнѣ умереть.... Небу не угодно было, чтобъ дни мои до того времени продлились, чтобъ могъ я имѣть удовольствіе видѣть тебя въ совершенномъ возрастѣ.... Я оставляю тебя ребенкомъ и сиротою....» Слезы покатились у него при семъ словѣ и тяжкій вздохъ излетѣлъ на небо.— «Но что дѣлать», продолжалъ онъ державъ меня за руку стоящаго почти внѣ себя, «угодно такъ всемогущему Богу. Его святая воля и буди! Онъ будетъ тебѣ вмѣсто меня отцомъ. Я поручаю тебя Его покровительству и не сомнѣваюсь, что Онъ милостію своею тебя не оставитъ.... Но слушай, мой другъ, и не позабывай никогда послѣдняго приказанія отца твоего.... Помни, что онъ приказывалъ тебѣ сіе при послѣднемъ своемъ издыханіи.... Старайся во всю жизнь твою и всего паче бояться, любить и почитать сего всемогущаго Бога и Творца нашего, и во всемъ на него полагаться. Никогда ты въ томъ не раскаешься, онъ во всѣхъ нуждахъ будетъ твоимъ покровителемъ и помощникомъ. Будь къ нему прибѣженъ съ самыхъ теперешнихъ твоихъ лѣтъ, и всегда возлагай надежду и упованіе свое на него. Ты счастливъ будешь, ежели сіе исполнишь»....

Слабость воспрепятствовала ему далѣе говорить; однако онъ, отдохнувъ нѣсколько и собравшись съ духомъ, продолжалъ тако:

«Не грусти обо мнѣ и не плачь, ты остаешься теперь съ матерью; люби ее и почитай, покуда жизнь ея продлится, она тебя родила и воспитала и проливала о тебѣ много слезъ, ты долженъ утѣшать ее при старости своимъ поведеніемъ; живи, мой другъ, порядочно и постоянно. Будешь хорошо жить, и тебѣ самому хорошо будетъ, а худо себя поведешь, будетъ и тебѣ худо. Помни это твердо и никогда не позабывай. Люби и почитай обѣихъ своихъ сестръ и ихъ мужей, они о тебѣ оба будутъ теперь попечителями и тебя не оставятъ; а паче всего еще напоминаю тебѣ, люби и почитай Бога, его милость и покровительство тебѣ всего нужнѣе, молись къ нему всегда и проси, чтобъ Онъ къ тебѣ былъ милостивъ, и не лишилъ тебя любви своей. Я поручаю тебя Ему и Его святое благословеніе и вкупѣ мое грѣшное, буди надъ тобою!»

Сказавъ сіе, не могъ онъ болѣе отъ удручавшей болѣзни и горести говорить, но, поцѣловавъ меня и смочивъ щеки мои своими слезами, приказалъ мнѣ выттить вонъ и затворить въ комнаткѣ двери; я обливался тогда слезами, но принужденъ былъ повиноваться его повелѣнію.

Сіе было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ, ибо съ сего времени не велѣлъ онъ пускать никого къ себѣ, кромѣ отца своего духовнаго, да и началъ почти съ самаго сего часа страдать къ смерти. Въ семъ страданіи препроводилъ онъ не болѣе однихъ сутокъ, и наконецъ, 26 сентября былъ тотъ несчастный для пасъ день, въ которой затворилъ онъ на вѣки свои очи и переселился въ вѣчность.

Самую кончину его мнѣ не удалось видѣть, воспослѣдовала она по утру очень рано и покуда я еще спалъ. Не успѣлъ я проснуться, какъ необыкновенная тишина въ домѣ, ладонный запахъ и слезы у всѣхъ на глазахъ меня поразили. Сердце у меня затрепетало, я спѣшилъ спрашивать у всѣхъ: живъ-ли батюшка? и не скончался-ли? но никто не хотѣлъ мнѣ отвѣтствовать, наконецъ принуждены были мнѣ сказать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Я завылъ тогда и зарыдалъ, облившись слезами, но множество офицеровъ и зять мой, вошедши въ самое то время, не дали мнѣ болѣе надрываться; они велѣли меня силою отвесть на квартиру зятя моего и тамъ оставить, приказавъ не выпускать никуда со двора. Тутъ принужденъ я былъ пробыть до самаго того времени, какъ изготовилось все нужное къ печальной церемоніи его погребенія.

Попеченіе о семъ и всѣ нужныя къ тому распоряженія воспріялъ на себя полку нашего подполковникъ, господинъ Шредеръ. Человѣкъ сей былъ весьма хорошій и благоразумный. Онъ любилъ покойнаго родителя моего и потому восхотѣлъ ему отдать послѣдній долгъ сей. Но сего еще не довольно: но онъ восхотѣлъ и далѣе воспріять на себя трудъ и постараться о томъ, чтобъ во время сутормы и перваго замѣшательства въ домѣ, не могло ничего распропасть изъ пожитковъ отца моего, оставшихся послѣ онаго. Тотчасъ было все собрано и на первый случай опечатано, а потомъ при присутствіи зятя моего все порядочно переписано. Но все нждивеніе отца моего не составляло дальней важности, ибо какъ жилъ онъ однимъ только почти жалованьемъ, и тогдашнія времена не такія были, чтобъ можно было полковникамъ отъ полку наживаться, то не откуда взяться было сокровищамъ. И денегъ наличныхъ отыскалось очень мало, да и тѣ состояли въ небольшомъ только количествѣ червонцевъ, которые покойный родитель мой берегъ для всякаго случая, и число оныхъ было такъ не велико, что едва стало ихъ на погребеніе.

Поелику кончина отца моего воспослѣдовала при полку и въ городѣ, почти иностранномъ, гдѣ два генерала имѣли тогда свое пребываніе; то всѣ обстоятельства требовать, чтобъ сдѣлали по-

гребеніе ему порядочное и съ достодолжною по чину его церемоніею. Таковое погребеніе по многокоштности своей хотя и несоразмѣрно было съ нашимъ достаткомъ и оставшимъ капиталомъ, но нечего было дѣлать. Зять мой, г. Травинъ, тогдашній мой опекунъ и попечитель, принужденъ былъ на все согласиться, и давать деньги на закупку всего нужнаго и на прочія издержки при семъ печальномъ обрядѣ.

Погребеніе и въ самомъ дѣлѣ произведено было съ пышною церемоніею; весь полкъ былъ въ парадѣ, а знатный деташаментъ послѣдовалъ за гробницею отца моего отъ самой квартиры до соборной церкви, гдѣ назначено было его положить. Гробъ обитъ былъ сукномъ, украшенъ золотымъ галуномъ и позлащенными скобами. Онъ везенъ былъ цугомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ; нѣсколько сотъ аршинъ крепу и другихъ чорныхъ матерій употреблено было на обвязку офицерскихъ шляпъ, рукъ и шпагъ, покрытіе барабановъ и на тысячу другихъ излишностей, затѣваемыхъ тѣми, кому чужихъ денегъ не жаль, и которые готовы сорить ими на что ни вздумается. Я одѣтъ былъ въ глубочайшій трауръ и долженъ былъ иттить за гробницею. По обѣимъ сторонамъ меня шли помянутые генералы: одинъ изъ нихъ былъ генералъ-поручикъ Салтыковъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ, а другой генералъ-маіоръ Михаилъ Семеновичъ Хрущовъ; оба они восхотѣли сами честь сдѣлать родителю моему и препроводить тѣло его до церкви, несмотря хотя разстояніе было нарочито велико и шествіе простиралось болѣе версты. Полкъ поставленъ былъ въ два ряда по улицѣ подлѣ собора, и по приближеніи тѣла, отдана была оному всѣмъ полкомъ послѣдняя честь, съ барабаннымъ глухимъ тономъ и печальною музыкою. Въ церковь внесли оное на себѣ нѣкоторые офицеры полку нашего, отмѣнно любившіе отца моего и обливающіеся слезами; слезы сіи не одни, а весьма многіе проливали. Покойный родитель мой любимъ былъ такъ всѣмъ полкомъ, что не осталось солдата, который бы не плакалъ или по крайней мѣрѣ не тужилъ и не сожалѣлъ объ ономъ. По внесеніи въ церковь, поставили меня съ правой стороны подлѣ гроба, гдѣ принужденъ я былъ стоять во все продолженіе обѣдни и отпѣванія. Легко можно всякому себѣ вообразить, каковы были для меня сіи минуты и въ какомъ состояніи я тогда находился! Я походилъ болѣе на истукана, нежели на печальнаго ребенка. Взоры мои устремлены были безпрерывно на лежащее тѣло моего родителя, которое я тогда впервые еще увидѣлъ безъодушевленное; я воображалъ себѣ, что вижу оное въ послѣдній разъ въ моей жизни, и что скоро оное погребутъ и зароютъ въ землю; и мысль сія поражала сердце мое наивеличайшею грустію и тоскою, и выгоняла новыя слезы изъ глазъ моихъ, отъ которыхъ во всю обѣдню лицо мое не обсыхало.

Какъ пришло время уже опускать гробницу въ землю, то велѣли мнѣ въ послѣдній разъ облобызать тѣло произведшаго меня на свѣтъ и проститься съ онымъ. Я учинилъ сіе и смочилъ руки родителя моего слезами, и имѣю по крайней мѣрѣ нынѣ то удовольствіе, что слезы мои погребены вмѣстѣ съ нимъ въ землю и составляли единую малую мзду за всѣ труды и старанія, употребленныя имъ на мое воспитаніе. Меня оттащили отъ гроба силою и спрятали въ тѣсноту народа, дабы я не видѣлъ дальнѣйшаго происхожденія. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, услышалъ только я звукъ пальбы пушечной и трескъ бѣглаго ружейнаго огня, производимаго полкомъ нашимъ, что̀ доказало мнѣ, что тѣло опущено уже было въ гробницу и предано землѣ. Могила выкопана была внутри самой сей соборной церкви, подлѣ самаго второго средняго столба, въ лѣвой сторонѣ находящагося. Сіе обстоятельство замѣчаю я для того, чтобъ въ случаѣ, если судьбѣ будетъ угодно завесть въ сей городъ кого-нибудь изъ дѣтей или потомковъ моихъ, могли бы они безошибочно отыскать то мѣсто, гдѣ покоятся

кости и прахъ сего ихъ предка, достойнаго того, чтобъ оросили они оное своими слезами.

По окончаніи сей печальной церемоніи и по распущеніи полка въ свой лагерь, приглашены были всѣ штабъ- и оберъ-офицеры, какъ нашего, такъ и другихъ полковъ, присутствующіе при погребеніи, на погребальный обѣдъ. Для сего отысканъ былъ наипросторнѣйшій домъ въ самомъ городѣ и всѣ трактованы были столомъ, а потомъ по обыкновенію одарены были золотыми кольцами.

Симъ кончилась вся сія печальная церемонія, которая хотя и стоила намъ весьма многаго, но по крайней мѣрѣ имѣю я то удовольствіе, что никто еще изъ предковъ и сородичевъ моихъ не удостоился погребенъ быть съ толикою честію и славою, какъ покойный родитель мой, который по справедливости и достоинъ былъ оказанія ему таковой почести.

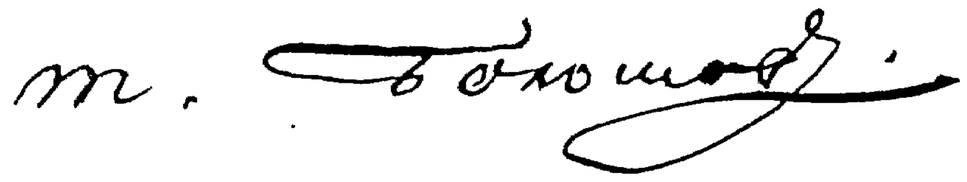
Можно безъ любославія, но безпристрастно сказать, что изъ всѣхъ тогдашняго времени полковниковъ, а особливо стариковъ, былъ онъ едвали не самолучшій. По крайней мѣрѣ всѣ почитали его наипорядочнѣйшимъ, степеннѣйшимъ и важнѣйшимъ. Вездѣ гдѣ ни случалось ему съ полкомъ своимъ быть, приобрѣталъ онъ почтеніе и любовь. Никогда не случалось ему отъ главныхъ командировъ получать за что-нибудь выговоры и репреманты. Онъ всегда исправно наблюдалъ свою должность и зналъ свое дѣло. Во все продолженіе военной своей службы, въ которой онъ родился, воспитанъ, препроводилъ всю свою жизнь и умеръ, имѣлъ онъ время всему относящемуся до военной службы научиться и узнать оную изъ основанія, почему и не удивительно, что онъ былъ во всемъ исправенъ. Полкъ его былъ въ тогдашнее время изъ наилучшихъ и исправнѣйшихъ. Правда, хотя и не было въ немъ такой чистоты и щегольства, какія заводимы были уже въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ молодыми полковниками, но за то солдаты были родителемъ моимъ довольны, и всѣ его не инако какъ своимъ отцомъ почитали. Любовь ихъ сохранилъ онъ многіе годы и по своей кончинѣ. Не однажды и многіе годы спустя, имѣлъ я удовольствіе слышать отъ всѣхъ старыхъ и при немъ служившихъ солдатъ наилестнѣйшіе объ немъ отзывы. Всякій не инако говорилъ объ немъ, какъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, и отзывался, что это былъ не полковникъ, а отецъ нашъ.

Службу свою продолжалъ онъ съ самаго малолѣтства, спѣрва въ пѣхотныхъ полкахъ, потомъ, какъ начали составлять Измайловскій гвардейскій полкъ, то взятъ былъ въ оный, въ которомъ дослужился до капитановъ, и былъ въ походахъ съ Минихомъ, противъ турокъ и на приступѣ очаковскомъ; а какъ выпустили его въ сей полкъ въ полковники, то ходилъ онъ во время шведской войны съ Кейтомъ на галерахъ.

Что касается до наружнаго его образа и личныхъ его свойствъ и характера, то былъ онъ роста высокаго и собою плотенъ, лицомъ былъ смугловатъ и круглъ, волосы имѣлъ черные, глаза большіе темно-каріе и наполненные нѣкоею благопріятностію, привлекающею къ нему съ перваго взгляда любовь ото всѣхъ. Видъ имѣлъ онъ осанистый, былъ собою взраченъ, и могъ однимъ своимъ видомъ привлекать къ себѣ почтеніе; голосъ имѣлъ важный и степенный, но въ произношеніи словъ немного картавъ, однако такъ, что почти было не примѣтно.

Что принадлежитъ до душевныхъ его свойствъ, то разумъ имѣлъ онъ острый и довольно просвѣщенный. Говорилъ весьма хорошо по-нѣмецки, которому языку обученъ онъ былъ еще въ малолѣтствѣ, зналъ ариѳметику и географію, и могъ переводить съ нѣмецкаго языка довольно изрядно. Мнѣ достались нѣкоторыя остатки трудовъ его, состоящихъ въ переводѣ Лифляндской экономіи, и сего же княжества исторіи, но были то единые отрывки. По-русски писалъ онъ свободно, скоро и мелко; въ письмѣ его была та особливость, что онъ литеру Д, писывалъ превратнымъ и слѣдующимъ образомъ

Имя же свое подписывалъ онъ наиболѣе симъ образомъ:



Что касается до расположенія его души, то было оно пачестнѣйшее въ свѣтѣ. Онъ не любилъ никакой неправды и не терпѣлъ обмановъ. Обхожденіе его было откровенно и дружественно; всякое лукавство и притворство было отъ него удалено; онъ не разумѣлъ нынѣшней зловредной политики, не умѣлъ притворно льстить, ласкаться, гнуться и согибаться на подобіе змѣи, и потомъ жалить и язвить, или, по примѣру кошекъ, спереди ласкаться и виться около души, а позади вредить и царапать, но онъ обходился со всякимъ просто, чистосердечно и говорилъ прямо то, что у него на сердцѣ. Онъ не любилъ дальнихъ церемоніаловъ и ненавидѣлъ всякое коварство, шильничество и мытарство, а буде случалось, что кто предпринималъ что-нибудь противъ его чести, достоинства и справедливости, то былъ неуступчивъ, но любилъ защищать свою честь и правду. Сіе заводило его иногда въ нѣкоторыя небольшія ссоры съ таковыми бездѣльниками и негодными людьми, несмотря хотя-бы были они и выше его чиномъ. Однако непріятелей и враговъ не имѣлъ онъ у себя никакихъ важныхъ, но умѣлъ поступками своими ихъ злобу преодолѣвать, и заставливать имѣть къ себѣ почтеніе. По причинѣ любленія справедливости и всегдашняго хорошаго поведенія, кроткаго, тихаго и миролюбиваго своего нрава, былъ онъ всѣми добрыми и честными людьми любимъ, а бездѣльники и негодные люди рѣдко такихъ людей любятъ.

Нрава былъ онъ не угрюмаго и не слишкомъ веселаго. Онъ любилъ съ людьми обходиться, но компаніи его были всегда небольшія и степенныя; частыхъ банкетовъ и пиршествъ онъ не заводилъ, можетъ быть не дозволялъ ему того и достатокъ, но за столомъ его всегда бывало по нѣскольку человѣкъ посторонних: ибо угостить онъ всякаго любилъ, и былъ гостепріимчивъ. Въ особливости же любилъ онъ обходиться съ нѣмцами, а особливо разумнѣйшими изъ оныхъ, ибо любилъ съ ними говорить и разсуждать по-нѣмецки, да можно сказать, что и они его за то отмѣнно любили.

Къ закону имѣлъ онъ должное почтеніе, и не будучи ханжею и суевѣромъ, былъ довольно набоженъ и прибѣженъ къ церкви. Онъ имѣлъ о украшеніи оной особое попеченіе, и будучи охотникомъ до музыки, завелъ въ полку прекрасный хоръ пѣвчихъ.

Что принадлежитъ до склонностей его, то имѣлъ онъ небольшую склонность къ псовой охотѣ, однако умѣренную и весьма благоразумную. Онъ не держивалъ у себя никогда болѣе двухъ или трехъ борзыхъ собакъ и ѣзживалъ въ поле болѣе для компаніи съ другими, и то весьма рѣдко. Любимая его собака въ мою бытность называлась Дегерби, прозванная по одному шведскому мѣстечку, гдѣ онъ ее досталъ будучи въ походѣ на галерахъ. Къ лошадямъ имѣлъ онъ также, но небольшую охоту. Любимая его лошадь, на которой онъ всегда ѣзжалъ, называлась Шелма, и была небольшая, лифляндской породы, и карая шерстью. До игры карточной и азартной не былъ онъ охотникъ, но въ ломберъ по самой маленькой цѣнѣ игрывалъ охотно. Къ музыкѣ онъ имѣлъ особливую охоту, и игрывалъ самъ довольно хорошо на флейтузѣ. Стараніемъ его была у насъ полковая музыка очень изрядная, и онъ умножилъ ее другимъ хоромъ, составивъ оный изъ маленькихъ солдатскихъ дѣтей, которые вкупѣ были и пѣвчими, а прочими пѣвчими были у насъ писаря, которыхъ всѣхъ вывелъ онъ въ люди, пережаловавъ чинами. Впрочемъ, любя играть на флейтузѣ, произвелъ онъ цѣлый хоръ изъ флейтузовъ съ фаготами. Сею музыкою онъ увеселялъ архіереевъ и, по тихости оной, называлъ ее монашескою.

Къ щегольству и пышности не имѣлъ онъ ни малѣйшей склонности и на убираніе волосъ не терялъ многаго времени,

какъ тогда и не было еще сіе въ дальней модѣ. Наилучшая уборка волосъ состояла въ завиваніи на верху головы маленькой плетенки и въ плетеніи ея въ косы, а пукольки тогда были развѣвающіяся и завиваемыя на концѣ тупенькими щипцами. Платье любилъ онъ хотя чистое и опрятное, но не пышное и не богатое, а хотѣлъ, чтобъ было опо хорошо, но ему спокойно и тепло. Кромѣ обыкновенныхъ мундировъ, не было у него никакого иного: но тогда и не было обыкновенія носить штатское. Самымъ экипажемъ онъ никогда не щеголялъ, и какъ каретъ тогда еще не было въ дальнемъ употребленіи, а особливо въ полкахъ, то довольствовался онъ небольшою четвероместною колясочкою, да и то сдѣланною въ полку своими мастеровыми, ибо онъ, любя мастерствы и художествы, завелъ ихъ въ полку своемъ всякаго рода.

Впрочемъ былъ онъ весьма воздержнаго житія. Компаніи бывали у него хотя нерѣдко, но никогда не помню я, чтобъ видѣлъ его подгулявшимъ, несмотря въ какой бы ему компаніи быть ни случалось; а таковую-жъ воздержность наблюдалъ онъ и въ прочемъ; всякихъ дебошей былъ онъ чуждъ и мнѣ неизвѣстно ни одного порока, которому бы онъ былъ въ особливости подверженъ. Не было въ немъ ни запальчивости, ни дальней склонности къ гнѣву, лютости и жестокости; люди и домашніе его не могли приносить въ томъ на него жалобу и не стенали отъ жестокости, какъ у прочихъ. Ему не трудно было всякому угодить, а потому они его и любили. Наилучшій и вѣрнѣйшій у него слуга былъ Андрей, по прозвищу Клестъ, отецъ нынѣшняго ткача моего Ѳедора, который вкупѣ былъ у него и ключникомъ, и казначеемъ и славнымъ поваромъ; другой поваръ назывался Дроздъ, а камердинеромъ былъ у него и любимый слуга Косой, бывшій у меня послѣ того садовникомъ, помогавшій мнѣ разводить сады мои. Съ симъ служителемъ своимъ, которому, кромѣ вина, могъ онъ все ввѣривать, нерѣдко ссоривался онъ за то, что доставалъ хищническимъ образомъ изъ погребца его глотокъ себѣ вина. Онъ узнавалъ тотчасъ по глазамъ, какъ скоро хоть нѣсколько опъ выпилъ, и любимая его проба и обличеніе состояла въ томъ, что опъ заставливалъ пройтить его въ комнатѣ по одной дощечкѣ, такъ какъ покойной король прусскій дѣлывалъ то послѣ съ однимъ своимъ слугою.

Съ покойною родительницею моею жилъ опъ во всю свою жизнь согласно и мирно, несмотря хотя была она не совсѣмъ согласпаго съ нимъ права; она нерѣдко надоѣдала и наскучивала ему своими докуками, жалобами и излишнимъ говореньемъ, но онъ наиболѣе отходилъ отъ нея и отдѣлывался молчаніемъ. Со всѣмъ тѣмъ любили они другъ друга чистосердечно и жили, какъ надлежитъ вѣрнымъ и честнымъ супругамъ.

Что принадлежитъ до насъ, дѣтей его, то любилъ онъ насъ потолику, сколько отцу дѣтей своихъ любить должно, но безъ дальняго чадолюбія и нѣги. Онъ сохранилъ отъ всѣхъ дѣтей своихъ къ себѣ любовь, однако и страхъ и почтеніе. Самые зятья мои его побаивались и не смѣли ничего предпріять худого и безразсуднаго; тотчасъ бывала за то имъ гонка. Покуда сестры мои были еще въ дѣвкахъ, то не имѣлъ онъ о пристроеніи ихъ къ мѣсту дальняго попеченія, и такихъ заботъ какими иные мучатся, но возлагалъ упованіе свое на Бога, говоря, что Онъ ему ихъ далъ, Опъ постарается уже и пристроить ихъ къ мѣсту и всякую надѣлить ея долею. Упованіе сіе и не было тщетно, онъ и видѣлъ надежду свою совершившеюся. Что касается до меня, то по малолѣтству моему не можно еще ему было ничего со мною учинить, въ тогдашнія времена не таково легко или паче вовсе невозможно было производить съ малолѣтными дѣтьми такихъ игрушекъ и переворотовъ, какіе производятся нынѣ съ опыми къ стыду нашихъ временъ и къ удивленію потомковъ; однако, еслибъ жизнь его продлилась долѣе, то не оставилъ бы опъ, конечно, постараться какъ объ обученіи моемъ многайшимъ наукамъ, такъ и о скорѣйшемъ доставленіи

мнѣ офицерскаго чина. Полковникомъ былъ онъ уже давно, и ему чрезъ годъ досталось бы по линіи въ генералъ-маіоры и тогда бы могъ онъ взять меня къ себѣ въ адъютанты; но небу было сіе не угодно.

Вотъ слабыя и немногія черты характера моего покойнаго родителя. Отпустите мнѣ, любезный пріятель, что я, изображая оныя, касался ипогда самыхъ мелочей и бездѣлокъ. Я дѣлалъ сіе не безъ причины. Письмы сіи назначиваются мною не для однихъ васъ, но вкупѣ и для дѣтей моихъ и потомковъ; мнѣ хотѣлось сохранить и для нихъ память какъ о себѣ, такъ и о моихъ предкахъ; а какъ для насъ, потомковъ, мила и любопытна и самая малѣйшая черта изъ жизни нашихъ предковъ, то и разсудилъ я замѣтить все, что я могъ только помнить.

Симъ окончу я теперешнее мое длинное письмо, а въ послѣдующихъ разскажу вамъ, какъ я, оставшись одинъ и сиротою, началъ далѣе жить и горе мыкать; а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнности моего дружества, остаюсь вашъ и прочая.

Конецъ

первой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ II.

(1789).

ИСТОРІЯ МОЕГО МАЛОЛѢТСТВА.

Письмо 13-е.

Любезный пріятель! Смерть отца моего произвела во всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до нашего дома, а особливо до меня, великую перемѣну. Я остался отъ него малолѣтенъ, на чужой сторонѣ, одинъ и безъ всякаго почти покровительства и защиты. Мать моя находилась въ сіе время въ деревнѣ за Москвою и въ великой отъ насъ отдаленности. Бо́льшой мой зять былъ въ отпуску и былъ также въ псковскихъ своихъ деревняхъ, а при полку находился только меньшой мой зять, г. Травинъ; но сей былъ не весьма обстоятеленъ, а болѣе вѣтренъ и ненадеженъ. Однако для меня и то было уже великимъ счастіемъ, что онъ случился на ту пору при полку. Безъ него и того бы еще хуже было, и я, будучи ребенкомъ, не зналъ бы что дѣлать и что начать съ собою и съ оставшимъ послѣ отца моего стяжаніемъ. А тотъ, каковъ онъ ни былъ, но все уже могъ сколько-нибудь обо мнѣ и о прочемъ приложить труды и постараться.

Нанглавнѣйшій былъ тогда вопросъ, что̀ со мною дѣлать? Обстоятельство, что я не только записанъ былъ въ службу, но и дѣйствительно въ оной считался сержантомъ, наводило не только на зятя моего, но и на всѣхъ знакомцевъ отца моего, которые наболѣе къ нашему дому были привязаны, великое сумнѣніе и заботу. Остаться при полку и нести дѣйствительную службу, по молодости и по

лѣтамъ моимъ, было мнѣ никакъ не можно, а изъ полку въ домъ къ матери моей, и на долгое время, отпустить никто не. могъ, и не отваживался. Отпуски въ домы были какъ-то около сего времени очень-туги, такъ-что сами генералы не могли отваживаться отпускать на нѣсколько мѣсяцевъ. Къ тому-жъ хотя бы я и отпущенъ былъ, но какъ можно было мнѣ одному и въ такой дальній путь, а притомъ съ такимъ тяжелымъ и большимъ обозомъ, отправиться, каковъ былъ нашъ? Но какъ время не терпѣло и чѣмъ-нибудь вопросъ сей рѣшить было надобно, то всѣ наши друзья и знакомые за необходимое считали, чтобъ зятю моему постараться какъ-нибудь о томъ, чтобъ отпустили и его, и чтобъ онъ взялъ на себя трудъ и отвезъ меня со всѣми оставшими пожитками къ моей матери.

Но тутъ было опять нѣкоторое сомнѣніе: просить сего увольненія надлежало отъ тогдашняго нашего дивизіоннаго командира, генерала-поручика Салтыкова. Но всѣмъ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ покойнымъ родителемъ моимъ, незадолго до его кончины, нѣкоторую суспицію. Не могу знать, о чемъ и за что она была, но только мнѣ памятно, что всѣ обвиняли болѣе сего генерала, нежели моего родителя въ семъ дѣлѣ. Но какъ бы то ни было, но всѣ опасались, чтобъ сей генералъ, котораго характеръ не принадлежалъ къ числу изящныхъ, не сталъ мстить и не сдѣлалъ въ дѣлѣ нашемъ остановки.

Но, по счастію, мы въ семъ пунктѣ обманулись. Съ смертію отца моего пресѣклась и вся злоба на него сего гордаго генерала. Какъ пришли мы къ нему съ моимъ зятемъ и я, по совѣту его, повергъ себя къ его ногамъ, то принялъ онъ насъ довольно благопріятно. Можетъ быть, польстило сіе его гордости и высокомѣрію, а статься можетъ, что и сиротство мое и малолѣтство его тронуло. Но какъ бы то ни было, но онъ, выслушавъ нашу просьбу, сказалъ намъ, что онъ весьма охотно-бъ исполнилъ все нами требуемое, но строгія запрещенія отъ главной команды ему то возбраняютъ; словомъ, что онъ ни меня, ни зятя надолго отпустить никакъ не можетъ, а отпуститъ насъ на 29 дней въ Петербургъ, а тамъ просили-бъ мы о должайшемъ отпускѣ главную команду.

Обстоятельства наши были таковы, что мы и сему уже были рады, ибо не сомнѣвались почти, что въ Петербургѣ нѣкоторые пріятели отца моего помогутъ намъ сдѣлать то, чтобъ насъ отпустили на должайшее время. Въ сей надеждѣ отблагодарили мы господина Салтыкова и, получивъ отъ него паспорты, начали снѣшить собраться въ путь свой и готовить все нужное къ отъѣзду.

Въ сихъ сборахъ и приуготовленіяхъ прошло нѣсколько времени. Пожитковъ отца моего было хотя не слишкомъ много, но набралось всякой рухляди столько, что потребно было нѣсколько повозокъ и болѣе лошадей, нежели сколько у насъ тогда было. Необстоятельность и вѣтреность зятя моего и излишняя его уже поспѣшность, а особливо обстоятельство, что у насъ послѣ погребенія не осталось ничего наличныхъ денегъ и не было чѣмъ не только въ деревню, но и до Петербурга доѣхать, было причиною, что многія вещи были тогда разбросаны, а другія за безцѣнокъ распроданы, ибо денегъ получить инако было не откуда, и не можно. Все наилучшее отца моего платье, полковничій его золотой шарфъ и весьма многія другія вещи превращены были въ деньги и выручена на томъ довольная сумма. Но ни которой вещи такъ мнѣ не жаль, какъ настольныхъ часовъ, бывшихъ у отца моего. Они были особливаго устроенія, очень невелики и уютны и представляли собою небольшой продолговатый пьедесталъ, наверху котораго лежалъ бронзовый и вызолоченный мопсикъ, гамкающій при всякомъ ударенiи часовъ и представляющій весьма хорошую и смѣшную фигуру. Вещица сія была такова, что мнѣ и понынѣ ее жаль, и тѣмъ паче, что мнѣ подобной ей уже нигдѣ съ того времени видѣть не случилось. Но зятю моему что-то вздумалось и ее сжить съ рукъ, хотя

не было уже никакой дальней нужды и можно было и безъ продажи сихъ часовъ обойтиться. Онъ продалъ ихъ нашему подполковнику, и за весьма умѣренную цѣну.

Симъ образомъ, снабдивъ себя довольнымъ и множайшимъ числомъ денегъ, нежели сколько намъ было надобно, началъ мой зять крутить и юрить нашимъ отъѣздомъ. Тотчасъ куплены были лошади и повозки недостающія, и тотчасъ все нужное къ отъѣзду изготовлено, а чего не можно было съ собою взять, отчасти разбросано, отчасти раздарено кому ни попало.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и распрощавшись со всѣми нашими знакомцами, отправились мы въ путь свой. Было сіе уже около половины октября мѣсяца, и въ Петербургъ доѣхали мы очень скоро, хотя обозъ нашъ и состоялъ во многихъ повозкахъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ сей столичный городъ, наипервѣйшее дѣло наше было отъискать всѣхъ пріятелей и друзей отца моего. Ихъ было тутъ немного. Дяди моего, прежде упоминаемаго, конной гвардіи ротмистра г. Арсеньева, на тотъ разъ въ Петербургѣ не случилось. Онъ находился въ отпуску; слѣдовательно, его вспоможеніемъ не могли мы воспользоваться. Другой знакомецъ и, можно сказать, другъ отца моего былъ тогда въ Измайловскомъ полку майоромъ, по имени Гавріла Андреевичъ Рахмановъ; мы его тотчасъ отъискали и имѣли удовольствіе видѣть, что онъ съ пролитіемъ слезъ услышалъ отъ насъ извѣстіе о кончинѣ родителя моего и охотно хотѣлъ употребить все, что состояло въ его силахъ къ вспоможенію нашему. Однако человѣкъ сей былъ хотя и генералъ, но не изъ сильныхъ и не могущихъ ничего дальняго сдѣлать. Все, что онъ для пользы нашей сдѣлать могъ, состояло почти въ одномъ только, что онъ отвезъ насъ и представилъ къ третьему и напзнаменитѣйшему отца моего знакомцу и другу, обер-гофмаршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, на котораго мы и полагали наивеличайшую свою надежду.

Сей любезный и орденами обвѣшенный старичокъ принялъ насъ отмѣнно ласково и не могъ довольно о родителѣ моемъ натужиться. Онъ любилъ его какъ друга, и услышавъ о кончинѣ его, не однажды утиралъ глаза свои, орошаемые слезами, а меня нѣсколько разъ удостоилъ своими облобызаніями. Съ превеликою охотою брался онъ употребить все, что только ему можно было, къ услугамъ нашимъ. Но жаль, что онъ, будучи придворный человѣкъ и притомъ отправляя такую должность, которая съ прочими не имѣла дальней связи, не въ силахъ также былъ произвесть что-нибудь важное. Однако намъ не можно было на него никакъ жаловаться. Онъ учинилъ все, что только могъ, къ споспѣшествованію нашего намѣренія и, можетъ-быть, учинилъ бы и больше, еслибъ мы ему дали волю и сами съ своей стороны ему препонъ въ томъ не полагали.

Еще въ самый тотъ же день, какъ мы у него въ первый разъ съ господиномъ Рахмановымъ были, не преминулъ онъ обо мнѣ съ нимъ говорить и разсуждать, что̀-бъ можно было имъ обоимъ учинить въ мою пользу. Оба сіи почтенные старички, и вкупѣ друзья между собою и пріятели отцу моему, долго о семъ дѣлѣ думали, говорили и разсуждали. Обоимъ имъ усердно хотѣлось оказать мнѣ существительную услугу, извлечь меня изъ полку и проложить мнѣ удобнѣйшій путь къ дальнѣйшему счастію, нежели какое могъ я найтить служа въ полевыхъ полкахъ и въ такомъ низкомъ чинѣ. Но малолѣтство мое дѣлало имъ въ томъ превелпкое помѣшательство. Обстоятельствы тогдашнихъ временъ были совсѣмъ не таковы, какъ нынѣшнія. (1789 г.) Въ тогдашнія времена и не производили съ малолѣтными дѣтьми такихъ кукольныхъ комедій и сущихъ дѣтскихъ игрушекъ, какъ нынѣ; тогда трудно было и самимъ наизнатнѣйшимъ людямъ что-нибудь особое въ пользу ихъ сдѣлать. Въ нынѣшнія времена таковымъ людямъ какъ они, не великаго-бъ труда стоило, при помощи пріятелей своихъ, доставить мнѣ офицерскій чинъ;

но въ тогдашнія и помыслить о томъ было не можно. Единое средство для доставленія мнѣ офицерскаго чина находилъ господинъ Шепелевъ то, чтобъ перевесть меня изъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ въ украинскія ландмилиціи. Поелику корпусъ сей достоинствомъ своимъ былъ ниже полевыхъ полковъ, то какимъ-то образомъ была возможность выпустить меня туда въ офицеры, и господинъ Шепелевъ брался сіе уже сдѣлать, если мы на то будемъ согласны и на то рѣшимся. Если-жъ нѣтъ, то находилъ онъ другое для меня выгодное мѣсто и говорилъ, не соглашусь-ли я перемѣнить мою военную службу на придворную. Въ семъ случаѣ хотѣлъ онъ опредѣлить меня ко двору въ пажи, что̀ ему всего легче учинить было можно, потому-что онъ былъ надъ ними главнымъ командиромъ. Что-жъ касается до господина Рахманова, то онъ со своей стороны предлагалъ, что буде не будемъ мы согласны на то, то не хочу ли я перейтить въ гвардію, и буде хочу, то въ семъ случаѣ беретъ онъ на себя сдѣлать то, что примутъ меня въ нее капраломъ. Болѣе сего сдѣлать было не можно, ибо въ тогдашнее время унтерофицерскіе и сержантскіе чины въ гвардіи были великой важности, и ими такъ не швырялись какъ нынѣ.

Какъ всѣ сіи предложенія были совсѣмъ для насъ неожидаемыя и такія, о которыхъ надлежало подумать, то и не знали мы, что сказать и на что рѣшиться. Старикамъ не трудно было примѣтить наше нестроеніе и нерѣшимость, и они охотно насъ въ томъ извиняли. Но какъ приходило время господину Шепелеву уже со двора ѣхать, то, обратясь онъ къ зятю моему, сказалъ: «Ну, дорогой мой (такая у него была пословица), подумайте-жъ о семъ хорошенько и побывайте у меня опять и скажите, что для васъ лучше». Симъ кончилось тогда первое наше свиданіе. Оба старика поѣхали тогда вмѣстѣ во дворецъ, а мы возвратились въ свою квартиру, бывшую въ Ямской-Слободѣ у одного каретника.

Пришедши туда, началъ меня зять мой спрашивать, какъ я думаю, принимать-ли сіи предложенія или нѣтъ, и буде принимать, то которое кажется для меня лучше, и куда-бы я хотѣлъ охотнѣе: въ ландмилицію-ли, ко двору, или въ гвардію. Но чего можно было тогда отъ меня, толь мало еще смыслящаго, ожидать? У меня всѣ мысли заняты были тѣмъ, какъ-бы скорѣй домой и къ моей матери пріѣхать, а предложенія сіи всѣ были не по моему вкусу, ибо въ случаѣ принятія перваго, надлежало въ превеликую отдаленность, и Богъ знаетъ куда въ Украину ѣхать, и тамъ быть одному безъ всякихъ родныхъ и знакомыхъ; а въ случаѣ принятія послѣднихъ, надлежало также одному и безъ всякихъ родныхъ въ Петербургѣ оставаться, и буде опредѣлиться въ гвардію, то нести еще службу капральскую, къ которой я ни мало еще не былъ способнымъ. Словомъ, мнѣ никуда не хотѣлось, но что̀ въ разсужденіи меня и неудивительно, ибо я былъ ребенокъ, а надлежало хорошенько о томъ подумать моему зятю, что̀ для меня было полезнѣе, и на томъ рѣшиться.

Но у него не то на умѣ было. Онъ помышлялъ только о томъ, какъ-бы скорѣе изъ Петербурга вырваться, ибо ему еще болѣе моего хотѣлось въ свою деревню, въ которую онъ былъ намѣренъ заѣхать. Итакъ, онъ тому и радъ былъ, что мнѣ никуда не хотѣлось. • Въ сходствіе чего, съ общаго согласія, положили мы отъ всѣхъ сихъ предложеній учтивымъ образомъ отказаться, а просить господина Шепелева, чтобъ онъ сдѣлалъ милость и исходатайствовалъ намъ отпускъ въ деревню отъ тогдашняго главнаго войскъ финляндскихъ командира, Александра Борисовича Бутурлина.

Какъ положено было, такъ и сдѣлано. Зять мой, будучи весьма скороспѣшнаго нрава, не долго думалъ, но на утро-жъ, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ г. Шепелеву.

«Ну, что моп дорогіе»! сказалъ сей почтенный старичокъ, насъ завидя: «думали-ли вы, и рѣшились-ли на чемъ-ни-

будь?» — Думали, ваше высокопревосходительство. Но одно обстоятельство мѣшаетъ намъ теперь и не допускаетъ насъ совершенно рѣшиться ни на которое изъ милостивыхъ вашихъ предложеній. — «А какое»? спросилъ скоро Шепелевъ моего зятя.—Послѣ покойнаго тестя моего, отвѣтствовалъ онъ: — осталась еще жена, а моя теща, а сему ребенку мать; безъ ея воли и соизволенія не отваживаюсь я поступить ни на что, ибо не знаю, будетъ-ли ей то угодно или нѣтъ. Мы теперь ѣдемъ къ ней со всѣмъ оставшимъ послѣ покойника экипажемъ, и не угодно-ли будетъ вашему высокопревосходительству, чтобъ я отобралъ напередъ у тещи моей согласіе, и тогда-бы уже милостію своею не оставили. — «Хорошо, хорошо, дорогой мой»! сказалъ на сіе г. Шепелевъ: — «и это дѣло. Вправду, какъ еще матери будетъ угодно, и куда она лучше захочетъ. Поѣзжай же, мой другъ, и отвези къ ней сего спроту; пускай онъ съ нею повидается, а отъ меня скажи ей, что я охотно ей желаю услужить и буде рѣшится она на томъ, чтобъ опредѣлить его въ пажи, то увѣрь ее, что я буду ему вмѣсто отца, и тогда привози-жъ ты мнѣ его скорѣе опять назадъ, такъ дѣло тотчасъ будетъ кончено». Зять мой поблагодарилъ его за милостивое обѣщаніе и притомъ сталъ просить, не можно-ли ему, между тѣмъ, сдѣлать намъ мілость и исходатайствовать намъ отъ господина Бутурлина отпускъ, ибо мы отпущены только до Петербурга и то на самое короткое время.—«О, что касается до этого» сказалъ г. Шепелевъ: «то это тотчасъ будетъ сдѣлано. Мнѣ Александръ Борисовичъ пріятель, и я его сегодня-жъ увижу во дворцѣ и попрошу. Напиши, мой дорогой, записку, куда и насколько вамъ надобно и дай мнѣ съ собою». Зять мой хотѣлъ-было выйтить вонъ и искать чернилъ и бумаги, но онъ его остановилъ:—«Куда тебѣ, говорилъ онъ, далече ходить, вотъ, сядь здѣсь: вотъ чернилы, перо и бумага».

Зять мой исполнилъ тотчасъ его приказаніе и написавъ въ запискѣ, что оба мы желаемъ отпущены быть на годъ, ему подалъ, а онъ, не посмотрѣвъ ея, положилъ въ карманъ и, сказавъ намъ, чтобъ мы на утро у него побывали, поѣхалъ во дворецъ.

Въ послѣдующій день не преминули мы повелѣнное исполнить и къ нему явиться рано. Онъ встрѣтилъ насъ изъявленіемъ сожалѣнія своего, что не могъ всего желаемаго нами исполнить.—«Что дѣлать, дорогіе мои»! сказалъ онъ намъ: «не отпускаютъ никакъ на годъ и говорятъ, что сего сдѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ никакъ не можно. А все, что я могъ сдѣлать, то Александръ Борисьевичъ отпускаетъ васъ до мая мѣсяца, да и то говоритъ, что только для меня это дѣлаетъ, а то бы ни для кого не отпустилъ. Явись къ нему, дорогой мой, сегодня-же и скажи, что я тебя прислалъ; я просилъ, чтобъ онъ не задержалъ васъ».

Въ недостаткѣ лучшаго, благодарили мы г. Шепелева и за сію милость, и, раскланявшись съ нимъ, поѣхали прямо искать г. Бутурлина. Онъ, услышавъ, что мы присланы отъ Дмитрія Андреевича, тотчасъ вспомнилъ и призвавъ тогда-же правителя своей канцеляріи, приказалъ заготовить для насъ пашпорты и обязать наистрожайшими реверсами, чтобъ мы къ сроку при полку явились. Однако сіе дѣло въ канцеляріи его не такъ скоро произведено, какъ было приказано и мы надѣялись. Зять мой принужденъ былъ дня три за тѣмъ хлопотать и мы насилу-наслу добились своихъ пашпортовъ.

Не успѣли мы пашпорты получить въ руки, какъ зять мой закутилъ и заюрилъ нашимъ отъѣздомъ, такъ-что мы въ тотъ-же еще день въ вечеру выѣхали изъ Петербурга; но, правду сказать, для дороговизны корма и жить въ немъ долѣе безъ дѣла было убыточно.

Симъ образомъ кончилось тогдашнее наше въ семъ столичномъ городѣ пребываніе. Теперь одному Богу извѣстно, лучше-ли или хуже мы сдѣлали, что не приняли ни одного изъ дѣланныхъ намъ предложеній. Изъ всѣхъ опыхъ, опредѣленіе

въ пажи казалось бы всѣхъ прочихъ для меня было выгоднѣе: я былъ-бы при дворѣ, могъ бы всему насмотрѣться; но что всего лучше, могъ бы продолжать свои науки, ибо извѣстно, что пажей и языкамъ и всему учатъ, а, сверхъ всего того, можетъ быть, могъ бы скорѣе и въ люди выйтить. Однако и то еще сказать можно, что, можетъ быть, я бы тутъ, по извѣстной рѣзвости и безпутству пажей, избаловался и сдѣлался негодяемъ. Самая льстящая болѣе всего надежда, что находиться-бъ я сталъ подъ покровительствомъ г. Шепелева, была обманчива, ибо послѣ услышали мы, что сей почтенный старичокъ въ тотъ же еще годъ умеръ, а вскорѣ за нимъ переселился въ вѣчность и г. Рахмановъ; слѣдовательно, и въ гвардейской службѣ была-бъ мнѣ не находка. Я могъ-бы закоснѣть въ оной въ низкихъ чинахъ и потерялъ-бы болѣе, нежели нашелъ. Словомъ, судьбы Господни неисповѣдимы, и можетъ быть, самой судьбѣ угодно было отвлечь меня отъ сихъ обѣихъ службъ и вести совсѣмъ инымъ путемъ и дорогою.

Симъ кончу я сіе мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вамъ вѣрный другъ остаюсь, и прочая.

ѢЗДА.

Письмо 14-е.

Любезный пріятель! Теперешнее мое письмо къ вамъ наполню я описаніемъ путешествія нашего въ деревню. О, сколько нужды и безпокойства претерпѣли мы во время сей дороги! Обозъ былъ у насъ превеликій и тяжелый, а выѣхали мы изъ Петербурга въ самую глубокую осень, которая, къ несчастію нашему, была въ тотъ годъ мочливая и грязная. Не успѣли мы выѣхать изъ Петербурга и пуститься по мостовымъ, какъ и начало то то, то другое ломаться и портиться и то за тѣмъ, то за другимъ дѣлаться остановка. Никому такъ все сіе досадно не было, какъ моему зятю. Онъ горѣлъ какъ на огнѣ отъ желанія скорѣе домой пріѣхать, и потому всякая малѣйшая остановка приводила его въ сердце и въ досаду. Онъ бранился, дрался, сердился, кричалъ и тѣмъ пуще приводилъ всѣхъ въ замѣшательство. Къ вящему несчастію, какъ онъ насъ вытурилъ почти въ сумерки, то принуждены мы были всѣ тридцать верстъ до первой станціи ѣхать въ самую темнѣйшую осеннюю и притомъ дождливую и непастную почь. Не осталось почти ни на комъ ни единой нитки сухой; всѣ перемокли и перезябли. Не прежде, какъ въ самую полночь пріѣхали мы на станцію. Тутъ досада еще увеличилась: стояла въ семъ мѣстѣ какая-то застава и пьяный часовой сей заздорилъ о чемъ-то съ людьми нашими, и чуть-было съ караульными не сцѣпилась превеликая драка. Тревога ужасная. Не только я, но и самъ зять мой на-смерть перепугался. Онъ выскочилъ изъ коляски, въ которой со мною ѣхалъ, побѣжалъ туда самъ и насилу-насилу укротилъ весь шумъ, тамъ бывшій. Грязь была почти по колѣни въ томъ селеніи, гдѣ мы тогда были. Темно такъ, что хоть глазъ выколи. Пріѣхали мы не въ голосъ и уже за полночь; надобно было искать квартиры; никто не пускаетъ — вездѣ было занято. Горе на насъ превеликое, а на меня всѣхъ больше. Наконецъ какими-то судьбами сыскали намъ избенку. Мы рады уже были и послѣдней лачужкѣ, только-бъ было въ ней тепло. Всѣ обезпокоились и перезябли до безконечности. По счастію, попалась намъ избушка теплая; мы вошли въ нее какъ въ рай, хотя была она весьма-весьма плоховесовата и походила болѣе на чухонскій рей, нежели на русскую избу. Не успѣли мы нѣсколько обогрѣться, какъ голодъ принуждалъ насъ помышлять объ ужинѣ. Ѣсть намъ всѣмъ, а особливо мнѣ, ужасно какъ хотѣлось. Обѣдъ былъ у насъ самый легкій. Зять, отъ вѣтренности и излишней поспѣшности своей, не далъ мнѣ порядочно и пообѣдать, а что того хуже, то за сборами и укладываніемъ всего скоро на-скоро, не успѣли мы никакою провизіею запастись на дорогу. Спрашиваемъ у хозяина, нѣтъ-ли у него чеговаре-

наго, и не надѣемся ничего найтить, ибо дѣло было уже за полночь. Но какъ обрадовались мы услышавъ, что у него есть щи и еще цѣлый говяжій языкъ, вареный въ оныхъ и горячій. — „Давай, братецъ, скорѣй!» закричали мы. Этотъ языкъ памятенъ мнѣ былъ во всю мою жизнь. Ни то онъ дѣйствительно былъ хорошъ, ни то намъ съ-голода такъ показалось, но я не помню, чтобъ я въ жизнь мою ѣдалъ когда такъ сладко, какъ въ сіе время; словомъ, онъ показался намъ неоцѣненнымъ, и мы заплатили за него охотно все, чего ни потребовалъ съ насъ хозяинъ.

Ночевавъ въ семъ мѣстѣ, продолжали мы далѣе свой путь и тащились кое-какъ по прескверной и дурной дорогѣ. Нѣсколько дней принуждены мы были препроводить въ семъ скучномъ путешествіи, покуда доѣхали до Новагорода. Въ продолженіе онаго, не помню я ничего, чтобъ особливаго со мной случилось, кромѣ двухъ вещей. Первое было то, что я дорожную скуку прогонялъ наиболѣе лакомясь вареным ъ имбирем ъ. Цѣлая банка была у меня онаго, оставшаяся еще отъ покойнаго родителя. Лекаря выписывали опую для леченія имъ его, но ничего не истратили. Я поприбралъ ее къ себѣ, и она пригодилась мнѣ тогда очень кстати. Я то-и-дѣло доставалъ по кусочку и его по немногу отъ скуки жустарилъ, ибо былъ съ самаго малолѣтства великій охотникъ до лакомства. Другое произшествіе было то, что я у карманныхъ часовъ своихъ, доставшихся мнѣ послѣ родителя, перервалъ пружину. Досадало меня дорогою ихъ заводить; но я не зналъ, что для сего надобно останавливаться, и что всего скорѣй можно испортить часы, ежели заводить ихъ ѣдучи: пружина того момента можетъ лопнуть, какъ тогда со мною случилось.

Наконецъ, кое-какъ и всѣми неправдами, доѣхали мы до Новагорода. Зятю моему таковое медленное и скучное путешествіе до безконечности надоѣло. Не помогала ему уже и его трубка, которую онъ изъ рта не выпускалъ. Онъ проклиналъ и дорогу, и все; но пособить было нечѣмъ. Наконецъ, натура, власно какъ для приумноженія его досады, произвела въ погодѣ великую перемѣну. Сдѣлался морозъ, но не столь сильный, чтобъ вся грязь могла отъ него замерзнуть и поднять тяжелыя повозки. Выпалъ маленькій снѣжокъ, и путь сдѣлался еще того хуже. Не можно было ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать. Боже мой, какъ сіе вздурило моего зятя! Онъ рвался досадою и только что всѣхъ ругалъ и бранилъ; никто не смѣлъ къ нему приступиться и промолвить одного слова. Наконецъ, отъ превеликой досады и отъ неукротимаго желанія скорѣе домой пріѣхать, что̀ же о̀нъ сдѣлалъ? Таки-бросилъ совсѣмъ обозъ, сказавъ людямъ: «чортъ васъ побери, какъ хотите себѣ поѣзжайте!» послалъ самъ въ ямскую и, нанявъ двѣ тройки лошадей съ легкими на саняхъ кибитками, и въ одну сѣвъ самъ, а въ другую посадивъ меня, поскакалъ напередъ въ деревню. Мнѣ сего хотя и не хотѣлось, но я принужденъ былъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и наспу успѣлъ упросить его взять хоть на нѣсколько часовъ терпѣнія и распорядить, кому весь обозъ вѣдать, и кому и какъ препроводить оный до его кашинской деревни, которая нашимъ людямъ была неизвѣстна.

По сдѣланіи всѣхъ нужныхъ распоряженій, и спабдивъ обозныхъ деньгами, пустились мы съ нимъ въ путь, и не ѣхали, а летѣли. Отъ-роду моего еще я такъ скоро не ѣзжалъ. Меня въ кибиткѣ моей метало только изъ стороны въ сторону, и я принужденъ былъ лежать закуся губы и почти самъ себя не помнилъ. Какихъ страховъ не набрался я въ семъ путешествіи! Не было у насъ разбора, хороша-ли дорога или дурна, свѣтло-ли или темно, опасно-ли или неопасно, а только и знай, что скачи и гони, покуда въ лошадяхъ есть мочь и сила. Однажды онъ меня чистехонько было-утопилъ. Было сіе неподалеку отъ Новагорода и въ первую еще ночь, какъ мы поѣхали. Зять мой, ѣхавшій напередъ, прискакалъ къ одной нарочитой величины

рѣкѣ. Въ лѣтнее время хаживалъ чрезъ нее плотъ, и тогда она только-что застыла, и ни одна еще душа не отваживалась переходить чрезъ оную: столь тонокъ и опасенъ былъ еще ледъ. Ямщикъ было-остановился и пошелъ стучать по льду и пробовать. Но статочное ли дѣло, чтобъ ему дать много затѣмъ гузать! «Ступай!» крпчалъ только зять изъ кибитки: «чего смотрѣть? видишь ледъ; чего бояться?» Ямщикъ принужденъ былъ повиноваться его волѣ и приударивъ лошадей, пустился чрезъ рѣку. Я обмеръ тогда и испужался, услышавъ, какъ подъ нимъ трещалъ ледъ, и увидѣвъ, что весь онъ гнулся подъ нимъ люлькою и вода изъ полыньи, которая подлѣ самаго того мѣста была, гдѣ они ѣхали, лилась цѣлою рѣкою на ледъ и я истинно не знаю, какъ они переѣхали и припряжная лошадь не попала въ полынью. Но страхъ мой еще увеличился, когда, переѣхавъ, начали они кричать, чтобъ ѣхали и мы и держались болѣе влѣво, также, чтобъ погоняли сильнѣе лошадей. Боже мой! какая напади на меня робость и малодушіе, но чему и дивиться не можно: я какъ-то отъ природы, или паче отъ самаго малолѣтства былъ весьма трусливъ къ водѣ, а тогда, видя такую опасность, какъ можно было не вструситься? Но всѣ мои просьбы и умоленія, чтобъ не ѣхать, не помогли. Зять мой только и зналъ, что кричалъ, чтобъ мы ѣхали, чтобъ на меня не смотрѣли, и что мнѣ не оставаться-жъ за рѣкою. Что было тогда дѣлать? Я видѣлъ самъ необходимость, принуждающую насъ ѣхать, и принужденъ было накопецъ согласиться. Взъѣзжая на рѣку, отчаялъ я совсѣмъ свою жизнь и только и зналъ, что крестился и просилъ Бога, чтобъ насъ помиловалъ. Не успѣли мы поровняться противъ полыньи, какъ вода еще болѣе изъ нея полилась, и взлилось ее столько на ледъ, что достала она до нижнихъ наклестокъ саней. Увидѣвъ сіе и услышавъ въ самое то время превеликій трескъ отъ льда, не вспомнилъ я самъ себя отъ страха, ибо не инако считалъ, что мы погружаемся уже ко дну, и только безъ памяти кричалъ: «ахъ! ахъ!» Но судьбѣ угодно было сохранить мою жизнь. Лошади выдернули насъ изъ сей дѣйствительной опасности, и мы переѣхали благополучно.

Колико великъ былъ мой страхъ и ужасъ, толико неописанна была радость, которую чувствовалъ я по выѣздѣ на берегъ. Я обѣими почти руками крестился и благодарилъ Бога, что перенесъ онъ насъ чрезъ рѣку сію. Мы въ тотъ-же еще день услышали, что нѣкто-ѣхавшій вскорѣ послѣ насъ въ самомъ семъ мѣстѣ, проломился и утонулъ. Вотъ сколь велика была опасность, которая намъ тѣмъ болѣе еще казалась, что было тогда темно и на берегахъ не было ни живой души, которая-бъ могла намъ помочь, еслибъ мы проломились.

Вскорѣ послѣ того доѣхали мы до другой и гораздо величайшей рѣки, а именно Мсты, подъ селомъ Бронницею. Сія также только-что стала и никто еще не отваживался по льду ѣхать. Тутъ зять мой, каковъ ни былъ отваженъ, но пуститься не отважился, но дождался, покуда жители села Бронницъ поклали по льду чрезъ всю рѣку доски и насъ съ повозками на себѣ перевезли по опымъ, но за что и заплатить мы принуждены были имъ очень дорого. Я и при семъ случаѣ набрался невѣдомо сколько страху.

Въ продолженіе путешествія нашего, не помню я ничего особливаго, а только памятно мнѣ, что ѣхали мы очень скоро и почти денно и ночно, и что, по счастію нашему, не сдѣлалось никакой оттепели, но морозы продолжались; выпало еще довольное количество снѣга, и зима стала совершенная.

Доѣхавъ до Твери, своротили мы съ большой дороги влѣво на Кашинъ, и ѣхали наиболѣе все лѣсами и узкими дорогами. Какъ стали подъѣзжать уже близко къ зятниной деревнѣ и оставалось ѣхать только верстъ съ тридцать, то нетерпѣливость его быть скорѣе дома была такъ велика, что онъ не захотѣлъ ночевать съ нами, но нанявъ свѣжихъ

лошадей и оставивъ меня одного, пустился въ ночь, и я пріѣхалъ уже на другой день по его пріѣздѣ.

Сестра встрѣтила меня обливаясь слезами, отчасти о кончинѣ нашего родителя, отчасти отъ удовольствія, что меня видитъ. Всѣ ласки, какія только могутъ быть, изъявляла она мнѣ и старалась угостить меня наивозможнѣйшимъ образомъ. Я не бывалъ еще до того никогда въ ихъ деревнѣ. Они имѣли тутъ село, называемое Веденскимъ, и въ немъ домикъ довольно изрядный. Нѣсколько имъ же принадлежащихъ деревень окружали оное. У сестры моей было тогда двѣ маленькихъ дочери, рожденныхъ ею въ одно время, одну звали Надеждою, а другую Любовью, и она жила тутъ хорошею экономкою и порядочно.

Я принужденъ былъ прожить въ деревнѣ у нихъ болѣе недѣли и до самыхъ тѣхъ поръ, покуда нашъ обозъ изъ Новагорода притащился, но дни сіи препровождены были мною безъ скуки. Сестра ласкалась ко мнѣ до безконечности и употребляла все, что могло служить только къ моему утѣшенію. Лакомства и закуски не сходили почти со стола, а и обо всемъ прочемъ было не позабыто. Словомъ, я такъ былъ доволенъ, что согласился-бы прожить у нихъ и долго.

Но какъ обозъ уже пришелъ, то надлежало помышлять объ отъѣздѣ. Я думалъ, что зять мой поѣдетъ со мною и довезетъ меня до моей матери; однако въ томъ обманулся, но ему не захотѣлось такъ скоро разстаться съ своимъ домомъ. Сестра моя сколько ни просила и ни умоляла его, чтобъ онъ поѣхалъ со мною, однако онъ никакъ не согласился, а рѣшился на томъ, чтобъ мнѣ тогда ѣхать одному съ обозомъ, а самъ хотѣлъ пріѣхать къ намъ въ деревню послѣ и съ сестрою моею и пробыть у насъ нѣсколько времени.

Такимъ образомъ принужденъ я былъ достальное путешествіе предпріять одинъ, и сей случай былъ первый еще въ моей жизни, что я одинъ и въ довольно дальнюю дорогу пустился, ибо отъ зятя до насъ было еще верстъ болѣе 300. Сестра напекла и наготовила мнѣ всего и всего на дорогу и проводила меня со слезами отъ себя.

Во время путешествія сего не случилось со мною ничего особливаго, кромѣ того, что въ первые дни ѣзды моей принужденъ я былъ чрезвычайно мучиться отъ чирьевъ. Сей болѣзни подверженъ я былъ съ малолѣтства и довольно часто, но такой бѣды никогда со мной не бывало, какъ тогда. Легко-ли, семьдесятъ большихъ и малыхъ чирьевъ было тогда вдругъ на моемъ тѣлѣ? Причиною тому была невиннымъ образомъ сестра моя. Ей невѣдомо какъ хотѣлось съ дороги меня вымыть и выпарить, но, къ несчастію моему, въ банѣ у нихъ печь тогда обвалилась и была не исправлена; итакъ, вздумалось ей уговорить меня дать себя выпарить въ печи. Я долго не соглашался никакъ на сей особливый родъ паренья, который былъ мнѣ непзвѣстенъ, но принужденъ былъ наконецъ ее послушаться, и, вмѣсто здоровья, получилъ выпеупомянутое множество чирьевъ.

По счастію, прошли они у меня скоро, такъ что я только дня три ими мучился. Мы пріѣхали въ Москву благополучно, и какъ мнѣ въ семъ городѣ жить долго было незачѣмъ, то я на другой же день пустился опять въ путь и, наконецъ, пріѣхалъ въ деревню свою благополучно.

Свиданіе съ покойною родительницею моею было трогательно и плачевно. Она хотя и знала уже о кончинѣ моего родителя, но смочила меня всего слезами, какъ я пріѣхалъ. Но скоро заступила мѣсто печали радость; она не могла на меня довольно насмотрѣться и изъявляла ко мнѣ всѣ ласки, какія только оказать ей было можно.

Симъ образомъ окончилъ я мое длинное путешествіе, а какъ съ того времени принужденъ я былъ паки вести новый родъ жизни, то окончу симъ и теперешнее письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ

и проч.

Письмо 15-е.

Любезный пріятель! Жизнь, которую я по пріѣздѣ моемъ въ деревню принужденъ былъ вести, была совсѣмъ отмѣнна отъ той, какую я велъ до того времени. До того жилъ я все съ мужчинами и посреди всегдашняго многолюдства, а тутъ долженъ былъ жить съ одпѣми женщинами и наиболѣе старушками, и дни свои препровождать въ совершенномъ почти уединеніи. Родительница моя была человѣкъ уже не молодой; но не столько удручала ее старость, сколько слабое состояніе и частые болѣзненные припадки, отъ которыхъ не сходила она почти съ постели, но большую часть времени своего препровождала на оной. Сверхъ того, какъ она была госпожа не свѣтская, а болѣе стариннаго вѣка, и притомъ набожная и благочестивая, а притомъ и достатокъ нашъ былъ такъ не великъ, что не дозволялъ ей жить никакъ открытымъ образомъ, хотя-бъ она и хотѣла, то и препровождала она въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную. Никто почти изъ лучшенькихъ сосѣдей нашихъ къ ней и она ни къ кому не ѣзжала. Но, правду сказать, и околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю отставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь. Итакъ, и знакомиться было не съ кѣмъ. Въ самомъ нашемъ селеніи были хотя три господскихъ дома, но одинъ изъ нихъ стоялъ пустъ, потому что всѣ хозяева были въ службѣ, а въ другомъ хотя и жилъ тогда отставной отъ службы мой дядя, родной братъ покойному родителю моему, и сей дядя хотя и всѣхъ къ намъ былъ ближе и только чрезъ садъ: но я не знаю уже за что, и чтобъ тому была истинная причина, что родительница моя никакъ не могла терпѣть онаго и во весь вѣкъ свой была съ нимъ несогласна. Правду сказать, что и характеры ихъ были весьма между собою несогласны. Родительница моя была женщина хотя добросердечная, но правная и неуступчивая; а дядя былъ человѣкъ чрезвычайно скупой и завистливый, и любилъ отмѣнно жить въ уединеніи и хозяйничать. Словомъ, они оба не могли терпѣть другъ друга, а маленькія и ничего незначущія по сосѣдству распри и мнимыя обиды поддерживали ихъ несогласіе; а люди и служители, находящіе нѣкоторое удовольствіе въ томъ, что господа между собою ссорятся, старались всегда съ обѣихъ сторонъ поддувать огонь вражды между обоими домами. Но все сіе причиною тому было, что они между собою не знались и другъ къ другу не ходили, а при таковыхъ обстоятельствахъ не можно было и мнѣ ходить къ моему дядѣ. Я одинъ только разъ, и то съ пріѣзда, получилъ дозволеніе къ нему сходить, да и то на одну только минуту. Единое знакомство и кой-когда свиданіе имѣла мать моя съ немногими своими, съ отцовской стороны, родственниками, которые всѣ были наибѣднѣйшіе дворяне и простѣйшіе старички, жившіе отъ насъ верстъ за 10 и за 15. Кромѣ сихъ, составлялъ весьма важную особу попъ нашъ приходскій, и ея отецъ духовный. Сія духовная особа была совсѣмъ отмѣннаго характера, нежели прочіе деревенскіе попы и имѣла великія предъ ними преимущества. Отецъ Иларіонъ (такъ его называли) былъ не только умнѣе сотни другихъ поповъ, но и велъ себя степенно, важно, осанисто и такъ, что не можно было не имѣть къ нему почтенія. При всемъ томъ былъ онъ превеликій разсказъ и говорилъ сладко, такъ что не устанешь, бывало, слу-

шать предлинныя его повѣствованія о его приказныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, въ какихъ препровождалъ онъ цѣлый свой вѣкъ, по причинѣ вѣчной и непримиримой ссоры и вражды со своимъ товарищемъ, другимъ попомъ, котораго звали Иваномъ. Чудное по истинѣ было дѣло! Цѣлый свой вѣкъ старались они другъ друга погубить, по никто не могъ ничего другому сдѣлать и вся польза отъ ихъ вѣчной тяжбы была та, что они оба обѣднѣли, ибо обоихъ ихъ въ консисторіи только обирали, а безъ того были-бъ они оба богатые люди, ибо приходъ былъ хорошій.

Сія-то духовная и престарѣлая уже особа играла въ тогдашнее время знаменитую въ домѣ нашемъ роль. Отчасти остротою своего разума, отчасти хитростію, а болѣе всего пользуясь отмѣнною родительницы моей склонностію къ набожному житію, умѣлъ отецъ Илларіонъ такъ вкрасться въ мать мою, что она воздавала ему превеликое почтеніе, не оставляла его во всѣхъ его нуждахъ, старалась во всемъ ему угождать, и онъ былъ у ней наилучшимъ совѣтникомъ и наставникомъ во всѣхъ случающихся дѣлахъ. Онъ хаживалъ къ намъ всѣхъ прочихъ чаще, и сколько для служенія завтреней и молебновъ, которые бывали у насъ очень часто, но и такъ, захаживая изъ прихода, и сиживалъ иногда по нѣскольку часовъ, разсказывая свои повѣсти и тяжбы. Словомъ, онъ обладалъ почти правомъ и душевнымъ расположеніемъ моей матери, и я и по нынѣ не могу еще позабыть одной хитрости, употребленной имъ во время тогдашняго моего пребыванія въ домѣ, для поддержанія своего владычества. Нѣкогда случилось, что родительница моя не знаю чѣмъ, неисполненіемъ-ли какой-нибудь его просьбы или инымъ чѣмъ его поразсердила. Онъ, будучи таковъ же внутренно золъ и любомстителенъ, колико наружно благочестивъ и набоженъ, сокрылъ тогда досаду свою во глубинѣ своего сердца; но какъ нѣсколько времени потомъ случилось родительницѣ моей прихворнуть и она вздумала исповѣдаться, какъ то нерѣдко она дѣлывала, то чтожъ онъ сдѣлалъ? — Онъ, зная коротко расположеніе ея нрава и великую привязанность ея ко всему суевѣрному, вздумалъ ей при семъ случаѣ мстить свою мнимую обиду, но чѣмъ же?—Такъ-называемымъ связаніемъ на духу, о важности котораго постарался онъ уже издавна вперить въ нее страшныя мысли. Мать моя сочла сіе невѣдомо за что, и сіе связаніе нагнало на нее такой страхъ и ужасъ, что она считала себя не инако какъ погибшею, ежели паки разрѣшена не будетъ. Нѣсколько недѣль препроводила она въ превеликомъ смущеніи и впала было отъ того въ сущую меланхолію, и тѣмъ паче, что попъ пересталъ вовсе къ намъ ходить и открыто уже изъявилъ всю свою злобу, скрывавшуюся до того въ его сердцѣ. Нечего было дѣлать, принуждены были засылать къ попу и ходить за нимъ и уговаривать. Онъ спѣсивится и гордится, и на силу его какъ-то уговорили и довели до того, что онъ мать мою разрѣшилъ. Вотъ каковы были тогда времена и обстоятельствы!

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь, скажу, что мать моя пріѣздомъ моимъ чрезвычайно была обрадована, и какъ она меня уже давно не видала, и я между тѣмъ нѣсколько поболѣе выросъ, а притомъ, понаучившись кой-чему, сдѣлался предъ прежнимъ и поумнѣе, то не могла она на меня довольно насмотрѣться и мною налюбоваться. Желалабъ она охотно узнать, чему и чему я выучился въ Петербургѣ; но какъ она ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакого свѣдѣнія не имѣла, то не могла въ томъ себя удовольствовать. Недостатокъ сей я старался замѣнить показаніемъ искусства своего въ рисованіи. На другой-же день пріѣзда своего, разобравшись съ своими красками, нарисовалъ я ей на цѣломъ листѣ Бову-королевича или древняго рыцаря на конѣ, въ полномъ его вооруженіи и воинскихъ доспѣхахъ. Рисунокъ сей былъ хотя весьма и весьма посредственъ, или, лучше сказать, ни къ

чему не годился, потому что для вящаго оказанія своего искусства дѣлалъ его отъ руки; но для старушки моей былъ онъ въ превеличайшую диковинку. Всѣмъ-то былъ онъ показываемъ, всѣмъ-то расхваливанъ, всякое мое слово замѣчаемо, подтверждаемо, и я отъ всѣхъ осыпаемъ былъ похвалами и ласками.

Но не однимъ симъ угодилъ я моей родительницѣ; но чтобъ доказать, что я не люблю праздности и не хочу забыть того, что я училъ, разобралъ я и всѣ мои французскія и нѣмецкія учебныя книги, и по нѣскольку часовъ въ день сталъ препровождать въ читаніи и выписываніи кой-чего изъ оныхъ для тверженія того, что я выучилъ. Сіе было для матери моей всего пріятнѣе, она то и дѣло сама твердила мнѣ, чтобъ я старался выученнаго не позабыть и была прилежностью моею весьма довольна. Но бѣдное было сіе ученіе самого себя, а особливо въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ былъ я, и притомъ при неимѣніи никакихъ историческихъ иностранныхъ книгъ, которыя-бъ я читать могъ и каковое-бъ чтеніе могло мнѣ всего болѣе пользовать.

Симъ образомъ, раздѣляя время свое между читаніемъ, писаніемъ и рисованіемъ, а временемъ и гуляніемъ, началъ я жить при родительницѣ моей. Всѣ сіи учебныя и увеселительныя работы производилъ я при глазахъ моей матери, на большомъ и предлинномъ дубовомъ столѣ, стоящемъ у насъ въ переднемъ углу той комнаты, гдѣ мать моя жила и почивала. Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнатки, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія: онѣ были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и задпія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, конми весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За сею слѣдовала другая угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальнею и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное, съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: нескоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія поши хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была теп-

ла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

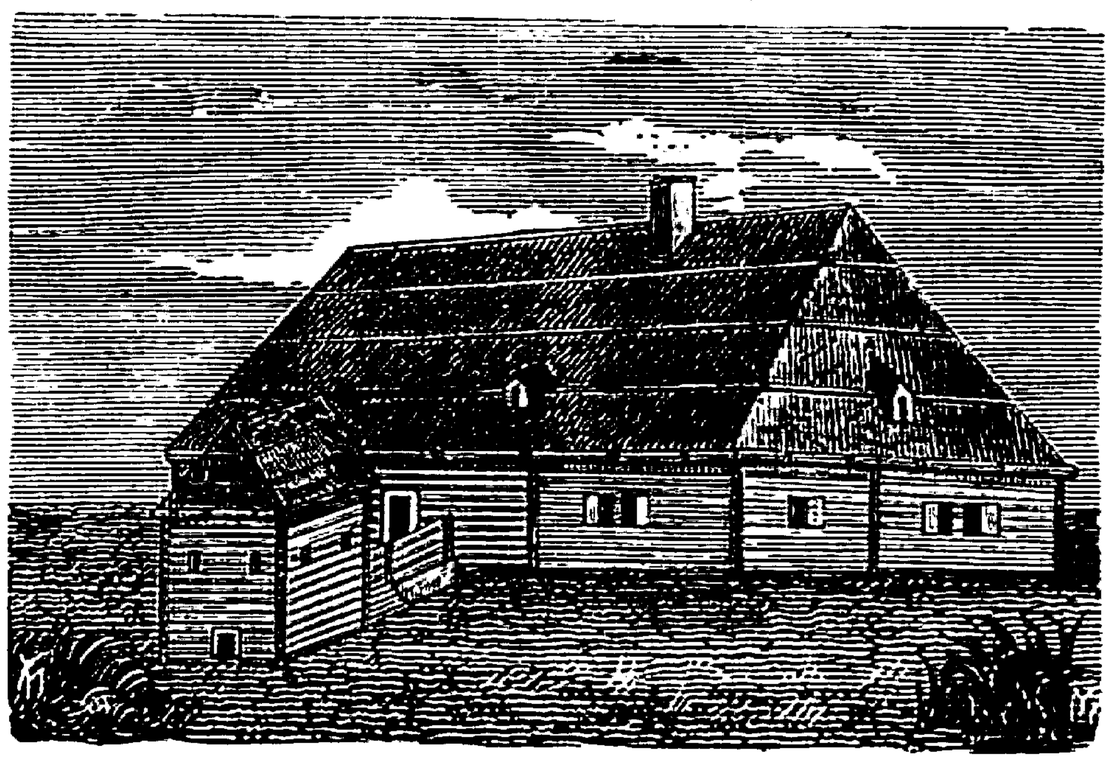
Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ предъ киотомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стычной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровный, но чрезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

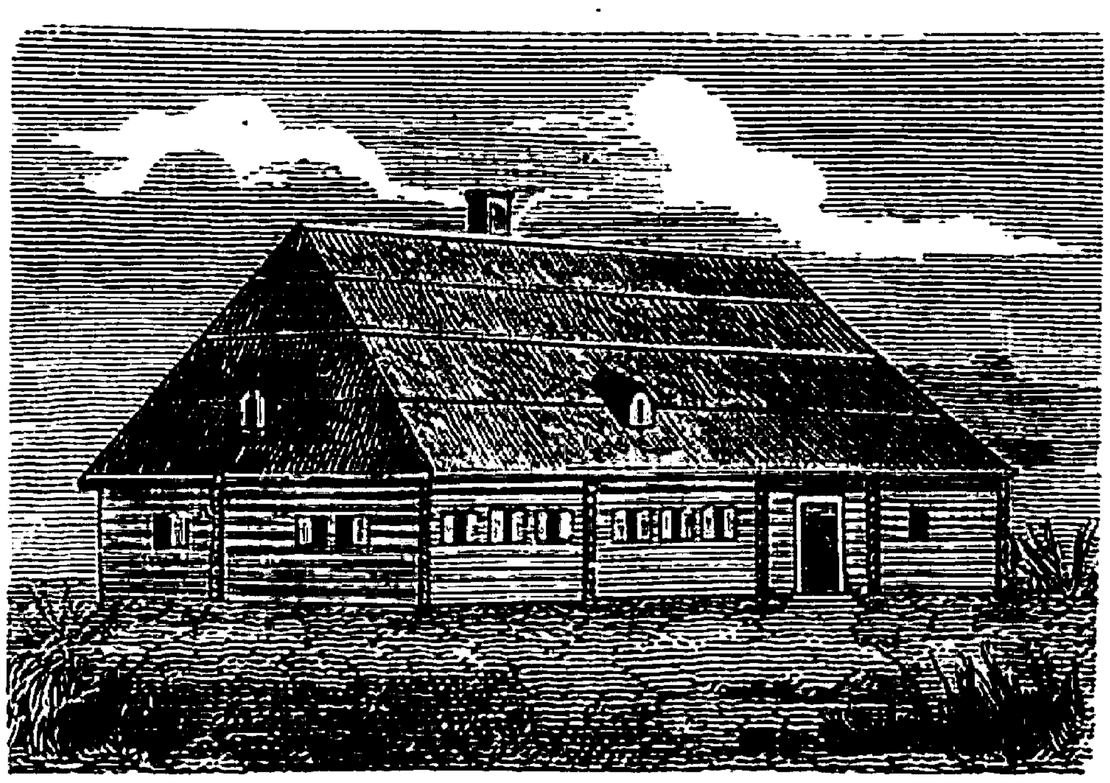
Что принадлежитъ до мёбелей, то нынѣшнихъ софъ, канапе, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжинки старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ креселъ и канапе, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ, въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ, прежде упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой теплой покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегорожена она была на-двое досками, и сія оттородка была тогда моею спальнею и комнатою.

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ сѣни и всторону къ саду. Но оба они были нежилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда опстроилъ себѣ новыя и лучшія.





Для любопытства потомковъ моихъ не за излишнее почелъ я изобразить оныя какъ спереди, такъ и сзади, въ прошпективическомъ видѣ и вкупѣ съ бывшею подлѣ нихъ черною горницею, которая служила тогда и кухнею, и прислѣшною и людскою.

Каковы были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ онѣ стояли. Не извѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ впервые оное, только то знаю, что оно было худшее изъ всей усадьбы, а наилучшія мѣста заняты были огородами и скотными дворами; но сему и дивиться не можно: встарину было у насъ и обыкновеніе такое, чтобъ дома нарочно прятать и становить ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все зрѣніе простиралось на одни только житни, конюшни, скотные дворы и сараи. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы.

Но вотъ я, опять заговорившись о побочномъ, удалился отъ продолженія исторіи моей. Теперь, возвращаясь къ опой, скажу, что, нѣсколько дней спустя послѣ моего пріѣзда, наступилъ нашъ храмовой праздникъ святого Николая. Мать моя имѣла обыкновеніе оный колико можно лучше праздновать. Она пригласила къ себѣ къ оному всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, какихъ только она имѣла. Они пріѣхали всѣ къ ней, и я имѣлъ тутъ случай всѣхъ ихъ узнать и со всѣми имп познакомиться.

Но о! какое это прекрасное общество и какая милая и любезная компанія! Первую особу составлялъ одинъ высокорослый старичекъ, по имени Яковъ Васильевичъ Писаревъ. Онъ былъ матери моей двоюродный братъ и человѣкъ недальней бойкости. Онъ служилъ въ войскѣ низкимъ чиномъ и поелику онъ не умѣлъ и грамотѣ, то и отставленъ таковымъ же. Жилъ онъ отъ насъ верстъ десять, имѣлъ самый малый достатокъ, и мать моя, сколько по родству, столько и за то любила, что онъ былъ веселаго и шутливато нрава и въ компаніи не скученъ. А впрочемъ ничего дальняго отъ него требовать было не можно. Жена его была старушка самая шлюшечка и человѣкъ препростой, но дочь имѣлъ онъ преизрядную и предорогую дѣвицу; ее звали Агаѳьею Яковлевною, и она была совершенная уже невѣста. Мать моя, по любви своей къ нимъ и по бѣдности ихъ, взяла ее жить къ себѣ, и она у насъ жила, какъ я пріѣхалъ, и дѣлала намъ компанію. Но сыномъ, котораго онъ имѣлъ, былъ онъ не таковъ счастливъ: была самая неугомонная, вѣтренная и такая голова, что не рѣдко онъ его на цѣпь приковывалъ.

Другую особу составлялъ также весьма небогатый дворянинъ и матери моей родственникъ же, но не столь близкій, по имени Сила Борисьевичъ Бакѣевъ. Онъ жилъ верстъ 15 отъ насъ, и въ самой той деревнѣ, гдѣ мать моя родилась и воспитана, ибо она была фамиліи Бакѣевыхъ. Онъ служилъ также въ гвардіи и отставленъ офицерскимъ чиномъ. Мать моя его не только любила, но и почитала, потому что онъ былъ всѣхъ прочихъ умнѣе и притомъ знатокъ по гражданскимъ дѣламъ, и могъ въ нужныхъ случаяхъ подавать совѣты. Словомъ, онъ во всемъ тогдашнемъ нашемъ обществѣ почитался философомъ и напразумнѣйшимъ человѣкомъ, хотя, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ онъ весьма и весьма посредственнаго знанія. Жена его была старушка смирненькая и простенькая.

Третью особу составлялъ также весьма бѣдный дворянинъ, по имени Максимъ Ивановичъ Картинъ. Мать моя въ особливости была дружна съ его женой, которая была родная сестра вышеупомянутому г. Бакѣеву, и называли ее Ѳедосьею Борисовною. Она и достойна была ея любви, ибо была всѣхъ прочихъ госпожъ и умнѣе и бойчѣе, и мать мою сама любила. Что касается до ея мужа, то былъ онъ наипростѣйшій старичекъ и сущая курочка. Онъ служилъ въ гвардіи солдатомъ и отставленъ капраломъ, и помнилъ еще самую старинную службу. Мать моя любила его за простосердечіе и тихій

нравъ, и была тѣмъ довольна, что они къ ней часто пріѣзжали и у нея по нѣскольку дней отъ скуки гащивали.

Въ сихъ-то трехъ семействахъ состоялп тогда почти всѣ наши гости. Старинныя, странныя и простыя ихъ одѣянія и уборы, въ какихъ они къ намъ пріѣхали, показались мнѣ сначала весьма странны и удивительны. Я, привыкнувши быть посреди свѣтскихъ людей, не могъ довольно надивиться долгополымъ ихъ кафтанамъ, ужасной величины обшлагамъ и всему прочему. Они показались мнѣ сущими почти шутами. Однако, какъ увидѣлъ послѣ, что они были не безъ разума, а что одна бѣдность тому причиною, что они такъ были одѣты, а паче всего, что они всѣ были по-мнѣ, и я во многихъ вещахъ былъ всѣхъ ихъ знающѣе и умнѣе, и, сверхъ-того, какъ они всѣ ко мнѣ ласкались и осыпали меня похвалами, то и я ихъ всѣхъ полюбилъ и всегда былъ очень радъ, когда они къ намъ пріѣзжали.

Тогдашній праздникъ празднованъ былъ точно такъ, какъ праздновали праздники въ деревняхъ наши старики и предки: за обѣдами и за ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ прочее время; старички наши вставали оттого изъ-за стола подгулявши; и они праздновали у насъ дня съ три и болѣе. Мать моя любила гостей угащивать, и всѣ гости во все сіе время были веселы и довольны. По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки; тамъ обѣды и за ними подчиваніе; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а поутру, проснувшись, принимались опять за ѣду и прочее тому подобное.

Недѣли двѣ спустя по отъѣздѣ сихъ гостей, и къ самому Рождеству, пріѣхали къ намъ другіе, и гораздо-пріятнѣйшіе гости, а именно, зять мой, г. Травинъ, съ моею сестрою. Они сдержали свое обѣщаніе, и мать моя была имъ чрезвычайно рада. Какъ зять мой никогда еще въ домѣ у насъ не бывалъ, то заботилась мать моя, какъ-бы его лучше угостить и всѣмъ удовольствовать, и тѣмъ паче, что извѣстно ей было, что онъ былъ человѣкъ нравный и горячій. Все, что только можно было выдумать, употреблено было къ его угощенію, и сколько казалось, то былъ онъ всѣми угощеніями ея и ласками доволенъ.

Какъ наступило Рождество и святки, то неприминула мать моя созвать опять всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Число ихъ приумножила еще одна милая, разумная и почтенная старушка, по имени Матрена Ивановна Аникеева, родная сестра дяди моего, Тараса Ивановича Арсеньева, которому порученъ я былъ въ Петербургѣ. Разумную и веселую старушку сію мы чрезвычайно любили; но она того и стоила. Она жила отъ насъ верстъ сорокъ и пріѣхала сама, какъ скоро услышала, что къ намъ пріѣхалъ зять нашъ. Итакъ, компанія и общество было у насъ превеликое и пріятное. Зятю моему оказывали они всѣ отмѣнное почтеніе, и какъ онъ любилъ повеселиться, то заводимы были всякія святочныя игры и деревенскія увеселенія, и онъ гостями нашими былъ доволенъ.

Они для удовольствія зятя моего прогостили у насъ нѣсколько дней сряду. Въ теченіе оныхъ мать моя не однажды предпринимала, какъ съ зятемъ моимъ, такъ и со всѣми ими, общій совѣтъ, что бы лучше и выгоднѣе со мною дѣлать и начинать. Отпущенъ я былъ,какъ упомянуто, до мая мѣсяца; слѣдовательно, если ничего не сдѣлать, то по первому лѣтнему пути надобно будетъ меня отправлять къ полку. Но какъ можно было мнѣ, столь малолѣтному, нести службу? Зять мой разсказывалъ всѣмъ дѣланныя намъ предложенія, но ни матери моей и никому изъ всѣхъ не были они угодны. Всѣ говорили, что хорошо-бы, если-бъ только я не таковъ малъ былъ; что-жъ касается до матери моей, то ей и слышать не хотѣлось, чтобы отлучить тогда меня отъ себя, а она желала, чтобъ мнѣ получить какимъ-нибудь образомъ отсрочку и, когда не на долго, такъ по-крайней-мѣрѣ на годъ, дабы я сколько-нибудь повозмужать могъ.

Долго о семъ говорено было и совѣтовано, но наконецъ всѣхъ мнѣнія согласны были на томъ, чтобъ намъ заблаговременно послать въ Петербургъ человѣка съ челобитною въ самую Военную Коллегію и, прописавъ въ ней мое малолѣтство и начатое ученіе наукамъ, просить у ней мнѣ для окончанія наукъ на своемъ коштѣ увольненія до совершеннаго возраста. Госпожа Аникеева совѣтовала намъ поручить стараніе о томъ ея брату, о которомъ сказывали, что онъ поѣхалъ недавно опять въ Петербургъ, и увѣрила, что онъ помочь намъ въ томъ можетъ. Мы и сами на него болѣе всѣхъ надѣялись, ибо увѣрены были о его къ намъ благорасположеніи и любви.

Рѣшившись на семъ и назначивъ для исправленія сей важной коммиссіи дядьку моего, Артамона, какъ умнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ служителей, также проводивъ нашихъ гостей, не сталъ и самъ зять мой долѣе у насъ медлить, но, распрощавшись съ нами, поѣхалъ обратно домой. Мать моя провожала ихъ, а особливо сестру мою, со слезами, ровно какъ предчувствуя, что она ее въ послѣдній разъ видитъ, ибо съ того времени не удалось уже ни зятю, ни сестрѣ быть у насъ въ домѣ при жизни нашей родительницы.

Симъ кончился тогдашній 1750 годъ, который, для множества случившихся въ оный перемѣнъ, былъ довольно достопамятенъ въ моей исторіи, а всходствіе сего окончу я теперешнее мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочее.

Письмо 16-е.

Любезный пріятель! Проводивъ моего зятя и отпраздновавъ святки, начали мы спѣшить отправленіемъ коммиссіонера нашего въ Петербургъ. По собраніи его въ сей дальній путь, снабдили мы его челобитною и кой къ кому нужными письмами. Въ-особливости же просили мы о неоставленіи его и вспоможеніи намъ дядю моего, господина Арсеньева. Ему же поручили возможнѣйшимъ образомъ объ отпускѣ меня стараться, а буде дѣло не пойдетъ на ладъ, то спѣшилъ-бы онъ къ намъ возвратиться, дабы намъ заблаговременно о томъ знать и въ полкъ ѣхать собраться успѣть было можно.

По отъѣздѣ его начали мы по-прежнему препровождать въ уединеніи своемъ тихую и спокойную жизнь. Я продолжалъ свои прежнія упражненія, и какъ тогда было зимнее и холодное время и мнѣ не можно было никуда ходить, бѣгать и рѣзвиться, то тѣмъ охотнѣе сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ и что-нибудь дѣлалъ. Наизнатнѣйшую часть тогдашнихъ моихъ упражненій составляло рисованье, яко работа гораздо пріятнѣйшая и веселѣйшая, нежели скучное читаніе учебныхъ книгъ и выписываніе и тверженіе. Я, какъ теперь помню, нарисовалъ цѣлый фронтъ стоящихъ въ ружьѣ солдатъ и предъ ними офицера съ распущеннымъ знаменемъ и барабанщика съ барабаномъ; и какъ всѣ сіи фигуры нарочито были велики, то вырѣзавъ всѣхъ ихъ, прилѣпилъ фронтомъ на стѣнѣ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Боже мой! Какая это была диковинка для моей старушки! Она расхвалила ихъ до безконечности. Другое дѣло, въ которомъ я тогда чаще упражнялся, состояло въ ученіи географіи. Атласъ съ ландкартами былъ у меня изрядный, а между книгами, оставшими послѣ родителя моего, нашелъ я изрядную и полную нѣмецкую географію, по которой можно было мнѣ продолжать сію науку. Я и дѣйствительно много изъ ней въ сіе время научился; я прпискивалъ на ландкартахъ описанные города, выписывалъ ихъ въ особливыя тетрадки, переводя съ нѣмецкаго все, что объ нихъ упоминалось въ географіи. Относительно же до языковъ, то твердилъ я только грамматики и выписывалъ изъ нихъ слова.

Между сими упражненіями наступила масляница. Мать моя прпказала для увеселенія моего сдѣлать на дворѣ гору, на которой можно-бъ было мнѣ кататься. Для меня не противна была сія забава, и я воспользовался довольно симъ дозволеніемъ. Вышеупомянутые старички и старушки опять насъ въ сію недѣлю по-

сѣтили, и я очень былъ радъ ихъ пріѣзду.

Съ наступленіемъ великаго поста начались у насъ богомолія и ежедневная служба. Я принужденъ былъ наблюдать всю строгость поста и потомъ исповѣдывался и пріобщался святыхъ таинъ въ нашей приходской церкви.

Около половины сего поста начали мы ожидать и возвращенія слуги нашего, Артамона, изъ Петербурга. По счету нашему казалось, что было ему довольно времени доѣхать туда, тамъ пробыть нѣсколько времени и надлежало уже назадъ возвратиться. Однако онъ не ѣхалъ, и мы не имѣли объ немъ ни слуха, ни духа, ни послушанія. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія, и почты были весьма неисправны. Не можно было чрезъ нихъ ничего писать, да и получать намъ въ деревнѣ письма было неспособно. Чѣмъ ближе стала приближаться весна и половодье, тѣмъ увеличивалось наше ожиданіе; но какъ онъ все еще не ѣхалъ, то начинало сіе мать мою уже нѣсколько и озабочивать и обезпокоивать. Она приказала ему какъ можно стараться возвратиться тогдашнимъ зимнимъ путемъ, и потому и ожидала его при окончаніи онаго. Уже настала пятая и шестая недѣля, уже началъ снѣгъ таять и сходить, уже разлились рѣки и сдѣлалась совершенная половодь, но Артамона нашего все еще не было. Мать моя сколь часто ни высылала смотрѣть, не ѣдетъ ли ея Артамонъ, но всѣ спрашиванія и высыланія ея были тщетны. Его не было и въ завѣтѣ, и мы всѣ только и знали, что твердили: «Господи помилуй! что это такое, что онъ не ѣдетъ. Не сдѣлалось ли чего съ нимъ?» и такъ далѣе.

Наконецъ сошла уже и полая вода и весна начинала открываться и украшать землю своею зеленью, приближалась уже святая недѣля; но объ Артамонѣ нашемъ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія. Мать мою сіе озабочивало уже до чрезвычайности. Она во все сіе время горѣла какъ на огнѣ и была на каторгѣ. По свойственному всѣмъ старушкамъ малодушію, насчитала она ему уже тысячу смертей: и убитъ-то онъ на дорогѣ разбойниками, и утопъ-то въ рѣкахъ, и занемогъ-то и лежитъ боленъ, и умеръ, и такъ далѣе. Не однажды было то, что проливала о немъ и слезы, а безпокойство и сомнѣніе были такъ велики, что она почти съ ума сходила. Все краснорѣчіе отца Илларіона ни мало ея не подкрѣпляло. Она въ превеликой горести и печали своей не внимала никакимъ представленіямъ и была совершенно неутѣшною.

Но, правду сказать, и было о чемъ ей тужить и горевать. Со вскрытіемъ весны приближался и срокъ мой, и былъ такъ уже недалекъ, что надлежало меня въ скорости и отправлять, а у насъ не сдѣлано было къ тому никакихъ приготовленій: къ тому-жъ и не было еще слуги, съ которымъ-бы мнѣ ѣхать, ибо у насъ на одного его была и надежда, и Богу извѣстно, что̀ съ нимъ сдѣлалось.

Наконецъ наступила уже и страстная суббота. Поелику приходская церковь была отъ насъ не близко, версты двѣ и притомъ за рѣкою, то издревле было у нашихъ предковъ обыкновеніе ѣздить къ церкви наканунѣ еще праздника и ночь сію ночевать тамъ у поповъ, дабы избѣжать безпокойства ѣхать ночью и поспѣвать къ завтрени. Мы поѣхали туда не съ радостными сердцами, и самый праздникъ терялъ всѣ свои для насъ прелестности. Мы взяли квартиру себѣ въ домѣ отца Илларіона, и мать моя не преминула еще и въ сей вечеръ поплакать и погоревать.

Въ таковомъ же безпокойствіи душевномъ были мы и во все продолженіе служенія на праздникъ завтрени. По окончаніи оной возвратились мы на свою квартиру и легли уснуть еще нѣсколько, до обѣдни. Но не успѣли мы заснуть, какъ прибѣжали къ намъ насъ будить и сообщили намъ радостное извѣстіе, что Артамонъ нашъ пріѣхалъ. Боже мой! какая началась у всѣхъ у насъ тогда радость и какія благодаренія Богу! Я отъ-роду моего не помню, чтобъ когда-нибудь просыпался я съ такою радостью и восхищеніемъ сер-

дечнымъ, какъ въ тогдашнее утро. Я бѣжалъ къ матери моей, а она меня искала и отъ радости плакала: «Ну, слава Богу!» повторяла она сто разъ, и не могла порядочно ни о чемъ приѣзжаго распрашивать. Наша радость и удовольствіе увеличились еще больше, когда услышали отъ него, что ѣзда его была не по-пустому, что коммиссію, порученную ему, исправилъ онъ съ вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ, что по долговременнымъ хлопотамъ и многимъ трудамъ удалось ему, наконецъ, Военную Коллегію упросить, чтобъ меня для окончанія наукъ отпустили до шестнадцати-лѣтняго возраста, и что, наконецъ, привезъ онъ съ собою и указъ, данный мнѣ о томъ.

Таковымъ неожидаемымъ успѣхомъ мать моя довольно заплачена была за всѣ свои горести и печали. Она рада была до безконечности, что я на столько времени былъ уволенъ и не знала, какъ и чѣмъ возблагодарить слугу за его труды и стараніе.

Сіе происшествіе сдѣлало намъ всю святую недѣлю вдвое радостнѣйшею и веселѣйшею. Вышеупомянутые старички, родственники наши, не преминули къ родительницѣ моей съѣхаться и раздѣлить съ нею ея радость; что̀ касается до меня, то была недѣля сія въ особливости мнѣ весела. Катаніе красныхъ яицъ и качаніе на качеляхъ, а притомъ и возможность ходить уже всюду и всюду и предпринимать съ ребятишками разныя игры и рѣзвости, меня до крайности утѣшало и веселило. Петербургскій мой дядя, г. Арсеньевъ, помогшій много намъ въ семъ дѣлѣ, хотя и писалъ къ матери моей, что какъ я отпущенъ для окончанія наукъ, то не держала-бъ она меня при себѣ, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, присылала-бъ къ нему, и что онъ мѣсто для продолженія наукъ мнѣ сыщетъ. Однако мать моя никакъ не хотѣла меня прежде отъ себя отпустить, какъ на предбудущую зиму, и какъ я къ деревенской жизни уже попривыкъ, то намѣреніе ея было мнѣ въ особливости пріятно.

Не успѣли первыя чувствованія радости пройтить и мы нѣсколько недѣль препроводить въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, какъ новая буря встревожила покой всего нашего дома и погрузила опять мать мою въ новую бездну горестей и печалей. Нѣкто изъ сосѣдей нашихъ воздвигъ оную на насъ и подалъ поводъ матери моей пролить тысячи токовъ слезъ по сему дѣлу. Онъ подалъ на насъ исковую челобитную и отъискивалъ одну бѣглую свою бабу, живущую у насъ въ Шацкой нашей и отдаленнѣйшей изъ всѣхъ деревнѣ, и бывшую уже многіе годы замужемъ за однимъ мужикомъ нашимъ. Обстоятельства сего мать моя не знала до самаго того времени, какъ подана сія челобитная; ибо какъ произошло сіе въ такое время, когда родители мои находились при полку, и мужикъ женился самъ собою и за многіе уже годы, въ деревнѣ же сей родителямъ моимъ никогда бывать не случалось, то и не знали они о томъ ничего и не вѣдали. Но сосѣду нашему было все сіе извѣстно, и покуда родитель мой былъ живъ, то не отважывался онъ тогда просить; но какъ онъ скончался, мать-же моя была слаба, а я малъ и безгласенъ, то и вздумалъ онъ сими обстоятельствами воспользоваться и напасть на насъ наисуровѣйшимъ образомъ.

Матери моей тѣмъ несноснѣе было сіе дѣло, что человѣкъ сей былъ родителемъ моимъ до безкопечности одолженъ. Рода былъ онъ подъяческаго, и какимъ-то образомъ попалъ въ такую бѣду, что надлежало его кнутомъ высѣчь и сослать на каторгу, что̀ и учинено-бъ было тогда, если-бъ родителю моему не удалось какимъ-то образомъ отъ того его избавить. Итакъ, не смѣя при жизни его, отъ зазиранія совѣсти, ничего предпринимать, вздумалъ тогда, въ благодарность за таковое благодѣяніе, напасть на оставшую его беззащитную вдову и на осиротѣвшаго и малолѣтнаго сына, и стараться безсовѣстнѣйшимъ образомъ разорить ихъ до основанія.

Неблагодарнаго и гнуснаго человѣка сего звали Васильемъ Васильевичемъ

Кирьяковымъ. Онъ имѣлъ тогда въ самой близости отъ насъ небольшую деревеньку, купленную имъ какимъ-то образомъ, и участіе въ самыхъ нашихъ дачахъ. Будучи весь почти свой вѣкъ подъячимъ, зналъ онъ всѣ приказныя дѣла изъ основанія и стакавшись съ воеводою нашего города, подалъ на насъ самую ябедническую исковую челобитную, и искалъ на насъ превеликаго иска.

Не могу вспомнить съ спокойнымъ духомъ того случая, какъ пріѣхала къ намъ изъ города посылка съ призывомъ матери моей къ отвѣту въ городъ. Неожидаемость и нечаянность таковаго происшествія поразила ее власно какъ громовымъ ударомъ. Она не знала, что̀ дѣлать и что̀ начать при дѣлѣ толико ей необыкновенномъ, и погрузилась не только въ превеликую горесть, но и самое малодушіе.

Находясь въ наивеличайшемъ нестроеніи, призвала она нашего Артамона и требовала его совѣта. Но сей хотя и разумѣлъ довольно грамоту, но, не упражнявшись никогда въ такихъ дѣлахъ сего рода, не зналъ и самъ, что́ присовѣтовать. Не къ кому было тогда иному взять прибѣжища, какъ къ отцу Илларіону. Тотчасъ отправленъ былъ къ нему нарочный. Попъ, пришедъ, подкрѣпилъ сколько-нибудь мать мою, сказавъ, что посылка сія не составляетъ еще дальней важности, что надобно дождаться второй и третьей, а между тѣмъ послать въ городъ человѣка и стараться списать челобитную, чтобъ узнать все дѣло обстоятельнѣе. Какъ онъ совѣтовалъ, такъ было и сдѣлано; Артамонъ нашъ на другой же день поѣхалъ въ Каширу и чрезъ нѣсколько дней привезъ къ намъ челобитную.

Тогда созванъ былъ матерью моею общественный совѣтъ. Отецъ Илларіонъ, вышеупомянутый родственникъ ея, Сила Борисьевичъ Бакѣевъ, яко человѣкъ знающій довольно закопы, и Артамонъ, произведенный тогда въ стряпчіе и повѣренные, были членами сего совѣта; всѣ они читали и разсматривали челобитную и разсуждали объ оной очень долго. Наконецъ всѣ единогласно сказали, что дѣло наше дурно, что челобитчикъ имѣетъ съ своей стороны требованіе справедливѣйшее, и что намъ ничѣмъ себя оправдать и просьбу его оспорить не можно, и что ежели допустить до суда, то мы вѣрно потеряемъ и принуждены будемъ заплатить ему весь его страшный искъ.

Таковое изреченіе сего совѣта не служило матери моей къ отрадѣ, но повергло ее еще въ вящшую печаль. Наконецъ, при вопрошеніи, что̀-жъ-бы при таковыхъ обстоятельствахъ дѣлать, и чѣмъ себѣ сколько-нибудь помочь, всѣ единогласно говорили, что другого не остается, какъ стараться дѣло сіе сколько-нибудь продлить, а между тѣмъ испытать, не можно ли соперника нашего преклонить къ полюбовному въ семъ дѣлѣ съ нами примиренію, и не удастся ли убѣдить его взять сколько-нибудь съ насъ меньше, нежели сколько онъ требовалъ.

Между тѣмъ, какъ сіе тутъ происходило, соперникъ нашъ работалъ въ Каширѣ и старался кутить и юрить симъ дѣломъ. Не только воевода, но и всѣ подъячіе были ему друзья и братья. Всѣхъ онъ закупилъ и задобрилъ, и всѣ держали его сторону; онъ тотчасъ выпросилъ другую за нами, а вскорѣ потомъ и третью посылку.

Таковая поспѣшность и недаваніе намъ покоя привела мать мою еще въ пущую разстройку. Надлежало что-нибудь дѣлать, и, буде мириться, то къ сопернику кого-нибудь засылать; но она не знала, къ кому въ семъ случаѣ и прибѣжище взять. О! сколько слезъ пролито было по сему дѣлу, и сколько вздоховъ испущено на небо! Наконецъ присовѣтовали ей самой ѣхать въ Каширу и просить воеводу, чтобъ взялъ сколько-нибудь терпѣніе. Что̀ было дѣлать! она хотя слаба была здоровьемъ, но, несмотря на всю слабость, принуждена была туда со мною ѣхать. Мы заѣзжали по дорогѣ къ совѣтнику нашему, г. Бакѣеву. Тутъ начались опять совѣты, но, къ-несчастію, дѣло было такъ дурно, что всѣ законы были противъ насъ, и ничего присовѣтовать было не можно. По-крайней-мѣрѣ упро-

сили мы его, чтобъ онъ поѣхалъ съ нами. Воевода, державшій почти въявь сторону нашего соперника, припялъ насъ весьма гордо и несговорчиво. Матери моей было сіе несносно, однако она принуждена была повиноваться времени. Нѣкоторые подарки, отосланные къ сему градоначальнику, сдѣлали его нѣсколько благосклоннѣйшимъ. Онъ обѣщалъ не только продлить дѣло, что́ ему всего легче учинить было можно, но и постараться преклонить соперника нашего къ миру. Но сіе не такъ могло скоро сдѣлаться, какъ мы думали и уповали. Мы принуждены были прожить въ Каширѣ болѣе недѣли. Въ сіе время, къ превеликому огорченію нашему, узнали мы, что соперникъ нашъ еще кичился и гордился, и объ мирѣ слышать не хотѣлъ, или, по-крайней-мѣрѣ, хотѣлъ, чтобъ мы заплатили ему огромную сумму. Подозрѣвали, что самъ воевода вмѣстѣ съ нимъ шильничалъ и его наущалъ, дабы ему самому тѣмъ болѣе отъ насъ и отъ него пожпвиться было можно. Сказали матери моей, что есть нѣкто изъ живущихъ неподалеку отъ Каширы дворянъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ Ильинъ, человѣкъ сопернику нашему знакомый, но весьма добрый и хорошій, и совѣтовали съѣздить къ нему и упросить его, чтобъ онъ вступилъ въ посредники и миротворители. Дворянинъ сей былъ намъ совсѣмъ незнакомъ; но что дѣлать! мать моя, утѣсняема будучи крайностью, принуждена была къ нему со мною ѣхать. Г. Ильинъ принялъ насъ нарочито холодно; однако, по умоленію матери моей, обѣщался вступить въ посредство и уговаривать нашего соперника. Однако какъ все сіе не могло скоро совершиться, то мы принуждены были, ничего не сдѣлавъ, возвратиться въ деревню, и оставили только стараться и хлопотать по сему дѣлу нашего повѣреннаго.

Горестное сіе для насъ дѣло продлилось большую половину лѣта и почти по самую осень. Сколько это было взадъ и впередъ посылокъ и переѣздовъ, и сколько пролито слезъ! Но наконецъ кончилось дѣйствительно миротвореніемъ. Соперника нашего кое-какъ уговорили помириться, и мы принуждены были согласиться отдать ему не только его бѣглую жонку, но вкупѣ съ ея мужемъ и со всѣми дѣтьми и дворомъ, въ которомъ она жила, и перевезть его на своемъ коштѣ въ его деревню, а сверхъ того заплатить ему еще 800 рублей деньгами. Убытокъ сей былъ для насъ хотя весьма чувствителенъ, а особливо потому, что толикаго числа денегъ мать моя въ наличности не имѣла, но принуждена была для выручснія оныхъ распродать и послѣдніе пожитки и вещи отца моего, а нѣкоторое количество еще и призанять; но мать моя, сколько ей все сіе несносно было, рада была, по-крайней-мѣрѣ, тому, что отъ врага своего избавилась. Для заключенія сего мира принуждена была еще разъ со мною въ Каширу ѣздить и еще разъ мучиться. Но какъ бы то ни было, но дѣло сіе наконецъ кончено, и мы, удовольствовавъ своего злодѣя, возвратились въ деревню и начали жить, по-прежнему, въ тишинѣ и спокойствіи.

Теперь, не ходя далѣе, надобно мнѣ замѣтить, что сопернику нашему не пошли въ прокъ наши деньги и люди. На него самого случились вскорѣ потомъ какія-то напасти, а что всего паче, то судьба поразила его тяжкою и долговременною болѣзнію, и онъ въ достальные годы своей жизни влачилъ дни свои въ жалкомъ состояніи. Наконецъ, не имѣя дѣтей мужескаго пола, лишился онъ и своей деревнишки. Она перешла изъ рукъ въ руки, и досталась нынѣ г. Агаркову, а его имя и память погибли совсѣмъ съ шумомъ изъ предѣловъ нашихъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, продолжалъ я прежнія мои упражненія. Однако съ наступленія лѣта прилежность моя была далеко уже не такова велика, какъ прежде. Частыя выхожденія въ сады, на дворъ, въ рощи и на пруды, отвлекали меня отъ ученія, а сообщество съ одними только ребятишками поразвратило гораздо прежнее мое постоянство и благонравіе. Они приучили меня

ко всякимъ играмъ, бѣганью и рѣзвостямъ, изъ которыхъ были иныя ни мало съ прежнимъ моимъ характеромъ несообразныя и подвергающія меня иногда самымъ опаспостямъ. Всѣ сіи безпутныя упражненія скоро я такъ полюбилъ, что за ними мало-по-малу началъ отставать отъ своихъ прежнихъ дѣлъ и занимался ими бо́льшую часть времени.

Сіе не могло укрыться отъ глазъ моей родительницы. Она любила меня хотя чрезвычайно и охотно дозволяла мнѣ иногда погулять и порѣзвиться, однако неумѣренность въ томъ и теряніе на то слишкомъ много времени, было ей весьма непріятно и подавало нерѣдко поводъ ей къ неудовольствіямъ и досадамъ на меня. Скоро исчезли уже всѣ прежнія мнѣ похвалы и всѣмъ моимъ дѣламъ одобренія, но она начала меня уже и побранивать и неволею заставлять сидѣть и учиться. Нерѣдко стало случаться, что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать и продолжала иногда тазанье таковое съ цѣлый часъ времени. Все сіе, а особливо тазанія ея, были мнѣ весьма непріятны. Я хотѣлъ-бы лучше высѣченъ быть розгами, нежели выслушивать таковыя ея предики и нравоученія; но что̀ было дѣлать, я принужденъ былъ повиноваться ея волѣ и переносилъ гнѣвъ ея терпѣливо, ибо признаться надобно, что сколько я ее любилъ, столькожъ и боялся. Человѣкъ была она очень нравный, могла легко подвигнута быть на гнѣвъ, и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ.

Со всѣмъ тѣмъ всѣ ея тазанія не великое производили во мнѣ дѣйствіе. Привыкнувши однажды къ рѣзвостямъ и получивши въ нихъ вкусъ, не такъ легко могъ я отстать отъ оныхъ. Я продолжалъ опыя, но старался болѣе уже утаивать и скрывать отъ матери мои шалости. Но иного и скрыть было не можно, какъ, напримѣръ, однажды, какъ не лежала она на своей постелѣ, а была въ моей компаткѣ и молилась Богу, игралъ и рѣзвился я на ея постелѣ съ любимою ея кошкою. Тутъ пришло мнѣ въ голову спрятать ее подъ одѣяло, чтобъ повеселиться ея подъ нимъ ворчаньемъ, а потомъ предпріялъ я еще того глупѣйшее дѣло: я, схватя претолстую палку и хотя ее тѣмъ испужать, ударилъ по одѣялу. Но несчастіе мое хотѣло, чтобъ я ударомъ симъ ошибся; вмѣсто того, чтобъ по намѣренію моему ударить подлѣ самой ея и въ пустое мѣсто, попади я прямо въ нее по самой головѣ оной. Бѣдная кошка подняла преужасный крикъ и чрезъ минуту отъ того околѣла. Господи помилуй! Какая поднялась тогда на меня гроза и буря отъ моей матушки. Мнѣ кошки сей было хотя столько-жъ жаль, сколько ей, ибо любилъ и я ее не меньше, какъ и она, и дѣло сіе произошло хотя отъ нечаянности, и я самъ по кошкѣ плакалъ, но статочное-ли дѣло, чтобъ принять что-нибудь въ уваженіе. Я принужденъ былъ съ битый часъ вытерпливать ея брани и тазанія и пребыть дня съ три подъ ея гнѣвомъ.

Въ другой разъ довелъ я рѣзвостями своими ее до того, что чуть-было она меня совсѣмъ не высѣкла. Но, правду сказать, было и за что̀. Находился у насъ въ домѣ взятый на воспитаніе одинъ солдатскій сынъ, пребѣглая и пребойкая особа. Онъ былъ наилучшій мой въ рѣзвостяхъ сотоварищъ, и всему злу заводчикъ и производитель. Вышедши однажды за ворота на улицу, увидѣлъ я сего вертопрашнаго малаго, стоящаго подлѣ пруда, на самомъ краю возвышеннаго и крутого берега и ко мнѣ спиною. И тогда приди мнѣ что-то въ голову подкрасться къ нему и столкнуть его съ берега въ воду. Хотѣлось мнѣ его только обмочить и посмѣяться, ибо вѣдалъ, что онъ, по умѣнію своему плавать, утонуть никакъ не могъ; но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ я къ нему подкрасться и, собравъ всѣ силы, толкнуть, какъ проклятый онъ, по проворству своему, отвернулся, а я съ размаха полетѣлъ съ берега самъ въ воду. Не умѣя совсѣмъ плавать, и по глубинѣ сего мѣста въ прудѣ, чистехонько могъ-бы я тогда уто-

нуть, ибо я весь окунулся, и поплыла только моя шляпа, еслибъ сама судьба не захотѣла и на сей разъ спасти жизнь мою, и власно какъ нарочно сдѣлала то, что на самый тотъ разъ случилось въ самой близости отъ того мѣста нѣсколько бабъ, моющихъ на примосткѣ платье. Онѣ, увидѣвъ сіе, бросились и вытащили меня изъ воды.

Не успѣлъ я отъ страха и испуга, учиненнаго симъ паденіемъ, опамятоваться и придти въ себя, какъ напало на меня превеликое горе. Вода текла съ меня ручьями, не осталось ни одной сухой нитки на всемъ моемъ платьѣ. Что было дѣлать? Какъ иттить въ такомъ нарядѣ домой и показаться къ моей матери? Чего и чего не долженъ я ожидать за сіе отъ ея строптиваго нрава? Наконецъ присовѣтовали мнѣ бабы послать скорѣе за другимъ и сухимъ платьемъ и переодѣться, и чрезъ самое скрыть происшествіе сіе отъ моей родительницы. Совѣтъ былъ благъ. Я его тотчасъ исполнилъ; но мнѣ не удалось воспользоваться его плодами. Мать моя прежде о томъ свѣдала, нежели я думалъ и ожидалъ. Бездѣльница одна маленькая дѣвчонка, случившаяся тогда на улицѣ, какъ я упалъ въ воду, увидѣвъ сіе, благимъ матомъ побѣжала въ хоромы и разсказала все дѣло находящимся тамъ женщинамъ и старушкамъ. Мать моя вслушалась нечаянно въ разговоръ ихъ и принудила запирающихся ихъ въ томъ пересказать себѣ все дѣвчонкою имъ сказанное, и услышавъ, что я упалъ въ прудъ, обмерла и испужалась, ибо сочла меня уже погибшимъ и утонувшимъ. Въ отчаяніи, не знала она что дѣлать и, неудовольствуясь тѣмъ, что отправила не только пословъ одного за другимъ, для точнѣйшаго обо мнѣ распровѣдованія, встала сама съ постели и хотѣла идти на прудъ, но, по счастію, вышедшую ее уже изъ хоромъ первые посланные останавливаютъ и, обрадовавъ увѣдомленіемъ, что я живъ, разсказываютъ въ подробности все происшествіе. Тогда страхъ и отчаяніе ея перемѣнились въ превеликій на меня гнѣвъ и досаду. Она положила неотмѣнно меня за сіе высѣчь, и велѣла принести и приготовить хорошія уже розги.

Вскорѣ потомъ привели и меня, раба божія, къ ней. Я обмеръ и испужался, какъ услышалъ, что мать моя обо всемъ уже вѣдала, и завѣрное полагалъ, что меня высѣкутъ. «Поди-ка сюда! поди дружокъ!» закричала мать моя, меня завидѣвъ; но я, не давъ ей болѣе говорить, повалился ей прямо въ ноги и говорилъ только: «Виноватъ, матушка! что хотите, со мной дѣлайте, случилось сіе нечаянно, и я самъ тому не радъ». Она, не внимая моимъ словамъ, схватила уже розги и хотѣла сѣчь, но я, схвативъ ея руку, цѣловалъ оную и обливалъ слезами, прося объ отпущеніи вины моей и о помиловаціи, заклиная себя, что впредь того дѣлать не стану. Все сіе умягчило наконецъ гнѣвъ ея. Она не стала меня сѣчь, но предику принужденъ я былъ вытерпѣть преужасную, а сверхъ того не дозволено мнѣ было нѣсколько дней сходить съ мѣста, и я долженъ былъ безпрестанно учиться, покуда, накопецъ, сжалилась она надо мною, и дозволила сама опять выходить на дворъ, взявъ только съ меня клятву, чтобъ я всѣ таковыя безпутства оставилъ.

Нѣсколько недѣль послѣ того, случилась со мною третья бѣдушка, но отъ которой, противъ чаянія моего, я удачно отдѣлался. Былъ у меня нарочно сдѣланъ маленькій и преострый топорикъ. Имъ рубливалъ и тесывалъ я, во время рѣзвостей моихъ, что ни попало. Ходючи однажды съ нимъ и вышедъ на улицу, увидѣлъ я, что плотники у насъ рубили срубъ на избу. Легкомысліе мое внушило мнѣ охоту пойти къ нимъ и помогать имъ рубить своимъ топорикомъ. Но какъ сидѣли они на срубѣ высоко и мнѣ къ нимъ взлѣзть было не можно, то увидѣвъ лежащій подлѣ сруба на землѣ одинъ обрубокъ отъ бревна, началъ я надъ нимъ посвоему плотничать. Нѣсколько минутъ рубилъ я все хорошо и порядочно, но одинъ ударъ топоромъ былъ весьма неудаченъ. Топоръ какимъ-

то образомъ съ конца обрубка, который я сглаживалъ, соскользнулся и попалъ мнѣ прямо въ правую ногу, въ самое то мѣсто, гдѣ пускаютъ обыкновенно кровь изъ ноги. Весь узгъ топора ушелъ у меня въ башмакъ и произвелъ рану въ полвершка величиною, и я истинно не знаю, какъ не пересѣкъ я жилы и не испортилъ тѣмъ совсѣмъ ноги. Но видно, что судьба хотѣла меня и въ семъ случаѣ спасти: ударъ пришелся вдоль по жиламъ и между оныхъ и не повредилъ ни жилы, ни кости. Но мое великое счастіе было то, что рубилъ я въ сей разъ одною, а не обѣими руками и не въ-размахъ.

Но какъ бы то ни было, но учинивъ сіе, обмеръ я и испужался. По счастію, не видалъ сего никто; плотники сидѣли на срубѣ и продолжали свою работу. Я, примѣтивъ сіе, положилъ возможнѣйшимъ образомъ стараться сокрыть сіе дѣло и какъ можно не допустить до свѣдѣнія моей матери. Чего ради, удержавшись отъ крика и вопля, схватилъ я съ находившейся подлѣ самаго того мѣста дороги нѣсколько густой грязи и замазавъ ею все просѣченное на башмакѣ мѣсто, побѣжалъ въ хоромы. Но кровь, силящаяся изъ раны, на половинѣ дороги отбила всю мою замазку. Я, примѣтивъ сіе, пустился прямо мимо хоромъ на огородъ. Тутъ, не будучи никѣмъ видимъ, залѣпилъ и умазалъ я вновь свой башмакъ, какъ хотѣлъ, землею, и какъ увидѣлъ, что кровь не стала болѣе отбивать землю, то пошелъ въ хоромы, сѣлъ за свои книги и не сходилъ до самаго вечера уже съ мѣста. До сего времени ни одна жадная душа не вѣдала о семъ происшествіи; но какъ наступилъ вечеръ и надобно было мнѣ раздѣваться, то по необходимости долженъ я былъ открыться моему камердинеру. Былъ тогда онымъ у меня малый, по имени Дмитрій, и самый тотъ, который нынѣ у насъ портнымъ. Я взялъ съ него клятву, чтобъ онъ никому не сказывалъ, и разсказалъ потомъ свое несчастіе. Тогда оба мы начали заботиться о томъ, какъ намъ скинуть башмакъ и чулокъ съ ноги. Мы не инако думали, что нога моя опухла. Однако, сколь велико удивленіе мое было, когда, при скидываніи башмака и чулка, не чувствовалъ я почти никакой боли. А того еще больше удивился я, когда увидѣлъ, что рана моя была хотя превеликая, но вся наполнена власно какъ новымъ тѣломъ. Сколь я тогда еще ни малъ былъ, но, увидѣвъ такое странное явленіе, заключалъ, что, конечно, произвела сіе дѣйствіе земля и грязь, которою я безъ всякаго умысла рану свою замазывалъ, и послѣ открылось, что я въ мнѣніи своемъ ни мало не обманулся; ибо, какъ замѣтивъ сіе тогда-жъ, началъ я въ послѣдующее время пробовать лечить всякія свѣжія раны землею, то увидѣлъ и чрезъ безчисленные опыты надъ собою и надъ другими удостовѣрился, что земля залечиваетъ всѣ свѣжія раны лучше и скорѣе всѣхъ пластырей на свѣтѣ, а нужно только, чтобъ она была не сухая, а смоченая и смятая на подобіе тѣста.

На другой день, вставши и надѣвъ башмакъ, хотя и чувствовалъ я небольшую боль, принуждавшую меня нѣсколько хромать, однако боль сія была такъ мала, что хроманіе мое было почти вовсе непримѣтно. Однако, боясь, чтобъ какимъ-нибудь образомъ мать моя онаго не примѣтила, рѣшился я весь тотъ день сидѣть и, не сходя съ мѣста, упражняться въ читаніи и писаніи. Сначала было матери моей сіе совсѣмъ непримѣтно; но какъ я такимъ же образомъ и весь послѣдующій, а тамъ и третій день сидѣлъ безпрестанно за книгами, то показалось матери моей сіе странно и удивительно. — «Что ты, Андрюшенька», говорила она мнѣ, «вдругъ таковъ прилеженъ сталъ и который уже день никуда не выйдешь погулять-себѣ?» — Не хочется что-то, матушка, отвѣтствовалъ я: а къ тому-жъ давно не твердилъ своихъ наукъ и боюсь, чтобъ не позабыть оныхъ. — «Это очень-хорошо, дитя мое», сказала она на сіе: «однако все погулять-бы сколько-нибудь можно». Что́ было тог-

да дѣлать? Я принужденъ былъ встать и идти въ сады. Но, по счастію, рана моя въ сіи три дня совсѣмъ почти зажила, и я могъ уже ходить тогда не хромаючи.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе происшествіе, и родительница моя не узнала объ ономъ по свою кончину.

Что касается до прочихъ, въ сіе лѣто бывшихъ, происшествій, то помню я только два, нѣкотораго замѣчанія достойныхъ. Первое состояло въ томъ, что мать моя однажды ѣздила со мною для богомолья за Серпуховъ къ Рышковской Богородицѣ, въ которомъ путешествіи сопутствовалъ и отецъ Илларіонъ верхомъ на своемъ конѣ. А второе гораздо было важнѣе и состояло въ томъ, что родительница моя нечаяннымъ образомъ вывихнула у себя ногу въ самой нижней щиколкѣ, и такъ, что ее исправить было никакъ не можно.

Случилось сіе при особливомъ случаѣ. Какимъ-то образомъ и не помню уже зачѣмъ, вздумалось живущему подлѣ насъ дядѣ моему родному удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ. Мать моя на самую ту пору сошла только съ своей кровати и хотѣла войти въ мою спальню. Но лишь только переступила она одною ногою чрезъ порогъ, какъ прибѣжали къ ней безъ души сказать, что идетъ Матвѣй Петровичъ и уже входитъ въ хоромы. Неожиданность такого извѣстія и обстоятельство, что была она совсѣмъ неодѣта, такъ ее потревожили, что она въ-торопяхъ какъ-то вдругъ и скоро обернулась назадъ, спѣша придти скорѣе на кровать, и въ самую сію несчастную секунду повредила себѣ ногу.

Какъ сначала боль была не велика и сносна, то думали, что сіе пройдетъ само собою. Однако въ мнѣніи семъ всѣ обманулись, боль начала со дня на день увеличиваться и мать мою обезпокоивать отчасу больше. Принуждены были ее править, но какъ и сіе не помогало, то лечить всѣмъ, что кто зналъ; но сколько ни лечили, но не произвели никакой пользы; а окончилось сіе тѣмъ, что родительницѣ моей не можно уже было по самую кончину свою одѣвать на ту ногу башмакъ, но она принуждена была приказать сшить изъ войлока нѣкоторый родъ просторной туфли, и въ оной уже хаживала, когда ей съ постели своей сходить надлежало.

Между всѣми сими происшествіями прошло, наконецъ, лѣто. Наступила осень и приближалась зима. Матери моей сколько ни не хотѣлось, по болѣзни своей, меня отъ себя отлучить, однако она заключала, что я живучи при ней со всѣмъ изшалюсь и избалуюсь и не только не выучу ничего вновь, но и все выученное позабуду, имѣла столько духу, что рѣшилась отправить меня въ Петербургъ, какъ скоро зимній путь настанетъ, и потому заблаговременно уже дѣлала всѣ нужныя къ тому приготовленія. Сопутниками мнѣ назначены были дядька мой, Артамонъ, и еще одинъ молодой малый, по имени Яковъ. Лошадей же велѣно было нанять изъ Москвы до Петербурга.

Какъ скоро зимній путь насталъ, то родительница моя не стала медлить ни одного дня, но собравъ меня совсѣмъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ на дорогу и для петербургскаго житья, собрала всѣхъ своихъ родственниковъ и, предавъ покровительству небесъ, меня въ путь мой отпустила.

Разставаніе у насъ съ нею было нанѣжнѣйшее. Она обливала меня слезами и цѣловала въ лобъ, глаза, щеки и губы; я плакалъ не меньше оной и цѣловалъ у нея обѣ руки. Всѣ бывшіе при томъ присоединяли слезы свои къ нашимъ, ибо никто не могъ утерпѣть, чтобы не плакать; наконецъ, благословивъ меня образомъ и надававъ тысячу благословеній и еще разъ меня расцѣловавъ и обмочивъ своими слезами, простилась она и отпустила. Увы! сіе было въ послѣдній разъ, что она меня, а я ее видѣлъ. Минута сія толико мнѣ памятна, что и понынѣ наиживѣйшимъ образомъ впечатлѣнъ въ умѣ моемъ ея образъ и тогдашнее разставанье.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу о своемъ путешествіи и петербургскую жизнь: я есмь и прочее.

Письмо 17-е.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію путешествія моего и петербургской жизни, о первомъ скажу, что мнѣ все опое почти двумя словами описать можно. Мы пріѣхали въ Москву благополучно; а тутъ, отпустивъ своихъ лошадей въ деревню, а сами нанявъ ямскихъ, пустились далѣе, и какъ дорога была хорошая и можно было верстъ по 80 на день ѣхать, то доѣхали мы до Петербурга скоро и благополучно. Не было съ нами во всю дорогу ни одного такого приключенія, которое бы достойно замѣчено быть, а стараніемъ дядьки моего былъ и я всѣмъ доволенъ.

Что принадлежитъ до второй, то-есть до петербургской жизни, то найдется многое кой-что, о чемъ пересказать вамъ можно.

Какъ мы адресованы были къ дядѣ моему, Тарасу Ивановичу Арсеньеву, служившему еще и тогда ротмистромъ въ конной гвардіи и жившему сего полку въ свѣтлицахъ, то и пріѣхали мы прямо къ нему. Дядя мой меня уже давно дожидался, ибо писалъ уже нѣсколько разъ къ матери моей, чтобъ меня прислала, и что у него есть уже мѣсто на примѣтѣ, гдѣ-бъ мнѣ учиться. «Наспу, насилу прислала тебя мать!» сказалъ онъ меня увидѣвъ. «Давно бы, мой другъ, пора! Небось ты, живучи съ цѣлый годъ въ деревнѣ, все выученное позабылъ.»—Никакъ, дядюшка! отвѣтствовалъ я:—а я все старался твердить.—«Ужъ знаемъ мы!» сказалъ онъ на сіе: «каково бываетъ ваше тверженье. Но, добро, добро, хорошо, что невѣстка тебя прислала.» Сказавъ сіе, приказалъ онъ выбираться изъ повозокъ и мнѣ одѣться получше, ибо я былъ въ дорожномъ платьѣ.

На другой день повезъ онъ меня съ собою въ коляскѣ въ тотъ знакомый ему домъ, въ которомъ падлежало мнѣ учиться и гдѣ имъ приговоренъ уже былъ учитель. Домъ сей отстоялъ отъ насъ не близко и гораздо болѣе версты, и принадлежалъ одному при строеніяхъ дворцовыхъ опредѣленному старичку-генералу, по имени Якову Андреевичу Маслову, самому тому, который, въ послѣдующія времена будучи генерал-аншефомъ, постригся въ монахи и нѣсколько лѣтъ препроводилъ въ духовномъ чинѣ и былъ сперва іеромонахомъ, потомъ игуменомъ, а наконецъ архимандритомъ. Дядѣ моему знакомъ былъ сей человѣкъ потому, что былъ онъ сосѣдъ ему по деревнямъ, а сверхъ того и любилъ его Въ домѣ у него жилъ тогда учитель французъ для обученія дѣтей генеральскихъ; и съ симъ-то учителемъ, съ дозволенія господина Маслова, условился дядя мой, чтобъ ему меня учить, и мнѣ бы всякій день поутру и послѣ обѣда приходить въ сей домъ для ученія. Я представленъ былъ и учителю, и господину Маслову; дѣло было въ единый мигъ кончено, и положено, чтобы я въ послѣдующій же день учинилъ начало.

Между тѣмъ, какъ мы туда ѣздили, дядькѣ моему поручено было сыскать для другого моего слуги какое-нибудь мѣсто и работу, чтобъ не было нужды кормить его по-пустому. Дядька мой и нашелъ ему работу на канатномъ дворѣ столь выгодную, что онъ не только могъ самъ себя пропитать, но выручаемыхъ денегъ довольно оставалось и на заплату за меня учителю моему: итакъ, оно мнѣ ничего почти не стоило. Дядя былъ симъ очень доволенъ и приказалъ въ тотъ-же день отправить его на фабрику.

Домъ, въ которомъ жилъ дядя мой, былъ хотя нарочито великъ, но ему ассигнована была только одна половина онаго, а въ другой жилъ другой офицеръ. Половина сія содержала въ себѣ только четыре просторныя комнаты. Первая составляла переднюю или залу, отправляющая также должность столовой, вторая—дяди моего спальню, и оба сіи покоя были обиты обоями и порядочно убраны; а изъ другихъ двухъ заднихъ одна была дѣтскою, а другая и лакейскою и дѣвичьею. Мнѣ ассигновано было мѣсто спать въ залѣ, гдѣ подлѣ печки поставлена была моя кроватка.

Дядя мой, будучи порядочный и степен-

ный человѣкъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна—такъ звали его жену—была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно; однако она должна была во всемъ повиноваться его волѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человѣкъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особливости же друженъ съ нимъ былъ тогдашней конной-гвардіи секретарь, Дмитрій Михайловичъ Буткевичъ. Поелику и у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то обѣ сіи дамы связаны были неразрывною любовью и ѣзжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ съѣздовъ препровождали онѣ время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема.

Совсѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилучшія игры, да и въ тѣ игрывали только по вечерамъ. Въ прочее-жъ время упражнялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ-особливости за ужинами и за обѣдами. По цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ, что упражняясь въ разговорахъ.

Для меня сей родъ жизни былъ совсѣмъ новъ и необыкновененъ, но я принужденъ былъ съ онымъ сообразоваться и могу сказать, что привыкъ къ нему очень скоро. Я велъ себя тутъ очень степенно, а правду сказать, причиною тому было то, что, съ одной стороны, боялся я очень дяди, оговаривающаго меня тотчасъ, какъ скоро я что-нибудь непристойное дѣлывалъ, а съ другой, не было въ домѣ никакого мнѣ сверстника, съ которымъ-бы мнѣ можно было рѣзвиться; итакъ, поневолѣ долженъ я былъ быть тихимъ, кроткимъ и степеннымъ. Днемъ хаживалъ я обыкновенно въ домъ къ господину Маслову учиться, а въ вечеру препровождать время свое не въ людской и не съ людьми, а въ спальнѣ дяди моего, со всѣми гостями и, сидючи за стуломъ, смотрѣть, какъ они игрывали, и слушать ихъ разговоры. Но никогда разговоры ихъ не были мнѣ такъ скучны, какъ за ужиномъ: нерѣдко случалось, что, уставши днемъ отъ ходьбы, а вечеромъ отъ стоянія смерть спать хочется; но я принужденъ былъ вмѣстѣ съ прочими часа два просидѣть за ужиномъ и слушать разговоры, ибо, къ-несчастію, кровать моя стояла въ сей комнатѣ и мнѣ вытить и лечь было не можно.

Симъ образомъ, и не бранью и не жестокостью, а все ласками и оговариваніями, въ короткое время дядя такъ меня вышколилъ, что я сталъ совсѣмъ другой ребенокъ и во всемъ моемъ поведеніи такъ перемѣнился, что скоро, какъ дядя, такъ и тетка, а не менѣе и пріѣзжавшіе къ намъ гости начали меня удостоивать своими похвалами и дѣлать мнѣ болѣе уваженія, нежели прежде. Оно пробщали меня даже къ своимъ увеселеніямъ, научили меня играть въ тресетъ и я дол-

женъ былъ иногда дѣлать компанію боярынямъ. Когда же ознакомился уже болѣе, то случалось, что когда заводили они танцы, то и я долженъ былъ танцовать вмѣстѣ съ ними, или, по крайней мѣрѣ, въ контратанцахъ помогать дѣлать фигуру. Случалось-ли когда выѣзжать имъ цѣлою компаніею гулять, на-примѣръ въ лѣтнее время на Каменный-Островъ, или въ иное мѣсто, то брали меня съ собою, и т. д.

Все сіе было для меня пріятно, и я скоро получилъ вкусъ въ жизни сего рода, и могу сказать, что какъ домъ господина Маслова былъ мнѣ училищемъ для наукъ, такъ домъ дяди моего былъ для меня училищемъ свѣтской жизни и хорошему поведенію. Съ сей стороны я много обязанъ сему любившему меня родственнику, а не менѣе и теткѣ, его женѣ. Она не менѣе старалась меня исправлять, какъ и онъ, и я попеченіемъ и стараніемъ ея обо мнѣ былъ очень доволенъ и имѣлъ къ ней искреннее почтеніе, и потому охотно исполнялъ поручаемыя ею мнѣ коммиссіи. Она, узнавъ, что я умѣю рисовать, заставляла меня иногда дѣлать для себя нѣкоторые рисунки; но ничѣмъ я ей такъ не угодилъ, какъ разрисованіемъ одного ларчика: я употребилъ къ тому все мое искусство, и она была работою моею очень довольна.

Не менѣе также доволенъ я былъ однимъ, бывающимъ почти всякій день у дяди моего, гостемъ. Былъ онъ того-жъ полка офицеръ, по фамиліи Лихаревъ, но находился подъ какимъ-то слѣдствіемъ, и потому хаживалъ обыкновенно все въ тулупѣ. Поелику былъ онъ человѣкъ весьма разумный и въ компаніи веселый и шутливый, то любилъ его мой дядя, и онъ хаживалъ къ намъ почти всякій вечеръ. Сей человѣкъ, узнавъ, что я имѣю склонность къ наукамъ и читанію книгъ, отмѣнно меня за то полюбилъ и нерѣдко разговаривалъ со мною о разныхъ матеріяхъ. Онъ принесъ ко мнѣ однажды рукописную книгу и, отдавая для прочтенія, сказалъ, что онъ обо всемъ будетъ меня спрашивать, и чтобъ я читалъ со вниманіемъ. Но таковое напоминаніе было для меня не нужно. Книга сія была для меня очень любопытна, и какъ я сего рода книгъ никогда еще не читывалъ, то въ немногіе дни промололъ я ее всю, а не удовольствуясь однимъ разомъ, прочелъ и въ другой разъ и могъ ему пересказать все по пальцамъ. Г. Лихаревъ удивился, услышавъ о томъ, что я ее въ такое короткое время прочелъ уже два раза, и былъ охотою и вниманіемъ моимъ такъ доволенъ, что подарилъ меня сею книгою. Я обрадовался тому до чрезвычайности и не зналъ какъ возблагодарить ему за оную. Составляла она переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа подъ заглавіемъ «Эпаменондъ и Целеріана» и произвела во мнѣ то дѣйствіе, что я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и прямо романтической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу.

Симъ образомъ препровождалъ я жизнь въ домѣ у моего дяди и столь порядочно, что не помню, чтобъ я однажды сдѣлалъ какую шалость и подалъ поводъ дядѣ моему бранить меня за то. Словомъ, весь домъ былъ мною доволенъ, и всѣ любили меня и хвалили.

Но теперь время разсказать мнѣ вамъ и о домѣ г. Маслова и о томъ, какъ я учился въ оном. Отстоялъ онъ отъ насъ, какъ выше упомянуто, не близко, ибо находился неподалеку отъ церкви Сергія Чудотворца и за Литейнымъ-Дворомъ и ходить мнѣ было въ оный нарочито далеко, однако, по ребячеству своему, я скоро къ тому привыкъ; иногда хаживалъ я туда одинъ, а иногда провожалъ меня дядька, и путь сей, а особливо въ лѣтнее время, былъ мнѣ очень пріятенъ, а нерѣдко и сокращалъ я оный, купивъ на дорогѣ себѣ изюма и лакомясь имъ по ягодкѣ. Лавочникъ, сидящій на дорогѣ въ лавочкѣ, уже такъ къ тому привыкъ, что отвѣшивалъ обыкновенные мои четверть фунта заблаговременно и меня только завидѣвъ: изюмъ былъ тогда въ Петербургѣ очень дешевъ, и на порцію мою въ день исходило только три денежки, ибо фунтъ продавался по 6 копѣекъ.

Домъ у господина Маслова былъ хотя превеликій, но какъ онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ конхъ старшій, по имени Михаилъ, былъ уже капитаномъ, а средній, по имени Степанъ, гвардіи сержантомъ, и оба они были большіе, то цѣлая половина дома содержала въ себѣ комнаты, въ которыхъ жили его дѣти, такъ что намъ съ обоими его младшими дѣтьми, Иваномъ и Андреемъ, не оставалось во всей сей половинѣ мѣста для ученія, и мы принуждены были учиться у самого генерала въ передспальнѣ. Оба мои товарища были нѣсколько меня постарѣе, и оба были очень рѣзвы и къ ученію тупы, а особливо меньшой самый. Что-жъ касается до другого, то былъ онъ хотя пылкаго и горячаго темперамента и малый весьма вѣтреный и бойкій, но къ ученію былъ также неприлеженъ.

Съ обоими ими свелъ я скоро дружбу и знакомство. Для насъ поставлялся обыкновенно ломберный столикъ посреди предспальни, и тутъ должны мы были сидѣть и учиться, наблюдая возможнѣйшую тишину и благопристойность.

Что принадлежитъ до учителя нашего, то былъ онъ родомъ французъ и человѣкъ еще очень нестарый. Звали его г. Лаписъ и наивеличайшій недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ не умѣлъ ни одного слова по-русски, а столь-же малое понятіе имѣлъ онъ и о нѣмецкомъ языкѣ. Сіе обстоятельство причиною тому было, что и въ сей разъ нѣмецкій мой языкъ принужденъ былъ спать, и я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе позабывалъ опый. Но тогдашнее ученіе мое и французскому языку было самое бѣдное и весьма-весьма недостаточное. Великое счастіе было еще то, что я сколько-нибудь умѣлъ уже по-французски, а то истинно не знаю, какъ-бы онъ сталъ меня учить, не умѣя по-русски ничего растолковать и изъяснить. Не понимаю я и понынѣ, какъ таковые учители учатъ дѣтей въ домахъ многихъ господъ, а особливо сначала и покуда ученики ничего еще не знаютъ. Господинъ Лаписъ былъ хотя и ученый человѣкъ, что можно было заключить по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что̀ ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французскою академіею, и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на французскомъ же языкѣ; слѣдовательно, были на большую часть намъ невразумительны. Сіи статьи, и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы. Тогда принуждены мы были повиноваться волѣ учителя нашего, и все то дѣлать, что онъ приказывалъ. Но нынѣ надсѣдаюсь я со смѣха, вспомнивъ сей родъ ученія, и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь чѣмъ-нибудь да провесть время.

Словомъ, еслибъ не пользовало насъ то, что мы, какъ съ учителемъ, такъ и между собою говорили всякій день по-французски и чрезъ то не твердили языкъ сей отчасу больше, то не знаю, какую-бъ пользу могъ я получить отъ тогдашнято ученія. Не упражнялся я ни въ чтеніи книгъ, ни въ переводахъ, которые-бъ всего нужнѣе мнѣ были, а особливо съ русскаго на французскій. Учитель нашъ не въ состояніи былъ помогать намъ въ семъ случаѣ, да и вообще не прилагалъ онъ дальняго объ насъ старанія, а только и все его дѣло было, что заставлялъ насъ писать и учить наизусть. Прочее-жъ время упражнялся онъ все въ чтеніи.

Такимъ образомъ не получилъ-бы я въ семъ мѣстѣ дальней пользы, если-бъ не случилось одного побочнаго обстоятельства, которое нечаянно послужило мнѣ въ особливую пользу и подало поводъ выучиться цѣлой иной наукѣ, которой я вовсе не ученъ былъ. — Какъ оба сотоварищи мои записаны были въ артиллерію и были сержантами въ оной, то восхотѣлось старику-генералу выучить ихъ ариѳметикѣ и геометріи, какъ такимъ наукамъ,

которыя были имъ необходимо надобны. Приговорепъ былъ для сего одинъ артилерійскій капралъ, и положено, чтобъ ходить ему въ домъ сей послѣ обѣда въ каждый день и учить дѣтей генеральскихъ. Что касается до третьяго и середняго сына, то сей упражнялся тогда въ черченіи фортификаціи, въ своихъ комнатахъ, и для обученія его жилъ тутъ въ домѣ инженерный кондукторъ г. Пучковъ.

По особливому счастію моему, оба товарища мои были крайне безтолковы и непонятны, и учитель бился съ ними какъ съ крайними невѣжами. Онъ принужденъ былъ всякую вещицу имъ раза по три и по четыре перетолковывать и насильно вбивать въ голову. Какъ сидѣли они со мной за однимъ столикомъ и я все сіе видѣлъ и слышалъ, то смѣшное изъ сего вышло: ихъ учили, но они не выучились, а меня хотя не учили, но я выучился совершенно. Помогла къ тому много собственная моя охота, ибо мнѣ науки сіи такъ полюбились, что я, приходя въ вечеру домой, все то записывалъ, что я днемъслышалъ. Я досталъ себѣ циркуль, рейсфедеръ и транспортиръ, и безъ всякаго указательства, начертилъ и написалъ себѣ всю полную геометрію и понялъ ее довольно совершенно. Хотѣлось было мнѣ такимъ-же образомъ получить понятіе и о фортификаціи, которой учился средній генеральскій сынъ, Степанъ; но какъ мы въ покои его рѣдко хаживали и при насъ учитель ему ничего не толковалъ, то и не можно было мнѣ въ желаніи моемъ имѣть дальняго успѣха. Однако я старался колико можно ходить туда чаще и сматривать, какъ они чертятъ планы, и получилъ по крайней мѣрѣ о сихъ довольное понятіе.

Симъ образомъ продолжалъ я ученіе мое не только всю зиму, но и половину тогдашняго лѣта, и къ жизни сего рода такъ уже привыкъ, что она мнѣ сдѣлалась весела и пріятна. Но спокойствіе моего духа нарушено было въ іюнѣ полученіемъ нечаяннаго извѣстія изъ Москвы, что родительница моя въ деревнѣ скончалась. Первое извѣстіе о семъ печальномъ приключеніи сообщилъ мнѣ мой дядька, оно поразило меня, какъ громовымъ ударомъ. Однажды послѣ обѣда, пошедъ меня провожать въ школу, сталъ онъ мнѣ говорить на дорогѣ, что есть изъ Москвы письмо, что матушка моя очень больна. Сердце мое затрепеталось при семъ словѣ и пронзилось, власно, какъ ножомъ. «Ахъ, Артамонушка, голубчикъ!» подхватилъ я скоро его слово: «ужъ не скончалась-ли она? скажи мнѣ, ради Бога!» Тогда сказалъ онъ мнѣ, что еще апрѣля 23-го числа былъ тотъ несчастный день, въ который преселилась она въ вѣчность. Боже мой, какою горестію и печалью поразилось тогда мое сердце! Я стенялъ, рыдалъ и плакалъ и съ цѣлую четверть часа не могъ сойти съ мѣста. Казалось, что всѣ стихіи для меня перемѣнились. Всѣ уговариванія дядьки моего не помогали; но наконецъ принужденъ я былъ дать себя уговорить продолжать путь свой далѣе. Однако худое ученье было уже въ тотъ день; я и тамъ нѣсколько разъ принимался плакать.

Такимъ образомъ лишился я и моей родительницы и остался совершеннымъ уже сиротою на четырнадцатомъ году моего возраста. Я узналъ послѣ, что она съ самаго моего отъѣзда начала часъ отъ часу слабѣть болѣе и, наконецъ, по вскрытіи весны, сама примѣтила уже приближающуюся свою кончину и приготовилась къ оной по христіанскому долгу. Она скончалась въ совершенной памяти и погребена была въ приходской нашей церкви, подъ самымъ правымъ клиросомъ. Дядя мой примирился съ нею предъ ея кончиною и имѣлъ попеченіе о ея погребеніи, а окончивъ сію печальную церемонію, взялъ на себя попеченіе о нашемъ домѣ и управленіе деревнями до моего пріѣзда.

Происшествіе сіе произвело паки во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ великую перемѣну. Я сдѣлался тогда совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ нашимъ имѣніемъ и деревнями, но властелиномъ весьма еще къ правленію оными неспособнымъ.

Что со мною случилось далѣе, о томъ разскажу вамъ, любезный пріятель, въ послѣдующемъ письмѣ, а сіе окончивъ симъ остаюсь и прочее.

Письмо 18-ое.

Любезный пріятель! Теперешнее письмо расположился я наполнить почти сущими пустяками и бездѣлками и разсказать вамъ въ ономъ нѣчто смѣшное.— Но напередъ разскажу вамъ нѣсколько и дѣла. Извѣстіе о кончинѣ матери моей произвело во мнѣ великую перемѣну. Мнѣ казалось, что тогда могу уже я дѣлать что хочу и быть поступковъ своихъ совершеннымъ господиномъ. Къ дядѣ моему я хотя прежняго высокопочитанія не потерялъ, однако разсуждалъ, что съ такимъ подобострастіемъ его бояться какъ прежде мнѣ уже не годилось и было бы излишнимъ. Голова моя стала наполняться тогда уже иными замыслами, и охота жить долѣе въ Петербургѣ и по прежнему учиться мало-по-малу исчезать стала. Дядька мой поддувалъ меня ежедневно. Онъ то и дѣло мнѣ напоминалъ, что теперь помышлять мнѣ надобно уже и о домѣ, что тамъ все безъ меня разорится, а особливо если я скоро домой не пріѣду, и такъ далѣе. Въ самомъ же дѣлѣ ему самому нетерпѣливо хотѣлось скорѣй домой ѣхать, онъ имѣлъ тамъ жену и дѣтей, да и впрочемъ не думалъ, чтобъ ему тамъ худо было. Онъ не сомнѣвался, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ будетъ онъ при мнѣ первымъ человѣкомъ, и потому имѣть иногда случай ловить въ мутной водѣ рыбу. Но какъ бы то ни было, но мнѣ представленія его были непротивны, и мы начали совокупно оба стараться искать удобнаго средства къ нашему отъѣзду и къ скорѣйшему освобожденію себя изъ-подъ власти дядиной. Однако всѣ наши замыслы долго уничтожаемы были твердымъ предпріятіемъ дяди моего удержать меня въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ до зимы, дабы мнѣ сколько-нибудь понаучиться болѣе было можно. Всѣ первыя представленія мои объ отпускѣ меня домой были отвергнуты, и я нехотя принужденъ былъ продолжать науки и ходить по прежнему въ домъ къ господину Маслову.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ дожидаться до зимы казалось намъ слишкомъ долго, то дядька мой не преминулъ выдумывать возможнѣйшія средства къ сокращенію сего термина и убѣдилъ меня, наконецъ, употребить самый бездѣльническій обманъ противъ моего дяди. Онъ присовѣтовалъ мнѣ отписать тайнымъ образомъ къ большей моей сестрѣ во Псковъ и, увѣдомивъ ее о кончинѣ матери нашей, просить, чтобъ она прислала за мною лошадей и коляску, а между тѣмъ и около того времени, какъ быть колескѣ, вскленать на генерала Маслова, что онъ хочетъ ѣхать въ Москву и взять съ собою дѣтей и учителя. И какъ ему не трудно было меня ко всему уговорить, то постарался онъ найтить и случай къ пересылкѣ письма во Псковъ. Я исполнилъ по его хотѣнію и, отправивъ письмо, сталъ съ спокойнѣйшимъ духомъ ходить для продолженія наукъ своихъ.

И тогда-то случилось со мною то смѣшное происшествіе, о которомъ обѣщалъ я вамъ разсказать.—Состояло оно въ томъ, что меня не думано не гадано въ домѣ у господина Маслова высѣкли.—Это, скажите вы, не смѣшное а печальное. Но постойте, любезный пріятель! дайте мнѣ выговорить. Сѣкли меня больно, да и очень больно, и досталось и рукамъ и головѣ, и кафтану и плечамъ. — Но чтожъ далѣе? а вотъ то далѣе, что вы не угадаете, что я тогда во время сѣченія сего дѣлалъ. — Что̀ иное дѣлать, скажите вы, какъ плакать или кричать.—Но того-то и не бывало, но я вмѣсто того со смѣха надсѣдался и чѣмъ болѣе меня сѣкли, тѣмъ болѣе я смѣялся.—Что за диковинка, скажите вы: это ненатурально.—Я не знаю, натурально-ли сіе или не натурально было, и вы называйте какъ хотите, а сіе въ самомъ дѣлѣ было и я разскажу вамъ теперь сію странную комедію.

Однажды сидѣли мы съ товарищами моими и учились. Вы знаете, что языкамъ

по большей части учатся тихомолкою, а особливо когда затверживаютъ что-нибудь наизусть, а тогда въ самомъ томъ мы и упражнялись. Учитель нашъ, задавъ намъ уроки, сѣлъ подлѣ окошка и читалъ французскую книгу. Изрядная хворостина лежала подлѣ него, которую для всякаго случая, а особливо для рѣзвыхъ моихъ товарищей, носилъ онъ всегда съ собою и нерѣдко случалось, что онъ ихъ за шумѣнье и рѣзвости по рукамъ ею стегивалъ. Обстоятельство, чтобъ намъ не шумѣть, а сидѣть тихо, а особливо когда генералъ, отецъ ихъ, бывалъ дома и впослѣдобѣднешнее время, въ побочной подлѣ насъ своей спальнѣ отдыхалъ, было намъ накрѣпко запрещено, и въ такое время должны были мы сидѣть весьма тихо и вслухъ ничего не говорить.

Тогда случай былъ точно такой. Дѣло было вскорѣ послѣ обѣда и генералъ только-что заснулъ въ спальнѣ, и къ несчастію, намъ особливо еще подтвердилъ, чтобъ мы не шумѣли.—Мы и сидѣли нѣсколько времени какъ въ воду опущенные. Но вдругъ нелегкая догадай одного и рѣзвѣйшаго изъ моихъ товарищей, посмотрѣть изъ подолба, что́ учитель нашъ дѣлаетъ, а увидѣвъ, что онъ углубился въ чтеніе книги, захотѣлось ему надъ нимъ пошутить. Онъ, оборотя голову свою къ нему и вытянувъ губы, ну ими играть пальцемъ и тѣмъ дразнить учителя. Сіе брату его такъ смѣшно показалось, что онъ тотчасъ закуркалъ, ибо вслухъ смѣяться и хохотать было ему не можно. Говорятъ, что всякое запрещенное намъ охотнѣе дѣлать хочется, и сіе подлинно справедливо, а особливо было сіе при тогдашнемъ случаѣ. И я не знаю, что́ тогда на насъ на всѣхъ особливое нашло. Кажется все сіе и негораздо смѣшно было. Или хотя-бъ немного тому и посмѣяться, но послѣ и перестать бы можно было: но мы власно тогда какъ весь свой разсудокъ потеряли. Оба мои товарищи, надрываясь, смѣялись и до слезъ куркали. Я, совсѣмъ не зная чему они смѣются, но увидѣвъ ихъ надрывающихся со смѣху, послѣдовалъ ихъ примѣру и хохоталъ не вѣдая самъ чему. Сперва смѣялись и куркали мы все еще тихо и умѣренно; но мало-по-малу началъ нашъ смѣхъ громче становиться. Учитель нашъ услышавъ то, и боясь, чтобъ мы не разбудили генерала, кричалъ намъ, — He! messieurs que faites vous (Эй, господа, что это вы дѣлаете), но мы того не слушали. Онъ спрашивалъ, чему мы смѣемся, но ни одинъ изъ насъ не могъ ему за смѣхомъ отвѣтствовать. Наконецъ приступилъ онъ къ одному изъ моихъ товарищей и съ сердцемъ уже требовалъ, чтобъ онъ сказалъ, чему мы смѣемся. Сей, вставъ передъ нимъ и куркая съ полчаса, хотѣлъ-было выговорить слово, но вмѣсто того вслухъ и во все горло захохоталъ и слюнями всего его забрызгалъ.

Намъ чрезъ то власно какъ сигналъ былъ данъ. Терпя, терпя, захохотали тогда и мы во все горло; ибо намъ сіе еще того смѣшнѣе показалось. И тогда загорѣлся огонь и поломя. Учитель нашъ вздурился, сіе увидѣвъ. Сперва уговаривалъ онъ насъ ласкою и убѣждалъ резонами; но увидя, что мы только пуще смѣялись, принялся за насильныя средства, и тутъ началась истинная комедія. Онъ, схватя розгу, ну насъ ею по рукамъ стегать, но мы пуще, не успѣетъ кого ударить, какъ тотъ только «ха! ха! ха!» и насъ подожжетъ тѣмъ только больше. Не пронявшись тѣмъ, ну насъ по головамъ розгою. Но мы пуще; онъ насъ сѣчетъ, а мы «ха! ха! ха!» и отъ смѣха только плачемъ.—Взбѣсился тогда нашъ учитель и по горницѣ вспрыгался. Розгу свою онъ объ насъ всю уже изломалъ. Побѣжалъ за другою, но, по несчастію, другой не находилъ. Сіе показалось намъ еще того смѣшнѣе: когда человѣкъ примется хорошенько смѣяться, тогда ему все смѣшно кажется. Мы опять за то же да за то. Учитель насъ бранитъ, ругаетъ, бѣсится, а мы хохочемъ; наконецъ нѣчѣмъ ему уже насъ пронять. Совался, бѣгалъ, искалъ, шарилъ, но не нашедъ ничего, чѣмъ бы насъ ударить, ну въ насъ швыркомъ книгами; но сіе пуще только нашъ смѣхъ умножило. Одну, бросивъ неосторожно, ра-

зодралъ, у другой перегнулъ и испортилъ доску, третья, отскочивъ отъ насъ, попала въ чернильницу и проливши чернила, замарала столъ и наши бумаги. Боже мой, что тогда поднялось! Мы не въ состояніи уже тогда были ни мало умѣрпвать свой смѣхъ и не хохотали, но ревѣли уже во все горло все сіе увидѣвъ. И я не знаю, чѣмъ бы кончилась сія комедія, если-бъ шумомъ и хохотаніемъ своимъ мы наконецъ генерала не разбудили. Онъ кликнулъ камердинера своего, и мы, услышавъ сіе, начали переставать смѣяться. Потомъ вышелъ онъ къ намъ и учитель приносилъ ему на насъ жалобы, и былъ такъ взбѣшенъ, что не хотѣлъ болѣе жить ни одного дня тутъ въ домѣ. Мы просили прощенія, и признавались, что такой бѣды надъ нами никогда не бывало, и что на насъ нашла такая шаль, которой мы сами были не рады.

Да и въ самомъ дѣлѣ я не помню, чтобъ во всю жизнь мою когда-нибудь подобный сему другой случай со мною былъ. И чудныя по истинѣ со мною происшествія въ семъ домѣ были! — Въ другой разъ и гораздо сего прежде, я цѣлый день, самъ истинно не зная о чемъ, проплакалъ. Но сіе было нѣкоторый родъ предъощущенія душевнаго, ибо около самаго того времени скончалась въ деревнѣ моя родительница.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, истинная пустошь, о которой и упоминать по справедливости труда не стоилобъ; еслибъ вы не любили смѣшного, а всходствіе того разскажу вамъ теперь и другое, бывшее со мною въ сіе же лѣто въ Петербургѣ происшествіе, которое, можетъ быть, также васъ усмѣхнуться заставитъ.

За короткое уже время до отбытія моего отъ сего учителя, попался-было я, любезный пріятель, въ превеликія хлопоты. Молодца совсѣмъ-было подъ караулъ подтянали, и быть было мнѣ въ хорошемъ мѣстѣ, а именно въ госпожѣ-Съѣзжей, или гдѣ-нибудь еще хуже. Однако не думайте, пожалуйте, чтобъ то за какую нибудь великую продерзость было. Лѣта мое не были еще такія, чтобъ я могъ на злочто-нибудь отважиться, а всему была причиною милая и дорогая незрѣлость разума и одна только неосторожность.

Было сіе уже подъ осень и въ началѣ сентября. Вамъ извѣстно, что пятое число сего мѣсяца было въ тогдашнее время отмѣнное, ибо въ сей день было тезоименитство царствовавшей тогда государыни Елисаветы Петровны и праздпованъ былъ оный съ великимъ великолѣпіемъ, и потому дѣланы были къ торжеству сему заблаговременно нѣкоторыя приуготовленія. Какъ г. Масловъ былъ генералъ отъ строенія, то и провѣдали мы, что предъ Лѣтнимъ дворцомъ будетъ въ сей день огромная и великолѣпная иллюминація. Будучи ребенкомъ, можно-ли пропустить, чтобъ на оной не быть и не посмотрѣть рѣдкаго такого и пріятнаго зрѣлища? Я испросилъ дозволеніе на то отъ дяди и получилъ оное.

Иллюминація была въ самомъ дѣлѣ достойная зрѣнія, и я глаза свои растерялъ смотря и любуясь на оную. Она сдѣлана была изъ разноцвѣтныхъ фонарей, которые толикими-же разными огнями быть казались. По обоимъ краямъ представлено было два храма, а посрединѣ въ превеликомъ возвышеніи превеликая картина, изображающая родосскаго колосса, стоящаго ногами своими на двухъ краяхъ гавани, простирающейся въ прошпективическомъ видѣ отъ онаго до самыхъ храмовъ и прикасающейся другими концами къ онымъ. Сей родъ иллюминаціи былъ мнѣ хотя уже извѣстенъ, однако такой огромной и великолѣпной я не видывалъ, и потому смотрѣлъ на оную съ великимъ восхищеніемъ.

Впрочемъ, надобно вамъ сказать, что я ходилъ смотрѣть сію иллюминацію не одинъ; но одинъ живущій въ домѣ у генерала Маслова его племянникъ, г. Тороповъ, лѣтами меня нѣсколько постарѣе, былъ моимъ товарищемъ и предводителемъ. Дядька мой, Артамонъ, также за нами слѣдовалъ. Насмотрѣвшись довольно на иллюминацію, повелъ меня г. Тороповъ на крыльцо самаго дворца и продрался со мною до самыхъ стеклянныхъ дверей

залы, въ которой продолжался тогда балъ и гремѣла огромная музыка. Тутъ представилось зрѣнію моему новое, никогда мною невиданное и не менѣе прелестное зрѣлище. Вся зала наполнена была придворными, знатными господами и госпожами; всѣ они были въ наилучшихъ убранствахъ и упражнялись въ танцованіи. Безчисленное множество свѣчь, горящихъ въ люстрахъ и въ простѣнкахъ освѣщали сію залу. Зрѣлище толико великолѣпное: безчисленное множество брильянтовъ, блистающихъ на головахъ у дамъ придворныхъ, сладкое согласіе музыки и всѣ прочіе предметы, приводили всѣ чувства мои въ восхищеніе. Я не могъ всему сему довольно насмотрѣться, и мнѣ казалось, что въ мѣстѣ семъ былъ сущій тогда рай. Г. Тороповъ, давъ мнѣ зрѣніемъ симъ довольно навеселиться, восхотѣлъ потомъ сдѣлать мнѣ еще одно удовольствіе и показать мнѣ дворцовый садъ, наполненный тогда великимъ множествомъ гуляющаго народа... Но какъ было тогда очень темно, то товарищъ мой, будучи въ артиллерійской службѣ, досталъ тотчасъ нѣсколько факелъ; артиллеристы не запрещали ему брать изъ валяющихся предъ иллюминаціею множества оныхъ. Итакъ, зажегши по факелу, пошли мы гулять по саду по примѣру прочихъ, а принуждены были только оставить нашего лакея, т.-е. моего дядьку, котораго туда съ нами не пропустили. Тамъ гуляли мы нѣсколько времени благополучно, и я не могъ довольно налюбоваться, видя весь садъ наполненный людьми и народомъ и во многихъ мѣстахъ иллюминованный множествомъ плошекъ. Но, возвратившись оттуда, не нашли мы Артамона моего на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставили: онъ не исполнилъ нашего приказанія и, отлучась отъ того мѣста, замѣшался между пародомъ. Итакъ, принуждены мы были искать его между онымъ. Однако, какъ мы ни старались, но отъискать его не могли, а чуть-было и другъ друга не потеряли. Наконецъ положили мы дожидаться, покуда большая часть народа разойдется, надѣясь тогда лучше найтить онаго, но сія надежда насъ обманула. Мы промедлили чрезъ то только за полночь, и хотя весь народъ уже разошелся, котораго было около дворца превеликое множество, но дядьки моего нигдѣ не было.

Горе тогда напало на меня превеликое. Я почиталъ его не инако, какъ погибшимъ, и едва только не плакалъ. Но товарищъ мой уговаривалъ меня и не сомнѣвался въ томъ, что онъ ушелъ домой. Въ семъ мнѣніи онъ и не обманулся, ибо дядька мой, къ несчастію нашему, предъ самымъ только тѣмъ временемъ, какъ намъ выходить изъ сада, отвернулся на нѣсколько минутъ въ сторону и тотчасъ потомъ къ дверямъ сада возвратился, и думая, что мы еще въ саду, дожидался очень долго; намъ же и не ума было опять притти ко входу. Наконецъ, увидѣвъ онъ, что было уже поздно и весь народъ изъ сада вышелъ, а мы нейдемъ, заключилъ, что мы вѣрно вышли и, конечно, ушли домой. Итакъ, поискавъ насъ немного между народомъ въ темнотѣ, бросился онъ домой; но, не нашедъ насъ тамъ, пришелъ въ превеликое замѣшательство и побѣжалъ опять искать насъ, и такимъ образомъ пробѣгалъ и проискалъ насъ почти до свѣта.

Между тѣмъ грусть и тоска переѣла почти насквозь мое сердце. Я за стыдомъ только не плакалъ и, горюя, не зналъ, какъ намъ домой однимъ и такую даль иттить и притомъ въ такую темноту и глухую полночь, ибо разстояніе отъ дворца до насъ было превеликое. Но товарищъ мой былъ меня смѣлѣе и говорилъ мнѣ: «Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно? чего бояться? Дорогу я знаю, а и въ темнотѣ мы не заблудимся, зажжемъ себѣ по факелѣ и пойдемъ». Я далъ себя ему уговорить. Итакъ, запаслись мы довольнымъ числомъ факелъ и, зажегши двѣ, отправились въ свой путь.

Нѣсколько улицъ прошли мы съ нимъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства; факалы наши горѣли изрядно, и мы, по ребячеству своему, тѣмъ веселились. Мы играли ими, вертя кругомъ и от-

брасывая отрывающіеся куски обгорѣлой факалы; но самыя сіи игрушки довели-было насъ до бѣды. Не успѣли мы нѣсколько улицъ пройтить и были уже недалече отъ дома генеральскаго, идучи безъ всякой опасности, какъ вдругъ превеликій мужичина схватилъ обоихъ насъ сзади и во все горло заревѣлъ: «О! о! попалися! Што за люди? зачѣмъ ходите съ огнемъ? Што за игра онымъ»? Мы оцѣпенѣли тогда оба и не знали со страха, что дѣлать, ибо намъ и въ голову никакой опасности не входило и мы почитали себя уже почти дома, а того, что съ голымъ огнемъ въ самую полночь по улицамъ ходить и по-нашему огонекъ расшвыривать было очень худо и неловко, того ни одному изъ насъ и на мысль не приходило. Совсѣмъ тѣмъ, товарищъ мой не такъ оробѣлъ, какъ я, и имѣлъ еще столько смѣлости, что съ важнымъ видомъ спрашивалъ схватившаго насъ мужичину, чтобъ онъ за человѣкъ былъ? и говорилъ ему, чтобъ онъ шелъ прочь и оставилъ насъ съ покоемъ, а въ противномъ случаѣ онъ факалою его въ рожу съѣздитъ. Но храбрость сія не долго продолжалась. Мужичина не успѣлъ сего услышать, какъ еще меньше учтивства употреблять съ нами началъ.—«А, вотъ я те покажу, што я за человѣкъ!» заревѣлъ онъ опять:—«пойдемъ-ка въ будкута со мной — упрыгаешься!» и въ самое то время выхватилъ изъ рукъ у него факолу и потащилъ обоихъ насъ въ свою караульню. Тогда легко могли мы заключить, что это былъ караульщикъ у рогатки, и что дѣло доходитъ до худого. Я трепеталъ тогда отъ страха и умолялъ его всячески.,— «Голубчикъ ты мой!» говорилъ я ему: «мы право не знали, что съ огнемъ ходить не велѣно; пожалуй, отпусти».—О, о, не знали! отвѣтствовалъ бородачъ. Вотъ я васъ проучу; у меня будете знать; а то вы очень бадры. Пойдемъ-ка сюда.—Товарищъ мой, видя, что онъ начинаетъ насъ въ-правду тащить, забылъ тогда болѣе хоробриться и говорилъ ему уже посмирнѣе: — «Слушай, братъ, не заводи шума; мы дѣти генеральскія и домъ нашъ вотъ на этой улицѣ; не трогай насъ и покинь».—Экъна! велика мнѣ нужда, што ты сынъ енеральской, хошь бы фелмаршалской былъ! пошелъ-ка, слышь, пошелъ!... А увидѣвъ, что онъ началъ у него изъ руки вырываться, закричалъ:—«Постой! не уйдешьста», и тянулъ его уже непорядочнымъ образомъ. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ мертвецки пьянъ и не могъ удержать г. Торопова: онъ вырвался у него и далъ тягу. Я старался вырваться также, но, по несчастью моему, попался я ему въ правую руку, а притомъ и не имѣлъ столько силы. А какъ товарищъ мой вырвался, то онъ, взбѣсясь еще пуще, схватилъ меня уже обѣими руками. Я обмеръ тогда и испужался и считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Я умолялъ его всѣми святыми, но ничто не помогало: филистянинъ мой потрясалъ только бородою и рыгалъ изъ себя и отдувался. Наконецъ, видя такую бѣду, началъ и я напрягать всѣ мои силы и изъ рукъ у него рваться. Но не было никакой возможности изъ когтей его освободиться, и я не знаю, что́ бы со мною онъ сдѣлалъ, еслибъ нечаянный случай мнѣ не помогъ. Мужикъ, видя, что я и руками и ногами упираюсь и нейду къ нему въ караульню, разсудилъ, что ему одному со мною не сладить и сталъ будить своего товарища и кричалъ во все горло: «Ванька, а Ванька! вставай, братъ!» Но любезный его Ванька не лучше его былъ, но, знать, еще побольше накушавшись, почивалъ-себѣ, какъ надобно, и только что-то промурчалъ. Тогда осердился мой врагъ и кричалъ: «Экой чортъ! слышишь, пошелъ сюда!» Но какъ Ванька ему ничего болѣе не отвѣчалъ, то, по счастью моему, вздумалось ему пойтить его разбудить. Но онъ не успѣлъ одною рукою меня освободить, чтобъ растворить дверь въ будку какъ рванулся я у него изо всей мочи и, вырвавшись, давай Богъ ноги—и опъ до тѣхъ поръ меня и видѣлъ.

Но тутъ-то бы, любезный пріятель, посмотрѣть, въ какомъ неописанномъ бѣжалъ я страхѣ! Повѣрите ли, безъ смѣха

и теперь не могу вспомнить тогдашней моей трусости. Я бѣжалъ безъ ума, безъ памяти и призывалъ всѣхъ святыхъ себѣ на помощь, а особливо святого Сергія, мимо котораго церкви мнѣ бѣжать случилось. «Батюшка ты мой Сергій чудотворецъ, говорилъ я тогда, избавь ты меня отъ врага окаяннаго! Цѣлыхъ два молебна тебѣ отслужу и гривенную свѣчу поставлю, сохрани только и помилуй!». Симъ образомъ, самъ не зная что говорилъ, продолжалъ я неоглядкою бѣжать и, сколько помнится, началъ уже третій молебенъ сулить, какъ нечаянно оглянувшись, позади себя въ нѣкоторомъ разстояніи идущаго съ фонаремъ человѣка увидѣлъ. Мнѣ въ первомъ ужасѣ онъ неинако, какъ караульщикомъ показался, и малодушіе мое было столь велико, что я чуть-было не упалъ на мѣстѣ, но, опамятовавшись, увидѣлъ, что то былъ посторонній. Итакъ, отдохнулъ я нѣсколько отъ своего страха и достигъ потомъ благополучно до генеральскаго дома, откуда я уже не пошелъ одинъ домой, но ночевалъ тутъ съ г. Тороповымъ, несмотря, что́-бъ обо мнѣ дядя мой ни подумалъ. Сей и въ самомъ дѣлѣ былъ въ сумнѣніи, чтобъ со мною чего не сдѣлалось, и послалъ нѣсколько людей меня искать; поутру же, какъ я пришелъ, далъ мнѣ изрядную погонку.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, мое приключеніе. Болѣе сего не случилось со мною ничего, въ-особливости примѣчанія достойнаго, чего ради, возвратясь опять къ дѣлу, разскажу вамъ остальное о тогдашнемъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

Между-тѣмъ, какъ все сіе происходило и я вышеупомянутымъ образомъ ходилъ попрежнему учиться всякій день къ г. Маслову, считали мы съ дядькою почти всѣ дни и минуты, и горѣли нетерпѣливостію дождаться скорѣе лошадей изъ Пскова отъ сестры моей. Уже наступилъ сентябрь мѣсяцъ, и намъ казалось, что уже время бы имъ быть, но какъ онѣ не ѣхали, то сіе начинало уже насъ и озабочивать. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ласкали себя все еще вѣрною надеждою, что онѣ будутъ, то усугубилъ я мои просьбы и представленія, что мнѣ необходимо надобно скорѣй домой ѣхать и просилъ дядю объ отпущеніи меня, упоминая между тѣмъ и о генералѣ Масловѣ, а именно будто во всемъ домѣ его говорятъ, что онъ скоро въ Москву поѣдетъ. Сіи просьбы и представленія довели, наконецъ, дядю моего до того, что онъ, наскучивши оными, началъ уже почти на то соглашаться.

Въ самое сіе время, къ великому обрадованію нашему, пріѣхала за нами и столь давно ожидаемая коляска. Сестра моя, получивъ мое письмо и возжелавъ съ великою нетерпѣливостью меня у себя видѣть, съ охотою исполнила мою просьбу. При отправленіи оной писала она къ дядѣ, благодарила за содержаніе меня у себя и просила о скорѣйшемъ меня отпущеніи. Сіе показалось ему очень странно и удивительно, и онъ догадывался, что это дѣлалось по моимъ проискамъ; однако я въ томъ запирался, да и сестра, по счастію моему, не упомянула о томъ ни единымъ словомъ.

При такихъ обстоятельствахъ вымышленное нами отбытіе генерала въ Москву имѣло желаемое дѣйствіе. Дядѣ моему было сіе хоть невѣроятно, однако онъ казался тому вѣрить, и, не хотя при томъ отослать сестриныхъ людей назадъ порожнихъ, рѣшился наконецъ меня отъ себя отпустить. О, какая была для меня тогда радость! Я вспрыгался, услышавъ о томъ отъ дяди, и побѣжалъ сообщать дядькѣ моему сіе извѣстіе. Но радость сія, по справедливости, была ребяческая и основанная на глупости.

По изготовленіи всего къ отъѣзду, поѣхали мы съ дядею моимъ къ генералу, для объясненія ему, что мнѣ необходимо надлежало въ домъ отправиться и чтобъ принесть ему за оказанное имъ намъ благодѣяніе должное благодареніе. Вы не повѣрите, любезный пріятель, сколько мучитъ меня и понынѣ совѣсть при воспоминаніи сего случая. Я обманулъ тогда родственника, старающагося обо мнѣ какъ о сынѣ и желающаго употребить

все возможное въ мою пользу. Но тогда казалось мнѣ все сіе бездѣлицею, и я безчувственно смотрѣлъ на тотъ стыдъ, который дядя мой принужденъ былъ вытерплвать въ бытность свою у генерала, и чего оба мы съ дядькою не могли предвидѣть, ибо дядя мой тотчасъ въ разговорахъ упомянулъ, что беретъ меня отъ учителя болѣе для того, что его превосходительство намѣренъ вскорѣ отправиться въ Москву. Сіе привело генерала въ немалое удивленіе, и онъ не могъ отъ смѣха удержаться; дядя же мой краснѣлъ и не зналъ, что сказать, когда услышалъ, что того никогда и на умѣ у генерала не бывало. Какъ бы то ни было, но дядѣ казалось уже неприлично перемѣнить свое намѣреніе, почему, поблагодаривъ и распрощавшись, поѣхали мы назадъ въ квартиру, гдѣ принужденъ я былъ вытерпѣть отъ дяди моего превеличайшую гонку. Но я достоинъ былъ розогъ, а дядька мой плетей, и я тужу и понынѣ, что онъ меня за то хорошенько не высѣкъ.

Такимъ образомъ отбылъ я и отъ сего послѣдняго моего учителя; ибо послѣ него уже я не имѣлъ никакого и окончилъ свое ученіе слишкомъ рановременно. Въ нѣмецкомъ языкѣ, живучи и въ сей разъ въ Петербургѣ, я ничего не поправился, но паче еще больше позабылъ изъ онаго, а и французскій не совершенно выучилъ. Самую геометрію, къ которой я великую охоту получилъ, не могъ я, за отбытіемъ моимъ, окончить. Итакъ, видите изъ сего, любезный пріятель, что я формальнымъ образомъ весьма немногому въ малолѣтствѣ ученъ былъ, и что сіе немногое ученіе весьма бы не въ состояніи было приобрѣсть мнѣ потомъ имя ученаго человѣка, еслибъ послѣ того не способствовала много къ тому врожденная во мнѣ склонность къ наукамъ и нѣкоторыя другія обстоятельствы. Ибо хотя бы положить, что я помянутымъ обоимъ языкамъ, также ариѳметикѣ и геометріи и совершенно былъ выученъ, но все сіе единственнымъ только преддверіемъ къ прямымъ наукамъ почесться можетъ; и тѣ крайне обманываются, которые въ томъ всю уже ученость полагаютъ, и знающаго по-нѣмецки и по-французски ужеученымъ человѣкомъ называютъ, хотя такой человѣкъ весьма еще отдаленъ отъ того, чтобъ могъ по справедливости носить имя ученаго человѣка.

Вскорѣ послѣ того, распрощавшись съ дядею моимъ и принеся ему за всѣ милости его достодолжное благодареніе, отправился я изъ Петербурга и поѣхалъ къ сестрѣ моей. А какъ симъ кончилась вся моя подвластная жизнь, то окончу и я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и проч.

Письмо 19-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, сдѣлавшись надъ поступками своими совершеннымъ властелиномъ и отправившись въ путь, продолжалъ я путешествіе свое не безъ скуки, а особливо по причинѣ тогдашней осенней погоды и наступающей уже стужи, ибо было сіе уже въ началѣ октября мѣсяца. Привыкнувъ уже нѣкоторымъ образомъ къ многолюдству, скучно мнѣ было тогда одному, и потому препровождалъ я время свое въ распѣваніи и танапаканіи любовныхъ пѣсенокъ, выученныхъ и затвержепныхъ мною въ Петербургѣ и въ читаніи печатной трагедіи «Артистоны», которая, не помню по какому случаю, мнѣ досталась и была первая, которую я въ жизнь мою читывалъ; впрочемъ ѣхалъ я съ наполненною самолюбіемъ головою. Я уже упоминалъ, что, живучи въ Петербургѣ, навыкъ я нѣсколько свѣтскому обхожденію и лишился многихъ деревенскихъ грубостей. Сіе исправленіе было мнѣ свѣдомо, но я увеличивалъ оное уже слишкомъ много въ моихъ мысляхъ и почиталъ себя уже совершенно свѣтскимъ и обхожденіе знающимъ человѣкомъ и думалъ тѣмъ удивить весь сестринъ околотокъ. Однако, въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ много обманывался, и былъ еще не что иное, какъ застѣнчивый и стыдливый ребенокъ, имѣющій о свѣтскомъ обхожденіи первѣй-

шія только понятія. Но какъ бы то ни было, но чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ я благополучно въ Новгородъ, а оттуда во Псковъ, а потомъ, 12-го октября, и въ домъ къ моему зятю, г. Неклюдову, отстоящему отъ Пскова верстъ за 80.

Хотя пріѣзда моего тутъ и ожидали, и опъ былъ не нечаянный, однако радость была не меньше, какъ и при неожидаемомъ: сестра и зять мой приняли меня чрезвычайно пріятно, а особливо первая была очень рада. Я могу сказать, что сія сестра любила меня во всю жизнь очень горячо и по смерти моей матери была мнѣ вмѣсто оной. Она, увидѣвъ меня тогда впервые по кончинѣ нашихъ родителей, не могла безъ слезъ меня встрѣтить. Мужемъ ея, а моимъ зятемъ, былъ я не менѣе доволенъ. Онъ былъ совсѣмъ отмѣннаго сложенія, нежели меньшій мой зять и, имѣя несравненно лучшій нравъ, почитался всѣми тихимъ, смирнымъ, добронравнымъ и дружелюбнымъ человѣкомъ. Онъ, любя сестру мою и живучи съ нею въ совершеннѣйшемъ согласіи, принималъ и меня всегда такъ, какъ надобно толь близкаго родственника.

Я нашелъ ихъ прямо благополучную деревенскую жизпь препровождающихъ. Все у нихъ было хорошо и все порядочно. Домикъ изрядный, сосѣдство довольное и ихъ любящее, достатокъ хорошій, всѣмъ они были довольны и всѣмъ изобильны. Одного только имъ недоставало, а именно дѣтей. Всѣ бывшія до того помирали въ самомъ еще младенчествѣ, и судьбѣ не угодно было утѣшить ихъ симъ даромъ. Правда, въ тогдашнее время былъ у нихъ одинъ мальчикъ, но сестра моя никакъ не думала, чтобъ и сей остался въ живыхъ. Она родила его за нѣсколько времени предъ моимъ пріѣздомъ и его звали Михаиломъ.

По свойственному всѣмъ женщинамъ суевѣрію, чего и чего она не дѣлала для мнимаго сохраненія дѣтей въ живыхъ: и образа-то по мѣркѣ съ рожденнаго писывала, и четыре-то рождества на одной иконѣ изображала, и крестить-то заставляла первыхъ встрѣтившихся и прочее тому подобное, но все не помогало. Наконецъ сказали ей, что надобно въ отцы и матери крестныя такихъ людей съискать, которыя бы точно такихъ именъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ. Сіе постаралась она сдѣлать при крещеніи сего сына и потому крестили его одинъ изъ ихъ лакеевъ, который по случаю имѣлъ точное имя зятя моего, а въ кумы насилу отъискали одну маленькую крестьянскую дѣвчонку. Вотъ до какихъ глупостей доводитъ насъ иногда суевѣріе и какими вздорами хотимъ мы власно какъ насильно приневолить Творца сдѣлать то, что намъ хочется! Совсѣмъ тѣмъ мальчикъ сей остался живъ и сдѣлался потомъ единымъ ихъ наслѣдникомъ — обстоятельство, происшедшее вѣрно не отъ того, аотъ воли небесъ, но могущее многихъ женщинъ утвердить въ семъ суевѣріи.

Не успѣлъ я, пріѣхавши къ нимъ, еще осмотрѣться, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними готовиться къ одному знаменитому торжеству. Случилось такъ, что чрезъ день послѣ того была сестра моя именинницею. Зять мой, будучи по тамошнему мѣсту неубогій дворянинъ, имѣлъ обыкновеніе всѣ такіе дни праздновать отличнымъ образомъ, и потому засталъ я ихъ дѣлающихъ къ тому всѣ нужныя приготовленія. Какъ мнѣ сказали, что у нихъ въ сей день множество гостей будетъ, то, мечтая въ умѣ своемъ, что мнѣ при семъ случаѣ можно будетъ себя показать, велѣлъ и я разбираться и приготовилъ для себя наилучшее мое платье. Дядя приказалъ сшить мнѣ оное предъ самымъ почти моимъ отъѣздомъ, и оно было тогда самое модное и довольно богатое. О! еслибъ нынѣ убрать кого-нибудь въ таковое, какимъ-бы шутомъ онъ намъ показался! Было оно синее, суконное, съ бѣлыми большими разрѣзными обшлагами и бѣлымъ суконнымъ же камзоломъ и исподнимъ платьемъ. Пуговицы повсюду гладкія, золотыя, а петли по всѣмъ мѣстамъ обшиты широкими золотыми бптными балетами. Зять и сестра расхвалили оное въ прахъ, и послѣдняя была

въ-особливости рада, что ей не стыдно будетъ показать меня гостямъ своимъ.

Торжество было и въ самомъ дѣлѣ нарочито-великое. Сколько ни было въ ближнемъ сосѣдствѣ дворянъ, всѣ присутствовали на ономъ, и пробыли не только весь день, но и другого половину. Наизнаменитѣйшій изъ всѣхъ гостей былъ нѣкто г. Суморoцкій, по имени Петръ Михайловичъ. Господинъ сей былъ богатый дворянинъ по городу Пскову и имѣлъ полковничій чинъ. Настоящій его домъ былъ неподалеку отъ города, а тутъ имѣлъ онъ другой, куда предъ недавнимъ временемъ онъ на осень пріѣхалъ. Зять мой имѣлъ къ нему особливое почтеніе и считалъ его себѣ хорошимъ другомъ, чего онъ по разуму и добродушію своему былъ и достоинъ; впрочемъ, былъ онъ человѣкъ ласковый, благопріятный и въ компаніяхъ веселый. Онъ былъ тогда у насъ съ женою своею, также боярынею весьма разумною и почтенія достойною и меньшою своею дочерью, которая одна при немъ тогда и была, дѣвочкою моихъ почти лѣтъ, весьма разумною и воспитанною весьма порядочно.

Другимъ гостемъ былъ самый ближайшій сосѣдъ зятя моего, по фамиліи также Суморoцкій, а по имени Василій Степановичъ, дворянинъ не весьма богатый, мужичоночка маленькій, тоненькій, черненькій, съ навислыми надъ глазами превеликими бровями, и имѣющій жену прѣтолстую и предородную и превеликое семейство, состоящее изъ однѣхъ дочерей, изъ коихъ иныя были уже нарочито-велики, а иныя еще малы. Съ нимъ было тогда три. Впрочемъ же былъ онъ человѣкъ ласковый и предобрый.

Третій гость былъ нѣкто г. Брылкинъ, дворянинъ, имѣющій довольной достатокъ и имѣющій жену, боярыню бойкую и небольшую еще дочь. Самъ же былъ онъ изъ простаковъ, любившій отмѣнно курить табакъ и выпить иногда лишнюю рюмку вина; впрочемъ въ обхожденіи довольно изрядный и ласковый.

Кромѣ сихъ трехъ фамилій, которыя были мнѣ всѣхъ прочихъ памятнѣе, было еще нѣсколько другихъ, но которыхъ я уже и позабылъ. Зять мой и сестра старались всѣхъ ихъ угостить наивозможнѣйшимъ образомъ. Всѣ они ласкались ко мнѣ, какъ къ новоприѣзжему, и всякій рекомендовалъ себя въ любовь и знакомство. Но ни чьими ласками я такъ доволенъ не былъ, какъ г. Суморoцкаго П. М. Онъ тотчасъ ко мнѣ адресовался, сказавъ мнѣ, что онъ весьма знакомъ былъ моему родителю и считалъ его себѣ другомъ; просилъ, чтобъ я его любилъ...; потомъ разспрашивалъ о Петербургѣ и о томъ, гдѣ я, у кого и долго-ли и чему учился, и былъ всѣми моими отвѣтами доволенъ; словомъ, я имѣлъ счастіе какъ ему, такъ и всѣмъ гостямъ полюбиться; а сверхъ того и для сестры моей, которую они всѣ любили, изъявляли они мнѣ напрерывъ другъ предъ другомъ свои ласки.

Обѣдъ былъ подлинно праздничный, и хоть бы и не въ деревнѣ, и продолжался нѣсколько часовъ. Псковскіе дворяне любили тогда быть веселы и заставливать въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. Понабравшись немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще далѣе. У г. Суморoцкаго была своя музыка; зять мой постарался о томъ, чтобъ онъ привезъ ее съ собою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ; ежели скрипички двѣ-три и умѣли играть польскіе и миноветы и контратанцы, такъ и довольно. Немногіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ колясках, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ. Таковаго рода музыка была и у г. Суморoцкаго; ее заставили тотчасъ послѣ обѣда играть и господа затѣяли деревенскіе танцы. Я, увидѣвъ сіе, трепеталъ, чтобъ не заставили меня открывать балъ, и чего я опасался, то и сдѣлалось. Какъ изъ всѣхъ я былъ моложе, то хотѣли, чтобъ я началъ танцы. Къ вящему моему нестроенію, не было никакихъ иныхъ мнѣ сверстниковъ и товарищей, а я еще въ первый день сестрѣ проболтался, что я танцовать умѣю. Горе на меня тогда было превеликое. Танцовать я въ Петербургѣ хотя и тан-

цовывалъ, но, не учась никогда порядочно сему искусству, не имѣлъ о порядочномъ танцованіи ни малѣйшаго еще понятія, а тутъ надлежало танцовать одному, предъ всѣмъ обществомъ и власно какъ на театрѣ, и притомъ еще миноветъ. Какъ можно было на сіе отважиться и пуститься, а особливо въ такомъ обществѣ, которому свѣтское обхожденіе не менѣе было знакомо, какъ и петербургскимъ жителямъ? Все мое высокое мнѣніе о себѣ исчезло въ единый мигъ, какъ-скоро я всѣхъ нашихъ гостей увидѣлъ; но сего было еще не довольно. Я одурачилъ даже себя предъ всѣми гостями, начавъ сперва отнѣкиваться отъ танцевъ и извиняться неумѣніемъ, а потомъ такъ зартачившись, что не могли произвесть ничего всѣ просьбы и убѣжденія моей сестры и зятя, и доведя наконецъ до того, что г. Суморощкій заставилъ дочь свою подойтить ко мнѣ и звать танцовать съ собою.

Я сгорѣлъ тогда отъ стыда, а особливо увидя, какъ послушлива была дочь г. Суморощкаго. Одного шепнутаго отцомъ ей слова довольно было къ тому, чтобъ ей пойтить, а меня не могли убѣдить всѣ просьбы и ласковыя уговариванія. Нечего тогда мнѣ было дѣлать, я принужденъ былъ иттить и, не помня самъ себя, танцовать миноветъ первый. Совсѣмъ тѣмъ меня похвалили, а сіе меня такъ ободрило, что я съ того часа сдѣлался смѣлѣе и во весь день и вечеръ протанцовалъ со всѣми барышнями, безъ всякаго приневоливанія; ибо могу сказать, что сіе упражненіе было мнѣ всегда пріятно, и я во всю мою жизнь былъ охотникъ до танцевъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ упражнялись въ танцахъ; боярыни занимались карточною игрою. Любимая у всѣхъ и лучшая игра была тутъ памфелъ. Что-жъ касается до господъ, то сіи упражнялись, держа въ рукахъ то-и-дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться. Музыка должна была играть то, что имъ было угодно, и по большей части русскія лясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты и дѣлать имъ компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями; а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣсни пѣть лакеи; и такъ, попеременно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ, до самаго ужина. Но никто изъ гостей такъ мнѣ въ сей вечеръ не надоѣлъ, какъ помянутый господинъ Брылкинъ. Человѣкъ онъ былъ самый неуклюжій, но шутливый. Во весь вечеръ все сватался мнѣ и рекомендовалъ невѣсть и совѣтовалъ жениться у нихъ во Псковщинѣ; а какъ ничѣмъ меня, какъ застѣнчиваго ребенка, такъ скоро въ стыдъ и смущеніе привесть было не можно, какъ симъ пунктомъ, то надоѣлъ онъ мнѣ какъ горькая рѣдька, и я принужденъ былъ отъ него даже бѣгать и скрываться.

Гости всѣ у насъ ночевали и на другой день обѣдали, и не прежде разъѣхались какъ уже передъ вечеромъ. Для меня торжествы сего рода были до того времени совсѣмъ необыкновенны, ибо въ нашихъ мѣстахъ подобныхъ тому я никогда еще не видалъ, и они мнѣ полюбились.

Чрезъ день послѣ того, званы мы на такой же обѣдъ къ маленькому г. Суморощкому, живущему отъ зятя моего версты только четыре. Я охотно поѣхалъ туда вмѣстѣ съ сестрою и зятемъ. Тутъ были всѣ тѣ же гости, которые были у насъ, и была опять музыка и танцованье; а чрезъ нѣсколько дней послѣ того звалъ насъ всѣхъ г. Брылкинъ, и какъ онъ жилъ нѣсколько подалѣе, то мы не только у него обѣдали, но также и ночевали. А не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ пріѣхали звать также отъ старика г. Суморощкаго. Сей хотѣлъ также всѣхъ сосѣдей угостить, и, можно сказать, что удовольствовалъ всѣхъ до избытка.

Въ сихъ торжествахъ, съѣздахъ и увеселеніяхъ, нечувствительно протекло недѣли двѣ времени. Я столько занятъ былъ оными, что и не видалъ, какъ онѣ прошли. Наконецъ вспомнилъ я, что мнѣ время помышлять уже и объ отъѣздѣ въ

домъ. Но не успѣлъ я упомянуть о семъ, какъ сестра мнѣ и говорить не дала:—«И, статочное ли дѣло, братецъ! чтобъ я тебя прежде зимы домой отпустила! И не говори-таки мнѣ о томъ». А зять подхватилъ:—«Поживи, братецъ, у насъ и повеселись съ нами; что тебѣ одному дома дѣлать, а у насъ не скучно. Вотъ на сихъ дняхъ начнется у насъ звѣриная ловля тенетами; ты не видывалъ опой и тебѣ забава сія полюбится. Мы условились уже, чтобъ съѣзжаться намъ послѣзавтрева для начала. Ну, какъ не быть тебѣ съ нами? Пожалуй, сударь, погости у насъ. Мы тебѣ очень рады, а и всѣ сосѣди наши тебя полюбили».

Что мнѣ тогда было дѣлать и какъ можно было не согласиться? Помянутое увеселеніе въ самомъ дѣлѣ началось вскорѣ и мнѣ столько полюбилось, что я никогда не скучалъ ѣзжать съ ними вмѣстѣ на сію охоту. Производится она тамъ особливымъ образомъ. Поелику мѣста тамъ наиболѣе лѣсистыя, то охотники выбираютъ нѣкоторую часть лѣса, о которой надѣются, что въ ней звѣрей довольно, окидываютъ оную съ одной стороны премножествомъ тенетъ полуциркулемъ или дугою, а потомъ главный ловчій набираетъ колико можно болѣе людей и ребятишекъ съ трещотками и обстанавливаетъ ими всѣ прочія стороны назначенной части лѣса, становя ихъ не на далекое другъ отъ друга разстояніе и такъ, чтобъ всѣ они съ тенетами составили превеликій и обширный кругъ и захватили множества лѣса. Все сіе производитъ онъ съ превеликимъ молчаніемъ и безъ всякаго шума, и всякому человѣку даетъ наставленіе, въ которую сторону ему потомъ итти, самъ же становится посрединѣ оныхъ. Между тѣмъ другой разстанавливаетъ такимъ же образомъ господъ за тенетами внутри охваченнаго круга и саженъ на пять отъ тенетъ, а саженъ на 20 другъ отъ друга. Каждаго становитъ онъ лицомъ къ тенетамъ и для каждаго выбираетъ такое мѣсто, чтобъ онъ сзади прикрытъ былъ какимъ-нибудь кустарникомъ. Потомъ даетъ каждому наставленіе, что ему дѣлать, а именно—чтобъ стоять тихо и смирно и отнюдь не шумѣть и, увидѣвъ звѣря, прежде не кричать, покуда онъ его не пробѣжитъ уже мимо и между имъ и тенетами находится будетъ. По учиненіи сего всего, подаетъ главный ловчій сигналъ, и тогда вдругъ всѣ разставленные съ трещотками люди поднимаютъ превеликій вопль и крикъ и трещатъ въ свои трещотки и, выпугивая звѣрей изъ всѣхъ кустовъ и трущобъ, мало-по-малу начинаютъ итти въ сторону къ тенетамъ и между собою сближаться такъ, чтобъ всѣмъ имъ вдругъ приттить къ тенетамъ. Звѣри, услышавъ вдругъ такой крикъ и шумъ, натурально перетревоживаются и бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ крика, не зная, что тамъ дожидаются ихъ тенеты и самые ловцы. Они бѣгутъ безъ всякаго опасенія и столь спокойно, что иногда меньше нежели на сажень пробѣгаютъ мимо стоящихъ за кустами охотниковъ; но тогда сіи вдругъ на нихъ ахаютъ и кричатъ и тѣмъ такъ ихъ перепугиваютъ, что они безъ памяти бросаются прямо въ тенета и запутываются въ оныхъ. Тутъ прибѣгаетъ къ нимъ охотникъ и береть его либо живьемъ, либо прикалываетъ.

Мнѣ случалось самому стаивать симъ образомъ позади тенетъ, и нерѣдко имѣть удовольствіе видѣть пробѣгающихъ мимо себя зайцевъ и вгонять ихъ въ тенета. Съ какимъ удовольствіемъ слушаешь, бывало, начавшійся вдали и вдругъ и въ разныхъ сторонахъ, и часъ-отъ-часу ближе приближающійся крикъ и трещаніе трещотокъ! Вся величина обхваченнаго круга и части лѣса сдѣлается тогда ощутительна для всякаго. Но какимъ нѣжнымъ трепетомъ начинаетъ у каждаго трепетать сердце, когда трещотки начнутъ приближаться и приходитъ время звѣрямъ бѣжать! Стоишь, бывало, ни кукнешь и, сжавъ сердце, смотришь на бѣгущихъ иногда подлѣ самого тебя звѣрей, и, завидѣвъ тенета, употребляющихъ иногда всякія хитрости къ спасенію себя отъ нихъ. И какое удовольствіе бывало

іогда, какъ вдругъ крикомъ испугаешь звѣря и вгонишь въ тенета! Никогда не случалось того, чтобъ мы, выѣхавъ на сію ловлю, не наловили и не привезли съ собою къ боярынямъ множества звѣрей. Сіи съѣзжались обыкновенно къ вечеру въ тотъ домъ, который случался ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ у насъ производилась ловля, и тогда тутъ и препровождали мы тотъ вечеръ въ разныхъ увеселеніяхъ и ужинывали.

Въ сихъ и подобныхъ сему и безпрерывныхъ увеселеніяхъ, прошла у насъ непримѣтно вся достальная осень; а что было далѣе, упомяну въ письмѣ послѣдующемъ, сказавъ вамъ между-тѣмъ, что я есмь, и прочая.

Письмо 20-е.

Любезный пріятель! Наконецъ наступили морозы и выпалъ снѣжокъ. Какъ сіе, такъ и отъѣздъ г. Суморощкаго изъ тамошнихъ предѣловъ въ настоящее свое жилище, прервалъ нѣсколько наши прежнія увеселенія. Однако, вмѣсто того, начались у насъ новыя упражненія и забавы. Зять мой былъ превеликій охотникъ до рыбной ловли. Наилучшую изъ всего года рыбную ловлю производили у него по первому и самому еще тонкому льду; и сего времени дожидался уже онъ съ великою нетерпѣливостью. Верстъ за двадцать отъ него находилось одно нарочитой величины озеро. Было оно хотя не въ его дачахъ, однако онъ имѣлъ дозволеніе ловить въ немъ рыбу. Не успѣло озеро сіе замерзнуть и ледъ такъ толстъ сдѣлаться, что могъ поднимать человѣка, какъ зять мой со мною тотчасъ туда на нѣсколько дней отправился. Неводъ у него былъ превеликій и саженъ въ триста. Мнѣ отъ-роду не случалось видать ловленіе рыбы такою большою снастью, и потому зрѣлище сіе было для меня и ново, и любопытно, и увеселительно. Великое множество людей упражнялось въ сей работѣ. Тоня захвачена была превеличайшая. Иные прорубали большія и малыя пролуби, иные пропускали шесты и протягивали подъ льдомъ веревки, иные тянули оные воротами, ибо по величинѣ невода инако было не можно. Я хотя набрался сначала ѣздючи съ зятемъ въ маленькихъ саняхъ по тонкому и трещащему еще льду, множества страха, но заплаченъ былъ съ лихвою за то неописаннымъ удовольствіемъ при смотрѣніи того, какъ рыба бѣжитъ и отъ невода себя спасти старается. Прорубили для сего маленькую пролубочку за нѣсколько десятковъ саженъ впереди отъ главной и той пролуби, въ которую надлежало вытаскивать неводъ. На сію пролубку положили меня и, приказавъ мнѣ смотрѣть въ нее въ воду, покрыли меня епанчою. И что же я тогда увидѣлъ? Безчисленное множество большихъ и среднихъ и малыхъ рыбъ бѣжало тогда взапуски одна предъ другою, стараясь уйтить отъ влекомаго невода. Мнѣ ихъ всѣхъ видѣть и въ точности разсмотрѣть было можно. Темнота, производимая сверху епанчею, дѣлала то, что въ водѣ было такъ свѣтло, какъ въ горницѣ, и можно было все до самаго дна видѣть и малѣйшую рыбку разсмотрѣть. Зрѣлище таковое меня поразило. Я смотрѣлъ съ восхищеніемъ на все въ водѣ происходящее и не могъ разновидности, скорости и проворству рыбъ въ бѣганьи надивиться; и какъ онѣ всѣ бѣжали отъ невода и нѣкоторыя только имъ навстрѣчу, то сожалѣлъ я, что всѣ онѣ уйдутъ и не попадутъ въ неводъ. Однако меня увѣрили о противномъ, сказавъ, что впереди закинуты сѣти и другіе невода, и что рыбѣ никуда уйтить не можно. А сіе и совершилось дѣйствительно. Я во всю жизнь мою, ни прежде, ни послѣ, не видывалъ въ кучѣ такого великаго множества живыхъ рыбъ, какое вытащено было тогда симъ неводомъ. Всю корму на ледъ вытащить не было никакой возможности: и неводъ бы прорвался и ледъ обломился бы отъ тягости. Принуждены были такъ изъ кормы и черпать ее черпалками и сыпать въ подвозимыя сани Нѣсколько десятковъ возовъ насыпали и нагрузили оною, и досталось довольно

ея и господину и на часть ловцамъ и рыболовамъ.

Я въ-прахъ иззябъ, смотря и любуясь симъ новымъ и невиданнымъ никогда мною зрѣлищемъ, и какъ намъ притомъ ѣсть хотѣлось, то вышли мы съ зятемъ на ближній берегъ. Тутъ дожидались уже насъ раскладенные многіе огни и поваръ, приуготовляющій намъ изъ поймапныхъ рыбъ обѣдъ. Во всю жизнь мою не ѣдалъ я рыбу съ такимъ аппетитомъ, какъ проголодавшись тогда, ибо обѣдали мы уже передъ вечеромъ; въ-особливости же вкусны для меня были превеликіе въ поларшина окуни, прямо изъ воды распластанные и по усыпаніи солью на угольяхъ печеные. Словомъ, удовольствіе наше было совершенное.

Неподалеку отъ сего мѣста жилъ одинъ богатый псковской дворянинъ, по имени Иванъ Ивановичъ Темашовъ. Какъ зятю моему былъ онъ знакомецъ и другъ, то расположились мы ѣхать къ нему ночевать и привезть съ собою цѣлый возъ наилучшей рыбы въ гостинецъ. Господинъ Темашовъ, бывшій тогда всю осень не очень здоровымъ, былъ намъ чрезвычайно радъ. Онъ расположился тотчасъ сдѣлать для насъ торжество, и на другой день къ обѣду съѣхалось къ нему все ближнее дворянство, и въ томъ числѣ нѣкоторые и изъ нашихъ, ближе къ нему живущихъ. У г. Темашова было превеликое семейство, состоящее изъ однихъ дочерей, а поелику была также и музыка, то послѣ обѣда завели и танцы, и мы прогостили у него сутки двое и были угощеніемъ его очень довольны. Между тѣмъ готовили на озерѣ другія тони. Мы заѣзжали на оное въ самое то время, когда вытаскивать было надобно, и имѣли удовольствіе видѣть еще множайшее количество рыбъ пойманныхъ, такъ что мы возвратились къ сестрѣ моей съ богатою добычею. Рыбы не только на весь постъ довольно было всему двору, но и великое множество оной еще и продано и раздарено сосѣдямъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ сего краткаго путешествія выпалъ большой снѣгъ и сдѣлалась совершенная зима. Дядька мой отдуху мнѣ не давалъ, чтобъ я поспѣшалъ домой ѣхать; но мнѣ уже не таково усильно туда ѣхать хотѣлось. Я привыкъ къ тутошнимъ увеселеніямъ и забавамъ, и мнѣ жить у сестры было не мало не скучно; совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я однажды упомянуть, что мнѣ время бы и домой ѣхать. Но сестра и зять мой, привыкнувши ко мнѣ и будучи сообществомъ моимъ довольны, не только старались отъѣздъ мой еще оттянуть, но и уговаривать всячески, чтобъ я прожилъ у нихъ всю зиму и дождался весны и лѣта. Они употребили все, что можно было къ преклоненію меня къ сему ихъ желанію: они представляли мнѣ, что и ѣхать зимою холодно, и жить мнѣ въ деревнѣ зиму одному будетъ скучно, и дѣлать мнѣ тамъ вовсе нечего, и такъ далѣе. Словомъ, они пасказали мнѣ столько резоповъ и присовокупили къ тому столько ласкъ и убѣдительныхъ просьбъ, что я, наконецъ согласился и далъ имъ слово пробыть у нихъ до весны, чѣмъ сестра моя чрезвычайно была обрадована и меня въ-прахъ за то разцѣловала.

Такимъ образомъ расположившись остаться у нихъ до весны, началъ я препровождать зиму въ разныхъ упражненіяхъ. Какъ въ сіе время съѣзды и свиданія съ сосѣдями и деревенскія увеселенія хотя и продолжались, но не такъ часто, какъ прежде, то я прочее время дѣлилъ наиболѣе съ зятемъ и сотовариществовалъ ему во всѣхъ его упражненіяхъ. Зять мой хотя не имѣлъ склонности къ наукамъ и въ молодости своей, кромѣ грамоты, ничему ученъ не былъ, но за то имѣлъ онъ природную склонность и охоту ко всякимъ мастерствамъ, рукодѣліямъ и художествамъ, и потому имѣлъ въ домѣ у себя разныхъ мастеровыхъ и художниковъ. Были у него столяры и токари, былъ изрядный рѣзчикъ, кузнецъ, слесарь, сѣдельникъ, нѣсколько человѣкъ ткачей, портныхъ, сапожниковъ и другихъ подобныхъ тому мастеровыхъ и рукодѣльныхъ людей. Словомъ, онъ любилъ, чтобъ у него всѣ люди были въ упражненіи и непраздно хлѣбъ ѣли, а нерѣдко и самъ кое въ чемъ

изъ мелочей упражнялся и что-нибудь шишлялъ,мастерилъ и дѣлалъ. У него были цѣлые ящики всякаго рода собственныхъ своихъ инструментовъ и часто случалось, что онъ по нѣскольку часовъ просиживалъ, либо обтачивая что-нибудь, либо согибая, и прочее тому подобное; въ-особливости же былъ онъ великій мастеръ дѣлать изъ иголъ рыболовные крючки съ зазубрями, которые были ему и надобны, по причинѣ, что онъ превеликій охотникъ былъ до уженія удами рыбы.

Какъ зять мой, по сей склонности и охотѣ своей къ художествамъ, имѣлъ обыкновеніе почти всякій день ходить и осматривать упражненія и работы своихъ мастеровыхъ, то хаживалъ и я вмѣстѣ съ онымъ. Сіи частыя посѣщенія оныхъ не только меня увеселяли, но послужили мнѣ въ особливую и такую пользу, какой я нимало не ожидалъ. Я не только узналъ всѣ сіи до того мною невиданныя работы и мастерства, и не только получилъ о нихъ понятіе, но нечувствительнымъ образомъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ получилъ и самъ склонность и охоту; въ-особливости же полюбилось мнѣ токарное и рѣзное художества. Случилось, власно какъ нарочно для моей пользы, такъ, что у зятя моего въ домѣ дѣлали богатый въ церковь иконостасъ, украшенный многою рѣзьбою, и употреблены были къ тому не только свои, но и многіе нанятые посторонніе и хорошіе мастера. Я не могъ довольно налюбоваться проворствомъ ихъ работы и хаживалъ почти всякій день смотрѣть оную; временно бралъ я и самъ ихъ долоты и на негодныхъ досчечкахъ испытывалъ подражать ихъ искусству. Таковую же охоту произвело во мнѣ къ себѣ и токарное художество. У зятя моего, хотя простой, но изрядный токарь.Онъ утѣшалъ меня нерѣдко, вытачивая мнѣ разныя бездѣлушки и, производя работу сію при мнѣ, вперилъ въ меня и въ самого охоту къ сему рукомеслу. Я выпрашивалъ у него иногда долоты и рѣзцы, и при руководствѣ его испытывалъ и самъ точить, и въ короткое время научился и самъ кое-что вытачивать.

Но ни которая работа и мастерство такъ мнѣ не полюбилась, какъ одна особливая, производимая однимъ постороннимъ человѣкомъ,случившимся тогда, не помню по какому случаю, у моего зятя. Сей человѣкъ дѣлывалъ изъ простой бересты табакерки, стаканчики кружечки, и круглыя стамушки съ такимъ искусствомъ и умѣлъ такъ хорошо наружность оныхъ украшать особливаго рода чеканною работою, что я довольно надивиться не могъ, какъ и всѣ тогда сей работѣ его дивились и ее хвалили. Мнѣ она такъ по курьезности своей полюбилась, что я возгорѣлъ желаніемъ оной самъ научиться. Мы уговорили съ зятемъ мастера, чтобъ онъ намъ открылъ свое мастерство, и онъ на то согласился.

Производится оно особливымъ образомъ: всякая такая посудинка дѣлается толщиною въ три бересты, двѣ полагаются поперечно, а третья и средняя стойма, для отвращенія, чтобъ тѣ не коробились. Для внутренней употребляется береста цѣльная и не разрѣзная, судя по величинѣ судна какое дѣлать предпринимается, и потому сколь толсту и широку быть ему надобно, выбирается такой величины и толстоты обрубокъ сырого березоваго дерева, имѣющаго на себѣ гладкую и хорошую бересту. Сія береста съ него не сдирается, но снимается цѣльною трубкою, что̀ не инако произвесть можно, какъ выкалываніемъ изъ нутри обрубка всего дерева, такъ чтобъ береста одна осталась цѣлою. Цѣлость внутренности надобна для того, чтобъ не могло ничего вытекать изъ судна жидкое. Для верхней же оболочки выбирается береста самая лучшая и гладкая и вычеканивается разными узорами. Сія чеканная работа производится маленькими жимолостными палочками, у конхъ на концахъ вырѣзаны разныя фигуры, какъ напримѣръ: полуциркули, треугольнички, звѣздки и прочія тому подобныя и расположенныя такъ, чтобъ при наставленіи палочки на бересту и при ударенiи въ другой конецъ ея молоткомъ, выпечатывалась на берестѣ довольно возвышенная фигурка. Разнообразныхъ таковыхъ и маленькихъ и большихъ пало-

чекъ надѣлано превеликое множество, дабы тѣмъ лучше можно было употреблять разныя фигуры, и ими выводить разныя коймы и разводы; наконецъ все достальное пустое мѣсто между фигуръ и разводовъ натыкается тремя вмѣстѣ связанными иголками, и какъ сіе накалываніе производится сплошь и очень часто, то сіе самое и придаетъ видъ чеканной работы. По изготовленіи сей верхней бересты вкладываются всѣ три вмѣстѣ и сшиваются очень искусно самыми тонкими расколотыми и оскобленными сосновыми корешками, въ особенности же обрѣзы и края берестъ обшиваются сплошь оными и такъ искусно, что за ними оныхъ вовсе не видать; а похожимъ на сіе образомъ дѣлаются и крышки. Чтожъ касается до донышковъ, то оныя дѣлаются изъ тонкихъ липовыхъ дощечекъ и вставливаются въ разваренныя въ горячей водѣ края суднышка, дабы тѣмъ крѣпче онѣ сидѣли.

Удобопонятность и любопытство мое помогло мнѣ перенять искусство сіе очень скоро, такъ что я чрезъ короткое время могъ всякія бездѣлушки дѣлать изъ бересты ничѣмъ не хуже мастера, и многія вещицы и фигуры еще самъ выдумалъ и присовокупилъ отъ себя, чѣмъ учитель мой былъ такъ доволенъ, что подарилъ меня всѣми своими чеканами и инструментами, что̀ служило къ великому моему удовольствію и привело меня въ состояніе предпринимать дѣло сіе всегда, когда мнѣ было угодно и онымъ на досугѣ забавляться.

Кромѣ сего получилъ я тутъ начальный вкусъ и охоту къ музыкѣ. Столяръ зятя моего умѣлъ брянчать на гусляхъ, но гусляхъ такого рода, какихъ я нигдѣ послѣ уже не видалъ. Они были только девятиструнныя, маленькія и особливаго сложенія; и хотя по гуслямъ была и игра, т.-е. весьма-весьма посредственная, однако она мнѣ полюбилась, и тѣмъ паче, что казалось мнѣ нетрудно ее перенять было. Я и дѣйствительно ее перенялъ и учитель мой былъ такъ удобопонятіемъ моимъ доволенъ, что сдѣлалъ для меня новенькія и съ лучшими украшеніями гусельки, нежели каковы его были.

Вотъ въ чемъ и въ какихъ упражненіяхъ препровождалъ я праздничное и досужное зимнее время. По особливому распоряженію судебъ и неожидаемому стеченію обстоятельствъ, случилось такъ, что домъ зятя моего сдѣлался для меня такимъ же училищемъ рукодѣлій и художествъ, какимъ былъ Петербургъ для наукъ; и я могу сказать, что сколь ни мало было все то, что я заимствовалъ тутъ изъ художествъ, но и сіе немногое послужило мнѣ потомъ въ великую пользу, и заохотило упражняться въ томъ далѣе и приводить знанія мои въ лучшее совершенство.

Кромѣ сего любопытное для меня зрѣлище тутъ было трепаніе и приготовленіе льна на продажу. Извѣстно, что псковскіе дворяне наилучшіе свои доходы получаютъ отъ продажи своихъ льновъ, которые они доставляютъ наиболѣе въ Нарву для отпуска за море. Поелику зять мой имѣлъ изрядныя деревни, и льну нетолько самъ множество сѣялъ, но и скупалъ оный у своихъ и у сосѣдственныхъ крестьянъ, то въ сіе осеннее время ленъ сей у него наемные мастера трепали, перечищали и въ тѣ опрятные и прекрасные тюки вязали, въ коихъ онъ отвозится въ Нарву и отправляется за море. Бѣлизна и чистота сего длиннаго и хорошаго льна, разборъ онаго на разныя руки и искусство вязанія въ бунты и тюки достойно, по справедливости, любопытнаго зрѣнія, и мы хаживали всякій день смотрѣть оное.

Наконецъ, наилучшее изъ всѣхъ и пріятнѣйшее для меня упражненіе доставила мнѣ одна книга, которую нашелъ я у моего зятя. Было то описаніе Квинтомъ Курціемъ жизни Александра Македонскаго. Я не могъ устать ее читаючи и прочелъ ее раза три на досугѣ между прочихъ дѣлъ, и получилъ многія понятія чрезъ то о войнахъ древнихъ грековъ и тогдашнихъ временахъ.

Между сими разными упражненіями и не видали мы, какъ прошелъ весь филиповъ постъ и наступили святки съ новымъ годомъ (1753).

По наступленіи сихъ, возобновились опять наши съѣзды и компаніи, то въ томъ

домѣ, то въ другомъ, и вездѣ, гдѣ ни случалось быть собраніямъ, препровождаемы были вечера въ разныхъ святочныхъ играхъ, пѣніи пѣсень, загадываніяхъ, играніяхъ въ фанты, плясаніи и тому подобномъ. Къ тому присовокупляемы были маленькія зрѣлища, обыкновенныя въ тамошнихъ предѣлахъ. Наряжаются люди иные журавлями, другіе козою съ разными украшеніями и погремушками; таковую козу съ превеликою свитою водятъ по всѣмъ дворамъ, заставляютъ ее прыгать и скакать и припѣваютъ пѣсни: зрѣлище хотя самое вздорное и глупое, но для тамошнихъ деревенскихъ жителей довольно смѣшное и пріятное.

Съѣзды сіи продолжились гораздо и за святки и почти до самой масляницы, а тутъ начались увеселенія масляничныя; съ великимъ же постомъ принялись мы за богомолье, а потомъ за мастерство и рукодѣлія и за прежнія наши упражненія; и въ томъ и не видали, какъ прошелъ и онъ.

Наконецъ наступила святая недѣля, и стала приближаться весна. Праздники сіи препроводить принуждены мы были одни, потому что случившаяся въ самое то время половодь и разлитіе рѣкъ воспрепятствовали намъ видаться съ нашими сосѣдями. Мы старались уже недостатокъ сей наградить домашними и святой недѣлѣ свойственными увеселеніями.

Одно только обстоятельство было для меня весьма досадно, а именно, что церковники поютъ въ сихъ мѣстахъ „Христосъ воскресе“ и прочее совсѣмъ на иной и весьма дурной голосъ и какъ-то не ловко, такъ что праздникъ сей и служба мнѣ и въ половину не таковъ былъ веселъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

По слитіи полой воды и вскорѣ послѣ святой недѣли подверженъ я былъ нечаянно одной великой опасности. Собрались мы однажды ѣхать въ гости къ ближнему сосѣду и мнѣ приди охота ѣхать верхомъ, а что того хуже, на зятниномъ стояломъ жеребцѣ, о которомъ увѣряли меня, что онъ пресмирная скотина. Но оттого ли, что онъ во всю зиму стоялъ и тогда впервые на волѣ себя увидѣлъ, или оттого, что я былъ слишкомъ легокъ и малосиленъ къ удержанію его, или такъ уже мое несчастіе хотѣло, что не успѣлъ я на немъ изъ деревни выѣхать, какъ онъ и взялъ волю, и усилился такъ, что я никакъ уже съ нимъ сладить не могъ. Онъ закусилъ удила и понесъ меня изо всей силы. Сестра, ѣхавшая позади меня съ зятемъ въ колескѣ, обмерла и испужалась, какъ сіе увидѣла. Она подняла ужасный вопль; но сіе еще пуще жеребца моего подстрекнуло. Я самъ ни живъ, ни мертвъ былъ отъ страха, но по-крайней-мѣрѣ имѣлъ столько понятія и разсудка, что не выпустилъ повода изъ рукъ и держался на немъ колико можно крѣпче колѣнами. Но все бы не помогло, и онъ сбилъ бы меня съ себя, еслибъ по особливому моему счастію не случилось скакать ему симъ образомъ по прямой и огражденной съ обѣихъ сторонъ прясламі прошпективой дорогѣ, ведущей прямо къ зятниной мельницѣ, построенной на рѣкѣ и довольно хорошей. Сіе обстоятельство причиною тому было, что не могла она никуда свернуть въ сторону, но принуждена была скакать прямо къ мельницѣ. а тутъ я имѣлъ столько духа, что управилъ ее прямо на узкій и съ обѣихъ сторонъ перилами огражденный отлогій помостъ, по которому въѣзжали въ верхній этажъ мельницы, такъ что она, вскакавъ на сей помостъ, остановилась сама какъ въ стойлѣ и не могла ни направо, ни налѣво повернуться; а тогда подбѣжали тотчасъ случившіеся на мельницѣ люди и ее схватили.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, наведшая на всѣхъ на насъ превеликій страхъ и ужасъ, и я не имѣлъ болѣе никакого вреда, кромѣ одного испуга. Кромѣ сего случая не помню я, чтобъ иное что дурное въ тогдашнее мое пребываніе случилось со мною.

По наступленіи весны началъ я, мало-по-малу, готовиться къ отъѣзду, или паче сестра собирать меня въ мое дальнее путешествіе; однако то за тѣмъ, то за симъ отъѣздъ мой не такъ скоро воспослѣдо-

валъ, какъ мы думали, но я прожилъ у сестры моей нетолько всю весну, но захватилъ и частичку лѣта.

Сіе достальное время препроводилъ я наиболѣе въ надворныхъ увеселеніяхъ и забавахъ. Не успѣла весна вскрыться и снѣгъ сойтить, какъ выпросилъ я у зятя моего дозволеніе съѣздить съ охотниками его въ лѣсъ и испытать новыя его тенета, вывезенныя только въ ту зиму. Зять мой, будучи тогда самъ не очень здоровъ, охотно мнѣ то позволилъ. Ловля наша была нарочито-удачна: мы поймали нѣсколько зайцевъ; но я безъ умысла навлекъ на себя при семъ случаѣ отъ зятя моего досаду. Догадало меня перваго зайца, котораго самому мнѣ удалось вогнать въ тенеты, взять живьемъ. Мнѣ незахотѣлось его какъ-то въ ту минуту приколоть, и я думалъ, что сдѣлаю домашнимъ нашимъ тѣмъ болѣе удовольствія, что привезу его живого; но вмѣсто того зятю моему было сіе крайне досадно. Онъ говорилъ, что я тѣмъ испортилъ его всѣ тенеты, ибо у нихъ ни подъ какимъ видомъ перваго зайца живьемъ не берутъ, но новыя тенета стараются скорѣе обагрять звѣриною кровью.

—«Ну! не зналъ же я того, сказалъ я: и начтожъ вы меня въ семъ случаѣ не предостерегли и напередъ того не сказали?»

Въ другой разъ подговорили меня стрѣлки и охотники его идти въ лѣсъ стрѣлять дичину. Но сіе препровожденіе времени мнѣ какъ-то не полюбилось — можетъ-быть, оттого, что охота наша была не слишкомъ удачна. Мы съ утра до вечера проходили по лѣсамъ, измучились и устали въ-прахъ и не нашли ни одного тетерева и ни одной птички, и намъ принуждено-бъ было съ пустыми руками идти домой, еслибъ наконецъ не наткнулся самъ на меня одинъ заяцъ. Мнѣ дано было уже отъ охотниковъ наставленіе, какъ его стрѣлять, буде случится увидѣть, и я столь исправно исполнилъ оное, что положилъ его тотчасъ на мѣстѣ. Сіе меня нѣсколько обрадовало; однако сіе было въ первый и въ послѣдній разъ въ моей жизни, что я застрѣлилъ дикаго звѣря, ибо какъ мнѣ симъ образомъ по лѣсамъ ходить показалось слишкомъ скучно, то я съ того времени никогда болѣе съ ружьемъ стрѣлять не хаживалъ.

Напротивъ того, лучше и пріятнѣйшее упражненіе находилъ я въ рыбной ловлѣ. Зять мой былъ превеличайшій охотникъ до оной, а особливо до ловленія удами. Къ сей, можно сказать, былъ онъ совершенно страстенъ, и я не видывалъ никого, кто-бъ могъ имѣть столько терпѣнія и самопроизвольно переносить столько безпокойства и трудовъ, сколько онъ. Цѣлыя ночи напролетъ просиживалъ онъ на маленькомъ челночкѣ посреди рѣки и по нѣскольку иногда часовъ дожидался, покуда язь или иная какая-нибудь большая рыба придетъ и хватитъ его уду. Одинъ только небольшой малый сотовариществовалъ ему обыкновенно въ сихъ ночныхъ его путешествіяхъ и переѣздахъ на челночкѣ своемъ съ мѣста на мѣсто по рѣкѣ; но и сей сидѣлъ и ходилъ по берегу и приуготовлялъ ему обчищенныя шепталцы раковъ, которыми онъ вмѣсто червей свою рыбу лавливалъ. Сперва расхваливая всячески сію ночную ловлю, старался опъ и меня къ тому же заохотить, однако я не могъ никакъ найти въ томъ вкусъ и имѣть столько терпѣнія, а для меня пріятнѣе было ловить днемъ маленькпхъ то-и-дѣло хватающихъ рыбокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за удовольствіе просидѣть всю ночь одному на водѣ, а потомъ весь день спать и не пользоваться пріятною вешнею погодою, а что всего досаднѣе, дожидаться иногда съ цѣлый часъ, покуда клюнетъ уду рыба. Волентъ Богъ и съ его большою рыбою и съ довольнымъ количествомъ оной, какое иногда онъ по утрамъ принашивалъ съ собою! Однако случалось нерѣдко, что возвращался онъ и съ пустыми почти руками, и тогда ложился опъ уже съ досады скорѣе спать и спалъ до самаго обѣда, а потомъ принимался опять за тожъ до самаго вечера. Словомъ, мы въ сіе время его почти и не видали.

Между тѣмъ, какъ онъ симъ образомъ

занимался своимъ уженіемъ, предоставляя о домашней экономіи хлопотать и заботиться одной моей сестрѣ, упражнялся по большой части я въ томъ же, но инымъ только образомъ. Зять мой снабдилъ меня крючками и удами и всѣми прочими мелкими рыболовными снастями, которыя у него, какъ у отмѣннаго охотника, были самыя щегольскія. Имѣлъ я также свой собственный и прекрасный челночокъ, поднимающій только одного человѣка, и чрезвычайно легкій. Ребятишекъ для услугъ моихъ могъ я брать сколько хотѣлъ, и съ ними всюду ходить. Рѣка Лжа, на которой сидѣло его селеніе, была самая прекрасная и весьма рыбная. Она была нарочито широка и, обтекая селеніе, производила теченіемъ своимъ превеликій полуциркуль, простирающійся до самой его прекрасной мельницы. Итакъ, наилучшее утѣшеніе мое было разъѣзжать и разгуливать по сей части рѣки на моемъ челночкѣ и, приставая въ заводяхъ и въ другихъ мѣстахъ, уживать рыбу. Однако все сіе уженіе не такъ много меня утѣшало, какъ ловленіе щукъ инымъ образомъ и такъ-называемою „дорогою“. Дѣлается нарочитой величины и толстоты желѣзный крюкъ съ зазубрею, и приковывается тупымъ концомъ къ небольшой продолговатой и жолубкомъ нѣсколько выгнутой бляшкѣ, сдѣланной изъ желтой мѣди; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ край бляшки соединяется съ крюкомъ, привязывается маленькій лоскутокъ алепькаго суконца, а къ другому концу бляхи прикрѣпляется предлинный и крѣпкій шнуръ, взмотанный на вертящуюся шпулю такъ, какъ бываютъ у плотниковъ шнуры ихъ. Вотъ инструментъ, которымъ производится сія ловля. Надобно ѣхать на челнокѣ вверхъ рѣки и, пустивъ крюкъ въ воду, спустить весь шнуръ, а потомъ другой копецъ онаго ухватить крѣпко въ зубы и такъ плыть. Во время сего плаванія на челнокѣ, крюкъ, будучи тащимъ шнуромъ, въ водѣ вертится и представляетъ точно бѣгущую скоро въ водѣ плотичку или рыбку. Щука, завидѣвъ ее и сочтя ее рыбкою, хватаетъ на бѣгу, но сама попадаетъ тотчасъ на крюкъ, отъ чего рыболовъ чувствуетъ въ самый тотъ моментъ въ зубахъ у себя маленькій ударъ. Сіе доказываетъ ему, что на крючокъ его попала рыба, и тогда останавливается онъ, начинаетъ свой шнуръ взматывать на шпулю и притаскиваетъ щуку къ самому челночку и тутъ ее бережно сачкомъ подхватываетъ и вытаскиваетъ вонъ. Симъ образомъ лавливалъ я часто и нерѣдко приваживалъ съ собою по нѣскольку щукъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ протекло у насъ нечувствительно время; но наконецъ настало и то, въ которое мнѣ домой ѣхать надлежало. Зять и сестра снабдили меня своими лошадьми и повозками и дали мнѣ двухъ человѣкъ для препровожденія меня въ домъ. Они отпустили меня не инако, какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ. Они такъ ко мнѣ привыкли, что имъ не хотѣлось со мною уже разстаться. Сестрѣ моей отъѣздъ мой стоилъ многихъ слезъ; она любила меня чрезвычайно и снабдила меня на дорогу и деньгами и всѣмъ нужнымъ. Я и самъ плакалъ, разставаясь съ нею, ибо къ мѣстамъ ихъ такъ привыкъ и всѣми ласками ихъ былъ такъ доволенъ, и пребываніе у нихъ было мнѣ такъ пріятно и весело, что предѣлы ихъ мнѣ навсегда сдѣлались милы и любезны и я понынѣ не могу вспомнить оныя и тогдашнюю жизнь безъ нѣкотораго удовольствія.

Такимъ образомъ, распрощавшись съ зятемъ и сестрою, отправился я въ свой путь, который былъ хотя длиненъ и продлился недѣли двѣ, однако былъ для меня довольно веселъ. Время было тогда наилучшее въ году, жары еще не наступили, лѣса и поля покрыты зеленью, трава повсюду подъ ногами. Мы ѣхали-себѣ какъ хотѣли, не имѣли нужды слишкомъ поспѣшать, становились кормить лошадей и почевать наиболѣе на поляхъ и подъ лѣсочками, и пріѣхали наконецъ благополучно въ Москву, а потомъ и въ мою деревню, и я не помню, чтобъ со мною во время путешествія сего что-нибудь особливое случилось.

Симъ окончу я, любезный пріятель, теперь

решнее мое письмо, а въ предбудущемъ разскажу вамъ о томъ, какъ я жилъ въ деревнѣ и въ чемъ препровождалъ свое время; а между тѣмъ, увѣривъ васъ, что я есмь навсегда васъ почитающій другъ, остаюсь и прочее.

Письмо 21-е.

Любезный пріятель! Теперь опишу я вамъ такой періодъ времени, который былъ весьма критическимъ въ моей жизни. Пріѣхалъ я тогда жить въ деревню, будучи уже никому не подвластнымъ, а совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ своимъ поведеніемъ и поступками, а вкупѣ и имѣніемъ, доставшимся мнѣ послѣ покойныхъ моихъ родителей; никому не обязанъ я былъ давать во всѣхъ моихъ дѣлахъ отчеты, слѣдовательно могъ дѣлать и предпринимать все, что мнѣ было угодно. Мальчикъ былъ я уже на возрастѣ и довольно высокаго роста, мнѣ шолъ тогда пятнадцатой уже годъ и приближался къ окончанію. Ребятки таковыхъ лѣтъ уже что-нибудь смыслятъ, и живучи на волѣ легко могутъ имѣть ко всему худому поползновеніе. Коль легко могъ бы я въ сей періодъ времени испортиться, избаловаться и сдѣлаться на всю жизнь мою шалуномъ и негодяемъ, еслибъ не бдѣло надо мною Провидѣніе и безконечная благость Создателя моего не сохранила меня отъ всѣхъ золъ и пороковъ, въ которыя я всего легче могъ погрузиться, расположивъ всѣ случаи и обстоятельства малолѣтства моего такъ, что мнѣ самыя врожденныя въ меня склонности и охоты служили мнѣ великою преградою къ тому, а вкупѣ и поспѣшествованіемъ къ посѣянію въ сердцѣ моемъ первѣйшихъ сѣмянъ благочестія того, которое послѣ въ продолженіи жизни моей мнѣ толико полезно было и толь много помогало въ исканіи истиннаго благополучія и въ снискиваніи безчисленныхъ наипріятнѣйшихъ минутъ въ жизни. Не могу и понынѣ вспомнить милостей, оказанныхъ тогда мнѣ небесами, не чувствовавъ глубочайшей къ нимъ за то благодарности, и не воздавъ хвалы имени безконечнаго моего пропзводителя. По истинѣ могу сказать, что Онъ былъ тогда моимъ отцомъ и матерью, и толикое имѣлъ обо мнѣ попеченіе, какого не въ состояніи были-бъ имѣть и самые мои родители. Но я удалился уже отъ моего повѣствованія, и теперь время уже возвратиться къ оному.

По пріѣздѣ моемъ въ домъ наипервѣйшія минуты моего пребыванія въ оном былп горестны и печальны. Напомпаніе о смерти моей родительницы и воззрѣніе на всѣ тѣ мѣста, гдѣ она живала, гдѣ стояла ея кровать и все прочее, приводило сердце мое въ нѣкое горестное движеніе и вынуждало слезы изъ очей моихъ. Сбѣжавшіеся дворовые люди и женщины, поспѣшающіе наперерывъ другъ предъ другомъ цѣловать у меня руку и поздравить съ пріѣздомъ, помѣшали мнѣ упражняться далѣе въ моихъ печальныхъ размышленіяхъ. Я долженъ былъ со всѣми говорить и привѣтствіямъ ихъ соотвѣтствовать моими ласками.

Не успѣли изъ повозокъ выбраться и я нѣсколько поосмотрѣться, какъ за первый себѣ долгъ почелъ я сходить къ живущему подлѣ меня дядѣ моему, Матвѣю Петровичу Болотову, и поблагодарить его, какъ за воспріятые труды при погребеніи моей родительницы, такъ и за попеченіе о домѣ и деревняхъ моихъ во время моего отсутствія, а притомъ просить о содержаніи меня въ своей любви и милости. Дядя мой принялъ меня весьма благосклонно и, позабывъ всю вражду, бывшую между имъ и покойною моею родительницею, ласкалъ меня всячески и просилъ, чтобъ я его не обѣгалъ, но видался съ нимъ чаще. Словомъ, пріемомъ его былъ я весьма доволенъ, и какъ онъ былъ одинъ у меня ближній родственникъ, то обѣщавъ ему то, и дѣйствительно вознамѣрился ходить къ нему чаще и о пріобрѣтеніи его къ себѣ дружбы и благопріятства прилагать стараніе.

Онъ былъ тогда уже вдовъ и жилъ одинъ съ дѣтьми своими. По отмѣнной

своей скупости препровождалъ онъ жизнь прямо уединенную; ни съ кѣмъ не имѣлъ онъ короткаго и дружескаго знакомства, и не ѣзжалъ никуда почти со двора, а потому и къ нему никто почти не ѣздилъ. Словомъ, онъ одичалъ почти въ деревнѣ, не изнашивалъ въ нѣсколько лѣтъ одного кафтана, а ходилъ въ наипростѣйшемъ деревенскомъ платьѣ, жилъ не только весьма, но и слишкомъ уже умѣренно и воздержно. Отъ излишней склонности къ собранію себѣ достатка отнималъ онъ, такъ-сказать, у самого себя лучшій кусокъ отъ рта и превращалъ въ деньги. Столы были у него весьма-весьма умѣренны и плохи, а сходственно съ тѣмъ и все прочее въ домѣ, какъ-то: уборы, посуда, экипажи и прочее пахло сдиною неумѣренною скупостью, къ которой сдѣлалъ онъ привычку еще въ службѣ, въ которой препроводилъ онъ многіе годы и отставленъ секунд-майоромъ. Совсѣмъ тѣмъ, будучи нѣсколько ученъ въ малолѣтствѣ, былъ онъ весьма неглупъ, имѣлъ хорошее понятіе о математическихъ наукахъ, былъ хорошій ариѳметикъ, зналъ геомстрію и фортификацію, и былъ превеликій чтецъ и охотникъ писать, а наконецъ, живучи въ деревнѣ, сдѣлался и великимъ юриспрудентомъ: всѣ наши гражданскіе законы были ему свѣдомы, и всѣ указы могъ онъ пересчитывать по пальцамъ. Но всѣ сіи хорошія качества помрачаемы были вышеупомянутою его чрезмѣрною склонностью къ сребролюбію и скупости, которая нерѣдко доводила его до дѣлъ невеликой похвалы достойныхъ, какъ на-примѣръ, къ ябедническимъ предпріятіямъ, къ ссорамъ съ сосѣдями, къ зависти, недоброхотству, неуступчивости и прочему тому подобному.

Вотъ какого характера съ человѣкомъ долженъ я былъ тогда имѣть дѣло и всегдашнее обхожденіе, и я не знаю, молодость ли моя или стараніе во всемъ къ праву и характеру его прпноравливаться, или всегдашнее почтеніе, оказываемое мною ему и уваженіе его старости причиною тому было, что онъ чрезъ короткое время меня очень полюбилъ, и старался, во всемъ, въ чемъ ему только можно было, быть мнѣ полезнымъ. Почему и не видалъ я отъ него никогда никакого зла и худа и былъ постунками его противъ меня весьма доволенъ.

Что касается до дѣтей его, то имѣлъ онъ двухъ сыновей: меньшого звали Гавріиломъ, и сей былъ тогда еще сущимъ ребенкомъ и у него фаворитомъ, ибо онъ любилъ его чрезвычайно, а старшаго звали Михаиломъ. Сей былъ только однимъ годомъ меня моложе, слѣдовательно, мнѣ сверстникъ. Но разница между мною и имъ была чрезвычайная; я, живучи, такъ-сказать, въ свѣтѣ и скитаясь по людямъ, сколько-нибудь понаблошнился и много кое-чего зналъ, а онъ, родившись и воспитанъ будучи въ такомъ совершенномъ уединеніи, не имѣлъ ни о чемъ свѣдѣнія и понятія и былъ не только деревенскимъ простымъ, но и совсѣмъ одичалымъ ребенкомъ. Отецъ его хотя и старался его кое-чему изъ того учить, что онъ самъ зналъ, но какого успѣха можно было ожидать отъ ученія таковаго, когда ребенокъ не столько помышлялъ объ ономъ, сколько о бѣганіи и рѣзвостяхъ съ ребятишками и не былъ отъ того никакою строгостію воздерживаемъ? Ибо дядя мой имѣлъ за собою тотъ порокъ, что давалъ дѣтямъ своимъ слишкомъ много воли, не употреблялъ противъ нихъ ни малѣйшей строгости, а оттого и воспитаніе ихъ было очень дурно; а по всему тому и было сотоварищество съ его старшимъ сыномъ мнѣ не столько выгодно, сколько вредно, какъ о томъ упомянется ниже обстоятельнѣе, а теперь возвращусь я къ порядку моего повѣствованія.

Побывавъ симъ образомъ у дяди и сведя съ нимъ первое знакомство, началъ я осматриваться въ моемъ домѣ и располагать, гдѣ и какъ мнѣ и въ которыхъ комнатахъ жить и какихъ людей избрать для своихъ прислугъ и какъ распорядить мое домоводство, ибо я положилъ намѣреніе никуда уже до наступленія срока моего не ѣхать, но прожить все оставшее время въ домѣ.

Сперва расположился-было я жить въ самыхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ живала покойная родительница, но не могъ и однихъ сутокъ вынесть; печальныя напоминанія, величина и пустота дома и всѣхъ комнатъ нагнали на меня нѣкоторый родъ уныніи и ужаса и совершенно меня оттуда выгнали. Я рѣшился поприбрать для себя ту пустую и нежилую комнату, которая была у насъ чрезъ сѣни въ сторону къ саду, и заключалъ, что по одиночеству моему довольно будетъ на первый случай и одного сего покоя, и по-крайней-мѣрѣ, до зимы. Обстоятельство, что имѣла она одно окошко на дворъ, а другое въ садъ, мнѣ въ-особливости нравилось. Итакъ, велѣлъ я оную опростать, вымыть и прибрать и основалъ первое мое жилище въ оной. Для прислуги своей взялъ я къ себѣ прежняго моего камердинера, Дмитрія, и нѣсколькихъ другихъ мальчишекъ: дядька мой жилъ въ черной горницѣ и былъ моимъ совѣтникомъ, секретаремъ и всѣмъ, чѣмъ назвать изволишь. Жена его отправляла должность поварихи, каковую несла она и при жизни родительницы, а мать его, одну престарѣлую старушку, бывшую еще у покойной моей родительницы няней, выписалъ я изъ другой деревни, гдѣ она жила, и велѣлъ ей жить при себѣ вмѣсто домосодержательницы, ибо мнѣ казалось, что весьма нужно имѣть въ домѣ стараго человѣка, которая могла-бъ присматривать за бѣльемъ и за прочимъ и наблюдать во всемъ порядокъ.

Что касается до протчаго домосодержательства и деревенской экономіи, то удивленія достойно, что я тогда не сдѣлалъ въ оной ни малѣйшихъ перемѣнъ и не произвелъ ничего новаго. Былъ у насъ тогда въ домѣ старикъ, по имени Григорій Грибанъ, служившій еще при покойномъ родителѣ моемъ кучеромъ, и онъ управлялъ тогда домомъ и деревнями. Я оставилъ его продолжать попрежнему свое дѣло и, либо по молодости своей и по ненадѣянію на свои силы и знаніе, либо по дѣйствительному еще незнанію всѣхъ деревенскихъ обыкновеній, и работъ, не мѣшался самъ, а особливо сначала, ни во что, но далъ всему прежнее свое теченіе, и потому всѣ строенія, сады, пруды и прочія вещи въ домѣ остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ состояніи. Я, власно какъ изъ нѣкотораго рода почтенія къ старинѣ и ко всему сдѣланному покойною родительницею моею, не смѣлъ и не отважпвался желать никакой перемѣны. и сіе простиралось даже до того, что я въ самыхъ комнатахъ хоромъ не имѣлъ отваги ничего дальняго перемѣнить и сдѣлать ихъ для себя покойнѣйшими; а все, что я сдѣлалъ, состояло только въ томъ, что я прежнюю комнату, гдѣ была моя спальня, разгородилъ, и сдѣлавъ чрезъ то просторнѣйшею, обратилъ ее къ зимѣ въ мою жилую комнату и вкупѣ въ спальню, а большую у́гольную, гдѣ живала покойная родительница, сдѣлалъ гостиною, и все сіе поприбралъ нѣсколько получше. Мнѣ вздумалось ее выбѣлить и по примѣру зятнихъ хоромъ всѣ стѣны расписать красками. Но дьявольская была между ими разница. У того домъ отдѣланъ былъ порядочно и всѣ стѣны обиты были холстомъ и по оному расписаны были масляными красками, а я залѣпилъ только у своихъ тряпичками пазы, а потомъ, выбѣливъ все известью, размазалъ по ней масляными красками и такимъ десепемъ, какой мнѣ казался лутче. Я раздѣлилъ нарисованными столбами стѣны на нѣсколько отдѣленіевъ и между каждымъ отдѣленіемъ намазалъ изображенія въ полный человѣческій ростъ людей, гдѣ солдата, гдѣ гренадера, гдѣ генерала, и такъ далѣе. Но какъ о малеваньи масляными красками не имѣлъ я и понятія, а видѣлъ только однажды, какъ расписывали ими кареты и коляски въ Петербургѣ, и притомъ и мазалъ я красками сими по извести, то легко можно всякому разсудить, сколь глупа и несовершенна была тогдашняя моя работа; но мнѣ казалась она тогда преузорочною. Но нынѣ не могу я безъ смѣха вспомнить оную, также и того, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ я тогда трудился и работалъ производя

оную. Помянутая и почти отъ меня неотходившая старушка-няня, которую и я привыкъ называть тѣмъ же званіемъ, была единою у меня въ семъ случаѣ совѣтницею и одобрительницею. Бывало, мажу, мажу и, уставъ стоючи, отбѣгаю прочь, и говорю: «Посмотри-ка, нянюшка, хорошо-ли?» — «Хорошо батюшка!» отвѣтствуетъ она мнѣ; а я, тѣмъ поостряясь, пущусь опять мазать и не столько загваздаю стѣны, сколько замараюсь и загваздаюсь самъ. Но какая до того нужда! Было бы только исполнено желаніе и размазаны стѣны.

Сію работу произвелъ я еще въ то же лѣто, какъ пріѣхалъ. Какова дурна она ни была, но удивила всѣхъ простаковъ деревенскихъ жителей и вперила имъ объ искусствѣ моемъ и дарованіяхъ весьма выгодныя для меня и хорошія мнѣнія, а и самому мнѣ была она не безъ пользы: она заняла много времени и, вмѣстѣ съ прочимъ рисованіемъ и читаніемъ книгъ, помогла мнѣ препроводить первое время моей деревенской жизни съ удовольствіемъ и безъ скуки, а безъ того стало-было оно мнѣ весьма и скучно становиться. Привыкнувъ до того безпрерывно быть между людей, и всегда въ обществѣ, а тогда принужденъ будучи жить одинъ безъ всякаго сотоварищества, долго не могъ я никакъ къ тому привыкнуть. Къ вящему несчастію, не было никого и въ ближнемъ сосѣдствѣ, съ кѣмъ бы я могъ имѣть знакомство и компанію. Самые прежде упоминаемые родственники моей матери, всѣ почти во время пребыванія моего въ Петербургѣ и у сестры, померли. Господина Писарева и Картина не было уже на свѣтѣ, остался одинъ г. Бакѣевъ; но и тотъ жилъ тогда въ степной своей деревнѣ. Но хотя-бъ старики сіи и живы были, но какую компанію могли бы они имѣть съ ребенкомъ? Итакъ, былъ только одинъ мой дядя, къ которому имѣлъ я свой частѣйшій выходъ; но и сей мучилъ меня наиболѣе только разсказываніями своими о приказныхъ и ябедническихъ дѣлахъ, которыя мнѣ въ голову не лѣзли. Я уже радъ-радъ бывалъ, когда приходило ему въ мысль разсказывать про свою военную службу и бывшія съ нимъ во время оной происшествія; напримѣръ: какъ бывалъ онъ въ миниховскихъ походахъ противъ турковъ; какъ опредѣленъ былъ для строенія усть-самарскаго ретраншамента; какъ онъ его строилъ; какъ пріѣзжалъ Минихъ смотрѣть оный и съ нимъ говаривалъ, и прочее тому подобное; все сіе умѣлъ онъ какъ-то хорошо и складно разсказывать, и я слушивалъ его съ удовольствіемъ; но наконецъ и сіи повѣствованія, отъ частаго повторенія, мнѣ прискучили. Что-жъ касается до его сына, то онъ долго не могъ со мною свыкнуться и сдружиться.

Что касается до бывавшихъ у меня гостей, то всего чаще хаживали ко мнѣ попы, какъ свои приходскіе, такъ и посторонніе. Отецъ Илларіонъ не преминулъ ко мнѣ съ братомъ своимъ, дьякономъ, на другой еще день моего пріѣзда явиться. Къ сей духовной особѣ привыкъ я уже съ малолѣтства имѣть почтеніе, и какъ онъ того былъ по справедливости и достоинъ, то продолжалъ я оное и принималъ его всегда съ уваженіемъ. Онъ хаживалъ ко мнѣ нерѣдко, обѣдывалъ со мною и проживалъ по нѣскольку часовъ, разговарпвая о разныхъ матеріяхъ. Мнѣ никогда собесѣдованія и разговоры его не были скучны, но напротивъ того, могу я ему ту честь отдать, что онъ даваль мнѣ въ тогдашнее время весьма хорошіе совѣты и наставленія: какъ мнѣ жить, и вести себя порядочно, и заслуживать себѣ хорошую славу, и я могу сказать, что я съ сей стороны ему много обязанъ. Что касается до дьякона, его брата, то былъ онъ его простѣе, но человѣкъ весьма добрый, и я любилъ его за его веселый и шутливый нравъ. Кромѣ сихъ хаживали ко мнѣ и многіе другіе попы; но изъ тѣхъ не находилъ я никого достойнаго и такого человѣка, съ которымъ можно-бъ было поговорить.

Разрисовавши или, лучше сказать, распестривши свою комнату, разсудилъ я ее и прибрать получше. Въ другой нашей деревнѣ, неподалеку отъ сей, а именно

Калитинѣ, стояли еще у насъ старинные матушкины хоромцы, самые тѣ, въ которыхъ она воспитывалась и въ коихъ жилъ ея дѣдъ, а мой прадѣдъ, Гаврила Прокофьевичъ Бакѣевъ. Какъ хоромы сіи были уже ветхи и мнѣ совѣтовали ихъ продать одному тамошнему сосѣду, то поѣхалъ я туда для забранія бывшихъ въ оныхъ еще мебелей. Состояли они въ нѣсколькихъ картинахъ, изображающихъ святыхъ, нѣсколькихъ изряднаго письма образахъ, столахъ, стульяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Покойная мать моя не трогала въ нихъ оныя, ибо любила сію деревню и ѣзжала въ нее часто. Наилучшую картину составлялъ образъ Сосца Богородицы, которая и понынѣ еще у меня цѣла. Я забралъ всѣ оныя оттуда, и убралъ ими мою разрисованную комнату, сломавъ прежнія полки и уголинки.

Въ сію бытность мою въ Калитинѣ возобновилъ я знакомство съ одною живущею тутъ старушкою фамиліи Бакѣевыхъ, а по имени Мароою Маркеловною, и бывшею матери моей недальнею родственницею. Старушка была мнѣ очень рада; но я былъ болѣе еще радъ, что нашелъ у ней сына одинакихъ почти со мною лѣтъ и имѣвшаго также нѣкоторую охоту къ рисованію. Я познакомился тотчасъ съ нимъ и радъ былъ, что нашелъ хоть одного себѣ товарища. Его звали Дмитріемъ Максимовичемъ, и онъ самый тотъ, который живетъ и понынѣ въ Калитинѣ.

Какъ скоро поспѣла совсѣмъ моя комната, то сдѣлалъ я въ ней нѣкоторый родъ новоселья и позвалъ къ себѣ на обѣдъ дядю, вышеупомянутую старушку съ сыномъ, поповъ и еще кое-кого изъ знакомыхъ и старался угостить всѣхъ. Они всѣ были довольны моимъ угощеніемъ и хвалили мою работу, хотя она всего меньше похвалы была достойна, по правду сказать, и они знатоки были весьма-весьма посредственные.

Симъ образомъ мало-по-малу началъ я привыкать къ деревенской уединенной жизни. Въ лѣтнее время была она мнѣ все еще сноснѣе; не успѣлъ я пріѣхать, какъ начали поспѣвать ягоды за ягодами, плоды за плодами. Хожденіе по садамъ, собираніе оныхъ, заготовленіе впрокъ, и самое вареніе оныхъ въ меду—занимало и увеселяло меня ежедневно, и я не видалъ, какъ проходило время; но какъ начала приближаться осень и длинные скучные вечера, то сдѣлалась она мнѣ чувствительнѣе, и я со скуки бы пропалъ, еслибъ не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ чтанію книгъ.

Несчастіе мое только было, что книгъ для сего чтенія взять было негдѣ. Въ тогдашнее время такихъ книжныхъ лавокъ, какъ нынѣ, въ Москвѣ не было, почему хотя-бъ я хотѣлъ себѣ и купить, но было негдѣ. У дяди моего чтобъ книги были, того и требовать и ожидать было не можно; однако противъ всякаго чаянія узналъ я, что у него есть одна большая духовная книга, извѣстная подъ названіемъ «Камень Вѣры». Онъ хранилъ ее какъ нѣкое сокровище и не давалъ никому въ руки. Въ недостаткѣ лучшихъ и множайшихъ, радъ я былъ уже и той, и дядя столь меня любилъ, что ссудилъ меня оною для прочтенія. Я прочиталъ ее въ короткое время съ начала до конца, и получилъ чрезъ нее столь многія понятія о догматахъ нашей вѣры, что я сдѣлался почти полубогословомъ и могъ удивлять нашихъ деревенскихъ поповъ своими разсказами и разсужденіями почерпнутыми изъ сей книги. Дядя мой весьма доволенъ былъ моею охотою къ чтенію и какъ онъ, такъ и отецъ Иларіонъ, не могли довольно надивиться моему понятію и остротѣ разума. Послѣдній, узнавъ мою превеликую охоту къ чтенію, постарался достать мнѣ такимъ же образомъ для прочтенія житія святыхъ, описанныя въ «Четьихъ-Минеяхъ». Боже мой! какая была для меня радость, когда получилъ я первую часть сей огромной книги. Какъ она была наиболѣе историческая, слѣдовательно для чтенія веселѣе и пріятнѣе, то я изъ рукъ ее почти не выпускалъ, покуда прочелъ всю оную, а такимъ же

образомъ поступилъ и съ прочими. Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно,столько-жъ и полезно. Оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первыя сѣмена любви и почтенія къ Богу и уваженія къ христіанскому закону, и я, прочитавъ книгу сію, сдѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго. А знанія мои столько распространялись, что вскорѣ начали обо мнѣ вездѣ говорить съ великою похвалою, деревенскіе же ноны почитали меня уже наученѣйшимъ человѣкомъ; но что и неудивительно, потому что они сами ничего не знали и не въ состояніи были судить о томъ, что бѣло, что черно; я же всякій разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видать, замучивалъ ихъ вопросами и нарочно старался приводить ихъ въ нестроеніе и замѣшательство, дабы они обо мнѣ и о знаніяхъ моихъ получили высокое мнѣніе.

Однако чтеніе было не одно, въ чемъ я упражнялся въ осеннее и въ зимнее потомъ время. У дяди моего нашелъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ печатныхъ и скорописныхъ, а особливо была у него прекрасная геометрія и фортификація, писанная и черченная самимъ имъ въ молодости, когда онъ учился наукамъ симъ у Ганнибала. Я востребеталъ, увидѣвъ оныя, и до тѣхъ поръ не далъ отдыха дядѣ моему, покуда не отдалъ онъ мнѣ ихъ для списанія и счерченія, ибо къ наукамъ симъ имѣлъ я особливую склонность. Не успѣлъ я оныя получить, какъ тотчасъ началъ списывать и всѣ фигуры, разбирая, счерчивать и чрезъ самое то учиться симъ наукамъ. Дядя мой обѣщалъ мнѣ въ нужныхъ случаяхъ помогать и то мнѣ изъяснять, чего я самъ понять и разобрать не могъ; но до сего не доходила почти никогда надобность: удобопонятіе мое было не такъ мало, чтобъ нужны мнѣ были указанія. Я могъ разбирать все самъ, и старапіе мое объ изученіи сихъ наукъ было столь велико, что я чрезъ годъ сдѣлался въ нихъ еще знающѣе, нежели каковъ самъ мой дядя былъ. Я написалъ и начертилъ книги, которыя и понынѣ еще у меня цѣлы, и украсилъ ихъ возможнѣйшими, хотя совсѣмъ излишними и такими украшеніями, которыя изъявляютъ очевидно тогдашній мой ребяческой и весьма еще неосновательной вкусъ.

Третье упражненіе мое состояло въ писаніи. Съ самаго малолѣтства имѣлъ я уже къ тому нѣкоторую охоту, и всегда, бывало, что-нибудь маралъ и списывалъ; а тогда склонность сія возрасла уже до знатнаго градуса и сдѣлала меня на весь мой вѣкъ охотникомъ до писанія. Я находилъ какъ-то особливое удовольствіе въ сей работѣ, и она была мнѣ не только не трудна, но еще увеселительна. Наилучшее мое писаніе было въ зимнее время по утрамъ, въ которые вставалъ я очень рано и за нѣсколько еще часовъ до свѣта. Но что-жъ я списывалъ? Не имѣя ничего лутчаго, списалъ я цѣлаго «Телемака» съ печатнаго, которую книгу удалось мнѣ негдѣ достать. Я велѣлъ ее переплесть, и переплетъ былъ хотя самый скверный, въ доскахъ, и по манеру церковныхъ книгъ съ застежками, однако я не могъ ею довольно налюбоваться, и книга сія была мнѣ такъ мила, что я взялъ ее съ собою, когда поѣхалъ на службу; но, къ сожалѣнію моему, пропала она у меня съ нѣкоторыми другими книгами.

Вотъ въ какихъ упражненіяхъ препроводилъ я все глубокое и скучное осеннее время и первую половину зимы. Правда, меня людцы мои хотя и старались приучить къ псовой охотѣ, и съ первозимья доставъ гдѣ-то нѣсколько борзыхъ собакъ, уговорили меня выѣхать верхомъ для ловленія зайцевъ по порошѣ, однако мнѣ охота сія никакъ не полюбилась. Я иззябъ въ-прахъ, ѣздючи верхомъ по снѣгу по полямъ, разклялъ самъ себя, что поѣхалъ и, возвратясь домой, раскланялся съ сею охотою и приказалъ, чтобъ собакъ болѣе не было и на дворѣ моемъ, но чтобъ отдали ихъ тѣмъ, отъ кого взяли. Маленькій чижечекъ, сидящій у меня въ клѣткѣ съ колесомъ, которую я самъ сдѣлалъ, и гремящій позвонкомъ, дѣлалъ мнѣ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели всѣ борзыя собаки въ свѣтѣ. Я любовался всякій день, смотря, какъ онъ по ко-

лесу бѣгалъ и, вертя оное, гремѣлъ колокольчикомъ. Однако не могу сказать, чтобъ я и къ маленькимъ птичкамъ имѣлъ страстную охоту: у меня ихъ хоть и было нѣсколько, однако я не былъ къ нимъ охотникомъ.

Между сими разными упражненіями окончился тысяча-семь-сотъ-пятьдесять-третій годъ и начался четвертый, который былъ послѣдній, который мнѣ дома жить оставалось.

Симъ окончу и я мое теперешнее письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и протчая.

Письмо 22-е.

Любезный пріятель! Какимъ образомъ препроводилъ я первую половину зимы, такъ точно препровождена и вторая. Списываніе книгъ и тетрадей, писаніе и черченіе геометріи и читаніе «Четьихъ-Миней» и даже списываніе изъ нихъ наилучшихъ и любопытнѣйшихъ житіевъ нѣкоторыхъ святыхъ въ особую и нарочно сдѣланную для того книгу, составляло наиглавнѣйшее мое упражненіе. Книга сія и понынѣ еще у меня цѣла, и я храню ее для достопамятности, чтобъ видѣть, какъ я тогда писывалъ. Трудолюбіе мое и охота къ писанію была такъ велика, что я просиживалъ иногда цѣлыя почти ночи за письмомъ, и старушка-няня, дѣлающая мнѣ всегда одна почти компанію и уставающая отъ сидѣнія въ уголкѣ подлѣ печи за своимъ гребнемъ, нерѣдко принуждена бывала мнѣ напоминать, что время уже ужинать и что давно уже за полночь. Когда же дни стали становиться болѣе, то къ симъ упражненіямъ присовокуплялъ я и рисованье. Я нашелъ у дяди моего десятка два печатныхъ и разрисованныхъ картинокъ, изображавшихъ страданія Христовы. Нѣмецкіе сіи и изрядные эстампы прибиты были у него гвоздиками къ стѣнѣ подъ самымъ почти потолкомъ рядышкомъ, и отъ долготы времени и отъ мухъ такъ потемнѣли, что почти ничего не видать было, что на нихъ написано и изображено. Я досадовалъ, что были они въ такомъ небреженіи, и мнѣ захотѣлось ихъ всѣ для себя срисовать. Я выпросилъ ихъ у дяди и трудился надъ срисовываніемъ оныхъ весь почти великій постъ, и имѣлъ потомъ великое удовольствіе видѣть спальню мою украшенную ими. Склонность и охота моя къ рисованью была такъ велика, что я и лѣтомъ бо́льшую часть времени препровождалъ въ оном и нарисовалъ нѣсколько сотъ картинъ для украшенія моей залы. Во всѣхъ картушахъ географическаго атласа моего не осталось ни единаго человѣческаго изображенія и фигуры, которую-бъ я не нарисовалъ въ увеличенномъ видѣ на особливомъ листѣ бумаги и не помѣстилъ на-ряду съ прочими. Самая сія украшаемая картинами зала составляла въ лѣтнее время и рисовальную мою комнату, и весь столъ въ оной укладенъ былъ раковинами съ красками. Но признаться надобно, что все сіе безчисленное множество картинъ не стоило и одной хорошей, а составляло не что иное, какъ единое гвазданье.

Кромѣ сего было у меня симъ лѣтомъ и другое дѣло и упражненіе. Прочертивъ зимою всю геометрію, чертилъ я около сего времени фортификацію. Наука сія, научающая строить, оборонять и брать крѣпости и города, въ особливости мнѣ полюбилась и была для меня очень весела. Склонность моя къ ней такъ была велика, что я, не удовольствуясь однимъ черченіемъ, захотѣлъ видѣть и въ самой практикѣ и натурѣ всѣ крѣпостныя зданія и военныя укрѣпленія. Я сдѣлалъ себѣ маленькую сажень и футъ, и выбравъ въ саду ровненькое мѣсто, предпринялъ построить въ миньятюрѣ маленькую земляную регулярную крѣпостцу. И о! сколько трудовъ, хлопотъ, гвазданья, маранья, скобленья и рѣзанья не было при сей работѣ. Я располагалъ и отдѣлывалъ все по увеличенному масштабу, и не прежде какъ чрезъ нѣсколько недѣль имѣлъ удовольствіе видѣть крѣпость мою отдѣланною и окруженною рвомъ, покрытымъ путемъ и полисадникомъ, и могу сказать, что чрезъ сію игрушку получилъ я многія такія понятія, которыхъ не имѣлъ прежде.

Вотъ въ какихъ дѣлахъ и упражненіяхъ упражнялся я въ теченіе сего года. Изъ нихъ хотя большая часть составляла не что иное, какъ дѣтскія игрушки, однако по-крайней-мѣрѣ произошла отъ нихъ та польза, что я не былъ никогда въ праздности, но занятъ былъ бо́льшую часть времени дѣлами; слѣдовательно, и оставалось его тѣмъ меньше на рѣзвости и другія свойственныя моему возрасту увеселенія. Ибо надобно знать, что сколь я помянутымъ образомъ ни былъ трудолюбивъ и къ наукамъ прилеженъ и рачителенъ, и сколь ни велъ себя тихо, скромно и постоянно, однако не должно себѣ воображать, чтобъ я былъ и совершеннымъ уже философомъ и чтобъ не было во мнѣ ничего уже ребяческаго; но вопреки тому, при всѣхъ моихъ хорошихъ и похвальныхъ упражненіяхъ, не проходило безъ того, чтобъ временемъ иногда, а особливо вечеркомъ и на досугѣ, не порѣзвиться и чего-нибудь глупаго и непохвальнаго не сдѣлать.

Ко всѣмъ симъ рѣзвостямъ и глупымъ упражненіямъ приучилъ меня наиболѣе мой двоюродной братъ, то-есть старшій сынъ дяди моего. Я уже упоминалъ, что онъ былъ совсѣмъ противнаго со мною сложенія, и вмѣсто наукъ и трудолюбія имѣлъ только склонность къ однѣмъ рѣзвостямъ. Самое сіе причиною было, что онъ весьма долго со мною коротко не познакомился и не сдружился, ибо какъ онъ услышалъ, что я все сижу за дѣлами, и либо книгу читаю, либо пишу, либо рисую, то и бѣгалъ онъ отъ меня какъ отъ огня и не сводилъ со мною никакъ короткаго знакомства.

Симъ образомъ прошло у насъ все первое лѣто жительства моего въ деревнѣ, и все наше свиданіе бывало только тогда, когда либо я приду къ дядѣ, либо онъ ко мнѣ, но и тутъ, бывало, онъ только-что покажется и повернется, а тамъ опять и слѣдъ его уже простылъ. Наконецъ нечаянный случай, и не прежде какъ по наступленіи уже первой зимы, насъ съ нимъ сдружилъ и познакомилъ. Случилось какъ-то мнѣ увидѣть, что ребятишки на дворѣ играли въ такъ-называемую «килку». Мнѣ игра сія полюбилась чрезвычайно, и болѣе потому, что она имѣла нѣкоторое подобіе войны. Всѣ играющіе раздѣлялись на двѣ партіи, и одна партія старалась килку, или маленькій и кругленькій отрубочекъ отъ деревяннаго кола, гнать въ одну сторону и догонять до конца двора или до уреченнаго какого-нибудь мѣста, а другая партія старалась ей въ томъ воспрепятствовать и гнать килку въ другую сторону двора и также до какого-нибудь уреченнаго мѣста, и которой партіи удастся прежде до своего желанія достигнуть, та и выигрываетъ. Чтобъ удобнѣе можно было сію килку гнать, то каждый человѣкъ имѣетъ палку съ кочерешкою на концѣ, дабы сею кочерешкою можно ему было килку и совать и по землѣ гнать, а ежели случится на просторѣ, то и ударять, чтобъ летѣла далѣе и могли ее подхватить и гнать далѣе его товарищи. Словомъ, игра сія самая задорная, наполненная огня, рвенія, усердія и играющіе должны употреблять наивозможнѣйшее проворство и скоропоспѣшнѣйшее бѣганіе за килкою для успѣванія скорѣй ее ударить и прогнать, и притомъ наблюдается въ ней нѣкоторый порядокъ. Люди разстанавливаются сперва вдоль по всему двору въ два ряда и человѣкъ противъ человѣка, а потомъ одинъ изъ побѣдителей, положивъ килку на какую-нибудь чурку, ударяетъ по ней изо всей мочи свою кочерешкою и такъ, чтобъ полетѣла она нѣсколько вверхъ и упала сверху посреди обоихъ рядовъ, и тогда ближніе люди бросаются къ ней и начинаютъ свое дѣло, то-есть, гнать въ ту сторону, куда кому надобно.

Впрочемъ, была игра сія у насъ въ деревнѣ въ такомъ тогда обыкновеніи, что въ зимнее досужное вечернее время играли въ нее не только ребятишки, но и самые старые и взрослые люди вмѣстѣ съ ними. Всякій выбиралъ другого такого-жъ себѣ въ соперники, и всѣ не меньше бѣгали и проворили, какъ и ребятишки, и веселились до крайности, когда случится побѣдить и заставить себя побѣж-

денному перенесть за плечами чрезъ весь дворъ или отъ одного уреченнаго мѣста до другого.

Всѣ сіи обстоятельства и возбудили во мнѣ желаніе испытать поиграть вмѣстѣ съ ними, и какъ она мнѣ чрезъ то еще больше полюбилась, то, примѣтя единую ту опаспость, сопряженную съ сею игрою, что деревянная палка, попавъ въ человѣка, можетъ зашибить, велѣлъ я вмѣсто опой сшить кожаный мячъ и употреблять при игрѣ сей, а людей собрать какъ можно болѣе, дабы она была тѣмъ веселѣе.

Сдѣлавъ сію перемѣну, не успѣли мы начать играть, какъ, поглядимъ, катитъ на дворъ нашъ Михайло Матвѣевичъ съ цѣлою толпою своихъ прислужниковъ и ребятишекъ. Въ другое время звать бы его не дозвался, а тутъ прилетѣлъ самъ, какъ соколъ ясной.—«Братецъ! мнѣ сказали, что вы здѣсь играете сами: не дозволите ли и мнѣ съ вами поиграть?» «Очень хорошо, братецъ, сколько угодно».

Мы проиграли тогда цѣлый вечеръ вмѣстѣ, и нарѣзвились и навеселились до-сыта. Братцу моему сіе такъ понравилось, что онъ обѣщалъ и на-утріе придти, если у насъ игра будетъ. Я принужденъ былъ, для приласканія его къ себѣ, и на другой день то же затѣять, и съ того времени пересталъ мой братецъ меня дичиться, но сталъ ходить ко мнѣ часто, а все болѣе для того, чтобъ ему тутъ вольнѣе было рѣзвиться, нежели дома.

Но вѣдалъ бы я, то лучше-бъ никогда ходить его къ себѣ не заохочивалъ, ибо скоро дошло до того, что онъ сталъ мнѣ уже и мѣшать въ моихъ упражненіяхъ. Часто случалось, что иногда дѣлаешь что-нибудь нужное и спѣшишь скорѣй кончить, а не успѣетъ онъ притти, какъ покидай все дѣло, и въ удовольствіе его ступай съ нимъ либо въ килку играть, либо на крестьянскихъ лошадяхъ кататься, либо иное что глупое и ребяческое дѣлать. Къ вящему несчастію, не успѣлъ онъ начать ко мнѣ ходить, какъ и самъ отецъ его сталъ его къ тому поощрять и побуждать ходить ко мнѣ чаще, ибо онъ, вѣдая мои хорошія упражненія, ласкался надеждою, что отъ меня и къ сыну его что-нибудь пристанетъ, и что и онъ что-нибудь у меня перейметъ и къ чему-нибудь прихотится. Но у нашего молодца всего меньше на умѣ было, чтобъ перенимать что-нибудь. Книги для насъ хоть бы не были на свѣтѣ, писаніе ненавистно, а рисованіе въ голову лѣзть не хотѣло, а весь умъ и разумъ нашъ помышлялъ объ однѣхъ только рѣзвостяхъ и вся голова набита была одними пустяками и глупостями.

Такимъ образомъ, приманивъ къ себѣ братца, скоро и не радъ я тому уже былъ; но какъ дѣло сіе было уже невозвратно и отучить ходить къ себѣ было трудпѣе, то принужденъ уже я былъ коекакъ съ нимъ перебиваться; иногда отговаривался уже недосугами, иногда всклепанною на себя головною болѣзнію, иногда стужею и тому подобнымъ, но сіе все мало помогало. Пристанетъ, бывало, такъ, что никакъ не отдѣлаешься, и поневолѣ почти дѣлаешь то, чего бы и не хотѣлось. Напримѣръ, какъ пришло Рождество и наступили святки, то у меня и на умѣ не было заводить игрищи; но по его усильной и неотступной просьбѣ должепъ я былъ велѣть собирать и дѣлать сіи наиглупѣйшія деревенскія игралищи, въ коихъ не только не было ни малѣйшаго вкуса, но кои, по сквернословію, употребляемому на нихъ играющими, были гнусны, отвратительны и презрѣнія достойны. Но братецъ мой восхищался оными и находилъ невѣдомо-сколько удовольствія.

По приближеніи мясляницы приказалъ я, не столько для себя, сколько для него, сдѣлать на дворѣ гору и себѣ собственныя маленькія салазочки. Но онъ мало на ней катывался, а для него пріятнѣе было ходить впизъ подъ гору и чрезъ рѣку въ деревню, и тамъ съ маленькаго бугорка кататься вмѣстѣ съ крестьянами и крестьянскими бабами и ребятишками,—а для чего? Для того, что у насъ на дворѣ наблюдалась сколько-нибудь благопристойность и порядокъ, а

тамъ была сущая безпорядица, всякая нелѣпица и вздоръ; напримѣръ, катывались не столько на салазкахъ, сколько павалившись по нѣскольку человѣкъ другъ на друга на дровняхъ или на лубкахъ, и притомъ не столько днемъ, сколько ночью. А! какъ это для братца моего было утѣшно и весело Онъ уговорилъ и меня сдѣлать ему однажды компанію и сходить туда же; но для меня катанье сего рода никакъ не полюбилось, но показалось слишкомъ безпорядочно, глупо и подло. Къ тому-жъ, какъ я тутъ едва-было очень больно не зашибся, то въ другой разъ не замапилъ опъ меня уже никакъ туда, а для меня милѣе было кататься на своей горѣ и порядочно на своихъ весьма ловкихъ салазкахъ, безъ шума, безъ крика и безъ всякихъ нелѣпостей и вздора, и къ каковому катанію я такъ тогда привыкъ, что любилъ упражненіе сіе во все теченіе моей жизни.

Во время продолженія великаго поста, при частыхъ его меня посѣщеніяхъ, старался-было я братца моего приучить сколько-нибудь къ рисованью, въ которомъ я тогда наиболѣе упражнялся, и тѣмъ паче, что и самъ дядя меня о томъ просилъ. Но статочное ли дѣло, чтобъ намъ послушаться и чтобъ прилятся за какое-нибудь дѣльцо. Нѣтъ! для насъ всѣ они были скучны и непріятны, и всякое заставливало тотчасъ зѣвать. «А лутче сходимъ-ка, братецъ, на гумно и посмотримъ, какъ у васъ молотятъ». Я сперва не зналъ, что это значитъ, и согласился охотно съ нимъ туда итти; но что-жъ вышло, наконецъ, и зачѣмъ предпринимаема была сія ходьба на гумно?.. Надобно тайкомъ увесть крестьянскихъ тутъ находящихся лошадей съ санями, надобно на нихъ насажаться съ ребятишками, надобно скакать, что есть поры-мочи, по улицамъ, по рощамъ и по дорогамъ, и во все горло орать самыя глупѣйшія и вздорнѣйшія крестьянскія пѣсни, и потомъ гдѣ-нибудь звалиться, полетѣть стремглавъ, перегваздаться и перемарать-ся всѣмъ въ снѣгу, и всему тому похохотать; не все ли глупое, нелѣпое и вздорное? Но совсѣмъ тѣмъ братцу моему было все сіе крайне мило, и утѣшно. Онъ радъ бы хоть всякій бы день сіе повторять, однако скоро я и отъ сей забавы отказался. Однажды извалившись и едва не переломивъ руки, откланялся я ей и оставилъ ее одному своему братцу.

Предъ наступленіемъ святой недѣли, увидѣвъ братецъ мой, что я не всегда и не на всѣ его предложенія и затѣи соглашаюсь, а привыкнувъ въ домѣ у меня съ множайшею вольностію рѣзвиться, нежели дома, гдѣ иногда отецъ на него покрикивалъ, вздумалъ приискать себѣ еще товарища, съ которымъ бы ему болѣе можно было рѣзвиться, и уговорилъ меня, чтобъ я выпросилъ у одного нашего сосѣда и дальняго родственника, по имени Степана Петровича Челищева, одного изъ его сыновей, и взялъ его погостить къ себѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ одного, по имени Михайлу, знаетъ, что опъ лѣтами почти намъ ровестникъ, что мальчикъ весьма хорошій, и что намъ съ нимъ будетъ нескучно.—«И, братецъ!» сказалъ я, сіе услышавъ, — «что ты мнѣ сего давно не скажешь? я бы давно его къ себѣ взялъ. Пускай бы опъ у меня жилъ и дѣлалъ мнѣ компанію». Словомъ, братецъ мой такъ меня имъ прельстилъ, что я на другой же день къ Степану Петровичу для испрошенія его къ себѣ поѣхалъ. Дворянинъ сей былъ весьма небогатый человѣкъ, жилъ отъ насъ верстъ за десять, имѣлъ многихъ сыновей, и наслышавшись довольно о моей постоянной и хорошей жизни и поведеніи, съ великою охотою согласился отпустить ко мнѣ своего сына и дозволить держать его у себя столько, сколько мнѣ угодно будетъ. Обрадуясь сему, взялъ я его тогда же съ собою, и привезя домой, послалъ тотчасъ за братцемъ, и показывая ему его, сказалъ: «вотъ тебѣ и Михайла Степановичъ; такой ли надобенъ?..» Онъ обрадовался сему чрезвычайно и тотчасъ возобновилъ съ нимъ прежнее свое знакомство и свелъ дружбу.

Сотоварществомъ сего мальчика, а особливо въ первые дни, покуда онъ еще

не оборкался, а все нѣсколько дичился, и покуда продолжался еще постъ, былъ я весьма доволенъ. Онъ показался мнѣ довольно смирнымъ и хотя ничего совсѣмъ незнающимъ, но имѣющимъ нѣсколько любопытства. Когда я работывалъ, то онъ спживалъ подлѣ меня, сматривалъ мою работу и разспрашивалъ то о томъ, то о другомъ. Все сіе ласкало меня надеждою, что авось-либо удастся мнѣ что-нибудь нужное и хорошее вперить въ сего мальчика и приучить его со временемъ къ какому-нибудь упражненію, и я мечталъ уже невѣдомо что объ немъ. Но сколь сильно обманулся я во всѣхъ моихъ мнѣніяхъ и надеждахъ! Святая недѣля показала мнѣ совсѣмъ иное.

Не успѣла сія пастать, какъ начались у насъ съ братцемъ моимъ ежедневныя свиданія и всѣ недѣлѣ сей свойственныя увеселенія. Мы были почти неразлучны между собою и онъ почти не выходилъ отъ меня. Катаніе яицъ, которыхъ было у меня превеликое множество, составляло наше первое упражненіе. Я снабдилъ довольнымъ количествомъ оныхъ и моего сотоварища и гостя. Братъ мой былъ чрезвычайнымъ охотникомъ до сего катанія, и притомъ очень вздорливъ и неугомоненъ. Челищевъ былъ ничѣмъ не лутче, а еще не хуже ли онаго. Всякій день начались у нихъ съ нимъ за яйца крики, споры, ссоры и вражда, и очень часто дохаживало даже и до стрѣлянья другъ въ друга яйцами и катками, и я принужденъ былъ ихъ унимать, мирить и возстановлять прежнее согласіе. Сіе явленіе было первое, показавшее мнѣ уже отчасти истинный характеръ моего гостя, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усматривалъ я, что въ заключеніяхъ моихъ объ немъ весьма обманулся.

Другое увеселеніе наше составляло качаніе на качеляхъ. У меня сдѣланы были онѣ на дворѣ прекрасныя. Братецъ мой съ г. Челищевымъ не сходили почти съ оныхъ. У него была съ нимъ всякій день по нѣскольку разъ и ссора и миръ, и опять дружба, и какъ оба они были ребята очень несмирные, то происходила у нихъ и на качеляхъ всякая всячина. Однажды чуть-было братецъ мой не ушибъ до смерти моего гостя, вскинувъ его съ ребятами такъ высоко, что онъ соскочилъ съ доски и повисъ на веревкахъ. Я обмеръ и спужался, увидѣвъ сіе издали, и наконецъ безпутныя ихъ рѣзвости мнѣ такъ надоѣли, что я велѣлъ закинуть веревки и запретилъ, чтобъ никто безъ меня не качался.

Не въ одномъ семъ упражнялись мы въ святую недѣлю; но какъ оная была въ тотъ годъ поздно, и не только не было нигдѣ уже снѣга, но и обсохло, то не оставили мы ни одной почти игры, въ которую-бъ не играли и не рѣзвились. И въ мячъ-то, и въ городки, и въ килку, и въ веревку, и въ стрякотки-блякотки, и въ ладышки и во вся и вся! Всѣмъ симъ играмъ наиглавнѣйшій заводчикъ и затѣйщикъ былъ братъ мой, а г. Челищевъ былъ ему сподспѣшникъ и сотоварищъ.

Въ сіе-то время имѣлъ я случай узнать короче моего гостя и удостовѣриться въ томъ, что онъ былъ прерѣзвая особа, неимѣющая въ головѣ своей ничего добраго. Склонность его къ рѣзвостямъ, бѣшенству, ко всякимъ шалостямъ и ко всему, что только безпутствомъ названо быть можетъ, была такъ велика, что онъ далеко въ томъ превосходилъ и самого моего брата, а сверхъ того и умъ его былъ не изъ самыхъ лучшихъ. Все сіе заставляло меня уже нѣкоторымъ образомъ и раскаяваться въ томъ, что я его къ себѣ взялъ. Однако, какъ при всемъ томъ былъ онъ веселаго нрава, а что́ всего лучше — не только переносилъ всякія дѣлаемыя съ нимъ шутки, но и охотно еще и самъ давалъ надъ собою шутить, то сіе было причиною тому, что я его удержалъ при себѣ; а сверхъ того имѣлъ я отъ него и ту выгоду, что братъ мнѣ не дѣлалъ уже столько въ дѣлахъ и упражненіяхъ моихъ помѣшательства, какъ прежде, и я всякій почти разъ, когда онъ ко мнѣ прихаживалъ, адресовалъ уже его къ моему Михайлѣ Степановичу, дабы онъ съ нимъ шелъ, и что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ, а

меня бы оставилъ при моемъ дѣлѣ и съ покоемъ.

Однако нельзя было, чтобъ временемъ и я не дѣлалъ имъ компаніи. Лѣта мои требовали того, чтобъ иногда и мнѣ порѣзвиться. И какихъ-какихъ проказъ не дѣлали мы иногда надъ нашимъ гостемъ и сотоварищемъ, а особливо братъ мой. Однажды онъ чистехонько-было его уморилъ. Была у меня какая-то настойка съ ягодами и виномъ. Поутру въ тотъ день сливали у меня ее, и такъ случилось, что ягоды, напоенныя еще виномъ и спиртомъ, поставлены были въ чашѣ въ передней комнатѣ. Братъ мой, пришедши послѣ обѣда ко мнѣ, какъ-то ихъ увидѣлъ, и отвѣдавъ ихъ, узналъ, что онѣ довольно еще были сладки; тотчасъ приди ему въ голову подшутить надъ г. Челищевымъ. Онъ зазвалъ его туда, и вѣдая, что нужно было только о чемъ-нибудь заспорить, какъ ко всему его убѣдить и преклонить можно, отыскалъ какую-то нарочитой величины чашу и спросилъ его, могъ ли бъ онъ, напримѣръ, съѣсть чашку сію, вверхъ, сихъ ягодъ. «А для чего не съѣсть?»—отвѣтствовалъ Челищевъ, отвѣдавъ напередъ ягоды и нашедъ ихъ довольно вкусными. — «Пустяки!» сказалъ на то братъ,—«можно ли тебѣ съѣсть? ты и третьей доли не съѣшь!» — «Коли такъ, то сей же часъ изволь», отвѣтствовалъ г. Челищевъ, и тотчасъ насыпавъ чашку вверхъ, и началъ убирать. Я сидѣлъ тогда въ другой горницѣ и рисовалъ, и ничего не знаю и не вѣдаю, что у нихъ тутъ происходило. Но не успѣло пройтить съ полчаса, какъ ягодки и разобрали нашего Михайлу Степановича. Онъ началъ шумѣть и бурлить, какъ съумасшедшій, и всѣхъ насъ бранить и ругать немилосердымъ образомъ. Я удивился, сіе увидѣвъ, и не понималъ, что-бъ это значило, и что-бъ такое подѣлалось надъ моимъ гостемъ. Но какъ онъ часъ отъчасу болѣе бурлить и барабошить сталъ, и схватя палку, за людьми гоняться, то началъ я уже и потрушивать и иного не заключалъ, что онъ съ ума сошелъ и взбѣсился. — «Батюшки мои! что это съ нимъ сдѣлалось?» говорилъ я только всѣмъ, и горевалъ, не зная что мнѣ съ нимъ дѣлать и начать. Словомъ, я бы впрахъ настращался и перетрусился, если бы въ самое то время не вошелъ въ комнату мою мой братъ, ходившій между тѣмъ домой, и увидѣвъ проказы г. Челищева не покатился бы со смѣха. Меня сіе удивило еще больше.—«Чему, братецъ, смѣяться?» говорю я ему,—«человѣкъ съ ума сошелъ и взбѣсился, и я не знаю, что съ нимъ дѣлать?» Но онъ, услышавъ сіе, захохоталъ еще пуще и катается-таки со смѣха!—«Господи, помилуй!» говорилъ я тогда, удивляясь отчасу больше и не понимая, что-бъ это все значило, — «или всѣ люди нынѣ съ ума сошли? Да скажи, братецъ, ради Христа, чему такому ты смѣешься, и что въ томъ смѣшного, что человѣкъ взбѣсился?» Братъ мой хотѣлъ-было сказать слово, но отъ смѣха никакъ не могъ; наконецъ, насилу-насилу и коекакъ промолвилъ: «Какое съ ума сошелъ? это не что иное, какъ ягодки!»—«Какія ягодки?» спросилъ я. И тогда разсказалъ онъ мнѣ всю исторію, и увѣрялъ, что онъ не что иное, какъ пьянъ. Тогда исчезъ весь мой страхъ, и мы совокупно начали надъ нимъ шутить и хохотать. Но смѣхи и хохотанье наше скоро перемѣнилось въ дѣйствительный страхъ и опасеніе. Г. Челищевъ, побурливъ-побурливъ, началъ наконецъ пошатываться, глаза у него перемѣнились и сдѣлались страшные, языкъ началъ съ нуждою ворочаться и едва произносилъ слова: «Охъ, тошно! охъ, смерть моя!» а немного погодя, не могъ онъ болѣе стоять на ногахъ, повалился, гдѣ стоялъ, на полъ. Глаза подкатились у него подъ лобъ, изо рта начала бить клубомъ пѣна, и онъ сдѣлался безъ ума, безъ памяти и лишился почти чувствъ всѣхъ; мы оба съ братомъ обмерли и спужались, все сіе увидѣвъ, и не знали, что съ нимъ начать и дѣлать. Я только что твердилъ брату: «Бога ты, сударь, не боишься! какъ тебѣ, братъ, не стыдно! какую сдѣлалъ съ нимъ проказу! нелегкая тебя догадала кормить его тамъ ягодами! Что ты изволишь тогда дѣлать, если онъ умретъ? Я прямо,

вѣдь, на тебя скажу, и ты какъ хочешь, такъ и отвѣтствуй!» Братъ мой стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не говоря ни слова, а только что блѣднѣлъ и краснѣлъ. Тотчасъ послали мы за дядькой моимъ, Артамономъ; спрашиваемъ у него, чѣмъ сотоварищу нашему пособить? Дядька мой самъ не знаетъ. Наконецъ присовѣтовали намъ лить на него воду. Мы тотчасъ сіе сдѣлали: всего его замочили, но пользы отъ того не было. Горе на насъ превеликое! боимся, чтобъ дѣйствительно не умеръ. Напослѣдокъ присовѣтовали намъ влить въ него ложку конопляна́го масла; насилу разжали ему ротъ и влили оное: и оттого ли, или не оттого, ему стошнилось и его вырвало. Сіе сдѣлало ему нѣкоторое облегченіе, онъ успулъ, и къ великому нашему удовольствію, къ вечеру роспался и оправился.

Въ другой разъ заспорили мы также съ нимъ, что не можно никакъ голому человѣку пробѣжать сквозь превеликую и широкую кулигу крапивы, которую нашли мы гуляючи въ одномъ мѣстѣ подлѣ пруда. — «Для чего не пробѣжать?» сказалъ онъ,—«великая эта диковинка! тутъ не будетъ и десяти саженъ!» Мы оспоривали его, что не можно, а онъ утверждалъ, что можно, и говорилъ брату моему: «Коли не вѣришь, давай объ закладъ—объ гривнѣ, я самъ пробѣгу». Я моргнулъ брату моему, чтобъ онъ бился, ибо признаюсь, что въ этомъ грѣхѣ былъ и я соучастникомъ, и онъ не успѣлъ съ нимъ ударить по рукамъ, какъ г. Челищевъ въ одинъ мигъ сорвалъ съ себя все платье долой и пустился, и пробѣжавъ закричалъ: «Великая диковинка! Ежели хотите, я и назадъ пробѣгу».—«Ну, ну! братецъ, ужъ такъ и быть! то будетъ и честь, и слава молодцу». Онъ исполнилъ и сіе. Но какое же мученіе и страданіе принужденъ былъ онъ вытерпѣть! Сгоряча онъ не слыхалъ и не чувствовалъ ничего. Но какъ крапива была превысокая и густая, и обстрекала его всего съ головы до ногъ, то не успѣло минуть двухъ пройтить, какъ взбѣленился нашъ малый и даже взвылъ отъ превеликой боли и мученья, такъ что мы сколько хохотали сперва, столько и сжалились надъ нимъ и обѣщанную гривну съ охотою ему дали.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, проломили-было мы ему чисто голову, играючи въ килку, которая случилась на ту пору деревянная. Рѣзвому братцу моему вздумалось съ умысла ударить ее такъ, чтобъ она ему по спинѣ попала; но килка была такъ неосторожна, что попала ему прямо въ голову. Г. Челищевъ не могъ даже устоять на ногахъ оттого и насилу очнулся, и голова у него очень долго болѣла.

Наконецъ, однажды, тотъ-же братецъ мой совершенно-было утопилъ его на прудѣ. Было то при случаѣ купанья. До сего купанья были мы превеликіе охотники, и братецъ мой такъ меня къ сему приучилъ, что въ жары мы съ нимъ по нѣскольку разъ купывались, и однажды, какъ теперь помню, дошло до того, что мы цѣлыхъ семь разъ въ одинъ день купались. Какъ г. Челищевъ всегда бывалъ съ нами и не весьма еще плавать умѣлъ, то рѣзвому братцу моему вздумалось однажды вмѣстѣ съ нимъ, голымъ, поплавать по пруду въ камягѣ, которая была у меня на прудѣ. Не успѣлъ онъ отъѣхать на средину, какъ, желая постращать г. Челищева, сталъ онъ камягу качать то въ ту, то въ другую сторону, и веселиться тѣмъ, что тотъ кричалъ и боялся; но однажды качнулъ такъ неосторожно, что и самъ полетѣлъ въ воду, и его выпрокинулъ, и тогда чуть-было онъ не захлебнулся совсѣмъ. На-силу, па-силу я уже подплылъ и его съ глубокаго мѣста стянулъ за собою на мелкое.

Вотъ какія разныя проказы мы съ нимъ дѣлали; по конца-бы не было, если-бы всѣ оныя и всѣ наши рѣзвости пересказывать, а довольно и сихъ, для доказательства вамъ, что всѣ мы были молодцы изрядные. Чѣмъ прекратя, остаюсь и протчая.

Письмо 23-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ моемъ письмѣ опишу я вамъ до-

стальное мое пребываніе въ деревнѣ. Изъ обоихъ предслѣдующихъ писемъ могли вы усмотрѣть, что сколько жизнь моя, въ сей разъ, въ деревнѣ ни была хороша и порядочна, однако было въ ней нѣчто и дурное, и видѣли причину, подавшую къ тому поводъ. Ежели по справедливости судить, то сіе немногое дурное было, въ разсужденіи лѣтъ моихъ, нѣсколько для меня и извинительно. Мнѣ шелъ хотя шестнадцатый годъ, но какія это еще лѣта и можно-ли требовать и ожидать въ нихъ совершенной зрѣлости разума и дальняго постоянства? Далѣе, ежели принять въ разсужденіе, что все сіе дурное состояло въ единыхъ только дѣтскихъ рѣзвостяхъ, и что я, живучи на совершенной волѣ и совершеннымъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, весьма легко могъ-бы посягнуть на что-нибудь дальнѣйшее и худшее, то великое для меня было еще счастіе, что я отъ всего того избавился и сохранилъ себя въ сіе столь критическое время моей жизни въ совершенной непорочности. Привычка ко всегдашнимъ и безпрерывнымъ упражненіямъ, частое и многое чтаніе духовныхъ книгъ, нерѣдкія свиданія и разговоры съ попами и другими духовными людьми о вещахъ до закона и вѣры касающихся, а наконецъ и самое списываніе житіевъ святыхъ, упражнявшее мысли мои хорошими и набожными помышленіями, посѣшествовало много къ тому, что я не погрузился въ какіе-нибудь такіе пороки, какіе не рѣдко таковому возрасту бываютъ свойственны, въ какомъ я тогда находился; а лучше сказать, не что иное, какъ самое Провидѣніе и особливая милость небесъ меня отъ того сохранила.

Возвращаясь теперь къ повѣствованію моему, скажу, что изъ прочихъ происшествій, случившихся со мною въ тогдашнее пребываніе мое въ деревнѣ, не помню я никакихъ такихъ, которыя-бъ достойны были въ-особливости замѣчены быть, кромѣ слѣдующихъ трехъ, не составляющихъ дальней важности.

Первое было то, что я однажды на смерть перепуганъ былъ ужами. Сихъ ядовитыхъ гадинъ было какъ-то въ нашей деревнѣ превеликое множество въ тогдашнее время. Наплучшее ихъ жилище было подъ плотиною въ томъ хворостѣ, которымъ пруды изстари были запружены. Тутъ имѣли они свои норы и лазеи, изъ которыхъ вылѣзая въ жаркое время, леживали они противъ солнца цѣлыми кучами свившись другъ съ другомъ. Кромѣ сего ползывали они вездѣ и вездѣ и живали даже въ самыхъ лучшихъ избахъ. Поелику гадины сіи не напрасливы и очень смирны, ежели кто ихъ не трогаетъ и не раздражаетъ: то люди наши такъ къ нимъ привыкли, что никакъ ихъ не боялись. Не рѣдко, какъ разсказывали мнѣ, случалось, что они вспалзывали на самыя кровати спящихъ людей, однако ни мало ихъ не вредили, хотя на смерть перепугивали при просыпаніи и узрѣніи оныхъ. А однажды, какъ увѣряли меня, случилось въ домѣ нашемъ весьма странное и удивительное приключеніе. Одна женщина, посадивъ маленькихъ дѣтей своихъ на землю въ сѣняхъ, дала имъ горшокъ молока для хлебанія. Во время хлебанія сего гдѣ ни возьмись превеликій ужъ, и приползя къ ребятишкамъ, всунулъ голову свою чрезъ край въ горшокъ. Повсюду есть молва, что ужи великіе охотники до молока, и что будто не рѣдко высасываютъ изъ коровъ все молоко, но чему однако трудно повѣрить. Но какъ бы то ни было, но маленькіе ребятишки ужа сего не только ни мало не испужались, но били его еще по головѣ своими ложками, не давая ѣсть молока. Въ самое то время вошла въ сѣни опять ихъ мать и обмерла и спужалась, увидѣвъ сіе зрѣлище. Она не знала что дѣлать, но ужъ не успѣлъ ее увидѣть какъ поползъ прочь и ушолъ въ свою нору.

Вотъ исторія, о которой увѣряли меня, что она случилась нѣкогда въ нашемъ домѣ, однако я худо тому вѣрю и почитаю болѣе народною басенкою.

Что касается до моего съ ними происшествія, то случилось оно во время

купанія въ прудѣ. Я выше упоминалъ уже, что у меня была на семъ прудѣ камяга или напростѣйшая выдолбленная изъ одного дерева лодка. Я досталъ ее для разъѣзжанія по пруду и увеселенія себя на оной плаваніемъ, по привычкѣ, учиненной къ тому еще во Псковщинѣ; когда же научился я при частомъ куланьи плавать и нырять, то наилучшее было у насъ обыкновеніе, съѣхавши на камягѣ сей на самое глубокое въ пруду мѣсто, прыгать съ нея въ воду и опустясь на дно выскакивать опять на поверхность воды и влѣзать опять въ лодку. Но чтожъ случилось со мною однажды при таковомъ прыжкѣ въ воду. Не успѣлъ я дойтить до дна и ногами своими коснуться до земли, чтобъ дать ими толчекъ объ оную для скорѣйшаго возвращенія на поверхность воды, какъ почувствовалъ я подъ ногами нѣчто чрезвычайно и какъ ледъ холодное; но какимъ неописаннымъ ужасомъ поразилось сердце мое, когда, вынырнувши изъ воды увидѣлъ я, что вслѣдъ за мною вынырнуло изъ воды и два превеликихъ ужа, и одинъ не болѣе какъ на аршинъ, а другой аршина на два отъ меня. Я оцѣпенѣлъ весь тогда отъ ужаса и не зная уже не вѣдая, какимъ образомъ догребъ я до лодки и ускользнулъ въ опую, а того меньше, какъ меня сіи ужи не ужалили: видно самой судьбѣ угодно было меня спасти отъ оныхъ, ибо оба они, вынырнувъ и поднявъ головы съ превеликимъ шипѣніемъ, яко знакомъ ихъ раздраженія, поплыли прочь и чрезъ весь почти прудъ къ берегу.—Съ того времени полно мнѣ не только прыгать попрежнему съ лодки въ воду, но я пересталъ и купаться въ семъ прудѣ.

Въ другой разъ и вскорѣ послѣ того, идучи мимо плотины, увидѣлъ я нѣсколькихъ ребятишекъ на плотинѣ, мечущихъ камушками и палочками въ лежащаго посреди дороги на плотинѣ превеликаго ужа, и раздражающаго онаго. Я закричалъ на нихъ, чтобъ они перестали, что хотя они и учинили, но ужъ былъ уже раздраженъ и погнался въ слѣдъ за одним изъ нихъ, побѣгшимъ прямо въ ту сторону гдѣ я стоялъ. Боже мой! какъ я тогда испужался, а особливо увидѣвъ въ первый разъ отъ роду, какъ ужи раздраженные ползаютъ. Они, извиваясь кольцомъ, не ползаютъ, а даже спгаютъ, и очень скоро и далеко. Мнѣ не инако казалось, что онъ не только мальчишку, но и самого меня ужалитъ, и я побѣжалъ тогда такою опрометью прочь, что самъ себя не вспомнилъ.

Оба сіи случаи такъ меня настращали, что я всѣмъ людямъ и крестьянамъ накрѣпко приказалъ съ того времени бить ужей вездѣ, гдѣ они ихъ ни завидятъ и не знаю, отъ того ли или нѣтъ, но съ того времени количество ихъ знатно уменьшилось и дошло до того, что нынѣ въ цѣлый годъ рѣдко кому удастся и одного ужа увидѣть.

Другое приключеніе было смѣшное, но наведшее на меня также нѣкоторое опасеніе. Состояло оно въ томъ, что я отъ одной глупой привычки чуть было лунатикомъ не сдѣлался. Въ комнатѣ той, въ которой я спалъ, была кирпичная голландская печь, по имѣющая предъ самымъ устьемъ своимъ приступокъ, на которомъ сидѣть было можно. На семъ приступкѣ стоючи и растворивъ дверцы, чтобъ шолъ духъ, повадился я, ложась спать и раздѣвшись уже совсѣмъ, въ одной рубахѣ грѣться. Зимняя стужа подала мнѣ къ тому первый поводъ: нагрѣвшись бывало досыта и ложусь я прямо въ постелю. Но чтожъ меня отъ сей довольно долго продолжавшейся и ежедневно повторяемой привычки отъучило?—Однажды нагрѣвшись симъ образомъ, легъ я по обыкновенію спать и заснулъ скоро, но въ самую полночь пробудившись, вдругъ увидѣлъ себя стоящаго на помянутомъ приступкѣ у печки и грѣющагося. Господи помилуй! перекрестясь сказалъ я тогда самъ себѣ: какимъ это образомъ я сюда зашолъ?—Ужасъ превеликій напалъ тогда на меня; я раскликалъ и перебудилъ всѣхъ спящихъ со мною людей, и съ того времени полно мнѣ по вечерамъ у печки моей надъ душкомъ грѣться; и вотъ ка-

кое дѣйствіе можетъ производить привычка въ человѣкѣ.

Третье приключеніе было странное и для меня тогда весьма удивительное. Нѣкогда въ лѣтнее время передъ вечеромъ вздумалось мнѣ выттить одному въ нижній свой садъ прогуляться. Садъ сей удаленъ былъ нѣсколько отъ всего двора и былъ на косогорѣ къ рѣкѣ и къ вершинѣ. Неуспѣлъ я приттить въ оный и взойтить на самую средину онаго и самое то мѣсто гдѣ нынѣ предъ хоромами моими пониже цвѣтника стоятъ стриженныя пирамидами елки, какъ услышалъ я вдругъ голосъ, кличущій меня по имени и по отечеству и голосъ довольно громкій и такъ какъ бы изъ близи происходящій. Я тотчасъ отвѣтствовалъ «ась», но на мое ась не воспослѣдовало никакого отвѣта. Сіе меня удивило. Я тотчасъ закричалъ: «кто меня кликалъ»? но и на сіе столь же мало отвѣта получилъ, какъ и на первое. Я повторилъ еще разъ, но не тутъ-то было.—Я смотрѣть въ ту, я смотрѣть въ другую сторону, но никого не вижу; я кричать еще «кто меня кликалъ? кому я надобенъ»? но не было ни отъ кого ни слуха ни духа ни послушанія, но господствовала повсюду тишина и совершенное безмолвіе. «Господи помилуй! говорилъ я тогда удивляючись, что за диковинка? Кто это меня кликалъ?» но все мое удивленіе было тщетно. Не удовольствуясь кричаньемъ, сталъ я бѣгать по всему саду, перешарилъ всѣ его углы и закоулки, а особенно въ той сторонѣ, откуда мнѣ голосъ послышался, смотрѣлъ въ вершинѣ, за вершину въ рощу, въ чужой садъ, кричалъ еще нѣсколько разъ «кто меня кликалъ?» Но нигдѣ не было и слѣдовъ человѣческихъ и никто мнѣ не отвѣтствовалъ. Ужасъ тогда напалъ на меня. Я побѣжалъ опрометью домой и тутъ созвавъ всѣхъ людей спрашивалъ, не былъ ли кто въ нижнемъ саду или не шелъ ли мимо и не кликалъ ли меня, но всѣ клялись и божились, что никогда въ саду и близко подлѣ сада въ то время не было и никто меня не кликалъ. Словомъ, я не могъ никакъ отыскать и не знаю и поныпѣ, какъ это случилось и кто меня тогда кликалъ, а то только знаю, что голосъ былъ подобный во всемъ человѣческому и произносимъ былъ не далече отъ меня.

Кромѣ сихъ трехъ происшествій не помню я никакихъ иныхъ. Что-жъ принадлежитъ до моихъ выѣздовъ со двора, то во все мое тогдашнее полуторагодичное жительство въ деревнѣ были они очень рѣдки. У самой вышеупомянутой старушки, госпожи Бакѣевой, у которой былъ сынъ, умѣющій рисовать, бывалъ я очень рѣдко и болѣе потому, что она сына своего ко мнѣ никогда почти одного не отпускала, а сіе было причиною, что я не могъ сотовариществомъ его пользоваться. Кромѣ сей, была тогда еще одна старушка, по имени Варвара Матвѣевна Темирязева, къ которой я временно ѣзживалъ. Она происходила изъ нашей фамиліи и была сестра родственнику моему, Никитѣ Матвѣевичу Болотову, имѣвшему третій домъ въ нашей деревнѣ, но бывшему тогда на службѣ и служившаго въ Кіевскомъ полку полковникомъ. Старушка сія была всѣхъ старѣе въ нашемъ родѣ и самая та, которая запомнила еще того Еремѣя Гавриловича, котораго исторію сообщилъ я въ началѣ первой части моей исторіи и отъ которой я ее слышалъ. Къ сей старушкѣ ѣзжалъ я также временно и любливалъ слушать отъ нея разныя повѣствованія о старинѣ. Также случалось мнѣ однажды ѣздить съ дядею моимъ и къ тому Ива́ну Михайловичу Дурнову, который былъ отцу моему наилучшій другъ и котораго въ духовной своей сдѣлалъ онъ душеприкащикомъ. Однако я нашелъ его добренькимъ, но ничего почти незначащимъ старичкомъ. Онъ принялъ меня ласково, но былъ очень удаленъ, чтобъ входить въ какія-нибудь до меня относящіяся обстоятельства.

Кромѣ сихъ, была еще одна очень почтенная старушка, жившая въ Калитинѣ, по имени Авдотья Игнатьевна Пущина, бывшая покойному родителю моему въ нѣкоторомъ свойствѣ и имѣвшая двухъ дѣтей: одного сына на возрастѣ и дочь,

превеликую красавицу. Сію единственно за красоту взялъ за себя нѣкто превеликій богачъ г. Докторовъ, а какъ онъ, приживъ одного сына, скоро умеръ, то прельстился красотою ея одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ, и на ней женился, и такъ она вошла въ родню знатную и большую. Что же принадлежитъ до ея сына, то съ нимъ случился особливый казусъ. Вздумалось ему однажды застрѣлить прилетѣвшую на дворъ ворону; онъ, прицѣлившись съ крыльца, хлопъ; но на ружьѣ схватило только съ полки, а оно какъ-то не разрядилось; онъ какъ то восхотѣлъ продуть въ дуло ружья, для узнанія заряжено ли оно, но не успѣлъ онъ начать дуть, какъ ружье разрядилось и всѣмъ зарядомъ выстрѣлило ему прямо въ ротъ, и тѣмъ умертвило его въ ту-жъ минуту. Приключеніе сіе тогда во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ было очень громко, и всѣ сожалѣли о немъ и тѣмъ паче, что онъ у матери былъ одинъ только сынъ и смертію его весь ихъ родъ пресѣкся. У сей старушки я также нѣсколько разъ бывалъ.

А всего чаще ѣздилъ я къ церкви; въ сей не пропускалъ я почти ни одного праздника и воскресенья, чтобъ не быть у обѣдни. Ѣзживалъ же я всюду наиболѣе верхомъ, ибо ѣзда на дрожкахъ была тогда еще не въ обыкновеніи и никто еще не зналъ сего удобнаго и дешеваго экипажа.

Къ выѣздамъ же моимъ со двора можно присовокупить и то, что въ лѣтнее время нерѣдко ѣзжалъ я въ поля увеселяться ястребиною ловлею перепелокъ. Старикъ прикащикъ мой былъ до оной охотникъ и кармливалъ меня всегда перепелками, и я ѣзжалъ съ нимъ иногда для смотрѣнія. Сія ловля птицъ была для меня довольно утѣшна, однако я и до нея не сдѣлался охотникомъ; важнѣйшія упражненія не допускали меня до того.

Итакъ, наичастѣйшій выѣздъ и выходъ мой былъ къ моему дядѣ. Въ послѣднее лѣто я такъ къ нему, а онъ ко мнѣ привыкъ, что мы видались всякій божій день, и онъ не считалъ меня уже гостемъ. Обыковенно хаживалъ я къ нему послѣ обѣда часу въ четвертомъ или въ пятомъ, и какъ онъ обѣдывалъ очень рано, а въ сіе время имѣлъ обыкновеніе полудновать, то унималъ онъ меня всегда вмѣстѣ съ собою полудничать. Полудпованья сіи были почти точно такія-жъ, какъ обѣды, и состояли обыкновенно изъ трехъ или четырехъ блюдъ. Первое изъ оныхъ было съ кускомъ ржавой ветчины, или съ окрошкою; второе, съ напростѣйшими, и, что всего страннѣе, безъ соли вареными зелеными или капустными щами. Бережливость дяди моего простиралось даже до того, что онъ не ввѣрялъ соли стряпчимъ, но саливалъ щи самъ на столѣ; а третье, составлялъ горшокъ либо съ гречневою, либо со пшенною густою кашею, приправляемою на столѣ коровьимъ топленымъ масломъ, ибо сливочнаго и соленаго тогда и въ завѣтѣ нигдѣ не важивалось. Итакъ, столы сіи были хотя не очень сладкіе, и у меня дома готавливали гораздо лучшее кушанье, но привычка чего не дѣлаетъ, я понемногу привыкъ, и полдничанья сіи были для меня наконецъ очень вкусны и, сколько думаю, оттого, что ѣдалъ тутъ въ компаніи, а не такъ, какъ одинъ дома.

Сколь рѣдки выѣзды мои были со двора, столь рѣдки были и пріѣзды ко мнѣ гостей, ибо кому было ко мнѣ, какъ къ настоящему еще ребенку, ѣздить? Наилучшіе и частѣйшіе мои гости были наши приходскіе и сосѣдственные попы и нѣкоторые изъ живущихъ на заводахъ нѣмцевъ. Сей родъ людей былъ у насъ въ сосѣдствѣ совсѣмъ особливый. Они носили только на себѣ имя нѣмцевъ, были собственно мастеровые при прежде бывшихъ тутъ желѣзныхъ заводахъ и, живали прежде весьма хорошо; но тогда единую тѣнь прежней жизни имѣли и питались болѣе винною продажею и корчемствомъ. Изъ нихъ были нѣкоторые изрядные и неглупые люди, и я всегда посѣщеніемъ ихъ бывалъ доволенъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и симъ образомъ препровождалъ я свои тогдашніе дни. Жизнь моя была хотя прямо уеди-

псппая и отъ сообщепія съ прочимъ свѣтомъ совсѣмъ удалепная, но я такъ къ ней привыкъ, что она сдѣлалась мпѣ весьма и такъ пріятна, что я и понынѣ не могу вспомнить ее безъ чувствованія пѣкоего особливаго удовольствія.

Наконецъ, стала наступать уже осень и съ нею приближаться то время, въ которое падлежало мнѣ явиться къ полку своему. Уже надобно было помышлять и объ отъѣздѣ своемъ па службу и попемногу къ тому готовиться. Отпущенъ я былъ глухо—до шеснатцати-лѣтняго возраста, безъ точнаго означенія года, мѣсяца и числа, въ которое мнѣ явпться къ полку надлежало. Итакъ, хотя помянутыя шестпадцать лѣтъ имѣли совершиться октября 17-го дня сего года, однако думалъ я, что мпѣ прежде нельзя ѣхать, какъ по первому зимнему пути и что не великая будетъ важность, ежели пѣсколько и просрочу. Мнѣпіе, что въ полку точнаго дня моего рожденія непзвѣстно, утверждало меня въ сей надеждѣ.

Но чѣмъ ближе сіе время приближалось, тѣмъ болѣе началъ я озабочиваться тѣмъ, что въ теченіе сихъ полутора годовъ, которые прожилъ я въ деревнѣ, оба мои выученные иностранные языки, то-есть нѣмецкій и французскій, были мною опять совершенно почти забыты. Обстоятельство, что я съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга не имѣлъ ни единаго случая съ кѣмъ бы могъ хоть единое слово промолвить по-французски, а въ говорепіи нѣмецкимъ языкомъ не имѣлъ даже съ самаго отъѣзда изъ Бовска и почти цѣлыхъ шесть лѣтъ ни малѣйшаго упражненія, было тому причиною, что я при окончаніи сего года не умѣлъ обоими сими языками ни одного слова пикнуть. Вотъ что можетъ произвесть отвычка и долговременное неупражпеніе въ разговорахъ. Но что касается до разумѣнія сихъ языковъ, то я не совсѣмъ онаго лишился: я умѣлъ ими писать и читать, и разумѣлъ много изъ читаемаго, и мое несчастіе было, что я не имѣлъ никакихъ у себя нѣмецкихъ и французскихъ такого рода книгъ, которыя бы я могъ читать съ любопытствомъ, напримѣръ, историческихъ или романовъ. Чрезъ сіе чтеніе могъ бы я не только оба сіи языки не позабыть, но привесть ихъ еще въ лучшее совершенство, ибо извѣстно, что ни чрезъ что не можно имъ такъ научиться, какъ чрезъ любопытное чтеніе. Но тогда таковыхъ книгъ и въ Россіи у насъ было мало, а мнѣ и подавно взять было негдѣ: вся моя иностранная библіотека состояла только въ нѣсколькихъ учебныхъ книгахъ, а именно въ двухъ лексиконахъ, двухъ грамматикахъ и нѣмецкой географіи; а всѣ сіи удобны ли къ такому чтенію и не скорѣе ли наскучить, нежели заохотить могутъ? Точно такъ случилось и со мною. Я хотя кой-когда и бралъ ихъ въ руки, но другія, любопытнѣйшія упражненія вырывали у меня опыя опять изъ рукъ и заставливали лежать ихъ съ покоемъ.

Такимъ образомъ, забвеніе сихъ языковъ меня очень озабочивало. Я встряхнулся, но уже поздно, что то дурно, ибо не сомнѣвался, что по пріѣздѣ къ полку велѣно будетъ меня экзаменовать, ибо я съ тѣмъ условіемъ и отпущенъ былъ, чтобъ сіи языки и геометрію и фортификацію выучить. Что касается до сихъ послѣднихъ наукъ, то въ разсужденіи сихъ надѣялся я на себя и не боялся экзамена, но языки меня крайне смущали.

Во время самаго сего нестроенія случилось мнѣ однажды быть въ гостяхъ у праздника, у одной своей родственницы, вышеупомянутой старушки госпожи Темирязевой. Тутъ нашелъ я пріѣхавшаго также въ гости одного старичка, знающаго нѣмецкій языкъ и нѣкоторыя другія науки. Какой собственно былъ онъ человѣкъ, того не могу теперь сказать; по прошествіи многихъ съ того времени лѣтъ позабылъ я сіе совершенно, а только то отчасти помню, что онъ разсказывалъ о себѣ, якобы былъ онъ дворянской породы, находился множество лѣтъ гдѣто въ полону, и возвратясь оттуда и не имѣя нигдѣ пристанища, проживалъ въ дворянскихъ домахъ и учивалъ дѣтей ихъ

наукамъ. Старичекъ сей показался мнѣ очень разуменъ, а что всего для меня было пріятнѣе, былъ великій читатель книгъ. Онъ разговаривалъ со мною о книгахъ и о другихъ разныхъ вещахъ, рекомендовалъ мнѣ въ-особливости одну вновь вышедшую тогда книгу «Аргенидy». Сію книгу превозносилъ онъ безчисленными похвалами и говорилъ, что въ ней все можно найтить—и политику, и нравоученіе и пріятность, и все, и все. Потомъ говорили мы съ нимъ и по-нѣмецки. Забвеніе мое сего языка оказалось при семъ случаѣ наияснѣйшимъ образомъ. Сродники мои, примѣтивъ сіе, совѣтовали мнѣ взять сего старичка къ себѣ и постараться хотя въ малое достальное время, которое мнѣ дома жить еще осталось, подъ смотрѣніемъ его, подтвердить иностранные языки. Предложеніемъ симъ я очень былъ доволенъ, а по счастію и старичокъ не имѣлъ тогда нигдѣ мѣста и охотно на то склонился. Итакъ, согласились мы въ томъ, и онъ обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней приттить ко мнѣ жить, что и дѣйствительно исполнилъ.

Такимъ образомъ получилъ я себѣ товарища и учителя. Онъ прожилъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ и до самаго моего изъ деревни отъѣзда; однако пользы отъ него не получилъ я ни малѣйшей. Языки забыты были не такъ мало, чтобъ ихъ въ столь короткое время опять вытвердить можно было, а къ тому же учитель мой и самъ ими не многимъ чѣмъ лучше моего говорилъ, или, лучше сказать, также позабылъ. Для меня полезнѣе бы былъ какой-нибудь прирожденный нѣмецъ или французъ, съ которымъ бы я безпрерывно говорить могъ, а сему учителю разговоры на иностранныхъ языкахъ. были столько жъ отяготительны, сколько и мнѣ. Одну ариѳметику зналъ онъ въ совершенствѣ, и въ томъ состояло наилучшее его качество. Еще-жъ хвасталъ онъ, что разумѣетъ хиромантію, и можетъ по рукамъ узнавать все будущее. Но послѣ оказалось, что онъ едва-ли и о сей наукѣ имѣлъ какое-нибудь свѣдѣніе.

Но какъ бы все сіе ни было, однако училъ онъ меня, или, по-крайней-мѣрѣ, дѣлалъ ту славу. Въ самомъ же дѣлѣ нужна ему была чарка вина; ибо надобно сказать, что до вина былъ онъ смертельный охотникъ, а что того еще хуже, то пьяный былъ весьма неугомонъ. У меня могъ онъ имъ довольствоваться сколько душа его хотѣла, и я въ первыя недѣли не жалѣлъ для него сего напитка. Однако скоро узналъ, что въ разсужденіи сего пункта надлежало брать иныя мѣры и осторожность. Однажды, будучи пьяный, перепугалъ онъ насъ немилосердымъ образомъ. Онъ требовалъ болѣе вина, а какъ ему не стали давать, то сдѣлался онъ власно какъ бѣшеный, поднялъ велікій вопль, кричалъ на насъ слово и дѣло, грозилъ свозить насъ всѣхъ въ тайную и прочій такой вздоръ. По младоумію своему перестращался я тогда ужаснымъ образомъ; но послѣ узналъ, что сей порокъ былъ въ немъ обыкновенный, и что за самое сіе никто не имѣлъ охоты держать его у себя въ домѣ. Симъ кончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

Письмо 24-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь разскажу вамъ о моихъ сборахъ и объ отъѣздѣ моемъ на службу, и тѣмъ всю исторію о моемъ малолѣтствѣ кончу. Ежели наскучилъ я вамъ оною, то вините сами себя, а не меня, ибо я разсказываніемъ всего и всего исполнялъ ваше хотѣніе.

Между тѣмъ, какъ все прежде-упоминаемое происходило, безпокоился я часъ-отъ-часу больше приближающимся моимъ срокомъ. Многіе совѣтовали мнѣ просить еще объ отсрочкѣ, и болѣе для того, чтобъ я успѣлъ сколько-нибудь протвердить забытые мною языки, а сверхъ того говорили, что и лѣта и возрастъ мой все еще малъ и неспособенъ къ дѣйствительному несенію военной службы. Въ числѣ спхъ подавателей совѣта былъ и самый мой дядя. Для меня не могло ничего пріят-

нѣе быть сего предложенія. Я къ деревенской жизни такъ уже привыкъ и домъ мой сдѣлался мнѣ такъ милъ и пріятенъ, что я желалъ бы въ немъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, или, лучше сказать, никогда не выѣзжать изъ онаго. Итакъ, съ радостью согласился я на оное предложеніе, и, по общему согласію, отправленъ былъ тотчасъ дядька мой, Артамонъ, въ Москву, проспть о томъ въ пребывающей во всякое время тутъ военной конторѣ.

Прежде-упоминаемая и живущая въ Калитинѣ родственница моя, госпожа Пущина, имѣя знатную родню, обѣщала мнѣ вспомоществовать въ томъ своею просьбою и писать къ нѣкоторымъ ей знакомымъ генераламъ. Она и дѣйствительно послала съ человѣкомъ къ нѣсколькимъ изъ нихъ просительныя письма, и по сему обстоятельству мы почти не сомнѣвались въ полученіи желаемаго.

Я дожидался извѣстіевъ изъ Москвы съ крайнею нетерпѣливостью. Однако, дядька мой, чрезъ нѣсколько недѣль, прислалъ ко мнѣ печальное увѣдомленіе, что всѣ труды и старанія его были безплодны, и что и самыя просьбы генераловъ, родственниковъ помянутой старушки, не могли произвесть никакого дѣйствія, а военная контора на отрѣзъ отказала, объявивъ, что она мнѣ отсрочить никакъ не смѣетъ, а если я хочу, то просплъ бы я о томъ въ Петербургѣ, въ самой Военной Коллегіи, отъ которой я отпущенъ былъ.

Сіе неожидаемое извѣстіе привело меня въ великую разстройку мыслей. Понадѣявшись на вышеупомянутыя письма и просьбы, не сталъ-было я слишкомъ и поспѣшать моими сборами; но тогда увидѣлъ, что не можно было мнѣ уже никакъ ласкаться надеждою получить отсрочку, и что необходимо надобно было уже къ полку ѣхать.

При такихъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ начинать собираться уже правскимъ дѣломъ и все нужное къ отъѣзду моему готовить и поспѣшать всѣмъ тѣмъ наипаче, что зима уже наступала. Но бѣдные были сіи сборы и весьма недостаточные. Надобно было новое бѣлье, надобно было дорожное и носильное платье, надобенъ былъ запасъ и харчевое, и, наконецъ, надобны были деньги! Но кому было обо всемъ томъ постараться? Не было у меня ни матери, ни тётки, никакой такой вблизи родственницы, которая бы мнѣ во всемъ томъ сколько-нибудь помочь или, по-крайней-мѣрѣ, присовѣтовать могла. А какъ и отъ дяди я всего меньше того ожидать могъ, то и принужденъ былъ уже самъ кое-какъ себя собирать, и все нужное готовить. Въ разсужденіи бѣлья возложилъ я коммиссію на Алену, жену дядьки моего, какъ женщину, жившую при моей родительницѣ и дѣло сіе сколько-нибудь смыслящую. Но какъ она давно уже отъ того отстала, то хотя она и употребила все, что могла, однако все сшито и приготовлено было не по-людскому, а прямо по-деревенскому, и все принуждено было послѣ перешивать и переставлять. Для заготовленія дорожнаго и носильнаго платья созвалъ я всѣхъ портныхъ, сколько у меня ни было ихъ между крестьянами, насажалъ ихъ цѣлый столъ и надавалъ имъ самъ разныя работы. Но чего можно было ожидать отъ глупыхъ и неумѣющихъ мужиковъ, да и отъ самого такого распорядителя, каковъ былъ я, всего меньше дѣло сіе смыслящаго? Правда, изъ портныхъ моихъ былъ одинъ старикъ, разумѣющій сколько-нибудь портное художество; но что все его умѣнье, когда моего знанія не доставало? почему и неудивительно, что все сшито было на чортовъ клинъ, все скверно, все дурно и многое слишкомъ уже бѣдно и подло. Когда вспомню, какая шуба сшита мнѣ тогда была на дорогу, то стыдно мнѣ даже и понынѣ, что я не умѣлъ велѣть сшить для себя лучшей и пристойнѣйшей. Что принадлежитъ до запасу, то стараніе о семъ возложилъ я на моего возвратившагося изъ Москвы дядьку. И въ ономъ не было у насъ недостатка. Наконецъ, потребны были деньги, и вопросъ, гдѣ ихъ взять, составлялъ великую важность. Доходы съ деревень были

тогда чрезвычайно малы, и мнѣ съ нуждою доставало ихъ на мое содержаніе, а о прумноженіи оныхъ я нимало не старался, но, какъ прежде упоминалъ, оставилъ все на прежнемъ основаніи и порядкѣ. Итакъ, что прикащикъ самъ собою могъ пріобрѣсть и доставить, тѣмъ я былъ и доволенъ. Но по счастью, въ тотъ годъ хлѣбъ родился хорошій, я велѣлъ сколько можно наготовить и намолотить его болѣе и отвезть въ Москву на продажу, и выручилъ на томъ довольное количество денегъ.

Симъ образомъ мало-по-малу я собрался. Между тѣмъ нѣкоторые, и въ томъ числѣ наиболѣе мой учитель, совѣтовалъ мнѣ ѣхать не въ полкъ, а въ Петербургъ, и просить неотмѣнно объ отсрочкѣ. По хиромантической своей наукѣ увѣрялъ онъ меня и заклинался тяжкими клятвами, что ѣзда моя не продлится болѣе двухъ мѣсяцевъ, и что я, конечно получу желаемое. Для лучшаго увѣренія меня въ томъ, нарисовалъ онъ обѣ мои руки и описалъ всѣ линіи, и какихъ благополучій не предсказывалъ онъ мнѣ тогда! Но послѣ того, какъ я самъ сію науку узналъ и помянутые рисунки разсматривалъ, то нашелъ, что онъ и самъ ни объ одной линіи прямо не зналъ, что она значила. Но какъ бы то ни было, однако тогда не смѣлъ я не вѣрить его увѣреніямъ, но паче желая самъ того, что онъ предсказывалъ, былъ такъ глупъ, что повѣрилъ тому безъ всякаго сомнѣнія, а особливо всему, касающемуся до скораго возвращенія въ домъ свой, и въ сходствіе того и сбирался изъ дома не такъ, какъ бы надлежало, отъѣзжая на службу и на неизвѣстное число лѣтъ отъ дома, но такъ какъ-бы только на нѣсколько недѣль отлучаясь.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и дождавшись совершеннаго зимняго пути, препоручилъ я смотрѣніе надъ домомъ и деревнями своему прикащику, а главное попеченіе и надзираніе надъ всѣмъ моему дядѣ, и, распрощавшись со всѣми моими родственниками и знакомцами, разстался я съ любезнымъ моимъ Дворяниновымъ и отправился въ путь свой въ исходѣ семьсотъ-пятьдесятъ-четвертаго года.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву услышалъ я, что находился въ ней полку нашего офицеръ, присланный для пріема аммуниціи. Мнѣ неотмѣнно захотѣлось его видѣть и разспросить обо всѣхъ до полку нашего касающихся обстоятельствахъ. Дядька мой тотчасъ отыскалъ его квартиру и обрадовалъ меня, сказавъ, что то нашъ довольно знакомый человѣкъ, и именно Осипъ Максимовичъ Колобовъ. Сего офицера въ малолѣтствѣ своемъ любилъ я болѣе всѣхъ прочихъ, да и самъ онъ былъ ко мнѣ тогда чрезвычайно ласковъ. Я полетѣлъ къ нему, какъ скоро услышалъ, и онъ не менѣе обрадовался, меня увидѣвъ, и принялъ меня очень ласково и благопріятно. Тутъ увѣдомилъ онъ меня о многихъ нужныхъ обстоятельствахъ, а особливо о мѣстѣ, гдѣ тогда нашъ полкъ находился, о новомъ нашемъ полковникѣ, о его свойствахъ и характерѣ, объ офицерахъ, которые есть еще старые въ полку, равно какъ и о новыхъ, а наконецъ кончилъ тѣмъ, что пора уже мнѣ въ полкъ ѣхать и что тамъ давно уже меня дожидаются. Я не преминулъ посовѣтоваться съ нимъ о предпринимаемомъ мною намѣреніи ѣхать въ Петербургъ и просить объ отсрочкѣ; но господинъ Колобовъ не приговаривалъ мнѣ туда забиваться, представляя мнѣ, что онъ имѣетъ причину сомнѣваться въ томъ, чтобъ мнѣ еще отсрочили, а совѣтовалъ лучше ѣхать прямо къ полку, въ Лифляндію.

Совѣтъ сей, сколько ни былъ благоразуменъ и основателенъ, однако мнѣ тогда не полюбился, потому что онъ не согласенъ былъ съ моими желаніями, и потому я его не принялъ, а положилъ слѣдовать прежнему своему намѣренію—ѣхать въ Петербургъ.

Но какъ для нѣкоторыхъ надобностей, а особливо для отдачи камердинера моего, Дмитрія, учиться въ портные, надлежало мнѣ пробыть дня съ три въ Москвѣ, то употребилъ я сіе время на

осмотрѣніе соборовъ и другихъ достопамятностей въ семъ столичномъ, старинномъ городѣ, который мнѣ до того видѣть не случалось, ибо я хотя и бывалъ въ Москвѣ, но все еще будучи ребенкомъ, а тогда былъ уже я поболѣе въ разумѣ и болѣе имѣлъ любопытства. Дядька мой предводительствовалъ мнѣ всюду. Онъ водилъ меня по всѣмъ соборамъ, разсказывалъ, что зналъ, заставлялъ прикладываться къ мощамъ и показывалъ все примѣчанія достойное. Потомъ ходили мы по всему кремлевскому дворцу, а наконецъ захотѣлось мнѣ взойтить на самый верхъ Ивановской колокольни. Дядька мой и въ томъ удовольствіе мнѣ сдѣлалъ, и это было въ первый и въ послѣдній разъ, что я былъ на Иванѣ-Великомъ. Но, о! сколь многаго страха набрался я, всходя на оный! По причинѣ случившагося тогда вѣтра, казалось мнѣ, что вся колокольня сія шатается и готовится упасть вмѣстѣ съ нами. Но какъ взошелъ на самый верхъ, то за претерпѣнный страхъ довольно заплаченъ былъ неописаннымъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при воззрѣніи съ высоты на все пространство Москвы, въ-особливости же не могъ я надивиться тому, сколь малы казались намъ оттуда люди, ходившіе по землѣ и по городу.

Осмотрѣвъ все нужное и исправивъ всѣ наши нужды, отправились мы далѣе въ свой путь. Я поѣхалъ хотя по намѣренію моему въ Петербургъ и совѣта г. Колобова не послушалъ, однако онъ не выходилъ у меня изъ головы и памяти, и потому, отъѣхавъ нѣсколько отъ Москвы, началъ я еще разъ съ дядькой моимъ о томъ говорить и совѣтоваться. Сей прежній мой наставникъ и надзиратель хотя самъ не меньше моего имѣлъ охоту и желаніе скорѣе возвратиться въ домъ, однако признавался, что представленія г. Колобова справедливы и основательны, и что онъ самъ объ успѣхѣ нашей ѣзды сомнѣвается и худую надежду имѣетъ, а особливо наслышавшись отъ многихъ въ Москвѣ, что отпуски вовсе уничтожены и не велѣно болѣе никого и ни подъ какимъ видомъ отпускать.

Не успѣлъ я сего услышать, а притомъ отъ нѣкоторыхъ проѣзжающихъ изъ Петербурга получить въ томъ подтвержденіе, какъ началъ колебаться мыслями и самъ въ себѣ думать, что вся хиромантическая наука моего учителя легко можетъ быть и обманчива, и что я весьма глупо сдѣлаю, если, положась на одну ее, по пустякамъ забьюсь въ Петербургъ и потеряю только время и понесу напрасные убытки, а ничего тамъ не сдѣлаю, но принужденъ буду нѣсколько сотъ верстъ излишнихъ ѣхать. Въ помышленіяхъ таковыхъ занимался я во всю дорогу отъ Москвы до Твери, и нѣсколько разъ раскаявался уже въ томъ, что не взялъ съ собою всего своего обоза и запаса; но какъ были еще съ нами деревенскіе подвозчики съ кормомъ до Твери, то радовался я, что пособить тому еще нѣкоторымъ образомъ можно. Почему, пріѣхавъ въ Тверь, началъ я опять совѣтовать съ моимъ дядькою: — «Что, Артамонъ», говорилъ я ему: «ужъ ѣхать ли намъ въ Петербургъ? ужъ не ѣхать ли прямо къ полку?»—«Чуть ли не такъ, батюшка!» отвѣтствовалъ онъ мнѣ: «а то забьемся мы въ превелікую даль, а выйдетъ дѣло по пустому.» — «Но какъ же мы», сказалъ я ему: «обоза-то и запаса съ собой не взяли?»—«Это ни что, сударь», отвѣчалъ онъ: «этому пособить еще можно. Ѣхать намъ въ полкъ чрезъ Псковъ; извольте заѣхать къ сестрицѣ, а между тѣмъ извольте съ мужиками отписать домой, чтобъ запасъ и коляску везли за нами вслѣдъ къ сестрицѣ, гдѣ мы ихъ и дождемся.»—«И быть такъ!» сказалъ я, и тотчасъ по совѣту его все и сдѣлалъ. Я отписалъ къ дядѣ о перемѣнѣ своего намѣренія и просилъ о скорѣйшемъ отправленіи вслѣдъ за мною моего обоза.

Такимъ-образомъ, перемѣнивъ намѣреніе свое, продолжали мы далѣе свой путь чрезъ Торжокъ, Вышній-Волочекъ и далѣе петербургскою дорогою; и не доѣзжая за нѣсколько верстъ до Новагорода,

поворотили влѣво чрезъ озеро Ильмень, дабы намъ, не захватывая Новагорода, выѣхать прямо на псковскую дорогу и чрезъ то нѣсколько десятковъ верстъ выкинуть. Въ сей разъ случилось мнѣ впервые съ примѣчаніемъ чрезъ сіе славное наше озеро ѣхать. Переѣздъ чрезъ него въ семъ мѣстѣ былъ верстъ на сорокъ, и я, ѣдучи чрезъ него, трепеталъ отъ страха, чтобъ не проломиться. Однако ледъ былъ довольно уже толстъ, и опасаться сего было не можно. По прибздѣ на средину, не могъ я довольно надивиться той превеликой трещинѣ, которая вдоль всего сего озера простиралась. Она была шириною тогда болѣе аршина, и мы принуждены были переѣзжать черезъ нее по сдѣланному мосточку. Намъ сказывали, что дѣлается она отъ прибыли воды въ озерѣ и бываетъ временемъ шире, другимъ уже, а когда болѣе воды убудетъ, то вовсе сходится. Если-жъ случится знатная убыль, то въ семъ мѣстѣ обламываются самые края трещины превелпкими льдинами и становятся стоймя, и тогда дѣлается вдоль всего озера власно какъ ледяная стѣна, и что для проѣзда принуждены бываютъ прорубать сквозь нее вороты.

Переѣхавъ сіе озеро благополучно, продолжали мы далѣе свой путь и чрезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ особливыхъ прпключеній, доѣхали до Пскова, а потомъ и до деревни моего зятя, которая мнѣ такъ была еще мила, что я, подъѣзжая къ оной, не могъ нарадоваться духомъ и пасытиться зрѣніемъ на всѣ знакомые мнѣ мѣста и виды.

Къ превелпкому моему удовольствію засталъ я не только сестру, но и самого зятя дома. Онъ находился тогда въ отпуску отъ полку на нѣсколько мѣсяцевъ, и мое удовольствіе усугубилось, когда я услышалъ, что и ему въ деревнѣ жить оставалось уже короткое время и также скоро къ полку ѣхать надобно было. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я у него до того времени прожилъ, и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ къ полку отправился. Предложеніе таковое не могло иначе быть, какъ весьма для меня пріятно. Говорится въ пословицѣ: «къ этакому празднику люди пѣшкомъ ходятъ»; а мнѣ для-чего было не согласиться? Мнѣ прожить у него и безъ того нѣсколько времени было надобно, для ожиданія моего запаса, а сверхъ того, не лучше ли было со всѣхъ сторонъ ѣхать къ полку вмѣстѣ съ зятемъ и подъ его руководительствомъ явиться,нежели одному? Словомъ, я былъ очень радъ сему случаю и съ превеликою охотою далъ на то мое слово.

Радость, которую чувствовала моя сестра при моемъ прибздѣ, усугубилась еще, когда услышала она, что я прожпву у нихъ до самаго отъѣзда въ полкъ ея мужа. Она не могла и въ сей разъ безъ слезъ меня встрѣтить; но слезы сіи были болѣе слезами удовольствія. Она осыпала меня своими ласками и привѣтствіями, разспрашивала обо всемъ, какъ я жилъ дома, что дѣлалъ, все ли былъ здоровъ, кто живъ изъ нашихъ родственниковъ, и прочее тому подобное. Но не успѣло дней двухъ пройтить и первая радость миноваться, какъ услышалъ я отъ нея нѣчто странное и неожиданное:— «Ахти, братецъ!» сказала она мнѣ однажды, какъ мы съ нею одни были: «какъ много ты въ сіе время перемѣнился, совсѣмъ-таки не таковъ сталъ, какъ былъ прежде!»—«А что сестрица?» подхватилъ я, ее спрашивая: «лучше, что ли, или хуже?» —«Что, голубчикъ-братецъ», отвѣчала она: «мнѣ льстить тебѣ не годится. Ты прежде былъ несравненно лучше».— «А чѣмъ такимъ?» спросилъ я скоро, смутясь нѣсколько отъ таковыхъ словъ ея.—«Всѣмъ, таки-всѣмъ, братецъ, и поступками, и поведеніемъ, и обхожденіемъ своимъ. Все было въ тебѣ гораздо лучше, какъ ты у насъ жилъ. А нынѣ весьма многое нахожу я въ тебѣ неловкое и не весьма хорошее. Ты власно какъ совсѣмъ одичалъ, живучи въ деревнѣ, и къ тебѣ очень много деревенской грубости пристало. Словомъ, совсѣмъ ты сталъ не тотъ, какъ былъ прежде».

Пилюля сія сколь ни горька для меня была, но я принужденъ былъ ее

проглотить и не изъявить притомъ ни малѣйшаго неудовольствія и досады и съ спокойнымъ видомъ сестрѣ сказалъ: — «Чему дивиться, сестрица! цѣлыхъ полтора года жилъ я въ деревнѣ въ совершенной глуши, никуда почти не выѣзжая, не имѣя ни съ кѣмъ обхожденія, кромѣ дядюшки; а вы знаете сами, каковъ нашъ дядюшка; у него перенять многого нечего.»—«То-то и дѣло», сказала на сіе сестра: «вѣдала-бъ я, тебя отсюда, мой другъ, не отпускала, а то жаль мнѣ весьма, что произошла съ тобою такая великая перемѣна. Ты не повѣрпшь, братецъ, что мнѣ теперь ажно стыдно показать тебя нашимъ сосѣдямъ». — «Невправду-ли, сестрица», спросилъ я ее, приходя часъ-отъ-часу болѣе въ стыдъ и удивленіе: «я такъ много перемѣнился?»—«Ей-ей!» отвѣтствовала она: «тебѣ самому это не примѣтно, а намъ со стороны очень видно. Вотъ и платьицо на тебѣ какое смѣшное, неловкое и непристойное. Кто тебя надоумилъ велѣть такое сшить?» — «Кому, матушка надоумить?» сказалъ я; «вы знаете, что у насъ никого родныхъ нѣтъ, а самъ принужденъ былъ себя сбирать, и какъ успѣлось, такъ и сшилось». — «Ахъ, голубчикъ ты мой!» сказала она, меня поцѣловавъ: «жаль мнѣ тебя: но, добро, мы постараемся всему тому сколько-нибудь уже помочь; небось и бѣлье-то твое не лучше? вели-ка ты мнѣ его показать».— «О, сударыня!» отвѣтствовалъ я поцѣловавъ у ней руку; «объ этомъ вы уже и не спрашивайте; я самъ уже примѣтилъ, что оно не совсѣмъ хорошо, и великаябъ ваша милость была, если-бъ изволили приказать его пересмотрѣть и переправить, а притомъ, голубушка-сестрица, оговаривайте и самого меня, матушка, и сказывайте мнѣ, что дурного во мнѣ примѣтите; я готовъ слушаться и постараюсь какъ можно себя поправить».

Сестра весьма довольна была симъ моимъ отзывомъ и обѣщала охотно сіе дѣлать. Что-жъ касается до моего бѣлья и платья, то какое въ тотъ же ще день началось рѣзанье, поронье и кромсанье! Всѣ ея женщины и дѣвки и всѣ ея портные принуждены были заняться работою и препроводить въ томъ нѣсколько времени. Многое было совсѣмъ вновь сшито, иное переправлено, а многое совсѣмъ уничтожено или отдано людямъ и, по счастію, было ко всему тому довольно времени и досуга.

Я прожилъ у нихъ тогда недѣль пять или шесть времени, ибо столько оставалось жить моему зятю. Сіе время препроводили мы довольно весело. Сосѣди ихъ были всѣ въ домахъ своихъ, и съѣзды продолжались у нихъ попрежнему очень частые. Сверхъ того безъ меня получила сестра моя себѣ еще новую сосѣдку. Одна гораздо-пожилая дѣвушка, по имени Василиса Ивановна Ладыженская, пріѣхала жить въ свою деревню, лежащую отъ дома сестры моей только за версту. По причинѣ толь близкаго сосѣдства, а болѣе по согласію нравовъ, свела она скоро столь тѣсную дружбу съ моею сестрою, что онѣ были почти неразлучны, и госпожа Ладыженская живала по нѣскольку недѣль сряду у сестры моей. Она была и въ самое то время тутъ, какъ я пріѣхалъ, и какъ вѣкъ свой жила она съ своимъ братомъ въ Петербургѣ, то знала совершенно свѣтское обхожденіе; будучи-жъ, притомъ, очень разумная и ласковая особа, пріобрѣла тотчасъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе.

Сей госпожѣ не менѣе я обязанъ былъ за тогдашнее меня исправленіе, какъ и сестрѣ своей. Сія открылась ей въ своей обо мнѣ заботѣ, и она обѣщалась ей въ томъ помочь и съ своей стороны, и какъ она съ самаго начала ко мнѣ приласкалась чрезвычайно, да и я получилъ къ ней почтеніе, то въ весьма короткое время ласковыми оговариваніями своими и совѣтами она такъ меня вышколила, что я совсѣмъ перемѣнился и не походилъ болѣе на прежняго деревенскаго пентюха, каковымъ я пріѣхалъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, привезли изъ деревни и мою провизію и лѣтній экипажъ, а вмѣстѣ съ нимъ и

одного еще мальчишку, по имени Абрама, котораго разсудилось мнѣ взять третьяго съ собою на службу, ибо, кромѣ его, было со мною только двое прежнихъ моихъ слугъ, а именно Артамонъ и Яковъ.

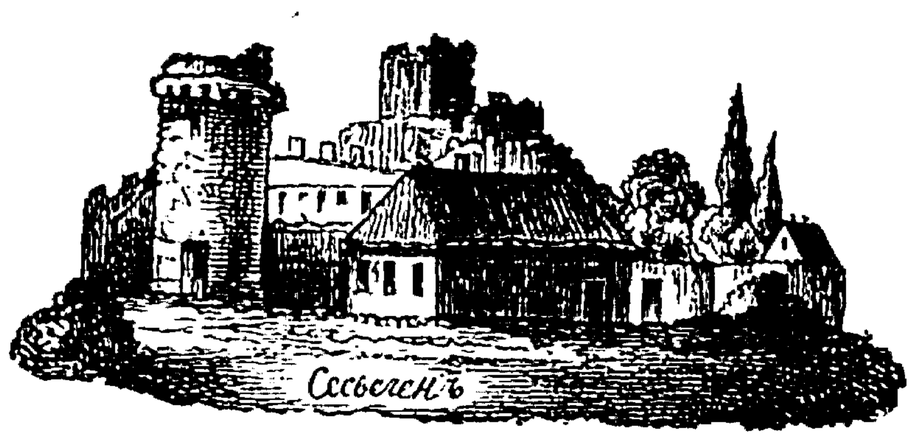
Наконецъ въ исходѣ зимы отправились мы съ зятемъ моимъ въ нашъ полкъ, который стоялъ тогда на винтеръ-квартирахъ въ Лифляндіи за нѣсколько миль отъ Риги и отъ зятя моего не слишкомъ далеко. Сестра провожала насъ нѣсколько десятковъ верстъ, и какъ проводы сіи, такъ и разставанье не могло безъ слезъ обойтиться: она смочила обоихъ насъ своими слезами и, простившись, возвратилась въ домъ свой.

Мы препроводили въ пути своемъ немного времени, и чрезъ нѣсколько дней прибыли благополучно въ мызу Сесвегенъ, гдѣ стоялъ тогда штабъ полка нашего и полковникъ и около котораго мѣста расположенъ былъ весь полкъ на винтеръ-квартирахъ. И сіе было въ началѣ мѣсяца марта 1755 года.

И какъ съ самымъ симъ пунктомъ времени все малолѣтство мое кончилось, и я, вступя въ дѣйствительную государеву службу, принужденъ былъ вести жизнь совсѣмъ иного рода, то самымъ симъ окончу и я исторію моего малолѣтства, представляя о прочемъ и дальнѣйшемъ продолженіи моей жизни разсказать вамъ, любезный пріятель, впредь, увѣривъ васъ между тѣмъ, что я былъ, есмь и пребуду навсегда вашимъ и проч.

Конецъ

второй части.



ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ III.

(1789).

ИСТОРІЯ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

Письмо 25-е.

Любезный пріятель! Въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ описалъ я вамъ мое малолѣтство и разсказалъ все, что со мною во время онаго происходило; а теперь приступлю къ описанію дѣйствительной моей военной службы, ибо хотя я былъ уже и давно въ опой, но до сего времени лишь только счислялся въ опой, службы же никакой еще не несъ, а настоящую службу началъ только нести съ того пункта времени, какъ мы съ зятемъ моимъ, господиномъ Неклюдовымъ, къ полку изъ отпусковъ нашихъ пріѣхали. Разскажу вамъ, любезный пріятель, все что со мною во время службы сей случилось и хотя была она не слишкомъ долговременна и во все продолженіе оной не было со мною никакихъ важныхъ и чрезвычайныхъ происшествій, однако ласкаюсь надеждою, что вамъ описаніе опой не скучно будетъ и что вы съ такимъ же любопытствомъ читать опое станете, какъ и исторію моего малолѣтства.

Я остановился на томъ, что мы пріѣхали въ Лифляндію и въ мызу Сесве-

генъ, гдѣ тогда стоялъ штабъ нашего полку на виптеръ-квартирахъ. Сей пунктъ времени составлялъ важную эпоху въ моей жизни, съ опаго начиналась для меня жизнь совсѣмъ новаго рода. До сего жилъ я на совершенной волѣ и былъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, а тутъ вдругъ все сіе кончилось, и я принужденъ былъ готовиться жить въ повиновеніи у многихъ. Я пріѣхалъ тогда въ полкъ, равно какъ въ лѣсъ дремучій, ибо хотя въ немъ почти родился и выросъ, однако какъ минувшіе три или четыре года въ опомъ не былъ, то въ сіе время все въ немъ перемѣнилось и было для меня дико. Сверхъ того и между самими прежними и тогдашними обстоятельствами была превеликая и безконечная разница. Тогда былъ я въ немъ подъ хорошею опекою, и меня не почитали сержантомъ, а сыномъ полковничьимъ, и потому всѣ офицеры да и самые штабы меня любили и ко мнѣ ласкались. Отецъ мой былъ моею защитою и покровителемъ, а въ сей разъ былъ не что иное, какъ простой и молоденькій сержантикъ, слѣдовательно представлялъ фигуру весьма малую и не важную, и ничѣмъ не лучше былъ сержантовъ прочихъ, которые почти всѣ около сего времени были такіе же дворяне, какъ и я, ничѣмъ меня не хуже. Всѣ штабы и большая часть офицеровъ были уже не тѣ, которые при мнѣ были. Полковникъ былъ у насъ новый, природою швейцаръ и не умѣющій порусски ни единаго слова. Онъ прозывался Планта де-Вильденбергъ, и былъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ, но, по счастію, человѣкъ тихій и самый добрый. Подполковника тогда при полку у насъ не было, а премьеръ-майоромъ былъ нѣкто князь Тугучевъ, человѣкъ тоже смирный и добродѣтельный; а секундъ-майоромъ нѣкто изъприродныхъ нѣмцевъ, всѣ мнѣ совсѣмъ незнакомые люди.

Я трепеталъ тогда отъ страха и сердце во мнѣ замирало, какъ надлежало намъ съ зятемъ иттить къ полковнику явиться. Природная моя застѣнчивость и соединявшаяся съпею деревенская дикость была тому причиною, а паче всего стращился и мучился я совѣстью, что позабылъ нѣмецкій и французскій языки, которыми, какъ не сомнѣвался я, что станетъ полковникъ со мною говорить; и потому казался онъ мнѣ тогда пуще нежели медвѣдемъ и я съ трепетомъ приближался къ его квартирѣ, которая была въ нарочито изрядномъ деревянномъ домѣ, построенномъ подлѣ развалинъ одного стариннаго каменнаго замка.

Зять мой долженъ былъ быть моимъ предводителемъ, и я на него, какъ на каменную стѣну надѣялся. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тогда единымъ моимъ защитникомъ и покровителемъ и, по особливому счастію моему, былъ онъ не только знакомъ уже полковнику, но считалъ себя у него и въ милости.

Онъ не позабылъ привезть съ собою кое-что изъ деревенскихъ вещей въ гостинцы какъ для полковника, такъ и для живущаго при немъ подпоручика г. Зеллера.

Сія особа была тогда знаменитая въ полку нашемъ и до офицера сего была тогда всякому нужда, ибо надобно знать, что сей человѣкъ былъ тогда всего правленія полкомъ наисильнѣйшею пружиною. Онъ служилъ при полковникѣ вмѣсто переводчика, а въ самомъ дѣлѣ соединенъ былъ съ нимъ нѣкоторымъ тѣснѣйшимъ союзомъ. Онъ былъ мужъ или, паче сказать, носилъ только имя мужа полковничей метресы или любовницы, на которой женилъ онъ его на ней, пропзведя изъ сержантовъ въ офицеры. Госпожа сія извѣстна и славна была у насъ тогда въ полку подъ именемъ Мартыновны и могла съ мужемъ своимъ дѣлать въ полку что хотѣла, а потомъ былъ и онъ великой важности, и тѣмъ паче, что былъ онъ весьма бойкая и разумная особа и полковникъ любилъ его за его достоинство и во всемъ на него полагался и ему вѣрилъ.

Зятю моему еще въ прежнюю свою при полку бытность посчастливилась приобрѣсть дружбу отъ сего офицера и благоволеніе къ себѣ отъ его супруги, а чрезъ

ихъ и отъ полковника; достатокъ его помогъ ему въ томъ весьма много, и ежели признаться, то какъ полковникъ, такъ и любимецъ его съ женою любили зятя моего наиболѣе за его богатство и за то, что онъ не упускалъ при всякомъ случаѣ имъ кой-чѣмъ служить и всячески подольщаться. Онъ и въ послѣднемъ своемъ отпускѣ былъ и всю зиму дома прожилъ не инако, какъ по милости Мартыновны, ибо она убѣдила полковника, безъ вѣдома главной команды и самому собою, отпустить его на нѣсколько мѣсяцевъ въ деревню.

Все сіе было причиною, что полковникъ моего зятя, а по немъ и меня принялъ весьма ласково и пріятно. Онъ, услышавъ, что я сынъ его предмѣстника, и видя меня еще очень-молода, по природному своему добросердечію получилъ ко мнѣ нѣкоторый родъ сожалѣнія, и я могу сказать, что онъ во всякое время былъ ко мнѣ благосклоненъ. Какъ сказали ему, что я отпущенъ былъ для обученія наукъ и языковъ, то не преминулъ онъ тотчасъ со мною говорить по-нѣмецки. Я ни живъ тогда, ни мертвъ былъ, однако отвѣтствовалъ на его вопросы сколько тогда былъ въ силахъ. Что я много позабылъ, того пельзя было ему не примѣтить, однако онъ не оказалъ нимало неудовольствія, но паче изъявлялъ сожалѣніе свое, опасаясь, чтобъ не велѣно было меня отъ главной команды экзаменовать порядочнымъ образомъ. При вопросѣ чему я еще выучился, представилъ я ему свои геометрическія и фортификаціонныя книги. Онъ хотя не разумѣлъ ничего по-русски, однако разсматривалъ опыя съ прилежаніемъ, и, сколько можно было примѣтить, былъ очень доволенъ чистотою черченыхъ фигуръ и моихъ рисунковъ, и хвалилъ меня за мою прилежность. Тогда отлегнуло у меня нѣсколько на сердцѣ и я пересталъ то блѣднѣть, то краснѣть, какъ прежде.

Полковникъ оставилъ насъ у себя обѣдать, и зять мой просилъ его о содержаніи меня въ своей милости. Онъ нетолько сіе обѣщалъ, но учинилъ того же часа первый опытъ своей ко мнѣ благосклонности, дозволивъ мнѣ жить при моемъ зятѣ, а не являться для несенія должности въ роту, что учинить потому было и пособно, что зять мой былъ тогда полковымъ квартермистеромъ.

Такимъ образомъ велѣно было меня счислять при квартермискихъ дѣлахъ, и я отправился съ зятемъ моимъ на отведенную ему квартиру. Обстоятельствомъ симъ и милостію, оказанною мнѣ въ семъ случаѣ полковникомъ, былъ я крайне-доволенъ: ибо чрезъ то избѣжалъ я опять несенія сержантской своей и многотрудной должности, не былъ принужденъ ѣхать въ роту стоять въ какомъ-нибудь латышскомъ рею, жить съ солдатами вмѣстѣ и угождать во всемъ своенравію своего капитана; но живучи при зятѣ моемъ, въ совершенной праздности, имѣлъ время исподоволь прцвыкать къ полковой жизни и со всѣми ознакомливаться.

Квартира отведена была зятю моему на одномъ такъ-называемомъ лифляндскомъ подмызкѣ, или небольшомъ дворянскомъ праздномъ домкѣ, отлежащемъ отъ штаба верстъ за пятнадцать. Лифляндскіе дворяне, для освобожденія домовъ своихъ отъ постоя, имѣютъ обыкновеніе строить въ отсутственныхъ своихъ деревняхъ такіе маленькіе домики, для постоя офицерамъ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Намъ достался тогда презрядный домикъ, имѣющій покойца четыре, и довольно хорошо прибранныхъ, такъ что мы могли безъ всякой нужды помѣститься и квартирою своею были весьма довольны. Какъ сей подмызокъ назывался, того за долгопрошедшимъ временемъ не могу я никакъ вспомнить, а то только памятно мнѣ, что лежалъ онъ на горѣ и на весьма прекрасномъ положеніи мѣста.

Прибывъ туда и расположившись, зять мой за первый долгъ себѣ почелъ побывать и у всѣхъ прочихъ нашихъ штабъ-офицеровъ. Сіе учинилъ онъ не упуская времени и бралъ меня всюду съ собою. Поелику былъ онъ, по причинѣ хорошаго

своего характера, ими всѣми любимъ, то приняты мы были и отъ нихъ весьма пріятно и благосклонно.

Такимъ образомъ началъ я жить въ полку, не имѣя причины ни на что жаловаться. Два только обстоятельства тревожили покой мой и приводили меня въ смущеніе: первое было то, что въ полку считали меня уже давно и почти съ цѣлый годъ въ просрочкѣ, а во-вторыхъ, опасались мы, что-бъ не велѣно было отъ командующаго генералитета, къ которому тотчасъ о прибытіи моемъ рапортовано, меня въ наукахъ моихъ экзаменовать, и чтобъ не потребовали меня для сего въ Ригу, гдѣ тогда командующій нами генералитетъ находился.

Что касается до перваго обстоятельства, то почитая себя совсѣмъ невиннымъ, не имѣлъ я причины опасаться никакихъ худыхъ слѣдствій. Произошло сіе отъ слѣдующаго, совсѣмъ мною непредвидѣннаго обстоятельства. Въ исторіи моего малолѣтства упоминалъ уже я, что отпущенъ я отъ военной коллегіи былъ не на срочное время, а глухо до шестнадцати-лѣтняго возраста, почему и жилъ я въ домѣ своемъ, не опасаясь ничего, покуда мнѣ шестнадцать лѣтъ и дѣйствительно исполнилось. Но того нимало я не зналъ, что въ полку считали меня цѣлымъ годомъ старѣе, ибо по малолѣтству своему я того и не вѣдалъ, что покойный родитель мой, записывая меня въ военную службу, для малаго моего тогдашняго возраста, принужденъ былъ прибавить одинъ годъ къ настоящимъ моимъ лѣтамъ, а я, не вѣдая того, при просьбѣ своей въ военную коллегію показалъ дѣйствительные свои лѣта, и потому такъ и отпущенъ былъ; а какъ сія, давая въ полкъ о семъ знать, упомянула только глухо, что я отпущенъ до шестнадцатилѣтняго возраста, то отъ самаго сего и произошло, что въ полку считали меня тогда уже семнадцатилѣтнимъ, слѣдовательно, цѣлый годъ въ просрочкѣ, а какъ утаить сего было не можно, то, къ несчастію, о неявленіи моемъ къ полку тогда же къ командѣ было и рапортовано. Все сіе не такъ бы насъ еще тревожило и смущало, еслибъ не присоединилось къ тому другого и весьма досаднаго обстоятельства, а именно: за нѣсколько времени предъ пріѣздомъ моимъ въ полкъ велѣно было прислать въ главную команду въ Петербургъ обыкновенные къ произвожденію о всѣхъ чинахъ списки. Поелику при дворѣ помышляли тогда о приумноженіи арміи изъ опасенія, чтобъ не дошло скоро дѣло до войны, и главнымъ нашимъ командиромъ графомъ Шуваловымъ сочиняемы были новыя диспозиціи и распоряженія въ арміи, то хотѣлъ онъ сдѣлать въ полкахъ дивизіи своей генеральное и большое произвожденіе, и для самаго того требовалъ помянутые списки. — Я былъ тогда по старшинству первый сержантъ по полку нашему, и не молодъ и по всей дивизіи и потому никто не сомнѣвался, чтобъ при первомъ и тогда уже съ часа на часъ ожидаемомъ произвожденіи недосталось мнѣ въ офицеры, еслибъ не соединялось къ тому того сомнительнаго обстоятельства, что я въ помянутыхъ спискахъ по-необходимости показанъ въ отсутствіи и въ просрочкѣ, изъ чего нѣкоторые опасались худыхъ для меня слѣдствій. Обстоятельство сіе меня весьма тревожило и смущало. Я опасался, чтобъ не нажить мнѣ отъ того какой-нибудь бѣды; но какъ сему пособить было уже не можно, то полагался я на власть божескую и ожидалъ счастія и несчастія своего отъ времени.

Что касается до второго обстоятельства, то-есть до столь страшнаго для меня экзамена, то оное почти съ ума меня сводило. Я трепеталъ отъ единаго воспоминанія о томъ, и всѣ разговоры о семъ предметѣ пронзали сердце мое, какъ стрѣлою; недѣли двѣ или болѣе я съ каждымъ часомъ того и смотрѣлъ, что пришлютъ за мною и велятъ ѣхать въ Ригу: и тогда какъ и съ чѣмъ мнѣ показаться? Мы не одинъ разъ говорили уже о томъ съ зятемъ, и онъ, видя мое смущеніе, по любви своей ко мнѣ, хотѣлъ уже самъ, выпросившись, ѣхать со

мною, и тамъ стараться ужъ чрезъ подарки сдѣлать то, чтобъ экзаменъ былъ не слишкомъ строгій. Но, по счастію, и къ неописанному моему обрадованію избавились мы отъ всѣхъ сихъ хлопотъ и опасеній. Командующему генералитету видно не до такихъ мелочей было тогда дѣло, почему въ полученномъ отъ нихъ отвѣтѣ не упоминалось ни однимъ словомъ объ экзаменѣ; и я имѣлъ удовольствіе видѣть сію бурю благополучно прошедшею.

Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я между тѣмъ о тверженіи нѣмецкаго и французскаго языка по возможности моей прилагать стараніе и не упускалъ ни одного случая говорить съ нѣмцами. По особливому счастію и имѣлъ я къ тому ежедневно случай, и можно ли думать, что всему нынѣшнему моему и довольно совершенному знанію нѣмецкаго языка первѣйшимъ основателемъ былъ мальчишка лѣтъ шести или семи. Однако сіе дѣйствительно такъ было. Случись какъ нарочно для моего паученія, въ подмызкѣ томъ, гдѣ мы стояли, юнкеръ. Симъ званіемъ называются въ Лифляндіи обыкновенно у дворянъ ихъ прикащики, управляющіе ихъ домами и отсутственными деревнями; въ должность сію выбираютъ они обыкновенно нѣмцевъ, и людей довольно разумныхъ и знающихъ, а притомъ хорошаго поведенія и порядочно живущихъ. Таковъ точно былъ юнкеръ и на нашемъ подмызкѣ. Онъ жилъ въ особливыхъ маленькихъ хоромцахъ, на томъ же дворѣ построенныхъ, гдѣ мы жили, и имѣлъ у себя жену и маленькаго вышеупомянутаго сына. Мальчишка сей въ праздное время бѣгивалъ и игрывалъ всякій день по двору. И какъ у всѣхъ у нашей братьи, не умѣющихъ или довольно позабывшихъ языки, весьма дорогъ первый приступъ къ говоренью и мы по большей части оттого долго и не выучиваемся говорить, что не имѣемъ отваги говорить, со взрослыми и посторонними, и стыдимся, то самый сей случай былъ и со мною. Для меня была тогда превеликая бѣда начать говорить съ какимъ-нибудь взрослымъ нѣмцемъ, и мнѣ казалось, что я говорю все не такъ и потому стыдился. Но тутъ пришло мнѣ какъ-то въ голову, поговорить по-нѣмецки съ симъ мальчикомъ; мысль, что онъ меня не осудитъ, побудила меня къ тому. Итакъ, познакомился я съ симъ мальчикомъ, который очень радъ былъ, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, и охотно заговаривалъ со мною всякій день. Я примѣчалъ и перенималъ у него всѣ присловія нѣмецкаго языка и нечувствительно сталъ смѣлѣе; а какъ я къ нему всячески ласкался и, для вящаго заохочиванія приходить почаще ко мнѣ, кармливалъ его своими закусками и лакомствами, которыми снабдила меня съ избыткомъ сестра при отъѣздѣ, и опъ все то разсказывалъ своей матери, то сіе побудило ее велѣть ему пригласить меня къ себѣ на чашку кофея. Я охотно на то согласился, а самый сей случай и познакомилъ меня, какъ съ юнкеромъ, такъ и его женою. Они, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, просили меня, чтобъ я ходилъ къ нимъ чаще, а я тому и радъ былъ, и съ ними-то имѣлъ я случай говорить ежедневно по-нѣмецки и мало-по-малу привыкать къ сему языку.

Кромѣ сего обязанъ я много первымъ возобновленіемъ сего забытаго языка и полку нашего секундъ-майору, коего нѣмецкую фамилію къ великой досадѣ моей не могу вспомнить, а помню только то, что начиналась она съ литеры Л***. Майору сему случилось имѣть квартиру свою неподалеку отъ насъ и ближе всѣхъ прочихъ офицеровъ, а сіе обстоятельство и было причиною, что онъ ѣзжалъ очень часто въ гости къ моему зятю и просиживалъ у него по цѣлому иногда дню. Обыкновенно пріѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ и еще одинъ офицеръ, по фамиліи Гриневъ; оба они говорили по-нѣмецки и по-французски: тотъ потому, что былъ природный нѣмецъ и притомъ ученый человѣкъ, а сей по причинѣ, что воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ. При таковыхъ частыхъ свиданіяхъ, въ которыя время свое наиболѣе препровождали они въ играніи съ зятемъ моимъ въ ломберъ,

сдѣлался и я обоимъ имъ знакомъ, и они оба меня полюбили, въ-особливости же сдѣлался ко мнѣ господинъ майоръ весьма благосклоннымъ. Всѣмъ господамъ иностраннымъ можно то въ похвалу сказать, что они отмѣнную склонность имѣютъ къ тѣмъ изъ нашего народа, которые ихъ языку учатся или иныя какія науки знаютъ. По самой сей причинѣ любилъ меня и господинъ Л*** и видя мою охоту къ обученію языковъ, не только при всякомъ случаѣ меня къ тому болѣе поощрять старался, разговаривая со мною то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, но ссужалъ меня и французскими и нѣмецкими книгами, до которыхъ самъ онъ былъ охотникъ, для чтенія; но сожалѣнія было достойно, что всѣ онѣ по бо̀льшей части важныя и неслишкомъ сообразовались съ тогдашними моими понятіями и языковъ спхъ знаніемъ. Но какъ бы то ни было, но я, пользуясь обоими сими случаями, началъ мало-по-малу опять познавать и твердить ученые, но совсѣмъ почти забытые языки, и какъ словъ довольно мнѣ было извѣстно и недоставало одного упражненія въ разговорахъ, то имѣлъ въ томъ такой успѣхъ, что чрезъ короткое время удивился самъ полковникъ нашъ, услышавъ меня говорящаго по-нѣмецки гораздо лучше прежняго, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Симъ образомъ препроводили мы достальную часть зимы. По наступленіи дня святыя Пасхи, ѣздили мы съ зятемъ въ штабъ для празднованія сего праздника, ибо тамъ находилась наша полковая церковь. Для помѣщенія оной не нашлось другого мѣста, какъ въ одномъ большомъ сараѣ. Но гдѣ-бъ она ни была, но праздникъ сей вездѣ былъ хорошъ и радостенъ. Мы обѣдали въ сей день опять у полковника и возвратились домой уже съ крайнею нуждою, ибо въ самое то время разрывался зимній путь и начиналось половодье.

Вскорѣ послѣ сего прислано было повелѣніе, чтобъ полку нашему, по вскрытіи весны, тотчасъ иттить въ Эстляндію и въ наступающее лѣто лагеремъ стоять при Ревелѣ. Богу извѣстно, на что предпринимаемы были тогда полкамъ такіе марши и контра-марши, ибо въ самое то время тѣмъ полкамъ, которые были при Ревелѣ, велѣно иттить къ Ригѣ. Можетъ быть нужно сіе было для содержанія полковъ въ безпрерывномъ движеніи и къ приучиванію ихъ къ походу. Но какъ бы то ни было, но какъ скоро весна вскрылась, то весь нашъ полкъ собрался въ штабъ и на лугу подлѣ самой мызы Сесвегенъ расположился лагеремъ.

При семъ случаѣ увидѣлъ я впервые весь нашъ полкъ въ собраніи, и какъ мы тутъ болѣе недѣли, приготовляясь въ походъ, простояли, то имѣлъ я случай познакомиться со всѣми господами офицерами, равно какъ и своими сверстниками сержантами. Удовольствіе мое было превеликое, когда увидѣлъ я столь давно невиданный уже лагерь, а того величайшее, какъ увидѣлъ всѣхъ господъ офицеровъ ко мнѣ благопріятствующихъ. Многіе изъ нихъ были еще старые и служившіе при отцѣ моемъ. Сіи, памятуя милости родителя моего и будучи имъ очень довольны, за долгъ себѣ почитали оказывать сыну его всякаго рода ласки и благосклонности. Изъ сихъ въособенности доволенъ я былъ господами капитанами Аѳанасьемъ Ивановичемъ Зиловымъ и Иваномъ Никитичемъ Гнѣвушевымъ: оба они были наилучшіе, степеннѣйшіе и разумнѣйшіе изъ всего полку капитаны, и оба друзья покойнаго моего родителя. Не менѣе доволенъ я былъ и прежде упоминаемымъ мною подпоручикомъ господиномъ Колобовымъ, возвратившимся между тѣмъ изъ Москвы. Онъ оказывалъ мнѣ возможнѣйшее благопріятство и хвалилъ меня, что я послушался его совѣту и къ полку поѣхалъ прямо. Прежній мой учитель Миллеръ былъ тогда уже также офицеромъ и оказывалъ ко мнѣ всякое благопріятство. Изъ прочихъ же, которые послѣ меня опредѣлились въ полкъ и были мнѣ незнакомы, нѣкоторые по дружбѣ и знакомству съ зятемъ моимъ, а другіе сами

собою также меня полюбили, и обходились со мною не такъ какъ съ унтер-офицеромъ, но какъ съ равнымъ себѣ сотоварищемъ. Изъ сихъ особливую склонность и любовь ко мнѣ получилъ поручикъ князь Мышецкій, человѣкъ любимый всѣмъ полкомъ за его веселый нравъ.

Что касается до моихъ сверстниковъ и сотоварищей господъ сержантовъ, то съ сими свелъ я скоро дружбу и знакомство. Они, будучи по большей части люди молодые и также дворяне, старались сами со мною сдружиться и познакомиться. Между сими наиболѣе свелъ я дружбу съ г. Головачевымъ, г. Суминымъ и г. Бакѣевымъ, изъ коихъ послѣдній былъ не только мой сосѣдъ по деревнямъ, но и родственникъ, ибо былъ сынъ того дяди моего, Силы Борисьевича Бакѣева, о которомъ упоминалъ я довольно въ исторіи моего малолѣтства. Однимъ словомъ, весь полкъ меня полюбилъ и не только офицеры и унтер-офицеры, но и самые старые солдаты, помня отца моего милости, оказывали ко мнѣ благосклонность и любовь, и я истинно не знаю, за что оказывана была мнѣ таковая отъ всѣхъ любовь и благосклонность. Кажется, ни я того искалъ, ни я того домогался, но велъ себя просто, никому не льстилъ, обходился со всѣми дружелюбно, ласково и прямодушно, безъ всякой лести и коварства. Сіе развѣ помогало къ тому нѣсколько, однако наиболѣе приписую то особливой къ себѣ милости небесъ, и божескому обо мнѣ попеченію.

Симъ окончу я къ вамъ сіе письмо, а въ послѣдующемъ разскажу о походѣ нашемъ, сказавъ между тѣмъ, что я есмь и проч.

ПОХОДЪ ВЪ РЕВЕЛЬ.

Письмо 26-е.

Любезный Пріятель! Какъ весь полкъ собрался и все нужное къ походу было приготовлено, то выступили мы наконецъ въ назначенный походъ, и шли чрезъ мѣстечко Валки и мимо Фелина, пробираясь прямо къ Ревелю. И какъ разстояніе отъ зимнихъ нашихъ квартиръ до сего главнаго эстляндскаго города было немало, и намъ надлежало проходить всю почти Лифляндію и половину Эстляндіи, мы-же шли не скоро, но съ обыкновенными расттагами или дневаньями, то и препроводили мы на семъ походѣ болѣе мѣсяца.

Во все продолженіе сего перваго похода моей службы не имѣлъ я ни малѣйшаго почти труда и безпокойства. Я продолжалъ числиться при квартирмискихъ дѣлахъ и ѣхалъ съ зятемъ своимъ всегда напереди, для занимания подъ полкъ обыкновеннаго походнаго лагеря. У меня была собственная моя коляска, трое людей, а сверхъ того верховая лошадь, почему и не имѣлъ я ни въ чемъ и никакой нужды и не несъ никакой должности, а ѣхалъ себѣ въ прохвалъ въ своей колескѣ, между тѣмъ какъ прочіе трудились и несли службу.

Во весь почти сей походъ до самаго Фелина не помню я ничего, чтобъ со мною особливаго случилось, кромѣ одной бездѣлицы, о которой и упоминать почти не стоитъ. Было то въ мѣстечкѣ Валкахъ. По извѣстной вамъ уже охотѣ моей ко всякимъ лакомствамъ, будучи въ семъ изрядномъ городкѣ, накупилъ я себѣ всякой всячины на дорогу, и, между прочимъ, цѣлый фунтъ леденцу-сахару. Сей спряталъ я въ запасъ подалѣе въ свою шкатулку, которая была еще покойнаго моего родителя и наполнилъ имъ цѣлый ящичекъ; но чтожъ случилось?.. Покуда были у меня еще ягоды и другія лакомства, до тѣхъ поръ оставлялъ я сахаръ мой въ покоѣ, но какъ тѣ всѣ уже изошли, то пошолъ я въ шкатулку доставать оный въ намѣреніи отдѣлить отъ него нѣкоторую часть для жустаренья дорогою. Вынимаю одинъ, вынимаю другой ящикъ, а потомъ и исподній, въ которомъ былъ онъ у меня спрятанъ; но какое удивленіе меня поразило, когда, раскрывъ его, милаго моего сахару, на который у меня было столь-

ко надежды, не увидѣлъ я ни малѣйшаго кусочка, а на днѣ только ящика нѣсколько кофейной и липкой жидкости. Словомъ, сахаръ мой благополучно весь растаялъ и я не понималъ отъ чего и какъ это сдѣлалось. Думать надобно, что произошло сіе отъ сырой и мокрой погоды, бывшей предъ тѣмъ за короткое время и продолжавшейся нѣсколько дней сряду. Но какъ бы то ни было, но сахарца моего какъ не бывало и лакомиться мнѣ болѣе было нечѣмъ. Какое было на меня тогда горе: сколько туженья и гореванья. Но я далеко еще не зналъ всего своего несчастія! Погляжу: растаявшій мой сахаръ вытекъ почти весь вонъ и разлился по всему дну моей шкатулки, и перемаралъ собою много нужныхъ бумагъ и другихъ вещей; ни до которой дотронуться было не можно, всѣ перегваздались сахарною липкостію и многія принуждено было совсѣмъ бросить. Я вздурился все сіе увидѣвъ, и проклиналъ и сахаръ и охоту мою покупать и прятать оный. Но всѣмъ тѣмъ пособить было уже нечѣмъ.

Еще помню я, что во время сего путешествія имѣлъ я однажды удовольствіе при ловленіи рыбы кокулями въ рѣкѣ Аа, которую намъ проѣзжать надлежало. Мнѣ сей родъ ловленія рыбы до того вовсе былъ неизвѣстенъ, и какъ я не зналъ, что кокули были кѣмъ-то въ рѣку кинуты, то удивленіе мое было чрезвычайное, когда увидѣлъ я превеликихъ рыбъ, всплывающихъ на самую поверхность воды, дѣлающихъ по оной круги и капріоли и, наконецъ, какъ стрѣла къ берегу стремящихся и тамъ сдѣлавшихся столь смирными и кроткими, что ихъ съ берега руками доставать и ловить было можно. Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново и поразительно, и я не могъ понимать, отчего это такъ происходило, покуда мнѣ не разсказали всего дѣла.

Наконецъ настало время, что и службу государеву служить и что-нибудь исправлять надлежало. Случилось сіе при одномъ особливомъ случаѣ и мой первый шагъ въ оную былъ странностію своею довольно достопамятенъ, и служилъ мнѣ власно, какъ нѣкакимъ предвозвѣстіемъ, что служба сія будетъ для меня не слишкомъ удачна и мнѣ выгодна и что не получу я отъ нея дальней пользы; но я приступлю къ разсказанію самаго дѣла.

Недоходя до Ревеля верстъ за полтораста, отправленъ былъ зять мой отъ полку напередъ въ Ревель, для истребованія отъ генералитета мѣста для настоящаго нашего лѣтняго лагеря, и по принятіи онаго для сдѣланія въ оном нужныхъ приуготовленій. Я поѣхалъ съ нимъ туда же, но не успѣли мы верстъ съ восемьдесятъ отъ полку впередъ отъѣхать, какъ отъ встрѣтившихся съ нами и изъ Ревеля ѣдущихъ офицеровъ получили мы достовѣрное извѣстіе, что полку нашему назначено въ то лѣто лагеремъ стоять не въ Ревелѣ, а при Рогервикѣ. Зять мой, услышавъ сіе, не зналъ, что дѣлать и куда съ командою своею слѣдовать; а какъ изъ самаго того мѣста, гдѣ мы тогда находились, надлежало въ Рогервикъ сворачивать, то пришелъ онъ отъ того въ пущее недоумѣніе. Въ Ревель итти для того онъ опасался, чтобъ какъ самого себя, такъ и весь полкъ не забить по пустому такъ далеко въ сторону, ибо въ семъ случаѣ надлежало около двухъсотъ верстъ сдѣлать крюку; а въ Рогервикъ безъ повелѣнія слѣдовать также не осмѣливался, да и въ самомъ дѣлѣ было не можно. По короткомъ размышленіи, а особливо не зная, не получилъ ли между тѣмъ и самый полкъ предварительнаго о томъ повелѣнія, разсудилъ онъ отправить назадъ къ полку нарочнаго человѣка курьеромъ и испросить повелѣнія, а самому, между тѣмъ, остановясь на томъ мѣстѣ, дождаться возвращенія онаго. Въ сію посылку некого ему было послать, кромѣ меня, и такъ не приказывалъ, а просилъ онъ меня принять на себя сію коммисію и постараться исправить опую колико можно скорѣе, на что я и принужденъ былъ согласиться.

Такимъ образомъ, сѣвши на лошадку, поѣхалъ я обратно къ полку. И сія была первая служба въ моей жизни, которая въ самомъ дѣлѣ была хотя очень не важна, однако въ разсужденіи тогдашнихъ моихъ молодыхъ и почти дѣтскихъ еще лѣтъ и совершенной моей еще необыкновенности къ отправленію таковыхъ должностей, также и въ разсужденіи того обстоятельства, что мнѣ въ сей путь падлежало отправиться одному, и верстъ съ восемьдесять ѣхать верхомъ и при томъ денно и ночно съ великимъ поспѣшеніемъ, была довольно знаменита, почему и не удивительно, что случилось тогда со мною одно смѣшное приключеніе, прилпчное ребяческимъ еще моимъ лѣтамъ, произведшее весьма досадныя для меня слѣдствія. Оно было слѣдующее.

Отправившись въ свой путь уже послѣ обѣда, ѣхалъ я весь остатокъ того дня благополучно. Погода была тогда самая пріятная, вешняя, дорога большая и знакомая, и мѣстоположенія прекрасныя и веселыя. Лѣсъ тогда только-что одѣлся и повсюду была пріятная зелень. Словомъ, я и не видалъ, какъ цѣлый день, распѣвая разныя пѣсенки, проѣхалъ. Наконецъ начало время уже и къ ночи приближаться. Я находился тогда посреди большого лѣса, но котораго величина неизвѣстна мнѣ была, потому что я ѣдучи прежде чрезъ оный, спалъ въ своей колескѣ. Сія неизвѣстность побуждала меня спѣшить оный проѣхать скорѣй и прежде еще наступленія ночи. Я началъ свою лошадь потуривать и то и дѣло погонять, смотря между тѣмъ всякую минуту впередъ, не скоро ли лѣсъ окончится и не увижу ли поля. Однако лѣсъ мой не оканчивался, а становился часъ отъ часу гуще и глуше. Покуда я ничего не думалъ, до тѣхъ поръ ѣхалъ я все изрядно. Но какъ солнце стало уже къ захожденію приближаться и становиться на дворѣ отчасу темнѣе, а конца лѣса не было и въ завѣтѣ, но онъ еще глуше и уединеннѣе становился, то мало-помалу началъ находить на меня страхъ и ужасъ. Я старался всѣми образами выгонять изъ головы моей мысли наводящія на меня ужасъ: но чѣмъ болѣе я ихъ выгонять старался, тѣмъ усильнѣе лѣзли онѣ мнѣ въ голову. Къ вящему несчастію, пришло мнѣ тогда на память, что зять мой въ разговорахъ упомпналъ какъ-то о семъ лѣсѣ, а именно, что онъ чрезвычайно великъ и простирается въ длину болѣе нежели верстъ на тридцать. Не успѣлъ я сего вспомнить, какъ замерло во мнѣ сердце и напала на меня вдругъ чрезвычайная робость. При помышленіи, что мнѣ снимъ страшнымъ и глухимъ лѣсомъ не менѣе какъ верстъ съ двадцать еще ѣхать падлежало, трепетъ проницалъ всѣ мои кости, а голова наполнялась всѣми страшными мыслями, какія только быть могутъ. Въ лѣсу семъ, по удаленности его отъ всѣхъ селеній, господствовала тогда глушь и совершеннѣйшее безмолвіе. Единыя только птички кой-гдѣ перенархивали, но и тѣ, съ окончаніемъ дня удаляясь на покой, утихали. Я находился тогда въ отдаленіи отъ всѣхъ смертныхъ и одинъ посреди сей страшной и уединенной пустыни, обитаемой единными только птицами и дикими звѣрями, и мысль сія заставляла хладѣть всю кровь мою и трепетать сердце.

При таковыхъ обстоятельствахъ, началъ я отчасу болѣе колотить шпорами бока моей лошади и стегать ее то и дѣло плетью. Но не успѣлъ я еще нѣсколько верстъ отъѣхать, какъ день окончился уже совершенно и наступила ночь. Тогда не было уже время болѣе медлить или жалѣть своей лошади. Страхъ мой увеличивался ежемипутно и мнѣ начали воображаться тысячи опасностей. Я поскакалъ во всю пору, и вспомнивъ, что въ такихъ случаяхъ не велятъ пазадъ оглядываться, смотрѣлъ только впередъ и творилъ молитву. Но самое сіе запрещеніе и правило, чтобъ не оглядываться никакъ назадъ, ввергнуло меня еще въ пущій страхъ и боязнь. Не смѣя никакъ голову и въ сторону обратить, казалось мнѣ, что позади меня и Богъ знаетъ что дѣлалось. Самое тихое шумѣніе древесныхъ

вѣтвей и малѣйшій трескъ, произведенный какою-нибудь птицею или звѣремъ, представлялся мнѣ невѣдомо какимъ страшнымъ звукомъ, поражающимъ сердце мое неописаннымъ ужасомъ. Наконецъ послышанный мною и нарочито внятный и нѣсколько странный шумъ, произведенный можетъ быть летаніемъ совы или иной какой почной птицы, привелъ мысли мои въ совершенную уже разстройку: мнѣ вообразилось, что нѣчто за мною гонится. Мысль о лѣшихъ, о которыхъ слыхалъ я во время моего младенчества, вселилась мнѣ тотчасъ въ голову. Я почелъ, что это не кто иной, какъ лѣшій, и лишившись всего разсудка, поднялъ ужасный вопль и приударился еще пуще скакать. О, коль чудны дѣйствія страха! Мнѣ въ безпамятствѣ казалось тогда, что я слышу дѣйствительно топоть и шумъ гонящагося за мною чудовища, и вижу хватающагося его за задъ моей лошади; хотя въ самомъ дѣлѣ ничего того не бывало, но вмѣсто рукъ хватающагося лѣшаго, била по бедрамъ моей лошади на половину отвязавшаяся и на портупеѣ висѣвшая моя шпага, чего въ торопяхъ и не смѣя назадъ оглянуться, не могъ я никакъ разобрать и догадаться.

Сіе усугубило мой страхъ и безпамятство. Я, лишившись всего здраваго разсудка, вопилъ что ни есть мочи, призывалъ всѣхъ святыхъ на помочь, махалъ кругомъ себя плетью, единою слабою своею защитою, и скакалъ сколько было поры въ моемъ походцѣ. И могу заподлинно сказать, что подобнаго сему страху я во всю жизнь мою не видалъ. Я не помнилъ самъ себя и не знаю, что бы сдѣлалось со мною наконецъ, еслибъ продлилось сіе долѣе. Я либо, обезпамятѣвъ и обезсилѣвъ, совсѣмъ свалился-бъ съ лошади, либо лошадь подомною упала бы и издохла, еслибъ нечаянный случай вдругъ не прекратилъ всего моего страха и ужаса, и не вывелъ меня изъ сего смутнаго состоянія.

Одна корчма, или по нашему постоялый дворъ, которую я, ѣдучи туда, и не видалъ, проѣхавъ мимо ее спящій, представилась вдругъ мнѣ посреди лѣса стоящею и въ самое такое время, когда я въ паивеличайшемъ страхѣ и отчаяніи находился. Никакая радость не могла тогда сравниться съ моею. Я почиталъ сію корчму мѣстомъ моего спасенія, и вскакавъ прямо въ стадолъ, не имѣлъ силы сойти съ лошади. Руки мои окрѣпли отъ крѣпкаго держанія лошади за холку во время скаканія, а ноги не могли двигаться отъ безпрерывнаго біенія ими по брюху лошади. Чухна-корчмарь, случившійся тогда въ стадолѣ или сараѣ, удивился и не зналъ, что думать, увидѣвъ человѣка безъ памяти и поблѣднѣвшаго какъ мертвецъ, къ нему прискакавшаго. Онъ спрашивалъ меня по-чухонски о причинѣ моего страха, но я не только не разумѣлъ его словъ, но едва въ состояніи былъ сказать ему по-нѣмецки, чтобъ снялъ онъ меня съ лошади и отвелъ въ корчму, а лошадь бы мою разсѣдлалъ и далъ ей корму. По счастію моему, чухна сей разумѣлъ по-нѣмецки и исполнилъ по моей просьбѣ.

Собравшись съ духомъ и опамятовавшись, согласился я на предложеніе корчмаря, чтобъ съѣсть кусокъ масла съ хлѣбомъ, который онъ мнѣ изъ сожалѣнія къ моей молодости предлагалъ. Онъ спрашивалъ меня, не велю ли я подать себѣ молока, и не дожидаясь отвѣта, принесъ мнѣ цѣлое судно онаго, а вмѣстѣ съ симъ и кружку пива, и увѣрялъ меня, что пиво очень хорошо. Я благодарилъ сего добросердечнаго человѣка, и сказывалъ, что я пива не пью и что ласкою его доволенъ. Онъ и подлинно тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ которомъ онъ меня видѣлъ, такъ былъ тронутъ, что суетился и прислуживалъ мнѣ какъ бы мой слуга, и уговаривалъ, чтобъ я ничего не опасался и легъ бы отдыхать, сказывая притомъ, что онъ уже лошадь мою напоитъ и снабдитъ кормомъ, и сожалѣлъ, что я измучилъ ее чрезвычайнымъ образомъ.

Я и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ тогда нужду въ покоѣ. Зять мой хотя и подтверждалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ и ночью, да я и самъ зналъ, что мнѣ спѣшить надле-

жало, однако не отважпвался я пуститься опять въ лѣсъ и одинъ, ночью; сверхъ того и лошадь моя болѣе служить была не въ состоянiи, но требовала хорошаго отдохновенiя. Такимъ образомъ, растянулся я на длинномъ корчмарскомъ столѣ и положивъ въ головы сѣдло, проспалъ всю ночь какъ убитый. Сiе случилось впервые еще отъ роду, что я имѣлъ столь худую или лучше сказать никакой постели.

Наутрiе проснувшись, стыдился я своей слабости и спѣшилъ идти самъ сѣдлать свою лошадь. Но добросердечный и услужливый корчмарь избавилъ меня отъ сей работы, осѣдлавъ оную еще прежде моего выхода. Я поблагодарилъ его за всю его ко мнѣ прiязнь и ласку, и отправившись далѣе въ свой путь, приѣхалъ около половины дня въ станъ нашего полковника, не имѣя на дорогѣ болѣе никакихъ приключенiй.

Полковникъ удивился нечаянному моему приѣзду, и извѣстiе привезенное ему мною было ему крайне непрiятно. Стоянiе въ Рогервикѣ было гораздо хуже, нежели при Ревелѣ, и никакой полкъ охотно туда не хаживалъ, ибо никому не хотѣлось имѣть дѣло съ одними каторжными, которые тамъ въ тогдашнее время въ великомъ множествѣ содержались. Совсѣмъ тѣмъ долго не зналъ онъ самъ, что приказать моему зятю. Но какъ собственнаго повелѣнiя о слѣдованiи въ Рогервикъ въ полкъ было еще не прислано, то велѣлъ онъ мнѣ поспѣшать опять и какъ возможно скорѣй обратно къ моему зятю съ приказанiемъ, чтобъ онъ по прежнему продолжалъ свой путь и ѣхалъ прямо въ Ревель.

Итакъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ при полку, пустился я обратно и прибылъ къ зятю моему на другой день, къ вечеру, благополучно.

Симъ образомъ окончилъ я порученную мнѣ первую коммиссiю, которая кромѣ вышеписаннаго приключенiя стоила мнѣ очень дорого, и вплела меня въ другiя, совсѣмъ неожидаемыя напасти. Иноходца моего я такъ отдѣлалъ, что при обратномъ путешествiи съ трудомъ я его догналъ до станцiи моего зятя, а не успѣлъ къ нему пpiѣхать, какъ павъ, онъ околѣлъ. Это было первое несчастiе въ моей службѣ, и я очень сожалѣлъ о сей лучшей и любимой своей лошади, а особливо, что тогда остался только съ двумя, и что третью необходимо мнѣ имѣть было надобно.

Къ вящему несчастiю моему, гдѣ ни возьмись тогда чухна-мужикъ, продающiй тутъ же въ корчмѣ лошадь. Насъ тотчасъ о томъ увѣдомили, и мы, осмотрѣвъ, положили ее купить. Корчмарь помогъ намъ того-жъ часа договориться о цѣнѣ, и ручался въ томъ, что она была не краденая. Лошадь сiя была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и ни мало не зная, что проклятая скотина сiя навлечетъ на насъ колты и хлопоты, отправились немедленно въ путь свой и пpiѣхали въ Ревель.

Симъ кончу я сiе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вашъ вѣрный другъ, остаюсь и проч.

РЕВЕЛЬ И РОГЕРВИКЪ.

Письмо 27-е.

Любезный пpiятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ наигорестнѣйшiй и смутнѣйшiй перiодъ времени изъ всей моей военной службы, и несчастiе претерпѣнное мною при самомъ началѣ оной. Провидѣнiю божескому угодно было наслать на меня оное, власно какъ нарочно для того, чтобъ лишить меня надежды на всякую постороннюю помощь, и предоставить одному себѣ имѣть обо мнѣ попеченiе. Сiе вижу я нынѣ довольно явственно; но тогда предусмотрѣть сего былъ я далеко не въ состоянiи, и потому почиталъ тогда сiе несчастiе не инако какъ гнѣвомъ раздраженныхъ небесъ и для себя зломъ весьма великимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ составляло оно совсѣмъ тому противное. Однако, прежде повѣствованiя объ ономъ, разскажу вамъ напередъ достальную исторiю о купленной моей лошади.

Окаянная сiя скотина, любезный пpiя-

тель, въ самомъ дѣлѣ была краденая и совсѣмъ тому чухнѣ не принадлежащая, который намъ ее продалъ. Мы, не зная того, не вѣдая, положились на поручительство хозяина той корчмы, въ которой зять мой тогда стоялъ; но сей корчмарь былъ, конечно, либо подкупленъ, либо и самъ еще сообщникомъ вору, и потому не трудно было имъ насъ обмануть. А легко статься можетъ, что она была и не краденая, но все то дѣло, о которомъ я теперь разскажу, основалось на мошенническомъ комплотѣ или заговорѣ между чухнами. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были отвѣтствовать за нее такъ, какъ за краденую, и что того еще хуже, за украденую самими нами. Вы удивляетесь сему, но вы удивитесь еще болѣе, когда услышите все дѣло.

Еще во время самаго продолженія путешествія нашего отъ вышеупомянутой корчмы до Ревеля, примѣтили наши люди, что одинъ чухна слѣдуетъ повсюду по стопамъ нашимъ и власно какъ нѣчто за нами примѣчаетъ. Мы удивились сіе услышавъ, однако не могли понять, что̀ бы тому была за причина, и ни мало не помышляли о томъ, что то былъ прямой хозяинъ нашей купленной лошади. Сей проклятый мужикъ не давалъ тому ни малаго вида, но не говоря ничего, слѣдовалъ за нами назиркою до самаго Ревеля.

По прибытіи нашемъ къ сему главному эстляндскому городу, остановились мы не въѣзжая въ оный, въ одной корчмѣ, на большой дорогѣ находившейся, и зять мой готовился ѣхать къ командующему тогда стоящими тутъ полками, генерал-поручику барону Матвѣю Григорьевичу Ливену. Но онъ не успѣлъ еще собраться, какъ увидѣли мы нѣкоторыхъ изъ нашихъ людей, бѣгущихъ безъ памяти къ намъ изъ города, съ неожидаемымъ и крайне досаднымъ для насъ извѣстіемъ, что помянутый шедшій за нами чухна, слѣдуя за ними въ то время, какъ повели они въ форштатъ поить лошадей, предъ самою генеральскою квартирою закричалъ караулъ, и сталъ отнимать купленную нашу лошадь, называя ее своею, и что наши гранодеры, не давая ему оной, сдѣлали драку и за то, по приказанію самого генерала, забраны всѣ и съ лошадьми подъ караулъ.

Встрѣча сія была для насъ очень непріятна. Я оробѣлъ сіе услышавъ, и боялся, чтобъ мнѣ за то какой бѣды не было. Самому зятю моему наводило сіе сомнѣніе, и для того поспѣшалъ онъ скорѣй итти къ генералу. Но пришедъ туда, нашелъ дѣло еще въ худшихъ обстоятельствахъ: мужикъ имѣлъ между тѣмъ время нажаловаться на насъ генералу, и обвинялъ насъ тѣмъ, чего у насъ и на умѣ никогда не бывало, а именно, что лошадь сію никто иной, какъ мы сами у него украли. А генералъ, будучи природный эстлянецъ и великій всѣмъ чухнамъ защитникъ и покровитель, пылая тогда гнѣвомъ и яростію, и въ бѣшенствѣ своемъ клялся, что онъ разжалуетъ меня за то безъ суда вѣчно въ солдаты. Зять мой ужаснулся, услышавъ о семъ въ канцеляріи генеральской, куда онъ прежде зашелъ, и не зналъ, что дѣлать и какъ защитить меня отъ предстоящаго мнѣ толь великаго и напраснаго бѣдствія. Онъ хотя и разсказывалъ въ канцеляріи порядокъ всего дѣла и о нашей невинности, однако его увѣряли, что генералъ по горячности своей ничего того не приметъ, и что я, конечно, претерплю несчастіе, если не предпримется какое-нибудь другое средство.

Находясь въ таковыхъ замѣшательствахъ и дурныхъ обстоятельствахъ, не зналъ мой зять, что ему тогда предпріять было наиполезнѣе. Наконецъ, по великодушію своему и по особливой любви ко мнѣ, другого средства не нашелъ, кромѣ того, чтобъ снять всю сію бѣду на себя, и сказать, что помянутая окаянная лошадь его, а не моя, дабы спасти чрезъ то меня отъ напасти, ибо онъ надѣялся, что съ нимъ не поступитъ генералъ столь строго, какъ со мною.

Принявъ сіе намѣреніе, пошолъ онъ къ генералу, который не успѣлъ его увидѣть, какъ оборвался на него, какъ на чело-

вѣка величайшее преступленіе учинившаго, и пылалъ огнемъ и пламенемъ. Зять мой приносилъ ему оправданіе, изъяснялъ свою невинность и въ доказательство оной слался на того корчмаря, у котораго въ корчмѣ лошадь была куплена, и на всю свою команду, прося чтобъ приказано было изслѣдовать. Но генералъ, такъ какъ было уже предсказываемо, не принималъ никакихъ оправданій. А ревность и усердіе его къ эстляндскому народу простиралась такъ далеко, что онъ въ запальчивости своей выговорилъ при всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ чиновниковъ такія слова, которыя всего меньше пристойны были россійскому генералу. «Я сударь», сказалъ онъ моему зятю: «лучше одному чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а не только твоей командѣ и корчмарю, котораго ты можетъ быть закупилъ». Услышавъ такія слова, не осталось болѣе ничего говорить моему зятю; онъ замолчалъ и дожидался, какое рѣшеніе учинитъ онъ сему дѣлу.

Сіе рѣшеніе и непреминуло тотчасъ воспослѣдовать и было самое премудрое и достойное такого разсудительнаго генерала. Не принимая никакихъ оправданій и не хотя слышать о просимомъ изслѣдованіи сего дѣла и сысканіи продавца, въ которомъ намъ корчмарь ручался, приказалъ онъ зятю моему не только мужику лошадь отдать, но сверхъ того заплатить еще за каждый день по рублю, сколько тотъ мужикъ проходилъ и проискалъ своей лошади. Но и симъ еще неудовольствуясь, и самъ истинно не зная за что, велѣлъ послать въ полкъ ордеръ, что зятя моего безъ очереди послать на цѣлый мѣсяцъ на караулъ, позабывъ, что онъ былъ полковымъ квартермистромъ и что квартермистры на караулъ не ходятъ и ни съ кѣмъ не чередуются.

Вотъ сколь правосуденъ былъ тогдашній нашъ генералъ, и вотъ какое окончаніе получило сіе дѣло, угрожавшее мнѣ толь великою напастью! Я могу сказать, что я много обязанъ былъ въ семъ случаѣ моему зятю, ибо безъ него конечно бы мнѣ быть въ солдатахъ. Одолженіе, оказанное имъ мнѣ въ семъ смутномъ и опасномъ для меня дѣлѣ, мнѣ такъ чувствительно, что я и по нынѣ благословляю прахъ сего родственника моего, любившаго меня во всю жизнь свою нелицемѣрною и прямо родственною любовью.

Такимъ образомъ, ѣзда отъ корчмы до Ревеля на помянутой лошадкѣ стала мнѣ очень дорого, ибо я принужденъ былъ не только отдать лошадь, но прибавить еще восемь рублей къ ней въ приданое, ибо столько дней по объявленію того бездѣльника было его прогулу, которыя деньги, легко статься можетъ, раздѣлилъ опъ вмѣстѣ съ корчмаремъ и чухною, продавшимъ намъ лошадь; ибо всѣ обстоятельства сего дѣла заставливаютъ подозрѣвать, не было у нихъ у всѣхъ умышленнаго въ томъ заговора, и не хотѣли-ль они со вредомъ нашимъ воспользоваться слабостію и извѣстнымъ имъ къ себѣ усердіемъ и любовію генерала Ливена. Что-жъ касается до учиненнаго симъ приказанія въ разсужденіи наказанія моего зятя, которое по истинѣ было странное и смѣшное, то оно поднято было всѣми нашими полковыми начальниками и офицерами на смѣхъ и никто не помышлялъ о исполненіи онаго, но всякой только ругалъ его за обиду, учиненную имъ всему полку вышеупомянутымъ премудрымъ отзывомъ, что онъ лучше повѣритъ одному чухнѣ, нежели всего полку офицерамъ.

Вотъ первая напасть, претерпѣнная мною во время моей военной службы. Но она далеко еще не составляла того несчастія, о которомъ упоминалъ я при началѣ письма сего, и которое теперь вслѣдствіе повѣствованія моего разсказывать стану.

Между тѣмъ какъ вышеупомянутыя происшествія съ зятемъ моимъ происходили въ городѣ, находился я въ корчмѣ, гдѣ мы остановились, и дожидался возвращенія его съ великою истерѣливостью, объятъ будучи страхомъ и трепетомъ, ибо слухъ о угрозахъ генеральскихъ на-

писать меня въ солдаты достигъ уже и до нашей корчмы и привелъ меня въ неописанное изумленіе и трусость. Наконецъ, увидѣлъ я и ѣдущаго изъ города моего зятя. Сердце во мнѣ затрепетало, какъ я его издалека еще увидѣлъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ корчму съ весьма смущеннымъ и печальнымъ видомъ, и чрезъ то привелъ меня въ такое замѣшательство, что я не смѣлъ начать рѣчь и его о томъ дѣлѣ спрашивать.

Совсѣмъ тѣмъ, печаль и смущеніе зятя моего происходило совсѣмъ отъ другой и мнѣ неизвѣстной еще причины. Онъ привезъ изъ города другое и для меня печальнѣйшее извѣстіе. Будучи въ канцеляріи генеральской, услышалъ онъ, что произвожденіе офицерское по нашей дивизіи изъ Петербурга было уже прислано. Нетерпѣливость заставила его любопытствовать и узнать о пожалованныхъ полку нашего офицерахъ; а болѣе всего хотѣлось ему узнать мою судьбину, и пожалованъ ли я вмѣстѣ съ прочими. Онъ выпросилъ списокъ произвожденія на минуту и искалъ моего имени, но съ какимъ сожалѣніемъ и досадою увидѣлъ, онъ слѣдующія слова, написанныя противъ моего имени въ спискѣ: «за просрочку и неявленіе и понынѣ къ полку — обойденъ». Слова сіи поразили моего зятя, но сожалѣніе его еще усугубилось, когда онъ узналъ, что мнѣ слѣдовало пожалованному быть чрезъ чинъ прямо въ подпоручики, и что многіе сержанты нашего полку и гораздо меня младшіе получили сіи ранги.

Печалясь искренно о семъ для меня великомъ несчастіи, не могъ зять мой долго выговорить ни единаго слова и сообщить мнѣ такое печальное извѣстіе; наконецъ, не могъ болѣе удержаться и сказалъ мнѣ:—«Хорошо вы съ дядюшкою-то своимъ надѣлали въ деревнѣ?»—А что такое? подхватилъ я испужавшись.—«А то, что товарищи твои всѣ пережалованы, а ты «обойденъ, а надлежало бы также «и тебѣ въ подпоручики».

Слова сіи поразили меня, власно какъ громовымъ ударомъ, я онѣмѣлъ и не въ состояніи былъ ни единаго слова промолвить, слезы только покатились изъ глазъ моихъ и капали на землю. Сколько зятю происшествіе сіе было ни досадно, однако, приведенъ онъ былъ въ жалость моимъ состояніемъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ было сожалѣнія достойно. Я стоялъ опустя руки и глаза книзу, погруженнымъ въ глубочайшее уныніе, какъ окаменѣлый. Сіе продлилось нѣсколько времени, да и потомъ не помнилъ, что говорилъ и что дѣлалъ. Самый свѣтъ казался мнѣ померкшимъ въ глазахъ моихъ, и состояніе, въ какомъ я тогда находился, не можетъ никакъ описано быть, а довольно оно было наижалостнѣйшее въ свѣтѣ.

Досадное приключеніе сіе было дѣйствительно наипечальнѣйшее во всей моей жизни. Лишеніе самыхъ родителей не было для меня таково горестно и мучительно, какъ сіе досадное обойденіе. Тамъ дѣйствовала одна только печаль, а тутъ съ оною вмѣстѣ досада, раскаяніе, завидованіе благополучію моихъ товарищей, стыдъ и многія другія пристрастія совокуплялись и попеременно духъ и сердце мое терзали и мучили. Къ вящему усугубленію моей горести, не было ничего и ни малѣйшаго средства, чѣмъ бы меня утѣшить было можно. Зятю моему сколь ни горестно было смотрѣть на мое жалкое состояніе, и сколь ни желалъ онъ меня чѣмъ-нибудь утѣшить, но не находилъ ничего къ тому удобнаго, но принужденъ былъ еще видѣть, что самыя утѣшенія его растравляли еще болѣе мою печаль и увеличивали горесть; однимъ словомъ, я былъ совсѣмъ безутѣшенъ, лишился сна и пищи, и кромѣ вздоховъ, слезъ, унынія и печали, ничего отъ меня было не слышно. Таковое мучительное состояніе продлилось нѣсколько дней сряду и перевернуло меня такъ, что я походилъ тогда на лежавшаго нѣсколько недѣль въ горячкѣ и выздоравливающаго отъ нея человѣка. Какое безчисленное множество вздоховъ испущено было тогда къ небесамъ изъ моего сердца, и колико слезъ пролито было въ сіи печальные и горестны дни!

Между тѣмъ прибылъ къ Ревелю и полкъ нашъ. Извѣстіе о приближеніи онаго возобновило или паче увеличило еще всю жестокость печали моей. Я желалъ бы тогда скрыться невѣдомо куда, и не смѣлъ воображать себѣ той печальной минуты, когда въ полку о томъ узнаютъ, и я увижу всѣхъ сверстниковъ моихъ, ликовствующихъ въ радости. Мнѣ казалось, что я предъ ними и передъ всѣмъ полкомъ буду власно какъ оплеванным, и не зналъ какъ мнѣ безъ крайняго стыда кому показаться будетъ можно. Одна мысль, что всѣ люди какъ люди, а я одинъ какъ оглашенный тогда былъ, и власно какъ преступникъ, наказанный за какое-нибудь злодѣяніе, поражала меня до безконечности и обливала сердце мое охладѣвшею кровію. Но, по счастію, велѣно было зятю моему слѣдовать тотчасъ опять впередъ къ Рогервику, для запятія тамъ лѣтняго лагеря, и симъ образомъ избавился я на нѣсколько времени столь горестнаго для меня обстоятельства.

Во всю сію дорогу не переставалъ я воздыхать и тужить о своемъ несчастіи и не видалъ почти всѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали. Для меня весь свѣтъ былъ тогда противенъ, и я не смотрѣлъ ни на что, столь сильно тревожили меня горестныя помышленія! Наконецъ прибыли мы въ Рогервикъ, въ сіе скучное и съ тогдашнимъ моимъ состояніемъ весьма сходственное мѣсто, и заняли отведенный для полку нашего подлѣ самаго сего мѣстечка лагерь, а вскорѣ послѣ насъ пришелъ и полкъ и вступилъ въ оный.

Горесть и печаль моя нѣсколько поуменьшилась, какъ я увидѣлъ, что весь полкъ сожалѣлъ о моемъ несчастіи. Кого я ни увижу и съ кѣмъ ни сойдусь, всякъ тужилъ о моемъ несчастіи и старался по возможности своей меня утѣшить. Въ особливости же изъявлялъ сожалѣніе свое обо мнѣ полковникъ и другіе штабы и прочіе знакомые и меня отмѣнно любившіе офицеры. Самые сверстники мои, на которыхъ не было уже тогда тѣхъ проклятыхъ лыкъ или позументовъ, которыя я еще на себѣ имѣть и носить былъ долженъ, и коихъ я тогда принужденъ былъ почитать весьма уже предъ собою увышенными и на коихъ не могъ взирать безъ нѣкоего неудобоизобразимаго чувствія сердечнаго, изъявляли другъ предъ другомъ свое обо мнѣ сожалѣніе и, вмѣсто чаемаго осмѣянія меня, всячески утѣшать старались. Они обходились со мною попрежнему, какъ съ ровнымъ своимъ братомъ, и сіе болѣе всего послужило къ скорѣйшему моему успокоенію и облегченію моей горести.

Я жилъ попрежнему при моемъ зятѣ, и никто того для горестныхъ моихъ обстоятельствъ и не взыскивалъ. Самъ господинъ Хомяковъ, по имени Василій Васильевичъ, капитанъ той роты, въ которой я числялся, не дѣлалъ въ томъ никакой претензіи и не требовалъ меня въ роту для отправленія моей сержантской должности. И такъ жилъ я тогда при полку дѣйствительнымъ волонтеромъ, не имѣя за собою никакого дѣла. Но сіе меня не весьма утѣшало, и я согласился бы охотнѣе нести дѣйствительную службу, еслибъ стыдъ мнѣ въ томъ не препятствовалъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ препроводилъ я тутъ болѣе мѣсяца, въ которое время какъ полковникъ, такъ и прочіе господа офицеры не переставали обо мнѣ напоминать, и о изысканіи средствъ къ поправленію моего несчастія всячески стараться и между собою предпринимать совѣты. Многіе изъ нихъ нерѣдко собирались къ моему зятю и совокупно о лучшихъ мѣрахъ разсуждали. Обстоятельства мои по справедливости были болѣе сожалѣнія достойны, нежели я объ нихъ сперва думалъ. Я хотя остался тогда попрежнему старшимъ сержантомъ, и не только по полку, но и по всей тогда арміи, и не можно было сомнѣваться, что при первомъ производствѣ мнѣ въ офицеры достанется; но такого покоса трудно было опять дожидаться, каково минувшее произвожденіе было. Произвожденіе сіе было тогда такъ велико, что

подобнаго ему никогда не бывало и едвали когда-нибудь и впередъ будетъ. Въ сей разъ по причинѣ приумноженія войскъ и сдѣланіи новаго штата, по которому прибавлено въ каждомъ полку вновь множество офицеровъ, произведено было ужасное множество людей. Самое сіе и причиною тому было, что многимъ сержантамъ доставалось тогда вмѣсто прапорщиковъ прямо въ подпоручики, чего никогда еще до сего времени не бывало. Но по самому тому не можно было никакъ надѣяться, чтобъ въ скоромъ времени могло воспослѣдовать опять произвожденіе, ибо всѣ полки были уже съ излишкомъ укомплектованы офицерами, и потому всѣ доброжелательствующіе мнѣ совѣтовали не оставлять дѣла сего втунѣ. Но хотя и не было ни малѣйшаго луча надежды, однако не худо бы, говорили всѣ, хотя на удачу, отвѣдать употребить о произведеніи меня просьбу; въ противномъ же случаѣ, утверждали всѣ, отстану я отъ другихъ гораздо далеко и догнать ихъ буду не въ состояніи.

Сей былъ общій совѣтъ всѣхъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Но совсѣмъ тѣмъ, сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно. Просьбу употребить надлежало въ Петербургѣ, ибо тутъ никто изъ генераловъ пожаловать меня въ офицеры былъ не въ состояніи; но и въ Петербургъ надлежало кому-нибудь ѣхать, ибо на отсутственную и заочную просьбу не можно было никакъ надѣяться и положиться.

Самое сіе обстоятельство и производило наиболѣе затрудненіе. Сперва совѣтовали всѣ взять хлопоты и старапіе о семъ на себя моему зятю. Сей, по любви своей ко мнѣ, охотно на то и согласился. Но какъ въ самое то время, какъ только-что хотѣлъ онъ проситься объ увольненіи себя въ Петербургъ, занемогъ онъ нечаянно наижесточайшею лихорадкою, то не знали тогда, что дѣлать; ибо одному мнѣ ѣхать никто совѣтовать не отважпвался, потому что никто не чаялъ, чтобъ я по молодости и по незнанію своему могъ что-нибудь успѣть въ такомъ дѣлѣ, которое гораздо сильнѣйшаго старанія требовало, нежели каково могло быть мое собственное. Но какъ зятю моему .не легчало и часъ отъ часу еще тяжелѣе становилось, и какъ онъ увидѣлъ себя, наконецъ, принужденнымъ лежать въ постели, а время со всякимъ днемъ уходило, то другого средства не оставалось, какъ ѣхать на-удачу мнѣ одному и самому о себѣ стараться.

Не успѣлъ я на сіе рѣшиться и намѣренія своего объявить, какъ тотчасъ написали мнѣ челобитную, а для лучшаго въ предпріятіи моемъ успѣха, обѣщали всѣ офицеры дать мнѣ свидѣтельство и аттестатъ отъ себя въ томъ, что я офицеромъ быть достоинъ. При семъ-то случаѣ могъ я наияснѣйшимъ образомъ видѣть, сколь много доброжелательствовали мнѣ всѣ полку нашего офицеры; къ кому я ни приносилъ для подписки моего аттестата, какъ всякой говорилъ: «Обѣими руками, готовъ, братецъ: дай Богъ тебѣ всякое благополучіе и получить все желаемое». Изъ всего нашего полку одинъ только нашолся такой, который не хотѣлъ мнѣ сдѣлать сего одолженія и отказалъ въ сей просьбѣ. Это былъ господинъ Колемпнъ, бывшій нашего-жъ полку капитанъ, а тогда произведенный къ намъ въ секундъ-майоры. Сей человѣкъ былъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ, и имѣвшій съ покойнымъ родителемъ моимъ, не знаю по какому-то дѣлу, небольшую ссыпицію и на него досаду. И какъ злоба его не преставала дѣйствовать, и онъ былъ человѣкъ весьма дурныхъ свойствъ и качествъ и за то, а особливо за надменность свою и гордость всѣмъ полкомъ ненавидимъ, то хотѣлъ онъ по негодному своему характеру мстить при семъ случаѣ мнѣ за досаду, причиненную ему отцомъ моимъ, хотя сей ни мало былъ тому не виноватъ, а раздражилъ его по должности. Признаюсь, что сіе было мнѣ тогда досадно и не только мнѣ, но всего полку офицерамъ. Сіи не успѣли отъ меня о томъ услышать, какъ ругали его немилосердымъ образомъ, а человѣкъ съ

двадцать собравшись пошли нарочно къ нему его уговаривать и, буде надобно, употребить просьбу. Но всѣ старанія были тщетны, онъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и упорностію свою только болѣе досадилъ всѣмъ просившимъ. Всего смѣшнѣе при томъ было то, что онъ въ отговорку предлагалъ одну только мою молодость, почему всѣ присовѣтовали оставить его съ покоемъ, говоря, что и безъ него дѣло сдѣлано быть можетъ и что подписка его не такъ важна, чтобъ безъ нея не можно было обойтиться.

Теперь оставалось мнѣ только исходатайствовать позволеніе съѣздить на нѣсколько времени въ Петербургъ, ибо и сіе сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями. Полковникъ не въ состояніи былъ сего сдѣлать. Онъ съ радостью готовъ бы былъ меня на нѣсколько мѣсяцевъ отпустить, но власть его такъ была ограничена, что онъ не могъ отпустить меня и до Ревеля; ктому-жъ и челобитной моей должно было иттить по командѣ, то-есть, сперва отъ полку представленной быть командующему нами генералу-майору, а отъ сего представлена быть къ генералу-поручику, а отъ него далѣе въ Петербургъ къ главнокомандующему, генералъ-аншефу графу Петру Ивановичу Шувалову, отъ котораго надлежало уже послѣдовать резолюціи. Симъ окончу я мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь... и прочая.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 28-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ мое несчастіе, въ которое невинным, съ своей стороны, образомъ попалъ я по ненарочному случаю и отъ единаго только прибавленія отцомъ моимъ мнѣ одного года, но о чемъ не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія, разскажу я вамъ теперь о петербургской своей и достопамятной поѣздкѣ, предпріятой для поправленія опаго. Ѣзда сія была наиболѣе по тому достойна особливаго примѣчанія, что предпріята была мною прямо на удачу и безъ малѣйшаго луча надежды къ полученію какого-нибудь успѣха въ предпринимаемой просьбѣ, а что того еще паче, безъ всякой надежды на постороннюю какую-нибудь помощь, ходатайство и заступленіе, а съ единымъ только упованіемъ на Бога и на его милость и вспоможеніе, ибо кромѣ его не было у меня никого могущаго мнѣ подать помощь.

Какой успѣхъ имѣла сія поѣздка и что со мною случилось въ Петербургѣ—это узнаете вы изъ послѣдствія, а теперь дозвольте мнѣ воспріять паки нить повѣствованія, прерванную послѣднимъ письмомъ, и начать разсказывать вамъ всѣ происшествія по порядку.

Такимъ образомъ, рѣшившись ѣхать въ Петербургъ и испросивъ благословеніе божеское, приступилъ я къ сему важному дѣлу. Я, взявъ отъ полковника потребныя къ тому письма, поѣхалъ прежде всего къ нашему генералъ-майору. Это былъ самый первый еще случай, что я долженъ былъ самъ о себѣ стараться. Командовавшій нашимъ и другимъ стоявшимъ въ Рогервикѣ-жъ пѣхотнымъ полкомъ генералъ-майоръ былъ тогда нѣкто природный французъ, по фамиліи де-Боданъ, старичокъ весьма добренькій. Онъ стоялъ нѣсколько только верстъ отъ нашего лагеря, и потому мнѣ изъ лагеря къ нему ѣздить было недалеко. Я подалъ ему представленіе, данное мнѣ отъ полку съ запечатанною при оном моею челобитною, и сей добросердечный человѣкъ, какъ въ отпускѣ меня до Ревеля, такъ и въ представленіи своемъ къ генералу-поручику не сдѣлалъ мнѣ никакихъ затрудненій и остановокъ, и я получилъ дни въ два свое отправленіе.

Поблагодаривъ его и возвратившись въ лагерь, началъ я собираться въ дальнее свое путешествіе, и какъ я расположился ѣхать туда на легкѣ, и только въ кибиткѣ, запряженной тремя лошадьми и съ двумя изъ своихъ людей, а прочее все съ мальчишкою оставить въ лагерѣ при моемъ зятѣ, то сборы мои не долго про-

должались; на другой же день было все къ отъѣзду моему уже готово, и тогда, распрощавшись съ зятемъ и со всѣми моими знакомыми, отправился я въ свой путь къ Ревелю. Всѣ знакомцы и пріятели мои провожали меня пожеланіями всѣхъ на свѣтѣ мнѣ благъ и счастливаго путешествія, ибо кромѣ сего сдѣлать имъ было нечего. По особливому распоряженію судебъ такъ случилось, что изъ всѣхъ ихъ ни у кого не было ни одного знакомаго и такого человѣка въ Петербургѣ, къ которому бы меня сколько-нибудь рекомендовать или на первый случай адресовать было можно, и я, прямо можно сказать, пустился въ сей путь, будучи совершенно оставленъ отъ всего свѣта, и долженъ былъ всего ожидать отъ единаго милосердія божескаго.

По пріѣздѣ моемъ въ Ревель крайне опасался я, чтобъ не сдѣлалось мнѣ тутъ какихъ-нибудь затрудненій. Генералъ-поручикъ нашъ былъ самый тотъ господинъ Ливенъ, о которомъ я упоминалъ вамъ прежде, и котораго я какъ огня боялся. Поступками и характеромъ своимъ настращалъ онъ меня такъ въ прежнюю нашу бытность въ Ревелѣ, что я страшился его какъ лютаго звѣря, не зналъ какъ къ нему показаться и не ожидалъ отъ него ничего добраго, а паче боялся, чтобъ онъ мнѣ какого зла не сдѣлалъ. Обстоятельство сіе приводило въ такую разстройку мои мысли, что я, идучи на его квартиру и встрѣчаясь съ ходящимъ по улицамъ народомъ, завидовалъ послѣднѣйшимъ изъ онаго людямъ, что они съ спокойнымъ духомъ отправляютъ свои дѣла, а я принужденъ былъ не только ѣхать въ такой дальній путь, но имѣть тысячу еще опасеній, чтобъ несчастіе свое чѣмъ-нибудь еще не усугубить и не претерпѣть чего еще худшаго.

Неипако какъ съ трепетомъ и съ хладѣющеюся кровію приблизился я къ дому сего грознаго генерала. Провидѣнію угодно было вложить въ меня мысль, что итти не прямо къ генералу, а зайтить напередъ въ его канцелярію и спросить, когда и какъ бы мнѣ предъ него предстать было лучше. И коль блаженна была для меня мысль сія! Съ какимъ смущеніемъ и горестію вошелъ я въ оную, съ такимъ обрадованіемъ вышелъ я, напротивъ того, изъ оной. По особливому счастію и противъ всякаго чаянія, нашелъ я тутъ въ самыхъ правителяхъ его канцеляріи себѣ милостивцевъ и ходатаевъ. Они, помня еще бывшее со мною несчастное приключеніе съ купленною у чухны лошадью, получили ко мнѣ столько сожалѣнія и сдѣлались столь благосклонными, что не только пошли сами докладывать обо мнѣ генералу, но преклонили его уже предварительно къ исполненію моей просьбы и отпущенію меня въ Петербургъ. Я не могу изобразить, сколь оттого обрадовался я, услышавъ отъ нихъ о томъ увѣдомленіе. Совсѣмъ тѣмъ хотѣлъ онъ меня самъ видѣть. Сіе обстоятельство смутило меня опять нѣсколько. Я трепеталъ, какъ повели меня къ нему въ спальню, ибо одно мнѣніе о суровыхъ его прежнихъ поступкахъ приводило меня въ страхъ и ужасъ. Онъ принялъ отъ меня гордымъ образомъ пакетъ, въ которомъ запечатана была моя челобитная и представленіе отъ генерала де-Бодана, и разодравъ оный, началъ тотчасъ читать оную.

Я стоялъ тогда передъ нимъ какъ окаменѣлый и не смѣлъ ни единымъ членомъ тронуться. Чтеніе сіе продолжалось нарочито долго: но едва онъ только челобитную мою прочелъ и изъ оной увидѣлъ, что я прошу о произведеніи меня въ офицеры, отчасти по моей невинности, а отчасти за обученіе на своемъ коштѣ наукъ и языковъ, какъ захотѣлось ему меня освидѣтельствовать и посмотрѣть, подлинно ли я оба языка знаю, и для того началъ онъ со мною тотчасъ говорить по-нѣмецки. Я всего меньше сіе предвидѣлъ и нимало къ тому не приготовился, и потому, оробѣвъ еще больше прежняго, не знаю истинно, что и какъ я ему отвѣтствовалъ. Онъ спросилъ меня еще по-французски, но я отвѣтствовалъ ему еще того хуже и совсѣмъ отъ робости спутался. Тогда усмѣхнулся онъ

и презрительнымъ образомъ сказалъ мнѣ: «Хорошо, я тебя отпущу: только не знаю, зачѣмъ ты ѣдешь. Это чудо будетъ, когда тебя пожалуютъ». Слова сіи поразили меня еще того больше и привели въ такое смятеніе, что я едва въ состояніи былъ выговорить нѣсколько словъ въ изъявленіе моей благодарности за его къ себѣ милость. Онъ приказалъ написать обо мнѣ представленіе и дать отпускъ на 29 дней. Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ сдѣлавшійся покровителемъ моимъ главный правитель его канцеляріи, подхвативъ меня, повелъ въ канцелярію и тотчасъ велѣлъ представленіе и паспортъ мнѣ написать. Усердіе его ко мнѣ было такъ велико, что онъ не далъ писцамъ покоя, и какъ скоро оные написали, то понесъ для подписанія генералу и тотчасъ возвратившись, мнѣ сказалъ: «все мой другъ теперь готово, ступай себѣ съ божескою помощію, и дай Богъ тебѣ всякое благополучіе, а на давишнія слова пожалуй не смотри». Слова сіи были власно какъ нѣкимъ цѣлительнымъ бальзамомъ для пораженнаго моего сердца, ибо, признаюсь, что предсказаніе генеральское было для меня не весьма пріятно, но привело меня въ великое смущеніе; однако какъ я положился уже однажды на власть божескую, то тѣмъ себя и подкрѣпилъ и утѣшилъ. Итакъ, получивъ запечатанный пакетъ къ главному нашему командиру, графу Шувалову и себѣ паспортъ, и принеся тысячу благодареній добродушному моему ходатаю и покровителю, отправился я въ тотъ же день изъ Ревеля и пустился въ путь свой.

Было то въ исходѣ іюня мѣсяца, какъ я изъ Ревеля поѣхалъ, и хотя время наступало тогда самое жаркое, однако дорогу имѣлъ я пріятнѣйшую. Путь, какъ извѣстно, отъ Ревеля къ Нарвѣ лежитъ по большей части подлѣ самаго морского берега, и потому морская влажность и отъ воды холодъ умѣрялъ въ сихъ мѣстахъ чрезвычайный зной, отъ жаровъ бываемый. Во время сего путешествія имѣлъ я еще первый случай досыта насмотрѣться на море, сіе неизмѣримое скопище водъ! Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново, и я не могъ имъ довольно налюбоваться; въ особливости же не могъ я безъ особливаго ужаса и удивленія смотрѣть на тамошніе берега морскіе, подлѣ которыхъ я ѣхалъ. Они и подлинно въ состояніи навесть на всякаго страхъ и ужасъ, кто ихъ не видывалъ. Натура оградила съ сей стороны море толь высокимъ оплотомъ или, паче сказать, преогромною и страшною каменною стѣною, что вся ярость морскихъ огромныхъ волнъ и валовъ не могла ей ничего сдѣлать. Собственно берегъ, гдѣ вода прикасается до земли, былъ низокъ и ровенъ. Но сія равнина, поросшая высокимъ и дремучимъ лѣсомъ, не простиралась болѣе какъ саженъ на двадцать или на тридцать, а тамъ возвышалась вдругъ такая крутая и утесистая каменная гора, что подобна была дѣйствительной стѣнѣ. Наверху простираются опять ровныя и пріятнѣйшія мѣста, и по самому берегу идетъ гладкая и ровная большая проѣзжая дорога. Любопытство мое при смотрѣніи на столь удивительное дѣло рукъ божескихъ было такъ велико, что я на каждой почти верстѣ останавливался, выходилъ и хаживалъ на самый край сего крутого берега, смотрѣть внизъ на глубину презельную. Она и подлинно была чрезвычайная, и такъ велика, что стоящія внизу огромныя деревья казались сверху нѣнако, какъ небольшими деревцами, а крутизна такъ утесиста и чрезвычайна, что безъ опасенія обморока долго смотрѣть никакъ было не можно. Довольно, что для усмотрѣнія самыхъ ближнихъ подъ горою стоящихъ деревъ, нѣнако какъ надобно было на край берега лечь и спустить голову, а безъ того ихъ видѣть было не можно. Но зрѣлище, какое представлялось тогда очамъ, и достойно было того, чтобъ предпринимать трудъ таковой.

Взоръ на море, которое чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ часъ отъ часу болѣе возвышается и, наконецъ, не инако какъ пологою и прекрасною синею горою быть

казалось, представлялъ мнѣ также наиприятнѣйшее зрѣлище. Я не могъ устать взирая на него и на плавающія вдали и парусами своими бѣлѣющіяся суда и корабли. Изъ нихъ иныя шли въ ту, а иныя въ другую сторону, и одни ближе, а другія едва видимы были. Съ другой стороны увеселяли зрѣніе мое прекрасныя рощи и луга, правый бокъ дороги украшающія. Индѣ простирались они прямою чертою на дальнее разстояніе, а въ иныхъ мѣстахъ извивались изгибами, кои неиначе какъ разными фигурами быть казались. Вдавшіяся въ нихъ и прислоняющія сіи изгибы прекрасныя травяныя и цвѣтами испещренныя лужайки, придавали мѣстамъ симъ еще вящее украшеніе. О, сколько разъ принуждены мы были останавливаться, не вытерпѣвъ видя или растущія на лугахъ и поспѣвшія тогда ягоды, или въ рощахъ, подлѣ самой дороги великое множество и наиприкраснѣйшихъ грибовъ. Всякій разъ пріѣзжали мы на ночлегъ обремененными обоими сими натуральными продуктами, что по тогдашнему постному времени намъ особливое удовольствіе причиняло, и путь нашъ тѣмъ веселѣйшимъ и пріятнѣйшимъ дѣлало. Словомъ, мы и не видали какъ доѣхали до Нарвы, а потомъ и далѣе.

Но я удалился уже отъ главнаго предмета. Какова дорога сія ни велика была, и сколь много ни утѣшались мы разными предметами, однако помышленія о предметѣ моего путешествія не выходили у меня изъ памяти. Во всю дорогу помышлялъ я о Петербургѣ и о неизвѣстныхъ тамошнихъ обстоятельствахъ. Я, какъ выше уже упомянуто, ѣхалъ туда на удачу и не имѣлъ ни малѣйшаго видальстительной надежды. Надѣяніе на самого себя было у меня худое, а найду ли кого-нибудь себѣ доброжелательствующихъ и такихъ, которые бы восхотѣли сколько-нибудь поспѣшествовать моему дѣлу, было мнѣ неизвѣстно. Къ вящшему несчастію, не имѣлъ я съ собою ни къ кому и ни отъ кого ни единой строчки и рекомендаціи, и не зналъ гдѣ мнѣ пристать и къ кому приклонить мою голову. Одинъ Богъ былъ тогда всею моею надеждою и упованіемъ.

Наконецъ въ началѣ іюля доѣхали мы благополучно до Петербурга. Это было въ пятый разъ въ моей жизни, что я въ сей столичный городъ пріѣхалъ; но прежніе мои пріѣзды и пребыванія въ ономъ были весьма отличны предъ теперешнимъ: тогда находился я подъ какимъ-нибудь покровительствомъ, а нынѣ ни подъ какимъ. Не имѣя никого знакомыхъ, къ кому бы пристать было можно, принуждены мы были нанять для себя какую-нибудь хижинку. Мы и нашли небольшую, въ Морской, и наняли не за большую цѣну. Мое первое стараніе было узнать, нѣтъ ли въ Петербургѣ моего прежняго благодѣтеля и дяди, господина Арсеньева, дабы подъ его руководствомъ и предводительствомъ можно мнѣ было приступить къ дѣлу; но къ великому моему огорченію узналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ. Что жъ касается до господина Рахманова и до Шепелева, то сіи давно уже были въ царствѣ мертвыхъ; слѣдовательно, и съ сей стороны не могъ я ласкаться ни малѣйшею падеждою.

При такихъ обстоятельствахъ другого не оставалось, какъ отдать самому собою и ожидать всего отъ единаго вспоможенія божескаго. Я распровѣдалъ о жилищѣ графа Шувалова и приближался къ нему съ ощущеніемъ нѣкоего внутренняго ужасенія. «О домъ!» говорилъ я самъ себѣ, взирая на огромныя и великолѣпныя палаты сего знатнаго и столь сильнаго тогда вельможи: «отъ тебя произошло мое злополучіе. Исправишь ли ты оное или нѣтъ? и съ печалію ли или радостію буду я отъ тебя возвращаться?» Я зналъ, что мнѣ надлежало пакетъ мой подать въ его канцелярію, и для того спрашивалъ я, гдѣ оная находилась. Мнѣ сказали, чтобъ я шелъ въ домъ къ его любимцу, гдѣ тогда находилась графская канцелярія, и указали улицу, въ которую мнѣ идти надлежало. Это былъ господинъ Яковлевъ, тогдашній генеральсъ-

адъютантъ и ближайшій фаворитъ графа Шувалова. Я наслышался уже прежде объ немъ довольно, и зналъ, что онъ находился въ великой силѣ у графа и управлялъ всѣми дѣлами въ его военной канцеляріи. По пришествіи къ нему на дворъ, указали мнѣ канцелярію, но оттуда послали меня къ нему въ хоромы и велѣли подать самому ему пакетъ мой въ руки.

Теперь разскажу я одно смѣшное приключеніе, которое со мною въ самое сіе время случилось. Переходя дворъ и всходя на крыльцо хоромъ, въ которыхъ жилъ господинъ Яковлевъ, вынулъ я свой пакетъ изъ кармана и развернулъ изъ обертки, чтобъ его приготовить ближе. Но какимъ внезапнымъ ужасомъ пораженъ я тогда сталъ, какъ взглянувъ на него увидѣлъ, что онъ распечатался? Я остолбенѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Горе и робость напала на меня превеличайшая, и я предвозвѣщалъ себѣ отъ того напасть невѣдомо какую. «Ахъ, какая бѣда!» твердилъ я только себѣ нѣсколько разъ: «что мнѣ теперь дѣлать?» и ужасъ мой былъ такъ великъ, что сердце отъ трепетанія хотѣло власно какъ выскочить.

По короткомъ размышленіи разсудилъ я, что такъ пакетъ мой подавать никоимъ образомъ было не можно, и что другого не оставалось, какъ оный искусненно и неприметно припечатать. По счастію моему распечатался онъ очень разумно и такъ, что пособить тому было можно, ибо самая печать была совсѣмъ цѣла, а отодралась только одна четвертинка бумаги, да и то подлѣ самой печати. Какимъ это образомъ и отчего такъ сдѣлалось, истинно самъ не знаю: кажется во всю дорогу былъ онъ у меня въ сундукѣ, и я берегъ его какъ глаза. Но какъ бы то ни было, но опъ распечатался и бумажка отодралась себѣ благополучно, и подавать такъ было не можно. Горе на меня превеликое; однако я скоро догадался, что нужно только было такимъ же сургучомъ и однажды только въ то мѣсто капнуть, какъ все зло могло тѣмъ исправлено быть. Обрадовался я сему вымыслу; но тотчасъ напало на меня другое горе. Я не зналъ, гдѣ взять мнѣ сургуча такого жъ хорошаго и гдѣ сыскать огня въ тогдашнемъ и весьма короткомъ случаѣ, ибо мнѣ велѣно было спѣшить и заставать, покуда неуйдетъ господинъ Яковлевъ къ обѣдни. Въ канцелярію генеральскую итти я не отваживался, тамъ не было у меня ни одного человѣка знакомаго, ктому-жъ казалось и неприлично принечатывать пакетъ въ канцеляріи. Итакъ, другого не оставалось, какъ бѣжать благимъ матомъ на гостиный дворъ, купить такого же хорошаго аглицкаго сургучу, какимъ былъ пакетъ мой запечатанъ, а оттуда пробѣжать прямо на мою квартиру и тамъ припечатать.

Какъ вздумано, такъ скоро сіе было и сдѣлано, и не помню, чтобъ когда-нибудь во всю жизнь мою скорѣй тогдашняго я бѣгивалъ. Самый купецъ удивился чрезвычайной моей поспѣшности, и былъ слишкомъ добродушенъ и честенъ, что не взялъ съ меня тройной цѣны за сію палку сургуча, за которую-бъ я въ состояніи былъ тогда заплатить чего бы опъ ни потребовалъ, ибо не до торговли было тогда дѣло. Прибѣжавши на квартиру кричалъ я, не входя еще въ горницу, людямъ, чтобъ бѣжали скорѣе за огнемъ. Но чѣмъ я болѣе спѣшилъ, тѣмъ медленнѣе и хуже происходило дѣло. На ту бѣду не случись у насъ ни одного огарочка свѣчки, а лучинки и подавно взять было негдѣ. Наконецъ нашли какой-то осколочекъ и принесли ко мнѣ - не столько горящій, сколько курящійся. Я хваталъ скорѣй сургучъ; но не новое ли горе? не нахожу его въ карманахъ! Я въ тотъ, я въ другой, я въ третій, но не тутъ-то было! «Господи, помилуй! куда это опъ у меня дѣлся!» Но сколько я ни говорилъ Господи помилуй и сколько ни шарилъ по всѣмъ карманамъ, но сургуча моего нигдѣ не было. Вздурился тогда я отъ горя и досады, и самъ себя не вспомнилъ. Наконецъ видя немипучую, схватилъ уже я шляпу и хотѣлъ бѣжать

опять въ ряды, покупать новый, какъ слуга мой остановилъ меня, говоря: «постойте, сударь! не провалился ли онъ сквозь карманы? мнѣ помнится, что въ одномъ была дырочка». Какъ онъ сказалъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ было, и мы нашли проклятый сей сургучъ въ кафтанныхъ фалдахъ. Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю; но горе мое еще не окончилось. Проклятый осколочекъ или лучинка, между тѣмъ какъ мы суетились и сургуча искали, погасла и надымила всю мою горницу. Покуда пошли опять ее зажигать, покуда дули, покуда принесли, прошло опять нѣсколько минутъ, изъ коихъ каждая мнѣ цѣлымъ часомъ казалась. Наконецъ принесли мнѣ огонь, и я спѣшилъ дрожащими руками скорѣй припечатывать. Но не новая ли опять бѣда? проклятая лучина задымила мой сургучъ, и онъ, почернѣвъ, сдѣлался хуже еще простого. Къ вящему несчастію и досадѣ каннулъ я еще имъ мимо печати на конвертъ. «О бѣды по бѣдамъ!» вскричалъ я тогда, «что мнѣ теперь дѣлать?» Но некогда было уже мнѣ разбирать, худо ли или хорошо я припечаталъ. Я пустился уже на отвагу, и, схватя шляпу, опрометью побѣжалъ опять на дворъ къ господину Яковлеву.

По счастію, засталъ я его еще дома и часовой, стоящій у дверей, обрадовалъ меня сказавъ, что не выходилъ онъ еще изъ спальни. Итакъ, имѣлъ я время собраться нѣсколько съ духомъ и отдохнуть отъ своего бѣга. Вошедъ въ залъ, нашелъ я его весь набитый народомъ. Я увидѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы, и низкаго состоянія люди, и всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія дожидающіеся выхода въ залъ любимца графскаго для принятія прошеній и выслушиванія просьбъ. Мое удивленіе еще увеличилось, когда увидѣлъ я, что самые генералы въ лентахъ и кавалеріяхъ прибѣхавшіе при мнѣ, не осмѣливались прямо и безъ спроса входить въ его предспальню, но съ нѣкоторымъ уничиженіемъ у стоящихъ подлѣ дверей лакеевъ спрашивали, можно ли имъ войтить и не помѣшаютъ ли Михайлѣ Александровичу, такъ называлась тогда сія столь знаменитая особа, не имѣющая хотя впрочемъ больше подполковничьяго чина. Но не чинъ тогда былъ важенъ, а власть его и сила, которая простиралась даже до того, что всѣ, кому бы ни хотѣлось о чемъ просить графа, долженствовали напередъ просить сего любимца и чрезъ него получать свое желаемое, по которому обстоятельству и бывало у него всякій день по множеству народа.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, оставивъ васъ вѣрно весьма любопытными узнать, что послѣдуетъ далѣе: и остаюсь и прочее.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Письмо 29-е.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ прервалъ я тѣмъ, что находился я, со множествомъ другихъ всякаго рода людей, въ залѣ у господина Яковлева и дожидался съ нетерпѣливостью выхода сего графскаго любимца. Мы прождали его еще съ добрую четверть часа, но, наконецъ, распахнулись двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей и по большей части такихъ, кои чинами своими были гораздо его выше. Не успѣлъ онъ показаться, какъ всѣ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили. Я стоялъ тогда посреди залы на самомъ проходѣ, дабы не пропустить случая и успѣть подать ему пакетъ свой, и по природной своей несмѣлости суетился уже въ мысляхъ, какъ мнѣ приступить къ своему дѣлу. Но по счастію такъ случилось, что онъ, окинувъ всѣхъ глазами, на перваго меня смотрѣть началъ. То ли, что онъ меня впервые тутъ видѣлъ, или иное что было тому причиною—не знаю, но по крайней мѣрѣ я счелъ, что тогда было самое пансособнѣйшее время къ подачію ему пакета. Я подступилъ къ нему съ трепе-

щущими ногами и, подавая письмо, трясся, чтобъ не узналъ онъ, что оно было припечатано. Но по счастію такъ случилось, что онъ и не взглянулъ на печать толь много разъ проклинаемую, но принявъ съ величавою осанкою у меня изъ рукъ, раздернулъ пополамъ конвертъ и бросилъ на полъ. Радъ я былъ невѣдомо какъ сему случаю и смотрѣлъ не спуская глазъ на его, читавшаго въ то время представленіе генеральское. Сердце во мнѣ трепетало и обливалось кровью, и я стоялъ какъ осужденный, ожидающій приговора къ животу или смерти. Отъ бывшихъ тутъ я уже наслышался о великой его силѣ и зналъ, что не графу, а ему меня пожаловать или осудить надобно было, и потому съ окончаніемъ чтенія ожидалъ я рѣшительной своей судьбины. Прочитавъ представленіе, взглянулъ онъ на меня и окинулъ еще разъ съ головы до ногъ меня глазами; но тотчасъ опять развернувъ мою челобитную, сталъ продолжать чтеніе.

Всѣ стоялп тогда въ глубочайшемъ молчаніи и взглядывали на меня, видя господина Яковлева, читающаго бумаги мои съ величайшимъ вниманіемъ. Я стоялъ тогда внѣ себя и не зналъ, что̀ заключить изъ его поступокъ, и худое или доброе предвозвѣщать себѣ изъ его взглядовъ и прилежнаго читанія, но крайней мѣрѣ не имѣлъ я много причинъ ласкаться доброю надеждою. Будучи одинъ, незнающъ, необыкновенъ, а притомъ безъ малѣйшей подпоры и рекомендаціи, имѣлъ я болѣе резона ожидать худого, нежели добраго. Вся моя надежда, какъ я уже упоминалъ, была на одного Бога, а потому Онъ одинъ и былъ тогда у меня на умѣ, и я просилъ Его мысленно о вспоможеніи. Но самое сіе мнѣ всего болѣе и помогло. Сіе великое Существо въ такихъ случаяхъ намъ охотнѣе и помогаетъ, когда Ему одному помогать надобно и когда мы всей человѣческой помощи лишились. Но могъ ли я тогда симъ образомъ разсуждать и могъ ли хотя мало предвидѣть, что тогда имѣло воспослѣдовать?... По истинѣ, дѣло превзошло всякое чаяніе, ибо можноли было притти мнѣ тому въ голову, что я въ самомъ томъ человѣкѣ, котораго къ упрошенію надлежало бы мнѣ имѣть и употребить многихъ и сильныхъ ходатаевъ, и о неимѣніи которыхъ я толь много горевалъ, найду наилучшаго о себѣ старателя и покровителя. Однимъ словомъ, господинъ Яковлевъ сдѣлался въ одинъ моментъ моимъ милостивцемъ, и не прочтя до половины моей челобитной, спросилъ меня: «Не Тимоѳея ли Петровича ты сынъ?»—Его, милостивый государь, отвѣтствовалъ я ему.—«О!» сказалъ онъ тогда: «Батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства».

Сказавъ сіе, сталъ онъ продолжать читать мою челобитную. Но сихъ немногихъ словъ довольно уже было къ премѣненію всего моего внутренняго состоянія. Какъ солнце, выходя изъ-за тучи, освѣщаетъ вдругъ весь горизонтъ и прогоняетъ тьму, такъ слова сіи прогнали тогда весь мракъ моего сомнѣнія и освѣтили лучомъ пріятнѣйшей надежды всю мою душу. Однимъ словомъ, я не сомнѣвался уже почти тогда о полученіи всего мною желаемаго, и чаянію моему соотвѣтствовало послѣдствіе.

Господинъ Яковлевъ, прочтя челобитную, сказалъ мнѣ: «Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣдни, и чтобъ я тебя всякій день здѣсь видѣлъ». Я не зналъ, что-бъ такое слова сіи значили, а болѣе изъяснить ихъ недопустили его прочіе просители, приступившіе къ нему толпами. Однако, заключилъ я, что чему-нибудь доброму, а тутъ быть надобно и дожидался уже съ спокойнѣйшимъ духомъ отъѣзда его къ обѣднѣ.

Не успѣли мы, проводя его, выттить, какъ цѣлая толпа сержантовъ обступила меня кругомъ, и начала вопросами мучить. Иной спрашивалъ, кто я таковъ; другой, откуда пріѣхалъ; третій, котораго полку; четвертый, кто былъ мой батюшка, и почему его Михаилъ Александровичъ знаетъ, и такъ далѣе. «Государи мои — отвѣтствовалъ я тогда имъ: — я

истинно и самъ иного не знаю, о чемъ вы спрашиваете, какъ и въ самомъ дѣлѣ, я не только тогда не зналъ, но и понынѣ не знаю, какимъ образомъ онъ былъ родителю моему знакомъ и какія отъ него милости видѣлъ. Наконецъ, услышавши отъ меня о причинѣ моего пріѣзда, и о всѣхъ обстоятельствахъ, сказали они почти всѣ въ одно слово. «Дай Богъ тебѣ, братецъ, благополучіе и получить милость божескую; авось-либо и намъ при тебѣ не худо будетъ, и ты разрѣшишь можетъ быть нашу судьбину!» Я удивился и не понималъ, что они говорили; просилъ ихъ объ изъясненіи и, наконецъ, услышалъ, что они, подобные мнѣ несчастные люди, обойденные въ минувшее пропзвожденіе; что ихъ болѣе тридцати человѣкъ, и что они болѣе мѣсяца здѣсь живутъ, но ни того, ни сего получить не могутъ. «Ты не повѣришь, братецъ, говорили они, что мы уже бы ради были, еслибъ намъ отказали, а то истинно уже стѣны всѣ въ канцеляріи обтерли, а толку никакого нѣтъ. Только и добра, что ходи къ обѣднѣ и молись Богу. Иной, братецъ, у насъ уже раза два въ Невскій пѣшкомъ встряхивалъ, а иные ходили, ходили, да и ходить перестали».

Для меня все сіе было чудно и непонятно, и я просилъ ихъ разсказать мнѣ о томъ обстоятельнѣе. Они и исполнили мое желаніе и изъ словъ ихъ узналъ я слѣдующее. Господинъ Яковлевъ старался оказать себя тогда наинабожнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ не пропускалъ ни одной обѣдни, и маливался въ церквахъ наиприлежнѣйшимъ образомъ; а какъ онъ при томъ былъ весьма забавный человѣкъ, то не знаю что вздумалось ему съ помянутыми изъ разныхъ полковъ для таковой же просьбы съѣхавшимися сержантами вести шутку. Между тѣмъ, покуда дѣла ихъ производились въ канцеляріи, игралъ онъ всѣми ими невиннымъ образомъ. Онъ заставливалъ ихъ всякій день ходить къ обѣднѣ, и симъ образомъ приучалъ къ богомолью. А какъ они принуждены были ходить въ самую ту церковь, въ которую и онъ ѣзживалъ, то не упускалъ онъ примѣчать за ними, кто изъ нихъ былъ богомольнѣе и смирнѣе и кто вертопрашнѣе прочихъ. На-утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами и тутъ бывали обыкновенно иным похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе. Иной долженъ былъ за то иттить пѣшкомъ молиться въ Невскій монастырь, а другой класть опредѣленное число поклоновъ, или стоять въ церкви передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ. Симъ и другимъ подобнымъ сему образомъ забавлялся тогда графскій любимецъ сими молодцами, и любилъ особливо тѣхъ, которые лучше прочихъ соотвѣтствовали его желаніямъ. Но какъ состояли они по большей части изъ такихъ же молодыхъ людей, какъ я, а при томъ не одинаковыхъ свойствъ и характеровъ, то наскучила имъ скоро сія игрушка. Многіе изъ нихъ начали непримѣтно удаляться, и перестали къ нему показываться на глаза, а бродили только въ канцелярію: но чрезъ самое то сами себѣ хуже сдѣлали. Господинъ Яковлевъ, за великимъ множествомъ дѣлъ, которыми онъ обремененъ былъ, не видя ихъ, позабывалъ о производствѣ ихъ дѣла, а потому такъ долго принуждены они были рѣшенія онаго дожидаться и жить въ Петербургѣ по пустому.

Обстоятельство сіе, каково ни было натурально, но судя объ оном съ другой стороны, можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что можетъ быть помянутая медленность въ производствѣ оныхъ происходила и не по слѣпому случаю, а имѣло въ томъ соучастіе и невидимое смотрѣніе божеское и святой Его обо мнѣ промыслъ. Всѣмъ имъ давно бы надлежало произведенными быть въ офицеры и тѣмъ паче, что за многихъ были самые ходатаи и просители, и давно даны были обѣщанія все сдѣлать. Но господина Яковлева, власно, какъ нѣчто невидимое отводило отъ исполненія, и онъ, власно какъ

нарочно дожидался меня, чтобъ въ списокъ ихъ помѣстить и мое имя и тѣмъ удобнѣе доставить мнѣ чинъ офицерскій, а безъ того было-бъ ему гораздо труднѣе и, можетъ быть, совсѣмъ невозможно, для одного меня заводить новое произвожденіе. Словомъ, судьбы и промыслъ Господни неисповѣдимы и нами непроницаемы.

Но какъ бы то ни было, но я вышеупомянутымъ образомъ включенъ былъ въ сообщество оныхъ обойденныхъ и чиновъ себѣ толь долго добивающихся сержантовъ, и господинъ Яковлевъ для самаго того и приказалъ мнѣ всякій день къ себѣ приходить, чтобъ, увидѣвъ меня, чаще вспоминать о нашемъ дѣлѣ и тѣмъ скорѣе поспѣшить производствомъ онаго. Сколь молодъ я тогда ни былъ, однако могъ заключить, что мнѣ необходимо надобно было всѣ его приказанія наиточнѣйшимъ образомъ исполнять стараться, чего ради не медля ничего болѣе, пошелъ я тотчасъ въ ту церковь, гдѣ онъ находился. Я сталъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бъ могъ онъ меня совершенно видѣть и притворясь будто я его совсѣмъ не вижу, молился наиприлежнѣйшимъ образомъ, что мнѣ было и не трудно, потому что не въ похвальбу себѣ сказать, смаленьку былъ къ Богу прилеженъ, а тогда и подавно должно было поблагодарить Бога за милостивое Его обо мнѣ попеченіе. Сіе возъимѣло хорошее дѣйствіе. Господинъ Яковлевъ примѣчалъ всѣ мои движенія до наималѣйшаго, и видя, что моленіе мое было непритворное, былъ поведеніемъ моимъ очень доволенъ. Самое сіе и произвело выгодныя для меня слѣдствія, ибо какъ я поутру на другой день пришедъ къ нему всѣхъ прежде и въ залѣ его любое мѣсто себѣ занялъ, а на меня смотря пришло и нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей, и онъ, имѣя по счастію нашему тогда досугъ и вышедъ къ намъ еще въ шлафрокѣ, по обыкновенію своему, съ нами забавлялся, то похвалилъ онъ меня публично передъ всѣми и говорилъ, что я хотя и моложе всѣхъ, однако прилежнѣе всѣхъ молился Богу, и стыдилъ тѣмъ прочихъ моихъ сотоварищей. Потомъ спрашивалъ меня о моей матери, о полку, также и о томъ, гдѣ я учился, и какъ онъ говорилъ со мною ласково и пріятно, то и я не имѣлъ причины робѣть и отвѣтствовалъ ему такъ, что онъ былъ отвѣтами моими доволенъ. Совсѣмъ тѣмъ о настоящемъ моемъ дѣлѣ и о произвожденіи не упоминалъ онъ ни единымъ словомъ. Сіе меня уже нѣкоторымъ образомъ и безпокоило, а къ несчастію народъ, начавшій часъ отъ часу въ залѣ набираться, прогналъ его во внутренніе покои, гдѣ онъ обыкновенно одѣвался.

Совсѣмъ тѣмъ проводивъ его къ обѣднѣ, не упустили мы зайтить въ канцелярію и справиться, нѣтъ ли какихъ вновь приказаній. Тутъ, къ крайнему моему удовольствію, услышалъ я, что господинъ Яковлевъ еще вчера челобитную мою въ канцелярію отдалъ и притомъ напострожайше приказалъ спѣшить какъ возможно скорѣй нашимъ дѣломъ и готовить списокъ для нашего произвожденія.— «Вотъ, братецъ, закричали тогда мои товарищи, не правду ли мы говорили, что подлѣ тебя и намъ хорошо будетъ. Такого приказанія не было еще ни одпажды. Ей! ей! самъ Христосъ тебя къ намъ послалъ.»

Радость, чувствуемую отъ сего, не почитаю я за нужное описывать подробно; довольно, она была чрезвычайна и столь же велика, сколь велика была сперва печаль моя. Совсѣмъ тѣмъ дѣло наше продлилось болѣе недѣли, по тому причиною былъ не господинъ уже Яковлевъ, а нѣчто другое. Списки наши поспѣли чрезъ три дня, ибо господинъ Яковлевъ, видая меня всякій день у себя поутру, ежедневно объ нихъ вновь подтверждалъ и приказывалъ; а остановку и медленность произвело то обстоятельство, что тогда самого графа Шувалова не случилось въ Петербургѣ. Поелику императорскій дворъ былъ тогда въ Царскомъ-Селѣ, то и графъ около сего времени находился тамъ же, слѣдовательно, за отсутствіемъ его и произвожденіе наше подписать было некому.

Со всѣмъ тѣмъ при тогдашнихъ обстоя-

тельствахъ и поелику была уже безсомнѣнная надежда, могъ уже я безъ скуки возвращенія графскаго въ Петербургъ дожидаться, и не тужилъ бы, хотя бы сіе и нѣсколько недѣль продолжалось. Я свелъ между тѣмъ лучшее знакомство съ моими товарищами, и мы хажпвали съ ними вмѣстѣ всякій день въ церковь и къ графскому любимцу. Онъ такъ ревностно за меня вступился, что желая скорѣй меня отправить, однимъ днемъ, какъ списки наши были уже готовы, публично пзъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что графъ долго не ѣдетъ и почти просьбою просилъ, чтобъ я на нѣсколько дней взялъ терпѣніе.

Такимъ образомъ продолжалъ я жить въ Петербургѣ, питаясь сладчайшею надеждою. Мнѣ не досадны уже были тогда мои позументы, но я часто самъ себѣ говарпвалъ: «уже скоро, скоро вы съ обшлаговъ моихъ полетпте». Совсѣмъ тѣмъ препровождалъ я время свое не совсѣмъ праздно, по какъ все послѣобѣденное время дѣлать мнѣ было нечего, то хажпвалъ я по городу и осматрпвалъ мѣста, коп мнѣ видѣть еще не случалось. Мой первый выходъ былъ въ Академію, куда влекла меня охота моя къ книгамъ; могу сказать, что я съ малолѣтства получплъ къ нимъ превеликую склонность. Почему, ѣдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ Академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались. Въ особлпвости же хотѣлось мнѣ достать «Аргенпду», о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ моимъ учителемъ превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я впервые и «Жилблаза», которая книга тогда только-что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею.

Обѣимъ симъ книгамъ былъ я такъ радъ, какъ нашедъ превелпкую паходку. Досадно мнѣ было только то, что обѣ онѣ были безъ переплета, и это были первыя книги, которыя купилъ я въ тетрадяхъ и кои принужденъ былъ впервые учиться складывать и сшивать въ тетрадку, дабы мнѣ ихъ читать было можно. Но работа сія была мнѣ не столько скучна, сколько увеселптельна, хотя и препроводилъ я въ томъ много времени.

Кромѣ сего не оставилъ я исполнить еще одинъ долгъ и побывать у одного моего родственника. Это былъ нашъ деревенскій сосѣдъ и однофамплецъ, по имени, Никита Матвѣевичъ Болотовъ. Онъ служилъ тогда въ Тропцкомъ пѣхотномъ полку полковникомъ и доводился мнѣ дѣдъ, потому-что отцу моему былъ онъ внучатный дядя. При пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я не зналъ, что сей полкъ, слѣдовательно и онъ, находился въ Петербургѣ, а потому и не взялъ моего къ нему прибѣжища. А тогда хотя мнѣ въ вспоможеніи его и не было нужды, однако за должность я себѣ почиталъ побывать у него, какъ скоро объ немъ услышалъ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ своимъ лагеремъ на Выборгской сторонѣ и былъ мнѣ почти вовсе не знакомъ, потому-что я его видалъ только въ младенчествѣ, да и то не болѣе двухъ разъ.

Онъ принялъ меня пріятно и сходственно съ своимъ характеромъ, который имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя особлпвости. Онъ былъ человѣкъ немолодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей. Жптія былъ честнаго, но весьма строптиваго. Нравъ имѣлъ горячій, вспыльчивый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своенравнымъ и упрямымъ человѣкомъ. Но что всего хуже, то духъ его заражепъ былъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой причины пи съ однимъ человѣкомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порядокъ умѣлъ онъ прикрывать наплучшимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и унпженностью, и потому съ перваго впда казался всякому, ангеломъ а не че-

ловѣкомъ. Но противное тому оказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по несчастію попадался ему въ команду. Однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ причинъ, не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ причиною. Ибо, какъ онъ и съ наилучшими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и дружеской повѣренности, и онъ наиболѣе не то говаривалъ, что думалъ; то и они, не могши получить и найтить въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятнымъ почитается, мало по малу отъ него отставали. — Симъ образомъ обходился онъ и съ покойнымъ моимъ родителемъ, и они хотя и были между собою пріятели, но пріятство ихъ далеко было удалено отъ прямого дружества. Почему не знаю и я, помогъ ли бы онъ мнѣ, еслибъ я и взялъ мое къ нему прибѣжище.

Такимъ образомъ принялъ онъ меня, съ оказаніемъ возможнѣйшей наружной ласки и разспрашивалъ о причинѣ моего въ Петербургъ пріѣзда. Я разсказалъ ему все, и въ какихъ обстоятельствахъ находилось тогда мое дѣло, и ожидалъ, не назовется ли онъ самъ съѣздить къ г. Яковлеву, и о скорѣйшемъ поспѣшествованіи моему дѣлу употребитъ просьбу, хотя мнѣ въ томъ и не было уже нужды. Однако онъ далеко отъ того удаленъ былъ, но паче боясь, чтобъ я его о томъ просить не сталъ, старался рѣчь свою скорѣе преклонить на другую матерію. Онъ велѣлъ послать къ себѣ своего сына, который нѣсколькими годами былъ меня моложе и учился тогда понѣмецки и по-французски и былъ предорогой мальчикъ. Онъ заставилъ его при мнѣ говорить съ слугою и сотоварищемъ своимъ въ наукахъ, по имени Маркеломъ, по-нѣмецки, и я признаюсь, что я пристыженъ былъ тогда чрезвычайнымъ образомъ. Я видѣлъ, что онъ говорилъ гораздо лучше меня и завидовалъ ему въ семъ совершенствѣ.

Потомъ приказалъ онъ водить мимо своей ставки взводы обучающихся солдатъ и показывалъ мнѣ, власно какъ величаясь исправностію оныхъ. Совсѣмъ тѣмъ показались мнѣ офицеры паче мертвыми нежели живыми, ибо они, водя своихъ солдатъ мимо его, трепетали такъ сказать его взгляда. Тогда подумалъ я самъ въ себѣ, сколь великая разность находилась между его полкомъ и нашимъ, гдѣ о такихъ строгостяхъ никто не вѣдалъ и гдѣ полковника своего всѣ любили, и не страшились какъ лютаго звѣря; а потому и не желалъ я быть въ полку у него, несмотря хотя былъ онъ мой недалекій родственникъ и хотябъ меня къ тому приглашать сталъ. Но по счастію у него того и на умѣ не было, но онъ проспалъ только меня при отходѣ, чтобъ я не уѣзжалъ изъ Петербурга, не побывавши у него еще разъ.

Наконецъ пріѣхалъ графъ изъ Сарскаго-Села и рѣшилъ нашу судьбину. Радость, которую я чувствовалъ при перемѣнѣ моего состоянія, была тѣмъ чувствительнѣе и больше, чѣмъ нечаяннѣе получилъ я оную. Однимъ днемъ, не зная ни мало о воспослѣдовавшемъ еще наканунѣ того дня пріѣздѣ графскомъ и пришедъ очень рано на дворъ къ г. Яковлеву, не успѣлъ войтить въ канцелярію. какъ бросились ва меня канцелярскіе служители и начали щипать и сдирать съ обшлаговъ моихъ позумепты. Я выразумѣлъ уже что сіе значитъ, и будучи вдругъ пораженъ неописанною радостію, съ охотою уступалъ имъ сіи лыки. Они поздравляли меня съ полученіемъ чина, и сказывали, что Михайло Александровичъ, еще вчера, какъ-скоро графъ пріѣхалъ, возилъ къ нему паше произвожденіе и графъ безпрекословно подписалъ оное, и что, словомъ, я теперь не сержантъ, а господинъ подпоручикъ.

Вотъ сколь велико усердіе къ намъ было г. Яковлева, и сколь много старался онъ о скорѣйшемъ окончаніи нашего дѣла. Мы, собравшись всѣ, пошли тотчасъ къ нему приносить паше благодареніе, и признательность моя была такъ

вѣлика, что еслибъ можно было, то расцѣловалъ бы я у него тогда всѣ руки и пальцы. Онъ поздравлялъ насъ съ полученіемъ чиновъ офицерскихъ, и товарищамъ моимъ публично сказалъ, что они благодарить должны много и меня, ибо еслибъ не для меня онъ поспѣшилъ, то бы имъ долго еще ждать принуждено было, а инымъ и вовсе было бы отказано; а мнѣ сказалъ онъ краткое нравоученіе, чтобъ я жилъ и велъ себя порядочно и заслуживалъ бы себѣ такую же честь и доброе имя, какъ отецъ мой.

Такимъ образомъ пожалованъ я былъ въ офицеры, и минувшее несчастіе исправлено было напсовершеннѣйшимъ образомъ, ибо велѣно было отдать мнѣ и старшинство мое и считаться вмѣстѣ съ прочими съ апрѣля 25-го числа, чрезъ что и не потерялъ я ничего предъ прочими моими полковыми сотоварищами. Совсѣмъ тѣмъ, радость и удовольствіе мое нарушаемо и тревожено было еще однимъ обстоятельствомъ. Всѣхъ насъ произвели, но по мѣстамъ еще не распредѣлили. Къ несчастію, всѣ полки нашей дивизіи въ послѣднее произвожденіе укомплектованы были офицерами и мѣстъ порожнихъ было очень мало, почему куда насъ дѣвать и опредѣлить не знали. Къ вящей моей досадѣ, въ нашемъ Архангелогородскомъ полку не было ни одной подпоручичьей вакансіи и сіе меня наболѣе смущало, ибо въ другой полкъ мнѣ невѣдомо какъ не хотѣлось. Сверхъ того и въ другихъ полкахъ было только нѣсколько адъютантскихъ вакансій, а сей чинъ меня уже самъ собою устрашать былъ въ состояніи. Я говорилъ о томъ кой съ кѣмъ въ канцеляріи, но всѣ увѣряли меня, что пособить тому никоимъ образомъ было не можно, и что остается мнѣ только два средства, либо итти въ другой полкъ въ адъютанты, или ежели хочу неотмѣнно въ свой, то служить нѣсколько времени сверхъ комплекта и безъ жалованья, да и сіе развѣ только по моей просьбѣ г. Яковлевъ сдѣлать можетъ. Обрадовался я сіе услышавъ, и желая неотмѣнно въ свой, не тужилъ о жалованьѣ и пошелъ немедленно просить о томъ моего милостивца, въ коемъ я тогда уже не сомнѣвался. Онъ и дѣйствительно и слова не сказалъ сіе сдѣлать, но апробовавъ самъ мои причины, для коихъ я въ своемъ полку быть желалъ, велѣлъ тотчасъ по просьбѣ моей исполнить, увѣряя при томъ, что мнѣ не долго безъ жалованья послужить достанется, и что я при первомъ случаѣ въ комплектъ помѣщенъ буду, и что онъ о семъ не премнетъ постараться.

Такимъ образомъ опредѣленъ я былъ въ свой полкъ сверхъ комплекта и чрезъ нѣсколько дней получилъ совершенное свое отправленіе. Радость о толь благополучномъ успѣхѣ и окончаніи всѣхъ моихъ намѣреній была неописанная, и новый мой чинъ прельщалъ меня до безконечности. Признаться надлежитъ, что первая сія степень для насъ особливой важности, человѣкъ тогда власно какъ переродится, и получаетъ совсѣмъ новое существо; а точно то было тогда и со мною. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ тогда иной сдѣлался, и я не могъ на себя и на золотой свой темлякъ и на офицерскую шляпу довольно насмотрѣться, въ особливости же смѣшенъ я тогда былъ, какъ пошелъ прощаться съ моимъ дѣдомъ. Не успѣлъ я притти къ лагерю, какъ первый часовой, увидѣвъ меня, тотчасъ мнѣ, какъ офицеру, ружьемъ своимъ честь отдалъ. Я восхищенъ былъ до безконечности симъ зрѣлищемъ и былъ чувствомъ его тѣмъ болѣе доволенъ, что досадовалъ до того на гвардейскихъ часовыхъ, мимо которыхъ мнѣ итти случилось, что они мнѣ чести не отдавали. Я не зналъ, что у нихъ сего нѣтъ въ обыкновеніи, а приписывая то единой ихъ грубости и неучтивству, говорилъ тогда самъ себѣ: «скоты вы самые и конечно слѣпы, что не видите что офицеръ идетъ». Но армейскіе солдаты за то наблюдали лучше свою должность, и я такъ много тѣмъ прельщался, что нарочно пошелъ до ставки полковничьей передъ фрунтомъ, чтобъ всѣ ротные часовые также бы меня почтили и для лучшаго побужденія выстанавли-

валъ нарочно свой темлякъ, чтобъ они видѣли и знали, что я офицеръ и человѣкъ патентованный.

Распрощавшись съ своимъ дѣдомъ, который о благополучіи моемъ оказывалъ всякую наружную радость, а потомъ съ господиномъ Яковлевымъ, и принеся сему послѣднему за всѣ его милости тысячу благодареній, отправился я наконецъ въ исходѣ іюля мѣсяца изъ Петербурга къ полку своему, благословляя сей столичный городъ за все добро, полученное въ ономъ.

Легко можно всякому вообразить, что сіе обратное путешествіе было для меня еще несравненно веселѣе и пріятнѣе нежели прежнее. Духъ мой не озабочиванъ уже тогда былъ сомнѣніемъ не удручаемъ печалью, но вмѣсто оной всѣми чувствіями моими обладала радость и удовольствіе. Погода случилась и въ сей разъ весьма благопріятная и какъ мы не имѣли причины слишкомъ поспѣшать, то ѣхали мы себѣ въ прохвалъ, становились кормить лошадей и ночевать въ любыхъ мѣстахъ на лугахъ и при водахъ, а пріѣхавъ въ Нарву запаслись на дорогу тамошнею славною просольною ряпухою, которая рыба въ-особливости была вкусна жаренная на угольяхъ. Я объѣдался оною на каждомъ ночлегѣ и она была мнѣ тѣмъ вкуснѣе, что я самъ поджаривалъ ее на раскладываемыхъ нами огонькахъ и угольяхъ. Наивящее же удовольствіе производили мнѣ въ семъ путешествіи обѣ мои новыя книги. Я изобразить не могу, съ какою жадностью и крайнимъ удовольствіемъ читалъ я дорогою моего». Жилблаза». Таковаго рода критическихъ и сатирическихъ веселыхъ книгъ не случалось мнѣ читать еще отъ-роду, и я не могъ устать читая сію книгу и въ нѣсколько дней всю ее промололъ. По окончаніи оной принялся я за свою «Аргениду». Сія производила мнѣ не меньшее удовольствіе. Піитическій и героическій слогъ, каковымъ писана была сія книга, былъ мнѣ въ-особливости милъ и пріятенъ, а описываемыя приключенія крайне любопытны и увеселительны. Я читалъ также и ее не выпуская почти изъ рукъ, и могу сказать, что чтеніе сихъ обѣихъ книгъ такъ занимало мое вниманіе, что я въ сей разъ и не видалъ почти тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали, и все путешествіе мое дѣлало толь пріятнымъ и веселымъ, что я не помню, чтобъ когда-нибудь въ иное время препровождалъ путешествіе съ столь многимъ удовольствіемъ, какъ тогдашнее. Словомъ, я и не видалъ, какъ переѣхали мы все не малое разстояніе отъ Петербурга до Ревеля и до Рогервика, куда мы чрезъ нѣсколько дней благополучно пріѣхали.

Симъ образомъ кончилась поѣздка моя въ Петербургъ, предпріятая хотя паудачу и безъ всякой надежды, но имѣвшая успѣхъ наивожделѣннѣйшій. Сей успѣхъ по истинѣ превзошелъ все мое чаяніе со ожиданіемъ, и всѣ вышеупомянутыя происшествія подтвердили истину той пословицы, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ». Сіе сбылось дѣйствительно тогда со мною, и я не могъ довольно возблагодарить за то моего безконечнаго Создателя.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ начну разсказывать вамъ о томъ, какъ я началъ жить офицеромъ; а между тѣмъ остаюсь и пр.

РОГЕРВИКЪ.

Письмо 30-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь начну я вамъ описывать настоящую мою службу, ибо до сего времени была она еще ни то ни сё, и я жилъ при полку совершеннымъ волонтеромъ и не несъ никакой должности; однако и тутъ не тотчасъ она началась, какъ я къ полку пріѣхалъ, но я все-таки имѣлъ нѣсколько времени для отдохновенія.

По возвращеніи моемъ въ Рогервикъ къ полку нашему, нашелъ я зятя моего отъ болѣзни своей почти исцѣлившагося. Онъ пріѣздомъ и успѣхомъ ѣзды моей

чрезвычайно былъ обрадованъ, а не менѣе того оказывали радость и прочіе господа офицеры, а особливо благопріятствующіе мнѣ и живущіе въ дружбѣ съ моимъ зятемъ. Всѣ поздравляли меня съ моимъ благополучіемъ, приходя нарочно за тѣмъ къ моему зятю, что подало поводъ къ многократнымъ попойкамъ и угощеніямъ, приличнымъ сему случаю. Одинъ только господинъ Колеминъ стыдился тогда смотрѣть на меня и всѣ офицеры поднимали его почти въявь насмѣхъ.

Самъ старичокъ нашъ, полковникъ, былъ весьма радъ, что удалось мнѣ получить желаемое. Онъ поздравлялъ меня отъ искренняго сердца, какъ я къ нему явился, и желая и съ своей стороны оказать мнѣ какое-нибудь благодѣяніе и въ уваженіе, что я опредѣленъ былъ сверхъ комплекта и принужденъ былъ жить безъ жалованья, не велѣлъ меня до времени посылать ни на караулъ, ни въ команды, а дозволилъ жить по прежнему съ моимъ зятемъ, въ чемъ никто не имѣлъ на меня претензіи. Итакъ, хотя меня и причислили въ первую надесять роту, однако я не несъ до самаго окончанія того лѣта никакой должности, но жилъ вмѣстѣ съ зятемъ моимъ, въ построенной имъ между тѣмъ для себя изрядной горенкѣ, совершеннымъ волонтеромъ, не ходя никогда на караулъ, равно какъ и въ бываемые строи и полковыя ученья, но которыя, впрочемъ, тогда почти всѣ уже миновались, и я засталъ только одинъ инспекторскій смотръ, бывшій полку нашему.

Живучи въ такой праздности, имѣлъ я довольно свободнаго времени ходить къ прочимъ товарищамъ своимъ офицерамъ и сводить съ ними тѣснѣйшую дружбу и знакомство. Всѣ они меня, и какъ старые, такъ и молодые, отмѣнно въ короткое время полюбили, и всѣми ими былъ я совершенно доволенъ. Самъ майоръ нашъ, господинъ Колеминъ, старался оказывать мнѣ всякую ласку и благопріятство, не то угрызаемъ будучи совѣстію и стараясь тѣмъ загладить прежній свой противъ меня проступокъ, не то видя, что я, не памятуя зла, оказывалъ къ нему всегда достодолжное почтеніе. Самыя привезенныя мною книги помогли мнѣ пріобрѣсть отъ нѣкоторыхъ охотниковъ до чтенія особливое благопріятство. Они во все достальное лѣто принуждены были переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ читавшіе ихъ не могли довольно ихъ расхвалить и меня возблагодарить за то, что я привезъ къ нимъ такое пріятное упражненіе.

Впрочемъ, не помню я ничего особливаго, что-бъ со мною въ достальную часть сего лѣта случилось, кромѣ одного досаднаго случая съ моимъ дядькою и лучшимъ слугою. Онъ раздосадовалъ меня такъ, что, наконецъ, я съ нимъ побранился и принужденъ былъ поднять на него свои руки. Причиною и поводомъ къ тому было слѣдующее: уже за нѣсколько времени примѣтилъ я, что сей мой прежній «гофмейстеръ» бывалъ уже слишкомъ-часто пьянымъ. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ досаждалъ онъ мнѣ въ особливости симъ проклятымъ своимъ порокомъ, но совсѣмъ тѣмъ не могъ я понимать, откуда онъ бралъ деньги и на какіе избытки пилъ. Когда же по пріѣздѣ своемъ къ полку продолжалъ онъ ремесло сіе еще больше прежняго, то сіе подало поводъ къ тому, что я сталъ присматривать за нимъ прилежнѣе, и открылъ за нимъ такое дѣло, какого я никогда отъ него не ожидалъ. Однажды встрянувшись его и пошедши самъ его отыскивать, нашелъ я молодца въ людской палаткѣ спящаго и мертво пьяна. Изъ досады и любопытства восхотѣлось мнѣ тогда его обыскать и посмотрѣть, сколько было у него въ карманахъ денегъ. Но въ какое удивленіе пришелъ я, когда, обыскивая карманы, вмѣсто денегъ нашелъ въ нихъ ключъ, и ключъ точно такой, какой имѣлъ я отъ своей шкатулки. Вздурился я тогда и закричалъ: «А-а! вотъ гдѣ деньги-то ажно берутся!» Я побѣжалъ тотчасъ къ своей шкатулкѣ и примѣривъ ключъ, нашелъ, что онъ еще лучше моего оную отмыкаетъ. Тогда не трудно было мнѣ заключить и удосто-

вѣриться въ томъ, что деньги на пропой таскапы были изъ моей шкатулки, и открытіе таковой непростительной шалости было мнѣ тѣмъ досаднѣе, чѣмъ меньше я того надѣялся, ибо могу сказать, что я почиталъ его вѣрнѣйшимъ у себя человѣкомъ, любилъ его болѣе всѣхъ прочихъ и во всемъ ему вѣрилъ. Но къ чему не можетъ человѣка довесть проклятое пьянство! Совсѣмъ тѣмъ преступленіе сіе казалось мнѣ непростительнымъ, а особливо въ такое время, когда въ деньгахъ самому мнѣ была нужда, и взятая изъ дома казна начала гораздо уже истощаться.

Не могу довольно изобразить, въ какое смятеніе привелъ я сего бездѣльника, когда, давъ ему проспаться, показалъ ему найденный ключъ, и спросилъ, что бы это значило, и не знаетъ ли онъ сей вещи? Нечего ему было тогда уже говорить и дѣлать. Онъ не отважился запираться, но упавъ къ ногамъ моимъ, признался во всей своей винѣ, сказывая, что ключъ сей прибралъ онъ въ Петербургѣ и что не однажды уже посѣщалъ мою шкатулу. Итакъ, впервые и въ послѣдніе побранились мы тогда съ симъ человѣкомъ, и я, наказавъ его по достоинству, предпринялъ не только быть впредь гораздо уже отъ него осторожнѣе, но поелику въ исправленіи его имѣлъ я весьма худую надежду, то положилъ при первомъ случаѣ его отъ себя отдалить и сослать въ деревню.

Препроводивъ достальную часть лѣта въ семъ лагерѣ и по приближеніи осени получили мы повелѣніе, чтобъ полку нашему расположиться по винтеръ-квартирамъ. Оныя ассигнованы намъ были въ эстляндскихъ деревняхъ, неподалеку отъ Рогервика, и какъ квартирамъ, каковы бы онѣ ни были, обыкновенно всѣ бываютъ рады, то ни мало немедля полкъ туда и выступилъ.

Обстоятельство сіе подало поводъ къ великой перемѣнѣ и въ моихъ обстоятельствахъ. До того времени жилъ я, какъ выше упомянуто, вмѣстѣ съ моимъ зятемъ, что было и можно, потому что онъ имѣлъ горницу въ самомъ лагерѣ; но тогда зятю моему надлежало ѣхать уже вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, и стоять неподалеку отъ полковника, а ротѣ нашей пттить совсѣмъ въ иную сторопу и въ такихъ мѣстахъ расположиться по квартирамъ, которыя отдалены были отъ штаба не менѣе 80 верстъ; то мнѣ, какъ офицеру долженствующему уже помышлять о дѣйствительной службѣ, неприлично уже было ѣхать и по прежнему жить вмѣстѣ съ зятемъ, но я принужденъ былъ наконецъ съ нимъ разстаться, и отправиться съ ротою жить самимъ собою. Перемѣна сія была мнѣ хотя весьма чувствительна, но какъ перемѣнить того было не можно, то принужденъ я былъ повиноваться времени и случаю, и быть тѣмъ довольнымъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись, пошли мы по разнымъ дорогамъ. Роты нашей командиромъ былъ тогда поручикъ князь Мышецкій, самый тотъ, о которомъ я упоминалъ уже прежде сего. Сей человѣкъ полюбилъ меня отмѣнно предъ прочими и для самаго того и опредѣлили меня въ его роту. Пришедши на квартиры, нашли мы ихъ не въ весьма хорошемъ состояніи. Самому ротному командиру отведенъ былъ самый бѣдный и пустой подмызокъ, а мнѣ приходилось стоять не инако какъ въ рею чухопскомъ. Сіи реи составляютъ у тамошняго бѣднѣйшаго и гнуснѣйшаго въ свѣтѣ парода, вкупѣ и избы ихъ и овины. Они и живутъ въ нихъ, и сушатъ свой хлѣбъ и кормятъ свою скотину, а что того еще хуже, изъ тѣхъ же корытъ, изъ которыхъ сами ѣдятъ свою пудру или мѣсиво. Къ вящему безпокойству, нѣтъ въ нихъ ни единаго окошка, ни единаго стола и ни единой лавки, но дневной свѣтъ принужденъ проходить сквозь нерастворяющуюся, а задвигающуюся широкую, но низкую дверь, и освѣщать сію тюрьму, стоя во весь день настежъ; самая печь сдѣлана у нихъ не по-людскому, но въ одномъ противъ дверей углѣ въ вырытой ямѣ. Я ужаснулся, какъ увидѣлъ отведенную себѣ квартиру и не понималъ, какъ мнѣ въ такой тюрьмѣ и пропасти жить и препровождать цѣлую зиму. Но по счастію

избавился я отъ сего безпокойства: князь, узнавъ сіе, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я стоялъ въ оной, но просилъ меня стать жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я съ великою радостью и согласился.

Такимъ образомъ, нажилъ я себѣ новаго компаніона или товарища, и мы расположились въ квартирѣ своей порядочно. Князь уступилъ мнѣ маленькую каморку, гдѣ я имѣлъ свой столъ и окошко, а самъ опредѣлилъ для себя переднюю и большую горницу; третья-жъ и холодная коморочка составляла общую нашу кладовую, а чрезъ сѣни въ другой половинѣ были наши люди и ротная канцелярія.

Стояніе наше въ семъ мѣстѣ было хорошо и худо. Въ теплѣ и въ свѣтѣ недостатка мы не имѣли, напротивъ того, въ потребной для насъ провизіи и въ съѣстныхъ припасахъ претерпѣвали иногда оскудѣніе, ибо по бѣдности и суровости тамошнихъ крестьянъ не можно было ничего доставать купить у нихъ ни за какія деньги, а отъ всѣхъ городовъ находились мы въ далекомъ разстояніи.

Самое сіе и побудило меня спѣшить отправленіемъ человѣка въ свою деревню для привоза ко мнѣ денегъ и всякой съѣстной провизіи или запаса, ибо прежній и бывшій со мною уже весь изошелъ, и какъ сей случай былъ напудобнѣйшій для сжитія съ рукъ прежняго моего дядьки, то и отправилъ я его немедленно домой, снабдивъ письмами, содержавшими въ себѣ между прочимъ и судьбу сего человѣка; ибо какъ онъ за воровство свое казался мнѣ недовольно еще наказаннымъ, а пить никакъ не переставалъ, но и послѣ того времени, несмотря на всѣ заклинанія, нѣсколько разъ бывалъ пьянымъ, то писалъ я къ прикащику своему, чтобъ его уже ко мнѣ назадъ не посылать, а употребить во всю домашнюю работу на ряду съ прочими дворовыми людьми, а ко мнѣ прислать уже другого человѣка. Симъ образомъ принужденъ я былъ наказать сего изшалившагося человѣка; но, признаюсь, что при подписываніи сего письма, смущала меня нѣсколько совѣсть. Я вспомнилъ всю прежнюю его службу и обо мнѣ въ малолѣтствѣ попеченіе, и мнѣ казалось, что я наказываю его уже слишкомъ строго. Но по счастію, того и не совершилось, что я объ немъ писалъ и приказывалъ, ибо дядя мой, къ которому я также о томъ писалъ, разсудилъ употребить сего человѣка на лучшее и полезнѣйшее для меня дѣло, нежели паханіе земли и молотьбу хлѣба. Онъ отправилъ его въ Москву и велѣлъ по вотчинной коллегіи хлопотать и справить за меня все мое недвижимое имѣніе и деревни, что онъ, прожившъ тамъ цѣлое лѣто, и исправилъ и тѣмъ довольно заслужилъ вину свою. Но какъ бы то ни было, но бѣднякъ сей, котораго судьба не допустила меня болѣе съ того времени видѣть, не зная ничего, что объ немъ было писано, поѣхалъ домой съ превеликою радостью и благодарилъ еще меня за увольненіе отъ себя, ибо онъ надѣялся, что жить будетъ дома въ покоѣ и освобожденъ будетъ отъ всякой работы.

Что касается до препровожденія нашего времени, то было оно не гораздо весело. Въ такихъ пустыхъ и скучныхъ мѣстахъ увеселеніе находить было трудно или совсѣмъ не можно; одинъ только товарищъ мой прогонялъ скуку мою своимъ веселымъ и шутливымъ нравомъ. Но наконецъ и къ тому я привыкъ, и шутки его сдѣлались мнѣ столько же нечувствительны, сколько прежде были для меня забавны и увеселительны. Я сдѣлался въ короткое время къ нимъ совсѣмъ равнодушенъ. Сверхъ того, сотоварищъ мой имѣлъ въ нѣкоторомъ случаѣ и характеръ особливый и не само выгодный. Онъ подверженъ былъ нѣкоторымъ порокамъ, и напглавнѣйшій изъ нихъ состоялъ въ томъ, что любилъ онъ слишкомъ водку. А какъ сего добра въ Эстляндіи много и вездѣ купить достать можно, то и не переваживалась она у него никогда и стояла обыкновенно въ шкафѣ или въ бутылкѣ подъ кроватью его и подъ головами. Сперва, не зная

сего за нимъ порока удивился я, сидючи въ своей коморкѣ, и то и дѣло слыша «буръ, буръ, буръ»; я не зналъ, что бы это значило, но наконецъ увидѣлъ, что онъ лежучи на постели, то и дѣло посвищалъ свою водку. Частое, хотя и не всегдашнее, повторепіе сей привычки дѣлало его совсѣмъ развращеннымъ, и онъ тогда болѣе скученъ, нежели веселъ былъ. Кромѣ сего подверженъ онъ былъ чрезвычайной лѣни, которая простиралась даже до того, что иногда по цѣлой недѣлѣ онъ не умывался и не чесалъ себѣ голову, а чтобъ не одѣвшись и безъ самаго исподняго платья цѣлый день въ одномъ тулупѣ проходить или большую часть онаго проваляться на постелѣ, это за нимъ очень часто важпвалось. Совсѣмъ тѣмъ и на всѣ сіи пороки несмотря, былъ онъ самый честный, разумный, предобрый и въ обхожденіи своемъ пріятный, ласковый и любительный человѣкъ, а за то и любимъ онъ былъ генерально всѣмъ полкомъ.

Таковъ-то былъ мой товарищъ, съ которымъ опредѣлено мнѣ было жить цѣлую зиму. Признаюсь, что сначала онъ мнѣ скоро наскучилъ. Однако къ чему не можно привыкнуть? Я привыкъ и онъ сдѣлался мнѣ не только сносенъ, но какъ онъ мнѣ ничего худого не дѣлалъ, а напротивъ того оказывалъ всякую ласку и благопріятство, то могу сказать, что я былъ еще имъ и его дружествомъ доволенъ и не имѣлъ причины на сообщество съ нимъ жаловаться.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда почли мы себѣ за долгъ побывать у нашего мызника или господина, кому принадлежала наша деревнишка, и стараться, буде можно, свести съ нимъ знакомство, и чрезъ то получить случай къ выѣзду и къ лучшему препровожденію времени. Но какъ мы нашли его знатнымъ эстляндскимъ дворяниномъ, живущимъ въ огромномъ каменномъ замкѣ и надутымъ гордостью, то скоро лишились надежды, и побывавъ у него однажды, не имѣли охоты въ другой разъ къ нему ѣхать. Итакъ, единый выѣздъ нашъ былъ къ господину Л***, нашему секундъ-майору, самому тому, о которомъ упоминалъ я уже прежде сего, и который по счастію имѣлъ тогда квартиру свою верстъ за пятнадцать отъ насъ, такъ что намъ къ нему нерѣдко ѣздить было можно. Но и того лишились мы спустя нѣсколько времени, ибо онъ, къ сожалѣнію моему, переведенъ былъ изъ нашего полку въ другой и отъ насъ уѣхалъ. Кромѣ же его, по несчастію нашему, никому изъ офицеровъ близко насъ стоять тогда не случилось.

Но какъ выѣзды и къ самому сему майору не слишкомъ были часты, то праздная офицерская жизнь въ полкахъ, а особливо въ зимнее время, всего болѣе мнѣ наскучила. Я съ самаго ребячества, а особливо живучи въ деревнѣ, сдѣлалъ привычку не сидѣть никогда безъ дѣла, но во всякое время въ чемъ нибудь упражняться, а тутъ дѣлать мнѣ совсѣмъ было нечего и оттого чувствовалъ я болѣе скуки. Наконецъ, для прогнанія оной вздумалъ я учиться что-нибудь переводить, и для того выпросилъ у г. Л*** нѣмецкій Гибнеровъ географическій и газетный словарь, и сталъ переводить изъ него лучшепькія любопытнѣйшія статьи. Сіе упражненіе помогло мнѣ много прогонять мою скуку. Я собралъ ихъ цѣлую книжку, и сія книжка была первымъ плодомъ трудовъ моихъ, но, къ сожалѣнію, пропала она у меня послѣ съ другими книгами.

Нѣсколько недѣль спустя, послѣ нашего пріѣзда, принужденъ я былъ переходить тотъ порогъ, который перестунаютъ почти всѣ молодые люди тогдашняго моего возраста, и нерѣдко спотыкаясь погибаютъ, а именно—слечь и вытерпѣть жестокую горячку. Это было въ первый разъ на моей памяти, что я былъ боленъ, кромѣ обыкновенныхъ во время младенчества болѣзней. Болѣзнь моя продлилась хотя не долго и не болѣе двухъ недѣль, но доводила меня до крайности. Однимъ словомъ, всѣ почти сумнѣвались о моей жизни и не чаяли мнѣ выздоровѣть. При семъ-то случаѣ узналъ я доброе сердце моего товарища, который

одинъ былъ тогда и моимъ надзирателемъ и лекаремъ, ибо въ штабъ за лекаремъ посылать было не только что далеко, но за рѣками, тогда только замерзать начинающимся, было и не можно, а сверхъ и зятя моего при полку тогда не было: онъ отпросился на самое короткое время въ свою деревню и былъ тогда дома; итакъ, все попеченіе обо мнѣ имѣлъ тогда одинъ мой товарищъ. Онъ и подлинно ходилъ тогда за мною какъ за роднымъ своимъ братомъ, не отлучался ни на минуту отъ меня и не оказывалъ никакой отъ того скуки и неудовольствія. Самая водка его стояла во все сіе время подъ кроватью съ покоемъ и безъ всякаго къ ней прикосновенія. Единое только смѣшное обстоятельство было ему крайне досадно, а именно: во время болѣзни моей вспомнился мнѣ какъ-то медовый квасъ, какой пивалъ я въ рядахъ, въ Петербургѣ, и какъ въ горячкѣ у больныхъ бываютъ иногда странныя прихоти, то захотѣлось и мнѣ онаго. Но гдѣ было взять въ чухнахъ меду? Товарищъ мой съ ногъ сбилъ солдатъ и лошадей, посылая всюду искать онаго, но нигдѣ не находили и ни за какія деньги не можно было достать ни одного золотника онаго, толь велика была пустота сихъ мѣстъ и мизерность тамошнихъ жителей; въ города же посылать было тогда за распутицею не можно, да и очень далеко. Товарищъ мой въ то время, когда я занемогъ, по случаю, что у насъ весь на ту пору изошелъ чай, съ величайшею нуждою досталъ и онаго нѣсколько золотниковъ, и за нимъ принужденъ онъ былъ посылать верстъ за сорокъ,къ пріятелю нашему, господину Головачеву, и посланные чуть-было не перетопли.Совсѣмъ тѣмъ не давалъ я ему ни на минуту покою: онъ «давай мнѣ меду», да и только всего! Долго онъ отъ меня кое-какъ отдѣлывался, но наконецъ не зналъ уже что дѣлать. По счастію, скоро я потомъ сталъ выздоравливать и избавилъ его отъ своей докуки. Крѣпость натуры и молодость моя преодолѣли болѣзнь, или паче сказать, Богу не угодно было лишить меня жизни.

Кромѣ сей имѣлъ я еще другую и того страннѣйшую прихоть. Какъ мнѣ уже немного полегчило, то придп ко мнѣ превеликій аппетитъ къ водкѣ. Мнѣ мечталось, что она имѣетъ въ себѣ неописанныя пріятности, и напоминаніе, какъ офицеры въ походѣ пивали ее изъ погребцовъ, побуждало меня желать и требовать сего напитка; однако князь меня уже въ семъ случаѣ не послушался и наотрѣзъ отказалъ.

Не успѣлъ я отъ болѣзни своей свободиться, какъ получилъ радостное извѣстіе, что, наконецъ, сдѣлалась въ полку нашемъ вакансія и меня въ комплектъ причислили. Мнѣ сіе тѣмъ было пріятнѣе, что безъ жалованья жить мнѣ уже и гораздо скучилось. Денежекъ не было у меня давно уже ни полушки, и я въ ожиданіи привоза изъ деревни пробавлялся уже кое-какъ, занимая и живучи почти совсѣмъ на коштѣ моего товарища.

Спмъ окончу я сіе письмо, и остаюсь и прочее.

ВЪ РОГЕРВИКѢ.

Письмо 31-е.

Любезный пріятель! Теперь начну я вамъ разсказывать дѣйствительную уже мою офицерскую службу, ибо не прошло послѣ того времени, какъ причислили меня въ комплектъ, одной недѣли, какъ полку нашему досталось итти въ Рогервикъ на караулъ, и я командированъ былъ вмѣстѣ съ прочими офицерами, и долженъ былъ служить первую службу. Такимъ образомъ, отправились мы стеречь и карауліть каторжныхъ, и принуждены были тамъ промучиться съ цѣлый почти мѣсяцъ. По счастію, досталось мнѣ при всемъ карауліѣ править адъютантскую должность, которая была хотя и довольно трудна, однако выгоднѣе всѣхъ прочихъ. По крайней мѣрѣ не былъ я принужденъ водить каторжныхъ всякій день на мулю, и зябнуть тамъ подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтромъ, ибо тогда осень была наиглубочайшая и время самое дурное

но жилъ все въ теплѣ и въ караульнѣ на гауптвахтѣ. Къ вящему удовольствію моему случился тутъ командиромъ у меня быть другого полку капитанъ, человѣкъ весьма хорошій, ласковый и дружелюбный. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились и онъ меня полюбилъ чрезвычайно, и никакъ того допустить не хотѣлъ, чтобъ мнѣ готовили особое кушанье, но я неотмѣнно долженъ былъ пить и ѣсть съ нимъ вмѣстѣ и довольствоваться его коштомъ, что по тогдашнему моему оскудѣнію въ деньгахъ было мнѣ и не противно. Звали его Кирилою Алексѣевичемъ Колюбакинымъ, и я ласки и дружбу его никогда не позабуду.

Два только обстоятельства мнѣ досаждали и спачала меня весьма обезпокоивали. Первое было то, что я долженъ былъ въ каждое утро и въ каждый вечеръ ходить въ острогъ и во всѣхъ казармахъ перекликать по списку всѣхъ каторжныхъ поимянно. Сіе составляло въ самомъ дѣлѣ коммиссію весьма скучную и я долго не могъ къ сему привыкнуть, но наконецъ и сіе мнѣ сдѣлалось сносно. Я затвердилъ ихъ списки почти наизусть и любовался еще согласіемъ ихъ странныхъ именъ, оканчивающихся по большей части на «енко» какъ напримѣръ: Ванко, Терещенко, Оспиъ Григоренко, и такъ далѣе. Другое обстоятельство было то, что сіи злодѣи стравили-было меня вшами. Не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ проявилось на мнѣ такое множество вшей, что все платье мое наполнено было ими. такъ что они мнѣ покоя уже не давали. «Господи помилуй! говорю я, откуда такая пропасть взялась? никогда со мною этакой бѣды не бывало?»—Терплю я день, терплю другой, терплю и третій, но наконецъ не стало уже мочи болѣе, количество вшей на мнѣ не только не уменьшалось, но со всякимъ днемъ увеличивалось еще болѣе.—Что за диковинка! говорю я и бранюсь на слугу своего, что не можетъ онъ однажды хорошенько всѣхъ ихъ выбрать и перебить. «Что, сударь! отвѣтствовалъ онъ мнѣ, я и самъ не надивлюсь вшамъ этимъ. Кажется выберешь все платье чисто на-чисто, а на завтра опять столькожъ, и дьяволъ ихъ знаетъ откуда они берутся». Симъ образомъ не знали-бъ мы долго что съ ними дѣлать, еслибъ не избавилъ насъ отъ сего зла одинъ тутошній житель, пришедшій по случаю къ намъ въ караульню. Онъ, увидѣвъ насъ суетящихся о семъ дѣлѣ и недоумѣвающихся, захохоталъ и сказалъ мнѣ: «Э, баринъ! вы конечно еще не знаете, откуда эти вши берутся? Это, сударь, вамъ каторжные подрадѣли»! — «Какъ каторжные?» спросилъ я, удивившись, сего человѣка. «Вы конечно, отвѣтствовалъ онъ, отъ нихъ не остерегаетесь въ то время, какъ вы ихъ перекликаете и стоите подъ ихъ койками?»—Ну! что жъ? спросилъ я еще больше удивившись,—я конечно стою подъ ихъ койками, ибо весь потолокъ ими въ казармахъ увѣшанъ. — «Ну, сударь! такъ оттуда-то они ихъ на васъ и спускаютъ». —Что ты говоришь? не правдули? «Конечно такъ, и это у нихъ давнишнее обыкновеніе», сказалъ онъ.—Ахъ проклятые, закричалъ я: дамъ же имъ за это хорошую баню!—«Нѣтъ, сударь, отвѣтствовалъ мнѣ онъ, а извольте ходить перекликать лучше въ епанчѣ и съ шляпою съ распущенными полями, а то все вы отъ нихъ не избавитесь; въ шляпѣ же и спней епанчѣ скорѣй можно выбрать». Обрадовался я чрезвычайно, узнавъ сіе бездѣльничество и поблагодаривъ сего человѣка за совѣтъ: въ тотъ же день, употребивъ болѣе осторожности, поймалъ одного бездѣльника, мечущаго на меня вши, и велѣлъ дать ему за то слишкомъ болѣе ста ударовъ, ибо бить ихъ состояло въ моей власти. Послѣ жъ того не только сталъ ходить въ казармы ихъ въ епанчѣ и шляпою съ распущенными полями, но и становиться для переклички ихъ въ такое мѣсто, гдѣбъ надо мною не было вспящихъ ихъ постелей и коекъ, и чрезъ самое то отъ сего зла избавился.

Впрочемъ, какъ мы пробыли тутъ цѣлый почти мѣсяцъ, то имѣлъ я случай узнать Рогервикъ въ подробности. Онъ составлялъ въ мою бытность изрядное мѣстечко, имѣющее въ себѣ нѣсколько сотъ

домовъ и одну церковь. По большей части жили въ немъ промышленники, ставящіе каторжнымъ потребные къ содержанію ихъ припасы. Званіе свое получилъ онъ отъ острова Рогера, лежащаго на морѣ противъ самаго сего мѣста, а Викомъ называется тотъ уѣздъ или берегъ, гдѣ оный былъ построенъ. Построенію онаго и содержанію каторжныхъ въ семъ мѣстѣ было извѣстное и великое намѣреніе императора Петра-Великаго, чтобъ построить тутъ гавань, а современемъ на островѣ Рогерѣ городъ. И подлинно, еслибъ намѣреніе сіе могло-бъ совершиться, то была бы тутъ гавань, не имѣющая себѣ почти подобной. Но жаль, что непреоборимыя препятствія дѣлали тому помѣшательство, и не подавали надежды, чтобъ когда-нибудь могла она быть сдѣлана. Работа каторжныхъ состояла въ ломаніи въ тутошнемъ каменистомъ берегѣ камней, въ ношеніи ихъ на море и киданіи въ воду, дабы сдѣлать отъ берега до острова каменную широкую плотину, которую они назвали «мулею». Но сего-то самаго сдѣлать было и не можно, ибо какъ скоро отъ берега поудалились, то пришла не только превеликая и болѣе нежели на 30 саженъ простирающаяся глубина, но и дно морское было такъ гладко и камениcто, что не можно было никакъ утвердить основанія. Не успѣетъ подняться большая буря, какъ въ одинъ часъ разрушитъ и снесетъ все то, что лѣтъ въ пять накидано было. Уже были опускаемы тарасы и дѣланы разныя другія выдумки, но ничто не помогало, но все остановилось въ одной порѣ. Совсѣмъ тѣмъ сдѣлано было уже тогда сей «мули» болѣе двухъсотъ саженъ.

Каторжныхъ водили на работу окруженныхъ со всѣхъ сторонъ безпрерывнымъ рядомъ солдатъ съ заряженными ружьями. А чтобъ они во время работы не ушли, то изъ того же камня сдѣлана при началѣ мули маленькая, но не отдѣланная еще крѣпостца, въ которую впустивъ разстанавливаются кругомъ по валу очень часто часовые, а въ нужныхъ мѣстахъ бекеты и команды. И сіи-то бѣдные люди мучатся еще болѣе нежели каторжные. Тѣ покрайней мѣрѣ работая во время стужи тѣмъ грѣются, а сіи должны стоять на вѣтрѣ, дождѣ, снѣгѣ и морозѣ, безъ всякой защиты и однимъ своимъ плащемъ прикрыту быть, а сверхъ того ежеминутно опасаться, чтобъ не ушолъ кто изъ злодѣевъ.

Собственное жилище ихъ построено въ самомъ мѣстечкѣ и состоитъ въ превеликомъ и толстомъ острогѣ, посреди котораго построена превеликая и огромная связь, раздѣленная внутри на разныя казармы или свѣтлицы. Сіи набиты были полны сими злодѣями, которыхъ въ мою бытность было около тысячи; нѣкоторые жили внизу на нарахъ нижнихъ или верхнихъ, но большая часть спала на привѣшенныхъ къ потолку койкахъ. Честное или злодѣйское сіе собраніе состоитъ изъ людей всякаго рода, званія и чина. Были тутъ знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость, почему нѣтъ такого художества и рукомесла, котораго бы тутъ наилучшихъ мастеровъ не было и которое бы не отправлялось. Большая часть изъ нихъ рукодѣліями своими питаются и наживаютъ великія деньги, а не мѣнѣе того наживались и богатились опредѣленные къ нимъ командиры. Впрочемъ, кромѣ русскихъ были тутъ люди и другихъ народовъ, были французы, нѣмцы, татары, черемисы и тому подобные. Тѣ, которые имѣли болѣе достатка, пользовались и тутъ нѣкоторыми множайшими предъ другими выгодами: они имѣли на нарахъ собственныя свои отгородки и изрядныя коморочки, и по благосклонности командировъ не хаживали никогда на работу. Видѣлъ я тутъ также и славнаго Андреюшку, который нѣкогда подъ именемъ «Христа» игралъ въ Москвѣ странную ролю и вскружилъ у многихъ господъ совершенно ихъ голову; мужиченка накостной и ни къ чему годный и ему вмѣстѣ съ апостолами его доставались всего чаще отъ солдатъ толчки и побои. Всѣ безъ изъятія они закованы въ кандалахъ, по примѣру прочихъ, и мно

гіе имѣютъ довйныя и тройныя желѣза, для безопасности чтобъ не могли уйтить съ работы.

Смотрѣніе и караулъ за ними бываетъ наистрожайшій, но инако съ сими злодѣями и обойтится не можно. Выдумки, хитрости и пронырства ихъ такъ велики, что на всѣ строгости несмотря находятъ они средства уходить какъ изъ острога, такъ и во время работы и чрезъ то приводить караульныхъ въ несчастіе. Почему стояніе тутъ на караулѣ соединено съ чрезвычайною опасностію, и рѣдкій мѣсяцъ проходитъ безъ проказы. Однако мы свой мѣсяцъ отстояли благополучно и ничего худого не воспослѣдовало.

Но я уже отяготилъ васъ,любезный пріятель, повѣствованіемъ о сихъ злодѣяхъ, изъ которыхъ каждый сослапъ сюда вѣрно не за пустое, а за великія злодѣянія, и теперь время уже разсказать вамъ что-нибудь повеселѣе и смѣшное.

Возвращаясь въ свои квартиры, имѣлъ я себѣ попутчика и въ дорогѣ товарища, а именно самаго того г. Колюбакина, съ которымъ мы стояли вмѣстѣ въ караулѣ, ибо какъ ему въ полкъ свой мимо самой почти нашей квартиры ѣхать надлежало, то согласились мы ѣхать вмѣстѣ. Подъѣзжая къ нашей квартирѣ вздумалось намъ съ нимъ порѣзвиться и съ княземъ моимъ сыграть небольшую комедію. Князя моего онъ столькожъ коротко зналъ, сколько и я, и почиталъ его себѣ хорошимъ пріятелемъ. Долго мы думали, чѣмъ бы надъ нимъ подшутить, и наконецъ рѣшились написать фальшивый отъ полку въ нашу роту приказъ и опымъ нарядить его въ команду, вѣдая что сіе паболѣе его вздуритъ и тронетъ. Не успѣли мы вздумать, какъ тотчасъ сіе и сдѣлали. Мы остановились въ послѣдней кормчѣ и сочинили сообща приказъ,предписавъ князю наистрожайшимъ образомъ въ опомъ,чтобъ онъ по полученіи неотмѣнно чрезъ часъ изъ квартиры выѣхалъ и явился-бъ въ штабъ для отправленія его въ команду, о которой по прибытіи объявится. Наступившая ночь поспѣшествовала нашему умыслу: мы послали къ нему приказъ сей съ незнакомымъ ему солдатомъ и настроивъ онаго что ему дѣлать и говорить, велѣли, подавъ, подтвердить приказаніе, сами-жъ слѣдовали за нимъ и пришедши пѣшкомъ стали смотрѣть всѣ происхожденія, сквозь окошко. Князь лежалъ тогда растянувшись на постелѣ и находился въ спокойнѣйшемъ состояніи, какъ вошелъ къ нему солдатъ и приказъ подалъ. Не успѣлъ онъ его прочесть, какъ началась наша комедія: ни съ другого слова, вскоча, матерномъ онъ и полковника и всю полковую канцелярію.—Это было первое явленіе. Потомъ подскочилъ онъ къ солдату, взялъ его за шиворотокъ и закричалъ: «Да не съ ума ли они всѣ тамъсошли? давно-ль я былъ въ командѣ?» —«Я сударь не знаю,отвѣтствовалъ солдатъ, но мнѣ что велѣно,то я и донесъ.»— Донесъ! подхватилъ князь,—такъ поди-жъ ты назадъ и скажи имъ всѣмъ, и полковнику-та и адъютанту: Съ ума-де вы спятили всѣ!—вотъ-де что князь велѣлъ вамъ сказать.—Не ѣду я;—боленъ я! Вотъ какая бѣда! поѣзжай имъ въ правду черезъ часъ, а куда — нелегкая знаетъ! — «Мнѣ велѣно,ваше благородіе,сказалъ тогда солдатъ, вамъ доложить, чтобъ вы ни подъ какимъ видомъ не отговаривались».—О такой сякой! завопилъ тогда князь, и бросившись опять на солдата затопалъ ногами: Еще и ты сталъ мнѣ досаждать. Поди! слышишь-ли и скажи что я тебѣ велѣлъ и плюнь имъ въ глаза. Сказавъ сіе вытолкалъ онъ его вонъ. Мы со смѣху надсѣдались все сіе видя и слыша и насилу могли утерпѣть, чтобъ не захохотать во все горло. Князь, прогнавъ солдата, началъ опять читать приказъ и вновь бранить и проклинать и полковника и канцелярію и всѣ команды въ свѣтѣ, потомъ сталъ онъ шагать взадъ и впередъ по горницѣ и самъ съ собою говорить: «Ну! что ты изволишь? какъ не поѣдешь? какъ сдѣлаешь ослушаніе? и чѣмъ оттоворишься? Но о! чтобъ вамъ всѣ черти пашею, проклятые! — Изволь, поѣзжай у нихъ ночью и ломай себѣ голову.» Мы велѣли тогда опять войтить солдату и спросить,чтожъ приказать изволитъ.Не успѣлъ

онъ войтить, какъ князь опять на него оборвался и говоря ему: «Да подижъ ты, проклятый, отъ меня прочь», толкалъ опять его въ двери, потомъ кричалъ слугѣ и велѣлъ лошадей готовить. Въ самое сіе время вошли мы какъ бы тогда только съ дороги и будто не зная ничего, спрашивали, что онъ такъ сердитъ и что за бумагу въ рукахъ держитъ. «Да какъ, братцы, не сердиться, отвѣчалъ онъ въ превеличайшей будучи досадѣ: въ послѣдней командѣ былъ я, а теперь, нелегкая ихъ побери, опять посылаютъ. Поѣду! разругаю! разбраню и полковника и весь причетъ его». Тогда не могли мы болѣе утерпѣть, но захохотали во все горло и тѣмъ комедію сію кончили. Князь догадался, что это мы его обманули, и обрадовавшись началъ самъ хохотать вмѣстѣ съ нами, хваля и брапя насъ за нашу выдумку.

Нѣсколько дней послѣ того сдѣлалась было у меня съ княземъ другая шутка, которая на шутку худо походила, а именно, я чуть-было на повалъ не застрѣлилъ моего товарища. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ: однажды сказали мнѣ, что на дворѣ сидитъ у насъ великое множество воронъ и галокъ. По молодости моей, захотѣлось мнѣ выстрѣлить по нихъ изъ ружья и застрѣлить нѣсколькихъ, хотя не было мнѣ въ нихъ ни малѣйшей нужды. Ружье у насъ стояло всегда въ горницѣ, въ углу подлѣ дверей, для подобныхъ сему случаевъ. Итакъ, схватилъ я его и сталъ смотрѣть, заряжено ли оно или нѣтъ, а увидѣвъ, что было оно не заряжено, кричалъ чтобъ скорѣе сыскали порохъ и дробь, а самъ между тѣмъ выбѣжалъ на дворъ, чтобъ посмотрѣть на птицъ и примѣтить, гдѣ онѣ сидѣли. Князь мой лежалъ тогда растянувшись на постели; но не успѣлъ я вытгить, какъ вскочивъ съ опой и сыскавъ порохъ и дробь, зарядилъ того момента ружье превеликимъ зарядомъ и поставивъ по прежнему въ уголъ, легъ опять на постелю. Я всего того, будучи на дворѣ, не зналъ, и не видалъ, и потому вошелъ въ горницу и увидѣвъ ружье на прежнемъ мѣстѣ, а и князя по прежнему лежащаго на кровати, ни мало не сомнѣвался, что оно еще не заряжено; а потому ни съ другого слова схватилъ ружье, хотѣлъ посмотрѣть, есть ли въ кремнѣ огонь, и какъ я за минуту до того вскрывалъ только полку, да и въ дуло ружья дулъ, то и не ума мнѣ было раскрыть вторично полку, но я взведя-таки курокъ, для узнанія хорошъ ли въ кремнѣ огонь, спустилъ его благополучно. На ту бѣду не догадалось ружье и осѣкнуться, но выпалило изрядным образомъ, и, что всего хуже, въ самого князя.

Какой ужасъ меня тогда поразилъ, того изобразить я не въ состояніи; довольно я оцѣпенѣлъ и не вспомнилъ самъ себя, а особливо увидя князя съ превеликимъ воплемъ съ кровати вскочившаго и не меньше моего испугавшагося. Дробь, отскочивъ отъ стѣны, прыгала тогда по полу и я не понималъ, какъ все это сдѣлалось. ибо зналъ, что ружье было не заряжено. Долго не могли мы промолвить ни единаго слова, наконецъ князь мой захохоталъ во все горло и сказалъ: «Тьфу какой! застрѣлилъ-было меня чистехонько». Тогда опамятовался я и обрадовался несказанно, что вреда ему никакого не сдѣлалось. Дроби нѣкоторая часть въ него хотя и попала, но по счастію не трафила ни одна дробинка въ лицо и руки, а только въ тулупъ, и потому оный не прошибла; большая же часть пролетѣла на вершокъ выше его и попала въ стѣну. Радуясь невѣдомо какъ, что избавился отъ такого нечаяннаго несчастія и бѣды, не вѣрилъ долго я его увѣреніямъ, что онъ не раненъ, а наконецъ благодарили мы оба Бога и дивились нечаянности сего случая. Онъ сказывалъ мнѣ, что онъ ружье безъ меня зарядилъ, а я не понималъ, какъ могъ онъ такъ скоро успѣть, ибо отсутствіе мое и двухъ минутъ не продолжалось; однимъ словомъ, мы оба были виноваты. Я—тѣмъ, что не посмотрѣлъ на полку, онъ—тѣмъ, что мнѣ не сказалъ; а съ другой стороны оба и правы: я—тѣмъ, что вѣрно зналъ что ружье не заряжено, и потому не имѣлъ причины ничего опа-

саться, а онъ тѣмъ, — что мнѣ сказать не имѣлъ времени, ибо все сіе окончилось меньше, нежели въ одну минуту. Ктому жъ, хотя и видѣлъ онъ, что я ружье держу прямо на него дуломъ, и около замка шишляю, но ему думалось, что я оправляю кремень или полку; совсѣмъ тѣмъ, бѣда была отъ меня очень недалече, и самъ Богъ похотѣлъ меня отъ нея помиловать и избавить, ибо надобно знать, что разстояніе между мною и княземъ было только чрезъ горницу и очень недалече. Итакъ, еслибъ ружье было на палецъ ниже наклонено, то бы попало ему всѣмъ зарядомъ прямо въ лицо и совсѣмъ бы его изуродовало или бы еще до смерти убило, въ которыхъ случаяхъ весьма изрядно бъ заплатилъ я ему за его обо мнѣ во время болѣзни моей дружеское попеченіе. Съ того времени полно мнѣ стрѣлять по воронамъ, я оставилъ сію охоту другимъ, и прикліоченіе сіе не могло долго у меня изъ головы выттить, хотя и кончилось единымъ смѣхомъ.

Вскорѣ послѣ того отшутилъ и онъ мнѣ сію шутку, но только не такимъ, а смѣшнымъ образомъ, и напугалъ меня на-смерть. Я уже выше упоминалъ, что онъ охотникъ былъ до излишней рюмки водки, однако сіе съ нимъ не всегда равно было, но пристрастіе сіе дѣйствовало иногда болѣе, а иногда менѣе. Однимъ словомъ, онъ пивалъ болѣе запоемъ, и когда случится сіе, то уже нѣсколько дней сряду бывалъ онъ мнѣ худымъ и скучнымъ компаніономъ. Таковое несчастіе случилось со мною нѣсколько дней послѣ упомянутаго происшествія. Принесло къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей изъ стоящихъ ближе прочихъ къ намъ знакомыхъ офицеровъ, и какъ въ полкахъ за лучшее препровожденіе времени считается брать почаще и носить кругомъ рюмки, то были они князю моему добрые товарищи. Однимъ словомъ, въ оба тѣ дни, которые они у насъ пробыли, не помнили они, дни ли были или ночи, и гуляли такъ хорошо, какъ лучше требовать не можно. Наконецъ, къ великому удовольствію моему, уѣхали они, однако скука моя чрезъ то неокончилась. Князь былъ тѣмъ еще недоволенъ, но получивъ поводъ продолжалъ и безъ нихъ одинъ потятивать, и сіе продолжалось до того, покуда показались ему въ глазахъ мальчики. Тогда повѣрилъ я тому, что человѣкъ дѣйствительно до сей крайности допиться можетъ. Но сіе удостовѣреніе стоило мнѣ дорого, потому что я на-смерть перетрусился и перепугался. На третій или на четвертый день случилось мнѣ войтить въ его горницу, гдѣ онъ одинъ пьяный расхаживалъ. Но каково было мое удивленіе, какъ онъ вдругъ тогда закричалъ: «Вонъ они! вонъ они!» и того момента вскоча со стула, на который-было присѣлъ, бросился въ уголъ къ печи. Остановилъ я его, и съ удивленіемъ спрашивалъ, что это такое и кого онъ видитъ? Но онъ, не отвѣтствуя мнѣ, рвался только у меня изъ рукъ и указывая рукою за печь, кричалъ безпрестанно: «Вонъ они!... экъ ихъ сколько!.. вотъ ужо я васъ!.. Чего вамъ хочется!..» Тогда оцѣпенѣлъ я сіе услышавъ и, будучи съ нимъ одинъ, не зналъ, что начать и дѣлать. Мужчина былъ онъ хотя тонкій, но превеликій и сильный, и будучи притомъ нѣсколько косъ, имѣлъ и въ добрую пору лицо не весьма пріятное, а тогда, сдѣлавшись отъ пьянства совсѣмъ развращеннымъ, казался еще гораздо страшнѣйшимъ. Не трудно мнѣ было заключить, что онъ выпился съ ума и что ему кажутся въ глазахъ мальчики и черти, о коихъ я слыхалъ прежде, да и отъ самого его, что сіе съ нимъ уже не впервые, а случалось и прежде. Но какъ бы то ни было, но на меня напалъ тогда страхъ и чрезвычайная робость: я боялся и отъ него пттить и при немъ остаться. Я силился его держать сколько мнѣ можно было, но какъ, наконецъ, силы мои ослабѣли, и я не могъ уже никакъ съ нимъ сладить, онъ же безпрестанно рвался, кричалъ, говорилъ нелѣпую, указывалъ, грозилъ, скрежеталъ зубами, а притомъ глаза и весь взоръ его сдѣлался дикъ и страшенъ, то началъ я кричать и звать людей на вспоможеніе

Но сихъ, къ несчастію, не случись тогда ни одного во всемъ домѣ нашемъ — всѣ они ушли убирать и поить лошадей, ибо сіе было почти уже въ сумерки. Но наконецъ прибѣжали они, и тогда оставивъ я всѣ церемоніи, велѣлъ его силою положить на постель и лежать принудить. Онъ попротивился-было нѣсколько и началъ барахтаться; однако, какъ силы его были въ изнеможеніи, то не трудно было намъ съ нимъ сладить. Однако всю почти ночь принуждены мы были его карауліть, и я всю ее не могъ заснуть крѣпко ни на минуту, ибо мнѣ то и казалось, что онъ опять вскочитъ и либо надъ собою, либо надъ нами что-нибудь худое сдѣлаетъ.

Но по счастію, не было отъ него никакого болѣе безпорядка. Сонъ овладѣлъ вскорѣ послѣ того всѣми его чувствами, и онъ, заснувъ, проспалъ цѣлыя почти сутки, какъ убитый.

Между тѣмъ постарался я прибрать у него остальные всѣ напитки и замкнулъ ихъ за свой ключъ. Князь, проспавшись, былъ въ наижалостнѣйшемъ состояніи. Не ѣвши и не спавши цѣлые трои сутки, сдѣлался онъ такимъ развращеннымъ и столь ослабѣвшимъ, что я самъ надъ нимъ сжалился, и далъ ему нѣсколько вина, чтобъ онохмѣлиться. Онъ признавался въ своемъ безпорядкѣ, досадовалъ самъ на себя и на негодную свою привычку, и будучи притомъ добросовѣстнѣйшій человѣкъ, приносилъ мнѣ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я впредь до такой крайности его не допускалъ, но отнималъ бы и уносилъ отъ него всѣ напитки, а буде бы сталъ онъ слишкомъ барабошить, то безъ дальнихъ околичностей велѣлъ бы его связать и положить насильно спать, увѣряя, что онъ за то не только не будетъ сердиться, но станетъ благодарить самъ. Однако я могу сказать, что намъ не доходила до того никогда надобность. Онъ самъ былъ съ того времени гораздо воздержнѣе и осторожнѣе, и я въ такомъ состояніи никогда уже болѣе его не видалъ.

Симъ кончу я сіе письмо, сказавъ, что я, напомнная сіе, благодарю и понынѣ небеса, что они въ жизнь мою сохранили меня отъ сего порока, Между тѣмъ увѣривъ васъ въ моей дружбѣ, остаюсь и проч.

ЭКЗЕРЦИРОВАНІЕ.

Письмо 32-е.

Любезный пріятель! Нѣсколько дней спустя послѣ упомянутаго въ послѣднемъ письмѣ страннаго пропсшествія съ княземъ, моимъ товарищемъ, получилъ я отъ полка повелѣніе, чтобъ я, принявъ команду, слѣдовалъ въ Ревель для принятія на полкъ провіанта. Сія была моя вторая служба, и какъ дѣло сіе было немудреное, то исправилъ я сію коммиссію какъ должно, и ѣзда взадъ и впередъ въ Ревель сопряжена была тѣмъ съ меньшею скукою, что мнѣ самому въ Ревелѣ побывать была собственная нужда; ибо, кромѣ прочихъ покупокъ, надлежало мнѣ и порядочно еще обмундироваться, а деньги тогда у меня уже были, ибо я взялъ впередъ за цѣлую треть перваго государева жалованья.

Въ бытность мою въ Ревелѣ, не случилось со мною ничего особливаго. Покуда команда моя принимала провіантъ, упражнялся я въ закупаніи для себя разныхъ вещей, заказалъ себѣ сшить новый мундиръ и исправлялъ прочее, что было надобно. Въ сіе время, между прочимъ, не позабылъ я и о удовольствованіи своего пристрастія или, паче сказать, охоты и склонности къ книгамъ, которая часъ отъ часу увеличивалась во мнѣ болѣе. Еще съ самаго пріѣзда моего въ сей городъ не упустилъ я тотчасъ спросить, нѣтъ ли въ немъ книжной лавки, и какъ мнѣ сказали что есть, то при первомъ случаѣ полетѣлъ я какъ на крылахъ искать оной. И въ какой радости былъ я, увидѣвъ превеликую лавку, наполненную всю переплетенными книгами, но, къ сожалѣнію моему, не русскими, а все иностранными. Совсѣмъ тѣмъ жадность моя къ книгамъ была такъ велика, что я готовъ бы былъ всѣ ихъ закупить, ес-

либъ то было возможно. Но какъ казна моя была умѣренна, то удовольствовался я употребивъ на покупку книгъ не болѣе трехъ или четырехъ рублей. Книги, купленныя мною при семъ случаѣ, были нѣмецкія и состояли въ нѣсколькихъ романахъ, кромѣ одной, въ которой вмѣщались хиромантическая и другія подобныя тому любопытныя науки. Сію увидѣвъ, не хотѣлъ я ни подъ какимъ видомъ съ нею разстаться и готовъ бы дать за нее чего бы лавочникъ съ меня ни потребовалъ, столь много и высоко почиталъ я тогда сію науку, и, купивъ ее, мнилъ, что я приобрѣлъ себѣ великое сокровище.

По возвращеніи на квартиру, первое мое дѣло было читать сію книгу и учиться по ней хиромантіи. Я такъ ее полюбилъ, что положилъ неотмѣнно перевесть ее на русскій языкъ, что тогда же почти и началъ. Я трудился въ томъ почти всю достальную часть зимы, и мнѣ было не скучно, потому что имѣлъ новое и пріятное препровожденіе времени. Каковъ былъ сей мой переводъ, того подлинно не могу теперь сказать, для того что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, узнавъ пустоту и неосновательность сей науки, радъ я былъ, что одинъ пріятель почти неволею у меня его отнялъ, а помню только то, что книжка сія была изрядная, наполненная множествомъ рукъ и другихъ рисунковъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, окончился 1755 годъ, въ началѣ же послѣдующаго обрадованъ я былъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ въ полкъ моего зятя. Онъ привезъ вмѣстѣ съ собою и сестру мою, что наиболѣе и было причиною моей радости. Я поѣхалъ тотчасъ къ нимъ, и свиданіе съ сестрою не прошло у насъ безъ слезъ. Она поздравляла меня офицеромъ и радовалась моему благополучію. Съ того времени ѣзжалъ я къ нимъ нерѣдко и живалъ у нихъ иногда по недѣлѣ и больше. Они стояли также на небольшомъ подмызкѣ, лежащемъ неподалеку отъ большой мызы А л о, въ которой стоялъ тогда нашъ штабъ и полковникъ, и хотя мѣсто сіе отъ квартиры моей было неблизко и мнѣ всякій разъ верстъ болѣе 80 переѣзжать надлежало, но какъ сестра меня любила чрезвычайно и я былъ у нея всегда наипріятнѣйшимъ гостемъ, то путешествія сіи не были мнѣ никогда скучны, и я ѣзжалъ въ сей путь всегда съ удовольствіемъ. Сверхъ того имѣлъ я въ дорогѣ и особливое упражненіе, которое сокращало мнѣ путь и вкупѣ меня много увеселяло, какъ упомяну я о томъ вскорѣ.

Нѣкогда въ бытность мою симъ образомъ у зятя, имѣлъ я особливое и чрезвычайное удовольствіе видѣть гокус-покусное или фиглярное искусство. Не видавъ никогда до сего времени сего мастерства, не могъ я оному довольно насмотрѣться; оно показалось мнѣ очень чудно и непонятно, а любопытство мое узнать, какъ сіе дѣлается, было такъ велико, что не давало мнѣ покоя до тѣхъ поръ, покуда я не нашелъ средства не только узнать, но и самъ оному выучиться. Одинъ унтеръ-офицеръ полка нашего, бывшій тогда въ командѣ у моего зятя, веселилъ насъ показываніемъ сихъ хитростей. Онъ научился тому, не знаю по какому-то случаю, у одного жида и весьма долго не соглашался никакъ открыть мнѣ всѣ свои тайности, сколько я ни убѣждалъ его о томъ моими просьбами. Однако, наконецъ, какъ обѣщалъ я ему постараться доставить ему сержантскій чинъ, то удовольствовалъ онъ мое желаніе. Не могу изобразить, какое удовольствіе имѣлъ я тогда, какъ увидѣлъ и узналъ, что всѣ мнимыя мною непостижимости составляли сущія бездѣлицы и зависѣли единственно отъ нѣкотораго проворства рукъ и отъ фальшивыхъ инструментовъ, такъ всему тому и научиться не великаго труда стоило. Я и въ самомъ дѣлѣ въ самое короткое время все перенялъ и былъ тѣмъ такъ доволенъ, что о исполненіи обѣщанія своего всячески началъ стараться и, при вспоможеніи зятя моего, дѣйствительно упросилъ полковника, чтобъ бѣдняка сего пожаловать въ сержанты, котораго чи-

на онъ поведеніемъ и исправностью своей былъ и достоинъ. Такимъ образомъ отъ самой бездѣлицы сдѣлался онъ счастливъ.

Въ благодарность за сіе, сдѣлалъ онъ мнѣ еще одну и, по тогдашнему времени, весьма пріятную для меня услугу. Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи «Хорева». Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть, и не знаю по какому случаю, умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актёръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной увеселялъ онъ нерѣдко и зятя, и сестру мою, и меня. Мнѣ все сіе было въ диковину, и какъ я никогда еще театральныхъ представленій не видывалъ, то мнѣ сіе полюбилось такъ, что захотѣлось самому выучиться прокрикивать стихи и такимъ же образомъ съ жестами дѣлать декламаціи. Я сталъ просить у него трагедію сію списать, но онъ такъ былъ учтивъ, что оную мнѣ подарилъ, а сверхъ того узнавъ, для чего она мнѣ была надобна, поучилъ нѣсколько и декламированію, и всѣмъ тѣмъ удовольствовалъ меня чрезвычайно. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ мнѣ она полюбилась до безкопечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія, и въ семъ-то тверженіи оной упражнялся я обыкновенно дорогою въ переѣздахъ моихъ изъ квартиры до сестры моей и оттуда обратно.

Кромѣ сихъ обоихъ происшествій, памятно мнѣ еще третье, и довольно смѣшное, случившееся съ зятемъ моимъ во врёмя такового же пребыванія моего однажды у него. Были мы съ нимъ въ одинъ день ввечеру одни дома, ибо сестра моя ѣздила съ другою офицерскою женою куда-то въ гости и еще не бывала обратно. Я ушелъ отъ зятя въ другую половину его хоромецъ, которая была чрезъ сѣни, и, по обыкновенію своему, занимался съ вышеупомянутымъ сержантомъ, учась у него декламировать и прочему, а зять мой сидѣлъ одинъ въ большой своей комнатѣ, въ тулупѣ и колпакѣ за столомъ, и наклонившись, нѣчто мастерилъ и дѣлалъ, ибо и онъ любилъ также всегда въ чемъ-нибудь упражняться. Двѣ свѣчи стояли предъ нимъ, и тогда вдругъ видитъ онъ нѣчто странное и необыкновенное. Въ комнатѣ у него начало мало-по-малу свѣтлѣе становиться. Сперва было ему сіе не гораздо чувствительно, но какъ чрезъ минуту свѣтъ сей увеличился даже до того, что въ горницѣ его такъ свѣтло сдѣлалось, какъ-бы отъ пяти или отъ шести свѣчь, то удивился онъ сей чрезвычайности и не зналъ, что бы это значило. Онъ глядитъ въ ту, глядитъ въ другую, глядитъ въ третью сторону, глядитъ впередъ и назадъ и вокругъ себя, но ничего не видитъ. «Господи помилуй!» говоритъ онъ самъ себѣ и крестится: «что это за диковинка!» Робость и нѣкоторый родъ ужаса нападаетъ на него. Онъ вскакиваетъ съ своего мѣста, осматривается вокругъ, еще разъ глядитъ по всѣмъ угламъ и на потолокъ горницы, не горитъ ли гдѣ чего, но ничего не видитъ, а свѣтъ увеличивается еще больше, и что того удивительнѣе—разливается власно какъ отъ него самого. Чудится онъ сему и не постигаетъ. Въ торопяхъ бѣжитъ къ дверямъ своей спальни, которая была въ комнаткѣ, смотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего, но видитъ, что тамъ и свѣчи нѣтъ и какъ ночь темно. Но какой ужасъ и удивленіе поражаетъ его, когда, переступивъ въ оную чрезъ порогъ, видитъ вдругъ и всю ее освѣщенную и освѣщенную отъ себя. — «Христосъ съ нами!» крестясь обѣими руками говоритъ онъ:— «что это такое, ужъ не чудо ли со мною какое дѣлается? ужъ не явленіе ли какое? Куда ни пойду, отъ меня сіяетъ и свѣтитъ?» Не понимаетъ онъ сего и чудится, и робѣетъ. Наконецъ бѣжитъ къ сѣнным дверямъ, растворяетъ оныя, кличетъ меня по имени, кричитъ людей, зоветъ скорѣй къ себѣ и повторяетъ крикъ столь уразпсто, что мы, бросивъ все, бѣжимъ къ нему въ горницу. Но какое удивленіе меня поразило, какъ я взглянулъ на него!—«Батюшка ты мой!» завопилъ я:—«что это такое съ тобою?»—

«Чего, братецъ, и самъ я уже не знаю!» отвѣтствуетъ онъ. — «Да чего не знать! кричу я, у васъ голова горитъ», и бѣгу къ нему сдергивать съ него колпакъ его, горящій свѣтлѣйшимъ пламенемъ. Въ самый тотъ моментъ затрещали у него на головѣ волосы, ибо дошло уже и до оныхъ; онъ хватаетъ себя за голову, обжигаетъ руки, срываетъ колпакъ, бросаетъ на полъ и крестяся говоритъ: «Фу! какая пропасть! Какъ это онъ, проклятый, меня перестращалъ, и какъ это не пришло мнѣ въ голову, что онъ горитъ!» — «Да какъ, развѣ вы это не знали?» спросилъ я съ удивленіемъ и затаптывая колпакъ ногами.—«Чего, братецъ! мнѣ и въ мысль сего не пришло, а вижу только свѣтъ отъ себя и удивляюсь: повѣришь ли, братецъ, вообразись мнѣ, уже не чудо ли и не явленіе ли какое со мною дѣлается. Тото я васъ и кликалъ!» Услышавъ сіе, покатился я со смѣху. Онъ самъ послѣдовалъ мнѣ въ томъ же, и мы посмѣялись и прохохотали тому весь вечеръ. Проклятая кисточка на колпакѣ, загорѣвшаяся отъ свѣчи въ то время, какъ онъ сидѣлъ нагнувшись, произвела весь сей пожаръ и надѣлала намъ невѣдомо сколько смѣха. Сестра надрывалась отъ смѣха и хохотала, какъ, пріѣхавъ, услышала о сей проказѣ и не могла надивиться, какъ не могъ онъ догадаться по дыму и запаху, по случившійся на ту пору у зятя пре-жестокій насморкъ, для котораго онъ и въ гости не поѣхалъ, былъ тому причиною.

Но я, разсказывал вамъ сіи мелочи, удалился уже отъ нити моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что въ началѣ сего года имѣлъ я и другое удовольствіе. Люди пріѣхали ко мнѣ изъ деревни и привезли ко мнѣ и запаса и денегъ довольное количество, которымъ послѣднимъ наиболѣе я былъ радъ, потому что претерпѣвалъ въ нихъ давно уже опять недостатокъ. Вмѣсто дядьки моего оставилъ я у себя тогда другого человѣка, по имени Ермака, отца нынѣшняго моего садовника Бабая, но который не многимъ чѣмъ лучше былъ прежняго, ибо, по несчастію, былъ такой же пьяница, какъ тотъ, а только рукомесломъ сапожникъ.

Съ приближеніемъ весны и наступленіемъ великаго поста, получили мы себѣ новое упражненіе. Загорающаяся уже около сего времени въ Европѣ славная семилѣтняя война побудила и нашъ дворъ, для всякаго непредвидимаго случая, велѣть укомплектовать всю армію и всѣ полки рекрутами. Наборъ оныхъ происходилъ съ великимъ поспѣшеніемъ внутри государства, и около сего времени пригнаты они были къ намъ. Мы получили въ роту свою сихъ новыхъ и стриженыхъ солдатъ болѣе сорока человѣкъ, и ихъ надлежало намъ къ веснѣ выучить всей военной экзерциціи. Князь поручилъ сію коммиссію мнѣ, которую я охотно на себя и принялъ, ибо могу сказать, что до всякаго рода военной экзерциціи былъ я чрезвычайный охотникъ; къ тому же былъ тогда и наивождѣленнѣйшій случай оказать мнѣ въ томъ свою способность. Во всей арміи перемѣнена была тогда вдругъ вся экзерциція. Графъ Чернышевъ, бывшій тогда полковникомъ въ Санктпетербургскомъ полку, выдумалъ сію новую и прославилъ тѣмъ свой полкъ во всей Россіи. Поелику экзерциція сія была апробована императрицею, то къ намъ во всѣ полки присланы были превеликія печатныя диспозиціи или описанія какъ экзерциціи, такъ и всѣмъ прочимъ маневрамъ, и браты были со всѣхъ ротъ въ штабъ нарочные для обученія флигельманы.

Таковая новость была мнѣ чрезвычайно пріятна. Я, прочитавъ сію диспозицію нѣсколько разъ, понялъ ее совершенно; но досадно мнѣ было то, что не присланы были еще къ намъ планы маневрамъ. Но какъ мнѣ чертить и рисовать не учиться было стать, то старался я уже самъ оныя по единому описанію сдѣлать, и, начертивъ довольно изрядныя, украсилъ я ихъ разноцвѣтными картушами. Симъ прославился я нѣсколько въ полку своемъ: всякъ хотѣлъ ихъ видѣть и знать, какъ маневры должны про-

изводимы быть въ дѣйство, ибо многіе изъ одного описанія безъ плановъ разобрать и понять никакъ были не въ состояніи.

Что касается до обученія солдатъ, то не однихъ рекрутовъ, но и всѣхъ старыхъ солдатъ должно было совсѣмъ вновь переучивать, ибо вся экзерциція была отъ прежней отмѣнная. Я прилагалъ о томъ неусыпное стараніе. Рота наша должна была еженедѣльно къ квартпрѣ нашей собираться, и тутъ училъ я ее почти денно и ночно. По счастію, удалось мнѣ найтить средство обучать ихъ безъ употребленія строгости и всякихъ побой. Я вперилъ въ каждаго солдата охоту и желаніе скорѣе выучиться и искусствомъ своимъ превзойдти своихъ товарищей. Однимъ словомъ, они учились играючи, и я, обходясь съ ними ласково и дружелюбно, раздѣляя самъ съ ними труды и уговариваніями своими довелъ ихъ до того, что они учились безъ роптанія, но охотно и сами старались о томъ, чтобъ скорѣе выучиться. Для скорѣйшаго достиженія до того, установили они сами между собою, не давать тому прежде обѣдать, кто не промечетъ безъ ошибки артикула. И для меня было весело смотрѣть, когда они, сваривъ себѣ каши и поставивъ котелъ, не прежде за оный садились, какъ ставъ напередъ кругомъ онаго и не прометавъ ружьемъ самопроизвольно всего артикула. Симъ средствомъ обучилъ я всю свою роту въ самое короткое время и довольно совершенно. Солдаты были мною чрезвычайно довольны, ни одинъ изъ нихъ не могъ жаловаться, чтобъ онъ слишкомъ убитъ, или изувѣченъ былъ, ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ, и не отправленъ былъ въ лазаретъ, или прямо на тотъ свѣтъ; напротивъ того, имѣлъ я то удовольствіе и награду за труды мои, что при выступленіи въ лагерь получилъ отъ полковника публичную похвалу, ибо какъ онъ сталъ всѣ роты пересматривать и нашелъ, что наша рота была обучена всѣхъ прочихъ лучше, то былъ такъ тѣмъ доволенъ, что расхвалилъ насъ съ княземъ, отдалъ во весь полкъ о томъ приказъ и велѣлъ всѣмъ прочимъ ротамъ брать нашу себѣ въ образецъ и столь же хорошо обучиться прилагать стараніе. Сіе было хотя прочимъ ротнымъ командирамъ не весьма пріятно, но они причиною тому были сами; нѣкоторые изъ нихъ, хотя не меньше нашего объ обученіи своихъ ротъ старались, но будучи уже слишкомъ строги, только что дрались, но тѣмъ не только что солдатъ съ пути сбивали, но многихъ принудили бѣжать или иттить за увѣчьемъ въ лазаретъ. Другіе не разумѣли сами хорошенько сей новой экзерциціи, а потому не могли и объ обученіи солдатъ съ успѣхомъ стараться.

Но я возвращусь нѣсколько назадъ. Такимъ образомъ въ сихъ упражненіяхъ препроводили мы достальную часть зимы и начало весны и имѣли довольно дѣла. Князь по возможности своей помогалъ мнѣ въ моихъ стараніяхъ, и я командиромъ симъ былъ крайне доволенъ. Онъ обходился со мною не такъ какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ равнымъ себѣ товарищемъ или лучше сказать другомъ, и ничего безъ моего совѣта почти не дѣлалъ. Я самъ его любилъ и почиталъ, и старался во всемъ соотвѣтствовать его ко мнѣ дружбѣ и ласкамъ; словомъ, мы жили довольно спокойно и весело. Одна только святая недѣля была обоимъ намъ скучна, ибо какъ случилась она въ самый разрывъ воды, то за половодью и за рѣками не можно было не только въ штабъ, но и никуда ѣхать, и мы принуждены были сидѣть дома и въ день пасхи сами отправлять завтреню и часы. Князь былъ у меня вмѣсто попа, а мы съ ротнымъ писаремъ отправляли дьячковскую должность, и по своему умѣнью распѣвали себѣ какъ надобно. По счастію, имѣли мы у себя канонъ пасхи, и это былъ одинъ только разъ въ моей жизни, что я въ сей великій и радостный праздникъ не былъ ни у завтрени, ни у обѣдни.

Вскорѣ послѣ того, какъ рѣки нѣсколько послили, писалъ ко мнѣ зять мой, что сестра моя отправляется въ деревню, и чтобъ я пріѣхалъ съ нею проститься.

Желаніе видѣть въ послѣдній разъ сестру мою принудило меня, несмотря на всю распутицу, ѣхать въ штабъ. Но какъ тогда ни на саняхъ, ни на телегѣ ѣхать было не можно, то поѣхалъ я верхомъ, взявъ слугу съ собою. О ѣздѣ сей я для того упоминаю, что она едва-было не сдѣлалась мнѣ пагубна, и я во время оной находился въ смертельной опасности и чуть-было не лишился жизни. Сіе случилось слѣдующимъ нечаяннымъ образомъ.

Ѣдучи туда, принужденъ я былъ переѣзжать болѣе шести рѣкъ, изъ которыхъ иныя были довольно велики и быстры. Нѣкоторыя переправлялся я на плотахъ, а чрезъ иныя не инако, какъ въ бродъ переѣзжать принуждено мнѣ было. Между сими находилась одна, которая была довольной и саженъ до двадцати простирающейся ширины. Однако насъ увѣрили, что она не глубока, и что намъ въ бродъ переѣхать ее можно было. Совсѣмъ тѣмъ послалъ я напередъ слугу своего провѣдать; но какъ она въ самомъ дѣлѣ нашлась неглубока и воды въ ней только по брюхо лошади было, то переѣхалъ я ее благополучно и доѣхалъ до сестры своей безъ всякаго препятствія. Препроводивъ у нея нѣсколько дней, распрощался я съ нею и поѣхалъ обратно на квартиру; и какъ дорога и рѣки были мнѣ уже знакомы, то и ѣхалъ я себѣ спокойно и безъ всякой опасности. Наконецъ, прибѣхалъ я къ вышеупомянутой рѣкѣ и, ни мало не осмотрясь, пустился на лошади чрезъ оную. Но въ какой ужасъ я пришелъ, какъ, отъѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣлъ, что вода была гораздо быстрѣе противъ прежняго, да и весьма была глубже. Какъ въ первый разъ мы переѣзжали, то была она и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ только лошади по брюхо, а въ сей разъ мы еще и до половины съ мелкой стороны не доѣхали, какъ стала она уже гораздо выше брюха, и мои ноги уже всѣ въ водѣ были, а лошадь едва могла иттить и противиться быстрому стремительству воды. Обмеръ я тогда, испужался, и тогда только, а не прежде, вздумали мы съ слугою своимъ догадаться, что вода въ рѣкѣ въ сіи дни весьма много прибыла, чего мы, въѣзжая въ нее, ни мало и не примѣтили. Но что было тогда уже дѣлать? Назадъ возвращаться было уже некогда. Мы переѣхали уже болѣе половины, и оставалось намъ саженъ восемь только ѣхать. Стоять и размышлять за ужасною быстриною было также нѣкогда. Итакъ, думая, что по крайней мѣрѣ глубже уже не будетъ, какъ мы тогда были, положили ѣхать далѣе. Однако мы съ слугою своимъ очень изрядно обманулись. Вода прибыла безъ насъ болѣе полутора аршина, и потому не успѣли мы еще съ сажень отъѣхать, какъ лошадь моя вдругъ оплыла, и я окунулся почти весь въ воду. Тогда не вспомнилъ я самъ себя и, призывая всѣхъ святыхъ на помощь, понуждалъ только лошадь скорѣе плыть; но теченіе и быстрина къ сему берегу, гдѣ рѣки самое стремя находилось, было такъ велико, что моя лошадь не въ состояніи была оной противиться, и ее понесло тотчасъ къ низу. Легко можно вообразить, въ какомъ смертельномъ страхѣ я тогда находился. Я видѣлъ всю опасность тогдашняго случая и, отчаявшись жизни, поднялъ великій вопль. Но что могъ оный мнѣ помочь? Мѣсто сіе было самое пустое, и жилья близко никакого не было, слѣдовательно, и помочь некому. Я просилъ только помощи отъ слуги и безъ памяти кричалъ: «Ахъ, Яковъ! ахъ Яковушка, голубчикъ! Ахти! что дѣлать? Ахъ, смерть наша!» но моего Якова самого несло такимъ же образомъ за мною, и онъ самъ находился не въ меньшей опасности, и только мнѣ твердилъ, чтобъ я держался за холку и за гриву лошади крѣпче. Къ вящему несчастію видѣли мы, что и берега были въ томъ мѣстѣ, куда насъ несло, столь круты, что хотя бы приплыли мы и къ берегу, такъ взъѣхать и пристать было бы не можно.

Долго мы симъ образомъ, отчаявшись въ жизни своей, плыли, и насъ снесло внизъ болѣе ста саженъ. Лошадь моя нѣсколько разъ принуждена была окунать-

ся, и я съ нею; но, по счастію, она была сильна и, противясь сколько можно стремленію воды, старалась приплывать къ берегу. Два раза приближались мы къ оному, но ни однажды не могла она за глубиною и крутизною берега выдраться, но принуждена была пускаться опять плыть внизъ по водѣ. Сіе пуще еще приводило насъ въ ужасъ, и я не знаю, что бы съ нами воспослѣдовало, еслибъ самъ Богъ не восхотѣлъ избавить насъ отъ смерти и потопленія, ибо, наконецъ, усмотрѣли мы небольшой кустарникъ на берегу и держались сколько можно, чтобъ намъ его не проплыть. По счастію, успѣлъ я за него ухватиться, и чрезъ самое то помогъ лошади утвердиться на ногахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по счастію, берегъ былъ положе другихъ мѣстъ, да и глубина не столь велика. Такимъ образомъ выдралась она кое-какъ на берегъ и вывезла меня съ собою, а за мною выѣхалъ наконецъ и слуга мой.

Симъ образомъ освободившись отъ смертельной опасности, имѣли мы причину тогда радоваться и приносить Богу тысячу усерднѣйшихъ благодареній. Могу сказать, что радость при такихъ случаяхъ бываетъ столь велика, что ее изобразить не можно, и о величинѣ оной можетъ только тотъ прямо судить, кто самъ бывалъ въ подобныхъ сему опасныхъ обстоятельствахъ.

Не успѣли мы собраться съ духомъ, какъ началось у насъ туженіе о томъ, что мы всѣ обмокли и не осталось на насъ ни одной почти сухой нитки. Вода съ обоихъ насъ текла тогда ручьями; но по счастію, была тогда погода теплая и день красный. Итакъ, надѣялись мы, что не озябнемъ до пріѣзда до ближней корчмы, и стали поспѣшать къ оной. Но не все наше горе еще миновалось. Не успѣли мы нѣсколько отъѣхать, какъ слуга мой вспомнилъ, что у насъ въ торокахъ былъ сахаръ. Сестра отпуская меня надавала мнѣ множество всякихъ вещей, и между прочимъ отпустила со мною цѣлую голову сахару. «И, баринъ! закричалъ тогда луга мой, вѣдь сахаръ-то у насъ небось весьподмокъ».—«Небосьчтоподмокъ,—отвѣчалъ я,посмотримъ-ка!» Какъ мыдумали, такъ и сдѣлалось. На сахарѣ нашемъ бумага уже скорчилась, и онъ, будучи долгое время въ водѣ, имѣлъ время намокнуть изрядным образомъ. Однимъ словомъ, изъ него текло изрядным ручейкомъ. Что̀ намъ тогда было съ нимъ дѣлать? мы развернули его изъ бумаги, но голова и коническаго своего вида уже не имѣла, но на половину ужъ растаяла. «Бѣдненькая! говорилъ я тогда смѣючись и съ горя: что намъ съ тобою начать и что дѣлать? Ѣшь, Яковъ, сколько можешь, говорилъ я слугѣ, и подай мнѣ нѣсколько.» Но я не могъ его много съѣсть. Яковъ мой также поѣлъ, поѣлъ, но скоро сказалъ, что болѣе не хочетъ и что ему уже тошниться начинаетъ. Совсѣмъ тѣмъ мокраго сахара еще много было. Но что намъ съ нимъ было дѣлать? спрятать его было не можно, положить не во что. Наконецъ снялъ я съ слуги шляпу и положилъ въ нее, чтобъ по-крайней-мѣрѣ довезть намъ ее до корчмы, гдѣ мы ее корчмарю отдать хотѣли; но неуспѣли мы отъѣхать нѣсколько саженъ, какъ на встрѣчу намъ одинъ чухна. Ради мы не вѣдомо какъ были его увидѣвъ, думая отдать сахаръ нашъ ему и тѣмъ освободиться отъ бремя, которое намъ обращалось уже въ тягость, но которое однако бросить намъ жалко было. Но тутъ началась истинная комедія и заставила насъ хохотать и смѣяться. Мы—отдавать чухнѣ сахаръ, но чухна отъ насъ пятится и не беретъ.—Мы ему толковать, что это сахаръ, сахаръ, что это хорошо, чтобъ онъ отнесъ своимъ дѣтямъ, но чухна словъ нашихъ не разумѣетъ, а сахара отъ роду не видывалъ и не знаетъ. Горе насъ и смѣхъ тогда пронималъ. Я говорю чухнѣ понѣмецки и твержу «цукеръ, цукеръ», но онъ и того не разумѣетъ, но смотритъ на насъ только изъ подлобья и отъ насъ пятится. Досадно мнѣ наконецъ стало, я началъ его принуждать силою и ему грозить, ежели онъ не возьметъ, но чухна отъ насъ бѣжать. Что намъ было тогда съ такимъ глупцомъ дѣлать? Насилу, на-

силу уговорили мы его, чтобъ онъ остановился. Тогда показывали мы ему своимъ примѣромъ, что это ѣсть можно и что хорошо и сладко, и кое-какъ уговорили, чтобъ онъ отвѣдалъ и немного съѣлъ. Тогда, разчухавъ, узналъ онъ, что мы его не обманываемъ, и взялъ сахаръ не только отъ насъ безпрекословно, но по чухонскому манеру благодарилъ насъ еще, говоря: «атью мала сакса», и я надѣюсь, что дѣтямъ своимъ принесъ онъ домой великую радость. Что касается до насъ, то мы, разставшись съ нимъ, продолжали путь и доѣхавъ до корчмы, принуждены были тутъ почевать, чтобъ пересушить все свое платье, наутріе-жъ возвратились мы въ квартиру свою благополучно.

Сіе было послѣднее приключеніе во время стоянія нашего на сихъ квартирахъ, ибо вскорѣ послѣ того выступили мы въ походъ, какъ о томъ въ послѣдующемъ письмѣ будетъ упомянуто, а между тѣмъ остаюсь и прочая.

ЛАГЕРЬ ПРИ РИГѢ.

Письмо 33-е.

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ такимъ же образомъ наше лѣтнее или лагерное житье, какъ въ предслѣдующемъ письмѣ описалъ вамъ наше зимнее стояніе на квартирахъ. Не успѣла весна вскрыться, какъ прислано было въ полкъ нашъ повелѣніе, чтобъ ему итти въ Лифляндію и стоять сіе лѣто лагеремъ по близости главнаго лифляндскаго города Риги. По причинѣ приближающейся, и въ Европѣ уже начавшейся войны велѣно было къ сему пограничному городу нашему собраться не одному, а многимъ полкамъ и почти всей арміи, и слухи уже носились тогда, что намъ итти на помощь къ цесаревѣ и воевать противъ короля прусскаго, но достовѣрно того мы еще не знали. Итакъ, хотя разстояніе отъ Ревеля до Риги было и немалое и путь намъ предлежалъ неблизкій, но мы радовались по-крайней-мѣрѣ тому, что намъ не стоять при Рогервикѣ и не имѣть опять дѣла съ каторжными.

Съ квартиръ своихъ выступили мы, по обыкновенію, въ половинѣ мая мѣсяца, и всѣ роты собрались и соединились уже на пути вмѣстѣ, и тутъ тотчасъ учинень былъ всѣмъ имъ тотъ смотръ, о которомъ упоминалъ я въ предслѣдующемъ письмѣ и который мнѣ толико былъ лестенъ. Поелику для сего смотра и свидѣтельствованія всѣхъ ротъ стояли мы тутъ дня три, то имѣлъ я въ сіе время случай еще сознакомиться со многими новыми офицерами, прибывшими къ полку въ минувшую зиму, въ особливости же свелъ я отмѣнную дружбу съ однимъ поручикомъ, по имени Михайломъ Емельяновичемъ господиномъ Непейцынымъ. Сей человѣкъ получилъ ко мнѣ съ перваго свиданія отмѣнную склонность, и какъ онъ былъ весьма хорошихъ свойствъ, то полюбилъ и я его, и могу сказать, что мы во все продолженіе службы нашей были между собою друзьями.

Походъ нашъ простирался чрезъ городъ Перновъ, который мнѣ давно хотѣлось видѣть, однако я не нашелъ въ немъ ничего въ особливости примѣчанія достойнаго. Городокъ онъ небольшой нѣмецкій, лежащій на брегу Балтійскаго моря, и довольно изрядный, но несравненно меньше и хуже Ревеля. Впрочемъ, во время продолженія сего похода не было съ нами ничего особливаго. Мы шли безъ дальняго поспѣшенія, и какъ тогда было наипріятнѣйшее вешнее время, то итти намъ было довольно весело. Таковые переходы изъ одного мѣста въ другое въ мирное время въ самомъ дѣлѣ не только не трудны, но и увеселительны, а особливо для офицеровъ. Переходы дѣлаются всякій день небольшіе, два дни идутъ, а третій берется на отдохновеніе; мѣста подъ лагери занимаются хорошія и обыкновенно на лугахъ, снабденныя всѣми выгодами; полкъ ведутъ одни только дежурные и немногіе офицеры, прочіе же всѣ совершенно свободны и могутъ ѣхать гдѣ хотятъ и на чемъ кому угодно, то есть, верхомъ ли или въ своихъ коляскахъ и кибиткахъ. Но въ сихъ послѣднихъ ѣзжали мы только по ночамъ, да и

то лѣнясь вставать рано и въ то время, когда отправляются обозы, по досыпая въ оныхъ до свѣта. Впрочемъ же у всякаго офицера была верховая лошадь, и на нихъ ѣхали мы по произволенію, гдѣ хотѣли, и обыкновенно компаніями по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Тутъ разговоры, смѣхи, шутки и издѣвки составляли наше дорожное упражненіе и сокращали намъ короткія пути путешествія. Какъ скоро попадется намъ какая корчма на дорогѣ, которыми, какъ извѣстно, во всей Эстляндіи и Финляндіи всѣ дороги, такъ сказать, унизаны, то заѣзжаемъ для отдохновенія въ опую, находимъ тутъ другую компанію офицеровъ, пьющихъ либо чай, либо завтракающихъ, либо играющихъ въ карты и курящихъ табакъ. Мы сообщаемся съ оными и либо также предпринимаемъ что-нибудь дѣлать, либо посмѣявшись и побывъ съ ними вмѣстѣ, продолжаемъ далѣе свое путешествіе, ищемъ въ корчмахъ иной компаніи, пріобщаемся къ оной и, согласясь, ѣдемъ вмѣстѣ и забавляемся совокупно. Между тѣмъ повозки наши продолжаютъ путь съ обозами и, пріѣхавъ гораздо прежде насъ, разбиваютъ намъ палатки, варятъ ѣсть, и мы, пріѣхавъ, находимъ уже обѣды готовые, ѣдимъ и послѣ обѣда отдыхаемъ, а тамъ посѣщаемъ другъ друга въ палаткахъ и занимаемся разными упражненіями, покуда, наконецъ, ночь не разсѣетъ насъ опять по нашимъ повозкамъ и палаткамъ. Въ самое и такое время, когда случалось быть дежурнымъ и вести полкъ, ѣхать при ономъ было не скучно, солдаты обыкновенно идутъ почти играючи, и воздухъ гремитъ отъ распѣваемыхъ ими въ разныхъ мѣстахъ громкихъ пѣсень. Словомъ, въ походѣ таковомъ не можно никогда почти ощущать скуки, а такимъ точно образомъ шли и мы тогда, и весь сей походъ окончили и препроводили съ удовольствіемъ. Одно только обстоятельство причинило намъ нѣкоторую досаду, и было то во время отдохновенія нашего при Перновѣ. Обѣ наши гренадерскія роты были какъ-то неукомплектованы рекрутами, и надлежало ихъ укомплектовать изъ нашихъ мушкатерскихъ ротъ, и выбрать къ тому наилучшихъ и виднѣйшихъ людей изъ всей роты. Сей-то выборъ производимъ былъ въ помянутое время и произвелъ всѣмъ намъ великое неудовольствіе. Нельзя довольно изобразить, какъ досадно ротному командиру, когда отнимаютъ у него лучшихъ людей изъ роты. Мнѣ отниманіе сіе въ особливости и наболѣе потому было досадно, что я столько трудовъ прилагалъ къ обученію оныхъ. Признаюсь, что мнѣ оныхъ такъ было жаль, что всячески упрашивалъ адъютанта и другихъ, отъ кого тогда сей выборъ зависѣлъ, чтобъ не брали у меня тѣхъ, которые въ особливости были мнѣ надобны, и давалъ обѣщаніе имъ самъ за то служить, власно такъ, какъ бы солдаты были мои подданные. И могу сказать, что по симъ просьбамъ моимъ рота наша отдѣлалась счастливѣе прочихъ.

Наконецъ, чрезъ нѣсколько недѣль, пришли мы въ назначенное намъ для лагеря мѣсто. Оное лежало верстъ за двадцать отъ Риги и неподалеку отъ рѣки Двины при мызѣ Пребстингофъ. Поелику тогда всѣ полки стояли неподалеку другъ отъ друга и городъ Рига наполненъ былъ генералами, то всякій полкъ старался перещеголять другихъ какъ экзерциціею, такъ порядкомъ и украшеніями своего лагеря. Мы должны были послѣдовать имъ въ томъ и, расположивши лагерь свой напорядочнѣйшимъ образомъ, во всей формѣ старались также украсить оный по возможности. Наилучшее украшеніе состояло тогда въ пирамидахъ и въ убраніи такъ-называемыхъ ротныхъ улицъ. Всякій ротный командиръ старался перещеголять въ томъ другихъ и украшалъ улицу роты своей колико можно, усыпая ее разными песками и выкладывая дерномъ разныя фигуры и украшенія. Легко можно заключить, что я былъ въ семъ случаѣ не изъ послѣднихъ. Я хотя и не былъ еще ротнымъ командиромъ, но какъ князь, по извѣстнымъ своимъ порокамъ и безпечности, во всемъ на меня положился

и ротою не столько онъ, сколько я правилъ, то, пользуясь искусствомъ своимъ въ рисованьѣ, употребилъ я все, что могъ, къ лучшему украшенію нашей ротной улицы, и могу сказать, что была она всѣхъ лучше и составляла сущій цвѣтникъ, расположенный со вкусомъ и украшенный такъ, что всякому въ глаза метался и побудилъ многихъ перенимать у меня.

Но какъ всѣ сіи украшенія не могли насъ защищать отъ суровости вѣтровъ и стужи, и въ палаткахъ цѣлое лѣто жить было нѣсколько жутко и скучновато, то второе наше попеченіе было, чтобъ какънибудь обострожиться. Всякій офицеръ, который сколько-нибудь былъ въ достаткѣ, старался сгородить себѣ какую-нибудь пзбушку, а солдаты начали копать и дѣлать себѣ землянки. Итакъ, не успѣло нѣсколько недѣль пройтить, какъ позади полку явилась вдругъ уже изрядная деревенька. Я имѣлъ у себя также изрядную свѣтличку, которую солдаты нашей роты въ одну недѣлю для меня построили, ибо надобно знать, что хотя бы я могъ стоять опять вмѣстѣ съ княземъ, или, того лучше, съ моимъ зятемъ, но какъ мнѣ не хотѣлось служить никому въ отягощеніе, а хотѣлось всего паче имѣть совершенную свободу упражняться въ томъ, въ чемъ мнѣ хочется, чтобъ не могъ я имѣть никакого въ томъ помѣшательства, то и рѣшился стоять одинъ и вести собственное свое хозяйство. Свѣтличка у меня была такая хорошенькая: два было въ ней окошечка съ бумажными рамами, а каравать, небольшой складной столикъ, скамеечка и складное стульцо составляли мои мебели. Я могъ въ ней себѣ сидѣть и читать и писать спокойно.

Симъ образомъ стояли мы тутъ все лѣто и все его препроводили въ безпрерывныхъ ученіяхъ и экзерціяхъ; ибо какъ вся армія готовилась къ походу, то всѣ генералы старались о приведеніи ее въ лучшее состояніе, и потому стали дѣлать у насъ то и дѣло смотры, и мы должны были имѣть частые строи и всегда къ нимъ готовиться. Для меня все было сіе наилучшее увеселеніе, ибо былъ столь страстенъ къ экзерціямъ, что ружье у меня почти изъ рукъ не выходило, и на лѣвомъ плечѣ отъ ударовъ ружьемъ было всегда синее пятно. Но сіе и пріобрѣло мнѣ ту честь, что я почитался тогда въ полку наилучшимъ знатокомъ и экзерцицмейстеромъ, а притомъ и исправнѣйшимъ офицеромъ. Почему, при случающихся полковыхъ ученіяхъ и при дѣланіи маневровъ или эволюцій, и поручалось мнѣ всегда важнѣйшее мѣсто и нужнѣйшая коммиссія. Всѣ тогдашніе резервы бывали тогда обыкновенно подъ моею командою. Самъ полковникъ былъ мною очень доволенъ и совѣтывалъ всегда со мною какъ что, и какую напримѣръ эволюцію сходственно съ диспозиціею дѣлать. А какъ между тѣмъ и планы были къ намъ новымъ майоромъ привезены, то принужденъ я былъ оные имъ толковать и разсказывать какъ что надобно. Одинъ только помянутой новый майоръ шолъ нѣсколько противъ меня и не хотѣлъ учиться у подкомандующаго офицера. Но скоро при одномъ случаѣ принужденъ былъ и сей со стыдомъ въ незнаніи своемъ признаться, и побѣда сія была для меня тогда очень важная, а именно:

Случилось однажды быть полковому ученію, и господа наши штабы положили въ тотъ день дѣлать баталіонъ-каре новымъ манеромъ. Не успѣли они начать, какъ я, увидѣвъ что они не то дѣлаютъ, что надобно, подошолъ къ помянутому майору и говорилъ: что совсѣмъ не такъ надобно. Но сей высокомысленный человѣкъ не только не хотѣлъ меня слушать, но далъ на меня еще окрикъ и велѣлъ иттить въ свое мѣсто, и дѣлать то, что велятъ, а онъ уже и безъ меня знаетъ, что дѣлать. Досадно мнѣ тогда сіе было и я раскаявался, что сіе сдѣлалъ. Однако скоро имѣлъ удовольствіе видѣть высокоуміе его низложеннымъ; ибо онъ со всѣмъ своимъ мнимымъ умѣньемъ такъ полкъ спуталъ, что вмѣсто желаемаго баталіонъ-каре вылился настоящій хаосъ, и вышло ни то, ни се и такая путаница, что полчаса требовалось къ тому, чтобъ

полкъ опять въ порядокъ поставить. Всѣ офицеры, слышавшіе мое представленіе, смѣялись тогда нашему майору. Онъ самъ стыдился своимъ незнаніемъ и неумѣньемъ и признавался, что не такъ сдѣлалъ, и какъ онъ былъ человѣкъ не гораздо мудреный, то и высокоуміе его не далеко простиралось. Однимъ словомъ, онъ до того дошолъ, что пріѣхалъ ко мнѣ, извинялся что меня не послушалъ и просилъ, чтобъ я взялъ на себя коммиссію, полкъ разчесть и сказать каждому взводу, куда которому итти и что дѣлать. Я склонился охотно на сіе предложеніе, и по мосму указанію полкъ помянутой баталіонъ-каре такъ хорошо сдѣлалъ, какъ бы давно оный умѣлъ. Самъ майоръ любовался тогда тѣмъ, и съ того времени были мы съ нимъ хорошими друзьями.

Итакъ, при помощи моей, довели господа штабы полкъ нашъ до нарочитаго и такого совершенства, что при всѣхъ дѣлаемыхъ генералами смотрахъ пріобрѣталъ онъ себѣ немалую похвалу и благодарность.

Симъ образомъ препровождалъ я свое время, отчасти занимаясь ученіемъ солдатъ, а отчасти своими книгами, о которыхъ никакъ я не позабывалъ, но большую часть празднаго своего времени упражнялся либо въ чтеніи оныхъ, либо въ переводѣ чего-нибудь. Одинъ романъ, купленной мною въ Ревелѣ, называемый «Пикартусъ» и похожій нѣсколько на «Жилблаза», прельстилъ меня такъ, что я началъ его испытывать переводить, и упражнялся въ томъ въ праздные часы. Однако за всѣмъ тѣмъ не оставлялъ я посѣщать и сотоварищей моихъ, офицеровъ, а особливо наиболѣе меня любящихъ и такихъ, которые не въ одномъ гуляньи и дѣланіи пуншей упражнялись, но были порядочнаго и хорошаго поведенія, а нерѣдко имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ и у себя, приходящихъ ко мнѣ для препровожденія времени. Словомъ, мы жили и препроводили все лѣто довольно весело.

Предъ окончаніемъ лѣта случилось-было со мною одно нечаянное и досадное приключеніе, отъ котораго я чуднымъ и удивительнымъ образомъ избавился, а именно: для приумноженія арміи набирали тогда вновь четыре гренадерскихъ полка, подъ именемъ перваго, второго, третьяго и четвертаго, и для укомплектованія оныхъ выбирали изъ всѣхъ прочихъ пѣхотныхъ полковъ самыхъ лучшихъ людей и офицеровъ. Нашему полку досталось комплектовать второй гренадерскій полкъ, почему мы хотя и не хотѣли, но принуждены были разстаться съ самыми лучшими людьми. Изъ самой нашей роты взято было человѣкъ шесть самыхъ проворнѣйшихъ. Но сіе хотя мнѣ и досадно было, но не таково, какъ послѣдующее обстоятельство, что съ ними надлежало въ тотъ же полкъ отправить и четырехъ человѣкъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Капитанъ назначенъ былъ къ тому г. Хомяковъ; но не успѣли его назначить, какъ требовалъ онъ у полковника, чтобъ въ числѣ прочихъ трехъ отправить и меня съ нимъ.

Сердце у меня замерло, какъ я о томъ услышалъ. Полки сіи были хотя славные и для многихъ лестные, но мнѣ и слышать о томъ не хотѣлось, чтобъ съ своимъ полкомъ разстаться, и я чувствовалъ въ себѣ нѣкое непреоборимое нехотѣніе итти въ гренадерскій полкъ, какъ меня онымъ ни прельщали и ни уговаривали. Самое сіе было причиною, что я бросился тотчасъ къ полковнику, стоявшему тогда въ помянутой мызѣ Пребстингофъ, и просилъ его всѣми образами, чтобъ меня не отправлять. По счастію, полковнику самому не хотѣлось со мною разстаться; итакъ, хотя присланнымъ для сего выбора и дано было великое полномочіе и дозволено выбирать и требовать кого хотятъ, однако кое-какъ и всѣми неправдами меня въ полку удержали. Я обрадовался тому чрезвычайно и не могъ съ покоемъ дождаться, покуда они уѣхали.

Но радость моя недолго продлилась. Не успѣлъ г. Хомяковъ въ новый полкъ прибыть, какъ графъ Чернышевъ, бывшій уже тогда генералъ-майоромъ и имѣвшій о формированіи сихъ полковъ попеченіе, спрашивалъ его, нѣтъ ли еще въ

нашемъ полку хорошихъ и исправныхъ офицеровъ. Г. Хомяковъ ни съ другого слова сказалъ ему обо мнѣ и расхвалилъ такъ, что графъ тотчасъ послалъ къ намъ въ полкъ ордеръ и велѣлъ меня прислать и выключить изъ полку немедленно. Мы о семъ не прежде узнали, какъ по полученіи ордера. И вѣдомость сія была мнѣ напротивнѣйшая въ свѣтѣ, я проклиналъ тогда всю мою охоту къ экзерциіи и охоту къ военному искусству и раскаявался уже въ томъ, что такъ много успѣлъ въ ономъ. Полковникъ самъ тужилъ обо мнѣ чрезвычайнымъ образомъ, но говорилъ, что теперь уже онъ не въ. сплахъ меня удержать, и послалъ ко мнѣ самому съ адъютантомъ тотъ ордеръ. Итакъ, казалось, что судьба моя была неизбѣжная и что мнѣ никому уже помочь было не можно.

Но гдѣ не можно было человѣкамъ, тамъ возможно было божескому обо мнѣ Промыслу и святому его Провидѣнію. Никто иной, какъ онъ избавилъ меня отъ сей напасти, нечаянность случившагося со мною тогда приключенія довольно сіе доказываетъ. Я въ самый тотъ день, какъ приттить сему ордеру, поутру занемогъ, власно какъ нарочно, прежесточайшею лихорадкою, и адъютантъ съ онымъ пришелъ ко мнѣ въ самое то время, какъ она напсвирѣпѣйшимъ образомъ меня трепала. Сперва подумали всѣ, что я нарочно больнымъ сказался, однако скоро отъ лекаря узнали о непритворности моей болѣзни. Признаюсь, что я въ сей разъ весьма радъ былъ сей лихорадкѣ и ласкался падеждою, что она меня избавитъ отъ грепадерскаго полка, что́ воспослѣдовало и въ самомъ дѣлѣ. Полковникъ представилъ графу Чернышеву, что я боленъ, и хотя отъ сего вторичнымъ ордеромъ приказано было всѣмъ полкомъ меня осмотрѣть; но какъ нашлось, что я дѣйствительно боленъ, то и оставленъ я былъ съ покоемъ и не стали меня болѣе требовать.

Не успѣла сія буря миновать, какъ вскорѣ потомъ я, при помощи лекаря, отъ болѣзни своей и освободился, такъ что я не болѣе двухъ недѣль былъ боленъ, и, власно какъ нарочно для того, чтобъ чрезъ то избѣжать отъ гренадерскаго полка. Я удивлялся тогда самъ нечаянному сему случаю; но послѣ имѣлъ великую причину заключать, что въ происшествіи семъ имѣлъ великое соучастіе и божескій Промыслъ, восхотѣвшій чрезъ то не только избавить меня отъ великой опасности, по которую тогда предвидѣть я былъ далеко не въ состояніи, но сверхъ того, удержавъ меня въ семъ полку, преподать послѣ случай быть въ Кёнигсбергѣ, гдѣ пребываніе мое было мнѣ толико полезно и выгодно; ибо надобно знать, что въ бывшую потомъ прусскую войну помянутому второму гренадерскому полку досталось на баталіи стоять въ такомъ опасномъ мѣстѣ, что всѣ почти офицеры были въ немъ побиты, и дошло даже до того, что всѣмъ полкомъ командовалъ поручикъ. Итакъ, еслибъ переведенъ я былъ тогда въ сей полкъ, то не только-бъ весьма легко могъ бы и я въ числѣ убитыхъ быть, но и не попалъ бы никакъ и въ Кёнигсбергъ послѣ.

Изъ прочихъ приключеній, случившихся со мною во время стоянія въ семъ мѣстѣ лагеремъ, памятны мнѣ только три, изъ которыхъ одно меня настрашало, другое удивило, а третіе огорчило и досадило. Для любопытства разскажу я всѣ оныя.

Первое и настрашавшее приключеніе было слѣдующее. Предъ наступленіемъ осени присланъ былъ въ нашъ полкъ одинъ артиллерійскій офицеръ для освидѣтельствованія нашихъ пушекъ и всѣхъ, какъ патронныхъ, такъ и гранатныхъ ящиковъ. Свидѣтельству сему надлежало производиму быть чрезъ стрѣляніе изъ пушекъ, киданіе изъ мортирецъ маленькихъ бомбъ и самыхъ ручныхъ гранатъ, дабы видѣть, въ хорошемъ ли состояніи въ нихъ трубки. Мнѣ, какъ великому охотнику до стрѣльбы, восхотѣлось быть при семъ свидѣтельствѣ; но сколь раскаявался я въ своемъ любопытствѣ, когда помянутый офицеръ, въ то время, какъ дошло дѣло до пробова-

нія ручныхъ чугунныхъ гранатъ, сталъ предлагать мнѣ, яко лучшему изъ всего полку офицеру, чтобъ я взялъ изъ рукъ его гранату и, зажегши, кинулъ. Я оцѣпенѣлъ при семъ предложеніи, и нечаянность сія такъ меня поразила, что я не зналъ, что дѣлать. Отказаться отъ сего было дурно и постыдно, а принять на себя сію коммиссію казалось весьма опасно и бѣдственно, либо неизвѣстно было, хороша ли была въ гранатѣ трубка и не испортилась ли отъ долговременнаго лежанія. Я боялся, чтобъ не разорвало ее, проклятую, у меня въ рукахъ и меня не убило; и потому немного и усомнился взять оную у него изъ рукъ; но какъ онъ сталъ меня далѣе убѣждать, увѣряя, что при томъ никакой опасности нѣтъ, то за стыдъ принужденъ былъ у него ее принять и, скрѣпя уже сердце, зажечь и бросить. Не могу изобразить, съ какимъ ужасомъ размахивалъ и съ какимъ напряженіемъ всѣхъ силъ бросалъ я сію окаянную гранату, стараясь отшвырнуть ее колико можно далѣе, дабы она по разорваніи и тамъ не могла черепами своими достать до того мѣста, гдѣ мы стояли. Но сколь стыдился я потомъ самъ въ себѣ, когда увидѣлъ, что все дѣло сіе кончилось шуткою и смѣхомъ, и что весь мой страхъ былъ по пустому; ибо офицеръ употребилъ противъ насъ обманъ и заставилъ меня бросать гранату пустую и съ одною только трубкою, безъ пороха, который, жалѣя гранаты, онъ напередъ высыпалъ. По счастію никто страха и боязни моей не примѣтилъ, но всѣ почли меня еще довольно отважнымъ.

Другое и удивившее меня приключеніе составляетъ хотя сущую и такую бездѣлицу, о которой не стоитъ почти и упоминать, но для меня бездѣлица сія была такъ поразительна, что я ее во всю мою жизнь не могу никакъ позабыть: какъ и теперь дивлюсь еще и не понимаю, какъ это могло тогда случиться. Нѣкогда по среди бѣла дня сидѣлъ я одинъ въ моей свѣтличкѣ за столикомъ своимъ подъ окномъ, и не помню на что, на распростертомъ на столѣ листѣ бѣлой бумаги скоблилъ ножемъ кусокъ мѣла. Уже наскоблено было у меня онаго довольно изрядная кучка, какъ вдругъ увидѣлъ я, что отъ сильнаго напряженія ножемъ отломился отъ куска мѣла моего парочитой величины кусочекъ и отвалился на скобленный на мѣлъ. Въ самой тотъ моментъ нѣчто понудило меня отвернуться и посмотрѣть зачѣмъ-то въ окно; но какъ обратилъ я зрѣніе свое опять на мѣлъ и хотѣлъ отломившійся кусокъ отложить прочь, дабы онъ съ наскобленною мелочью не мѣшался, но глядь—куска моего тутъ уже не было!—Подумавъ сперва, что онъ замѣшался въ мелочи, началъ я его искать въ оной, но какъ не нашелъ, то искалъ я его вокругъ большого куска, и дивился куда онъ у меня дѣлся; но мое удивленіе увеличилось еще болѣе. когда не нашелъ я его нигдѣ, ни на бумагѣ, ни на столѣ, ни въ рукавахъ моего тулупа, въ которомъ я сидѣлъ, ни подъ столомъ, ни на полу и словомъ нигдѣ во всей моей свѣтличкѣ. «Господи помилуй! думалъ и говорилъ я нѣсколько разъ: куда это онъ у меня въ одинъ мигъ подѣвался, и такъ сказать, вдругъ изъ глазъ пропалъ. Никуда я не только не вставалъ, но и рукъ со стола не поднималъ и смахнуть мнѣ его было некуда и некогда». Но сколько я ни твердилъ «Господи помилуй! и что за диковинка»! но кусокъ мой сгибъ да пропалъ, и я сколько всѣ мѣста ни перешаривалъ, но не могъ его никакъ отыскать. Чудно мнѣ сіе весьма было и я началъ уже сомнѣваться въ томъ, подлинно ли онъ былъ и отломился: но отломъ и негладкость того мѣста на большомъ кускѣ, гдѣ онъ отломился, ясно доказывали мнѣ, что я въ томъ не обманулся и что кусочку сему величиною съ ружейный кремень быть надобно было, каковымъ я его и видѣлъ. Но все мое удивленіе было тщетно, ибо сколько я сему страшному случаю ни дивился и сколько я и всѣ люди мои онаго для единой курьезности ни искали, но не могли никакъ найтить и принуждены были такъ сіе дѣло оставить, почему самому и сдѣлалось оно мнѣ такъ памят-

но, что я его никогда позабыть не могъ, какъ и понынѣ не знаю куда онъ тогда дѣлся.

Третье и огорчившее меня, приключеніе, было уже гораздо поважнѣе обоихъ предслѣдующихъ и состояло въ томъ, что новому моему слугѣ, присланному ко мнѣ изъ деревни, наскучилось жить при мнѣ, можетъ быть для того, что я съ нимъ не дрался. Онъ вздумалъ отъ меня удалиться, пропивъ напередъ съ себя платье и весь скарбъ. Потеряніе сего человѣка было мнѣ болѣе досадно, нежели горестно, ибо еслибъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую причину къ побѣгу, то и говорить бы нечего было, но онъ не видалъ отъ меня ни единаго щелчка во всю его при мнѣ бытность, да и жилъ болѣе въ табунѣ. Совсѣмъ тѣмъ, не могъ я съ того времени получить объ немъ никакого извѣстія и не знаю, въ Польшу ли онъ ушелъ, или въ какое иное мѣсто.

Предъ приближеніемъ осени произошли у насъ въ полку нѣкоторыя перемѣны: нѣсколько человѣкъ офицеровъ отправлены были въ Польшу для заготовленія провіанта, а другіе пошли въ отставку. Между сими послѣдними находился и поручикъ мой, вышеупомянутый князь Мышецкій. Онъ во все сіе лѣто не правилъ почти ротою и не несъ службы, отчасти за слабымъ своимъ здоровьемъ, а наиболѣе по извѣстному за нимъ пороку, въ который онъ погрузился опять слишкомъ много. Итакъ, разстались мы тутъ съ симъ моимъ прежнимъ товарищемъ, и я получилъ себѣ новаго командира, поручика Коржавина, по имени Ивана Ѳедоровича.

Наконецъ наступила глубокая осень и мѣсяцъ октябрь, и намъ въ лагерѣ стоять долѣе было не можно. Но какъ къ военному походу въ Пруссію на будущее лѣто дѣланы были уже тайныя приготовленія, то не распустили наши полки вдаль по зимнимъ квартирамъ, но расположили всѣ полки по близости Риги, по такъ-называемымъ кантониръ-квартирамъ, или временнымъ, стѣсненнымъ, въ которыя мы вскорѣ и выступили.

Симъ окончу я, любезный пріятель, теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ продолжу повѣствованіе мое далѣе, а между тѣмъ, остаюсь и прочее.

Видъ избушки въ лагерѣ при Ригѣ.

НА КАНТОНИРЪ-КВАРТИРАХЪ

Письмо 34-е.

Любезный пріятель! Предслѣдующее письмо окончилъ я тѣмъ, что мы выступили съ полкомъ на кантониръ-квартиры, а въ теперешнемъ разскажу вамъ, гдѣ и каково намъ было стоять на оныхъ. Сіи квартиры ассигнованы были полку нашему неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли лагеремъ, а именно за восемь только миль отъ Риги, въ сунцальскомъ, линбургскомъ и леневальдскомъ кирхшпиляхъ. Штабъ нашъ расположился на мызѣ Кастранъ, а мнѣ, по несчастію, досталось стоять у латыша, или лифляндскаго крестьянина, ибо новый мой командиръ, г. Коржавинъ, былъ мнѣ хотя также изрядный пріятель, а сверхъ того по деревнямъ сосѣдъ моему меньшому зятю, однако дружба его не простиралась такъ далеко, чтобъ пригласилъ онъ меня стать на той же мызѣ, гдѣ стоялъ онъ самъ, а можетъ быть я и самъ съ нимъ вмѣстѣ стать не согласился бы. Такимъ образомъ принужденъ я былъ довольствоваться латышскою избою, которая хотя выбрана была и самая лучшая изъ всѣхъ квартиръ, отведенныхъ подъ нашу роту, однако все была негораздо хороша, хотя уже и гораздо превосходнѣе всякаго чухонскаго рья.

Пріѣхавши въ оную и осмотрѣвъ сіе назначенное мнѣ для зимы обиталище, горевалъ я и не зналъ, какъ мнѣ быть, ибо это было въ первый еще разъ, что мнѣ въ черной и дымной избѣ жить досталось; однако не преминулъ я искать возможнѣйшихъ способовъ, чѣмъ бы хотя нѣсколько пособить своему горю. По счастью, подлѣ сей избы нашелъ я не-

большой придѣлокъ сбоку, въ которомъ у латыша покладена была всякая рухлядь и который служилъ ему вмѣсто клѣти. Обрадовался я сему убѣжищу и положилъ основать свое жилище въ ономъ. Я велѣлъ его очистить, но не зналъ, какъ пособить тому, чтобъ мнѣ было въ немъ нехолодно, ибо къ несчастію, былъ онъ холодный, да и ходили въ него съ надворья, а что всего пуще, и потолка въ немъ не было. Наконецъ вздумалъ я уговорить латыша, чтобъ онъ прорубилъ въ него изъ избы двери, также бы въ стѣнѣ и окно красное, въ которое я тотчасъ сдѣлалъ обыкновенную нашу бумажную окончину, и какъ все сіе сдѣлано было, то захотѣлось мнѣ каморку мою убрать получше. Я перегородилъ ее полами отъ моей палатки, также обвѣшалъ ими и стѣны, а чтобъ не сыпалось на меня съ кровли, то сдѣлалъ изъ рогожъ нѣкоторый родъ потолка. Отдѣлавши симъ образомъ, мою комнату, началъ я провождать въ ней свое жилище, но могу сказать, что не безъ скуки: съ одной стороны темнота, а съ другой холодъ надоѣдалъ мнѣ, и иногда гораздо. Но, по счастью, зима тогда еще не наступила, и осеннее время было еще довольно теплое.

Нѣсколько дней препроводилъ я въ сей моей мурьѣ въ совершенномъ уединеніи и въ превеликой скукѣ, которую наиболѣе чувствовалъ оттого, что не имѣлъ никакого упражненія. Малое число книгъ, которое имѣлъ я, были всѣ уже перечитаны, а писать или переводить, къ чему я мало-по-малу получалъ уже охоту, за холодомъ было неможно. По счастію, услышалъ скоро я, что жилъ неподалеку отъ той деревнишки, или паче, единичнаго двора, гдѣ я стоялъ, одинъ мызникъ, съ которымъ положилъ я какъ можно скорѣе познакомиться, дабы хотя чрезъ то получить случай къ разбпванію своей скуки. Я тотчасъ къ нему поѣхалъ, и мызникъ былъ радъ, а особливо узнавъ, что я умѣю говорить по-нѣмецки, ибо въ минувшій годъ, обходясь и разговарпвая часто съ тѣми изъ офицеровъ нашего полку, которые были нѣмцы, и кои всѣ были мнѣ пріятели, нѣмецкій свой языкъ уже такъ понатвердилъ, что болталъ имъ уже изрядно. Онъ изъявлялъ свое сожалѣніе, что я имѣю столь худую квартиру, и извинялся, что пособить тому онъ не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ человѣкъ небогатый, и у самого его была только небольшая двоенка. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ изрядный и пріятный человѣкъ, и я дружелюбіемъ его былъ доволенъ. Мы свели съ нимъ тотчасъ дружбу, и онъ просилъ меня, чтобъ я ѣздилъ къ нему какъ можно чаще. Я сіе и не упустилъ дѣлать, а особливо въ разсужденіи, что и близкое разстояніе моего жилища отъ него много тому способствовало. Всякій разъ, какъ я къ нему ни приѣзжалъ, угощалъ онъ меня какъ хорошаго своего пріятеля, а поступкамъ своего мужа соотвѣтствовала и хозяйка, которая также была человѣкъ изрядный. Когда приѣзжалъ я къ нимъ послѣ обѣда, то выговарпвали они мнѣ, для чего не пріѣхалъ я къ нимъ къ обѣду, и просили, чтобъ я впередъ приѣзжалъ поранѣе, говоря, что хотя они люди небогатые, однако не надѣются, чтобъ я за ихъ столомъ былъ голоденъ. Таковые и подобные сему поступки заставляли меня отчасу болѣе имѣть къ нимъ почтенія, и я признаюсь, что я завидовалъ благополучному и порядочному житію сей четы добродѣтельной. Оба они были люди очень еще нестарые, но въ домѣ у нихъ хотя не видно было ничего великолѣпнаго, но все было такъ чисто и прибористо, и притомъ наблюдался во всемъ такой хорошій порядокъ, что я не могъ довольно надивиться, какъ они съ такимъ малымъ достаткомъ и такъ хорошо и порядочно жить могутъ. Столъ ихъ былъ также небогатый и состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ немногихъ и простыхъ кушаньевъ, но всѣ они были такъ вкусны и хороши, что ни въ которое время не вставалъ я голоднымъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ г. Миллеромъ (такъ назывался сей лифляндскій дворяпнпъ) умепьшило гораздо мою скуку

Я ѣзжалъ къ нему очень часто и препровождалъ у него иногда по цѣлому дню, а что болѣе меня веселило, то нашелъ я у нихъ маленькое собраніе нѣмецкихъ книгъ; онъ охотникъ былъ до нихъ, а потому и разговоры наши касались болѣе до оныхъ. Онъ хвалилъ мнѣ тѣ, которыя читывалъ, особливо Клеveланда, а изъ тѣхъ, которыя имѣлъ, давалъ мнѣ любую читать для препровожденія на квартирѣ времени, и сіе было для меня всего лучше. Словомъ, сосѣдствомъ сего дворянина былъ я очень доволенъ, и какъ дружбу его пріобрѣло мнѣ знаніе мое нѣмецкаго языка, то тутъ впервые увидѣлъ я, сколь онъ намъ нуженъ и полезенъ.

Не успѣло нѣсколько недѣль пройтить послѣ пріѣзда моего на сію квартиру, и только что я сталъ обживаться и привыкать къ оной, какъ вдругъ принужденъ я былъ ее перемѣнить и ѣхать на другую. Поручика моего выбрали полковымъ казначеемъ и взяли въ штабъ, а я долженъ былъ принять команду надъ ротою, слѣдовательно, и переѣхать на его квартиру. Сія перемѣна была не противна, ибо сколько я и ни привыкъ къ прежней моей квартирѣ, и сколько знакомствомъ г. Миллера былъ ни доволенъ, однако рубашка къ тѣлу ближе и холодъ у меня никогда не выходилъ изъ головы, новая же квартира была несравненно превосходнѣе и лучше прежней.

Такимъ образомъ отправился я тотчасъ туда и засталъ г. Коржавина дожидающагося меня, дабы сдать мнѣ съ рукъ на руки роту. Признаюсь, что сіе обстоятельство льстило тогда моему честолюбію. Командованіе тогда въ первый разъ цѣлою ротою и мысль, что я тогда властію равенъ былъ со всѣми капитанами, и что былъ такой же, какъ и они, ротный командиръ, которые, какъ извѣстно, въ полкахъ, по полковникѣ, нанважнѣйшіе люди, веселила меня чрезвычайнымъ образомъ, и я не могъ долго довольно навеселиться, видѣвъ подъ окошкомъ у себя фрунтъ, слышавъ біющую у себя зорю и раздавая ежечасно разные приказы и повелѣнія. Молодость моя была всему тому причиною.

Теперь опишу я новую свою квартиру. Она была на мызѣ Кальтебрунъ, называемой инако и Гединъ, и на такой, гдѣ жилъ и самъ мызникъ, однако не въ его хоромахъ, а въ срубленныхъ особливыхъ подлѣ хоромъ низенькихъ свѣтличкахъ, которыя были уже довольно хороши для квартиры ротному командиру.

Г. Коржавинъ, при отъѣздѣ своемъ, не преминулъ рекомендовать меня, яко своего преемника, господину мызнику. Мы пошли съ нимъ къ нему, и я имѣлъ уже на умѣ стараться познакомиться и свесть дружбу и съ симъ такъ, какъ съ моимъ прежнимъ сосѣдомъ, однако мало надежды имѣлъ получить успѣхъ вожделѣнный. Г. Коржавинъ сдѣлалъ мнѣ объ немъ такое описаніе, которое было весьма невыгодно. Онъ изображалъ мнѣ его дряхлымъ, угрюмымъ и суровымъ старикомъ, и сказывалъ, что онъ во все время своего тутъ стоянія не видалъ отъ него ничего добраго. Я нашелъ его дѣйствительно старикомъ, у котораго почти уже зубъ во рту не было, а жену его такъ толсту, что я подобной ей женщины отъ роду не видывалъ. Все сіе не предвозвѣщало мнѣ ничего добраго, но, совсѣмъ тѣмъ, приняли они меня довольно пріятно. Правду сказать, инако имъ принять и нельзя было. Они всѣ, поневолѣ, принуждены были льстить господамъ ротнымъ командирамъ, отъ которыхъ иногда имъ много зла происходитъ, а сверхъ того, повидимому, пріятно было имъ, что я умѣлъ говорить по-нѣмецки, слѣдовательно, какъ я ихъ, такъ и они меня могли разумѣть наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Проводивъ моего поручика, вступилъ я тотчасъ въ новую мою должность. Мое первое стараніе было ввесть въ ротѣ нѣкоторые новые порядки, которые почиталъ я за полезные, а другіе, которые, по мнѣнію моему, казались излишними и ненадобными и служили только къ отягощенію солдатъ, оставить. Наибольшее

мое попеченіе было о томъ, чтобъ воздержать солдатъ отъ шалостей и своевольствъ, обыкновенно воннымъ людямъ свойственнымъ. И для того велѣлъ я собрать къ себѣ всю роту подъ видомъ нѣкоторой ротной надобности, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поговорить со всѣми подчиненными своими полюбовную рѣчь. Я сказалъ имъ прямо, что если они хотятъ мною довольными быть, и чтобъ я съ ними не дрался, то-бъ не дѣлали никакихъ шалостей, воровства и своевольства, въ противномъ случаѣ никакая вина прощена не будетъ. Напротивъ того, обѣщалъ имъ, что когда увижу отъ нихъ въ семъ случаѣ послушаніе, что,по всей возможности моей, буду и объ нихъ стараться, и безъ нужды ихъ трудить и безпокоить не стану.

Симъ и подобнымъ сему образомъ удалось мнѣ получить мое желаніе и все то, чего прочіе ротные командиры со всею своею строгостію получить не могли. Ибо, не успѣлъ я немногихъ первыхъ ослушниковъ наижесточайшимъ образомъ наказать, а сверхъ того приказать, всѣхъ таковыхъ безъ очереди на караулъ и въ другія мѣста посылать, какъ тотчасъ тишина и спокойствіе возстановились, и я во всю зиму не слыхалъ ни отъ одного обывателя жалобы на моихъ солдатъ, напротивъ того, и самимъ солдатамъ сіе напослѣдокъ слюбилось. Обыватели и хозяева ихъ, не видя ничего отъ постояльцевъ своихъ противнаго, сдѣлались сами къ нимъ доброхотными и, по возможности своей, имъ во всемъ услуживали, а сіе произвело наконецъ то, что солдаты сами меня за то благодарить стали.

Кромѣ удовольствія, которое я натурально оттого чувствовать былъ долженъ, имѣлъ я еще и другія оттого пользы. Ибо, во-первыхъ, самъ полковникъ былъ командою моею очень доволенъ и однажды самъ мнѣ выговорилъ, что удивляется тому, что отъ всѣхъ ротъ обезпокоивается онъ почти ежедневно жалобами, то отъ командировъ на обывателей, то отъ обывателей на солдатъ и командировъ, а моей роты власно какъ бы въ полку не было, ибо онъ ни однажды еще не слыхалъ ни одной жалобы, ни отъ меня, ни отъ обывателей, гдѣ стоятъ мои солдаты, и, приписывая мнѣ то въ особливую похвалу, желалъ, чтобъ онъ столь же мало могъ обезпокоиванъ быть и прочими.

Во-вторыхъ, самъ мой мызникъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ; который не успѣлъ услышать о моемъ новомъ распоряженіи и о наказаніи безъ всякой просьбы виноватыхъ, какъ получилъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и тотчасъ сталъ стараться объ оказываніи мнѣ всякаго благопріятства и дружелюбія. Сіе послужило мнѣ поводомъ къ сведенію и съ симъ старикомъ хорошаго дружества. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились, и я не знаю, тихость ли моего права и поведенія, или то, что я никогда не наскучивалъ препровождать время съ нимъ въ разговорахъ, или иныя какія обстоятельства были причиною тому, что онъ въ короткое время меня очень полюбилъ и дружбу свою распространилъ даже до такихъ предѣловъ, что я того никогда бы думать и ожидать не могъ, а именно: какъ я однажды у него вечеромъ сидѣлъ и, по обыкновенію, съ ними ужиналъ, безъ чего они меня никакъ не отпускали, то спросилъ онъ меня, доволенъ ли я своею квартирою? Я отвѣтствовалъ ему, что по сіе время не имѣю причины ни на что жаловаться.— «А мнѣ, отвѣчалъ онъ на то: — кажется, напротивъ того, что она для васъ безпокойна, и я желалъ бы для васъ, г. подпоручикъ, съискать какое-нибудь лучшее и спокойнѣйшее мѣсто: но не знаю, могу ли я вамъ тѣмъ угодить, что думаю. У меня есть, чрезъ сѣни, другая половина моихъ хоромъ. Она стоитъ порожняя и никто въ ней не живетъ. Мы согласились съ женою ее для васъ очистить и прибрать, и ежели вамъ угодно, то просимъ васъ въ нее изъ теперешней вашей квартиры перейтить, гдѣ, надѣемся что вы получите лучшее спокойствіе, потому что она бываетъ очень тепла и спокойна».—Я удивился сему нечаянному предложенію и не успѣлъ еще начать при-

носить имъ свои благодаренія, какъ жена его подхватила рѣчь и начала говорить слѣдующее:—«А я, г. подпоручикъ, съ своей стороны, желала бы, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе, и не погнушались бы столомъ моимъ. Вы стоите одни и не имѣете повара. На что жъ вамъ и безпокоиться и убытчиться тѣмъ, чтобъ для васъ однихъ варили? Вы можете, если угодно, завсегда съ нами обѣдать и ужинать и мы надѣемся, что вы не будете никогда голодны».—Новое сіе предложеніе усугубило мое удивленіе. Я приносилъ имъ мое благодареніе и, для благопристойности, отговаривался отъ того, говоря, что я ихъ тѣмъ обезпокою и убытчу.—«О, нѣтъ, г. подпоручикъ!» пресѣкли они мою рѣчь: — Какое это для насъ безпокойство, и что за убытокъ. Мы, напротивъ того, будемъ тому рады. Столъ у насъ хотя небогатый, но, благодарить Бога, у насъ семья, и намъ для васъ лишнихъ блюдъ готовить не для чего. Пожалуйте, не отговаривайтесь, и сдѣлайте намъ всѣмъ это удовольствіе».

Легко можно заключить, что я не имѣлъ причины приносить дальнихъ отговорокъ, а особливо узнавъ уже, что были они добрые и прямо чистосердечные люди, и что мнѣ все сіе не причинитъ никакого безпокойства. Итакъ, по коротким извиненіямъ, согласился я на ихъ просьбу. Не успѣлъ я дать имъ въ томъ мое слово, какъ обрадовались они тому очевидно и власно какъ бы какой находкѣ, а добросердечный старикъ примѣтивъ, что я все еще тѣмъ совѣщусь, восхотѣлъ оказать мнѣ еще новый опытъ своего ко мнѣ благопріятства и тѣмъ умножить еще болѣе мое удивленіе.—«Постойте, г. подпоручикъ?» сказалъ онъ мнѣ, потрепавъ дружескимъ образомъ меня по плечу:—когда на то пошло, такъ прошу и мнѣ сдѣлать такое жъ удовольствіе, какъ и женѣ моей. Она взялась попеченіе имѣть о томъ, чтобъ вы не были голодны, а я хочу взять на себя довольствовать лошадей вашихъ». — «О, государь мой!» прервалъ я ему рѣчь будучи тронутъ такимъ неожидаемымъ опытомъ дружества: «этого ужъ слишкомъ много! И я, конечно, не допущу васъ до такого убытка!» —«Пожалуйста, государь мой!» подхватилъ тогда сей добродушный старичокъ: «не говорите мнѣ о убыткахъ. Что это за убытокъ для меня? Вы имѣете только три лошади, и онѣ, конечно, меня не объѣдятъ. Богъ даровалъ намъ въ нынѣшній годъ довольно овса и сѣна и они мнѣ не столь дорого будутъ стоить, чтобъ я убытокъ сей предпочелъ тому удовольствію, которое я буду имѣть, сдѣлавъ услугу такому человѣку, котораго люблю и почитаю, и который по истинѣ того и достоинъ».

Я благодарилъ его за такое хорошее обо мнѣ мнѣніе и хотѣлъ-было далѣе еще отговариваться, но г. Розенстраухъ (такъ назывался сей честный старина), не слушая, превозносилъ меня только похвалами. Онъ называлъ меня тихимъ, постояннымъ, разумнымъ и такимъ человѣкомъ, какого онъ рѣдко изъ молодыхъ видывалъ, и повторялъ много разъ, что онъ мною и всѣми моими поступками очень доволенъ. Однимъ словомъ, онъ заставилъ тогда меня самаго себя, какъ красную дѣвку стыдиться, толь похвалы его были простосердечны и нелукавы. Наконецъ, имѣя при всей своей старости въ себѣ еще остатокъ веселаго нрава, захотѣлъ окончить все сіе небольшою, но весьма благоразумною шуткою. — «Повѣрьте, г. подпоручикъ!» сказалъ онъ мнѣ улыбнувшись: — «я, живши на свѣтѣ около осьмидесяти лѣтъ, имѣлъ довольно времени и случаевъ на людей насмотрѣться и узнавать, кто какого сложенія и качествъ, и я вамъ признаюсь, что мы прежде не то объ васъ думали, покуда васъ не видали, и безпокоились тѣмъ, что будетъ къ намъ стоять молодой и холостой человѣкъ, каковымъ васъ намъ описывали. Но какъ скоро я васъ увидѣлъ и имѣлъ честь узнать, какъ все безпокойство мое миновалось. Повѣрь, государь мой!» продолжалъ онъ говорить, потрепавъ меня по плечу: «видна всякая птица по полету, и скоро узнать можно, кто къ чему

склоненъ. А въ васъ не нахожу я ничего такого, чтобы могло подать причину опасаться отъ васъ чего-нибудь худого и благоразумію противнаго. Нѣтъ, нѣтъ, г. подпоручикъ! я вижу, что вы честный и такой человѣкъ, который знаетъ, что есть честь, здравый разсудокъ и добродѣтель въ свѣтѣ, и готовъ за васъ вездѣ божиться, что вы одарены изящнѣйшимъ характеромъ». Я не зналъ тогда въ скорости, что ему на сіе отвѣтствовать, но добронравный старикъ избавилъ меня отъ сей коммиссіи, сказавъ: «Ну, хорошо, г. подпоручикъ! Дѣло сдѣлано, и говорить болѣе не о чемъ. Я не приму никакихъ отговорокъ, и вы пожалуйте покушайте. Мы за разговорами позабыли ѣсть, и вы будете у меня голодны!»

Симъ окончился тогдашній нашъ разговоръ. Легко можно заключить, что я, простившись съ сими честными стариками, съ удовольствіемъ пошолъ на свою квартиру. Совсѣмъ тѣмъ, не могъ чтобъ не помыслить о послѣднихъ его обо мнѣ словахъ, которыя, какъ мнѣ казалось, заключали въ себѣ нѣкую тайну. Но я легко могъ догадаться, къ чему они клонились и какая бы та причина была, для которой меня онъ опасался. Все дѣло состояло въ томъ, что у него было пять дочерей, которыя всѣ были уже взрослыя и совершенныя дѣвицы. Почему толь близкое сосѣдство молодого и холостого человѣка могло, можетъ быть, наводить старикамъ довольное уже опасеніе и безпокойство. Но г. Розенстраухъ правду говорилъ, что я лишилъ скоро его сего безпокойства, ибо во всѣ мои съ нимъ свиданія не могъ онъ примѣтить во мнѣ ни малѣйшаго вида волокиты, и потому съ надежностію могъ заключить, что я не принадлежу къ числу тѣхъ молодыхъ и вѣтренныхъ людей, которые въ мои лѣта за наилучшее упражненіе себѣ почитаютъ волокиту за прекраснымъ поломъ, но напротивъ того, что имѣю совсѣмъ другія склонности, какъ то и въ самомъ дѣлѣ было. Ибо признаюсь, что я мало обезпокоиванъ былъ извѣстною и обыкновенною молодымъ людямъ стратстію, но напротивъ того, съ самаго младенчества и какъ самъ себя запомню. имѣлъ столь великій родъ застѣнчивости и былъ такъ стыдливъ въ обхожденіи съ женскимъ поломъ, что я не только чтобъ сводить близкое знакомство или говорить, шутить и играть съ ними, но и пристально смотрѣть на нихъ стыдился. Мнѣ казалось все дурно и стыдно, и однимъ словомъ, я былъ самъ не свой, когда случалось мнѣ бывать въ компаніи съ молодыми дѣвицами, а той компаніи не было для меня тяжелѣе, когда принуждено было разговаривать съ онымі. Коротко, я бѣгивалъ ихъ какъ огня и доходилъ иногда почти до дурачества. Дурно ли сіе или хорошо было, того уже я не знаю, а только то мнѣ извѣстно, что сія стыдливость называется философами предохранительною добродѣтелью, приносила мнѣ въ жизнь мою тысячу пользъ и выгодъ, и, однимъ словомъ, спасла меня отъ многихъ пороковъ и, можетъ быть. отъ множества несчастныхъ и противныхъ приключеній и я имѣлъ причину болѣе довольнымъ быть, нежели досадовать на то, что таковъ стыдливъ былъ съ молоду.

Такимъ образомъ, все обхожденіе мое съ дочерьми сего мызника было сходственно съ вышеписаннымъ изображеніемъ моего нрава. Я обходился съ ними очень удаленно и не только никогда не изъявлялъ желанія ознакомиться съ ними ближе, и не только не начиналъ никогда заводить съ ними шутки и разговоры, но и говаривалъ съ ними только тогда, когда они меня о чемъ-нибудь спрашивали и мнѣ, по необходимости, уже отвѣчать имъ надлежало. А наиглавнѣйшіе мои разговоры и препровожденіе времени было съ старикомъ, который при всей своей старости былъ напріятнѣйшій и разумный человѣкъ, и я не наскучивалъ съ нимъ говорить по нѣсколько часовъ сряду. Сіе всего болѣе старику во мнѣ и полюбилось и для самаго того и получилъ онъ ко мнѣ въ короткое время столь великое дружество, что оказалъ вышеупомянутые опыты оной

безъ всякаго моего въ томъ домогательства и старанія.

Такимъ образомъ, размышляя о послѣднихъ его словахъ и находя тому причину, усматривалъ я, что въ нихъ не одни только похвалы моему поведенію, но вкупѣ и нѣкоторый родъ предварительной загадки заключался, и что слова сіи клонились и къ тому, чтобъ я и впредь такимъ же образомъ себя велъ, и не принудилъ бы ихъ въ принятомъ обо мнѣ хорошемъ мнѣніи обмануться, и въ оказанномъ мнѣ дружелюбіи и услугахъ раскаяваться. Я дивился тогда благоразумію моего старика и, усмѣхнувшись, самъ себѣ говорилъ: «Пожалуй, старичокъ дорогой, не безпокойся! Не на такую птицу ты напалъ, которая бы твой милый покой нарушать и тебя тѣмъ огорчить похотѣла, чего ты опасаешься. Мы сами отъ того, какъ отъ огня бѣгаемъ! Куда намъ затѣвать излишнее!»

Совсѣмъ тѣмъ размышленіе сіе произвело тотъ плодъ, что я положилъ съ того времени впредь, о соблюденіи поступокъ и поведенія моего въ надлежащихъ предѣлахъ благопристойности и благоразумія, особливое и возможнѣйшее прилагать стараніе. Я разсуждалъ о будущемъ моемъ житьѣ и о гораздо ближайшемъ къ нимъ сосѣдствѣ. А приходило мнѣ также и то въ голову, что я ежедневно буду находиться съ ними, и имѣть случай ихъ видѣть и говорить, слѣдовательно, и гораздо ближе ознакомиться съ ними: Самое сіе меня нѣсколько и тревожило. — Я слыхалъ, что можно и противъ воли своей влюбиться, а дочери г. Розенштрауха не таковы были дурны, чтобъ не могли никому вперить къ себѣ любовнаго пламени. Нѣкоторыя изъ нихъ были довольно хороши, и хотя ни одну изъ нихъ не можно было почесть красавицею, но всѣ до одной были разумныя и очень хорошо воспитанныя дѣвушки; самое сіе меня нѣкоторымъ образомъ и устрашало и озабочивало. Я боялся, чтобъ и противъ хотѣнія и желанія своего не попасться въ какія-нибудь сѣти. А особливо опасался я одной изъ среднихъ, которую звали Елеонорою, и которая превосходила всѣхъ своихъ сестеръ и красотою и разумомъ, и пріятностію своихъ поступковъ и обхожденія.

Совсѣмъ тѣмъ, возлагалъ я великую надежду на свою застѣнчивость и несмѣлость, о которой думалъ, что она не допуститъ меня никогда до близкаго и короткаго съ ними обхожденія, которое, какъ извѣстно, обыкновенно питаетъ и возжигаетъ любовь, когда бы оная, напримѣръ, и зачалася. Сверхъ того, положилъ я имѣть всегдашнюю осторожность и примѣчать за дѣйствіями своего сердца, также убѣгать всѣми образами безъ нужды съ ними свиданіевъ, а особливо случаевъ быть и говорить съ ними наединѣ.

Все сіе мнѣ очень много и помогло, но совсѣмъ тѣмъ не знаю я, былоль бы сіе одно въ состояніи сохранить меня отъ искушенія, еслибъ не соединились къ тому и по счастію и другія обстоятельства, а именно: во-первыхъ, не имѣлъ я во все время стоянія моего тутъ ни единаго случая, чтобъ быть мнѣ не только съ одною изъ дочерей г. Розенштрауха, но и со всѣми ими одному безъ ихъ отца и матери вмѣстѣ, потому что сіи очень мало, а старикъ по старости своей и вовсе никуда не выѣзжалъ и не выходилъ. Во-вторыхъ, обхожденіе въ домѣ не было никогда такъ вольно, чтобъ можно было мнѣ ходить по произволенію своему по всѣмъ комнатамъ, но я довольствовался всегда сидѣніемъ съ стариками въ одной; въ той же побочной комнатѣ, гдѣ жили его дочери, никогда нога моя не бывала. Въ-третьихъ, ко мнѣ въ половину онѣ очень рѣдко и то развѣ всѣ вмѣстѣ съ отцомъ или матерью иногда на часокъ прихаживали; а когда я къ нимъ приходилъ, то было сіе обыкновенно либо къ обѣду, либо къ ужину, и тогда сиживалъ я неотлучно отъ старика моего. Въ-четвертыхъ, и что наиважнѣйшимъ обстоятельствомъ почесть можно, не было съ обѣихъ сторонъ ни малаго о томъ старанія, чтобъ сводить ближайшее знакомство. Дочерямъ Ро —

зенштрауха можно было ту честь приписать, что всѣ онѣ были дѣвушки не вѣтренныя, но постоянныя, и во всѣхъ своихъ поведеніяхъ наблюдали кротость и благопристойность, почему и со мною, когда мы уже болѣе знакомы стали, обходились онѣ хотя ласково и пріятно, однако никогда не дѣлала ни одна изъ нихъ ниже малѣйшаго вида, какой-нибудь непозволительной дѣвушки поступки. Одинъ только случай помню я, который нѣкоторымъ образомъ окритиковать, однако опять и безпристрастнымъ почесть можно, а именно:

Случилось однажды, что старикъ послѣ обѣда легъ спать, а я сидѣлъ со старухою и дочерьми, но и ее не знаю зачѣмъ-то изъ горницы позвали. Тогда, выходя, она говорила дочерямъ, чтобъ они, между тѣмъ, говорили со мною, чтобъ было мнѣ не скучно. Такъ случилось, что ближе всѣхъ ко мнѣ была тогда вышеупомянутая дочь ея, фрелина Нора, такъ называли ее полуименемъ. Она, подошедши ко мнѣ, стала подлѣ окошка и, разговаривая со мною не помню о чемъ, стала колоть булавкою бумажку, которою случилось залѣплена быть разбитая за день предъ тѣмъ окончина. Меня догадало спросить ее, что это она дѣлаетъ и на что прокалываетъ окончину? «А вотъ, господинъ подпоручикъ, сказала она мнѣ: извольте-ка посмотрѣть: что это такое, и хорошо ли?» — Я всталъ посмотрѣть, но въ какое удивленіе пришелъ, увидѣвъ, что она наколола связанное вензелемъ мое имя и фамилію. Я застыдился тогда и притворясь сказалъ, что я не разберу, что это такое.—«Нельзя этому статься!» отвѣтствовала она мнѣ: «что вы не разобрали чье это имя?» — Я не зналъ, что ей тогда на сіе отвѣтствовать; но, по счастію, вошла тогда опять ея мать и разговоръ нашъ прекратила. Совсѣмъ тѣмъ, каково сіе и невиновно, можетъ быть, было, однако я нѣсколько дней стыдился взгляпуть на нее. Вотъ сколь стыдливость моя была велика!

Но я возвращусь къ продолженію порядка моей исторіи, отъ котораго я нечувствительно удалился. Такимъ образомъ, дня два послѣ бывшаго у насъ съ господиномъ Розенштраухомъ пріятнаго разговора, перешелъ я въ новоотведенную мнѣ квартиру и нашелъ ее гораздо спокойнѣйшею предъ прежнимъ жилищемъ. Я имѣлъ для себя изрядно убранную, просторную и теплую комнату, а для людей моихъ была особливая комната тутъ же. Но что для меня всего было пріятнѣе, то отдѣлялась сія половина отъ прочихъ хоромъ сѣньми, имѣющими на дворъ особливой выходъ, а внутри себя небольшую кухню, изъ которой обыкновенно покои таплпвались. Итакъ, посредствомъ сихъ не было съ прочими покоями и другою половиною хоромъ никакого сообщенія, а ежели надлежало ходить къ мызнику, то принуждено было обходить дворомъ подъ окнами съ одного крыльца на другое.

Симъ кончу я теперешнее письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

ВЪ МЫЗѢ КАЛЬТЕБРУНЪ.

Письмо 35.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, по особливому счастію получивъ весьма спокойную и едва ли не выгоднѣйшую квартиру предъ всѣми прочими ротными командирами, простоялъ я на ней всю тогдашнюю зиму, не имѣя ни малѣйшей ни въ чемъ нужды и недостатка. Жить было свѣтло, тепло и покойно; столъ былъ у меня готовый; лошади ѣли не мое, а что всего было лучше, то и въ пріятномъ обхожденіи не имѣлъ недостатка и скукп никогда не чувствовалъ. Всѣмъ симъ обязанъ я былъ съ одной стороны дружбѣ г. Розенштрауха, а съ другой порядочному своему поведенію, а болѣе всего знанію нѣмецкаго языка.

Теперь опишу я вамъ, любезный пріятель, подробнѣе мою жизнь и всѣ мои въ семъ мѣстѣ упражненія. Поутру, вставъ и напившись чаю, отправлялъ я, когда случались, кой-какія ротныя дѣла и раздавалъ потребныя приказанія. Ис-

правивъ все, что касалось до моей должности, садился я за свой столикъ, принимался за перо и бумагу и начиналъ свою работу. Она состояла въ продолженіи того перевода одного нѣмецкаго романа, о которомъ упоминалъ я уже прежде, и который началъ въ бытность еще въ лагерѣ подъ Ригою. Книга сія имѣла собственный титулъ: «Малослыханная и бѣдственная жизнь и похожденія Якова Пакартуса, бывшаго потомъ милордомъ въ Англіи». По неимѣнію лучшихъ, полюбилась она мнѣ болѣе для того, что была веселѣе прочихъ, и походила нѣсколько на Жилбаза или Робинзона-Круза. Я и тогда перевелъ уже ея нѣсколько, а тутъ продолжая съ такимъ успѣхомъ, трудился надъ переводомъ и переписываніемъ онаго на-бѣло, что получилъ двѣ нарочитой величины книжки; однако окончить мнѣ ее за потеряніемъ самаго оригинала не удалось. Какъ приходило время обѣда, то, накинувъ кафтанъ, хаживалъ я въ половину моего хозяина обѣдать съ ними, ибо г. Розенштраухъ неотмѣнно того требовалъ. Равно какъ и лошади мои на другой же день должны были быть на его же содержаніи и конюшнѣ, и люди мои только ихъ чистили.

Обѣдывало насъ всегда изрядная семейка, и всегда человѣкъ восемь. Поелику г. Розенштраухъ былъ не весьма достаточный и богатый дворянинъ, то хотя столъ его и не былъ наполненъ множествомъ кушаньевъ, но завсегда господствовала въ немъ обыкновенная нѣмецкая умѣренность, однако могу сказать, что я никогда голоденъ не былъ, но паче всегда былъ доволенъ, чему много поспѣшествовало и хорошее приуготовленіе кушаньевъ. Дочери его должны были поденно хозяйничать и надъ приуготовленіемъ яствъ смотрѣть и стараться сами, что̀ и дѣлать имъ потому было способно, что, по обыкновенію лифляндскому, кухня находилась внутри хоро́мъ и подлѣ ихъ спальни. Одно только обстоятельство мнѣ нѣсколько сначало досаждало, а именно, что у нихъ не только на столѣ, но и во всемъ домѣ не было ни капли квасу, а пили всѣ пиво. Всякій разъ предъ моею тарелкою поставлялась онаго превеликая серебряная стопа, и оное хоть не кушай. Долго не могъ я никакъ къ сему напитку привыкнуть. Было оно хотя легкое и хорошее лифляндское пиво, но какъ я никогда онаго не пивалъ, то не шло оно мнѣ въ душу. Однако, чего привычка не можетъ сдѣлать? Мало-по-малу привыкъ и я къ оному, и оно сдѣлалось мнѣ наконецъ вкуснѣе самаго квасу, такъ что я пилъ его въ жажду и безъ всякаго принужденія. Но удивительнѣе всего то, что было оно ни какъ не пьяно, также что тогда я его пилъ охотно, но послѣ опять пересталъ и такъ отвыкъ, что и нынѣ въ ротъ не беру, кромѣ самаго легкаго и сладкаго полпива.

Послѣ обѣда рѣдко я у нихъ долго сиживалъ. Старикъ имѣлъ обыкновеніе спать, а я спѣшилъ упражняться опять въ моемъ читаніи и писаніи и отъ нихъ ухаживалъ, развѣ только когда прашивали они, чтобъ я подождалъ кофе, или остался-бъ посидѣть съ ними хоть полчаса для препровожденія имъ времени. Такимъ образомъ все послѣобѣднѣшнее время провождалъ я въ обыкновенныхъ своихъ домашнихъ упражненіяхъ и дѣлахъ, и всегда чѣмъ-нибудь бывалъ занятъ. Что̀-жъ касается до вечеровъ, а особливо въ глубокую осень и въ зимнее время, когда бывали они длинные и скучные, то долженъ я былъ дѣлать старику моему удовольствіе и, приходя къ нему, препровождать оные съ нимъ вмѣстѣ. Думать бы надобно, что мнѣ все сіе инако какъ скоро могло прискучить, однако было тому противное, но я охотно къ нимъ хаживалъ и дѣлилъ съ стариками безъ скуки свое время. Ибо кромѣ того, что я всегда любилъ обходиться съ разумными стариками, и самое препровожденіе времени было у насъ перемѣнное. Но въ чемъ же оныя состояли? Мы упражнялись съ нимъ отчасти въ разговорахъ; г. Розенштраухъ разсказывалъ мнѣ свое житьё-бытьё, и что съ

нимъ въ жизнь его случилось, и что онъ на вѣку своемъ видѣлъ. И какъ онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ въ королевской шведской службѣ и находился во всѣхъ походахъ и на многихъ баталіяхъ во время войны шведской съ императоромъ Петромъ Великимъ, и, будучи уже ротмистромъ, взятъ былъ послѣ полтавской баталіи нашими войсками въ полонъ, а потомъ вмѣстѣ съ прочими плѣнными посланъ былъ въ нашу Сибирь и тамъ болѣе десяти лѣтъ препроводилъ, да и въ прочемъ многія перемѣны въ счастіи и несчастіи, какъ тамъ, такъ и въ прочую свою жизнь видѣлъ: то и было всегда довольно матеріи ему къ разсказыванію, а мнѣ къ любопытному слушанію и распрашиванію. Въ особливости же пріятно было слушать, когда онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Сибири, и о томъ, какъ они тамъ сперва терпѣли всякую нужду, какъ потомъ стали заводить разныя рукодѣлія и мастерства и ими питаться, какъ они дѣлывали карты, и прочее тому подобное. Когда же намъ наскучивалось говорить, то садились мы за ломберъ. Сію игру любилъ онъ и старуха чрезвычайно, и мы игрывали въ нее каждый вечеръ, а наконецъ такъ привыкли, что наилучшее наше въ томъ было упражненіе и увеселеніе. Въ особливости же была тѣмъ чрезвычайно довольна старуха, имѣвшая особливо пріятный и веселый нравъ. Выигрышъ и проигрышъ былъ у насъ взаимный и неубыточный, къ тому жъ и играли мы не на призы, а становя только по денежкѣ ставку, а кто сдаетъ—по копѣйкѣ. Итакъ, во всю зиму не остался у насъ никто ни въ проигрышѣ, ни въ выигрышѣ, хотя мы, бывало, всегда часу до двѣнадцатаго сидимъ, и накричимся и нахохочемся довольно. Дочери ихъ сижывали вмѣстѣ съ нами, но обыкновенно упражнялись въ какихъ-нибудь рукодѣліяхъ.

Симъ образомъ жили мы какъ одна семья и какъ родные, и мнѣ было довольно весело. Кромѣ сего имѣлъ я часто увеселеніе, бывая на стекляпныхъ заводахъ и сматривая, какъ дѣлаютъ бутылки и другую стеклянную посуду. Они находились отъ насъ версты только двѣ и принадлежали моему хозяину. По сей причинѣ бывалъ я часто на нихъ и, не видавши никогда, не могъ довольно надивиться скорости мастеровъ и всему производству сего дѣла. Особливо удивляло меня, что, изъ простой золы, да изъ песку и соли, могла дѣлаться такая жидкая и потомъ столь твердая и прозрачная матерія, каково стекло въ бутылкахъ. Иногда выпрашивалъ я самъ у мастеровъ желѣзную трубку, которою достаютъ они стеклянное тѣсто изъ печи, и отвѣдывалъ самъ дѣлать бутылки; и какъ сдѣлать ее очень немудрено, то и дѣлывалъ совершенныя бутылки, но только не такъ скоро, какъ они, и мнѣ для сдѣланія одной надобно было болѣе времени, нежели имъ для сдѣланія трехъ. Познакомившіеся со мною мастера не отпускали меня никогда съ завода праздным и не снабдивъ множествомъ разныхъ стеклянныхъ бездѣлушекъ, какъ напримѣръ, стекляпныхъ родовъ хлопательныхъ сосулекъ и другихъ тому подобных вещицъ.

Кромѣ всѣхъ сихъ упражненій, не было также по молодости моей недостатка и въ другихъ, кои паче рѣзвостями, нежели порядочными упражненіями почесть можно. Между прочимъ, имѣлъ я чрезвычайную охоту къ пороху и къ дѣланію всякихъ фейерверочныхъ фигурокъ. Но одна таковая игрушка потрясла-было мнѣ превеликими бѣдами, а именно: будучи недоволенъ обыкновенными шлагами или обыкновенными пынѣшними грепадерскими гранатами, захотѣлось мнѣ сдѣлать шлагу побольше гораздо обыкновенной и тѣмъ удивить дѣвушекъ, которыя любливали смотрѣть такія вещи. Цѣлую недѣлю дѣлалъ я ее самъ, и какъ пороху хотѣлось мнѣ положить въ нее цѣлый фунтъ, то и была она величиною болѣе головы человѣческой. Сдѣлавши и изготовивъ совсѣмъ предложилъ я дѣвицамъ, не изволятъ ли посмотрѣть, какъ будутъ кидать особ-

ливаго рода шлагу. Онѣ рады были тому, какъ обыкновенно, и охотно согласились выйти на крыльцо вмѣстѣ съ старухою, своею матерью. Время было тогда уже ночное, ибо я нарочно кидывалъ шлаги ночью, чтобъ имъ виднѣе былъ огонь и искры отъ трубки. Чтобъ далѣе кинуть, то велѣлъ я шлагу мою привязать на веревочку, и какъ зажгутъ, то бы размахать ее хорошенько и какъ возможно далѣе кинуть. Я опредѣлилъ къ тому двухъ человѣкъ: слугу своего Якова, чтобъ кидать, а зажигать велѣлъ живущему при мнѣ солдату. Въ первый разъ зажгли и кинули ее порядочно, но какъ трубка была старая, то не выгорѣла она вся и не дошедъ до пороха потухла. Досадно мнѣ сіе тогда было чрезвычайно, однако я пошелъ и, вынувши трубку, ее опять набилъ мякотью и велѣлъ ее въ другой разъ бросить. Но удача была и въ сей разъ не лучше прежняго. Я позабылъ хорошенько ее внутри вычистить и оттого, засорившись углемъ, не могла и въ сей разъ она вся выгорѣть и потухла.

Тогда разсердился я еще пуще прежняго и хотѣлъ-было иттить въ третій разъ набивать, какъ пришли сказывать, что ужинъ уже на столѣ поставленъ. Итакъ, принужденъ я былъ иттить за ужинъ; однако, досадуя на окаянную трубку, велѣлъ я ее людямъ безъ себя и покуда мы ужинаемъ, хорошенько вычистить внутри, набить, зная, что имъ уже это не въ первое, и они какъ набивать знали. Но что-жъ сдѣлалось? Сіи молодцы, набивая оную, не пожалѣли своей силы, но колотя взапуски другъ передъ другомъ, раскололи трубку. Встужились они о томъ и, не хотя умножить мою досаду, согласились между собою мнѣ о томъ не сказывать, но вколотили трубку въ шлагу, какъ надобно, ни мало не разсудя, что изъ того можетъ произойтить опасность. И какъ я послѣ ужина спросилъ, готова ли шлага и хорошо ли набита трубка? — «Готова, сударь!» сказали они. — «Ну! ступайте жъ бросать», сказалъ я. Но что жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ солдатъ зажечь, и слуга мой шлагу еще изъ рукъ не выпустилъ, какъ ее съ превеликимъ громомъ въ рукахъ у него разорвало. Фрелины закричали, испужавшись отъ нечаяннаго и жестокаго удара, а я также обмеръ и испужался, но совсѣмъ отъ другой причины. Нечаянное и скоропостижное разорваніе предвѣстило мнѣ тотчасъ бѣду, которую я надѣлалъ, а при свѣтѣ освѣтившаго огня, что и слуга и солдатъ мой повалились на землю. Я це иное что заключилъ тогда, что убило ихъ обоихъ до смерти, и для того безъ памяти бросился къ нимъ, крича: «Ахъ, убило, убило ихъ бѣдныхъ!» Совсѣмъ тѣмъ, опамятовался я, увидѣвъ, что они оба живы. Солдатъ тотчасъ всталъ и говорилъ, что его только опалило и оглушило, а слуга мой заревѣлъ, минуту спустя, бѣлугою. Мы бросились смотрѣть, что съ нимъ сдѣлалось, и увидѣли, что ему руку, въ которой онъ держалъ шлагу, ужасно повредила оная, отворотивъ совсѣмъ большой палецъ и что кровь лилась изъ нея ручьями. Тогда игрушка моя превратилась въ трагедію: всѣ тужили и сожалѣли о семъ приключеніи и не знали, что дѣлать. На его руку страшно было взглянуть: вся она была опалена и окровавлена; платье на немъ также горѣло, и я не помню, чтобъ когда-нибудь находился я въ такомъ не-строеніи, какъ въ тогдашнее время. Но, по счастію, это было въ полку и недалеко отъ лазарета. Я отправилъ его наутріе въ оный и писалъ къ лекарю, который мнѣ хорошій пріятель былъ, чтобъ онъ помогъ ему, и стараніемъ его былъ онъ недѣль въ шесть совсѣмъ вылеченъ и сдѣланъ опять съ рукою. Совсѣмъ тѣмъ, память о семъ несчастномъ приключеніи долго у меня изъ головы не выходила, и я благодарилъ Бога, что оно такъ окончилось, ибо легко могло статься, чтобъ убило симъ образомъ солдата совсѣмъ до смерти, и я бы оттого могъ попасть въ несчастіе. Съ того времени бросилъ я сію утѣху и пересталъ шлаги дѣлать.

Въ другой разъ, въ сію же зиму под-

вержень я былъ отъ подобной же сему игрушки, или, паче сказать, отъ любопытства самъ великой опасности. Не знаю чья-то случилась у меня быть тогда нѣмецкая книга. Я, читая ее, нашелъ, что можно сдѣлать такой порошокъ, который самъ и не будучи ни въ чемъ хлопнетъ, ежели подержать его на концѣ ножика надъ зажженною свѣчкою, и что вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ взять одну часть соли, называемой салтартари, которая продается въ аптекахъ, да двѣ части сѣры, да четыре селитры и, все сіе смѣшавъ, стереть мелко. Какъ я ко всѣмъ такимъ вещамъ былъ охотникъ, то захотѣлось мнѣ нетерпѣливо сіе испытать, и для того при случившейся первой оказіи въ Ригу, велѣлъ я себѣ купить помянутыхъ матеріаловъ, и когда ихъ привезли, то того жъ часа оный бѣлый порошокъ я и сдѣлалъ. Изготовивши совсѣмъ, захотѣлось мнѣ дѣйствіе его попробовать; я велѣлъ подать свѣчу и, насыпавъ на конецъ ножа, какъ было написано, сталъ жечь опый на огнѣ. Но порошокъ мой не хотѣлъ хлопать, а только шипѣлъ, загорѣвшись. Я его жечь такъ, я его иначъ, но не могъ ничего добиться. Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было, и я заключалъ, что либо въ книгѣ соврано, либо я не такъ его сдѣлалъ, либо упомянуто было не все объ ономъ. Въ сихъ размышленіяхъ вздумалось мнѣ, что, конечно, его надобно наперед стопить вмѣстѣ, а потомъ уже истолочь и жечь. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ велѣлъ малому разложить огонекъ въ кухнѣ, которая у насъ въ сѣняхъ была особливая, и, насыпавши порошку съ чайную ложку въ небольшую мѣдную чашечку, поставилъ оную на таганъ и сталъ смотрѣть, что съ нимъ будетъ. Долго чашечка моя стояла, но порошокъ мой и не помышлялъ топиться. Наконецъ наскучилъ уже я и говорилъ малому: «Пропади онъ совсѣмъ! Брось его тутъ! Пускай себѣ стоитъ на огнѣ, а мы пойдемъ въ горницу». Но нетерпѣливость и любопытство мое скоро меня назадъ изъ оной выгнало. Побывъ немного, пошелъ я съ малымъ опять смотрѣть свой порошокъ, и увидѣлъ, что онъ совсѣмъ почти растопился, и что ему уже немного дотапливаться осталось. Но какъ огонь почти погасъ, то велѣлъ я малому подуть, а самъ, наклонившись, смотрѣлъ въ чашечку. Но что жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ малый мой раза два дунуть въ огонь, какъ сдѣлался вдругъ такой ударъ, какъ-бы разорвало желѣзную гранату или по крайней мѣрѣ шлагу, и мимо самой головы моей не знаю что свиспуло и зацѣпило за верхъ колпака моего. Легко можно заключить, что мы оба не только дрогнули, но отъ такого нечаяннаго громкаго и жестокаго удара испужались крайне. У обоихъ у насъ звѣнѣло только въ ушахъ; однако, какъ обоимъ намъ никакого вреда не учинилось, то обрадовался я чрезвычайно хорошему дѣйствію моего порошка и дивился, какъ могло отъ толь малаго количества онаго такъ сильно хлопнуть.

Между тѣмъ взглянулъ малый мой на чашечку и, не увидѣвъ ея, закричалъ: «Ба! Да гдѣ жъ, сударь, чашечка-то?»— «Какъ гдѣ? отвѣчалъ я ему удивившись:— она тамъ, я ея не бралъ».—«Да нѣтъ, сударь, ея здѣсь», повторилъ онъ. — «Ну. сказалъ я тогда: такъ это, конечно, она у меня мимо головы свиснула!» Сіе, въ самомъ-дѣлѣ, такъ было, но мы въ хлопотахъ того и не примѣтили. Тогда начали мы ее искать по кухнѣ, но какъ я удивился, нашедъ ее не только проломленною, но и исковерканною всю объ стѣну каменную, въ которую она попала! Ударъ, произведенный ею, былъ столь силенъ, что она сдѣлала въ стѣнѣ даже изрядную ямку. Тогда, увидѣвъ сіе, подумалъ я самъ въ себѣ: «Ну, хороша бы была игрушка, когда бы она мнѣ въ лобъ свиснула или въ голову попала!» Сердце во мнѣ даже содрогнулось, какъ я подумалъ, сколь я близокъ былъ къ смерти, и благодарилъ внутренно Бога, что избавилъ онъ меня очевидно отъ сей нечаянной и велікой опасности.

Мы находились еще въ удивленіи, разсматривая изломанную чашечку, какъ весь

домъ встревожился и къ намъ бѣжали люди спрашивать, что такое сдѣлалось. Ударъ нашъ слышанъ былъ во всемъ домѣ, и я перепугалъ всѣхъ живущихъ. Но никого мнѣ такъ не жаль было, какъ любезнаго моего старика, ибо какъ случилось сіе вскорѣ послѣ обѣда, то онъ въ самое сіе время спалъ и на смерть перепугался. Я просилъ его о извиненіи и лгалъ ему, что я не зная того, что онъ спалъ, выстрѣлилъ по воронѣ изъ ружья, ибо самой правды мнѣ ему для того сказать тогда не хотѣлось, что получилъ бы отъ него за то опять дружескія тазанья, какія я отъ него уже слышалъ за прежнюю мою игрушку. Но послѣ онъ узналъ и дивился самъ дѣйствію порошка моего, ибо я. узнавъ короче его свойства и какъ лучше съ нимъ обходиться, не премінулъ нѣсколько разъ хлопать имъ при моихъ хозяевахъ и тѣмъ удивлять и веселить оныхъ.

Симъ образомъ кончилось сіе приключеніе, которое едва-было не лишило меня жизни, ибо чашечка .не болѣе какъ на вершокъ отъ головы моей пролетѣла. Совсѣмъ тѣмъ узналъ чрезъ то я, какъ надобно обходиться съ помянутымъ порошкомъ и открылъ, какимъ образомъ надобно его жечь, чтобъ онъ хлопалъ, а вреда никакого причинить бы не могъ, а именно: его надобно на широкій конецъ ножа или, того лучше, на укрѣпленный въ палочку клочокъ листового желѣза или жести такъ положить, чтобъ онъ до краевъ никакъ не касался, а лежалъ бы въ срединѣ онаго. Ибо вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ пламя свѣчи до него никакъ не достигло и онъ не могъ бы отъ него загорѣться, ибо въ семъ случаѣ онъ только запищитъ; а надобно надъ огнемъ держать его съ терпѣніемъ, до тѣхъ поръ, покуда онъ совершенно растаетъ и начнетъ кипѣть, ибо въ самое сіе время онъ самъ собою и безъ всякаго зажиганья хлопнетъ.

Изъ сего всякій легко усмотрѣть можетъ, что вся опасность, которой я былъ подверженъ, произошла единственно отъ незнанія самаго сего обстоятельства, или паче оттого, что г. сочинитель помянутой нѣмецкой книги полѣнился присовокупить къ описанію своему нѣсколько словъ и не досказалъ того, какъ его жечь и что̀ притомъ въ особливости наблюдать надобно. Погрѣшность весьма обыкновенная иностраннымъ писателямъ, и за которую ихъ никакъ похвалить не можно.

Впрочемъ, какъ порошка сего нѣтъ нужды класть на ножъ болѣе количества противъ грецкой горошины, ибо и отто-го сдѣлается ударъ, какъ изъ маленькаго пистолета, то не можетъ произойтить отъ него никакого вреда и опасности. Я много разъ послѣ того это дѣлывалъ, и всегда только игрушкою сею веселился. Но какую проказу я послѣ того симъ порошкомъ сдѣлалъ, о томъ упомяну ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь, симъ окончивъ сіе письмо, остаюсь и прочее.

ПРИУГОТОВЛЕНІЕ КЪ ПОХОДУ.

Письмо 36

Любезный пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ разскажу вамъ достальное наше стояніе въ сихъ кантониръквартирахъ, и что случилось со мною въ достальную часть зимы. Въ описанныхъ въ предслѣдующемъ письмѣ и подобныхъ тому другихъ упражненіяхъ. окончился тысяча семьсотъ пятьдесятъ шестой и наступилъ новый 1757 годъ, который въ особливости достопамятенъ былъ въ моей жизни, а не менѣе во всемъ свѣтѣ, бывшими въ теченіе онаго многими весьма знаменитыми происшествіями.

Въ началѣ сего года встревоженъ былъ нашъ покой однимъ нечаяннымъ и печальнымъ извѣстіемъ. У г. Розонштрауха, моего хозяина, было, кромѣ вышеупомянутыхъ пяти дочерей, еще два сына, которые оба служили въ нашей службѣ и находились тогда въ Курляндіи, гдѣ ихъ кираспрскому полку тогда стоять случилось. Объ одномъ изъ сихъ сыновей получено было тогда извѣстіе, что онъ, будучи боленъ горячкою съ пятнами, умеръ. Я удивился, увидѣвъ вдругъ по утру въ одинъ день вошедшаго ко мнѣ ихъ

пастора. По короткомъ извиненіи сказалъ онъ мнѣ: «Помогите мнѣ, государь мой, утѣшить печальную фамилію. Я нарочно зашелъ напередъ къ вамъ, чтобъ просить васъ, чтобъ вы при томъ были, какъ я сообщать буду г. Розенштрауху печальнѣйшее извѣстіе». Потомъ разсказалъ онъ все дѣло обстоятельно, и я съ охотою согласился сколько можно ему въ семъ случаѣ помогать.

Теперь не берусь я описывать то печальное зрѣлище, которое представилось тогда намъ, какъ мы довели рѣчь и наконецъ извѣстіе объявили. Бѣдный старикъ ахнулъ, услышавъ сіе, и едва могъ перенести ударъ, толь мало имъ ожидаемый. Что касается до матери,то сія упала того часа въ обморокъ, и мы съ пасторомъ принуждены были употребить довольно труда къ приведенію ее опять въ память. Плачъ и рыданіе слышно было во всемъ домѣ, а особливо между сестрами. Единаго только вытья, какъ обыкновенія только намъ свойственнаго, я тутъ не слыхалъ, а впрочемъ все, что только можно себѣ жалкаго вообразить, видимо было тогда въ семъ домѣ и нѣсколько дней сряду, въ полномъ совершенствѣ; пасторъ истощилъ все свое краснорѣчіе къ утѣшенію стариковъ, въ печаль погруженныхъ, но принужденъ былъ плакать вмѣстѣ съ ними. Лишеніе взрослаго уже и великія надежды о себѣ подававшаго сына было имъ несносно и единое напоминаніе о немъ возобновляло всю горесть и печаль, чувствуемую ими. Я самъ, привыкнувъ уже къ нимъ, какъ къ роднымъ, бралъ участіе въ ихъ печали и хотя никогда не зналъ покойника, однако искренно сожалѣлъ о его смерти и употреблялъ все, что могъ къ облегченію печали стариковъ и къ утѣшенію ихъ въ семъ горестномъ случаѣ.

Не успѣла ихъ печаль нѣсколько миновать, и возобновиться опять прежнее спокойствіе въ домѣ, какъ вдругъ занемогъ я наижесточайшимъ образомъ. Меня схватило такъ, что я принужденъ былъ того часа слечь въ постелю и неинако думать, что придетъ ко мнѣ опять горячка. И тогда имѣлъ я случай насмотрѣться, сколь много меня мои хозяева любили. Они встужились и взгоревались всѣ, власно такъ, какъ бы занемогъ ихъ ближній родственникъ. Они пришли тотчасъ всѣ ко мнѣ и только что твердили: «О, бѣдный г. подпоручикъ! что вамъ это сдѣлалось, и куда какъ намъ васъ жаль!» Но сожалѣніе ихъ при однихъ словахъ не осталось, но они употребляли все, что только могло служить къ облегченію или лучшему спокойствію больного. И постеля моя казалась имъ черства, и одѣяло холодно, и чай мой худъ: все надобно было имъ для меня перемѣнить, и все чего бы я ни похотѣлъ и о чемъ бы ни заикнулся, готово было для меня. Они просили, чтобъ я только Бога ради сказывалъ, а служанка ихъ не должна была почти вонъ выходить, дабы я тѣмъ меньше могъ дожидаться требуемаго. Однимъ словомъ, они ходили за мною какъ бы лучшіе мои родственники и не имѣли до тѣхъ поръ покоя, покуда я не выздоровѣлъ, что, по счастію моему, скоро воспослѣдовало, но и за сіе обязанъ я былъ старанію мызницы: она вздумала меня сама лечить и уговорила принять не знаю какой-то сѣрый порошокъ, увѣряя, что онъ мнѣ конечно поможетъ, что и въ самомъ дѣлѣ такъ сдѣлалось. Не успѣлъ я оный и совсѣмъ непротивный порошокъ принять, какъ тотчасъ мнѣ полегчѣло, и я дня въ три оправился совсѣмъ отъ болѣзни. Такимъ образомъ, болѣзнь моя не продолжилась болѣе недѣли, и мы стали по прежнему препровождать свое время.

Удовольствіе мое вскорѣ послѣ сего умножилось еще пріѣздомъ въ полкъ опять сестры моей. Зять мой отпросился у полковника еще изъ лагеря домой и, всю осень и половину зимы препроводивъ въ деревнѣ, возвратился тогда въ полкъ и привезъ опять съ собою сестру мою. Онъ пожалованъ былъ между тѣмъ уже капитаномъ. И какъ онъ жилъ и отъ штаба и отъ меня только верстъ за восемь, то сіе было причиною, что я часто къ нимъ ѣзжалъ и дня по два иногда у

нихъ гащивалъ. Сестра моя навезла съ собою мнѣ всякой всячины, а особливо изъ сластей и деревенскихъ конфектовъ, которыми я въ особливости и тѣмъ паче былъ доволенъ, что могъ ими иногда моихъ хозяевъ угощать и подчивать, когда они ко мнѣ прихаживали и тѣмъ сколько-нибудь соотвѣтствовать ихъ ласкамъ и благопріятству.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, обрадованъ я былъ еще однимъ случаемъ, а именно пріѣздомъ изъ деревни людей моихъ съ запасомъ. Они привезли мнѣ всякой походной провизіи и нѣкоторое количество денегъ, которыми я въ особливости былъ доволенъ, ибо хотя я и никакъ не моталъ, но жилъ наивоздержнѣйшимъ образомъ, однако одного офицерскаго жалованья было слишкомъ мало къ тому, чтобъ можно было содержать себя порядочнымъ образомъ; сверхъ того нужны были тогда деньги и для предстоящаго похода.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, слухи о приближающейся и предстоящей съ пруссаками войнѣ часъ-отъ-часу умножались и распространялись болѣе. Уже дѣланы были изъ-подъ руки многія великія приуготовленія, и отъ генераловъ въ полки, а отъ полку ко всѣмъ ротнымъ командирамъ присылаемы были то и дѣло секретные ордера, чтобъ имѣть все въ готовности къ походу, и чтобъ солдатъ колико можно болѣе обучать военной экзерциціи, а тягости и обозы всѣ исправить, дабы по первому повелѣнію можно было выступить въ походъ. Сіе было причиною, что чѣмъ ближе время къ веснѣ приближалось, тѣмъ болѣе получалъ и я себѣ упражненія. Въ каждую недѣлю собираема была у меня рота и обучаема пальбѣ и экзерциціи, а въ прочіе дни обучались солдаты по квартирамъ своимъ. Для самаго-жъ того принуждены бывали мы всѣ, ротные командиры, нѣсколько разъ съѣзжаться въ штабъ и къ полковнику и вмѣстѣ съ опымъ совѣтоваться и трактовать о разныхъ полковыхъ надобностяхъ.

По наступленіи великаго поста принуждень я былъ отказаться отъ стола моего мызника. Мнѣ не хотѣлось во время онаго есть мясо, и для того велѣлъ я для себя особливое кушанье готовить. Сестра спабдила меня всѣмъ, что принадлежало къ постной провизіи, а сверхъ того привезли мнѣ и изъ деревни много кое-чего такого, чѣмъ въ сіе время питаться было можно. Совсѣмъ тѣмъ дружная перемѣна пищи произвела во мнѣ жестокую лихорадку. Тогда хозяевамъ моимъ была обо мнѣ новая забота. «Вотъ, —говорили они пришедши тотчасъ меня навѣстить, — не правдули мы говорили, чтобъ вы опасались лихорадки. Мы не смѣли тогда вамъ прекословить, вѣдая что того законъ вашъ требуетъ, однако когда уже дѣло сдѣлалось и зло воспослѣдовало такъ ему помогать надобно. Благодарить Бога, что болѣзнь сія извѣстная, и потому не дивитесь тому, сказала прежняя моя врачебница, что я отъ васъ теперь требовать стану; прежде не хотѣла я, чтобъ вы постились и говѣли, а теперь неотмѣнно того требую, чтобъ вы цѣлые три дня ничего не кушали». —Для чего это такъ? спросилъ я удивившись. —«Для того, —отвѣчала она: что это наинадежнѣйшее и лучшее лекарство отъ лихорадки, происшедшей отъ испорченнаго желудка, какова теперь ваша».

Предписаніе сіе хотя казалось мнѣ строго, однако, убѣжденъ будучи ея увѣреніями и доказательствами, согласился я тому слѣдовать, а чрезъ самое то и дѣйствительно тотчасъ отъ лихорадки своей избавился и былъ съ того времени въ разсужденіе постныхъ пищей гораздо осторожнѣе и берегся какъ можно отъ грибовъ, отъ которыхъ она мнѣ наиболѣе сдѣлалась, да и хозяйка моя, которой приносилъ я тысячу благодареній за ея попеченіе обо мнѣ и вспоможеніе, старалась отыскивать у себя въ домѣ все, что только можно было мнѣ употреблять съ меньшею опасностію въ пищу.

Вскорѣ послѣ того по одному нечаянному случаю принужденъ я былъ разстаться съ сестрою моею. Нашему пол-

ковнику, который былъ зятю моему всегдашній милостивецъ и покровитель, случилось на нѣсколько недѣль отлучиться. Онъ, отъѣзжая, поручилъ команду надъ полкомъ новому нашему и недавно только пріѣхавшему подполковнику, господину Ступишину. Сей старый и не гораздо хорошихъ свойствъ человѣкъ, не знаю за что-то не поладилъ съ моимъ зятемъ. Говорили тогда, будто причиною тому была досада, для чего зять мой, будучи человѣкъ достаточный, по пріѣздѣ своемъ изъ деревни ничѣмъ его не обослалъ. Но какъ бы то ни было, но подполковникъ на него сердился и изыскивалъ способовъ сдѣлать ему какой-нибудь вредъ. Къ несчастію скоро и явился къ тому желаемый имъ случай. Отъ полку нашего велѣно было командировать надежнаго офицера въ Польшу для нѣкоторыхъ дѣлъ, и какъ коммисія сія была не гораздо выгодна и всякій отъ нея уклониться желалъ, то и назначилъ къ тому моего зятя, несмотря, что онъ былъ ротный командиръ, слѣдовательно, и въ команду ему иттить не надлежало-бъ. Всѣ старанія, употребленныя зятемъ моимъ къ отвращенію того, были тщетны, но онъ принужденъ былъ чрезъ три дня выѣхать.

Нечаянное сіе отправленіе, а особливо въ чужое государство, гдѣ нашихъ никого еще не было, причинило сестрѣ моей печаль чрезвычайную. Мнѣ дали о семъ тотчасъ знать, и я, прискакавъ, нашелъ ее утопающею въ слезахъ и оплакивающую судьбину своего мужа, которую она почитала уже напередъ пагубною и въ томъ не сомнѣвалась. Она любила очень своего мужа, и какъ не надѣялась болѣе его видѣть, то горесть ея была неописанна, и я не въ состояніи былъ ее ничѣмъ утѣшить. Такимъ образомъ проводили мы зятя моего въ путь, обмочивъ его нашими слезами, а на другой день принужденъ былъ и я разстаться съ моею сестрою, ибо какъ ей одной при полку дѣлать было уже нечего, то поѣхала и она съ горестію обратно въ свою деревню. При семъ случаѣ довольно испыталъ я, сколь горестно разставаться съ близкими родными, при такихъ обстоятельствахъ, когда неизвѣстно, велитъ ли Богъ впередъ когда-нибудь еще видѣться. Оба мы тогда отправлялись и готовились иттить на войну, и мысль о томъ, что, легко можетъ быть, оба на ней погибнемъ, была сестрѣ моей несносна и пронзала сердце ея неописанною печалію. Она простилась со мною, обливъ меня также слезами, какъ и своего мужа, и я до тѣхъ поръ не могъ плачущихъ глазъ своихъ совратить съ той страны, куда она поѣхала, покуда повозки ея были видны и лѣса не закрыли ихъ отъ моихъ взоровъ.

Такимъ образомъ, оставшись одинъ и власно какъ осиротѣвъ, возвратился я на свою квартиру. Тутъ предъ наступленіемъ святой недѣли и въ самую великую середу, появилась ко мнѣ опять госпожа лихорадка. Досадно было мнѣ это, однако я ласкался надеждою, что она минуетъ, ибо сперва показалась она очень слабою, почему не уважая оную, поѣхалъ я въ штабъ для присутствія при службѣ божественной въ день св. пасхи. Однако я въ надеждѣ своей обманулся. Лихорадка моя часъ отъ-часу не уменьшалась, а становилась сильнѣе, и въ великую пятницу трепала меня уже хорошимъ мастерствомъ. Горе на меня было тогда превеликое. Я видѣлъ, что мнѣ необходимо надобно будетъ приниматься за прежнее мое лекарство, ибо зналъ, что надобно ее заранѣе захватывать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но дни приходили не такіе, которые бы къ говѣнью были приличны. Совсѣмъ тѣмъ, какъ она въ великую субботу меня опять и еще гораздо сильнѣе бить стала, то нѣкогда было болѣе разбирать праздники. Однимъ словомъ, я положилъ не только всѣ три первые дня святой недѣли не ѣсть, но ниже разговляться, и дѣйствительно сіе исполнилъ. Завтреню и обѣдню простоялъ я, за слабостію своею, съ превеличайшею нуждою и, возвратившись домой съ тощимъ желудкомъ, продолжалъ строгое говѣнье какъ въ тотъ, такъ и послѣдующій день, и сіе было въ первый разъ отъ роду, что я

такой великій праздникъ принужденъ былъ препроводить не ѣвши и не пивши. Но до чего не доводитъ нужда и обстоятельства! Я радъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ тому, что лихорадка моя чрезъ то стала очевидно уменьшаться и проходить. Наконецъ къ вечеру уже третьяго дня, то-есть. во вторникъ, заѣхало ко мнѣ нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ, моихъ пріятелей, и требовали ужинать. Я сказывалъ имъ, что у меня ничего варенаго и готовленнаго нѣтъ, и что я уже цѣлые три дня ничего не ѣмъ; но они говорили. чтобъ я велѣлъ имъ сдѣлать хотя яичницу. Сіе тотчасъ было исполнено, и тогда не могъ я болѣе утерпѣть, чтобъ не ѣсть съ ними вмѣстѣ. Яичница сія показалась мнѣ тогда такъ вкусна, что вкуснѣе того не ѣдалъ я во всю жизнь мою: толь сильно пронялъ меня голодъ. Совсѣмъ тѣмъ сіе мнѣ не причинило уже вреда, ибо лихорадка въ самые сіи три дня уже миновалась, и съ того времени не былъ я очень долго̀ боленъ. Вотъ сколь хорошее лекарство есть голодъ отъ лихорадки!

Теперь приближаюсь я къ описанію нашего похода и послѣдующей войны, или. по-крайней мѣрѣ, той части оной, которую мнѣ самому видѣть случилось. Могу сказать, что я доволенъ нынѣ тѣмъ, что я догадался тогда вести походу нашему короткій журналъ и записку, почему и описать его, при вспоможеніи памяти своей. могу я обстоятельно. Напоминаніе прежнихъ съ нами приключеній, а особливо военныхъ походовъ, не знаю какъ-то причиняетъ намъ особливое послѣ увеселеніе, и мы не знаю какъ веселимся, читая оное и напоминая тогдашнія произшествія.

Такимъ образомъ, не успѣло двухъ недѣль пройтить послѣ святой недѣли и весна только-что вскрыться, какъ полученъ былъ въ полкъ секретный ордеръ, чтобъ ему немедленно выступить изъ своихъ кантониръ-квартиръ и иттить въ Ригу, какъ назначенное для генеральнаго рандеву мѣсто. Это было 17-го апрѣля, какъ получено было первое о томъ повелѣніе, которое тотчасъ сообщено было отъ полка всѣмъ ротнымъ командирамъ.

Нашимъ ротамъ велѣно было собраться въ мызу Кастранъ, гдѣ тогда нашъ штабъ квартировалъ, къ 24-му числу помянутаго мѣсяца. Итакъ, наканунѣ сего дня распрощался я съ моими хозяевами, принося имъ тысячу благодареній за всѣ ихъ оказанныя ко мнѣ ласки, пріятство и благодѣянія. Они такъ ко мнѣ чрезъ зиму привыкли и столь много меня любили, что провожали меня какъ бы родного и самаго ближняго своего свойственника. Они снабдили меня всѣмъ, что мнѣ надобно было къ походу, и не было никого въ домѣ, кто бы провожая насъ не плакалъ. Толь чувствительный опытъ дружества тронулъ меня чрезвычайнымъ образомъ. Я обнялъ любезнаго моего старика и не могъ самъ отъ слезъ удержаться. Представленіе, что я его никогда болѣе не увижу и что прощаюсь съ нимъ и вижу его въ послѣдній разъ, вогнало въ глаза мои слезы.— «Прости, любезный господинъ подпоручикъ! — говорилъ онъ мнѣ сквозь слезы: Небо даруй вамъ всякое благополучіе и сохрани васъ отъ всѣхъ военныхъ опаспостей. Ежели увидите моего сына, то прошу ему сказать о насъ и рекомендую его вамъ въ дружбу. Вспомните также когда-нибудь и обо мнѣ, престарѣломъ человѣкѣ, и будьте увѣрены, что я васъ и въ отсутствіи всегда любить и почитать буду и имя ваше по гробъ не позабуду».

Прощаніе съ старухою и ея дочерьми было не менѣе трогательно. Онѣ всѣ почти навзрыдъ плакали и желали мнѣ всѣхъ благополучій въ свѣтѣ. При отъѣздѣ моемъ вышли онѣ всѣ на крыльцо. и до тѣхъ поръ кричали мнѣ: «прости, прости, господинъ подпоручикъ!», покуда можно было мнѣ ихъ голосъ слышать. а имъ меня видѣть.

Такимъ образомъ, разстался я съ симъ честнымъ и добродѣтельнымъ семействомъ, отъ котораго я столь много добра и благопріятства видѣлъ, что и понынѣ преисполнено сердце мое искреннею къ сему дому благодарностію, и я не сомнѣваюсь. что еслибъ нынѣ случилось мнѣ быть въ мѣстахъ тамошнихъ и видѣть то мѣсто,

гдѣ покоятся прахи сихъ милыхъ стариковъ, то оросилъ бы оное своими слезами.

Я прибылъ съ ротою моею въ штабъ поутру въ послѣдующій день, а къ вечеру мало-по-малу собрались и всѣ прочія роты кромѣ тѣхъ, которыя стояли на трактѣ, куда намъ итти надлежало и коимъ велѣно было тамъ полку дожидаться. Всѣ мы расположились за версту отъ мызы Кастранъ лагеремъ и почевали. По утру же въ послѣдующій день отпущены были наши обозы въ путь, а около десятаго часа, по отслуженіи молебна и по испрошеніи у Бога милости и покровительства, отправились и мы съ пѣхотою и пошли на войну. Сіе было 25 числа апрѣля.

Въ сей день почевали мы при корчмѣ Варваръ, а наутріе, соединившись съ прочими ротами, пошли далѣе къ Ригѣ и почевали при Смизнисъ мельницѣ, гдѣ въ послѣдующій день дневали. Въ семъ мѣстѣ случилось мнѣ въ первый разъ отъ роду видѣть масляную мельницу и то, какъ масло бьютъ водою, что довольно было куріозно и стоило того, чтобъ посмотрѣть. Наутріе же, то-есть 28 апрѣля, прибыли мы наконецъ подъ Ригу.

Мы нашли уже тутъ великое множество военнаго народа. Всѣ поля представились намъ усѣянными людьми и всѣ бѣлѣлись отъ установленныхъ повсюду полковъ и ихъ бѣлыхъ палатокъ. Всѣ полки прибыли уже тогда въ сіе сборное мѣсто, и солдаты повсюду взадъ и впередъ ходили. Вездѣ видимо было посѣщеніе и повсюду необходимое въ сихъ случаяхъ замѣшательство. Инде везли пушки и другіе артиллерійскіе спаряды, въ другихъ мѣстахъ или команды и полки, а инде былъ крикъ и шумъ отъ идущихъ обозовъ и тягостей. Бѣганіе пѣшихъ и скаканіе на лошадяхъ представлялось повсюду зрѣнію а слухъ поражаемъ ржаніемъ коней, и звукомъ трубъ и біеніемъ барабановъ. Однимъ словомъ, все находилось въ превеликомъ движеніи и не что иное, какъ предстоящій и начинающійся уже походъ предсказывало. И какъ сей случай первый еще въ моей жизни былъ, что я толикое множество военнаго народа и столько лагерей и полковъ вдругъ и въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ, то зрѣлище сіе было для меня очень поразительно, и сердце во мнѣ ровно какъ подпрыгало при взираніи на всѣ сіи военныя ополченія.

Мы заняли-было сперва лагерь подъ свой полкъ версты за три не доходя Риги и надѣялись, что мы простоимъ тутъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней; но надежда насъ обманула. Мы не успѣли расположиться, какъ принуждены были въ тотъ же еще день опять выходить изъ своего лагеря, и намъ велѣно было, не знаю для чего, подвинуться ближе къ городу и стать лагеремъ подлѣ самаго форштадта.

Тутъ прислано было тотчасъ къ намъ повелѣніе, чтобъ мы всѣ ненужныя вещи оставляли и колико можно повозки наши облегчали; въ противномъ случаѣ, если усмотрѣно будетъ что либо лишнее, то отнимется и сожжется. Толь строгое и на первой встрѣчѣ данное повелѣніе надѣлало между офицерами во всей арміи великую тревогу. У всѣхъ у насъ много было излишнихъ или по крайней мѣрѣ такихъ вещей, безъ которыхъ намъ можно было обойтись и кои повозки наши отягощали. Мы, привыкнувъ уже къ обыкновеннымъ въ мирное время прохладнымъ походамъ, думали, что и тогда дозволено намъ будетъ возить съ собою всякую всячину, и потому объ оставленіи оныхъ на квартирахъ или въ другихъ надежныхъ мѣстахъ, нимало прежде не помышляли; слѣдовательно, тогда не знали, что съ ними дѣлать и куда съ ними дѣваться. Къ вящему несчастію турили насъ тѣмъ и понуждали чрезвычайнымъ образомъ; при такихъ обстоятельствахъ, горе на насъ на всѣхъ было превеликое: мы сошедшись жаловались другъ другу и требовали совѣта, но всѣ наши жалобы были по пустому; всякому самому добрый совѣтъ былъ тогда нуженъ, но подать его было некому, а вообще всѣ только роптали на нашихъ начальниковъ и главныхъ командировъ, и бранили ихъ за то, что не остерегли они насъ въ томъ заблаговременно, а сказа-

ли тогда, когда намъ съ своими излишними вещами дѣваться было некуда и когда развѣ только ихъ бросать принуждено было. Всѣ почитали сіе уже первымъ безпорядкомъ и говорили, что ежели и впредь все такіе будутъ порядки, то толкъ не великъ будетъ. Однако всѣ таковыя наши роптанія не помогли намъ ни на волосъ, а требовалось скораго только исполненія того, что приказано.

При такихъ замѣшательствахъ радъ я уже и тому былъ, что нашелся одинъ добрый человѣкъ, который хотѣлъ отослать мои вещи вмѣстѣ съ своими на одну знакомую ему мызу, гдѣ, говорилъ онъ, они пропасть не могутъ. Это былъ поручикъ г. Вульфъ, нашего полку и мнѣ хорошій пріятель. Я съ радостью согласился на его предложеніе. И какъ мы не знали, долго ли нашъ походъ продолжится и все еще ласкались надеждою, что къ зимѣ опять воротимся, то безъ дальняго размышленія связалъ я изрядную кипу всякой всячины и отдалъ ему. Однимъ словомъ, однѣхъ моихъ вещей набралось съ цѣлый почти возъ, однако онѣ всѣ благополучно пропали. Но мнѣ ничего такъ не жаль, какъ нѣкоторыхъ книгъ: ихъ однѣхъ наклалъ я цѣлый ящикъ и копхъ было болѣе трехъ десятковъ, ибо я оставилъ при себѣ однѣ только самонужнѣйшія; кромѣ сего, было и другихъ вещей болѣе нежели рублей на тридцать. Кому онѣ всѣ достались и кто ими завладѣлъ, того не знаю я и понынѣ, ибо въ походѣ потерялъ я и записку о той мызѣ, а пріятель мой г. Вульфъ переведенъ былъ вскорѣ въ другой полкъ, и я его съ того времени не видалъ и не знаю, живъ ли онъ или нѣтъ. Сіе случилось со мною—а какое великое множество распропало тогда разныхъ вещей у другихъ, того исчислить не можно. Многіе принуждены были дѣйствительно ихъ кидать, ибо не знали, куда съ ними дѣваться.

Теперь слѣдовало бы мнѣ вамъ, любезный пріятель, разсказывать далѣе. долго ли мы въ семъ мѣстѣ стояли, и что послѣдовало далѣе; но какъ письмо мое уже велико, а съ сего пункта времени начнется уже описаніе похода всей арміи и нашей войны, то отложилъ я сіе до письма послѣдующаго, а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнной моей дружбѣ, остаюсь и прочее.

Конецъ

третьей части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ IV.

(1789).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКІЕ ПОХОДЫ.

НАЧАЛО ПОХОДА.

Письмо 37-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать нашу прусскую войну или ту часть оной, которую мнѣ самому видѣть случилось, не за излишнее почитаю предпослать напередъ краткое историческое о томъ объясненіе, что собственно подало поводъ къ тому, что и мы вплелись въ сію славную въ Европѣ и такъ-называемую Седмилѣтнюю вой-

ну, которая была столь пагубна человѣческому роду, и на которой погибло со всѣхъ сторонъ толь великое множество народа.

Пролитію толь многой крови человѣческой былъ наиболѣе и едвали не первою и наиглавнѣйшею причиною умерший за нѣсколько лѣтъ до сего король прусскій, Фридрихъ II, дядя нынѣ владѣющаго короля прусскаго. Будучи рожденъ съ отмѣнными качествами и дарованіями, воспитанъ въ строгости у отца, его не любившаго и совращенъ въ молодости еще своей, учителями и друзьями не весьма хорошихъ характеровъ, съ пути истинныхъ добродѣтелей, и препроводивъ всѣ молодыя свои лѣта почти въ неволѣ, не успѣлъ онъ лишиться отца своего и въ 1740 году вступить по немъ на престолъ прусскій, какъ нашедъ у себя прекрасное и многочисленное войско, великое множество наличныхъ денегъ и все государство свое въ цвѣтущемъ и весьма хорошемъ состояніи, восхотѣлъ воспользоваться сдѣлавшимися тогда по причинѣ смерти императора Карла VI во всей Европѣ замѣшательствами, и отнять наглымъ почти и несправедливѣйшимъ образомъ отъ цесарской державы смежную къ себѣ и весьма знаменитую провинцію, Шлезію. Онъ напалъ наискоропостижнѣйшимъ образомъ тогда на сію провинцію, и будучи весьма расторопнымъ, хитрымъ, къ войнѣ отмѣнно способнымъ и въ опой счастливымъ государемъ, утѣснилъ оставшую послѣ помянутаго императора дочь Марію-Терезію и съ своей стороны такъ, что сія утѣсненная и гонимая тогда почти цѣлою Европою государыня, для спасенія своего и удержанія при себѣ достальныхъ наслѣдственныхъ земель послѣ отца своего и самой императорской коропы, принуждена была поневолѣ уступить ему помянутую провинцію.

Но какъ лишеніе опой для цесарскаго двора слишкомъ было чувствительно, и помянутая государыня не могла никакъ забыть обиды, чрезъ то ей причиненной, успѣла тогдашняя война окончить-

ся, и сія славная и счастливо всѣ напасти преодолѣвшая государыня утвердиться на царскомъ престолѣ, какъ начала она помышлять о возвращеніи себѣ помянутой провинціи и дѣлать къ тому издалека сокровеннѣйшія приуготовленія. При помощи министровъ своихъ нашла она средство преклонить на свою сторону многихъ и сильныхъ европейскихъ государей и пріобрѣсть въ нихъ себѣ сильныхъ союзниковъ. Самые тѣ, которые до того съ нею воевали и ей недоброхотствовали, сдѣлались ея друзьями и помощниками. Заключены были тайные союзы съ саксонскимъ курфюрстомъ, бывшимъ тогда вкупѣ и королемъ польскимъ, также съ королемъ французскимъ и съ самою Швеціею; а употреблены были всѣ удобьвозможные способы къ заключенію таковаго жъ союза и съ Россіею и къ преклоненію и ее къ тому, чтобъ и она вплелась въ сіе замышляемое и до нея ни мало не касающееся дѣло. Происки и хитрости тогдашняго саксонскаго министра Бриля, который наиболѣе всѣмъ симъ дѣломъ тогда проворилъ, и имѣли въ томъ успѣхъ вожделѣнный. Владѣющей тогда Россіею императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ носилась тогда молва, имѣла и безъ того уже нѣкоторую личную на короля прусскаго досаду, и ненавидѣла опаго, внушено было столько худого о королѣ семъ и насказано столько опаспостей, предстоящихъ яко бы Россіи отъ сего прославившагося и столь усилившагося государя, что и не удивительно, что происками цесарскихъ, французскихъ и саксонскихъ министровъ доведена была паконецъ и она до того, что рѣшилась заключить такой же союзъ и помогать цесаревнѣ въ замышляемомъ ею дѣлѣ всѣми силами своего государства. И какъ все сіе производимо было втайнѣ и весьма сокровеннымъ образомъ, то можетъ бы дѣло сіе и возъимѣло успѣхъ вожделѣнный, и король прусскій не только-бъ лишился опять Шлезіи, но и усмиренъ былъ по желанію всѣхъ вообще союзниковъ, еслибъ не воспрепят

ствовало всему тому одно бездѣльное обстоятельство и не сдѣлало во всемъ великой перемѣны и помѣшательства.

Корыстолюбіе и измѣна одного бездѣльника секретаришки, чрезъ котораго производились всѣ дѣла помянутымъ саксонскимъ министромъ графомъ Брилемъ, была всему тому причиною, и не только разрушила великія намѣренія столь многихъ государей, но возжгла и огнь войны, погубившей безчисленное множество народа и причинившей множайшему количеству смертныхъ неописанныя разоренія, несчастія и напасти. Сей бездѣльникъ, погибшій потомъ самъ безъ вѣсти и слуха, подкупленъ будучи королемъ прусскимъ, увѣдомлялъ его еженедѣльно обо всемъ, что̀ ни происходило секретно въ кабинетѣ Брилевомъ. и сообщалъ ему даже самыя копіи съ сокровеннѣйшихъ переписокъ между дворами. А чрезъ сіе средство и узналъ король прежде времени о томъ, сколь страшная воздвигается на него буря, и будучи весьма хитръ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ весьма скоръ и крайне расторопенъ, нашелъ способъ предупредить ударъ ему угрожающій, и положить всѣмъ предпріятіямъ противниковъ своихъ возможнѣйшую преграду. Онъ, не давъ времени союзникамъ сдѣлать послѣднія военныя приготовленія. и пользуясь тѣмъ временемъ, покуда они еще не совсѣмъ собрались, вошелъ вдругъ и безъ всякаго объявленія войны съ 60,000 чел. своего войска въ Саксонское курфирство, овладѣлъ всѣмъ онымъ въ одинъ мигъ, принудилъ все саксонское и къ войнѣ неприготовившееся еще войско отдаться ему въ плѣнъ, а самого короля удалиться въ его Польшу, а оставшую королеву въ Дрезденѣ толико утѣснилъ и огорчилъ, что она вскорѣ послѣ того лишилась жизни. Всѣ старанія цесарскаго двора къ отвращенію сихъ пагостей, и самое сраженіе цесарскихъ войскъ съ прусскими, бывшее на границахъ Богеміи, было безуспѣшно и не могло короля прусскаго остановить въ быстрыхъ его предпріятіяхъ и счастливыхъ успѣхахъ.

Все сіе случилось въ концѣ минувшаго 1756 г., и самое сіе зажгло огнь войны во всей Европѣ и подало поводъ къ началу сей войны страшной. Во всѣ новѣйшія времена не бывало еще никогда столь страшнаго вооруженія и толикихъ ополченій, какія производились вездѣ въ началѣ сего 1757 года. Цѣлыхъ девять армій выступило весною сего года въ разныхъ мѣстахъ въ поле, и король прусскій окружаемъ былъ со всѣхъ сторонъ непріятелями. Съ одной стороны готовились нападать на него французы. со стороны отъ Ганновера, съ другой такъ-называемыя имперскія войска, со стороны Саксоніи, съ третей цесарцы, со стороны Богеміи и Шлезіи, съ четвертой шведы, со стороны Помераніи, а съ пятой велѣно было итти и атаковать его нашимъ войскамъ со стороны Пруссіи. А король прусскій готовился, между тѣмъ. не только защищать и оборонять землю свою повсюду, но итти еще самъ и разорять Богемію.

Сія-то причина была тогдашнему сборищу всѣхъ нашихъ войскъ къ Ригѣ, о которомъ упоминалъ я въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ; а теперь, возвращаясь къ прерванной тогда матеріи, скажу, что между тѣмъ, какъ мы помянутымъ тогда образомъ стояли лагеремъ подлѣ самаго форштадта города Риги, и съ своими излишними пожитками не знали что дѣлать и ихъ разбрасывали, дѣлапы были со всѣми полками великія распоряженія. Всѣ они раздѣлены были на разныя дивизіи и бригады, изъ которыхъ къ каждой опредѣлены были особливые генералы командирами. Каждая бригада составляема была изъ трехъ полковъ и командовалъ ею обыкновенно какой-нибудь генералъ-маіоръ или бригадиръ. Нашъ Архангелогородскій полкъ достался въ бригаду вмѣстѣ съ третьимъ гренадерскимъ и Ростовскимъ полкомъ, и въ бригадные командиры получили мы себѣ генералъ-маіора Вильбоа.

Какъ намѣреніе нашихъ главныхъ командировъ было перевести насъ колико можно скорѣй за Двину, то велѣно

было намъ къ послѣдующему дню готовиться иттить церемоніею чрезъ городъ Ригу и переходить по сдѣланному мосту черезъ рѣку Двину въ отведенные на той сторонѣ лагери, ибо въ тотъ день, въ который мы пришли, переходила другая бригада, состоявшая изъ Бутырскаго, Бѣлозерскаго и Апшеронскаго полку. Итакъ, наутріе, то-есть 29-го апрѣля, отправивъ напередъ обозы, перешла и наша бригада и стала версты за три отъ города лагеремъ.

Перехожденіе чрезъ Двину арміи, помянутымъ образомъ по-бригадно, было по справедливости зрѣнія достойно, ибо назначенный тогда для предводительства арміею генералъ-фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, хотѣлъ въ самое то время видѣть всѣ полки, ему въ команду порученные, и съ нимъ въ походъ противъ непріятеля отправляющіеся, и для того при самомъ всходѣ на мостъ разбиты были два великолѣпные шатра, изъ которыхъ въ одномъ находился всегда помянутый главный полководецъ самъ со всѣмъ прочимъ генералитетомъ и знатными чиновными людьми, а другой наполненъ былъ великимъ множествомъ дамъ и знатныхъ госпожъ, хотящихъ также видѣть рѣдкую сію церемонію. Всѣ городскіе валы по близости сего мѣста, также домы, кровли и окошки усыпаны были народомъ обоего пола.

Что касается до полковъ, то всѣ они должны были иттить наилучшимъ порядкомъ и церемоніею и быть въ наилучшемъ убранствѣ. На всѣхъ солдатахъ воткнуты были въ шляпы зеленыя древесныя вѣтви, власно какъ для предвозвѣстія будущихъ побѣдъ, которыя они одержутъ надъ непріятелемъ. Прежде всего маршировали всѣхъ полковъ той бригады собранные фурьеры съ распущенными своими значками, при предводительствѣ своихъ квартермистровъ. Сей нѣжный строй съ разноцвѣтными своими маленькими знамены составлялъ первое великолѣпіе всего шествія. Потомъ шелъ штатъ, и ведены были заводныя лошади командующаго тою бригадою генерала. Ничто такъ не умножало великолѣпія, какъ прекрасныя попоны, которыми сіи лошади были покрыты. Во всей арміи у генераловъ подѣланы онѣ были тогда одинакія, и хотя небогатыя, но великолѣпный видъ представляющія. Онѣ сдѣланы были изъ вощанки, но расписаны и размалеваны разными красками, отчего издали казались быть шелковыми. По бокамъ на опыхъ изображены были золотомъ вензеловыя имена и гербы того генерала, что все производило нѣкакой величественный и пышный видъ. За сими лошадьми везены были пушки съ ихъ ящиками и снарядами, а тамъ слѣдовалъ самъ генералъ верхомъ въ провожаніи своего штата. За опымъ же слѣдовали полки его бригады обыкновенною церемоніею, съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и играющею военною музыкою. Всѣ офицеры и самыя знамена должны были салютовать, проходя мимо генералъ-фельдмаршала, при которомъ случаѣ всякій старался какъ возможно лучше исправлять свою должность. Чистота и опрятность въ одеждахъ и убранствахъ солдатъ, зеленыя на шляпахъ ихъ вѣтви, а того паче кожаные и наподобіе древнихъ шишаковъ сдѣланные и нѣкоторый родъ плюмажей на себѣ имѣющія каскеты на всѣхъ гренадерахъ — придавали особливую красу войску и умножали великолѣпіе.

Не можно довольно изобразить, какія разныя чувствія впечатлѣвало зрѣніе шествія сего, не только въ кого иного, но въ самихъ насъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе. Мысли, что идемъ на войну и отправляемся изъ отечества въ страны чуждія, отдаленныя и вражескія; идемъ терпѣть нужды, проливать кровь и умирать за отечество; воображеніе, что изъ всѣхъ шествовавшихъ тогда столь многихъ людей, весьма многіе назадъ не возвратятся, но положатъ свои головы на войнѣ и въ походахъ и въ послѣднія тогда разстаются съ странами, гдѣ родились и воспитаны; неизвѣстность, кто и кто подвергнется сему несчастному жребію, и кому судьба назначила не воз-

вращаться и прочія тому подобныя помышленія, приводили духъ въ нѣкоторое уныніе и разстроивали всю душу. Напротивъ того, съ другой стороны всеобщее предъубѣжденіе о храбрости и непобѣдимости нашихъ войскъ, льстящая надежда, что непріятелю никакъ противъ насъ устоять не можно; мечтательное воображеніе, что мы по множеству нашему замечемъ его даже шапками, и безсомнѣнная надѣянность, что мы его побѣдимъ, сокрушимъ и возвратимся съ славою, покрытые лаврами, ободряла паки унылое сердце и оное, власно какъ оживотворивъ, наполняла огнемъ военной ревности, толь много помогающей намъ охотно и безъ скуки переносить всѣ военные труды и безпокойства.

Но я удалился уже отъ моей матеріи; теперь возвращаюсь къ опой и скажу, что въ помянутомъ новомъ лагерѣ версты три за Ригою стоялъ нашъ полкъ болѣе недѣли, въ которое время переправлялись за Двину прочіе полки, и дѣланы были къ походу всѣ нужныя распоряженія. Вся армія раздѣлена была на три дивизіи или части, изъ которыхъ первою командовалъ самъ фельдмаршалъ, второю, въ которой мы находились, генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, а третьею генералъ-аншефъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ. Планъ намѣренія состоялъ въ томъ, чтобъ обѣимъ первымъ дивизіямъ итти разными дорогами чрезъ Курляндію въ Польшу или паче сказать въ Самогитію или Жмудію, и потомъ, соединившись вмѣстѣ, и дождавшись идущихъ прямо изъ Смоленска кавалерійскихъ полковъ и легкихъ войскъ, вступить въ Пруссію, а третьей бы дивизіи подъ командою Фермора итти вправо, прямо къ первой прусской пограничной крѣпости Мемелю и, при вспоможеніи отправленнаго туда же моремъ флота, осадить сей городъ.

По изготовленіи всего нужнаго къ походу, воспослѣдовалъ наконецъ, мая 3-го дня, торжественный выѣздъ генералъ-фельдмаршала изъ Риги. Отъ грома пушекъ, гремящихъ тогда со стѣнъ городскихъ, стенала только рѣка, и выѣздъ сего полководца былъ самый пышный и великолѣпный. Наша бригада случилась тогда стоять на самой дорогѣ, гдѣ ему ѣхать надлежало, чего ради выведены мы были въ строй и должны были ему отдавать честь съ преклоненіемъ знаменъ, какъ главному повелителю. Ужасная свита всякаго рода военныхъ людей окружала его ѣдущаго. Зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было для насъ поразительно, ибо пышность сего шествія была такъ велика, что иной государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою. Но, о! когда-бъ возвращеніе сего генерала въ сей городъ соотвѣтствовало сему величественному выѣзду!...

По отъѣздѣ его далѣе къ Митавѣ, куда отправилась тогда первая дивизія арміи, остались мы еще на нѣсколько дней въ прежнемъ своемъ лагерѣ подъ Ригою, ибо нашей дивизіи надлежало послѣ всѣхъ выступить и итти чрезъ Бовскъ въ Литву. Въ сіе время привезены были къ намъ въ полки новыя и славныя секретныя шуваловскія гаубицы. Мы удивились, увидѣвъ сіи огнестрѣльныя орудія, и не могли довольно начудиться, для чего дулы прикрыты были у нихъ мѣдною сковородою и замкпуты и запечатаны. И какъ всякая скрываемая вещь возбуждаетъ наиболѣе любопытство, то родилось и въ насъ во всѣхъ неописанное любопытство знать сію тайну; однако опая хранилась такъ строго, что къ симъ пушкамъ и близко никого не допускали, но всегда стоялъ подлѣ ея особливый часовой, а для стрѣльбы опредѣлен былъ въ каждый полкъ особливый артиллерійскій офицеръ съ особою канонерскою командою, которымъ, подъ смертною казнью, запрещено было объ нихъ сказывать. Итакъ, не можно было никакъ узнать ни малѣйшаго обстоятельства.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ отдыхали, имѣли мы время нѣсколько разъ для исправленія нуждъ своихъ ѣздить въ городъ. Рига была тогда уже пуста и никого въ ней изъ военныхъ не было;

на берегу рѣки поставлены были бекеты и не велѣно было за Двину перепускать ни единаго солдата. Я не преминулъ также вмѣстѣ съ прочими отпроситься и побывать въ городѣ. Но зачѣмъ бы думали вы, любезный пріятель? Дивлюсь поистинѣ и понынѣ тогдашнему моему разсудку. Вмѣсто того, чтобъ размышлять о предстоящихъ походныхъ трудностяхъ, и вмѣсто того, чтобъ запастись чѣмъ-нибудь нужнымъ и необходимымъ въ такой дальній и неизвѣстный путь, помышлялъ я только объ однѣхъ книгахъ и объ удовольствованіи одного моего давнишняго желанія. Еще будучи на прежней моей, осенью, квартирѣ у латыша, наслышался я отъ господина Миллера объ одной нѣмецкой книгѣ, которую онъ расхвалилъ мнѣ невѣдомо какъ, и мнѣ хотѣлось ее имѣть, чего бы то ни стоило. Почему, не успѣлъ я войтить въ городъ, какъ первое мое дѣло было бѣжать къ г. Фрелиху, тамошнему книгопродавцу и спрашивать есть ли у него «Англійскій философъ или Клевеландъ»? Ибо такъ называлась сія книга, и какъ услышалъ, что есть, то, обрадовавшись чрезвычайно, я тотчасъ ее себѣ купилъ и велѣлъ переплесть въ наилучшій пергаментный бѣлый переплетъ. Боже мой! съ какою радостью и удовольствіемъ возвращался я тогда изъ города въ свой лагерь. Я думалъ, что я нашелъ тогда превеличайшее сокровище и нетерпѣливо ждалъ, чтобъ ее скорѣй переплели и совсѣмъ изготовили. Вотъ сколь сильныя дѣйствія производятъ въ насъ долговременныя желанія. Я думалъ тогда о книгѣ сей и Богъ знаетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ она не что иное какъ романъ, и того далеко не стоила, чтобъ ее съ такимъ усердіемъ добиваться и покупать въ такое время, когда всѣмъ намъ не до того было.

Кромѣ сего имѣлъ я въ сіе время и другое еще упражненіе. Всѣмъ полкамъ велѣно было тогда отличить себя отъ прочихъ, отмѣнными на шляпахъ солдать кисточками, или жесткими и нарочитой величины репейками. Они дѣланы были изъ разноцвѣтныхъ гарусовъ и двѣ изъ нихъ пришивались къ обоимъ заднимъ угламъ шляпы, а третья стоймя, сбоку, поверхъ банта. Не могу изобразить, сколько хлопоть и суеть надѣлала намъ сія бездѣлка, и сколько изрѣзали и искромсали мы разныхъ стамедовъ, ибо какъ столько гарусовъ набрать было негдѣ, то покупали мы стамеды и оные распускали и раздергивали. Каждый полковникъ старался перещеголять въ томъ другого; и въ нашемъ полку принужденъ былъ я выдумывать, и, надѣлавъ множество разноманерныхъ и разноцвѣтныхъ, представить полковнику на выборъ, который и апробовалъ ту, которая самому мнѣ казалась лучше прочихъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ другъ, остаюсь и прочая.

ПОХОДЪ ЛИТВОЮ.

Письмо 38-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ упражнялись въ приуготовленіяхъ къ походу и время свое препровождали въ церемоніяхъ и убранствахъ, непріятели наши работали совсѣмъ иначе и были далеко не таковы медлительны. Правду сказать, выступили и мы довольно рано въ походъ; но король прусскій предупредилъ насъ далеко въ томъ. Онъ, видя дѣлаемыя со всѣхъ сторонъ толь страшныя противъ себя вооруженія, простирающіяся даже до того, что всѣхъ разныхъ войскъ, ополчающихся противъ него, было до 700 тысячъ, и чувствуя, что онъ былъ слишкомъ противъ нихъ слабъ, ибо не имѣлъ и со всѣми союзниками своими гановерцами болѣе 260 тысячъ человѣкъ войска, старался наградить то своею поспѣшностью и проворствомъ, чего недоставало ему въ силахъ. И вѣдая, что ни которая изъ непріятельскихъ ему державъ не могла открыть кампанію рано разсудилъ воспользоваться симъ случаемъ, и, собравъ колико можно болѣе силы, напасть скоропостижно на сильнѣй-

шую изъ всѣхъ и къ нему ближайшую, то-есть, цесареву римскую, ибо надѣялся, что въ случаѣ ежели удастся ему съ самаго начала ее побѣдить и нанесть ей ударъ рѣшительный, то тѣмъ не только сдѣлаетъ ей великое помѣшательство, но разрушитъ намѣренія и другихъ державъ, ей союзныхъ.

Самое сіе и причиною было, что онъ выступилъ въ поле въ сей годъ чрезвычайно еще рано и съ арміею, состоящею болѣе нежели изъ 100 тысячъ, пошелъ съ разныхъ сторонъ въ цесарскія земли тремя колоннами. Самъ онъ, предводительствуя первою, вошелъ изъ Саксоніи прямо въ Богемію, а славный его фельдмаршалъ графъ Шверинъ, предводительствуя второю, пошелъ чрезъ Шлезію, а третьею предводительствовалъ принцъ Бевернскій, и пошелъ въ цесарскія земли со стороны Лузаціи.

Для каковыхъ причинъ спѣшилъ король дать рѣшительную баталію, таковыя же причины побуждали цесареву послѣдовать системѣ, совсѣмъ тому противоположной. Она разсудила дѣйствовать оборонительнымъ только образомъ, покуда союзники ея въ состояніи будутъ выступить въ поле, ибо предвидѣла, что тогда король прусскій принужденъ будетъ раздѣлить свои силы на разные корпуса, а потому и дожидалась она только сего выгоднаго пункта времени для начатія своихъ военныхъ дѣйствій, а до того времени помышляла она только о прикрытіи своихъ земель отъ нападенія непріятеля.

Всходствіе сей системы и раздѣлилъ командующій войсками ея, генералъ Броунъ, армію свою на разные корпуса и, поручивъ оные въ команду герцогу Арсенбергскому, графу Кенигсэку и графу Сербелони, разстановилъ опые въ разныхъ мѣстахъ по границамъ, а самъ съ остальною арміею сталъ противъ короля. Симъ распоряженіемъ надѣялся онъ прикрыть Богемію, и какъ всѣ оные корпуса были многочисленны и могли скоро соединены быть вмѣстѣ, то и думалъ, что они могутъ повсюду воспрепятствовать пруссакамъ войти въ границы цесарскія.

Однако воспослѣдовало не то, а совсѣмъ тому противное. Проворство, хитрость и расторопность короля и искусство его генераловъ разрушили всѣ намѣренія и надежды цесарцевъ. Ничто не могло устоять противъ оныхъ. Цесарцы сколько ни старались пруссакамъ препятствовать, но они превозмогли всѣ противополагаемыя препоны,—вломились въ предѣлы цесарскіе, и принудили не только прочихъ полководцевъ цесарскихъ отступить, но и самого Броуна ретироваться подъ самыя пушки столичнаго богемскаго города Праги, и по соединеніи всѣхъ своихъ корпусовъ стать тутъ въ укрѣпленномъ ретраншаментомъ и множествомъ баттарей лагерѣ, куда вскорѣ и самъ король прибылъ.

Не успѣлъ сей дойтить до Праги и соединиться со всѣми своими отдѣльными корпусами, какъ ни мало не медля и не взирая на все выгодное мѣстоположеніе, занятое цесарцами, и самые ихъ окопы и баттареи, которыми они окружены были, рѣшился ихъ аттаковать, говоря отсовѣтовавшимъ то своимъ генераламъ, что надобно ковать желѣзо, покуда оно горячо. А самое сіе и подало поводъ къ той прагской баталіи, которая была наиславнѣйшая во всю войну сію, и производилась апрѣля 25-го, то-есть, въ самый еще тотъ день, въ который мы съ полкомъ своимъ выступили съ своихъ квартиръ, и войска наши начали собираться къ Ригѣ.

Помянутая баталія была страшная и кровопролитнѣйшая. Со стороны прусской дралось 80, а со стороны цесарцевъ 75 тысячъ человѣкъ. Прусскими войсками командовалъ самъ король съ славнѣйшими своими генералами: графомъ Шверинымъ, Кейтомъ и многими другими, а цесарцами — принцъ Карлъ Лотарингскій и генералъ Броунъ.

Король не послушалъ фельдмаршала своего Шверина и аттаковалъ цесарцевъ совсѣмъ инако, нежели какъ совѣтовалъ ему сей искусный генералъ и са-

мый фундаторъ прусской арміи, но отъ того самаго совсѣмъ-было разбитъ былъ. Всѣ войска его обратились уже въ бѣгство, и цесарцы получили-бъ вѣрно совершенную побѣду, еслибъ особливый случай и неустрашимая храбрость самого помяпутаго фельдмаршала Шверина не пропзвела перемѣны и не превратила всего дѣла. Сей, видя совершенное уже войскъ своихъ разбитіе, схватилъ самъ знамя и закричавъ: «Трусы и бездѣльники всѣ, кто за мною не послѣдуетъ!» бросился самъ противъ непріятеля. Войско; увидѣвъ сіе, пустилось за нимъ, толпится и выходитъ изъ дефилей. Шверинъ палъ мертвъ со знаменемъ въ рукахъ, но самая смерть его возбудила отвагу и храбрость въ войскѣ прусскомъ. Оно возобновляетъ сраженіе, стремится на непріятеля, опровергаетъ опаго и одерживаетъ накопецъ совершенную побѣду.

Правое крыло цесарцевъ принуждено было ретироваться въ другое мѣсто, а лѣвое войтить и запереться въ Прагѣ. 5,000 человѣкъ цесарцевъ легло на мѣстѣ, 10,000 взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ 240 орудіями артиллеріи, а 48,000 со множествомъ принцевъ и генераловъ блокированы въ Прагѣ. Однако и прусскому королю побѣда сія стала не дешево. Онъ потерялъ на сраженіи семь 10,000 человѣкъ войска; но уронъ его чувствительнѣе былъ еще ему смертію графа Шверина, котораго ему такъ жаль было, что онъ, пришедъ послѣ баталіи видѣть еще разъ тѣло его, покрытое кровію, смотрѣлъ долгое время на него съ молчаніемъ и съ катящимися изъ глазъ слезами, и наконецъ воскликнулъ: «Это не подданный, а отецъ, котораго я лишился!»

Многіе генералы, какъ его, такъ и цесарскіе, оказали на семъ сраженіи чудеса храбрости. Въ особливости же прославились тѣмъ съ прусской стороны принцъ Гейнрихъ, братъ королевскій и генералъ Цитенъ, а съ цесарской—генералъ Броунъ, который принужденъ былъ также умереть отъ ранъ, полученныхъ имъ на сей битвѣ.

Вотъ какія дѣла и страшныя кровопролитія происходили уже въ то время въ Европѣ, какъ мы собирались итти на войну. Но я возвращусь теперь къ намъ, и буду продолжать свою повѣсть.

Седьмое число мая былъ, наконецъ, тотъ день, въ который и нашъ полкъ, по примѣру прочихъ, принужденъ былъ выступить въ походъ, и какъ до непріятельской земли было еще очень далеко, а при шествіи Курляндіею не было никакой опасности, то, для лучшей способности въ походѣ, шли полки наши по одиночкѣ другъ за другомъ. Мы пошли тотчасъ влѣво и, перешедъ рыбачью слободу, вступили позади оной въ бывшій Псковского полку лагерь, гдѣ въ тотъ день и ночевали. Въ послѣдующій день (8-го) перешли мы только двѣ мили, а въ третій (9-го), приближаясь къ курляндскимъ границамъ, начинали уже отчасти чувствовать военныя трудности. Перехода нашего хотя также не болѣе двухъ миль или 14 верстъ было, и мы вышли хотя поутру, но совсѣмъ тѣмъ, за тѣснотою дороги, за превеликими остановками и по непривычкѣ еще къ такимъ походамъ, не могли мы въ назначенный лагерь прежде притти, какъ около полуночи, а обозы наши пришли уже поутру, и для того принуждены мы были въ семъ мѣстѣ послѣдующій день (10-го) дневать и дать и людямъ, и лошадямъ отдыхъ.

Лагерь для насъ назначенъ былъ въ семъ мѣстѣ посреди сосноваго бора, и мы впервые еще стояли въ такомъ неспособномъ и дурномъ мѣстѣ, и принуждены были еще сверхъ того всю ночь препроводить безъ нашихъ повозокъ и палатокъ и терпѣть стужу, ибо ночи были тогда еще холодны. Мы расклали себѣ огоньки посреди бора и прогрѣлись около нихъ почти всю ночь не ѣвши и не спавши, предвѣщая себѣ, что сіе и впредь часто будетъ случаться съ нами. Генералы, командовавшіе нашими бригадами, кляли и ругали наши обозы. И тяжелы-то они имъ казались, и отъ нихъ-то была вся остановка, и для того повторено было приказаніе, чтобъ умень-

шены были тягости и чтобъ неотмѣнно по два офицера было въ одной повозкѣ. Легко можно заключить, что приказаніе сіе было намъ весьма нерадостно. Мы взгоревались тогда всѣ и тужили другъ объ другѣ, ибо никому не хотѣлось разстаться съ своею повозкою. Но по счастію не все то исполняется, что приказывается. Съ нѣкоторыми изъ офицеровъ учинено было то дѣйствительно, и бѣдпякп сіи принуждены были разбросать опять нѣсколько вещей и кинуть свои повозки; но бо́льшая часть, и въ томъ числѣ и я, подъ разными предлогами удержали свои повозки, къ чему и полковые наши командиры, не принуждая слишкомъ строго насъ, много способствовали.

На утріе, 11-го, выступили мы опять въ походъ и продолжали шествіе свое Курляндіею порядочнѣйшимъ образомъ и побригадно слѣдующимъ порядкомъ: сперва шла бригада генералъ-майора Вильбоа, состоящая изъ третьяго гренадерскаго, нашего Архангелогородскаго и Ростовскаго полковъ. Тамъ слѣдовала бригада генералъ-майора князя Василія Михайловича Долгорукова, состоящая изъ кирасирскаго Наслѣдника полку, да изъ пѣхотныхъ Низовскаго, Бутырскаго и Выборгскаго полковъ, а напослѣдокъ бригада бригадира Нумерса, состоящая изъ Псковского, Апшеронскаго и Бѣлозерскаго полковъ. Мы, перешедъ мили полтретьи, ночевали при мызѣ Экау, гдѣ находился разоренный каменный замокъ и мельница.

На другой день, 12-го, въ вечеру, прибыли мы наконецъ къ мѣстечку Бовску и расположились по сю сторопу онаго для того, что чрезъ рѣку Нѣмонтъ перейтить было не можно, и надлежало дѣлать напередъ понтонный мостъ. Къ утру, 13-го, онъ у насъ и поспѣлъ тотчасъ, и мнѣ въ первый разъ случилось тутъ видѣть сей походный и летучій мостъ. Понтоны сдѣланы у насъ были жестяные и выкрашены красною краскою, и какъ они сверхъ того всѣ были ровны, то весь мостъ представлялъ напрекраснѣйшую фигуру, и я не могъ довольно зрѣніемъ па него налюбоваться. Въ сей день перебиралась вся наша дивизія по оному и проходила чрезъ мѣстечко безъ всякой церемоніи. Видъ сего курляндскаго городка, въ которомъ я съ младенчества жилъ, и напомпнаніе всѣхъ мѣстъ, которыя я тогда видывалъ, наводилъ мнѣ пріятное увеселеніе, и я не могъ па нихъ довольно пасмотрѣться. Мы, перешедъ оное и переправясь чрезъ другую рѣку Муху вбродъ, стали неподалеку отъ онаго лагеремъ, въ виду вся дивизія.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы двои сутки, 14 и 15, въ которое время были мы не безъ дѣла. Намъ велѣно было учиться экзерциціи и пальбѣ, и командующіе генералы смотрѣли наше искусство, изъ которыхъ щедрый нашъ главный командиръ Лопухинъ подарилъ нашихъ солдатъ нѣсколькими червонцами. Напротивъ того бригадным нашимъ командиромъ господиномъ Вильбоемъ, были мы не такъ довольны. Строгость и надмѣнность его была намъ не очень пріятна.

Поутру въ третій день, 16-го, выступили мы опять въ походъ, и вступили наконецъ въ Польское королевство. Мы не могли преминовать, чтобъ при семъ выходѣ изъ своего отечества и знакомыхъ земель нѣсколько разъ на него назадъ не оглянуться и со вздохомъ не сказать: «Прости, милое и дорогое отечество!.. велитъ ли Богъ намъ опять тебя видѣть и когда-то это будетъ?» Нѣкакія особливыя и трогательныя чувствія разливались тогда по всѣмъ частямъ нашего тѣла, и выгоняли противъ хотѣнія слезы изъ глазъ нашихъ. Мы хотя старались оныя скрывать, однако опѣ были у весьма многихъ довольно примѣтными. Мы ночевали тогда, прошедъ немного первое польское или паче литовское мѣстечко, называемое Жепсмепъ.

Какъ, 17-го, за обозами сдѣлалась опять небольшая остановка, а ктому-жъ достальныя бригады не бывали, то положено было въ семъ мѣстѣ передневать и сождаться съ прочими. Поелику же наивеличайшую остановку и препятствіе дѣ-

лала намъ артиллерія, которой мы цѣлый паркъ при дивизіи своей имѣли, то отправлена она была сего числа напередъ.

Въ слѣдующій за симъ день 18-го, случился тогда праздникъ Троицынъ день. И какъ главный нашъ командиръ былъ человѣкъ крайне набожный и богомольный, то не прежде мы выступили въ походъ, какъ отслушавъ въ поставленныхъ полковыхъ церквахъ обѣдню, и потому прибыли въ назначенный лагерь при другомъ мѣстечкѣ Линковѣ уже на разсвѣтѣ послѣдующаго дня, 19-го. Однако принуждены были въ тотъ же день иттить далѣе до третьяго мѣстечка, называемаго Клавана; но въ семъ мѣстѣ мы уже дневали, 20-го.

21-го, послѣ полудня, пошла наша бригада опять въ походъ и шла до деревни Павикшни, куда, какъ пѣхота, такъ и обозы пришли уже въ полночь.

Въ семъ мѣстѣ сдѣлалась въ обстоятельствахъ моихъ перемѣна. До сего времени былъ я все еще ротнымъ командиромъ и правилъ ротою, что для меня было весьма и выгодно, ибо велikая разница быть простымъ офицеромъ, и начальникомъ роты, а особливо въ походѣ. Но тутъ занемогъ вдругъ нашъ полковой квартермистръ, господинъ Штейнъ, и надлежало выбрать для отправленія должности его другого искуснаго и способнаго офицера. Во всемъ полку иного не нашли къ тому способнаго, кромѣ меня. Я хотя и старался отъ того отбыть, но мнѣ не помогло ничто, и я долженъ былъ, сдавъ роту свою другому прикомандированному поручику и принявъ фурьеровъ въ свою команду, ѣхать напередъ для заниманія лагерей. Перемѣна сія была мнѣ досадна и нѣтъ. Я избавился чрезъ то неописаннаго того отягощенія и скуки, которую имѣлъ до того, ѣдучи всегда при ротѣ своей верхомъ и на всякой верстѣ останавливаясь. Нельзя изобразить, сколь досадна и отяготительна была, по непривычкѣ, всѣмъ намъ таковая медлительность и на всякомъ почти шагу остановка въ походѣ. Съ утра до вечера, бывало, мы идемъ, по не болѣе перейдемъ, какъ верстъ 10 или 15, а во все сіе время не можно было никому отъ своего мѣста при ротѣ ни на одинъ шагъ отлучиться. Нерѣдко случалось, что переломитъ пополамъ спину отъ безпрерывнаго сидѣнья на лошади, и устанешь такъ, что животу своему не радъ. Мнѣ много помогала еще новокупленная моя книга. Она бывала у меня всегда въ карманѣ, и какъ скоро закричатъ: что «стой!» то принимался я за нее и продолжалъ чтеніе. По счастію, была очень любопытна, и я не могъ устать, ее читаючи. При помянутой же сомною перемѣнѣ лишился я всѣхъ сихъ отягощеній, и мнѣ въ особливости было пріятно то, что я могъ чрезъ то имѣть для себя всегда болѣе времени и покоя, ибо какъ переходы были очень малые, то будучи на свободѣ, не долго намъ было переѣхать верстъ 15 или 12, и тогда по разбитіи лагеря не оставалось намъ ничего дѣлать, и мы, дожидаясь своихъ полковъ могли, сколько хотѣли себѣ спать и отдыхать. Однимъ словомъ, мы имѣли столько свободнаго времени, что дошло скоро до того, что мнѣ праздность сія уже и наскучила. И какъ я не привыкъ безъ дѣла быть, то прочитавъ книги свои и полюбивъ оныя очень, вздумалъ на досугѣ «Клевеланда» моего переводить и препровождать въ томъ все праздное свое время. Упражненіе сіе произвело мнѣ сугубую пользу, ибо, во-первыхъ, занимаясь тѣмъ, не чувствовалъ я ни мало скуки; во-вторыхъ, избѣжалъ чрезъ то необходимости дѣлать сотоварищамъ моимъ, двумъ другимъ бригады нашей квартермистромъ, компанію, и ѣздить съ ними въ мѣстечки и деревни, и тамъ препровождать время въ питьѣ, гуляньѣ, а нерѣдко и въ другихъ шалостяхъ непозволительныхъ. Сотоварищами сими были у меня г. Кульбарсъ и г. Похвисневъ. Первый былъ третьяго гренадерскаго полка и служилъ вмѣсто оберъ-квартермистра; а второй Ростовскаго полку, и молодецъ нарочито вѣтреный. Кромѣ того, отправляя сію должность, имѣли мы и ту выгоду, что,

пріѣзжая въ мѣстечки всегда прежде полковъ, могли все нужное для своей провизіи доставать и купить по вольной цѣнѣ, а не въ три дорога, такъ какъ покупали мы до того времени, ибо не успѣвала дивизія куда притти, какъ въ одинъ часъ все было выкуплено и ничего достать было уже не можно. Но я возвращусь къ продолженію описанія нашего похода.

22-го мая пришла наша дивизія до мѣстечка, называемаго Новое Мѣсто, и передневавъ (23-го) тутъ продолжала (25-го) походъ свой до мѣстечка Крекенау. Въ семъ мѣстѣ принуждены мы были опять стоять двое сутокъ, 26 и 27, ибо какъ заготовленъ былъ провіантъ, то должны были мы оный принимать и печь себѣ хлѣбы. При семъ случаѣ въ первый разъ случилось еще намъ печь хлѣбы сіи въ земляныхъ печахъ и растворять квашни въ ямахъ: зрѣлище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидѣвъ помянутыя ямки и въ нихъ въ рогожахъ и въ мѣшкахъ растворяемое тѣсто, а для печенія хлѣбовъ другія, выкопанныя наподобіе норъ, дивились и не хотѣли вѣрить, чтобъ могло выйтить что хорошее; но удивленіе наше увеличилось, когда увидѣли послѣ хлѣбы и сухари столь хорошіе и вкусные, что таковыхъ мы до того времени еще не ѣдали.

Что касается до меня, то случилось тутъ со мною одно смѣшное приключеніе. Какъ я былъ въ сіе время въ совершенной праздности, то сидѣлъ я однимъ днемъ въ своей офицерской палаткѣ на землѣ и занимался обыкновенно моимъ упражненіемъ, то-есть переводилъ на колѣняхъ своего «Клевеланда». Углубившись въ сіе дѣло, не зналъ я того и не вѣдалъ, что взошла и висѣла уже надъ нами страшная громовая туча, а услышалъ только, что вдругъ зашумѣла и завизжала превеличайшая буря съ вихремъ, и начала рвать наши палатки. Я началъ кричать, чтобъ бѣжали люди и скорѣе колотили колушки покрѣпче въ землю, однако некому, да и некогда было меня слушать! Палатку мою, ни съ другого слова, вихрь подхватя всю ударилъ объ землю и прихлопнулъ ею меня совсѣмъ, съ бумагою и чернилами моими къ землѣ. Что было тогда дѣлать? я кричалъ что есть мочи, но за превеликимъ шумомъ, молніею и громомъ никому было не слышно, а выдраться самому никакого не было способа: такъ хорошо запутало меня палаточными полами. Однимъ словомъ, я едва-было тогда не задохся, ибо принужденъ былъ симъ образомъ подъ палаткою лежать болѣе получаса и покуда всѣ, схоронившіеся отъ дождя кой-куда люди, несчастіе мое увидѣли и, прибѣжавъ, меня изъ тюрьмы освободили. Но какимъ же уродомъ я оттуда вышелъ! Я былъ весь не только дождемъ обмоченъ, но и перемаранъ чернилами, и радъ былъ уже тому, что освободился.

28 числа сего мѣсяца начался опять походъ нашей дивизіи и продолжался до мѣстечка Сербелишки, а на другой день, 29, послѣ сего дошли мы, наконецъ, до знаменитаго польскаго, однако, неразно большого мѣстечка, называемаго Кейданы. Въ семъ мѣстѣ въ послѣдующій за симъ день, 30, сошлись мы съ первою дивизіею, которою предводительствовалъ самъ фельдмаршалъ, вмѣстѣ. Ибо онъ идучи изъ Митавы другою дорогою черезъ Янышки, Машкутекъ, Шлавъ, Радзивилки и Шадовъ прибылъ также къ Кейданамъ. Однако обѣ сіи дивизіи вмѣстѣ тогда еще не соединялись, но стояли лагерями порознь.

При Кейданахъ (1) стояли мы цѣлыхъ пять дней, отчасти для пріема провіанта, который былъ также тутъ заготовленъ, и печенія изъ него хлѣбовъ, отчасти дожидаясь (2) достальныхъ бригадъ, поотставшихъ нѣсколько отъ прочихъ. Однако 3-го числа іюня выступилъ нашъ фельдмаршалъ съ своею дивизіею далѣе къ Ковно, и на другой день (4-го) послѣ того послѣдовали и мы за нимъ съ нашею дивизіею, которая дошедъ до мѣстечка Бобти почевала. Наша же бригада оставалась въ сей разъ назади, но прибыла къ сему мѣстечку уже 5-го числа.

Наконецъ, 6 числа прибыли мы къ мѣстечку или, паче сказать, довольно знаменитому и славному городку Ковнамъ. Мы нашли уже тутъ великое собраніе полковъ, ибо какъ недоходя до мѣстечка надобно было перебираться чрезъ рѣку Вилію, которая нарочито была велика, а мостовъ было еще не сдѣлано, то становились приходящіе полки подлѣ сей рѣки и дожидались изготовленія оныхъ.

7-го числа переправились мы чрезъ помянутую рѣку Вилію и прошедъ Ковны, стали подлѣ сего мѣстечка лагеремъ. Тутъ стояли мы не малое время, ибо какъ чрезъ помянутую рѣку переправляться надлежало всей арміи по одному только узкому понтонному мосту, къ тому-жъ городъ сей назначенъ былъ генеральнымъ рандеву или сборнымъ мѣстомъ, то и требовалось къ тому не малое время.

Впрочемъ, какъ стояніе въ семъ мѣстѣ было достопамятно нѣкоторыми случившимися со мною произшествіями, то отложивъ повѣствованіе объ нихъ до послѣдующаго письма, теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, между тѣмъ, что я есмь и проч.

СТОЯНІЕ ВЪ КОВНАХЪ.

Письмо 39.

Любезный пріятель! Теперь разскажу вамъ тѣ приключенія, которыя случились со мною во время стоянія нашего въ упомянутомъ польскомъ городкѣ Ковнахъ. Первое произошло еще въ самый первый день нашего туда пришествія и состояло въ маленькомъ несчастіи, которое навлекъ я самъ на себя своею дуростію, а именно: я прежде уже упомналъ, что я отправлялъ тогда должность квартермискую и ѣзжалъ всегда напередъ для запятія лагеря. Вследствіе сего поѣхали мы и тогда напередъ, какъ бригада наша находилась еще за рѣкою Вилією. Пріѣхавъ въ мѣстечко Ковны, квартермистръ Ростовскаго полку, г. Похвиснѣвъ, будучи молодецъ вѣтреный и гуляка, не знаю зачѣмъ отсталъ отъ насъ въ мѣстечкѣ, а съ нимъ остались вмѣстѣ и его фурьеры. Мы, пріѣхавъ съ г. Кульбарсомъ на то мѣсто, гдѣ за мѣстечкомъ назначено было быть нашему лагерю, не имѣли времени долго мѣшкать, потому что полковые наши обозы начали въ то время уже перебираться чрезъ рѣку, какъ мы поѣхали. и для того спѣшили скорѣе разбить лагерь. Но горе на меня тогда напало. что не было ростовскаго квартермистра. безъ котораго мнѣ лагеря подъ свой полкъ разбивать было не можно, потому что бригада наша становилась всегда такимъ порядкомъ, чтобъ на правомъ флангѣ стоять гренадерскому, на лѣвомъ нашему, а въ срединѣ Ростовскому полку, слѣдовательно, безъ занятія средняго лагеря мнѣ крайній занимать было не можно. Долго дожидался я сего господина, но онъ немного тамъ позагулялся и не ѣхалъ. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я дѣлалъ ему за то изрядное благословеніе. Наконецъ стали уже показываться наши обозы, а лагери нашихъ обоихъ полковъ мы и не начинали еще разбивать. Что мнѣ тогда было дѣлать? Другого не оставалось какъ отмѣрить на Ростовскій полкъ извѣстную намъ дистанцію, а тамъ взять прямую линію съ гренадерскимъ полкомъ и разбивать свой. Но какъ отмѣривъ пропорцію сію пришелъ я на то мѣсто, гдѣ нашему полку стоять приходилось, то увидѣлъ, что была тутъ только-что вспаханная и еще незаскороженная пашня и не только

простая, по разодранная изъ луга. Однимъ словомъ, на всемъ мѣстѣ была глыба на глыбѣ и дернина на дернинѣ. Досадно мнѣ сіе чрезвычайно было, ибо такого скверна̀го мѣста недоставалось намъ никогда подъ лагерь во весь походъ нашъ; напротивъ того видѣлъ я, что мѣсто, гдѣ отмѣрилъ я для ростовскаго полку, состояло изъ наиприкраснѣйшаго и ровнаго луга. Завистно мнѣ было сіе и досадно, а болѣе потому, что мы знали, что тутъ простоимъ не малое время. Въ сихъ обстоятельствахъ будучи и видя, что ростовскій квартермистръ съ фурьерами своими все еще не ѣхалъ, захотѣлось мнѣ услужить полку своему, и подъ какимъ-нибудь предлогомъ занять лугъ для себя, а ростовцевъ спровадить на пашню, и чрезъ то избавить свой полкъ отъ крайняго безпокойства. И для того, подумавъ немного и вымысливъ уже напередъ отговорки и оправданія, пошелъ я къ гренадерскому квартермистру требовать совѣта; но сей не сказалъ мнѣ ни того, ни сего. Итакъ, не получивъ отъ него ни приказанія, ни запрещенія, пустился я на отвагу и разбилъ лагерь свой подлѣ его полку. Но дабы проступокъ свой чѣмъ-нибудь прикрыть, то разбилъ подлѣ себя на пашнѣ лагерь и Ростовскому полку. Фурьеры мои и не хотѣли-было для чужого полку трудиться, но я ихъ принудилъ и велѣлъ еще съ лучшимъ и особливымъ прилежаніемъ всѣ мѣста назначивать, дабы тѣмъ порядочнѣе разбить оный. Не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ пришли уже въ самомъ дѣлѣ и ростовскія и нашего полку обозы, и я тотчасъ велѣлъ свои становить на мѣста и занимать скорѣе лагерь. Ростовскіе, не видя своихъ фурьеровъ, подняли-было съ нашими споръ, для чего становимся мы на ихъ мѣсто, однако я ихъ кое-чѣмъ умаслилъ и уговорилъ становиться въ отведенномъ мною для нихъ лагерѣ. Не успѣли обозы установиться, какъ пришла и пѣхота. Квартермистръ ростовскій не прежде встрянулся изъ Ковенъ ѣхать, какъ увидя уже идущую пѣхоту и едва успѣлъ къ намъ безъ памяти прискакать съ своими фурьерами. Ему нѣкогда было тогда разбирать способность мѣста; однако увидѣвъ, что мѣсто его подъ нашъ полкъ уже занято, прискакалъ ко мнѣ и говоритъ: — «Эхъ, братецъ! я позамѣшкался въ мѣстечкѣ, а ты у меня мѣсто занялъ и не тамъ сталъ». — «Вольно тебѣ было не ѣхать! отвѣтствовалъ я, вѣдь обозамъ моимъ тебя не дожидаться было, и мнѣ не оставалось иного дѣлать!» — «Ну, быть тому такъ, говорилъ онъ: да, эхъ, какая бѣда, мнѣ теперь уже не успѣть разбить лагерь, полки уже идутъ!» — «Поѣзжай! поѣзжай! говорю я: — я уже и для вашего полка разбилъ своими фурьерами». Онъ благодарилъ меня еще за то, и поскакалъ полку на встрѣчу, а фурьерамъ велѣлъ итти на мѣсто. Но сіи бездѣльники, пришедши туда, увидѣли скоро весь мой умыселъ и для чего все это было сдѣлано, и досадовали чрезвычайно, что имъ стоять на пашнѣ. Они при семъ одномъ не остались, но со злобы на меня взяли нарочно и перетыкали всѣ тычки и искривляли умышленно линію и фрунтъ такъ, что и палатки стали очень криво и дурно. Я, всего того не знаю и не вѣдаю, и радуясь своей удачѣ и обману, поѣхалъ и встрѣтивъ свой полкъ привелъ на мѣсто. Но что-жъ воспослѣдовало? Радость моя продлилась не долго, но обратилась скоро въ печаль, и сія игрушка довела было меня до несчастія.

Не успѣли полки стать въ лагерь, какъ пріѣхалъ изъ мѣстечка нашъ генералъ-майоръ Вильбоа, котораго ставка поставлена была у насъ на правомъ флангѣ. Онъ не успѣлъ подъѣхать къ лагерю, какъ искривленный Ростовскаго полку фронтъ тотчасъ ему въ глаза кинулся. Будучи чрезвычайно горячаго и вспыльчиваго права, разсердился онъ тогда чрезмѣрнымъ образомъ, и поскакалъ прямо къ сему фрунту. Но досада его еще болѣе увеличилась, когда онъ, думая найтить тамъ нашъ, увидѣлъ вдругъ Ростовскій, его любимый полкъ, который онъ, будучи до сего въ немъ полковни-

комъ, особливымъ образомъ защищалъ и любилъ. Онъ поднялъ тогда превеликій шумъ и крикъ и металъ вокругъ себя огнемъ и пламенемъ. — «Кто это? кто? кто это сдѣлалъ? кто такъ сдѣлалъ? кто становилъ лагерь? для чего худо? для чего криво? для чего не въ томъ мѣстѣ? кричалъ и вопилъ онъ:—подай его сюда»!

Квартермистръ ростовскій, вѣдая его вспыльчивость, не смѣлъ ему уже тогда показать глазъ своихъ; но по несчастію вышло нѣсколько офицеровъ, кои не меньше прочихъ были недовольны мѣстомъ и нажаловались ему, обвиняя прямо меня одного.

Я находился тогда въ полку своемъ и ничего того не зналъ, не вѣдалъ; но скоро увидѣлъ я бѣгающихъ по всему лагерю и меня къ генералу спрашивающихъ. — «Ну! говорилъ я тогда самъ себѣ: доходитъ до меня дѣло! какъ-то я отдѣлаюсь, и что-то мнѣ будетъ: генералъ человѣкъ бѣшеный, чтобъ не сдѣлалъ онъ чего со мною!» Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось. Генералъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ въ превеликой запальчивости оборвался на меня и смѣшалъ съ грязью. Я началъ-было приносить ему оправданія, но статочное ли дѣло, чтобъ ихъ ему выслушивать! Не оправданія слушать, но паказать меня у него на умѣ было. «Оборви его! крпчалъ только опъ, оборви адъютантъ, вотъ ужо я его проучу!» Адъютантъ тотчасъ сошелъ съ лошади и сталъ спимать шпагу. Что мнѣ тогда было дѣлать? Я вздѣлъ, что плетью обуха не перебьешь, стоялъ онѣмѣвши и давалъ ему безпрекословно спимать оную. Послѣ чего поѣхалъ генералъ, не слушая ничего болѣе, прочь, а я принужденъ былъ итти въ свою палатку.

Слухъ о моемъ несчастіи пронесся тотчасъ по всему лагерю, и всѣмъ было это непонятно, за что бы такое меня арестовали. И какъ весь полкъ меня любилъ и былъ мною доволенъ, то не было никого, кто бы обо мнѣ не жалѣлъ и меня о причинѣ того не спрашивалъ. Палатка моя наполнилась тотчасъ офицерами, пришедшими навѣщать несчастнаго, и я, горюя и смѣючись, говорилъ тогда имъ: «Вотъ это за васъ я за всѣхъ, господа, стражду! Васъ я пожалѣлъ и на пашню не поставилъ; но оттого самъ теперь терплю бѣду». Они очень довольны были моимъ усердіемъ, и потому стали еще болѣе обо мнѣ сожалѣть, говоря, что я невинно стражду. Наконецъ, услышавъ о томъ, зашелъ ко мнѣ самъ полковникъ нашъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. Я разсказалъ ему все подробно, и, наконецъ, смѣючись говорилъ: «Воля ваша, господинъ полковникъ! Вы должны меня теперь защитить — я не для себя, а для всего вашего полку это дѣлалъ, а мнѣ все бы равно, на пашнѣ ли или на лугу стоять!»— «Конечно, я и непремину стараться, отвѣчалъ онъ: — и много тобою въ семъ случаѣ доволенъ. Однако, возьмите на часокъ терпѣніе. Надобно дать время простынуть гнѣву генеральскому, а то я надѣюсь на себя, что все дѣло будетъ заглажено».

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣло часовъ двухъ пройтить, какъ прибѣжалъ за мной ординарецъ, чтобъ я шелъ немедленно къ генералу въ ставку. Я нашелъ тамъ своего полковника, и генералъ былъ уже какъ овечка смирепъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. «Ваше превосходительство, говорилъ я ему тогда смѣло, не изволили меня давича выслушать, я совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ не виноватъ; квартермистръ ростовскій остался въ Ковнахъ, и я не знаю зачѣмъ тамъ промедлилъ, даже до того времени, какъ полки пришли уже въ городъ. Я, будучи здѣсь, дожидался его болѣе двухъ часовъ, чтобъ онъ занялъ свой лагерь, но не могъ никакимъ образомъ дождаться. Наконецъ обозы уже пришли и требовали отъ меня мѣста. Я не зналъ, что тогда дѣлать, и думая, что хуже будетъ, ежели ваше превосходительство застанете обозы въ безпорядкѣ и въ замѣшательствѣ толпящіеся, другого не нашелъ, какъ занимать мѣсто подъ свой полкъ подлѣ гренадерскаго». — «О! такъ это

такъ-то было? прервалъ мою рѣчь генералъ: — да что же тотъ молодецъ тамъ дѣлалъ и зачѣмъ въ Ковнахъ праздновалъ?» — «Всего того не знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я: — только здѣсь ни его, ни одного изъ его фурьеровъ не было, и я, увидавъ уже и ихъ обозы пришедшіе, принужденъ былъ и для ихъ полку послѣ самъ разбивать лагерь».—«Да что жъ онъ криво разбитъ?» спросилъ генералъ.—«Тому уже не я виноватъ, отвѣчалъ я: — мнѣ не учиться разбивать лагери, и я разбилъ его хорошо, но они сами нарочно и умышленно все перекривили и тычки мои перетыкали, чтобъ привесть только тѣмъ въ гнѣвъ меня у вашего превосходительства».—«Вотъ смотри, какіе бездѣльники! закричалъ тогда генералъ: — Поэтому не ты, мой другъ, виноватъ, а всему причиною Похвиспевъ; но я ужо проучу сего молодца! Адъютантъ! вручи шпагу господину подпоручику, а вмѣсто того поди арестуй Похвиснева и вели его посадить на палочной». Потомъ, обратясь ко мнѣ, говорилъ: «Прости ты меня, мой другъ! Мнѣ не такъ все было сказано, и я всего того не вѣдалъ». Богъ тебя проститъ, думалъ я тогда самъ въ себѣ, а между тѣмъ, давай Богъ отъ него скорѣй ноги.

Симъ образомъ кончилось сіе несчастное приключеніе, которое одно только сего рода во всю мою службу и было. Всѣ офицеры рады были моему освобожденію и хвалили меня, что я хорошо отдѣлался. Совсѣмъ тѣмъ боялся я, чтобъ генералъ не провѣдалъ истинной причины; но, по счастію, скоро послѣ того выбыли мы изъ-подъ его команды и опредѣлены были въ другую дивизію, да и пастоящій нашъ квартермистръ, господинъ Штейнъ, отъ болѣзни своей свободился и вступилъ опять въ свою должность. Итакъ, возвратился я въ роту и не ѣздилъ болѣе занимать лагерей.

Другое приключеніе было смѣшного рода и состояло въ томъ, что я ненарочно и незнаючи напился пьянъ и впервые еще отъ роду. Произошло сіе слѣдующимъ образомъ. Еще задолго прежде пришествія въ Ковны, наслышались мы довольно, что въ Ковнахъ продаются славные польскіе меды, называемые липецы. Любопытство узнать, что́ это за напитокъ, было въ насъ превеликое, и для того не успѣли мы притти въ Ковны и расположиться лагерями, какъ спѣшилъ всякій отпроситься въ сей городъ для исправленія себя покупкою нужныхъ вещей. Въ числѣ сихъ былъ и я не изъ послѣднихъ. Пришедъ въ городъ, первое мое попеченіе было сыскать, гдѣ продаютъ липецъ. Мнѣ указали трактиръ или винный погребъ, куда пришедъ, спросилъ я тотчасъ онаго. Спросили меня. сколько прикажу я? «Штофъ!» сказалъ я, ибо думалъ, что онъ такой же слабый, какъ и прочіе польскіе меды, которые иногда въ жажду пить можно и до которыхъ мы, идучи Польшею, сдѣлались уже охотники. Хозяинъ удивился, видя меня одного, а спрашивающаго цѣлый штофъ меда! Однако, не сказавъ ничего, пошелъ и принесъ мнѣ оный; а я не меньше удивился, что онъ со штофомъ поставилъ мнѣ на столъ маленькую рюмку, а не стаканъ. «Что это такое! думалъ я самъ въ себѣ: — кто это видалъ, чтобъ медъ рюмками, и такими маленькими пить?» Однако разсудилъ опять, что можетъ быть тутъ и обыкновеніе такое, и видя хозяина одѣтаго порядочно въ нѣмецкое платье, для благопристойности посовѣстился спросить, что́ тому была за причина, и постыдился попросить стакана. Итакъ, налилъ я тотчасъ рюмку и выпилъ. Медъ показался мнѣ самымъ нектаромъ: чистъ, вкусенъ, сладокъ, пріятенъ, а и ктому-жъ показался мнѣ и совсѣмъ не крѣпокъ, а слабъ. Почему и дивился я еще тому и говорилъ самъ себѣ: «Вотъ, говорили, что липецъ очень крѣпокъ, а вмѣсто того, его безъ нужды пить можно». Итакъ, погодя немного, выпилъ я его еще рюмку, а спустя еще нѣсколько времени, еще одну. Но какъ въ сей разъ показался онъ мнѣ нѣсколько крѣпче, то не сталъ я его болѣе тогда пить, а думалъ пойтить напе-

редъ кой-что искупить и поискать кого-нибудь изъ знакомыхъ, и зайтить сюда послѣ и достальное выпить. Расположившись симъ образомъ, говорю я хозяину: не сдѣлаетъ ли онъ мнѣ дружбы и не поставитъ ли этотъ медъ въ шкафъ, и не побережетъ ли нѣсколько часовъ, покуда я приду съ пріятелями и не разопью достальное.—«Боже мой! сказалъ хозяинъ, для чего не поберечь! извольте, сударь, медъ вашъ будетъ цѣлъ, а только извольте за него заплатить».—«Конечно, мой другъ, сказалъ я:—это разумѣется само собою; сколько-жъ тебѣ за него надобно?»—«Червопецъ, только!» сказалъ съ хладнокровіемъ хозяинъ! Слово сіе меня поразило. «Вотъ-те на! думалъ я самъ себѣ, хорошъ медокъ!» Признаюсь, что мнѣ уже и очень жаль было, что я не спросилъ напередъ, чего онъ стоитъ; но какъ отдавать назадъ казалось мнѣ уже совѣстно и дурно, то хотя съ превеликимъ нехотѣніемъ и досадою на самаго себя, но полѣзъ я въ кошелекъ, заплатилъ сколько онъ требовалъ и пошелъ со двора, браня самъ себя за неосторожность, а медъ за его дороговизну; но комедія симъ еще не кончилась.

Не успѣлъ я съ полчаса по городу походить, какъ встрѣтился со мною нашего полку адъютантъ, и обрадовавшись меня увидѣвъ, говорилъ мнѣ, что онъ меня давно ищетъ, и чтобъ я шелъ какъ можно скорѣе въ лагерь къ полковнику, для нѣкоторой нужды. Я-было сталъ звать его съ собою въ трактиръ, но онъ отговорился недосугомъ, и совѣтовалъ мнѣ опять, чтобъ и я не медлилъ ни минуты. Такимъ образомъ, не имѣя времени заходить за моимъ лицемъ, побѣжалъ я въ лагерь, который не далѣе былъ отъ мѣстечка, какъ за версту. Тутъ не успѣлъ я притти къ полковнику и исправивъ то дѣло, зачѣмъ онъ меня призывалъ, возвратиться въ мою палатку, какъ вдругъ отнялись у меня обѣ мои руки и ноги. Странно мнѣ сіе и удивительно показалось. Я не понималъ, что это значило и испужавшись только и говорилъ:—«Господи помилуй! что это такое! что это съ моими руками и ногами сдѣлалось: боли кажется никакой не чувствую, а совсѣмъ ими почти не владѣю». Словомъ, я сдѣлался такимъ калѣкою, что принужденъ былъ лечь на землю и валялся какъ разслабленный, не понимая, чтобъ тому было причиною, ибо какъ я былъ, впрочемъ, во всемъ умѣ и памяти, то мнѣ и въ мысли не входило, чтобъ дѣйствіе сіе произвелъ мой медокъ, сладенькій и дешевый. Зашедшіе ко мнѣ офицеры растолковали мнѣ наконецъ сію тайну. Они спросили меня, не пилъ ли я липцу, и какъ я имъ сказалъ, что три рюмочки выпилъ, то захохотали они и сказали:—«Ну, братецъ! такъ это онъ дѣйствуетъ, и съ тобою еще не то будетъ». Предвѣщаніе ихъ и сбылось. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣло пройтить съ полчаса послѣ того времени, какъ сладенькій мой и прекрасный медокъ такъ меня рознялъ, что я сдѣлался мертвецки-пьянъ, и безъ ума почти и безъ памяти валялся, какъ обрубокъ по травѣ, передъ палаткою, и только и дѣла, что смѣялся и хохоталъ во все горло, ибо мнѣ каждая вещица казалась смѣшною. И тогда-то въ первый разъ узналъ я, каковъ бываю я пьяный, но благодарить Бога, что по сіе время случилось сіе со мною только два раза въ жизни. Въ таковомъ состояніи препроводилъ я весь остатокъ дня, не знавъ, гдѣ найтить себѣ мѣста; но наутріе, проснавшись, проклиналъ я этотъ окаянный медъ и съ его хозяиномъ, и не только не пошелъ допивать его въ городъ, но не хотѣлъ объ немъ и слышать, и оставилъ спокойно стоять его въ шкафу у хозяина.

Но я возвращусь къ описанію нашего похода. Вся армія, переправившись черезъ рѣку Вилію или Вильню, поставлена была лагеремъ вокругъ Ковенъ. Городокъ сей лежитъ въ наипрекраснѣйшемъ положеніи мѣста. Немалая рѣка Нѣмонтъ протекаетъ между высокихъ горъ широкою долиною. Ковны сидятъ на самомъ берегу оной и имѣютъ въ себѣ довольно каменнаго строенія, церквей и другихъ домовъ прекрасныхъ, изъ кото-

рыхъ въ наилучшемъ стоялъ тогда нашъ фельдмаршалъ; а прочіе заняты были его свитою и иностранными волонтерами и другими знатнѣйшими генералами. Весь городъ наполнился тогда народомъ и кипѣлъ военными людьми. Подлѣ самыхъ стѣнъ окружаетъ сей городъ другая и вышеупомянутая рѣка Вильна, впадающая въ Нѣмонтъ, такъ что городъ на самомъ узгу построенъ. Полки расположены были по берегамъ обѣихъ сихъ рѣкъ лагерями, и дѣлали тогда наипрекраснѣйшій видъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ сіе мѣсто прибѣхалъ къ арміи и генералъ-аншефъ Броунъ; также соединились съ нею и войска наши, шедшія прямо изъ Смоленска и изъ Стародуба, и состоящія по большей части изъ конницы и легкихъ войскъ. Такимъ образомъ собралась въ семъ мѣстѣ вся наша армія вмѣстѣ, кромѣ дивизіи генерала Фермора, которая, какъ выше упомянуто, пошла осаждать Мемель.

Не успѣлъ весь генералитетъ съѣхаться и собраться, какъ дѣланъ былъ тутъ два раза военный консиліумъ или совѣтъ, и трактовано было на пихъ о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и о томъ, гдѣ и какъ вступить въ прусскія границы; послѣ чего сдѣлано было во всей арміи другое распоряженіе между полками. Нашъ полкъ достался уже въ иную и ту дивизію, которою командовалъ генералъ-аншефъ Броунъ; а бригадою нашею, сдѣланною изъ нашего да изъ Нарвскаго и Выборгскаго полку, сталъ предводительствовать уже г. бригадиръ Берхъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ и съ толикою медленностію тащились изъ Риги до Ковенъ, и тутъ со всѣхъ сторонъ понемногу собираясь, время свое не столько въ дѣлѣ, сколько въ праздности и въ пустыхъ излишпостяхъ препровождали, въ Богеміи и въ другихъ мѣстахъ продолжалъ горѣть огнь воеппаго пламени наижесточайшимъ образомъ. Помянутая прежде сего и столь страшная баталія у цесарцевъ съ прусаками подъ Прагою, сколь ни была кровопролитна, и хотя на оной въ нѣсколько часовъ перебито и переуродовано было съ обѣихъ сторонъ болѣе 30 тысячъ человѣкъ, однако она не перемѣнила нимало положенія дѣлъ, не уменьшила лютости войны и не произвела никакой еще надежды къ миру. Баталія сія въ особливости достопамятна тѣмъ, что хотя всѣ думали и ожидали, что возъимѣетъ она великія послѣдствія, однако сего не было, и она ихъ не имѣла. Всѣ думали, что побѣдившій тогда цесарцевъ король прусскій, погнавшись за убѣгшими цесарцами вслѣдъ и догнавъ, всѣхъ ихъ истребитъ, а запершихся въ Прагѣ принудитъ огнемъ и голодомъ отдаться въ полонъ, и многіе бились даже объ закладъ, что король не преминетъ сего сдѣлать и надѣялись, что онъ овладѣетъ всею Богеміею прежде, нежели цесарцы успѣютъ еще опомниться: однако всѣ въ томъ обманулись.

Король сколько ни употреблялъ своего искусства къ тому, чтобъ воспользоваться колико можно болѣе сею побѣдою, однако не имѣлъ въ томъ дальней удачи. Для истребленія убѣгшихъ цесарцевъ, хотя и отправилъ онъ въ погопю герцога Беверпскаго съ 20-ю тысячами человѣкъ своего войска, но всѣ старапія сего герцога были безуспѣшны, и опъ не могъ никакъ воспрепятствовать имъ соединиться съ другимъ цесарскимъ корпусомъ, стоявшимъ неподалеку отъ Колипа. Сіи войска, будучи подкрѣплены и умножены другими, пришедшими изъ Моравіи и изъ Венгріи, составили въ короткое время вновь довольно великую армію и для командованія оною прислапъ былъ Даунъ, генералъ, который одинъ только могъ дарованіями своими сколько-нибудь равняться королевскимъ и въ состояніи былъ ему противоборствовать.

Самъ же король разсудилъ остаться на мѣстѣ баталіи, для окруженія и взятія города Праги и всѣхъ въ немъ засѣвшихъ цесарцевъ. Онъ послалъ тотчасъ въ него требовать сдачи; но удивился, услышавъ, что находится въ опомъ

самъ принцъ Карлъ Лотарингскій, съ цѣлою арміею цесарскаго войска, ибо число оныхъ простиралось до 40 тысячъ человѣкъ. Несмотря на то, окружилъ король со всѣхъ сторонъ сей великій городъ и, надѣлавъ повсюду баттарей, сталъ утѣснять оный наижесточайшимъ образомъ. Однѣхъ бомбъ и каленыхъ ядеръ кинуто было въ него до 170,000 и 900 зданій разрушено и повреждено было оными. Однако всѣми сими усиліями не могъ король ничего важнаго сдѣлать, и ниже овладѣть малѣйшими укрѣпленіями сего города. Принцъ Карлъ противился наиупорнѣйшимъ образомъ и опровергалъ всѣ его на себя посяганія. Сама натура помогала ему въ томъ нѣсколько. Преужасныя громовыя тучи и проливные дожди произвели, что рѣка Мульда выступила изъ береговъ, разорвала прусскіе понтонные мосты и доставила ихъ цесарцамъ въ руки, произведя чрезъ то въ прусскомъ войскѣ великую разстройку.

При сихъ обстоятельствахъ и видя, что вся его стрѣльба непріятелямъ мало вреда дѣлала, рѣшился король выморить цесарцевъ голодомъ и принудить къ сдачѣ, и какъ въ городѣ начиналъ уже появляться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то и имѣлъ бы можетъ быть успѣхъ въ томъ вожделѣнный, еслибъ не помѣшали ему въ томъ другія обстоятельства, а именно то, что генералъ Даунъ съ 60-ю тысячами человѣкъ цесарскаго войска началъ подвигаться къ городу для освобожденія онаго отъ осады, и что герцогъ Бевернскій, будучи слишкомъ слабъ для удержанія его, принужденъ былъ назадъ податься. Король, услышавъ о семъ, оставилъ Кейта продолжать осаду, а самъ оторвавъ, сколько можно было, войска и соединившись съ герцогомъ Бевернскимъ, съ 23-мя батальйонами пѣхоты и 30-ю эскадронами конницы пошелъ противъ Дауна, чтобъ съ нимъ сразиться.

Къ предпріятію сему побудило короля во-первыхъ то, что извѣстно ему было, что Дауну отъ цесаревы приказано было отважиться на все для освобожденія принца Карла и для недопущенія до того, чтобъ король взялъ въ Прагѣ цѣлую армію въ полонъ. Во-вторыхъ, видѣлъ онъ, что не сразившись съ нимъ, и его не побѣдивъ, неможно было ему никакъ овладѣть Прагою; а въ-третьихъ, и всего паче, зналъ онъ, что отъ побѣды надъ Дауномъ произойтить могутъ весьма важныя и выгодныя для его слѣдствія. Онъ надѣялся вѣрно, что выигравши сіе сраженіе, получитъ онъ, во-первыхъ, великій и совершенный уже верхъ надъ цесарцами; во-вторыхъ, всѣхъ ополчающихся противъ его имперскихъ князей, коихъ напугалъ уже онъ посланными отъ себя 500 человѣкъ гусаръ въ нѣдра Германіи для воспрепятствованія соединенію ихъ войскъ и достигшими даже до Нюренберга и Регенсбурга, и кои доведены были уже до того, что начали колебаться и помышлять объ оставленіи цесарской стороны принудитъ просить себя о заключеніи съ ними нейтралитета; втретьихъ, надѣялся онъ, что разстроитъ тѣмъ и самый планъ французовъ, и, можетъ быть, остановитъ всѣ военныя ихъ операціи въ Германіи, ибо сіи имѣли уже, между тѣмъ, время не только выступить въ поле, но перейтить Рейнъ и, соединившись съ корпусомъ цесарцевъ, войдти въ Вестфалію, гдѣ принцъ Субизъ, предводительствуя ими и цесарцами, менѣе нежели въ недѣлю взялъ городъ Везель и отнялъ у пруссаковъ все Клевское и Гельдернское княжество и прогналъ ихъ до самой ганноверской арміи, которая, подъ командою герцога Кумберландскаго, взялась съ сей стороны защищать земли прусскаго владѣнія; но пріѣхавшимъ къ арміи французскимъ маршаломъ Детреемъ была также уже разбита при Гастенбекѣ и потеряла самый городъ Ганноверъ. Вчетвертыхъ, надѣялся онъ, что чрезъ то и самые шведы, угрожающіе его нападеніемъ на Померанію, сдѣлаются миролюбивѣе и осторожнѣе; а въ-пятыхъ, уповалъ онъ, что чрезъ то и самый нашъ дворъ преклонится на иныя мысли, ибо король могъ бы уже тогда раздѣлить армію свою всюду и всюду, и не только выставить и

противъ насъ множайшую силу, но подоспѣть на вспоможеніе и утѣсненному герцогу Кумберландскому.

Сіи-то причины и льстительныя надежды убѣдили короля спѣшить скорѣе иттить противъ цесарцевъ и дать баталію съ Дауномъ. Многіе, разумѣющіе военное искусство, обвиняютъ въ семъ случаѣ короля великою погрѣшностью и говорятъ, что могъ бы онъ стать съ арміею своею въ выгодномъ и такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ и не давая баталіи, могъ воспрепятствовать Дауну продраться до Праги, и что могъ бы онъ чрезъ то взять сей городъ, который не могъ болѣе уже, какъ нѣсколько дней держаться. Но король, привыкнувшій къ скоропостижности и жадничая уже слишкомъ побѣды, восхотѣлъ самъ аттаковать, и тѣмъ испортилъ все дѣло.

Даунъ, избравъ весьма выгодное положеніе мѣста, ожидалъ спокойно нападенія отъ короля пруссскаго. Сей не успѣлъ приттить, какъ тотчасъ и напалъ на него. и 7 іюня, въ два часа по-полудни, началась баталія. Лѣвое крыло арміи прусской приближается къ аттакованію праваго цесарскаго. Въ единый мигъ крыло сіе аттакуется спереди и сбоку, и устремленіе жестокое пруссаковъ опровергаетъ конницу цесарскую. Графъ Сербелони, будучи хотя раненъ, но съ саблею въ рукахъ, устремляется противъ пруссаковъ, возобновляетъ сраженіе и получаетъ опять верхъ надъ ними. Пѣхота дралась, между тѣмъ, съ ужаснымъ кровопролитіемъ; шесть разъ разстроиваны и прогоняемы были батальйоны Фридериховы, и шесть разъ возвращались они опять нападать на цесарцевъ съ толикою же неустрашимостью. Даунъ и король прусскій находятся повсюду сами! Принцъ Карлъ Лобковичъ, князь Эстергази и графъ Одонель отправляютъ должность и командировъ, и самыхъ рядовыхъ солдатъ. Съ прусской же стороны оба брата королевскіе, принцъ Гейнрихъ и Фердинандъ помогаютъ ему и раздѣляютъ съ нимъ труды и опасности. Около семи часовъ вечера ослабѣваютъ обѣ арміи отъ трудовъ тяжкихъ, и власно какъ съ общаго согласія берутъ на полчаса отдохновеніе. Фридрихъ предпринимаетъ употребить послѣднее усиліе и поправить погрѣшность, учиненную генераломъ его, Манштейномъ, чрезъ начатіе тамъ сраженія, гдѣ отъ короля ему запрещено было. Онъ собираетъ наилучшія свои войска, для нападенія еще разъ на храбрые батальйоны цесарскіе, только разъ ихъ прогонявшіе, и идетъ предводительствовать самъ онымп. Онъ останавливаетъ бѣгущихъ единымъ словомъ: «или хотите вы жить вѣчно» и возвращаетъ иттить на смерть! А Даунъ, между тѣмъ, приказываетъ конницѣ своей на лѣвомъ крылѣ устремиться на непріятеля и аттаковать его съ боку. Сіе движеніе и храбрый отпоръ его пѣхоты рѣшили, наконецъ, судьбу сего страшнаго дня и доставило ему совершенную побѣду. Прусаки потеряли на семъ достопамятномъ сраженіи до 8,000 человѣкъ наилучшей своей пѣхоты и до 12,000 ранеными и разбѣжавшимися. Король ретируется въ довольномъ безпорядкѣ. Всѣ его пышные и великолѣпные замыслы и льстительныя надежды разрушаются. Онъ возвращается въ тотъ же вечеръ къ арміи, оставленной подъ Прагою и черезъ день повелѣваетъ оставить осаду, и съ стыдомъ и урономъ выходитъ потомъ совсѣмъ изъ Богеміи; цесарцы получаютъ въ добычу 22 знамя и 45 пушекъ со множествомъ снарядовъ. Сіи трофеи служатъ имъ доказательствомъ ихъ побѣды, которая не болѣе стоитъ имъ 5,000 человѣкъ, коими покупаютъ они себѣ великія выгоды и спасаютъ цѣлыхъ 40 тысячъ отъ плѣна, со множествомъ принцевъ и генераловъ.

Не можно изобразить, сколь много обрадованъ былъ цесарскій дворъ извѣстіемъ о сей рѣшительной, славной и во всѣхъ обстоятельствахъ великую перемѣну произведшей побѣдѣ. Даунъ первый имѣлъ ту славу, что разбилъ короля на баталіи формальной и порядочной, и императоръ съ цесаревою были имъ такъ довольны, что поѣхали сами къ его женѣ сообщать ей сіе радостное извѣстіе. Впро-

чемъ извѣстно, что цесарева при самомъ семъ случаѣ учредила свой военный орденъ, давъ ему свое имя Маріи-Терезіи. Она оказала генералу Дауну то отмѣнное преимущество, что дозволила самому ему учинить произвожденіе въ ея арміяхъ. Сей знакъ почтенія и довѣренности былъ для фельдмаршала сего тѣмъ лестнѣе, что преподалъ ему случай изъявить опыты дружбы самымъ соперникамъ своимъ въ чести. Выборъ, учиненный имъ въ семъ произвожденіи, покрылъ его иного рода славою и честію, которая, не будучи хотя столь громкою, какъ полученная чрезъ побѣду, однако не менѣе достойна великихъ похвалъ. Но я возвращусь къ нашей арміи и продолженію моей повѣсти.

Изъ всего вышеписаннаго легко можно усмотрѣть, что славная сія баталія при Колинѣ происходила въ Богеміи, въ самый тотъ день, въ который пришли мы съ арміею въ помянутое польское мѣстечко Ковны. Цесарцы не преминули тотчасъ отправить къ намъ курьера съ увѣдомленіемъ о своей побѣдѣ; но мы не прежде извѣстіе о томъ получили, какъ 16-го іюня.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для всѣхъ насъ весьма пріятно, ибо какъ цесарцы были наши союзники, и мы за нихъ сами воевать шли и въ королѣ прусскомъ имѣли общаго непріятеля, то и произвело оное во всей нашей арміи такую же почти радость, какъ бы побѣда сія одержана была надъ нимъ собственными нашими войсками. Фельдмаршалъ непреминулъ тотчасъ во всей арміи оную обнародовать, и тотчасъ сообщены были во всѣ полки копіи съ полученной цесарской реляціи. Послѣ чего собраны были со всѣхъ полковъ и всѣ полковые священники въ главную квартиру, гдѣ, при громѣ пушекъ, принесено было Всевышнему торжественное благодареніе. Всѣ генералы обѣдали въ тотъ день у фельдмаршала, и пушки принуждены были работать во весь тотъ день и оглушать громомъ своимъ ковенскихъ жителей.

Послѣ чего не стали мы уже болѣе тутъ медлить, но въ тотъ же еще день отданы были приказы, чтобъ мы въ походъ далѣе итти готовились. Но я отложу повѣствованіе о дальнѣйшемъ нашемъ походѣ до послѣдующаго письма, а между тѣмъ, остаюсь и проч.

ПОХОДЪ КЪ ПРУССІИ.

Письмо 40.

Любезный пріятель! Итакъ, не успѣли мы получить вышеупомянутаго радостнаго извѣстія, какъ полководцы наши не восхотѣли долѣе медлить въ Ковнахъ, но стали поспѣшать походомъ, и для того, на другой же день послѣ того, то-есть 17-го іюня, велѣно уже было нѣкоторымъ бригадамъ выходить въ походъ и по немногу перебираться за рѣку Нѣмонтъ, чрезъ которую сдѣланъ былъ также изрядный мостъ на понтонахъ. Въ слѣдующій затѣмъ день продолжала армія перебираться, и въ сей день выѣхалъ и самъ генералъ-фельдмаршалъ изъ Ковенъ; но вся армія не могла никакъ перебраться прежде 21 числа, въ который день перешелъ, наконецъ, и нашъ полкъ вмѣстѣ съ прочими.

Выступленіе сіе изъ Ковенъ памятно мнѣ въ особливости и понынѣ, по причинѣ одного печальнаго приключенія

случившагося въ самый тотъ часъ, какъ мы выступили. Я имѣлъ въ полку нашемъ одного весьма хорошаго пріятеля, который сверхъ того мнѣ и нѣсколько сродни, а при томъ близкій сосѣдъ по моимъ деревнямъ былъ. Онъ служилъ уже поручикомъ и назывался Ѳедоръ Семеновичъ Селиверстовъ. Поелику характера онъ былъ весьма хорошаго, то и жили мы съ нимъ всегда въ дружбѣ и любили взаимно другъ друга. Сей человѣкъ занемогъ во время нашего похода Польшею и далеко не доходя еще до Ковенъ. И какъ всѣ тѣ по справедливости названы могутъ быть несчастными людьми, которымъ случится занемочь въ походахъ, потому что рѣдкимъ изъ нихъ, а особливо страждущимъ тяжкими болѣзнями, удается выздоравливать, то таковому-жъ несчастному жребію подверженъ былъ и г. Селиверстовъ. Его хотя и лечилъ нашъ полковой лекарь, но можетъ ли порядочное леченіе производимо быть въ походѣ, когда больной, вмѣсто нужнаго ему покоя, всякій день подвергается новымъ безпокойствамъ и когда самому врачу нѣкогда о самомъ себѣ помыслить, а потому и его хотя и привезли въ Ковны живого, но болѣзнь его уже столько усилилась, что онъ находился уже при краю жизни. А по сей причинѣ, хотя въ Ковнахъ мы и имѣли недѣли двѣ спокойное стояніе, но ему не помогали уже никакія лекарства. Но сего было еще не довольно; но несчастный его рокъ хотѣлъ, чтобъ онъ въ самую-ту минуту лишился жизни, когда мы выступили только въ походъ и кибитку съ нимъ тронули только съ мѣста. Не могу изобразить, сколь сильно поразился я и другіе его пріятели, когда, отъискавъ насилу насъ, прибѣжали намъ сказать, что онъ переселился въ вѣчность. Взгоревались мы и не знали, что намъ съ нимъ тогда дѣлать. Весь полкъ находился тогда уже въ движеніи со всѣми своими обозами, и сіи понуждаемы были съ великимъ поспѣшеніемъ переправляться за рѣку. Мы доложили о томъ полковнику и просились, чтобъ уволить насъ хотя на нѣсколько часовъ для погребенія его тѣла. Но обстоятельство сіе было такъ трудно, что принуждено было докладывать о томъ нашему бригадному командиру, ибо отъ него накрѣпко запрещено было не отлучаться отъ своихъ мѣстъ никому: но и тотъ не болѣе насъ отпустилъ, какъ на одинъ часъ времени и приказалъ намъ тамъ его погресть, гдѣ мы найдемъ повозку его на дорогѣ. Что̀ было тогда намъ дѣлать? Мы принуждены были повиноваться строгому повелѣнію нашего начальника и, позабывъ о всѣхъ обрядахъ и погребательныхъ церемоніяхъ, не столько погресть, какъ вырывши въ случившемся подлѣ дороги лѣсочкѣ небольшую ямку, засыпать его пескомъ, ибо въ скорости и за великимъ поспѣшеніемъ шествія и бывшей между всѣми обозами превеликой сумятицѣ и самаго попа отыскать было никакъ не можно. Итакъ, слезы наши, которыми оросили мы бездушный трупъ нашего друга, и вздохи, возсылаемые къ небесамъ, служили ему вмѣсто всѣхъ церемоній и погребательныхъ обрядовъ. Не могу вспомнить, коликою жалостію поражены были тогда наши сердца, когда песокъ закрывалъ трупъ его въ послѣднія отъ глазъ нашихъ. Мы воображали себѣ, что весьма легко статься можетъ, что и мы подвержены будемъ таковому же несчастному жребію, и говорили взаимно другъ другу: «Почему знать! можетъ быть и намъ также на походѣ случится умереть! можетъ быть и насъ такимъ же образомъ, или еще хуже сего, зароютъ въ песокъ, и никто изъ родныхъ нашихъ не будетъ знать, гдѣ наша и могила»!

Такимъ же образомъ и въ сіе же время лишился жизни и прежній мой учитель, г. Миллеръ. Жестокая болѣзнь похитила его отъ свѣта вмѣстѣ со многими другими. Отъ сего человѣка хотя и много видѣлъ я въ малолѣтствѣ худа, но все оное давно уже позабылъ, и онъ, будучи офицеромъ, такъ уже меня любилъ, что я считалъ его себѣ другомъ, а потому не могъ, чтобъ и его бездушный трупъ не оросить слезами дружества. Сей умеръ

хотя еще въ лагерѣ и наканунѣ нашего выхода, но поелику былъ иностранецъ, то и ему не лучшее было погребеніе. Такимъ же образомъ и онъ зарытъ былъ, безъ дальнихъ церемоній, въ ямы. Но мнѣ время уже оставить сіи печальные предметы и возвратиться къ нашему походу.

Какъ, перешедъ рѣку Нѣмонтъ, принуждено было намъ переходить весьма крутыя и неспособныя горы, то. передневавъ на берегу оной 22 число, велѣно было взять намъ на трое сутокъ провіанта и иттить напередъ, оставя обозы, чрезъ горы перебираться по своей волѣ. Сіе случилось еще впервые съ нами, что мы принуждены были разставаться съ нашими обозами и запасаться также для себя съѣстною провизіею, что̀ для насъ по необыкновенію было довольно дико. Мы перешли вътотъ день (23-го) всею арміею до деревни Гоги, сидящей на берегу Нѣмонта, и думали, что обозы наши долго не будутъ; однако они, противъ чаянія нашего, перебрались еще въ тотъ же день чрезъ горы и прибыли къ намъ къ вечеру. Единая была намъ трудность только та, что лошадей для корма принуждены мы были переправлять вплавь чрезъ рѣку Нѣмонтъ и съ немалою опасностію.

Послѣдующій день (24-го) стояли мы тутъ и отдыхали, а 25 числа выступили опять въ походъ, оставя обозы позади. Однако они обошли насъ на дорогѣ, и мы ночевали въ сей день при мѣстечкѣ Прени. Наутріе-же (26-го), продолжая походъ, прибыли мы къ мѣстечку Барбаришкамъ и расложились по лагеремъ позади онаго, въ которомъ и самъ фельдмаршалъ сталъ въ своихъ великолѣпныхъ шатрахъ, которые мы до сего еще и не видывали, и потому не могли пышности и красивости ихъ и величинѣ всего фельдмаршальскаго стана довольно насмотрѣться. Весь оный, по множеству разноцвѣтныхъ палатокъ и шатровъ, представлялъ видъ нѣкакого маленькаго походнаго городка, посреди котораго возвышались гордые, огромные шатры съ позлащенными своими шишками. Одинъ, и величайшій изъ нихъ, стоялъ впереди и служилъ вмѣсто залы; другой, стоявшій позади сего, былъ поменьше и служилъ вмѣсто передспальни, а позади сего стоя̀ла уже круглая калмыцкая кибитка, служащая фельдмаршалу почивальною; множество маленькихъ и сплощеныхъ между собою палатокъ окружали сіи шатры съ трехъ сторонъ, и въ нихъ живали штатъ и прочіе низкіе чины, находившіеся при фельдмаршалѣ.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы опять болѣе недѣли, отчасти для приближающагося праздника Петра и Павла, отчасти для того, что съ сего мѣста надлежало уже поворачивать вправо для вхожденія въ Пруссію, а у насъ не все еще было изготовлено. Также хотѣлось нашему генералъ-фельдмаршалу сдѣлать генеральный смотръ всему своему войску, или наче научиться становить оное въ ордеръ баталіи. И для того (28-го), наканунѣ Петрова дня, выведена была вся армія, на находящееся неподалеку отъ нашего лагеря, весьма чистое и пространное поле и построена порядочнымъ образомъ въ ордеръ баталіи въ двѣ линіи. По пріѣздѣ генералъ-фельдмаршала, отдана была ему впервые еще всею арміею честь, и онъ объѣхалъ всю ее кругомъ и любовался зрѣлищемъ на толь многочисленное множество народа, въ его повелѣніяхъ находящагося. Многочисленная свита, состоящая изъ разныхъ чиновныхъ людей, въ его шатрѣ находившихся, изъ множества генераловъ и иностранныхъ волонтеровъ, послѣдовала за онымъ, а нѣсколько десятковъ чугуевскихъ казаковъ, гусаръ, кирасиръ и другихъ конныхъ войскъ эскортировали сіе шествіе и придавали ему еще болѣе великолѣпія. Что-жъ касается до бригадныхъ командировъ, то всякій изъ нихъ дожидался пріѣзда фельдмаршала предъ фронтомъ своей бригады, и по приближеніи скакалъ къ нему и отдавалъ ему честь шпагою, приказавъ между тѣмъ производить громъ въ барабаны, играть во всѣхъ полкахъ музыкѣ и вездѣ преклонять знамена, какъ скоро фельдмаршалъ противъ

нихъ поровняется. Все сіе увеличивало пышность сего зрѣлища, которое для самихъ насъ было еще ново, ибо тогда впервые еще увидѣли мы всю армію въ строю, и видъ сей былъ для глазъ нашихъ поразителенъ.

По совершеніи всего объѣзда и осмотрѣніи всѣхъ полковъ, назначенныхъ тогда для вшествія въ непріятельскую землю, отслуженъ былъ молебенъ для испрошенія отъ Бога начинаемому нами дѣлу благословенія, а потомъ началась пальба слѣдующимъ образомъ: по выстрѣлѣ, въ первый разъ, поставленной на правомъ флангѣ сигнальной пушки, началась производиться пушечная пальба изъ всѣхъ полковыхъ пушекъ въ обоихъ линіяхъ, по одному картузу. По данному вторично сигналу стрѣляла вся армія по-плутоножно, а по третьему — учинен былъ всею арміею изъ пушекъ и мелкаго ружья генеральный залпъ, который выстрѣлъ надѣлалъ уже довольно грома и былъ столько же новъ и поразителенъ для нашего слуха, сколько видъ всей арміи для нашего зрѣнія. Послѣ чего учинена была первою линіею и конницею примѣрная аттака и мы, побѣгавши нѣсколько по полю, разстрѣлявъ нѣсколько пудовъ пороху по пустому, довольно поизмученные, распущены были наконецъ въ лагери.

На утріе праздновали мы праздникъ Петра и Павла съ обыкновенною церковною церемоніею и бывшимъ парадомъ, въ который день получилъ я особливую радость чрезъ пріѣздъ въ полкъ зятя моего, г. Неклюдова. Онъ командированъ былъ, какъ прежде уже упомянуто, еще изъ нашихъ кантониръ-квартиръ въ Польшу для заготовленія и покупки провіанта, и находился въ польскихъ именитыхъ городахъ—Вильнѣ и Гроднѣ, и, наконецъ, по исправленіи своей коммиссіи, отпущенъ былъ и прибылъ въ свой полкъ. Посылка сія была ему далеко не такова выгодна и прибыточна, какъ многимъ другимъ, бываемымъ при такихъ дѣлахъ и наживающихъ себѣ цѣлыя тысячи. Зять мой не такого былъ характера и расположенія, чтобъ ему что-нибудь неправильно наживать и предпринимать для того какія-нибудь мошенничества и присягѣ и должности противныя дѣла, почему отъ коммиссіи сей не нажилъ онъ ни копейки, но, напротивъ того, въ посылкѣ сей претерпѣлъ не малый убытокъ, ибо у него померли отъ болѣзней всѣ почти бывшіе съ нимъ и весьма хорошіе люди, и онъ выѣхалъ съ однимъ только старичишкомъ, и терпѣлъ такую нужду въ людяхъ, что принужденъ былъ уже я сколько-нибудь помогать ему своими, покуда могъ онъ получить деньщиковъ себѣ.

На другой день послѣ Петрова дня (30-го) прискакалъ къ намъ отъ генерала Фермора майоръ Романіусъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что толь страшная намъ прусская пограничная крѣпость Мемель, которую пошелъ онъ осаждать, взята была наконецъ имъ, по продолжавшейся нѣсколько дней осадѣ, 24-го числа сего мѣсяца на капитуляцію, и притомъ съ столь хорошимъ успѣхомъ, что съ нашей стороны во всю осаду убито было только 3, да ранено 17 человѣкъ. Радость о сей первой, полученной надъ непріятелемъ выгодѣ, была во всей арміи неописанная, и, казалось, что она много уменьшила тотъ страхъ, который имѣли мы отъ пруссаковъ, ибо храбрость оныхъ превозносима была тогда до небесъ, и описываема была намъ уже слишкомъ величайшею, почему и знали мы довольно, что идемъ противъ храбраго и сильнаго непріятеля, котораго неинако, какъ опасаться было надобно, хотя въ самомъ дѣлѣ силы его далеко были не таковы страшны.

Въ послѣдующій день, что учинитъ 1-го числа іюля, было у насъ во всей арміи торжество и молебствіе о семъ счастливомъ происшествіи, и земля только стонала отъ звука пушекъ, гремящихъ подлѣ фельдмаршальской ставки, ибо мы порохъ по пустому терять превеликіе были охотники. Онъ сдѣлалъ для всего генералитета великолѣпный обѣдъ, и мы всѣ не могли довольно навеселиться

зрѣніемъ на непріятельскія знамена, которыя взяты были въ Мемелѣ, и, по привезеніи къ фельдмаршалу, поставлены предъ его ставкою. Но торжество сіе едва-было не нарушилось печальнымъ происшествіемъ. Въ то самое время, какъ оно отправлялось, сдѣлался въ мѣстечкѣ Барбаришкахъ превеликій пожаръ, и вѣтеръ несъ огонь прямо на стоявшую по близости мѣстечка нашу артиллерію, почему сдѣлалась тогда превеликая тревога, и спѣшили какъ можно скорѣе отвезти ящики пороховые; однако пожаръ скоро потушили, и вреда никакого не послѣдовало.

Такимъ образомъ стояли мы въ семъ лагерѣ по 6-е число іюля, и цѣлыхъ почти десять дней, а въ помянутой день выступилъ фельдмаршалъ съ первою дивизіею въ дальнѣйшій походъ и, поворотя вправо, пошелъ прямо къ прусскимъ границамъ, а въ послѣдующій день (7-го) выступили и мы съ прочими и, продолжая походъ свой даже до самаго вечера, ночевали при деревнѣ Гутше, гдѣ лагерь всей арміи поставленъ былъ уже по плану и порядочнымъ образомъ, а не такъ, какъ прежде, побригадно, и гдѣ одна бригада, гдѣ другая; ибо чѣмъ ближе стали мы приближаться къ непріятельской землѣ, тѣмъ болѣе стали брать и осторожности, а сверхъ того надобно было еще и поучиться становиться совокупно.

Въ послѣдующій день (8-го), и уже гораздо за полдень, выступили мы опять въ походъ и, продолжая оный до самой полуночи, пришли ночевать въ занятый лагерь, при мѣстечкѣ Людвинѣ.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы опять цѣлыхъ четыре дня (9, 10, 11 и 12), въ которое время ничего достопамятнаго не случилось, кромѣ того, что 12-го числа послѣ обѣда была чрезвычайно жестокая гроза съ бурею и градомъ. У многихъ офицеровъ сорвало тогда палатки, однако моя удержалась. Градъ былъ столь крупенъ, что почти весь въ орѣхъ величиною, а многія градины болѣе грецкаго орѣха были.

13-го числа выступили мы опять въ походъ и принуждены были обходить превеликій лѣсъ и терпѣть въ водѣ недостатокъ. Мы ночевали при одномъ польскомъ маленькомъ мѣстечкѣ, котораго званіе я позабылъ, а поутру (14-го), взявъ съ собою воду, маршировали до другого польскаго мѣстечка, котораго званія я не могъ тогда узнать, и тутъ опять въ пустомъ мѣстечкѣ ночевали.

Наконецъ, 15-го числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до прусской земли. И какъ мы симъ образомъ къ непріятельской землѣ совсѣмъ почти уже приблизились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ, и батальонъ-кареемъ; также употребляемы были уже предосторожности. Передъ фрунтомъ закинуты были у насъ рогатки, власно такъ какъ-бы пруссаки были турки и татары, были у насъ уже на носу и могли насъ всѣхъ перерубить и искрошить въ мелкія части, еслибъ не взять сей смѣшной предосторожности, хотя они были отъ насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще недовольно; но за рогатки сіи на всякую ночь выводились еще превелікіе бекеты, при пушкахъ и гаубицахъ. Ничто намъ такъ не досадно было, какъ сіи проклятые бекеты, въ которыхъ принуждены были мы ночевать въ ружьѣ и безъ палатокъ, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ приученію насъ къ военнымъ трудамъ, а того болѣе къ напрасному отягощенію.

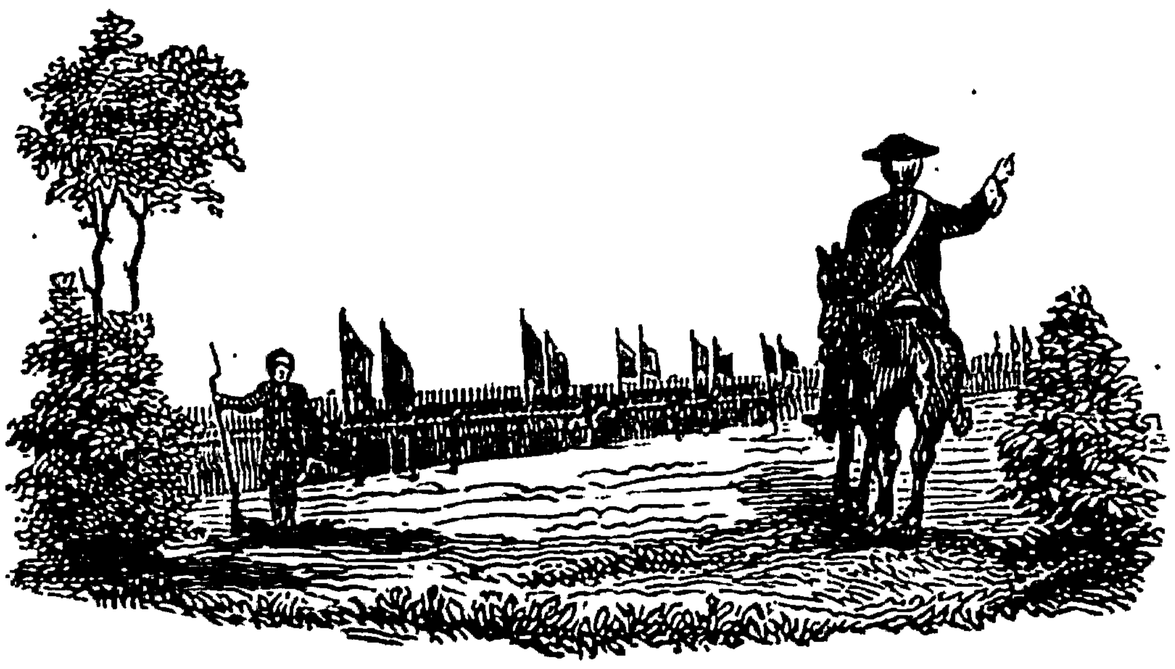
Въ семъ мѣстѣ, и не входя еще въ въ прусскія границы, стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назади еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣдыванія о непріятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ итти надлежало. Въ которое время, на другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-майоръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ со всею кавалеріею и кираспрскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шелъ чрезъ Польшу совсѣмъ иною дорогою.

Въ послѣдующій день, то-есть 17-го

іюля, пойманъ былъ уже прусскій шпіонъ, разъѣзжавшій подъ видомъ польскаго шляхтича, съ собаками. Я думаю, онъ хохоталъ, увидѣвъ нашу трусость и излишнія предосторожности. Его поймали наши казаки и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, будто бы онъ былъ прусскій поручикъ съ двумя солдатами. Чрезъ сіе узнали мы, что и непріятель, съ своей стороны, былъ не безъ дѣла, но бралъ равномѣрно нѣкоторыя, однако существительнѣйшія предъосторожности.

18-го числа сдѣлано было въ арміи нашей опять новое распоряженіе между полками. Нѣкоторые полки назначены были въ авангардный корпусъ, которому быть всегда напередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-поручику Ливену, который у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ бригады въ бригаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвскій и Выборгскій полки, а на мѣсто ихъ опредѣлили въ бригаду Бѣлозерскій и Бутырскій. Богу извѣстно, на что̀ происходила тогда такая тасовка.

Симъ кончился тогда весь нашъ походъ чрезъ Польшу и дружескими землями, и какъ съ сего времени начался въ непріятельской, то дозвольте мнѣ, любезный пріятель, симъ письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь и проч.



ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПРУССІЮ И ТРЕВОГА.

Письмо 41-е.

Любезный пріятель! Пересказавъ вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ всю исторію нашего медленнаго и многотруднаго похода чрезъ Польшу, приступлю теперь къ описанію похода нашего Пруссіею, или самыхъ нашихъ военныхъ подвиговъ. Разскажу вамъ, любезный пріятель, какъ мы въ непріятельскую землю вступили, какъ оною шли, какъ съ партіями непріятельскими вели такъ-называемую малую войну, а потомъ, какъ и со всею ихъ арміею дрались порядочнымъ образомъ. Однако, прежде самаго приступленія къ сему описанію, не за излишнее почелъ я предпослать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, касающихся до нашихъ непріятелей.

Какъ король прусскій прежде упомянутымъ образомъ, ласкаясь надеждою побѣдить цесарцевъ, всю свою силу употребилъ наиболѣе противъ оныхъ, то относительно до прочихъ мѣстъ и земель своего владѣнія и не оставалось ему другого, какъ прикрывать ихъ небольшими только отдѣленными корпусами. Изъ всѣхъ оныхъ, никоторая ему столько сумнѣнія не наводила, какъ Пруссія. Отдаленность сего королевства отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ самъ обрѣтался, и смутныя обстоятельства, въ которыхъ находился онъ, будучи побѣжденъ цесарцами при Колинѣ, препологали ему препоны отправиться туда самому для защищенія онаго отъ войскъ нашихъ, приближающихся къ оному и готовящихся войтить въ оное. Чего ради, противъ хотѣнія своего, принужденъ онъ былъ ввѣрить защищеніе и охраненіе онаго старику, своему фельдмаршалу Левальду, давъ ему столько войска, сколько ему оторвать

только было можно, и число котораго не простиралось даже и до 40 тысячъ человѣкъ. Съ сею небольшою, однако изъ лучшихъ старыхъ полковъ состоящею арміею, расположился фельдмаршалъ Левальдъ, по возможности прикрывать Кёнигсбергъ, яко столицу сего государства, и для удобнѣйшаго примѣчанія движенія нашихъ войскъ, выступилъ еще въ апрѣлѣ изъ Кёнигсберга, и поставилъ армію свою лагеремъ между Тильзитомъ и Мемелемъ, а свою главную квартиру учредилъ въ Инстербургѣ. Тутъ велѣлъ онъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ жителей обучать ежедневно дѣйствовать оружіемъ, а валы и рвы городскіе оправить, и первые установить пушками; а потомъ протянулъ изъ войскъ кордонъ отъ жмудскихъ границъ до самаго Мемеля.

Въ сихъ распоряженіяхъ состояли его первыя приуготовленія; но какъ скоро услышалъ онъ, что мы со всею арміею приближаемся къ Пруссіи со стороны Польши, то сіе побудило его всѣ войска свои соединить и собрать къ Инстербургу, а Мемель, по отдаленности его, оставить на произволъ судьбы, ибо оный отъ осады свобождать безъ обнаженія внутренности государства было ему никакъ не можно. Однако отправилъ онъ въ ту сторону корпусъ войска, подъ командою генералъ-майора Каница, для удержанія войскъ нашихъ отъ дальнѣйшаго проницанія въ Пруссію со стороны отъ Мемеля.

Въ семъ положеніи дожидался онъ приближенія нашихъ войскъ; но не успѣли мы приблизиться вышеупомянутымъ образомъ къ самымъ границамъ, какъ онъ, чувствуя себя слишкомъ слабымъ для удержанія стремительства многочисленной нашей арміи, и боясь утѣсненъ быть съ двухъ сторонъ, то-есть нами спереди, а корпусомъ генерала Фермора, взявшимъ уже Мемель, съ бока, заблаговразсудилъ податься со всею арміею своею еще далѣе назадъ и перенесть главную свою квартиру изъ Инстербурга въ Велаву, куда возвращенъ былъ потомъ и корпусъ генерала Каница, который слабъ былъ къ удержанію шествія Фермарова. Однако Инстербурга и всей рѣки Прегеля совсѣмъ онъ не обнажилъ, а оставилъ тутъ славнаго полковника Малаховскаго съ гусарами и другими легкими войсками, для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и обезпокоиванія насъ по возможности въ походѣ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находилась Пруссія въ то время, когда мы пришли къ ея границамъ и готовились со всею арміею войтить въ оную.

Первое вшествіе нашихъ передовыхъ войскъ воспослѣдовало не прежде, какъ 20 числа іюля, ибо въ сей день отправленъ былъ наконецъ нашъ авангардъ подъ командою генерала Ливена изъ Вербалова, и вступилъ въ непріятельскую землю. Онъ, дошедъ до перваго прусскаго мѣстечка, называемаго Столупененъ, отправилъ тотчасъ отъ себя для поисковъ и провѣдыванія о непріятелѣ партію, состоящую въ 300 человѣкахъ нарвскаго и рязанскаго гренадерскихъ конныхъ полковъ; да 180 чугуевскихъ казаковъ, подъ командою рязанскаго драгунскаго полка майора Де-ла-Рюа. Но первый сей шагъ былъ для насъ весьма неудаченъ. Нашу партію, къ стыду и безславію нашему, непріятели разбили и сего можетъ бы и не произошло, если-бъ отправленъ былъ съ оною не французъ, а россіянинъ; но его превосходительству, г. Ливену (нелюбившему всѣхъ россіянъ и дающему всякому чухнѣ предо всѣми ими преимущество, ибо онъ былъ самый тотъ, который прежде сего былъ въ Ревелѣ и о которомъ упоминалъ я впереди), заблагоразсудилось ввѣрить столь важную коммисію господину французу, оправдавшему весьма худо его выборъ.

Сей негодный офицеръ не успѣлъ отъѣхать отъ Столупянъ мили три впередъ, какъ, не видя нигдѣ непріятеля, наиглупѣйшимъ образомъ возмечталъ себѣ, что его нѣтъ нигдѣ и близко, и потому, расположась въ деревнѣ Кумеленъ, началъ себѣ гулять и пить, и не только самъ, но далъ волю въ таковомъ же пьянствѣ и въ другихъ роскошахъ упражняться и

всѣмъ своимъ драгунамъ, власно такъ, какъ бы были они въ какой-нибудь дружеской землѣ и не имѣли причины ничего опасаться. Однако всѣ они весьма въ томъ обманулись. Вышеупомянутый храбрый прусскій полковникъ Малаховскій не успѣлъ узнать о вшествіи нашихъ войскъ, какъ въ единый мигъ очутился уже тутъ со множествомъ черныхъ и своихъ жёлтыхъ гусаръ. Неожидаемый слухъ, что прусскіе гусары показались уже за деревнею, перетревожилъ нашихъ пьянствующихъ и разсѣявшихся по деревнѣ и привелъ ихъ всѣхъ въ превеликое замѣшательство. Но покуда они сбѣгались и собирались, покуда въ торопяхъ строились за деревнею, какъ вся непріятельская партія была уже передъ ними. Наши казаки сдѣлали себѣ честь и ударили съ обоихъ фланговъ на непріятеля съ превеликимъ и обыкновеннымъ своимъ крикомъ; но какъ нашли они тутъ не татаръ, а порядочныхъ и храбрыхъ гусаровъ, то сіи оборотили ихъ скоро назадъ, учинивъ по нимъ хорошій залпъ изъ своихъ карабиновъ. Первая сія неудачная попытка драгунъ нашихъ, которые и безъ того не очень храбры, такъ устрашила, что они, увидѣвъ, что непріятель скакалъ самъ атаковать ихъ съ саблями въ рукахъ, такъ оттого испугались, что, не учиня ни одного выстрѣла, дрогнули и обратились въ бѣгство. Тогда непріятели сѣли у нихъ на плечахъ и гнали ихъ чрезъ деревню Микулену болѣе двухъ миль, рубя и коля оныхъ и забирая въ полонъ. Наконецъ подоспѣлъ къ нашимъ сикурсъ и остановилъ непріятеля отъ дальнѣйшей погони.

Въ сей первой и неудачной для насъ стычкѣ побито было нашихъ драгуновъ болѣе 40 человѣкъ, также нѣсколько казаковъ, а 26 человѣкъ взято въ полонъ. Съ непріятельской же стороны, буде вѣрить ихъ реляціямъ, не потеряно ни одного человѣка, да и ранено только 3 да убита 1 лошадь.

Слухъ о семъ несчастномъ приключеніи распространился тотчасъ у насъ по всему лагерю. Всѣ были крайне недовольны нашими драгунами, а г. майора ругали и бранили всѣ безъ всякаго милосердія. Онъ и получилъ за то достойное наказаніе. Его разжаловали въ солдаты, и сковавъ велѣли судить, а вахмистра его команды, Дрябова, который оказалъ довольно храбрости и старался команду на побѣгѣ остановить и дѣлалъ по возможности непріятелю отпоръ, пожаловали въ поручики,

Но хорошо, когда бы тѣмъ все дѣло кончилось и вся проступка наша могла быть тѣмъ заглажена! Но не то, однако, воспослѣдовало. Помянутый случай, хотя съ наружнаго вида и кажется ничего незначащимъ—ибо таковыхъ маленькихъ стычекъ въ войнахъ бываетъ безчисленное множество, и они никогда не рѣшаютъ главнаго дѣла, и, по большей части, обращаются только обоимъ сторонамъ во вредъ и въ отягощеніе—однако о сей стычкѣ сказать того не можно, но она въ особливости достопамятна тѣмъ, что произвела великія и страшныя послѣдствія, обратившіяся въ несчастіе многимъ тысячамъ народа. Ибо, во-первыхъ, сдѣлавъ во всемъ нашемъ войскѣ великое о храбрости пруссаковъ впечатлѣніе, умножила тѣмъ въ сердцахъ можайшихъ воиновъ чувствуемую и безъ того великую отъ пруссаковъ робость, трусость и боязнь; во-вторыхъ, вперила въ непріятелей нашихъ весьма невыгодное объ насъ и о храбрости нашей мнѣніе, и ободрила ихъ чрезвычайнымъ образомъ; въ-третьихъ, и что всего важнѣе и достопамятнѣе, подала къ тому поводъ, что не только непріятельскія войска, но самые прусскіе обыватели возмечтали себѣ, что всѣ мы хуже старыхъ бабъ и ни къ чему не годимся. Почему ополчились уже на насъ и самые ихъ мужики, и начали стараться причинять намъ повсюду вредъ и безпокойство, и къ особливому несчастію оказали тому первый опытъ въ помянутой деревнѣ Микулинѣ; ибо, какъ наши, будучи гонимы пруссаками, чрезъ селеніе сіе скакали, то жители тутошніе, думая, что пруссаки ихъ уже всѣхъ насъ

завоевали, отъ легкомыслія вздумали и сами помогать гусарамъ насъ побивать, и стрѣляли по нашимъ изъ своихъ домовъ и окопъ, а сіе и подало поводъ къ тому, что какъ о семъ донесено было нашему фельдмаршалу, то онъ, будучи разогорченъ и раздосадованъ всѣмъ тѣмъ, далъ то злосчастное повелѣніе, чтобъ впредь, ежели гдѣ подобное тому случится и обыватели поднимутъ на насъ руку—не щадить бы и самихъ жителей и разорять селенія таковыя. Но таковое несчастное повелѣніе не успѣло излетѣть изъ его устъ, какъ тотчасъ нашими казаками, калмыками и другими легкими войсками употреблено было во зло. Они, будучи разсылаемы всюду и всюду для развѣдыванія о непріятелѣ, не стали уже щадить ни правыхъ, ни виноватыхъ, но во многихъ мѣстахъ, отъ жадности къ прибыткамъ, начали производить великія разоренія, и жителей не только изъ селеній разгонять, но оныхъ мучить, бить, грабить, дома ихъ опустошать, а индѣ и сожигать, и такія дѣлать злодѣйства, безчеловѣчія и безпорядки, какія одинмъ только варварамъ приличны, и кои не только вліяли во всѣхъ прусскихъ жителей величайшую къ намъ ненависть и злобу, но и покрыли насъ стыдомъ и безславіемъ передо всѣмъ свѣтомъ, ибо слухъ о сихъ разореніяхъ и варварствахъ разсѣялся тотчасъ повсюду, и вездѣ стали почитать насъ сущими варварами. Но сего было еще не довольно; но какъ разлакомившихся тѣмъ нашихъ казаковъ послѣ и унять уже не было способа, то учиненныя ими разоренія самимъ намъ обратились послѣ въ существенный вредъ, и сдѣлали то, что всѣ предпринимаемыя въ сіе лѣто и толь многочисленные труды пріобрѣли намъ только единое безславіе, а пользы не принесли ни малѣйшей.

Вотъ что́ можетъ произвесть погрѣшность одного человѣка! Но я удалился уже отъ матеріи; и теперь время возвратиться къ продолженію моей повѣсти.

Наконецъ, 22-го іюля, выступила и вся армія въ походъ и вступила въ королевство Прусское. Входъ въ непріятельскую землю производилъ во всѣхъ насъ нѣкое особливое чувствованіе: «Благослови, Господи», говорили мы тогда между собою, имѣя подъ нами землю нашихъ непріятелей: «теперь дошли мы наконецъ до прусской земли! Кому-то Богъ велитъ благополучно изъ нея выттить и кому-то назначено положить въ ней свою голову!» Мы нашли мѣста сего королевства совсѣмъ отмѣнными отъ польскихъ. Тутъ господствовалъ уже во всемъ иной порядокъ и учрежденіе: деревни были чистыя, расположены и построены изрядным образомъ, дороги повсюду хорошія, и въ низкихъ мѣстахъ повсюду мощеныя, а индѣ возвышенныя родомъ плотинъ и усаженныя деревьями. Однимъ словомъ, на все безъ особливаго удовольствія смотрѣть было не можно. Сверхъ того, какъ тогда не дѣлано еще было никакого разоренія, то всѣ жители находились въ своихъ домахъ, и не боясь ни мало насъ стояли всѣ предъ своими домами, а бабы и дѣвки наполняли ушаты свѣжей воды и попли солдатъ мимоидущихъ. Однимъ словомъ, казалось тогда, что мы не въ непріятельскую, а въ дружескую вошли землю.

Первая наша станція въ Пруссіи была при помянутомъ прусскомъ первомъ мѣстечкѣ или маленькомъ городкѣ Столупененъ. Мы шли туда хотя двумя дорогами, однако обѣ дивизіи рядомъ, почему и стали лагеремъ въ одну линію по обѣимъ сторонамъ сего мѣстечка, имѣя оное передъ собою.

Неуспѣли мы (23-го) приттить въ сіе мѣсто и расположиться тутъ дневать, какъ въ послѣдующій день сдѣлалась у насъ во всей арміи первая тревога. Въ самый полдень это было, какъ забили у насъ въ полкахъ вездѣ въ барабаны, и весь народъ встревожился чрезвычайнымъ образомъ. Всякій бросалъ все въ чемъ упражнялся, одѣвался, хваталъ оружіе и бѣжалъ передъ фрунтъ, куда всѣ полки были выводимы. Генералы разъѣзжали взадъ и впередъ передъ полками, а адъютанты и ординарцы, то и дѣло, что въ

ту, то въ другую сторону скакали, и пыль стояла отъ нихъ только столбомъ. Мы не зная для чего все сіе дѣлалось, и не имѣя о всѣхъ вышеупомянутыхъ до прусской арміи относящихся обстоятельствахъ, и о томъ, сколь она отъ насъ далеко ни малѣйшаго свѣдѣнія, не иное что заключали какъ то, что конечно вся непріятельская армія шла насъ аттаковать и была уже очень близко; почему признаться надобно, что первый сей случай и приближеніе мнимой баталіи наводило на всѣхъ на насъ нѣкоторый родъ робости, а особливо потому, что никто еще не видалъ никогда непріятеля, и на сраженіяхъ быть не случался. Нашему полку трафилось тогда стоять на самомъ почти правомъ флангѣ, и потому немного погодя подхватили съ нашего и съ нѣкоторыхъ другихъ полковъ по нѣсколько сотъ человѣкъ, и при одномъ полковникѣ послали вправо за деревню съ превеликою поспѣшностью. Намъ казалось тогда, что тутъ-то конечно непріятель, и намъ первымъ будетъ съ нимъ драться, и какъ мнѣ самому случилось быть въ этой командѣ, то могу сказать, что я насмотрѣлся тутъ, коимъ образомъ не только такіе молодые люди, каковъ былъ напримѣръ я, но и самые старые солдаты оказывали робость, и такъ, что мы, офицеры, принуждены были ихъ ободрять и побуждать къ неустрашимости. Я не могу и по нынѣ безъ смѣха вспомнить, какую я игралъ тогда ролю. У самого меня на сердцѣ было и такъ-и-сякъ, и я думаю всякому можно-бъ было изъ лица моего примѣтить, что оно было не на мѣстѣ и что я самъ сильно робѣлъ и трусилъ; однако совсѣмъ тѣмъ старался всѣми образами то скрывать и принимая на себя видъ геройства и неустрашимости, уговаривалъ и увѣщевалъ всячески солдатъ своихъ, чтобъ они не робѣли и не трусили и дрались бы съ непріятелемъ храбро. Словомъ, я читалъ имъ цѣлыя предики во всю дорогу, но ноги у самого едва иттить за ними успѣвали. Чего не дѣлаетъ новость случая и непривычка? Но что-жъ изъ всего того наконецъ вышло?

Мы, вышедши за деревню, которая называлась Петрипатшенъ и лежала почти предъ нашимъ фрунтомъ, не увидѣли никого передъ собою, а одно только чистое поле и въ нѣкоторомъ отдаленіи лѣсъ. Однако, какъ все къ тому клонилось, чтобъ прикрыть сію деревню и правый флангъ нашей арміи, и мы заключали, что непріятель конечно находится въ лѣсу, то построились мы порядочнымъ образомъ, приготовили ружья и патроны и стали дожидаться непріятеля. Но долго бы намъ его дожидаться было, ибо непріятеля не было тутъ и духу и мы, простоявъ тамъ до самаго вечера, всѣ глаза просмотрѣли. Наконецъ наступила уже ночь, и насъ свели съ сего мѣста; но вмѣсто того, чтобъ отпустить въ лагерь, отвели насъ нѣсколько назадъ и поставили опять на чистомъ полѣ для прикрытія праваго фланга арміи, гдѣ принуждены мы были простоять всю послѣдующую ночь, которая намъ весьма солона и первая была, которую я весьма безпокойно препроводилъ, ибо не успѣло смеркнуться, какъ надвинула преужасная туча и сдѣлалась такая преужасная гроза, съ превеликимъ дождемъ и бурею, что я рѣдко такую въ жизнь мою видывалъ. Почему легко можно заключить, каково намъ было препроводить всю ночь не только безъ палатокъ, но и безъ епанечь, подъ дождемъ и бурею, и что всего досаднѣе, по-пустому и безъ всякой нужды. Довольно, мы оставя тогда всѣ чины хоронились подъ ящики и пушки и намъ дѣлали въ томъ компанію и самые штабы. Со всѣмъ тѣмъ насъ до самаго свѣта не распустили, и сіе можетъ быть произошло отъ того, что объ насъ совсѣмъ позабыли, ибо опасности никакой не было, и мы не могли послѣ узнать отчего бы произошла вся сія тревога и замѣшательство, а думать надобно, что показались гдѣ-нибудь гусаришки непріятельскіе, посланные для подсматриванія, а наши полководцы можетъ быть думали, что и вся уже прусская армія идетъ насъ разбивать и выгонять изъ королевства, ибо для маленькой партіи

не стоило бы того труда, чтобъ всю армію тревожить и безпокоить.

Поутру, то-есть 24-го іюля, выступили мы со всею арміею далѣе въ походъ и шли полторы мили до одного прусскаго села, и расположились тутъ по горамъ и весьма неровнымъ мѣстамъ лагеремъ, и опять въ семъ мѣстѣ дневали. Тутъ видѣли мы впервые еще жалостныя слѣдствія войны кровавой. Во всемъ селѣ не было ни одного человѣка, и всѣ жители, разбѣжавшись, крылись въ лѣсахъ, оставивъ домы и все имѣніе свое на расхищеніе непріятелю. Село сіе въ самомъ дѣлѣ было уже нашими разорено наиужаснѣйшимъ образомъ. Не было ни одного дома почти цѣлаго, въ которомъ бы чего изрубленнаго, перебитаго и переколотаго не было, не осталось ни одного окошка и ни одной печи цѣлой, власно такъ, какъ бы и самыя сіи бездушныя вещи были непріятели и намъ злодѣйствовали. Что жъ касается до прочихъ крестьянскихъ пожитковъ, которыхъ они съ собою забрать не успѣли, то не было ихъ и слѣдовъ уже, а одни только перья и пухъ разсыпаны были на полу въ избахъ, ибо и сѣ наволоками постель ихъ нашимъ разстаться не хотѣлось; но какъ перья никому были не надобны, то и валялись они вездѣ по поламъ избъ и комнатъ, и сіе было общественно вездѣ, гдѣ ни случалось быть таковымъ разореніямъ.

Зрѣлище таковое насъ поражало и производило нѣкоторое сожалѣніе о самыхъ непріятеляхъ нашихъ. Во всей арміи говорили тогда, яко бы причину къ таковому опустошенію подали сами прусскіе жители; что всѣмъ имъ манифестами отъ нашего фельдмаршала публиковано было, что они оставлены будутъ съ покоемъ, если только сами не станутъ предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій, но что они слушались болѣе своихъ войскъ, кои имъ велѣли при всякомъ случаѣ насъ тревожить и причинять намъ всякій вредъ, а потому и стрѣливали самые мужики изъ лѣсовъ и изъ-за кустовъ по нашимъ солдатамъ, а особливо послѣ послѣдняго, и удачнаго для нихъ шармицеля. Далѣе говорили, яко бы отъ нашего фельдмаршала посыланъ былъ нарочный къ прусскому главному командиру съ требованіемъ, чтобъ такія наглости и безпокойства дѣлать мужикамъ запрещено было, и что въ противномъ случаѣ учинено имъ будетъ за то достойное наказаніе. Но какъ отъ непріятелей запрещенія сего сдѣлано не было, то будто самое сіе и подвигло нашего полководца наказывать ихъ самому и стараться зло сіе отвратить помянутыми опустошеніями. Справедлива ли сія молва была или нѣтъ, того подлинно не знаю; а извѣстно только то, что зло тѣмъ не уменьшено, а только еще болѣе увеличено было.

26-го числа выступили мы опять въ походъ и дошли въ сей день до прусскаго знаменитаго и тутошняго околотка столичнаго городка Гумбиннъ, и ставъ подлѣ онаго лагеремъ, отдыхали тутъ цѣлыхъ два дня, въ которое время приводимы были къ присягѣ всѣ гумбинскіе жители. Который прекрасный городокъ, будучи и неукрѣпленъ и оставленъ отъ своихъ безъ всякаго прикрытія, покорился намъ безъ прекословія, и прислалъ къ фельдмаршалу предварительно своихъ магистратскихъ членовъ съ прошеніемъ, чтобъ принять ихъ въ свое покровительство, а тоже сдѣлали и нѣкоторые другіе ближніе городки и мѣстечки.

Какъ идучи отъ сего мѣста далѣе впередъ къ городу Инстербургу, надлежало арміи въ одномъ мѣстѣ проходить весьма узкую дефилею сквозь густой и большой лѣсъ и между горъ, а получено извѣстіе, что сей узкій проходъ занятъ былъ непріятельскими гусарами, то 27-го числа ввечеру, послѣ пробитія уже зари, отправлена была, для осмотра и очищенія сего узкаго прохода, отъ арміи знатная партія, состоящая въ 300 человѣкъ гусаръ, 300 чугуевскихъ казаковъ и 500 человѣкъ донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-квартирмейстера фонъ-Штофельна, да гусарскаго полковника Стоянова; а въ подкрѣпленіе

ихъ велѣно было пттпть бригадиру Демику съ нѣсколькими эскадронами кирасировъ и другихъ кавалерійскихъ полковъ.

Сія партія, приблизившись на разсвѣтѣ другого дня къ помянутому лѣсу, нашла дѣйствительно не малое число непріятельскихъ гусаръ, подъ командою вышеупомянутаго полковника Малаховскаго, и потому тотчасъ съ ними и сразилась, и сіе маленькое сраженіе было первое порядочное у насъ съ пруссаками. Пруссаки въ своихъ реляціяхъ писали, что съ помянутымъ полковникомъ было будто съ небольшимъ сто человѣкъ гусаръ, и что онъ въ ночь подъ сіе число, отправившись изъ Гервишкеменя для рекогносцированія положенія нашей арміи, подъѣхалъ къ намъ меньше нежели на полмили, и что будто туманъ и темнота принудили его возвратиться назадъ къ своему посту, захваченному между рѣкою Писсою и Пичинскимъ лѣсомъ, и что тутъ напали на него наши, гораздо съ превосходнѣйшею силою, отчего и дошло до жестокой перестрѣлки, продолжавшейся цѣлыхъ два часа; но будто наконецъ онъ нашихъ прогналъ, но какъ-де они ретировались въ лѣсъ, то далѣе гнать было не можно. Къ сему, по обыкновенію своему, набезстыднѣйшимъ и безсовѣстнѣйшимъ образомъ хвастать и лгать, присовокупляютъ они, что будто мы, кромѣ многихъ раненыхъ и одного взятаго ими въ полонъ гусара, потеряли болѣе 50 человѣкъ побитыми, а у нихъ яко бы побито и переранено было только нѣсколько человѣкъ. Однако это совсѣмъ неправда и ложь ихъ видна изъ самой ихъ реляціи, хотя они и старались прикрыть ее увѣреніемъ о справедливости своихъ объявленій, и выхваляя особливо храбрость нашихъ гусаръ и казаковъ. А въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ, почти самовидцамъ, довольно было извѣстно, полковникъ Стояновъ аттаковалъ ихъ съ своими гусарами и казаками такъ храбро, что они, по продолжавшемся двухчасовомъ сраженіи и перестрѣлкѣ, принуждены были обратиться въ бѣгство и наша партія, недождавшись еще своего сикурса, не только ихъ изъ помянутаго дефиле выбила, но и гнала ихъ болѣе мили и даже за Инстербургъ, побивъ около 50 человѣкъ гусаръ съ однимъ офицеромъ и взявъ въ полонъ 1 гусара, 1 егеря и 2 вооруженныхъ мужиковъ. Съ нашей же стороны убитъ 1 гусарскій поручикъ, да 5 человѣкъ гусаръ; да ранено 1 казацкій хорунжій, 1 казакъ и нѣсколько человѣкъ гусаръ.

Извѣстіе о полученіи сей первой небольшой надъ непріятелемъ выгоды ободрило много всю нашу армію. Всѣ вообще радовались тому, что и пруссаки умѣютъ бѣгать, и что минувшій нашъ проступокъ былъ довольно заглаженъ. Далѣе расхваляемъ былъ генералъ Штофельнъ за благоразумное распоряженіе, а полковникъ Стояновъ за неустрашимую храбрость; а говорили также, что при сраженіи семъ находились и нѣкоторые изъ господъ нашихъ волонтеровъ, а именно молодой графъ Апраксинъ, графъ Брюсъ, князь Репнинъ и баронъ Лопиталь, племянникъ французскаго посланника.

Между тѣмъ, какъ сіе у насъ впереди происходило, стояли мы съ арміею спокойно при Гумбинахъ и отдыхали, что̀ мнѣ въ особливости памятно потому, что я весь сей день упражнялся въ переводѣ своей книги.

Такимъ образомъ, овладѣвъ вышеупомянутымъ тѣснымъ проходомъ, 29 числа выступила наша армія въ походъ, оставивъ въ Гумбинахъ Низовскій пѣхотный полкъ съ больными, и перешедъ рѣчку Нарпъ и дошедъ до упомянутаго лѣса и деревни Станаитшенъ, расположилась лагеремъ.

Не успѣли мы къ сему мѣсту притти, какъ отъ отправленнаго напередъ авангарда получено извѣстіе, что непріятельская армія яко бы вся строится за лѣсомъ въ ордеръ баталіи, и какъ сіе сочтено было, что она хочетъ дать баталію или недопускать насъ всею силою проходить сквозь помянутый тѣсный и длинный лѣсъ, то какъ скоро смерклось,

ударенъ былъ генеральный маршъ и вся армія, оставивъ всѣ обозы и для прикрытія оныхъ нѣсколько полковъ, пошла съ артиллеріею въ ночь чрезъ помянутый лѣсъ. Мы съ полкомъ своимъ оставались тогда въ арріергардѣ съ обозомъ и съ нетерпѣливостію ожидали, что́ впереди съ арміею воспослѣдуетъ и не произойдетъ ли главной баталіи или какого-нибудь важнаго сраженія. Однако поутру услышали, что она прошла помянутый лѣсъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства и что кромѣ бывшей въ лѣсу, у нашихъ казаковъ съ прусскими подъѣзжавшими для рекогносцированія арміи нашей гусарами, небольшой стычки и въ которой сіи послѣдніе опять съ урономъ прогнаны, ничего не воспослѣдовало. Хотя пруссаки въ объявленіяхъ своихъ и о семъ третьемъ случаѣ хвастая немилосердно лгутъ, говоря, что они нашихъ прогнали и уронъ имѣли небольшой, но можно ли тому статься, когда шла тутъ вся армія, а ихъ тутъ только человѣкъ съ двѣсти съ помянутымъ полковникомъ Малаховскимъ подъѣзжало.

Армія наша, прошедъ лѣсъ, не нашла предъ собою не только всей непріятельской главной арміи, но и никакихъ уже войскъ прусскихъ, и тогда узнали, что вся молва объ арміи прусской была совсѣмъ несправедлива. А то хотя была и правда, что непріятельская пѣхота усмотрѣна была около тѣхъ мѣстъ строившеюся, но послѣ узнали, что то былъ только небольшой деташаментъ, состоящій изъ нѣкотораго количества прусской конницы и пѣхоты, который подъ командою генералъ-майора Платена отправленъ былъ отъ арміи ихъ впередъ для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и для прикрытія Инстербурга, почему и стоялъ онъ до сего времени при семъ городѣ. Но узнавъ о близкомъ уже приближеніи нашей арміи и почитая себя слишкомъ слабымъ для удержанія оной, собирался тогда отступать далѣе назадъ за Инстербургъ, и разорялъ мосты при семъ городѣ чрезъ рѣчки Аалрупъ и Инстеръ, а нашимъ передовымъ войскамъ показалось, что уже и вся непріятельская армія строилась въ ордеръ баталіи и готовилась къ сраженію, хотя оная была еще отъ насъ за нѣсколько верстъ разстояніемъ, и у ней и въ умѣ и въ помышленіи еще того не было. А у насъ-то трусости и боязни и Богъ знаетъ сколько было! Изъ чего означается само собою, что предводители наши имѣли о непріятелѣ и положеніи его арміи весьма худое и недостаточное свѣдѣніе.

Итакъ, поутру велѣно было и намъ съ обозами и арріергардомъ къ арміи слѣдовать, и мы, прибывъ къ опой уже почью, нашли ее стоящею версты за три отъ города Инстербурга въ виду онаго, и насъ цѣлый день на жару безъ палатокъ дожидавшеюся.

На семъ переходѣ случилось мнѣ еще въ первый разъ увидѣть непріятеля, однако не живого, а убитаго. Въ помянутомъ лѣсу то было, какъ сказали намъ, что въ сторонѣ подъ кустомъ онаго лежитъ тѣло. Всѣ мы съ превеликимъ любопытствомъ поскакали оное смотрѣть. Но какое же жалкое зрѣлище представилось очамъ нашимъ! Человѣкъ сей былъ превеликаго роста и съ большими усами; лежалъ совсѣмъ обнаженный навзничь и отъ жара весь раздувшійся и отекшій, какъ отъ водяной болѣзни; черви кипѣли у него подъ всею отдувшеюся кожею, такъ что безъ ужаса и внутренняго содроганія смотрѣть на него было не можно. Мы и подлинно принуждены были скоро отвратить нашъ взоръ

и, вздохнувъ, ѣхать прочь, говоря другъ другу: «Вотъ симъ-то образомъ можетъ быть случится гдѣ-нибудь и намъ лежать подъ кустикомъ и преданнымъ быть въ жертву стихіямъ, звѣрямъ, птицамъ, червямъ и насѣкомымъ!» Но письмо мое уже велико. Время мнѣ оное окончить и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

ПОХОДЪ ПРУССІЕЮ.

Письмо 42-е.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ кончилъ я пришествіемъ нашимъ къ Инстербургу. Теперь, продолжая повѣствованіе свое далѣе, скажу, что не успѣли мы въ сіе мѣсто приттить, какъ услышали, что наши уже овладѣли симъ городомъ: ибо какъ прусаками оставлена была въ немъ только небольшая команда, то наши донскіе казаки тотчасъ ее выгнали, напротивъ того, мы ввели въ сей весьма мало укрѣпленный городокъ Невскій пѣхотный полкъ для гарнизона.

Въ послѣдующій день, то-есть 31-го іюля, подвинулись мы къ городу ближе и стали въ разбитый между Инстербургомъ и другимъ, напротивъ его за рѣкою лежащимъ, городкомъ Георгенбургомъ лагерь, и стояли тутъ какъ сей, такъ и послѣдующіе оба дня, то-есть 1-е и 2-е числа августа.

Въ сіе время происходилъ дѣлежъ первой полученной въ городѣ отъ непріятеля добычи, состоящей въ превеликомъ магазинѣ соли, которой такъ было довольно, что всѣмъ чинамъ, въ арміи находящимся, и служивымъ и неслуживымъ, досталось по два фунта на человѣка, а сверхъ того еще множество осталось для запаса. Также найденъ былъ въ городѣ цейхгаузъ со множествомъ старой прусской аммуниціи, которая роздана была вся нашимъ калмыкамъ, а въ Георгенбургѣ найдено было нѣсколько сотъ четвертей ячменя и овса.

Въ послѣдующій день, то-есть 4 августа, прибыли къ арміи и достальныя наши, идущія изъ Россіи, легкія казацкія и калмыцкія войска, также и нѣсколько полковъ драгунскихъ подъ командою генералъ-аншефа Сибильскаго, также генералъ-поручика Зыбина и Костюрина. Итакъ, недоставало тогда одной дивизіи генерала Фермора, которая по взятіи Мемеля шла также соединиться съ нами.

Помянутый генералъ-аншефъ Сибильскій принятъ былъ предъ недавнимъ только временемъ въ нашу службу изъ польской, и принятъ по славѣ, носившейся объ немъ, что онъ былъ храбрый и искусный генералъ. Почему по приближеніи къ прусскимъ границамъ и отправленъ онъ былъ на встрѣчу помянутымъ легкимъ войскамъ, и ему велѣно было войтить съ ними въ Пруссію въ другомъ мѣстѣ и далѣе въ лѣвую отъ насъ сторону, и расположить шествіе свое чрезъ Голдапъ и Олецко и занять тамошніе округи. Сей генералъ, вошедъ въ Пруссію, крайне удивился, увидѣвъ дѣлаемыя казаками повсюду разоренія, пожоги и грабительства, и съ досадою принужденъ былъ быть свидѣтелемъ всѣхъ жестокостей и варварствъ, оказываемыхъ нашими казаками и калмыками противъ всѣхъ военныхъ правилъ.

О сихъ разореніяхъ, къ вѣчному стыду нашему, писали тогда пруссаки въ своихъ реляціяхъ, что какъ скоро вошли они въ Пруссію чрезъ Олецко, то тотчасъ, какъ сей городъ, такъ и Голдапъ со множествомъ деревень разграбили до-чиста, а деревни Монетенъ, Гарцикенъ, Данилень и Фридрихсгофенъ совсѣмъ обратили въ пепелъ, умертвивъ притомъ и великое множество людей. Далѣе, что во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ не видно было ничего, кромѣ огня и дыма; что надъ женскимъ поломъ оказываемы были наивеличайшія своевольства

и оскорбленія; что изъ сожженной деревни Монетенъ ушли-было всѣ женщины на озеро, но и тамъ отъ калмыковъ въ камышѣ не отсидѣлись; что пастора Гофмана въ Шарейкенѣ измучили они до полусмерти, допытываясь денегъ, хотя онъ имъ давно уже все, что имѣлъ изъ пожитковъ своихъ, отдалъ, и такъ далѣе.

Таковые поступки нашихъ казаковъ и калмыковъ по истинѣ приносили намъ мало чести, ибо всѣ европейскіе народы, услышавъ о таковыхъ варварствахъ, стали и обо всей нашей арміи думать, что она таковая же.

Что принадлежитъ до сихъ калмыковъ, то сіи легкія наши войска имѣли мы тогда впервые еще случай увидѣть и порядочно разсмотрѣть. Они намъ показались весьма странны, а особливо, когда они разъѣзжали мимо насъ полунагими и продавали плетеныя свои плети, которыя они превелікіе мастера дѣлать. Платье на нихъ было по бо́льшей части легкое, красное суконное, но они его никогда порядочно не надѣвали. На любимое ихъ обыкновеніе—ѣсть падаль лошадиную и варепіе лошадинаго стерва въ котлахъ, не могли мы смотрѣть безъ отвращенія. А видѣли мы также и ихъ богослуженіе, производимое въ кругломъ особомъ шатрѣ. Нѣсколько человѣкъ ихъ духовныхъ сидѣло, поджавъ по-татарски подъ себя ноги вокругъ шатра, подлѣ полъ, и всякой изъ нихъ бормоталъ, читая книжку, и въ томъ единомъ состояло у нихъ все богослуженіе. Впрочемъ, думали мы сперва о храбрости ихъ весьма много; но послѣ оказалось, что еслибъ ихъ и вовсе не было, такъ все равно, ибо они надѣлали намъ только безславіе, а пользы принесли очень мало. Но я возвращусь къ продолженію моего повѣствованія.

Третье число августа опредѣлено было единственно для переправы чрезъ рѣку Инстеръ, текущую между Инстербургомъ и Георгенбургомъ. Сія рѣка была хотя небольшая, но принуждено было дѣлать мостъ, и перебраться чрезъ ее не скоро было можно. Итакъ, поставленъ былъ лагерь по ту сторону оной, подлѣ замка Георгенбурга.

Въ послѣдующій день (4-го) перебрались чрезъ рѣку наши новопришедшія легкія войска и, проходя армію, становились впереди у оной, ибо имъ назначено было быть всегда впереди, составлять такъ-называемую летучую армію и очищать намъ путь отъ непріятеля. Для сего, и поджидая ферморской дивизіи, принуждена была армія въ семъ лагерѣ дневать, отправивъ только впередъ авантгардный корпусъ.

Во время сего дневанія имѣли мы время побывать въ городѣ Инстербургѣ и искупить себѣ все нужное. Но мы не застали уже почти ничего, все было давно уже выкуплено, и ни за какія деньги ничего достать было не можно. Городокъ сей хотя не гораздо великъ, но довольно хорошъ. Строеніе въ немъ каменное, высокое и довольно прибористое. Онъ сидитъ на самомъ берегу рѣчки Ангерапа, которая тутъ, соединившись съ рѣчкою Инстеромъ и нѣкоторыми другими, начинаетъ уже называться Прегелемъ и течетъ къ Кёнигсбергу. И какъ армія наша расположилась итти по ту сторону Прегеля, то и надобно ей было съ сего мѣста поворотить влѣво.

Поутру пятаго числа велѣно было итти въ походъ, но прежде выступленія въ оный имѣлъ я случай видѣть жалкое и такое зрѣлище, о которомъ Россія во время благополучнаго и мирнаго владѣнія Елисаветы совсѣмъ почти позабыла, и мнѣ еще никогда видѣть не случилось, а именно: смертную казнь вшныхъ преступниковъ. Мы удивились, вставши поутру и увидѣвъ предъ самымъ нашимъ полкомъ поставленную висѣлицу, и не знали, что бы это значило. Но скоро узнали тому причину. Нашъ полкъ вывели передъ фрунтъ и окружили имъ оную, и мы увидѣли нѣсколько человѣкъ прусскихъ мужиковъ, скованныхъ подлѣ оной. Преступленіе оныхъ состояло въ томъ, что они вышеупомянутымъ образомъ злодѣйски стрѣляли изъ-за ку-

стовъ по нашимъ солдатамъ и нѣсколькихъ изъ нихъ побили. И какъ безпокойства сіи умножились, то и опредѣлено было, для устрашенія прочихъ, нѣсколькихъ, пойманныхъ изъ нихъ, казнить смертію. Итакъ, повѣсили тогда при насъ двухъ, а одиннадцати человѣкамъ, коихъ преступленіе не такъ было велико, отрублены были у рукъ пальцы, и они пущены были опять на волю. Могу сказать, что я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на сіе кровопролитіе и не могу оное безъ внутренняго содроганія сердца и по нынѣ вспомнить.

Употребленіе сего жестокаго средства хотя и произвело ту пользу, что съ того времени мужики прусскіе стали меньше злодѣйствовать, но напротивъ того подало поводъ пруссакамъ въ писаніяхъ своихъ еще болѣе обвинять насъ жестокостями, и даже многое прилыгать и затѣвать на насъ то, чего можетъ быть никогда не бывало, какъ о томъ упомянется ниже.

По окончаніи сей экзекуціи, и выступивъ въ походъ, продолжали мы путь свой по правой сторонѣ рѣки Прегеля, внизъ оной, но перешли въ тотъ день не болѣе шести верстъ и стали лагеремъ подлѣ деревни Стеркенимкенъ, въ двѣ линіи; авантгардъ же поставленъ былъ за нѣсколько верстъ впереди при деревнѣ Лейсенимкенѣ, а далѣе впередъ очищали наши легкія войска мѣста, поставленныя при Залау.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы цѣлыхъ три дня, ибо армія непріятельская была отъ насъ уже не слишкомъ далеко, а передовыя его войска, подъ командою генералъ-поручика графа Дона, нарочито близко, который съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 15-ю эскадронами конницы подвинулся отъ арміи нѣсколько миль впередъ и сталъ при Таплакенѣ въ весьма выгодномъ мѣстѣ, укрѣпивъ свой лагерь ретраншаментомъ и баттареями; впереди же его находились ихъ гусары и прочія легкія войска, а сіе и подало скоро случай у нихъ съ нашими казаками къ стычкѣ, ибо какъ изъ помянутаго лагеря отправлены были наши казаки и калмыки для поиска надъ непріятелемъ, то наѣхали они скоро на прусскихъ гусаръ, стоявшихъ при Норкитенѣ, и осмѣлившихся учинить на нихъ нападеніе. Но въ сей разъ опять удача была имъ весьма дурная. Они были казаками нашими разбиты, прогнаны и потеряли болѣе ста человѣкъ. О семъ пропшествіи пруссаки признаются сами, что они побѣждены, хотя и стараются неудачу свою прикрыть кой-какими видами, говоря напримѣръ, что одинъ ихъ гусарскій офицеръ, стоявшій при Гашдорфѣ, будучи приведенъ въ жалость бѣгущими прусскими поселянами и вопіющими, что у нихъ все отнимаютъ и грабятъ, и будучи дезертирами увѣренъ, что нашихъ было только съ небольшимъ сто человѣкъ, послѣдовалъ движеніямъ своей храбрости и чувствіямъ, производимымъ въ немъ видомъ ограбленныхъ людей — рѣшился съ 200 гусаровъ податься далѣе впередъ до Норкитена, дабы отбить у казаковъ отогнанный скотъ. Но тутъ вдругъ окруженъ онъ былъ 3,000 казаковъ, а 300 человѣкъ ударили со стороны отъ Плибишкена ему еще во флангъ, почему и принужденъ онъ былъ ретироваться назадъ; но въ сей ретирадѣ, при прохожденіи многихъ дефилей и будучи принужденъ безпрерывно сражаться, убитъ былъ и самъ, потерявъ до 58-ми человѣкъ изъ своей команды. Однако сіе неправда, побито ихъ болѣе, а съ нашей стороны убитъ только былъ одинъ казакъ, упавшій съ споткнувшейся лошади.

6-го числа августа соединился наконецъ въ семъ лагерѣ съ нами и корпусъ генералъ-аншефа Фермора, бывшій подъ Мемелемъ. И какъ тогда вся наша армія совокупилась уже вмѣстѣ, то при семъ случаѣ не неприлично будетъ упомянуть о томъ, сколь она была велика, и какіе предводительствовали и командовали ею генералы.

Итакъ, что̀ касается до количества войскъ, то кавалерійскихъ полковъ счислялось всѣхъ 19. Сія конница состояла изъ 5 полковъ кирасирскихъ, 3 драгун-

скихъ, 5 гусарскихъ и изъ 6 конныхъ-гренадерскихъ, къ чему присовокуплялось еще 14,000 казаковъ, 2,000 казанскихъ татаръ и 1,000 калмыковъ. Пѣхота же состояла изъ 28 мушкетерскихъ и 3 гренадерскихъ полковъ. Такъ, что вся армія считалась простирающеюся до 134,000 человѣкъ, а именно: 19,000 конницы, 99,000 пѣхоты и 16,000 иррегулярнаго войска.

Что-жъ касается до находившагося при оной генералитета, то полководцы и предводители наши состояли въ слѣдующихъ особахъ: 1) генералъ-фельдмаршалѣ Апраксинѣ, яко главномъ командирѣ; 2) генералъ-аншефахъ: Георгѣ Ливенѣ, Лопухинѣ, Броунѣ, Ферморѣ и Сибильскомъ. Первый изъ сихъ, то-есть Ливенъ, войсками не командовалъ, а находился при свитѣ фельдмаршальской, и приданъ былъ ему для совѣта и власно какъ въ дядьки; странный по истинѣ примѣръ! Но какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; но мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ предъ всѣмъ свѣтомъ, еслибъ не было при насъ сей умницы и сего мнимаго философа; 3) генералъ-порутчикахъ: Матвѣѣ Ливенѣ, Иванѣ Салтыковѣ, князѣ Александрѣ Голицынѣ, Зыбинѣ и Вильгельмѣ Ливенѣ; 4) генералъ-майорахъ: Бауманѣ, Шилингѣ, Оливѣ, Загряжскомъ, князѣ Любомирскомъ, графѣ Румянцовѣ, графѣ Чернышевѣ, князѣ Долгоруковѣ, Мантейфелѣ, Панинѣ, Фастѣ, Хомяковѣ и князѣ Волконскомъ; 5) генералъ-квартермистрахъ: Вильбоэ и Штофельнѣ; 6) генералъ-квартермистрахъ-лейтенантахъ: Веймарнѣ и Шпрингерѣ; и 7) бригадирахъ: Демику, Тизенгаузенѣ, Дицѣ, Трейденѣ, Племянниковѣ и Гартвихѣ.

Вотъ сколь великою считалась наша армія по росписаніямъ и бумагамъ; но въ самомъ дѣлѣ была она тогда далеко не такова велика, ибо многіе полки не имѣли своего полнаго числа, а сверхъ того изъ всѣхъ находилось множество людей и въ разныхъ раскомандировкахъ и отлучкахъ; итакъ, налицо едва ли было и двѣ трети или половина помянутаго числа.

Итакъ, не успѣла вышеупомянутымъ образомъ вся армія соединиться вмѣстѣ, какъ на другой же день (7-го) послѣ того учиненъ былъ во всей оной новой между полками разборъ и новое распоряженіе, и по сему разбору нашему полку досталось въ авантгардный корпусъ подъ команду генерала Ливена. Сей корпусъ составленъ тогда былъ изъ пяти полковъ пѣхотныхъ, которые отобраны были всѣ малолюднѣйшіе, да трехъ полковъ гренадерскихъ драгунскихъ, четырехъ полковъ гусарскихъ и нѣсколькихъ тысячъ казаковъ и калмыкъ. Мы выступили съ симъ корпусомъ прежде арміи, и еще 8-го числа ввечеру, въ походъ и, перешедъ верстъ съ восемь, ночью стали въ занятый для всей арміи лагерь, при одномъ прусскомъ мѣстечкѣ, Лейсенимкенѣ, въ который прибыла 9-го числа и вся армія.

Въ сей день происходила перестрѣлка у нашихъ гусаръ и казаковъ съ непріятельскими передовыми партіями, засѣвшими въ весьма выгодномъ мѣстѣ, версты съ три впереди отъ нашего лагеря, а особливо была сильная пальба около вечера; но какъ смерклось, то утихла, и наши, прогнавъ непріятеля, возвратились въ лагерь, и это была уже чевертая стычка съ непріятелемъ.

10-го числа опредѣлено было всей арміи тутъ дневать и упражняться въ печеніи хлѣбовъ; но только что разсвѣло, какъ слышна была уже опять пальба изъ мелкаго ружья, также и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы такъ уже къ симъ перестрѣлкамъ привыкли, что ни мало въ лагерѣ тѣмъ не безпокоились, но спокойно себѣ въ палаткахъ нашихъ поваливались, ибо увѣрены были, что происходитъ сіе между передовыми войсками, и что они одни могутъ управиться и до насъ не дойдетъ никакъ дѣло. Однако въ сей разъ потревожили и насъ нѣсколько, какъ съ поспѣшностію схватили у насъ изъ авангарда по 200 человѣкъ съ полку и отправили при нѣсколькихъ пушкахъ къ тому мѣсту, гдѣ пере-

стрѣлка происходила. Причиною тому было то, что наши казаки, перестрѣливаясь съ отводными непріятельскими караулами, наѣхали на прусскій гренадерскій батальйонъ, стоявшій при деревнѣ Колененѣ и прогнаны были имъ пушками. Однако, между нашею пѣхотою и ихъ до дѣла не доходило, и наши возвратились подъ вечеръ опять въ лагерь, а напротивъ того, наши казаки наѣхавъ, въ лежащей противъ нашего полка недалеко деревнѣ, нѣсколько человѣкъ прусскихъ гусаръ и претерпѣвъ отъ нихъ нѣкоторый уронъ, такъ озлобились, что окруживъ оную сожгли всю деревню до основанія вмѣстѣ со всѣми въ ней находившимися. Казаки наши въ сей день были подъ предводительствомъ полковниковъ ихъ, Дьячкова и Серебрякова, и сраженіе было столь жаркое, что пруссаки ретировались съ потерею около 100 человѣкъ побитыми и шестерыхъ человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ.

11-е число стояла армія въ семъ мѣстѣ еще неподвижно, и во весь день шелъ превеликій дождь, а подъ-вечеръ слышна была опять вдали стрѣльба, и продолжалась до ночи. Сія была уже шестая стычка и состояла въ томъ, что легкія наши войски наѣхали при деревнѣ Илишкенѣ на нѣсколько ротъ прусской ландмилиціи и ихъ разбивъ, прогнали.

12-го числа стояла армія еще все въ томъ же мѣстѣ и выбирала лучшее мѣсто, гдѣ бы ей чрезъ рѣку Прегель переправиться было можно; ибо хотя намѣреніе ея и было иттить далѣе вдоль, подлѣ рѣки Прегеля, но какъ узналп, что всѣ мѣста и дефилеи захвачены тутъ были пруссаками и нужнѣйшія мѣста укрѣплены шанцами и батареями, то разсудили, оставя сей путь, повернуть влѣво и, перешедъ Прегель, обойтить дурныя сіи мѣста тою стороною, а чрезъ самое то выманить и непріятеля изъ его укрѣпленій. Что и воспослѣдовало дѣйствительно, ибо самое то побудило и фельдмаршала Левальда выттить изъ своего укрѣпленнаго лагеря и, переправясь также чрезъ Прегель при Таплакенѣ, иттить на встрѣчу къ намъ. И хотя мы тогда о подлинномъ положеніи прусской арміи и не знали, однако всѣ заключали, что необходимо скоро дойдетъ дѣло до баталіи, ибо все къ тому уже клонилось.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и мы въ семъ лагерѣ дня три стояли, случились со мною нѣкоторыя приключенія, о которыхъ мнѣ вамъ разсказать надобно. Первое имѣло пропстеченіе свое отъ одной сдѣланной мною сущей рѣзвости или игрушки, которою мнѣ на досугѣ вздумалось позабавиться, и которая едва-было мнѣ не накутила бѣды, а именно: въ одинъ день, какъ слуга мой ходилъ въ мой походный сундукъ для вынманія бѣлья, то попадись мнѣ на глаза спрятанный въ немъ превеликій стеклянный рогъ съ тѣмъ бѣлымъ хлопательнымъ порошкомъ, о которомъ упоминалъ я выше сего, и котораго надѣлалъ я себѣ довольное количество во время стоянія своего на мызѣ Кальтебрунъ. Не успѣлъ я его увидѣть, какъ родилось во мнѣ желаніе попробовать сжечь его въ большомъ количествѣ и посмотрѣть, сколь громко онъ хлопнетъ. Сіе было давно уже у меня на умѣ, но до того времени не было удобнаго къ тому случая, и я про него все позабывалъ. Но тогда захотѣлось мнѣ уже того нетерпѣливо, и для того, вынувши его, положилъ я его на свой походный столикъ и пошолъ искать мѣста, гдѣ-бъ мнѣ оное удобнѣе въ дѣйство произвести. Такъ случилось, что день тогда былъ напрекраснѣйшій, и время самое полуденное и жаркое. Солдаты, поваривъ каши и пообѣдавъ, полеглись тогда всѣ спать; но огни на огнищахъ еще курились. Я, прохаживаясь позади обозовъ и посматривая на сіи куревы, по счастію увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ на огонькѣ стоящій таганъ и подлѣ его лежащую сковороду. На что было сего лучше? Я положилъ на нее насыпать порошку и поставить на таганъ, и не успѣлъ сего вздумать, какъ тотчасъ и произвелъ въ дѣйство. Я сбѣгалъ въ одинъ мигъ за своимъ порошкомъ, насыпалъ его на сковороду съ хорошую столовую ложк-

ку и, поправивъ огонь, поставилъ оную на таганъ. Но какъ легко могъ я заключить, что онъ хлопнетъ сильно и что скороводу съ огня сброситъ, то чтобъ не подвергнуть себя опасности, пошелъ я въ свою палатку, изъ которой по счастію мѣсто сіе было видно, и легши въ оной на кровать, опустилъ въ ту сторону полу и смотрѣлъ съ нетерпѣливостію, что̀ воспослѣдуетъ. Долго не было ничего, и я думалъ, что огонь малъ и отъ того порошокъ не скоро таетъ. Однако я обманулся. Онъ растаялъ себѣ благополучно и вдругъ произвелъ точно такой ударъ, какъ бы разорвало превеликую бомбу. Не ожидая столь сильнаго и все чаяніе мое превосходящаго удара, обмеръ я тогда и спужался, ибо тогда только, а не прежде, пришло мнѣ въ голову, что игрушка моя легко можетъ потрясть и бѣдами. «Ахти! говорилъ я тогда самъ себѣ: — что это я надѣлалъ и напроказилъ. Ужъ не сдѣлалось бы тревоги и не было бы мнѣ отъ того бѣды какой? Ударъ слишкомъ силенъ и громокъ, не услышалъ бы его самъ фельдмаршалъ. Вѣдь онъ недалече отсюда стоитъ, и это я позабылъ совсѣмъ»! Мысль сія привела меня тотчасъ въ превеликую робость, но которая еще того болѣе увеличилась, какъ чрезъ минуту увидѣлъ я, что отъ того дѣйствительно не только нашъ, но другіе близъ насъ стоящіе полки чрезвычайно перетревожились. Всѣ солдаты поскакали изъ спа, и началось превеликое бѣганье и спрашиваніе: гдѣ? что? изъ чего! и отчего такъ хлопнуло? — Каждый спрашивалъ другого, а тотъ третьяго и вранью не было и конца тогда. Иной говорилъ, что выстрѣлило изъ пушки; другіе спорили, что разорвало бомбу; третьи говорили, не разорвало ли гдѣ патроннаго ящика или казны пороховой! Четвертые сами не знали на что подумать, и какъ судить. Но всѣ вообще и съ разныхъ сторонъ бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ ударъ былъ слышанъ и гдѣ въ единый мигъ собралось множество народа, но который только взадъ и впередъ толпился, и не видя ничего, не зналъ какъ судить, и чему ударъ приписывать.

Для меня, лежащаго тогда въ палаткѣ и видѣвшаго все сіе зрѣлище, сіе было весьма и весьма непріятно.—«Ну, вотъ такъ», говорилъ я самъ себѣ: — «не угадалъ ли я, что надѣлалъ проказъ. Чай самая нелегкая догадала меня затѣвать сію потѣху? Ну, какъ узнаютъ все дѣло! Ну, если кто-нибудь видѣлъ меня въ то время, какъ я былъ у огонька! Ну, если догадаются, что всему тому былъ я причиною?» Не успѣлъ я сего еще вымолвить, какъ новый слухъ поразилъ сердце мое власно какъ громовою стрѣлою! Прискакало отъ фельдмаршала нѣсколько, одинъ за однимъ, ординарцевъ, и всѣ кричали и спрашивали: «кто это? кто и для чего выстрѣлилъ изъ пушки!» Обмеръ я тогда, и спужался какъ сіе услышалъ. Я уже думалъ, что невѣдомо что̀ будетъ, и оттого такъ оробѣлъ, что не зналъ что̀ дѣлать; еслибъ можно было, то ушелъ бы куда-нибудь и спрятался такъ, чтобъ никакъ не нашли; но какъ уйтить и дѣваться было некуда, то другого не нашелъ, какъ спрятаться на постели подъ одѣяломъ и притвориться спящимъ. Однако не сонъ тогда былъ у меня на умѣ, но я ждалъ каждую минуту, что меня пришедъ возьмутъ и поведутъ къ фельдмаршалу, ибо я второпяхъ уже завѣрное полагалъ, что меня и видѣли, и все дѣло узнали, и оттого трепеща какъ отъ лихорадки, только то и дѣлалъ, что просилъ мысленно Бога, чтобъ онъ меня помиловалъ и отъ сей бѣды избавилъ. Но по особливому счастію такъ случилось, что меня никто у огонька не видалъ, и никому того на умъ не приходило, чтобъ то произошло отъ меня, а всѣ только твердили и дивясь, сами сказывали присланнымъ отъ фельдмаршала, что хлопнуло тутъ, но что̀ такое и изъ чего, того никто не видалъ и не знаетъ, ибо не видно было ни огня, ни дыма, и что они всѣ сами тому довольно надивиться не могутъ. А такимъ образомъ дѣло сіе и кончилось, и осталось на томъ, что никто не знаетъ и не узналъ и послѣ, ибо самому мнѣ открывать и шуткою своею хвастаться не было резона, но я пролежалъ

на постели своей и не кукнулъ до тѣхъ поръ, покуда всѣ угомонились, да и тогда сказывающимъ мнѣ увѣрялъ, что я такъ крѣпко спалъ, что ничего не слыхалъ.

Но какъ письмо мое уже велико, то окончивъ оное и отложивъ прочее до будущаго, остаюсь и проч.

ПОХОДЪ ПРУССІЕЮ КЪ ПРЕГЕЛЮ.

Письмо 43-е.

Любезный пріятель! Не успѣло описанное въ послѣднемъ моемъ письмѣ приключеніе окончиться и я — порадоваться тому, что все прошло и кончилось благополучно, какъ новая печаль готовилась уже поразить мое сердце. Со мною случилось въ самомъ томъ же мѣстѣ и другое приключеніе, но которое однако было для меня несчастнѣе и на шутку уже не походило, а именно: меня обокрали, и учинили сіе въ самую ту же еще ночь, которая, къ несчастію, случилась очень темная, и въ которую я уже непритворно, но въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ, что и не слыхалъ какъ изъ-поголовья у меня вытащили мою шкатулку, и разломавъ ее за палаткою, вынули изъ нея всѣ деньги. Дѣло сіе сворено было такъ искусно и мастерски, что я, вставши поутру, нашелъ шкатулку свою уже разломанною въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки, и только что руками розно! Долго не могъ я, на всѣ свои старанія несмотря, провѣдать, кто это такъ спроворилъ; но послѣ узналъ, что то былъ одинъ новоопредѣленный солдатъ въ нашу роту, который былъ преестественный мошенникъ, и зато изъ гренадерской роты выпихнутъ, хотя былъ превеликій мужичина. Я лишился при семъ случаѣ рублей двадцати и одной золотой медали, которую мнѣ пуще всего жаль было, потому что она дана была дѣду моему, господину Бакѣеву, отъ императора Петра Великаго, за то, что онъ своими руками взялъ въ полонъ шведскаго шутбинахта во время взятія четырехъ фрегатовъ. Я хотя болѣе всего о возвращеніи оной старался, но бездѣльникъ промоталъ ее за самую бездѣлицу въ другой полкъ, и такъ не могъ я ее уже никакъ отыскать и возвратить.

Далѣе памятно мнѣ было сіе мѣсто и потому, что я посыланъ былъ изъ онаго для фуражированія, ибо какъ около сего времени сѣна были вездѣ спрятаны и въ селенія свожены, мы же находились уже близко подлѣ непріятеля, и намъ полевымъ кормомъ довольствовать всѣхъ лошадей своихъ не было способа, то принуждены мы были кормить оныхъ сѣномъ, доставая его въ близь-лежащихъ селеніяхъ, и посылать за нимъ всякій день команды съ офицерами. Сіи команды были для насъ самыя опаснѣйшія, и всякій благодарилъ Бога, когда хорошо съ рукъ сойдетъ. Причина тому была та, что нашихъ солдатъ, а особливо неслуживыхъ людей, какъ напримѣръ, погопьщиковъ, деньщиковъ и слугъ офицерскихъ, никоимъ образомъ удержать было не можно. Не успѣешь пріѣхать въ деревню, какъ разсыплются они по ней, и вмѣсто того чтобъ сѣно скорѣе въ тюки навивать, начнутъ искать и шарить по всѣмъ мѣстамъ добра и пожитковъ, и никого съискать не можешь, почему того и смотришь, что

наскачутъ непріятельскіе гусары и изрубятъ въ разсѣяніи и безпорядкѣ находящихся. Однако я команду свою отправилъ благополучно. Деревня сія была хотя очень близка къ непріятелю, однако самое сіе и было поводомъ къ предприниманію напвящихъ осторожностей. По счастію, нашли мы превеликіе сараи, набитые сѣномъ, и я, не распуская людей, велѣлъ какъ возможно скорѣе при себѣ навивать тюки и везти къ арміи, и хорошо сдѣлалъ, что такъ поспѣшилъ, ибо не успѣли мы уѣхать, какъ въ самомъ дѣлѣ прискакали уже прусскіе гусары, но никого болѣе въ деревнѣ уже не застали, а за нами гнаться не отважились.

Впрочемъ, что касается до сего фуражированія, то всякому, невидавшему онаго никогда, покажется оно весьма удивительно, и онъ не повѣритъ, чтобъ такое великое множество сѣна можно было увезть на одной лошади, а что̀ того еще удивительнѣе — верхомъ; ибо надобно знать, что для скорѣйшаго и удобнѣйшаго привоза сѣна фуражируется всегда верхами, и изъ сѣна связывается два превеликіе тюка или кипы, изъ которыхъ каждая почти съ маленькой возъ будетъ, и оба сіи тюка на веревкахъ перекидываются по сѣдлу чрезъ лошадь поперегъ, а человѣкъ садится между ними и ѣдетъ власно какъ на возу сѣна, ибо сіи тюки тащатся почти по самой землѣ, и лошади за ними совсѣмъ почти не видно. Мы сами удивились сначала сіе увидѣвъ, и люди наши не знали, какъ сѣно симъ образомъ связывается; однако нужда научила и ихъ скоро сему искусству.

Кромѣ сего памятно мнѣ сіе мѣсто и тѣмъ, что мы тутъ впервые увидѣли и узнали картофель, о которомъ огородномъ продуктѣ мы до того и понятія не имѣли. Во всѣхъ ближнихъ къ нашему лагерю деревняхъ насѣяны и насажены были его превелпкіе огороды, и какъ онъ около сего времени началъ поспѣвать и годился уже къ употребленію въ пищу, то солдаты наши скоро о немъ пронюхали, и въ одинъ мигъ очутился онъ во всѣхъ котлахъ варимый. Совсѣмъ тѣмъ, по необыкновенности сей пищи не прошло безъ того, чтобъ не сдѣлаться отъ нея въ арміи болѣзней и наиболѣе жестокихъ поносовъ, и армія наша за узнаніе сего плода принуждена была заплатить нѣсколькими стами человѣкъ умершихъ отъ сихъ болѣзней.

Что касается до того, довольны ли мы впрочемъ, во время сего похода, Пруссіею были, то могу сказать, что по прибытіи къ арміи легкпхъ нашихъ войскъ, не только не претерпѣвали мы ни въ чемъ недостатка, но имѣли еще во всемъ изобиліе, а особливо въ мясѣ. Скота и крупнаго и мелкаго, и всякаго рода дворовыхъ птицъ и живности, а особливо гусей, было преужасное множество, и всегда достать ихъ можно было за весьма дешевую цѣну. Самыхъ барановъ покупали мы иногда только по десяти, а гуся не болѣе какъ по пяти и по четыре копѣйки. Все сіе продавали намъ наши казаки и калмыки, ибо они, разсѣваясь повсюду, опустошали немилосердымъ образомъ всѣ кругомъ лежащія селенія. И какъ жители спасали только крупный скотъ свой, а прочее все оставляя, разбѣгались въ лѣса и тамъ скрывались, то изобильныя прусскія деревни наполнены были повсюду несчетнымъ множествомъ мелкаго скота и всякаго рода птицъ, и нашимъ казакамъ, калмыкамъ, да и самымъ драгунамъ и гусарамъ, было чѣмъ вездѣ и довольно пожпвиться. Одинъ только недостатокъ сдѣлался намъ скоро въ соли и въ хлѣбѣ, однако и тому помогать находили средства.

Но сколь сіе съ одной стороны было хорошо, столько съ другой худо. За все сіе довольствіе и кратковременное изобиліе, принуждены мы были заплатить весьма дорого, не только претерпѣнным послѣ самими нами во всемъ великомъ оскудѣніи, но и вѣчнымъ безславіемъ, какое получили мы чрезъ то во всемъ свѣтѣ. Ибо какъ все сіе сопряжено было съ конечнымъ разореніемъ невинныхъ прусскихъ сельскихъ жителей, то сіе и пода-

ло поводъ пруссакамъ къ приношенію всему свѣту превеликихъ и едва-ли не справедливыхъ на насъ жалобъ, что легко можно усмотрѣть изъ того, что̀ писали они о томъ въ своихъ реляціяхъ.

«Въ сію осень, говорятъ они, никто не сѣялъ здѣсь озимыхъ хлѣбовъ. — Непріятель, по недостатку корма для своего многочисленнаго обоза и конницы, фуражируетъ вездѣ съ превеличайшимъ безпорядкомъ и вычищаетъ всѣ селенія дочиста.—Корпусу генерала Фермора, должно то сказать въ похвалу, что онъ хранилъ наивозможнѣйшій еще порядокъ и при всемъ грабительствѣ не производилъ, покрайней мѣрѣ, никакихъ жестокостей и безчеловѣчій: почему большая часть жителей въ тѣхъ мѣстахъ оставалась въ своихъ домахъ, и приходящаго разъ двадцать въ одно мѣсто непріятеля по возможности своей довольствовали. Но главная армія напротивъ того наполнила всю страну жестокостями и безчеловѣчіями. Всѣ поселяне бѣгутъ прочь и спасаются отъ нея по лѣсамъ и въ мѣстахъ непроходимыхъ. Многимъ обывателямъ изъ единаго только легкомыслія и дурости, и за то только, что онъ множайшаго дать не можетъ, или не можетъ ничего самому ему неизвѣстнаго сказать, обрубаются носъ и уши; отнимается у него весь скотъ и продается потомъ въ непріятельской арміи за самый безцѣнокъ, потому что, какъ сами они говорятъ, казаку-де надобно самому себѣ доставать деньги и пропитаніе. А отъ самаго того и дѣлаются такія наглости и дѣла, которыми сама натура мерзитъ. Многихъ людей удавливаютъ петлями, у другихъ взрѣзываютъ у полуживыхъ утробы и исторгаютъ сердца изъ груди, у третьихъ похищаютъ дѣтей, и производятъ злѣйшія еще и такія безчеловѣчія, которыя никакими словами изобразить не можно. Ограбленный и всего стяжанія своего лишившійся поселянинъ приводится тѣмъ до лютости и ярости чрезвычайной. Онъ выпрашиваетъ гдѣ только можетъ вмѣсто милостыни себѣ ружьишко, пороху и свинцу, и старается защитить и оборонить ими послѣднія свои вещи, кои ему удалось спасти въ лѣсахъ отъ расхищенія. А симъ образомъ и перестрѣляно уже ими болѣе двухъсотъ казаковъ, въѣзжающихъ и въ самые лѣса и старающихся и тамъ производить свои злодѣйства».

Вотъ что̀ писали объ насъ пруссаки, и поручиться нельзя, чтобъ калмыками нашими и казаками и дѣйствительно не дѣлано было кой-гдѣ, особливо по сторонамъ, таковыхъ безчеловѣчій.

Чтожъ касается до прочихъ разореній, то имъ были мы сами очевидными свидѣтелями. Изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза деревень, не нахаживали мы ни одной съ людьми, но всѣ были пустыя и разграбленныя начисто. Во всѣхъ ихъ нетолько не оставалось ни единаго дома цѣлаго, но самыя сокрытыя, и хворостомъ и навозомъ заваленныя, ямы со спрятанными въ нихъ пожитками не утаивались отъ солдатъ нашихъ. Они отыскивали и оныя всѣ, и расхищали и послѣднее. Что же касается до полей ихъ и посѣянныхъ хлѣбовъ, то всѣ они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла армія, были въ наижалостнѣйшемъ состояніи; ибо какъ армія, а особливо начавъ ближе сближаться съ непріятелемъ, шла по большей части фронтомъ и не дорогою, а прямо по полямъ и какъ ни попало, то не до того было, чтобъ разбирать хлѣбъ ли тутъ или что̀ иное, а все топталось и смѣшивалось съ грязью. Самыя вершины и буераки принуждены мы были переѣзжать не дорогами, а прямо, какъ ни попало. И, о! сколько происходило у насъ при такихъ случаяхъ ломки и валянья! сколько разъ леталъ иной возъ стремглавъ съ горы, и сколько лошадей уходило по уши въ тину, и сколь досадны бывали намъ сіи маленькія переправы! Я и понынѣ не могу еще надивиться тому, какъ успѣвали мы изломанныя повозки свои починивать и къ продолженію похода дѣлать опять способными. Но я удалился уже отъ главнаго предмета, и теперь время уже возвратиться къ описанію продолженія похода.

Такимъ образомъ стояла наша армія

въ помянутомъ мѣстѣ до 12 числа августа. Но въ сей день опредѣлено было въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ рѣку намѣреніе принято было перебираться, сдѣлать изъ половины армейскихъ и тяжелыхъ обозовъ вагенбургъ, дабы его оставить на сей сторонѣ, а съ арміею перейтить на другую, и непріятеля стараться принудить къ баталіи. И для того приказано было сего же еще числа, выступить половинѣ обозамъ и иттить къ рѣкѣ, а для прикрытія помянутаго вагенбурга слѣдовать съ ними жъ пашему, да Апшеронскому, да Архангелогородскому драгунскому но спѣшенному полку; почему пошли мы еще того жъ вечера, и какъ разстояніе до рѣки было только версты три, то мы пришли туда еще благовременно, и успѣли при деревнѣ Симоникшенѣ сдѣлать порядочный вагенбургъ. Сіе легкое полевое и изъ однихъ только повозокъ составленное укрѣпленіе, случилось памъ тутъ впервые еще видѣть и дѣлать. Всѣ повозки поставляемы были въ одинъ рядъ и такимъ образомъ, чтобъ передпія колеса одной смыкались съ задними колесами другой, и сдѣлалось бы чрезъ то такое сплетеніе изъ повозокъ, чрезъ которое на лошади никакъ переѣхать было не можно, а сверхъ того, можно-бъ было изъ-за сей повозочной ограды, по нуждѣ, обороняться и противъ пѣшихъ. Таковымъ неразрывнымъ сцѣпленіемъ повозокъ окружено было парочито пространное мѣсто, наподобіе нѣкакой крѣпости или города, и оный бы могъ служить убѣжищемъ для всѣхъ, кои съ арміею иттить не могли. Между тѣмъ покуда мы сей вагенбургъ дѣлали, другіе упражнялись уже въ дѣланіи мостовъ чрезъ рѣку Прегель, которые къ утру послѣдующаго дня и поспѣли, и было ихъ два деревянныхъ и три понтонныхъ.

Въ послѣдующій день, то-есть августа 13-го, выступила и прибыла къ сему мѣсту и вся армія, и расположилась кругомъ вышеупомянутой деревни лагеремъ, а обозы разобраны были опять по полкамъ, ибо оставленіе вагенбурга на сей сторонѣ опять отложено было, и такъ ночевали мы тутъ всѣ вмѣстѣ.

14-го числа, то-есть наканунѣ Успеньева-дня, послѣ полудни велѣно было перебираться нашему авантгардному корпусу за рѣку Прегель по мостамъ, и мы, переправясь чрезъ оную, спѣшили занять одинъ узкій проходъ, бывшій за рѣкою на горѣ. Ибо надобно знать, что за рѣкою былъ сперва ровный лугъ, простирающійся версты на двѣ, а тамъ вдругъ пришла крутая и высокая гора, а наверху оной было опять ровное мѣсто, простирающееся на полверсты или на версту, а тамъ приполъ прегустой и превеликій лѣсъ, за которымъ опять было пространное поле, окруженное лѣсами. Но прохода на сіе поле сквозь лѣсъ не было, а надлежало иттить однимъ только узкимъ и на четверть версты въ ширину простирающимся промежуткомъ, который находился въ лѣвой рукѣ между помянутымъ лѣсомъ и однимъ преужаснымъ и крутымъ буеракомъ, сквозь который текла небольшая рѣчка и съ той стороны впадала въ Прегель. Сію-то узкую дефилею надлежало намъ занять, и къ тому назначенъ былъ нашъ корпусъ. Мы, пришедъ туда, принуждены были за тѣснотою мѣста стать ребромъ, тоесть, вдоль сего узкаго прохода, и для того стали мы лицомъ къ концу лѣса, а позади обозовъ нашихъ былъ вышеупомянутый крутой буеракъ. Армія же осталась дневать въ прежпемъ своемъ лагерѣ за рѣкой.

Въ послѣдующій день, для торжествованія праздника Успенія Богородицы, поставлены были у насъ въ полкахъ церкви, и отправлялась божественная служба, а между тѣмъ перебиралась на сію сторону рѣки и вторая дивизія и становилась подлѣ насъ, занимая отчасу болѣе вправо находящееся между лѣсомъ и горою пустое мѣсто, гдѣ для всей арміи назначенъ былъ лагерь. Главная же армія съ кавалеріею осталась еще на той сторонѣ рѣки и, взявъ провіанта на трое сутокъ, отпустила только свои обозы, кои остановились на назначенныхъ

мѣстахъ подъ прикрытіемъ второй дивизіи и нашего авантгарднаго корпуса.

Какъ помянутою второю дивизіею командовалъ генералъ-аншефъ Лопухинъ, то прибылъ онъ наканунѣ сего дня вмѣстѣ съ нами и сталъ въ шатрѣ своемъ насупротивъ самаго полку нашего подлѣ лѣса. Поелику генералъ сей былъ весьма набожный и притомъ крайне добродѣтельный и хорошій человѣкъ, то отправлялось у него съ вечера всенощное бдѣніе, а въ сей день онъ исповѣдывался и причащался, власно какъ предчувствуя, что жизнь его продлится недолго и что оставалось ему немногіе дни жить уже на свѣтѣ. Но колико сей генералъ любимъ и почитаемъ былъ всѣми войсками, толико нелюбимъ и презираемъ былъ другой, бывшій тогда съ нами драгунскій генералъ-майоръ Хомяковъ, славный единственно тѣмъ, что былъ превеликій охотникъ до тростей, и возившій съ собою ихъ до нѣсколько сотъ, и надѣлавшій тогда намъ множество смѣха. Старичишка сего, которому приличнѣе было-бъ по дряхлости его сидѣть дома за печью, нежели быть въ походѣ, догадала нелегкая избрать мѣсто подъ шатеръ свой позади нашихъ обозовъ и на берегу самаго буерака; по мѣсто сіе было такъ неловко и было столько обезпокоивано больными нашими и съ картофеля объѣвшимися солдатами, что бѣдный старикъ не радъ былъ животу своему, что тутъ расположился, и видя, что всѣ его палки и трости не помогаютъ, принужденъ былъ бѣжать и переносить шатеръ свой въ другое мѣсто.

Не успѣли мы въ помянутый день отслушать обѣдню, какъ услышали въ главной квартирѣ за рѣкою три выстрѣла изъ вѣстовой пушки. Мы знали уже, что сіе означало сигналъ тревоги: почему бросились всѣ тотчасъ къ оружію, и всѣ полки тотчасъ и съ великимъ поспѣшеніемъ выведены были передъ фрунтъ, гдѣ и дожидались мы повелѣнія. Вскорѣ послѣ того услышали мы вдали еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Но не успѣло сего воспослѣдовать, какъ хлынулъ на насъ пресильный и преужасный дождь, и продолжавшись цѣлый часъ, всѣхъ насъ перемочилъ. Послѣ сего слышали мы хотя еще пушечную стрѣльбу, однако ничего не послѣдовало и насъ опять распустили. Причиною же тревоги сей было то, что отъ непріятеля подсылань былъ въ сей день для рекогносцированія нашей арміи генералъ-майоръ Рушъ съ 1,200 гусаровъ и пятью эскадронами конницы драгунской, при подкрѣпленіи довольнаго числа пѣхоты подъ командою генерала Каница — который отрядъ, наѣхавъ на нашъ казацкій лагерь, побилъ изъ нихъ человѣкъ съ двадцать, а сіе самое и побудило фельдмаршала послать на сикурсъ къ нимъ нѣсколько сотъ гусаръ и драгунъ, которые и принудили непріятеля ретироваться, отбивъ у него опять назадъ отхваченный имъ табунъ казацкихъ лошадей. При которой стычкѣ паки съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько человѣкъ побито и перераненно.

Послѣдующаго за симъ, т.-е. 16 числа, перебралась наконецъ и достальная армія и главная квартира изъ-за рѣки, и стала въ назначенный лагерь, и полководецъ нашъ, господинъ Апраксинъ обѣдалъ въ сей день у стоящаго предъ нами генерала Лопухина. Станъ же для себя избралъ посреди арміи позади вышеупомянутаго большого лѣса.

Какъ симъ образомъ мы часъ отъ часу ближе къ непріятелю подвигались, то не прошелъ и сей день спокойно. Въ вечеру слышна была опять за рѣкою Прегелемъ стрѣльба и порядочный залпъ, также и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Причиною тому было, что появились-было за рѣкою въ близости отъ лагеря опять непріятели, и стрѣляли по нашимъ казакамъ и калмыкамъ; однако сіи принудили ихъ ретироваться въ лѣсъ, убивъ у нихъ 4 гусаръ и взявъ одного въ полонъ.

Говорили тогда, что калмыки наши оказали при семъ случаѣ довольные знаки своего проворства и свойственной такимъ легкимъ народамъ храбрости: 7 человѣкъ изъ нихъ — усмотря человѣкъ

двадцать прусскихъ гусаръ, удалившихся отъ прочихъ, переплывъ нагіе и безъ сѣделъ, съ одними только дротиками чрезъ Прегель—ударили съ такою жестокостію на нихъ, что обративши ихъ въ бѣгство, гнали до самаго ихъ стана и, какъ вышеупомянуто, трехъ убили, а одного въ полонъ взяли. Но сіе было почти и первое и послѣднее хорошее ихъ дѣйствіе, ибо кромѣ сего не случилось мнѣ слышать, чтобъ они что-нибудь отличное сдѣлали.

Симъ образомъ происходила у насъ почти всякій день маленькая война, но скоро за симъ послѣдовала и важнѣйшая, какъ о томъ упомяну я въ будущемъ письмѣ, а между тѣмъ есмь и прочая.

ПЕРВАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 44-е.

Любезный пріятель! Теперь приблизился уже я къ важнѣйшему пункту времени, изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля; ибо упомянутое до сего состояло по большей части только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ извѣстно, не бываютъ никогда рѣшительны, а обращаются только обыкновенно обѣимъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую растерю людей; или, короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ вамъ разсказывать о нашей апраксинской баталіи, о которой анслышались вы довольно, но подлинныхъ при томъ бывшихъ произшествій вѣрно не знаете. Но можно ли вамъ и знать, когда вы сами при томъ не были, а по однимъ слухамъ подлинно все знать никоимъ образомъ не можно. Собственные примѣры мнѣ сіе довольно доказали.

Совсѣмъ тѣмъ, не дожидайте того, чтобъ я вамъ сообщилъ въ подробности всѣ при томъ бывшія обстоятельства. Но я напередъ вамъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности оныя непзвѣстны, несмотря на то, хотя я дѣйствительно самъ при томъ былъ, и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я тогда былъ, знать всѣ подробности, происходившія въ арміи, въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ, и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно? Итакъ, иное-ли что остается, какъ сообщить то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія. Армію въ походѣ неинако, какъ съ великимъ и многонародпымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобы кто-нибудь, не выключая и самихъ предводителей, могъ всѣ подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, вопль, пыль, густота дыма, а паче всего повсемѣстная опасность и тысяча другихъ обстоятельствъ тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ, иное ли что остается, какъ сообщить вамъ только то, что слу-

чай допустилъ мнѣ самому видѣть, или о чемъ съ достовѣрностію могъ я тогда слышать.

Но какъ сія баталія была только одна, которую мнѣ самому видѣть случилось, то въ награжденіе недостатка въпрочемъ, постараюсь по крайней мѣрѣ изобразить все видѣнное мною живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ, дабы вы могли всѣ видѣнныя мною произшествія вообразить себѣ напсовершеннѣйшимъ образомъ, и получить объ нихъ такое понятіе, какъ бы вы сами оное видѣли.

Но прежде приступленія къ собственному повѣствованію о баталіи, хотѣлось бы мнѣ вамъ изобразить напередъ всю тогдашнюю позпцію, или положеніе нашей арміи, ибо безъ того не можете вы никакъ вообразить себѣ прямого состоянія тогдашняго замѣшательства, и получить прямое понятіе о той опасности, въ которой мы тогда находились. И чтобъ мнѣ лучше въ томъ успѣть, то вознамѣрился я не только все извѣстное мнѣ подробно описать, но нужное изъяснить и планами и рпсунками. Итакъ, разскажу вамъ напередъ, какимъ образомъ расположена была наша армія въ послѣднемъ своемъ лагерѣ предъ баталіею. Я не знаю, какое сдѣлать рѣшеніе, въ выгодномъ ли она стояла мѣстѣ или въ невыгодномъ, и должно ли хвалить, или хулить нашихъ полководцевъ, что они ее такъ расположили.

Итакъ, вообразпте себѣ напередъ, любезный пріятель, высокое ровное мѣсто, неподалеку отъ берега одной негораздо большой рѣки, протекающей сквозь широкую, глубокую и ровную долину. Помянутое лежащее на горѣ, у подошвы которой начиналась помянутая долина, высокое и ровное мѣсто было не столько широко, сколько длинно; было оно, сколько мнѣ помнится, въ ширину не болѣе полуверсты, а въ длину версты на полторы или на двѣ, ибо съ двухъ сторонъ окружалъ сіе мѣсто большой, частый и густой лѣсъ, простирающійся въ ширину, или поперегъ, на версту или болѣе, а съ третьей стороны пересѣкалъ оное превеликій и преглубокій буеракъ, съ протекающею онымъ небольшою рѣчкою, впадающею въ вышеупомянутую рѣку Прегель. Такимъ образомъ окружено было сіе мѣсто почти со всѣхъ сторонъ непреборимыми оградами, и выходъ изъ него былъ только въ двухъ мѣстахъ, а именно, по краямъ онаго, гдѣ на одномъ краю была между лѣсомъ небольшая прогалина, а на другомъ между лѣсомъ и помянутымъ буеракомъ — также небольшое пустое пространство, простирающееся въ ширину съ небольшимъ на четверть или на полверсты.

На семъ-то прекрасномъ мѣстѣ расположена была наша армія лагеремъ, и, повидимому, казалось, что нельзя было выгоднѣе быть сей позпціи, потому что она стояла, власно какъ нарочно натурою въ сдѣланномъ укрѣпленіи, и со всѣхъ сторонъ прикрыта была вожделѣннѣйшими оградами, ибо впереди у себя имѣла она помянутый густой, высокій и непроходимый почти лѣсъ, прикрывающій фронтъ ея наплучшимъ почти образомъ. Правое крыло прикрыто было тѣмъ же лѣсомъ; лѣвое помянутымъ непроходимымъ и крутымъ буеракомъ, и съ одного только тыла было открытое мѣсто, но и то для помянутой глубокой долины и рѣки Прегеля было неприступно, такъ что ни съ которой стороны не могла опасаться непріятельскаго нападенія. Самая узкая, паходящаяся на лѣвомъ крылѣ подлѣ буерака дефилея, которою одною былъ изъ сего мѣста свободный проходъ на пространное, позади лѣса находящееся Эггерсдорфское поле, застановлена была многими полками, прикрыта войсками и баттареями, а сверхъ того имѣла еще впереди у себя небольшой ручеекъ съ лощинкою, который, вытекая изъ Эггерсдорфскаго поля, впадалъ въ помянутый большой буеракъ. Находящаяся же на правомъ крылѣ между лѣсами узкая прогалина, власно какъ нарочно перерыта была издавна нѣсколькими небольшими рвами, которые сгодились намъ очень кстати. Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства согласовались между со-

бою наилучшимъ образомъ, и нельзя было удобнѣе сего мѣста быть для прикрытія лагеря во время ожидаемой баталіи и требовалось только одно искусство генераловъ, чтобы симъ мѣстомъ надлежащимъ образомъ умѣть воспользоваться. Но имѣли ли наши полководцы къ тому потребное искусство или нѣтъ, то усмотрите изъ послѣдствія, а я между тѣмъ для лучшаго усмотрѣнія представлю вамъ все помянутое положеніе мѣста рисункомъ *).

Вотъ вамъ планъ и описаніе всему положенію того мѣста, на которомъ происходило славное наше военное дѣйствіе. Вообразите его себѣ хорошенько, дабы вамъ тѣмъ лучше можно было усмотрѣть всѣ описанныя ниже сего произшествія, къ которымъ наконецъ теперь я и приступлю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ окончилъ я сію матерію тѣмъ, что армія переправилась вся чрезъ рѣку Прегель и стала на вышеизображенномъ мѣстѣ лагеремъ, и описаніе мое продолжалось до 16-го августа. 17-го числа поутру было все въ арміи еще спокойно. По розданнымъ приказамъ знали мы, что и сей день простоимъ на семъ мѣстѣ, почему посылано было опять фуражпровать, а сверхъ того велѣно было еще принимать провіантъ болѣе, нежели на полмѣсяца, и мы приняли его уже сентября по 5-е число. Однимъ словомъ, о непріятелѣ не было еще ни слуху, ни духу, ни послушанія, и хотя всѣ мы имѣли довольно причины заключать, что ему уже недалеко быть надобно и что скоро дойдетъ до настоящаго съ нимъ дѣла, однако, не вѣдая ничего точнаго, не имѣли причины безпокоиться страхомъ и воображеніемъ себѣ смертоноснаго сраженія. Коротко, мы такъ были спокойны, какъ бы находились еще верстъ за сто отъ непріятеля, и не думая ни о чемъ, пили себѣ и ѣли, и веселились, забавляясь разными походными препровожденіями времени.

Предъ полуднемъ наконецъ услышали мы вдали три пушечныхъ выстрѣла, а немного погодя, еще два. Мы сочли ихъ непріятельскими и говорили еще между собою, что таковыхъ громкихъ по сіе время еще не слыхали и заключали, что не близко ли уже непріятель; но какъ въ арміи никакого шума не дѣлалось и все попрежнему было спокойно, то сочли мы сіи выстрѣлы нашими и заключили, что конечно гдѣ-нибудь вдали стрѣляютъ наши по непріятельскимъ партіямъ, почему, привыкнувъ уже къ таковымъ слухамъ, перестали тотчасъ о томъ и думать. Но не успѣло пройтить съ часъ времени, какъ увидѣли, что мы обманулись, и что конечно что-нибудь важное было. Въ арміи нашей сдѣлалась превеликая тревога. Началось ужасное скаканіе и гоньба адъютантовъ и ординарцевъ, кричавшихъ, чтобъ выходили въ строй и выводили бы полки передъ фрунтъ.

Въ одну минуту исчезло тогда прежнее спокойствіе, и началось военное замѣшательство. Всякій, бросая все, въ чемъ упражнялся, хваталъ оружіе, одѣвался въ военный снарядъ, и бѣжалъ становиться въ свой рядъ и мѣсто опредѣленное. Повсюду слышанъ былъ тихій шумъ, бѣганіе и понужденіе отъ начальниковъ. Все наше военное ополченіе власно какъ оживотворилось и въ одинъ мигъ были уже всѣ полки предъ своими станами и стояли во фрунтѣ, ожидая повелѣнія куда иттить и что дѣлать. Нельзя довольно изобразить, сколь чувствительна была всѣмъ сія первая почти и прямая тревога. Всякій, не инако помышляя, что непріятель уже наступаетъ и конечно уже не въ дальнемъ разстояніи—не могъ иного заключить, какъ что чрезъ минуту поведутъ его становить въ ордеръ баталіи и что, наконецъ, приближается тотъ часъ, въ который принужденъ онъ будетъ позабывать и самъ себя и все на свѣтѣ, и готовиться къ смерти. Обстоятельство, что вся армія состояла почти все изъ такихъ людей, которые непріятеля еще въ глаза не видали, умножало въ

---

*) Рисунокъ сей смотри позади книги. Примѣч. автора. Рисунка этого однако ни въ книгѣ рукописной, ни „позади ея“ не оказывается. М. С.

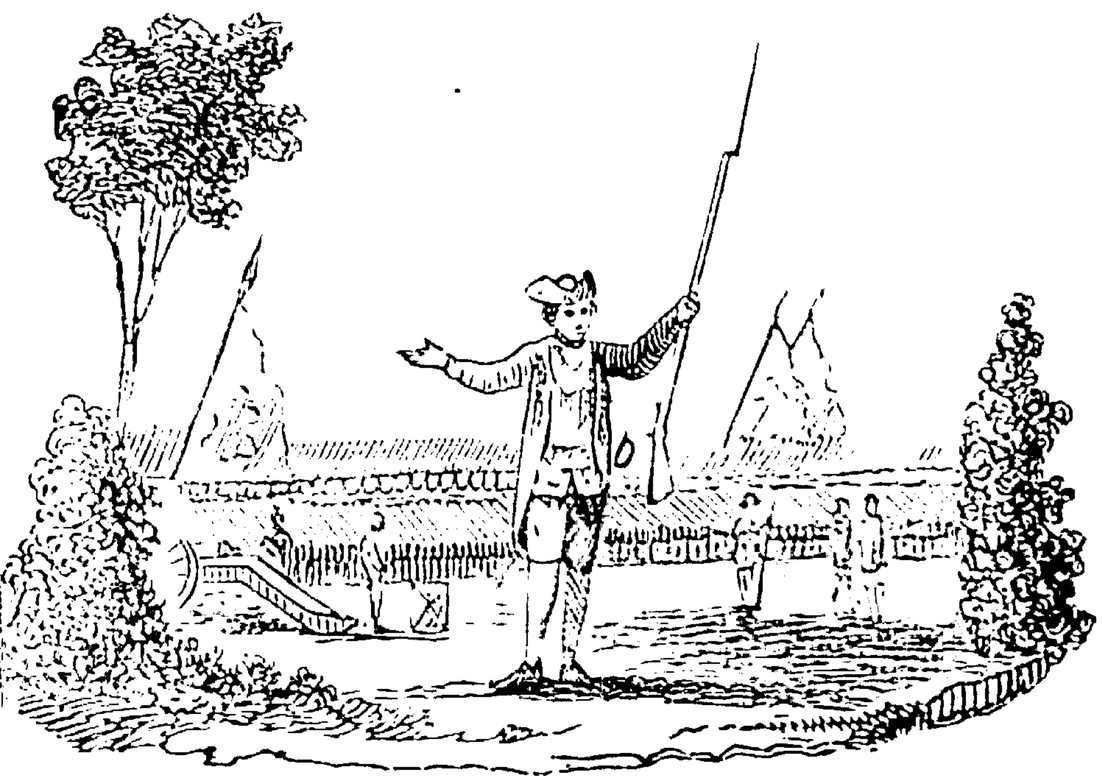
каждомъ его робость и внутреннее волненіе крови и содраганіе членовъ. Говорится и о простой пословицѣ, что первую пѣсенку зардѣвшись спѣть, а тутъ дѣло нѣсколько поважнѣе пѣсни было. Однако все сіе не долго продолжалось и насъ власно какъ хотѣли только попугать; ибо не успѣли полки стать во фрунтъ и построиться, какъ присланы были опять вѣстники съ повелѣніемъ, чтобъ солдатъ распустить опять по палаткамъ, и впредь слушать уже сигнала изъ трехъ пушекъ.

Сіе успокоило опять всѣхъ насъ: мы сочли, что, конечно, что-нибудь провралось и не прямо донесено фельдмаршалу и, разошедшись по своимъ палаткамъ, принялись опять за свои упражненія. Кто игралъ въ карты, кто пѣлъ, кто смѣялся, кто шутилъ, и такъ далѣе. Но не успѣло пройтить съ часъ времени, и такъ, какъ въ часу четвертомъ пополудни услышали мы уже подлинный сигналъ къ тревогѣ. Въ главной квартирѣ у фельдмаршала выстрѣлено было три раза изъ вѣстовой пушки, и сіе было знакомъ тому, чтобы полки опять во фрунтъ выводили. Мы тотчасъ сіе учинили и уже меньше боялись, нежели прежде, думая, что опять насъ распустятъ. Но сей день на то начался, чтобъ намъ обманываться въ своемъ ожиданіи; ибо вскорѣ увидѣли мы, что дѣло обращалось понемногу въ важность. Къ намъ пріѣхали предводители нашихъ бригадъ, и вдругъ повели полки съ распущенными знаменами вонъ изъ лагеря. Тогда-то началось у многихъ трепетаніе сердца и жалкое прощаніе съ остающимися въ лагерѣ своими знакомцами. Но по счастью некогда было имъ долго въ томъ упражняться, насъ увели съ великимъ поспѣшеніемъ, и вывели за лѣсъ на чистое и пространное Эггерсдорфское поле.

Но сколь сильно мы опять тутъ обманулись! Мы думали, что выйдемъ уже прямо къ непріятелю и не только его увидимъ, но и тотчасъ начнемъ съ нимъ дѣло; но вмѣсто того мы на всемъ полѣ не увидѣли и не примѣтили ни одного человѣка, и удивились тому чрезвычайно. Несмотря на то, становили всѣ выведенные наши полки въ порядокъ, и построили ихъ версты за двѣ отъ лагеря въ двѣ линіи, между обѣими находящимися посреди сего поля деревнями, въ ордеръ баталіи и разочли какъ надобно. Но не успѣли сего окончить, какъ не сдѣлавъ ничего, а только сожегши одну деревню, повели насъ обратно назадъ въ лагерь, и мы проходили и простояли часа три только по пустому, ибо непріятеля не было еще и въ завѣтѣ, а сказывали только, будто бы онъ находился залежащимъ впереди у насъ лѣсомъ и будто бы также строился въ ордеръ баталіи, почему и нашу не всю армію выводили, а только одинъ нашъ авангардный корпусъ, да дивизію графа Фермора, и сіе можетъ быть для того, чтобъ ему доказать, что мы очень осторожны. Но о, когда-бъ таковы осторожны мы всегда были!

Такимъ образомъ окончился и сей день, безъ всякихъ важныхъ произшествій и мы по необыкновенности своей не знали, чтобъ это значило, что насъ выводили. Мнѣ случилось быть съ сими выходившими на брань, и мы, по справедливости говоря, шли довольно отважно и безъ всякой трусости. Нетерпѣливость у всѣхъ написана была на лицѣ, и всякій усердно желалъ увидѣть скорѣе непріятеля и исправлялъ свое ружье, для исправнѣйшаго по немъ стрѣлянія. Но сколько мы ни смотрѣли и сколько ни усердствовали учинить ему храбрую встрѣчу, однако его не было, и мы не могли увидѣть ни единаго человѣка, хотя пространное и на нѣсколько верстъ простирающееся поле намъ все было видно. Возвращаясь въ лагерь не знали мы, радоваться тому или печалиться? Однако тужить о томъ дальней причины не имѣли. Кому жизнь не мила, и кто могъ увѣренъ быть въ томъ, что онъ будетъ цѣлъ и сохранится живъ отъ баталіи? Я только имѣлъ причину возвращеніемъ симъ доволенъ быть; но для чего, онаго вы конечно не угадаете «Для трусости!» скажете вы.—Нѣтъ,

я истинно не только не трусилъ, но еще болѣе спокоенъ былъ, нежели самъ думалъ. А вотъ для чего: со мною сдѣлалось одно смѣшное и неожидаемое приключеніе. Когда мы на полѣ въ ордеръ-баталіи стояли и дожидаясь непріятеля изъ лѣса оправляли свои ружья, то хотѣлъ и я посмотрѣть, есть ли у ружья моего на полкѣ порохъ, ибо заряжено оно у меня давно уже было. Но не проказа ли сущая тогда сотворпсь? Погляжу, анъ у ружья моего совсѣмъ и курка нѣтъ!.. Боже мой! какъ я тогда смутился и въ какое пришелъ замѣшательство! Съ одной стороны, не понималъ я, куда онъ дѣвался; съ другой досадовалъ, что мнѣ въ случаѣ нужды не только стрѣлять, но и обороняться будетъ нѣчемъ, а съ третьей, и что всего паче, боялся, чтобъ того кто-нибудь не увидѣлъ и не сталъ бы смѣяться. Но какъ бы то ни было, но курка моего не было: отвернись проклятый шурупчикъ, который, думать надобно, наканунѣ того дня какъ ружье чистили, некрѣпко былъ привинченъ, и пропади вмѣстѣ и съ куркомъ. А къ вящему несчастію, и искать его способа не



было. Я не только чтобъ искать, но боялся и сказывать о томъ наилучшимъ своимъ пріятелемъ, но внутренно только досадовалъ и самъ себѣ смѣялся, говоря: «Изрядный, право, я воинъ! да и «курокъ-то проклятый нашелъ время «пропасть. Тутъ-то его нелегкое и снесло долой, когда онъ всего былъ надобнѣе!» — Но по счастію всѣхъ хлопотъ я избавился: дѣло прошло безъ драки, а безкурочнаго моего ружья никто не примѣтилъ. Мы возвратились благополучно, а къ утрему поспѣлъ къ ружью моему другой курокъ. Эту честь могу я отдать исправности полковыхъ слесарей. Истинно чрезъ часъ придѣлали они къ нему совсѣмъ новый и я не стыдился уже показаться передъ фрунтомъ, а потерянный оставилъ спокойно лежать на поляхъ Эггерсдорфскихъ.

Спмъ окончу я сіе мое пнсьмо и увѣривъ васъ о моей дружбѣ, остаюсь и пр.

ВТОРАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 45-е.

Любезный пріятель. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ отписалъ я вамъ первое наше приуготовленіе къ баталіи, а теперь опишу второе. Не мутите вы ею! Какова она ни была, но довольно двое сутокъ прошло въ однихъ приуготовленіяхъ къ оной! Надобно уже ей конечно быть чрезвычайной. Она чрезвычайна и была, любезный пріятель, какъ вы то сами изъ описанія оной послѣ сами и увидпте, но я, оставя посторонности, прпступлю къ дѣлу.

Ночь подъ восьмое-на-десять чпсло августа препровождали мы въ прежнемъ лагерѣ благополучно и въ вожделѣннѣйшемъ спокойствіи. Все было тихо и смирно, и никто не помышлялъ о непріятелѣ. Что будетъ въ послѣдующій день, того никто не вѣдалъ и утро не оказывало намъ ничего чрезвычайнаго. Поутру били не генеральный маршъ, а зорю, а сіе и доказывало уже намъ, что и сей день въ походъ мы не пойдемъ, а будемъ стоять на томъ же мѣстѣ. Сія тишина и спокойствіе продолжалось даже до двѣнадцатаго часа и мы, думая, что и во весь день ничего не будетъ, расположп-

лись уже препровождать его въ разныхъ увеселеніяхъ, какъ вдругъ нечаянный пушечный выстрѣлъ нарушилъ наше спокойствіе и обратилъ къ себѣ наше вниманіе. Сіе случилось, какъ теперь помню, въ то самое время, какъ мы съ компаніономъ моимъ сѣли обѣдать, ибо надобно знать, что незадолго до сего времени сдружился я особливымъ образомъ съ капитаномъ сосѣдственной со мною второй-на-десять роты, Алексѣемъ Дмитріевичемъ Вельяминовымъ, человѣкомъ свѣтскимъ, весьма разумнымъ, меня отмѣнно любящимъ, и притомъ землякомъ, ибо онъ былъ черпской помѣщикъ, въ которомъ уѣздѣ имѣлъ и я одну деревнишку. Любя меня, давно уже старался онъ меня убѣдить къ тому, чтобъ намъ ѣсть вмѣстѣ; а какъ онъ имѣлъ у себя повара и ѣдалъ хорошо, то наконецъ я охотно на то и согласился, и съ того времени, во все достальное время сего похода жили мы съ нимъ какъ родные братья и не только ѣдали вмѣстѣ, но и спали въ одной палаткѣ. Съ симъ-то моимъ другомъ и компаніономъ не успѣли мы тогда сѣсть обѣдать, какъ услышали помянутый выстрѣлъ, и мы говорили еще тогда:—«Ахти! не тревога ли уже опять: не дадутъ намъ и пообѣдать». Но совсѣмъ тѣмъ первымъ симъ еще сигналомъ не гораздо мы еще встревожились и продолжали обѣдать; но не успѣли мы приняться за ложки, какъ послѣдовалъ другой, а вскорѣ послѣ того и третій выстрѣлъ. Тогда некогда было долго думать, ложки попадали у насъ изъ рукъ, и мы, бросивъ ѣсть, спѣшили скорѣе одѣваться, и хвататься за оружіе и надѣвать на себя наши знаки и шарфы. Шумъ и смятеніе по всему лагерю былъ уже слышанъ. Повсюду началось бѣганье, крикъ и понужденіе. Иной стоялъ уже въ своемъ мѣстѣ передъ фрунтомъ, другой бѣжалъ туда становиться, третій хватался еще за оружіе, и надѣвалъ на себя военные снаряды; иной отлучался куда-нибудь, бѣжалъ еще опрометью, неодѣтый, въ палатку, и спѣшилъ одѣваться и поспѣть иттить вмѣстѣ умирать съ своими товарищами. Голосъ и крикъ начальниковъ и полководцевъ, скачущихъ и разъѣзжающихъ передъ полками, повсюду былъ слышанъ и возбуждалъ храбрость и мужество въ сердцахъ воиновъ. Земля стонала отъ тяжести огнестрѣльныхъ орудій, везомыхъ множествомъ лошадей, и эхо раздавалось только по стоящему противъ насъ лѣсу, отъ крика погонщиковъ и фурлейтовъ, понуждающихъ коней везти скорѣй пагубныя орудія, приготовленныя для пораженія непріятеля. Однимъ словомъ, все находилось въ движеніи и представляло для глазъ воина пріятное зрѣлище.

Не успѣли мы съ полками выттить передъ фрунтъ и построиться, какъ увидѣли уже главныхъ нашихъ полководцевъ, ѣдущихъ съ великою свитою мимо полковъ нашихъ. Нельзя было великолѣпнѣе быть свиты нашего главнаго предводителя. Окруженъ будучи великимъ множествомъ другихъ высокихъ и нижнихъ начальниковъ, генераловъ и офицеровъ, съ великою пышностію ѣхалъ онъ предводительствовать арміею и распоряжать судьбинами столь многихъ тысячъ народа. Гордый и драгоцѣнный и богатымъ убранствомъ украшенный конь, прыгая, игралъ ногами везя на себѣ сего военноначальника. Множество другихъ копей подъ богатыми попонами слѣдовали за нимъ заводными. Наконецъ цѣлыя толпы гусаръ и чугуевскихъ казаковъ прикрывали сіе пышное и великолѣпное шествіе. Они назначены были тѣлохранителями нашего предводителя и слѣдовали за нимъ повсюду.

Вскорѣ послѣ сего повели наши полки съ распущенными знаменами опять на тоже мѣсто, куда наканунѣ сего дня мы выходили; но выводили уже не одну первую дивизію и нашъ авантгардный корпусъ, но всю армію. Сіе могли мы потому заключить, что какъ полку нашему случилось стоять въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ и проходѣ, то всѣ полки, и конные и пѣшіе, съ знаменами и орудіями своими принуждены были иттить мимо насъ и проходить сею тѣсною дефилеею на пространное Эгерсдорф-

ское поле. Тамъ строены они уже были порядочнымъ образомъ въ двѣ линіи въ ордеръ баталіи, а насъ повели уже послѣ всѣхъ, ибо мы назначены были прикрывать лѣвое крыло обѣихъ линій и насъ поставили поперегъ обѣихъ линій. Какое зрѣлище представилось намъ вдругъ, когда мы, изъ тѣсноты лагеря выдравшись, вышли на пригорокъ, съ котораго вся окрестность поля была видима! Цѣлая половина онаго, лежащая къ намъ и къ лѣсу, покрыта была многочисленнымъ народомъ. Фрунты обѣихъ линій были между собою на знатное разстояніе и въ длину простирались такъ далеко, что конца онымъ не можно было никакъ видѣть. Одни только знамена развѣвали и разноцвѣтностію своею пестрѣлись, и украшали тѣмъ наиболѣе прекрасное сіе зрѣлище. Вся пустота между обѣими линіями наполнена была множествомъ народа. Какъ обѣ линіи стояли неподвижно, какъ стѣны, такъ, напротивъ-того, оживотворенъ былъ народъ, находящійся между оными. Тутъ видно только было одно скаканіе конницы, командировъ, адъютантовъ и ординарцевъ и войска взадъ и впередъ, пушекъ и ихъ ящиковъ и снарядовъ. Всѣ военноначальники суетились и старались распорядить и разстановить все гдѣ что надобно, и раздать нужные приказы, какъ отступать во время сраженія: всѣ онаго безсомнѣнно ожидали. День случился тогда самый красный, и погода напвожделѣннѣйшая, и одинъ блескъ оружія въ состояніи уже былъ возбудить охоту къ сраженію.

Нельзя было полезнѣе и лучше быть тогдашней позиціи нашей арміи и расположенію нашего строя, ибо представьте себѣ, любезный пріятель, что помянутое Эгерсдорфское поле не все такъ ровно, чтобъ могло горизонтальнымъ назваться: находилось къ нашей сторонѣ на ономъ небольшое возвышеніе. Сія высота начиналась отъ широкой лощины или суходола, находящагося между обѣими деревнями и простиралась до самаго того лѣса, позади котораго стоялъ лагерь нашей арміи. Она занимала довольно много мѣста и командовала всѣмъ пространствомъ Эгерсдорфскаго поля. На семъ-то возвышеніи или полòгомъ пригоркѣ, построилась наша армія въ ордеръ баталіи и имѣла довольно мѣста по желанію умѣститься. Весь фрунтъ ея или лицо было прикрыто помянутымъ суходоломъ или небольшою широкою лощиною, сквозь которую протекалъ малый, но вязкій и топкій ручей, а весь задъ или тылъ—высокимъ и густымъ лѣсомъ, такъ что сзади не можно было имѣть никакой опасности. Лѣвымъ своимъ крыломъ примкнула она къ одной изъ вышеупомянутыхъ деревень, находящихся посреди поля и весьма въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, а правое было ли чѣмъ прикрыто или нѣтъ, того не можно было мнѣ видѣть. Да хотя-бъ оно отъ натуры и ничѣмъ было не прикрыто, такъ прикрывало оное довольное число конныхъ и пѣшихъ войскъ съ цѣлою колонною артиллеріи. Однимъ словомъ, позиція арміи была наивождѣннѣйшая и такова, что всякій могъ заключить, что заняла она весьма выгодное мѣсто. Но чтобъ могли вы яснѣе видѣть сей ордеръ баталіи, то изображу вамъ оный нарочнымъ рисункомъ. (?)

Симъ образомъ на досугѣ построившись и распорядивъ что надобно, дожидались мы, съ неустрашимостію, непріятеля и ежеминутно надѣялись, что онъ изъ лѣса, находящагося противъ насъ, выйдетъ и учинитъ на насъ нападеніе. Однако счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина. Мы сколько ни дожидались и сколько, обращая глаза свои въ ту сторону, откуда ждали непріятеля, ни смотрѣли, но не могли увидѣть и признака онаго; а таковы-жъ тщетны были и всѣ наши распровѣдыванія у пріѣзжающихъ къ намъ съ праваго фланга. Мы хотя у всякаго изъ нихъ спрашивали: „идетъ ли непріятель? показался ли онъ уже изъ лѣса? не видать ли онаго?“—но всѣ отвѣтствовали, что нѣтъ и что сами они всѣ глаза свои уже просмотрѣли. Словомъ, все ожиданіе наше было напрасно. Непріятельскіе полководцы не таковы

были глупы, какъ мы думали. Они вѣдали довольно свое противъ насъ безсиліе и великое превосходство нашей силы противъ ихъ и далеко были отъ того удалены, чтобъ насъ, столь выгодно построившихся, аттаковать посреди бѣлаго дня и съ столь очевидною для себя опасностію; но наче довольствовались тѣмъ, что мы имъ себя симъ образомъ показали, и они могли всю нашу силу какъ на ладони видѣть и разсмотрѣть. Сверхъ того было имъ съ нами дѣло начать еще и некогда. Они, какъ мы послѣ узнали, еще въ тотъ только день пришли отъ Велавы, въ занятый позади лѣса лагерь и посылали нашу армію только подсматривать. О семъ рекогносцированіи пишутъ непріятели въ своихъ реляціяхъ, яко бы посланъ былъ отъ нихъ генерал-поручикъ Шорлемеръ съ 20-ю эскадронами гусаровъ и съ 20-ю эскадронами драгунъ; однако мы толикаго числа войска не видали: а намъ сказывали послѣ, что въ сей день рекогносцировалъ только нашъ станъ и армію прусскій генерал-поручикъ графъ Дона съ небольшимъ прикрытіемъ, ибо сей почитался у нихъ лучшимъ генераломъ; нашимъ же полководцамъ, или паче отводнымъ карауламъ, показалось, что то уже и вся армія, и сіе самое было причиною нашей трусости и поспѣшнаго выхода изъ лагеря.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не могли мы, на все наше ожиданіе несмотря, увидѣть предъ собою непріятеля. Уже стояли мы болѣе двухъ часовъ; уже день началъ склоняться къ вечеру, а непріятельской арміи и въ появѣ не было, а все, что могли мы только слышать, состояло въ томъ, что вдали между казаками нашими и непріятелемъ происходила небольшая перестрѣлка, по которымъ онъ изъ лѣса производилъ иногда ружейную, иногда пушечную пальбу, и сіи, можетъ быть, были тѣ, которые отъ насъ посыланы были распровѣдывать о непріятелѣ.

Наконецъ увидѣли наши полководцы, что мы стоимъ попустому и ничего не дождемся. Чего ради, выстрѣливши нѣсколько разъ изъ большой пушки въ лѣсъ и бросивъ туда нѣсколько бомбъ изъ гаубицъ, можетъ быть по показавшимся непріятелямъ, сожегши находящуюся подъ лѣсомъ предъ арміею вдали деревню, распустили наши полки опять обратно въ лагерь. Мы не знали и не могли понимать, чтобъ это значило и покуда насъ симъ образомъ водить и непріятелямъ показывать станутъ.

Смеркаться уже тогда почти начало, какъ мы возвратились въ свои палатки, и тогда впервые мы услышали сигнальный вечерній пушечный выстрѣлъ въ непріятельскомъ лагерѣ для битья зори, и какъ онъ довольно громко былъ слышанъ, то могли мы заключить, что непріятельскій лагерь находится уже не далеко отъ нашего, а немного погодя, весьма явственно услышали мы, какъ у него и зорю били.

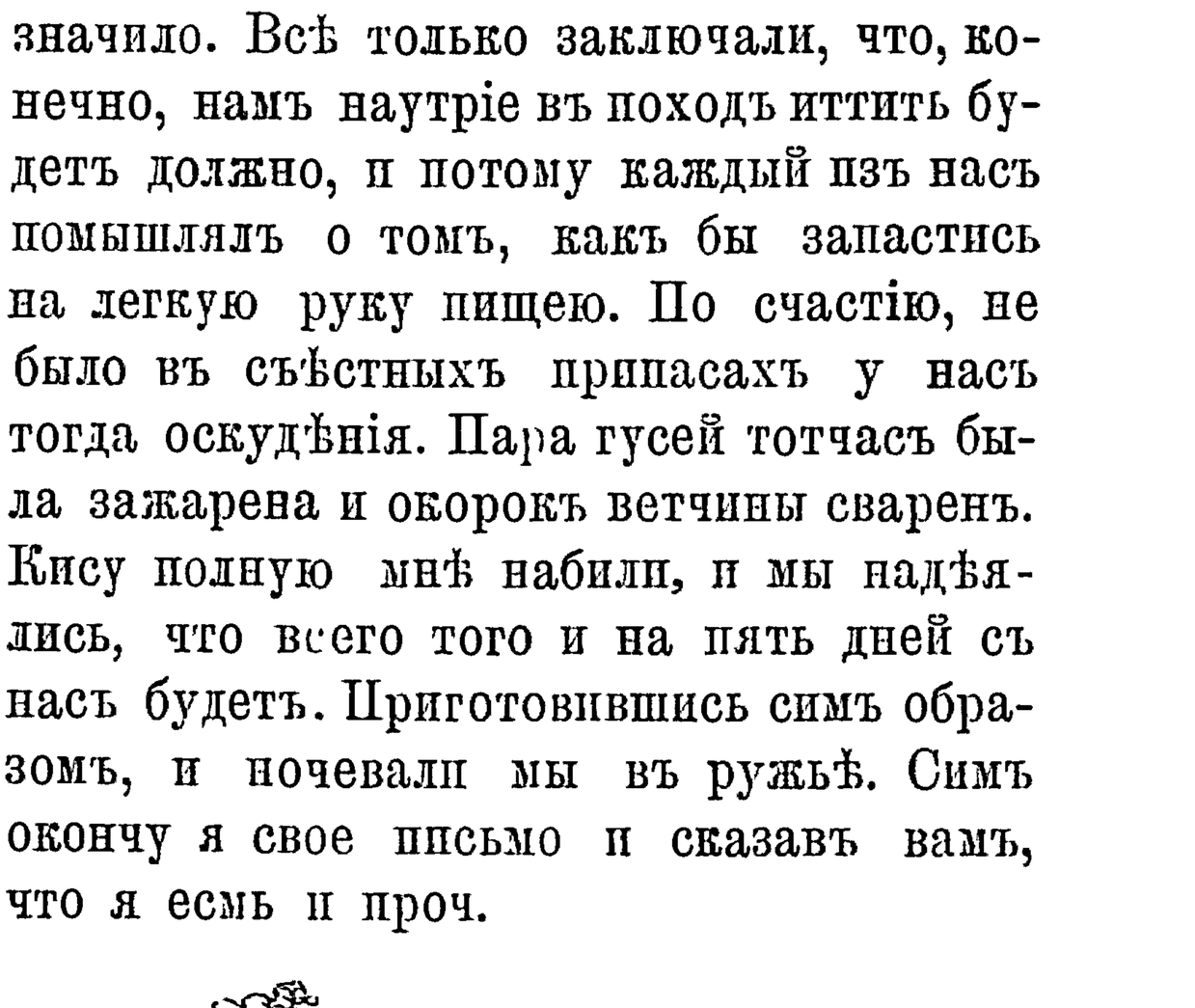
Не могу довольно изобразить, съ какими разными душевными чувствіями слушали мы сей звукъ непріятельскихъ барабановъ; никогда еще до сего времени не случалось намъ его слышать. Съ великимъ любопытствомъ устремлялъ каждый свой слухъ для вниманія онаго, и какъ столь вѣрное, явное доказательство близости непріятельской арміи не дозволяло намъ никакъ уже сомнѣваться, что на другой день послѣ сего воспослѣдуетъ у насъ съ нимъ баталія, то многіе слушали біеніе зори сей, а вскорѣ потомъ и нашей, съ отмѣннымъ удовольствіемъ и безъ всякаго смущенія, по радуясь, что вскорѣ имѣть будутъ дѣло съ непріятелемъ, и притомъ удобный случай къ оказанію своей храбрости и мужества, а другіе напротивъ того занимались тогда другими мыслями:

«Ну, братцы! говорили тогда иные, видно теперь уже по всему, что доходитъ у насъ дѣло до драки,—безсомнѣнно завтра у насъ она будетъ! Кому-то поможетъ Богъ одолѣть своего недруга? Мы хотя и льстимся надеждою, что побѣдимъ пруссаковъ, но не въ диковинку и такіе примѣры въ свѣтѣ, что и маленькія арміи разбивали большія. Не

услышь, Боже, чтобъ несчастіе таковое случилось съ нами!»—Да!—подхватывали иные, все сіе возможное дѣло; но какъ бы то ни было и кому бы Богъ ни помогъ, но то достовѣрно, что съ обѣихъ сторонъ будетъ не безъ урона. Многіе отправятся при семъ случаѣ на тотъ свѣтъ. И кому-то и кому назначено судьбою положить здѣсь свою голову!—«Да!—продолжали другіе: многіе изъ насъ вѣрно не увидятъ болѣе уже захожденія солнечнаго и слышутъ теперь въ послѣдній уже разъ біемую вечернюю зорю! Завтра, около сего времени, лежать уже они будутъ бездыханны и съ охладѣвшею уже кровію! Но кому-то и кому нужно быть въ числѣ оныхъ?—Все это закрыто отъ насъ непроницаемою завѣсою, и все составляетъ ужасную неизвѣстность!»—Да! отвѣтствовали иные, неизвѣстно и то, кому-то и кому случится при томъ и на вѣкъ изуродовану быть, и потерять либо руку, либо ногу, либо такъ разстрѣляну и изранену быть, что навѣкъ пойдетъ онъ калѣкою и уродомъ. Счастливъ тотъ будетъ, кто отдѣлается отъ всего того удачно, и останется и живъ и совсѣмъ уцѣлѣвшимъ.—Симъ и подобнымъ сему образомъ разговаривали тогда между собою многіе, и необыкновенность всѣхъ къ огню и небывалость никогда еще на сраженіяхъ, производила во многихъ таковыя чувствія и помышленія. Но были многіе и такіе, коп всѣ предстоящія опасности ни мало не уважали, но съ мужественнымъ духомъ, и позабывая все, готовились на сраженіе, какъ на нѣкое увеселительное пиршество.

Не успѣли у насъ пробить зорю и не успѣло смеркнуться, какъ сдѣлался такой густой туманъ, или паче дымъ, какого я отъ-роду не видывалъ. Вдругъ сдѣлалось такъ темно, что несмотря на свѣтлый лѣтній вечеръ, не можно было и за десять саженъ ничего видѣть. Мы дивились сему чудному метеору и тѣмъ наипаче, что до того времени такихъ тумановъ тутъ не видывали. Однако туманъ сей недолго продолжался; чрезъ часъ разошелся онъ опять и стало свѣтло.

Тогда роздань былъ во всей арміи приказъ, чтобъ солдатъ всѣхъ вывесть во фрунтъ и чтобъ полки всѣ въ ружьѣ ночевали, снабдивъ себя напередъ провіантомъ на трои сутки. Чудно намъ сіе было, и мы не могли понимать, чтобъ это значило. Всѣ только заключали, что, конечно, намъ наутріе въ походъ иттить будетъ должно, и потому каждый изъ насъ помышлялъ о томъ, какъ бы запастись на легкую руку пищею. По счастію, не было въ съѣстныхъ припасахъ у насъ тогда оскудѣнія. Пара гусей тотчасъ была зажарена и окорокъ ветчины сваренъ. Кису полную мнѣ набили, и мы надѣялись, что всего того и на пять дней съ насъ будетъ. Приготовившись симъ образомъ, и ночевали мы въ ружьѣ. Симъ окончу я свое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и проч.



ТРЕВОГА

Письмо 46-е.

Любезный пріятель! Теперь достигъ уже я до того пункта времени, который былъ всей нашей кампаніи сего года рѣшительнымъ, то-есть до 19-го числа августа,

который день, бывшею въ оной баталіею, сдѣлался знаменитымъ и достопамятнымъ. Для меня былъ онъ тѣмъ особливаго примѣчанія достоинъ, что онъ былъ одинъ только сего рода, какой по сіе время въ жизнь мою случился, и какой мнѣ случай допустилъ видѣть. Почему и желалъ бы я вамъ, любезный пріятель, баталію сію описать напточнѣйшимъ образомъ: но неуповаю, чтобъ къ тому силъ моихъ было довольно.

Но прежде, нежели начну описывать самую баталію, надлежитъ мнѣ вамъ растолковать причину отданнаго наканунѣ дня сего въ арміи приказа, который намъ столь непонятнымъ казался. Предводители наши, возвратившись съ полками въ лагерь, собрали военный совѣтъ и разсуждали, что̀ дѣлать? Всѣ единогласно въ томъ согласовались, что непріятель, по всему видимому, не хочетъ дать баталіи и боится показаться въ полѣ, а старается только заградить намъ путь къ дальнѣйшему походу, занявъ самую тѣсную дефилею, и всѣмъ тѣмъ воспрепятствовать, чтобъ мы его не обошли мимо и не прошли прямо съ арміею къ Кенигсбергу. Другіе напротивъ того догадывались и говорили, что непріятель можетъ быть ожидаетъ отъ насъ аттаки. Но всѣ таковыя сужденія были неосновательны, какъ то изъ послѣдствія окажется. Однако предводители наши тогда предполагая все сіе заключали, что другого неоставалось, какъ только, чтобъ иттить намъ къ нему навстрѣчу и принудить дать баталію. Но тутъ сдѣлался вопросъ: куда и какими мѣстами до него иттить? Прямо чрезъ Эгерсдорфское поле и ближайшимъ путемъ къ нему иттить была сущая невозможность: онъ стоялъ съ арміею своею за густымъ и большимъ лѣсомъ, будучи имъ совершенно прикрытъ, а сквозь лѣсъ сей не было иного прохода, кромѣ одной узкой и тѣсной дороги, а и оная уже была прусскими войсками занята; слѣдовательно, тутъ аттаковать никоимъ образомъ было неможно, кругомъ же помянутаго лѣса обходить было ченоь далеко. Но какъ другого не оставалось, а захотѣлось поспѣшить, то и опредѣлили, чтобъ обходить дальній и тотъ лѣсъ кругомъ съ лѣвой стороны, за которымъ стоялъ непріятель, и обратить чрезъ то къ себѣ на встрѣчу непріятеля. Но какъ къ сему обходу неинако, какъ нѣсколько дней употребить надлежало, а притомъ и иттить надобно было дурными дорогами и тѣснымп проходами, то заблагоразсуждено, тяжелый свой обозъ оставить тутъ на мѣстѣ, а съ собою взять одинъ только легкій и необходимый, и собраться какъ можно на-легкѣ. Наконецъ положили, чтобъ симъ предпріятіемъ не мѣшкать, дабы не дать времени непріятелю занять и послѣдніе проходы, и для того опредѣлили къ тому помянутое 19-е число августа, положивъ выступить въ походъ съ разсвѣтаніемъ дня, а для самаго того и отданъ былъ приказъ, чтобъ взять съ собою провіанта на трои сутки, быть къ походу совсѣмъ въ готовности и почевать въ ружьѣ передъ фрунтомъ.

Таковыя-то распоряженія были съ нашей стороны. Но судьбѣ было совсѣмъ инако угодно. Замыслы и памѣренія наши уничтожены, и произошло совсѣмъ иное, ибо между тѣмъ какъ мы симъ образомъ о средствахъ мыслили и совѣщались, какими-бъ трусливаго непріятеля къ баталіи принудить, у него напротивъ того трусости и въ завѣтѣ не ражпвалось. Онъ былъ едва ли не смѣлѣе нашего и положилъ, не упуская времени, пасъ самъ аттаковать. Пруссаки давно славились тѣмъ, что они умѣютъ пользоваться временами и случаями, и чрезъ самое сіе искусство часто малыми людьми великія арміи разбивали. Сію хитрость думали они и въ семъ случаѣ употребить, и недостатокъ своихъ силъ наградить проворствомъ и отважностію. Имъ довольно было свѣдомо, въ какомъ тѣсномъ, хотя весьма и выгодномъ мѣстѣ стоитъ наша армія, а можетъ быть не неизвѣстно было имъ и то нестроеніе, въ какомъ тогда находились наши генералы и предводители. Самое намѣреніе наше обходить кругомъ и выступить въ походъ можетъ быть какимъ-нибудь образомъ они

свѣдали, и потому недолго думая, положили пользоваться симъ случаемъ и напасть на насъ въ самый расплохъ и въ то время, когда армія только что тронется съ мѣста, дабы воспользоваться нашимъ замѣшательствомъ, и не выпустивъ насъ вонъ изъ нашей поры, передушить какъ куръ. Которое намѣреніе они произвели съ довольно-хорошимъ успѣхомъ, какъ то изъ послѣдствія окажется.

Симъ образомъ соплетаемы были для насъ сѣти, а мы, нимало не вѣдая, спали себѣ и почивали спокойно. Наконецъ багряная заря начала мало-по-малу освѣщать горизонтъ и предвозвѣщать намъ день наипрекраснѣйшій. Бывшій передъ утромъ опять сильный туманъ началъ расходиться и воздухъ начиналъ быть тонкимъ и прозрачнымъ; солнце, выбѣжавъ изъ-за горъ, освѣтило уже весь нашъ горизонтъ, какъ громкій пушечный сигнальный выстрѣлъ, пресѣкши нашъ сладкій сонъ, привелъ всю армію въ движеніе. Мы слушали съ любопытнымъ ухомъ, что̀ статутъ быть: зорю ли, или генеральный маршъ, и услышавъ сей послѣдній, тотчасъ стали спѣшить готовиться къ походу. Немного погодя пробили: на воза, почему сняты были тотчасъ всѣ палатки, запряжены лошади въ повозки, и обозы нимало не медля, по обыкновенію своему, тронулись въ путь свой. Теперь припомните, любезный пріятель, одно сказанное мною вамъ обстоятельство, что выходъ и выѣздъ изъ того мѣста, гдѣ армія расположена была лагеремъ, былъ только въ одномъ томъ узкомъ прогалкѣ, гдѣ стоялъ нашъ авангардный корпусъ и вторая дивизія; а какъ и нашему походу надлежало простираться въ сію сторону, то натурально, обозы всей арміи, тронувшись въ путь, свалились къ сему мѣсту и произвели тѣсноту наивеличайшую. Къ вящему несчастію, случилась впереди сей тѣсной дефилеи вязкая и грязная ручьевина, а именно самая та, которая, разрѣзая Эггерсдорфское поле и проходя между обѣихъ деревень Эгерсдорфъ, шла впадать въ крутой буеракъ, позади арміи находящійся. Чрезъ сію ручьевину должны были перебираться передовые обозы, а какъ натурально, получили они чрезъ то небольшую остановку, то тѣснота и замѣшательство въ заднихъ дѣлалась еще больше. Всѣ повозки тѣснились между собою, и каждая старалась подвигаться впередъ и выпереживать другую. Но какъ переднія принуждены были останавливаться, то и сдѣлалась такая тѣснота, что между телѣгами и повозками съ великою нуждою пѣшему пробраться было можно. Все было тутъ смѣшано: и артиллерія съ ея ящиками и снарядами, и полковые обозы, и генеральскіе экипажи, и офицерскія и солдатскія повозки, отчего наболѣе и дѣлалось замѣшательство. Самые полки тронуты были уже съ своихъ мѣстъ, и въ разныхъ мѣстахъ кучками между обозами стѣснены были, что все прумножило еще тѣсноту и замѣшательство, которое и безъ того всегда бываетъ, когда армія выступаетъ изъ лагеря въ походъ свой.

Въ самое сіе время, въ самое то время, когда наищущее замѣшательство происходило, и войска съ обозами вышеупомянутымъ образомъ были перемѣшаны, и послѣдними вся узкая прогалина, которою главной арміи выходить надлежало, такъ была набита, что ни прохода, ни проѣзда не было — въ самое сіе время, говорю, вдругъ сперва тихая молва по всему войску и обозамъ разноситься начала, что непріятель наступаетъ и уже близко, но тотчасъ обратилась она въ общій шумъ и повсюду слышанъ былъ уже крикъ — «непріятель! непріятель!» и увѣреніе, что онъ уже очень близко; но прямо никто не зналъ. Иной говорилъ, что онъ показался на полѣ, другой утверждалъ, что онъ прошелъ уже деревни; третій говорилъ, что онъ въ самыхъ уже обозахъ, и такъ далѣе. Всякій толковалъ такъ, какъ ему хотѣлось, и прибавлялъ для устрашенія другихъ то, что ему угодно было; а другой не зналъ, что заключать и который слухъ почитать справедливѣйшимъ.

Но не долго находились мы въ сей не-

извѣстности. Минуты чрезъ три получили мы хорошее тому подтвержденіе. Впереди всего сего узкаго мѣста, вправо, гдѣ оное съ Эгерсдорфскимъ полемъ смыкалось, стоялъ у насъ второй Московскій полкъ лагеремъ, занимая весь входъ на помянутое поле; и какъ онъ прикрывалъ весь нашъ бывшій лагерь, то для лучшаго укрѣпленія и прикрытія сего мѣста присоединена была къ нему небольшая колонна артиллеріи и поставлена для всякаго случая предъ онымъ. Сей полкъ былъ первый, который вдругъ увидѣлъ тогда непріятеля и, что удивительнѣе всего, находящагося уже предъ собою.

Не знаю уже я, не знали мы тогда и всѣ, и вы судите и разбирайте, какимъ это образомъ сдѣлалось, что мы, несмотря на всю нашу прежнюю осторожность и на все великое множество нашихъ легкихъ войскъ, стрегущихъ армію, несмотря, не видали того, какъ непріятель сквозь свой дальній лѣсъ прошелъ, какъ на поле вышелъ и какъ все пространное и версты на четыре поперегъ простирающееся Эгерсдорфское поле перешелъ, и какимъ образомъ это сдѣлалось, что мы его не прежде увидѣли, какъ когда онъ уже у насъ почти на шею сѣлъ. Чудное поистинѣ это было и непонятное дѣло! Будучи верстъ за двѣсти отъ непріятеля, имѣли мы величайшія и такія предосторожности, какъ бы непріятель въ двухъ или въ трехъ верстахъ былъ, и на бекетахъ всѣхъ насъ замучили; а когда непріятель въ самомъ дѣлѣ въ такой близости былъ, тогда у насъ глаза власно какъ завязаны были, и мы, по пословицѣ говоря, «не видали, какъ въ глазахъ у насъ овинъ сгорѣлъ». Однимъ словомъ, это дѣло было непонятное, и я не утверждаю, и не могу утверждать, а только скажу, что послѣ носилась въ арміи молва, будто бы предводителямъ нашимъ еще до свѣта, и тогда когда армія еще въ покоѣ находилась, неоднократно было доносимо, что непріятель, вышедши на поле, къ намъ придвигается, но тому не хотѣли будто вѣрить почитая то враками и невозможнымъ дѣломъ. А особливо, по мудрому убѣжденію консистента и помощника фельдмаршала, вышеупомянутаго генерала Ливена. Но подлинно ли сіе такъ было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человѣку, каковымъ былъ я, и знать было не можно.

Но какъ бы то ни было, но непріятель засталъ насъ въ такомъ расплохѣ, въ какомъ лучше требовать и желать ему было не можно. Помянутый второй московскій полкъ не прежде его увидѣлъ, какъ на такое уже разстояніе, что могли до него доставать пушки, почему изъ находящейся предъ нимъ нашей баттареи того момента и началась по непріятелю канонада, которая и подтвердила намъ, что слухъ о непріятелѣ справедливъ и что онъ находится отъ насъ въ близкомъ уже разстояніи.

Боже мой! какое сдѣлалось тогда во всей нашей арміи и обозахъ смятеніе! Какой поднялся вопль, какой шумъ и какая началась скачка и какая безпорядица! Индѣ слышенъ былъ крикъ: «сюда! сюда! артиллерію!»; въ другомъ мѣстѣ кричали: «Конницу, конницу скорѣе сюда посылайте!» Индѣ кричали: «обозы прочь! прочь! назадъ! назадъ! назадъ!» Однимъ словомъ, весь воздухъ наполнился воплемъ вѣстниковъ и повелителей, а того болѣе — фурмановъ и правящихъ повозками. Сіи только и знали, что кричали: «ну! ну! ну!» и погоняли лошадей, везущихъ всякія тягости. Словомъ, было и прежде уже хорошее замѣшательство, а при такой нечаянной тревогѣ сдѣлалось оно совсѣмъ неописаннымъ. Весь народъ смутился и не зналъ, что дѣлать и предпринимать. Самые командиры и предводители наши потеряли весь порядокъ разсужденія и совались повсюду безъ памяти, не зная, что дѣлать и предпринимать. Случай таковой для самихъ ихъ былъ еще первый, и ктому-жъ, по несчастію, такой нечаянный и смутный, а они всѣ были люди еще необыкновенные. Никогда не видывалъ я ихъ въ такомъ безпорядкѣ, какъ въ то время. Иной, скакалъ безъ памяти, и съ помер-

твѣлымъ лицемъ кричалъ и приказывалъ самъ не зная что; другой отгонялъ самъ обозы, ругалъ и билъ извощиковъ; третій, схватя пушку, скакалъ съ нею самъ, сколько у лошади силы было. Иной, подхватя который-нибудь полкъ, продрался съ нимъ сквозь обозъ, перелазивая чрезъ телѣги и фургоны, ведя его, куда самъ не вѣдая. Однимъ словомъ, все находилось въ превеличайшемъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ, да и можно ли инако было быть, когда не знали, не то армію стропть въ порядокъ, не то отъ наступающаго уже непріятеля обороняться: толь близко былъ уже онъ подлѣ насъ.

При такихъ обстоятельствахъ, можно ли было ожидать, чтобъ наша армія могла быть въ порядочный ордеръ баталіи построена, и учинить порядочный отпоръ непріятелю. Всѣ почти полки, или большая часть оныхъ находилась за лѣсомъ и за обозомъ, и всѣ не могли никоимъ образомъ сквозь оный продраться, а сквозь лѣсъ пройтпть за густотою онаго не было также способа. Такимъ образомъ принуждены они были стоять поджавъ руки и дожидаться, покуда прочистятъ для нихъ дорогу. Но сего учинить за тогдашнимъ замѣшательствомъ и за тѣснотою мѣста не было возможности. Одна только вторая дивизія, бывшая подъ командою добродѣтельнаго генералъ-аншефа Лопухина, по случаю, что она лагеремъ стояла въ самой прогалинѣ и ближе всѣхъ къ полю, могла нѣкоторымъ образомъ имѣть движеніе, но и ея полкамъ прямо иттить никакъ было не можно, а они принуждены были иттить по рядамъ, и симъ образомъ выходя изъ прогалины вправо, тяпуться подлѣ самаго лѣса, ибо далѣе въ пространное поле подаваться за близостію непріятеля было уже не можно.

Строются ли когда-нибудь такъ арміи въ ордеръ баталіи? Но нужда чего не дѣлаетъ! Мы рады-бъ были, хотя бы симъ образомъ удалось намъ изъ-за лѣса и обозовъ выдраться. Однако мы и сего послѣдняго способа скоро лишились.

Теперь скажу вамъ, любезный пріятель, куда собственно я въ семъ замѣшательствѣ попался, и что со мною происходило. Нашъ полкъ, какъ я вамъ прежде сказывалъ, находился въ авангардномъ или передовомъ корпусѣ, съ нѣкоторыми другими таковыми-жъ малолюдными, какъ и нашъ, полками. Какъ мы стояли почти на самомъ переду и назначены были для прикрытія во время похода обозовъ, то и тронуты мы были прежде всѣхъ прочихъ полковъ съ мѣста, и находились тогда около самой той ручьевины, окружены будучи со всѣхъ сторонъ множествомъ обозовъ, какъ началась съ нашей и съ непріятельской стороны вышеупомянутая стрѣльба изъ пушекъ, и нѣкоторые изъ непріятельскихъ ядеръ по обозамъ шуркать, свистѣть, и все, что ни попадало навстрѣчу, ломать и коверкать начали. Явленіе сіе было для насъ еще новое и до того невиданное. Мы остановились сіе услышавши и ожидали повелѣнія, куда намъ иттить велятъ: впередъ ли по тракту, или вправо къ тому мѣсту, гдѣ уже стрѣльба пропзводилась. Немного погодя прискакалъ къ намъ, не помню, какой-то генералъ и, подхватя, повелъ чрезъ ручей впередъ сквозь всѣ обозы, заставливая продраться всячески сквозь оные, и гдѣ нельзя, то перелѣзать чрезъ фуры и повозки.

Теперь остановлюсь я на минуту и скажу, что какъ при семъ шествіи намъ впередъ ничего было не видно за обозами, и мы за вѣрное полагали, что выдравшись изъ оныхъ наткнемся мы прямо на стоящаго уже въ готовности непріятеля и тотчасъ съ нимъ вступимъ въ кровопролптное сраженіе, то минуты, въ которыя мы помянутымъ образомъ шли и сквозь обозы продирались, были для насъ самыя критическія. Достовѣрность о близости непріятеля, звукъ стрѣльбы пушечной, слышимой въ самой уже близи, и ядра непріятельскія, летающія уже по обозамъ, не давали намъ сомнѣваться въ томъ, что чрезъ нѣсколько минутъ начнемъ и мы уже стрѣлять и сражаться съ непріятелемъ, а небывальщина въ та-

кихъ случаяхъ и мысль, что коса смертная распростерта была уже надъ всякимъ и готова была къ пораженію многихъ, и что тогдашнія минуты были для многихъ послѣднія уже въ жизни,—приводила всю душу въ такую разстройку и всѣ мысли въ такое смятеніе и замѣшательство, что тогдашнее душевное состояніе не можно никакъ изобразить словами, ибо въ минуту сію дѣйствовали въ ней не одни, а многія силы и пристрастія вдругъ, и истинно сказать не можно, боязнь ли, сродная всѣмъ человѣкамъ, болѣе всѣми душевными силами тогда обладала или досада и негодованіе на видимый тогда повсюду безпорядокъ и замѣшательство и производимое самымъ тѣмъ рвеніе и желаніе итить скорѣе и отбивать непріятеля,—совсѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сердце у всякаго было тогда не на своемъ мѣстѣ, но трепетало нарочито чувствительно съ перемежающимся то и дѣло замираніемъ. Однако и то въ засвидѣтельствованіе истины сказать надобно, что все сіе первое и прямо словами неудобоизобразимое ужасеніе чувствовали мы только съ самаго начала и до тѣхъ только поръ, покуда не вышли на поле и не увидѣли непріятеля. А тамъ я не знаю, отъ того ли, что человѣкъ находится уже власно какъ въ отчаяніи и окаменѣлости, или отъ того, что онъ находится не одинъ, а со множествомъ другихъ, не чувствуетъ онъ и далеко такого страха и боязни, какой чувствовать бы по природѣ и по существенной опасности и важности случая надлежало, но бываетъ уже гораздо бодрѣе и спокойнѣе духомъ.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія; теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, продравшись сквозь обозы и вышедши на свободу, увидѣли мы прочіе полки нашего авангарднаго корпуса, строющіеся въ правой у насъ рукѣ въ одну линію. Намъ велѣли примкнуть къ онымъ, а къ намъ стали примыкать и достальные полки нашего корпуса.

Такимъ образомъ, попались мы совсѣмъ въ другое уже мѣсто, нежели гдѣ накапунѣ сего дня намъ стоять случилось. И по счастію такъ трафилось, что мѣсто сіе было напрекраснѣйшее, а что всего еще лучше, самое безопаснѣйшее; на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ полку нашему стать довелось, случился небольшой холмъ или пригорокъ, съ котораго все пространство Эгерсдорфскаго поля было видимо. Неуспѣли мы на оный взойтить и осмотрѣться, какъ вся прусская армія намъ какъ на ладони представилась. Мы увидѣли, что находилась она почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ накапунѣ того дня мы построены были, и первая ея линія стояла точно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша первая линія, а вторая противъ деревни Клейнъ-Эгерсдорфа, и обѣ ея линіи были къ тому мѣсту концами, гдѣ мы стояли, такъ что намъ вдоль обѣихъ оныхъ можно было видѣть. Къ вящему удовольствію видно намъ было и все то мѣсто, гдѣ строилась и наша армія, ибо намъ случилось со всѣмъ своимъ корпусомъ стоять на лѣвомъ крылѣ своей, или лучше сказать, во флангѣ обѣихъ армій. Сами же мы были отъ нападенія прикрыты небольшимъ болотомъ, поросшимъ, хотя низкимъ, но чрезвычайно густымъ кустарникомъ, простирающимся отъ деревни Клейнъ-Эгерсдорфъ на нѣкоторое разстояніе влѣво. Чрезъ сей кустарникъ съ пригорка своего видѣть намъ все было можно, а непріятелю къ намъ сквозь кустарникъ пройтить не было возможности. Такимъ образомъ, стояли мы съ покоемъ и готовились только быть зрителями всему театру начинающагося тогда кровопролитнаго сраженія.

Оно началось въ началѣ восьмого часа, когда уже солнце было довольно высоко, и сіяніемъ своимъ, при тихой погодѣ, напрекраснѣйшій день производило. Первый огонь начался съ непріятельской стороны, и намъ все сіе было видно. Пруссаки шли наимужественнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ образомъ аттаковать нашу армію, вытягивающуюся подлѣ лѣса, и пришедши въ размѣръ, дали по нашимъ порядочный залпъ. Это было въ первый

разъ, что я непріятельскій огонь по своимъ одноземцамъ увидѣлъ. Сердце у насъ затрепетало тогда, и мы удивились всѣ, увидѣвъ, что съ нашей стороны ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ не было отвѣтствовано, власно такъ какъ бы они своимъ залпомъ всѣхъ до единаго побили. Пруссаки, давши залпъ, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походѣ свои ружья и подошедъ еще ближе къ нашимъ, дали по нашимъ порядочный другой залпъ всею своею первою линіею. Тогда мы еще больше удивились и не знали что дѣлать, увидѣвъ, что съ нашей стороны и на сей залпъ ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ отвѣтствовано не было. — «Господи, помилуй! что это такое?» говорили мы, сошедшись между собою и смотря на сіе позорище съ своего отдаленнаго холма:— «живы ли уже наши, и что они дѣлаютъ? Неужели въ живыхъ никого не осталось?» Нѣкоторые малодушные стали уже въ самомъ дѣлѣ заключать, что нашихъ всѣхъ перебили. «Какъ можно, говорили они:—отъ двухъ такихъ жестокихъ залповъ и въ такой близости кому уцѣлѣть?» Но глаза наши тому противное доказывали. Какъ скоро нѣсколько продымилось, то могли мы еще явственно нашъ фрунтъ чрезъ пруссаковъ видѣть; но отчего бы такое молчаніе происходило, того никто не могъ провидѣть. Нѣкоторые изъ суевѣрныхъ стариковъ помыслили уже, не заговорены ли у нашихъ солдатъ уже ружья; но сіе мнѣніе отъ всѣхъ насъ поднято было на смѣхъ, ибо оно было совсѣмъ нескладнѣйшее. Продолжая смотрѣть, увидѣли мы, что пруссаки и послѣ сего залпа продолжали наступать далѣе, и на походѣ заряжали свои ружья, а зарядивъ оныя и подошедъ гораздо еще ближе, дали по нашимъ третій преужасный и препорядочный залпъ.— «Ну! закричали мы тогда, теперь небойсь, въ самомъ дѣлѣ нашихъ всѣхъ побили!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ къ общему всѣхъ удовольствію увидѣли, что не всѣ еще наши перебиты, но что много еще въ живыхъ осталось. Ибо не успѣли непріятели третій залпъ дать, какъ загорѣлся и съ нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами, безъ порядка, но гораздо еще сильнѣе непріятельскаго. Съ сей минуты перестали уже и пруссаки стрѣлять залпами. Огонь сдѣлался съ обѣихъ сторонъ безпрерывный ни на одну минуту, и мы не могли уже различить непріятельской стрѣльбы отъ нашей. Одни только пушечные выстрѣлы были отличны, а особливо изъ нашихъ секретныхъ шуваловскихъ гаубицъ, которыя по особливому своему звуку и густому черному дыму могли мы явственно видѣть и отличать отъ прочей пушечной стрѣльбы, которая, равно какъ и оружейная, сдѣлалась съ обѣихъ сторонъ наижесточайшая и безпрерывная.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, сами, каково намъ было смотрѣть на сіе кровавое зрѣлище, ибо я тогдашнихъ душевныхъ движеній перомъ описать не въ состояніи. Мы всѣ, то-есть штабы и офицеры, собравшись кучками, смотрѣли на сіе побоище и только что жалѣли и разсуждали, ибо самимъ намъ ничего дѣлать было не можно. Намъ хотя все происхожденіе было видимо, но мы стояли такъ далеко, что до непріятеля не могли доставать не только наши ружья, но и самыя полковыя пушки. Итакъ, мы принуждены только были поджавъ руки смотрѣть, и находясь между страхомъ и надеждою, ожидать рѣшительной минуты. Но скоро лишились мы и того удовольствія, чтобъ все происхожденіе видѣть; отъ безпрерывной стрѣльбы дымъ такъ сгустился, что обѣихъ сражающихся армій намъ было уже не видно, а слышна только была трескотня ружейной и звукъ пушечной стрѣльбы. Самые только кончики сражающихся линій или фрунтовъ были намъ нѣсколько видимы и представляли зрѣлище весьма трогательное. Оба фрунта находились весьма въ близкомъ между собою разстояніи и стояли въ огнѣ безпрерывномъ. Нашъ, во все время баталіи, стоялъ непоколебимо, и первая шеренга, какъ сѣ-

ла на колѣни, такъ и сидѣла. Прусскій же фрунтъ казался въ безпрестанномъ находится двпженіи: то приближался онъ нѣсколько шаговъ ближе, то опять назадъ отдавался, однако дрался не съ меньшимъ мужествомъ и твердостію, какъ и наши, и сіе продолжалось такъ безпрерывно.

Въ сіе-то время имѣли мы случай всему тому насмотрѣться, что̀ въ такихъ случаяхъ происходитъ, и можно ли описать жалкое то зрѣлище. Позадь обоихъ фрунтовъ видимо было множество народа разные предметы представляющаго: иной скакалъ на лошади, везя, безсомнѣнно, какое-нибудь важное приказаніе, но будучи простр҃ленъ, стремглавъ съ оной летѣлъ на землю; другой выбѣгалъ изъ фрунта и, отъ ранъ ослабѣвши, не могъ болѣе держаться на погахъ, но падалъ; тамъ тащили убитаго начальника, индѣ вели подъ руки израненаго; вдругъ оказывались во фрунтахъ цѣлые проулки, и вдругъ оня опять застанавливаемы были; по одиночкѣ во фронтѣ убиваемыхъ за дымомъ не можно было такъ явственно видѣть, какъ прочихъ. Но какъ изобразить суету и смятеніе прочихъ, за фрунтомъ находящихся? Въ какомъ это различномъ движеніи были они видимы: многіе разъѣзжали на лошадяхъ, поощряя воиновъ и развозя имъ нужныя повелѣнія; другіе скакали по фрунту сзади; третьи отъ фрунта назадъ. Индѣ вели взводами подмогу, тамъ тащили пушку, индѣ патронный ящикъ на себѣ; въ иномъ мѣстѣ побиты лошади подъ ними и должно было ихъ распрастывать и выпрягать; индѣ бѣгалъ конь, потерявшій своего всадника; индѣ летѣлъ всадникъ долой съ убитаго коня, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, все представляло плачевное и нѣжному сердцу чувствительное зрѣлище, и мы, видя все сіе, не могли довольно насмотрѣться, толико было оно для насъ любопытно и поразптельно.

— Хорошо, скажете вы, любезный пріятель, было вамъ смотрѣть, когда до самихъ васъ не доходило дѣло, и вамъ случилось стоять въ столь блаженномъ и такомъ мѣстѣ, въ какомъ всякой бы во время баталіи охотно стоять согласился. Конечно, хорошо! отвѣтствую, и мы жребіемъ своимъ могли быть весьма довольными. Я прибавлю къ тому, что мы сверхъ того еще имѣли и нѣкоторый родъ военнаго увеселенія, а именно, передъ самымъ нашимъ полкомъ или, паче сказать, передъ самою моею ротою, на самой высотѣ того холма, на которомъ мы стояли, трафилось поставленной быть у насъ цѣлой колоннѣ артиллеріи, состоящей болѣе нежели изъ двадцати большихъ пушекъ, гаубицъ и единороговъ. Сія, прикрывающая нашъ корпусъ, баттарея была во все продолженіе баталіи не безъ дѣла. Съ нея то и дѣло что стрѣляли по непріятельской второй линіи, и кидали изъ гаубицъ бомбы, какъ въ нее, такъ и въ обѣ деревни, кои пруссаками были заняты, и мы не могли довольно навеселиться зрѣлищемъ на хорошій успѣхъ пускаемыхъ къ непріятелю ядръ и бомбъ. Многія ядра, попадая въ самую доль фрунта непріятельской второй линіи, дѣлали превелпкія улицы, равно какъ и бомбы повсюду велпкое замѣшательство производили. Обѣ деревни обратили мы тотчасъ въ огонь и пламя и выгнали тѣмъ непріятелей, въ нихъ засѣвшихъ. Но ни которая бомба такъ насъ не увеселила, какъ одна, брошенная изъ гаубицы. Мы увидѣли, что около одной лозы, стоящей между обѣихъ деревень, собралось множество прусскихъ офицеровъ изъ второй ихъ линіи, смотрѣть, такъ же какъ и мы, на происхожденіе баталіи. Сихъ смотрителей захотѣлось намъ пугнуть, и мы просили артиллерійскаго офицера, чтобъ онъ постарался посадить въ кружокъ къ нимъ бомбу. Онъ исполнилъ наше желаніе, и выстрѣлъ такъ былъ удаченъ, что бомба попала прямо подъ лозу и, не долетѣвъ до земли на сажень, треснула. Какую тревогу произвела она въ сихъ господахъ прусскихъ командирахъ! Всѣ они бросились врозь; однако трое принуждены были остаться тутъ навѣки.

Вотъ, любезный пріятель, не сущій ли досугъ намъ былъ симъ образомъ забав-

ляться въ такое время, когда прочіе гибли и умирали. Но чтожъ намъ было иное дѣлать? Однако постойте, можетъ быть и до насъ скоро дойдетъ дѣло. Я еще не все пересказалъ.

Пруссаки, можетъ-быть наскучивши претерпѣвать отъ нашей баттареи столь велікій уронъ, вздумали и сами завести противъ насъ нѣсколько большихъ пушекъ и поунять наши игрушки. но, по несчастію ихъ, имѣли въ томъ успѣхъ не весьма хорошій. Нѣсколько большихъ пушекъ увязили они въ болотѣ и не могли выдрать, а которыя завезли и поставили, такъ и тѣ не могли намъ какъ-то вредить; ни то причиною тому было то, что они принуждены были стрѣлять нѣсколько на гору, не то разстояніе для нихъ было слишкомъ далеко, но какъ бы то ни было, но ядра ихъ намъ не вредили. Нѣкоторыя изъ нихъ перелетали выше фрунта, и намъ одинъ только ихъ звукъ былъ слышенъ; а большая же часть ложилась не долетая далеко до того мѣста, гдѣ мы стояли, такъ что мы сему тщетному непріятелей нашихъ старанію только что смѣялись.

Но всѣ сіи шутки едва-было не обратились намъ въ важность. Мы, смотря вышеупомянутымъ образомъ, какъ на продолженіе баталіи, такъ и на стоящихъ противъ насъ позадь деревень непріятелей, того и не видимъ, что̀ у насъ на лѣвомъ крылѣ, которое отъ насъ за пригоркомъ было не видно, дѣлалось, какъ вдругъ затрещалъ въ другомъ, подлѣ насъ въ лѣвѣ стоящемъ полку, мелкій ружейный огонь.—«Ба! что̀ это такое? вздрогнувши говорили мы: — не непріятель ли уже тутъ?» И дивились, не понимая, откуда бы ему взяться, потому что намъ все почти поле видно было, и мы никакой аттаки на себя не примѣтили, да для вышеупомянутаго болота почитали и за невозможное. Но совсѣмъ тѣмъ, не успѣли мы собраться съ мыслями, какъ кричали уже намъ, чтобъ мы оборачивали фрунтъ нашъ назадъ. Сіе намъ и того еще чуднѐе показалось: мы обернулись, но никого передъ собою не увидѣли, кромѣ нашей конницы, которая позади насъ въ разныхъ мѣстахъ была построена. — «По своимъ, что̀-ли намъ стрѣлять?» смѣючись говорили мы. Однако ожидали съ съ нетерпѣніемъ, что̀ будетъ. Въ лѣвой сторонѣ у насъ, гдѣ огонь показался, слышенъ былъ превеликій шумъ и стрѣльба, а неменѣе того и на стоящей противъ нашего полка баттареѣ сдѣлалось превеликое замѣшательство. Тутъ поднялся вопль: «Сюда! сюда! ворочай!... Картечи! картечи!» И не успѣли всѣхъ пушекъ повернуть влѣво, какъ изо всѣхъ изъ нихъ и бывшихъ тутъ единороговъ, дали преужасный залпъ и произвели огонь нанжесточайшій. Намъ хотя вовсе за пригоркомъ было не видно по комъ они стрѣляли, но только могли мы заключать, что непріятель близко. И тогда-то, надобно признаться, что духъ нашъ началъ нѣсколько тревожиться; повсемѣстный шумъ, разнообразный крикъ и вопль, звукъ стрѣльбы изъ пушекъ и мелкаго ружья, скачка командировъ и подтвержденія, дѣлаемыя всѣмъ, чтобъ были готовы, заставляли насъ думать, что приходитъ уже и до насъ очередь драться и, по примѣру прочихъ, умирать, и приближеніе толико страшныхъ минутъ производило натурально нѣкое внутреннее въ сердцахъ содроганіе.

Но какъ письмо мое уже велико, а разсказывать о баталіи сей еще много, то отложивъ достальное до предбудущаго, сіе симъ кончу сказавъ вамъ. что я есмь и прочая.

БАТАЛІЯ.

Письмо 47-е.

Любезный пріятель! Начиная читать письмо сіе, не обманитесь и вы также въ ожиданіи своемъ. какъ обманулись мы въ ожиданіи нашемъ въ тотъ пунктъ времяни, на которомъ я мое предслѣдующее письмо кончилъ. Мы думали тогда безсомнѣнно, что черезъ минуту схватимся съ непріятелемъ и будемъ имѣть кровопролитное дѣло; однако въ томъ ошиблись; воспослѣдовало совсѣмъ не то, а столь же мало ожидаемое и нами тогда,

сколько безсомнѣнно теперь вами, а именно, что весь вышеупомянутый и толико страшный шумъ, вопль и звукъ стрѣльбы, такъ много насъ перетревожившей, вдругъ изчезъ и, противъ всякаго чаянія и ожиданія, утихъ совершенно. Вы удивитесь сему, но не въ меньшее удивленіе пришли и мы тогда, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, вдругъ оружейный огонь утихъ, а немного погодя и изъ пушекъ стрѣлять перестали, и начали ихъ по-прежнему становить и ворочать. Однимъ словомъ, самый шумъ началъ мало-по-малу утихать, и намъ опять оборотиться приказали. Мы дивились всему тому несказанно, и не понимая, что̀ бы это значило, спрашивали ѣдущихъ съ лѣваго фланга и видѣвшихъ все происходившее, о причинѣ и наслу могли провѣдать слѣдующее:

На самомъ лѣвомъ флангѣ нашего корпуса стояли наши донскіе казаки. Сіи съ самаго еще начала баталіи поскакали аттаковать стоящую позади болота непріятельскую конницу. Сіе намъ тогда же еще было видно, и мы досадовали еще, смотря на худой успѣхъ сихъ негодныхъ воиновъ. Начало сдѣлали-было они очень яркое. Аттака ихъ происходила отъ насъ хотя болѣе версты разстоянія, но мы могли явственно слышать, какъ они загикали—«гп! гп!» и опрометью на Пруссаковъ поскакали. Мы думали-было сперва, что они всѣхъ ихъ дротиками своими переколятъ, но скоро увидѣли тому противное. Храбрость ихъ въ томъ только и состояла, что они погикали и изъ винтовокъ своихъ попукали, ибо какъ пруссаки стояли неподвижно и готовились принять ихъ мужественнымъ образомъ, то казаки, увидя, что тутъ не по нимъ, оборотились того момента назадъ и дай Богъ ноги. Все сіе намъ было видно; но что̀ послѣ того происходило, того мы не видѣли, потому что казаки, обскакивая болото, выѣхали у насъ изъ глазъ. Тогда же узнали мы, что прусскіе кирасиры и драгуны сами вслѣдъ за ними поскакали и, обскакивая болото, гнали ихъ, какъ овецъ, къ нашему фрунту. Казакамъ некуда было дѣваться. Они безъ памяти скакали прямо на фрунтъ нашего лѣваго крыла, а прусская конница слѣдовала за ними по пятамъ и рубила ихъ немилосердымъ образомъ. Наша пѣхота, видя скачущихъ прямо на себя и погибающихъ казаковъ, за необходимое почла нѣсколько раздаться и дать имъ проѣздъ, чтобъ могли они позадь фрунта найтить себѣ спасеніе. Но сіе едва-было не пашутило великой шутки. Прусская кавалерія, преслѣдуя ихъ поэскадронно, въ наилучшемъ порядкѣ, текла какъ нѣкая быстрая рѣка и ломилась за казаками прямо на̀ нашу пѣхоту. Сіе самое причиною тому было, что отъ сего полку началась по нимъ ружейная стрѣльба; но трудно было ему противиться и страшное стремленіе сей конницы удерживать. Передній эскадронъ въѣхалъ уже порядочнымъ образомъ за казаками за нашъ фрунтъ, и разсыпавшись рубилъ всѣхъ, кто ни былъ позадь фронта. Для сего-то самаго принуждено было оборотить нашъ фрунтъ назадъ. Но все бы сіе не помогло и пруссаки, въѣхавши всею конницею своею въ нашъ флангъ, смяли бы насъ всѣхъ поголовно и совершили-бъ склонявшуюся уже на ихъ сторону побѣду, если бы одно обстоятельство всего стремленія ихъ не удержало и всѣмъ обстоятельствамъ другой видъ не дало. Баттарея, о которой я выше упоминалъ, по счастію, успѣла еще благовременно обернуть свои пушки, и данный изъ нея картечный залпъ имѣлъ успѣхъ наивожделѣннѣйшій, ибо какъ ей случилось выстрѣлить поперегъ скачущихъ другъ за другомъ прусскихъ эскадроновъ, то выхвативши цѣлый почти эскадронъ, разорвала тѣмъ ихъ стремленіе и скачущихъ не только остановила, но принудила опрометью назадъ обернуться. Тѣ же, которые вскакали за нашъ фрунтъ, попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и они всѣ принуждены были погибать наижалостнѣйшимъ образомъ. Наша кавалерія ихъ тутъ встрѣтила и перерубила всѣхъ, до единаго человѣка. Такимъ образомъ кончилось это дѣло наивожделѣннѣйшимъ образомъ.

Таковыя-то произшествія были на нашемъ лѣвомъ крылѣ. Теперь обратимся, любезный пріятель, къ срединѣ и посмотримъ, что-то съ тѣми дѣлалось, которыхъ давича оставили мы между собою сражающихся. Тутъ, по справедливости, было самое главное дѣло и сраженіе найгорячайшее. Однако, что̀ собственно какъ тутъ, такъ и на правомъ флангѣ происходило, того точно, за отдаленностію и за дымомъ, намъ самимъ видѣть было не можно. Я упомянулъ уже выше сего, что намъ видны только были концы обоихъ фрунтовъ, и что касается до нихъ, то стояли они неподвижно и перестрѣливались ровно два часа съ половиною, власно какъ вкопанные, чему мы очевидные были свидѣтели.

Вотъ все то, что я могъ во время продолженія баталіи самъ видѣть. — Теперь опишу вамъ то, чего я видѣть не могъ, и что̀ мы послѣ узнали.

Непріятель главную свою аттаку велъ въ два мѣста, а именно: противъ обѣихъ прогалинъ или входовъ въ нашъ крѣпкій лагерь. Видно, что хотѣлось ему застать насъ еще въ лагерѣ и не выпустить на поле ни единаго человѣка, что̀ потому наиболѣе заключать можно, что у убитыхъ прусскихъ офицеровъ найдена потомъ диспозиція и приказы, въ которыхъ предписываемо было, чтобъ солдаты рубили наши рогатки. Всходствіе чего аттака его и ведена была какъ на главный входъ, такъ и на правое наше крыло, гдѣ, какъ я прежде упоминалъ, также небольшая прогалина находилась. По счастію, сіе послѣднее мѣсто успѣли наши занять еще заблаговременно. Храбрый полковникъ Языковъ съ своимъ первымъ гренадерскимъ полкомъ заступилъ сіе мѣсто и выдерживалъ всѣ жесточайшія непріятельскія нападенія напмужественнѣйшимъ образомъ. По счастію случились тутъ старинные рвы и каналы, которые служили нашимъ почти вмѣсто ретраншамента, и дѣлали великую подмогу. Однимъ словомъ, сколько непріятель ни усиливался, и сколько ни старался продраться сквозь сіе мѣсто и сбить съ мѣста, но не имѣлъ успѣха. Наши устояли до самаго конца баталіи и хотя не малый уронъ претерпѣли, однако не потеряли сего толь важнаго для непріятеля мѣста.

Но не съ столь хорошимъ успѣхомъ дрались наши на лѣвомъ флангѣ или паче въ срединѣ, куда ведена была отъ непріятеля главная его аттака. Я уже выше упомянулъ, что непріятель такъ непримѣтно къ намъ подкрался, что нашимъ не было времени вывесть порядочнымъ образомъ полки и построить противъ него линію, но принуждены уже были, кое-какъ продираясь сквозь тѣсноту обозовъ, иттить по рядамъ, и фрунтъ подлѣ лѣса вправо кое-какъ строить и вытягивать. Однимъ словомъ, наши тянулись еще и старались, какъ можно болѣе вытянуться, чтобъ множайшее число полковъ могло умѣститься и стать къ оборонѣ, какъ непріятели, подошедъ уже довольно близко, помянутый первый залпъ по нихъ дали; что на оный съ нашей стороны не было отвѣтствовано, тому причиною было то, что наши шли и тянулись по рядамъ и видя, что еще пули непріятельскія насъ не вредили, не почли за нужное остановиться и къ нимъ фрунтъ оборачивать, но какъ всякая минута для насъ дорога была, то старались только какъ можно далѣе вытянуться. Тоже самое произошло и при вторичномъ непріятельскомъ залпѣ, которымъ хотя нѣсколько человѣкъ у насъ и переранило, но какъ для насъ важнѣе всего было, чтобъ вытянуть фрунтъ далѣе, то мы, и на оный не отвѣтствуя, продолжали все-таки тянуться. Но какъ непріятели въ третій разъ уже залпъ дали, тогда уже не было возможности болѣе иттить и оттерпливаться. Пули ихъ уже гораздо нашихъ цѣплять начали, и для того принуждены уже наши были остановиться и показать имъ лицо, также и то, что и у насъ не хуже ихъ ружья и пули водятся, и тогда-то начался съ обѣхъ сторонъ тотъ огонь неугасимый, о которомъ упомянулъ я уже выше.

Теперь надобно мнѣ вамъ, любезный пріятель, сказать, что сей огонь хотя былъ съ обѣихъ сторонъ наижесточайшій,

однако не съ равными преимуществами. Непріятели имѣли несравненно болѣе выгодъ, нежели наши. Ихъ аттака ведена была порядочнымъ образомъ, лучшими полками и людьми, и по сдѣланной напередъ и правильно наблюдаемой диспозиціи. Артиллерія дѣйствовала ихъ какъ надобно, а весь тылъ у нихъ былъ открытъ и подкрѣпленъ второю линіею и резервами, изъ которыхъ имъ ничто не мѣшало весь уронъ въ первой сражающейся линіи того момента награждать и наполнять новыми и свѣжими людьми, а такимъ же образомъ имѣли они желаемую способность снабжать дерущихся нужными припасами и порохомъ. Что касается до нашихъ, то они всѣхъ сихъ выгодъ, по несчастію, не имѣли, ибо, во-первыхъ, диспозиціи напередъ никакой не было сдѣлано, да и некогда было дѣлать, а всѣмъ самъ Богъ управлялъ и распоряжалъ. Во-вторыхъ, людей съ нашей стороны было гораздо меньше, нежели съ непріятельской. У нихъ дралась цѣлая линія, а у насъ насилу только одиннадцать полковъ могли вытянуться, и сіи принуждены были за все, про все отвѣтствовать. Къ вящему несчастію и сіи немногіе люди связаны были по рукамъ и по ногамъ; ибо, во-первыхъ, не было съ ними нужной артиллеріи, кромѣ малаго числа полковыхъ пушекъ и шуваловскихъ гаубицъ. Самыхъ сихъ орудій, на которыя вся армія наибольшую надежду полагала, не случилось болѣе трехъ или четырехъ на сраженіи, и что̀ можно было изъ нихъ сдѣлать, когда большую половину ихъ ящиковъ и снарядовъ за лѣсомъ провезти было не можно? Во-вторыхъ, прижаты они были къ самому лѣсу такъ, что позади себя никакого простора не имѣли. Втретьихъ, помочи и на мѣсто убитыхъ свѣжихъ людей въ дополненіе получить было неоткуда; бо̀льшая часть арміи была хотя не въ дѣйствіи, но стояла за лѣсомъ, и въ такихъ мѣстахъ, откуда до нихъ дойтить было не можно. Самыхъ нужныхъ патроновъ негдѣ было взять, какъ они потребовались.

При такихъ предосудительныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ, чего иного можно было ожидать кромѣ несчастія! Ахъ! оно и дѣйствительно уже начиналось и, конечно-бъ произошло и совершилось, еслибы самъ Богъ не восхотѣлъ насъ явно помиловать и побѣду изъ рукъ непріятелей показавши вырвать. Храбрые наши полки стояли сперва, какъ непреоборимая стѣна, твердо; они отстрѣливались сколько было силы отъ непріятеля, и цѣлые два часа удержпвали его наглость и стремленіе. Но что̀ было наконецъ имъ дѣлать, когда бо̀льшая часть изъ нихъ была побита и переранена. Ряды стали уже слишкомъ рѣдки, а дополнить ихъ было нѣкѣмъ. Офицеровъ всѣхъ почти они лишились; а что всего паче, не имѣли наконецъ болѣе и пороха, какъ единаго и послѣдняго средства къ оборонѣ. Въ сей крайности находясь, подвинулись они нѣсколько ближе къ лѣсу, но тѣмъ дѣло еще пуще испортили. Непріятели, увидѣвъ сіе и почтя ретирадою, бросились съ наивеличайшимъ жаромъ и смѣшали ихъ совсѣмъ съ грязью. Весь край лѣса наполнился тогда стономъ и воплемъ раненыхъ и умирающихъ, и обагренъ кровію побитыхъ. Не было уже тогда возможности помочь чѣмъ-нибудь командирамъ и предводителямъ. Добродѣтельный и прямо усердствующій генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, бывшій по несчастію командиромъ сей дивизіи, сколько ни напрягалъ силъ своихъ, возбуждая и уговаривая солдатъ къ храброй оборонѣ, но не былъ болѣе въ сплахъ учинить малѣйшее вспоможеніе. Самого его, многими ранами израненнаго и обагреннаго кровію, волокли уже въ полонъ прусскіе гренадеры, и сорвали съ него кавалерію, и конечно бы увели, еслибъ не увидѣли сего нѣсколько человѣкъ наших гренадеровъ: сіи, несмотря что сами погибали, восхотѣли спасти любимаго ими генерала. Ничто не могло удержать стремительства ихъ. Какъ львы вырвали они его изъ челюстей змѣиныхъ, но ахъ! едва уже почти дыханіе имѣющаго.

При такихъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что погибель наша, вла-

сно какъ на волоску уже впсѣла. Пруссаки смяли уже весь нашъ фрунтъ совершенно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворвались уже и въ самые обозы. Тутъ сдѣлалось тогда наиужаснѣйшее смятеніе и бириберда. Всѣ кричали: «прочь! прочь! Назадъ, назадъ обозы!» Но что некуда было имъ дѣваться, того никто не помнилъ. Съ одной стороны крутѣйшій буеракъ, а съ другой стороны рѣка заграждала путь во всѣ стороны. Самой арміи Богъ знаетъ куда бы ретироваться можно было, а чтобъ обозы конечно всѣ пропали, въ томъ и сомнѣнія нѣтъ. Однимъ словомъ, побѣда непріятелями получена была уже на-половину, и еслибъ еще хотя мало-мало, то бы разбиты были мы совсѣмъ, къ стыду непзреченному.

Теперь, надѣюсь, нетерпѣливо хотите вы вѣдать, какимъ же чуднымъ образомъ мы не только спаслись, но и побѣду одержали? Сего, ежели прямо разсудить, мы уже сами почти не знали, самъ Богъ хотѣлъ насъ спасти. Все состояло въ томъ, что стоявшіе за лѣсомъ наши полки, наскучивши стоять безъ дѣла, въ то время, когда собратія и товарищи ихъ погибали и услышавъ о предстоящей имъ скорой опасности, вздумали пойтпть или можетъ-быть посланы были, продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ единоплеменниковъ. Правда, проходъ имъ былъ весьма труденъ: густота лѣса такъ была велика, что съ нуждою и одному человѣку продраться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности ихъ и усердія. Два полка, третій гренадерскій и новгородскій, бросивъ свои пушки, бросивъ и ящики патронные, увидѣвъ, что они имъ только остановку дѣлаютъ, а провезть ихъ не можно, бросились одни, и сквозь густѣйшій лѣсъ, на голосъ погибающихъ и вопіющихъ, пролѣзать начали. И, по счастію, удалось имъ выттить въ самонужнѣйшее мѣсто, а именно въ то, гдѣ нарвскій и второй гренадерскій полки совсѣмъ уже почти разбиты были и гдѣ опасность была больше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Приходъ ихъ былъ самый благовременный. Помянутые разбитые полки дрались уже рука на руку, по одиночкѣ, и не поддавались непріятелю до пролитія самой послѣдней капли крови. Нельзя быть славнѣй той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющіе раздробленные остатки помянутыхъ полковъ несчастныхъ. Иной, лишившись руки, держалъ еще мечъ въ другой и оборонялся отъ наступающихъ и рубящихъ его непріятелей. Другой почти безъ ноги, весь израненъ и весь въ крови, прислонясь къ дереву, отмахивался еще отъ враговъ, погубить его старающихся. Третій какъ левъ рыкалъ посреди толпы непріятелей его окружившихъ и мечемъ очищалъ себѣ дорогу, не хотя просить пощады и милости, несмотря, что кровь текла у него ручьями по лицу. Четвертый отнималъ оружіе у тѣхъ, которые его, обезоруживъ, въ неволю тащили, и собственнымъ ихъ оружіемъ ихъ умертвить старался. Пятый, забывъ, что былъ одинъ, метался со штыкомъ въ толпу непріятелей и всѣхъ ихъ переколоть помышляя. Шестой, не имѣя пороха и пуль, срывалъ сумы съ мертвыхъ своихъ недруговъ и искалъ у нихъ несчастнаго свинцу, и ихъ же пулями по ихъ стрѣлять помышляя. Однимъ словомъ, тутъ оказываемо было все, что только можно было требовать отъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ.

Въ самую сію послѣднюю крайность и показались имъ въ лѣсу помянутые два полка, имъ на помощь поспѣшающіе. Нельзя изобразить той радости, съ какою смотрѣли сражающіеся на сію помощь, къ нимъ идущую, и съ какимъ восхищеніемъ вопіяли они къ нимъ, поспѣшать ихъ побуждая. Тогда перемѣнилось тутъ все прежде бывшее. Свѣжіе сіи полки не стали долго медлить, но давши залпъ, и поднявъ военный вопль, бросились прямо на штыки противъ непріятелей, и сіе рѣшило нашу судьбу и произвело желаемую перемѣну. Непріятели дрогнули, подались нѣсколько назадъ, хотѣли построиться получше, но некогда уже было. Наши сѣли имъ на шею и не давали имъ времени ни минуты. Тогда

прежняя прусская храбрость обратилась въ трусость, и въ семъ мѣстѣ, не долго медля, обратились они назадъ и стали искать спасенія въ ретирадѣ. Сіе устрашило прочія ихъ войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-помалу колебаться, а у насъ начался огонь сильнѣе прежняго. Однимъ словомъ, не прошло четверти часа, какъ пруссаки во всѣхъ мѣстахъ сперва-было порядочно ретироваться начали, но потомъ, какъ скоты, безъ всякаго порядка и строя побѣжали.

Всего вышеупомянутаго произшествія намъ и здали и за дымомъ не можно было видѣть, однако мы смотря, не спуская глазъ, на самый конецъ праваго ихъ фланга, явственно могли видѣть, какъ начинало оно колебаться и терять прежнюю свою позицію. Оно было послѣднее, которое приступило къ ретирадѣ, и въ прочихъ мѣстахъ непріятели давно уже бѣжали, а оно все еще стояло и перестрѣливалось. Но увидѣвъ бѣгущихъ своихъ товарищей, не захотѣло и оно долго медлить. Какое пріятное и восхитительное для воина представилось тогда зрѣлище! Сперва подвинулся ихъ фрунтъ шаговъ пять назадъ, тамъ еще болѣе, тамъ еще далѣе и двигался часъ отъ часу скорѣе. Намъ это все было видно, и мы, находясь между страхомъ и надеждою, не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ. «Ретируются никакъ? говорили мы другъ другу: о, дай Богъ, чтобъ наши прогнали!» Но скоро радость наша была совершенная. Мы увидѣли весь ихъ фрунтъ въ совершенное бѣгство обратившійся и закричали всѣ: «Слава Богу, слава Богу! Наши взяли, наши взяли!» и били въ ладоши.

Тогда въ единый мигъ радость разлилась по всей нашей арміи и казалось, что она у всякаго воина написана была на глазахъ. Всякій спѣшилъ сказывать о благополучіи своемъ другому, несмотря, что тотъ самъ тоже видѣлъ, и тотчасъ разлился по всему войску нѣкій пріятній и тихій шумъ. Чрезъ минуту потомъ закричали наши командиры: «ступай! ступай! ступай!» и мы всѣ, какъ стояли, такъ и бросились. Нельзя никакъ изобразить того восхищенія, съ какимъ бѣжали мы тогда въ погоню за непріятелемъ, или паче спѣшили занимать его мѣсто. Не было тутъ уже намъ никакой невозможности. Мы шли прямо чрезъ кустарникъ и чрезъ болото, и я не вѣдаю ,какъ уже мы продрались. Какихъ и какихъ проказъ не происходило тутъ во время сего пролазыванія! Иной, съ радости бѣжавши безъ памяти, попадалъ вдругъ въ калдобину и уходилъ по поясъ въ тину; другой, споткнувшись за кочку, летѣлъ стремглавъ и растягивался въ тинѣ и въ грязи, и въ ней какъ уродъ гваздался. Иной зацѣпливалъ платьемъ за кусты и не могъ освободиться, онъ рвалъ его не жалѣя, что испортится. Иному прутьями лицо и глаза всѣ выстегало; иной, попавши въ тину, не могъ ногъ своихъ выдрать и просилъ помощи. Но все сіе хорошо и ладно быть казалось. Мы пробѣжали смѣючись и хохотавъ сквозь сіе дурное мѣсто, и одно только то слышно было: «ступай! ступай! братецъ! Слава Богу, наши побѣдили!»

Совсѣмъ тѣмъ будучи въ густомъ кустарникѣ, при всей своей радости помышляли мы и о томъ, чтобъ вышедши изъ онаго не наткнуться на непріятеля. «Кто знаетъ, говорили нѣкоторые: — не стоитъ ли еще его вторая линія на мѣстѣ и не остановила ли она бѣгущихъ?» Но статочное ли дѣло, чтобъ сему быть! Пруссаки какъ ни хвастаютъ въ реляціяхъ своихъ, что они порядочно ретировались, но порядка тутъ и въ завѣтѣ не раживалось. Они пропали у насъ въ одинъ мигъ изъ вида, и все поле было ими усѣяно. Мы, вышедши изъ кустарника своего на поле, не увидѣли изъ нихъ ни одного человѣка, а стояли только одни брошенныя ихъ пушки и лежали подлѣ нихъ убитые артиллеристы и другіе воины.

Прибѣжавши наконецъ на то мѣсто, гдѣ стояла ихъ вторая линія, велѣно было намъ остановиться и выровняться

съ прочими полками, строившимися тутъ въ одну линію, и не успѣла вся армія изъ-за лѣса выбраться и построиться въ одну линію, какъ закричали «ура!» и шляны вверхъ бросили. О! какое это было радостное для насъ позорище! Многіе отъ радостныхъ слезъ не могли промолвить слова, такъ чувствительно это всякому воину.

Симъ образомъ кончилась славная наша апраксинская и первая баталія съ пруссаками. Небу угодно было даровать намъ надъ непріятелемъ нашимъ совершенную побѣду, и мы не могли довольно возблагодарить оное за то, а особливо узнавъ, въ какой опасности находилась вся армія и сколь малаго недоставало къ тому, чтобъ ей совершенно разбитой, и намъ вѣчно тѣмъ стыдомъ покрытыми быть, что одна почти горсть пруссаковъ въ состояніи была разбить толь многочисленную армію, какова была наша. И подлинно ежели разсудить, то побѣда сія одержана была не искусствомъ нашихъ полководцевъ, котораго и въ поминѣ не было, а паче отмѣнною храбростію нашихъ войскъ, или наиболѣе по особливому устроенію судебъ, расположившихъ всѣ обстоятельства такъ, чтобъ самая храбрость нашихъ воиновъ была уже принужденною и они по неволѣ принуждены были драться до послѣдней капли крови, когда имъ ни бѣжать, ни ретироваться было не куда. Но какъ бы то ни было, но мы побѣдили, и побѣду получили совершенную; а чтобъ вы, любезный пріятель, могли яснѣе все происхожденіе сей баталіи видѣть, то изъяснилъ я вамъ всю ее въ посылаемомъ при семъ рисункѣ, (смотри рисунокъ 3-й позади книги *) а о томъ, что воспослѣдовало послѣ, равно какъ и о прочихъ обстоятельствахъ до сей битвы относящихся, сообщу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее симъ окончивъ, скажу, что я есмь навсегда вашъ и прочая.

---

*) Рисунка этого однако нѣтъ въ подлинной рукописи Болотова. М. С.

ПОХОДЪ КЪ ВЕЛАВѢ.

Письмо 48-е.

Любезный пріятель! Я окончилъ мое послѣднее письмо тѣмъ, что мы прогнали непріятеля и получили совершенную побѣду. А теперь должно мнѣ вамъ разсказать, что у насъ происходило послѣ того и сколь великъ былъ нашъ выигрышъ.

Говорятъ, что отъ предводителей войскъ двойное искусство требуется; а именно: чтобъ они умѣли побѣждать, а того болѣе, чтобъ они умѣли побѣдами своими пользоваться, и не допускали бы пропадать ихъ даромъ. Но что касается до нашихъ предводителей, то мнѣ кажется, что имъ обоихъ сихъ искусствъ недоставало. Они ни побѣждать, ни пользоваться побѣдами не умѣли. Побѣду Богъ даровалъ намъ нечаянную, и мнѣ кажется, безъ всякаго нашего умысла и содѣйствія, а чтобъ пользоваться оною, о томъ у насъ не было и на умѣ. Не то мы не умѣли, не то не хотѣли. Молва носилась тогда въ арміи, что многіе будто и представляли, чтобъ учинить за непріятелемъ погоню и стараться его разбить до основанія; также будто совѣтовали фельдмаршалу и со всею арміею немедля ничего, слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ. Но господиномъ Ливеномъ, отъ котораго совѣтовъ все наиболѣе зависѣло, и которому, какъ мы послѣ уже узнали, весьма непріятно было и то, что намъ нечаянно удалось побѣдить непріятеля, сказано будто при семъ случаѣ было, «что на одинъ день два праздника не бываетъ, но довольно и того, что мы и побѣдили». И какъ всѣ изреченія его почитались оракулами, то вслѣдствіе того и не учинено было за непріятелемъ ни малѣйшей погони. Ему дали время уплестись отъ насъ подалѣе и не мѣшали, какъ хотѣлъ, собраться опять съ силами. При таковыхъ обстоятельствахъ истинно непріятели наши были еще очень глупы, что не вернулись и не учинили на

насъ вновь нападенія: они въ состояніи были насъ впрахъ еще разбить съ нашимъ хорошимъ распорядкомъ.

Такимъ образомъ непріятель ушелъ, а мы остановились себѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ баталіи построились, и не двигаясь ни на шагъ впередъ, велѣли привезть къ себѣ обозы и разбить лагерь.

Не успѣли насъ распустить изъ фрунта, какъ первое наше стараніе было, чтобъ сѣвши на лошадей ѣхать смотрѣть мѣста баталіи. Какое зрѣлище представилось намъ тогда, подобнаго сему еще никогда невидавшихъ! Весь пологій косогоръ, на которомъ стояла и дралась прусская линія, устланъ былъ мертвыми непріятельскими тѣлами, и чудное мы при семъ случаѣ увидѣли. Всѣ они лежали уже, какъ мать родила, голые, и съ нихъ не только чулки и башмаки, но и самыя рубашки были содраны. Но кто и когда ихъ симъ образомъ обдиралъ, того мы никакъ не понимали, ибо время было чрезвычайно короткое и баталія едва только кончилась. И мы не могли довольно надивиться тому, сколь скоро успѣли наши погонщики, деньщики и люди сіе спроворить, и всѣхъ побитыхъ пруссаковъ такъ обнаготить, что при всякомъ человѣкѣ лежала одна только деревянная изъ сумы колодка, въ которой были патроны, и синяя бумажка, которою они прикрыты были. Сіи вещи, видно, никому уже были не надобны, а изъ прочихъ вещей не видѣли мы уже ни одной, такъ, что даже самыя ленты изъ кось, нестоившія трехъ денегъ, были развиты и унесены. Жалкое таковое состояніе представляло намъ наичувствительнѣйшее зрѣлище. Впрочемъ видѣли мы, что побитые были почти всѣ люди крупные, здоровые, бѣлые, жирные и однимъ словомъ, лежали навзничь, какъ горы или какъ волы черкаскіе. Маленькіе и вверхъ взвохренные усы придавали и самымъ мертвымъ видъ страшный и героическій. Впрочемъ, разныя положенія и состоянія, въ какихъ мы сихъ побитыхъ видѣли, приводили насъ въ нѣкое содроганіе. У иного была вся голова или половина оной оторвана; другой лежалъ либо безъ руки, или безъ ноги; третій безъ бока, или пополамъ перерванный. Иные застрѣлены были только пулями и лежали растянувшимися, и каждый представлялъ собою какое-нибудь особое зрѣлище. Но какъ удивились мы, пріѣхавши къ лѣсу и къ тому мѣсту, гдѣ стояли и дрались наши, русскіе. Тутъ представилось намъ совсѣмъ отмѣнное тому зрѣлище. Весь закраекъ лѣса устланъ былъ людьми, но казалось будто только спящими и точно такъ, какъ бы распущенъ былъ фрунтъ, и солдаты бы разбрелись въ разныя стороны и каждый прикурнулъ тамъ, гдѣ ему попало. Всѣ они были одѣты и не тронуты, такъ какъ они убиты были, почему и лежали они въ особливомъ положеніи. Иной лежалъ ницъ лицомъ, другой подъ кустомъ съежившись, третій на боку, имѣя при себѣ ружье и все прочее свое оружіе, четвертый навзничь и такъ далѣе. Но чему мы всего болѣе дивились, то съ своей стороны видѣли мы побитыхъ гораздо меньше, нежели съ прусской, и никакой иной причины тому не находили, кромѣ той, что много надѣлали тутъ вреда шуваловскія секретныя гаубицы.

О подлинномъ съ обѣихъ сторонъ уронѣ намъ узнать не было способа, однако всѣ тогда говорили, что нашъ уронъ убитыми дѣйствительно не простирался будто и до 1000 человѣкъ, а состоялъ только въ 860 человѣкахъ; напротивъ того раненыхъ было гораздо болѣе и слишкомъ четыре тысячи человѣкъ, и какъ изъ оныхъ весьма многіе и скоро потомъ померли, то весь уронъ дѣйствительно можно полагать тысячахъ въ двухъ, а съ ранеными — тысячахъ въ пяти, хотя изъ сихъ послѣднихъ многіе были весьма легко ранены и считались только въ числѣ оныхъ; а были нѣкоторые и такіе, которые будучи вовсе нераненными, а старалися себя включить въ число раненыхъ, думая получить чрезъ то себѣ какія-нибудь выгоды, хотя въ томъ себя они очень обманули, и надежда ихъ была тщетная. Въ самомъ нашемъ полку случил-

ся примѣръ тому подобный. Одинъ подпоручикъ, знакомый мнѣ человѣкъ и впрочемъ порядочный офицеръ, по фамиліи господинъ Аристовъ, не былъ вовсе въ сей день въ строю и на баталіи, а находился въ обозѣ, по причинѣ, что накапунѣ сего дня нѣсколько онъ по занемогъ, и потому ѣхалъ онъ лежучи въ своей кибиткѣ. Но вдругъ очутился онъ въ числѣ раненыхъ. «Господи помилуй, чудясь сему говорили мы между собою: —какимъ это образомъ случилось, что нашъ Аристовъ раненъ?» И скоро узнали потомъ, что онъ непріятеля и въ глаза не видалъ, а въ то только время, когда была наивеличайшая опасность, и когда всѣ обозы прочь и назадъ погнали, онъ такъ перетрусился, что позабывъ свою болѣзнь и вскочивъ на отпряженную изъ повозки припряжную лошадь, ударился скакать назадъ, и ѣдучи мимо одного дерева, въ торопяхъ зацѣпилъ головою за одинъ сукъ, и немного имъ на лбу у себя оцарапалъ. И сей-то небольшой шрамъ вздумалось сему господину назвать полученною отъ непріятеля раною и вписать себя въ число раненыхъ. Онъ безсомнѣнно думалъ получить себѣ за то какое-нибудь награжденіе, но въ семъ ожиданіи весьма обманулся, а сдѣлалъ только то, что весь полкъ, узнавъ о семъ произшествіи, началъ поднимать его на смѣхъ, и дотого наконецъ довелъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ онаго и перепроситься въ другой полкъ.

Что касается до непріятельскаго урона, то единогласно всѣ говорили, что одними убитыми найдено на мѣстѣ до 2,500 человѣкъ, умалчивая о раненыхъ, которыхъ было несравненно больше. Сверхъ того нахватали мы ихъ болѣе 600 человѣкъ въ полонъ, съ восьмью офицерами, и число оныхъ приумножалось съ часу на часъ. Однихъ дезертировъ или самовольно къ намъ передавшихся было человѣкъ до 300 и болѣе. Кромѣ всего того взяли мы на мѣстѣ баталіи 29 пушекъ съ ихъ ящиками и снарядами, изъ которыхъ три были превеликія. Также получили мы въ добычу 29 барабановъ, но знамя не удалось намъ ни одного захватить: пруссаки были слишкомъ осторожны и берегли оныя весьма тщательно. А и самые ихъ генералы и предводители, видно, не таковы было ревностны и отважны, какъ наши, ибо въ числѣ убитыхъ былъ у нихъ одинъ майоръ Гольцъ, да въ числѣ раненыхъ генералъ-поручикъ графъ Дона. Напротивъ того, мы потеряли на семъ сраженіи нѣсколькихъ генераловъ и начальниковъ; но ни о которомъ такъ вся армія не тужила, какъ о генералъ-аншефѣ Лопухинѣ. Сей, будучи въ прахъ израненъ, попалъ-было въ полонъ пруссакамъ, но отнятъ силою у прусскихъ гренадеровъ и принесенъ на рукахъ въ обозъ. Тутъ имѣлъ еще онъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что дожилъ до конца баталіи, и послѣднія его слова остались у всей арміи въ незабвенной памяти. Онъ, будучи уже при краѣ жизни, спрашивалъ еще предстоящихъ: «гонятъ ли наши?», «живъ ли фельдмаршалъ?» И какъ его и въ томъ и въ другомъ увѣрили, тогда перекрестясь, сказалъ онъ:—«Ну, слава Богу! теперь умру я съ покоемъ, отдавши долгъ моей государынѣ и любезному отечеству!» и того момента въ самомъ дѣлѣ умеръ. Смерть его, по справедливости, была славная, ибо рѣдко о которомъ бы генералѣ такъ много было плачущихъ, какъ объ немъ. Будучи человѣкъ богатый и щедрый до высочайшаго градуса, умѣлъ онъ тѣмъ преклонить въ любовь къ себѣ тысячи сердецъ и заставить себя при концѣ оплакивать.

Другой генералъ, котораго мы лишились, былъ генералъ-поручикъ Зыбинъ. Сей также носилъ имя добраго человѣка и заслужилъ сожалѣніе: однако объ немъ не долго и не много говорили. Бригадиръ Каннистъ былъ третій изъ убитыхъ, и оба сіи убиты были на нашемъ лѣвомъ крылѣ, въ то время, когда пруссаки къ намъ за фрунтъ ворвались съ своею конницею. Изъ прочихъ же нашихъ генераловъ многіе были переранены, какъто: оба господа Ливены, Георгій и Мат-

вѣй, генералъ Толстой, генералъ-майоры: Дебоскетъ, Вильбоа и Мантейфель; генералъ-квартермистръ Веймарнъ и бригадиръ Племянниковъ; но раны ихъ были не опасныя и такъ маловажны, что они могли отправлять свою должность. Что-жъ касается до штабъ и оберъ-офицеровъ, то и побито и перерапено было ихъ не малое число, и довольно, когда скажу, что вторымъ гренадерскимъ полкомъ принужденъ былъ послѣ баталіи командовать поручикъ, ибо всѣ штабы и капитаны были отчасти перебиты, отчасти переранены. Словомъ, сколь баталія наша была ни кратковременна, но пролито на ней довольно человѣческой крови, и не одинъ курганъ остался съ зарытыми воинами на поляхъ Эгерсдорфскихъ.

Въ послѣдующій день, то-есть, 20-го числа августа, было у насъ благодарственное торжество. Мы приносили Всевышнему достойное благодареніе, при пушечной пальбѣ изъ взятыхъ въ добычу непріятельскихъ пушекъ, и вся армія поставлена была въ строй и стрѣляла три раза обыкновеннымъ бѣглымъ огнемъ. Всѣмъ солдатамъ учинена была винная порція; также велѣно было выдать за мѣсяцъ не въ зачетъ жалованье. Досталное же время дня употреблено было на разбираніе убитыхъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ тѣлъ, и на пріемъ провіанта для взятыхъ на баталіи и съ часу на часъ приумножающихся военноплѣнныхъ.

Армія стояла и послѣдующее 21-е число на томъ же еще мѣстѣ. И въ сей день погребали мы убитыя свои и непріятельскія тѣла, и отправляли плѣнныхъ и раненыхъ назадъ въ Тильзитъ. Также отправленъ былъ въ сей день генералъ-майоръ Панинъ съ извѣстіемъ о сей баталіи ко двору въ Санктпетербургъ.

Фельдмаршалъ нашъ, въ донесеніи своемъ ко двору о семъ происшествіи, старался колико можно скрыть и утаить свою непростительную погрѣшность и допущеніе непріятеля столь близко до себя до единой своей оплошности, но придавалъ всему дѣлу видъ колико можно лучшій. Онъ изъявлялъ удивленіе свое о томъ, что нашелъ армію прусскую гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ, нежели онъ думалъ и тысячъ до сорока простирающуюся. Превозносилъ храбрость и отважность пруссаковъ до небесъ и утаивалъ совершенно то обстоятельство, что изъ арміи нашей и четвертой доли не было въ дѣйствительномъ дѣлѣ, а что все дѣло кончили не болѣе какъ полковъ пятнадцать, прочіе же всѣ стояли поджавъ руки и безъ всякаго дѣла за лѣсомъ. О самомъ рѣшительномъ обстоятельствѣ разсказывалъ онъ хотя справедливо, но въ другомъ видѣ, и, наконецъ, старался все заглушить приписываніемъ непомѣрныхъ похвалъ шуваловскимъ гаубицамъ и бывшимъ при сраженіи волонтерамъ, князю Репнину, графу Брюсу, графу Апраксину, гвардіи капитану Болтингу и иностраннымъ: цесарскому генералу Сант-Андрею, французскому полковнику Фитингофу, а особливо Лопиталю, саксонскому полковнику Ламсдорфу и гольштинскому поручику Надасти, о которыхъ, какъ видно, изъ единаго ласкательства говорилъ, что они на семъ сраженіи оказали будто чудеса храбрости, ревности, усердія и неустрашимости. Но въ самомъ дѣлѣ у насъ въ арміи всего меньше объ нихъ говорили. И всѣ сіи особы были такъ мало у насъ извѣстны, что мы даже и не знали, что они при оной находились; а притомъ никто и не понималъ, гдѣ-бъ и при какомъ случаѣ оказать имъ сіи чудеса храбрости, ибо баталія была столь стѣсненная и спутанная, что никому изъ командировъ ничего сдѣлать было не можно. А если кто славился и всею арміею похваляемъ былъ, то честь сію можно приписать полковнику Языкову. Онъ сдѣлалъ болѣе нежели всѣ, хотя былъ самъ израненъ въ прахъ, но съ полкомъ своимъ выдержалъ весь огонь и отбивъ стремящагося всею силою непріятеля, удержалъ весьма важный постъ; но о семъ истинномъ героѣ главный полководецъ нашъ въ ре-

ляціи своей не упомянулъ ни единымъ словомъ.

Что-жъ принадлежитъ до пруссаковъ, то ничего не могло быть смѣшнѣе и досаднѣе того, какъ они изображали въ писаніяхъ своихъ сіе сраженіе, и съ какимъ безстыдствомъ лгали и выдумывали то, чего никогда не бывало, стараясь тѣмъ обмануть весь свѣтъ и придать сраженію сему видъ совсѣмъ иной и для нихъ выгоднѣйшій. Они затѣяли прежде всего ту на насъ совершенную небылицу, что мы стояли тутъ такъ окопавшись и въ такомъ крѣпкомъ ретраншаментѣ, что было у насъ сдѣлано не только четыре линіи или вала, но предъ ними еще порядочныя траншеи, установленныя болѣе нежели 200-ми пушекъ, вмѣсто того, что у насъ не была нигдѣ и лопаткою земля копана, а траншеи на что-бъ были потребны, того не только мы не знали, но ежелибъ спросить и самого прусскаго писателя, то и онъ бы не зналъ, что сказать, ибо сіе была уже сущая нескладица. Но симъ образомъ лагерь нашъ въ пылкомъ воображеніи своемъ угодно было ему укрѣпить, для того, чтобъ тѣмъ болѣе увеличить геропческій духъ фельдмаршала своего, Левальда, отважившагося аттаковать насъ въ такомъ крѣпкомъ укрѣпленіи стоящихъ, и чтобъ тѣмъ удобнѣе можно было послѣ скрыть свой стыдъ и оправдать его въ потерянін баталіи, ибо послѣ и сказалъ онъ, что сколько пруссаки ни храбро паступали и сколь ни удачно они, яко бы всю нашу первую линію, а особливо конницу опрокинули совершенно, и цѣлыхъ будто три батальйона и болѣе 60-ти пушекъ отъ насъ отхватили, однако не было-де возможности никакъ всѣми толь многими, другъ за другомъ сдѣланными, ретраншаментами овладѣть; но принуждено было бывшую уже въ рукахъ побѣду изъ оныхъ опять выпустить, и побивъ у нашихъ до 9,000 человѣкъ, въ наилучшемъ порядкѣ ретпроваться.

Вотъ какими безсовѣстными и безстыдными выдумками и явною неправдою старались они ослѣпить глаза свѣту и прикрыть стыдъ свой. Но, по счастію, описанія баталіи сей были у нихъ разныя и не одинакія, а во многомъ другъ съ другомъ несогласныя. Напримѣръ, въ другомъ извѣстіи прибавили они новую ложь сказавъ, что у насъ сдѣлана была изъ срубленныхъ деревъ засѣка, и что имъ трудно было ее переходить и потомъ строиться, хотя ничего того не бывало. А въ третьемъ извѣстіи лгали они еще того безстыднѣйшимъ образомъ, увѣряя свѣтъ, яко-бы кавалерія ихъ нашъ лѣвый флангъ и конницу совсѣмъ опрокинула и овладѣла баттареею, вмѣсто того, что сія и близко ихъ къ себѣ не подпустила, но однимъ залпомъ такое произвела между ими пораженіе, что они въ тотъ же мигъ назадъ обратились, и оставивъ вѣхавшій за фрунтъ къ намъ эскадронъ въ жертву нашимъ, съ нуждою уплелись сами и оставили крыло сіе съ покоемъ. Далѣе безстыднѣйшимъ образомъ лгали они, что якобы у насъ на правомъ флангѣ надѣлано было множество баттарей, другъ за другомъ, и что будто они тремя изъ нихъ овладѣли, но всѣми овладѣть не могли. Наконецъ, чтобъ безстыдную свою ложь увѣнчать еще того безсовѣстнѣйшею, то въ предлогъ, для чего они принуждены были ретпроваться, затѣяли смѣха достойное дѣло и такую небылицу, которой истинно хохотать надобно, а именно, якобы вторая ихъ линія, будучи густотою дыма обманута, сама начала стрѣлять по своей первой сзади, и что какъ сія, попавши симъ образомъ между двухъ огней и вытерпливая одинъ огонь сзади, отъ своихъ, а другой спереди, отъ насъ, и стрѣльбу болѣе нежели изъ 150 пушекъ и мортиръ, не могла болѣе устоять, то и принуждена была ретпроваться, оставивъ 11 пушекъ и побивъ у насъ болѣе 10,000, и такъ далѣе.

Симъ и подобнымъ сему образомъ старались пруссаки залыгать весь свѣтъ и веселить себя сами при своей неудачѣ. Но что удивительнѣе всего, то и самъ прусскій король, въ оставшихся послѣ смерти его сочпненіяхъ своихъ, упоми-

ная о сей баталіи, говоритъ хотя всѣхъ прочихъ справедливѣе и описываетъ оную почти точно такъ, какъ она происходила, однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ также нѣсколько прилыгаетъ, а именно, говоря, что у насъ была засѣка и что потеряли они только 13 пушекъ, а изъ людей побитыми, ранеными и въ полонъ взятыми только 1,400 человѣкъ—что столь же было несправедливо, какъ и то, что, по увѣренію его, армія ихъ, не болѣе какъ въ 24,000 чел. состояла. Впрочемъ, винилъ онъ очень фельдмаршала своего Левальда, для чего не аттаковалъ онъ насъ прежде, а особливо наканунѣ того дня, какъ мы выходили и строились. Но, Богу извѣстно, удалось ли бы имъ тогда получить надъ нами какую-нибудь выгоду, ибо мы были тогда къ сраженію готовы и находились гораздо въ лучшей позиціи, а все сіе доказываетъ, что и самому королю донесено было обо всѣхъ обстоятельствахъ не весьма справедливо, и онъ самъ о баталіи сей не имѣлъ порядочнаго понятія.

Но какимъ бы то образомъ ни было, но пруссакамъ не удалось, по желанію своему, насъ разбить, и все искусство ихъ генераловъ и храбрость солдатъ не помогла имъ ни мало. Но судьбѣ было угодно, чтобъ мы ихъ побѣдили и прогнали обратно въ прежній ихъ укрѣпленный при Велавѣ лагерь, куда они, не будучи преслѣдуемы, и возвратились безъ помѣшательства.

Обстоятельство сіе сколько было пріятно и радостно намъ, столько огорчительно для короля прусскаго, который въ самое сіе время находился весьма въ смутныхъ обстоятельствахъ. Проигранная имъ противъ цесарцевъ славная баталія при Колинѣ, о которой впереди и было упоминаемо, возъимѣла слѣдствія для него весьма непріятныя. Я выше уже упоминалъ, что онъ принужденъ былъ со стыдомъ оставить осаду богемскаго столичнаго города Праги, забыть всѣ пышные и великолѣпные свои замыслы и надежды къ скорому завоеванію всей Богеміи, и помышлять вмѣсто того о томъ, какъ бы самому скорѣе и съ меньшимъ убыткомъ изъ Богеміи выбраться.

Въ семъ намѣреніи раздѣлилъ онъ армію свою на два корпуса, и одинъ изъ оныхъ повелъ самъ назадъ въ Саксонію, а другой отправилъ подъ предводительствомъ наслѣднаго принца своего, брата отца нынѣшняго короля прусскаго *) въ Лузацію, дабы защитить тамошній край отъ впаденія цесарцевъ. Съ первымъ изъ сихъ корпусовъ вышелъ онъ изъ Богеміи и въ Саксонію возвратился нарочито удачно и не претерпѣвъ никакихъ дальнихъ уроновъ. Но армія наслѣднаго принца не была столь счастлива. Большая цесарская армія пошла вслѣдъ за оною и имѣя у себя хорошихъ предводителей, стала такъ, что помѣшала принцу продолжать походъ свой къ Габелю. Въ сей крѣпости находился прусскій генералъ Путкамеръ съ четырьмя батальйонами охраннаго войска. Цесарцы осадили его тутъ и принудили его тотчасъ сдаться, а какъ овладѣніемъ сего мѣста пресѣчена принцу коммуникація съ магазинами его, находящимися въ городѣ Цитау, то принужденъ онъ былъ искать другой дороги и обходить кругомъ чрезъ Камницъ. Но сей походъ былъ ему не только крайне труденъ, но бѣдственъ и убыточенъ, ибо на пути семъ, будучи безпрерывно обезпокоиванъ цесарцами, растерялъ онъ множество людей, аммуниціи и багажа, и уморилъ-было всю свою армію съ голода, ибо дошло до того, что она цѣлыя трои сутки не имѣла хлѣба и едва-было совсѣмъ не погибла, еслибъ, по счастію, генералъ Винтерфельдъ не доставилъ ей нѣсколько провіанта изъ Цитау. Словомъ, принцъ сей приведенъ былъ въ такое утѣсненіе, что вмѣсто того, чтобъ итти въ Лузацію, принужденъ онъ былъ съ поспѣшностію ретироваться къ Бауцену и въ сторону къ Саксоніи. Тутъ соединился съ нимъ король, который былъ такъ недоволенъ принцевымъ поведеніемъ, что нѣсколько времени не хотѣлъ удостоить его своимъ взоромъ и изъявилъ ему всѣ знаки своего гнѣва и немилости.

*) Это писано въ 1789 году. Ред.

Однако и самому ему не лучшая во всемъ была удача. Онъ всѣми помянутыми произшествіями былъ такъ разстроенъ, что долго не могъ ничего предпринять и большую часть лѣта препроводилъ въ поправленіи разбитой своей арміи и въ снабдѣніи ея всѣмъ нужнымъ. Наконецъ, въ началѣ августа, собравъ къ себѣ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ деташаменты своихъ войскъ, вознамѣрился-было онъ опять испытать счастія своего противъ цесарцевъ, и для того отправился съ арміею къ Цитау; но нашелъ тутъ непріятеля стоящаго въ столь выгодномъ положеніи, что онъ, на всю свою храбрость и искусство несмотря, не отважился приступить противъ него ни къ малѣйшему предпріятію, но ничего не сдѣлавъ, возвратился опять въ Саксонію, куда призывали его другія и важнѣйшія надобности; ибо получены были имъ извѣстія, что съ одной стороны союзники его ганноверцы, по потеряніи противъ французовъ баталіи, утѣснялися уже слишкомъ оными и что дѣло до того уже доходитъ, что арміи либо погибать, либо отдаваться въ полонъ; съ другой, что собралась уже и такъ-называемая имперская экзекуціонная армія, въ многочисленномъ количествѣ, около Нюренберга, и соединившись съ французами готовилась войтить въ Саксонію и учинить на него тутъ нападеніе; а съ третьей, что изъ Швеціи переправилось черезъ Балтійское море семнадцать тысячь человѣкъ въ Померанію, и что войско сіе готовилось впасть въ его земли. Итакъ, противъ всѣхъ сихъ непріятелей надлежало королю дѣлать отпоръ и выдумывать всякія средства къ отпященію оныхъ. А какъ въ самое сіе время получено было извѣстіе о вступленіи и нашей арміи въ Пруссію, а вскорѣ потомъ и о самой побѣдѣ, одержанной нами надъ его арміею, то все сіе натурально приводило мысли его въ великую разстройку. Онъ не зналъ куда и въ которую сторону напередъ обратить ему наивящее свое вниманіе, и все сіе довело его наконецъ до такого смущенія, что онъ предался почти совершенному уже отчаянію, и не хотя видѣть себя стыдомъ и безславіемъ покрытымъ, вознамѣрился-было уже совсѣмъ лишить самого себя жизни, какъ то нѣкоторыя писанныя имъ къ Вольтеру письмы и сочиненная самимъ имъ на случай сего самоубійства ода свидѣтельствуетъ ясно.

Вотъ до какого отчаяннаго состоянія доведенъ былъ король прусскій въ сіе лѣто, и сколь ему одержанныя надъ нимъ цесарцами и нами побѣды были чувствительны. Толь многіе непріятели, окружающіе его со всѣхъ сторонъ сильными и многочисленными арміями, причиняли ему великое опасеніе и нагоняли страхъ и ужасъ. Онъ чувствовалъ, что былъ онъ противъ всѣхъ ихъ слишкомъ слабъ и малосиленъ, и потому не иное что ожидалъ, какъ то, что его неминуемо разобьютъ, и что онъ не только потеряетъ все завоеванное, но что цесарцы овладѣютъ и всею Бранденбургіею его, а и объ насъ, какъ весь свѣтъ, такъ и самъ онъ, не сомнѣвался тогда въ томъ, что мы, воспользовавшись полученною надъ арміею его побѣдою, не преминемъ тотчасъ овладѣть всѣмъ его королевствомъ прусскимъ и выгнать изъ онаго остатки разбитой его арміи. Мы всѣ сами то же самое думали, однако счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, но Провидѣнію небесъ угодно было всѣ произшествія распорядить совсѣмъ инако и произвесть то, чего никто не могъ никакъ думать и ожидать, и чему весь свѣтъ до чрезвычайности удивился.

Все сіе увидите и услышите, любезный пріятель, въ будущемъ продолженіи моихъ писемъ, а теперь сего отъ меня не требуйте и не ожидайте! Письмо мое уже слишкомъ увеличилось, и мнѣ пора его окончить, а какъ и матерія съ сего времени пойдетъ нѣсколько уже отмѣнная, то и кстати будетъ говорить о томъ уже особо. Почему, прекративъ сіе и увѣривъ васъ о непремѣнности моей дружбы, остаюсь и прочая.

Конецъ

четвертой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ V.

(1790).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

ПОХОДЪ КЪ ВЕЛАВѢ.

Письмо 49-е.

Любезный пріятель! Изобразивъ вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ всю первую половину нашего перваго прусскаго похода, и разсказавъ вамъ, какъ мы шли противъ непріятеля нашего, какъ его искали и какъ съ нимъ дрались и его побѣдили, приступлю теперь къ повѣствованію того, что происходило у насъ послѣ апраксинской нашей баталіи, и что сдѣлали потомъ съ непріятелемъ мы, и что онъ съ нами, и чѣмъ, наконецъ, кампанія сего года кончилась.

Матерія о семъ, какъ думаю, будетъ для васъ не менѣе любопытна, какъ и предслѣдующая; но таковажъ-ли будетъ пріятна, какъ оная, въ томъ не могу никакъ впередъ поручиться, ибо какъ произшествія были не такія, а отмѣнныя, то принужденъ буду и я картины рисовать иного рода. Почему и не взыщите, если для глазъ будутъ онѣ иногда не слишкомъ увеселительны и пріятны, но болѣе досадны. Не я, а времена и обстоятельства тогдашнія были тому уже причиною, что онѣ таковы, а не инаковы; ибо я буду принужденъ то описывать, что было. Къ чему теперь и приступаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что мы, побѣдивъ нашего непріятеля, расположились лагеремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе, и нѣсколько дней препроводили въ торжествованіи сей побѣды и въ разборѣ и погребаніи побитыхъ. Отдохновеніе сі было намъ хотя непротивно, однако нельзя сказать, чтобы было и пріятно, а мы всѣ болѣе удивлялись тому, что полководцы и командиры наши не старались ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо, и не спѣшили иттить вслѣдъ за убѣгшимъ непріятелемъ, и маленькую его оставшую армію скорѣе до конца сокрушить и всѣмъ королевствомъ Прусскимъ скорѣе овладѣть не старались. И какъ ни одинъ человѣкъ изъ всей арміи нашей не сомнѣвался въ томъ, что пруссаки и не подумаютъ уже болѣе намъ противоборствовать, но побѣгутъ отъ насъ какъ овцы, то увеселяли мы уже себя предварительною надеждою, что скоро и весьма скоро увидимъ мы уже и славный ихъ столичный городъ Кенигсбергъ и вступимъ въ мѣста, наполненныя изобиліемъ во всемъ; и какъ всѣ нетерпѣливо желали, чтобъ скорѣе сіе совершилось, то не успѣлъ настать третій день послѣ баталіи, и мы и въ оный поутру услышали опять біемую зорю, а не генеральный маршъ, то всѣ начинали уже и гораздо поговаривать: «для чего мы тутъ стоимъ и мѣшкаемъ такъ долго?»

Наконецъ наступило 22-е число августа, и мы, къ общему нашему удовольствію, услышали, что забили генеральный маршъ, а не зорю. Боже мой, какъ обрадовались тогда всѣ мы! Никто, я думаю, и никогда съ толикою охотою и усердіемъ не выступалъ въ походъ, какъ мы въ сіе утро; ибо все войско роптало ужъ давно, что насъ такъ долго тутъ на одномъ мѣстѣ

держутъ, и даютъ между тѣмъ непріятелю время опамятоваться и собираться съ силами; и всѣ давно и съ величайшею ревностью желали итти вслѣдъ за непріятелемъ. Почему не только ни мало не досадовали на то, что встревожили насъ еще очень рано, и что мы уже на самомъ разсвѣтѣ въ походъ выступить принуждены были, но охотно бы согласились итти и съ самой полночи.

Поелику выступили мы въ походъ такъ рано, то никто не сомнѣвался въ томъ,— что мы въ тотъ день учинимъ великій переходъ и отойдемъ по-крайней-мѣрѣ верстъ съ двадцать. Однако въ семъ мнѣніи мы очень обманулись. Армія наша, пробравшись сквозь лѣсъ тѣмъ тѣснымъ проходомъ при Альменгаузенѣ, о которомъ я упоминалъ прежде и за которымъ находился прежде сего прусскій лагерь, и прошедъ находившуюся тутъ другую деревню, Бушдорфъ, отошла неболѣе какъ пять верстъ, и стала опять лагеремъ. Сіе удивило насъ всѣхъ до чрезвычайности и многіе, досадуя на то, говорили еще тогда: — «Ну! махнули же мы сегодня, братцы! Легко ли сколько!» — «Да!» подхватывали другіе, «съ этакимъ проворствомъ не дойдемъ мы и въ цѣлый мѣсяцъ до Кенигсберга!»

При проходѣ сквозь вышеупомянутый и версты на двѣ въ ширину простирающійся лѣсъ, смотрѣлъ я съ особливымъ любопытствомъ на тотъ тѣсный проходъ, который, дня за три до того, остановилъ нашихъ предводителей и побудилъ ихъ перемѣнить планъ своего намѣренія, и находилъ, что дефилея сія была въ самомъ дѣлѣ весьма важная и неудобь проходимая, и пруссаки могли-бъ немногими людьми и пушками надѣлать намъ тутъ множество вреда и помѣшать намъ проходить сквозь опую. Мы и безъ непріятеля имѣли немалый трудъ пробраться сквозь сей тѣсный проходъ лѣсомъ.

Во время ночеванія нашего въ помянутомъ мѣстѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, произошла у насъ во всей арміи тревога, и, что удивительнѣе всего, то къ сущему стыду нашему, совсѣмъ пустая. Сіе увеличило еще болѣе нашу досаду на предводителей. «Горе, а не предводители вы, государи наши», говорили мы, смотря на оныхъ, «будучи побѣдителями, а боитесь каждой мухи и всю армію сами не знаете для чего тревожите и безпокоите».

Какъ разсвѣло, то потащились мы опять въ походъ понемногу. И какъ мы не ожидали, чтобъ и въ сей день походъ нашъ былъ успѣшнѣе, то смѣючись, говорили между собою:—«Посмотримъ, что-то Богъ дастъ сегодня и сколько-то уйдемъ». Мы въ мнѣніи своемъ вѣрно и не ошиблись. Цѣлую половину дня тащились мы четыре версты, проходя всѣ узкія мѣста между лѣсами и кустарниками. Переходъ сей, каковъ ни малъ былъ, но отяготилъ насъ до безконечности. День случился самый жаркій и духота такая, что мы не знали куда дѣваться. Пуще всего досаждало намъ то, что мы на всякомъ почти шагу принуждены были останавливаться и промедливать минутъ по нѣскольку. Не успѣемъ саженъ десяти или двадцати отойтить, какъ закричатъ «стой!», и мы принуждены стоять и печься на жару солнечномъ, а тамъ опять двинемся шаговъ пять и опять «стой!», и такъ далѣе. Не можно изобразить, какъ таковой медленный походъ во время жаровъ несносенъ, а особливо въ такое время, когда отъ фрунта не можно никуда ни на одинъ шагъ отлучиться. Истинно власно какъ за душу кто тянетъ; и еслибъ не имѣли мы той отрады, что у всякаго изъ насъ была бутылка съ водою, смѣшанною съ уксусомъ, то отъ жажды не знали-бъ мы что дѣлать. Ни въ которое время, во все продолженіе похода, не была намъ сія вода толико нужна и драгоцѣнна, какъ въ сей день. Она казалась намъ лучше и превосходнѣе всѣхъ шампанскихъ и венгерскихъ винъ на свѣтѣ, и мы тысячу разъ благодарили сами себя, что догадались запастись оною и настановить полны передніе ящики въ ротныхъ нашихъ патронныхъ ящикахъ бутылками. По особливому счастію, не имѣли мы во весь походъ недостатокъ въ уксусѣ. Мы покупали его по

рублю штофъ; но онъ такъ былъ намъ нуженъ, что мы согласились бы платить за него и по два, и по три рубля, еслибъ того требовала нужда.

Идучи столь медленными стопами и терзаясь ежеминутно досадою, не понимали мы, что̀-бъ тому была причина, что мы такъ медленно тащились. Но не успѣли мы пройтить помянутые перелѣски и, выбравшись на поле, дойтить до высокаго берега одной рѣки, какъ узнали мы тому причину; ибо тутъ, къ превеликому удивленію нашему, увидѣли мы за рѣкою вдали предъ собою весь непріятельскій лагерь, расположенный на горѣ.

Зрѣлище сіе всѣхъ насъ поразило до чрезвычайности; ибо мы всего меньше думали, чтобъ непріятель былъ отъ насъ такъ близко, но считали его далеко ушедшимъ. Изъ сего не трудно было заключить, что намъ и не можно было спѣшить своимъ походомъ, но что и по неволѣ принуждены мы будемъ на помянутой горѣ остановиться и стать лагеремъ. Ибо, во-первыхъ, не можно было и рѣку безъ мостовъ переправиться, а во-вторыхъ, видя, что непріятель неслишкомъ насъ труситъ, не сомнѣвались мы, что онъ не преминетъ намъ въ переправѣ черезъ оную дѣлать помѣшательство.

Что мы предъугадывали, то и сдѣлалось. Мы не успѣли дойтить до помянутой рѣки, какъ и велѣно было намъ остановиться по самому берегу лагеремъ и употребить всѣ нужныя отъ непріятеля осторожности; а сверхъ того и командиры наши постарались обезпечить станъ нашъ отъ нападенія непріятельскаго разстановленіемъ въ нужныхъ мѣстахъ пушекъ и бекетовъ.

Теперь, не ходя далѣе, дозвольте мнѣ, любезный пріятель, на минуту остановиться и описать вамъ обстоятельнѣе все положеніе того мѣста, на которомъ мы остановились, ибо оно было для насъ довольно достопамятно. Итакъ, представьте себѣ одну, хотя не гораздо большую, однако и не само малую, а саженъ на десять или на пятнадцать въ ширину простирающуюся рѣку, и имѣющую теченіе свое очень низко, а притомъ и не гораздо прямо, но сочиняющую къ намъ не малую луку и изгибину. Одинъ берегъ сей рѣки, которая называлась Аль, былъ очень крутъ и составлялъ превысокую гору, а другой былъ очень низокъ и, простираясь далѣе отъ рѣки, возвышался мало-по-малу, такъ что составлялся самый отлогій косогоръ, котораго верхъ равенъ былъ преждеупомянутой горѣ, однако, не ближе какъ версты за три отъ оной. Армія наша, пришедъ, стала подлѣ самой оной рѣки, на крутомъ и возвышенномъ ея берегу, или на вышеупомянутой горѣ, между деревнями Гроссъ и Клейнъ-Уръ, а на другомъ берегу, внизу, подлѣ самой рѣки, находилась небольшая деревня Бергерсдорфъ, за которою пригорокъ, часъ отъ часу поднимаясь, и версты три отъ насъ разстояніемъ соединялся съ горизонтомъ, гдѣ, то-есть на самомъ холму онаго видѣнъ былъ передній фасъ стоящаго тамъ прусскаго лагеря. Зрѣлище, которое мы впервые имѣли тогда случай видѣть; ибо до того времени не было еще у насъ никогда въ виду непріятельскаго лагеря. Внизъ рѣки, версты три или четыре отъ сего мѣста, вправѣ, находился прусскій городъ, называемый Велау, но который, за случившимся на той сторонѣ рѣки лѣсомъ, отъ насъ былъ не видѣнъ.

Вотъ какое было натуральное положеніе тамошняго мѣста, которое для меня было тѣмъ достопамятнѣе, что оно совсѣмъ почти походило на то, гдѣ находится мое жилище въ моемъ отечествѣ.

Армія пришла къ сему мѣсту еще довольно рано и расположилась лагеремъ такъ, какъ по неровному и вершинами и буераками изрытому мѣсту наиспособнѣе было можно. Нашему полку, какъ бывшему и тогда еще въ авантгардномъ корпусѣ, случилось стать напереди всѣхъ и на самомъ берегу рѣки Аль, противъ вышеупомянутой деревни Бергерсдорфъ, и какъ мѣсто сіе было наивозвышеннѣйшее, то предъ самымъ нашимъ полкомъ и поставлена была знатная часть нашей артиллеріи.

Нельзя было способнѣе быть для артиллеріи мѣста того, на которомъ она тогда стояла. Она могла очищать все пространное за рѣкою и чистое поле и командовать имъ такъ, что нельзя было ни одному человѣку на немъ показаться. Сіе имѣли мы случай видѣть въ самой практикѣ; ибо не успѣли мы приттить и стать, какъ увидѣли уже на той сторонѣ непріятельскіе гусарскіе подъѣзды, выѣзжавшіе небольшими кучками изъ-за лагеря и подъѣзжавшіе къ деревнѣ, для подсматриванія нашей арміи. Нетрудно заключить, что, имѣя баттарею въ такомъ выгодномъ мѣстѣ, не можно было намъ дозволить разъѣзжать по полю по своей волѣ. Мы поздравили ихъ тотчасъ изъ двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, и учтивство наше было имъ не весьма пріятно. На моихъ глазахъ пролетали ядра сквозь самыя ихъ кучки и принуждали ихъ разсѣяваться врознь. Однимъ словомъ, мы и далеко ихъ до деревни не допустили; но чему и дивиться не можно, ибо съ такой горы, на какой мы тогда стояли, а притомъ, стрѣляя на досугѣ и имѣя время сколько хотѣли прицѣливаться, и стыдно было нашимъ артиллеристамъ, еслибъ не попадали. Имъ въ сей день было сущее для стрѣльбы ученье; и мы, собравшись, смотрѣли на ихъ удальство и не могли умѣньемъ ихъ довольно навеселиться.

Но какъ, несмотря на всѣ наши старанія и стрѣльбу, партіи ихъ до самой деревни подъѣзжали, и по причинѣ приближающейся ночи опасались, чтобъ они не засѣли въ оной и не сдѣлали-бъ намъ въ переправѣ черезъ рѣку какого-нибудь помѣшательства, то, въ отвращеніе того, приказано было наконецъ деревню сію зажечь. Сіе подало мнѣ случай видѣть, какъ зажигаютъ артиллеристы строенія брандкугелями или такъ-называемыми книпелями. Въ одинъ мигъ она у нихъ загорѣлась, и не успѣли они нѣсколькихъ зажигательныхъ особаго рода ядеръ бросить, какъ находилась она вся въ пламени и горѣла до полуночи. Пруссаки обвиняли потомъ насъ сожженіемъ сей деревни; по ежели по справедливости разсудить, то причину къ тому подали они сами, и бѣднымъ жителямъ оной надлежало жаловаться не на насъ, а на самихъ своихъ гусаръ, старавшихся безъ всякой дальней пользы засѣсть въ оной. Но какъ бы то ни было, но сей пожаръ воспрепятствовалъ пруссакамъ въ деревнѣ сей засѣсть и укрѣпиться, и они удовольствовались, разставивъ свои бекеты въ находящемся между сею деревнею и городомъ Велавою при рѣкѣ сей лѣсѣ, для примѣчанія нашихъ дѣйствій.

Все сіе доказывало намъ, что переправа чрезъ рѣку сію намъ не такова легка будетъ, какъ мы думали, но что непріятели намѣрены дѣлать намъ въ томъ препятствіе. Однако, какъ переправляться необходимо было надобно, то и командированы были разныя команды для дѣланія чрезъ рѣку сію мостовъ, которыя и начали въ томъ того часа упражняться и приуготовлять къ тому всѣ нужные матеріалы. И какъ мосты сіи не такъ скоро можно было сдѣлать, то самое сіе и принудило армію въ семъ мѣстѣ простоять и весь послѣдующій день, то-есть 24-е число августа.

Во время сего дневанія не произошло у насъ ничего важнаго и примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что видно было, что непріятель какъ около своего лагеря, такъ и на сей сторонѣ рѣки, въ правую сторону отъ нашей арміи предъ городкомъ Велавою, дѣлалъ баттареи для воспрепятствованія продолженія нашего похода и для защиты города, о которомъ думалъ онъ, что мы его аттаковать и имъ овладѣть стараться станемъ; а чтобъ воспрепятствовать намъ и чрезъ рѣку переправляться, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы начинали мосты дѣлать, начиналъ дѣлать также редуты и батареи. Таковыя его движенія, доказывающія его намѣреніе намъ противоборствовать, непріятны были не только нашимъ главнымъ командирамъ, но и всему войску. Не трудно было заключить, что всему тому виноваты были наши главные командиры, упустившіе непріятеля послѣ баталіи безъ всякой погони, и давшіе имъ чрезъ

то время опамятоваться и собраться съ силами. Сіе усматривали мы тогда довольно ясно и всѣ почти въявь на нихъ за то роптали. Они сами примѣчали уже свою ошибку; но какъ перемѣнить сего было уже не можно, то старались по-крайней-мѣрѣ и съ своей стороны употребить нѣкоторыя предосторожности; и какъ они, возобновивъ прежнюю свою трусость, стали бояться, чтобъ непріятель не пришелъ и не передушилъ насъ какъ куръ въ самомъ нашемъ лагерѣ, то въ отвращеніе того разсудили, для прикрытія арміи со стороны отъ города, поставить въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нашего праваго крыла сильный бекетъ съ шуваловскими гаубицами и пушками.

Поелику мнѣ самому случилось командирована быть на сей бекетъ, то и могу я разсказать обо всемъ томъ обстоятельнѣе, что при семъ случаѣ съ нами происходило. Насъ вывели на край самаго нашего лагеря и за деревню, и поставили противъ самой батареи, сдѣланной непріятелями на курганѣ предъ городомъ, такъ что намъ какъ оная, такъ и весь городъ Велау былъ видѣнъ. День случился тогда красный, и мы не могли довольно насмотрѣться, видѣвъ какъ пруссаки выходили изъ мѣстечка и смѣняли караулъ на своей батареѣ. Ясныя ихъ ружья блестѣли отъ солнца, и мы любовались симъ зрѣлищемъ до самаго вечера.

При наступленіи ночи велѣно было намъ имѣть возможнѣйшую осторожность и смотрѣть, чтобъ ночью пруссаки на насъ не напали. Правда, сего хотя и не было дальней причины опасаться, однако, какъ вблизости передъ нашимъ бекетомъ въ лощинѣ находился лѣсокъ, то опасались мы, чтобъ непріятель, пользуясь почною темнотою, не закрался въ оный и не учинилъ бы на насъ нечаяннаго нападенія, какъ то уже въ семъ лагерѣ съ нашими фуражирами однажды и случилось, и они были непріятелемъ нечаянно потревожены. Чего ради, бывшій съ нами командиромъ, полковникъ велѣлъ двумъ шеренгамъ стоять во всю ночь въ ружьѣ, а двумъ отдыхать. Итакъ, тысяча человѣкъ у насъ стояла, а другая тысяча спала. Пушки же всѣ заряжены были ядрами и картечами, и канонеры стояли съ зажженными фитилями въ готовности.

Такимъ образомъ принуждены мы были препроводить ночь съ худымъ покоемъ. Для всѣхъ офицеровъ поставлено только было три солдатскихъ палатки, въ которыхъ побросались мы какъ были, въ шарфахъ и въ знакахъ, на землю. Но мы уже о томъ не тужили, но рады-бъ были, еслибъ только съ покоемъ и безъ тревоги ночь миновала; ибо надѣялись, что въ послѣдующее утро смѣнятъ насъ другія войска. Однако не такъ то сдѣлалось, какъ мы думали. Но не успѣла ночь настать, случившаяся тогда очень темною, и мы въ палаткахъ своихъ заснуть, какъ вдругъ прибѣжали сказывать намъ, что въ лѣсочкѣ, находящемся саженъ за сто предъ нашимъ фрунтомъ, слышенъ какой-то шумъ и шорохъ, и что опасаются не непріятель ли въ оный вкрался. Услышавъ сіе, поскакали мы изъ сна, и безъ памяти бросились къ своимъ мѣстамъ. Мы нашли весь фрунтъ уже въ готовности, и обѣ спавшія шеренги пробудившіяся и стоящія уже въ строю. Темнота была превеликая, и мы сколько ни смотрѣли въ сторону къ лѣсу, однако ничего не можно было видѣть. Но какъ шорохъ и тихій шумъ въ лѣсу продолжался, то сіе побудило командира нашего отрядить нѣсколькихъ солдатъ и послать смотрѣть ближе къ лѣсу, съ приказаніемъ дать намъ тотчасъ сигналъ, какъ скоро они что-нибудь примѣтятъ. Не могу довольно изобразить, съ какою нетерпѣливостью ожидали мы сихъ посланныхъ назадъ, или отъ нихъ какого-нибудь знака, и какія душевныя движенія ощущали мы, готовясь всякую минуту къ принятію непріятеля хорошимъ заломъ. Ружья у насъ всѣ были приготовлены, и оставалось только взвесть курки и стрѣлять, а равномѣрно и у пушекъ всѣ канонеры были въ готовности съ своими фитилями. Но что-жъ воспослѣдовало? Уже прошло минутъ десять; уже прошло и болѣе

четверти часа; уже пора бы чему-нибудь и быть, по отъ посланныхъ нашихъ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія.—«Что за диковинка! говорили мы, сошедшись между собою:—ужъ не пустой ли какой шумъ насъ встревожилъ?» Но удивленіе наше еще болѣе увеличилось, когда мы, вмѣсто приказаннаго сигнала, чтобъ засвистѣть, услышали вдали смѣхъ и хохотанье.—«Господи! что̀ это такое? говорили мы.—Конечно, не непріятель, а что-нибудь смѣшное! Но чему бы такому быть?...» Но сумнѣніе наше скоро рѣшилось. Мы увидѣли посланныхъ нашихъ идущихъ назадъ и со смѣхомъ намъ сказывающихъ, что непріятель, напугавшій насъ, далеко не таковъ страшенъ, какъ мы думали, и что весь шумъ, слышанный нами, производили не кто иной, какъ госпожи коровы, забравшіяся какимъ-то случаемъ въ сей лѣсъ и бродящія по оному съ привязанными на шеяхъ у себя погремушками. — «Тфу, какая пропасть! говорили мы тогда, досадуя и смѣючись:—прахъ бы ихъ побралъ; а мы думали ужъ Богъ знаетъ кто!..» Подосадовавъ симъ образомъ, что дали себя такой мечтѣ перетревожить и перепугать, разошлись опять по своимъ палаткамъ и растянулись на травѣ, провождать достальную часть ночи опять во снѣ.

Но ночь сія видно на то была опредѣлена, чтобъ намъ проводить ее въ безпрерывныхъ безпокойствахъ; ибо не успѣли мы угомониться и передъ свѣтомъ погрузиться въ наисладчайшій сонъ, какъ вдругъ проразистый крикъ и вопль пропицаетъ наши слухи и пробуждаетъ всѣхъ насъ изъ сладкаго сна.—«Вставайте, вставайте! закричали мы:—это уже не коровы, государи мои, а нѣчто по-важнѣе». А не успѣли мы сихъ словъ выговорить, какъ послышанная, и въ самой близости отъ насъ, ружейная стрѣльба всѣхъ насъ еще больше перетревожила. Тогда некогда было долѣе расдарабарывать, но мы, неинако заключая, что непріятели напали на наши отводные караулы, которые мы, для лучшей безопасности, поставили впереди, поскакали изъ сна, и безъ памяти бросившись бѣжать къ своимъ мѣстамъ, кричали только: «къ ружью! къ ружью! Становись скорѣй въ строй, оправляй замки, кремни и ружья, и готовься къ стрѣльбѣ!» Однако и въ сей разъ, сколько мы, приготовившись совсѣмъ въ темнотѣ, впередъ ни смотрѣли, но не могли ничего примѣтить, и нашъ страхъ и тревога опять кончилась ничѣмъ, и мы, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, узнали, что сей крикъ и стрѣльба сдѣлалась не на нашей сторонѣ и не отъ нашихъ передовыхъ, а влѣвѣ, за рѣкою, и наутріе провѣдали, что тревогу сію учинили наши калмыки, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ, переплывъ чрезъ рѣку, напали на стоявшій за рѣкою непріятельскій бекетъ и, разбивъ оный, привезли съ собою нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ.

Поутру, въ наступившее за симъ 25-е число августа, получивъ смѣну, возвратились мы въ свой полкъ и могли уже тамъ, сколько хотѣли, выспаться, потому что армія и въ сей день стояла на томъ же мѣстѣ лагеремъ, и ничего не предпринимала. А непріятель продолжалъ часъ-отъ-часу болѣе укрѣпляться редутами и батареями, и преполагать намъ въ дѣланіи нашихъ мостовъ столько затрудненій, что наши командиры принуждены были намѣреніе свое — переходить рѣку въ семъ мѣстѣ—оставить, и уничтоживъ начатое, помышлять объ иныхъ средствахъ. Мы не знали, что съ нами наконецъ тутъ воспослѣдуетъ, и гдѣ мы сію рѣку переправляться станемъ, и не сомнѣвались въ томъ, что вскорѣ опять чему-нибудь быть надобно, и что у насъ не пройдетъ безъ схватки съ непріятелемъ. Всѣ его движенія и предпріятія доказывали намъ, что онъ никакъ не намѣренъ дать намъ спокойно переправляться чрезъ рѣку, но что помышляетъ о хорошемъ отпорѣ. А особливо ожидали мы сего въ томъ случаѣ, если вздумаютъ наши иттить прямо чрезъ городокъ Велау и за онымъ переходить рѣку по готовому уже мосту. Видимыя нами его батареи, подѣланныя предъ входомъ въ сей горо-

докъ, угрожали насъ кровопролитною встрѣчею, и, признаться надобно, что намъ сіе не весьма было пріятно; и тѣмъ паче, что мы такого сопротивленія никакъ не ожидали, и потому отъ-часу болѣе роптали на командировъ своихъ и порочили ихъ за то, что они упустили непріятеля безъ погони и не умѣли, воспользуясь тогдашнею его разстройкою и трусостью, овладѣть еще тогда-жъ симъ важнымъ мѣстомъ.

Въ сей неизвѣстности о томъ, что̀ будетъ происходить, препроводили мы весь сей день. Но въ вечеру разрѣшилось наше сомнѣніе и неожиданный приказъ, отданный во всей арміи, привелъ насъ въ новое удивленіе, а именно: всѣмъ намъ приказано было наутріе готовиться къ походу, и объявлено, что вся армія съ свѣтомъ вдругъ выступитъ тихимъ образомъ въ походъ.

На семъ мѣстѣ дозвольте мнѣ, любезный пріятель, пресѣчь мое письмо. Мнѣ хочется оставить васъ въ нетерпѣливости узнать, что̀ послѣдуетъ далѣе.. Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а между тѣмъ остаюсь вашъ вѣрный и покорный слуга.

ПРИ АЛЕНБУРГѢ.

Письмо 50-е.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо мое кончилъ я тѣмъ, что отданъ былъ во всю армію съ вечера приказъ, что наутріе вся армія выступитъ въ походъ и учинитъ сіе тихимъ и тайнымъ образомъ. Поелику таковаго приказанія намъ до того времени никогда еще отдавано не было, то и удивило оно насъ до чрезвычайности. Однако мы думали, что предводители наши, конечно, хотятъ употребить какую-нибудь стратагему или военный обманъ, и хотятъ выступить для того скрытно въ походъ, чтобъ либо нечаянно овладѣть городомъ Велавою, либо переправиться чрезъ рѣку гдѣ-нибудь въ другомъ и намъ еще неизвѣстномъ мѣстѣ.

Въ сей неизвѣстности, и горя нетерпѣливымъ желаніемъ узнать, вправо ли мы пойдемъ или влѣво, и не будемъ ли наутріе имѣть съ непріятелемъ дѣла, препроводили мы всю ночь, а въ послѣдующій день, то-есть 26-го числа августа, какъ скоро начало разсвѣтать, то пробита была зоря вмѣсто генеральнаго марша, въ знакъ того, что будто армія стоять будетъ и въ тотъ день непоколебимо на томъ же мѣстѣ. А чтобъ лучше скрыть обманъ, то велѣно было нашему авантгардному корпусу быть уже въ арьергардѣ и палатки свои до тѣхъ поръ не снимать, покуда главная армія вся, и съ обозами своими, въ походъ выступитъ и нѣсколько уже поудалится, а гусарамъ и казакамъ до тѣхъ поръ оставаться въ своемъ мѣстѣ, покуда армія вступитъ въ новый свой лагерь. Но смѣшной это былъ обманъ! Мы надѣялись обмануть непріятеля, а не вѣдали того, что онъ обманулъ насъ прежде, и что лагерь его, видимый намп, и сначала уже былъ фальшивый и пустой, и содержалъ въ себѣ только малое число войскъ; а объ арміи прусской говорили, что главная часть оной давно уже пошла далѣе къ Кенигсбергу, а другая отправилась туда, гдѣ наша армія вздумала вновь мосты строить, чтобъ и тамъ разрушить наше намѣреніе; ибо непріятелямъ нашимъ всѣ наши предпріятія и замыслы были извѣстны, и онъ имѣлъ въ войскѣ нашемъ такихъ людей, которые его обо всемъ наивѣрнѣйшимъ образомъ увѣдомляли. По крайней мѣрѣ говорили тогда такъ, и подозрѣвали въ томъ наиболѣе господина Ливена. Но какъ бы то ни было, но мы выступили безъ всякаго шума въ походъ и пошли влѣво въ верхъ по рѣкѣ Аль къ мѣстечку Аленбургу, и отошедъ нѣсколько верстъ съ превеликимъ трудомъ, расположились при брегахъ оной рѣки лагеремъ.

Наутріе (27-го) думали мы, что будемъ переправляться чрезъ рѣку, однако вмѣсто того простояли мы весь день безъ всякаго дѣла. Сія медлительность была намъ всѣмъ удивительна. Но мы удивились еще больше, какъ объявлено было, что и въ послѣдующій день т.-е. 28-е число, армія

останется на томъ же мѣстѣ. «Господи помилуй!» говорили мы между собою: «что за диковинка и долго-ль намъ чрезъ рѣку не перебираться?» Но удивленіе наше еще увеличилось, какъ не видно было и никакихъ приуготовленій къ переправѣ, хотя непріятелей, готовящихся мѣшать намъ въ томъ, также было нимало непримѣтно, но вмѣсто того примѣчали мы, что солдатамъ нашимъ дана была воля грабить находящійся за рѣкою прекрасный дворянскій замокъ, такъ-же спустить превеликій прудъ, случившійся посреди самаго нашего лагеря съ насаженною въ него рыбою—карпіею. При семъ случаѣ узналъ я впервые, какая хорошая рыба была карпія и какіе пруды бываютъ съ оною. Сей рыбы было такое множество въ опомъ, что она въ арміи тогда за ничто почти продавалась, и можно прямо сказать, что не только мы, но и солдаты наѣлись ею до-сыта, такъ много ея тутъ было! Истинно, какъ спустили весь прудъ, то превеликія карпіи власно, какъ поросята, въ оставшей немногой водѣ и тинѣ ворочались, и смѣшно было смотрѣть, какъ люди наши и солдаты, бродя по тинѣ, ихъ вытаскивали и такою легкою ловлею веселились.

Между тѣмъ какъ симъ образомъ вся армія упражнялась въ рыбной ловлѣ и въ варенiи своихъ каршіевъ, господа полководцы и предводители наши совсѣмъ другое помышляли. Упражненіе ихъ было мудреное и никѣмъ неожидаемое. Они помышляли о томъ, какъ бы обратить въ ничто всѣ понесенные до того времени войсками нашими труды, потерять ни за что всѣ претерпѣнные убытки и пролитую толь многими сынами отечества кровь; расплесть опять полученный вѣнецъ славы и побѣды, покрыть себя стыдомъ и безчестіемъ и нанесть всей арміи пятно и худую на вѣкъ и досадную всѣмъ истиннымъ патріотамъ славу. Однимъ словомъ, буде вѣрить разнесшейся потомъ молвѣ, то сплетали они то, что солдаты по неразумію своему называютъ измѣною. Но правда ли то, или нѣтъ, того истинно не знаю, а то только вѣдаю, что 28-й день августа былъ послѣднимъ днемъ нашей славы, пышности, мужественнаго духа и лестной надежды увидѣть вскорѣ стѣны славнаго города Кенигсберга и развѣваемыя на нихъ наши знамена, а все королевство Прусское покоренное нашему оружію и во власти нашей; а 29-е число августа былъ тотъ достопамятный и крайне-досадный день, въ который упали всѣ наши сердца и мы, лишившись всего мужества, покрылись стыдомъ и безчестіемъ и принуждены были истребить изъ себя всѣ прежнія толь лестныя надежды. Коротко, въ сей никогда незабвенный день обратили мы непріятелю свой тылъ и поплелись назадъ въ свое отечество, будучи покрыты такимъ стыдомъ, что не отваживались взирать другъ на друга, а только съ несказаннымъ удивленіемъ другъ у друга спрашивали, говоря: «Что это, братцы? — что это такое съ нами творится и совершается? куда каковы хороши мы!»и такъ далѣе.

Не могу безъ досады и понынѣ вспомнить, какое сдѣлалось тогда вдругъ во всей арміи волненіе; истинно не было почти человѣка, у котораго бы на лицѣ не изображалась досада, съ стыдомъ и гнѣвомъ смѣшанная. Повсюду слышно было только роптаніе и тайное ругательство нашихъ главныхъ командировъ. Многіе въявь почти кричали, что «измѣна! и измѣна очевидная!» а другіе, досадуя и смѣючись говорили: «Что это, государи мои! или мы затѣмъ только въ Пруссію приходили, на то столько трудовъ принимали и на то только кровь свою проливали, чтобъ намъ здѣсь карповъ половить и поѣсть?—Что это дѣется съ нами? Гдѣ дѣвался умъ у всѣхъ нашихъ генераловъ?» и такъ далѣе. Однимъ словомъ, роптаніе было повсемѣстное и сколь ни мило было намъ всѣмъ свое отечество, но врядъ ли кто съ охотою тогда въ обратный путь къ оному шествовалъ. Столь чувствителенъ намъ былъ сей неожидаемый случай!

Ежели хотите теперь знать, что̀ такое собственно принудило предводителей нашихъ къ сему потерянію всѣхъ нашихъ

выгодъ ни за что и къ столь постыдному возвращенію, то истинно не могу вамъ ничего подлиннаго па сіе сказать. Будучи тогда такимъ малымъ человѣкомъ, не можно мнѣ было ничего узнать точнаго, а всѣ обвиняли тогда только фельдмаршала нашего, графа (?) Апраксина, который, какъ извѣстно, и умеръ потомъ отъ того въ несчастіи и отъ печали. Правда, нѣкоторые говорили, будто имѣлъ онъ тайныя какія-то повелѣнія и поступилъ по онымъ; но подлинно никто о томъ не вѣдалъ, а довольно, что онъ пошелъ съ арміею назадъ и упустилъ изъ рукъ всѣ выгоды и плоды, приобрѣтенные нашею побѣдою, и сдѣлалъ весьма славное дѣло, то-есть: поступкою своею удивилъ не только всю нашу армію, но и самого непріятеля и даже всю Европу. Словомъ, онъ сдѣлалъ то, что въ исторіи о семъ приключеніи осталась на вѣкъ та память, что обратный походъ нашей арміи удивилъ всю тогда Европу, и что никто во всемъ свѣтѣ не могъ понять, что̀-бы побудило графа(?) Апраксина выпустить изъ рукъ всѣ приобрѣтенныя выгоды, и имѣя уже бо́льшую часть королевства Прусскаго въ рукахъ, и находясь уже столь близко отъ столичнаго города Кенигсберга, вдругъ воротиться и выттить изъ всей Пруссіи, чему сначала никто, и даже самые непріятели наши не хотѣли вѣрить, покуда не подтвердилось то самымъ дѣломъ. Нѣкоторые иностранные писатели, описывавшіе жизнь короля прусскаго, упоминаютъ, что впослѣдствіи оказалось, что истинною причиною сего возвратнаго похода было то, что императрицѣ нашей Елисаветѣ Петровнѣ случилось въ теченіе сего лѣта очень занемочь, и что бывшій тогда у насъ канцлеромъ графъ Бестужевъ, опасаясь ея кончины и замышляя въ умѣ своемъ произведеніе нѣкоторыхъ важныхъ при дворѣ перемѣнъ, а особливо въ разсужденіи самаго наслѣдства, писалъ самъ отъ себя и безъ вѣдома императрицы къ графу(?) Апраксину, который былъ ему другъ, чтобъ онъ съ арміею своею возвратился въ отечество.

Но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что фельдмаршалъ нашъ, возпамѣрясь пттить назадъ, созвалъ, для вида, военный совѣтъ и пасказалъ всѣмъ генераламъ столько объ оказавшемся якобы великомъ недостаткѣ въ провіантѣ и фуражѣ въ арміи и о невозможностяхъ походъ свой простирать далѣе—по причинѣ, что ушедшая къ Кенигсбергу прусская армія сама всѣ мѣста по дорогѣ опустошила, такъ что нигдѣ верстъ за двадцать фуража достать никоимъ образомъ было неможно—что убѣдилъ почти всѣхъ противъ желанія согласиться на его предложеніе и подписать приговоръ о воспріятіи обратнаго похода навремя къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ заготовленіи магазины. Одинъ только прежде упоминаемый генералъ-аншефъ Сибильскій не соглашался никакъ на сіе предложеніе и утверждая, что провіанта и фуража въ арміи довольно, что она въ томъ не имѣетъ никакого недостатка, не хотѣлъ никакъ подписывать приговора; но его столь же мало и въ сей разъ послушали, какъ послѣ баталіи, когда онъ, совѣтуя учинить погоню, просилъ себѣ только трехъ пѣхотныхъ полковъ и хотѣлъ ими нанесть разбитому непріятелю наичувствительнѣйшій ударъ, но ему въ томъ было отказано.

Но какъ, несмотря на все сіе, легко можно было ожидать, что во всемъ войскѣ сдѣлается великій ропотъ, то всходствіе всего вышеупомянутаго и разглашено было во всей арміи, что къ такому, неожидаемому никѣмъ возвращенію, принудила насъ самая необходимость и, во-первыхъ, то, что походъ намъ далѣе продолжать препятствуетъ стоящая, будто, за рѣкою непріятельская армія, охраняющая проходъ при Велавѣ и укрѣпившая его батареями; во-вторыхъ, и что будто всего важнѣе для того, что появился въ арміи великій недостатокъ въ провіантѣ, и что, будто, надежды не было нигдѣ его достать и получить.

Нашлись многіе, которые, сему разглашенію повѣривъ, тѣмъ и довольствовались; но разумнѣйшіе были совсѣмъ иныхъ

мыслей. Симъ извѣстно уже было, что это одно прикрывало и пустой обманъ, и что прусской арміи и въ завѣтѣ уже не было, а провіанта находилось довольно еще въ арміи, а, сверхъ того, находилось онаго великое множество въ городѣ Велавѣ, который у непріятеля отнять никакого труда не стоило, потому что сей городокъ былъ совсѣмъ неукрѣпленный и защищаемый только малымъ числомъ войска. А нужно бы его взять, какъ выгнали-бъ пруссаковъ изо всего королевства Прусскаго, и поелику тогда начиналась уже осень, то могли-бъ вездѣ провіанта и фуража столько получить, сколько-бъ хотѣли, а особливо по сторонамъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни арміи, ни фуражированія еще не было.

Такимъ образомъ разсказалъ я вамъ, любезный пріятель, все продолженіе нашего похода впередъ; а теперь осталось разсказать вамъ объ обратномъ нашемъ путешествіи. О, что это былъ за походъ! истинно (сердце) обливается кровью, какъ я его и всѣ обстоятельства вспомню. Однимъ словомъ, съ радостію-бъ умолчалъ я объ оном, еслибъ историческій порядокъ не требовалъ отъ меня и ему такого-жъ описанія, какъ предслѣдующему.

Но я отложу повѣствованіе о томъ до послѣдующаго письма; а теперешнее окончу, разсказавъ вамъ, что сей несчастный и постыдный для насъ пунктъ времени былъ въ особливости счастливъ для короля прусскаго; ибо съ самаго почти сего дня начали пресѣкаться всѣ его смутныя обстоятельства и пошло вездѣ ему особливое счастіе, власно такъ, какъ бы фельдмаршалъ нашъ г. Апраксинъ проступкою своею проложилъ къ тому путь и дорогу. Въ доказательство того скажу, что на другой же день сего происшествія, а именно 30-го августа, произошло въ Европѣ и другое для него весьма выгодное обстоятельство, произшедшее также отъ непростительной погрѣшности главнаго предводителя французской арміи, а именно:

Я надѣюсь, что вы, любезный пріятель, помните еще, что мы оставили побѣдоносную французскую армію, находящеюся въ погонѣ за разбитою гановерапскою, которая была союзная королю прусскому и находилась подъ командою герцога кумберландскаго. Сію армію загнали французы до самаго приморскаго города Штаде и утѣснили такъ, что герцогу кумберландскому, лишенному всѣхъ удобностей къ дальнѣйшему бѣгству и къ снабженію арміи своей провіантомъ и фуражемъ, другого не оставалось, какъ либо вновь отважиться на сраженіе съ французами, либо положить оружіе и отдаться въ полонъ со всѣмъ войскомъ. Но какъ онъ однажды при Гастенбекѣ былъ французами разбитъ и претерпѣлъ великій уронъ, то вновь съ ними сражаться не хотѣлось ему ни подъ какимъ видомъ и потому оставалось одно послѣднее. Всѣ и считали, что сіе воспослѣдуетъ дѣйствительно, и что французы при семъ случаѣ учинятъ то же съ гановеранскою союзною арміею, что̀ учинилъ король прусскій съ саксонскою, тоесть, возьмутъ ее всю въ полонъ. Но, къ удивленію всего свѣта, вышла тутъ такая-жъ неожидаемость, какъ и съ нашимъ обратнымъ походомъ, а именно: вмѣсто того, чтобъ сдѣлать сіе славное и громкое дѣло, повому командиру французской арміи, г-ну маршалу Ришелье, добившемуся главной команды чрезъ проски и пронырства при французскомъ дворѣ, заблагоразсудилось, противъ всякаго чаянія и здраваго разсудка, заключить съ герцогомъ кумберландскимъ въ монастырѣ Севенѣ перемиріе и трактатъ съ условіемъ, чтобъ войску его противъ французовъ болѣе не воевать. Но, что глупѣе и смѣшнѣе всего, то условлепось при томъ было, чтобъ всѣ бывшія въ гановерапской арміи союзныя ей и вспомогательныя гессенъ-кассельскія, брауншвейгскія, саксенъ-готайскія и липскія войска распустить въ ихъ отечество съ паспортами маршала Ришелье, а англійскимъ войскамъ такимъ же образомъ удалиться за рѣку Эльбу; оставшимся же въ Штаде не переходить назначенныхъ въ договорѣ предѣловъ.

Заключеніе таковаго, никѣмъ неожидаемаго договора, столько же удивило весь свѣтъ, сколько и наше возвращеніе. Выгода же короля прусскаго проистекла оттого та, что помянутыя распущенныя съ паспортами войска, тотчасъ данное свое слово и обѣщаніе не воевать — нарушили, и передались всѣ къ королю прусскому, вступили къ нему въ службу и собою приумножили его войско; а король не преминулъ симъ случаемъ воспользоваться, и сжившъ нечаяннымъ образомъ двухъ столь страшныхъ непріятелей съ своихъ рукъ, ободрился и положилъ съ прочими перевѣдаться уже поодиночкѣ, въ чемъ, наконецъ, онъ и успѣлъ болѣе, нежели сколько самъ онъ думалъ и ожидалъ, какъ о томъ упомянуто будетъ впредь подробнѣе.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо; въ послѣдующемъ за симъ разскажу вамъ обратное наше путешествіе; а между тѣмъ сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрный другъ, остаюсь и прочее.

ОБРАТНЫЙ ПОХОДЪ.

Письмо 51-е.

Любезный пріятель! Вотъ письмо, которое предаю я вамъ на волю. Оно не содержитъ въ себѣ ничего кромѣ описанія такихъ произшествій, которыя произвели во всемъ свѣтѣ досадное, по справедливое арміи и всему нашему россійскому народу безславіе: ибо идучи назадъ, оставляли мы повсюду только слѣды стыда, трусости и непростительной жестокости, что̀ все всякому истинному патріоту неинако какъ въ досаду обращаться долженствовало.

Приступая теперь къ дѣлу, прежде всего скажу вамъ, что сколь медлительно и непроворно шли мы сперва впередъ, столь поспѣшно и проворно пошли мы назадъ, власно такъ, какъ бы намъ предстояла какая-нибудь превеликая бѣда, и мы отъ непріятеля побѣждены и всею его арміею гонимы были. Сей поспѣшности первые знаки увидѣли мы еще въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пошли назадъ. Наканунѣ того дня, въ который мы выступили, отданъ былъ приказъ, чтобъ уменьшить, колико можно, въ арміи повозокъ; и чтобъ у офицеровъ не только по двѣ, но и по одной бы не было, а по два бы офицера на одну повозку укладывались и излишнія вещи жгли и бросали. Легко можно заключить, что повелѣніе сіе было намъ не весьма пріятно, но насъ всѣхъ до безконечности перетревожило. Въ превеликомъ неудовольствіи и роптаніи на командировъ своихъ говорили мы тогда между собою: «Изрядное награжденіе за труды наши!—Вмѣсто того, чтобъ возвращаться въ отечество съ полученными отъ непріятеля корыстьми, велятъ намъ и свое родное сжечь и бросать!» Но всѣ таковыя роптанія намъ не помогали. Многіе, дѣйствительно, принуждены были, исполняя повелѣніе сіе, съ послѣднимъ почти своимъ скарбишкомъ разставаться, и послѣ отъ самаго того еще болѣе терпѣть нужды и отягощенія, нежели терпѣли прежде. Но мнѣ удалось и сей разъ избѣжать сего зла. Я, будучи и тогда еще ротнымъ командиромъ и одинъ почти въ ротѣ, могъ уже, подъ предлогомъ, что мнѣ не съ кѣмъ соединяться, удержать одинъ свою повозку и съ нею все то, что̀ имѣлъ до того времени.

Итакъ, помянутаго 29-го числа, то-есть ровно черезъ десять дней послѣ нашей баталіи, выступили мы въ походъ и поплелись обратно въ сторону къ своему отечеству. И поелику намъ тѣми же самыми мѣстами иттить назадъ было не можно, которыми мы шли впередъ, потому что они всѣ были опустошены и начисто очищены, то взяли мы нѣсколько вправо и пошли прямою дорогою къ городу Инстербургу, гдѣ оставлены были у насъ разныя команды. Мы спѣшили колико можно; однако, со всею поспѣшностью, не могли мы въ тотъ день перейтить болѣе семи верстъ, ибо случившаяся на пути нашемъ переправа чрезъ одно неудобное мѣсто, сдѣлала намъ столько остановки, что мы принуждены были не только весь тотъ, но и послѣдующій за тѣмъ

день, то-есть 30-е число августа, прогваздаться на сей переправѣ.

31-го числа продолжали мы походъ свой далѣе, и авангардный нашъ корпусъ, въ которомъ уже не было нужды, распущенъ былъ по дивизіямъ, и нашъ полкъ попалъ въ третью изъ оныхъ. Въ сей послѣдній день августа переправились мы верстъ съ тринадцать.

Въ послѣдующій за симъ день, то-есть сентября 1-го, пошла армія далѣе и нашему полку досталось въ сей день быть въ арьергардѣ и иттить позади всѣхъ; намъ велѣно было имѣть возможнѣйшую осторожность и жечь всѣ, остающіяся отъ арміи, и по несчастію изломавшіяся, повозки. Какое зло и особливое несчастіе для тѣхъ, у коихъ случилось чему-нибудь испортиться и изломаться! Не оказываемо было тутъ ни малѣйшаго сожалѣнія и не принимаемо было ничто въ уваженіе, хотя бы кто чрезъ сіе послѣдняго своего имѣнія лишался. Впрочемъ, хотя о непріятелѣ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія, однако въ арьергардѣ находилось нѣсколько тысячъ, и мы шли фронтомъ цѣлою колонною, равно такъ, какъ бы непріятель слѣдовалъ по стопамъ нашимъ. Таковое шествіе причиняло намъ неописанное и такое безпокойство, какого мы до того времени никогда не ощущали; ибо какъ погода стояла тогда сухая и жаркая, шли же мы прямо пашенными и хлѣбными полями, не разбирая пустая ли была земля или засѣянная хлѣбомъ, то армія, проваливъ цѣлою грудою со всею своею артиллеріею и безчисленными повозками, всю поверхность земли такъ взмѣсила, что она обратилась въ напинѣжнѣйшую пыль. Когда же пришла очередь иттить намъ позади и цѣлою еще колонною, то поднялась такая пыль, что въ оной шли мы власно, какъ въ наигустѣйшемъ и такомъ туманѣ, что на сажень не можно было другъ друга видѣть. Но между туманомъ и пылью была та проклятая разница, что въ первомъ можно иттить, никакого отягощенія не ощущая; а пыль, набиваясь и въ глаза, и въ ноздри, и въ ротъ, не только всѣхъ насъ подѣлала чучелами, но причиняла намъ крайнее безпокойство. Словомъ, сей день былъ для насъ весьма памятенъ, и мы его долго забыть не могли.

Въ послѣдующее потомъ второе число продолжали мы походъ свой далѣе; но перешедъ только верстъ пять, остановились и на семъ мѣстѣ, за усталостью лошадей, дневали. (3-го).

Наконецъ, четвертаго числа, пришла армія къ городу Инстербургу и, не переходя рѣки Прегеля, стала лагеремъ и ночевала. Въ семъ мѣстечкѣ находились у насъ оставленныя команды, охраняющія запасный провіантъ и другія вещи. Все сіе принуждены мы были теперь забирать съ собою и оставлять городъ сей опять во власть непріятеля. Не могу изобразить, сколь велика была радость жителей городскихъ, смотрящихъ на наше выступленіе, и сколь великъ, напротивъ того, былъ стыдъ, съ которымъ мы, будучи побѣдителями, тащились симъ образомъ, безъ всякой нужды назадъ, и выходили изъ мѣстъ, оружіемъ нашимъ до того покоренныхъ.

Наутріе, то-есть 5-го числа, какъ въ день имянинъ тогда царствующей императрицы нашей, вздумалось предводителямъ нашимъ отправить обыкновенное торжество, и для того въ нѣкоторыхъ полкахъ поставлены были полковыя церкви, для отправленія службы божіей, а армія вся выведена была въ парадъ и производима была обыкновенная троекратная пальба изъ пушекъ и изъ ружья, и нѣсколько пудовъ пороху разстрѣлено на воздухъ. Но правду сказать, у насъ такъ много его осталось, что и дѣвать было его некуда.

Мы думали, что простоимъ тутъ весь оный день, однако поспѣшность нашего предводителя или паче сказать, трусость и опасеніе, чтобъ не напалъ на насъ непріятель и, сохрани Господи! не разбилъ бы всей арміи, сего никакъ не дозволила. Но мы, по приказанію его, принуждены были еще въ тотъ же день, съ великимъ поспѣшеніемъ, перебраться за мѣстечкомъ чрезъ рѣку Прегель и становиться

на той сторонѣ въ лагерь, а мосты на Прегелѣ того момента были сняты.

Мы не медлили въ семъ лагерѣ почти ни часа, но поутру въ послѣдующее шестое число пошли далѣе; и чтобъ въ походѣ меньше было остановки, то пошла армія двумя дорогами къ городу Тильзиту, гдѣ находились наши раненые и многія другія команды. Первая и вторая дивизіи пошли по правую, а третья—по лѣвую сторону рѣки, и перешедъ въ сей день болѣе пятнадцати верстъ, стали лагеремъ. Сей переходъ былъ намъ весьма труденъ, потому что настала дождливая и ненастная погода и сдѣлалось очень грязно. А какъ и дорога была очень неровная и вездѣ были переправы черезъ рѣчки и вершины, то цѣлая вторая дивизія и многіе обозы не могли не только въ тотъ день, но до самой почи и седьмого числа притти въ лагерь, что принудило фельдмаршала нашего, противъ желанія своего, сдѣлать тутъ двухдневный растахъ (8-го).

Нашему полку досталось тутъ опять быть въ арьергардѣ и мнѣ съ онымъ. Сіе я для того упомнинаю, что мы, идучи въ арьергардѣ, принуждены были ночевать на дорогѣ и въ такомъ безпокойствѣ, въ какомъ мы никогда еще почей не препровождали, и потому ночь сія была для насъ весьма памятна. Мы принуждены были всю ее препроводить нетолько подъ дождемъ, стоя на одномъ мѣстѣ, и подъ ружьемъ, но почти по колѣно въ грязи. Причиною тому была переправа черезъ одну небольшую, но низкіе и топкіе берега имѣющую рѣчку, текущую сквозь широкую и болотистый грунтъ имѣющую долину. Какъ всѣмъ обозамъ принуждено было переправляться чрезъ сію рѣчку по сдѣланнымъ немногимъ и скверным мосточкамъ, то не можно было имъ никакъ поспѣшить; а сіе и причиною было, что къ сему мѣсту привалило безчисленное множество повозокъ, которыя, все сіе топкое и слабое мѣсто такъ взмѣсили, что каждая повозка стояла по ступицу въ грязи, а бѣдные солдаты нашего арьергарднаго корпуса, слѣдующіе непосредственно за опыми, принуждены были стоять почти по колѣно въ грязи и дожидаться, покуда обозы всѣ чрезъ мостъ переберутся и препроводить въ такомъ состояніи цѣлую ночь. Всякому легко можно вообразитъ, сколь сіе для нихъ было трудно и безпокойно; но не одни они, а неменьшее безпокойство терпѣли и мы, офицеры ихъ. Единое преимущество наше предъ ними состояло въ томъ, что мы сидѣли на своихъ верховыхъ лошадяхъ и не имѣли нужды стоять по колѣно въ грязи. Но каково-жъ было сидѣть подъ стужею и дождемъ цѣлую ночь на лошади, и не сходить ни на минуту съ оной! Трудность сію удобнѣе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать можно. Къ вящей нашей досадѣ, не можно было нигдѣ развесть и огонька для обогрѣнія нашихъ дрожащихъ и отъ стужи нѣмѣющихъ членовъ. Повсюду было мокро, вездѣ вода, и вездѣ грязь, и грязь глубокая и топкая. Сколько разъ мы ни испытывали это дѣлать, но всѣ наши старанія—разжечь огонь, были безуспѣшны, и мы, противъ хотѣнія своего, принуждены были дрогнуть всю ночь и проклинать и обозы и рѣчку съ ея мостами, и въ лагерь не прежде пришли, какъ уже на другой день.

До сего времени шли мы все еще спокойно и о непріятелѣ не имѣли ни малѣйшаго слуха; ибо легко можно заключить, что непріятель не ожидалъ никакъ таковой отъ насъ поступки, и сперва не хотѣлъ вѣрить, услышавъ о нашемъ обратномъ походѣ: но какъ скоро получилъ о томъ достовѣрное извѣстіе, то, восторжествуя, отправилъ тотчасъ за нами въ погоню два эскадрона чорныхъ гусаръ полку Рушева, а въ слѣдъ за ними и сильный корпусъ конницы, подъ командою принца Голштейнъ-готторпскаго, а за нимъ пошелъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею арміею за нами въ погоню. И какъ передовыя его партіи скоро насъ догнали, то усмотрѣны опѣ были помянутаго 8-го числа сентября въ близости нашей арміи, и имѣли уже съ казаками нашими небольшую схватку.

Я не знаю, что̀ побудило фельдмаршала прусскаго предпріять сіе нимало съ здравымъ разсудкомъ несогласующееся дѣло. Кажется, пруссакамъ надлежало бы еще радоваться тому, что мы, оставя всѣ пріобрѣтенныя выгоды, пошли назадъ, и здравый разсудокъ требовалъ бы того, чтобъ стараться имъ всячески еще самимъ поспѣшествовать тому, чтобы мы скорѣе изъ предѣловъ королевства Прусскаго вышли и имъ оное оставили; слѣдовательно отнюдь бы не мѣшать намъ въ нашемъ походѣ, но дать намъ волю титить какъ хотимъ. Но они, напротивъ того, затѣяли воспріять сію глупую и ни малой пользы имъ не приносящую погоню, и чрезъ самое то· неволею почти принудили насъ потомъ разорять и опустошать собственныя ихъ земли; ибо какъ сіи слѣдуемыя за нами немногія ихъ легкія войска, нападая либо на нашихъ фуражировъ, либо на отводные караулы, армію нашу безпрерывно безпокоили, то для отогнанія оныхъ и принуждено было наконецъ, всѣ оставшіяся позадь арміи селенія опустошать и сожигать, дабы они не могли нигдѣ имѣть пріюта, а чрезъ самое то и претерпѣли много невинные сельскіе жители, какъ о томъ упомянуто будетъ ниже.

Итакъ, какова погоня эта была ни маловажна, однако нагнала на трусливаго нашего предводителя ужасный страхъ. Мы принуждены были удвоить наши предосторожности, власно такъ, какъ бы вся прусская армія шла въ виду по пятамъ за нами. Чего ради, немедля ни мало, 9-го числа пустились мы опять въ путь и шли цѣлый день, до Амта Зомерау, при которомъ мѣстѣ мы и ночевали.

Во все продолженіе прусскаго похода не случилось арміи нигдѣ такъ хорошо расположенной быть лагеремъ, какъ въ семъ мѣстѣ. Случилась тутъ одна ровная, круглая и пространная долина, неимѣющая въ себѣ ничего, кромѣ однихъ луговъ, и окруженная кругомъ безпрерывною грядою нарочито высокихъ, но не крутыхъ, а отлогихъ горъ. По симъ горамъ расположенъ былъ лагерь всей арміи цѣлымъ циркуломъ такъ, что видѣнъ былъ весь какъ на ладони; въ долину же пущены были для корма лошади. Нельзя довольно изобразить, какое пріятное зрѣлище для глазъ представляли сіи многочисленныя стада разношерстныхъ лошадей и безчисленное множество бѣлѣющихся по горамъ палатокъ. Но зрѣлище сіе сдѣлалось еще поразительнѣе, какъ наступилъ вечеръ и когда всѣ горы возгремѣли при битіи вечерней зори отъ звука безчисленнаго множества барабановъ и отъ игранія во всѣхъ полкахъ музыки, и когда тотчасъ потомъ всѣ эти горы освѣтились нѣсколькими тысячами огней, раскладенныхъ въ обозахъ солдатами. Истинно, ни лучшая иллюминація не можетъ представить для очей лучшаго зрѣлища, и мы всѣ не могли онымъ довольно налюбоваться.

Въ послѣдующій день отдыхала армія на семъ мѣстѣ; и какъ корма для лошадей было мало, то принуждено было посылать фуражировать въ лежащія по сторонамъ прусскія деревни. При семъ случаѣ едва-было не лишился я обоихъ моихъ людей, бывшихъ вмѣстѣ съ прочими при семъ фуражированіи; ибо какъ прусскія партіи не преминули и въ сей день нашихъ фуражировъ потревожить и напали на ту деревню, гдѣ наши упражнялись въ навиваніи сѣна, то люди мои, не успѣвъ вмѣстѣ съ прочими ускакать, отлежались уже подъ лавками въ избѣ до тѣхъ поръ, покуда пруссаки уѣхали, и были столь счастливы, что входившіе въ самую сію избу прусскіе гусары никакъ ихъ не примѣтили. Они разсказывали мнѣ, возвратясь, что они отъ роду въ такомъ страхѣ не бывали, какъ въ сіе время. Но, правду сказать, было чего и бояться: не только для нихъ было бы не весьма ловко, но и для меня нехорошо, еслибъ ихъ увидѣли; ихъ, конечно, либо взяли-бъ въ полонъ, либо убили-бъ, и я остался бы безъ людей. Но, благодаря Бога, избавились они отъ сей напасти весьма удачно, а что всего лучше, то спасли и обѣихъ лошадей своихъ.

Отдохнувши на семъ мѣстѣ, въ послѣдующее, 11-е (число) пошли мы далѣе въ походъ, и дошли наконецъ до самаго города Тильзита, и версты за три до него стали лагеремъ. Храбрый нашъ предводитель сталъ въ форштадтѣ и имѣлъ въѣздъ свой въ этотъ городъ при пушечной пальбѣ съ тильзитскаго замка, что нимало было не кстати. Однако, несмотря на всю свою пышность, велѣлъ цѣлымъ тремъ бригадамъ пѣхотныхъ полковъ стать, для прикрытія главной своей квартиры, подлѣ самаго форштадта.

Я надѣюсь, что мы не простояли-бъ тутъ ни однихъ сутокъ, еслибъ не надлежало намъ при Тильзитѣ перебираться черезъ большую и подъ самымъ городомъ текущую рѣку Мемель, черезъ которую хотя и находился сдѣланный графомъ Ферморомъ мостъ, однако по одному не можно было всей арміи переправиться скоро, и для того велѣно было сдѣлать еще два, а по первому обозамъ между тѣмъ перебираться. Тотчасъ командированы (12-го) были отъ всѣхъ полковъ для дѣланія мостовъ сихъ команды, и мнѣ случилось самому опредѣленному быть для сдѣланія одного деревяннаго изъ плотовъ моста. Въ сей работѣ принуждены мы были упражняться денно и ночно, и она наводила намъ хлопотъ много. Повсюду принуждены мы были искать плотовъ пригоннаго по всей рѣкѣ строильнаго лѣса и, сваживая ихъ вмѣстѣ, связывать и укрѣплять и составлять основаніе моста; и какъ рѣка была не малая и почти съ нашу Оку, то не знали мы, гдѣбъ набрать толикое множество плотовъ и лѣса, сколько къ тому требовалось, и хотѣлибыло уже начинать ломать ближнія деревянныя строенія, дабы лѣсъ изъ нихъ употребить на построеніе моста; но, по счастію, дѣло обошлось и безъ того, и всѣ наши труды пропали по пустому; ибо какъ въ полдни, 13 числа, сдѣлалась въ казачьихъ лагеряхъ опять тревога, и непріятельскія партіи напали на нашихъ фуражировъ, то некогда было всѣхъ мостовъ дожидаться, но велѣно было полкамъ съ величайшею поспѣшностью перебираться по старому и по вновь сдѣланному понтонному мосту. Однако, несмотря на всю поспѣшность, принуждена была армія употребить на сію переправу болѣе трехъ дней (13, 14 и 15-е), а между тѣмъ принимала провіантъ и пекла себѣ хлѣбы.

Въ сіе время имѣли мы случай побывать въ городѣ и походить по оному для нужныхъ покупокъ. Намъ нужнѣе всего былъ сахаръ, въ которомъ у насъ былъ уже недостатокъ: однако и достать его великаго труда стоило. Сколько ни было запасено его въ городѣ во всѣхъ лавкахъ или называемыхъ аптекахъ, такъ весь онъ еще въ первый день пришествія туда арміи былъ выкупленъ, и счастливы были только тѣ, которымъ удалось заранѣе захватить и въ числѣ первыхъ побывать въ городѣ; а кто хотя нѣсколько поопоздалъ, тотъ не могъ не только сахару, но ничего съѣстного и питейнаго достать, ибо всѣ имѣли въ вещахъ сихъ нужду и всѣ жадничали покупать. Никогда, я думаю, и съ самаго основанія сего города, тильзитскіе жители столь много этихъ вещей не продавали и на нихъ столь много прибытка не получали, какъ въ сіе время. За-все про-все платили мы болѣе нежели тройную цѣну, и платили не съ досадою, а еще съ удовольствіемъ и почитая за одолженіе, чтобъ только было продано.

Самое сіе случилось тогда и со мною собственно. Какъ я нѣсколько поопоздалъ, то трудно было мнѣ достать что-нибудь, если-бъ не помогъ мнѣ и въ семъ случаѣ мой нѣмецкій языкъ. Аптекарь, къ которому я пришелъ покупать сахаръ, тотчасъ мнѣ отказалъ, говоря, что болѣе его нѣтъ, и увѣрялъ притомъ, что я онаго нигдѣ не найду. Но я, начавъ съ нимъ тотчасъ по-нѣмецки говорить, насказалъ ему столько о претерпѣваемой мною нуждѣ и сколь онъ мнѣ надобенъ, что я его тѣмъ разжалобилъ. «Добро, добро, господинъ подпоручикъ—сказалъ онъ мнѣ весьма благопріятнымъ образомъ:—хоть положилъ-было я никому болѣе изъ того малаго количества не про-

давать, которое оставилъ-было я собственно для себя; но что̀ дѣлать, такъ ужъ и быть! подѣлюсь съ вами хоть остаточнымъ и продамъ одну головку. Пожалуйте только ко мнѣ во внутренніе покои». Легко можно заключить, что я не пошелъ, а полетѣлъ въ оные за нимъ, и антекарь мой сдѣлался ко мнѣ за то только одно, что я умѣлъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, столь благосклоненъ, что не только мнѣ продалъ цѣлую голову, но напоилъ еще чаемъ, и я за великое почелъ себѣ еще одолженіе, что онъ взялъ съ меня не болѣе какъ по рублю за фунтъ, ибо иные охотно бы дали и по три рубля, еслибъ только достать было можно. Честность сего нѣмца даже такъ была велика, что онъ извинялся предо мною, что не можетъ продать мнѣ болѣе, а говорилъ, что ежели хочу я, то имѣетъ онъ довольно мускебада или сахарнаго песку, и я могу столько купить, сколько угодно. И какъ мнѣ до того времени не случалось еще сей песокъ видѣть, то онъ не только мнѣ опый показалъ, но, увѣряя меня, что по нуждѣ можно и съ нимъ пить чай, тотчасъ налилъ мнѣ съ нимъ чашку и далъ попробовать. И какъ онъ мнѣ полюбился, то купилъ я у него сего песку болѣе десяти фунтовъ и пошелъ въ лагерь, власно какъ нашелъ превеликую находку. Тамъ завидовали мнѣ всѣ въ моей удачѣ, и какъ мускебадъ мой всѣмъ понравился, то въ тотъ-же день не осталось и онаго у антекаря моего ни одного зернышка, ибо всѣ офицеры бросились того момента въ городъ покупать оный, и сколько ни было его, весь выкупили.

Другая вещь, которую намъ также трудно было доставать, составляли пшеничные хлѣбы и булки. Всѣ хлѣбники и пекари, сколько ихъ ни было въ семъ городѣ, обогатились на продажѣ оныхъ; у всякаго предъ домомъ нахаживали мы по превеликой толпѣ народа, дожидающагося того, какъ вынутъ ихъ изъ печи, и въ одинъ мигъ расхватывающаго сколько-бъ ихъ напечено ни было. Всякій почиталъ за счастіе, чтобъ только удалось достать, не говоря уже ни слова о цѣнѣ и не досадуя, что за копеечный хлѣбецъ брали по гривнѣ. Мнѣ нѣмецкій мой языкъ и въ семъ случаѣ очень помогъ. Всѣмъ нѣмцамъ можно то въ похвалу сказать, что они отмѣнно благосклонны къ тѣмъ, которые изъ иностранныхъ умѣютъ говорить ихъ языкомъ. А точно то случилось тогда и со мною. Пекарь мой не успѣлъ услышать меня умоляющаго его на нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ онъ мнѣ продалъ сколько можно, какъ требовалъ, чтобъ я ему кинулъ чрезъ народъ въ окно платокъ свой, и онъ былъ столь благосклоненъ, что завязалъ мнѣ въ оный цѣлый десятокъ хлѣбцовъ и мнѣ подалъ цѣлую связку оныхъ. «На! вотъ извольте, господинъ подпоручикъ, сказалъ онъ: кушайте на здоровье!» Я благодарилъ его невѣдомо какъ за его благосклонность, и съ превеликою радостью заплатилъ ему за нихъ деньги.

Симъ образомъ удавалось мнѣ и все прочее доставать себѣ купить несравненно съ лучшимъ успѣхомъ, нежели другимъ, языка нѣмецкаго неразумѣющимъ. Впрочемъ, имѣя время выходить весь сей городъ, нашелъ я, что онъ былъ весьма изрядный городокъ, и не только больше, но и лучше всѣхъ прежде впдѣнныхъ. Строеніе въ немъ было изрядное: каменное и деревянное, и жителей находилось довольное количество, и между оными было довольно зажиточныхъ,

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и армія понемногу перебиралась за рѣку, показывались безпрестанно въ близости непріятельскія небольшія партіи, которыя хотя и ничего важнаго не могли сдѣлать, но, видя нашу трусость, насъ тревожили. Это сдѣлалось наконецъ предводителю нашему такъ досадно, что онъ, не находя другихъ средствъ къ отвращенію сего безпокойства, приступилъ изъ досады къ свойственному однимъ татарамъ дѣлу, и приказалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ показывались и гнѣздились непріятели, разорять огнемъ и мечемъ, и одно из-

рядное мѣстечко и Амтъ, называемый Рагнитъ, лежащій за нѣсколько верстъ отъ Тильзита, вверхъ по рѣкѣ Мемелю, принужденъ былъ первый почувствовать сію жестокость.

Переправляющіеся черезъ рѣку полки становились по ту сторону рѣки въ назначенный лагерь; и какъ и на той сторонѣ оказались непріятельскіе гусары, то, для прикрытія онаго лагеря, переправлены были напередъ три бригады. Наконецъ, 16-го числа сентября, переправился чрезъ рѣку и предводитель нашъ со всѣмъ своимъ прикрытіемъ и достальными полками, а послѣдующаго (17-го) числа, при переводѣ послѣднихъ людей и войскъ, сняты были всѣ три моста, а на берегу, противъ самаго города, поставленъ былъ бекетъ, состоящій въ тысячѣ человѣкахъ грепадеръ и мушкетеръ.

Такимъ образомъ переправились мы за рѣку Мемель, и 18-е число стояли тутъ на берегу спокойно, и вся армія пекла себѣ хлѣбы на дорогу. Мы, думая, что находимся тутъ въ совершенной уже безопасности, простояли бы тутъ еще и долѣе, еслибъ не сдѣлалось одного, сколько смѣшнаго, столько и досаднаго приключенія, служившаго къ приумноженію нашего безславія и понудившаго насъ скорѣе итти далѣе, а именно:

Главному нашему командиру, которому по справедливости самихъ стѣнъ стыдиться-бъ надлежало, вздумалось напротивъ того нѣчто странное и удивительное. Какъ въ послѣдующій за симъ день было 19-е число септября, и миновалъ ровно мѣсяцъ послѣ полученной имъ надъ непріятелемъ побѣды, то по пышности или слабоумію его пришло ему на умъ повеличаться еще разъ сею побѣдою и въ день сей учинить торжество, нигдѣ и никогда еще до него не дѣланное. Любочестіе его было такъ велико, что не допустило его усмотрѣть всю нестройность или паче сказать глупость сего предпріятія. Но какъ бы то ни было, но наканунѣ того дня ввечеру отданъ былъ во всей арміи приказъ, что въ послѣдующій день будетъ торжество и пальба изъ пушекъ. Мы всѣ хохотали услышавъ о причинѣ онаго и не было никого, кто-бъ не хулилъ сію поступку нашего предводителя. Не успѣлъ сей достопамятный день наступить, какъ затѣянное фельдмаршаломъ нашимъ торжество и, дѣйствительно, начало производиться, но, къ удивленію нашему, очень рано, ибо не успѣло ободнять, какъ услышали мы уже пальбу изъ пушекъ. Мы слушали съ хладнокровіемъ оную и смѣючись любочестію фельдмаршала, говорили еще между собою: «Видно, что торжество у государя предводителя нашего лежитъ очень на сердцѣ, что началъ оное уже такъ рано!» «Да!» говорили другіе, «видно, что и пороху у насъ много, что такъ изволитъ тѣшиться и терять его совсѣмъ-то по пустому. Не лучше-ль бы было побѣду сію стараться позабыть, нежели ею къ стыду своему еще величаться». Но, не успѣли мы симъ образомъ между собою поговорить и посмѣяться, какъ вдругъ одно, совсѣмъ неожидаемое явленіе принудило насъ раздабариваніе свое пресѣчь, и, поразившись крайнимъ удивленіемъ, начать совсѣмъ иное думать. Откуда ни возьмись превеликое ядро и, пролетѣвъ въ близости подлѣ насъ, попадп въ одпу офицерскую палатку, и въ одинъ мигъ ее опрокппуло и такъ разорвало, что полетѣли отъ нея только лоскутки. «Ба! ба! ба!» закричали мы, увпдѣвъ сіе: «что это такое?» Но мы не успѣли еще отъ удивленія приттить въ себя, какъ съ превеликимъ свистомъ пролетѣло мимо насъ другое, попавшее въ обозы и переломавшее нѣсколько повозокъ, а за симъ и третье и четвертое, и ядра то и дѣло летать и палатки срывать и опрокидывать начали. «Аминь! аминь! кричали мы: что это такое? что за диковинка? Господи помилуй! откуда берутся сіи ядра? Ужъ не рехнулся ли фельдмаршалъ нашъ съ ума, что велѣлъ стрѣлять ядрами и по своему лагерю?» Однимъ словомъ, мы не знали что думать, чему сіе приписать и что дѣлать, а особливо, когда повсюду видѣли опасность и не знали куда отъ ядеръ укрыться.

Теперь, надѣюсь, находитесь вы, любезный пріятель, въ такой же нетерпѣливости узнать, что́-бъ это была за дикови́нка, въ какой находились мы въ то время? Но какъ узнали о томъ не скоро мы, то надобно немного и вамъ потерпѣть и подождать отъ меня послѣдующаго письма, въ которомъ разскажу я вамъ, что́ тому было причиною и какія летали по палаткамъ и по обозамъ нашимъ ядра, а до того времени дозвольте мнѣ сіе письмо прервать и сказать вамъ, что я есмь и прочая.

ПРИ ТИЛЬЗИТѢ.

Письмо 52-е.

Любезный пріятель! Оставя васъ при концѣ послѣдняго моего письма въ весьма любопытномъ мѣстѣ и въ нетерпѣливости узнать, отчего вдругъ полетѣли по лагерю нашему ядра, хочу теперь любопытство ваше удовольствовать и разрѣшить вамъ сію загадку.

Господа наши, главные командиры, не безъ причины выбирались изъ Тильзита съ превеликою поспѣшностью, и не попустому боялись и трусили непріятеля, но дошелъ до нихъ слухъ, что гонятся за нами не только легкія гусарскія непріятельскія партіи, но что и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею почти своею арміею слѣдуетъ по стопамъ нашимъ и находится уже въ самой близости. Сіе извѣстіе привело ихъ въ такое малодушіе и трусость, что́ они сами не знали, что дѣлать и начинать, почему и не удивительно, что они, выбираясь съ великою поспѣшностью изъ города и стараясь какъ можно скорѣе изъ города убраться за рѣку, надѣлали множество смѣха достойныхъ дѣлъ и такихъ погрѣшностей, которыя никакъ прощены имъ быть не могутъ. Ибо, во-первыхъ, не смѣха ли достойное было дѣло, что они, выбираясь со всѣмъ изъ Тильзита, восхотѣли однѣми угрозами принудить жителей городскихъ къ невозможному совсѣмъ дѣлу, то-есть, чтобъ они не впускали въ городъ свой послѣ пасъ прусское войско. Требованіе, поистинѣ, самое странное и удивительное! Ибо какъ возможно было симъ безоружнымъ жителямъ это сдѣлать, и можно-ль бы съ здравымъ разсудкомъ сего отъ нихъ требовать? А чтобъ принудить ихъ къ тому угрозами, то велѣли на домахъ положить п е х к р а н ц ы, чтобъ можно было городъ въ одинъ мигъ зажечь и весь въ пепелъ превратить; а что того смѣшнѣе, то поставили на самомъ берегу рѣки, противъ города, выпсупомянутый бекетъ съ пушками, на голомъ мѣстѣ и безъ малѣйшаго прикрытія, и созвавъ начальниковъ городскихъ, сказали, что если они, по выступленіи россійскихъ войскъ, впустятъ въ городъ пруссаковъ, то городъ весь разстрѣлянъ, зажженъ и разоренъ будетъ. Во-вторыхъ, поспѣшность и разстройка мыслей ихъ, при выѣздѣ изъ города, была такъ велика, что они совсѣмъ позабыли про находившіяся въ тильзитскомъ замкѣ прусскія пушки и оныя въ немъ оставили. Итакъ, можно ли непростительнѣе быть сей погрѣшности, и не чрезвычайная ли сія была оплошность?

Но каковы оплошны были мы, таковы проворны были, напротивъ того, господа пруссаки. Они не успѣли провѣдать, что наши войска изъ Тильзита выбрались, какъ того момента оный заняли. Четыре батальйона ихъ пѣхоты, со множествомъ пушекъ, вступили въ ту же еще ночь въ сей городъ, а вслѣдъ за ними слѣдовалъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ. Сіи вступившія войска не успѣли увидѣть за рѣкою весь нашъ лагерь, а на самомъ берегу, на голомъ песку, безъ всякаго прикрытія поставленный и власно, какъ на жертву преданный бекетъ, стащили тотчасъ со стѣнъ замка большія пушки, и подѣлавъ изъ нихъ и изъ привезенныхъ съ собою на берегу нѣсколько батарей, по наступленіи дня произвели по бекету нашему столь сильную стрѣльбу, что командовавшій онымъ нашего полку полковникъ старичокъ Плантдевильденбергъ не зналъ куда отъ ядеръ укрыться. И хотя отвѣтствовалъ имъ изъ своихъ пушекъ,

но не могши имъ ничего сдѣлать, видя всю команду свою подверженную тщетной пагубѣ и потерявъ десятковъ пять людей, принужденъ былъ ретпроваться въ лагерь.

Пруссаки, не довольствуясь тѣмъ, направили свои пушки и на самый нашъ лагерь, и какъ онѣ по величинѣ своей ядрами до него доставали, то и начали они его утѣснять немилосерднымъ образомъ, а особливо стрѣлять по фельдмаршальской ставкѣ; а поелику оная была неподалеку отъ полку нашего, то отъ самаго того и доставали ядра ихъ до самаго нашего стана.

Игрушка таковая весьма не понравилась нашему фельдмаршалу. Онъ вздурился, сіе увидѣвъ и услышавъ свистъ ядеръ. Опасность, угрожаемая самому ему, принудила его забыть о своемъ безразсудномъ торжествѣ, за которое онъ по достоинству былъ наказанъ, и помышлять о спасеніи своемъ. Во всемъ лагерѣ произошла оттого превеликая тревога и смятеніе. Повсюду началась скачка и повсюду слышенъ былъ вопль: «Артиллерію! артиллерію! давай сюда скорѣй пушки, гаубицы, мортиры, бомбы, вези на берегъ, стрѣляй по городу, бросай бомбы, зажигай и разоряй оный до основанія!...» Однако вся наша досада и вся злость на непріятеля не произвела никакого дѣйствія. Въ городъ хотя пущено было нѣсколько сотъ ядеръ и брошено нѣсколько десятковъ бомбъ, и хотя стрѣльба съ обѣихъ сторонъ продолжалась съ самаго утра даже за полдни и болѣе четырехъ часовъ, однако намъ со всею нашею стрѣльбою не удалось ни непріятелю, ни городу сдѣлать никакого чувствительнаго вреда, кромѣ того, что поизломали на домахъ у нихъ нѣсколько черепичныхъ кровель и трубъ, и поранили одного канонера. Итакъ, видя худой успѣхъ и не хотя далѣе подвергать лагерь свой опасности, принуждены мы были наконецъ поднять весь нашъ лагерь и перенесть его нѣсколько верстъ далѣе и тѣмъ всю сію комедію, къ стыду и безславію нашему, кончить.

Теперь легко можно заключить, что насмѣшка таковая и посрамленіе отъ непріятеля были фельдмаршалу нашему крайне чувствительны. Въ досадѣ за сіе, онъ не только не хотѣлъ удостоить отвѣтомъ предложеніе, присланное отъ непріятельскаго фельдмаршала о размѣнѣ плѣнныхъ съ трубачемъ, а велѣлъ отослать съ мужикомъ одну его трубу съ неподписанною никѣмъ цидулкою, что пруссаки сами своего трубача застрѣлили; но сверхъ того, желая всѣмъ безпокойствамъ, дѣлаемымъ отъ непріятеля, положить единожды предѣлъ и сдѣлать, чтобъ арміи прусской не можно было никакъ вслѣдъ за нашею далѣе слѣдовать, велѣлъ разорять и опустошать огнемъ и мечемъ всѣ, оставшіяся позади насъ селенія сряду и не оставляя ни одного въ цѣлости, дабы непріятель нигдѣ не могъ найтить себѣ убѣжища. А самое сіе, какъ послѣ оказалось, и остановило прусскую армію отъ дальнѣйшей погони, и они довольствовались уже послать вслѣдъ за нами самое малое количество гусаръ.

Отодвинувшись вышеупомянутымъ образомъ далѣе отъ берега и занявъ новый лагерь, пробыли мы въ ономъ не только тотъ, но и весь послѣдующій день; и хотя и не такое было время, чтобъ помышлять о торжествахъ, потому что въ сей день было у насъ уже зазимье и выпалъ снѣгъ и началась самая дурная осенняя погода; однако для дня рожденія (20-го) велікаго князя, было у фельдмаршала торжество и пальба изъ пушекъ.

Кромѣ сего, памятно мнѣ сіе мѣсто было потому, что мы имѣли во время стоянія своего подъ Тильзитомъ и тутъ во всемъ великое изобиліе. Ибо какъ отъ фельдмаршала дозволено было казакамъ и прочимъ нашимъ легкимъ войскамъ всѣ ближнія мѣста грабить, опустошать и разорять, то казаки наволокли къ намъ въ лагерь скота, птицъ и прочей всякой провизіи такое великое множество, что все продавалось очень дешевою цѣною и всѣ были до избытка довольны. Но ничего не было такъ много, какъ меду: сей не знали они куда уже и съ рукъ сжить, и потому носили его вездѣ по полкамъ

и по обозамъ, и продавали за сущую бездѣлку. Полная манерочная крышка самой лучшей зеленой патоки продавалась, напримѣръ, не дороже одной копейки. Итакъ, тотъ только не ѣлъ меду, кто не хотѣлъ. Что касается до меня, то я, будучи съ малолѣтства до всѣхъ сластей, а особливо до меду, великій охотникъ, объѣдался онаго при этомъ случаѣ, и истинно до того доходило наконецъ, что онъ мнѣ казался горекъ.

Но сколько мы съ этой стороны были довольны, столько, съ другой, недовольны тѣмъ, что стоявшая до того весьма прекрасная и теплая погода, вдругъ перемѣнилась и сдѣлалась холодная и самая дурпая осенняя. Сія перемѣна была намъ тѣмъ чувствительнѣе, что никто почти изъ насъ не имѣлъ у себя шубъ, и всякаго, по пословицѣ говоря, застала тогда зима въ лѣтнемъ платьѣ. До того времени мы всего меньше помышляли о запасеніи себя зимнею одеждою. Но выпавшій тогда первый снѣгъ и начавшаяся продолжаться слякоть и дурная погода, надоумила насъ въ томъ и принуждала нéхотя помышлять о семъ предметѣ. Но гдѣ было взять тогда въ походѣ шубъ? и у кого ихъ покупать, когда всѣ терпѣли въ томъ равный недостатокъ? Я за великое счастіе себѣ почелъ, что могъ достать купить у казаковъ превеликій овчинный тулупъ, который былъ хотя сшитъ изъ простыхъ овчинъ, но намъ было тогда не до разборовъ, и мы рады были, что могли чѣмъ-нибудь согрѣвать свои отъ стужи дрожащіе члены. Что касается до холода, претерпѣваемаго въ нашей палаткѣ, то комнаный-онъ мой нашелъ средство и отъ онаго себя и меня сохранить. Онъ, пріѣхавъ прежде въ занятый лагерь, велѣлъ поставить напередъ мою, а потомъ, сверхъ моей, свою капитанскую палатку, и нажегши жаровню полну жару, внесъ подъ внутреннюю палатку и чрезъ то такъ ее согрѣлъ, что я, пріѣхавъ изъ похода и иззябши въ прахъ, вошелъ въ нее какъ въ сущій рай и не могъ его довольно расхвалить за его выдумку и за нагрѣніе такимъ образомъ палатки; а какъ въ самое то время былъ у него готовъ и горячій чай, а потомъ изготовленъ прекрасный и сытный ужинъ, тоя въ сей вечеръ такъ былъ доволенъ, что онъ мнѣ во весь остальной походъ былъ очень памятенъ, и тѣмъ паче, что мнѣ не удалось уже имѣть другого такого спокойнаго и пріятнаго ночлега; ибо, къ превеликой досадѣ моей, я въ послѣдующее же утро наряженъ былъ отъ полку на ординарцы къ фельдмаршалу и принужденъ былъ, разставшись съ своимъ другомъ, прибщить повозку свою къ обозу фельдмаршальскому и отбыть на нѣсколько дней отъ полку своего, сдавъ роту возвратившемуся въ оную прежнему нашему поручику Коржавину.

Впрочемъ, въ самомъ семъ мѣстѣ начала армія наша мало-по-малу расходиться, и вся конница, кромѣ немногихъ выбранныхъ эскадроновъ, и половинное число казаковъ отправлена была изъ сего мѣста зимовать въ Польшу, куда она тотчасъ и пошла, а главная армія, со всѣми пѣхотными полками, положила итти зимовать въ Жмудію и Курляндію.

Мы выступили изъ сего лагеря не прежде какъ 21-го числа сентября; и хотя переходъ былъ не гораздо великъ, но для продолжавшейся великой слякоти и стужи, весьма труденъ, такъ что вся армія претерпѣвала великое безпокойство и была принуждена ночевать почти безъ палатокъ; ибо бо́льшая часть обозовъ не могла прибыть въ новый лагерь, и сей день былъ весьма достопамятенъ для арміи. Во все продолженіе похода не претерпѣла она столько труда и отягощенія, сколько въ сей день; однако, не по тому, что переходить надлежало ей великое разстояніе, ибо переходъ былъ весьма умѣренный, но потому, что слѣдовать ей надлежало низкими, ровными и частыми ручейками и топкими лощинками, пресѣченными и такими мѣстами, которыя и въ доброе время и въ сухую погоду не гораздо сухи, а тогда будучи отъ продолжавшагося безпрестанно дождя, сля-

коти и снѣга размочаемы и безчисленными колесами и лошадями разбиваемы, превратились въ самую топкую и вязкую грязь, изъ которой ноги почти вытащить было не можно. А посему всякому не трудно себѣ вообразить, каково было пттить всей пѣхотѣ и тащиться всѣмъ обозамъ по таковой грязи, и притомъ по слякоти и при великомъ и холодномъ ненастьѣ. Истинно не могу съ покойнымъ духомъ и безъ внутренняго содраганія и понынѣ еще всего того вспомнить, что я въ сей день тогда видѣлъ.

Мнѣ судьба, власно какъ нарочно, преподала нанудобнѣйшій случай видѣть тогдашнее жалкое состояніе арміи и быть всему злу, претерпѣваемому оною, очевиднымъ свидѣтелемъ; ибо, находясь въ самое сіе время у фельдмаршала на ординарцахъ, могъ я уже болѣе всего насмотрѣться, нежели прежде, находясь при полку, и по самому тому и могу я обстоятельнѣе разсказать о семъ несчастномъ и для многихъ пагубномъ днѣ.

Низкость тамошнихъ мѣстъ и тогдашнее превеличайшее ненастье причиною тому было, что весь путь, по которому арміи слѣдовать надлежало и одними уже передовыми войсками, а особливо конницею, такъ разбитъ былъ, что мы съ фельдмаршаломъ и обозомъ его, хотя всѣхъ прежде поѣхали, но и намъ уже весьма дурно было ѣхать; когда же повалила артиллерія и ея тягости и тяжелые обозы, то растворилась вездѣ такая вязкая топь и грязь, что я никакъ изобразить ее не могу. Какъ бы то ни было, но мы съ фельдмаршаломъ въ назначенный новый лагерь пріѣхали очень еще рано и расположились себѣ спокойно: онъ въ своихъ огромныхъ ставкахъ и теплыхъ войлочныхъ калмыцкихъ кибиткахъ, а мы также кой-въ-какихъ палаткахъ въ его обозѣ. Я такъ былъ счастливъ, что и тутъ нашелъ себѣ нечаянно одного знакомаго. У фельдмаршала случилось въ сіе время быть, какъ нарочно, дежуръ-майоромъ и командиромъ надъ всѣми нами, ординарцами, самый ближній деревенскій мой сосѣдъ, князь Иванъ Романовичъ Горчаковъ. Сего человѣка до сего времени я нисколько не зналъ; но онъ, при разспрашиваніи меня о томъ, кто я таковъ, не успѣлъ услышать мою фамилію, какъ тотчасъ сказалъ мнѣ самъ, что деревни наши смежны между собою, и такъ ко мнѣ приласкался, что я невѣдомо какъ былъ имъ доволенъ. Онъ взялъ меня тотчасъ въ особое свое покровительство, и я долженъ былъ у него и обѣдать и ужинать во все то время, покуда я находился на ординарцахъ.

Вскорѣ послѣ обѣда и вслѣдъ за нами, притащилась кое-какъ и пѣхота. Смѣшно и жалко было на нее смотрѣть: не было ни одного человѣка, который бы по колѣно почти не былъ въ грязи, а многіе были съ ногъ до головы грязью перемараны. Всѣ полки распущены были тотчасъ по назначеннымъ для нихъ лагерямъ, но лагери сіи были еще пустые и безъ палатокъ: ибо обозы всѣ остались еще далеко позади и ихъ не было еще и въ появѣ. Случившаяся въ самомъ еще томъ селеніи, гдѣ мы стояли прежде, и откуда пошли, прескверная черезъ одинъ тонкій ручей переправа, и то-и-дѣло ломающіеся мосточки, которые чрезъ оный на скорую руку были подѣланы, причиняла имъ столько остановки, что они весь день прогваздались, переправляясь чрезъ оную. А бѣдные солдаты принуждены были долгое время быть безъ палатокъ и терпѣть стужу и мокроту подъ снѣгомъ и дождемъ подъ едиными своими плащами. Къ вящему несчастію, и дровъ въ новомъ лагерѣ не можно было такъ много найтить, чтобы можно было раскласть довольно огней и у оныхъ грѣться; а иные полки были еще того несчастнѣе: имъ, по тѣснотѣ мѣста, досталось стоять на такомъ мѣстѣ лагеремъ, которое сущею трясиною и болотомъ почесть можно и гдѣ ни четверти часа не можно было никакъ простоять на одномъ мѣстѣ, буде не хотѣть, чтобъ на томъ мѣстѣ сдѣлалась лужа и ноги не очутились на четверть и болѣе въ водѣ отъ хлибкаго и вдавливающагося грунта.

Наконецъ, какъ наступилъ уже и ве-

черъ и изъ обозовъ только-что начали показываться передовые, то сіе начинало уже тревожить и безпокоить нашего фельдмаршала. Онъ то-и-дѣло посылалъ ординарцевъ понуждать, чтобы скорѣй ѣхали. Но все сіе не производило никакого успѣха. Погода становилась отчасу хуже и дорога гаже; по наступленіи же ночи сдѣлалась такая темнота, что низги было не видать, а притомъ такая стужа, что и въ шубѣ едва оную терпѣть было можно. Разсудите-жъ теперь, каково было бѣднымъ нашимъ солдатамъ, недождавшимся своихъ повозокъ и ночующимъ на мокрой землѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, подъ одними своими плащами? А что происходило съ бѣднымъ обозомъ, того безъ жалости я вспомнить не могу. Мнѣ случилось быть очевиднымъ тому свидѣтелемъ, и вотъ какимъ образомъ:

Въ самую полночь проснулся нашъ фельдмаршалъ, и услышавъ, что не всѣ еще обозы пришли, восхотѣлъ послать туда еще одного ординарца. Спхъ ординарцевъ было у него хотя много, ибо отъ всякаго полку было по одному, но такъ случилось, что тогда не было никого на лицо: всѣ разосланы были въ разныя мѣста, и я оставался только одинъ изъ всѣхъ. Князь Горчаковъ сколько ни старался до того времени меня щадить, нарочно никуда не посылая, но тогда не было и ему возможности меня помиловать отъ сей посылки. Онъ съ превеликимъ сожалѣніемъ пришелъ ко мнѣ самъ въ палатку и, будя меня изъ спа, говорилъ: «Вставай, Андрей Тимоѳеевичъ! что дѣлать, хоть-бы и не хотѣлось мнѣ васъ потревожить и въ сіе время посылать, но велитъ самая необходимость. Не взыщите, ради Бога, того на мнѣ. Графъ спрашиваетъ теперь ординарца, а никого нѣтъ, кромѣ васъ, итакъ, пойдемте къ нему».—Досадно мнѣ сіе было чрезвычайно, ибо я только-что подъ тулупомъ своимъ угрѣлся и заснулъ; но зная самъ необходимость, не ропталъ ни мало на князя, но шелъ за нимъ съ терпѣніемъ.

Пришедъ къ фельдмаршалу, не могъ я внутренно не разъсмѣяться тому, что̀ тутъ увидѣлъ. Я нашелъ его въ преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами довольно нагрѣтой кибиткѣ, лежащаго на пуховикахъ на одной, а лейбмедика, или доктора его, на другой кровати; но въ чемъ бы, вы думали, сей предводитель нашъ, при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, упражнялся? Истинно стыдно сказать. Изволилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ гренадера и болтавшаго нелѣпый вздоръ во все горло.—Боже мой! подумалъ я тогда самъ въ себѣ: то-то прямо приличное упражненіе для фельдмаршала такой великой арміи и въ такое время! — Князь тотчасъ доложилъ ему, что привелъ ординарца, и тогда началъ онъ мнѣ приказывать. — «Слушай, мой другъ!» сказалъ онъ мнѣ: «поѣзжай по дорогѣ, гдѣ шла армія до самаго того мѣста, откуда мы сегодня пошли, и посмотри, сколько еще обозовъ по дорогѣ, и всѣ ли они переправились чрезъ рѣчку? и буде не всѣ, то сочти ты мнѣ, сколько повозокъ еще не переправилось».—«Слушаю! ваше сіятельство», отвѣтствовалъ я: — «только счесть, не уповаю, чтобъ было можно: темнота теперь такъ велика, что и на сажень ничего почти не видно». — «Ну хоть наугадъ посмотри сколько», сказалъ онъ: — «только поѣзжай и возвращайся скорѣе».

Принявъ сіе повелѣніе, надѣлъ я сверхъ мундира овчинный свой тулупъ, и укутавшись хорошенько въ него и въ надѣтую сверхъ того эпанчу хорошенько, взялъ я въ конвой себѣ двухъ казаковъ и пустился верхомъ въ путь свой. Одному изъ казаковъ велѣлъ я ѣхать передъ собою, дабы можно было мнѣ узнавать, гдѣ рытвина и гдѣ топь, и чтобъ, въѣхавши либо въ яму, либо въ тину, не слетѣть съ лошади и не сломать головы; а другому приказалъ ѣхать позади себя и не отставать ни на шагъ. Темнота въ самомъ дѣлѣ была преужасная и дорога такъ разбита и испорчена, что я того и смотрѣлъ, чтобъ не слетѣть и мнѣ такимъ же об-

разомъ съ лошади, какъ то уже не однажды съ передовымъ моимъ казакомъ случалось. Впрочемъ, не успѣли мы выѣхать изъ лагеря, какъ и начали встрѣчаться съ нами повозки въ такомъ состояніи и положеніи, какое безъ внутренняго сожалѣнія я вспомнить не могу. Индѣ погрязла телѣга въ грязи, и лошади, выбившись изъ силъ, лежали, растянувшись. Въ другомъ мѣстѣ наѣзжалъ я лошадей, совсѣмъ уже издохшихъ и самихъ повозчиковъ едва въживѣ, стужа и мокрота ихъ совсѣмъ переломила; а отъѣхавъ далѣе, наѣзжалъ я и лошадей и повозчиковъ умершихъ отъ стужи: тѣ какъ шли, такъ, упавъ, и издохли, а сіи, прикурнувшись, сидѣли позадь повозокъ— и такъ окостенѣли. Индѣ однѣ лошади стояли по поясъ въ тинѣ, а повозчикъ съ полверсты отъ нихъ лежалъ безъ дыханія. Однимъ словомъ: вся дорога наполнена была такими печальными зрѣлищами, что я не могъ безъ внутренняго содроганія смотрѣть на оныя. Наконецъ, вдали увидѣли мы зарево, а потомъ и пламя, освѣщавшее весь горизонтъ, и легко могли заключить, что тутъ надобно быть тому мѣсту, куда мнѣ ѣхать надлежало, и гдѣ была самая та скверная переправа, которая столько остановки надѣлала. Я пустился съ казаками моими на сіе зарево, и, за темнотою, едва было самъ не погрязъ въ тинѣ и болотѣ, однако, наконецъ, кое-какъ доѣхали мы туда.

Но что-жъ увидѣлъ я тутъ? повозокъ нѣсколько сотъ стѣснилось къ переправѣ и слышанъ былъ только вопль, шумъ и трескъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали опрокинутыми съ гати въ болото и на половину погрязшія; иныя лежали на боку; у другихъ переломаны были оси, а у иныхъ колеса, и все въ превеличайшемъ безпорядкѣ и въ такой тѣснотѣ, что мнѣ не было никакого способа проѣхать и ихъ не только пересчитать, но хотя глазомъ окинуть. Итакъ, довольствовался я, спросивъ сколько еще тамъ за рѣчкою обозовъ? и услышалъ, что ихъ еще сотъ съ шесть и болѣе назади. Тогда не оставалось мнѣ иного, какъ назадъ ѣхать; но какъ мы съ казаками сами немилосердно перезябли, то разсудили заѣхать напередъ погрѣться къ находящемуся въ близости огню.

Но какой бы, думали вы, это огонь былъ? Ахъ! не могу и сего безъ сожалѣнія вспомнить. Это было прекрасное строеніе, стоявшее въ полѣ. Къ несчастію, случись въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была сія переправа, прекрасная прусская деревня; и какъ дворы крестьянскіе были огромные, крытые соломами и стоящіе другъ отъ друга въ отдаленіи, то въ нейто, дворъ по двору, зажигали наши переправляющіеся, чтобъ какъ свѣтомъ отъ пламени пользоваться, такъ и самимъ обогрѣваться. Боже мой! подумалъ я самъ въ себѣ, какія горестныя послѣдствія приноситъ съ собою война! Чѣмъ бѣдная сія деревня виновата, что случилась быть въ этомъ мѣстѣ? Однако, потуживъ, сдѣлалъ и я компанію прочимъ и, полежавъ на бугоркѣ и погрѣвшись противъ огня, пустился въ обратный путь для донесенія фельдмаршалу всего того, что я нашелъ и видѣлъ. Сей не успѣлъ меня увидѣть вошедшаго къ нему въ кибитку, какъ тотчасъ спросилъ: «что, мой другъ, много ли еще?—«Очень много, ваше сіятельство», отвѣтствовалъ я, и разсказалъ ему потомъ все, что видѣлъ, какъ наѣзжалъ на разсѣянныхъ по дорогѣ и по полямъ повозки, какъ видѣлъ многихъ повозчиковъ и лошадей умершихъ и прочее, что видѣлъ. Но что же вы бы думали онъ на сіе сказалъ? Ничего, а только приказалъ мнѣ итти въ свое мѣсто, а гренадеру продолжать сказывать сказку, прерванную моимъ приходомъ.

Вотъ какого фельдмаршала имѣли мы въ тогдашнемъ нашемъ походѣ! Люди, ввѣренные его предводительству и попеченію, погибали и страдали нажесточайшимъ образомъ, а онъ въ самое то время увеселялся слушаніемъ глупыхъ и одними только нелѣпостьми наполненныхъ сказокъ. Чему и дивиться, что армія на семъ обратномъ походѣ претерпѣвала несравненно болѣе урона, нежели

ндучи въ Пруссію. Но я возвращусь къ моей матеріи и буду продолжать повѣствованіе.

Для всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ принуждены мы были сдѣлать на семъ мѣстѣ растахъ и дождаться обозовъ, которые прибыли всѣ не прежде, какъ уже подъ вечеръ на другой день. Сіе время употреблено было для сожитанія всѣхъ излишнихъ вещей. Всѣ обозы были пересмотрѣны и .все лишнее сожжено и брошено. Сколько пушекъ, сколько ядръ и бомбъ, пороху и другихъ вещей и военныхъ снарядовъ не побросали мы тутъ въ воду и не зарыли въ землю, для того, что везти было не на чемъ! Но все сіе помогало мало. Тягости убавилось немного, и трудъ былъ тотъ же; и я не знаю, какъ бы намъ дойтить, еслибъ не умилосердилась надъ нами сама натура и не произвела нѣкоторой перемѣны въ погодѣ, и оная не сдѣлалась нѣсколько суше и лучше.

Впрочемъ, и въ сію вторую ночь долженъ я былъ имѣть нѣкоторое безпокойство. Поелику всѣ нужныя предосторожности отъ непріятеля наблюдаемы были и въ сіе время, которыя, въ разсужденіи тогдашнихъ темныхъ ночей, и неизлишними были, то имѣлъ всякій день дежурный генералъ-майоръ обыкновеніе: по наступленіи ночи, объѣзжать весь лагерь кругомъ и осматривать вездѣ ли исполняется все то, что́ приказано, и поставлены ли нужные бскеты. Онъ биралъ обыкновенно съ собою нѣсколько человѣкъ изъ насъ, ординарцевъ, и въ сію ночь долженъ былъ и я быть въ его свитѣ. Дежуръ-генералъ-майоромъ былъ у насъ тогда толико прославившійся потомъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и съ нимъ-то ѣздили мы тогда осматривать всѣ полки и посты. Не могу безъ смѣха и понынѣ вспомнить тогдашней нашей ѣзды съ нимъ. Никакая каналья, я думаю, не былъ столько бранимъ и ругаемъ, какъ мы тогда съ нимъ. Но что смѣшнѣе всего то, хотя насъ немилосерднѣйшимъ образомъ и всякими скверными словами ругали и бранили, но мы принуждены были сносить то съ терпѣніемъ и безъ малѣйшей досады и, вмѣсто сердца, только-что тому смѣяться. Причиною тому была крайняя темнота тогдашней ночи и то, что мы, проѣзжая сквозь полки и ѣдучи мимо офицерскихъ палатокъ, то и дѣло погами лошадей своихъ зацѣпливали за палаточныя веревки и тѣмъ приводя всѣ палатки въ потрясеніе, мѣшали спать въ нихъ офицерамъ, которые, не зная нимало кто тутъ такъ неосторожно ѣхалъ и отваживался ихъ покой нарушать, сердились, кричали и бранили насъ немилосерднымъ образомъ, и такъ иногда хорошо, что мы со смѣха принуждены были надсѣдаться и имъ охотно то отпускали.

Ночевавъ помянутымъ образомъ въ семъ мѣстѣ двѣ ночи, 23 числа выступили мы опять въ походъ и, дѣлая небольшіе переходы, шли какъ сіе, такъ 24, 25, 26 и 27 числа безъ растаховъ и претерпѣвая великую нужду и безпокойство, а особливо отъ стужи и продолжавшихся еще дождей. Особливаго въ сіе время ничего не случилось, кромѣ того, что мы, какъ сущіе варвары, жгли повсюду селы, дворянскіе домы и деревни, и днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду видимы были зарева и пожары. Какое зрѣлище для жалостливаго и человѣколюбиваго сердца!—Не было тутъ пощады никому. И какое бы жило и строеніе прекрасное ни было, но долженствовало обратиться въ пепелъ. Но для чего? Для того только, что два эскадрона непріятельской конницы гнались за нами, и прусскому фельдмаршалу заблагоразсудилось послать ихъ въ слѣдъ за нами, для примѣчанія нашего похода и движенія; а нашъ не могъ того разсудить, что они намъ ничего важнаго сдѣлать не могутъ, но вмѣсто того, чтобы послать ихъ отогнать, разсудилъ за лучшее удержать ихъ опустошеніемъ всѣхъ остающихся позади насъ мѣстъ и предаваніемъ всего мечу и огню, не подумавъ ни мало о томъ, что чрезъ таковую жестокость навлекалъ всей націи нашей предъ всѣмъ свѣтомъ превеликое безславіе и такое пятно, которое останется на вѣкъ въ

исторіи и которое ничѣмъ смыть не можно; ибо вообразите себѣ, любезный пріятель, что писали тогда въ вѣдомостяхъ непріятели наши о семъ разореніи и какое мнѣніе подавали о насъ всему свѣту:

«Россіяне—говорили они—выходя изъ Пруссіи не оставили тамъ о себѣ хорошей памяти, но до тѣхъ поръ, покуда выступили изъ границъ, упражнялись только въ однѣхъ безчеловѣчіяхъ и жестокостяхъ. Городъ и амтъ Рагнитъ со всѣми почти деревнями своего уѣзда превращенъ совершенно въ пепелъ. Деревни шестнадцати другихъ амтовъ претерпѣли таковую-жъ участь. Весь скотъ былъ у жителей отнятъ и отчасти перебитъ. Великое множество деревенскихъ жителей отчасти перестрѣлено, отчасти сожжены, отчасти уведены въ плѣнъ, а особливо молодые люди. Многіе духовные были сѣчены, а другіе разожженными угольями пытаны. Множество церквей разграблено, каковую участь имѣла и гробница генерала ла-Кара въ Видлакенѣ, и проч.» Далѣе писали они, что и намъ, россіянамъ, прусскіе мужики и гусары въ разныхъ мѣстахъ не малый вредъ причиняли, и что они не только у насъ многое похищенное нами опять отнимали, но многихъ убивали и въ полонъ брали, а не мало получили и обозовъ въ добычу, и что, между прочимъ, захваченъ былъ ими одинъ полковникъ изъ корпуса генерала Спбильскаго и приведенъ къ арміи, у котораго отнято до 3,000 талеровъ наличными деньгами, двое золотыхъ часовъ и карета съ 6-ю лошадьми; казакамъ же и калмыкамъ не дѣлано было никакой пощады, и потому они при семъ возвратномъ походѣ не далеко въ стороны отъ арміи отлучались.

Вотъ что писали о насъ тогда пруссаки! Но справедливо ли все сіе было или нѣтъ, того не могу сказать; ибо все сіе отъ нашихъ разъѣзжающихъ по сторонамъ калмыковъ и казаковъ могло статься; однако и то правда, что пруссаки въ реляціяхъ своихъ обыкновенно многое прилыгали и изъ самой мухи дѣлали слона. По крайней мѣрѣ, намъ, находившимся тогда въ арміи, ничего о такихъ убивствахъ и пыткахъ, также и о захваченномъ въ плѣнъ полковникѣ ничего было не слышно; а что мы разоренія и опустошенія мѣстъ огнемъ производили, того уже и оспорить не можно. Мы не только были тому очевидными свидѣтелями, но и сами для сожиганія деревень были посыланы. Мнѣ самому таки-случилось однажды командировану быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни; но я радовался, что упросилъ другого офицера принять на себя сію коммиссію, отъ которой я внутреннее имѣлъ отвращеніе.

Препроводивъ помянутымъ образомъ цѣлыхъ пять дней въ походѣ безъ растаховъ, наконецъ, 28 числа, мы отъ своего труднаго похода отдыхали, и получили въ семъ мѣстѣ небольшое порадованіе, а именно: получено было отъ двора повелѣніе, чтобъ всей арміи выдать не въ зачетъ за треть года жалованье. Кромѣ сего, памятно мнѣ изъ сего періода времени, что мы въ послѣдніе сіи дни, идучи все безлѣсными и болѣе песчаными мѣстами, имѣли великій недостатокъ въ дровахъ и принуждены были, какъ для обогрѣванія себя, такъ и для варенія себѣ яствъ, употреблять турфъ, котораго, по счастію, въ прусскихъ деревняхъ находили великое множество въ заготовленіи. У всякаго двора были складены изъ сихъ земляныхъ дровъ или высушеннаго дерна превеликія поленницы, или кучи, и мы жгли оный сколько хотѣли, научившись скоро столько-жъ имъ пользоваться, какъ и дровами.

Въ послѣдующій день продолжали мы походъ свой далѣе, а 30 числа опять дневали, и въ семъ мѣстѣ раздѣлена была армія вновь на двѣ дивизіи.

Съ сего времени не стали уже мы такъ поспѣшать, отчасти для того, что уже немного оставалось намъ иттить, а отчасти потому, что непріятельскія партіи отъ насъ наконецъ отстали, и мы шли уже безъ всякой опасности. Итакъ, первое число октября мы шли, а второе и третье отдыхали и отправляли въ Мемель напе-

редъ команды, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ. Потомъ 4-го числа опять перешли верстъ шесть и тамъ опять два дня стояли. Во все сіе время не имѣли мы ни въ чемъ дальней нужды, а досаждали намъ только стужа и наступившіе морозы. Однако и отъ нихъ научила насъ нужда находить себѣ довольно спокойное убѣжище. Всѣ мы, офицеры, оставили свои большія офицерскія палатки и начали жить въ маленькихъ солдатскихъ, нагрѣвая ихъ жаровнями и угольями; а чтобы теплота не такъ скоро выходила, то употребляли мы обыкновенно по двѣ палатки и одну изъ нихъ надѣвали на другую, и такъ, чтобъ одна была передомъ сюда, а другая въ противную той сторону. Опущенныя же и до самой земли полочки прибивали мы вплоть къ землѣ; и чтобъ стужа не могла снизу подходить къ намъ въ палатку, то обсыпали самые края снизу землею; верхнюю же палатку немного вспрыскивали водою, дабы не такъ скоро тепло сквозь оную проходить могло. Чрезъ все сіе и нагрѣваніе палатки жаровнями, съ нажженными угольями, и получали мы весьма теплыя себѣ убѣжища. А какъ каждый изъ насъ имѣлъ и возилъ съ собою кровати, то, не имѣя нужды спать на землѣ, и поваливались мы въ нихъ, какъ въ баняхъ; но жаль только, что сіе наемное тепло не долго длилось, но скоро проходило и что намъ по нѣскольку разъ въ день нагрѣваніе вновь повторять надлежало; также, что входъ въ палатку не весьма былъ свободенъ и принуждалъ насъ нагибаться и подлѣзать подъ стѣну.

Наконецъ 7-го числа октября, въ день рожденія моего и вступленія на двадцатый годъ жизни моей, дошли мы до славнаго нашего Мемеля, и версты за двѣ отъ сей крѣпости расположились лагеремъ, а фельдмаршалъ сталъ въ городѣ и имѣлъ въ него публичный въѣздъ, при стрѣльбѣ изъ пушекъ. Тутъ стояли мы цѣлую недѣлю и упражнялись въ приниманіи провіанта и печеніи хлѣбовъ, также въ запасеніи себя прочими нужными вещами, ибо въ семъ городѣ могли уже мы достать, купить, всякую всячину.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вторая дивизія нашей арміи, подъ командою генерала-аншефа Броуна, пошла отъ насъ прочь и повернула вправо, въ польскую, тутъ прикосновенную, провинцію Жмудію, или Самогитію, гдѣ назначены ей были зимовыя квартиры. Мы же остались при фельдмаршалѣ, и всѣ полки раздѣлены были по-бригадно, изъ коихъ три бригады пошли на кантониръ-квартиры въ Курляндію, а пять полковъ осталось при Мемелѣ, ибо сію крѣпость не разсудили мы за благо оставить.

Нашему полку посчастливилось быть включену въ число тѣхъ, коимъ назначено было итти зимовать въ Курляндію. Итакъ, мы, переправившись 15-го числа въ Мемелѣ чрезъ рѣку, выступили въ походъ, и 16-го числа ночевали при польской границѣ, при мѣстечкѣ Полопка, а 17-го числа дошли наконецъ до курляндской границы и ночевали при мызѣ Будендицъ, а на утріе тутъ дневали.

19-го числа выступили мы опять въ походъ и, отшедъ полторы мили, стали лагеремъ подлѣ деревни Лагнгеръ, а въ послѣдующій день, отшедъ двѣ мили, въ первый разъ стали по квартирамъ и ночевали.

Нельзя изобразить, сколь пріятны намъ тогда были самыя бѣдныя мужичьи хижины! По претерпѣніи толь многихъ трудовъ, стужи и безпокойства, невѣдомо какъ рады были мы дорвавшись до тепла, и для насъ самыя скверныя латышскія избы лучше были палатъ бѣлокаменныхъ. Но сему и дивиться не можно, по причинѣ, что тогда уже было самое глубокое осеннее время и стояла стужа съ ежедневными морозами.

21-е число выступили мы опять въ походъ и, отшедъ мили три, принуждены были, за неимѣніемъ квартиръ, ночевать опять въ палаткахъ на холоду, а что того досаднѣе, тутъ же еще и дневать.

23-го числа пошли мы далѣе, и дошли до кирки Обербартау, стали всѣ по квартирамъ.

24-го числа раздѣлилась наша бригада, и кіевскій полкъ пошелъ влѣво, а мы со вторымъ московскимъ—вправо; а вскорѣ потомъ пошелъ и второй московскій полкъ отъ насъ въ сторону, и мы остались одни и ночевали по квартирамъ, занятымъ по деревнямъ.

25-го числа шли мы съ полкомъ своимъ еще далѣе, и сдѣлавъ небольшой переходъ, ночевали по квартирамъ, а послѣдующаго дня начали уже отдѣляться отъ насъ роты и расходиться по сторонамъ; мы же остались при знаменахъ.

Нельзя довольно изобразить, съ какими пріятными и особыми чувствованіями сопровождаемо бываетъ такое приближеніе къ зимовымъ квартирамъ. Тогда хотя была глубокая осень, но намъ веселѣе и пріятнѣе было ѣхать, нежели самою весною. Каждый дѣсокъ и каждый кустарникъ казался намъ милъ, и мысль, что скоро наживемъ себѣ покой, услаждала все, и всѣмъ видимымъ предметамъ нѣкакую особливую пріятность придавала.

27-го числа октября пошли мы далѣе и пришли наконецъ въ настоящія наши кантониръ-квартиры въ мызу Цирау, лежащую въ Курляндіи, и расположились по деревнямъ кругомъ оной.

Такимъ образомъ кончился нашъ, предпріятый въ 1757 году, первый прусскій походъ, о которомъ теперь судите сами, славенъ ли онъ былъ, или безславенъ и къ пользѣ ли онъ намъ служилъ или ко вреду и предосужденію. Что касается до меня, то мнѣ то только извѣстно, что вся польза состояла единственно въ томъ, что мы посмотрѣли пруссаковъ, поучились съ ними воевать, узнали какъ ходятъ въ походахъ, какіе бываютъ военные труды, овладѣли городомъ Мемелемъ, нагнали на пруссаковъ страхъ и доказали имъ, что мы умѣемъ драться и не такія свиньи, какими они насъ почитали. Впрочемъ, нельзя и того не сказать, что нашъ походъ сей многаго труда и многихъ убытковъ какъ въ людяхъ, такъ и въ деньгахъ и во всемъ прочемъ стоилъ. Однимъ словомъ: онъ былъ приготовленіемъ и наукою къ будущимъ нашимъ военнымъ операціямъ.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу, что послѣдовало далѣе; а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее.

Письмо 53-е.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо кончилъ я тѣмъ, что мы, возвратясь изъ своего похода, расположились въ Курляндіи по зимнимъ квартирамъ; а теперь, продолжая повѣствованіе свое далѣе, скажу вамъ, что на сихъ квартирахъ простояли мы достальное время сего года наиспокойнѣйшимъ образомъ. Оба оставшіе мѣсяца, ноябрь и декабрь, протекли у насъ мирно, и я не помню никакого важнаго и особливаго произшествія, которое бы около сего времени случилось. Главную квартиру занялъ нашъ фельдмаршалъ въ курляндскомъ приморскомъ мѣстечкѣ Либавѣ, а нашему полку, какъ уже прежде упомянуто, квартиры назначены были въ окрестностяхъ мызы Цирау, гдѣ сталъ и старичокъ, полковникъ нашъ. Что-жъ касается до меня, то я сею зимою далеко не таковъ счастливъ былъ, какъ предслѣдующею. Ротѣ нашей отведены были квартиры неподалеку отъ вышеупомянутой мызы; но какъ я около сего времени уже не былъ ротнымъ командиромъ, потому что былъ при ротѣ и самъ поручикъ, то наилучшая квартира, назначенная для ротнаго командира на изрядномъ подмызкѣ, занята была имъ; а я принужденъ былъ довольствоваться наплучшимъ крестьянскимъ дворомъ, какой только могъ найтиться во всѣхъ деревняхъ, ассигнованныхъ подъ нашу роту. Но какъ и всѣ тамошнія деревни и крестьянскіе дворы немногимъ чѣмъ лучше лифляндскихъ, то нельзя сказать, чтобъ квартира моя была завидная. Ее отвели мнѣ въ одной деревнѣ, лежащей верстъ пять отъ моего поручика, и я за счастіе еще считалъ, что удалось найтить такой крестьянскій дворъ, въ которомъ подлѣ избы придѣлана была сбоку маленькая коморочка съ тремя краснень-

кими окошечками и голландскою печкою, которая была хотя и не гораздо свѣтла и отъ небреженія крестьянскаго нарочито позакопчена, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ тому, что печка была порядочная и что я не обезпокоиванъ былъ дымомъ, а что всего лучше, то была она тепла какъ баня. Сіе тепло было намъ всего дороже; ибо, натерпѣвшись въ походѣ стужи и безпокойствъ, рады мы были и послѣдней лачужкѣ.

Итакъ, квартирка моя была хотя и весьма посредственная, но я ею былъ нарочито доволенъ. Я прибралъ ее колико можно было получше. Затоптанный и загвазданный полъ велѣлъ я порядочно вымыть и выскресть; печку свою я выбѣлилъ; стѣны также велѣлъ порядочно обместь, очистить и потомъ вымыть; а чтобъ придать имъ сколько-нибудь красы, то прибилъ на нихъ два живописныхъ портрета, которые случилось мнѣ купить въ походѣ за бездѣлку у солдатъ, доставшихъ оные при разграбленіи замка Аленбургскаго и которые составляли единую добычу, вывезенную мною изъ Пруссіи. Далѣе, короватку свою поставилъ я въ одномъ углу, а въ другомъ, подлѣ печки и подъ окошечкомъ, установилъ я свой походный столикъ, и ассигновалъ себѣ мѣстечко для сидѣнія, и какъ бумаги было у насъ довольно, чернилы также были, а полочка, установленная моими книгами, была подлѣ меня, то мнѣ ничего болѣе было и не надобно; и я, разобравшись и расположившись симъ образомъ, началъ себѣ жить въ теплѣ, какъ въ царствѣ небесномъ, или какъ лучше сказать, какъ нѣкакой отшельникъ, въ сущемъ уединеніи и спокойствіи. Ибо надобно сказать, что поручикъ мой былъ хотя изрядный человѣкъ, однако не такой, съ которымъ бы можно было съ пріятностью дѣлить время; итакъ, къ нему часто ѣздить я не имѣлъ охоты, а изъ другихъ офицеровъ никто подлѣ меня близко не стоялъ. Что-жъ касается до тамошнихъ мызниковъ или курляндскихъ дворянъ, то мѣста сіи были какъ-то пусты и не было никого изъ дворянъ, живущихъ въ близости, такъ что мнѣ во всю зиму ни одного изъ нихъ видѣть (не случилось), да и не слыхалъ я, чтобъ кто жилъ тутъ неподалеку.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ принужденъ я былъ жить одинъ и, власно, какъ въ заперти; и уединеніе сіе конечно-бъ мнѣ скоро прискучило, еслибъ не имѣлъ я охоты къ наукамъ и не сдѣлалъ издавна привычки упражняться въ чтеніи книгъ и писаніи, а самая сія привычка и помогла мнѣ въ семъ случаѣ очень много; ибо не успѣлъ я совсѣмъ обострожиться, какъ тотчасъ и нашелъ себѣ работу. Я упоминалъ уже прежде, что во время похода, въ праздное время, переводилъ я новокуплепную въ Ригѣ книгу Клевеланда; и какъ сей книги переведено было у меня уже довольно, то вознамѣрился я тогда переводъ сей переписать на-бѣло, какъ можно лучшимъ и красивѣйшимъ письмомъ, почему, сдѣлавъ тетрадки изъ лучшей почтовой бумаги, и началъ я переводъ свой переписывать, натирая всегда для писанія тушь, и употребляя при переписываніи все свое искусство къ приданію книжкѣ моей наилучшей красы; а занимаясь симъ, и не видалъ какъ протекало глубокое и самое скучное осеннее время.

Кромѣ сего, случай доставилъ мнѣ и нѣкотораго рода собесѣдника. У хозяина моего проживалъ одинъ рукомесленный старичокъ, упражняющійся въ шитьѣ деревенскаго мужичьяго платья, для котораго собственно и была сдѣлана у него самая та коморочка, въ которой я тогда жилъ. Сперва не зналъ я, что̀ эта была за особа; ибо какъ его для меня выгнали изъ коморки, то жилъ онъ въ избѣ у хозяина, и мнѣ былъ онъ не въ примѣту; но какъ ходъ изъ моей комнаты былъ всегда черезъ избу, то видая его всякій день, полюбопытствовалъ я однажды о немъ, и, къ превеликому удовольствію, узналъ, что онъ былъ родомъ нѣмецъ. Я тотчасъ съ нимъ началъ говорить, и нашелъ, что онъ былъ старичокъ самый добренькой, живалъ многіе годы въ самомъ Кёнигсбергѣ и имѣлъ довольно смысла, такъ что я могъ съ

нимъ иногда съ цѣлый часъ времени, и болѣе, разговаривать безъ скуки. Я разспрашивалъ его о Кёнигсбергѣ и онъ мнѣ разсказывалъ все, что ему было извѣстно. Словомъ, я старичка сего скоро полюбилъ и не рѣдко заставливалъ его работать у себя въ комнаткѣ, дабы мнѣ съ нимъ можно было кой-о-чемъ разговаривать. Кромѣ того, сдѣлался онъ мнѣ и учителемъ латышскому языку; ибо какъ онъ языкъ сей совершенно разумѣлъ, то, изъ любопытства, разспрашивалъ я у него, какъ что по-латышски называется и записывалъ въ тетрадку.

Въ сихъ-то невинныхъ и уединенныхъ упражненіяхъ препровождалъ я свое время. Но какъ недостатокъ въ нужнѣйшихъ съѣстныхъ припасахъ, или такъ-называемомъ запасѣ, который во время похода весь уже изошелъ, напоминалъ мнѣ, что нужно помышлять о запасеніи себя вновь онымъ; а сверхъ того, не было у меня ни большой шубы, ни носильнаго порядочнаго тулупа и многихъ другихъ вещей: то для всего того разсудилъ я отправить одного изъ людей моихъ въ свою деревню, какъ для привоза мнѣ сего запаса, такъ и для закупки въ Москвѣ всѣхъ нужныхъ вещей, которыхъ мнѣ не доставало, а равно какъ и денегъ, въ которыхъ также была мнѣ великая нужда— и Яковъ мой на лошадкѣ принужденъ былъ въ сей дальній путь отправиться.

Вскорѣ послѣ того произошла въ ротѣ у насъ нѣкоторая перемѣна. Поручика моего произвели въ капитаны, и на мѣсто его получилъ я себѣ другого командира, а именно: поручика Михаила Емельяновича г. Непейцина. И какъ сей человѣкъ былъ разумнѣе и несравненно лучшихъ свойствъ и характера, нежели каковъ былъ г. Коржавинъ, то возстановилось у насъ съ нимъ очень скоро отмѣнное дружество. Онъ полюбилъ меня чрезвычайно, и какъ онъ пріѣхалъ тогда прямо изъ Польши, гдѣ находился для заготовленія провіанта и имѣлъ чрезъ то случай понажиться и вывезть съ собою и денежекъ и всего прочаго довольно, то сталъ онъ меня уговаривать, чтобъ я переѣхалъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на подмызокъ, и не далъ мнѣ до тѣхъ поръ покою, покуда я на то не согласился. Привыкнувши къ своей хижинѣ, мнѣ сперва было и не весьма хотѣлось разстаться съ моимъ милымъ уединеніемъ; но просьбы его, а сверхъ того, и недостатокъ провизіи и неудобность доставать оную въ курляндскихъ деревняхъ, убѣдили меня наконецъ оное оставить и переѣхать къ нему жить; и я могу сказать, что я и не имѣлъ причины въ томъ раскаяваться. Ласки его, ко мнѣ оказываемыя, и дружба простиралась такъ далеко, что онъ никакъ не хотѣлъ допустить до того, чтобъ я купилъ отъ себя что-нибудь изъ провизіи, но довольствовалъ меня своимъ коштомъ, и мы жили съ нимъ какъ родные братья и могу сказать, что довольно весело. Квартира была у насъ довольно хорошая; пить и ѣсть было что̀, а въ разговорахъ съ нимъ время препровождать было не скучно; а сверхъ того, имѣлъ я свободу заниматься сколько хотѣлъ и своими упражненіями. Словомъ, сотоварищемъ симъ былъ я совершенно доволенъ и, живя съ нимъ, не видалъ какъ протекли оба достальные мѣсяца сего года.

Совсѣмъ тѣмъ, не удалось мнѣ долго пожить съ̀ симъ любезнымъ человѣкомъ Предъ окончаніемъ года произошла со мною и еще одна перемѣна. Господину полковнику нашему вздумалось что-то перевести меня изъ прежней въ гренадерскую роту, и я принужденъ былъ, противъ желанія моего, оставить прежняго компаньйона и переѣхать жить въ новую роту и на третью квартиру. Однако, счастіе послужило мнѣ и въ семъ случаѣ. Капитанъ въ сей ротѣ случился быть человѣкъ весьма хорошій и разумный, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и знавшій по-французски и по-нѣмецки, и почитаемый во всемъ полку нашемъ наилучшимъ и разумнѣйшимъ капитаномъ. Его звали Иваномъ Никитичемъ, а по фамиліи былъ онъ Гнѣвушевъ. Сей человѣкъ служилъ еще при полку нашемъ во время покойнаго моего роди-

теля и былъ имъ за достоинства свои любимъ. А потому зналъ онъ и меня еще съ малолѣтства, и могу сказать, что и любилъ съ того времени. Послѣ узналъ я, что, по его домогательству и сдѣлано было то, что я переведенъ былъ въ его роту; ибо, какъ опросталась въ его ротѣ подпоручицкая вакансія, то онъ, зная мои способности, и выпросилъ меня у полковника. Поелику же учинено то противъ моей воли и хотѣнія, то и не хотѣлъ онъ допустить меня, чтобъ я стоялъ въ латышской избѣ и терпѣлъ нужду и безпокойство, но такимъ же образомъ убѣдилъ меня, чтобъ я сталъ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ, на что я охотно и согласился, и могу сказать, что и его сообществомъ и дружбою я былъ не менѣе доволенъ, какъ и господиномъ Непейцинымъ.

Теперь, остановясь на нѣсколько времени на семъ мѣстѣ, обратимся на часокъ къ другимъ предметамъ и посмотримъ, что въ другихъ мѣстахъ въ сіе время происходило.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Пруссіи возвращались и потомъ спокойно въ Самогитіи и Курляндіи стояли по квартирамъ, въ Европѣ, напротивъ того, война продолжала горѣть во всемъ своемъ пламени. Королю прусскому, достальная часть сего лѣта, а особливо осень, посчастливилась въ-особливости. Непростительная погрѣшность, учиненная нами, и въ самое почти то же время французскимъ маршаломъ Ришелье, служила власно какъ сигналомъ къ тому, чтобъ всѣмъ смутнымъ его обстоятельствамъ перемѣниться въ наилучшія. Обоими сими весьма выгодными для него произшествіями, онъ власно какъ ободрился и сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему управиться съ прочими непріятелями, а особливо съ такъ-называемою имперскою арміею или собранною съ разныхъ мелкихъ имперскихъ княженій.

Сей собралось при Нюренбергѣ, въ началѣ весны, изъ разныхъ мѣстъ до 20,000 человѣкъ, пока, соединившись въ августѣ съ французскою арміею подъ командою принца Субиза, вступила въ Саксонію и шла атаковать короля прусскаго. Съ другой стороны утѣснили его цесарцы. Искусный предводитель ихъ графъ Даунъ, слѣдуя вслѣдъ за прусскими войсками, преполагалъ имъ всюду и всюду столь велікія препоны въ ихъ предначинаніяхъ и наводилъ имъ столько безпокойствъ, что они растеряли великое множество войска, обозовъ, понтоновъ и самыхъ магазиновъ, и не знали наконецъ что дѣлать. Съ третьей стороны вошли уже шведы въ границы прусскія со стороны Помераніи, а съ четвертой, какъ было упомянаемо, вступили мы въ Пруссію. Въ сей крайности и будучи со всѣхъ сторонъ утѣсняемъ, рѣшился-было король почти изъ отчаянія схватиться и подраться еще съ цесарцами, да и дѣйствительно пошелъ-было ихъ атаковать, но какъ нашелъ фельдмаршала ихъ, стоящаго съ арміею въ столь выгодномъ и неприступномъ мѣстѣ, что безъ явной опасности учинить того было не можно, то препроводивъ цѣлый почти день въ одной перестрѣлкѣ съ нимъ изъ пушекъ, и испытавъ тщетно всѣ способы до него добраться, принужденъ былъ, ничего не сдѣлавъ, отойтить прочь и податься назадъ къ Саксоніи.

Тутъ, отправивъ знатный корпусъ въ Шлезію для прикрытія границъ и города Швейдница, сталъ самъ помышлять о томъ, какъ-бы ему укрыться отъ прозорливаго графа Дауна и уйтить для встрѣчи и разбитія имперской арміи. Сія наводила ему тогда больше всѣхъ заботы и безпокойства; ибо единымъ вступленіемъ своимъ могла у него отнять всю Саксонію и пройтить до Магдебурга, и въ такую же сей городъ привесть опасность, въ какой находился Берлинъ отъ шведовъ.

Къ произведенію помянутаго предпріятія, надлежало употребить королю всю свою хитрость и искусство, и ему удалось сіе сдѣлать наивожделеннѣйшимъ образомъ. Онъ, отдѣливъ знатную часть войска отъ главной арміи, ушелъ такъ скрытно, что Даунъ не могъ долго о томъ провѣдать.

Между тѣмъ, оставленная имъ главная армія подъ командою принца Бевернскаго, къ которому придань былъ на вспоможеніе славный и искусный генералъ Винтерфельдъ, на котораго король наиболѣе и надѣялся, принуждена была терпѣть много зла и безпокойства отъ цесарцевъ. Помянутый генералъ Винтерфельдъ сталъ съ отдѣленнымъ деташаментомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главной арміи. Цесарскій фельдмаршалъ графъ Даунъ, соединясь съ принцемъ Лотарингскимъ, пришелъ и сталъ лагеремъ насупротивъ прусской, и цесарскій генералъ Надасти атаковалъ корпусъ генерала Винтерфельда и не только разбилъ оный, побивъ у пруссаковъ около 1,500 человѣкъ, но причинилъ имъ чувствительнѣйшій ударъ чрезъ смерть самого генерала Винтерфельда, который на семъ сраженіи смертельно былъ раненъ. Принцъ Бевернскій безъ него власно какъ опѣшилъ, и позабывъ о прикрытіи шлезскихъ границъ, пошелъ внутрь Шлезіи къ Лигницу, а сверхъ того сдѣлалъ еще того хуже и ослабилъ свою армію разсылкою до 15 тысячъ человѣкъ въ разныя крѣпости, и чрезъ то привелъ себя въ несостояніе противоборствовать цесарской арміи, которая, слѣдуя за нимъ по стопамъ и причиняя ему вездѣ вредъ, прогнала его даже до Бреславля и принудила обнажить всю Шлезію и предать ее почти въ жертву и на произволъ цесарцамъ, чѣмъ цесарцы и не преминули воспользоваться. Генералъ ихъ Надасти окружилъ тотчасъ славную ихъ крѣпость Швейдницъ и учинилъ все приуготовленіе къ осадѣ, а другой генералъ, Гаддикъ, съ маленькимъ корпусомъ легкихъ войскъ пошелъ прямо къ обнаженному и безъ всякой защиты находящемуся Берлину, и принудилъ сей столичный городъ заплатить себѣ не малую контрибуцію, а королеву, со всѣмъ дворомъ, спасаться бѣгствомъ и удалиться въ Шпандау. Но сіе обладаніе прусскою столицею не продолжалось болѣе однихъ сутокъ, и сей достопамятный день былъ 5-го октября мѣсяца.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, и цесарцы помянутымъ образомъ хозяйствовали въ Шлезіи и въ самой Бранденбургіи, самъ король прусскій находился, какъ выше упомянуто, въ походѣ противъ имперской арміи, соединенной съ французами, которая, вступивъ въ Саксонію, распространилась уже въ окрестностяхъ Лейпцига и шла прямо къ Магдебургу и къ Берлину; королю удалось тотчасъ остановить ее своими деташаментами. Онъ пошелъ къ Эрфурту, и принудивъ союзныхъ выступить изъ онаго, овладѣлъ симъ городомъ. Тутъ принужденъ былъ онъ стоять долгое время и разсылать всюду отдаленные корпуса для прикрытія Магдебурга, Лейпцига и Берлина, а между тѣмъ производить съ непріятелями малую войну, что и продолжалось почти до самаго ноября мѣсяца. Обѣ арміи упражнялись въ маршахъ и контрамаршахъ и дрались только между собою разные ихъ отдѣленные деташаменты съ различными успѣхами.

Наконецъ, 24-го октября, дошло дѣло и до рѣшительной баталіи, неподалеку отъ Лейпцига, при деревнѣ Розбахѣ, и королю прусскому посчастливилось, несмотря на всю малочисленность своего войска и на несравненное превосходство имперской союзной арміи, бывшей подъ командою генералиссимуса принца Гильгургсгаузенскаго и Субиза, разбить въ прахъ сію послѣднюю чуднымъ и невѣроятнымъ почти образомъ. Употребленный имъ удачно военный обманъ помогъ ему произвесть сіе великое и славное дѣло. Онъ притворился убоявшимся имперской арміи и ретирующимся къ Мерзебургу. Имперцы и французы, приписывая сіе его трусости, почитали побѣду несомнѣнною и почти на половину выигранною, погнались за нимъ безъ дальней осторожности — но вдругъ попались власно, какъ въ засаду, и нашли короля, стоявшаго въ наилучшемъ порядкѣ и готоваго къ сраженію. Цѣлая половина арміи скрыта была у него за пригоркомъ, и палатки, стоящія на ономъ, закрывали ее отъ глазъ непріятеля. Но какъ палатки вдругъ сняли, то она означилась и видомъ

своимъ привела непріятелей въ великое замѣшательство, которымъ король тотчасъ воспользовался и храбро конницею своею аттаковавъ ихъ конницу, привелъ сію въ безпорядокъ и принудилъ къ бѣгству, а за нею послѣдовала и вся нѣхота.

Славное сіе сраженіе продолжалось недолго, но было весьма кровопролитно. Союзная армія состояла хотя изъ 60-ти тысячъ человѣкъ, а прусская не болѣе какъ изъ 30-ти, но первая была такъ разбита и въ такую разстройку и безпорядокъ приведена, что на мѣстѣ баталіи не осталось болѣе 2,000 человѣкъ. Она потеряла болѣе 10,000 человѣкъ, и пруссаки взяли въ полонъ до 7,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 генераловъ и 250 офицеровъ, а сверхъ того, получили въ добычу 63 пушки, и 15 штандартовъ и 7 знаменъ. Словомъ, побѣда, одержанная королемъ прусскимъ, была совершенная и славная. Онъ, пригласивъ плѣнныхъ офицеровъ къ себѣ на ужинъ, просилъ ихъ, чтобъ они не прогнѣвались, что кушаньевъ мало, и что онъ ихъ угощаетъ такъ худо, ибо онъ никакъ не ожидалъ имѣть у себя въ сей вечеръ толь многихъ гостей.

Впрочемъ, побѣда сія имѣла важныя послѣдствія. Король прусскій получилъ чрезъ то свободу и могъ полетѣть на помощь утѣсненной своей Шлезіи и принцу Бевернскому. Въ гановеранахъ возбудилось опять мужество и они, нарушивъ свой договоръ, начали опять воевать. Французы опѣшили и сами цесарцы пришли въ смущеніе и въ нѣкоторый родъ малодушія.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ король ни спѣшилъ на вспоможеніе принцу Бевернскому, стоявшему окопавшись подлѣ Бреславля, однако ему не удалось поспѣть благовременно. Цесарцы, услышавъ о побѣдѣ его при Розбахѣ и о томъ, что онъ идетъ, успѣли до прибытія его аттаковать принца Бевернскаго въ его ретраншаментѣ, и несмотря на всѣ трудности и храбрую оборону, выбили 13-го ноября пруссаковъ изъ оныхъ, и потомъ взяли самого принца Бевернскаго въ полонъ и пруссаковъ принудили уйтить. Сія удача произвела то слѣдствіе, что въ тотъ же вечеръ сдался и городъ Бреславль на капитуляцію и за нѣсколько времени до того сдалась и крѣпость Швейдницъ генералу Надастію, и королю не удалось и сему городу учинить вспоможеніе.

Но всѣ сіи удачи и выгоды, полученныя цесарцами, хотя и привели короля прусскаго въ великое нестроеніе, однако продлились недолго. Провидѣнію угодно было назначить не имъ, а королю прусскому воспользоваться всѣми кровопролитіями и трудами сего лѣта. Онъ, будучи помянутыми успѣхами цесарцевъ приведенъ въ превеликую разстройку и лишась почти совсѣмъ Шлезіи, рѣшился испытать еще разъ своего счастія и подраться съ цесарцами, въ надеждѣ побѣдою перемѣнить все положеніе дѣлъ; почему, несмотря на всѣ безпокойства глубокой осени и крайнее утружденіе своей арміи, пошелъ искать цесарцевъ, чтобъ дать имъ баталію. Цесарцы, зная малочисленность его арміи, не только не устрашились сего, но даже, презирая, смѣялись надъ оною, называя ее не арміею, а берлинскимъ разводомъ. Совсѣмъ тѣмъ, мудрый и осторожный фельдмаршалъ ихъ Даунъ, совсѣмъ не то мыслилъ, и не давая себя тѣмъ ослѣпить, сталъ въ весьма выгодномъ мѣстѣ подлѣ Швейдница и не хотѣлъ никакъ иттить самъ на встрѣчу непріятелю, а ожидалъ, чтобъ король пришелъ его аттаковать. Но какъ былъ онъ не одинъ командиромъ надъ цесарскою арміею, а вмѣстѣ съ принцемъ Лотарингскимъ, сей же въ мнѣніи своемъ былъ съ нимъ не согласенъ и хотѣлъ иттить самъ на встрѣчу королю и дать съ нимъ баталію, то сіе несогласіе произвело то, что посланъ былъ курьеръ въ Вѣну, спросить что дѣлать; и какъ велѣно было иттить и дать съ непріятелемъ баталію, то король прусскій, сего только желая, и сошедшись съ ними при Лиссѣ и при деревнѣ Лейтенѣ, составилъ съ ними 24-го ноября кровопролитную и столь удачную битву, что цесарцы были совершенно побѣждены и потеряли на этомъ сраженіи

301 офицера и 21,000 человѣкъ войска, 134 пушки и 59 знаменъ. Но сего еще было не довольно, но несчастію цесарцевъ назначено увеличиться потеряніемъ опять Бреславля. Принцъ Лотарингскій, желая спасти сей городъ, хотя послалъ въ него знатный корпусъ съ многочисленною артиллеріею, но сіе послужило только къ вящему урону; ибо король прусскій къ упуская времени, осадилъ оный, и несмотря на всю суровость погоды и трудности, взялъ оный. Сія потеря Бреславля стопла цесарцамъ 13 генераловъ, 686 офицеровъ и 17,000 рядовыхъ.

Симъ образомъ кончилась кампанія сего года съ великимъ урономъ и предосужденіемъ для цесарцевъ. Всѣ ихъ труды, сраженія, убытки и полученныя выгоды не принесли имъ ни малѣйшей пользы. Они принуждены были выттить въ Богемію и оставить всю Шлезію опять во власть пруссаковъ. Одинъ только городъ Швейдни́цъ остался въ ихъ рукахъ; но сія была очень малая выгода. Словомъ, пруссакамъ удалось, противъ всякаго чаянія и къ удивленію всей Европы, окончить кампанію сію съ великою для себя выгодою; ибо и самыхъ шведовъ успѣлъ еще фельдмаршалъ ихъ Левальдъ, возвратившись изъ Пруссіи и отдѣлавшись отъ насъ, изъ предѣловъ прусскихъ выгнать съ урономъ.

Вотъ вамъ краткое изображеніе бывшихъ тогда въ Европѣ произшествій, которыми кончился 1757 годъ: то дозвольте и мнѣ на семъ мѣстѣ теперешнее мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ вѣрный другъ и прочая.

ЗАНЯТІЕ КЕНИГСБЕРГА.

Письмо 54-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ вышеупомянутымъ образомъ и въ самую глубочайшую осень 1757 года война въ прусскихъ, цесарскихъ и саксонскихъ земляхъ горѣла наижесточайшимъ образомъ, и цѣлыя десятки тысячъ людей лишались жизни, а того множайшія попадали въ полонъ, поля же обагрялись человѣческою кровію, а безчисленное множество бѣдныхъ поселянъ лишались своихъ домовъ и всего своего имѣнія, а того множайшіе претерпѣвали тягость отъ поборовъ и отнятія у нихъ всѣхъ заготовленныхъ ими для своего пропитанія съѣстныхъ припасовъ и фуража—отдыхали мы въ Польшѣ и въ Курляндіи отъ своихъ трудовъ и всю сію осень и начало зимы препроводили въ мирѣ, тишинѣ и наивожделѣннѣйшемъ покоѣ. Не зная ничего о всѣхъ сихъ произшествіяхъ, жили мы тутъ на своихъ покойныхъ квартирахъ и только что веселились.

Но сколь спокойны были мы, столь безпокоилось правительство наше худыми успѣхами нашего перваго похода. Неожидаемымъ и постыднымъ возвращеніемъ арміи нашей изъ Пруссіи и всѣми поступками нашего фельдмаршала, графа Апраксина, владѣющая нами тогда императрица крайне (была) недовольна, и хотя для прикрытія стыда и обнародовано было, что сіе возвращеніе арміи нашей произошло по повелѣнію самой императрицы и будто для того, что какъ цесарцы сами уже вошли въ Шлезію,то намъ не было нужды иттить далѣе и продолжать походъ свой до Шлезіи, и что, сверхъ того, войска нужны были въ своемъ отечествѣ по причинѣ болѣзни императрицыной; однако всѣмъ извѣстно было, что это объявлено было для одного вида, а въ самомъ дѣлѣ всѣ знали, что учинилъ онъ то самопроизвольно. А самое сіе и навлекло на него гнѣвъ отъ императрицы; почему не успѣлъ онъ возвратиться въ Курляндію, какъ отозванъ былъ въ Петербургъ для отданія въ поведеніи своемъ отчета. Сіе обратное путешествіе въ столичный городъ было сему полководцу весьма бѣдственно и несчастно. Лишась всей прежней своей пышности, принужденъ онъ былъ ѣхать какъ посрамленный отъ всѣхъ, почти тихомолкомъ, и слухи объ ожидаемыхъ его въ Петербургѣ бѣдствіяхъ столь его безпокоили, что онъ на дорогѣ занемогъ и больной уже привезенъ въ Нарву. Но сего было еще недовольно. Но несча-

стіе встрѣтило его уже и въ семъ городѣ; ибо прислано было повелѣніе, чтобъ его не допускать и до Петербурга, но арестовавъ тутъ, велѣть слѣдовать его нарочно учрежденной для того коммиссіи. Но сіе бѣдняка сего такъ поразило, что онъ въ немногіе дни лишился жизни, о которой никто не жалѣлъ, кромѣ однихъ его родственниковъ и кліентовъ, ибо впрочемъ все государство было на него въ неудовольствіи.

Симъ образомъ погибъ сей человѣкъ, бывшій за короткое предъ тѣмъ время толико знатнымъ и пышнымъ вельможею, и наказанъ самою судьбою за вѣроломство къ отечеству и поступку, произведшую толь многимъ людямъ великое несчастіе.

Между тѣмъ, команда надъ оставшеюся въ Курляндіи и Польшѣ арміею поручена была генерал-аншефу графу Фермору. И какъ сей генералъ извѣстенъ былъ всѣмъ подъ именемъ весьма разумнаго и усерднаго человѣка, то перемѣною сею была вся армія чрезвычайно довольна. Онъ и не преминулъ тотчасъ стараніями своими и разумными новыми распоряженіями оправдать столь хорошее о немъ мнѣніе.

Первое и наиглавнѣйшее попеченіе сего генерала было о томъ, какъ бы удовольствовать всю армію всѣми нужными потребностями, а потомъ овладѣть скорѣе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ, и чрезъ то, сколько, съ одной стороны, исправить погрѣшность, учиненную графомъ Апраксинымъ, столько, съ другой, исполнить желаніе нашего двора и императрицы: ибо, какъ между тѣмъ получено было извѣстіе, что король прусскій все свое Прусское королевство обнажилъ отъ войскъ, употребивъ оныя, какъ выше упомянуто, для изгнанія шведовъ изъ Помераніи, то, дабы не дать ему время опять армію свою туда возвратить, велѣно было наивозможнѣйшимъ образомъ поспѣшить и, пользуясь симъ случаемъ, занять и овладѣть королевствомъ Прусскимъ безъ дальняго кровопролитія.

Всходствіе чего не успѣлъ сей генералъ принять команды и получить помянутое повелѣніе, какъ и началъ ко вступленію въ Пруссію чинить всѣ нужныя приуготовленія. И какъ положено было учинить то не дожидаясь весны, а тогдашнимъ же еще зимнимъ временемъ, то съ превеликою нетерпѣливостію дожидался онъ, покуда море, или паче тотъ узкій морской заливъ, который извѣстенъ подъ именемъ Курскаго Гафа—и будучи отъ моря отдѣленъ узкою и длинною полосою земли, простирается отъ Мемеля до самаго мѣстечка Лабіо — покроется столь толстымъ льдомъ, чтобъ по оному можно было иттить прямымъ и кратчайшимъ путемъ въ Кёнигсбергъ войску со всею нужною артиллеріею. Нетерпѣливость его была такъ велика, что съ каждымъ днемъ приносили ему оттуда ледъ для сужденія, по толстотѣ его, можетъ ли онъ поднять на себѣ тягость артиллеріи.

Но какъ сіе не прежде воспослѣдовало, какъ въ самомъ окончаніи 1757 года, то самое начало послѣдующаго за симъ 1758 года и сдѣлалось достопамятно обратнымъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ королевство Прусское. Графъ Ферморъ еще въ послѣднія числа минувшаго года переѣхалъ изъ Либавы въ Мемель, а тутъ изготовивъ и собравъ небольшой корпусъ и взявъ нужное число артиллеріи, пошолъ 5-го числа января по заливу прямо къ Кенигсбергу, приказавъ другому корпусу, подъ командою генералъ-майора графа Румянцова, въ самое то-жъ время вступить въ Пруссію со стороны изъ Польши, и овладѣть городомъ Тильзитомъ.

Успѣхъ дѣла и похода сего былъ наивожделѣннѣйшій. Войска графа Фермора въ тотъ же день безъ дальняго отягощенія дошли по льду до острова Руса и овладѣли находившимся тутъ амтомъ, а войска, вступившія со стороны изъ Польши, овладѣли безъ всякаго сопротивленія Тильзитомъ, гдѣ графъ Румянцовъ услышавъ, что въ городѣ Гумбинахъ находился еще небольшой прусскій гарнизонъ, послалъ-было для захваченія онаго войска; но они его уже не застали ибо

онъ, услышавъ о приближеніи нашихъ, заблагоразсудилъ удалиться заранѣе. И такъ, вступили наши во всѣ мѣстечки и города безъ всякаго сопротивленія и вездѣ жителей приводили къ присягѣ быть въ подданствѣ и вѣрности у нашей императрицы.

Наконецъ, графъ Ферморъ, соединившись со всѣми пятью колоннами войска, вступившими въ Пруссію съ разныхъ сторонъ, подъ командою генералъ-поручиковъ Салтыкова, Резанова, графа Румянцова и генералъ-майоровъ: князя Любомирскаго и Леонтьева, пошелъ прямо и безъ растаховъ въ городъ Лабіо, и пришедъ туда 9-го числа, нашелъ у тамошняго начальства уже повелѣніе отъ кёнигсбергскаго правительства, чтобъ въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ, отпускалось намъ все, что̀-бъ ни потребовалось, безъ всякаго сопротивленія, и повиноваться всѣмъ приказаніямъ графа Фермора.

Изъ сего мѣста отправилъ сей генералъ полковника Яковлева съ 400-ми гренадеръ, съ 8-ю пушками и 9-ю эскадронами конницы, подъ командою бригадира Демику, и съ 3-мя гусарскими полками и чугуевскими казаками подъ предводительствомъ бригадира Стоянова, прямо къ Кёнигсбергу. А какъ между тѣмъ пріѣхали къ нему и депутаты, присланные отъ кёнигсбергскаго правительства съ прошеніемъ отъ всего города и королевства, чтобъ принято оное было подъ покровительство императрицы и оставлено при ея привилегіяхъ, то онъ, увѣривъ ихъ о милости монаршей, отправился и самъ вслѣдъ за помянутымъ передовымъ войскомъ въ помянутый столичный городъ.

Итакъ, 11-й день января мѣсяца былъ тотъ день, въ который вступили наши войска въ Кёнигсбергъ, а вскорѣ за ними прибылъ туда и самъ главнокомандующій. Въѣздъ его въ сей городъ былъ пышный и великолѣпный. Всѣ улицы, окна и кровли домовъ усѣяны были безчисленнымъ множествомъ народа. Стеченіе онаго было превеликое, ибо всѣ жадничали видѣть наши войска и самого командира, а какъ присовокуплялся къ тому и звонъ въ колокола во всемъ городѣ и играніе на всѣхъ башняхъ и колокольняхъ въ трубы и литавры, продолжавшееся во все время шествія, то все сіе придавало оному еще болѣе пышности и великолѣпія.

Графъ сталъ въ королевскомъ замкѣ и въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ до сего стоялъ фельдмаршалъ Левальдъ, и тутъ встрѣченъ былъ всѣми членами правительства кёнигсбергскаго, и какъ дворянствомъ, такъ и знаменитѣйшимъ духовенствомъ, купечествомъ и прочими лучшими людьми въ городѣ. Всѣ приносили ему поздравленія и, подвергаясь покровительству императрицы, просили его о наблюденіи хорошей дисциплины, что отъ него имъ и обѣщано.

Въ послѣдующій день принесено было Всевышнему торжественное благодареніе, и главнокомандующій, отправивъ въ Петербургъ графа Брюса съ донесеніемъ о семъ удачномъ произшествіи, трактовалъ у себя весь генералитетъ и всѣхъ лучшихъ людей обѣденнымъ столомъ, а наутріе приводимъ былъ весь городъ къ присягѣ, и главное правленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ началось нашими.

Не успѣлъ графъ Ферморъ помянутымъ образомъ городомъ Кёнигсбергомъ овладѣть и всѣ правительства получить въ свою власть, какъ наипервѣйшее его попеченіе было о расположеніи вступившихъ въ Пруссію войскъ на зимнія квартиры и о занятіи ими всѣхъ нужнѣйшихъ мѣстъ какъ во всемъ королевствѣ Прусскомъ, такъ и въ польской Пруссіи. Итакъ, инымъ велѣлъ онъ расположиться квартирами въ окрестностяхъ Кёнигсберга, другимъ иттить и занять приморскую крѣпость Пилау, инымъ же иттить далѣе впередъ и занять всѣ мѣста по самую рѣку Вислу и съ ними вмѣстѣ польскіе вольные города Эльбингъ и Маріенбургъ. Симъ послѣднимъ хотя и не весьма хотѣлось впустить наши войска, но какъ обѣщано было имъ всякое дружелюбіе то принуждены были на то согласиться.

Въ Кёнигсбергѣ же для гарнизона введенъ четвертый гренадерскій полкъ, также троицкій пѣхотный, и комендантомъ опредѣленъ бригадиръ Трейденъ, а суды поручены полковнику Яковлеву; ибо и самъ графъ намѣренъ былъ отправиться далѣе и главную свою квартиру учредить на Вислѣ, въ прусскомъ городкѣ Маріенвердерѣ. Что-жъ касается до оставшихся въ Курляндіи и Самогитіи полкамъ, подъ командою генерала Броуна и князя Голицына, то и симъ велѣно также вступить въ Пруссію и, прошедъ черезъ оную, занять верхнюю часть польской Пруссіи съ городами Кульмомъ, Грауденцомъ и Торунемъ, и черезъ то составить кордонъ по всей рѣкѣ Вислѣ.

Какъ въ числѣ сихъ остававшихся въ Курляндіи полковъ случилось быть и нашему архангелогородскому полку, то и не имѣли мы въ семъ зимнемъ походѣ соучастія; но во все сіе время простояли спокойно на своихъ квартирахъ, и не прежде обо всемъ вышеупомянутомъ узнали, какъ по вступленіи уже нашихъ въ Кёнигсбергъ, и когда прислано было повелѣніе, чтобъ и намъ туда же слѣдовать. Я не могу довольно изобразить, какую радость произвело во всѣхъ насъ сіе извѣстіе. Всѣ мы радовались и веселились тому власно такъ, какъ бы каждому изъ насъ подарено было что-нибудь и мы въ завоеваніи семъ имѣли собственное соучастіе. Никогда съ толикою охотою и удовольствіемъ не собирались мы въ походъ, какъ въ сіе время и никогда толикаго усердія и поспѣшенія въ сборахъ и приуготовленіяхъ всѣми оказываемо не было, какъ при семъ случаѣ.

Намъ велѣно было ни мало не медля выступать въ походъ, и путь шествію нашему назначенъ былъ прямо черезъ Польшу, или нарочитую часть литовской провинціи Самогитіи; а потомъ, вдоль всего королевства Прусскаго, прямо къ польскому вольному городу Торуню, стоящему на берегахъ рѣки Вислы на отдаленнѣйшемъ краю Пруссіи польской. Итакъ, хотя мы и не могли ласкаться надеждою увидѣть столичный прусскій городъ Кёнигсбергъ, который оставался у насъ далеко вправѣ, однако по крайней мѣрѣ довольны были мы тѣмъ, что увидимъ все Прусское королевство.

Совсѣмъ тѣмъ сколько ни радовались мы сему скорому и нечаянному выступленію и шествію въ Пруссію, однако обстоятельство, что тогда была самая средина зимы и что всѣмъ надлежало запасаться санями, наводило на насъ много заботы. Но никто изъ всей нашей братьи офицеровъ такъ много озабоченъ тогда не былъ, какъ я; но тому была и довольная причина. У всѣхъ офицеровъ было довольное число лошадей, на которыхъ бы имъ везть свои повозки и на чомъ и самимъ въ маленькихъ санкахъ могли ѣхать, ибо верховая ѣзда для зимняго времени была неспособна; а у меня было только двѣ лошади, а третьей, для особливыхъ и маленькихъ санокъ, не было. На сей третьей лошади, какъ выше упомянуто, отправилъ я другого человѣка моего въ деревню, за Москву, и сей человѣкъ ко мнѣ еще тогда не возвратился. Итакъ, не только не было у меня третьей лошади и другого человѣка, но, сверхъ того, имѣлъ я и во всемъ прочемъ крайнюю нужду и недостатокъ: не было у меня ни маленькихъ санокъ, какъ у прочихъ, не было ни большой шубы, ни порядочнаго тулупа, ни прочаго нужнаго платья, ни запаса, ни съѣстныхъ припасовъ, толико нужныхъ для похода, а что всего паче—не было и денегъ. Всего того уже за нѣсколько дней дожидался я со всякимъ днемъ; а тогда, какъ сказанъ былъ намъ походъ, то ожиданіе мое сопрягалось съ величайшею нетерпѣливостію; ибо, по счисленію времени, надобно уже ему было давно быть. Совсѣмъ тѣмъ, сколько я Якова своего ни дожидался, сколько ни смотрѣлъ въ окна—не ѣдетъ-ли, сколько разъ ни высылалъ смотрѣть, не видать-ли его ѣдущаго вдали—но все наше ожиданіе и смотрѣніе было напрасно: Якова моего не было и въ появѣ, и я не зналъ, что наконецъ о немъ и думать. Уже сдѣланы были всѣ приуготовленія къ походу; уже назначенъ былъ день къ выступле-

нію; уже день сей началъ приближаться — но Яковъ мой не ѣхалъ и не было о немъ ни духу, ни слуху, ни послушанія. Господи! какое было тогда на меня горе и какимъ смущеніемъ и безпокойствомъ тревожился весь духъ мой! Я только и зналъ, что, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, самъ съ собою говорилъ: — «Господи! что за диковинка, что онъ такъ долго не ѣдетъ? давно бы пора уже ему быть. Что онъ со мною теперь надѣлалъ и что мнѣ теперь начинать?...» Пуще всего смущало меня то, что я, въ безсомнѣнной надеждѣ, что онъ вскорѣ возвратится и привезетъ мнѣ все нужное, ничѣмъ и не запасался и ничего себѣ нужнаго и не покупалъ. Къ вящему несчастію не было у меня тогда и денегъ; ибо, по недостатку оныхъ по возвращеніи изъ похода, жалованье уже было забрано впередъ и истрачено. Но все бы я могъ достать денегъ на покупку лошади и санокъ, въ которыхъ мнѣ всего болѣе была нужда, если-бъ вышеупомянутая надежда скораго возвращенія моего слуги меня не подманула, котораго я съ часу на часъ дожидался.

Но наконецъ наступилъ уже и тотъ день, котораго я, какъ нѣкоего медвѣдя, страшился, то-есть, день выступленія нашего въ походъ. И какъ Якова моего все еще не было, то не зналъ я что дѣлать, и былъ почти внѣ себя отъ смущенія. Повозку свою съ багажемъ хотя и совсѣмъ я исправилъ, и она была готова, но самому мнѣ какъ быть, того не могъ я сперва никакъ ни придумать ни пригадать. Не имѣя особой лошади и санокъ, другого не оставалось, какъ иттить пѣшкомъ вмѣстѣ съ солдатами. Но о семъ можно ли было и думать, когда извѣстно было мнѣ, что и у послѣднихъ самобѣднѣйшихъ офицеровъ были особыя лошади, и всякій имѣлъ свои санки, и что я чрезъ то подвергну себя стыду и осмѣянію отъ всего полка. Въ сей крайности приходило уже мнѣ на мысль сдѣлать то, чего я никогда не дѣлывалъ, то-есть, сказаться нарочно больнымъ, дабы мнѣ, подъ предлогомъ болѣзни, можно было ѣхать въ кибиткѣ и въ обозѣ; но и сіе находилъ я неудобопроизводимымъ, по причинѣ, что кибитка моя была вся набита всякой рухлядью и мнѣ въ ней помѣститься было негдѣ. Словомъ, я находился тогда въ такомъ нестроеніи, въ какомъ я отроду не бывалъ; и истинно не знаю, чтобъ со мною было, еслибъ не вывелъ меня наконецъ капитанъ мой изъ моего смущенія и нѣсколько меня не успокоилъ.

Сей, увидѣвъ крайнее мое смущеніе и разстройку мыслей, бывъ свидѣтелемъ всему моему нетерпѣливому ожиданію и вѣдая причину, для чего я не покупалъ лошади и сапей, спросилъ меня наконецъ: какъ-же я о себѣ думаю? — «Что, батюшка! отвѣтствовалъ я на сей вопросъ: я истинно самъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Приходится пѣшкомъ почти иттить, покуда сыщу купить себѣ лошадь и сани». — «И! отвѣтствовалъ онъ мнѣ: зачѣмъ, братецъ, пѣшкомъ иттить — кстати ли! поѣдемъ лучше вмѣстѣ въ однѣхъ со мною санкахъ. Хоть онѣ и тѣсненьки, по какъ-нибудь уже поумѣстимся. По крайней мѣрѣ на первый случай и покуда попадется тебѣ купить лошадь, а между тѣмъ, можетъ-быть, подъѣдетъ и человѣкъ твой».

Не могу изобразить, сколь много утѣшилъ и обрадовалъ онъ меня предложеніемъ симъ. Я хотя для вида совѣстился и говорилъ, что я его утѣсню и обезпокою, но въ самомъ дѣлѣ такъ былъ радъ сему случаю, что еслибъ можно, то разцѣловалъ бы его.

Итакъ, положено было у насъ ѣхать вмѣстѣ; но не успѣли мы кое-какъ и съ великою нуждою доѣхать до штаба и оттуда всѣмъ полкомъ выступить въ походъ, какъ я у своей братьи-офицеровъ множество нашелъ не только просторнѣйшихъ мѣстъ для сидѣнія, но даже нѣсколько пустыхъ и праздно-ѣдущихъ санокъ. Ибо какъ во время сего похода не имѣли мы причины ни къ малѣйшему опасенію отъ непріятеля, то и шли мы какъ собственно въ своемъ отечествѣ или въ дружеской землѣ, такъ-сказать, спустя

рукава и пользуясь всѣми выгодами, какія въ мирное время имѣть можно. Полкъ вели у насъ обыкновенно одни только очередные и дежурные, а прочіе офицеры всѣ ѣхали гдѣ хотѣли, а сіе и причиною тому было, что они, для лучшаго сокращенія дороги и для пріятнѣйшаго препровожденія времени, соединялись въ разныя кучки и компаніи, и ѣхали не только гурьбою на многихъ саняхъ вмѣстѣ, но присаживались другъ къ другу на сани для шутокъ и разговоровъ, а свои оставляли ѣхать пустыми, и какъ они всѣ были мнѣ друзья и пріятели, то и могъ я присаживаться изъ нихъ въ любыхъ и ѣхать такъ долго, какъ мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ, перепрыгивая съ однѣхъ саней на другія и присаживаясь то къ тому офицеру, то къ другому, и переѣхалъ я весь сей первый переходъ благополучно, и мнѣ удалось смастерить все это такъ искусно и хорошо, что никому изъ офицеровъ и на умъ того не прихолило, что у меня собственныхъ своихъ не было, и что я дѣлалъ то поневолѣ. Однако, несмотря на всю эту удачу, безпокоился я во всю дорогу крайне мыслями и того и смотрѣлъ, чтобъ кто тайны моей не узналъ, и чтобъ не принужденъ я былъ вытерпливать превеликаго стыда и отъ всѣхъ себѣ насмѣшекъ.

Но какъ бы то ни было, но мы пріѣхали и расположились ночевать въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ, на границахъ уже литовскихъ находящемся, и сдѣлали въ сей день великій переходъ. Тутъ получилъ я хотя прекрасную и спокойную квартиру, но вся ея красота меня не прельщала, ибо у меня не то, а другое на умѣ было. Я заботился безпрерывно о своемъ путешествіи и только самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ и твердилъ: — «Ну, хорошо! сегодня-таки мнѣ удалась кое-какъ промаячить; но какъ быть завтра? съ кѣмъ ѣхать и къ кому приставать? Ну, какъ догадаются и узнаютъ, какъ тогда быть?»

Помышленія таковыя привели въ такую разстройку мои мысли, что я былъ власно, какъ въ ипохондріи, и въ такомъ углубленіи мыслей, что самая ѣда мнѣ на умъ не шла. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, какая перемѣна со мною долженствовала произойтить, когда въ самое сіе время вбѣжалъ ко мнѣ почти безъ души мой малый и, запыхавшись, сказалъ:—«что вы, баринъ, знаете? вѣдь Яковъ нашъ пріѣхалъ!...» — Что ты говоришь! вскричалъ я, вспрыгнувъ изъ-за стола и позабывъ объ ѣдѣ: не въ правду-ли, Абрамушка?—«Ей-ей, сударь, теперь только на дворъ взъѣхалъ, и какія же прекрасныя санки!» Въ единый мигъ очутился я тогда на крыльцѣ и отъ радости не зналъ что говорить, а только-что крестился и твердилъ: — «Ну, слава Богу!» Но радость моя увеличилась еще болѣе, когда услышалъ я отъ моего Якова, что онъ привезъ ко мнѣ не только множество всякаго запаса, но и накупилъ мнѣ всего и всего, въ чемъ наиболѣе была нужда. Привезъ мнѣ прекрасный тулупъ, большую лисью шубу, новое сѣдло и множество другихъ вещей; а что всего пріятнѣе было мнѣ, то и множество всякихъ вареньевъ и заѣдокъ, присланныхъ мнѣ отъ моей сестры, къ которой онъ заѣзжалъ и которая находилась тогда съ зятемъ моимъ въ деревнѣ; ибо сей отпущенъ былъ отъ полковника еще съ самаго начала зимы и нашелъ потомъ способъ отбиться совсѣмъ отъ службы въ отставку. Но что радость мою еще совершеннѣйшею сдѣлало, то было увѣдомленіе его, что онъ привезъ съ собою еще болѣе ста рублей денегъ. Боже мой! какъ обрадовался я сему послѣднему. Истинно я не помню, чтобъ я когда-нибудь такъ много обрадованъ былъ, какъ тогда. Таки самъ себя почти не помнилъ и не ходилъ, а прыгалъ отъ радости по комнатѣ и только-что твердилъ: — «Ну, слава Богу, теперь все у меня есть, всего много, и лошадей, и запасу, и платья, и денегъ, и всего и всего! Теперь готовъ хоть куда, и мнѣ ни передъ кѣмъ не стыдно». Словомъ, я мнилъ тогда, что я невѣдомо какъ богатъ, и что наисчастливѣйшій человѣкъ былъ въ свѣтѣ, и ты-

сячу разъ благодарилъ сперва Бога, а потомъ слугу своего Якова, за исправное отправленіе порученной ему коммиссіи. Да и подлинно, день сей былъ достопамятный въ моей жизни тѣмъ, что сколь великое чувствовалъ я при началѣ его огорченіе, столь великою, напротивъ того, радостью объято было мое сердце при окончаніи онаго.

Симъ окончу я теперешнее письмо и сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрный другъ, остаюсь, и прочая.

ВТОРИЧНЫЙ НАШЪ ПОХОДЪ ВЪ ПРУССІЮ.

Письмо 55-е.

Любезный пріятель! Радость моя о пріѣздѣ моего слуги и нетерпѣливое желаніе видѣть, что онъ привезъ съ собою, была такъ велика, что я не далъ почти времени порядочно выпрячь лошадей и прибрать, но велѣлъ скорѣе развязывать возъ и носить къ себѣ все привезенное. Удовольствіе при развязываніи и разсматриваніи всего было чрезвычайное; а то я уже никакъ изобразить не могу, какое чувствовалъ я, когда подалъ онъ мнѣ привезенный имъ мерлушечій и зеленою китайкою покрытый легонькій тулупъ. Въ единый мигъ сбросилъ я съ себя прежній гадкій и дурной овчинный и надѣлъ на себя сей новый. И что-жъ это! сколь прелестнымъ показался онъ мнѣ тогда! И мягокъ-то, и легокъ, и тепелъ, и красивъ—и всѣ качества и достоинства были въ немъ. Для испытанія привезеннаго чая и сахара, долженъ былъ Абрамъ мой тотчасъ бѣжать и въ новомъ чайникѣ варить воду, и чай сей мнѣ тогда вкуснѣе всѣхъ чаевъ въ свѣтѣ показался, и я не могъ ему довольно похвалъ приписать. Увидѣвъ же множество ветчины, тотчасъ сваренъ былъ и оной цѣлый окорокъ; и какъ я былъ до ней всегда великій охотникъ, а тогда уже нѣсколько мѣсяцевъ ее не ѣдалъ, то не могу изобразить, сколь сладокъ и вкусенъ мнѣ тогдашній ужинъ показался. По окончаніи онаго, привезенныя варенья должны были служить мнѣ вмѣсто десерта. Всѣ ихъ, сколько ихъ ни было, я отвѣдывалъ, и каждое казалось мнѣ невѣдомо какимъ драгоцѣннымъ конфектомъ. Словомъ, всѣмъ и всѣмъ я тогда удовольствовался до-сыта, и былъ всѣмъ такъ доволенъ, что ничего не желалъ болѣе. Вотъ до чего доводитъ претерпѣнная нѣсколько времени нужда, и какую великую цѣну придаетъ она и самымъ маловажнымъ вещамъ!

Итакъ, поутру, на другой день, имѣлъ я уже удовольствіе ѣхать въ своихъ санкахъ, которыя были хотя не чухонскія, а пошевенки, но я о семъ уже не заботился, а довольно, что были новыя санки съ кряковками, и что я былъ одѣтъ тепло и какъ водится, и мнѣ не только ни предъ кѣмъ было не постыдно, но я еще имѣлъ предъ многими тогда великое преимущество. Словомъ, произведенное вдругъ во всемъ изобиліе произвело даже во всемъ во мнѣ великую перемѣну. Я возъимѣлъ какъ-то и увышеннѣйшее о себѣ мнѣніе, сталъ со всѣми, которые были выше меня чинами, обходиться фамильярнѣе и вольнѣе, да и они всѣ, провѣдавъ, что ко мнѣ привезено довольно всякой-всячины и что были у молодца и денежки, стали обходиться со мною какъ-то ласковѣе, и власно какъ стараться искать моей къ себѣ дружбы и пріятства. Они стали приглашать меня чаще въ свои компаніи, просить препровождать съ ними время и брать участіе въ ихъ увеселеніяхъ, и прочая тому подобное, что все хотя и льстило моему самолюбію, но послѣ возъимѣло послѣдствія не весьма для меня выгодныя, какъ то окажется послѣ.

Походъ нашъ, какъ выше упомянуто, простирался чрезъ Польшу и прямо на прусскій городокъ Гумбинны. И поелику мы шли не спѣша, и чрезъ два дни брали всегда растахъ, и притомъ въ польскихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ получали всегда хорошія и спокойныя квартиры, то мы не чувствовали почти никакого отягощенія, и все наше шествіе можно почесть болѣе безпрерывнымъ

увеселеніемъ, нежели походомъ. Всякій день съѣзжались мы по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и, ѣдучи вереницею, другъ за другомъ, не пропускали почти ни одной на дорогѣ стоящей корчмы, въ которой бы не побывать и по нѣскольку минутъ не препроводить въ смѣхахъ, играхъ и шуткахъ. Какъ же скоро пріѣдемъ въ какое-нибудь мѣстечко и расположимся по квартирамъ, то и пойдутъ у насъ, а особливо во время дневаньевъ, разгуливанья другъ къ другу по гостямъ и вмѣстѣ потомъ, буде есть гдѣ, по трактирамъ, и начнутся картежныя игры и другъ друга угащиванія чаями, пуншами, виномъ и прочимъ. Однимъ словомъ, мы во весь сей походъ препровождали время свое очень весело, а помогала много къ тому и стоявшая тогда хорошая и самая умѣренная зимняя погода.

Впрочемъ, во время сего шествія имѣлъ я случай насмотрѣться довольно всему житью-бытью поляковъ, живущихъ въ сей части Литвы, или провинціи литовской, извѣстной подъ именемъ Жмудіи или Самогитіи, черезъ которую мы тогда шли. Мнѣ показалась она довольно, однако неслишкомъ же хороша. Самыя деревни были немного чѣмъ лучше нашихъ русскихъ, а и мѣстечки или маленькіе городочки неслишкомъ завистны и далеко не таковы хороши, какъ въ другихъ мѣстахъ Польши, чему причиною, можетъ быть, было то, что сей уголъ польскаго государства былъ весьма бѣднѣе прочихъ мѣстъ. Однако, какъ бы то ни было, однако находилось довольно и такихъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ тотчасъ любопытное наше зрѣніе, какъ скоро мы вошли въ литовскіе предѣлы. Часовеньки, стоящія неподалеку предъ въѣздомъ въ каждую деревню, доказали намъ тотчасъ, что находились мы уже въ земляхъ католицкихъ. Часовеньки сіи дѣлаются у нихъ почти такія же, какія дѣлаютъ у насъ кой-гдѣ мужики при дорогахъ, для поставленія въ нихъ иконъ: на одномъ столбикѣ и съ маленькою крышечкою; но разница только та, что у нихъ столбы сіи высокіе, и не такіе, какъ у насъ, низкіе, да и подъ кровелькою не образа ставятся, а всегда уже бываетъ рѣзное распятіе. Сіе хотя наиглупѣйшимъ образомъ и обезображается католиками, придѣлываніемъ къ поясу занавѣски, ибо отъсего всякое таковое распятіе неинако кажется какъ въ юпочкѣ, что для непривыкнувшаго видѣть сіе кажется очень дурно и нимало не кстати; однако то по крайней мѣрѣ хорошо и мнѣ весьма полюбилось, что ни одинъ католикъ, а особливо житель той деревни или села не проходитъ никогда мимо таковаго столба безъ того, чтобъ ему неостановиться и предъ распятіемъ, ставъ на колѣни и воздѣвъ руки, не прочесть краткой молитвы.

Что принадлежитъ до внутренности домовъ, то въ нихъ хотя мы и находили множество изображеній святыхъ, но не рисованныхъ, по нашему, на дскахъ, а все печатныхъ на бумагѣ и раскрашенныхъ разными красками. Сими картинами во всякомъ домѣ весь передній уголъ у нихъ улѣпливается, и всѣмъ имъ воздаютъ католики точно такое-жъ почтеніе, какъ мы иконамъ.

Кромѣ того, во время сего путешествія случалось намъ неоднократно, для любопытства, бывать и въ жидовскихъ синагогахъ или домахъ, гдѣ они поучаются слову Божію, читаютъ священное писаніе, приносятъ свои молитвы — вмѣсто храма, и коп въ священномъ писаніи упоминаются подъ именемъ сонмищей или училищъ. Въ сихъ не находили мы никакихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ лавокъ, для сидѣнія, и одного возвышеннаго посреди зданія, на подобіе амвона сдѣланнаго, и перильцами окруженнаго мѣста для читанія на ономъ священнаго писанія, и потому не имѣли опѣ никакого подобія церкви, каковыми онѣ и не почитаются.

Но сколь зрѣлища сіи въ состояніи были, по новости своей, насъ нѣсколько увеселять, столько, напротивъ того, не полюбились намъ иные предметы, начавшіе тотчасъ встрѣчаться съ зрѣніемъ нашимъ, какъ скоро мы вошли въ Польшу. Были то стоящія кой-гдѣ неподалеку

отъ дороги висѣлицы съ висящими на нихъ повѣшенными людьми. Нигдѣ, я думаю, столько людей не вѣшается, какъ въ Польшѣ. За маленькое воровство и кражу долженъ уже воръ итти на висѣлицу, и казнить его симъ образомъ можетъ не только всякое городское начальство и правительство, но и самые дворяне. Обыкновеніе, поистинѣ, весьма странное и гнусное, а что всего удивительнѣе, невыполняющее далеко той цѣли, для которой оно вошло въ употребленіе; ибо, несмотря на всю строгость сего за воровство наказанія, воры все-таки въ государствѣ не переводились и ихъ все-таки было много. Но какъ бы то ни было, но мы, по непривычкѣ своей, не могли никакъ безъ внутренняго содроганія и отвращенія смотрѣть на сіи висѣлицы, а особливо съ людьми, повѣшенными на нихъ давно и качающимися отъ вѣтра.

Далѣе памятны мнѣ очень польскія соленыя ухи, варимыя изъ рыбы; ибо какъ въ случающіеся постные дни вздумали было мы заставливать варить себѣ ухи изъ свѣжей рыбы хозяевъ нашихъ квартиръ, то скоро увидѣли, что для насъ ухи ихъ совсѣмъ негодятся, ибо они имѣютъ обыкновеніе солить ее такъ круто и много и приправливать такъ много лукомъ и перцемъ, что намъ никоимъ образомъ ѣсть ихъ было не можно, и мы не одинъ разъ принуждены были тужить, что поручали имъ сіе дѣло.

Вотъ все, что случилось мнѣ тогда во время шествія нашего черезъ Польшу замѣтить; а теперь разскажу вамъ, любезный пріятель, другое и ближе до меня касающееся. Я упомянулъ уже вамъ, что мы, идучи симъ образомъ походомъ, изыскивали и употребляли всякаго рода забавы и увеселенія, чѣмъ бы намъ прогонять скуку, съ таковымъ медленнымъ походомъ обыкновенно сопряженную. Изъ числа спхъ увеселеній можно было почесть наиглавнѣйшимъ карточную игру, какъ обыкновеннѣйшую у офицеровъ забаву. Къ сему роду увеселенія хотя я и никогда не имѣлъ склонности и охоты, однако тогда едва-было господа наши офицеры меня этому прекрасному рукомеслу не научили; ибо какъ всѣмъ имъ было извѣстно, что у молодца денежки тогда были, то явилось множество подлипалъ и друзей, старавшихся всячески заманить меня въ сѣти и приучить къ игрѣ. Какихъ и какихъ хитростей не употребляли они къ тому! Однако всѣми своими хитростями и заговорами не могли они меня никакъ заохотить и приучить къ азартнымъ играмъ, какъ то: къ квинтичу и къ банку, которыя тогда наиболѣе были въ употребленіи. Совсѣмъ тѣмъ не отдѣлался же я совершенно отъ нихъ; ибо какъ они увидѣли, что я никакъ съ сей стороны не даюсь въ обманъ, то вздумали напасть на меня съ другой, и слабѣйшей стороны. Они примѣтили, что я имѣлъ нѣкоторую склонность къ игрѣ въ ломберъ. Сія игра, которую я хотя никакъ порядочно не разумѣлъ, была мнѣ непротивна, и я не скучивалъ никогда играть въ оную; а сего было и довольно. Нѣкоторые молодцы и, между прочимъ и самъ капитанъ мой господинъ Гнѣвушевъ постарался тотчасъ меня къ оной пристрастить и довесть до того, что я почти всякій вечеръ съ ними въ нее игралъ и по нѣскольку часовъ въ сей игрѣ упражнялся. Но за сіе увеселеніе принужденъ я былъ заплатить очень дорого. Ибо несмотря какъ они меня умышленно ни расхваливали, говоря, что я и хорошо-то, и примѣчательно и искусно играю, и какъ, для вящаго заохочиванія меня, ни старались умышленно мнѣ иногда, а особливо сначала проигрывать, но я всякій разъ оставался наконецъ въ проигрышѣ. Которые проигрыши были хотя сначала невелики, но какъ послѣ мало-по-малу стали увеличиваться и наконецъ дошло до того, что не проходило вечера, въ который бы я рублей двухъ или трехъ не проигралъ, то сіе начало наконецъ дѣлаться мнѣ и чувствительно и побудило въ одинъ день сметиться, сколько я, играя такимъ образомъ въ разныя времена, уже проигралъ. Я ужаснулся, и всѣ волосы на мнѣ стали ажно дыбомъ, когда увидѣлъ, что количество сіе простиралось уже за сорокъ

рублей.— «Э! э!— воскликнулъ я тогда: — сколько это я уже пробухалъ! — и почесалъ у себя за ушми.—Ежели еще такъ-то, такъ и всѣхъ денегъ моихъ не надолго станетъ! изрядно, право, я это сдѣлалъ.... нельзя быть лучше».—Сказавъ сіе, началъ я взадъ и впередъ ходить по квартирѣ своей и самъ на себя досадовать, и бранить себя за свою неосторожность. Но какъ сіе было уже поздно, и мнѣ всѣ такія раскаяванія и досады на самого себя не помогали и денежки были уже проиграны, и проиграны невозвратно, то, сожалѣя о убыткѣ самопроизвольномъ, началъ я тогда проклинать и игру, и всю мою охоту къ оной. «Пропади она, окаянная! говорилъ я самъ себѣ: этакъ доведетъ она меня до того, что я и совсѣмъ проиграюсь и останусь опять сигъ-сигомъ, волёнъ Богъ и со всею забавою и удовольствіемъ притомъ. Не лучше ли не имѣть онаго, да остаться при своихъ денежкахъ—чуть ли не здоровѣе на животѣ будетъ».

Однимъ словомъ, денегъ проигранныхъ мнѣ тогда такъ жаль стало, что я рѣшился съ того времени никакъ болѣе не играть, и сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы благопристойнѣе мнѣ отъ товарищей моихъ отдѣлаться и отъ продолженія игры отговориться. Но, по счастію, помогла мнѣ въ томъ и судьба самая, ибо въ самое то время командированъ я былъ отъ полку напередъ въ Пруссію, для приниманія на полкъ въ городѣ Гумбинахъ провіанта, и сей случай отвлекъ меня самъ собою отъ нихъ и отъ всей ихъ зерни. Не могу довольно изобразить, какъ сожалѣли они о моей отлучкѣ и сколь много тужили о томъ, что нашъ ломберъ пресѣчется, и что имъ играть будетъ не съ кѣмъ; но у меня на умѣ совсѣмъ не то уже было. А я смѣялся только внутренно, и самъ въ себѣ говорилъ: «да! конечно жаль, что вамъ, врагамъ, не удалось и послѣднихъ денегъ у меня изъ кармана повытаскать».

Симъ образомъ отлучился я тогда на нѣсколько времени отъ полку, и въ тотъ же еще день отправился въ путь свой, а на другой въѣхалъ уже въ прусскія границы. Теперь не могу вамъ, любезный пріятель, довольно изобразить, какую восхитительную перемѣну увидѣлъ я во всемъ, въѣхавъ въ предѣлы королевства Прусскаго. Такъ случилось, что всѣ тѣ, мѣста, чрезъ которыя мнѣ до Гумбинъ ѣхать надлежало, имѣли счастіе уцѣлѣть отъ нашихъ прошлогоднихъ разореній; ибо какъ они оставались у насъ далеко въ сторонѣ, то недоѣзжали до нихъ никогда и самые казаки наши, и потому все было цѣло и все въ прежнемъ состояніи. Кромѣ сего, надобно и то сказать, что мѣста сій случились самыя тѣ, которыя лѣтъ за тридцать только до того, отцемъ тогдашняго короля населены вновь баварскими жителями или такъ-называемыми зальцбургскими эмигрантами, которые, по глупости католиковъ и единственно за протестанское исповѣданіе своей вѣры, изгнаны были изъ отечества ихъ и принуждены были искать себѣ убѣжища въ другихъ государствахъ, слѣдовательно и поселены были тутъ въ порядкѣ и со всѣми выгодами. Какое великое множество деревень представилось тогда вдругъ моему зрѣлищу! Истинно всѣ поля были ими власно какъ усѣяны! Не было мѣста, съ котораго-бъ не видно было вокругъ деревень до десяти. Деревни сіи были хотя небольшія, имѣющія всю землю свою вокругъ себя, но какіе же домы, какія строенія и какой порядокъ видѣнъ былъ повсюду! Истинно не можно было ими довольно налюбоваться. У каждаго мужика былъ такой домикъ, какого у насъ не имѣютъ и многіе дворяне, а особливо изъ бѣдныхъ. Домамъ ихъ соотвѣтствовало и все прочее строеніе: все было опрятное, уютное, все покрытое снопами и все въ порядкѣ. Что-жъ касается до самыхъ жителей, то я ласковости, услужливости и благопріятству ихъ не могъ довольно надивиться. Вездѣ, гдѣ ни случалось мнѣ кормить своихъ лошадей и ночевать, принимаемъ я былъ и угащиваемъ власно какъ бы нѣкакій родной, и мнѣ не доходила почти надобность ничего покупать, ибо хозяева старались не

только самого меня кормить и поить всѣмъ лучшимъ, что̀ у нихъ могло отъискаться въ домѣ, но и самыхъ людей моихъ и лошадей довольствовали они безденежно. Но, правду сказать, помогло мнѣ притомъ много и то, что я умѣлъ съ ними по-нѣмецки говорить и самъ съ ними обходился ласково и пріятно. Однимъ словомъ, краткое путешествіе сіе было мнѣ не только не скучно, но и такъ пріятно, что я и понынѣ его позабыть не могу.

Наконецъ пріѣхалъ я въ тотъ городъ, куда я былъ напередъ отправленъ и въ которомъ мнѣ никогда еще бывать не случалось. Тутъ удовольствіе мое еще увеличилось, когда я нашолъ и городокъ сей весь порядочно и по плану выстроеннымъ; ибо какъ и оный весь лѣтъ за тридцать же до того получилъ свое основаніе, то хотя и не было въ немъ слишкомъ богатыхъ и великолѣпныхъ домовъ, но за то повсюду господствовалъ порядокъ и вездѣ видна была чистота и опрятность. Улицы повсюду были широкія и прямыя; площади на перекресткахъ просторныя, а домики по большей части хотя не большіе, но прекрасные, уютные, покойные и на большую часть раскрашенные разными красками; на главной же площади, посреди города, находилось одно огромное и красивое каменное зданіе, въ которомъ была у нихъ ратуша и прочія правительства, суды и расправы. Ибо надобно знать, что все королевство прусское, для удобнѣйшаго собиранія доходовъ, раздѣлено было на двѣ половины, и въ каждой половинѣ находилось, для собиранія сихъ доходовъ и управленія оными, по особой каморѣ, или такъ, напримѣръ, казенной палатѣ, изъ которыхъ одна была въ Кёнигсбергѣ, а другая въ самомъ семъ городкѣ Гумбинахъ, и присутствіе оной было въ помянутомъ зданіи. Впрочемъ, весь сей прекрасный городокъ наполненъ былъ множествомъ мастеровыхъ, всякаго рода рукомесленныхъ людей, и можетъ почесться наилучшимъ изъ всѣхъ прусскихъ маленькихъ городковъ.

Я прожилъ въ оном̀ болѣе недѣли, ибо, исполнивъ порученную мнѣ коммиссію, долженъ былъ дожидаться полку. Но время сіе препроводилъ я безъ скуки. Квартира была у меня прекрасная; хозяева ласковые, старавшіеся меня не только угостить, но, примѣтя охоту мою къ книгамъ, снабдившіе меня множествомъ оныхъ. Сіе было для меня лучше всѣхъ конфектовъ, и я имѣлъ тогда случай видѣть, перебирать и отчасти читать и разсматривать многія нѣмецкія книги, а особенно анатомическія, наполненныя множествомъ рисунковъ. Кромѣ того, въ тогдашнюю мою бытность въ Гумбинахъ имѣлъ я въ первый разъ еще случай видѣть, какъ ткутся шелковые чулки; ибо, какъ фабрика сія была у меня въ сосѣдствѣ, то нѣсколько разъ хаживалъ я туда смотрѣть сей работы и дивиться искусному устроенію стана или инструмента, къ тому употребляемаго.

Наконецъ пришелъ и полкъ нашъ, и пробывъ два дня въ семъ городѣ, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ, пошелъ далѣе. Шествіе наше простиралось отъ сего мѣста чрезъ прусскія мѣстечки Даркемень, Норденбургъ, Шипенбейль и Бартенштейнъ, и походъ сей былъ прямо веселый и пріятный. Мѣста сіи были хорошія и всѣмъ изобильныя. Мы останавливались наболѣе въ мѣстечкахъ и городкахъ, которые были уже несравненно лучше польскихъ, и потому получали мы себѣ всегда хорошія и спокойныя квартиры; и какъ въ каждомъ мѣстечкѣ находили мы и трактиры, то наше первое убѣжище было въ оныхъ. Тутъ собирались мы обыкновенно почти всѣ и веселились всѣмъ, чѣмъ кому было угодно. Но что касается до меня, то товарищи мои хотя и старались заманить меня опять въ свою пайку и возобновить прежнюю ломберную игру, однако я, подъ разными претекстами, кое-какъ отъ нихъ отдѣлался и не дался въ обманъ и радъ былъ, что удалось мнѣ заблаговременно опамятоваться и остеречься.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ прусскихъ мѣстечекъ и городковъ никоторые такъ мнѣ не памятны и не полюбились, какъ Шипенбейль и Бартенштейнъ. Оба

они были на той рѣкѣ Алѣ, отъ которой мы въ минувшее лѣто воротились. Оба, хотя старинные и не по плану построенные, однако весьма изрядные, имѣющіе въ себѣ прекрасные и уютные домики и хорошія ратуши, а въ послѣднемъ изъ нихъ — старинный разоренный за́мокъ. Словомъ, всѣ мѣста, гдѣ мы тогда шли, были прекрасныя и пріятныя.

Прошедъ Бартенштейнъ, вошли мы опять въ католицкія земли. Было то епископство эрмеландское, лежащее посреди королевства Прусскаго и находившееся тогда подъ протекціею польскою, но принадлежащее бискупу эрмландскому, который тутъ жилъ и владѣлъ онымъ, какъ маленькій удѣльный князь, ибо онъ былъ кунѣ и президентъ всей польской Пруссіи. Резиденція его была въ городѣ Гейльсбергѣ, лежащемъ на той же рѣкѣ Алѣ и имѣющемъ довольно крѣпкій за́мокъ. И какъ намъ чрезъ самый сей городъ иттить и въ немъ дневать случилось, то владѣлецъ сей земельки, помянутый бискупъ, сдѣлалъ намъ честь и пригласилъ нашего полковника, и со всѣми офицерами его полку, къ себѣ обѣдать и далъ пышный и великолѣпный пиръ въ своемъ дворцѣ, посреди за́мка построенномъ. Тутъ имѣлъ я случай видѣть образъ жизни маленькихъ германскихъ удѣльныхъ князей, а вкупѣ и знатныхъ духовныхъ католицкихъ особъ. Мнѣ онъ показался довольно хорошъ. Жилъ онъ тутъ какъ маленькій государь: имѣлъ у себя нѣсколько военныхъ людей, стоящихъ у него на карауле и содержащихъ гауптвахту; были у него также пушки и придворный маленькій штатъ, какъ-то: камергеры и камеръ-юнкеры; но все сіе въ сущей миніатурѣ предъ большими государями. Онъ угощалъ насъ довольно великолѣпно, и при питьѣ за здравіе нашей государыни производима была пушечная пальба. А послѣ обѣда водилъ онъ насъ по всѣмъ покоямъ своего дворца и въ придворную свою церковь, гдѣ показывалъ архіерейскія свои католицкія украшенія. Какъ церковь, такъ и утвари въ ней и украшенія были довольно богаты и великолѣпны, и онъ самъ весьма ласковый и снисходительный человѣкъ. Но что̀ намъ курьезно и нѣкоторымъ образомъ смѣшно показалось, то былъ его маленькій клобучокъ, носимый имъ въ знакъ его духовнаго и монашескаго званія. Клобучокъ сей былъ хотя чорный, но самый маленькій и не болѣе, какъ вершковъ двухъ шириною, а въ полвершка вышиною, и прикрѣпленъ на подобіе маленькой скуфеечки, на большомъ его напудренномъ парикѣ, на темѣ сзади такъ, что спереди его ничего было не видно. Платье же на немъ было черное и верхнее длинное и довольно осанистое.

Препроводивъ въ семъ довольно изрядномъ городкѣ почти двое сутокъ, пустились мы далѣе и шли нѣсколько еще дней симъ епископствомъ, чрезъ незнаменитые городки, къ нему же принадлежащіе, Гутштадтъ и Аленштейнъ, а потомъ вошли опять въ Пруссію и шли оною нѣсколько дней. Въ сіе время случилось мнѣ однажды принимать фуражъ на полкъ въ одномъ прусскомъ городкѣ, Остеродѣ, гдѣ мы дневали. При семъ случаѣ не могъ я довольно надивиться исправности прусскаго правительства, ибо по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ намъ по росписанію назначено было иттить, находили мы уже все заготовленное. Былъ вездѣ готовъ не только провіантъ и фуражъ, но навезены со сторонъ всякіе нужные съѣстные припасы для продажи войску. Что касается до сѣна, которое долженствовало мнѣ принимать, то мнѣ не было нужды его вѣшать: все оно было перевязано въ пуки, по десяти фунтовъ; итакъ, стоило только отсчитывать оные, и я могъ въ короткое время и съ малымъ трудомъ коммиссію свою кончить.

Препроводивъ нѣсколько дней въ походѣ чрезъ Пруссію, вышли мы наконецъ совсѣмъ изъ оной и вошли въ предѣлы, такъ-называемой, Польской Пруссіи и той части оной, гдѣ находились города Кульмъ, Грауденцъ и Торунь. Эту землю нашли мы весьма отмѣнною отъ прусской: всѣ жители были опять католики и несравненно бѣднѣе и хуже прусскихъ.

Что-жъ касается до городовъ и мѣстечекъ, то они были довольно изрядные, однако далеко не таковы хороши, какъ прусскіе. Мы проходили ихъ тутъ три, а именно: Неймаркъ, Страсбургъ и Голапъ. Посреди каждаго изъ нихъ находили мы четвереугольную и довольно обширную площадь, окруженную сплошными и довольно высокими домами, отчасти каменными, а отчасти полукаменными, то-есть связанными изъ переплетенныхъ между собою деревянныхъ столбовъ и брусьевъ, между которыми промежутки закладены были кирпичемъ, и каковыхъ строеній было множество и во всей Пруссіи. Они называются у нихъ фахверками, или кирпичными мазанками, и составляютъ средній родъ зданія между каменныхъ и деревянныхъ, и довольно хороши и пригожи. На самой же срединѣ помянутыхъ площадей находилась всегда уже городская ратуша, составляющая наилучшее зданіе въ городѣ. Внизу же домовъ, окружающихъ площадь, находились лавки съ разными товарами. Далѣе замѣчанія достойно, что во всѣхъ сихъ, какъ прусскихъ, такъ и польско-прусскихъ городкахъ находились аптеки, въ которыхъ продавались не столько лекарства, сколько всякія овощи и съѣстныя вещи.

Впрочемъ, надобно сказать, что походъ, со вступленія въ польскую Пруссію, сдѣлался намъ несравненно труднѣе и хуже прежняго, не только потому, что тутъ дороги были несравненно хуже нежели въ Пруссіи, но и по причинѣ, что около этого времени началъ уже зимній путь рушиться и наступала самая половодь, и дороги сдѣлались такъ дурны, что по нихъ ни на саняхъ, ни на телегѣ, ѣхать было не можно. Итакъ, имѣли мы много труда и принуждены были сани свои кидать и повозки свои становить на колеса, а сами, вмѣсто санокъ, ѣхать опять на верховыхъ лошадяхъ.

Какъ походъ нашъ простирался вдоль по рѣкѣ Брибентѣ и оная рѣка тогда уже прошла, мы же къ ней всякій день прихаживали, то, пользуясь симъ случаемъ, нерѣдко увеселялись мы рыбною ловлей, и рыбы было у насъ всегда довольно, что по тогдашнему великопостному времени было для насъ очень кстати.

Впрочемъ, какъ во время самаго шествія случилась у католиковъ страстная недѣля и великая пятница, то, ѣдучи въ самое сіе утро и очень рано мимо одного католицкаго костела, имѣлъ я случай насмотрѣться всему, что у католиковъ въ сей день въ церквахъ ихъ происходитъ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я, какъ они бичуются, или, покрывъ голову свою, чтобъ никто ихъ не узналъ, и обнаживъ спину, сѣкутъ сами себя бичами или особливаго рода плетьми, и производятъ сіе мнимое служеніе къ Богу съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, а сами къ себѣ немилосердіемъ, что у иныхъ кровь даже ручьями текла изъ спинъ. Но колико зрѣлище сіе было для насъ отвратительно, толико странно казалось другое обыкновеніе, господствующее у католиковъ, а именно: вмѣсто выносимой у насъ плащаницы, выносится у нихъ большое рѣзное распятіе, полагается въ церкви на полъ, и тогда всѣ женщины, а особливо старушки, подходя и становясь на колѣни, воютъ, плачутъ и бьются надъ онымъ, точно такъ, какъ бы надъ умершимъ человѣкомъ, и смачиваютъ все оное своими слезами; чему всему не могли мы довольно насмотрѣться.

По причинѣ мѣшающей намъ въ походѣ половоди и величайшей распутицы, промедлили мы такъ долго, что препроводили и свою святую недѣлю въ дорогѣ. Мы праздновали день нашей пасхи въ мѣстечкѣ ихъ Голапѣ и становили нарочно для того полковую церковь. И сія святая недѣля была намъ очень не весела, и мы почти оной не видали, а особливо потому, что, идучи отъ помянутаго мѣстечка прямо къ Торуню, принуждены мы были иттить самыми прескверными мѣстами и имѣть квартиры въ наибѣднѣйшихъ и такихъ польскихъ деревняхъ, въ которыхъ жители едва сами имѣли свой насущный хлѣбъ и жили въ наимизернѣйшемъ состояніи.

Но никому тогдашнее время такъ скуч-

но и досадно не было, какъ мнѣ. Причиною тому было то обстоятельство, что, по дурнотѣ дороги, по тягости моей повозки и по недостатку довольнаго корма лошадямъ, я всѣхъ своихъ лошадей такъ изнурилъ, что онѣ едва въ состояніи были везти мою кибитку и на всякой почти верстѣ, наконецъ, становились. Но изъ всѣхъ дней, никоторый мнѣ такъ досаденъ не былъ, какъ самый послѣдній сего нашего похода, или послѣдній переходъ къ городу Торуню. Поелику одна изъ лошадей моихъ въ кибиткѣ совсѣмъ уже не везла, то принужденъ я былъ отдать свою верховую, а самъ взять сію изнурившуюся. Но сія проклятая скотина столько мнѣ въ этотъ день надоѣла, что я истинно животу не радъ былъ съ нею: не шла, проклятая, и подъ верхомъ, или по крайней мѣрѣ тащилась такъ, что я никакъ не могъ успѣвать за своими товарищами. Сколько я ее ни стегалъ плетью, сколько ни колотилъ ногами, но она была безчувственна и не хотѣла ни на волосъ прибавить своей медленной походки, а только что чаще еще совсѣмъ останавливалась; а наконецъ, какъ осталось уже не болѣе какъ версты три иттить то, окаянная, стала-таки такъ, что и съ мѣста сойтить не хотѣла. «Что ты изволишь дѣлать? Ахъ проклятая! говорилъ я, что ты надо мною надѣлала?...» Я «ну! ну!» но не тутъ-то было! Я досадую, сержусь, бью, браню, ругаю, но она не чувствуетъ ничего, а только что посматриваетъ. Что прикажешь дѣлать? Другого не оставалось, какъ сходить долой, иттить пѣшкомъ и ее вести въ поводу. Хоть и не хотѣлось, но я принужденъ былъ сіе дѣлать и радовался по крайней мѣрѣ тому, что хоть сіе сколько-нибудь помогло. Однако и сіе удовольствіе продлилось недолго. Скоро и весьма скоро дошло до того, что она, проклятая, и порожная стала, и ее съ мѣста стурыкать было не можно. Я тащить ее за поводъ, я сердиться, я злиться, я «ну ну! ну!» но она всего того не уважала, а только что глазами похлопывала. «Ахъ ты капалья! говорилъ я, что ты надо мною начудесила! Что мнѣ теперь съ тобою дѣлать?» Золъ я былъ на нее такъ, что не однажды хватался за шпагу, вознамѣриваясь ее, проклятую, заколоть; но короткость остающагося уже пути, доброта самой лошади и надежда, что она оправится — удерживала и не допускала меня до того. Совсѣмъ тѣмъ, горе на меня было тогда превеличайшее, и я не зналъ, что мнѣ тогда съ нею начать и дѣлать было, и радовался, по крайней мѣрѣ тому, что сего бѣдствія надо мною и сей напасти моей никто не видалъ, ибо, какъ весь полкъ далеко уже впередъ и со всѣми обозами ушолъ, то и находился я одинъ-одинехонекъ на чистомъ полѣ и въ виду уже города Торуня. Но, по счастію, пришло мнѣ на мысль дать ей отдохнуть. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ выбравъ сухонькій бугорокъ, сѣлъ я на ономъ и положилъ, буде кто спроситъ, сказать, что у меня животъ заболѣлъ; но, по счастію, никто меня не спрашивалъ и я не имѣлъ нужды лгать и на себя болѣзнь всклепывать; а что того лучше, то немного погодя пришла мнѣ другая мысль, а именно: чтобъ покормить ее хлѣбомъ, котораго хорошенькая краюшечка случилась тогда со мною въ кисѣ, вмѣстѣ съ кускомъ жаренаго мяса, каковую запасную провизію мы всегда съ собой возили. Итакъ, ну-ка я ее кормить хлѣбомъ и солить оный, чтобъ она охотнѣе кушала, и радъ уже былъ тому, что она ѣла. Сіе и данное ей часа на два отдохновеніе столько ей помогло, что она въ состояніи была наконецъ довезть меня кое-какъ до города.

И какъ сей городъ былъ тогда предѣломъ нашего похода, и мы, передневавъ въ ономъ, расположены были въ окрестностяхъ его по кантониръ-квартирамъ, то на семъ мѣстѣ окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и прочее.

СТОЯНІЕ ПРИ ТОРУНѢ.

Письмо 56-е.

Любезный пріятель! Сколько терпѣли мы трудовъ и безпокойства при окон-

чаніи послѣдняго нашего похода, столько обрадовались мы, получивъ, противъ всякаго чаянія и власно, какъ въ награжденіе за наши труды, весьма прекрасныя квартиры. Идучи выше упомянутыми худыми и самыми бѣдными мѣстами, и заключая предварительно, что намъ въ такихъ же скверныхъ и бѣдныхъ жилищахъ и на квартирахъ стоять доведется, досадовали мы уже невѣдомо какъ, что мы въ надеждѣ своей—стоять на хорошихъ прусскихъ квартирахъ—столь сильно обманулись, и что на славный Кёнигсбергъ, составляющій столь уже давно наиглавнѣйшую цѣль нашихъ желаній, намъ и посмотрѣть не удалось; а посему легко можно всякому заключить, сколь радость наша была велика, когда мы, противъ всякаго нашего чаянія, увидѣли себя въ напрекраснѣйшихъ и такихъ квартирахъ, которыя все наше чаяніе съ ожиданіемъ превосходили. Однако надобно и то сказать, что не всему нашему полку удалось пользоваться симъ счастіемъ, а почти однимъ только нашимъ гренадерскимъ ротамъ; ибо какъ самому штабу нашему назначено было стоять въ самомъ городѣ Торунѣ и его форштатахъ, то гренадерскія роты, яко первѣйшія въ полку, и расположены были въ наближайшей къ городу деревнѣ, а деревня сія и случилась самая лучшая и особливаго рода; она называлась Гурске, отстояла отъ города не болѣе какъ верстъ пять и принадлежала къ такъ-называемымъ жулавамъ; и какъ она достойна особливаго замѣчанія, то и упомяну я о ней нѣсколько подробнѣе.

Жулавами какъ около Данцига, Эльбинга, Маріенбурга, такъ и тутъ называются всѣ тѣ селенія, которыя поселены на низменныхъ, подлѣ самой рѣки Вислы и ея разныхъ рукавовъ лежащихъ мѣстахъ. Извѣстное то дѣло, что мимо Торуня протекаетъ взявшаяся изъ самой внутренности Польши превеликая и широкая рѣка Висла, простирающая теченіе свое отъ сего города мимо Кульма, Грауденца, а потомъ, раздѣлясь на два рукава, впадающая при Данцигѣ въ море. Сія рѣка имѣла, индѣ по обѣимъ сторонамъ; а индѣ по одной, обыкновенныя низменныя и поемныя мѣста, простирающіяся отъ воды до слѣдующихъ затѣмъ возвышенныхъ и гористыхъ береговъ, на неравное разстояніе, гдѣ версты на двѣ, гдѣ больше, а индѣ меньше. Сіи низменныя мѣста въ древности понимаемы были обыкновенною половодною изъ рѣки водою и, отъ напосимаго и остающагося на нихъ ила, имѣли время такъ утучниться, что они сдѣлались наиплодороднѣйшими, но долгое время лежали они въ праздности и производили только одну траву; но со временемъ наконецъ, по какому-то случаю, вздумалось нѣкоторымъ выходцамъ изъ нидерландскихъ и голанскихъ предѣловъ поселиться на сихъ мѣстахъ и отнять ихъ, такъ-сказать, насильно отъ наглости наводненій и заставить производить наилучшее хлѣбородіе.

Они произвели сіе чрезъ сдѣланіе подлѣ самаго берега рѣки и вдоль всего onаго безпрерывной, преогромной и претолстой плотины, усаженной ветлами или лозами, столь высокой, чтобъ никакая полая вода, и какъ бы она въ рѣкѣ ни возвышалась, не могла достигать до самаго верха оной и переливаться черезъ опую; а такія-жъ плотины подѣлали они по обѣимъ сторонамъ и всѣхъ впадающихъ съ боку въ Вислу маленькихъ рѣчекъ. И какъ чрезъ то всѣ помянутыя поемныя мѣста сдѣлались отъ паводненія рѣки безопасными, то и поселились они на нихъ совсѣмъ отмѣннымъ образомъ и такими деревнями, какихъ я нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не видывалъ, а именно:

Каждая деревня простиралась на нѣсколько верстъ въ длину, хотя и не содержала въ себѣ знатнаго количества дворовъ, потому что каждый дворъ отъ двора былъ сажень на полтораста, а иногда еще и больше разстояніемъ. Сіи промежутки заняты были ихъ садами и полями, ибо каждый крестьянинъ имѣлъ всю свою землю вокругъ своего двора и жилъ, власно, какъ особнякомъ. Всѣ наши его

и сады обрыты были множествомъ рвовъ и каналовъ; и какъ имъ и пахать ихъ и унаваживать было близко, то и производили они такое хлѣбородіе, которому чудиться было должно.

Что-жъ касается до самаго зданія дворовъ ихъ, то и оное было совсѣмъ отмѣннаго рода. Все крестьянское строеніе помѣщается у нихъ въ одну длинную связь и подъ одну кровлю, и потому съ перваго вида въ такой деревнѣ кажутся они не дворами крестьянскими, а превеликими корчмами, разбросанными по разнымъ мѣстамъ, или, такъ, напримѣръ, какъ нашими большими ригами и молотильными сараями. На одномъ концѣ сихъ зданій находилось самое жилье хозяина. Оно составлено было обыкновенно изъ трехъ бѣлыхъ комнатъ: одна изъ нихъ составляла большую и чисто-прибранную горницу, освѣщенную тремя или четырьмя красными большими окошками и согрѣваемую порядочно кафленою или кирпичною печью; другіе два покоя были съ боку, и меньше, а одинъ изъ нихъ служилъ либо спальнею хозяину, либо кладовою, а въ другомъ, и ближе къ печи находящемся, жили его работники и работницы. Предъ комнатами сими были просторныя сѣни съ находящеюся посрединѣ ихъ отгородкою для очага и кухни; а оттуда же тонятся и объ печи, въ покояхъ находящіяся. Впрочемъ, было изъ сѣней сихъ три выхода: одинъ на переднее крыльцо, другой — на другую сторону, въ сады его и огороды, а третій — прямо въ его конюшню, которая примыкала вплоть къ его сѣнямъ, и гдѣ на стойлахъ стояли не только его лошади, но и коровы въ наилучшемъ порядкѣ. За сею конюшнею слѣдовали другіе хлѣвы и покои, для овецъ и другого мелкаго скота, а за сими просторное отдѣленіе — для становленія его повозокъ и поклажи, всякой сбруи, а далѣе засимъ амбары хлѣбные, а наконецъ, замыкало просторное отдѣленіе, назначенное для складки немолоченнаго хлѣба, которое вкупѣ служило ему и вмѣсто молотильнаго сарая, ибо тутъ, обыкновенно, они хлѣбъ свой складываютъ и молотятъ. Всѣ сіи разныя отдѣленія были одинаковой вышины и всѣ покрыты одною и порядочною кровлею; и какъ въ таковой длинной и иногда саженъ въ двадцать и болѣе въ длину простирающейся связи, можно крестьянину тамошнему умѣститься со всѣми своими нуждами, то и нѣтъ у нихъ, по большей части, кромѣ сей связи никакихъ иныхъ зданій подъ особливыми кровлями, и весь его дворъ состоитъ въ единой сей связи.

Совсѣмъ тѣмъ живутъ они весьма богато и въ такомъ изобиліи, въ какомъ у насъ не живутъ иные бѣдные дворяне. Жилыя комнаты прибраны у нихъ чисто и даже до того, что у многихъ есть часы стѣнные; стулья же и порядочные столы и шкафы вездѣ находились. Платье носятъ хотя крестьянское, но чистое, порядочно сшитое и хорошее, а особливо женщины. Ѣдятъ также всегда хорошо, и что̀ удивительнѣе всего, самый хлѣбъ ѣдятъ почти всѣ пеклеванный. Скота имѣютъ довольно и притомъ весьма хорошаго, а сады наполнены у нихъ вишнями, яблоками и другими плодоносными деревьями и въ превеликомъ множествѣ. Словомъ, они живутъ въ превеликомъ изобиліи и многіе изъ нихъ, а особливо въ пастоящихъ жулавахъ, ближе къ Данцигу, имѣютъ великіе и до нѣсколькихъ тысячъ простирающіеся достатки и играютъ тамъ важныя роли.

Таковаго-то рода была та деревня, въ которой назначено было имѣть намъ наши вешнія кантониръ-квартиры. Она была хотя наибѣднѣйшая изъ всѣхъ жулавскихъ, однако и тутъ не могли мы довольно налюбоваться житьемъ-бытьемъ нашихъ хозяевъ. Но какъ всѣ полки расположены были тогда вдоль по рѣкѣ Вислѣ и очень тѣсно, то стояли и мы тогда нѣсколько тѣсненько, и одинъ только мой капитанъ получилъ особый дворъ; а впрочемъ, мы, офицеры, должны были стоять по два и по три человѣка вмѣстѣ, а солдаты по цѣлому капральству надо

ной квартирѣ. По самому сему обстоятельству принужденъ былъ и я тогда стоять не одинъ, а съ другими подпоручиками нашей роты, а именно съ г. Головачовымъ и г. Бачмановымъ, изъ которыхъ первый назывался Матвѣемъ Васпльевичемъ и былъ человѣкъ очень постоянный, добрый и мною всегда любимый и мнѣ хорошій пріятель; а второй— Макаромъ Ивановичемъ, и былъ также человѣкъ добрый и простодушный; но, будучи новогородскимъ помѣщикомъ, во многихъ вещахъ весьма смѣшной и курьезный.

Итакъ, хотя стояла насъ въ одномъ домѣ съ людьми нашими и хорошая семейка, однако намъ по пространству комнаты и дома ни мало не было тѣсно; но мы квартирою своею были довольны, и тѣмъ паче, что хозяинъ случился у насъ человѣкъ добрый, а хозяйка — того добрѣе. Оба они старались паперерывъ намъ служить всѣмъ, чѣмъ могли, и намъ не было почти нужды покупать ни для себя съѣстныхъ припасовъ, ни для лошадей нашихъ корма, ибо хозяева за безчестіе себѣ ставили и не хотѣли слышать того, чтобъ мы то покупали, что у нихъ есть и чѣмъ они намъ услужить могутъ. А сему много поспѣшествовало и то, что я съ ними, какъ съ нѣмцами, говорить и ихъ всегда самъ ласкать умѣлъ.

Симъ образомъ стояли мы тутъ не только въ совершенномъ довольствѣ, но, можно сказать, и прямо весело. Капитанъ нашъ стоялъ отъ насъ только саженъ съ двѣсти, прочіе офицеры также недалеко, и мы могли съ ними видаться очень часто; а сверхъ всего того, и домашнее общество было само-по-себѣ веселое. Г. Бачмановъ увеселялъ насъ всякой день своими поступками и странными нарѣчіями, а паче всего безпрерывными съ денщикомъ своимъ, Доропею, ссорами и новогородскими браньми. Мы шутили и трунили надъ нимъ, какъ надъ хорошимъ шутикомъ и надсѣдались иногда со смѣха, приводя его въ сердце и опять съ нимъ примиряясь.

Впрочемъ, не успѣли мы тутъ расположиться и совсѣмъ обострожиться, какъ захотѣлось мнѣ побывать въ Торунѣ и посмотрѣть сей городъ. Я нашелъ его весьма хорошимъ и непохожимъ нимало на польскій, а совершенно нѣмецкимъ и весьма похожимъ на нашу Ригу. Строеніе въ немъ было все каменное, сплошное и высокое; улицы такія же тѣсныя и кривыя, а жители, на большую часть, были нѣмцы, и многіе изъ нихъ весьма зажиточные и имѣютъ хорошіе дома.

Мое первое дѣло было, по пріѣздѣ въ сей городъ, чтобъ поискать нѣтъ ли въ оном такой же книжной лавки, какая есть въ Ригѣ, и къ превеликому удовольствію моему, и нашелъ ее. Она была хотя не такова велика, какъ рижская, но довольно изрядная, и я могъ часъ, и болѣе времени, съ превеликимъ удовольствіемъ препроводить въ пересматриваніи и перебираніи оныхъ. Еслибъ не мѣшало то мнѣніе, что мнѣ никакъ не можно отягощать много себя книгами, и чтобъ не принуждено было опять ихъ по прежнему бросить, то, имѣя тогда у себя деньги, накупилъ бы я ихъ множество. Но сколь мнѣ вышеупомянутое обстоятельство ни мѣшало, однако не могъ я никакъ разстаться съ попавшимся мнѣ тогда на глаза новымъ ежемѣсячнымъ нѣмецкимъ журналомъ, выдаваемымъ въ Данцигѣ, подъ именемъ «Историческихъ извѣстій» о тогдашней войнѣ нашей, со всѣми реляціями, планами и описаніями баталій и всего прочаго. Вся кровь моя взволновалась, увидѣвъ толь любопытное, по тогдашнему времени, сочиненіе. Я тотчасъ купилъ всѣ части, сколько ихъ тогда вышло, и радъ былъ тому такъ, какъ бы нашелъ какое великое сокровище.

Но не одно сіе произвело въ сію поѣздку мнѣ удовольствіе въ семъ городѣ, а было нѣчто и другое. Какъ по искупленіи всѣхъ нужныхъ вещей случилось намъ обѣдать тутъ, въ трактирѣ, то въ самое то время, и власно, какъ нарочно, для удовольствованія моего любопытства, пришелъ туда человѣкъ съ проспективическимъ ящикомъ, въ которомъ, сквозь

стекло, показываютъ разныя прошпективическіе виды городамъ, и который многіе у насъ неправильно называютъ каморою-обскурою. Мнѣ сего оптическаго инструмента никогда еще до того времени не случалось не только видать, но и слышать, что онъ есть на свѣтѣ, и — Боже мой!—съ какимъ это удовольствіемъ, радостью и любопытствомъ смотрѣлъ я въ него и любовался толь живо и, власно, какъ въ натурѣ изображающимися въ ономъ видами знаменитѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ и наилучшихъ въ нихъ зданій и улицъ. Словомъ, я прыгалъ почти отъ радости, получивъ случай ихъ, хотя на бумагѣ, видѣть и получить о нихъ нѣкоторое понятіе. Я не могъ устать, пересматривая всѣ его картины и разсматривая самое устроеніе сей машины, которая мнѣ показалась весьма проста и безъ дальней хитрости сдѣланною, и съ превеликою охотою заплатилъ то небольшое число денегъ, которое слѣдовало дать показывавшему намъ оныя и питающемуся тѣмъ человѣку.

Не успѣлъ я возвратиться въ свою квартиру, какъ принялся за купленныя мною книги, и началъ тотчасъ оныя читать и сидѣть за нами денно и ночно. Матерія въ нихъ мнѣ столь полюбилась, и вся исторія войны нашей казалась мнѣ столь любопытною, что я чрезъ нѣсколько дней вознамѣрился всю ее перевесть, дабы могли чтеніемъ оной пользоваться и мои товарищи и другіе полку нашего офицеры. Странное, поистинѣ, и самое легкомысленное предпріятіе! Я никакъ не разсуждалъ о томъ, сколь великое и силамъ моимъ ни мало несоразмѣрное предпринимаю я дѣло; не разсуждалъ о томъ, достанетъ ли мнѣ къ тому довольно время и досуга, и будетъ ли столько терпѣнія, чтобъ перевесть толь великія книги, а наконецъ не приходило мнѣ на умъ подумать и о томъ, стоитъ ли для кого предпринимать столь великій трудъ, и найду ли я многихъ и столь любопытныхъ читателей, каковъ былъ самъ. До всего того мнѣ не было нужды; но я, слѣдуя единственно своей охотѣ и сродной тогдашнимъ моимъ лѣтамъ пылкости и легкомыслію, принялся дѣйствительно за сей трудъ, и нѣсколько дней сряду трудился надъ симъ переводомъ неусыпно и такъ, что въ короткое время написалъ я нѣсколько тетрадей, и можетъ быть, написалъ бы еще и больше, если бы слѣдующее обстоятельство не поубавило во мнѣ нѣсколько къ тому охоты, а послѣдующая потомъ въ обстоятельствахъ нашихъ перемѣна—и совсѣмъ тщетный сей и пустой трудъ наконецъ не перервала и не уничтожила. А именно: написавъ вышеупомянутымъ образомъ нѣсколько тетрадей, восхотѣлось мнѣ получить за трудъ мой всю ожидаемую мзду, и давъ прочесть мой переводъ кой-кому изъ своихъ собратій, взять соучастіе въ томъ удовольствіи, какое они при чтеніи оной имѣть будутъ. Въ безсумнѣнной надеждѣ, что сіе воспослѣдуетъ, и учинилъ я сіе дѣйствительно, и далъ попользоваться имъ нѣкоторымъ изъ любопытнѣйшихъ офицеровъ. Но вообразите себѣ, сколь велика долженствовала быть моя досада и негодованіе, когда, вмѣсто ожидаемой жадности къ чтенію, не примѣтилъ я въ нихъ ни малѣйшаго почти любопытства и охоты къ чтенію, и когда нѣкоторые, не прочитавъ и трехъ страницъ, начинали уже зѣвать, а другіе и въ руки взять не хотѣли, но спѣшили охотнѣе къ пріятнѣйшимъ для себя упражненіямъ, то-есть къ игранію въ карты, распиванію пуншей, къ лазуканью за крестьянскими дѣвками и служанками, въ чемъ напболѣе тогда всѣ господа наши офицеры упражнялись и въ чемъ наилучшее для себя находили препровожденіе времени. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было: я бранилъ всѣхъ ихъ мысленно, смѣялся ихъ невѣжеству и тому, что они имѣли столь мало любопытства, и наконецъ самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «не стòите же вы, государи мои, того, чтобъ для васъ столь много трудиться и работать, а оставайтесь вы лучше при своихъ дурацкихъ упражненіяхъ; а мнѣ не лучше ли перестать для васъ дурачиться и просиживать цѣлые дни и вечера, для удовольствія мни-

маго вашего любопытства, котораго въ васъ никогда не важивалось». Съ того времени пересталъ я такъ надъ переводомъ симъ надрываться, какъ до того времени, а самое сіе остановило нѣсколько и прежнюю мою работу, то-есть переписываніе на-бѣло моего Клевеланда и продолженіе перевода онаго; ибо я не лучшей мзды могъ ожидать себѣ и за сей трудъ; а о томъ, чтобъ могъ опъ когда-нибудь быть напечатанъ — тогда и мыслить было никакъ не можно. Итакъ, съ сего времени я хотя кой-когда и переводилъ, но единственно уже для своего увеселенія и тогда, когда мнѣ было дѣлать нечего и когда прискучивало мнѣ уже чтеніе.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Курляндіи къ Торуню шли, и тутъ по кантониръ-квартирамъ стояли, помышлялъ новый предводитель нашей арміи о томъ, какъ бы ему благовременно съ арміей своей выступить въ дальнѣйшій походъ и успѣть сдѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія; ибо надобно знать, что война не клонилась къ окончанію, но еще часъ-отъ-часу возгаралась больше. Успѣхи короля прусскаго въ минувшую осень произвели при всѣхъ европейскихъ дворахъ великіе во всѣхъ дѣлахъ перевороты, и всѣ обстоятельства во многомъ перемѣнились—по чему и дивиться не можно. Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не думалъ и не ожидалъ, чтобъ война минувшаго лѣта такимъ образомъ кончилась, какъ изображено было выше, и всѣ чудились только всѣмъ произшествіямъ. И поистинѣ, ни въ какую кампанію, я думаю, не бывало столько скорыхъ и незапныхъ переворотовъ счастія въ несчастіе, и несчастія въ счастіе, какъ въ бывшую въ минувшее лѣто. Промыслъ божескій, распоряжающій по-своему всѣ произшествія военныя, дѣлалъ въ судьбахъ всѣхъ воюющихъ державъ весьма странные перевороты: пруссаковъ то возводилъ опъ на блестящую степень счастія, то низвергалъ въ бездну несчастій и золъ. Мы, россіяне, какъ можно видѣть изъ предслѣдующаго, выграли надъ пруссаками баталію, а вышли изъ Пруссіи какъ побѣжденные и разбитые. Французы мнили, что низложили и обезоружили совсѣмъ герцога Кумберландскаго; но слухъ о томъ не успѣлъ еще и разнестись по всей Европѣ, какъ извѣстіе уже получено, что одна изъ ихъ армій совсѣмъ разбпта, и что герцогъ Кумберландскій власно какъ опять ожилъ. Цесарцы мнили, что они совсѣмъ завоевали Шлезію, и ласкались уже надеждою скоро увидѣть и всей войнѣ окончаніе; но вдругъ получаютъ ударъ за ударомъ, и толикія несчастія, что принуждены оставить всю Шлезію и бѣжать съ остатками разбитыхъ своихъ армій назадъ въ Богемію.

Таковой странный переворотъ счастія и всѣхъ обстоятельствъ поразилъ всю Европу, власно, какъ ударомъ. Всѣ дворы изумились, и нѣсколько времени не знали что́ начинать и дѣлать. Но скоро начались новыя затѣи и новыя предпачинанія: всѣ дворы, составляющіе такъ-называемый большой союзъ, то-есть, нашъ россійскій, цесарскій, французскій и шведскій, не могли спокойно перепесть толикой неудачи. Они пылали досадою и желали отмстить за всѣ причиненныя имъ досады и оскорбленія, и по самому тому восприяли опять оружіе и положили употребить еще болѣе усилія. Съ другой же стороны, король прусскій, видя необходимость къ продолженію войны, и будучи ободренъ послѣдними своими успѣхами, и отъ того ласкаясь надеждою получить еще лучшія, началъ употреблять всѣ свои силы къ приведенію себя въ состояніе противиться своимъ непріятелямъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не успѣла зима наступить, какъ каждый дворъ началъ вновь вооружаться, и съ вящимъ еще рвеніемъ нежели прежде. Король прусскій, сколько ни хитрилъ и ни старался, при помощи союзниковъ своихъ англичанъ, императрицу нашу отвлечь отъ союза съ цесарцами и французами и сколько ни надѣялся на тайныя обязательства и соглашенія свои съ тогдашнимъ наслѣдникомъ россійскаго

престола и на его себѣ во всемъ вспоможеніе, но министры цесарскаго и французскаго двора, происками и стараніями своими, превозмогли всѣ его хитрости и уничтожили во многомъ его замыслы. Имъ удалось привлечь министровъ нашихъ и фаворитовъ императрицыныхъ на свою сторону и узнавъ нѣсколько о помянутыхъ выше его тайныхъ обязательствахъ у его съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, произвесть наконецъ ту перемѣну, что управляющій до того всѣми дѣлами, канцлеръ Бестужевъ, сверженъ, и чрезъ то всѣмъ дѣламъ произведенъ лучшій оборотъ и между прочимъ то, что императрица твердо предпріяла продолжать войну, вмѣстѣ съ прочими, противъ короля прусскаго.

О вышеупомянутомъ тайномъ соглашеніи, бывшемъ тогда у короля прусскаго съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, носились тогда одни только темные слухи, а настоящаго дѣла неизвѣстно было, покуда король прусскій въ послѣдующія времена не открылъ самъ онаго при сочиненіи исторіи о сей войнѣ. Онъ говоритъ, что помянутый великій князь, будучи еще голштинскимъ принцемъ, былъ весьма золъ на датчанъ за причиненныя отъ датскаго двора предкамъ его обиды и несправедливости, и пылая желаніемъ, по вступленіи своемъ на престолъ, имъ отмстить, опасался, чтобъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ ищущій себѣ повсюду союзниковъ король прусскій не содружился съ ними, и что самое сіе побудило его просить короля прусскаго никакъ незаключать съ ними союза, обѣщая за то съ своей стороны всѣми силами своими и возможностями помогать королю при тогдашней войнѣ. Что-жъ касается до Бестужева, то сколько сначала шолъ онъ самъ противъ короля прусскаго, столько сталъ самъ держать его сторону, когда императрица занемогла и онъ, опасаясь ея кончины, прилѣпился къ великому князю, яко къ преемнику престола: а самое сіе и было причиною, что онъ велѣлъ въ минувшее лѣто графу Апраксину возвратиться изъ Пруссіи. Но какъ графъ Бестужевъ былъ сверженъ и сосланъ въ ссылку и управлять дѣлами стали иные люди, то и пошло все инако. А потому-то и велѣно было войскамъ нашимъ итти тотчасъ опять назадъ, въ королевство Прусское, и запявъ оное, итти въ послѣдующее лѣто далѣе и утѣснять короля прусскаго даже въ самыхъ внутреннихъ его бранденбургскихъ областяхъ, и дабы все сіе съ лучшимъ успѣхомъ можно было произвесть въ дѣйство, то не только для укомплектованія арміи собраны были вновь рекруты, но и составленъ новый и особливый корпусъ, подъ именемъ обсерваціоннаго, и отправленъ прямо чрезъ Польшу для соединенія съ нашею арміей. И какъ оный весь составленъ былъ на большую часть изъ налучшихъ людей, выбранныхъ изъ старыхъ украинскихъ полковъ, то и полагалась на него великая надежда.

Съ другой стороны, и цесарева не меньшія дѣлала приуготовленія къ войнѣ, какъи мы. Она укомплектовала также арміи свои рекрутами, а сверхъ того, была такъ счастлива, что венгерскіе жители, изъ усердія своего къ ней, сами собой обѣщали дать ей сорокъ тысячъ войска и содержать его на своемъ коштѣ. Главная команда надъ арміями поручена была опять славному генералу Дауну, а другая, противъ Саксоніи, находилась подъ командою генерала Сербелони, и обоимъ имъ велѣно было, колико можно ранѣе, начать свои военныя дѣйствія.

Съ третьей стороны готовилась опять и имперская, сборная изъ разныхъ нѣмецкихъ народовъ, армія, также къ военнымъ операціямъ, и предводительство надъ нею получилъ принцъ Цвейбрикскій.

Съ четвертой, не оставили и французы исполнить то же, и упражнялись во всю зиму къ продолженію войны, какъ противъ пруссаковъ, такъ и противъ англичанъ, во всѣхъ нужныхъ приуготовленіяхъ; и какъ послѣднею поступкою маршала Ришелье былъ дворъ французскій крайне недоволенъ, то весною отозванъ онъ назадъ и команда надъ арміею поручена графу Клермонту.

Наконецъ, съ пятой стороны дѣлали и шведы равномѣрныя къ войнѣ приуготовленія. Король прусскій сколько ни старался преклонить ихъ къ отступленію отъ нашего союза, однако проворство французскихъ министровъ, имѣвшихъ тогда при шведскомъ дворѣ великую силу, превозмогло всѣ его происки и старанія и убѣдили шведское правительство къ продолженію войны вмѣстѣ съ нами.

Вотъ сколь многія и сильныя приуготовленія дѣланы были противъ короля прусскаго; но, напротивъ того, и онъ былъ не безъ дѣла. Наиглавнѣйшее его стараніе было о томъ, чтобъ укомплектовать ему опять свою армію и наградить уронъ, претерпѣнный имъ на семи прошлогоднихъ баталіяхъ, а не меньше въ госпиталяхъ отъ прилипчивыхъ и почти на язву похожихъ болѣзней, которыми померло у него великое множество народа. Но сіе укомплектованіе учинить ему было не таково легко, какъ прочимъ союзникамъ, у которыхъ у всѣхъ было народа болѣе 50-ти милліоновъ, а у него не болѣе пяти. Но недостатокъ сей наградилъ онъ своимъ разумомъ, хитростью и проворствомъ. Онъ досталъ себѣ довольно солдатъ и денегъ, и не только укомплектовалъ армію свою съ избыткомъ, но и умножилъ еще оныя. Для полученія людей, собралъ онъ, во-первыхъ, рекрутъ со всѣхъ саксонскихъ, ангальтскихъ и мекленбургскихъ областей; во-вторыхъ, возвратилъ къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ генеральнымъ прощеніемъ, а втретьихъ, опредѣлилъ въ свою службу великое множество бывшихъ у него въ плѣну австрійцевъ и французовъ, шведовъ и виртембергцевъ, а чрезъ всѣ сіи средства и получилъ онъ множество народа.

Что-жъ касается до денегъ, въ которыхъ былъ у него также недостатокъ, то въ семъ помогла ему Англія. Тамъ въ министерствѣ, къ счастію его, произошла перемѣна. Управлявшій до того всѣми дѣлами Фоксъ, достигшій до сей степени происками герцога Кумберландскаго, принужденъ былъ добровольно сложить съ себя сіе достоинство. Вмѣсто его вступилъ славный Питъ, отецъ нынѣшняго. Сей краснорѣчіемъ своимъ убѣдилъ тотчасъ весь народъ вступиться жарчае за короля прусскаго и не только давать ему всякій годъ по четыре мильйона талеровъ, но, сверхъ того, подкрѣпить гановерскую армію корпусомъ англичанъ; а для командованія оною выпросилъ у короля прусскаго, прославившагося потомъ, принца Фердинанда брауншвейгскаго. А не успѣлъ король сихъ денегъ получить, какъ передѣлалъ ихъ въ новую и весьма дурную монету, и изъ четырехъ мильйоновъ сдѣлалъ десять, и чрезъ то получилъ на сей годъ для продолженія войны довольно денегъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ препровождена была вся зима всѣми воюющими державами, а не успѣлъ наступить сей 1758 годъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ тотчасъ начали уже и военныя свои дѣйствія. Начало онымъ учинили французы, или паче, командующій тогда еще ими дюкъ Ришелье. Онъ, желая сколько-нибудь исправить погрѣшность учиненную имъ, отправилъ маркиза Даржансона съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ для взятія города Гальберштадта; и какъ сей городъ былъ не весьма укрѣпленъ, то гарнизонъ ретировался въ Магдебургъ, въ виду у французовъ, которые, занявъ городъ, произвели въ немъ великія разоренія и ограбили почти всѣхъ жителей.

Такое предпріятіе французовъ побудило короля прусскаго отправить въ сію сторону изъ Саксоніи корпусъ, подъ командою брата своего, принца Гейнриха, который, прогнавъ французовъ къ рѣкѣ Везеру, возвратился опять въ свое мѣсто; а какъ въ самое сіе время принялъ команду надъ гановерскою арміей и принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, то онъ началъ гнать французовъ отчасу далѣе, и произвелъ сіе съ толикимъ успѣхомъ, что въ концѣ февраля мѣсяца переправилась уже вся французская армія назадъ, черезъ рѣку Везеръ, а въ мартѣ перешла даже назадъ и черезъ самый Рейнъ, растерявъ столь много людей, что

не осталось въ ней болѣе 30,000 человѣкъ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находились дѣла въ Европѣ въ то время, когда мы помянутымъ выше сего образомъ стояли при рѣкѣ Вислѣ и готовились иттить въ походъ далѣе къ непріятелю. И какъ около сего времени извѣстіе получено, что 'король предпринимаетъ осаждать шлезскую крѣпость Швейдницъ, которая одна только во власти цесарцевъ оставалась, то, для сдѣланія ему диверсіи, сталъ нашъ новый предводитель поспѣшать всѣми остальными приуготовленіями къ походу, и какъ весна уже тогда начинала совершенно вскрываться и показываться кормъ, то мы то и дѣло получали повелѣнія быть къ походу въ готовности и съ часу на часъ ожидали, что намъ велѣно будетъ выступать. Но въ самое сіе время, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованы мы были однимъ извѣстіемъ до безконечности.

Какое оно было, о томъ вы теперь у меня не спрашивайте. Сіе увидите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а теперечнее, какъ довольно увеличившееся, время уже кончить и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

ПОХОДЪ ВЪ КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 57-е.

Любезный пріятель! Какъ вы, надѣюсь, очень любопытны узнать, какое бы такое было то извѣстіе, которое насъ толь много обрадовало: то начну теперечнее мое письмо удовольствованіемъ сего вашего любопытства и скажу, что оно было слѣдующее:

Какъ мы помянутымъ образомъ въ походъ собирались и всякой день ожидали приказа къ выступленію въ оный и къ перехожденію черезъ рѣку Вислу, какъ заѣхалъ къ намъ изъ Торупи, ѣздившій туда для своихъ нуждъ, одинъ изъ нашихъ офицеровъ и пріятелей. Не успѣлъ онъ къ намъ войтить въ горницу, какъ съ веселымъ видомъ намъ сказалъ: «знаете ли, государи мои! я привезъ съ собою къ вамъ новыя вѣсти, и вѣсти — для насъ очень важныя!» — Хорошо, отвѣтствовали мы: — но каковы-то вѣсти? съ дурными хоть бы ты къ намъ и не ѣздилъ. «Нѣтъ! сказалъ онъ: — каковы-то вамъ покажутся, а для меня они не дурны. Словомъ, намъ велѣно въ походъ иттить и мы послѣзавтра должны выступить».— Ну, что-жъ за диковинка! сказали мы.— Этого мы давно ждали и готовы хоть завтра выступить. «Этакіе вы, — подхватилъ онъ:—вы, спросите лучше — куда?» —Это также извѣстное дѣло, что за рѣку и противъ непріятеля, отвѣчали мы съ хладнокровіемъ.—«Но того-то вы и не угадали», сказалъ онъ. — Какъ! неужели опять назадъ и домой? спросили мы удивившись. «Нѣтъ! сказалъ онъ: — не домой, однако и не противъ непріятеля: тамъ и безъ насъ дѣло обойдется». Сіи слова привели уже насъ въ превеликое любопытство.—Да куда-жъ? говорили мы, скажи, братецъ, пожалуйста. «Нѣтъ! говорилъ онъ: — а умудрись кто-нибудь и отгадай самъ, а я скажу только, что и вы тому столько-жъ обрадуетесь, сколько и я». Тогда не имѣли мы болѣе терпѣнія и до тѣхъ (поръ) къ нему, насъ мучившему и сказать нехотящему, съ просьбою своею приступали, покуда онъ, наконецъ, сказалъ:—«Въ Кёнигсбергъ, государи мои, и туда, гдѣ намъ всѣмъ давно уже побывать хотѣлось». — Не вправду ли? закричали мы всѣ въ одинъ голосъ, но можно ли тому статься? — «Конечно можно, отвѣтствовалъ онъ: — и знать что льзя, когда уже о томъ и повелѣніе нашему полковнику прислано».—Но умилосердись! какъ это и какимъ образомъ? Кёнигсбергъ остался у насъ уже далеко позади. — «Конечно! отвѣчалъ онъ: — но то-то и диковинка! а совсѣмъ тѣмъ, намъ съ полкомъ туда иттить и, что того еще лучше, и жить тамъ во все нынѣшнее лѣто и ничего болѣе не дѣлать, какъ содержать караулы».

Теперь легко можете заключить, что насъ сіе до крайности обрадовало; ибо хотя мы охотно шли въ походъ противъ непріятеля, однако, какъ извѣстно было

намъ, что непріятели не шутятъ и что въ походѣ противъ его не всегда бываетъ весело, а временемъ и гораздо дурно, а притомъ, никто не могъ о себѣ съ достовѣрностью знать, возвратится ли онъ изъ похода благополучно назадъ и не останется ли на вѣкъ тамъ; то сколько мы и не имѣли усердія и ревности къ военной службѣ, но кому жизнь не мила и кто бы не хотѣлъ ею еще хоть одинъ годъ повеселиться? А потому, кто и не порадовался бы услышавъ, что онъ на цѣлое лѣто освобождается не только отъ всѣхъ военныхъ опасностей, но и отъ всѣхъ трудовъ и безпокойствъ, съ походомъ сопряженныхъ? И ктобъ не сталъ благодарить за то Бога и судьбу свою?

Мы и дѣйствительно такъ были тому ради,что не одинъ разъ говорили: слава, слава Богу! и благодарили судьбу, что оказала толикое намъ благодѣяніе и дала такое препмущество предъ многими другими. Съ превеликою охотою благословляли мы путь всѣмъ прочимъ, мимо насъ идущимъ полкамъ и желали имъ въ походѣ своемъ пріобрѣсть славу и имѣть всякое благополучіе, а сами и на умѣ не имѣли досадовать на то, что не будемъ имѣть счастія быть съ ними на сраженіяхъ и раздѣлять съ ними славу въ получаемыхъ ими побѣдахъ.

Но никто изъ всего полку, думаю я, такъ много симъ извѣстіемъ обрадованъ не былъ, какъ я. Всѣ прочіе радовались наиболѣе потому, что они не пойдутъ въ походъ, а будутъ на одномъ мѣстѣ, въ покоѣ, и имѣть хорошія квартиры и жить въ изобильномъ и такомъ городѣ, гдѣ имѣть они будутъ случай предаваться всякимъ роскошамъ и распутствамъ; но моя радость проистекала совсѣмъ не изъ того источника. Мнѣ сколько то было пріятно, что я не пойду въ походъ и не буду подверженъ опасностямъ, а стану жить на одномъ мѣстѣ, столько, или несравненно болѣе радовался я тому, что цѣлое лѣто буду жить въ большомъ и славномъ иностранномъ нѣмецкомъ городѣ, о которомъ я наслышался невѣдомо сколько добраго и который наполненъ учеными людьми, библіотеками и книжными лавками. Умѣя говорить по-нѣмецки, ласкался я надеждою, что могу со многими тамошними жителями свести знакомство и что мнѣ тамъ будетъ очень весело и не скучно; могу многому и такому насмотрѣться, чего не видывалъ, а книгъ доставать себѣ купить, сколько угодно. Словомъ, я восхищался предварительно уже мыслями, воображалъ себѣ невѣдомо сколько удовольствій, и никто, я думаю, съ толикою охотою въ сей путь не собирался, какъ я.

Повелѣніе о выступленіи въ сей походъ, дѣйствительно, на другой же день получено было нами, а на третій, мы и выступили въ оный. Разставаясь съ тамошними хозяевами, не могли мы довольно возблагодарить ихъ за всѣ оказанныя ласки и благопріятство, и желали имъ счастливаго продолженія ихъ благополучной жизни; а какъ и они нами были довольны, то провожали они насъ, желая намъ счастливаго путешествія.

Мы шли самыми тѣми-жъ мѣстами, гдѣ до того шли до самаго Эрмландскаго бискупства и до столичнаго ихъ города Гейльсберга, а отъ сего мѣста повернули мы уже нѣсколько влѣво и пошли прямымъ путемъ къ Кёнигсбергу; и какъ было тогда самое лучшее и первѣйшее весеннее время и погода стояла хорошая, то могу сказать, что походъ сей, изъ всѣхъ, въ какихъ случалось мнѣ бывать въ жизнь мою, былъ наивеселѣйшій и пріятнѣйшій. Шли мы себѣ не спѣша и прохладно; переходы дѣлали маленькіе; останавливались всегда въ мѣстечкахъ, а не въ лагеряхъ, и во всемъ имѣли удовольствіе; полкъ въ походѣ вели одни только дежурные, а мы всѣ, прочіе офицеры, ѣхали верхами и не при пѣхотѣ, а гдѣ хотѣли, и обыкновенно кучками и компаніями по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, и время свое въ дорогѣ препроводдали въ однѣхъ только шуткахъ, смѣхахъ и дружескихъ разговорахъ. А во время почеванія, или дневанія — въ польскихъ мѣстечкахъ или прусскихъ городкахъ,

въ расхаживаніи компаніями по онымъ, въ посѣщеніяхъ другъ друга на квартирахъ, въ захаживаніяхъ въ трактиры и въ увеселеніяхъ себя въ нихъ шутками, играми и въ прочемъ, тому подобномъ.

Впрочемъ, не помню я, чтобъ въ продолженіе сего похода случилось со мною какое-либо особливое и такое приключеніе, которое бы достойно было замѣчено быть, кромѣ одного, ничего незначащаго и относящагося до одной смѣшной проказы, сдѣланной нами надъ преждеупоминаемымъ сотоварищемъ моимъ, подпоручикомъ Бачмановымъ; и какъ я всему злу былъ наиглавнѣйшій заводчикъ, то и разскажу вамъ оное единственно для смѣха.

Я упоминалъ уже вамъ прежде, что человѣкъ сей былъ хотя весьма добрый и всѣми нами любимый, по совсѣмъ особливаго и такого характера, который заставливалъ насъ иногда надъ нимъ проказить и смѣяться. Будучи новогородцемъ, былъ онъ своенравенъ, упрямъ и нелюбилъ шутокъ и издѣвокъ надъ собою. Не успѣетъ кто какъ-нибудь надъ нимъ и хоть нарочно посмѣяться и попутить, какъ разсерживался и поднималъ онъ за то превеликую брань; а сіе, какъ извѣстно, въ полкахъ и подаетъ уже поводъ, и власно, какъ право, всякому надъ нимъ трунить и скалозубить. Къ вящему несчастію, привыкнувшій къ новогородскому нарѣчію, не могъ онъ и въ службѣ никакъ еще отвыкнуть отъ онаго и отъ называнія многихъ вещей на *о, го, ко* и совсѣмъ не такъ, какъ другіе называютъ; а сіе нерѣдко и подавало поводъ шутить надъ нимъ, да и сверхъ того, весь его образъ, нравъ и характеръ имѣлъ въ себѣ нѣчто смѣшное и особливое. Къ дальнѣйшему же приумноженію его несчастія, послалъ ему Богъ и деньщика почти точно такого-жъ, каковъ былъ самъ. Онъ малый былъ добрый, но какъ-то простоватъ и имѣлъ (въ) себѣ много смѣшного. Съ симъ его Доропею, ибо такъ называлъ онъ его, была у него, какъ я уже упоминалъ, почти всякой день ссора и лады. И во время стоянія нашего вмѣстѣ не проходило дня, въ который бы мы надъ нимъ не хохотали; а какъ и самая фамилія его Бачмановъ походила много на Бачановъ, которымъ именемъ называется тотъ особый родъ чаплей или аистовъ, которые вьютъ гнѣзда на домахъ и нерѣдко на трубахъ, и также какъ аисты питаются всякими гадинами и лягушками — то и звали мы его обыкновенно Бачаномъ, съ чѣмъ и высокій, тонкій и сутулистый его ростъ и длинныя ноги нѣсколько сходствовали, и онъ къ сему званію такъ привыкъ, что почти за то уже и не серживался, если кто назоветъ его бачаномъ.

Самое сіе названіе и подало намъ поводъ къ произведенію той шутки, о которой я разсказать намѣренъ. Было то еще во время стоянія нашего на квартирахъ и дней за шесть до выступленія нашего въ походъ, какъ случилось мнѣ ходить съ нимъ и другимъ нашимъ товарищемъ поутру гулять по садамъ и небольшимъ рощамъ, между дворами деревни нашей находившимся. Тогда, какъ нарочно, случись, что кукушка въ лѣсочкѣ неподалеку отъ насъ начала куковать. Мы съ г. Головачевымъ, услышавъ ее, обрадовались и говорили: «вотъ, вотъ и кукушки уже прилетѣли!» Но г. Бачмановъ вмѣсто того, чтобъ дѣлать тоже, вдругъ осердился и началъ ругать кукушку всякими своими новогородскими бранми. «Тфу ты проклятая», говорилъ онъ, плюя то и дѣло:— «чортъ бы тебя, окаянную взялъ! Нелёгкая-бъ тебя подавила! На свою-бъ тебѣ это голову», и такъ далѣе. Мы, услышавъ сіе, покатились со смѣху. — Что̀ это, братъ Макаръ, говорили мы:—за что̀ это на кукушку такъ гнѣваешься? что̀ она тебѣ сдѣлала?—«Какъ, братцы, что́, сказалъ онъ: — голоднаго меня, проклятая закуковала и я вѣрно теперь уже знаю, что мнѣ сего года не пережить. О, лихая бы ее побрала болѣсть и всѣ чертп-бъ ее, проклятую, задавили». — Такъ, такъ! — сказали мы, еще пущезахохотавъ:—теперь прощай, братъ Макаръ! не спосить уже тебѣ своей головки! Ужъ кукушка предвозвѣстила, такъ уже, знать, и быть, и

приходитъ уже разставаться со свѣтомъ. Сколь ни простъ былъ нашъ Макаръ, но примѣтилъ, что мы надъ нимъ скалозубимъ, и тогда вдругъ, вмѣсто кукушки, поднимись весь его праведный гнѣвъ на насъ, а симъ и подалъ онъ намъ вновь оружіе на себя, мучить и бѣсить его нашими насмѣшками; и кукушка сія во весь тотъ день столько ему насолила, что онъ не радъ былъ, наконецъ, своей жизни и проклиналъ и насъ, и себя и охоту свою къ гулянью.

Однако симъ дѣло еще не окончилось. Какъ примѣтили мы, что кукушкою сею его всего скорѣе растрогать и вздурить было можно, чего мы всегда и добивались, то, обрадуясь сему, поступили мы далѣе, и меня догадало еще сложить на сей случай смѣшную и такую пѣсенку, которая бы могла вмигъ его растроги-вать. Признаюсь, что была то сущая шалость, и побудило меня къ тому не что иное, какъ, съ одной стороны, молодость и легкомысленность, а съ другой, присовѣтованіе моего капитана; ибо сей, шутя надъ нимъ, такъ же, какъ и мы, не успѣлъ о вышеупомянутомъ закукованіи кукушки и обо всемъ услышать, какъ тотчасъ мнѣ сказалъ: «Эхъ, братецъ! сложить бы о семъ пѣсенку, то-то было бы смѣху и проказъ! вдругъ бы мы ее всѣ запѣли, и когда онъ такъ кукушку не взлюбилъ, такъ посмотри, что̀ тогда-бъ было». Сего было довольно къ возбужденію во мнѣ охоты испытать, не могу ли я сложить пѣсенку на какой-нибудь знакомый голосъ; и какъ мнѣ голосъ старинной и всѣмъ знакомой пѣсни: «Негдѣ въ маленькомъ лѣску при потокахъ рѣчки», всѣхъ прочихъ былъ знакомѣе, да и самый родъ сей пѣсни казался къ тому напудобнѣйшимъ, то и началъ я тотчасъ вымышлять слова и составлять въ первый разъ отъ роду стихи и риѳмы.

Въ работѣ сей, тайкомъ отъ нашего друга, препроводилъ я не болѣе дней двухъ, и имѣлъ столь хорошій успѣхъ, что пѣсенка моя и капитану, и всѣмъ прочимъ крайне полюбилась, и всѣ они положили тотчасъ ее выучить наизусть, и когда будемъ уже ее знать, тогда-бъ, окруживъ его гдѣ-нибудь въ кружокъ такъ, чтобъ онъ не могъ выскочить, запѣть бы всѣмъ въ одинъ голосъ. Итакъ, тотчасъ списаны были съ ней многіе списки, и какъ учинить дальнѣйшее тогда было уже некогда, то и положили мы учинить то во время шествія нашего въ Кёнигсбергъ. Сіе и произвели мы на походѣ въ дѣйство; ибо, какъ мы ѣхали всѣ верхами кучами, то человѣкъ съ десять изъ насъ, выучивши сію пѣсню и сговорившись еще съ нѣсколькими, окружили его однажды на лошадяхъ, такъ, что ему изъ средины никуда уѣхать было не можно, и вдругъ затянули всѣ нашу пѣсенку, которая была слѣдующаго содержанія:

На зеленомъ на лугу, сидѣла лягушка,
На высокомъ на дубу, кричала кукушка:
Вонъ! Бачанъ сюда летитъ,
А Дороня тамъ бѣжитъ.
Что ты дѣлаешь здѣсь?
Что ихъ не боишься?

* * *

Какъ Бачанъ вить прилетитъ,
Тебя онъ увидитъ,
А Дороня прибѣжитъ,
Вмигъ тебя погубитъ,
Онъ охотникъ вить до васъ,
Онъ бранитъ за то и насъ,
Что голоднаго его
Мы закуковали.

* * *

Между тѣмъ началъ Бачанъ
Вправду опускаться,
Захотѣлося ему
Съ другомъ повидаться.
Опустясь, тотчасъ и сѣлъ,
А Доронюшко запѣлъ:
Не хочешь ли, Бачанъ,
Что-нибудь покушать?

* * *

Когда есть что̀, такъ давай,
Упреждай кукушку,
Когда нѣтъ, такъ побѣгай,
Поймай мнѣ лягушку.
У болота вонъ сидитъ,
На тебя прямо глядитъ;
Побѣгай! поскорѣй!
Чтобъ не ускочила.

* * *

Какъ Дороня побѣжалъ
Ловить тамъ лягушку,
А Бачанъ тогда вскричалъ,
Увидя кукушку:
Ай, Доронюшка, мой другъ,
Ты схвати скорѣе вдругъ,

Чтобъ кукушка на дубу
Не закуковала!

***

Испугалась на лугу
Бывшая лягушка,
Закричала на дубу
Тотчасъ и кукушка,
А Дороня-то упалъ,
А хотя послѣ и всталъ,
Но лягушка ужъ давно
Ускочила въ воду.

***

Разсердился нашъ Бачанъ
На своего Дороню,
Онъ въ мигъ бросился за нимъ;
Закричавъ въ погоню:
О, проклятый сынъ, дуракъ,
Болванъ, бестія, простакъ!
Провалился-бъ ты совсѣмъ
И съ своимъ проворствомъ.

***

Что мнѣ дѣлать, что начать
Наконецъ съ тобою,
Что ты сдѣлалъ вотъ теперь,
Дуракъ, надо мною?
И лягушку упустилъ,
И меня не накормилъ,
А проклятая, вонъ тамъ,
И закуковала.

***

Теперь долженъ буду я
Въ этотъ годъ погибнуть,
И родныхъ на свѣтѣ всѣхъ
И друзей покинуть.
А бѣды все отъ тебя,
Погубилъ я самъ себя,
Что заставилъ дурака
Это дѣло дѣлать.

***

Но одно ли ужъ сіе
Ты у меня портилъ,
Не бѣды ли по бѣдамъ
Всякій день ты строилъ?
Отъ тебя, болванъ, дуракъ,
Разорился я ужъ такъ,
Что пришло уже мнѣ
Пропасть и съ тобою.

***

Растерялъ мое добро *)
Почти безъ остатку,
Помнишь ты, какъ потерялъ
Гребень и рубашку?
Какъ гомзелю тебѣ дамъ,
Такъ увидишь ты и самъ,
Что я вправду съ тобой
Шутить не намѣренъ.

***

Дуракъ, знаешь, вить, что я
Мужикъ небогатый;
Вошп съѣли ужъ всего,
О глупецъ проклятый!
А ты гребень потерялъ,
Безъ чего ужъ я пропалъ.
Ахъ, ты бѣдный Бачанъ,
Гдѣ тебѣ дѣваться?

Вотъ какимъ вздоромъ наполнена была сія пѣсенка.

Теперь судите сами, каково было господину Бачманову, когда онъ, услышавъ ее, догадался, что она нарочно сочинена на него и что мы надъ нимъ проказили. Онъ вздурился даже до безпамятства и сперва началъ всѣхъ ругать безъ всякаго милосердія, а потомъ, какъ безумный, на насъ, а особливо на меня, метаться стегать плетью и стараться изъ круга нашего вырваться и уѣхать прочь. Однако мы схватились всѣ руками и составили такой крѣпкій кругъ, что ему до самаго конца пѣсни никакъ уѣхать было не можно. Боже мой! сколько претерпѣли мы отъ него тогда брани, сколько ругательства, и сколько смѣялись и хохотали! Наконецъ вырвался онъ у насъ и поскакалъ, но куда-жъ? прямо къ полковнику жаловаться и просить на насъ. Но изъ сего вышла только новая комедія. Мы, предвидя сіе, постарались заблаговременно предварить всѣ могущія произойтить отъ того какія-либо досадныя для насъ слѣдствія. Мы заманили въ заговоръ и въ шутку свою самого г. Зеллера, того любимца и фаворита полковничаго, который служилъ ему переводчикомъ; и какъ онъ самъ былъ въ сей шуткѣ сопастникомъ, то и надѣялись мы, что онъ перескажетъ полковнику все дѣло съ хорошей стороны, а сіе такъ и воспослѣдовало. Г. Бачмановъ, прискакавъ къ полковнику, началъ въ ыыхахъ своихъ приносить ему тысячу на насъ жалобъ; но сей, не разумѣя ни одного слова по-русски, и того, что онъ ему говоритъ, спрашивалъ только: «васъ истъ дасъ? васистасъ?» и какъ никто ему не могъ растолковать, то отысканъ былъ г. Зеллеръ, и сей пересказалъ ему все дѣло съ такой смѣшной и шуточной стороны,

---

*) Какъ сіи слова, такъ и прочія брани, присловицы, и попреки и рѣчи были точно такія, какія г. Бачмановъ употреблялъ почти ежедневно, бранясь съ деньщикомъ своимъ Доронею. Пр. Болот.

что полковникъ самъ надсѣдался со смѣха и только смѣючись говорилъ Бачманову: «Ну, что-же? добре... бачанъ... кукушкъ... лягушкъ... пѣть... пѣснь... ничего... смѣхъ...», и такъ далѣе. Словомъ, г. Бачмановъ нашъ не могъ добиться отъ него никакого толку, и только то сдѣлалъ, что весь полкъ о томъ узналъ, и кому бы не смѣяться, такъ всѣ смѣяться и кукушкою его дразнить и сердить начали. И какъ наконецъ до того дошло, что и самые солдаты о томъ отчасти узнавъ и иногда завидѣвъ его, либо куковать, либо про лягушку между собою говорить начинали, то бѣдняку нашему Макару нигдѣ житья не стало, и онъ до того наконецъ доведенъ былъ, что рѣшился-было проситься въ другой полкъ и бѣжать изъ полка нашего, и намъ не малаго труда стоило его уговорить и опять успокоить.

Но не одну сію, но производили мы надъ нимъ во время сего похода и многія другія проказы; но какъ они не стоютъ упомянанія, яко происходившія отъ единой нашей легкомысленности и рѣзвости, то я, умолчавъ о нихъ, скажу только, что сей человѣкъ увеселялъ всѣхъ насъ во все время нашего путешествія и рѣдкій день прохаживалъ, чтобъ мы надъ нимъ чего не предпринимали, и разсердивъ его до безконечности паки съ нимъ не примирялись.

Впрочемъ, памятно мнѣ и то, что никогда я столь много въ ловленіи рыбы какулею неупражнялся, какъ во время сего похода. Вездѣ, куда ни прихаживали мы ночевать, находили мы либо рѣчки, либо озера; и какъ какулей было у насъ множество, то и не упускали мы почти ни одного случая, чтобъ сею ловлею не повеселиться.

Въ прежде упомянаемомъ эрмляндскомъ столичномъ городѣ, Гейльсбергѣ, случилось намъ опять не только дневать, но, для исправленія нѣкоторыхъ надобностей, пробыть цѣлыхъ два дня. Въ сіе время были мы опять у бискупа съ полковникомъ, и сей маленькій владѣлецъ старался опять насъ угощать, и мы время свое препроводили весело. Мнѣ случилось въ сей разъ стоять квартирою у одного изъ его придворныхъ, отправляющаго должность камеръ-юнкера или камергера, который, однако, не многимъ чѣмъ отмѣнѣе отъ прочихъ мѣщанъ, и я ласкою хозяина и хозяйки былъ очень доволенъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, не имѣвъ на пути своемъ никакихъ особенныхъ приключеній, дошли мы наконецъ до славнаго нашего Кёнигсберга, и тѣмъ окончили сей походъ благополучно.

Симъ окончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ другъ и прочее.

ВХОДЪ ВЪ КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 58-е.

Любезный пріятель! Какъ съ пришествіемъ нашимъ въ Кёнигсбергъ начался новый и въ особливости достопамятный періодъ моей жизни, то, прежде описанія моего въ семъ городѣ пребыванія, да позволено мнѣ отъ васъ, любезный пріятель, будетъ предпослать нѣкоторое краткое о себѣ разсужденіе.

Всякій разъ, когда ни размышляю я о теченіи моей жизни и о всѣхъ бывшихъ со мною произшествіяхъ, примѣчаю я въ оной многіе слѣды особливаго божескаго о мнѣ Промысла, и вижу нынѣ очень ясно, что и нанлавнѣйшими произшествіями со мною не инако, какъ невидимая рука Господня управляла и распоряжала оныя такъ, чтобъ они когда не въ то время, такъ послѣ обратились мнѣ въ существительную пользу. Но никоторое изъ нихъ такъ для меня, при таковыхъ размышленіяхъ, не бываетъ поразительно, какъ помянутое, совсѣмъ неожидаемое пришествіе въ Кёнигсбергъ и пребываніе въ семъ городѣ, ибо какъ проистекли мнѣ отъ того безчисленныя выгоды и пользы, то вижу теперь, что произошло то не по слѣпому случаю, что я тогда пріѣхалъ въ Кёнигсбергъ, но промыслу Господню угодно было, власно какъ нарочно, привесть меня въ сей прусскій городъ, дабы я, живучи

тутъ имѣлъ случай узнать самъ себя и короче, все на свѣтѣ, и могъ чрезъ то приготовиться къ той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить въ послѣдующее потомъ время; за что благодарю и на вѣкъ не престану благодарить великаго моего Зиждителя. Онъ, произведя меня совсѣмъ не для военной жизни, не восхотѣлъ, чтобъ я далѣе влачилъ жизнь праздную и такую, въ которой не только могъ я подверженъ быть ежеминутнымъ опасностямъ, но живучи въ сообществѣ невѣждъ, праздныхъ и по большей части всякимъ распутствамъ преданныхъ людей, легко могъ и самъ ядомъ симъ заразиться и чрезъ то повредить себя на всю жизнь: но исторгнувъ меня изъ средины оныхъ, пристроилъ къ такому мѣсту, которое было уже сообразнѣе съ природными моими склонностми и гдѣ имѣлъ я уже болѣе случаевъ и удобностей упражняться въ дѣлахъ и упражненіяхъ полезнѣйшихъ, нежели въ какихъ препровождаютъ время свое обыкновенно въ полкахъ офицеры.

Но сколь примѣтно сдѣлалось мнѣ все сіе послѣ, столь мало зналъ я обо всемъ томъ въ тогдашнее время; а потому пріѣздъ мой въ Кёнигсбергъ почиталъ тогда неправо, какъ произшедшимъ по слѣпому случаю, да и не думалъ, чтобъ могло произойтить тутъ что-нибудь со мною особливое, а того, чтобъ самый сей походъ былъ послѣдній въ моей жизни и чтобъ съ пришествіемъ въ сей городъ назначено было отъ судьбы и всей моей военной службѣ почти кончиться, тогда никакъ не только мнѣ, но и никому на мысль притить не могло, какъ къ тому и не было ни малѣйшаго тогда вѣроятія.

Совсѣмъ тѣмъ, чувствуя отмѣнную радость о томъ, что идемъ мы въ Кёнигсбергъ, я власно какъ предчувствовалъ, что со мною произойдетъ тутъ нѣчто хорошее; ибо могу сказать, что сколько ни были всѣ довольны симъ походомъ, но мое удовольствіе было ни съ чьимъ несравнительно, а особливо въ то время, когда по приближеніи къ сему городу увидѣли мы краснѣющіяся уже въ дали кро ли домовъ онаго и возвышающіяся сверхъ оныхъ пышныя и величественныя башни и высокія колокольни церквей, въ немъ находящихся. Съ ненасытимымъ окомъ и съ нѣкакимъ восхищеніемъ взиралъ я на сей обширный, на возвышенномъ мѣстѣ сидящій и съ той стороны, откуда мы шли, отмѣнно пышный и хорошій видъ имѣющій городъ и почиталъ его, власно какъ нѣкакимъ обиталищемъ благополучія и такимъ мѣстомъ, гдѣ мы имѣть будемъ безчисленныя утѣхи и удовольствія, и готовился уже заблаговременно къ онымъ.

Но я возвращусь къ порядку моего повѣствованія и начну теперь разсказывать вамъ все происходившее со мною тутъ по порядку.

Было то въ началѣ самой еще весны и въ исходѣ апрѣля мѣсяца, какъ мы дошли до сего столичнаго прусскаго города. По приближеніи къ оному, велѣно намъ было остановиться и убраться какъ можно лучше и чище, для вступленія въ оный церемоніею. Мы и постарались о семъ съ особливымъ усердіемъ; и какъ всякому хотѣлось показать себя въ наивыгоднѣйшемъ видѣ, то не упущено было ничего, чтобъ только могло служить къ наилучшему украшенію. Все оружіе наше вычищено было какъ стекло; бѣлье надѣто самое чистое и мундиры самые лучшіе. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ старались мы другъ предъ другомъ о томъ, какъ чванились, и съ какою гордою и пышною выступкою выступали мы передъ нашими взводами, шествуя, при играніи музыки и при битіи въ барабаны, по улицамъ сего города, которыя наполнены были многочисленнымъ народомъ; ибо, какъ жители были еще очень любопытны наши церемоніи видѣть, то не только всѣ окна, но и многія кровли унизаны были людьми; а зрѣніе толь многочисленнаго народа наиболѣе и побуждало насъ хорохориться. Я находился тогда, какъ уже прежде было упомянуто, въ гренадерской ротѣ, и какъ у насъ шапки гренадерскія были тогда кожаныя,

сдѣланныя на подобіе древнихъ шлемовъ или шишаковъ, съ перьями, а спереди мѣдною и позолоченною личиною, и головной уборъ сей былъ очень красивъ, а притомъ и перевязи гренадерскія были у насъ шитыя золотомъ, а сверхъ всего того, мнѣ довелось итти первому почти передъ полкомъ и вести самый первый взводъ нашихъ гренадеровъ—то я невѣдомо какъ старался итти и представлять собою фигуру лучше, и былъ столь выгоднаго о себѣ мнѣнія, что мнилъ, что всѣ всего болѣе на меня смотрѣли, хотя, безсомнѣнно, въ томъ крайне обманывался.

Вшествіе сіе было у насъ въ одинъ красный день послѣ обѣда, и хотя по случаю досталось намъ въ городъ сей войтить съ наихудшей стороны, да и итти все простыми и худшими улицами и закоулками, до квартиры тамошняго оберъ-коменданта г. Трейдена, однако намъ и самыя сіи послѣднія улицы казались сначала преузорочными, и мы смотрѣли на нихъ съ удовольственнымъ и любопытнымъ окомъ.

Поелику квартиры были для насъ уже отведены и посланными напередъ нашими передовыми заняты, то не успѣли мы дойтить до квартиры нашего оберъ-коменданта, и отдавъ ему честь, оставить тутъ наши знамена, какъ и распущены были всѣ роты врозь по ихъ квартирамъ. Я тогда не шелъ, а паче летѣлъ за ведущимъ насъ фурьеромъ и неинако думалъ, что онъ приведетъ меня въ наипрекраснѣйшую квартиру. Но коль сильно обманулся я въ семъ мнѣніи и какою досадою и неудовольствіемъ преисполнилось мое сердце, когда, вмѣсто пышной и прекрасной квартиры, привелъ онъ меня въ сущую мурью и такую лачугу, какой я всего меньше ожидалъ. Еще и идучи туда и проходя наилучшія въ городѣ улицы, площади и мѣста, досадовалъ я, для чего квартермистръ нашъ былъ такъ глупъ и не велъ насъ сими мѣстами, а провелъ глухими улицами и переулками; однако досада сія услаждаема была тою лестною надеждой, что по крайней мѣрѣ получу я квартиру хорошую, и что она неотмѣнно будетъ въ одномъ изъ тѣхъ прекрасныхъ домовъ, мимо которыхъ мы шли, и того и ожидалъ, что фурьеръ меня остановитъ и скажетъ: «вотъ она». Но ожиданіе мое было тщетно, и онъ меня не только не останавливалъ, но проведя самыя лучшія улицы, завелъ въ глухіе и никѣмъ необитаемые узкіе переулки, находящіеся между ихъ такъ-называемыми шпиклерами, или огромной величины хлѣбными анбарами, для которыхъ въ семъ городѣ отведенъ особый глухой и отъ лучшихъ городскихъ мѣстъ удаленный уголъ или кварталъ, и гдѣ построено ихъ было нѣсколько сотъ вмѣстѣ и сплошь одинъ подлѣ другого, и каждый таковой анбаръ составлялъ предлинное, узкое, но притомъ чрезвычайно высокое и этажей семь вверхъ простирающееся самое простое, грубое полукаменное зданіе; и какъ всѣ они раздѣлены на нѣсколько кварталовъ, отдѣляющимися между собою самыми узкими и темными проулками, сдѣланными для единаго проѣзда и провоза хлѣба, то проулки сіи были самые глухіе, совсѣмъ пустые и даже страшные. И сими-то проулками и закоулками, между шпиклеровъ, повелъ меня проводникъ мой. Я изумился даже и не зная, что̀ думать, съ досадою ему говорилъ: «умилосердись, братецъ, куда ты меня ведешь?» — Да на квартиру, ваше благородіе; вотъ она уже здѣсь близко. «Ка́къ близко?» прервалъ я ему съ удивленіемъ рѣчь: «неужели мнѣ въ этакой глуши и въ этакой пропасти стоять? Ужь не въ шпиклерѣ ли какомъ ты ассигновалъ мнѣ квартиру?— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ: однако подлѣ самыхъ опыхъ, и, признаться надобно, что квартирка не очень весела; но лучше уже не нашли изъ всѣхъ назначенныхъ подъ роту, кромѣ капитанской. Слова сіи меня даже поразили; въ единый мигъ исчезли тогда всѣ пышныя и лестныя мои надежды и увеселительныя мысли, и я проклиналъ уже заблаговременно всѣхъ тѣхъ, которые намъ квартиры отводили; а какъ дошелъ и увидѣлъ дѣйствительно тотъ домъ, въ которомъ назначена мнѣ была квартира, то досада моя на нихъ еще увеличилась. Я надавалъ имъ тысячу

изрядныхъ благословеній и ругая ихъ безъ милосердія, противъ хотѣнія, принужденъ былъ лѣзть по круглой и темной лѣстницѣ подъ самую кровлю и въ самый третій этажъ; и какъ путь сей былъ такъ теменъ, что ни зги не было видать, то, взлѣзая въ темнотѣ съ одной лѣстницы на другую, едва-было я не споткнулся и не сломилъ головы, и спасся только тѣмъ, что ухватился уже за канатъ, который вдоль сей лѣстницы у нихъ протягивается, и за который державшись должно всегда всходить вверхъ и сходить внизъ, но чего я сначала не вѣдалъ.

Теперь всякому легко можно заключить, сколь пріятно было мнѣ такое мрачное шествіе или взлѣзаніе по лѣстницѣ подъ самую почти кровлю, ибо покои, назначенные мнѣ, были въ третьемъ жильѣ; въ нижнихъ же этажахъ жилъ самъ хозяинъ того дома и нѣкоторые другіе пристава и работники, опредѣленные при помянутыхъ шпиклерахъ, подлѣ которыхъ вплоть съ краю примкнутъ былъ сей домикъ. На мою часть достался хотя и весь третій этажъ дома, но въ которомъ и во всемъ не было болѣе двухъ комнатъ, одна длинная и узкая съ двумя небольшими окошечками въ одной стѣнѣ, для меня, а другая, чрезъ узенькія и темныя сѣнцы, въ которыхъ шла снизу вышеупомянутая круглая лѣстница, и такой же длины и величины—для людей, и обѣ онѣ были столь низки, что мы едва головами своими за потолокъ не цѣпляли.

Итакъ, вмѣсто всей пышной и прекрасной квартиры, получилъ я весьма-весьма посредственную и, что̀ всего для меня досаднѣе, темную и весьма скучную, ибо и самый видъ изъ окошекъ простирался на одни только почти шпиклеры, и ничего хорошаго изъ нихъ было не видно. Что-жъ касается до хозяевъ, то были они люди самые бѣдные и такіе, у которыхъ мы не могли не только чего иного, но и никакой бездѣльной посудины, для принесенія воды и на прочія надобности, добиться. Досадно мнѣ все сіе было чрезвычайно, и я такъ недоволенъ былъ моею квартирою, что не преминулъ въ тотъ же день жаловаться о томъ моему капитану и просить, чтобъ постарался онъ доставить мнѣ квартиру сколько-нибудь получше. И какъ капитанъ мой меня любилъ, то онъ сего и не преминулъ сдѣлать, и, по дружбѣ своей, произвелъ то, что я чрезъ нѣсколько дней получилъ другую и несравненно уже лучшую и такую квартиру, которою я былъ совершенно доволенъ. Но какъ прежде нежели получилъ я сію новую квартиру и на ее переѣхалъ, произошло со мною уже нѣчто такое, о чемъ упомянуть не будетъ излишнимъ, то и перескажу о томъ прежде.

Не успѣли мы расположиться на квартирахъ и кое-какъ обострожиться, какъ съ нетерпѣливостью хотѣлось намъ удовольствовать давнишнее свое желаніе, и весь сей славный для насъ городъ выходить и осмотрѣть. Я предпріялъ путешествіе сіе на другой же день послѣ нашего прибытія и обѣгалъ всѣ наилучшія площади, улицы и мѣста сего города, и не могъ довольно налюбоваться красотою и пышностью многихъ улицъ, а особливо такъ-называемой Кнейпгофской большой улицы, которую наши тотчасъ окрестили по своему и назвали Мильйонною, потому что вся она была не только прямая, но состояла изъ наилучшихъ и богатѣйшихъ домовъ въ городѣ. Не съ мѣньшимъ любопытствомъ смотрѣлъ я также и на старинный замокъ, или дворецъ прежнихъ владѣтелей прусскихъ. Сіе огромное четвероугольное, воздвигнутое на горѣ и несовсѣмъ начисто отдѣланное зданіе, придавало всему городу важный и пышный видъ, а особливо построенною, на одномъ углѣ онаго, превысокою четвероугольною и никакого шпица и верха неимѣющею башнею, на верху которой развѣвался только одинъ большой флагъ и видимы были всегда люди, живущіе тамъ для содержанія караула. Однако я оставлю описаніе сего города до другого случая, а теперь разскажу вамъ, любезный пріятель, что путешествіе мое въ сей день не кончилось одною пустою ходьбою, но я возвратился на квартиру свою обременень

будучи нѣкоторыми бездѣлушками, которыя тогда казались мнѣ напрагоцѣннѣйшими вещми въ свѣтѣ, и конхъ пріобрѣтеніе причиняло мнѣ безконечную радость и удовольствіе. Но какія-бъ они были? Сего вамъ никакъ не угадать, любезный пріятель, ибо вамъ и на умъ того притти не можетъ, что̀ меня такъ обрадовало.

Вы знаете уже то, что я изъ малолѣтства былъ превеликій охотникъ не только до книгъ и до читанія, но и до рисованья, и что для меня всегда напріятнѣйшее было упражненіе гваздать и марать кое-что̀ красками. Теперь скажу, что ходючи тогда по городу, случилось мнѣ съ одной улицы на другую проходить маленькимъ скрытымъ проулкомъ, наполненнымъ лавочками съ разными товарами. Такъ случилось, что въ самое то время стоялъ предъ одною изъ сихъ лавочекъ какой-то человѣкъ и разсматривалъ печатныя картинки. Увидѣвъ сіе и будучи крайнимъ до нихъ охотникомъ, тотчасъ я подступилъ къ нему и началъ вмѣстѣ съ нимъ перебирать оныя. Лавочникъ примѣтивъ, что и я съ любопытствомъ ихъ пересматриваю, досталъ еще цѣлыя кипы сихъ листочковъ и положилъ на прилавокъ. — Что̀ это, спросилъ я, неужели все картины? «Такъ», отвѣтствовалъ онъ, «это все эстампы и не угодны ли которые изъ нихъ будутъ». Нельзя изобразить, какъ обрадовался я, увидѣвъ ихъ тутъ нѣсколько сотъ и разныхъ сортовъ и иные раскрашенные красками, а другіе черные. Я позабылъ тогда все на свѣтѣ и, отложивъ дальнѣйшую ходьбу, сѣлъ себѣ на прилавокъ и положилъ всѣ пересмотрѣть. Но не успѣлъ я начать сіе напріятнѣйшее для меня упражненіе, какъ лавочникъ, подавая еще матерую кипку, говорилъ: «вотъ, неугодно ли прошпективическихъ видовъ?» — Какіе прошпективическіе? спросилъ я изумившись. «А вотъ что смотрятъ сквозь стекло въ ящикѣ». Кровь во мнѣ взволновалась вся при семъ словѣ.—Какъ, сказалъ я, обрадуясь черезвычайно, и они у тебя есть?—«Есть, отвѣтствовалъ онъ, и какіе вамъ угодны, иллюминированные и неиллюминированные», — и сталъ тотчасъ развязывать и показывать ихъ. Нельзя довольно изобразить, съ какимъ восхищеніемъ разсматривалъ я оные, ибо надобно знать, что видѣнный въ Торунѣ прошпективическій ящикъ такъ мнѣ полюбился, что онъ у меня съ ума не сходилъ и я невѣдомо что̀ далъ бы, еслибъ могъ имѣть такой же; а какъ тутъ противъ всякаго чаянія увидѣлъ я изрядныя прошпективическія и притомъ очень дешевыя картины. то въ единый мигъ положилъ памѣреніе, накупивъ ихъ, отвѣдать смастерить себѣ такой же. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ у лавочника, нѣтъ ли у него и такого круглаго стекла, какое при томъ употребляется, услышалъ, что и стеклушко одно у него есть. А тотчасъ сыскано было и зеркало, и лавочникъ научилъ меня, какъ и безъ ящика можно смотрѣть на сіи картины. О, сколько я благодаренъ былъ ему за сіе показаніе! ибо сіе подтвердило мнѣ, что никакого дальняго искусства не требовалось къ сооруженію и ящика. Словомъ, я такъ былъ всѣмъ симъ удовольствованъ, что сколько тогда ни случилось со мною денегъ, всѣ оныя употребилъ на покупку сихъ картинъ. А какъ къ величайшему моему удовольствію нашелъ я тутъ же и цѣлые ящички съ приготовленными въ раковинахъ разными красками и другими рисовальными збруями, то и разсудилъ я купить лучше картины нераскрашенныя и разрисовать послѣ самому, дабы онѣ не такъ дурно были разгвазданы, какъ продажныя, иллюминированныя. Однимъ словомъ, я накупилъ себѣ множество и красокъ, и картинъ и возвратился домой, власно какъ снискавъ себѣ превеликое какое сокровище, и путешествіемъ своимъ въ сей день былъ крайне доволенъ.

Какъ я отъ природы весьма нетерпѣливъ во всемъ томъ, чего мнѣ захочется, то сія нетерпѣливость причиною тому была, что на другой же послѣ того день принялся я за работу и началъ раз-

рисовывать красками нѣкоторыя изъ купленныхъ картинъ. Но вообразите себѣ, какая должна была быть для меня досада, когда въ самое то время пришли мнѣ сказывать, что полку нашему велѣно уже смѣнять съ караула тутъ находившійся другой, и что парядъ уже сдѣланъ и мнѣ самому досталось итти въ караулъ. Что́ было тогда дѣлать? Я принужденъ былъ покидать свою начатую работу и собираться итти противъ хотѣнія въ караулъ, и на цѣлую еще недѣлю. Къ вящей досадѣ, досталось мнѣ стоять подлѣ однихъ городскихъ воротъ и тутъ всю недѣлю препроводить въ темномъ и паискучнѣйшемъ казематѣ или палаткѣ, сдѣланной въ валу, подлѣ воротъ. Но какъ перемѣнить того было не можно, скука же меня даже переломила, то что̀-жъ я сдѣлалъ? вмѣсто того, чтобъ время свое препровождать тутъ въ праздности и спаньѣ, какъ другіе дѣлали, велѣлъ я принесть къ себѣ и краски и картины и началъ ихъ, усѣвшись подъ окошкомъ, разрисовывать. Работа сія была мнѣ хотя и не весьма способна, ибо принужденъ я былъ пропзводить ее въ мундирѣ и имѣя на себѣ и шарфъ и знакъ, однако имѣлъ я ту пользу, что она не давала чувствовать мнѣ скуку, отъ которой, живучи въ такой мурьѣ, вздуриться наконецъ надлежало. И какъ я имѣлъ къ тому совершенный досугъ и могъ безпрерывно работать, то въ недѣлю сію разрисовалъ я картинъ великое множество, а между тѣмъ придумалъ средство, ка́къ мнѣ лучше смастерить и свой затѣваемый прошпективической ящикъ.

Впрочемъ, службу сію, которая была самая послѣдняя въ моей жизни, отправилъ я благополучно и со всею надлежащею исправностью; однако не прошла-жъ она и безъ смѣшного приключенія. Извѣстное то дѣло, что стояніе на таковыхъ караулахъ не столько досадно днемъ, сколько ночью; ибо какъ въ ночное время надлежало еще больше имѣть осторожности и быть всякій часъ въ готовности для принятія ходящихъ дозоровъ и рундовъ, то необходимость заставляла и всю ночь быть въ мундирѣ, и въ шарфѣ и знакѣ. Я наблюдалъ сіе исправно; но въ одинъ день, какъ назначено было ходить ночью рундомъ прежнему сотоварищу моему, г. Головачеву, то онъ, любя меня и жалѣя о моемъ безпокойствѣ, прислалъ ко мнѣ запнсочку, извѣщая, что рундомъ въ ту ночь назначено ходить кругомъ всего города ему,но что онъ однако не пойдетъ, и я спалъ бы себѣ благополучно и безъ всякаго опасенія. Запнсочка сія меня очень обрадовала, ибо какъ я уже нѣсколько ночей спалъ въ мундирѣ и обутый, и поги меня въ особливости уже и гораздо безпокоили, то, положась я на нее, по наступленіи ночи, улегся спать уже нѣсколько поспокойнѣе, и не только скинулъ съ себя мундиръ, но и сапоги самые. Но что̀-жъ воспослѣдовало? Не успѣла наступить полночь, и я только что разоспался, какъ вдругъ закричали: «рундъ, рундъ, рундъ!» и сержантъ, безъ памяти прибѣжавъ, будилъ меня и кричалъ, чтобъ я скорѣе выходилъ принимать рундъ, который былъ уже въ самой близости. Господи! какъ я тогда симъ перетревожился! Будучи нечаянно и вдругъ разбуженъ, вскочилъ я, власно какъ безъ ума и ошалѣвшій, и не зналъ, что̀ дѣлать и что̀ начинать; бѣгалъ только кругомъ по караульнѣ и кричалъ: «охъ, охъ, [illegible]кая бѣда!» Между тѣмъ слуга спѣшилъ подавать мнѣ мундиръ и надѣвать, а вѣстовой держалъ уже шарфъ и знакъ, а самъ я, не помня самъ себя, спѣшилъ надѣвать скорѣе сапоги и былъ такъ спутанъ, что, при слабомъ свѣтѣ отъ горящей свѣчки и отъ поспѣшности, не могъ даже сапоговъ надѣть, а что́ того еще хуже, то начавъ надѣвать превратно и носками назадъ, такъ ногу увязилъ, что и скинуть было трудно. Къ вящему несчастію, въ самое то время закричали, что рундъ уже пришелъ. Что́ было тогда дѣлать? Я вздурился, и такъ оробѣлъ, что не вспомнилъ самъ себя, но схватилъ скорѣе шляпу и, позабывъ, что одна нога была еще вовсе не обута, а другая только что всунута въ сапогъ, побѣжалъ изъ караульни встрѣчать сей проклятый рундъ, и я не знаю, что̀-бъ со мною было, еслибъ

я въ такомъ смѣшномъ нарядѣ передъ фрунтъ выбѣжалъ. Мнѣ кажется, весь фрунтъ покатился-бъ со смѣха; но, по счастью, не дошло до того дѣло, и я благополучно отъ сего замѣшательства и стыда избавился; ибо г. Головачевъ, зная, что я по его же увѣренію нахожусь въ безпечности и сплю, не имѣлъ и на умѣ взыскивать на мнѣ, что я неосторожень, но самъ еще спѣшилъ войтить ко мнѣ въ караульню и сказать, чтобъ я не тревожился. Но теперь вообразите-жъ себѣ, не долженъ ли онъ былъ покатиться со смѣха, увидѣвъ меня помянутымъ образомъ полуобутаго, но въ мундирѣ и въ шарфѣ по караульнѣ бѣгающаго. — «Ну хорошъ, хорошъ! закричалъ онъ захохотавъ: «прямо воинъ! только что стоять на караулахъ!» — Да! отвѣтствовалъ я опомнившись тогда: а все это отъ тебя и отъ записочки твоей, проклятой! вѣдь меня на смерть и такъ перепугали, что я и теперь самъ себя не помню. На что-бъ сказывать, что не пойдешь. — «Какъ быть, братецъ, сказалъ онъ: я и дѣйствительно не хотѣлъ итти, но меня неволею протурили; я самъ тому не радъ, но по крайней мѣрѣ ложись-ка, ложись опять спать, а мнѣ пора итти далѣе».

Онъ и дѣйствительно оставилъ меня съ покоемъ и пошелъ далѣе, а спмъ и кончилось сіе смѣшное прпключеніе, которое было мнѣ очень долго памятно. А на другой день послѣ того смѣнили насъ съ караула другіе полку нашего офицеры, и я имѣлъ удовольствіе возвратиться въ свою роту и приттить совсѣмъ уже на иную, несравненно-лучшую квартиру, которую между тѣмъ, какъ мы стояли на карауле, отвели мнѣ по просьбѣ моего капитана и которою я былъ крайне доволенъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и предоставивъ прочее череду, скажу, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 59-е.

Любезный пріятель! Квартира, которую мнѣ вновь отвели, была хотя неподалеку отъ прежней, но находилась уже въ порядочной и веселой улицѣ, простирающейся вдоль подлѣ берега рѣки Прегеля и неподалеку отъ пристани, гдѣ приставали и выгружались съ моря суда; а что̀ того лучше, то домъ сей былъ наугольный, подлѣ одного водяного и нарочитой ширины капала, чрезъ который передъ окнами моими былъ мостъ; а какъ я получилъ для себя нижній и самый лучшій наугольный и порядочно прибранный покой съ четырьмя большими окнами, то былъ онъ очень веселъ и свѣтелъ, чѣмъ я въ особливости былъ доволенъ. Впрочемъ, принадлежалъ онъ одной старушкѣ, вдовѣ одного корабельщика, которая жила въ другомъ покоѣ чрезъ сѣни, а въ верхнемъ этажѣ жили ея дѣти. Для людей же моихъ отведенъ былъ особливый задній покой, и какъ хозяйка моя была старушка тихая и добрая, то лучшей и покойнѣйшей квартиры не могъ я для себя требовать; а если что̀ меня иногда обезпокоивало, то было то, что въ другомъ покоѣ, черезъ сѣни, содержала хозяйка нѣкоторый родъ шинка, въ который всякой день собирались голанцы-шкипера и другіе мореплаватели, и препровождали время свое въ разговорахъ, въ куреніи табаку и въ распиваніи пива. Итакъ шумъ, производимый иногда ими, мнѣ наскучивалъ, однако по крайней мѣрѣ не дѣлали они никакихъ безпутствъ и безчинія, а все было у нихъ порядочно и хорошо. Сверхъ того, взамѣнъ сего безпокойства, имѣлъ я всякой день удовольствіе слушать изрядную и пріятную игру на скрипицахъ, производимую живущими надо мною хозяйскими дѣтьми. Наконецъ и то было мнѣ пріятно, что квартира моя была прямо чрезъ улицу напротивъ капитанской, также что къ самой той же улицѣ, чрезъ нѣсколько дворовъ, стояли и нѣкоторые изъ лучшихъ моихъ пріятелей, а особливо прежде бывшій мой компаньйонъ г. Неппейцинъ, и я могъ со всѣми ими часто видѣться.

Не успѣлъ я на новой квартирѣ осмотрѣться и получить свободное время, какъ пустился опять въ путешествіе и осматриваніе тѣхъ мѣстъ и улицъ въ городѣ, въ

которыхъ мнѣ быть еще не случилось. Нѣсколько дней сряду рыскалъ я по городу и препровождалъ ихъ въ таковыхъ путешествіяхъ, и прихаживалъ домой уставши до полусмерти, а тутъ принимался я тотчасъ за свои картины и за раскрашиваніе оныхъ; а какъ и сооруженіе и самаго ящика не выходило у меня изъ ума, то принялся я и за дѣланіе онаго. Обстоятельство, что большой и такого сорта ящикъ, какой видѣлъ я въ Торунѣ, не удобенъ былъ для возки его съ собою въ походахъ, поелику онъ одинъ въ состояніи былъ занимать очень много мѣста въ кибиткѣ, было причиною тому, что я принужденъ былъ сдѣлаться въ первый разъ отъ роду и поневолѣ инвенторомъ, и выдумывать особливый родъ устроенія сего ящика, а именно, чтобъ расположить и сдѣлать его такъ, чтобъ совсѣмъ онъ могъ разбираться и складываться и, будучи разобранъ, могъ занимать въ сундукѣ очень малое мѣсто. Признаюсь, что какъ я никогда еще въ выдумкахъ сего рода не упражнялся, то сначала дѣло сіе меня очень озобочивало; но чего не можетъ преодолѣть нетерпѣливое желаніе и любопытство? Чрезъ немногіе дни удалось мнѣ выдумать и смастерить такой, что понынѣ еще дивлюсь, какъ я могъ тогда такой сдѣлать; ибо мнѣ на сей разъ принуждено было быть и столяромъ, и шлесаремъ, и клеильщикомъ, и лакировальщикомъ, потому что всѣ бока и стѣпки онаго сдѣлалъ я изъ толстой политурной бумаги; а дабы они не могли коробиться, а притомъ складывались, то края всѣ укрѣпилъ тоненькими деревянными брусочками; для соединенія же всѣхъ боковъ надѣлано было множество крючковъ, петелекъ и пробойчиковъ. Наконецъ всю наружность онаго раскрасилъ я разными красками, и улѣпивъ по онымъ маленькими вырѣзанными изъ картинокъ купидончиками, птичками и цвѣтками и наконецъ покрылъ лакомъ. Словомъ, я сдѣлалъ ящичекъ не только самый походный и уютный, но и не постыдный для показанія всякому. Всѣ офицеры не могли надивиться моей выдумкѣ и искусству, и схаживались ко мнѣ толпами смотрѣть картинки и любоваться ими. А какъ и сіи не только были сами по себѣ довольно изрядныя и изображали виды всѣхъ лучшихъ мѣстъ и улицъ въ городѣ Венеціи и многихъ другихъ знатнѣйшихъ европейскихъ городовъ, но и разрисованы были мною подъ натуру — то не могли они довольно ихъ насмотрѣться, а мнѣ довольно приписать похвалъ за мою выдумку и искусство.

Словомъ, сей первый опытъ способности моей къ выдумкамъ и изобрѣтеніямъ, приобрѣлъ мнѣ въ полку много чести. Всѣ стали почитать меня превеликимъ хитрецомъ и выдумщикомъ, а сіе и ласкало невѣдомо какъ моему честолюбію и, производя мнѣ неописанное удовольствіе, побуждало часъ-отъ-часу еще болѣше упражняться въ дѣлахъ, сему подобныхъ. А чтобъ меня еще болѣе тѣмъ занять, то судьба, власно, какъ нарочно, преподала мнѣ вскорѣ послѣ того еще случай увидѣть и узнать еще многое такое, чего я никогда не видывалъ и что въ состояніи было не только увеселить меня чрезвычайно, но встревожить вновь мое любопытство и возбудить охоту къ дальнѣйшимъ выдумкамъ и узнаванію вещей, до того относящихся.

На самой той улицѣ, гдѣ я стоялъ, и неподалеку отъ насъ, случилось жить одному ученому и такому человѣку, который упражнялся въ шлифованіи стеколъ и въ дѣланіи всякаго рода оптическихъ машинъ и другихъ физическихъ инструментовъ. Къ сему человѣку завелъ меня одинъ изъ моихъ знакомцевъ, и я не знаю, на землѣ ли я или индѣ былъ въ тѣ минуты, въ которыя показывалъ онъ мнѣ разныя свои и мною еще никогда невиданныя вещи и инструменты. Прекрасные его и разные микроскопы, о которыхъ я до того времени и понятія не имѣлъ, приводили меня въ восхищеніе. Я не могъ устать цѣлый часъ смотрѣть въ нихъ на всѣ маленькія показываемыя имъ мнѣ вещицы, а особливо на чрезвычайно-малыхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ тутъ въ одной капелькѣ воды, бѣгаю-

щихъ и ворочающихся тутъ въ безчисленномъ множествѣ и гоняющихся другъ за другомъ. А не успѣлъ я симъ насытить свое любопытное зрѣніе, какъ хрустальныя призмы и другіе оптическіе инструменты и дѣлаемые ими эксперименты приводили меня въ новые восторги и въ удивленіе; но восхищеніе, въ какое приведенъ я былъ его каморою-обскурою, не въ состояніи я уже никакъ описать. Я истинно внѣ себя былъ отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ, какъ хорошо и какимъ неподражаемымъ искусствомъ умѣетъ сама натура рисовать на бумагѣ напрекраснѣйшія картины, и, что̀ всего удивительнѣе для меня было, нажившѣйшими красками. Я долго не понималъ, откуда брались сіи разные колера, покуда не растолковалъ мнѣ отчасти помянутый художникъ, который, примѣтивъ особливое мое и съ великимъ примѣчаніемъ сопряжонное любопытство, не оставилъ показать мнѣ все, что̀ у него ни было, и многое изъяснить примѣрами для удобнѣйшаго мнѣ понятія. Словомъ, я вовѣкъ не позабуду тѣхъ пріятныхъ и восхитительныхъ часовъ, которые препроводилъ я тогда у него въ домѣ, и былъ человѣку сему весьма много обязанъ, ибо онъ, власно, какъ отворилъ мнѣ чрезъ то дверь въ храмъ наукъ и заохотилъ пттить въ оный, и находить въ наукахъ тысячу удовольствій и увеселеній, и которыя помогли мнѣ потомъ имѣть толь многія блаженныя минуты въ теченіе моей жизни.

Впрочемъ, упражняясь въ этомъ разсматриваніи, я сколько, съ одной стороны, веселился всѣми сими невиданными до того зрѣлищами, столько, съ другой, досадовалъ на то, для чего у меня денегъ было мало, и я не такъ богатъ былъ, чтобъ могъ закупить себѣ всѣ оныя вещи. Однако, сколь я ни бѣденъ былъ тогда деньгами, однако не могъ разстаться съ однимъ маленькимъ ящичкомъ, составляющимъ камору-обскуру, посредствомъ котораго можно было съ великою удобностью срисовывать всѣ натуральные виды домовъ, улицъ, мѣстоположеній и всякихъ другихъ предметовъ. Я купилъ его у сего человѣка; но за употребленные за то два червонца съ лихвою заплаченъ былъ неописаннымъ и многимъ удовольствіемъ, какое въ состояніи былъ производить мнѣ сей ящикъ. Я всегда не могъ довольно налюбоваться тѣмъ, какъ хорошо на шероховатомъ стеклѣ изображались и рисовались сами собою всѣ предметы, на которые наведешь выдвижною трубкою сего ящика, и не преминулъ тотчасъ, пользуясь симъ инструментомъ, срисовать видъ той улицы, которая видна была у меня изъ оконъ. Сія прошпективическая картина цѣла у меня еще и понынѣ, и я храню ее, какъ нѣкакой памятникъ тогдашняго времени. Впрочемъ, ящичекъ сей произвелъ мнѣ не одно сіе удовольствіе, но еще и другое, а именно: онъ подалъ мнѣ поводъ къ новой выдумкѣ, а именно, чтобъ заставить и самый мой прошпективическій ящикъ отправлять въ случаѣ пожеланія должность каморы-обскуры; ибо какъ скоро я узналъ отъ чего и какимъ образомъ камора-обскура устроена, и какъ всѣ ея дѣйствія происходятъ, то не трудно мнѣ было добраться и до того, какъ производить самое то-жъ могъ бы и самый мой ящикъ съ учиненіемъ только нѣкоторой съ нимъ перемѣны.

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ стоялъ на карауле, а потомъ безпрерывно занятъ былъ вышеписанными, увеселяющими меня упражненіями, всѣ прочіе офицеры нашего полку, не только молодые, но и пожилые, занимались совсѣмъ иными дѣлами и заботами. Всѣхъ ихъ почти вообще усердное желаніе быть въ Кёнигсбергѣ проистекало совсѣмъ изъ другого источника, нежели мое. Они наслышались довольно, что Кёнигсбергъ есть такой городъ, который преисполненъ всѣмъ тѣмъ, что̀ страсти молодыхъ и въ роскошахъ и распутствахъ жизнь свою провождающихъ, удовлетворять и насыщать можетъ, а именно, что было въ ономъ превеликое множество трактировъ и биліаровъ

и другихъ увеселительныхъ мѣстъ; что все, что угодно, въ немъ доставать можно, а всего паче, что женскій полъ въ ономъ слишкомъ любострастію подверженъ и что находится въ ономъ превеликое множество молодыхъ женщинъ, упражняющихся въ безчестномъ рукодѣліи и продающихъ честь и цѣломудріе свое за деньги. Сей послѣдній слухъ въ особливости для многихъ былъ весьма прельстителенъ и они заблаговременно тому радовались, что имѣть будутъ вожделѣннѣйшій случай къ насыщенію необузданныхъ страстей своихъ; а многіе съ тѣмъ и шли въ Кёнигсбергъ, чтобъ тотчасъ по пришествіи туда пріискать себѣ хорошихъ любовницъ, или по крайней мѣрѣ, побрать къ себѣ молодыхъ дѣвокъ на содержаніе. Все сіе они и не премінули дѣйствительно исполнить. Неуспѣло и двухъ недѣль еще пройтить, какъ къ превеликому удивленію моему услышалъ я, что не осталось въ городѣ ни одного трактира, ни одного виннаго погреба, ни одного бильяра и ни одного непотребнаго дома, который бы господамъ нашимъ офицерамъ былъ уже неизвѣстенъ, но что всѣ они были у нихъ на перечётѣ; но весьма многіе свели уже отчасти съ хозяйками своими, отчасти съ другими тамошними жительницами, тѣсное знакомство, а нѣкоторые побрали уже къ себѣ и на содержаніе ихъ, и всѣ вообще уже утопали во всѣхъ роскошахъ и распутствахъ.

Удивленіе мое при услышаніи о семъ было непзреченное и тѣмъ вящее, что услышалъ я тоже самое и о самыхъ почтенныхъ и такихъ людяхъ, которыхъ почиталъ я совсѣмъ къ таковой развратной жизни неспособными, а что̀ того болѣе меня удивило, то отъ самыхъ спхъ людей не слыхалъ я тогда никакихъ уже порядочныхъ и разумныхъ разговоровъ, а всѣ рѣчи и слова и всѣ лутчія шутки и разговоры ихъ были объ однихъ играхъ, гуляньяхъ и о женщинахъ, и сіе доходило даже до того, что они, забывъ весь стыдъ, ни мало уже не стыдились хвастать и величаться другъ предъ другомъ своими безчинствами и распутствомъ, и безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, врали и мололи такой гнусный вздоръ, котораго разумному человѣку безъ отвращенія слышать было не можно. Но сего было еще не довольно, но они дѣлали еще того хуже, и погрязнувъ сами по уши въ беззаконіи, прилагали наивозможнѣйшее стараніе втащить и другихъ въ сѣти таковой же мерзкой жизни, и не только поднимали на смѣхъ всѣхъ тѣхъ, кто не слѣдовалъ ихъ примѣру, но ими почти ругались и презирали оныхъ.

Извините меня, любезный пріятель, что я между дѣломъ разсказываю вамъ теперь такой глупый вздоръ. Я сдѣлалъ сіе для того, чтобъ изобразить тѣмъ, въ какой опасности находился я тогда, живучи въ такомъ городѣ и между людьми таковаго сорта. Находясь въ такихъ точно лѣтахъ, въ которыя наиболѣе человѣки подвержены бываютъ всей пылкости вожделѣній любострастныхъ и далеко еще не въ состояніи владычествовать надъ страстями своими и повиноваться предписаніямъ здраваго разума; имѣя случай всякій день слышать безстыднѣйшіе и любострастные разговоры, видѣть наисоблазнительнѣйшіе примѣры, могущіе развратить и наидобродѣтельнѣйшаго человѣка, а что̀ того еще паче, претерпѣвать самыя насмѣшки и шпынянья отъ всѣхъ друзей и товарищей своихъ за то, для чего я имъ во всѣхъ ихъ распутствахъ не сотовариществую: при такихъ обстоятельствахъ, говорю, не легко ли могъ и я съ пути добродѣтели сбиться и ввалиться въ бездну пороковъ? Ахъ! я и дѣйствительно былъ такъ отъ того не далекъ, что малаго и очень малаго недоставало къ тому, чтобъ сдѣлаться и мнѣ такимъ же шалуномъ и распутнымъ человѣкомъ, и единая невидимая рука Господня спасла и не допустила меня въ таковой же тинѣ мерзостей и беззаконій погрязнуть, въ которую погрузили себя всѣ почти наши офицеры.

И подлинно, любезный пріятель, когда

приходятъ мнѣ на мысль тогдашнія времена, то и понынѣ не могу довольно надивиться тому, какимъ образомъ я тогда отъ сего зла свободился. Цѣлому стеченію многихъ и разныхъ особливыхъ обстоятельствъ надлежало быть къ тому, чтобъ избавить меня отъ тѣхъ опасностей, которыми я окружонъ былъ и рукѣ Господней, или паче промыслу Его, печущемуся обо мнѣ, принуждено было насильно исторгнуть меня изъ средины общества людей, толико развращенныхъ и опасныхъ, и учинивъ со мною то, чего мнѣ никогда и на умъ не приходило, доставить такое мѣсто и вплесть въ такія обстоятельства, которыя долженствовали сами собою поспѣшествовать къ моему спасенію.

Но какъ все сіе для васъ не весьма понятно, то объясню вамъ дѣло сіе короче и разскажу обстоятельнѣе о сей весьма важной эпохѣ моей жизни и обо всемъ томъ, что̀ къ спасенію моему тогда поспѣшествовало.

Наипервѣйшимъ обстоятельствомъ, помогавшимъ мнѣ много въ тогдашнее время, была та преждеупоминаемая, врожденная въ меня натуральная застѣнчивость и стыдливость, которой подверженъ я былъ съ малолѣтства, и которая и тогда такъ еще была велика, что для меня всегда превеликая коммиссія была, если случалось иногда бывать съ незнакомыми женщинами вмѣстѣ и упражняться съ ними въ разговорахъ. Самое сіе и предохраняло меня отъ той дерзости, наянства и отваги, каковую другіе мои братья имѣли и при помощи которой могли они тотчасъ сводить съ ними лады и знакомство, и которая вводила ихъ во всѣ безпутства. Что касается до меня, то былъ я въ таковыхъ случаяхъ сущею красною дѣвкою и мнѣ совѣстно и стыдно было и наималѣйшія производить съ ними шутки и издѣвки, а того меньше начинать съ ними какія-нибудь вольности. Къ сему весьма много поспѣшествовало и то, что какъ съ малолѣтства имѣлъ я случай читать нѣкоторыя поэмы и любовныя исторіи, въ коихъ любовь изображена была нѣжная, чистая и непорочная, а не грубая и распутная; то напоившись сими мыслями, имѣлъ я объ ней самыя нѣжныя, романтическія понятія; и потому, такое обхожденіе съ женщинами, какое видалъ я у другихъ, казалось мнѣ слишкомъ грубымъ, гнуснымъ и подлымъ, и я никакъ не могъ себя приучить къ вольному и къ такому наглому и безстыдному обхожденію съ ними, какъ другіе; но для меня превеликая коммисія была и начинать говорить съ ними, а особливо съ незнакомыми, и самаго сего не могъ я никогда учинить, незакраснѣвшись и не сдѣлавъ себѣ превеликаго насилія. Черта характера, хотя сама по себѣ смѣшная, но обращавшаяся мнѣ во всю мою жизнь въ превеликую пользу.

Другимъ, весьма много помогшимъ мнѣ обстоятельствомъ была та счастливая слу̀чайность, что на обѣихъ моихъ квартирахъ не было ни одной молодой женщины и дѣвки, могущей привлечь къ себѣ вниманіе молодого человѣка, а если и были женщины, такъ все старыя и дурныя. Чрезъ сіе избавился я случайнымъ образомъ не только самъ отъ поводовъ къ искушенію, могущихъ, какъ извѣстно, всего болѣе дѣйствовать и доводить человѣка до всего худого, но вкупѣ и отъ частаго посѣщенія своихъ товарищей; ибо у нихъ то въ обыкновеніе уже вошло, чтобъ къ тому изъ своей братьи и ходить и того чаще и навѣщать, у кого на квартирѣ были хорошія хозяйскія дѣвки, и у таковыхъ были у нихъ обыкновенно сборища; а поелику у меня на квартирѣ не было ничего для нихъ привлекательнаго, то и не имѣли они охоты часто меня посѣщать и просиживать долго, а буде когда и захаживали, такъ наиболѣе для подзыванія съ собою иттить гулять.

Третьимъ обстоятельствомъ, удерживавшимъ меня отъ распутной жизни, было то, что не успѣлъ я смѣниться съ караула, какъ на другой день послѣ того случилось мнѣ видѣть погребеніе одного молодого офицера, стоявшаго тутъ до насъ другого полка и умершаго наижалостнѣйшимъ образомъ отъ венерической бо-

лѣзни, нажитой имъ во время стоянія въ семъ городѣ. Сіе зрѣлище, также всеобщая молва и удостовѣренія отъ многихъ, что никто почти изъ офицеровъ, упражнявшихся въ такомъ же рукомеслѣ, цѣлымъ неоставался, но всѣ какой-нибудь изъ гнусныхъ болѣзней сихъ сдѣлались подверженными, впечатлѣло въ сердце моемъ такой страхъ и отвращеніе, что я тогда же еще самъ въ себѣ положилъ напвозможнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ тамошнихъ женщинъ убѣгать и отъ нихъ, какъ отъ нѣкоего яда и заразы, страшиться и остерегаться. А сіе много мнѣ и помогало въ тогдашнее опасное время и причиною тому было, что я никакъ несоглашался дѣлать подзывающимъ нерѣдко меня товарищамъ своимъ компанію и ходить вмѣстѣ съ ними въ сумнительные и подозрительные домы, но охотнѣе сидѣлъ и упражнялся въ своихъ работахъ.

Но всѣ сіи обстоятельства и ниже самая охота моя къ книгамъ и ко всякимъ любопытнымъ упражненіямъ, не въ состояніи бы была спасти меня отъ нихъ и отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній, какимъ почти ежедневно подверженъ я былъ отъ сихъ моихъ товарищей и друзей, употребляющихъ даже самыя хитрости и обманы для запутанія меня въ сѣти, еслибъ не вступила въ посредство самая судьба и невидимою рукою не отвлекла меня отъ пропасти, на краю которой я находился. Она учинила сіе, произведя вдругъ совсѣмъ неожидаемую въ обстоятельствахъ моихъ и такую перемѣну, которая отлучила меня отъ прежнихъ товарищей моихъ, толико мнѣ опасныхъ, и положила препону къ частому съ ними свиданію, и произвела сіе слѣдующимъ образомъ:

Какъ правленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ зависѣло тогда отъ насъ, но для управленія онымъ не опредѣлено еще было никакого особаго человѣка, а носился только слухъ, что присланъ будетъ особый губернаторъ — то до того времени управлялъ всѣми дѣлами, относящимися до внутренняго управленія симъ государствомъ, а особливо до собиранія податей и доходовъ, нѣкто изъ нашихъ бригадировъ, по имени Нумерсъ. У сего человѣка были тогда въ вѣдомствѣ всѣ прусскія правленія, коллегіи и канцеляріи. Но какъ всѣ они наполнены были тамошними судьями и канцелярскими служителями, нашихъ же никого съ ними не было, то хотѣлось ему давно имѣть въ тамошней каморѣ, имѣющей въ вѣдомствѣ своемъ всѣ государственные доходы, кого-нибудь изъ своихъ офицеровъ, разумѣющихъ нѣмецкій языкъ и могущаго записывать всѣ вступающіе приходы и расходы и вносить въ особливыя, данныя отъ него книги. Таковаго человѣка давно онъ уже искалъ; но какъ въ полкахъ, стоявшихъ тутъ до насъ, не было никого къ тому способнаго, то по пришествіи нашего полку онъ началъ разспрашивать и распровѣдывать, нѣтъ ли у насъ таковаго.

Такъ случилось, что поговорить ему о томъ вздумалось съ самимъ моимъ капитаномъ, г. Гневушевымъ, отправлявшимъ тогда должность плацъ-майора въ городѣ, и судьбѣ было угодно, чтобъ сему человѣку не съ другого слова рекомендовать къ тому меня. Онъ, любя меня, насказалъ столько обо мнѣ и о способностяхъ моихъ помянутому бригадиру, что онъ на другой же день отъ полку меня истребовалъ и тотчасъ препоручилъ мнѣ вышеупомянутую коммисію.

Нельзя довольно изобразить, какъ удивился я, получивъ отъ полку вдругъ, и противъ всякаго чаянія моего, приказаніе, чтобъ явиться къ бригадиру Нумерсу, а въ полку чтобъ числить меня въ отлучкѣ. Я не зналъ тогда, что̀ это значило и зачѣмъ меня къ нему посылали. Но какъ во все продолженіе моей службы я за правило себѣ поставлялъ, чтобъ, не вѣдая гдѣ можно найтить и гдѣ потерять, никогда самому собою ни въ какую команду не набиваться, а куда станутъ посылать — не отбиваться, то безъ прекословія повинновался я сему повелѣнію и на другой же день явился къ моему новому командиру.

Господинъ Нумерсъ принялъ меня очень ласково и, поговоривъ со мною нѣсколько по-нѣмецки, приказалъ мнѣ, чтобъ я что-нибудь написалъ; и какъ я по-нѣмецки писалъ нарочито хорошо, то, сколько казалось, рукою моею былъ онъ очень доволенъ. Онъ въ тотъ же часъ поѣхалъ со мною въ камору и отдалъ меня на руки одному старичку, совѣтнику, по имени Бруно, приказавъ ему препоручить мнѣ то дѣло, о которомъ онъ съ нимъ давно уже говорилъ, и имѣть за мною смотрѣніе.

Старичокъ этотъ показался мнѣ весьма тихимъ и добренькимъ человѣчкомъ. Онъ, обласкавъ меня, отвелъ тотчасъ въ особливую и въ побочную подлѣ себя комнату и ассигновалъ мнѣ для сидѣнія мѣсто. И какъ книги бѣлыя были у нихъ уже готовы, то и показалъ мнѣ, какъ и что̀ мнѣ въ нихъ писать, и далъ всѣ нужныя наставленія, почему и долженъ былъ я тогда же начинать свою работу и списывать съ нихъ по-нѣмецки, что̀ было предписано.

Такимъ образомъ сдѣлался я вдругъ изъ военнаго человѣка приказнымъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть дѣло уже не съ ружьемъ, а съ перомъ и чернилами. Перемѣна сія была мнѣ тогда не весьма пріятна. Коммисія моя была хотя и не трудная и состояла только въ переписываніи тетрадей со счетами, даваемыхъ мнѣ отъ помянутаго старичка, въ бѣлыя шнуровыя книги, но обстоятельство, что я принужденъ былъ ходить въ камору всякой день и сидѣть въ ней не только все утро до обѣда, но и послѣ обѣда, до самаго почти вечера, и ничего иного не дѣлать, какъ писать и переписывать такое, что̀ не лѣзло въ мою голову и было для меня непонятно, а что̀ того хуже—сидѣть одинъ и въ сущемъ уединеніи, въ превеликой, скучной и темной палатѣ, освѣщаемой только двумя закоптѣвшими окнами съ желѣзными рѣшетками и при томъ еще не подъ окнами, а въ удаленіи отъ оныхъ—слѣдовательно, сидѣть какъ птичка въ заперти, и препровождать наилучшее вешнее время въ году не только въ безпрерывныхъ трудахъ и работѣ, но въ прескучномъ уединеніи, не имѣя никого съ кѣмъ бы могъ промолвить слово: сіе обстоятельство, говорю, было мнѣ, а особливо сначала, когда дѣла было очень много, очень и очень непріятно, и заставливало не одинъ разъ тужить о потерянной вольности, которою пользовался я до того времени, и коею тогда могъ уже наслаждаться только въ одни праздничные и воскресные дни, да въ немногіе часы въ полдни и передъ вечеромъ.

Совсѣмъ тѣмъ была премѣна сія въ обстоятельствахъ моихъ мнѣ существенно полезна, и я и понынѣ не могу еще довольно возблагодарить судьбу, что она со мною тогда сіе учинила, ибо я избавился чрезъ то отъ всѣхъ прежнихъ моихъ опасностей; ибо какъ меня никогда не было дома, то всѣ прежніе мои друзья и товарищи мало-по-малу и отучились приходить ко мнѣ то и дѣло, для посѣщенія и подзыванія меня съ собою въ трактиры и другія увеселительныя мѣста для гулянья; а составивъ уже между собою общества и ватаги, упражнялись одни въ своихъ забавахъ и утѣхахъ, меня же, какъ нѣкоторымъ образомъ отъ полку отлученнаго и къ обществу ихъ непринадлежащаго, оставили съ покоемъ и къ ватагамъ своимъ не приобщали, чѣмъ я весьма былъ и доволенъ.

Другая и наиважнѣйшая польза проистекла отъ сей перемѣны та, что пребываніемъ моимъ въ каморѣ власно какъ проложенъ былъ мнѣ путь къ другой, послѣдующей затѣмъ и гораздо еще важнѣйшей перемѣны, которая обратилась мнѣ въ безконечную пользу, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ сдѣлавшись, противъ всякаго чаянія, оторваннымъ и независимымъ отъ полку, началъ я провождать совсѣмъ новый и для меня необыкновенный родъ жизни, которая сначала хотя показалась мнѣ весьма скучною, но какъ ко всему привыкнуть можно, то въ короткое время сдѣлалась мнѣ нарочито сносною, и я ни мало уже на нее не жаловался, но, привыкнувъ мало-по-малу къ

тихой и уединенной жизни, сталъ находить въ оной нѣсколько и удовольствія. Все тогдашнее мое время препровождаемо было слѣдующимъ образомъ; въ каждый день поутру, вставши и напившись чаю и одѣвшись, отправлялся я въ путь къ своей каморѣ. Разстояніе отъ ней до моей квартиры было хотя не малое и простиралось болѣе нежели на полторы версты, однако хаживалъ я обыкновенно одинъ и пѣшечкомъ, и какъ, по счастью, кратчайшій путь туда лежалъ по хорошимъ улицамъ и мостовымъ, то путешествія сіи никогда мнѣ не наскучивали, но хожденіе сіе посѣшествовало еще много моему здоровью. Пришедъ въ камору, садился я обыкновенно за свой столъ и, не сходя съ мѣста, проработывалъ до самаго перваго часа. Въ сіе время надоѣдало мнѣ только нѣсколько мое уединеніе; ибо главные покои сей каморы, гдѣ было множество писцовъ, были отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, нѣсколько удаленны, а тутъ находились только три комнаты, изъ коихъ въ одной сидѣлъ помянутый старичокъ, совѣтникъ, у котораго былъ я подъ надзираніемъ, въ другой я, а въ третьей, маленькій, главный приходчикъ или принимать собираемыхъ доходовъ. Но какъ въ нѣмецкихъ канцеляріяхъ совсѣмъ не такія обыкновенія, какъ у насъ, и всѣми канцелярскими служителями не предпринимаются никакія вольности въ разговорахъ и не препровождается время въ смѣхахъ и балагуреньяхъ, но всякій изъ нихъ сидитъ какъ вкопанный на своемъ мѣстѣ и занимается своимъ дѣломъ наприлежнѣйшимъ образомъ, и у нихъ не только нѣтъ никогда шума и сумятицы, но наблюдается во всемъ благопристойность, тихость и совершенный порядокъ — то и помянутые оба сосѣди мои занимались всегда и столь прилежно своими дѣлами, что мнѣ въ цѣлыя сутки не удавалось иногда промолвить съ ними ни единаго слова; о вступленіи-жъ въ какіе-нибудь разговоры и помыслить было не можно. Сверхъ того, не только сіи господа, но и всѣ лучшіе жители города Кёнигсберга вообще имѣли какъ-то нѣкоторое отвращеніе отъ всѣхъ насъ, русскихъ, и власно какъ умышленно старались всячески отъ насъ и отъ повѣреннаго, откровеннаго и дружелюбнаго обхожденія съ нами убѣгать и удаляться, почему и неудивительно, что хотя я немалое время при сей должности въ каморѣ пробылъ и хотя, оказывая обоимъ моимъ сосѣдямъ возможнѣйшее учтивство, всячески старался съ ними сколько-нибудь поближе познакомиться, однако всѣ мои старанія были тщетны. Они соотвѣтствовали мнѣ таковыми-жъ только учтивостями, но болѣе сего не могъ я ничего отъ нихъ добиться; ибо хотя я и ежедневно ожидалъ, чтобъ который-нибудь пригласилъ меня изъ нихъ когда не обѣдать, такъ по крайней мѣрѣ на чашку кофея или чаю, однако не могъ я сего отъ нихъ никогда дождаться; самому же понаяниться и къ нимъ безъ зову ходить, казалось мнѣ непристойно. Словомъ, они казались мнѣ сущими бирюками. Но таковыхъ же бирюковъ нашелъ я и въ присутствующихъ въ тамошней рентерей и соляной конторѣ, въ которыя чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ ходить и по нѣскольку часовъ просиживать въ таковомъ же дѣлѣ, т.-е. записываніи тамошнихъ рентерейныхъ и соляныхъ доходовъ въ особыя книги. Въ обоихъ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, находившихся въ томъ же замкѣ, гдѣ была и камора, дѣлами управляли два старичепца, но оба они еще нелюдимѣе и несловоохотнѣе были моихъ сосѣдей, такъ что я отъ сихъ могъ ожидать еще меньше, нежели отъ прежнихъ, ласки и дружелюбія.

Все сіе сначала меня крайне удивляло, и я не однажды самъ въ себѣ съ досадою помышлялъ и говорилъ: — «что это за бирюки и за черти здѣсь сидятъ! ни къ кому изъ нихъ нѣтъ приступу и ни отъ кого не добьешься никакого дружелюбія и ласки»; но послѣ, какъ узналъ короче весь прусскій народъ и кёнигсбергскихъ жителей, то пересталъ тому дивиться и приписывалъ уже сіе не столько ихъ нелюдимости, сколько обще-

му ихъ нерасположенію ко всѣмъ россіянамъ, къ которымъ хотя наружно оказывали они всякое почтеніе, но внутренно почитали ихъ себѣ непріятелями, и потому отъ дружелюбнаго и откровеннаго съ ними обхожденія удалялись; а сверхъ того, умѣренный и воздержный родъ ихъ жизни, удаленной отъ всякихъ роскошей и излишествъ, имѣлъ въ томъ великое соучастіе.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія, и теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, препроводивъ помянутымъ образомъ все утро въ безпрерывномъ и скучномъ писаніи, по пробитіи двѣнадцати часовъ, выхаживалъ я, вмѣстѣ съ прочими, изъ каморы и возвращался на квартиру. Тутъ находилъ я всегда солдатскій свой обѣдъ, изготовленный людьми моими, уже готовымъ, который хотя не таковъ былъ сладокъ, какъ мнимый прусскій, но я никогда голоднымъ не вставалъ изъ за-стола. Потомъ принимался я тотчасъ за рисованье и проводилъ въ немъ и въ другихъ любопытныхъ упражненіяхъ съ часъ и болѣе времени. По пробитіи двухъ часовъ отправлялся опять въ путь въ свою камору и просиживалъ тамъ до самаго почти вечера. По выходѣ же изъ оной и возвратившись домой, хаживалъ прогуливаться на корабельную пристань и въ другія, близъ находящіяся мѣста, а особливо по берегу рѣки Прегеля, и сматривалъ на плавающія по рѣкѣ суда и на множество народа, упражняющагося на берегахъ въ нагруживаніи и выгрузкѣ судовъ. Когда же случалось день воскресный или праздничный, въ который въ каморѣ не было засѣданія, тогда весь день употреблялъ я либо на рисованье, либо на разгуливанье по всему городу и по всѣмъ лучшимъ частямъ его. Хаживалъ иногда къ старичку, своему полковнику, который унималъ иногда меня у себя обѣдать и бралъ съ собою вмѣстѣ гулять въ пайлучшій и славный тамошній Сатургусовъ садъ, о которомъ упомяну я подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а какъ и кромѣ сего были въ семъ городѣ другіе сады, въ которыхъ всякому гулять было можно, то отыскивая оные, хаживалъ иногда и въ оные гулять. Въ трактиры же очень рѣдко захаживалъ, и то развѣ для того, чтобъ напиться чаю и кофея и почитать газетъ иностранныхъ; и какъ газеты тогдашняго времени были весьма любопытны, и я узналъ, что издавались они и тутъ въ городѣ, то непремнулъ я взять и для себя оныя и насыщать ими свое любопытство.

Такимъ образомъ, привыкнувъ къ сему новому и уединенному роду жизни, препроводилъ я нѣсколько недѣль въ наиспокойнѣйшемъ состояніи и жилъ, прямо можно сказать, въ мирѣ и тишинѣ и былъ состояніемъ своимъ доволенъ. Отъ прежнихъ же своихъ товарищей сдѣлался я такъ удаленъ, что и свѣдѣнія не имѣлъ, что̀ у нихъ между собою происходило, да и узнать то̀ всего меньше старался.

Но теперь время мнѣ письмо свое кончить и сказать вамъ что, я есмь и проч.

ОПИСАНІЕ КЕНИГСБЕРГА. ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 60-е.

Любезный пріятель! Какъ въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя, находясь при каморѣ, препроводилъ я вышеупомянутымъ образомъ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, имѣлъ я довольно времени и случаевъ осмотрѣть и узнать Кёнигсбергъ, то постараюсь я теперь исполнить то, что̀ упустилъ въ предслѣдующихъ письмахъ, и описать вамъ сей столичный прусскій городъ, дабы вы получили о немъ нѣкоторое ближайшее понятіе.

Городъ сей лежитъ посреди всего королевства Прусскаго и можетъ почесться приморскимъ, ибо хотя стоитъ онъ и не подлѣ самаго моря, и открытое Балтійское Море отъ него не ближе семидесяти верстъ; но какъ между онымъ и моремъ находится узкій и предлинный заливъ, называемый Фрижскимъ Гафомъ, и въ сей заливъ впадаетъ рѣка Прегель, отъ устья который неподалеку Кёнигсбергъ,

на брегахъ оной воздвигнутъ, рѣка же сія довольно глубока, то и пользуется онъ тою выгодою, что всѣ морскія купеческія суда и гальйоты доходятъ помянутымъ гафомъ и рѣкою до самаго города, и тутъ производятъ свою коммерцію или торговлю.

Помянутая рѣка протекаетъ сквозь самый сей городъ; и какъ она въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ построенъ, раздѣлившись на многіе рукава, произвела нѣсколько обширныхъ и большихъ острововъ, то сіе служитъ сему городу въ особливую выгоду. Нѣкоторые изъ сихъ ровныхъ и низменныхъ острововъ, перерытыхъ многими каналами, покрыты наипрекраснѣйшими сѣнокосными лугами, производящими пангустѣйшую и хорошую ѣдкую траву, которая въ особливости достопамятна тѣмъ, что жители кёпигсбергскіе приуготовляютъ изъ нея особеннаго рода крупу, извѣстную у нихъ подъ именемъ швадентрицъ. Они въ лѣтнее время, когда вырастаютъ на травѣ сей волоти, похожія на наши костеревыя или роженчиковы, обсѣкаютъ оныя ситами и рѣшетами и потомъ, высушивъ, обрушиваютъ изъ нихъ крупу, имѣющую наиприятнѣйшій вкусъ въ кашѣ. Осенью покрыты сіи мѣста нѣсколькими тысячами пасомаго на нихъ скота и лошадей. Самые же ближніе къ городу острова заняты разными городскими строеніями, и изъ нихъ въ особливости замѣчанія достоинъ обширный и посреди самаго города находящійся круглый островъ, потому что весь оный застроенъ сплошнымъ и превысокимъ каменнымъ строеніемъ и составляетъ особую и наилучшую часть города.

Впрочемъ, городъ сей довольно обширенъ, имѣетъ въ себѣ великое число жителей и обнесенъ вокругъ земляным валомъ съ бастіонами, а въ сторонѣ къ морю, по лѣвую сторону рѣки Прегеля, сдѣлана небольшая регулярная четверогольная крѣпость или цитадель, называемая Фридрихсбургомъ, съ установленными вокругъ пушками. Но всѣ сіи укрѣпленія не составляютъ дальней важности; ибо какъ по великой обширности города содержаніе всѣхъ валовъ въ хорошемъ порядкѣ сопряжено-бъ было съ великимъ коштомъ, то и съ многочисленнымъ гарнизономъ не можетъ сей городъ порядочной и долговременной осады вытерпѣть, и потому почесться можетъ онъ болѣе открытымъ купеческимъ и торговымъ городомъ, нежели крѣпостью. Совсѣмъ тѣмъ, вездѣ при въѣздахъ подѣланы были порядочныя городскія ворота и при оныхъ содержались строгіе караулы.

Что касается до внутренности сего города, то она раздѣляется сперва на самый городъ и на нѣсколько обширныхъ форштатовъ, которые, однако, не отдѣлены отъ города никакою особою стѣною, но совокупно съ ними окружены вышеупомянутымъ земляным валомъ, а отличны отъ города только тѣмъ, что въ нихъ строенія не таковы хороши и не таковы высоки, какъ въ городѣ, а притомъ наиболѣе состоятъ изъ фахверковъ или кирпичныхъ мазанокъ, какъ напротивъ того въ самомъ городѣ находятся уже все сплошныя и о нѣсколькихъ этажей каменные домы, сплощенные между собою наитѣснѣйшимъ образомъ.

Впрочемъ, сей внутренній и лучшій городъ имѣетъ въ себѣ три главныя отдѣленія, или части, извѣстныя у нихъ подъ именемъ Альтштата, или стараго города, Кнейпгофа, которая часть находится на вышеупомянутомъ острову, и Лебенихта. Каждая изъ сихъ частей составляетъ нѣкоторымъ образомъ особый городъ, ибо каждая имѣетъ особую свою ратушу, особую соборную церковь, особыя свои публичныя зданія, особую торговую площадь и особое городское начальство. Что касается до такъ-называемыхъ форштатовъ, то они состоятъ изъ предлинныхъ и довольно широкихъ улицъ, простирающихся отъ помянутыхъ главныхъ частей города въ разныя стороны. Главнѣйшія изъ нихъ называются: Розгартенъ, Траггеймъ, Сакгеймъ, Штейндамъ, Габербергъ и нѣкоторыя иныя. Всѣ сіи форштаты, кромѣ нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, разсѣянныхъ по онымъ, состоятъ изъ посред-

ственныхъ и только въ два этажа построенныхъ домовъ.

Наизнаменитѣйшимъ изъ всѣхъ въ Кёнигсбергѣ находящихся зданій можно почесть такъ-называемый Замокъ или дворецъ прежнихъ герцоговъ прусскихъ. Огромное сіе и, по древности своей, пышное зданіе, воздвигнуто на высочайшемъ бугрѣ или холмѣ, посреди самаго города находящагося. Оно сдѣлано четвероугольное, превысокое и имѣетъ внутри себя четвероствороннюю, нарочито просторную площадь и придаетъ всему городу собою украшеніе, и тѣмъ паче, что оно со многихъ сторонъ, а особливо изъ-за рѣки, сверхъ всѣхъ домовъ видимо. Въ одномъ изъ четырехъ его боковъ, или фасовъ, во второмъ этажѣ находятся старинные герцогскіе покои, состоящіе во многихъ залахъ и пространныхъ комнатахъ, которыя и въ нашу еще бытность обиты были тѣми старинными тканными обоями, которыя находились еще въ то время, когда въ оныхъ принимавъ былъ государь Петръ I-й, когда онъ путешествовалъ съ Лефортомъ по разнымъ землямъ въ посольской свитѣ и въ коихъ покояхъ имѣютъ пребываніе свое прусскіе короли, когда они, по вступленіи на престолъ, пріѣзжаютъ въ Кёнигсбергъ для принимания присяги, которая пышная церемонія производится на помянутой, внутри сего замка находящейся площади; а въ прочее время, живали въ сихъ покояхъ главные правители и командиры надъ войсками, въ семъ королевствѣ находившимися, какъ и предъ вступленіемъ нашимъ жилъ въ оныхъ фельдмаршалъ ихъ, Левальдъ. Совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ сихъ покояхъ не только нѣтъ никакого дальняго въ убранствахъ великолѣпія, но они низковаты, темны и крайне-невеселы, что̀, можетъ быть, и подало поводъ прежнимъ государямъ прусскимъ одинъ и лучшій уголъ сего замка передѣлать и прибавить еще вверхъ два огромныхъ этажа. Но неизвѣстно, для чего оба сіи этажа остались какъ-то неотдѣланными совсѣмъ, а только отработанными вчернѣ, и уже мы въ послѣдующіе годы по-старались сами одинъ изъ сихъ этажей отдѣлать и убрать такъ, что непостыдно было никому, и даже самимъ королямъ въ немъ жить. Въ нижнемъ этажѣ сего фаса находились кладовыя, кухни, каральни и, наконецъ, на углу самая та камора, въ которую я хаживалъ.

Оба другіе и боковые фасы содержали въ себѣ множество покоевъ, стоящихъ отчасти впустѣ, отчасти занятыхъ разными гражданскими главными правительствами и присутственными мѣстами, а иные покои служили вмѣсто магазиновъ, для разныхъ поклажъ.

Что-жъ касается до послѣдняго и четвертаго фаса, лежащаго насупротивъ герцогскихъ покоевъ, то вся внутренность его занята одною преогромной величины киркою, или придворною церковью, въ которой въ каждое воскресенье отправлялась два раза божественная служба и собиралось великое множество народа.

Наконецъ, на одномъ углу сего фаса воздвигнута превысочайшая и претолстая четвероугольная башня, неимѣющая никакого шпица и купола. На плоскомъ ея верхѣ выставлялось только большое знамя, или флагъ. Тутъ, подъ самымъ верхомъ, сдѣланы небольшіе покойцы, и въ нихъ имѣютъ всегдашнее жительство нѣсколько человѣкъ трубачей и другихъ музыкантовъ. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы содержать на верху сей башни безпрерывный карауль и смотрѣть не сдѣлается ли гдѣ пожара, который какъ скоро они усмотрятъ, то того момента начинаютъ играть на своихъ трубахъ особливыя пожарныя и набатныя штуки, и дабы народъ издали могъ видѣть и знать, въ которой сторонѣ пожаръ, то днемъ въ ту сторону наклоняютъ помянутое знамя, а въ ночное время высовываютъ въ ту сторону шестъ съ висящимъ на немъ большимъ фонаремъ, чрезъ что̀ народъ и узнаетъ, въ которую сторону должно ему бѣжать для погашенія пожара. Сіе случалось самимъ намъ видать при бывшихъ при насъ нѣсколько разъ пожарахъ, и, признаться

надобно, что учрежденіе сіе у нихъ похвально и хорошо.

Кромѣ сего, примѣчанія достойно, что подъ сею башнею и въ самомъ семъ углѣ паходится у нихъ публичная и старинная библіотека, занимающая нѣсколько просторныхъ палатъ и наполненная нѣсколькими тысячами книгъ. Книги сіи по большей части старинныя и отчасти рукописныя; и мнѣ случалось видѣть очень рѣдкія, писанныя древними монахами, весьма чистымъ и опрятнымъ полууставнымъ письмомъ, украшеннымъ разными фигурами и украшеніями изъ живѣйшихъ красокъ; а что того удивительнѣе, то многія изъ нихъ прикованныя къ полкамъ, на длинныхъ желѣзныхъ цѣпочкахъ, на тотъ конецъ, дабы всякому можно было ихъ съ полки снять и по желанію разсматривать и читать, а похитить и съ собою унесть было-бъ не можно. Библіотека сія въ лѣтнее время въ каждую недѣлю, въ нѣкоторые дни, отворялась, и всякому вольно было въ нее приходить, и хотя цѣлый день въ ней сидѣть и читать любую книгу, а наблюдали только, чтобъ кто съ собою не унесъ которой-нибудь изъ оныхъ, и дабы чтеніемъ симъ можно-бъ было удобнѣе всякому пользоваться, то поставлены были посреди палаты длинные столы съ скамейками вокругъ, и многіе, а особливо ученые люди и студенты, и дѣйствительно пользовались симъ дозволеніемъ, и мнѣ случалось находить ихъ тутъ человѣкъ по десяти и по двадцати, упражняющихся въ чтеніи.

Кромѣ книгъ, показываются въ библіотекѣ сей нѣкоторыя и иныя рѣдкости, но весьма немногія; и наидостойнѣйшія замѣчанія были портреты Мартина Лютера и жены его Катерины Деворы, о которыхъ увѣряли, яко бы они писаны съ живыхъ оныхъ.

Наконецъ, входовъ и въѣздовъ въ сей замокъ только два: одинъ съ передняго фаса, большой, наподобіе городскихъ воротъ, тёмный, подъ палатами, а другой, подъ киркою, маленькій, и равно какъ потаенный. А сверхъ того было въ каморy наружное крыльцо съ портикомъ для прямѣйшаго входа въ опую.

Впрочемъ, передъ замкомъ находилась небольшая площадь, съ которой въ разныя стороны простирались три большія и нѣсколько маленькихъ и кривыхъ улицъ. Одна изъ большихъ шла въ сторону кругомъ замка къ Штейндамскому форштату и знаменита тѣмъ, что на оной стоятъ наилучшіе и огромнѣйшіе каменные домы, принадлежащіе наизнаменитѣйшимъ прусскимъ вельможамъ и нѣсколькимъ принцамъ и графамъ; а другая, ведущая къ Розгартенскому предмѣстью, называлась французскою и достопамятна отчасти тѣмъ, что жили въ ней все французы и имѣли подъ домами своими наилучшія французскія лавки со всякими товарами, отчасти же тѣмъ, что построена была вся на прешпрокой плотинѣ одного предлиннаго и прешпрокаго пруда посреди города, неподалеку отъ города находящагося, и на одной небольшой рѣчкѣ, впадающей со стороны въ Прегель, запруженной. Улица сія была весьма хороша и такъ построена, что никакъ узнать было не можно, что она находилась на плотинѣ, ибо за сплошнымъ каменнымъ строеніемъ воды вовсе не видать было. Что-жъ касается до третьей большой, то сія шла подъ гору въ ту часть города, которая называлась Альтштатомъ.

Что касается до этихъ главныхъ частей города, то первая называемая Альтштатомъ, или старымъ городомъ, находилась подъ горою между замкомъ и рѣкою Прегелемъ и состояла вся изъ превысокихъ, узкихъ и сплошь другъ подлѣ друга въ нѣсколько этажей построенныхъ каменныхъ домовъ, раздѣляющихся на нѣсколько кварталовъ узкими, темными и на большую часть кривыми улицами, какія вездѣ въ старинныхъ европейскихъ городахъ были въ обыкновеніи. Посредипѣ же въ сей части находилась нарочито просторная, четвероугольная, продолговатая площадь, окруженная вокругъ такими-жъ сплошными высокими домами. Площадь сія достопамятна тѣмъ, что въ концѣ оной находятся

наилучшіе ряды или лавки, съ разными товарами, а на самой площади въ каждую недѣлю, по субботамъ, производились торги мясами и другими съѣстными припасами. И въ сіи дни площадь сію никакъ узнать не можно, ибо вся она въ одинъ часъ застроивалась множествомъ маленькихъ деревянныхъ, но порядочныхъ разборныхъ лавочекъ, которыя всѣ подъ вечеръ паки разбирались и площадь къ воскресенью очищалась такъ, что на ней не было ни одной соринки. Сіе обыкновеніе показалось намъ сначала очень странно, но послѣ не могли мы тѣмъ довольно налюбоваться.

Къ знаменитѣйшимъ публичнымъ зданіямъ въ сей части находящимся, можно почесть, во-первыхъ, соборную ихъ церковь или кирку, которыя была хотя старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ съ превысокимъ шпицомъ, но имѣла въ себѣ пребогатые органы, стоющіе нѣсколькихъ десятковъ тысячь и достойные зрѣнія; во-вторыхъ, главнѣйшая городская ратуша, составляющая довольно великое и порядочное зданіе, воздвигнутое подлѣ самой площади. Для содержанія подлѣ оной караула, было у нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ городскихъ престарѣлыхъ солдатъ, которыхъ особливому и смѣшному мундиру мы довольно насмѣяться не могли. Въ-третьихъ, подлѣ той же площади находился у нихъ такъ-называемый общественный городской домъ, имѣющій въ себѣ нѣсколько покоевъ и одну преогромную залу, въ которыхъ отправлялись у нихъ общественныя совѣщанія и торжества, также свадебные балы, какъ о томъ упомянется впредь, когда я о ихъ свадьбахъ въ особливости пересказывать буду.

Что касается до второй части, называемой Кнейпгофомъ, то сія уже многимъ знаменитѣе и лучше вышеупомянутой первой. Она находится, какъ уже прежде упоминаемо было, совсѣмъ на островѣ, окружена вокругъ водою и отдѣляется отъ Альтштата однимъ только узкимъ рукавомъ рѣки Прегеля. Строеніе въ оной хотя также сплошное каменное, съ узкими улицами, но улицы сіи уже нѣсколько прямѣе; а поелику живутъ въ ней всѣ набогатѣйшіе купцы, то есть и домовъ хорошихъ множество. Но ни которая улица не достойна такого замѣчанія, какъ такъ-называемая Длинная Кнейпгофская, которую наши прозвали Мильйонною. Она пересѣкаетъ всю сію часть вдоль и имѣетъ сообщеніе съ обоими мостами, которыми связанъ островъ съ Альтштатомъ и Габербергскимъ форштатомъ и изъ коихъ одинъ глухой, а другой подъемный, для пропуска судовъ. Названіе сіе улицѣ сей и не неприлично, потому что изъ купцовъ, живущихъ на ней, есть многіе мильйонщики, и улицу сію можно почесть наилучшею и богатѣйшею во всемъ городѣ; но дома и на ней всѣ сплошные, старомодерные, превысокіе, этажей въ пять и въ шесть, и чрезвычайно узкіе, а единая ширина и прямизна придаетъ ей наилучшую красу.

Главная церковь въ сей части находится посрединѣ острова и достопамятна тѣмъ, что въ ней погребались прежніе прусскіе герцоги и наизнаменитѣйшіе люди, и что она украшена многими прекрасными мавзолеями и надгробіями, также увѣшана древними трофеями и знаменами. Въ переднемъ концѣ оной, за алтаремъ, сдѣлана рѣшетчатая желѣзная перегородка и за оною, посреди пространнаго ниша, воздвигнута высокая и широкая четвероугольная каменная гробница, на верху которой нѣкто изъ старинныхъ прусскихъ владѣтелей, лежащій въ полномъ ростѣ вмѣстѣ съ своею женою. Но сей мавзолей далеко не такъ хорошъ, какъ другой, находящійся въ самой церкви, подлѣ стѣны. Тутъ, за вызолоченною рѣшеткой, лежалъ надъ могилою своею нѣкто изъ древнѣйшихъ прусскихъ вельможъ, бывшій государственнымъ канцлеромъ, высѣченный съ преудивительнымъ искусствомъ, въ полномъ ростѣ изъ наибѣлѣйшаго мрамора. Онъ изображенъ лежащимъ, какъ жи-

вой, на боку, и въ такой одеждѣ, какую тогда нашивали, и подпершись одною рукою находился власно, какъ въ глубокихъ размышленіяхъ. Все сіе изображено такъ искусно, что не можно было довольно тѣмъ налюбоваться; на стѣнѣ же противъ сего мѣста, вставлена черная мраморная доска съ золотою латинскою эпитафіею. Впрочемъ, кирка сія была хотя огромная, но самая старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ.

Неподалеку отъ сей церкви находился славный кёнигсбергскій университетъ и, поблизости его, дома тамошнихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ людей. Но университетъ сей ни наружностью, ни внутренностью своей не могъ приводить въ удивленіе, ибо зданіе онаго было самое простое и старинное, и самая аудиторія не составляла никакой важности. Совсѣмъ тѣмъ, по существу своему, былъ сей университетъ не изъ послѣднихъ и училось въ немъ великое множество всякаго званія людей, и въ томъ числѣ много и знатныхъ.

Ратуша сей части города, также и общественный домъ не составляли дальней важности, а болѣе ихъ примѣчанія достойна была биржа, построенная на берегу подлѣ зелепаго подъемнаго моста.. Она составляла превеликую залу съ сплошными почти окпами вокругъ, и въ опой сходятся всѣ купцы для разговариванія между собою о торговлѣ.

Что принадлежитъ до третьей главной части города, посящей на себѣ званіе Лебенихта, то она находится рядомъ съ Альтштатомъ, и всѣхъ прочихъ менѣе примѣчанія достойна. Я не нашелъ въ ней ничего особливаго, кромѣ католицкаго монастыря и церкви, довольно великой и гораздо болѣе украшенной, нежели лютеранскія.

Разсказавъ симъ образомъ о главныхъ частяхъ города, упомяну теперь нѣчто о форштатахъ и о томъ, что̀ въ нихъ есть примѣчапія достойнаго. Наилучшимъ и величайшимъ изъ нихъ можно почесть Габербергской, то-есть, тотъ, который находится за рѣкою, потому что онъ составляетъ цѣлую часть города, имѣетъ въ себѣ широкую и предлинную улицу, которая около Петрова дня наполнена бываетъ безчисленнымъ множествомъ народа, потому что въ сіе время бываетъ тутъ годовая ярмонка, о которой имѣть я буду случай поговорить въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того находится въ семъ форштатѣ и жидовская синагога, составляющая нарочито изрядное каменное зданіе.

Штейндамскій—ничего въ себѣ особливаго не имѣетъ, кромѣ своей кирки, которая достопамятна тѣмъ, что опа пандревнѣйшая и нами обращена была потомъ въ нашу россійскую церковь.

Сакгеймскій форштатъ самъ по себѣ ничѣмъ не достопамятенъ, но между нимъ и Траггеймскимъ форштатомъ находилось парадное мѣсто, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно составляетъ нарочито просторное, ровное и луговою травою поросшее мѣсто, весьма способное для обученія и экзерцированія войскъ; почему и наши войска обыкновенно тутъ учпвались. Кромѣ сего, достопамятпа она тѣмъ, что на опомъ построена прекраспая каменная лошадиная мельница, о множествѣ поставовъ, и работаютъ въ ней безпрерывпо по шестнадцати лошадей.

Траггеймскій форштатъ достопамятенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что имѣетъ въ себѣ множество господскихъ и нарочитоизрядныхъ и большихъ домовъ; во-вторыхъ выгоднымъ своимъ положеніемъ, подлѣ вышеупомянутаго большого пруда, между нимъ и Розгартепскимъ форштатомъ находящимся. Верхняя часть сего прекраснаго и болѣе на маленькое длинное озеро походящаго пруда, окружена сплошными садами, позади домовъ обоихъ сихъ форштатовъ находящимися, а нижняя сплошными, каменными вплоть по воду построепными домами; посредпнѣ же, для сообщенія обоихъ сихъ форштатовъ, сдѣланъ предлинный, узенькій и только для пѣшихъ мостъ.

Что касается до помянутаго Розгартенскаго форштата, то онъ достоинъ

примѣчанія какъ величиною своею, такъ и садами, а неменѣе и многими дворянскими домами, въ немъ находящимися, каковыхъ также множество и по улицѣ, идущей въ сторону къ Гумбинамъ, гдѣ, между прочимъ, находится и королевскій дворецъ, но который составлялъ тогда очень небольшой и такой каменный домикъ, какъ у насъ, въ Москвѣ, нѣсколько сотъ найтить можно, и стоялъ порожній. На концѣ-жъ сей длинной улицы находится сиротскій домъ, составляющій изрядное, но не очень большое каменное зданіе.

Кромѣ всѣхъ сихъ и нѣкоторыхъ другихъ форштатовъ, достоинъ также замѣчанія тотъ, который простирается вдоль по берегу рѣки Прегеля и лежитъ противъ крѣпости, и былъ самый тотъ, гдѣ имѣлъ я свою квартиру, ибо полкъ нашъ расположенъ былъ весь по упомянутымъ форштатамъ. Сей достопамятенъ какъ находящеюся въ немъ судовою пристанью, такъ и корабельною верфью, а не менѣе вышеупоминаемыми шпикларами или магазинами для хлѣба, соли и другихъ крупныхъ товаровъ, сгружаемыхъ съ барокъ. Впрочемъ, какъ весь сей форштатъ лежитъ подъ горою и на низкомъ и ровномъ положеніи мѣста, то разрѣзанъ онъ многими и довольно широкими каналами, коихъ вода имѣетъ совокупленіе съ рѣкою Прегелемъ. Кварталы между сими капалами заселены въ иныхъ мѣстахъ домами, въ иныхъ засажены садами, а въ иныхъ осажены только деревьями и содержатъ въ себѣ наилучшіе луга; но никоторой изъ нихъ такъ не достопамятенъ, какъ тотъ, на которомъ находится садъ одного наибогатѣйшаго купца, по имени Сатургуса. Садъ сей хотя не очень обширенъ, но почесться можетъ наилучшимъ во всемъ Кёнигсбергѣ, ибо онъ не только расположенъ регулярно, но и украшенъ всѣми возможнѣйшими украшеніями. Хозяинъ, будучи любопытный, ученый и богатый человѣкъ, наполнилъ оный многими рѣдкими вещами. Есть у него тутъ богатая оранжерея, набитая разными иностранными произрастеніями. Есть менажерія, или птичникъ и звѣринецъ, въ которомъ содержится множество рѣдкихъ иностранныхъ птицъ и звѣрковъ. Есть многіе прекрасные домики и бесѣдки. Въ одномъ изъ оныхъ находится маленькая кунсткамора, или довольно полный натуральный кабинетъ. И какъ мнѣ еще впервые случалось тутъ такой видѣть, то не могъ я довольно налюбоваться зрѣніемъ на множество рѣдкихъ и никогда мною невиданныхъ вещей, а особливо на прогромное собраніе разныхъ рудъ, окаменѣлостей, камней, разныхъ раковинъ, разныхъ птичьихъ яицъ, разныхъ птичьихъ чучелъ, а паче всего на превеликое собраніе янтарныхъ штучекъ, съ находящимися внутри ихъ мушками и козявочками, которыми навѣшенъ у него цѣлый комодъ и коихъ число до нѣсколькихъ тысячь простирается. Другой домикъ, въ которомъ обыкновенно угощалъ онъ своихъ гостей, вмѣсто обоевъ, украшенъ картинами, въ коихъ налѣплены за стекломъ натуральныя бабочки и коихъ видѣлъ я тутъ несмѣтное множество. Что-жъ касается до самаго сада, то наполненъ онъ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и хорошими плодоносными деревьями, а стѣны прикрыты превысокими персиковыми и абрикосными шпалерами. Есть также тутъ множество разными фигурами обстриженныхъ деревьевъ, а площади всѣ украшены множествомъ изрядныхъ фонтановъ. Вода для сихъ фонтановъ втягивается насосами изъ канала, подлѣ сада находящагося, въ большой свинцовый басепь, сокрытый въ построенной нарочно для сего на углу сада прекрасной башнѣ, внизу которой сдѣлана изрядная бесѣдка и въ ней колокольная игра, производимая тою же водою. Всѣ сіи зрѣлища были до того мною невиданныя, и потому всякой разъ, когда ни случалось мнѣ въ саду семъ бывать, производили мнѣ много удовольствія.

Впрочемъ, можно сказать, что городъ сей во всемъ имѣетъ изобиліе, и жители онаго живутъ довольно хорошо, однако

умѣренно и безъ всякихъ почти излишествъ. Непримѣтно между ними никакого дальняго мотовства и неисправности. Всѣ наилучшіе люди ведутъ жизнь степенную и болѣе уединенную, нежели сколько надобно; каретъ и богатыхъ экипажей у нихъ чрезвычайно мало, а всѣ ходятъ наиболѣе пѣшкомъ. Въ домахъ прислуга у нихъ очень малая. Есть варятъ у нихъ обыкновенно женщины, которыя сами и закупаютъ къ столу все нужное, а вкупѣ и отправляютъ должность лакеевъ, когда госпожамъ ихъ вздумается пттить въ церковь или куда въ гости, или куда въ лѣтнее время прогуливаться. Опѣ провожаютъ ихъ и ходятъ вслѣдъ за ними, что для насъ было сперва очень удивительно. Единое только мнѣ не полюбилось, что дома у нихъ, а особливо въ лучшихъ частяхъ города, очень тѣсны и безпокойны; рѣдкій изъ нихъ занимаетъ саженъ пять въ ширину, а большая часть не болѣе саженъ двухъ или трехъ шириною, и притомъ всѣ покои въ оныхъ имѣютъ окна въ одну только сторону, и очень немногіе освѣщены тремя окнами, а по бо̀льшей части въ нихъ по два окна, ибо обѣ боковыя стѣны, по причинѣ сплошного строенія, у нихъ обыкновенно глухія.

Недостатокъ сей замѣняется у нихъ высотою зданія и множествомъ этажей, изъ которыхъ одинъ другого ниже; но сіе приноситъ съ собою ту неудобность, что всходить въ верхніе этажи должно всегда тёмною и самою безпокойною круглою лѣстницей, ощупью; ибо какъ у нихъ въ каждомъ этажѣ только по два покоя, изъ которыхъ одинъ окнами на улицу, а другой назадъ, то между ними находятся темныя сѣнцы, гдѣ идетъ сія лѣстница и вкупѣ находятся очажки, гдѣ варятъ они себѣ ѣсть. Дворы есть у весьма рѣдкихъ домовъ, да и тѣ очень тѣсные, а у прочихъ хотя и есть, но наитѣснѣйшіе, да и въ тѣ входъ только сквозь домы, а воротъ порядочныхъ нѣтъ, да и служатъ они болѣе для поклажи только дровъ. Входы же въ дома подѣланы вездѣ съ улицы, и двери въ сѣни всегда разрѣзныя, на двое, но не вдоль, а поперегъ, дабы верхняя половина могла быть днемъ отворена для произведенія свѣта въ сѣняхъ, а нижняя затворена для воспрепятствованія входа всякому. Впрочемъ, примѣчанія достойно, что въ наилучшей ихъ Кнейпгофской или Мильйонной улицѣ, и въ лутчіе домы крыльца подѣлапы вездѣ деревянныя, но никогда почти негніющія, а имѣющія видъ чугунныхъ, такъ что и узнать никакъ не можно, что они деревянныя. Сіе производятъ они повторяемымъ чрезъ каждые два или три года вымазываніемъ ихъ разваренною смолою и усыпаніемъ потомъ желѣзною окалиною изъ кузницъ, чрезъ что̀ производится на нихъ власно какъ чугунная корка, недопускающая ихъ согнивать отъ дождя и ненастья. Число всѣхъ домовъ въ городѣ простирается до 3,800, а жителей до сорока тысячъ.

Ходьба и ѣзда по городу довольно спокойная, потому что всѣ улицы вымощены дикимъ камнемъ и мостовая сія содержится всегда въ хорошемъ состояніи. Въ ночное же время, а особливо осенью и зимою, освѣщаемы бываютъ всѣ улицы фонарями. Однако въ тѣсныхъ городскихъ улицахъ досадная неудобность бываетъ та, что по ночамъ всякую нечисть и соръ выкидываютъ изъ домовъ на улицы, которая, хотя ежедневно, особыми и нарочно къ тому опредѣленными людьми и счищается и свозится долой, но нерѣдко бываетъ отъ того дурной запахъ и духота, заражающая воздухъ, и отъ того нижніе покои обыкновенно бываютъ очень скучны и отъ узкости улицъ темны.

Церквей въ Кёнигсбергѣ всѣхъ 18, изъ коихъ четырнадцать лютеранскихъ, три кальвинскихъ и одна римско-католическая. Бо́льшая часть оныхъ построена въ готическомъ вкусѣ, съ предлинными шпицами на колокольняхъ; однако есть и безъ оныхъ, и воздвигнутыя во вкусѣ новой архитектуры, однако немногія.

Водою снабденъ сей городъ довольно; ибо кромѣ рѣки Прегеля и помянутаго пруда, подѣланы по всѣмъ улицамъ множество колодезей, надъ которыми построены, власно, какъ маленькія карауленки и

башенки и вставлены насосы—и вода получается качаньемъ съ боку изъ оныхъ.

Кромѣ сего, есть въ семъ городѣ нѣсколько большихъ вѣтреныхъ мельницъ, довольно хорошо устроенныхъ, а сверхъ того и прекрасная водяная о множествѣ поставовъ, построенная на той рѣчкѣ, на которой прудъ, пониже плотины и скрытая такъ, что ее вовсе непримѣтно.

Сего довольно будетъ на сей разъ во извѣстіе о семъ городѣ, ибо о прочемъ упомянуто будетъ подробнѣе впредь, при другихъ случаяхъ. Въ будущемъ моемъ письмѣ возвращусь я къ прерванной нити моего повѣствованія и буду разсказывать вамъ, что со мною въ семъ городѣ случилось далѣе, и что подало поводъ ко второй и той перемѣнѣ въ обстоятельствахъ моихъ, отъ которой проистекли послѣдствія, имѣвшія на все благоденствіе жизни моей наивеличайшее вліяніе. А поелику теперешнее письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ оное симъ кончить, и увѣривъ о непремѣнной моей къ вамъ дружбѣ, сказать вамъ, что я есмь навсегда вашъ и прочая.

Конецъ.

пятой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VI.

(соч. 1790, перен. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 61-е.

Любезный пріятель! Разсказывая вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ о томъ, что происходило со мною во время пребыванія моего въ Кёнигсбергѣ, остановился я на томъ, какъ я жилъ при тамошней каморѣ и упражнялся въ письменныхъ дѣлахъ. Теперь, продолжая повѣствованіе сіе далѣе, скажу, что колико жизнь сія была мнѣ сначала трудновата и скучна, толико сдѣлалась потомъ пріятна и весела. Вышеупомянутымъ образомъ и до обѣда, и послѣ обѣда въ камору ходить, и безпрестанно писать принужденъ я былъ только сначала и не болѣе двухъ недѣль; ибо въ сіе время надлежало мнѣ вносить въ книгу всѣ приходы и расходы, бывшіе съ начала вступленія нашего въ Пруссію до моего опредѣленія въ камору; но какъ я сію трудную работу совершилъ, то письма мнѣ было гораздо меньше, и наконецъ сдѣлалось столь мало, что мнѣ и въ цѣлый день не доставалось написать по страницѣ; слѣдовательно, небольшую сію работу могъ я въ полчаса оканчивать, и мнѣ не только уже не было нужды ходить послѣ обѣда въ камору, но я и по утрамъ иногда совсѣмъ дѣла не имѣлъ, и могъ, съ дозволенія старичка моего, совѣтника, отлучаться, а иногда и цѣлый день оставаться дома.

Сіе обстоятельство, доставлявшее мнѣ болѣе досуга и свободнаго времени, было мнѣ, сколько съ одной стороны пріятно тѣмъ, что я многайшее время могъ посвящать на собственныя мои упражненія и жить по своему произволу, не забо-

тясь ни о чемъ и не опасаясь, чтобъ послали меня куда въ команду или въ караулъ, столько, съ другой, предосудительно и вредно тѣмъ, что нечувствительно начало меня опять сближать съ прежними моими друзьями и знакомцами. Всѣ они завидовали моей спокойной и праздной почти жизни, и многіе не премпнули начать опять меня почасту навѣщать, какъ скоро узнали, что я получилъ болѣе свободнаго времени и послѣобѣдпишніе часы провождаю дома. Таковыя посѣщенія ихъ были мнѣ хотя и непротивны, но вредны тѣмъ, что, въ соотвѣтствіе опымъ, долженъ былъ и я иногда ходить къ онымъ и терять время въ упражненіяхъ совсѣмъ пустыхъ и ни мало склонностямъ моимъ несоотвѣтствующихъ. Они занимались наиболѣе либо игрою въ карты, либо въ разговорахъ не только пичего незначущихъ, по иногда прямо соблазнительныхъ и негодныхъ, а во всемъ въ томъ не находилъ я вкуса, но принужденъ былъ только смотрѣть и слушать. Изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, который бы имѣлъ сколько-нибудь склонности, подобныя моимъ, и съ которымъ могъ бы я съ удовольствіемъ заниматься въ разговорахъ о дѣлахъ мнѣ болѣе увеселеніе приносящихъ. Но и самые тѣ, которые были сколько-нибудь другихъ получше и поумнѣе, въ немногія недѣли пребыванія своего въ семъ городѣ такъ совсѣмъ развратились, что пепохожи уже были сами на себя и не можно было уже отъ нихъ ни одного почти степеннаго слова и порядочнаго разговора слышать. Совсѣмъ тѣмъ, по необходимости, долженъ я былъ имѣть съ ними частыя свиданія, и когда не брать во всѣхъ ихъ дѣлахъ и упражненіяхъ дѣйствительнаго соучастія, такъ по крайней мѣрѣ съ ними обходиться и нерѣдко вмѣстѣ препровождать время, а особливо въ гуляньяхъ.

Все сіе подвергало меня опять великой опасности, чтобъ мало-по-малу не заразиться такимъ же ядомъ распутства, какимъ всѣ они заражены были.

Но никогда я столь въ великой опасности отъ нихъ не былъ, какъ во время бывшей около сего времени въ Кёнигсбергѣ превеликой ярмонки. Ярмонка сія бываетъ тутъ однажды въ году и, пачавшись недѣли за двѣ до Петрова дня, продолжается до самаго онаго, и какъ съѣздъ на оную бываетъ не только изъ всей Пруссіи, но изъ всего королевства Польскаго, то стеченіе народа было тогда преужасное: весь городъ находился въ движеніи и всѣ наизнатнѣйшія улицы кипѣли обоего пола народомъ. Для меня, невидавшаго еще никогда такихъ большихъ ярмонокъ, было зрѣлище сіе колико ново и удивительно, толико-жъ и пріятно. Паче всего обращали вниманіе мое на себя польскіе жиды, которыхъ съѣзжается на ярмонку сію до нѣсколько тысячь. Странное ихъ, черное и по борту испещренное одѣяніе, смѣшныя ихъ скуфейки, и весь образъ ихъ имѣлъ въ себѣ столь много страннаго и необыкновеннаго, что мы не могли довольно на нихъ пасмотрѣться. А какъ, и сверхъ того, ходило по улицамъ множество и другихъ разныхъ народовъ, въ различныхъ одеждахъ и нарядахъ, то представлялись всякой день глазамъ новые и до того невиданные предметы. Въ особливости же наполнена была преужаспымъ множествомъ народа вся зарѣчная часть города, носящая на себѣ имя Габерберга. Тутъ одна длинная и широкая улица вмѣщала въ себѣ онаго до нѣсколькихъ тысячь, потому что она была главнымъ центромъ всей ярмонки, и на ней не только производилась пайглавнѣйшая торговля, но и всѣ обыкновенныя въ нѣмецкихъ земляхъ ярмопочныя увеселенія.

Къ симъ въ особливости принадлежалъ народный театръ, сдѣланный посреди улицы и совсѣмъ открытый; однако не думайте, чтобъ театръ сей составлялъ какую важность. Нѣтъ, любезный пріятель, сіи ярмоночные театры не имѣютъ почти и тѣни театровъ, а носятъ только одно званіе опыхъ. На сдѣланномъ изъ досокъ на нѣсколькихъ козлахъ и аршина на три отъ земли возвышенномъ помостѣ, устапавливаются съ боковъ и съ задней стороны кое-какъ размазанныя кулисы

изъ-за которыхъ выходитъ одѣтый въ пестрое платье усастый гарлекинъ и, при вспоможеніи человѣкъ двухъ или трехъ комедіантовъ или комедіанокъ, старается разными своими кривляньями, коверканьями, глупыми и грубыми шутками и враньемъ, составляющимъ сущій вздоръ, смѣшить и увеселять глупую чернь, смотрящими на него съ разинутыми ртами и удивленіемъ. Не бываетъ тутъ никакого порядка и никакой связи въ представленіяхъ, а всѣ дѣйствія и вранье сихъ представляющихъ лицъ было столь нелѣпо и несвязно, что безъ чувствованія нѣкоего отвращенія на нихъ смотрѣть, и вздоръ, говоренный ими, слушать было не можно, а надлежало быть развѣ столь же глупу, каковъ былъ глупъ народъ, буде хотѣть зрѣлищемъ симъ увеселяться. Несмотря на то, театръ сей окруженъ былъ всегда безчисленнымъ множествомъ зрителей, и весьма многіе изъ нихъ изъявляли превеликое удовольствіе. А сего уже и довольно было для комедіантовъ, имѣющихъ обыкновенно притомъ свои особливые виды. Ибо надобно знать, что люди, увеселяющіе симъ образомъ народъ своими глупыми комедіями, не получаютъ отъ онаго себѣ за то никакой заплаты, а употребляются къ тому изъ найма содержателемъ театра, который обыкновенно бываетъ такъ-называемый маркъ-шрейеръ (торговый крикунъ), или продаватель обманныхъ лекарствъ, и средство сіе употребляетъ единственно для привлеченія народа къ своему театру, какъ къ мѣсту, съ котораго онъ продавалъ свои лекарства.

Къ сей продажѣ приступалъ онъ нѣсколько разъ въ день, и всякой разъ послѣ съиграніе комедіантами какой-нибудь штучки. Не успѣетъ она окончиться, какъ выступаетъ онъ на театръ съ своими ларчиками и аптечками, и начиная, вынимая изъ оныхъ каждое лекарство поодиначкѣ, показывать народу и съ превеликимъ крикомъ разсказывать и выхвалять удивительныя его дѣйствія и силы. Смѣшно было всякой разъ смотрѣть на сіи дѣйствія и на усерднѣйшія старанія его обманывать народъ, и увѣрять каждаго о мнимой достовѣрности его лекарствъ; а того смѣшнѣе, что народъ и давалъ себя обманывать и покупалъ у него оныя съ превеликою охотою. Не успѣетъ онъ показать какое лекарство, разсказать о его силахъ и дѣйствіяхъ и объявить оному цѣну, какъ въ тотъ же мигъ полетятъ къ нему изъ народа множество платковъ, бросаемыхъ къ нему отъ желающихъ опое купить съ завязаннымъ въ нихъ толикимъ числомъ денегъ, какое было отъ него объявлено. И тогда начинаетъ онъ, при вспоможеніи двухъ или трехъ мальчиковъ, обирать сіи деньги, и завязывая въ тѣ платки лекарства, подавать оныя съ театра ихъ хозяевамъ. По удовольствованіи всѣхъ однимъ лекарствомъ, вынимаетъ онъ другое, а потомъ и третье, и такъ продолжаетъ со всѣми и препровождаетъ въ томъ нѣсколько часовъ времени, и до-тѣхъ-поръ, покуда толпа народа еще велика. А какъ скоро народъ поразойдется, тогда онъ уходитъ за кулисы, а на мѣсто его выходятъ опять комедіанты и начнутъ сзывать опять народъ для слушанія и смотрѣнія новой комедіи, и какъ довольно онаго соберется, то начинается опять комедія и опять послѣ ей расхваливаніе и продажа лекарствъ.

Способъ сей выманивать у глупаго народа деньги показался намъ по необыкновенности весьма страннымъ и удивительнымъ; однако обманщикъ сей не только не оставался никогда въ накладѣ, но выманивалъ отъ народа премножество денегъ, хотя въ самомъ дѣлѣ всѣ лекарства его состояли изъ сущихъ бездѣлицъ и ничего нестоющихъ вещей, какъ напримѣръ, порошковъ, пилюль, пластырьковъ, корешковъ и другихъ тому подобныхъ вещицъ, которыя всѣ далеко такихъ дѣйствій не производили, какія имъ проповѣдуемы бывали.

Впрочемъ, какъ на ярмонку сію съѣзжалось изъ разныхъ нѣмецкихъ и лучшихъ городовъ множество купцовъ съ разными товарами, и оные дѣйствительно можно было дешевле доста-

вать купить, нежели въ другое время, то отъ того дѣйствительно весь городъ сей былъ въ движеніи, и не оставалось дома, изъ котораго-бъ жители обоего пола, а особливо въ красные и хорошіе дни, не выѣзжали и не выходили на ярмонку, и когда не для покупанія, такъ для смотрѣнія и гулянія по оной. Однимъ словомъ, всѣ помянутыя обѣ недѣли, въ которыя продолжалась сія ярмонка, можно было почитать безпрерывнымъ для сего города торжествомъ и праздникомъ, и въ красные дни можно было всѣхъ жителей опаго видѣть на улицахъ въ наилучшемъ ихъ убранствѣ и одеждахъ.

Всѣ сіи обстоятельства, а особливо послѣднее и побуждало всѣхъ нашихъ господъ офицеровъ посѣщать ярмонку сію ежедневно. Мы и хаживали на оную всякой день, собираясь толпами и компаніями, и препровождали большую часть времени своего въ разгуливаніи по оной и по всему городу, и дѣлали сіе не столько для покупанія товаровъ, какъ для смотрѣнія на народъ и на всѣхъ жителей Кёнигсберга и узнаванія оныхъ. Многіе изъ нашей братьи, а особливо проворнѣйшіе изъ прочихъ, дожидались случая сего уже давно съ нетерпѣливостью, какъ такого, при которомъ удобнѣе можно было имъ спознакомиться съ тѣми изъ жителей кёнигсбергскихъ, съ которыми желали они въ особливости свести знакомство и получить входъ въ такіе домы, въ которыхъ находили они что-нибудь для себя привлекательное; и нѣкоторымъ изъ сихъ и удавалось достигать до искомаго ими. Другіе, напротивъ того, искали случаевъ къ сведенію вновь знакомства съ пріѣзжими изъ Польши, а особливо съ тамошними дворянками и употребляли разныя хитрости и обманы къ обольщенію оныхъ. Иные съ такими-жъ мыслями шатались всюду и искали себѣ знакомицъ изъ молодыхъ тутошнихъ жительницъ; у многайшихъ же на умѣ были однѣ только игры, мотовство и самое распутство, а иные дѣлали того хуже. Они упражнялись въ разныхъ забіячествахъ и непростительныхъ шалостяхъ, а иногда и самыхъ непотребствахъ. Словомъ, ярмонка сія была для всѣхъ прямо соблазнительнымъ временемъ, и было-бъ слишкомъ пространно, еслибъ хотѣть описывать мнѣ все то, что тогда офицеры наши дѣлали и предпринимали, и къ какимъ шалостямъ и безпутствамъ ярмонка сія многимъ подала поводъ.

Теперь вообразите себѣ, любезный пріятель, какой опасности подверженъ былъ тогда я, живучи посреди такого общества и принужденъ будучи всякой день бывать съ такими людьми вмѣстѣ и совокупно съ ними повсюду ходить по всему городу и дѣлать имъ компанію: ибо при таковомъ всеобщемъ движеніи народа и по бывшей тогда напрекраснѣйшей погодѣ не можно было никакъ усидѣть одному дома; да хотя бы я и хотѣлъ, такъ товарищи мои меня до того никакъ не допускали и, заходя ко мнѣ, неволею вытаскивали. И истинно не знаю, что-бъ со мной и было, и какъ бы мнѣ сохраняться отъ всѣхъ золъ и соблазновъ, которымъ я могъ подвержену быть при семъ случаѣ, еслибъ продолжилось сіе такъ долго? Единое средство, употребляемое мною къ спасенію моему, было только то, что я удалялся, сколько могъ, отъ ватагъ самыхъ негоднѣйшихъ изъ нашей братьи, а прилѣплялся наиболѣе къ такимъ, которые были сколько-нибудь прочихъ постепеннѣе. Однако, какъ и сіи не совсѣмъ отъ яда тогдашнихъ распутствъ освобождены были, то никакъ бы мнѣ не можно было уцѣлѣть и отъ повреждения сохраниться, еслибъ паки не помогъ мнѣ особливый и всего меньше мною ожидаемый случай, и невидимая рука Господня не отвлекла меня паки силою отъ бездны, по краю которой я тогда бродилъ и шатался. Ибо случилось же такъ, что въ самое то время, когда проклятая ярмонка сія была въ наивеличайшемъ своемъ движеніи; когда товарищи мои къ гуляпію съ собою такъ меня приучили, что я уже охотно съ ними начиналъ ходить и приглашеніямъ ихъ послѣдовать, и когда нѣкоторые изъ нихъ, какъ я послѣ узналъ, составили

противъ меня тайный скопъ и заговоръ, и приготовивъ для меня сущую пасть и такой соблазнъ, отъ котораго было-бъ мнѣ весьма трудно освободиться, пришли нарочно за мною, чтобъ меня подозвавъ вести съ собою, власно, какъ невинную жертву на погубленіе—въ самое то время, когда я, ничего о томъ не зная, не только иттить съ ними соглашался, но уже съ крыльца квартиры своей сошелъ... прибѣжалъ ко мнѣ, почти безъ души, нарочный отъ командира моего, бригадира моего Нумерса съ повелѣніемъ, чтобъ я не шелъ, а бѣжалъ тотчасъ къ нему, и не медлилъ бы ни единыя минуты дома, ибо-де есть до меня крайняя надобность.

Я удивился и не зналъ, что̀ думать о семъ нечаянномъ и столь поспѣшномъ призывѣ. Дѣло сіе было совсѣмъ для меня необыкновенное. До того не случалось еще ни однажды, чтобъ командиръ сей присылалъ за мною и на что-нибудь спрашивалъ, и я имѣлъ столь мало до него дѣла, что иногда въ цѣлую недѣлю не случалось мнѣ съ нимъ не только говорить, но его и видѣть. «Уже не просьба ли какая отъ кого на меня? думалъ я самъ въ себѣ:—и не къ отвѣту ли какому меня спрашиваютъ?» Извѣстно было мнѣ, что нерѣдко такія жалобы приносимы были начальникамъ на офицеровъ полку нашего, а особливо на тѣхъ, кои склоннѣе были прочихъ къ буянствамъ и всякаго рода шалостямъ, и что нѣкоторые за то и наказываемы были. Къ вящему усугубленію смятенія моего, вспомнилось мнѣ, что одна таковая шайка оныхъ, въ самый предслѣдующій предъ тѣмъ день, произвела на ярмонкѣ буянствомъ своимъ превеликій шумъ и смятеніе и что мнѣ печальнымъ образомъ при томъ быть случилось, и я зналъ, что на нихъ просить тогда собирались. «Ахъ, думалъ я:—уже не на сихъ ли друзей просьба, и не замѣшали-ль просители и меня въ свое дѣло?..»

Сердце у меня затрепетало при напоминаніи сего произшествія, и вся кровь во мнѣ взволновалась. Я хотя никакъ не замѣшанъ былъ въ сіе дѣло, но, случившись нечаянно при томъ, старался еще ихъ унимать и уговаривать; но дѣло само-по-себѣ было очень дурно и скверно. Нѣкоторымъ изъ нашихъ молодцовъ, самыхъ безпутнѣйшихъ офицеровъ, случилось увидѣть цѣлую компанію молодыхъ дѣвушекъ, гулявшихъ по ярмонкѣ. Они, прельстясь красотою оныхъ, подольнули къ нимъ какъ смола и старались нахальнѣйшимъ образомъ съ ними познакомиться. Сперва подступили они къ нимъ съ разными ласками, учтивствами и привѣтствіями, и какъ сіе имъ удалось, то нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе къ несчастію тогда нѣсколько подгулявшими, поступили далѣе и стали предпринимать уже съ ними нѣкоторыя оскорбительныя вольности и между прочимъ подзывать ихъ въ гости, на квартиру одного изъ нихъ, подлѣ самаго того мѣста бывшую, и одинъ даже до того позабылся, что восхотѣлъ одну изъ нихъ насильно поцѣловать. Дѣвушкамъ сіе не полюбилось, всѣ онѣ были не самаго подлаго состоянія, но, какъ думать надобно, дочери средственнаго состоянія тамошнихъ мѣщанъ, и не на такую руку, чтобъ могли желаніямъ господъ сихъ соотвѣтствовать. Онѣ тотчасъ начали кричать и звать къ себѣ своихъ матерей и родныхъ, покупавшихъ тогда товары въ другой лавкѣ, и жаловаться имъ на дѣлаемое онымъ оскорбленіе. Сіи вступились за нихъ, и одинъ мужчина началъ имъ выговаривать. Господамъ нашимъ показалось сіе досадно. Они соотвѣтствовали ему грубостями и презрѣніемъ. Тотъ случился также быть неуступчивымъ. Онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Они начали браниться, и сіе произвело между ними ссору и такой шумъ и крикъ, что сбѣжалось къ мѣсту сему множество народа. Мнѣ случилось въ самое то время иттить, съ однимъ изъ пріятелей моихъ, по самой сей улицѣ и увидѣть сію превеликую кучу народа и услышать крикъ сей. Изъ единаго любопытства, восхотѣли мы подойтить ближе и узнать тому причину. Но какъ удивились мы, увидѣвъ цѣлую шайку нашихъ офицеровъ, шумящихъ и

бранящихся съ пруссаками, и одного даже до того разъярившагося, что онъ ударилъ одного изъ нихъ въ рожу и схватя за волосы, хотѣлъ таскать и бить палкою. Мы бросились оба и недопустивъ его до сего глупаго предпріятія, старались развести ссору; намъ сіе и удалось, хотя не безъ труда, исполнить. Ибо что касается до нашихъ, то сихъ мы скоро уговорили перестать дурачиться; но не таково легко было успокоить раздосадованныхъ пруссаковъ, а особливо разъярившагося родственника обиженныхъ. И едное знаніе мое нѣмецкаго языка помогло мнѣ уговорить сего нѣмца, и взвалить всю вину сего произшествія на то обстоятельство, что обидѣвшій его родственницъ и самого его офицеръ былъ подгулявшій и не въ полномъ тогда умѣ и разумѣ. Симъ прекратилась тогда сія ссора: однако, нѣмецъ сей пошелъ, угрожая не оставить этого дѣла втунѣ, а употребить, гдѣ надлежитъ, просьбу.

Сіе досадное произшествіе пришло мнѣ тогда на память, и я не сомнѣвался почти, что сей нѣмецъ произвелъ просьбу, и догадывался, что, конечно, уже тѣ офицеры сысканы и меня спрашиваютъ для свидѣтельства и объясненія всего происходившаго. Я разспрашивалъ у присланнаго унтеръ-офицера: не знаетъ ли онъ, зачѣмъ меня призываютъ, и нѣтъ ли отъ кого какой просьбы и жалобы? «Не знаю, отвѣтствовалъ онъ:—только людей у губернатора много, и мужчинъ и женщинъ, и многіе изъ нѣмцевъ подавали ему бумаги».—Какъ? у губернатора? спросилъ я удивившись:—развѣ ты отъ губернатора посланъ?—«Нѣтъ! говорилъ онъ:—но я у губернатора на ординарцахъ, а послалъ меня господинъ бригадиръ Нумерсъ. Они вышли отъ губернатора съ оберъ-комендантомъ и плацъ-майоромъ и приказали мнѣ бѣжать скорѣе къ вамъ и сказать, чтобъ вы изволили тотчасъ притти къ нимъ въ замокъ».

Сіе привело меня еще въ пущее смущеніе. Я не сомнѣвался уже, что послано за мною по приказанію губернатора, и не понималъ, какая-бъ нужда была до меня губернатору, котораго мы еще и не видали, потому что онъ накапунѣ того дня только пріѣхалъ. Всѣ товарищи мои также тому дивились и не знали, что̀ думать. Но какъ медлить мнѣ было не можно, а надлежало иттить, то распрощались они со мною, изъявляя сожалѣніе свое о томъ, что не будутъ они имѣть меня въ тотъ день съ собою, и что я не буду имѣть соучастія въ томъ увеселеніи, которое они приготовили. Я не зналъ тогда, что̀ слова сіи значили, и не о томъ тогда думалъ, чтобъ разспрашивать ихъ о чемъ; но послѣ узналъ, что имѣли они самое гнуснѣйшее намѣреніе и что меня симъ нечаяннымъ оторваніемъ отъ ихъ шайки, сама пекущаяся о благѣ моемъ, судьба похотѣла спасти отъ превеликаго соблазна и искушенія.

Но отходѣ ихъ, не сталъ и я медлить, но узнавъ, что мнѣ надобно иттить въ квартиру самого губернатора, спѣшилъ только надѣть скорѣй иной мундиръ, и поправивъ волосы, пустился въ путь свой, имѣя сердце свое далеко не на своемъ мѣстѣ и углубившись въ различныя размышленія, такъ что не видалъ почти дороги, по которой шелъ.

Что̀ было всему тому причиною и зачѣмъ меня призывали, о томъ услышите вы, любезный пріятель, впредь; а теперь дозвольте мнѣ, на семъ остановившись, письмо мое кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

ПРИѢЗДЪ КОРФА.

Письмо 62-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что шелъ съ поспѣшеніемъ къ призывающему меня бригадиру Нумерсу, въ самый тотъ замокъ, куда я до того всякой день хаживалъ. Но никогда не отправлялъ я сего пути съ столь безпокойнымъ духомъ, какъ въ сей разъ! Очевидная почти достовѣрность, что спрашиваютъ меня по приказанію самого губернатора и можетъ быть къ самому ему, и слухъ, носившійся о семъ незнакомомъ

еще намъ губернаторѣ, что онъ былъ человѣкъ весьма горячаго и вспыльчиваго права, а притомъ природою нѣмчинъ, приводилъ меня въ великое смущеніе. Извѣстно было, что всѣ нѣмцы были особливыми защитниками всѣхъ своихъ единовѣрцевъ и непзвѣстность, не таковъ же ли и сей, каковъ былъ ревельской господинъ Ливенъ, который пришелъ мнѣ тогда въ память, разстроивала еще пуще мои мысли и наводило опасеніе, чтобъ мнѣ при семъ случаѣ въ чужомъ пиру не претерпѣть похмѣлья и за шалости другихъ не понесть на себѣ какого слова и нареканія или, по крайней мѣрѣ, не подать губернатору при первомъ случаѣ худого о себѣ мнѣнія. Я готовился уже заблаговременно къ возможнѣйшимъ себя оправданіямъ, и вымышлялъ рѣчи и слова, которыя бы мнѣ говорить предъ губернаторомъ, если дойдетъ до того, что онъ меня о томъ спрашивать или гнѣвъ свой изъявлять станетъ, и приближался къ замку съ трепещущимъ сердцемъ.

Теперь, остановясь на минуту, разскажу вамъ, любезный пріятель, нѣсколько болѣе о семъ губернаторѣ, о которомъ я не имѣлъ еще случая съ вами говорить. Онъ былъ одинъ изъ тогдашнихъ нашихъ придворныхъ вельможей, назывался баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, и чиномъ хотя не выше генералъ-поручика, но при дворѣ въ нарочитомъ уваженіи и милости у самой тогда царствовавшей императрицы. Сію милость пріобрѣли ему не собственныя его достоинства, которыя были весьма и весьма умѣренны, но то обстоятельство, что онъ женатъ былъ до того на госпожѣ Скавронской, находившейся, по причинѣ нѣкотораго родства, въ особливой милости у императрицы. По ней получилъ онъ и чины и богатство, и по ней былъ онъ и въ сіе время еще въ знати и въ уваженіи, хотя жена его и умерла уже за нѣсколько до того лѣтъ. Ибо какъ другая ея сестра, а его свояченица, была за тогдашнимъ великимъ канцлеромъ, графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ и сей вельможа былъ въ великой силѣ, то поддерживалъ онъ и сего своего свояка и доставилъ ему сіе губернаторское мѣсто, которое было тогда весьма знаменито, ибо съ должностью сею сопряжено было управленіе всѣмъ королевствомъ Прусскимъ, хотя впрочемъ былъ онъ къ тому неслишкомъ способенъ и дарованія его были столь незнамениты, что онъ, хотя всю свою жизнь въ Россіи препроводилъ и до старости дожилъ, но не умѣлъ и тогда еще не только писать по-русски, но ниже подписывать свое имя, а подписывалъ оное всегда по-нѣмецки. Изъ сего одного можно уже сдѣлать заключеніе и о прочемъ.

Но какъ бы то ни было, но онъ избранъ и опредѣленъ былъ для управленія симъ важнымъ пóстомъ, который равнялся съ вицеройскимъ мѣстомъ, и пріѣхалъ къ намъ въ Кёнигсбергъ съ превеликою помпою и многочисленною свитой. Всѣ городскіе начальники и лучшіе люди встрѣчали его торжественно и препроводили въ замокъ, какъ мѣсто, назначенное ему для жилища. Тутъ расположился онъ въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ живали въ прежнія времена самые герцоги и владѣтели прусскіе, и съ самаго пріѣзда своего началъ жить и вести себя съ такою пышностью и великолѣпіемъ, что съ того времени весь Кёнигсбергъ власно какъ оживотворился и пошло въ немъ все другое. Но сего о немъ теперь довольно; впередъ услышите вы отъ меня болѣе, а теперь возвращусь къ продолженію повѣствованія о себѣ.

Къ сему-то пышному и знаменитому вельможѣ готовился я тогда предстать, не вѣдая ни мало, зачѣмъ и за какимъ дѣломъ. Признаюсь, что, наслышавшись о его характерѣ, съ трепетомъ приближался я тогда къ замку. Но о, сколь сильно обманывался я тогда въ своихъ мысляхъ! Мнѣ не страшиться, а радоваться надлежало-бъ, еслибъ я могъ тогда предвидѣть, какія послѣдствія произойдутъ современемъ отъ тогдашняго меня туда призыва, и что̀ воспослѣдуетъ со мною послѣ. Нынѣ благословляю я тотъ часъ, въ кото-

рый учинена была тогда за мною посылка, но тогда не только мнѣ, но никакому смертному нельзя было того предвидѣть.

Не успѣлъ я приттить къ замку, какъ посланный за мною дожидался уже меня у воротъ, и, подхвативъ, провелъ меня по лѣстницамъ тотчасъ въ переднія комнаты губернаторскія. Я нашелъ ихъ наполненныя множествомъ всякаго народа: было тутъ множество нашихъ военнослужащихъ, было множество и городскихъ всякаго рода жителей и, между прочимъ, такихъ, о которыхъ я могъ заключить, что они были просители. Я искалъ глазами моими, не увижу ли того нѣмца, о которомъ я наиболѣе сомнѣвался, и одинъ показался мнѣ на него похожимъ.—«Такъ! возопилъ я втайнѣ самъ къ себѣ:—это онъ, проклятый! и отъ него, конечно, всѣ сіи бѣды горятъ!» Но не успѣлъ еще я словъ сихъ въ умѣ своемъ выговорить, какъ растворились изъ внутреннихъ покоевъ двери и показался самъ его превосходительство въ голубой своей кавалеріи и въ звѣздахъ. Онъ шествовалъ въ провожаніи множества знатныхъ особъ чрезъ сей покой для осматриванія другихъ комнатъ сего замка. Какъ мнѣ не случилось еще до того времени сего знаменитаго вельможу видѣть, то съ трепещущимъ сердцемъ устремилъ я на него свои взоры и, къ удивленію моему, нашелъ его совсѣмъ не такимъ, какимъ воображалъ я его себѣ не видавши. Вмѣсто суровости и звѣрства, на лицѣ его представлялись мнѣ только черты, изображающія нѣчто меланхолическое. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ, высокаго роста, собою очень бѣлъ и расположенія лица особливаго: не видно было въ немъ ни отмѣннаго пріятства, ни жестокости; не было ничего плѣняющаго, и не было ничего отвратительнаго.

Все сіе успокоило меня нѣсколько; но я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, какъ усмотрѣлъ меня командиръ мой, бригадиръ Нумерсъ. «Ахъ, вотъ и ты здѣсь!» сказалъ онъ, и тотчасъ, отвернувшись, подступилъ къ господину Корфу. «Вотъ тотъ офицеръ, сказалъ ему:—о которомъ я вашему высокопревосходительству докладывалъ». Его превосходительство тотчасъ на меня оглянулся и, окинувъ меня съ головы до ногъ глазами, разсудилъ не только отъ шествія остановиться, но, подступивъ шага два ко мнѣ ближе, съ особливою благопріятностью началъ со мною говорить. «Я слышалъ, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ:—что ты умѣешь говорить по-нѣмецки и хорошо пишешь, и господинъ бригадиръ Нумерсъ рекомендуетъ мнѣ васъ, что вы хорошаго поведенія». Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и не успѣлъ еще ничего сказать въ отвѣтъ, какъ подхватилъ господинъ Нумерсъ его рѣчь и началъ вновь увѣрять его о моихъ способностяхъ и прилежности. Старичокъ, полковникъ мой, случившійся на сей разъ тутъ же, вмѣшался также въ рѣчь и увѣрялъ генерала по-нѣмецки, что я наилучшій офицеръ въ его полку; что отецъ мой былъ его предмѣстникъ, и что весь полкъ не можетъ ничего сказать обо мнѣ, кромѣ хорошаго. — «Такъ», присовокупилъ къ сему мой капитанъ Гневушевъ, случившійся тутъ же: — «онъ моей роты, и я могу, съ своей стороны, засвидѣтельствовать, что онъ всякой похвалы достоинъ, и сіе могутъ сказать всѣ полку нашего офицеры».

Таковая общая отъ всѣхъ рекомендація и внимательное смотрѣніе на меня генерала, обратила глаза всей многочисленной свиты, идущей за господиномъ Корфомъ. Съ меня свалилась тогда какъ превелікая гора, и я стоялъ почти внѣ себя отъ радости и удовольствія, слышавъ толь многія и отъ всѣхъ себѣ похвалы и такія рекомендаціи, какихъ я всего меньше ожидалъ. Совсѣмъ тѣмъ, не зналъ я, къ чему все сіе клонилось и что-бъ такое собственно значило. Но, какъ по крайней мѣрѣ могъ я тогда ясно видѣть, что призванъ былъ я не затѣмъ, зачѣмъ я думалъ, а для чего-нибудь другого, то, ободрившись гораздо, могъ уже смѣлѣе и съ спокойнѣйшимъ духомъ отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы его превосходительства. — «Это очень хорошо! сказалъ онъ:—и для молодого офицера похвально и лестно заслужить себѣ такую честь; но, пожалуй,

скажи ты мнѣ, мой другъ, можешь ли ты переводить съ нѣмецкаго на русскій?» — Могу, ваше превосходительство! сказалъ я: — но не весьма хорошо, и въ переводахъ упражнялся мало! — «Ахъ нѣтъ, ваше превосходительство, подхватилъ мой капитанъ: — онъ переводитъ пзряднехонько и мнѣ случилось читать его переводы». — «Такъ хорошо-жъ, батюшка! сказалъ тогда генералъ: — останьтесь вы здѣсь и потрудитесь перевесть мнѣ нѣсколько бумагъ». Потомъ, обратясь къ одному изъ своихъ совѣтниковъ, шедшихъ за нимъ, приказалъ отдать мнѣ нѣкоторыя бумаги и отвесть мнѣ мѣсто, гдѣ-бъ надъ тѣмъ трудиться, а самъ пошелъ со свитою своею далѣе.

Неожидаемое такое явленіе смутило меня и удивило. Я всего меньше думалъ и ожидалъ, чтобъ я за симъ только былъ призванъ, и чтобъ мнѣ тотчасъ уже вступать принуждено было и въ работу. Но смущеніе мое еще болѣе увеличилось, какъ помянутый совѣтникъ, подхватя меня въ тотъ же мигъ за руку, повелъ чрезъ многіе покои и, приведя наконецъ въ одну, отдаленнѣйшую и превеликую комнату, посадилъ за столъ и вынеся изъ другой чернильницу и бумаги, вытащилъ цѣлый пукъ бумагъ изъ кармана и учтивымъ образомъ мнѣ предложилъ, чтобъ я надъ ними испыталъ свои силы и способности и постарался-бъ колико можно поскорѣе перевесть оныя, и потомъ, оставивъ меня одного, ушелъ прочь.

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ я самъ въ себѣ, провожая глазами отходящаго совѣтника. «Ни думано, ни гадано, попался молодецъ, какъ мышь западню, и вмѣсто того, что другіе теперь гуляютъ и веселятся, изволь-ка посидѣть и потрудиться. Но хорошо! посмотримъ-ка, что̀ такое переводить?..» Тогда началъ я пересматривать и перебирать оставленныя бумаги, и увидѣвъ, что ихъ было болѣе десяти, воскликнулъ: «Э! э! э! какая ихъ тьма! ихъ и въ трое сутки не переведешь!... Я покорно благодарствую!...»

Спмъ образомъ восклицалъ я, не зная еще содержанія оныхъ; но какъ началъ я далѣе разсматривать и читать, то неудовольствіе мое еще болѣе увеличилось. Я увидѣлъ, что были это все прошенія, поданныя губернатору отъ людей разпаго состоянія изъ кёнигсбергскихъ жителей, и всѣ писанныя такимъ страннымъ, тёмнымъ, безтолковымъ и нескладнымъ слогомъ, какого мнѣ еще никогда читать не случалось и который заставилъ бы наилучшаго переводчика потѣть надъ собою; а что̀ меня еще болѣе поразило, то многія изъ нихъ писаны были прямо глупымъ и безтолковымъ ихъ канцелярскимъ слогомъ, и наполнены множествомъ латинскихъ словъ и такихъ терминовъ, какихъ мнѣ никогда и слыхать не случилось. Словомъ, многія изъ нихъ были таковы, что мнѣ и въ голову совсѣмъ не лѣзли, и я не понималъ и десятой доли изъ того, что̀ въ нихъ было написано. «И! и! и!» возопилъ я тогда, качая головой. «Да что мнѣ будетъ дѣлать съ ними и какъ переводить? Ну, прямо сказать, хорошъ я теперь гусь! и нелегкая ли самая догадала меня сказать, что я переводить умѣю. Ну, что̀ теперь изволишь дѣлать? хоть не радъ, а будь готовъ и принимайся за перо».

Словомъ, обстоятельство сіе меня такъ смутило, и переводъ бумагъ сихъ показался мнѣ столь труднымъ, что у меня сердце начало такъ же биться отъ сего, какъ билось прежде отъ опасенія, и я не радъ уже былъ всѣмъ слышаннымъ за нѣсколько минутъ до того себѣ похваламъ и всему знанію своему нѣмецкаго языка. Нѣсколько минутъ не зналъ я, что̀ дѣлать. Но какъ дѣло было уже сдѣлано и возвратить того было уже не можно, то, вздохнувъ и погоревавъ, выбралъ одну, которая была поменьше и которой слогъ казался мнѣ полегче и разумительнѣе, принялся я за перо и началъ переводить.

Но не успѣлъ я нѣсколько строкъ написать, какъ трудность перевода стала казаться мнѣ отчасу болѣе, и я прямо начиналъ чувствовать всю тягость сего дѣла. По необыкновенности моей къ переводамъ таковаго рода, встрѣчались мнѣ

на всякой почти строкѣ повыя затрудненія и такія мѣста, которыя мнѣ никакъ не лѣзли въ голову и кои я не зналъ, какъ перевесть по-русски. Помучившись нѣсколько минутъ надъ одною и пришедъ въ совершенный тупикъ, бросилъ я сію и взялъ другую бумагу, въ надеждѣ, не лучше ли и не легче ли та будетъ: но небольшой опытъ доказалъ мнѣ, что переводъ сей былъ еще труднѣе первой; я подхватилъ третью, но сія ничѣмъ не была лучше прежнихъ, но еще труднѣе. «Господи помилуй! восклицалъ я:—что за черти все это писали, и найду ли я хоть одну потолковитѣе». Наконецъ попалась мнѣ одна сколько-нибудь другихъ повразумительнѣе, и я хотя съ трудомъ и нескоро, однако перевелъ.

Въ самое то время вошелъ ко мнѣ прежде упомянутый совѣтникъ посмотрѣть что я дѣлаю. «Что, батюшка, говорилъ онъ мнѣ:—идетъ ли ваше дѣло на ладъ?»—Что, сударь!.. отвѣчалъ я ему:—дѣло мое худо клеится! Никогда еще мнѣ не случалось переводить писаніевъ такого рода, и весьма много въ нихъ совсѣмъ для меня непонятнаго; а особливо есть во многихъ слова и цѣлыя рѣчи на латинскомъ языкѣ, которыхъ, по неумѣнію этого языка, я вовсе не разумѣю.—«О, батюшка! сказалъ онъ:—какъ-нибудь бы! а что касается до словъ латинскихъ и такихъ, которыхъ вы не разумѣете, то можете меня спрашивать. Я не поставлю за трудъ вамъ растолковать. Между тѣмъ, однако, перевели-ль вы что-нибудь?»—Вотъ перевелъ одну, сказалъ я ему, подавая. Онъ прочелъ мой переводъ и казался быть имъ довольнымъ. — «Это довольно ужъ изрядно!» сказалъ онъ, и взявъ и переводъ и подлинникъ, пошелъ отъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился онъ обратно и сказалъ мнѣ, что его превосходительство приказалъ мнѣ объявить свое благоволеніе и притомъ сказать, чтобъ я теперь шелъ на свою квартиру, а въ послѣдующій день поутру приходилъ бы опять туда и продолжалъ свою работу.

Вѣсти сіи были для меня не весьма пріятны. «Волёнъ Богъ! думалъ я самъ себѣ, и со всѣмъ благоволеніемъ его высокопревосходительства и со всѣми вашими похвалами, а я охотнѣе бы хотѣлъ не имѣть съ вами дѣла и остаться дома жить по прежнему».

Итакъ, въ превеликомъ огорченіи и въ досадѣ и на губернатора, и на всѣхъ, и на самого себя, пошелъ я въ свою квартиру и прогоревалъ весь достальной вечеръ о томъ, что со мною случилось. Но какъ пособить себѣ было нечѣмъ, то поутру на другой день нехотя потащился я опять въ замокъ и въ прежніе герцогскіе чертоги, но которые, несмотря на все древнее свое великолѣпіе, показались мнѣ тогда сущею тюрьмою; ибо досада моя на проклятыя и безтолковыя бумаги была такъ велика, что не прельщала меня ни древняя архитектура, ни тканые историческіе обои, коими обита была та пространная храмина, въ которой, въ сущемъ уединеніи, препроводилъ я часа два наканунѣ того дня въ головоломной работѣ: но я проклиналъ все на свѣтѣ и не хотѣлъ удостоивать ихъ и взоромъ своимъ.

Пришедъ туда, къ удивленію моему, увидѣлъ я всю сію комнату наполненную уже множествомъ людей. Было въ ней поставлено уже нѣсколько столовъ и сидѣли за ними разные канцелярскіе служители, и писали. Я легко могъ догадаться, что комнаты сіи ассигнованы для канцеляріи губернаторской, и догадка моя была справедлива. Господинъ Корфъ привезъ съ собою всѣхъ нужныхъ чиновниковъ для основанія въ Кёнигсбергѣ россійской губернской канцеляріи. Были съ нимъ два совѣтника, два секретаря, протоколистъ и нѣсколько человѣкъ приказныхъ служителей, какъ-то: канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копіистовъ, однимъ словомъ, канцелярія полная, и она-то помѣщена была, на первый случай, въ сихъ комнатахъ, и та, гдѣ я наканунѣ того дня писалъ, сдѣлана подъяческою, а другая, побочная, судейскою, и тамъ засѣдали совѣтники и секретари съ протоколистомъ.

Не успѣлъ я притти, какъ помянутый

совѣтникъ, который одинъ только изъ всѣхъ ихъ былъ родомъ нѣмецъ, вывелъ ко мнѣ изъ судейской перваго секретаря, и съ слѣдующими словами меня ему съ рукъ на руки отдалъ: «вотъ вамъ Тимоѳей Ивановичъ, человѣкъ, котораго одного вамъ недоставало».

Секретарь сей показался мнѣ набитымъ наиглупѣйшею подъяческою спѣсью. Вмѣсто того, чтобъ со мною обласкаться или меня привѣтствовать, не хотѣлъ почти онъ удостоить меня и своимъ взоромъ, но съ нѣкоторою грубостью и презрѣніемъ отвѣтствовалъ совѣтнику: — «Да въ состояніи ли онъ это дѣло дѣлать»?—Понавыкнетъ!—сказалъ господинъ Бауманнъ, ибо такъ назывался сей совѣтникъ:—а до того времени уже мы ему какъ-нибудь пособлять станемъ. — «То дѣло иное!» отвѣтствовалъ секретарь усмѣхнувшись и взглянувъ на меня, власно какъ съ нѣкакимъ презрѣніемъ, пошелъ въ судейскую.

Такой приемъ на первой встрѣчѣ былъ мнѣ весьма непріятенъ. «Что̀ за чортъ это? думалъ я самъ въ себѣ. Самъ генералъ такъ гордо со мною не обходился, какъ этотъ горделивецъ»; но не успѣлъ я сего подумать, какъ вышелъ онъ опять и вынесъ ко мнѣ не только прежнія, но нѣсколько еще новыхъ бумагъ, и, швырнувъ почти мимоходомъ ко мнѣ на столъ, сказалъ:—«Изволь-ко! изволь-ко вотъ все это перевесть — посмотримъ-ко твоего умѣнья!»

Досадна мнѣ была таковая грубость; и сколько я въ такихъ случаяхъ ни былъ терпѣливъ, однако не могъ тогда перенесть сего съ спокойнымъ духомъ и утерпѣть, чтобъ ему не сказать: «Каково, сударь, умѣется, такъ и переведу; а если будетъ неугодно, такъ прошу того на мнѣ не взыскивать. Я никогда переводчикомъ не бывалъ и охотою къ сему дѣлу не набивался, а меня неволею сюда призвали; я не искалъ того».

Слова сіи сказаны были весьма кстати и произвели свое дѣйствіе; ибо, сколько казалось мнѣ, то съ того времени сталъ онъ обходиться со мною повѣжливѣе, или по крайней мѣрѣ далеко не таково грубо, какъ сначала.

Но хотя я господина сего симъ образомъ и отбоярилъ, однако дѣла своего тѣмъ не исправилъ, ибо переводить все-таки было надобно и переводить много. Итакъ, принялся я за свою скучную работу, и хотѣлъ ее, власно какъ на зло сему умницѣ секретарю, произвесть колико можно лучше въ дѣйство, дабы пріобрѣсть чрезъ то похвалу отъ совѣтниковъ. Но я истинно не знаю, удалось ли-бъ мнѣ учинить по желанію, еслибъ нечаянный случай не сдѣлалъ мнѣ въ томъ неожидаемымъ образомъ великаго вспомоществованія.

Не успѣлъ я, сидючи одинъ и за особымъ столомъ, начать свою работу, какъ вошелъ въ нашу комнату одинъ прусскій оберъ-секретарь изъ канцеляріи главнаго ихъ правительства, въ провожаніи двухъ нѣмецкихъ канцелярскихъ служителей. Сему оберъ-секретарю велѣно было имѣть въ нѣкоторые часы засѣданіе вмѣстѣ съ нашими совѣтниками и сноситься по дѣламъ своей канцеляріи съ нашею; и какъ вся часть дѣлъ, относящаяся до внутренняго управленія королевствомъ Прусскимъ, должна была производиться имъ и упомянутымъ нашимъ совѣтникомъ Бауманомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и обоимъ имъ было всегда множество письма, то, для переписыванія ихъ бумагъ, и приведены были помянутые два нѣмца и пробщены къ нашей канцеляріи, а, по особливому моему счастью, такъ случилось, что посажены они были за одинъ столъ со мною. .

Не могу довольно изобразить, какъ обрадовался я, получивъ себѣ сихъ двухъ товарищей. Оба они были люди изрядные, и какъ скоро они примѣтили, что я переводу съ нѣмецкихъ писемъ, то за первый себѣ долгъ сочли со мной на нѣмецкомъ языкѣ наивѣжливѣйшимъ образомъ обласкаться и свести со мною первое знакомство. Обстоятельство, что они не умѣли ни одного слова по-русски, а изъ всѣхъ нашихъ канцелярскихъ служителей никто, кромѣ меня, не умѣлъ го-

ворить по-нѣмецки, побудило ихъ къ тому еще болѣе. Они, будучи тутъ какъ въ лѣсу, между незнакомыми и ихъ неразумѣющими людьми, рады были невѣдомо какъ, что нашли человѣка, съ которымъ могли они разговаривать, а я не меньше радовался ихъ сообществу, но радость моя проистекала отъ другой причины. Я не сомнѣвался, что тотъ проклятый канцелярскій нѣмецкій слогъ, который мнѣ всего болѣе въ переводахъ досаждалъ и для меня былъ вовсе неразумителенъ, имъ, какъ канцелярскимъ служителямъ, долженъ быть извѣстенъ, и я положилъ воспользоваться ихъ знаніемъ и просить ихъ, чтобъ они мнѣ значеніе нѣкоторыхъ выраженій и словъ растолковали. Я и не обманулся въ моемъ мнѣніи и ожиданіи. Не успѣлъ я, къ нимъ равномѣрно приласкавшись, съ ними ознакомиться и имъ нужду мою изъявить, какъ съ превеликою охотою согласились они мнѣ всякое сумнительное слово, а особливо латинскія рѣчи растолковывать и столь ясно на простомъ и обыкновенномъ языкѣ изображать, что мнѣ не трудно уже было понимать все значеніе оныхъ и выражать ихъ на своемъ языкѣ. Словомъ, они обрадовали и одолжили меня тѣмъ до безконечности и сдѣлали то, что я въ состояніи былъ до обѣда перевесть бо́льшую часть изъ данныхъ мнѣ бумагъ, и столь порядочно и хорошо, что посрамилъ тѣмъ высокоуміе господина секретаря и заставилъ его поневолѣ признаться, что переводъ мой былъ довольно вразумителенъ. Что-жъ касается до обоихъ господъ совѣтниковъ, то сіи не могли довольно приписать мнѣ похвалъ за мою прилежность и усердіе и наиласковѣйшимъ образомъ просили, чтобъ я продолжалъ трудиться далѣе.

Получивъ таковую побѣду надъ высокомѣрнымъ секретаремъ, началъ я уже съ меньшимъ неудовольствіемъ продолжать далѣе свое дѣло; а вскорѣ дошла сему господину и самому до меня нужда: пришелъ къ намъ одинъ изъ жителей кёнигсбергскихъ, съ которымъ нужно было ему поговорить; но какъ онъ не умѣлъ по-нѣмецки, а тотъ ничего по-русски, то самая нужда заставила его просить меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и между ими потолмачилъ. Я, отложивъ всю прежнюю досаду мою на него, охотно согласился исполнить его просьбу, и маленькая сія услуга произвела то, что онъ не только пересталъ меня презирать, но, сдѣлавшись ко мнѣ благосклоннымъ, благоволеніе свое даже до того простеръ, что какъ въ самое то время пришелъ генеральскій адъютантъ звать ихъ всѣхъ обѣдать, то меня спросилъ, далече ли я стою на квартирѣ, и услышавъ, что до квартиры моей около двухъ верстъ будетъ, возопилъ: «И, братецъ, такъ зачѣмъ же тебѣ ходить такую даль домой обѣдать; а ты можешь обѣдать вмѣстѣ съ нами. Мы, по милости Николая Андреевича, имѣемъ для себя всегда готовый столъ, и ты можешь всегда ѣсть вмѣстѣ съ нами. Пойдемъ-ка, сударь! Я доложу о томъ самому генералу».

Я удивился такой нечаянной перемѣнѣ въ семъ ненавистномъ до того мнѣ человѣкѣ, и охотно послѣдовалъ за нимъ во внутренніе покои генеральскіе. Тутъ, дѣйствительно, доложилъ онъ о томъ генералу, который не только представленіе его одобрилъ, но какъ ему обо мнѣ и о переводахъ моихъ все уже пересказано было отъ совѣтниковъ, и отъ самаго сего въ особливомъ кредитѣ у него находящагося секретаря, то восхотѣлъ поступить далѣе и изъявить самолично мнѣ свое благоволеніе. Меня кликнули тотчасъ къ нему, и не успѣлъ я войтить, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ онъ: «Я очень доволенъ, мой другъ, твоими трудами: ты переводишь довольно хорошо. Итакъ, ходи въ канцелярію мою всякій день и помогай намъ далѣе, а обѣдай у меня всегда здѣсь съ секретарями: куда тебѣ ходить въ такую даль на квартиру!»

Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и былъ ласкою его совершенно доволенъ; и какъ чрезъ то самое сдѣлался я къ штату его власно приобщеннымъ, то съ сего времени и пачался паки совсѣмъ иной родъ моей жизни, и такой періодъ

оной, который для меня въ особливости былъ достопамятенъ.

Въ предбудущихъ письмахъ опишу я вамъ оный обстоятельнѣе, а теперь прекратя сіе письмо, остаюся навсегда вашъ и протч.

ПРИ КОРѢ.

Письмо 63-е.

Любезный пріятель! Вышеупомянутое, всего меньше ожидаемое и хотя не формальное, а приватное приобщеніе меня къ штату губернатора Корфа, составляло весьма важную и поистинѣ достопамятную эпоху въ моей жизни. Ибо отъ сего пребыванія моего при семъ генералѣ пропстекли такія слѣдствія, которыя имѣли на всѣ послѣдующіе дни жизни моей великое вліяніе. И какъ изъ спхъ слѣдствій наиважнѣйшимъ было то, что я во всемъ нравственномъ моемъ характерѣ перемѣнился и перемѣна сія положила первѣйшее основаніе всему благоденствію дней моихъ, то я не инако заключаю, что произошло сіе не случайнымъ образомъ, а по особливому смотрѣнію Небесъ и по дѣйствію пекущагося обо мнѣ всегда промысла Господня. Его святой волѣ было угодно, чтобъ случилось тогда со мною сіе произшествіе, произведшее во всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ моихъ великую и для меня весьма блаженную перемѣну. Однако я удержусь пересказывать вамъ напередъ то, о чемъ узнать вы должны послѣ и въ свое время, а скажу только то, что я и понынѣ не могу еще довольно возблагодарить Бога, напоминая сей случай, и надивиться тому, какое особливое обстоятельство и повидимому самая бездѣлица подала ко всему тому первоначальный поводъ.

Оное состояло въ слѣдующемъ: господинъ Корфъ, собираясь изъ Петербурга къ путешествію своему въ Кёнигсбергъ и набирая всѣхъ нужныхъ для основанія тутъ губернской канцеляріи людей, хотя и возможнѣйшія старанія прилагалъ о наполненіи штата своего всѣми нужными и способными людьми и чиновниками, и могъ сіе тѣмъ лучше учинить, что дано было ему дозволеніе брать ихъ откуда онъ только похочетъ; но волѣ Небесъ было угодно, что ни ему и никому изъ всѣхъ избранныхъ имъ чиновниковъ не пришло тогда въ память, что по прибытіи въ Кёнигсбергъ, вся будущая канцелярія его состоять будетъ во всегдашнемъ сношеніи съ нѣмцами и имѣть дѣло не съ одними русскими, а вкупѣ и съ нѣмецкимъ народомъ, и что для сего необходимо нуженъ былъ имъ переводчикъ. Сіе обстоятельство вышло у нихъ совсѣмъ изъ головы, и они не прежде встрянулись, что они сіе позабыли, какъ по пріѣздѣ уже въ Кёнигсбергъ, и когда дѣло уже дошло до основанія самой канцеляріи. Тогда, но уже поздно, встрянулись они и увидѣли свою ошибку. Сожалѣніе у нихъ у всѣхъ было о томъ чрезвычайное. Самъ генералъ тужилъ о томъ невѣдомо какъ, и досадовалъ на своихъ секретарей, для чего они ему не напомнили, а сіи возлагали всю вину на него и совѣтниковъ, коимъ болѣе бы о томъ знать и помнить надлежало. Словомъ, всѣ они обвиняли другъ друга; но какъ сіе не помогало, а переводчикъ имъ былъ надобенъ, и секретари, неразумѣющіе ни одного слова по-нѣмецки, отдуху не давали генералу и совѣтникамъ, чтобъ они снабдили канцелярію толмачемъ и переводчикомъ, то самое сіе и было причиною, что генералъ сей тотчасъ началъ спрашивать у оберъ-коменданта, господина Трейдена и у бригадира Нумерса, которые тогда Кёнигсбергомъ управляли, нѣтъ ли у нихъ кого изъ офицеровъ, могущаго отправлять сію должность, и судьбѣ было угодно, чтобъ симъ первый попался я на умъ. Они объявили обо мнѣ генералу, и сіе самое причиною было прежде упомянутой за мною присылки и тому, что я попался въ сіе мѣсто и долженъ былъ отправлять должность и толмача и переводчика.

Вотъ какія малыя и отдаленныя причины употребляются иногда провидѣніемъ Господнимъ къ сооруженію благо-

денствія тѣхъ, кого угодно ему одарить имъ. Но я возвращусь теперь къ продолженію моей исторіи.

Не успѣлъ генералъ вышеупомянутымъ образомъ изъявить мнѣ публично при всѣхъ свое благоволеніе и приказать обѣдать всегда у него въ домѣ, а я выттить опять въ ту комнату, гдѣ для насъ накрытъ былъ особливый столъ, какъ всѣ нижніе чиновники, составляющіе его штатъ, окружили меня и начали со мною какъ съ новымъ своимъ сотоварищемъ и сотрудникомъ ознакомливаться и ко мнѣ ласкаться. Были тутъ оба наши секретари, протоколистъ, генеральскій адъютантъ, одинъ живущій при генералѣ итальянецъ и еще нѣкоторые другіе и все незнакомые еще мнѣ люди. Но никто изъ всѣхъ ихъ такъ скоро со мною не познакомился и такъ много ко мнѣ не ласкался, какъ генеральскій адъютантъ. Былъ онъ малый молодой и притомъ хотя поповичъ и сынъ преображенскаго протопопа, но воспитанъ такъ хорошо, что въ немъ не было ничего похожаго на его природу, но онъ не уступалъ ни въ чемъ и лучшему дворянину. Знаніе его языковъ, охота къ книгамъ и наукамъ, одинаковыя со мною лѣта и самый дружелюбный и хорошій его нравъ были причиною тому, что мы въ одинъ почти мигъ съ нимъ познакомились и другъ друга полюбили: и могу сказать, что я дружбою его всегда былъ доволенъ. Но никогда онъ меня такъ не одолжилъ, какъ при семъ первомъ случаѣ. Онъ первый приласкался ко мнѣ; и не успѣлъ узнать, что я разумѣю языки и также охотникъ до наукъ, какъ и пошли у насъ съ нимъ разговоры, и онъ такъ ко мнѣ привязался, что посадилъ за столомъ подлѣ себя и во весь обѣдъ старался меня, какъ гостя, подчивать.

Столъ сей былъ у насъ особливый отъ генеральскаго и въ другой, подлѣ столовой его, комнатѣ, но немногимъ чѣмъ хуже генеральскаго, и какъ кушаньями, такъ и напитками такъ изобиленъ, что лучшаго желать было не можно; а что всего было лучше, то не было за онымъ такой принужденности и чиновъ, какая наблюдалась за самымъ генеральскимъ столомъ, гдѣ онъ обѣдалъ съ своими совѣтниками и гостями, которыхъ всегда бывало у него по нѣсколько человѣкъ. Но у насъ господствовала совершенная вольность: всякій говорилъ что хотѣлъ и другъ съ другомъ шутилъ и смѣялся, и никому не воздавалось никакого особаго почтенія, что все и придавало обѣдамъ симъ болѣе пріятности.

Насытившись и напившись за генеральскимъ столомъ, пошли мы опять въ канцелярію, и принявшись за свои дѣла, просидѣли до самыхъ сумерекъ, такъ что я на квартиру свою возвратился уже ночью.

Идучи въ сей разъ домой, находился я въ различныхъ движеніяхъ духа. Я не зналъ, радоваться ли мнѣ или печалиться о случившейся со мною столь нечаянной и скоропостижной перемѣнѣ... Съ одной стороны, мнѣ было непротивно, что попался я въ столь знаменитое, по мнѣнію моему, мѣсто. Пребываніе при главнокомандующемъ тогда всею Пруссіею генералѣ и приобщеніе, такъ-сказать, къ его штату льстило моему честолюбію. Я ласкался надеждою, что сдѣлавшись вельможѣ сему знакомѣе, могу приобрѣсть дальнѣйшее его къ себѣ благоволеніе и, можетъ быть, могу произойтить чрезъ него въ люди. Съ другой стороны льстило меня то обстоятельство, что я тутъ находиться буду всегда между лучшими людьми и видѣть и знать все происходящее; съ третьей—не противно было мнѣ и то, что я буду имѣть столъ всегда готовый и хорошій и не буду имѣть нужды готовить у себя дома и довольствоваться иногда столомъ очень нужнымъ. Съ четвертой, не непріятно было для меня и то, что чрезъ сіе опредѣленіе меня въ должность переводчика, отрывался я часъ отъ часу болѣе отъ полку и отъ всѣхъ съ военною службою сопряженныхъ трудностей и по тогдашнему военному времени, и самыхъ опасностей—все сіе меня радовало и веселило. Но когда, съ другой стороны, приходили мнѣ на память трудные и скуч-

ные мои переводы, которые мнѣ и въ одинъ уже тотъ день какъ горькая рѣдька надоѣли; когда воображалъ я себѣ, что я всякій день долженъ буду ходить въ канцелярію и съ утра до вечера сидѣть безпрестанно надъ ними, и лишиться совершенно всей прежней и толь милой для меня вольности, то сіи мысли уменьшали много моего удовольствія и озабочивали меня несказанно. Пуще всего горевалъ я о томъ, что черезъ то связанъ я буду по рукамъ и по ногамъ и не буду имѣть ни минуты, такъ-сказать, свободнаго для себя и такого времени, которое-бъ могъ употребить я на собственныя свои любопытныя упражненія. Однако, какъ я однажды уже положилъ, какъ ни на что самому не набиваться, такъ ни отъ чего не отбиваться, если что̀ само по себѣ придетъ, то утѣшался я надеждою, что, можетъ быть, должность сія современемъ и не такова будетъ трудна, каковою казалась она мнѣ въ тогдашнее время, въ чемъ я и не обманулся, какъ вы то изъ послѣдствія увидите.

Итакъ, положась на Бога и ожидая всего отъ времени, пошелъ я въ послѣдующій день опять въ канцелярію, и сталъ съ того времени ходить туда ежедневно. Мы сиживали обыкновенно всякой день и до обѣда и послѣ обѣда, вплоть до самаго вечера. И какъ дѣлъ было превеликое множество, и оныя съ часу-на-часъ приумножались, и были притомъ многія дѣла важныя, то хаживалъ обыкновенно генералъ самъ въ оную и просиживалъ по нѣскольку часовъ; почему, для удобнѣйшаго хожденія ему въ оную, и переведена была она чрезъ нѣсколько дней въ другія комнаты, которыя были ближе къ тѣмъ, въ которыхъ онъ жилъ, и хотя не такъ просторны, какъ первыя, но гораздо уютнѣе и веселѣе оныхъ. Онѣ находились въ томъ же этажѣ, но на самомъ лучшемъ и веселѣйшемъ углу во всемъ зàмкѣ и лежали надъ самою каморою. Тутъ, по особливому счастію, достался мнѣ особливый и наилучшій уго̀льный покоецъ, отдѣленный отъ прочихъ подъяческихъ комнатъ досчатою перегородкой: и какъ вмѣстѣ со мною были одни только вышеупомянутые нѣмецкіе канцеляристы, то я сею перемѣною очень былъ доволенъ; тутъ была у насъ, власно какъ особая нѣмецкая канцелярія: никто намъ изъ прочихъ подъячихъ не мѣшалъ и мы были спокойны. Къ вящему удовольствію, было у насъ два окна, изъ которыхъ видъ простирался очень далеко, и мы могли обозрѣвать не только одну изъ главнѣйшихъ улицъ, идущую мимо оконъ нашихъ подлѣ самаго зàмка, но и всю нижнюю и зарѣчную часть города. Въ одномъ изъ помянутыхъ оконъ избралъ я для себя мѣсто за особливымъ столикомъ, а въ другомъ окнѣ посадилъ моихъ товарищей, которыхъ сотовариществомъ становился я часъ-отъ-часу довольнѣе: ибо они не только вышеупомянутымъ образомъ помогали мнѣ очень много въ моихъ переводахъ, но, сверхъ того, имѣлъ я отъ нихъ и другую пользу, состоящую въ томъ, что я въ праздное время могъ упражняться съ ними въ разговорахъ и чрезъ то часъ-отъ-часу дѣлаться въ нѣмецкомъ языкѣ совершеннѣе и знающѣе.

Что касается до моей работы, то трудна она и почти несносна была мнѣ только съ самаго начала и покуда я не попривыкъ къ оной; а какъ скоро я узналъ всѣ особенные термины, употребляемые въ ихъ канцелярскомъ слогѣ, да и ко всему слогу ихъ попривыкъ, то переводы мои сдѣлались мнѣ гораздо легче и сноснѣе, а сверхъ того стали они мало-помалу и уменьшаться и чрезъ нѣсколько недѣль стало доходить до того, что иногда въ цѣлый день недоставалось мнѣ переводить и двухъ листовъ, а иной день и весь проходилъ безъ дѣла; однако, несмотря на то, не можно было мнѣ никакъ отлучаться: ибо то-и-дѣло принужденъ я бывалъ толмачить или переводить словесно нашимъ секретарямъ то̀, что́ говорили имъ приходящіе къ намъ ежедневно разныхъ состояній тамошніе жители, равно какъ и имъ пересказывать ихъ отвѣты, а для сей надобности и дол-

женъ я былъ почти безвыходно быть въ канцелярiи.

Теперь, прежде повѣствованiя о дальнѣйшихъ произшествiяхъ, остановлюсь я на минуту и разскажу вамъ, любезный пріятель, нѣсколько подробнѣе о тѣхъ разныхъ чиновникахъ, которые составляли тогда штатъ нашего генерала, дабы изъ того могли вы яснѣе видѣть, съ какими людьми долженствовалъ я тогда имѣть наиболѣе дѣло и ежедневно обходиться.

Наипервѣйшими по генералѣ были наши совѣтники. Ихъ было два, и оба они засѣдали вмѣстѣ съ генераломъ, да и жили сначала въ томъ же замкѣ, но въ другихъ только покояхъ. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ и назывался Иванъ Николаевичъ Бауманъ, а другой—русской, изъ фамилiи господъ Волковыхъ, и назывался Алексѣй Алексѣевичемъ. Но сей послѣдній былъ у насъ недолго, но отбылъ потомъ въ другое мѣсто, а на его мѣсто произведенъ былъ другой нѣмецъ, по прозвищу господинъ Вестфаленъ, который пріѣхалъ также вмѣстѣ съ Корфомъ и до того времени живучи при немъ, отправлялъ у него должность домашняго секретаря и велъ его корреспонденцiю. Обоими сими первѣйшими особами и всегдашними собесѣдниками генерала были мы вообще всѣ довольны. Оба они были люди тихiе, доброправные и оба весьма прилежные къ своей должности. Но какъ чинами своими они насъ далеко превосходили, а притомъ были оба нѣмца, то и не имѣли мы съ ними дальняго сообщенiя; но они вели себя отъ всѣхъ насъ какъ-то удаленно, и мы отъ обоихъ ихъ не видали, кромѣ вѣжливостей, никакого худа и добра.

Относительно до меня, были они оба ко мнѣ довольно благосклонны, а особливо господинъ Вестфаленъ; ибо какъ онъ былъ ученый человѣкъ, то пріятна ему была моя склонность къ наукамъ и читанiю книгъ. Онъ входилъ со мною иногда въ разговоры и удостоивалъ при всякихъ случаяхъ меня своими похвалами. Но болѣе сего ничего я отъ него не видалъ, хотя онъ съ г. Бауманомъ былъ у насъ во все продолженiе бытности нашей въ Кёнигсбергѣ.

Кромѣ сихъ, были у насъ еще два колежскихъ совѣтника, изъ коихъ одинъ назывался г. Калманнъ и опредѣленъ былъ вмѣсто прежняго моего командира Нумерса въ кёнигсбергскую камору, а другой г. Клингштетъ, опредѣленный въ таковую-жъ камору въ Гумбинахъ, но жившій по большей части въ Кёнигсбергѣ; но съ сими обоими господами имѣли мы еще того меньше дѣла.

Но не таковы были наши русскiе нижнiе чиновники. Изъ сихъ наизнаменитѣйшимъ былъ упомянутый уже мною первый секретарь. Онъ назывался Тимоѳей Ивановичъ Чонжинъ, и былъ тогда у насъ весьма важная особа. Вся канцелярiя лежала на немъ почти на одномъ. Онъ былъ наиглавнѣйшимъ производителемъ всѣхъ дѣлъ и пользовался, сверхъ того, такою довѣренностью отъ генерала, что съ самимъ имъ иногда съ крикомъ поднималъ споры. Все сiе, равно какъ и подлое его происхожденiе, ибо произошолъ онъ въ сiе достоинство изъ самыхъ низкихъ приказныхъ чиновъ, и было причиною, что человѣкъ сей набитъ былъ преглупѣйшею подъяческою спѣсью и такъ высокомѣренъ, что выводилъ иногда всѣхъ изъ терпѣнiя. Характеръ сей соблюдалъ онъ во все время своего въ Кёнигсбергѣ пребыванiя, и глупость сiю простиралъ даже до того, что при самыхъ такихъ случаяхъ, когда самому ему иногда бывала до насъ нужда, не хотѣлъ никакъ себя унизить и сдѣлаться ласковѣе. Словомъ, онъ велъ себя отъ насъ увышенно и не хотѣлъ никакъ обходиться съ нами дружелюбно и съ такою откровенностью, какъ всѣ прочiе, и за то мы всѣ внутренно его не любили, хотя показывали ему наружное почтенiе. Впрочемъ, на приказныя дѣла и обыкновенные подъяческiе крючки былъ онъ весьма способная и столь бойкая особа, что изъ всѣхъ умѣлъ одинъ только, находясь въ семъ мѣстѣ и толь хитро и искусно наживаться, что и примѣтить почти было не можно.

Въ разсужденіи меня, былъ сей человѣкъ, такъ-сказать, ни рыба, ни мясо. Не видалъ я отъ него никакого дальняго добра, не видалъ и худа. Я, вѣдая его силу, хотя и старался ему угождать и при всѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были мои услуги, оныя охотно ему оказывалъ, но со всѣмъ тѣмъ не могъ ничего болѣе отъ него приобрѣсть, кромѣ единыхъ небольшихъ ласкъ, оказываемыхъ имъ иногда мнѣ и столь холоднымъ образомъ, что не могли онѣ мнѣ никакъ чувствительны быть. Но сказать надобно и то, что изъ всѣхъ насъ никто не пользовался отъ человѣка сего отмѣннымъ дружелюбіемъ и ласкою.

Что касается до другого секретаря, который назывался г. Гавриловъ, то сей былъ совсѣмъ иного сложенія. Гордости и высокомѣрія въ немъ не было ни малѣйшей; но онъ былъ ко всѣмъ ласковъ, снисходителенъ и въ обхожденіи благопріятенъ. Но къ несчастію, преданъ былъ въ высочайшемъ степени невоздержной и распутной жизни. Онъ и пріѣхалъ уже къ намъ съ изнуреннымъ совсѣмъ отъ невоздержнаго житья здоровьемъ, а тутъ, пустившись во вся и вся, еще болѣе оное разстроилъ и такъ ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ, наконецъ, править должностью, и по сей причинѣ отъ насъ чрезъ нѣсколько времени отбылъ.

Сей человѣкъ, во время пребыванія своего у насъ, хотя и ласкался всякій разъ ко мнѣ, и я благопріятствомъ, оказываемымъ отъ него мнѣ, былъ хотя и доволенъ, но какъ характеры наши не были между собою согласны, то я самъ не слишкомъ къ нему привязывался, но старался отъ него удаляться.

Третьимъ канцелярскимъ чиновникомъ былъ протоколистъ господинъ Дьяконовъ, по имени Яковъ Демидовичъ. Сей былъ обоихъ нашихъ секретарей несравненно лучше и какъ любви, такъ и почтенія достойнѣе. Онъ былъ человѣкъ хотя простой, но весьма добрый, постоянный, ко всѣмъ благопріятный и ласковый, и за то и любимъ былъ всѣми нами. Къ самому ко мнѣ оказывалъ онъ дружескую ласку и благопріятство, и я могу сказать, что я пріязнію его во всякое время былъ доволенъ и считалъ его себѣ хорошимъ пріятелемъ.

Сіи три особы составляли всѣхъ важнѣйшихъ чиновниковъ нашей канцеляріи. Что-жъ касается до прочихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей то о нихъ не стоитъ труда упоминать подробно. Всѣ они были обыкновенные наши русскіе подъячіе, всѣ пьяницы и негодяи, и изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, кто-бъ достоинъ былъ хотя малаго вниманія, почему я объ нихъ, какъ о заслуживающихъ единое презрѣніе, и умолчу, и тѣмъ паче, что я слишкомъ удаленъ былъ отъ какого-нибудь сообщенія съ ними; но то только скажу, что меня всѣ они любили и почитали.

Но не таковы были нѣмцы, мои сотоварищи. Они носили на себѣ хотя также имя канцеляристовъ, но не имѣли ничего похожаго на нашихъ подъячихъ. Одинъ изъ нихъ былъ во все время непремѣнный, и назывался Грюнмилеръ, а другой, смѣнной и сначала былъ господинъ Олеусъ потомъ г. Пикартъ, а наконецъ г. Каспари. Всѣ они власно какъ на отборъ были люди хорошаго поведенія и любви достойныхъ характеровъ, и всѣ ко мнѣ ласковы, дружелюбны и благопріятны, и я могу сказать, что сообщество ихъ мнѣ послужило въ великую пользу. Ибо они не только помогали мнѣ препровождать праздное время въ пріятныхъ и разумныхъ разговорахъ, но какъ нѣкоторые изъ нихъ были довольно учены и начитаны книгъ, то воспользовался я отъ нихъ и многими знаніями, и какъ ласкою, такъ и дружествомъ ихъ былъ всегда доволенъ.

Со всѣми сими людьми имѣлъ я всякій день въ канцеляріи дѣло, и всѣ они были, такъ-сказать, мои сотрудники и сотоварищи. А теперь разскажу я о прочихъ въ свитѣ генеральской находящихся, съ которыми также, а особливо за столомъ, имѣлъ я ежедневное свиданіе.

Объ одномъ изъ нихъ я вамъ уже давеча упомянулъ мимоходомъ, а именно о генеральскомъ адъютантѣ, господинѣ

Андреевѣ, ибо такъ онъ по отцу своему назывался. Сей человѣкъ въ короткое время получилъ ко мнѣ отмѣнное дружество и находилъ въ разговорахъ со мною толикое удовольствіе, что нерѣдко прихаживалъ ко мнѣ въ канцелярію и провождалъ по часу и болѣе времени въ разныхъ со мною дружескихъ и ласковыхъ разговорахъ. Въ сіе время говаривали мы обо всемъ: о книгахъ, о наукахъ, о рисованьи, и о прочемъ; и какъ характеры наши во многомъ были между собою согласны, то не бывало намъ никогда скучно. Въ одномъ только несогласенъ я съ нимъ былъ въ томъ, что онъ предавался слишкомъ суетности и щегольствомъ своимъ доходилъ иногда даже до дурачества и до того, что ему наши канцелярскіе смѣивались. Впрочемъ, какъ онъ былъ человѣкъ не много у генерала значущій, то, кромѣ одной дружбы и ласки, не могъ я отъ него получить никакой иной себѣ пользы.

Другая и послѣдняя особа, составлявшее тогдашнее наше столовое общество, былъ нѣкто итальянецъ, по прозвищу Морнини, бойкая, хитрая и преразумная особа. Онъ жилъ тогда приватно у генерала, не нося никакой извѣстной должности, и пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга. Генералъ его очень любилъ и, какъ думать надобно, употреблялъ его на какія-нибудь тайныя дѣла и сокровенныя коммиссіи. По крайней мѣрѣ, намъ ничего о томъ не было извѣстно. Сей человѣкъ съ самаго начала также отмѣнно меня полюбилъ, и во все время жительства его при генералѣ весьма ко мнѣ ласкался, такъ что я дружбою и благопріятствомъ его крайне былъ доволенъ. Онъ имѣлъ для себя особливые покои и хаживалъ также нерѣдко нарочно ко мнѣ для разговоровъ, а временемъ проспживалъ и я у него по нѣскольку времени и слушивалъ разсказы его объ Италіи и о прочихъ европейскихъ мѣстахъ, гдѣ ему бывать случалось: ибо онъ на свой вѣкъ довольно повояжировалъ и свѣту понасмотрѣлся, такъ что его можно было считать хорошимъ проходимцемъ или авантуріеромъ. А какъ онъ, сверхъ того, превеликій охотникъ былъ до читанія книгъ и все праздное время препровождалъ въ чтеніи, то и сіе меня много къ нему привязывало, и я могу сказать, что и сему человѣку обязанъ я многими изъ тѣхъ знаній, которыя приобрѣлъ я живучи въ Кёнигсбергѣ.

Въ сихъ-то разныхъ особахъ состояло то общество, посреди котораго долженъ былъ я жить и провождать свое время. Послѣ умножилось оно еще нѣсколькими особами; но о томъ упомяну въ свое время, а теперь, какъ письмо мое довольно уже увеличилось, то дозвольте мнѣ оное на сей разъ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь и протчее.

ХАРАКТЕРЪ КОРФА.

Письмо 64-е.

Любезный пріятель! Въ первые дни или недѣли пребыванія моего при губернаторѣ произошло со мною столь мало особливаго и замѣчанія достойнаго, что я не помню ничего такого, о чемъ стопло бы вамъ разсказать, а все состояло только въ томъ, что дѣлъ у насъ такое было множество, что мы съ утра до вечера принуждены были безпрерывно работать, и меня утренняя заря выгоняла изъ квартиры, а вечерняя или даже самая ночь вгоняла опять въ оную. И какъ я всѣ дни безвыходно находился въ канцеляріи, то чрезъ сіе и познакомился я скоро со всѣми вышеупомянутыми сотоварищами своими, а сверхъ того, имѣлъ случай узнать нѣсколько ближе и главнаго нашего командира. И какъ я характеръ его вамъ еще не изображалъ, то надобно мнѣ теперь сіе исполнить, и единожды навсегда пересказать вамъ, каковъ былъ сей славный тогда правитель Прусскаго королевства.

Онъ былъ человѣкъ добрый, но имѣлъ въ характерѣ своемъ весьма многіе недостатки. Относительно до его разума, можно сказать, что былъ онъ отъ природы довольно хорошъ, но, какъ думать надобно, недовольно былъ изощренъ при

воспитаніи въ малолѣтствѣ, и потому всѣ знанія сего вельможи простирались не слишкомъ далеко, но весьма и весьма были умѣреппы, и если онъ что́ зналъ, такъ все то пріобрѣлъ по единой навычкѣ, живучи при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, и потому не столько былъ онъ способенъ къ граждапскому правленію и знающъ въ дѣлахъ, къ оному относящихся, сколько свѣдущъ во всемъ томъ, что́ принадлежало до придворной и свѣтской жизни. Въ семъ пунктѣ былъ онъ довольно совершенъ, но что касается до дѣлъ, принадлежащихъ до правленія, а особливо письменныхъ, то къ онымъ по непривычкѣ своей былъ онъ весьма неспособенъ и ему недоставало весьма многаго къ тому, чтобъ могъ онъ быть при тогдашнихъ обстоятельствахъ хорошимъ губернаторомъ и правителемъ сего завоеваннаго королевства; и я незнаю, какъ бы ему во всемъ успѣвать было можно, еслибъ не помогали ему его совѣтники, а паче всѣхъ тотъ секретарь Чонжинъ, о которомъ упоминалъ я вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, и который былъ у насъ потомъ уже и ассессоромъ. Говорить и читать по-русски хотя онъ и умѣлъ довольно хорошо, но сего далеко еще не было достаточно, но ему нужно было давать ежедневно на многія дѣла свои рѣшительныя резолюціи и къ несчастію на дѣла по большей части важныя и нетерпящія ни малѣйшаго времени и отлагательства, потому что отъ нихъ не только правленіе всѣмъ королевствомъ и все внутреннее въ опомъ благоустройство, но и снабденіе всей заграничной и въ походѣ противъ непріятеля находящейся арміи всѣми нужными потребностями зависѣло; а къ сему и не доставало въ немъ и быстроты разума и рѣшительности скорой и безошибочной, и потому принужденъ онъ былъ полагаться по большей части на то, что́ скажутъ, присовѣтуютъ и напишутъ наши секретари и совѣтники. Совсѣмъ тѣмъ честолюбіе его и высокое мнѣніе о себѣ было такъ велико, что онъ старался скрывать колико можно сей недостатокъ и наблюдать видъ, будто бы всѣ дѣла рѣшитъ онъ самъ собою, а сіе натурально и подавало часто поводъ, не только къ нерѣдкимъ замѣшательствамъ въ дѣлахъ, но и ко многимъ ошибкамъ, и тѣмъ паче, что и коварный секретарь, пользуясь сею слабостію, нерѣдко для собственныхъ своихъ интересовъ, вводилъ его въ превеликія погрѣшности и дѣла, ни мало съ тогдашнею важною должностью его несообразныя. Къ вящему несчастію, по совершенному неумѣнію своему по-русски писать, онъ не могъ ничего самъ не только сочинять, но и написанное переправлять; а сіе подавало напвожделѣннѣйшій случай сему хитрому человѣку его, по своей волѣ, обманывать и проводить. Нерѣдко случалось на самыхъ глазахъ нашихъ то, что онъ явно усматривалъ, что написано было не такъ и сержпвался за то и бранился, а иногда нѣсколько разъ бумагу раздиралъ и переписывать приказывалъ, но какъ бы инако написать, того хорошенько истолковать и приказать далеко былъ не въ состояніи; и потому всѣмъ тѣмъ не достигалъ онъ до желаемаго, но принужденъ былъ наконецъ подписывать тоже, но только другими словами написанное. Сіе единое можетъ уже доказать вамъ, любезный пріятель, каковъ былъ губернаторъ нашъ со стороны разума, а теперь послушайте, каковъ былъ онъ со стороны сердца и нрава.

Слухъ, посившійся у насъ еще до прибытія его, что онъ былъ вспыльчиваго и горячаго нрава человѣкъ, былъ не только справедливъ, но далеко еще недостаточенъ. Практика доказала намъ несравненно еще больше, и я не знаю, ка́къ и какими словами изобразить мнѣ вамъ нравственный характеръ сего человѣка; а коротко только скажу, что теперь, когда я сіе пишу, идетъ мнѣ уже шестидесятой годъ моей жизни и я въ теченіи сихъ лѣтъ, хотя многихъ людей видывалъ, но не случилось мнѣ еще ни одного видѣть и найтить ему подобнаго и такого, который бы такъ много къ гнѣву и бранчивости былъ склоненъ, какъ былъ сей че-

ловѣкъ. Истинно можно по пословицѣ сказать, что въ семъ пунктѣ въ разсужденіи его ужъ чередъ помѣшался. За все про все и не только за дѣла, но и за самыя иногда бездѣлицы онъ серживался и распалялся чрезвычайнымъ гнѣвомъ и осыпалъ всѣхъ, кто-бъ то ни былъ, слуга ли его, или подчиненный, жестокими браньми и ругательствами. Съ слугами и съ домашними своими жилъ онъ въ безпрерывной войнѣ и дракѣ, а и для всѣхъ подчиненныхъ былъ онъ столь несносенъ, что изъ всѣхъ, имѣющихъ до него дѣло, неоставался ни одинъ безъ огорченія отъ него. И сіе было столь часто, что истинно не проходило ни одного дня, въ который бы не поднималъ онъ нѣсколько разъ съ ними превеликой войны и ссоры и не осыпалъ бы ихъ тысячами клятвъ и браней, а нерѣдко и на одномъ часу сіе нѣсколько разъ отъ него повторяемо и возобновляемо было. Словомъ, всякая бездѣлица и ничего незначущая проступка въ состояніи была его раздражить и воспалить наивеличайшимъ гнѣвомъ. Съ сей стороны, при всей своей славѣ, величіи, богатствѣ, чести и знатности, былъ онъ несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, потому что духъ его былъ въ безпрерывномъ почти безпокойствіи и досадѣ, и всѣ почти часы и минуты его жизни заражены была ядомъ неудовольствія, и отъ самаго того наилучшія его забавы и увеселенія были несовершенны. Довольно, онъ до того досерживался, что дѣйствительно отъ того занемогалъ и ложился даже въ постелю. И не одинъ разъ было то, что онъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ умильнѣйшимъ образомъ просилъ и умолялъ, чтобъ они его не сердили, но у нихъ всего менѣе па умѣ было умышленно его разсерживать, но всякой, для собственнаго своего спокойствія, самъ отъ того наивозможнѣйшимъ образомъ убѣгалъ и остерегался.

Теперь судите, каково намъ было жить съ такимъ безпутно вспыльчивымъ и сердитымъ командиромъ? Не долженъ ли онъ былъ всѣмъ намъ казаться сущимъ звѣремъ и извергомъ? Не должно ли было намъ всѣмъ его ненавидѣть и отъ него, какъ отъ нѣкоего чудовища бѣгать и его страшиться? Ахъ! любезный пріятель, онъ таковымъ и дѣйствительно сначала намъ, а особливо мнѣ казался, и я не успѣлъ сего ремесла его увидѣть, какъ тысячу разъ тужилъ о томъ, что попался ему подъ команду, и желалъ лучше бы за тысячу верстъ быть отъ него въ отдаленіи, нежели жить при немъ и обѣдами его пользоваться; но, ахъ, привычка чему не можетъ насъ приучить и чего не можетъ сдѣлать намъ сноснымъ! Въ сей истинѣ удостовѣрились всѣ мы съ избыткомъ собственною практикою и узнали, что человѣкъ столь же удобно и къ худому привыкнуть можетъ, какъ и къ хорошему, и что и самое дурное можетъ ему далеко не таково чувствительно быть, какъ скоро онъ къ тому нѣсколько непривыкнетъ.

Итакъ, скажу вамъ, что трудно намъ было жить и привыкать терпѣть брани и гнѣвъ нашего генерала только спачала, а впослѣдствіи мы такъ уже къ нимъ привыкли, что ни во что́ ихъ себѣ не ставили, и вмѣсто того, чтобъ его ненавидѣть, мы всѣ его любили.

Вы удивитесь сему, но вы перестанете удивляться, когда, для растолкованія сей загадки, скажу вамъ далѣе, что генералъ нашъ, сколько, съ сей стороны, былъ дуренъ и дуренъ до чрезвычайности, столько, съ другой, хорошъ тѣмъ, что былъ вовсе не злонамятенъ и отъ природы имѣлъ самое доброе сердце. Не успѣетъ такая его блажь и дурь пройтить (и, по счастью, продолжалась она обыкновенно самое короткое только время), какъ становился онъ уже смиреѣе агнца и дѣлался наиласковѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, и можно было съ нимъ что́ хочешь говорить; а сіе и было причиною, что мы болѣе о немъ сожалѣли, нежели на него досадовали, и охотно ему брани его и ругательства прощали, ибо удостовѣрены были въ томъ, что не произойдетъ отъ того никакихъ слѣдствій, и что не премѣнится чрезъ то

нимало прежнее и хорошее расположеніе его ко всякому. И какъ онъ, сверхъ того, имѣлъ то въ себѣ хорошее, что онъ никому дѣйствительнаго зла не дѣлалъ, но болѣе къ благодѣтельству былъ склоненъ, то мы за то его и любили.

Описавъ симъ образомъ часть нравственнаго его характера, пойду теперь далѣе и разскажу, что́ мнѣ въ прочемъ было о немъ извѣстно. Какъ ни великъ въ немъ былъ помянутый порокъ и недостатокъ, однако онъ умѣлъ весьма счастливо заглушать его блескомъ наружной своей, пышной и великолѣпной жизни и пріятнымъ своимъ и дружелюбнымъ со всѣми жителями сего города обхожденіемъ. Будучи самъ по себѣ довольно богатъ, а притомъ получая превеликое жалованье, а сверхъ того еще по 6,000 рублей ежегодно на столъ, что́ тогда было очень велико, и будучи бездѣтенъ и не имѣя кому имѣніе свое прочить, жилъ онъ во всю бытность свою въ Кёнигсбергѣ прямо славно и великолѣпно и не такъ, какъ бы генерал-поручику, по какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю или по крайней мѣрѣ, вицерою жить было надобно. Словомъ, онъ прожпвалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленные доходы. Платье, экипажи, ливрея, лошади, прислуга, столъ и все прочее было у него столь на пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прусскихъ жителей къ себѣ; а какъ присовокупилъ онъ ко всему тому современемъ и весьма частыя угощенія у себя всѣхъ наизнаменитѣйшихъ жителей кёнигсбергскихъ и старался доставлять всякаго рода увеселенія, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ, то чрезъ то, власно, какъ оживотворился весь городъ и санъ его сдѣлался у всѣхъ такъ важенъ, какъ бы дѣйствительно какого-нибудь владѣтельнаго герцога и государя, и онъ приобрѣлъ любовь отъ всего Прусскаго королевства.

Вотъ какого мы имѣли тогда губернатора! Теперь скажу вамъ, что не успѣлъ онъ осмотрѣться, какъ первое его стараніе было спознакомиться со всѣми живущими въ городѣ знатнѣйшими прусскими дворянскими фамиліями. Тутъ находилось около сего времени довольно оныхъ, и въ числѣ ихъ были нѣкоторые графы и бароны, какъ, напримѣръ, графъ Станиславскій, графъ Кейзерлингъ, графъ Финкъ и нѣкоторые другіе, а изъ госпожъ были не только графини и баронессы, но и самыя принцессы, какъ напримѣръ: принцесса Гольштейнъ-Бекская; изъ дворянскихъ же фамилій, а особливо госпожъ, было множество. Онъ объѣздилъ тотчасъ всѣ наизнатнѣйшіе дома самъ; а чтобъ и со всѣми прочими ознакомиться, то, чрезъ нѣсколько времени послѣ своего пріѣзда, сдѣлалъ для всѣхъ превеликой пиръ, а потомъ далъ балъ, на который званы были всѣ благородные обоего пола.

При семъ случаѣ впервые увидѣли мы все прусское находившееся тутъ дворянство; и какъ для званія онаго употребленъ былъ его адъютантъ, и по множеству домовъ одинъ сего дѣла исправить не могъ, то употребленъ былъ на вспоможеніе ему, при семъ случаѣ, я.

Для меня дѣло сіе было совсѣмъ новое и необыкновенное. Мнѣ дали верховую лошадь, и я долженъ былъ, по данному мнѣ реестру, всѣ дворянскіе домы въ городѣ отъискивать, господъ и госпожъ тамошнихъ звать и потомъ вмѣстѣ съ адъютантомъ ихъ въ замкѣ принимать и во время стола и бала всячески угащивать стараться. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ я никогда еще не обращался, однако, изъ послушанія и въ угодность генералу, старался свою должность какъ можно лучше исправить. Пріятель мой, адъютантъ, помогалъ мнѣ своими совѣтами и примѣромъ и, при помощи его, исправилъ я все такъ хорошо, что генералъ мой былъ мною доволенъ. Впрочемъ, за трудъ мой съ лихвою награжденъ я былъ тѣмъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при присутствіи на семъ пиру и торжествѣ. Гостей обоего пола, а особливо дамъ и дѣвицъ, было превe-

ликое множество; и какъ до того времени мнѣ никогда еще не случалось бывать на собраніяхъ толь многочисленныхъ и знатныхъ, то какъ самое собраніе, такъ и танцы и музыка плѣняла всѣ мои чувства и мысли, и я не могъ всему насмотрѣться и надивиться; а сіе и было причиною, что я и въ послѣдующее время, когда случались у насъ таковые жъ праздники, охотно для смотрѣнія оныхъ хаживалъ и безотговорочно принималъ на себя труды и коммиссіи, если когда какія мнѣ отъ генерала поручались, несмотря хотя по вышеизображенному его обычаю и доставалось иногда мнѣ такихъ же словца два-три, не очень гладкихъ, какими онъ нерѣдко и почти всякій день щедро осыпалъ бѣднаго своего адъютанта.

Симъ образомъ началъ я вести новый и совсѣмъ отъ прежней отмѣнный родъ жизни и мало-по-малу привыкать къ новой моей должности. И какъ труды мои услаждались тѣмъ удовольствіемъ, что я былъ всегда на людяхъ, могъ слышать, видѣть и узнавать все происходившее какъ тутъ въ городѣ, такъ и въ самой арміи, которая находилась въ походѣ, и изъ которой получаемыя извѣстія становились съ часу на часъ интереснѣе, любопытнѣе и важнѣе, а при всемъ томъ, имѣлъ всегда и хорошій столъ: то и привыкъ я къ ней очень скоро, и она мнѣ не только сдѣлалась сноснѣе, но я началъ и находить въ ней уже и удовольствіе и скоро пересталъ совсѣмъ скучать ею.

Одно только меня отягощало, а именно дальная ходьба на мою квартиру, а особливо поздно по вечерамъ и въ ненастье, но и отъ этого отягощенія я скоро избавился; ибо не успѣлъ я изъявить о немъ сотоварищамъ моимъ въ канцеляріи, какъ всѣ стали совѣтовать мнѣ перемѣнить свою квартиру и сыскать другую, и гдѣ-нибудь поближе къ замку. О семъ я самъ давно уже помышлялъ, но сперва не хотѣлось мнѣ долго разстаться съ прекрасною своею и веселою квартирой; но какъ ежедневная ходьба мнѣ наконецъ слишкомъ надоѣла, и я увидѣлъ, что квартирою своею я вовсе почти уже не пользовался, ибо доводилось мнѣ въ ней только что ночевать, а весь день съ утра до вечера провождалъ я въ замкѣ, то радъ былъ наконецъ какой-нибудь, но только поближе, и сталъ дѣйствительно себѣ просить и искать другой квартиры. Но, по несчастью такъ случилось, что домы въ ближнихъ улицахъ были тогда всѣ отчасти заняты постоемъ, отчасти по разнымъ причинамъ освобождены были отъ онаго, и я не могъ иной найтить, какъ съ полверсты отъ замка, въ домѣ одного мясника. Квартирка сія была хотя и не такова весела, какъ прежняя, но какъ было въ ней два покоя, и я могъ въ ней свободно съ людьми моими умѣститься, то, уступая нуждѣ, выпросилъ я себѣ оную и безъ дальняго отлагательства на нее со всѣмъ своимъ скарбомъ перебрался.

Теперь, не ходя далѣе, опишу я вамъ сію мою новую квартиру. Была она въ одной части Штейндамскаго форштата на улицѣ, идущей отъ замка мимо театра и неподалеку отъ штейндамской кирки, бывшей потомъ нашею церковью. Домъ былъ небольшой, о двухъ только этажахъ, изъ которыхъ въ нижнемъ жилъ хозяинъ, а верхній, состоящій изъ двухъ покоевъ и однихъ сѣнцевъ, опростанъ былъ весь для меня. Изъ сихъ въ одномъ и переднемъ помѣстилъ я своихъ людей, а другой и задній асигновалъ для себя. Входъ въ нашъ этажъ былъ съ улицы узенькою лѣстницей вверхъ и совсѣмъ особливый, такъ что мы съ хозяиномъ не имѣли никакого сообщенія; а видъ изъ покоевъ моихъ простирался на самый тотъ просторный лугъ, о которомъ прежде упоминалъ я подъ именемъ параднаго мѣста, и который былъ внутри города, между Штейндамскимъ, Закгеймскимъ и Траггеймскимъ форштатами; изъ другого же покоя окна были на улицу. Итакъ, квартирка моя была неслишкомъ весела; но я по крайней мѣрѣ доволенъ былъ тѣмъ, что она, по низкости покоевъ, была довольно тепла и спокойна, и что мнѣ ходить было гораздо ближе.

Что касается до моего хозяина, то былъ онъ, какъ выше упомянуто, мясникъ, слѣдовательно человѣкъ, заслуживающій отъ меня столь малое уваженіе, что я его почти и въ лицо не зналъ, а все, чѣмъ я отъ него пользовался, состояло единственно въ томъ, что я покупалъ у него за деньги ежедневно прекрасныя сосиски или сырыя колбасы, которыя такъ были вкусны и сытны, что одной изжаренной на сковородѣ съ хорошею пшеничною булкою, довольно было для моего ужина: и я такъ къ нимъ привыкъ, что мнѣ жаривали ихъ ежедневно, и въ томъ одномъ состояли обыкновенно мои ужины во все время стоянія моего на сей квартирѣ, ибо обѣды наши у генерала были столь сытны, что могли мы по нуждѣ и безъ ужина оставаться: и я за излишнее почиталъ для себя готовить оные, кромѣ колбасъ сихъ.

Впрочемъ, какъ чрезъ переѣздъ на сію квартиру удалился я уже далеко отъ полку и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оный расположенъ былъ по квартирамъ, то сіе и отлучило меня отъ всѣхъ прежнихъ моихъ друзей и полковыхъ сотоварищей, и разорвало совершенно всю бывшую у меня съ ними и столь для меня опасную связь, такъ что я съ того времени ихъ почти уже и не видывалъ, а о томъ, что между ими потомъ происходило и дѣлалось, не имѣлъ уже никакого и свѣдѣнія, ибо въ такую даль не хотѣлось никому изъ нихъ ко мнѣ приходить, а хотя-бъ и вздумали, такъ знали они, что никогда не застанутъ меня дома.

Такимъ образомъ освободился я отъ пагубнаго съ ними сообщества и могу сказать, что сей пунктъ времени былъ особливо примѣчанія достоинъ въ моей жизни, ибо, сколько могу самъ себя упомнить, то съ самаго онаго началъ я—несмотря на всю тогдашнюю мою еще молодость, ибо шелъ мнѣ только двадцатый годъ—становиться часъ отъ часу степеннѣе и обстоятельнѣе въ моихъ мыслях и прилежать болѣе къ чтенію книгъ и къ наукамъ, которыя потомъ въ толикую мнѣ пользу обратились.

Однако надобно сказать, что ко всему тому весьма много поспѣшествовали и разныя другія причины и случайности. Изъ сихъ первымъ наиглавнѣйшимъ, и прямо спасительнымъ для меня обстоятельствомъ почитаю я то, что я привязанъ былъ тогда такъ крѣпко къ канцеляріи, что я не могъ изъ нея никуда и никакъ отлучиться и чрезъ сіе наложена была на меня власно, какъ самою судьбою, узда, весьма нужная для молодого человѣка; ибо по молодости своей хотя бы и вздумалось иногда кое-куда пойтить и погулять, но тогда, а особливо въ первыя недѣли и подумать о томъ было мнѣ не можно, но я принужденъ былъ сидѣть безвыходно въ канцеляріи и нетолько работать, но и всякую минуту ожидать, чтобъ меня не спросили и не дали вновь какого дѣла; а чрезъ такое безпрерывное пребываніе въ замкѣ и предохранился я отъ всѣхъ искушеній, которымъ бы легко могъ подвергнуться, имѣя болѣе свободы.

Вторымъ и неменѣе счастливымъ для меня обстоятельствомъ почитаю то, что изъ всего нашего канцелярскаго общества и генеральскаго штата, кромѣ вышеупомянутаго адъютанта, не было никого одинакихъ со мною лѣтъ и такого, который бы могъ быть мнѣ компаніономъ и меня подзывать и водить куда-нибудь съ собою, но всѣ были гораздо меня старѣе, и такихъ свойствъ и характеровъ, которые не сходствовали нимало съ моимъ тогдашнимъ. Изъ сихъ господъ, хотя и отлучались иногда иные изъ канцеляріи поперемѣнно и хаживали въ трактиры и другія имъ подобныя мѣста, а нерѣдко у нихъ между собою бывали и сходбищи и компаніи, и господа сіи хотя всѣ меня любили и ко мнѣ ласкались, но никому изъ нихъ не приходило никогда въ голову подзывать меня и брать съ собою къ себѣ на квартиры, или въ тѣ мѣста, куда они хаживали; и я не знаю, молодость ли моя была тому причиною, что они не хотѣли удостоивать меня своихъ компаній, или то, что я былъ посторонній человѣкъ и

не принадлежалъ собственно къ ихъ шайкѣ, или благодѣтельной моей судьбѣ, пекущейся обо мнѣ, было то въ особливости угодно; но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что я, живучи между ихъ, и имѣя всякій день близкое съ ними обхожденіе, но въ самомъ дѣлѣ былъ отъ всѣхъ ихъ весьма удаленъ и, пребывая во всегдашнемъ людствѣ, жилъ особнякомъ и власно, какъ въ совершенномъ уединеніи; ибо какъ они меня къ себѣ никогда не приглашали, самъ же я не былъ наязчивъ и насильно на то не набивался, то и не хаживалъ я къ нимъ никогда, но зналъ только свою квартиру и канцелярію, а сіе и обратилось мнѣ потомъ въ великую пользу, ибо послѣ увидѣлъ, что господа сіи были такихъ свойствъ, что ходючи къ нимъ, или съ ними во всѣ мѣста, не многому-бъ добру могъ я отъ нихъ научиться, а скорѣй могъ бы себя повредить и испортить. Что жъ касается до сверстника моего, адъютанта, то сей бѣднякъ былъ еще болѣе моего связанъ и по рукамъ и по ногамъ и не могъ самъ отъ генерала ни пяди отлучаться; слѣдовательно и его знакомство не могло мнѣ быть вредно.

Третьимъ и счастливымъ для меня обстоятельствомъ было то, что какъ по прошествіи нѣсколькихъ первыхъ недѣль письменныя дѣла мои начинали не только уменьшаться, но нерѣдко и совсѣмъ перемежаться, такъ что иногда по нѣскольку часовъ сиживалъ я совсѣмъ безъ дѣла, то по привычкѣ моей съ малолѣтства къ всегдашнимъ упражненіямъ и стали праздные часы сіи мнѣ уже и скучны становиться, такъ что я, не занимаясь ничѣмъ, иногда даже тосковалъ оттого. Сіе обстоятельство причиною тому было, что я вздумалъ въ запасъ на такіе случаи приносить съ собою съ квартиры кой-какія книжки и въ праздное время занимался чтеніемъ оныхъ, ибо иного ничего дѣлать было тутъ не можно; а отъ сего и произошли для меня многія пользы; ибо, во-первыхъ, занимался въ праздные часы полезнымъ для себя упражненіемъ и снискивалъ часъ-отъ-часу болѣе себѣ знаніевъ; во-вторыхъ, избавлялся скуки; втретьихъ, препятствовалъ мыслямъ своимъ заниматься отъ праздности другими предметами, могущими обратиться мнѣ во вредъ и въ предосужденіе, а вчетвертыхъ, наконецъ, самымъ тѣмъ подалъ поводъ пріятелю моему, адъютанту, расхвалить мнѣ одну знакомую ему книжку, а именно: «Нравоучительныя размышленія» графа Оксенштирна. Онъ расхвалилъ мнѣ ее до небесъ и тѣмъ такъ меня поджогъ, что я непремѣнно положилъ ее себѣ купить, и сыскавъ свободный часъ, побѣжалъ искать книжной лавки и ее спрашивать.

День, въ который я сіе учинилъ, былъ для меня поистинѣ блаженнымъ и крайне достопамятнымъ; ибо въ самый оный судьбѣ угодно было отворить мнѣ, такъ сказать, впервые дверь во храмъ наукъ и показать мнѣ прелестности онаго. Не могу довольно изобразить, какимъ восхищеніемъ поразился я, вошедъ въ тамошнюю книжную лавку, въ которой до того не случалось еще бывать мнѣ ни однажды. Одинъ изъ товарищей моихъ нѣмцевъ взялся проводить меня въ нее и указать тотъ глухой и пензвѣстный мнѣ переулокъ, въ которомъ она находилась. Не бывавъ никогда въ порядочныхъ и большихъ книжныхъ лавкахъ, поразился я воззрѣніемъ на преужасное множество непереплетенныхъ книгъ, лежащихъ не только въ стопахъ по полкамъ, но и разложенныхъ по всѣмъ столамъ и прилавкамъ такъ, что ихъ титлы и заглавія можно было единымъ взоромъ обозрѣвать и видѣть. Я не зналъ, куда мнѣ и на какую изъ нихъ обращать мои взоры и какую разсматривать прежде и какую послѣ. Нѣсколько минутъ препроводилъ я, власно, какъ въ изступленіи и не пересматривалъ, а пожиралъ глазами всѣ оныя. Еслибъ можно было, то всѣ бы я ихъ себѣ заграбилъ — такъ прельщался я симъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ объ Оксенштирнѣ, услышалъ, что она не только есть, но, несмотря на всю величину

свою, такъ была дешева, что изъ бывшихъ со мною денегъ еще большая половина осталась, и я могъ купить на нихъ и еще нѣсколько книгъ, которыхъ мнѣ титулы полюбились.

Съ превеликимъ удовольствіемъ побѣжалъ я оттуда къ переплетчику, чтобъ отдать ихъ переплесть, а между тѣмъ съ особливымъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ улицы и переулки, по которымъ бы ходить мнѣ впредь въ сію лавку. Она и подлинно нерѣдко удостоивалась моего посѣщенія и принесла мнѣ въ послѣдующее время неоцѣненныя пользы.

Получивъ на другой день отъ переплетчика моего «Оксенштирна», приступилъ я тогоже часа къ чтенію оной. Нѣсколько дней читалъ я ее не уставая; и хотя была она не изъ самолучшихъ, но для меня послужила тогда въ превеликую пользу. Сочинитель говорилъ въ ней обо всемъ на свѣтѣ и о всей человѣческой жизни вперилъ въ меня множество весьма хорошихъ и такихъ мыслей, которыя послужили мнѣ великимъ побужденіемъ къ порядочной жизни и къ возможнѣйшему удаленію отъ пороковъ, а что всего лучше, заохотилъ меня и къ дальнѣйшему чтенію книгъ сему подобныхъ. Словомъ, я книгѣ сей весьма много обязанъ и такъ я ее полюбилъ, что нѣкоторыя статьи изъ нея даже въ праздное время переводить вздумалъ, а и понынѣ не могу на нее взглянуть безъ нѣкотораго чувствія благодарности къ ней.

Таковое-то стеченіе разныхъ обстоятельствъ было причиною и посѣшествованіемъ помянутой, сдѣлавшейся тогда во мнѣ первоначальной перемѣны въ мысляхъ и въ поведеніяхъ, и съ того времени, при помощи благодѣтельныхъ ко мнѣ Небесъ, или собственнѣе сказать, пекущагося обо мнѣ Промысла божескаго, пошелъ я часъ отъ часу далѣе и власно, какъ по лѣстницѣ; но объ семъ буду я разсказывать впредь и въ свое время, а теперь, поелику письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ непремѣнный другъ и пр.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ.

Письмо 65-е.

Любезный пріятель! Разсказывая вамъ въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ въ подробности обо всемъ, что̀ случилось со мною въ первые мѣсяцы пребыванія нашего въ Кёнигсбергѣ, я такъ тѣмъ занялся и такъ о мелочахъ сихъ заговорился, что позабылъ совсѣмъ о нашей тогдашней войнѣ и о продолженіи оной. Исторія войны сей съ сего времени хотя и не связана тѣсно съ моею, поелику я не имѣлъ уже собственнаго въ ней соучастія, однако, какъ я впереди началъ уже ее вкратцѣ описывать, то, надѣюсь, не противно вамъ будетъ и продолженіе краткаго повѣствованія о дальнѣйшихъ бывшихъ во время оной, и когда не всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ произшествій.

Итакъ, возвращаясь нѣсколько назадъ, скажу вамъ, любезный пріятель, что между тѣмъ, какъ мы вышеупомянутымъ образомъ изъ Торуня въ Кёнигсбергъ шли и тутъ мало-по-малу жить привыкали, и время свое не столько въ трудахъ, сколько въ веселостяхъ провождали, въ свѣтѣ пылалъ уже повсюду военный огнь, и земля во многихъ мѣстахъ обагряема была человѣческою кровью. Въ послѣдній разъ, когда писалъ я къ вамъ о сей войнѣ, имѣлъ я уже случай разсказать вамъ, какія страшныя и великія приготовленія дѣланы были во всѣхъ воюющихъ областяхъ къ продолженію оной, и сколь многія и сильныя арміи изготовлены были для дѣйствованія другъ противъ друга, какъ скоро весна вскроется. Сіе и не преминуло воспослѣдовать. Не успѣла весна начать вскрываться, какъ тотчасъ уже и начались военныя дѣйствія. Сіе начало учинено было королемъ прусскимъ и его союзниками, и столь рано, что всѣ не могли тому довольно надивиться. Я упомянулъ уже вамъ отчасти прежде, что такъ-называемая союзная армія, состоящая изъ гановеранцевъ, подкрѣпленная небольшимъ количествомъ прусскихъ войскъ и пред-

водимая брауншвейгскимъ герцогомъ Фердинандомъ, начала производить военныя свои дѣйствія еще при самомъ началѣ сего года и даже въ самое зимнее время, и сколь великіе успѣхи она уже имѣла. Въ самое короткое время французы принуждены были не только оставить всѣ полученныя надъ непріятелями своими выгоды, но со стыдомъ и растеряніемъ множества людей возвратиться за рѣку Рейнъ. Однако союзники короля прусскаго и тамъ не дали имъ покоя. Храбрый принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, присланный отъ короля для командованія сими союзными войсками, открылъ первый, и еще въ мартѣ мѣсяцѣ, кампанію сего года и предпріялъ дѣло по истинѣ весьма важное и трудное. Опое состояло въ томъ, чтобъ выгнать французовъ совсѣмъ изъ Нижней Саксоніи и Вестфаліи; но какъ число ихъ простиралось еще до 80.000 человѣкъ, а у него не болѣе было какъ 30.000 самыхъ тѣхъ ганноверанцевъ, которые, за три мѣсяца до того, хотѣли-было совсѣмъ ружье положить, то потребно было къ тому все искусство и проворство великаго генерала./Къ тому-жъ присовокупить надобно и то, что и командовалъ французскою арміею уже не прежній слабый герцогъ Ришельё, но вновь присланный отъ французскаго двора г. Клермонтъ, который почитаемъ былъ также искуснымъ генераломъ. Со всѣмъ тѣмъ, французамъ и сія перемѣна мало помогла./Герцогъ Фердинандъ началъ производить столь искусныя движенія, что вскорѣ принудилъ французовъ вытти и очистить совсѣмъ всѣ брауншвейгскія, вольфенбиттельскія и ганноверанскія области; послѣ чего пошелъ онъ прямо къ городу Миндену и, соединившись съ прочими бывшими на Везерѣ отрядами, осадилъ немедля ни минуты сей городъ. Графъ Клермонтъ, хотя и отправилъ генерала Брогліо съ корпусомъ для подкрѣпленія сего города, но сей генералъ не могъ найтить случая къ предпріятію чего-нибудь важнаго противъ союзниковъ, по принужденъ былъ быть только свидѣтелемъ тому, какъ они сей городъ взяли и весь въ немъ бывшій гарнизонъ полонили. Сіе произшествіе и отобраніе всѣхъ прочихъ укрѣпленныхъ городовъ, которыми-было французы въ нѣмецкой землѣ овладѣли, и повсемѣстные успѣхи гановеранцевъ, принудили французовъ выттить совсѣмъ изъ предѣловъ областей нѣмецкихъ и расположиться за Рейномъ на кантониръ-квартиры, что́ для отдохновенія учинили потомъ и союзныя войска, набравъ при разныхъ случаяхъ до 11-ти тысячъ человѣкъ въ полонъ изъ войскъ французскихъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило на Рейнѣ и въ отдаленнѣйшемъ краю тогдашняго военнаго театра, не находился и самъ король прусскій въ праздности. Его озабочивали всего болѣе мы, и превеликія наши приготовленія къ тому, чтобъ войтить въ нѣдра самыхъ его бранденбургскихъ областей. Пруссія была имъ оставлена и находилась вся въ рукахъ нашихъ. Онъ чувствовалъ, что ему не можно довольно защитить страну, отъ прочихъ его областей столь отдаленную, и потому объ опой уже и не старался. Но защищеніе Бранденбургіи было не таково маловажно; какъ требовались войска и для другихъ мѣстъ, то старался онъ пособить себѣ въ семъ случаѣ хитростью и располаганіемъ оныхъ въ такомъ удобномъ между собою сближеніи, чтобъ, въ случаѣ нужды, можно было ему тотчасъ совокупить ихъ вмѣстѣ для производства какого-нибудь рѣшительнаго дѣла. Обстоятельство, что неизвѣсто было куда пойдетъ наша армія—въ Шлезію ли или прямо въ Мархію Бранденбургскую—наводило на него сомнѣніе; однако онъ приготовился на оба сіи случая, и вѣдая довольно нашу неторопность и обыкновенную намъ медлительность, предпрялъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ и до прибытія нашего получить надъ цесарцами какія-нибудь выгоды.

Въ таковомъ расположеніи отдѣлилъ онъ противъ насъ только самое малое количество войскъ и поставилъ на границахъ померанскихъ не столько для вос-

препятствованія намъ въ походѣ, сколько для примѣчанія нашихъ движеній. Удостовѣреніе его въ нашей неповоротливости было такъ велико, что онъ не присоединилъ даже къ тому и того небольшого корпуса, которымъ командовалъ у него графъ Дона, и который назначенъ былъ для охраненія и защиты всего сего края, но отправилъ оный для обложенія шведской крѣпости Стральзунда. Самъ же, ни мало не медля, отправился съ главными своими войсками въ Шлезію, для осады главной шлезской крѣпости Швейдница.

Выступленіе его въ сей походъ воспослѣдовало очень рано и тогда, когда ни мы, ни сами цесарцы еще о походѣ всего меньше помышляли; и поспѣшеніе въ семъ дѣлѣ, отъ котораго весь успѣхъ онаго зависѣлъ, было такъ велико, что онъ успѣлъ еще въ мартѣ не только туда приттить, но и открыть траншеи, и къ 4-му апрѣлю довесть оныя до гласиса и самаго палисада, а 5-го числа, учинивъ приступъ, принудить крѣпость сію сдаться на договоръ. Словомъ, предпріятіе сіе удалось ему наивожделѣннѣйшимъ образомъ, и взятье сей главной крѣпости не стоило ему и ста человѣкъ; опъ же получилъ при семъ случаѣ въ полонъ двухъ генераловъ, 173 офицера и до 5,000 рядовыхъ.

По овладѣніи сею крѣпостью, употребилъ онъ паки славную стратагему, или военный обманъ. Онъ, вознамѣрясь нечаянно напасть на Моравію и овладѣть цесарскою крѣпостью Ольмицомъ, скрылъ такъ хорошо свое намѣреніе, что цесарцы вдались въ совершенный обманъ, и, по дѣланнымъ королемъ приуготовленіямъ, думали, что онъ идетъ въ Богемію, и потому тамъ и собрали войска и расположились при Находѣ. Но король вмѣсто того, 6-го числа, отправился въ Моравію, и собравъ войска свои при Троппау, пошелъ съ такимъ поспѣшеніемъ, что войска его въ три дня перешли 40 миль и онъ 22-го апрѣля находился уже при Ольмицѣ, а цесарцы въ сіе время и не тронулись еще изъ Богеміи.

Вся Моравія находилась тогда почти безъ защиты. Генералъ Вилъ, командовавшій тамъ немногими войсками, охранявшими оную, впустилъ пѣхоту свою въ крѣпость, а самъ съ конницею своею ретировался въ Брюнъ. Крѣпость тотчасъ осаждена была пруссаками, какъ скоро привезены были къ нимъ пушки, и они надѣялись, что возьмутъ ее столь же легко и таковожъ скоро, какъ Швейдницъ. Тоже думали тогда и всѣ, и болѣе потому, что крѣпость сія была не изъ важныхъ и не такихъ, которая бы могла вытерпѣть формальную осаду и остановить надолго быстрый токъ успѣховъ королевскихъ. Главный австрійскій магазинъ находился въ Лейтомишелѣ на границахъ моравскихъ. Не было вѣроятности, чтобъ Даунъ могъ изъ отдаленной Богеміи поспѣть для защищенія онаго и недопущенія прусаковъ до овладѣнія онымъ. Король и дѣйствительно имѣлъ намѣреніе произвесть сіе въ дѣйство, а вкупѣ напасть на Богемію съ сей стороны и чрезъ самое то отдалить цесарскую армію отъ нашей. Но прожектъ сей составлялъ таинство, которое хотѣлось королю всячески сокрыть отъ цесарцевъ. Онъ запретилъ наистрожайшимъ образомъ всему войску, чтобъ никто въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль не дерзалъ писать ничего изъ арміи. Легкія его войска достигали ужъ набѣгами своими до границъ самой Австріи. Въ самомъ столичномъ цесарскомъ городѣ Вѣнѣ, уже боялись, чтобъ не пришелъ вскорѣ король прусскій и не явился предъ стѣнами онаго. Словомъ, всѣ обстоятельства обѣщавали великіе для короля успѣхи и предвозвѣщали пронзшествія важныя; однако, противъ всякаго чаянія, произошло совсѣмъ тому противное.

Осада Ольмица попродлилась; сидящій въ оной генералъ Маршалъ учинилъ столь храбрый отпоръ, что пруссаки не могли ею никакъ овладѣть, а чрезъ то получилъ Даунъ время приттить къ Лейтомишелю, прикрыть магазинъ и подкрѣпить ольмицкій гарнизонъ многайшимъ числомъ войска. Сіе случилось

весьма кстати, ибо осада сему городу продолжалась уже съ 16-го мая, и апроши доведены были до самаго гласиса. Пруссаки всадили уже въ него до 180 тысящъ ядръ и бомбъ и имъ оставалось только учинить приступъ къ оному.

Со всѣмъ тѣмъ Даунъ, по прибытіи своемъ, увидѣлъ сущую невозможность освободить сей городъ отъ осады, не давъ съ пруссаками баталіи; но какъ успѣхъ оной не могъ быть никому напередъ извѣстенъ и, въ случаѣ потерянія баталіи, могли-бъ проистечь весьма бѣдственныя для всей Австріи слѣдствія, то Даунъ разсудилъ за выгоднѣйшее стараться отъ баталіи удалиться и довольствоваться окруженіемъ всего непріятельскаго лагеря и недопущеніемъ до него никакихъ транспортовъ и сикурсовъ. Храбрый Лаудонъ, сдѣлавшійся изъ добраго солдата изящнымъ генераломъ, командовалъ легкими цесарскими войсками. Подъ его предводительствомъ одерживали они на всѣхъ бывшихъ малыхъ сраженіяхъ всегда надъ пруссаками верхъ, и сей родъ войны, обезпокоивавшій чрезвычайно пруссаковъ, удался наконецъ по желанію и принудилъ пруссаковъ оставить осаду. Въ началѣ іюня узналъ Даунъ, что идетъ къ прусскому королю сикурсъ съ великимъ трапспортомъ амуниціи и денежной казны изъ Шлезіи: онъ отправилъ для разбитія его генераловъ Лаудона и Шпшковича, давъ каждому по 6,000 человѣкъ войска. Они напали на сикурсъ сей въ самое почти то время, когда онъ хотѣлъ вступать въ линіи пруссаковъ, и разгромили опый совершенно. Они побили до 3,000 пруссаковъ, взяли 400 человѣкъ въ полонъ, получили въ добычу 12 пушекъ и овладѣли всѣмъ почти транспортомъ. Таковой чувствительный уронъ и недостатокъ во всѣхъ нужныхъ вещахъ принудилъ короля оставить осаду сего города и отъ него удалиться.

Пруссаки неудачу сію приписывали наиболѣе тому, что инженерный ихъ полковникъ Балби ошибся и началъ вести апроши къ городу слишкомъ издалека и за 1,500 шаговъ отъ крѣпости, отчего прошло много времени, покуда могли они доведены быть до гласиса, и потеряно много попустому пороху и ядръ; а во-вторыхъ, потерянію помянутаго обоза, состоявшаго въ 3,000 повозокъ, который, по длинѣ его, не было имъ возможности весь вдругъ на дорогѣ защитить отъ нападавшихъ цесарцевъ, которые такъ хорошо успѣли произвесть сіе дѣло, что изъ всего множества фуръ и телегъ едва только двумъ стамъ съ половиною удалось пробраться до прусскаго лагеря, въ числѣ которыхъ 37 возовъ были съ деньгами.

Весь свѣтъ удивился тогда благоразумію Даупа. Онъ освободилъ городъ сей отъ осады, не потерявъ ни одного человѣка. Онъ умѣлъ избѣжать баталіи и сопротивника своего довесть наконецъ до того, что ему столь же опасно было отважиться дать бой, какъ и продолжать осаду, и чрезъ самое то принудилъ оставить оную. Однако и король прославился тогда не менѣе своимъ благоразуміемъ. Онъ не только отступленіе сіе произвелъ съ толикимъ искусствомъ, что цесарцы не могли ему ничего при томъ сдѣлать, но и пошелъ въ такую сторону, куда никто не думалъ. Ибо вмѣсто отступленія въ Шлезію, пошелъ онъ вдругъ въ сторону къ Богеміи и прямо къ столичному въ ней городу Прагѣ, и въ началѣ іюля расположился лагеремъ при Кёнигсгрецѣ. Даунъ и Лаудонъ послѣдовали за нимъ, одинъ по правую, а другой по лѣвую руку, и стали лагеремъ насупротивъ его при Любшау.

Теперь оставимъ обѣ сіи арміи, стоявшими въ сей позиціи, и посмотримъ, что между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ происходило.

Колико неудачна была ольмицкая осада королю прусскому столь, удачно было, напротивъ того, начало кампаніи сего лѣта его союзникамъ гановеранцамъ. Родственникъ его, славный принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, сошедшись съ французскою арміей, бывшею подъ командою принца Клермонта при Кревельтѣ, одержалъ надъ нею совершенную побѣду. Сія побѣда могла имѣть весьма досадныя слѣдствія для австрійскихъ Нидерландъ.

Принцъ Брауншвейгскій, побѣдивши француzовъ, пошелъ далѣе, побралъ многіе города, вступилъ въ Нидерланды, взялъ городъ Рюремонтъ, и легкія его войска простирали набѣги свои даже до воротъ столичнаго города Брисселя; но, по счастію, одержанная французскимъ маршаломъ Брогліо, вскорѣ послѣ того, побѣда надъ гессенъ-кассельскими войсками, бывшими подъ командою принца Изенбургскаго, при Зундергаузенѣ, поправила нѣсколько дѣла и дурныя обстоятельства французовъ. Они вошли послѣ сей побѣды въ городъ Минденъ, и вся гановеранская земля сдѣлалась имъ отверстою. Сіе разстроило такъ много всѣ предпріятія принца Фердинанда, что онъ принужденъ былъ, оставивъ всѣ свои завоеванія, перейтить назадъ черезъ рѣку Рейнъ и иттить къ Мюнстеру.

Таковы были произшествія у союзниковъ нашихъ, а теперь время уже намъ обратиться къ нашей арміи и посмотрѣть, что́ между тѣмъ мы дѣлали и что́ у насъ происходило.

По занятіи всей Пруссіи нашими войсками, расположился нашъ главпокомандующій генералъ графъ Ферморъ, какъ прежде было уже упоминаемо, вдоль по рѣкѣ Вислѣ кордономъ. Въ семъ положеніи оставалась армія до вскрытія полой воды, и въ теченіе сего времени старался онъ только занять такимъ же образомъ войсками нашими и предмѣстья города Данцига, какъ заняты были всѣ прочіе польско-прусскіе города: Эльбингъ, Маріенбургъ, Кульмъ, Грауденецъ и Торунь. Однако это намѣреніе его не удалось. Данцигскіе жители того не захотѣли, за нихъ вступились министры прочихъ державъ, и такъ принуждено было сіе дѣло оставить. Какъ же скоро весна начала вскрываться, то переправленъ былъ одинъ корпусъ войска, подъ командою генерала Панина, за Вислу, и велѣно было стать лагеремъ подлѣ мѣстечка Диршау, а чрезъ нѣсколько времени потомъ переправилась и вся армія при иршау чрезъ Вислу, и расположилась на той сторонѣ лагеремъ.

Всѣ думали тогда, что армія наша выступитъ нимало не медля далѣе въ походъ и, пользуясь отсутствіемъ короля, поспѣшитъ войтить въ предѣлы бранденбургскіе и простирать завоеванія свои далѣе; однако воспослѣдовало противное тому, и, къ удивленію всего свѣта, простояла она въ помянутомъ положеніи и не дѣлая ничего нѣсколько недѣль сряду. Никто не зналъ, что̀ заключать о таковой медлительности, и хотимъ ли мы, или нѣтъ вправду нападать вооруженною рукою на шлезскія и бранденбургскія земли. Но причиною тому было, можетъ быть, поджиданіе идущихъ прямо чрезъ Польшу другихъ нашихъ войскъ, а особливо новаго или такъ-называемаго обзерваціоннаго корпуса, который шелъ весьма медлительными стопами. Но какъ бы то ни было, но армія наша стояла до самаго почти іюня праздно и ничего не дѣлала, и не прежде выступила въ походъ, какъ въ исходѣ мая, но и тутъ дошла только до мѣстечка Коница и остановившись, опять нѣсколько недѣль простояла.

Въ семъ мѣстѣ соединилась, наконецъ, вся армія вмѣстѣ, и генералъ Ферморъ, отдѣливъ особый корпусъ, подъ командою графа Румянцова, для впаденія въ прусскую Померанію, самъ поворотилъ влѣво и пошелъ со всею арміею въ Малую Польшу и чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ польскій городъ Познань.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, передовыя наши войска отправленнаго въ Померанію корпуса, подъ командою генералъ-майора Демику, вступили въ предѣлы Помераніи при мѣстечкѣ Рацебурѣ, неподалеку отъ городка Нейштетина. Въ семъ городкѣ поставленъ былъ отъ прусаковъ одинъ ротмистръ, съ нѣсколькими десятками гусаръ и драгунъ, для примѣчанія нашихъ движеній. Онъ хотѣлъ-было захватить одну нашу партію, но самъ охваченъ былъ такъ нашими войсками, что принужденъ былъ три раза прорубаться сквозь нашихъ и съ великою нуждою спасся въ Нейштетинѣ.

Сіе было первоначальное въ сей годъ непріятельское дѣйствіе, и пруссаки не

преминули и въ сей разъ очернить поступки нашихъ войскъ въ глазахъ всего свѣта. Они кричали повсюду, что войска наши, при вшествіи своемъ, и въ сей разъ, въ предѣлы прусскіе, производили безчеловѣчныя варварства и такія жестокости, какія производимы были ими въ минувшемъ году при фельдмаршалѣ Апраксинѣ. По повелѣнію отъ двора ихъ, обнародованы были такія извѣстія, которыя безъ досады читать было не можно. Они писали, что будто бы послѣ вышеупомянутой ошибки, оное мѣстечко Рацебуръ со всѣми сосѣдственными деревнями предано было на расхищеніе казакамъ, и что они не только разграбили оныя и опустошили совершенно, но производили и неслыханныя безчеловѣчія. По словамъ ихъ, сундуки и укладки во всѣхъ домахъ были разломаны, хлѣбъ потоптанъ и потравленъ, рогатый скотъ, овцы и лошади отогнаты въ Польшу и тамъ за безцѣнокъ распроданы, а жители, несмотря хотя они все, что у нихъ ни было, охотно отдавали, немилосердно сѣчены были плетьми и мучены. У ломинскаго пастора Гензеля отрублена была сперва рука, а потомъ застрѣленъ онъ былъ тремя пистолетными пулями. Бурценскаго ландрата Остена и нѣсколькихъ другихъ пасторовъ засѣкли до полусмерти кнутьями, отчего ландратъ и умеръ; а другого Остена, шестидесятипятилѣтняго старика, обвязали соломою и зажегши оную, такъ и оставили, отчего онъ лишился жизни. Безчинія же, дѣлаемыя надъ женщинами всякаго состоянія и возраста, неудобоизобразимы, и такъ далѣе. «Опустошивъ симъ образомъ—продолжали сіи извѣстія говорить далѣе—половину Нейштетинскаго уѣзда, сей корпусъ продолжалъ свой походъ до Драггеймскаго Господства въ Неймаркѣ, и опустошилъ такимъ же образомъ помянутое господство вмѣстѣ съ Драмбургскимъ и Арендсвальскимъ уѣздомъ въ Неймаркѣ. Но какъ скоро увѣдомились они, что идутъ противъ ихъ нѣкоторыя отправленныя изъ Кистрина войска, то отступили чрезъ Драгу рѣку назадъ въ Польшу и испытывали только тамъ дѣлать набѣги, гдѣ не уповали они найдти себѣ противоборство».

Вотъ какимъ образомъ писали о насъ пруссаки и, можетъ быть, имѣли къ тому и причину, ибо за казаковъ нашихъ поручиться никому не можно. Однако и то правда, что никто такъ безстыдно не умѣлъ лгать, какъ пруссаки, и что имъ уже не въ диковинку было сплетать иногда сущія лжи или, по крайней мѣрѣ, изъ каждой мухи дѣлать слона. Но я, оставя сіе, возвращусь къ продолженію исторіи.

Главная наша армія, простоявъ дней десять въ Познани и приготовившись совсѣмъ ко вступленію въ непріятельскую землю, выступила, наконецъ, 1-го числа іюля въ походъ и пошла прямо въ Шлезію, направляя походъ свой къ прусскому городу Франкфурту, что́ на рѣкѣ Одерѣ. Разныя небольшія непріятельскія партіи встрѣтили ее тотчасъ при вступленіи въ предѣлы прусскіе, и наши передовыя войска принуждены были безпрерывно съ ними сражаться. Ибо какъ скоро получено было королемъ извѣстіе о приближеніи къ границамъ нашей арміи, то велѣно было отъ него генералу графу Дона оставить обложеніе шведскаго города Стральзунда и поспѣшать къ тому мѣсту, гдѣ мы намѣрены были войтить, и стараться дѣлать намъ въ походѣ возможнѣйшую остановку и помѣшательство, и всячески защищать страну сію отъ войскъ нашихъ. Сей генералъ, имѣя небольшой корпусъ, расположился за рѣкою Одеромъ при Франкфуртѣ, и, для дѣланія намъ остановокъ и препятствія, отправилъ съ отрядомъ генераловъ Каница, Малаховскаго и Платена, и сіи не преминули учинить все, что только имъ возможно было. Но какъ отряды ихъ были слишкомъ малы, то и не могли они ничего важнаго произвесть противъ столь многочисленной арміи, какова была тогда наша. Они хотя и старались засѣдать въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, чрезъ которыя намъ итти надлежало, равно какъ и при переправахъ чрезъ нѣкоторыя рѣки дѣлать намъ препятствія и безпокойство, но съ урономъ принуждены были всегда

уступать слишкомъ превосходящей ихъ силѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ графъ Дона съ корпусомъ своимъ взялъ при Франкфуртѣ такую позицію, что нашей арміи не можно было съ удобностью въ семъ мѣстѣ переправиться черезъ большую рѣку Одеръ такъ, какъ армія была сперва намѣрена, то графъ Ферморъ рѣшился вытитить опять изъ предѣловъ Шлезіи, въ которые-было онъ вошелъ и, поворотивъ вправо, вступить въ предѣлы Марxіи Бранденбургской и, переправившись опять чрезъ рѣку Варту, итти чрезъ Ландсбергъ къ прусской крѣпости Кюстрину, посреди почти рѣки Одера построенной, и стараться овладѣть сею крѣпостью, чтобы тутъ удобнѣе было чрезъ помянутую рѣку Одеръ переправиться. Генерала же графа Румянцова съ особливымъ корпусомъ, состоящимъ наиболѣе изъ одной конницы, отправилъ онъ далѣе вправо къ Старгарду, чтобы искать переправы чрезъ Одеръ еще ниже и въ другомъ мѣстѣ. Тако расположась, выступилъ онъ въ исходѣ іюля въ обратный походъ изъ Кёнигсвальда и шелъ съ толикимъ поспѣшеніемъ, что 3-го числа августа дошелъ до деревни Гросъ-Камина, отстоящей отъ Кюстрина на одну только милю, и расположился тутъ лагеремъ.

Не успѣлъ онъ приттить въ сіе мѣсто, какъ опредѣлено было на другой же день учинить на Кюстринъ нападеніе. Крѣпость сія, построенная за 200 лѣтъ до сего времени, не имѣла съ сей стороны никакихъ наружныхъ укрѣпленій. Она окружена была съ одной стороны рѣкою Одеромъ, а съ другой—то-есть съ нашей, топкимъ болотомъ, но которое, однако, не такъ было широко, чтобъ не можно было намъ ее бомбандировать. Совсѣмъ тѣмъ почиталась она весьма важною и крѣпкою крѣпостью, въ которой надеждѣ и свезли въ оную жители всѣхъ тамошнихъ окрестностей наилучшіе свои пожитки и имѣнія, для безопаснѣйшаго сбереженія.

Для аттакованія оной отправленъ былъ генералъ Штоффель съ авангардомъ, состоящимъ изъ 2,000 гренадеръ и нѣкотораго количества легкихъ войскъ. Сей генералъ, пришедъ предъ крѣпость и предмѣстіе оной, увидѣлъ, противъ всякаго чаянія своего, цѣлый корпусъ прусскихъ войскъ, предъ болотомъ, отдѣлявшимъ городъ отъ форштата, поставленный и тысячъ до шести простирающійся. Таковое видѣніе его сперва остановило и принудило нѣсколько назадъ отступить; но генералъ Ферморъ, пріѣхавшій самъ вслѣдъ за симъ генераломъ, велѣлъ тотчасъ помянутымъ грепадерамъ приступить къ самому жилу форштата, и въ тотъ же моментъ привезть пушки, и поставивъ на чистомъ полѣ, не дѣлая никакихъ траншей и батарей, произвесть прежесточайшую пальбу по мостамъ, отдѣляющимъ городъ отъ форштатовъ. А въ самое то время грепадерамъ напасть съ такою фуріею на прусскія войска, что сіи принуждены были съ превеличайшимъ безпорядкомъ бѣжать и спасаться по мостамъ въ городъ.

Между тѣмъ вся армія послѣдовала вслѣдъ за симъ авангардомъ и пришедъ подъ крѣпость, расположилась передъ оною. И какъ имѣли мы тогда изящную артиллерію, то графъ Ферморъ, ни минуты не медля, приказалъ ей нажесточайшимъ образомъ бомбандировать. Сіе произведено было артиллеристами нашими съ такимъ искусствомъ, что съ третьей бомбы городъ сей загорѣлся и въ нѣсколько часовъ превратился въ пепелъ. Сіе особливое несчастіе сему городу случилось 2-го числа августа, и произошло болѣе оттого, что помянутой роковой бомбѣ случилось упасть въ магазинъ, наполненный соломою, и недалеко отъ порохового погреба находившійся. Отчего произошелъ столь ужасный пожаръ, что не только все строеніе въ городѣ превращено было, менѣе нежели въ 6 часовъ, въ пепелъ, но и сами жители насилу успѣли спастись на ту сторону рѣки Одера, откуда принуждены были видѣть всѣ дома и имѣнія свои пожираемыя пламенемъ.

Состояніе, въ какомъ находились тогда несчастные жители сего города, было по справедливости ужасно и плачевно.

Нѣкто изъ нихъ изобразилъ опое въ письмѣ своемъ изъ Берлина наиживѣйшими красками; и какъ изъ письма сего можно всего яснѣе усмотрѣть, въ какомъ жалкомъ положеніи находились тогда сіи несчастные люди, то сообщу я вамъ его отъ слова до слова.

«Я увѣдомляю васъ чрезъ сіе, — говоритъ онъ, — о плачевной гибели города Кюстрина и о жестокомъ жребіи, поразившемъ всѣхъ жителей сего разореннаго мѣста и принудившемъ меня взять сюда мое прибѣжище съ такимъ расположеніемъ духа, которой сообразенъ сему случаю. 2-го числа сего мѣсяца, въ три часа послѣ полудни, загремѣлъ у насъ по всему городу слухъ, что русскіе гусары и казаки показались на нашихъ городскихъ поляхъ предъ короткою плотиною. Слухъ сей привелъ весь городъ тѣмъ въ вящее движеніе, что уже извѣстно было о россійской арміи, что вся она, перемѣнивъ свой походъ и повернувъ на Ландсбергъ, приближалась къ Кюстрину. Съ башенъ, колоколень и валовъ городскихъ видны были, между гусарами и казаками, нѣкоторые отличнаго достоинства люди, разъѣзжающіе на англійскихъ и покрытыхъ сѣтками лошадяхъ и смотрящіе на городъ въ подзорныя трубки. Но какъ съ крѣпости учинено было по нихъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, то удалились они опять. О семъ произшествіи донесено было тотчасъ стоящему при Франкфуртѣ графу Дона и прошено о умноженіи гарнизона въ крѣпости, что тотчасъ и учинено было, и вмѣстѣ съ симъ присланъ былъ и новый комендантъ, полковникъ Шакъ.

«3-го числа получено было извѣстіе, что генералъ Ферморъ въ тотъ день со многими другими генералами обѣдалъ въ Вицѣ, за двѣ мили отъ Кюстрина, и что было у нихъ разговариваемо о вчерашнемъ рекогносцированіи, о положеніи крѣпости, о дѣланіи батарей и о томъ, что̀ предпринимать въ послѣдующій день. Несмотря на то, въ Кюстринѣ не чувствовали мы еще никакого страха и спали въ сію ночь покойно, покуда не разбудила насъ поутру, въ 4 часа, перестрѣлка нашихъ гусаръ съ непріятельскими, и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы взбѣжали на башни и увидѣли все поле за нашимъ форштатомъ до самаго лѣса покрытое непріятельскими и нашими легкими войсками, стрѣляющими другъ въ друга. Но около десятаго часа увидѣли мы, въ подзорную трубку, превеликую колонну непріятельской пѣхоты, идущую отъ Тамзеля и Варнику къ нашей виноградной горѣ. Не успѣла она приблизиться къ сей горѣ, какъ, поставивъ на ней свои пушки, начала производить изъ нихъ столь жестокую стрѣльбу картечами по нашимъ гусарамъ, что они вмѣстѣ съ прочими нашими войсками принуждены были съ великою поспѣшностью ретироваться въ крѣпость. Послѣ чего не прошло еще и получаса времени, какъ непріятели кинули къ намъ такое множество бомбъ и карказовъ, что городъ нашъ тотчасъ въ трехъ мѣстахъ загорѣлся и огонь, по причинѣ тѣснаго и сплошного строенія, такъ усилился, что не можно уже было никакъ его потушить. Сіе и продолжавшееся безпрерывно летаніе бомбъ, привело всѣхъ жителей въ такой страхъ и изумленіе, что всѣ начали помышлять о спасеніи только единой своей жизни и о ушествіи въ поле.

«Сихъ бомбъ и зажигательныхъ ядеръ было такъ много, что, казалось, будто бы все небо разверзлось и сниспустило на насъ дождь огненный, и оттого повсюду, куда ни обращались взоры, видимы были обрушивающіеся дома и побивающіе своихъ хозяевъ. О погашеніи сего пожара не можно было никому и мыслить, а всѣ, кто только могъ имѣть движеніе, обратились въ бѣгство. Самые младенцы у грудей своихъ отчаянныхъ матерей, самые больные, лежавшіе въ своихъ постеляхъ, едва имѣли время, бросивъ все и, полуобнаженными, уйтить изъ погибающаго города. Единый стонъ и жалостные вопли и рыданія слышны были отовсюду, а особливо отъ перебѣжавшихъ за рѣку Одеръ и видѣвшихъ оттуда огнь и дымъ, снѣдающій все ихъ имѣніе и пожитки и уно-

сящій съ собою въ облака. Премногое-множество погибло тогда людей въ самомъ огнѣ и пламени. Множество другихъ подавлено обрушившимися домами и задохлось въ погребахъ, гдѣ они отъ бомбъ себѣ спасенія искали. Я самъ едва могъ имѣть столько времени, чтобъ накинуть на себя платье, какъ бомбы уже надъ главою моею съ страшнымъ трескомъ разсѣдались. Тогда не оставалось иного думать, какъ спасать только жену свою и дѣтей. Они поскакали съ постелей своихъ и такъ, какъ спали, полуобнаженныя, принуждены были спѣшить за мною и покидать все наше имѣніе и достатокъ въ жертву огню и пламени. Мы не успѣли еще добѣжать до площади, какъ одна бомба, упадшая предъ ногами нашими, повергла насъ на землю и съ преужаснымъ трескомъ разсѣлась. По счастію черепы ея насъ не повредили. Весь народъ стремился и бѣжалъ за ворота, и всякой поспѣшалъ спасать себя въ томъ, въ чемъ былъ, и покидая все, что ни было у него на свѣтѣ. Нѣсколько сотъ послѣдовало за нами, такими-жъ полуобнаженными, какъ мы были, и оставляли дома свои, и въ нихъ многіе по нѣскольку тысячъ денегъ. Мы потеряли все, и мнѣ удалось только спасти одну жизнь свою и своихъ домашнихъ, и я благодарю и за то еще Бога.

«Несчастными сдѣлались не одни мы, жители сего города, но и многіе пріѣзжіе, убѣжавшіе къ намъ въ городъ съ наилучшими своими пожитками, и погибло при семъ случаѣ и множество церковныхъ утварей, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ сюда для сохраненія. Сверхъ того, не находимъ мы и многихъ людей и не знаемъ, куда они дѣлись. Зной и жаръ отъ огня и пламени былъ такъ великъ, что растопились отъ него даже самыя пушки въ цейггаузѣ. Мостъ, сдѣланный черезъ рѣку Одеръ, сгорѣлъ весь, и даже самые быки, сдѣланныя для удержанія льда, обгорѣли по самую воду. Однимъ словомъ, зрѣлище было наиужаснѣйшее и такое, что я сумнѣваюсь, былъ ли подобный тому примѣръ со временъ разоренія Трои и Іерусалима въ свѣтѣ, чтобъ городъ погибъ столь страшнымъ и плачевнымъ образомъ въ немногіе часы и проглощенъ былъ огнемъ и пламенемъ. Совсѣмъ тѣмъ, городскіе валы и укрѣпленія остались цѣлы и невредимы».

Вотъ какимъ образомъ погибъ сей прусскій городъ отъ жестокаго нашего бомбандированія. Но какъ сгорѣли только одни домы, а укрѣпленія остались цѣлыми, и гарнизонъ, несмотря на то и на всѣ наши многократныя требованія и дѣлаемыя ему возможнѣйшія угрозы, не хотѣлъ никакъ сдаваться, то и принуждены были наши послѣ того начать формальную осаду; а о семъ, столь удачномъ и скоропостижномъ сожженіи сего города, отправленъ былъ нарочный курьеръ съ увѣдомленіемъ ко двору.

Но письмо мое такъ уже увеличилось, что время оное уже и кончить, а повѣствованіе о дальнѣйшихъ произшествіяхъ предоставить будущему, то и окончу оное, сказавъ вамъ, что я есмь всегда васъ почитающимъ вашъ и прочая.

БИТВА ЦОРНДОРФСКАЯ.

Письмо 66-е.

Любезный пріятель! Помянутое сожженіе Кюстрина надѣлало тогда много шума въ свѣтѣ. Многіе пасъ винили за таковое невинное разореніе бѣдныхъ жителей, а другіе извиняли введеннымъ уже въ свѣтѣ военнымъ обыкновеніемъ, позволяющимъ уже таковыя дѣйствія. Что касается до насъ, находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ, то мы, получая почти ежедневно обо всѣхъ произшествіяхъ въ арміи извѣстія, услышавъ о семъ, не могли, чтобъ не порадоваться сему приключенію, ибо всѣ мы не сомнѣвались, что, претерпѣвъ такое бѣдствіе, не можно будетъ сему городу долго держаться, но оный принужденъ будетъ скоро сдаться. Не могу изобразить вамъ, съ какою нетерпѣливостью дожидались мы послѣ того всякій день курьера, ѣдущаго съ ключами города Кюстрина ко двору; ибо столь удостовѣрены

были мы, что сей городъ скоро будетъ въ рукахъ нашихъ. Однако, судьбѣ угодно было опредѣлить инако: и произвесть то́, чего мы всего меньше ожидали.

Неусѣло нѣсколько дней пройтить, какъ проскакалъ черезъ Кёнигсбергъ курьеромъ ко двору полковникъ Розенъ. Всѣ мы съ крайнимъ любопытствомъ старались тогда узнать, съ какимъ бы извѣстіемъ онъ ѣхалъ, и услышали, что онъ отправленъ былъ съ извѣстіемъ о бывшей у нашихъ съ пруссаками прежестокой баталіи, о которой хотя и говорили, что будто наши ее выиграли и надъ пруссаками одержали побѣду, но видъ сего полковника показался намъ столь невеселымъ и унылымъ, что мы не знали, что́ думать, и начинали уже имѣть нѣкоторое сомнѣніе. Въ сей неизвѣстности находились мы не болѣе двухъ или трехъ дней, то-есть покуда пришла почта и привезла намъ берлинскія газеты. Но вообразите себѣ, любезный пріятель, какова была наша досада и сожалѣніе, когда мы увидѣли изъ оныхъ, что наша армія имѣла дѣло съ самимъ королемъ и что будто имъ разбита на-голову, такъ что число однихъ побитыхъ у насъ простиралось до 20 тысячъ человѣкъ, и что взяли они у насъ 103 пушки, 27 знаменъ и всю походную казну, простирающуюся до 85 тысячъ рублей. Обомлѣли мы сіе читая; но всего уже несноснѣй для насъ было то, что о своемъ уронѣ писали они, будто оный побитыми простирается не болѣе, какъ до 563 человѣкъ. Такая безстыдная ложь была слишкомъ очевидна. «Умилосердитесь, государи мои,—говорилъ я тѣмъ, которые тому вѣрили,—неужели наши рукъ не имѣли и сами только шеи протягивали и давали себя рубить безъ всякой обороны? Сами же они говорятъ что баталія цѣлый день продолжалась и была нажесточайшая. Какимъ же образомъ уронъ съ обѣихъ сторонъ таковъ уже слишкомъ несоразмѣренъ? Нѣтъ, говорилъ я далѣе, дѣло, конечно, было, но какъ-нибудь да не такъ, а происходило иначе».

Сіе и дѣйствительно насъ нѣсколько утѣшало; а вскорѣ послѣ того оказалось, что предъугадываніе мое было въ самомъ дѣлѣ справедливо, и побѣда сія далеко не такова для пруссаковъ была велика, какъ они сперва расхвастались. Но дабы могли вы яснѣйшее понятіе имѣть о сей нашей славной и достопамятной битвѣ, то разскажу я вамъ все произшествіе опой обстоятельнѣе.

Какъ скоро армія наша вышеупомянутымъ образомъ къ границамъ бранденбургскимъ приближилась и въ оныя вступила, то дано было о семъ тотчасъ знать королю прусскому. Сей находился тогда въ Богеміи и вознамѣревался итти къ Прагѣ для овладѣнія симъ столичнымъ богемскимъ городомъ. Ничто не могло тогда быть досаднѣе для короля прусскаго извѣстія сего, а особливо приносимыхъ жалобъ на дѣлаемыя нами разоренія и опустошенія. Голова его наполнена была пышными замыслами, а сердце надеждами получить надъ цесарцами великія выгоды; и посреди самыхъ сихъ дальновидныхъ замысловъ видѣлъ онъ себя принужденнымъ, оставивъ все, скакать скорѣе къ намъ и стараться защитить самое сердце государства своего отъ нападенія нашего. Къ вящему усугубленію досады его, получилъ онъ извѣстіе, что и самые шведы, освободившись отъ обложенія въ Штральзундѣ, вошли безпрепятственно въ его предѣлы и приближались уже къ самому столичному его городу Берлину. Все сіе принудило его, подхвативъ 14 батальйоновъ пѣхоты и 33 эскадрона конницы, не итти, а бѣжать на защищеніе своей Бранденбургіи. Скорость шествія сего была такъ велика, что онъ въ двѣ недѣли перешелъ болѣе 120 миль, или около 900 верстъ, и, къ особливому несчастію нашему, успѣлъ еще поспѣть къ Кюстрину благовременно. Онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ-на-Одерѣ въ самое то время, когда наши осаждали Кюстринъ, и всѣ пушечные наши выстрѣлы были тамъ слышаны. Досада его была такъ велика, что онъ, остановясь тутъ ночевать и смотря, стоючи на крыльцѣ одного дома, на про-

ходящія мимо его войска, стоялъ какъ изумленный и только-что нюхалъ табакъ при каждомъ услышанномъ имъ выстрѣлѣ нашемъ. Когда же онъ пріѣхалъ въ Кюстринъ и, увидѣвъ жалкое его состояніе, узналъ, что при защищеніи сей крѣпости учинены были комендантомъ великія погрѣшности, и сей, видя его гнѣвъ, сталъ извиняться, то онъ такъ былъ раздосадованъ, что коменданту сказалъ: «Не на тебя я досадую, а на себя, что тебя сдѣлалъ комендантомъ».

Симъ образомъ ярясь и пылая на насъ мщеніемъ, не сталъ онъ ни минуты медлить, но, соединившись тутъ съ войсками графа Дона, положилъ, перешедъ рѣку, тотчасъ на насъ напасть. Но какъ въ самомъ Кюстринѣ, за сгорѣніемъ моста, перейтить было не можно, то избралъ онъ для переправы себѣ другое и за нѣсколько верстъ ниже Кюстрина мѣсто. Тутъ въ одинъ мигъ поспѣлъ у него мостъ и онъ, воспользуясь нашею оплошностью и небреженіемъ сего мѣста, переправилъ всю армію свою въ одну ночь и столь удачно, что наши не успѣли сдѣлать ему въ томъ ни малѣйшаго помѣшательства, и онъ не только не потерялъ притомъ ни одного человѣка, но и отрѣзалъ насъ чрезъ то отъ румянцовскаго корпуса, находившагося далѣе внизъ по рѣкѣ Одерѣ и въ довольномъ отъ арміи разстояніи.

Не успѣлъ онъ важную сію преграду перейтить, какъ, пользуясь всякою минутою и не давая намъ время къ принятію его надлежащимъ образомъ приготовиться, пошелъ съ обыкновеннымъ своимъ проворствомъ и скоростью тотъ же часъ для атакованія нашей арміи. Онъ не инако думалъ, что, нашедъ насъ въ безпорядкѣ, побьетъ онъ всѣхъ насъ; какъ свиней, и надѣялся сего тѣмъ наиболѣе, что тогдашняя армія его была немногимъ чѣмъ меньше нашей. Однако въ семъ своемъ мнѣніи онъ обманулся. Генералъ Ферморъ, предусмотрѣвъ намѣреніе королевское, успѣлъ отойтить благовременно отъ города и стать въ весьма выгодномъ мѣстѣ въ ордеръ баталіи. Весь фрунтъ нашъ прикрытъ былъ топкимъ ручьемъ, а фланги прикрывали деревни Кварченъ и Цикеръ, и вся армія поставлена была большимъ кареемъ или четвероугольникомъ. Король обрадовался, нашедъ ее въ таковомъ положеніи. Онъ почиталъ такія расположенія войскъ къ баталіи изъ всѣхъ наихудшими, ибо какъ вся внутренность таковаго каре или четвероугольника напичкана была и повозками, и конницею, и самыми нужнѣйшими обозами, то все сіе не только дѣлало крайнее помѣшательство въ движеніяхъ войскъ во время сраженія, но имѣло то выгодное для непріятеля послѣдствіе, что изъ всѣхъ его ядеръ не пропадало ни единаго, но каждое производило вредъ, влетая въ сію огромную кучу народа, и когда пролетало безъ вреда чрезъ передній фрунтъ, такъ попадало въ конницу и обозы внутри каре и ихъ раздробляло; почему и не удивительно, что въ сію баталію одному непріятельскому ядру случилось въ одномъ нашемъ гренадерскомъ полку цѣлыхъ 48 человѣкъ побить и переранить. А какое смятеніе производили сіи ядра въ помянутыхъ внутри каре бывшихъ обозахъ, того изобразить не можно.

Не успѣли пруссаки начать изъ артиллеріи своей производить по нашему фрунту прежестокую пальбу, а особливо изъ большихъ пушекъ, какъ ядра ихъ и начали вскорѣ ящики, фуры и другія повозки коверкать, опрокидывать, разрывать и приводить въ неописанное замѣшательство; а какъ лошади, оторвавшіяся отъ многихъ, перебѣсились и скакали прямо на фрунтъ и въ ряды, то сіе увеличило еще болѣе и до того сдѣлавшееся смятеніе и безпорядокъ, что командиры наши увидѣли тогда, но уже поздно, что они сдѣлали очень худо. Чтобъ пособить сему злу сколько-нибудь, встрянулись они только тогда гнать всѣ сіи лишнія тягости и обозы вонъ изъ каре; но тѣмъ еще болѣе все дѣло испортили и такъ себѣ связали руки, что какъ въ самое время король прусскій сталъ обходить наше правое крыло, чтобъ уда-

рить въ пасъ, по обыкновенію своему, косою линіею во флангъ, а надѣясь навѣрное насъ разбить, восхотѣлъ, для совершеннаго насъ погубленія, сдѣлать намъ и самую ретираду невозможною, и для того предварительно послалъ легкія свои войска и велѣлъ всѣ бывшіе позади нашей арміи мосты и гати черезъ рѣчки, ручьи и болота разорить и перепортить, и выгнатые изъ каре, наши обозы, пашедъ ихъ разореннымі, принуждены были остановиться, и надвинуло ихъ туда превелпкое множество, то отъ самаго того и произошла страшная и такая сумятица, что командиры наши хотя и видѣли тогда, что надлежало скорѣй позицію своего войска перемѣнить, по сіе было уже поздно и невозможно, ибо король, не упуская ни одной минуты, атаковалъ съ величайшимъ усиліемъ и поспѣшностью наше правое крыло и принудилъ тѣмъ ко вступленію въ сраженіе, отчего и загорѣлся тогда вдругъ прежесточайшій огонь, какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мелкаго ружья.

У насъ случилось тогда на семъ флангѣ стоять, такъ-называемому, новому шуваловскому или обсерваціонному корпусу, составленному хотя изъ наилучшихъ, но никогда въ дѣлѣ и огнѣ небывавшихъ людей. Совсѣмъ тѣмъ выдержалъ оный всю жестокую прусскую пальбу съ наивозможнѣйшею храбростью, и удержалъ все стремленіе на себя прусскихъ гренадеръ, такъ что они принуждены были сперва остановиться; но какъ въ самое то время конница паша, увидѣвъ обпажившійся прусскій лѣвый флангъ, пустилась на оный и храбро въ него врубилась, то и разстроиться и податься назадъ. Не успѣлъ Ферморъ сіе увидѣть, какъ, сочтя сіе, хотя и слишкомъ еще рано, совершенною побѣдою, велѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвать фрунтъ своего карея для пропущенія конницы, посланной отъ него для преслѣдованія бѣгущихъ; но сіе и испортило все дѣло. Ибо какъ она съ превеликимъ крикомъ и воплемъ поскакала и произвела собою страшную пыль и сію, къ несчастію, вмѣстѣ съ дымомъ несло вѣтромъ на нашу вторую линію и произошла оттого такая темнота, что ничего вблизи было не видно— то помянутая вторая наша линія, сочтя ее непріятельскою, произвела по ней сильную стрѣльбу сзади, а подоспѣвшій на подкрѣпленіе прусскимъ отступающимъ войскамъ храбрый генералъ ихъ Зейдлицъ, съ своею конницею, встрѣтилъ ее спереди и съ превеликимъ стремленіемъ ударилъ на нее тремя колоннами, то въ мигъ была она не только опрокинута, но доведена до того, что она поскакала на собственную свою пѣхоту; а въ самое то время напалъ на нашу пѣхоту сбока и другой еще корпусъ прусской конницы, то и произошла оттого тутъ совершенная разстройка, и какъ въ пыли и въ дыму наши перемѣшались совсѣмъ съ непріятелями, то и началось такое убивственное сраженіе, котораго никакое перо изобразить не въ состояніи.

Пруссаки, которымъ всѣмъ предъ началомъ еще сраженія накрѣпко подтверждено было не давать никому пощады, рубили всѣхъ, до кого могли только достигать ихъ сабли, безъ всякаго милосердія и съ такою запальчивостью, что ихъ самое пламя горѣвшей тогда деревни Цорндорфа не могло никакъ удержать; но нѣсколько полковъ прусскихъ драгунъ, проскакавъ сквозь пламень, напали также на нашу пѣхоту и производили убивство, а храбрый генералъ ихъ Зейдлицъ, разбивши нашу конницу и кончивъ это дѣло, предпрялъ другое и почти до того неслыханное дѣло. Онъ, схватя свой кирасирскій полкъ, напалъ, съ саблями въ рукахъ, на нашу главную батарею, изъ большихъ пушекъ составленную, и, овладѣвъ оною, пустился также на пѣхоту, и какъ симъ образомъ была она и спереди и сзади и съ боковъ атакована и поражаема немилосердымъ образомъ, то и неудивительно, что не помогла ей вся ея храбрость, но все наше правое крыло приведено тѣмъ въ разстройку, и въ такой безпорядокъ, что не было тогда уже ни фрунта, ни линій, но солдаты, раздробившись врозпь, уже кучками перестрѣ-

ливались съ пруссаками и не столько уже дрались, какъ оборонялись и жизнь свою продавали непріятелямъ своимъ очень дорого. Сами пруссаки говорятъ, что имъ представилось тогда такое зрѣлище, какого они никогда еще не видывали. Они видѣли вездѣ россіянъ малыми и большими кучками и толпами, стоящихъ по разстрѣляніи всѣхъ патроновъ своихъ, какъ каменныхъ, и обороняющихся до послѣдней капли крови, и что имъ легче было ихъ убивать, нежели обращать въ бѣгство. Многіе, будучи прострѣлены насквозь, не переставали держаться на ногахъ и до тѣхъ поръ драться, покуда могли ихъ держать на себѣ ноги; иные, потерявъ руку и ногу, лежали уже на землѣ, а не преставали еще другою и здоровою еще рукою обороняться и вредить своимъ непріятелямъ, и никто изъ всѣхъ не просилъ себѣ почти пощады. Съ толикимъ остервенѣніемъ дрались съ обѣихъ сторонъ въ эту кропролитную битву.

А ко всему тому присовокупилось еще и другое несчастіе. Какъ помянутымъ образомъ все наше правое крыло было спутано и разбито и многіе загнаты были въ болоты и прогнаты до самаго обоза, то солдаты наши бросились на попавшіяся имъ на глаза маркитантскія бочки съ виномъ и, разгромя оныя, пили какъ скоты вино сіе и упивались имъ до безпамятства. Тщетно разбивали офицеры и начальники ихъ сіи бочки и выпускали вино на землю, солдаты ложились на землю и сосали сей милый для себя напитокъ изъ земли самой. И сколько померло ихъ тутъ отъ вина одного, сколько погибло отъ единаго остервенѣнія виномъ симъ, въ нихъ произведеннаго. Многіе въ безпамятствѣ бросались на собственныхъ офицеровъ своихъ и ихъ убивали, другіе, какъ бѣшеные и сумасшедшіе бродили куды зря и не слушали никого, кто-бъ имъ что ни приказывалъ.

Вотъ что происходило на нашемъ правомъ крылѣ и какъ дрались тутъ съ самаго утра до половины дня; но на лѣвомъ до сего времени не происходило еще ничего, но теперь дошла и до него очередь. Пруссаки атаковали и оное, но нашли тутъ уже не новокорпусныхъ, а старые полки и людей, видавшихъ уже непріятеля, и потому не только не въ силахъ были ихъ сломить, но и сами еще ими были опрокинуты и обращены въ бѣгство. Уже бѣжали они при глазахъ самаго короля своего какъ скоты, и наши гнали и побивали ихъ безъ милосердія; уже загнали они ихъ въ болото и овладѣли ихъ батареею; уже недостаетъ очень малаго къ тому, чтобъ произойтить въ семъ дѣлѣ великому и для ихъ крайне невыгодному перевороту; уже побѣда начала совсѣмъ склоняться на нашу сторону; уже находился самъ король въ такой опасности, что подлѣ самого его побиты были его пажи, а одинъ изъ адъютантовъ его взятъ въ полонъ и онъ самъ уже отчаявался совсѣмъ въ побѣдѣ — какъ вдругъ скачетъ и сюда тотъ же Зейдлицъ съ своею конницею, и не только останавливаетъ нашихъ въ стремленіи, но и своихъ бѣгущихъ, и возобновляетъ опять всю жестокость сраженія. Онъ выдерживаетъ всю жестокую картечную и оружейную стрѣльбу, по немъ производимую, но нападаетъ и самъ потомъ на нашу конницу. Разстроившаяся ихъ пѣхота опять строится и, ободрившись, подкрѣпляетъ его въ нападеніи и возобновляетъ съ нами опять бой. А все сіе и произвело и на семъ крылѣ такое же убивственное и безпорядочное сраженіе, какое было на правомъ нашемъ крылѣ и остервенѣніе съ обѣихъ сторонъ было притомъ такъ велико, что найденъ былъ одинъ изъ нашихъ воиновъ, который, будучи самъ смертельно уже раненъ, лежалъ на умирающемъ также отъ ранъ пруссакѣ, и грызъ его своими зубами, и что, наконецъ, дошло до того, что съ обѣихъ сторонъ разстрѣлянъ былъ уже весь порохъ и стали драться на шпагахъ и штыкахъ и продолжали такъ, покуда наступившая ночь сему взаимному убивству положила предѣлы, и принудила какъ насъ, такъ и пруссаковъ, выбив-

шихся уже изъ силъ, взять отдохновеніе. И тогда увидѣли, что обѣ арміи въ дыму и во мракѣ фрунтами своими перевернувшись стали на мѣстѣ баталіи поперегъ такимъ образомъ, что половина побитыхъ и раненыхъ осталась у насъ, а другая у пруссаковъ и множество пушекъ нашихъ досталось въ руки пруссакамъ, а не малое число прусскихъ досталось намъ; а сіе и было причиною, что обѣ стороны имѣли нѣкоторое право приписывать себѣ побѣду, а въ самомъ дѣлѣ почти никто никого не побѣдилъ.

Совсѣмъ тѣмъ, мы на семъ жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи потеряли болѣе, нежели пруссаки. Они потеряли убитыми не болѣе 3,400 человѣкъ, да ранеными 7,000 и въ полонъ попавшимися до 2,000, всего съ небольшимъ 12 тысячъ, да въ добычу нами получено 26 пушекъ и нѣсколько знаменъ. А мы убитыми одними потеряли до 10,000, да ранеными и въ полонъ попавшими столько-жъ, такъ что весь уронъ нашъ простирался до 21 тысячи, въ томъ числѣ множество генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; изъ пушекъ же потеряли мы болѣе ста, а знаменъ 37. И все сіе произошло оттого, что разъяренный, злобою на насъ, король прусскій при началѣ еще сраженія накрѣпко приказалъ не щадить насъ ни мало.

Впрочемъ, несчастіе сіе приписывалось наиболѣе толь славному нашему обсерваціонному корпусу, который, не только первый дрогнулъ, но кинувшись на бочки съ виномъ, и разбивъ оныя, напился пьянъ и пошелъ послѣ бурлить безъ всякаго порядка и стрѣлять безъ всякаго разбора, и по своимъ, и по непріятелямъ. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что генералы наши потеряли всю команду и вмѣсто того, чтобъ устроивать войска, принуждены были сами помышлять о спасеніи своей жизни. И какъ наши войска съ вражескими такъ были перемѣшаны, что никто не зналъ куда бѣжать, и гдѣ собираться, то и не удивительно, что лучшіе и ретивѣйшіе генералы попались непріятелю въ полонъ. Въ числѣ ихъ находились два генералъ-поручика, Салтыковъ и графъ Чернышевъ, генералъ-майоръ Мантейфель и два бригадира, Тизенгаузенъ и Сиверсъ. Переранено-жъ было множество; но болѣе всѣхъ сожалѣли о генералъ-аншефѣ, старикѣ Броунѣ, который получилъ болѣе 17 ранъ по головѣ.

Всю ночь послѣ сего жестокаго и кровопролитнаго сраженія простояли обѣ арміи на мѣстѣ баталіи подъ ружьемъ и никто не могъ приписать себѣ прямо побѣды. Наутріе начиналась-было опять баталія. Всѣ совѣтовали Фермору на то отважиться и счастливы-бъ мы были, еслибъ онъ сему совѣту послѣдовалъ. Мы могли бъ вѣрно побѣдить и разбить короля совершенно, ибо у него не было уже пороха ни одного почти заряда. Но судьбѣ видно, угодно было, чтобъ славу сего дня получили не мы, а король прусскій. Графъ Ферморъ струсилъ и сдѣлалъ наиглупѣйшее дѣло: онъ написалъ письмо къ непріятельскому генералу Дона и просилъ перемирія на три дня для погребенія мертвыхъ, и чтобъ данъ былъ паспортъ для проѣзду раненому генералу Броуну Таковая необыкновенная и непмѣющая еще себѣ примѣра поступка, возгордила непріятеля. Графъ Дона отвѣтствовалъ ему такимъ же, но горделивѣйшимъ письмомъ. Онъ говорилъ, что какъ король, его государь, одержалъ побѣду, то онъ и будетъ имѣть попеченіе о раненыхъ. И сія досадная, безразсудная и крайне-неблаговременная переписка и послужила послѣ королю прусскому доказательствомъ, что онъ побѣдилъ. Но сего было еще не довольно: но славный нашъ генералъ Ферморъ сдѣлалъ еще того хуже: на мѣсто того, чтобъ испытать еще свои силы, онъ въ сей день отступилъ къ своему вагенбургу и чрезъ то упустилъ изъ рукъ побѣду; а сіе отступленіе наше и подало королю поводъ уже явно утвердить свою побѣду и славиться оною. Совсѣмъ тѣмъ онъ самъ такъ былъ слабъ, что и не помыслилъ за нами гнаться и насъ болѣе безпокоить; но въ тотъ же еще день и

свою армію отвелъ назадъ и самъ возвратился въ Кюстринъ.

Симъ образомъ кончилось славное сіе произшествіе; и хотя не можно того сказать, чтобъ король насъ совершенно побѣдилъ, но вся выгода, по крайней мѣрѣ, отъ сего сраженія осталась на его сторонѣ, ибо наша армія, потерявъ не только множество людей, но всю почти артиллерію и денежную казну, не въ состояніи уже была ничего болѣе предпринимать; и вмѣсто того, чтобъ итти далѣе, принуждена была мало-по-малу отступать далѣе назадъ и наконецъ совсѣмъ возвратиться на прежнія зимнія свои квартиры въ Пруссію, а король прусскій получилъ свободу съ войсками своими возвратиться опять въ Шлезію и поспѣть еще заблаговременно къ удержанію успѣховъ, производимыхъ цесарцами.

Впрочемъ, великимъ поспѣшествованіемъ несчастію нашему служило и то, что армія наша въ дѣлѣ семъ не вся находилась, но превеликой корпусъ оной, подъ командою графа Румянцова и Штофеля, случился за нѣсколько миль въ отдаленіи и не могъ поспѣть къ сраженію. Къ вящему несчастію, обстоятельство не допустило корпусъ сей и на другой день подоспѣть къ главной арміи, въ которой годился бы онъ очень кстати и могъ бы ослабленнаго короля поразить на-голову. Одинъ изъ нашихъ главныхъ генераловъ, а именно князь Александръ Михайловичь Голицынъ, ушедъ съ баталіи, прискакалъ безъ души къ сему корпусу и увѣрилъ оный, что армія наша вся побита на-голову, и что нѣтъ ей никакого спасенія; а сіе и принудило корпусъ сей, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить на мѣсто баталіи, помышлять о собственномъ своемъ спасеніи и о ретирадѣ окольными путями назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставленъ былъ у насъ вагенбургъ. Словомъ, все стеченіе обстоятельствъ было для насъ несчастливое, и единая польза, происшедшая намъ отъ сего сраженія была та, что войска наши прославились на оной неописанною своею храбростью и непреоборимостью. Самъ король ужаснулся, увидѣвъ съ какою непоколебимостью и неустрашимостью дралась наша пѣхота, и пруссаки сами въ реляціяхъ своихъ писали, что насъ легче побивать, нежели принудить къ бѣгству, и что солдаты наши даютъ себя побивать при своихъ пушкахъ и при бочкахъ съ виномъ и что пострѣливанія человѣка насквозь еще недостаточно къ совершенному его низложенію. Словомъ, всѣ пруссаки съ сего времени начали уже иначе думать о нашихъ войскахъ и престали солдатъ нашихъ почитать такими свиньями, какими почитали они ихъ прежде. А мужики такъ были на нихъ злы, что какъ пруссаки согнали ихъ нѣсколько тысячь и заставили рыть ямы и погребать побитыхъ, то метали они въ оныя не только мертвые трупы, но и самыхъ тяжело-раненыхъ, лежащихъ безпомощными на мѣстѣ сраженія и зарывали ихъ живыми въ землю. Тщетно несчастные сіи производили вопли, просили милосердія и съ стенаніями напрягали послѣднія свои силы, стараясь выдраться изъ-подъ мертвыхъ труповъ; но вновь накиданныя на нихъ кучи придавляли опыхъ и лишали послѣдняго дыханія. Сами прусскіе писатели не стыдились замѣчать сіе обстоятельство въ своихъ о войнѣ сей исторіяхъ, равно какъ и ту не слишкомъ похвальную черту самого короля прусскаго, который въ то время, какъ попавшіеся въ плѣнъ наши генералы графъ Чернышевъ, Салтыковъ, Сулковскій и прочіе представлены были послѣ баталіи къ нему, то онъ, кинувъ на нихъ презрительный взоръ и отворотившись отъ нихъ, сказалъ: «У меня Сибири нѣтъ, куда-бъ ихъ можно было мнѣ сослать, такъ бросьте ихъ въ казематы кюстринскіе. Сами они приготовили себѣ такія хорошія квартиры, такъ пускай теперь и постоятъ въ нихъ».

Сіе повелѣніе его было и дѣйствительно выполнено, какъ ни досадовалъ на то и не изъявлялъ неудовольствія своего графъ Чернышевъ коменданту кюстринскому. Онъ спрашивалъ у него: «неужели казематы назначены жилищемъ для полко-

водцевъ»? но комендантъ отвѣтствовалъ ему: «Вы! государь мой, не оставили ни одного дома въ городѣ въ цѣлости, гдѣ вамъ можно было отвесть квартиру, итакъ, должны уже быть довольны сими». Итакъ, какъ они ни сердились, но принуждены были лѣзть въ сіи каменные погреба, сдѣланные подъ городскими валами. Однако пробыли они въ нихъ только нѣсколько дней, и король дозволилъ имъ потомъ нанять себѣ квартиры въ кюстринскомъ форштатѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара.

Съ сего времени до самой зимы не произошло у насъ съ пруссаками ничего важнаго, кромѣ первоначальной осады и бомбандированія померанской приморской крѣпости Кольберга. Въ сію экспедицію отправленъ былъ генералъ-майоръ Пальмбахъ, но и оная была также неудачна. Генералъ сей думалъ устрашить городъ сей такимъ же сожженіемъ, какъ Кюстринъ. Онъ нѣсколько разъ посылалъ требовать сдачи; но какъ ему въ томъ отказано, то хотя цѣлый мѣсяцъ простоялъ и безпрерывно бомбандировалъ, но не могъ ничего крѣпости сей сдѣлать. Всѣ старанія его зажечь ее были безуспѣшны. Почему принужденъ онъ былъ дѣлать траншеи, и хотя ими и нарочито-близко приблизился къ городу, но какъ корпусъ его былъ слишкомъ малъ, то и не могъ онъ отважиться на приступъ; когда же присовокупилось къ тому и то несчастіе, что отправленныя къ нему суда съ провіантомъ и амуниціею на морѣ непогодою разбило и въ провіантѣ сдѣлался ему недостатокъ, то принужденъ онъ былъ наконецъ осаду сію оставить и со стыдомъ отойтить отъ города.

Симъ кончилась въ сей годъ наша противъ пруссаковъ кампанія, которую по справедливости можно почесть несчастною, ибо мы растеряли множество людей, артиллеріи, амуниціи и денегъ, а всѣмъ тѣмъ не произвели ничего и принуждены были съ досадою видѣть, что мы въ надеждѣ своей на господина Фермора обманулись, и что онъ въ практикѣ далеко не столь искусный былъ полководецъ и генералъ, какъ мы сперва думали; ибо послѣ извѣстно стало, что онъ надѣлалъ много погрѣшностей, а сверхъ того поспѣшествовало къ тому много и то, что онъ нелюбимъ былъ всѣми солдатами.

Но не таково окончилась кампанія сего года въ Шлезіи и Саксоніи. Союзникамъ нашимъ, цесарцамъ и французамъ, удалось съ избыткомъ отмстить королю прусскому весь уронъ, причиненный имъ нашей арміи и онъ потерялъ тамъ то, что у насъ выигралъ.

Не успѣли мы тогда съ арміею своею начать отступленіе, какъ король, оставивъ графа Дона съ небольшимъ корпусомъ противъ насъ, а генерала Веделя отправивъ въ Бранденбургію для отогнанія шведовъ, отправился самъ съ великимъ поспѣшеніемъ и съ лучшею частью войскъ помогать брату своему, принцу Гейнриху и избавлять его отъ нужды; ибо надобно знать, что между тѣмъ, какъ король вышеупомянутымъ образомъ ходилъ къ намъ и съ нами имѣлъ дѣло, искусный генералъ Даунъ съ цесарцами былъ не безъ дѣла: онъ, отправивъ генерала Гарша съ 20,000 человѣкъ для осады шлезской крѣпости Нейса, самъ пошелъ прямо въ Саксонію для изгнанія оттуда пруссаковъ. Тамъ находился съ ними принцъ Гейнрихъ, братъ королевскій, и былъ уже утѣсняемъ арміей имперскою. Даунъ хотѣлъ утѣснить его съ другой стороны и, соединившись съ имперскою арміею, выгнать его совсѣмъ изъ Саксоніи и овладѣть столичнымъ городомъ Дрезденомъ. Онъ и произвелъ бы сіе, можетъ быть, въ дѣйство, еслибъ не имѣлъ противъ себя столь искуснаго полководца, каковъ былъ принцъ Гейнрихъ. Сей, несмотря на всѣ усилія обѣихъ цесарскихъ армій къ принужденію его къ баталіи, умѣлъ находить средства убѣгать всякій разъ отъ оной, и разными движеніями и оборотами своими занималъ ихъ столь искусно, что проволочилъ дѣло сіе до тѣхъ поръ, покуда успѣлъ подоспѣть на помощь къ нему самъ король прусскій. Весь свѣтъ удив-

вился опять тогда ужаспому проворству и скорости, съ каковою король прилетѣлъ отъ насъ въ Саксонію, и съ колпкимъ искусствомъ умѣлъ разрушить всѣ замыслы и предпріятія Даупа и имперской арміи; но прославился чрезвычайно притомъ и цесарскій предводитель графъ Даунъ. Всѣ движенія и обороты его были такъ благоразумны, что король хотя и усилился надъ нимъ чрезъ соединеніе съ своимъ братомъ, но не могъ найтить удобнаго случая и мѣста къ атакованію его такъ, какъ ему хотѣлось. Даунъ самъ началъ тогда убѣгать баталіи и становиться въ столь выгодныхъ мѣстахъ, что король не могъ никакъ отважиться на него напасть, что̀ и побудило его перемѣнить свое намѣреніе и, отдѣлившись опять отъ своего брата, поспѣшить въ Шлезію для вспоможенія крѣпости Нейсу. Но не успѣлъ онъ въ сей походъ съ арміею своею отправиться, какъ Даунъ, ни мало не медля, послѣдовалъ за нимъ по стопамъ и умѣлъ спроворить такъ хорошо, что въ одномъ мѣстѣ, опередивъ короля, заманилъ его въ столь тѣсное и для его предосудительное, а для себя выгодное мѣсто, что любимецъ и наилучшій другъ королевскій фельдмаршалъ прусскій Кейтъ, увидѣвъ сіе, королю сказалъ: «Ежели цесарцы въ сей разъ оставятъ насъ спокойно, то всѣ они достойны повѣшены быть». Но Даунъ и не былъ такъ глупъ, чтобъ упустить изъ рукъ столь вожделѣнный случай: онъ атаковалъ дѣйствительно ихъ при Гогенкирхѣ, и по весьма упорномъ и кровопролитномъ сраженіи былъ столь счастливъ, что короля разбилъ впрахъ, побилъ у него до 10,000 человѣкъ, взялъ болѣе 100 пушекъ, болѣе 30 знаменъ и большую часть его обоза и всѣ палатки. Словомъ, король никогда еще не претерпѣвалъ столь великаго убытка и урона и сіе было ему, власно, какъ въ возмездіе за разбитіе насъ и въ наказаніе за излишнее его хвастовство. Тутъ потерялъ онъ не только множество войска, но, что̀ всего для него чувствительнѣе было, наилучшаго своего друга вышеупомянутаго фельдмаршала Кейта, о которомъ онъ не могъ довольно натужиться.

Въ самое почти то же время разбили и французы, подъ командою принца Субиза, гессенъ-кассельскую армію при Лицебургѣ. Сіе умножило еще болѣе досаду короля прусскаго. Однако онъ и при всѣхъ сихъ несчастіяхъ не потерялъ ни мало героическаго своего духа, но дѣяніями своими еще болѣе прославился. Онъ умѣлъ принять такія мѣры и по разбитіи своемъ сдѣлалъ такія движенія, что произвелъ то, что всѣ сіи побѣды не имѣли никакихъ вредныхъ для его слѣдствій. Даунъ хотя и хотѣлъ воспользоваться своею побѣдой и возвратясь къ Дрездену, овладѣть онымъ, однако сіе ему не удалось, и онъ изъ сожалѣнія о семъ городѣ и не желая разорить его бомбандированіемъ, принужденъ былъ оставить облежаніе онаго и окончить кампанію возвращеніемъ своимъ опять въ Богемію, а королю прусскому удалось освободить и городъ Нейсъ отъ осады и остаться на зиму опять съ покоемъ и имѣть то удовольствіе, что, несмотря на всѣ великія военныя произшествія, бывшія въ сіе лѣто, остался онъ властителемъ всѣхъ прежнихъ своихъ областей и на всѣхъ сраженіяхъ не потерялъ болѣе 30,000 человѣкъ; напротивъ того, уронъ, претерпѣнный всѣми воюющими противъ его союзными державами, считался до 100,000 человѣкъ.

Таковыя-то произшествія были въ теченіе сего лѣта и таковымъ-то образомъ угодно было провидѣнію Господню расположить оныя. Никто опять не думалъ, чтобы получили они таковое окончаніе и чтобъ пролитіе столь многой человѣческой крови пропало тщетно и не произвело никакого важнаго послѣдствія.

Теперь, пересказавъ вамъ о войнѣ сего лѣта, время мнѣ возвратиться опять къ продолженію моей повѣсти. Сіе и учиню я въ послѣдующемъ письмѣ, а теперешнее симъ окончавъ, скажу, что̀ есмь вашъ и прочее.

ИЗВѢСТІЯ ВОЕННЫЯ.

Письмо 67-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ въ Бранденбургіи, Помераніи, Шлезіи и Саксоніи война вышеупомянутымъ образомъ горѣла, и многія тысячи людей погибали понапрасно, мы продолжали жить въ Кёнигсбергѣ наиспокойнѣйшимъ образомъ, и такъ, какъ бы находились въ дружеской землѣ или въ своемъ отечествѣ. Ничто не нарушало нашего спокойствія и не мѣшало намъ упражняться въ разныхъ увеселеніяхъ. Одни только получаемые непріятные слухи о военныхъ нашихъ произшествіяхъ пасъ нѣсколько смущали; но и то не слишкомъ много, ибо какъ мы самоличнаго участія въ бѣдствіяхъ и нуждахъ, претерпѣваемыхъ армейскими, сами не имѣли, то и не чувствовали оныхъ, а занимались только одними любопытными распровѣдываніями отъ пріѣзжихъ изъ арміи обо всемъ тамъ происходившемъ и въ читаніи того, что̀ тогда обо всемъ томъ было писано въ газетахъ.

Никогда и ни о какой баталіи такъ много писано не было, какъ о помянутой цорндорфской или, какъ нѣкоторые называли, кюстринской. Ибо какъ обѣимъ сторонамъ хотѣлось побѣду себѣ присвоить, то обѣ сначала многое лгали и либо что-нибудь утаевали, либо лишнее себѣ приписывали, то сіе и подало поводъ къ разнымъ и многократнымъ съ обѣихъ сторонъ возраженіямъ, изъясненіямъ и доказательствамъ, а оттого и были газеты тогдашняго времени очень любопытны.

Но какъ много ни старались наши сокрыть свой стыдъ и защитить честь нашего оружія, однако самую истину трудно было утапть отъ глазъ свѣта. Самимъ намъ, находившимся тогда въ Кёнигсбергѣ, сколько ни хотѣлось сперва того, чтобъ то была правда, что мы побѣдили и что̀ наши говорили, и все то неправда, что̀ писали пруссаки; но полученные наконецъ именные списки всѣмъ побитымъ и раненымъ офицерамъ открыли намъ глаза и заставили судить инако о сей мнимой нашей побѣдѣ, ибо число однихъ офицеровъ побитыхъ, раненыхъ и въ полонъ взятыхъ, было такъ велико, что хотя-бъ и дѣйствительно была то правда, что мы побѣдили, но и въ семъ случаѣ побѣда-бъ была слишкомъ дорого куплена, ибо по собственнымъ напимъ напечатаннымъ и во всемъ государствѣ обнародованнымъ вѣдомостямъ, число однихъ побитыхъ штабъ и оберъофицеровъ простиралось до 211, да тяжеже и раненыхъ, копхъ столь же хорошо можно почитать какъ и побитыми, до 415, да легко раненныхъ 238, да въ полонъ пруссаками взятыхъ 75,—такъ, что число всѣхъ простиралось безъ малаго до 1000 человѣкъ. Количество, какого намъ никогда еще терять не случалось, и которое погрузило все наше отечество въ слезы, рыданія и вздохи; ибо какъ всѣ сіи офицеры были на большую часть наши дворяне и дѣйствительные владѣльцы своихъ деревень и имѣній, поелику тогда все дворянство служило, то не остался почти ни одинъ дворянскій домъ въ Россіи безъ огорченія, и который бы не оплакивалъ несчастную судьбу какого-нибудь своего ближняго или родственника. Словомъ, кампанія сего лѣта была для Россіи весьма бѣдственна и такая, какой она еще никогда не имѣла и которая ей долга будетъ памятна.

При таковыхъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что мы особливую причину имѣли благодарить Бога, что намъ не случилось быть въ оной вмѣстѣ съ прочими полками; но мы прожили все сіе лѣто въ Кёнигсбергѣ и провеселились. Изъ помянутыхъ вѣдомостей усмотрѣли мы, что не было ни одного полку, который бы не потерялъ въ сіе лѣто множества своихъ офицеровъ; итакъ, сколь легко бы могло случиться то и съ нашимъ, еслибъ онъ былъ вмѣстѣ съ прочими въ арміи.

Но никто, я думаю, столь много не былъ тѣмъ доволенъ, какъ я. Нѣсколько разъ приходило мнѣ то на умъ, что въ случаѣ еслибъ находился я въ арміи, то весьма легко могъ бы и я находиться въ числѣ помянутыхъ несчастныхъ и лежать

на Цорндорфскихъ поляхъ подъ трупами мертвыхъ; и потому при всякомъ случаѣ и разѣ благодарилъ судьбу свою, что она меня отъ того отвела и избавила. А таковыя размышленія подѣйствовали во мнѣ весьма много и при томъ крайне критическомъ для меня случаѣ, о которомъ теперь я вамъ разсказывать стану.

Было то предъ наступленіемъ осени и вскорѣ послѣ вышеупомянутой баталіи.

Армія, потерявъ, какъ на цорндорфскомъ сраженіи, такъ и при другихъ мелкихъ сраженіяхъ, множество людей, требовала себѣ подкрѣпленія. Для сего другого не оставалось, какъ собрать и всѣ послѣднія, въ Пруссіи въ разныхъ мѣстахъ остававшіяся войска и присовокупить ихъ къ арміи. Итакъ, тотчасъ разосланы были отъ главнокомандующаго во всѣ мѣста повелѣнія и велѣно всѣмъ оставшимся полкамъ иттить къ оной и поспѣшать наивозможнѣйшимъ образомъ. Сему жребію подвержены были и оба наши полка, содержавшіе до сего караулъ въ Кёнигсбергѣ, ибо какъ опытность доказала, что большіе караулы были тутъ не слишкомъ нужны, то велѣно было, для содержанія оныхъ оставить только третьи батальйоны, съ слабѣйшими и къ походу неспособными людьми, а прочимъ всѣмъ, съ лучшими людьми, иттить съ поспѣшностью къ арміи.

Повелѣніе сіе было для насъ, власно, какъ громовымъ ударомъ. Всѣ наши офицеры встужились и взгоревались, услышавъ оное. Они такъ уже привыкли къ тутошной распутной и для нихъ веселой жизни, что никому не хотѣлось разстаться съ оною. Я самъ смутился, услышавъ о томъ. Обстоятельство, что я хотя и находился тогда при Корфѣ, но изъ полку не былъ выключенъ, да и взятъ былъ къ нему только приватно и на время, приводило меня въ смущеніе. Къ вящему несчастію, прежній нашъ старичокъ-полковникъ около самаго сего времени изъ полку нашего выбылъ въ отставку, и на мѣсто его пріѣхалъ новый полковникъ князь Долгоруковъ, о которомъ хотя и увѣряли насъ, что онъ человѣкъ добрый, однако, по новости своей, былъ онъ никому еще незнакомъ. Его первое дѣло было узнать всѣхъ полку своего офицеровъ. Я долженъ былъ также къ нему явиться; и какъ обо мнѣ насказано ему было отъ прочихъ ужъ довольно, то приласкалъ онъ меня отмѣннымъ образомъ, и хотя сожалѣлъ, что я нахожусь отъ полку въ отлучкѣ, однако приказалъ ходить къ нему чаще.

Въ сихъ обстоятельствахъ было сіе, какъ получено было въ полкъ вышеупомянутое повелѣніе. До сего времени не видалъ я отъ сего новаго полковника себѣ никакого худа и никакого добра. Но тогда, какъ началъ онъ перебирать всѣхъ въ полку нашемъ офицеровъ, для оставленія съ батальйономъ самыхъ негоднѣйшихъ, прислано было отъ него и за мною. По приходѣ моемъ, говорилъ онъ мнѣ: что какъ онъ наслышался такъ много о ревности моей къ службѣ и объ особливыхъ моихъ способностяхъ, то нимало не сомнѣвается въ томъ, чтобъ не хотѣлъ и я вмѣстѣ съ ними отправиться къ арміи.—«Конечно такъ»! отвѣчалъ я, ибо въ скорости не могъ ничего иного ему сказать. Вопросъ сей былъ для меня совсѣмъ неожидаемъ, ибо сказать, что «не хочу», казалось мнѣ не только дурно, но и совсѣмъ неприлично. «Когда такъ, сказалъ мнѣ онъ далѣе, такъ извольте собираться въ походъ, а я уже постараюсь о томъ, чтобы васъ въ полкъ отпустили». —«Очень-хорошо, отвѣтствовалъ я. Сборы наши не велики и мы къ походу всегда готовы.»

Сказавъ сіе, пошелъ я отъ него съ безпокойнымъ духомъ, ибо признаться надобно, что, несмотря на всю выхваляемую имъ мою ревность и усердіе къ службѣ, приказаніе его было для меня не весьма увеселительно, и я далеко не имѣлъ такой охоты къ сопутствованію имъ, какъ онъ думалъ, но гораздо охотнѣе хотѣлъ бы остаться въ Кёнигсбергѣ. Къ тогдашней моей жизни въ семъ городѣ я такъ уже привыкъ, и она мнѣ уже такъ полюбилась, что я между ею и многотрудною и опасною военною жизнью

не находилъ уже никакого сравненія, и первой давалъ безконечное преимущество предъ послѣднею. Мнѣ пришли тогда на память всѣ выгоды и пріятности тогдашней моей жизни, и все то хорошее, чѣмъ я тогда пользовался, и мысль, что я всего того лишусь дѣлала мнѣ оныя еще пріятнѣйшими. Говорится въ пословицѣ: что мы тогда только узнаемъ прямую цѣну вещамъ, когда ихъ лишаемся, и это очень справедливо.

Тогдашній случай доказалъ мнѣ то наияснѣйшимъ образомъ. Мнѣ никогда еще тогдашняя жизнь, столь пріятною и драгоцѣнною не казалась, какъ въ сіи минуты. Я начиналъ уже тужить, что поспѣшилъ отвѣтомъ своимъ полковнику; и чѣмъ болѣе я о томъ размышлялъ, тѣмъ досада на самого себя становилась больше, что я такъ неосторожень былъ и нимало не подумавъ, но тотчасъ объявилъ согласіе свое къ отъѣзду съ полкомъ. «Не нелегкая ли меня за языкъ дернула? говорилъ я самъ себѣ, и въ своемъ ли я былъ умѣ и разумѣ? Что́ за усердіе и что́ за ретивость такая. Ни котъ, ни кошка о семъ усердіи и ревности твоей не узнаютъ! Никто тебѣ право за то не скажетъ спасибо и никого ты тѣмъ ни мало не удивишь, а ни дай, ни вынеси, лишишься покоя, безопасности и тысячи выгодъ, которыми до сего времени ты пользовался и безъ всякой нужды подвергнешь себя опять не только всѣмъ прежнимъ трудамъ, нуждамъ, волокитамъ, но и самымъ опасностямъ. Не все такъ можетъ удаваться какъ въ прошломъ году; тогда намъ было хорошо воевать, а нынѣ не слышишь ли каково жарко бываетъ. Не въ сей, а въ другой годъ, и не въ тотъ, такъ въ другой случай дойдетъ и до тебя очередь. Такимъ же образомъ хорошохонько и тебя калѣкою сдѣлаютъ и изуродуютъ, какъ другихъ многихъ, и тогда храбрись себѣ пожалуй и величайся ранами, а что въ бокъ попадетъ, того не вынешь. Объ усердіи и ревности твоей никто и не узнаетъ, а ты изволь влачить на вѣкъ жизнь горестную и несчастную; но хорошо когда бы еще притомъ одномъ осталось и не случилось чего худшаго. Какъ укокошутъ молодца по примѣру другихъ, такъ и всѣ бѣси въ воду. Пуля глупа и не разборчива, таковожъ хорошо и въ меня попадетъ какъ въ другихъ, и тогда славься себѣ пожалуй и утѣшайся тѣмъ, что умеръ на одрѣ чести»!...

Кровь во мнѣ вся взволновалась при помышленіи о семъ и холодный потъ оросилъ все чело мое. — «Не дуракъ ли и не сущій ли глупецъ я былъ? говорилъ я самъ себѣ. Какая нужда была спѣшить мнѣ своимъ отвѣтомъ, можно бы постановиться, можно бы сказать ни то, ни сё и чѣмъ-нибудь отговориться или по крайней мѣрѣ предать на волю; пускай же бы взяли и послали меня неволею, такъ бы уже и быть, а то теперь самъ я на себя оружіе въ руки подалъ. Полковникъ думаетъ, что мнѣ дѣйствительно самому хочется и вѣрно приступитъ не путемъ къ генералу, и будетъ требовать, чтобъ меня отпустили неотмѣнно!... Хорошъ, истинно я молодецъ! Ничего глупѣе того быть не можетъ что́ я сдѣлалъ...»

Въ таковыхъ-то и подобныхъ сему размышленіяхъ препроводилъ я все то время, покуда шелъ на свою квартиру, и досада моя на самого себя была такъ велика, что я руки себѣ ѣлъ и бранилъ себя всякими браньми. Но какъ перемѣнить того было уже не можно и я завѣрное считалъ, что меня отпустятъ, то пришедши домой, велѣлъ я слугамъ своимъ собираться и готовиться къ походу. Оба они, услышавши сіе, взгоревались и перетревожились еще болѣе, нежели я. «Эхъ, баринъ! говорилъ мнѣ старшій изъ нихъ, какъ вы это не могли отъ похода отбиться? Что за утѣха пттить въ походъ и, таскаясь, терпѣть нужду? Дѣло бы право и безъ насъ тамъ обошлось, а вамъ благо есть случай, вы бы попросили-таки о томъ генерала, можетъ бы васъ и неотпустили».

Слова сіи еще пуще меня смутили. Я чувствовалъ, что онъ говорилъ дѣло и досадовалъ, что мнѣ сего не пришло прежде

въ голову. Но какъ тогда помышлять о томъ уже поздно и неприлично было, поелику я самъ согласіе свое къ походу объявилъ, то закусивъ себѣ губы, я уже молчалъ и въ досадѣ только шагалъ взадъ и впередъ по горницѣ. Слуга, видя мое смущеніе, подступилъ опять съ своими совѣтами: «Право, сударь, подумайте-ка, сказалъ онъ мнѣ, нельзя ли какъ-нибудь отбиться? Видите нынѣ какія опасности. Волёнъ Богъ и съ ихъ походами и совсѣмъ! Какъ бы здѣсь на одномъ мѣстѣ, такъ бы здоровѣе и лучше было».—Эхъ, молчи! — закричалъ я на него, и не докучай мнѣ болѣе, мнѣ и безъ тебя грустно, а дѣлай, что велятъ. — «Изволь, сударь, сказалъ онъ, за нами дѣло не станетъ, мы скоро соберемся, но не тужить бы вамъ самимъ о томъ послѣ, — хорошее мѣсто скоро потерять, но не скоро опять найтить можно!» Проворчавъ сіе сквозь зубы, пошелъ онъ отъ меня пачинать свое дѣло; ибо какъ полку назначено было черезъ двои сутки отправиться и выступить изъ Кёнигсберга, то надлежало поспѣшать приготовленіями къ отъѣзду.

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова впечатлѣлись глубоко въ мои мысли и подали мнѣ поводъ къ новымъ мыслямъ и разсужденіямъ. «А, что? говорилъ я самъ себѣ, не испытать ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь искуснено отъ сего похода отдѣлаться? Полковнику хотя я и далъ слово, но нельзя ли какъ-нибудь спроворить, чтобъ меня отъ генерала неотпустили?...» Мысли о семъ занимали меня не только во весь тотъ вечеръ, но и во всю почти ночь. Я такъ въ размышленія о томъ углубился, что самый сонъ казался отъ меня убѣжавшимъ и я почти во всю ночь не спалъ, а ворочался только съ боку на бокъ. Съ мыслями моими встрѣчались разные способы и средства. Я разсматривалъ ихъ вдоль и поперёкъ, но всѣ казались мнѣ не весьма способными. Самого генерала просить о томъ казалось мнѣ дурно и неприлично; на иного никого не могъ я надѣяться, а о полковникѣ и помышлять было не можно. Старинное мое правило, чтобъ никуда охотою не набиваться и ни отъ чего не отбиваться, пришло мнѣ также на память. Неизвѣстность, гдѣ можно найтить и гдѣ потерять, смущала меня не менѣе какъ и всѣ выгоды, ожидаемыя отъ того, если я останусь. «Хорошо! думалъ я самъ себѣ, конечно-бъ хорошо было, еслибъ я остался, но почему знать, не послужитъ ли мнѣ то во вредъ, если я отъ полку отстану? Да и здѣсь, навѣрно ли я знаю, что мнѣ завсегда хорошо будетъ. Не можетъ ли и здѣсь со мною что-нибудь непріятное случиться?» «Дѣло иное, думалъ я далѣе, еслибы пришло все само собою. Дѣло иное, еслибъ безъ всякаго моего старанія, я какъ-нибудь здѣсь оставленъ былъ! Ну! еслибъ самому генералу вздумалось меня не отпустить и полковнику отказать въ просьбѣ».

Мысль сія была для меня прелестна, однако я не смѣлъ никакъ надеждою сею ласкаться. Обстоятельство, что дѣлъ у меня тогда такъ мало было, что и въ цѣлую недѣлю не доставалось мнѣ почти одной страницы переводить и что въ канцеляріи почти можно было безъ меня обойтиться, не дозволяло мнѣ питать въ себѣ сію надежду. «Такая бѣда, говорилъ я, на ту бѣду и переводовъ нѣтъ, хотя бы они уже мнѣ помогли. Въ иное время ихъ съ три пропасти и я имъ уже не радъ, а теперь и имъ бы я уже радъ былъ, хоть бы ихъ втрое больше было. Какая нужда, быть бы уже такъ, хоть потрудиться»!...

Въ сихъ и подобныхъ тому размышленіяхъ препроводилъ я большую часть ночи, но остался наконецъ все еще въ нерѣшимости, что̀ дѣлать. Но наконецъ вспомнивъ старинную пословицу, что утро вечера мудренѣе, и рѣшившись положиться на власть божескую и ожидать всего отъ самаго его Промысла, уснулъ я и препроводилъ достальную часть ночи въ спокойномъ снѣ.

Поутру, одѣвшись и подтвердивъ людямъ о поспѣшеніи сборами и поправленіемъ нашей повозки, пошелъ я въ канцелярію ожидать рѣшенія моей судьбы,

ибо не сомнѣвался, что полковникъ мой въ тотъ день будетъ у генерала и что рѣчь дѣйствительно и до меня коснется.

Вышеупомянутыя мысли и безпокойство духа такъ состояніе мое разстроили, что я походилъ въ сіе утро болѣе на больного нежели на здороваго, и сіе было такъ примѣтно, что по приходѣ моемъ въ канцелярію всѣ меня стали спрашивать, не занемогъ ли я и не сдѣлалось ли чего со мною? «Нѣтъ, отвѣтствовалъ я, ничего!» и спѣшилъ сѣсть на свое мѣсто.

Тутъ не успѣлъ я товарищамъ своимъ, нѣмцамъ, сказать: «Ну, прощайте любезные друзья мои! завтра, или послѣ завтра, пойдетъ нашъ полкъ въ походъ, и я съ нимъ вмѣстѣ» — какъ вошелъ ко мнѣ съ великою поспѣшностью нашъ главный секретарь и, подавая мнѣ претолстую тетрадь, сказалъ: «На-ка, братъ, вотъ теперь-то потрудись! да смотри же поскорѣй какъ можно. Быть такъ, хоть ночку посиди; намъ отправлять это съ курьеромъ въ армію, и это нарядъ подводъ съ провіантомъ и маршруты, такъ не сдѣлать бы остановки.»—Э, э, э! сказалъ я, увидѣвъ сію громаду,—да этого, батюшка, и въ трои сутки не переведешь; а сверхъ того, я истинно не знаю, когда мнѣ успѣвать будетъ дѣло это дѣлать: полкъ нашъ идетъ послѣзавтра отсюда и мнѣ велѣно собираться вмѣстѣ съ нимъ въ походъ. «Да кто это тебѣ приказалъ?» спросилъ удивившись секретарь.—Полковникъ нашъ, сказалъ я: — прислалъ вчера нарочнаго за мною и изволилъ мнѣ приказывать.—«Кто это? подхватилъ онъ, князь Долгоруковъ? Ха, ха, ха! Князь Долгоруковъ! Враньё, сударь! Статочное ли это дѣло? Отпустимъ ли мы тебя! Да какъ намъ безъ тебя быть? Мы рады, что нашли такого человѣка, г. полковникъ изволитъ умничать! Смотри, пожалуй! великой онъ господинъ, какъ ему у насъ взять».—Да онъ хотѣлъ просить о томъ сегодня генерала, сказалъ я.—«Да хоть распросись себѣ и хоть тресни, такъ этому не бывать; не только онъ, но хотя бы и самъ Ферморъ сталъ, такъ мы не посмотримъ. Я теперь же пойду и доложу о томъ генералу, а вы и не помышляйте о томъ, а начинайте-ка скорѣе переводить.»—Хорошо сударь! сказалъ я. А я было-велѣлъ уже и собираться въ походъ.—«Пустое, сударь, подхватилъ онъ: пошлите сказать; но, постой, я пошлю самъ. Вѣстовой! побѣгай скорѣй на квартиру Андрея Тимоѳеевича, и скажи людямъ его, чтобъ они не заботились и въ походъ не собирались».

Сказавъ сіе, ушолъ онъ въ судейскую и оставилъ меня въ такомъ состояніи, которое я вамъ никакъ изобразить не могу. Стеченіе столь многихъ и неожидаемыхъ совсѣмъ обстоятельствъ и удивило и обрадовало меня до чрезвычайности. Сердце мое вспрыгалось отъ радости и удовольствія, и я не зналъ вѣрить ли мнѣ своимъ глазамъ и слуху и отваживаться ли ласкаться надеждою, что секретарь то исполнитъ дѣйствительно, о чемъ говорилъ онъ съ толикою достовѣрностью. Пуще всего радовался я тому, что дѣло пошло безъ всякаго съ моей стороны содѣйствія, и взяло нечаянно такой оборотъ, что мнѣ не было нужды никого просить и самому того добиваться.

Никогда еще съ такой охотой не начиналъ я своихъ переводовъ, какъ въ сей разъ. Желаніе мое остаться въ Кёнигсбергѣ было такъ велико, что еслибъ было ихъ втрое больше, такъ бы я не охнулъ и готовъ былъ бы не только одну, но хотя-бъ и цѣлыя три ночи просидѣть и потрудиться, только-бъ помогло мнѣ сіе спдѣнье; но, по особливому счастью, и переводъ тогдашній былъ мнѣ такъ легокъ, что я не писалъ, а летѣлъ переводя опый.

Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ спдѣлъ и въ дѣлѣ своемъ упражнялся, секретарь нашъ дѣйствительно пошолъ къ генералу и насказалъ ему столь много о необходимой во мнѣ надобности и о хотѣніи полковника взять меня въ полкъ, что генералъ даже разсердился на нашего полковника, за его предварительное мнѣ приказаніе, и положилъ не-

отмѣнно меня при себѣ удержать и на своемъ поставить. Все сіе случилось весьма кстати, ибо не успѣлъ секретарь нашъ отъ него выттить, какъ пріѣхалъ къ нему и нашъ полковникъ. Онъ началъ тотчасъ ему обо мнѣ представлять; но какъ генералъ нашъ былъ уже предваренъ, то не далъ онъ ему и слова вымолвить, а наотрѣзъ отказалъ, и, не удовольствуясь еще и тѣмъ, послалъ тотчасъ за мною и велѣлъ къ себѣ приттить. Я ничего о томъ не зналъ и не вѣдалъ, но, догадываясь, зачѣмъ меня спрашиваютъ и находясь между страхомъ и надеждою, пошелъ къ нему съ трепещущимъ сердцемъ.

Генералъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ, обратясь ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, сказалъ: «Нѣтъ мой другъ! мнѣ тебя никакъ отпустить не можно, и ты долженъ неотмѣнно здѣсь, при мнѣ остаться и считаться при батальйонѣ. Однако о семъ пожалуй нимало не тужи; ты и здѣсь такую же или еще важнѣйшую службу отправлять будешь государю, какъ и въ войскѣ и потому чрезъ то ничего не потеряешь. Въ этомъ положись ты на меня». Я учинилъ ему пренизкій поклонъ и легко могъ заключить, что къ послѣднимъ словамъ его поводъ подали представленія нашего полковника, расхваливша ему меня и изъявляющаго сожалѣніе свое о томъ, что я, будучи хорошимъ офицеромъ, могу чрезъ таковую отлучку отъ полку потерять линіи своей въ произвожденіи, и потому, обратясь къ стоявшему тутъ же полковнику нашему, хотѣлъ-было только изъ учтивости его спросить, что онъ приказать изволитъ, какъ онъ самъ уже ко мнѣ подошелъ, и тихимъ голосомъ мнѣ сказалъ: «Что дѣлать, братецъ! я все сдѣлалъ, что мнѣ можно было, но видишь самъ, что не моя воля; итакъ, оставайся уже здѣсь». Я хотѣлъ-было ему только отвѣчать, какъ генералъ, не давъ намъ болѣе воли говорить, мнѣ сказалъ: «Такъ поди-жъ, мой другъ, и продолжай свою работу и поспѣши ради Бога, какъ можно скорѣй». Тогда откланялся я имъ обоимъ и не пошелъ, а полетѣлъ въ канцелярію съ сердцемъ, исполненнымъ неописаннымъ удовольствіемъ и радостью.

Всѣ канцелярскіе встрѣчали меня съ вопросомъ, что̀ происходило, и услышавъ, изъявляли радость свою о томъ, что я остался съ ними. Самъ секретарь нашъ привѣтствовалъ меня вмѣстѣ съ прочими и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «Ну, не правду ли я говорилъ? Живи-ка, братъ, лучше съ нами! здѣсь едва-ль не получше-ль тебѣ будетъ; а тамъ, братъ, есть и безъ тебя кому съ пруссаками воевать. Не удивишь, право, никого, какъ пуля въ лобъ, а здѣсь по крайней мѣрѣ ее нѣтъ нужды опасаться». Я не преминулъ поблагодарить его за попеченіе о себѣ и просплъ о дальнѣйшей къ себѣ его благосклонности и неоставленіи, что онъ мнѣ охотно и обѣщалъ, будучи самъ собою доволенъ, что онъ сіе могъ сдѣлать.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло и, противъ всякаго моего чаянія, съ превеликимъ для меня удовольствіемъ. Съ той минуты не сталъ я заботиться уже о походѣ, и, нимало не скучая, просидѣлъ не только весь тотъ день, но и большую часть ночи за моимъ переводомъ, а наутріе, какъ свѣтъ, явился опять въ канцелярію и трудился съ такимъ усердіемъ и ревностью, что переводъ мой, къ великому удовольствію секретаря, предъ вечеромъ того дня кончилъ. Тогда спѣшилъ я уйтить домой, чтобъ по крайней мѣрѣ отдохнуть сколько-нибудь отъ трудовъ столь многихъ. Но неуспѣлъ я приттить на квартиру, какъ новое явленіе поразило мой взоръ и привело духъ мой опять въ превеликое смущеніе и безпокойство.

Теперь готовъ я объ закладъ ударить-ся съ вами, что вы не угадаете, что̀бъ такое сіе было? ибо вамъ столь же мало можетъ приттить въ голову, какъ и мнѣ тогда, чтобъ былъ то адъютантъ нашего полку, присланный ко мнѣ нарочно отъ полковника. Я удивился и не зналъ что думать, когда онъ мнѣ сказалъ, что прислалъ его ко мнѣ полковникъ. — Зачѣмъ такимъ, батюшка, спросилъ я его, смутившись духомъ и удивившись. — «Его сія-

тельство приказалъ вамъ сказать, говорилъ онъ мнѣ, что буде вы хотите вмѣстѣ съ нами въ походъ иттить, то можете завтра поутру, какъ полкъ пойдетъ, тайкомъ отсюда уѣхать, а онъ уже беретъ на себя защитить васъ отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ за то послѣдовать на васъ отъ генерала Корфа».

Могло-ль что страннѣе, удивительнѣе или паче нескладнѣе и смѣшнѣе быть предложенія такого? Я изумился, услышавъ оное и смутился такъ, что не зналъ, нѣсколько минутъ, что ему на то отвѣтствовать, а самъ въ себѣ только помышлялъ: «я покорно, право, благодарствую; человѣкъ радъ, что нечаяннымъ образомъ случилось ему такъ удачно отъ похода отдѣлаться, а его сіятельство хочетъ, чтобъ я самъ еще къ тому набивался, да еще подвергая себя и опасности немалой. Что я за дуракъ буду? и не съума ли мнѣ сойтить, если сему приглашенію послѣдовать». Но какъ адъютанту что-нибудь въ отвѣтъ сказать было надобно, то, собравшись нѣсколько мыслями, отбоярилъ я его слѣдующимъ образомъ:— Слушай-ка братецъ, сказалъ я ему: мнѣ хоть бы и не хотѣлось отъ полку отстать, но я истинно не знаю, можно ли мнѣ то сдѣлать, что его сіятельство приказывать изволитъ. Во-первыхъ, я въ походъ вовсе не собирался и у меня къ отъѣзду ничего неготово, а во-вторыхъ, какъ мнѣ можно безъ дозволенія отлучиться и власно какъ уйтить? Мнѣ не только поручено множество важныхъ дѣлъ для перевода, въ чемъ я оба сіи дни денно и ночно упражнялся, но сверхъ того, и въ каморѣ на рукахъ у меня шнуровыя книги, въ которыя я всякій день приходъ и расходъ всѣхъ здѣшнихъ доходовъ записываю, такъ какъ можно мнѣ, не сдавъ ихъ, отлучиться и самовольно уѣхать? Вѣдь меня засудятъ за это и я могу сдѣлаться несчастнымъ отъ того. Генералъ нашъ играть собою давать не любитъ; никто меня не защититъ тогда отъ гоненія его. Его сіятелъству видно неизвѣстно, сколь онъ силенъ при дворѣ, а намъ это уже довольно свѣдомо. Итакъ, доложите его сіятельству о семъ и скажите отъ меня, что я, несмотря на все мое усердіе и желаніе быть при полку, сего однако сдѣлать никакъ не отваживаюсь, да и не думаю, чтобъ его сіятельство и самъ похотѣлъ меня сдѣлать чрезъ то несчастнымъ. — «Хорошо, сказалъ адъютантъ, я ему все это перескажу, но, ну, если онъ неотмѣнно сего похочетъ, или поступитъ далѣе и велитъ тебя неволею взять, что тогда изволишь?» — Въ этомъ состоять будетъ его воля, сказалъ я, и тогда уже не я, а уже онъ будетъ въ отвѣтѣ, а самовольно мнѣ и тайкомъ уѣхать никакъ не можно, и я повторяю вамъ, что я никакъ на это не отважусь и боюсь преступить повелѣніе генеральское. Неравно дойдетъ то до двора, такъ куда я гожусь?

Симъ отбоярилъ я моего господина адъютанта: онъ пошелъ отъ меня, какъ несолоно хлебавъ, а я, проводивъ его и смотря вслѣдъ, самъ себѣ говорилъ: «Ступай-ка, братъ, ступай! да и впредь не подвертывайся къ намъ съ такими дѣлами. Мы съ ума еще не сходили, чтобъ самовольно намъ такой вздоръ дѣлать».

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова привели меня въ великое смущеніе. «Чего добраго! думалъ я самъ въ себѣ, чтобъ не затѣялъ онъ еще вправду сего сдѣлать. Полковникъ въ полку, вѣдь какъ чортъ въ болотѣ, власть его велика. Какъ пришлетъ команду и велитъ насильно взять и увесть, такъ что̀ ты съ нимъ изволишь дѣлать, не караулъ кричать станешь и хоть не хочешь, а пойдешь. Не узнаетъ о томъ и генералъ нашъ, а нужно ему только изъ города меня выпроводить, а тамъ и прости-прощай! когда-то что будетъ, а я при полку, да при полку». Симъ и подобнымъ сему образомъ разсуждалъ я самъ съ собою и съ людьми своими во весь тотъ вечеръ, и какъ сіи не менѣе моего озабочивались мыслями, узнавъ о всемъ происходившемъ, то и еще болѣе въ смущеніе меня привели, вложивъ мнѣ въ мысли, что ежели вздумаетъ сіе полковникъ, то не сдѣлалъ бы того въ самую ночь ту и не велѣлъ бы

меня тайкомъ изъ города выпроводить.«Да, говорилъ я, чего добраго; однако не думаю я, чтобъ онъ похотѣлъ такое дурачество сдѣлать и за меня съ генераломъ поссориться».—То такъ, отвѣчалъ мнѣ мой Яковъ:—однако и поручиться за него никому не можно; говорятъ, сударь, что человѣкъ онъ весьма отважный и намъ не худо бы на ночь хорошенько позапереться и ежели придутъ, то никакъ неотворять дверей; пускай же дѣлаютъ гвалтъ и выломаютъ силою—«Врешь, дуракъ, сказалъ я ему:—запереться пожалуй можно, но непустить будетъ никакъ нельзя, а лучше постараться какимъ-нибудь образомъ дать тогда скорѣе знать о томъ секретарю нашему Чонжину».—«И быть такъ, сказалъ мой Яковъ:—молчите-жъ, сударь, ежели что будетъ, то я тотчасъ къ нему брызну и скажу, а гдѣ онъ стоитъ, я знаю. Это въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше».

Уговорившись симъ образомъ и ложась спать, заперлись мы въ самомъ дѣлѣ накрѣпко, чтобъ не можно было къ намъ никакъ войтить съ улицы, и препроводили ночь въ безпрерывной опасности, чтобъ насъ не потревожили. Я того и смотрѣлъ, что придутъ либо звать меня къ полковнику, либо совсѣмъ принуждать въ тотъ моментъ выѣзжать изъ города. Однако, опасеніе мое было напрасно. Ночь прошла благополучно и мы не слыхали никакого шума, а не успѣлъ настать день, какъ я, ни минуты не медля, побѣжалъ въ канцелярію и не прежде успокоился духомъ, какъ пришедъ въ оную; ибо тамъ почиталъ себя уже въ совершенной безопасности и самъ себѣ говорилъ: «Ну! теперь пускай приходятъ и берутъ меня отсюда». Однако, видно, что полковнику нашему не захотѣлось дѣлать такого дурачества, ибо онъ съ того времени оставилъ меня съ покоемъ и вышелъ въ тотъ день съ полкомъ своимъ изъ города, не присылая ко мнѣ болѣе никого.

Нельзя довольно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я тогда изъ замка своего на отходящее сіе войско и какъ ждалъ недождался, чтобъ оно скорѣе вышло. Мнѣ хотя и досадно было, что помянутый случай помѣшалъ мнѣ распрощаться со всѣми моими друзьями и товарищами, идущими въ походъ и воевать противъ непріятеля, однако я собственную свою безопасность предпочелъ сему удовольствію, и пожелалъ имъ заочно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, а самъ радовался тому, что остался на мѣстѣ и съ покоемъ. Однако опасеніе мое и по отшествіи полка было такъ велико, что я не прежде на квартиру возвратился, какъ уже ночью.

Симъ образомъ остался я тогда въ Кёнигсбергѣ и былъ хотя изъ полку своего не исключенъ, но сдѣлался уже прямо отъ него отлучнымъ. Что́ воспослѣдовало со мною далѣе, о томъ услышите вы впредь, а теперь дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и окончить мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 68-е.

Любезный пріятель! Оставшись преждеупомянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ и отлучившись чрезъ то уже существеннѣе отъ полку, и ласкаясь надеждою, что и впредь къ оному не скоро отпущенъ буду, началъ я уже помышлять о расположеніи жизни моей сообразно съ тогдашними моими обстоятельствами. Мое первое стараніе было о томъ, чтобъ мнѣ сжить съ рукъ всѣхъ моихъ лошадей. Какъ онѣ мнѣ уже совсѣмъ были не надобны и я ими никогда не пользовался, то не хотѣлось мнѣ кормить ихъ попустому и тратить на то множество денегъ. До сего времени содержаніе ихъ ничего не стоило. Ходили онѣ вмѣстѣ съ прочими въ полковомъ табунѣ, и мнѣ не было до нихъ нужды; но какъ полкъ ушелъ и между тѣмъ наступила уже осень, то мнѣ дѣвать ихъ было уже некуда, и я долженъ былъ содержать ихъ на квартирѣ и покупать на нихъ дорогой въ тамошнихъ мѣстахъ кормъ. Сіе наскучило мнѣ очень скоро, и потому положилъ я лучше ихъ продать и получаемыя на нихъ двой-

ныя тогда раціонныя деньги употреблять на лучшее и со склонностями моими сообразнѣйшее дѣло. Сіе я и учинилъ вскорѣ послѣ отшествія полку, и вырученныя на нихъ деньги сохранилъ, дабы, въ случаѣ востребованія меня въ полкъ, можно было на нихъ купить новыхъ.

По сокращеніи съ сей стороны моихъ расходовъ, уменьшилъ я вскорѣ ихъ и еще однимъ обстоятельствомъ. Слуга мой, Яковъ, предложилъ мнѣ, чтобъ постарался я о томъ, чтобъ не отняли у меня той другой квартиры, которая отведена мнѣ была для лошадей моихъ; ибо какъ въ той, гдѣ я стоялъ, не было никакого двора, гдѣ-бъ я могъ помѣстить свою повозку и лошадей, то имѣлъ я другую, худшую, гдѣ жилъ сей слуга съ лошадьми моими. Я удивился предложенію его и спрашивалъ, на что-бъ она была намъ надобна? «А вотъ на что, сударь, сказалъ онъ: — уже за нѣсколько времени получилъ я охоту промышлять мѣною лошадей. Я покупаю ихъ у пріѣзжающихъ сюда нашихъ русскихъ извощиковъ дешевою цѣною и потомъ, либо промѣниваю, либо продаю ихъ здѣшнимъ русскимъ мужикамъ, и на томъ получаю иногда изрядный барышокъ. Итакъ, когда-бъ у насъ квартира другая попрежнему осталась, то могъ бы я, стоючи на ней, продолжать мой промыслъ, а притомъ и чеботарничать на свободѣ; а вамъ бы отъ того была та выгода, что вамъ не для чего-бъ было терять деньги на пропитаніе и содержаніе меня, но я могъ бы уже самъ себя кормить и одѣвать». — «Это очень хорошо, мой другъ, сказалъ я:—и квартиру за собою удержать мнѣ ничего не стóитъ». И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стóило только сказать о томъ одно слово нашему плацъ-майору, какъ дѣло было и кончено, и съ того времени слуга мой жилъ безпрестанно уже на сей другой квартирѣ и отчасти сапожническимъ своимъ рукомесломъ, отчасти вышеупомянутымъ лошадинымъ промысломъ не только самъ себя и кормилъ и одѣвалъ, но накопилъ себѣ довольно денегъ, которыя самому мнѣ пригодились послѣ весьма кстати, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ. Что-жъ касается до другого моего слуги, то сей жилъ на моей квартирѣ и кормился получаемымъ на деньщика мнѣ слѣдуемымъ провіантомъ. Итакъ, содержаніе обоихъ моихъ слугъ съ того времени мнѣ ничего почти не стоило.

Избавившись отъ сихъ двухъ расходовъ, сталъ я, колико можно, сокращать и всѣ прочіе ненужные расходы, пожиравшіе до того у меня множество денегъ. На содержаніе себя пищею не было почти нужды ничего тратить. Обѣденный столъ былъ у меня всякій день готовый у генерала, а ужины мои, какъ я прежде упоминалъ, были у меня столь легкіе и такъ мало стоющіе, что терялъ я на то мало денегъ. Самое лакомство, переводившее до того у меня множество денегъ—по причинѣ, что я былъ съ малолѣтства до онаго охотникъ, а тогда, по великому множеству продаваемыхъ плодовъ и овощей, а особливо разныхъ родовъ вишень, сливъ, яблоковъ, грушъ и баргомотовъ, былъ къ тому наивожделѣннѣйшій случай—положилъ я также поуменьшить и употреблять тѣ деньги лучше на надобное. Играть я ни въ какія азартныя игры не игралъ, да не имѣлъ къ тому и времени; а буде захаживалъ кой-когда въ трактиры, на дорогѣ стоящіе, такъ не для чего иного, какъ развѣ для читанія газетъ, или чтобъ напиться кофею или чаю, или поиграть съ кѣмъ-нибудь въ бпліардъ, да и то не въ деньги, а на однѣ только партіи. Наконецъ и самымъ платьемъ положилъ я не щеголять, а имѣть только не гнусное и не постыдное. Компаній и пирушекъ у меня никакихъ не было, да и дѣлать ихъ было некогда и не съ кѣмъ; слѣдовательно и на сіе деньги терять не было нужды. Словомъ, я расположилъ весь родъ тогдашней жизни моей на степенной и уединенной ногѣ и такъ, что, за всѣми моими необходимыми расходами, оставалось у меня отъ жалованья и раціоновъ болѣе половины.

Однако, не подумайте, любезный пріятель, чтобъ я, при помянутомъ сокраще-

ніи моихъ расходовъ, сдѣлался скрягою и скупщомъ, и всѣ оставшіяся деньги собиралъ въ скопъ и пряталъ. Ахъ, нѣтъ! я былъ отъ этого слишкомъ удаленъ; а признаюсь вамъ, что истрачивалъ ихъ всѣ почти до копейки.

Теперь ежели полюбопытствуете знать, куда-жъ бы я оныя употреблялъ, такъ, необинуяся, скажу, что истрачивалъ я всѣ ихъ на то, къ чему стремилось наиболѣе мое сердце и всѣ мои склонности, то-есть, на покупку книгъ, красокъ, картинокъ и на дѣланіе кой-какихъ инструментовъ и любопытныхъ вещей. Охота моя ко всему тому не уменьшилась, но становилась часъ отъ часу больше. До того времени все-таки воздерживался я отъ того сколько-нибудь: отчасти неимѣніе излишнихъ денегъ, отчасти всегдашнее мнѣніе, что мы пойдемъ опять въ походъ—удерживало меня отъ отягощенія себя многими книгами и другими вещами. Случившійся со мною при Ригѣ примѣръ, когда мы всѣ лишнія вещи принуждены были бросать, былъ мнѣ всегда памятенъ и наводилъ на меня всегдашнее опасеніе. Но какъ скоро полкъ нашъ ушолъ и я удостовѣрился уже въ томъ, что меня не отпустятъ въ армію, и я не имѣю причины опасаться похода, то далъ стремленіямъ сердца своего уже болѣе воли и пустился уже прямо въ вожделѣнную столь уже издавна покупку книгъ и другихъ вещей.

Не могу безъ смѣха и понынѣ вспомнить, съ какимъ удовольствіемъ, спустя нѣсколько дней послѣ отшествія полку, побѣжалъ я, улучивъ свободное время, въ прежде уже помянутую мною книжную лавку, и съ какимъ восхищеніемъ нѣсколько часовъ пересматривалъ, и перебиралъ и покупалъ я тамъ книги. Цѣлый кошелекъ, набитый до верха деньгами, принесъ я въ оную, а не вынесъ изъ нея ни копейки, но всѣ, сколько ихъ ни было со мною, употребилъ я на покупку разныхъ книгъ и сочиненій, и о Боже! какое удовольствіе ощущалъ я тогда, какъ, связавъ изъ нихъ цѣлую кипу, понесъ я ее съ собой. «Ну! говорилъ я самъ себѣ, теперь-то есть что почитать и есть чѣмъ заняться; теперь не говори, что тебѣ скучно: есть чѣмъ уже прогонять оную, была бы только охота; теперь читай себѣ, пожалуй, любую и забавляйся сколько душѣ угодно»!

Симъ образомъ говоря, притащилъ я кипу мою прямо въ канцелярію. Всѣ удивились великому множеству купленныхъ книгъ, а особливо, какъ я началъ ихъ раскладывать и вновь всѣ пересматривать. Никому поступокъ мой такъ удивителенъ не показался, какъ господамъ нѣмцамъ, моимъ товарищамъ. — Э! э! э! закричали они оба въ одинъ голосъ: — Да на что это вы такую пропасть накупили? — «Какъ на что, отвѣчалъ я имъ:— читать, государи мои. Мнѣ нечего въ праздное время дѣлать, а вы знаете, что я охотникъ и люблю читать». — Хорошо это! сказали они далѣе; да неужели вы хотите для чтенія себѣ книги всѣ покупать и терять на то деньги? — «Да какъ же?» отвѣчалъ я. Усмѣхнулись тогда оба мои нѣмца, и одинъ изъ нихъ, который болѣе былъ обо всемъ свѣдущъ, мнѣ сказалъ:—Нѣтъ, господинъ подпоручикъ: — это слишкомъ для васъ будетъ убыточно. Для покупки столькихъ книгъ, сколько для чтенія вашего надобно, скоро не достанетъ у васъ денегъ, и вы истратите только ваши деньги, а пользы дальней не получите! — «Почему это?» спросилъ я его удивившись. — Потому, отвѣчалъ онъ:—что книгъ у насъ въ лавкахъ преужасное множество; но между ними не столько хорошихъ, сколько дурныхъ и ни къ чему годныхъ. Всѣхъ вамъ ихъ никакъ не перекупить, а покупать вы будете ихъ по выбору. Выборъ же между ими очень труденъ, и всего скорѣе въ немъ ошибиться и такихъ накупить можно, которыя ничего не стоютъ, и кои послѣ бросить будетъ должно, какъ то вѣрно и теперь съ вами случилось. Пожалуйте-ка, дозвольте мнѣ ихъ пересмотрѣть.—«Очень хорошо, изволь, братецъ», сказалъ я, и далъ ему перебрать ихъ какъ онъ хочетъ.

Нѣмецъ мой, усѣвшись, началъ тот-

часъ ихъ перебирать и пересматривать по-своему. Онъ не только прочитывалъ надписи, но у незнакомыхъ ему самыя предисловія и по нѣскольку страницъ матеріи, и всѣ раскладывать на разныя кучки. Я смотрѣлъ на него не спуская глазъ, и ждалъ съ нетерпѣливостью, что̀ онъ наконецъ скажетъ. Но ка́къ смутился я духомъ, когда онъ, перебравъ всѣ и взявъ самомалѣйшую кучку, мнѣ сказалъ: «Вотъ эти изрядныя и деньги за нихъ не потеряны; а сіи, говорилъ онъ, показывая мнѣ на другую кучку:—ни то ни сё и не стоютъ больше того, какъ одинъ разъ прочесть. Вотъ сіи, сказалъ онъ подавая третью кучку, мнѣ незнакомы, и хотя прямо не могу о нихъ судить, однако не сомнѣваюсь и не думаю, чтобъ и въ нихъ много хорошаго было; но что касается до сихъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на самую большую стопу:—то сихъ всѣхъ хоть бы вовсе не покупать: всѣ онѣ не стоютъ ничего и деньги за нихъ прямо потеряны».—Нѣтъ, правду ли? спросилъ я, удивившись, что вы говорите?—«Конечно такъ! отвѣчалъ онъ: — мнѣ всѣ онѣ знакомы и я обманывать васъ не стану».

«Эхъ, какая бѣда, и что̀ это я сдѣлалъ»! возопилъ я, взгоревавшись. — Да! сказалъ мой нѣмецъ, немножко поспѣшить изволили; а надлежало бы быть поосторожнѣе и не вдругъ спѣшить покупать такое множество. Успѣть бы можно и тогда купить, когда бы вы какую книгу прочли или дѣйствительно узнали, что она хороша. — «Да умилосердись, братецъ, сказалъ я, какъ ихъ узнаешь и когда ихъ тутъ читать? ихъ такая тьма, что я не зналъ, на которую и смотрѣть изъ нихъ и едва успѣвалъ и одни ихъ титулы прочитывать».—А сіи-то титулы, отвѣчалъ мнѣ нѣмецъ: — васъ, сударь, и обманули. По нимъ всего труднѣе узнавать хорошія книги, и на нихъ-то и не надлежитъ никогда полагаться. — «Но какъ же быть лучше? спросилъ я:—и чрезъ что̀ можно-бъ было избѣжать ошибки?» —Чрезъ предварительное прочитываніе, отвѣчалъ онъ:—такъ какъ я прежде говорилъ; однако есть къ тому и другой способъ. Въ числѣ продажныхъ книгъ есть нѣкоторыя особливыя книжки, содержащія въ себѣ совѣты для молодыхъ людей, желающихъ заводить библіотеки, въ которыхъ сообщается краткая и разумная критика о книгахъ всякаго рода, и предлагаются совѣты, какія бы изъ какого класса лучше избирать и какихъ, напротивъ того, обѣгать должно. Такою-то бы книжкою надлежало вамъ себя напередъ снабдить и чрезъ нее, познакомившись хотя вскользь съ наилучшими авторами и сочиненіями, поступать уже, власно, какъ по писанному, и такія выбирать, какія болѣе рекомендуются учеными сочинителями сихъ книжекъ.—«Эхъ, жаль же мнѣ, сказалъ я:—что я этого не зналъ, и что вы мнѣ того прежде не сказали. Не купилъ бы я вправду такого вздора; а теперь что̀ мнѣ съ такимъ множествомъ дѣлать?»...

Потуживъ и погоревавъ о своей неосторожности, спросилъ я наконецъ своего нѣмца: не можетъ ли онъ мнѣ достать такую книжку, о какой онъ теперь говорилъ. «Пожалуй, отвѣчалъ онъ: —и ежели вамъ угодно, то я сейчасъ схожу въ лавку и спрошу нѣтъ ли той, которая мнѣ въ особливости знакома». —Куда бы какъ вы меня тѣмъ одолжили, сказалъ я:—и я былъ бы вамъ за то невѣдомо какъ благодаренъ.—«Зачѣмъ дѣло стало? подхватилъ мой нѣмецъ: — я въ сію же минуту схожу. Но постойте, г. подпоручикъ, продолжалъ онъ, схвативъ шляпу, не постараться ли мнѣ вамъ оказать и другую еще услугу? Книги сіи, говорилъ онъ, указывая на большую стопу:—въ самомъ дѣлѣ для васъ ни мало не годятся. Не дозволите ли вы мнѣ взять ихъ съ собой. Я испытаю, неудастся ли мнѣ ихъ опять втереть въ руки книгопродавцу и получить за нихъ либо обратно ваши деньги, либо увѣрить его, что вы вмѣсто ихъ купите у него послѣ другія, и онъ бы до того времени остался бы вамъ ими долженъ. Согласны ли вы на это?» — Ахъ, другъ мой! возопилъ я, возможно-ль, чтобъ не быть со-

гласнымъ, и ты бы меня тѣмъ до безконечности одолжилъ! —«Хорошо, г. подпоручикъ, поглядимъ и употребимъ все, что́ только можно»—Сказавъ сіе, подхватилъ онъ мою стопу книгъ и побѣжалъ въ лавку.

Радость моя была тогда превеликая, а нетерпѣливость, съ какою я дожидался его возвращенія, еще того больше. Я не отходилъ почти отъ окошка, но то и дѣло посматривалъ, не идетъ ли онъ назадъ и не несетъ ли съ собою опять всѣхъ книгъ моихъ. Но возвращеніемъ своимъ какъ-то онъ позамедлился. Сіе меня удивило и увеличило еще болѣе мою нетерпѣливость. «Что́ за диковинка, говорилъ я, давно бы ему пора возвратиться; лавка не далече. Развѣ книгопродавца дома нѣтъ, или онъ его уговариваетъ и уговорить не можетъ; развѣ зашелъ куда?» Но прошелъ уже цѣлый часъ и начался другой, но его все еще не видать было. «Господи помилуй! думалъ я — это уже совсѣмъ непонятное дѣло, и конечно что-нибудь заняло его особливое». Но въ самое то время, когда я, симъ образомъ самъ съ собою разсуждая, въ окошко смотрѣлъ, погляжу—онъ въ двери.—«Ба, ба, ба! закричалъ я:—откуда вы взялись? и какъ это пришли, что я не могъ усмотрѣть васъ? Я все смотрѣлъ въ ту улицу, откуда вамъ иттить надлежало».—Я заходилъ на часокъ въ другое мѣсто, сказалъ онъ: — и пришелъ уже съ другой стороны.—«Ну что-жъ, мой другъ? подхватилъ я, и началъ его распрашивать:—достали-ль вы ту книжку?»—Вотъ она, отвѣчалъ онъ, вынимая ее изъ кармана и мнѣ подавая. — «А мои-то книги?» — Видите, что ихъ нѣтъ со мною.—«Конечно, и ихъ съ рукъ сбыли?»—Точно такъ.—«Что́ книгопродавецъ? небойсь, опъ закарячился и не хотѣлъ ихъ назадъ брать?»—Не безъ того-то; однако я его уговорилъ и умаслилъ. Человѣкъ онъ у насъ добрый и сговорчивый. Я насказалъ ему столько о васъ и объ охотѣ вашей къ книгамъ, что онъ наконецъ согласился. — «Ахъ, другъ ты мой! какъ ты меня одолжилъ! Но что-жъ, на чемъ у васъ осталось и что́ положено: въ долгу ли, что-ль, онъ у меня остался»? — Никакъ; но онъ такъ былъ снисходителенъ, что и деньги отдалъ. — «Не вправду ли?»—Точно, вотъ и деньги ваши. — «Ну, спасибо, право спасибо»! сказалъ я, принимая отъ него подаваемыя деньги и радуясь невѣдомо какъ, что онъ выручилъ назадъ оныя.—Однако, не прогнѣваетесь ли вы на меня, подхватилъ онъ:—что я взялъ смѣлость и изъ вашихъ денегъ талера три на свою нужду истратилъ? Я возвращу вамъ ихъ какъ скоро вамъ угодно будетъ. — «Батюшка ты мой! отвѣчалъ я ему:—хоть бы ты и всѣ ихъ истратилъ, такъ бы я и слова не сказалъ. Вы и не то для меня сдѣлали, а вамъ можно повѣрить хоть и болѣе».

И подлинно, я такъ былъ имъ доволенъ, что готовъ бы былъ ему и послѣднія отдать, еслибъ онъ у меня тогда потребовалъ ихъ. Однако ему не было въ нихъ нужды, но онъ, поблагодаривъ меня за мою довѣренность къ нему, сказалъ далѣе: «Когда вы такъ ко мнѣ благосклонны, то надобно-жъ мнѣ вамъ сказать за то еще что-нибудь хорошенькое». — Что такое? любезный другъ, спросилъ я, удивившись. — «А вотъ что, сказалъ онъ: какъ я шелъ изъ лавки обратно сюда, то пришло мнѣ нѣчто особливое въ голову. Книги вѣдь вы, думалъ я, покупаете не для того, чтобъ собирать вамъ библіотеку большую, ибо куда вамъ съ нею дѣваться? но для того, чтобъ читать только ихъ». — Конечно, отвѣчалъ я. — «Итакъ, не избавить ли мнѣ васъ совсѣмъ отъ покупки ихъ, или по крайней мѣрѣ отъ растери на нихъ множества денегъ, а совсѣмъ тѣмъ охоту вашу къ чтенію удовольствовать». — Да какъ это можно? спросилъ я, удивившись. — «Возможность къ тому дѣйствительно есть. Но будетъ ли только на то воля ваша. У насъ здѣсь есть одинъ домъ, котораго хозяинъ держитъ у себя превеликое множество всякаго рода наилучшихъ книгъ и даетъ ихъ всякому читать, кто хочетъ, и такія какія кому угодно, а самъ беретъ только за то съ читателей са-

мый маленькій платежъ».—Что вы говорите? возопилъ я:—не вправду ли?—«Точно такъ, отвѣчалъ онъ, да и платежъ-то очень не великъ, не болѣе какъ по одному нашему грошу, а по вашему по одной копейкѣ на день. Такъ не вздумаете ли вы симъ средствомъ пользоваться. У насъ весьма многіе симъ образомъ читаютъ».—Батюшка ты мой! да я бы готовъ не только по одной, но хотя по три копейки платить па день, еслибъ только могъ пользоваться такою выгодой; но ходить-то къ нему для сего чтенія, какъ сами вы знаете, некогда. — «И того-таки не надобно; отвѣчалъ онъ: но онъ даетъ всякому книги на домъ; а въ предосторожность, чтобъ не могли пропасть, беретъ только при самомъ началѣ въ закладъ нѣсколько талеровъ денегъ, которые онъ послѣ возвращаетъ назадъ, какъ скоро кто читать перестанетъ». — Это еще и того лучше! возопилъ я съ превеликимъ удовольствіемъ: — и куда бы я радъ былъ, еслибъ могъ съ человѣкомъ симъ познакомиться. — «Зачѣмъ дѣло стало? отвѣчалъ онъ: — мы васъ тотчасъ съ нимъ познакомимъ. Я знаю гдѣ онъ живетъ». — Батюшка ты мой! возопилъ я, сдѣлавъ ему пренизкой поклонъ: — я бы готовъ тебѣ въ ножки поклониться, еслибъ ты мнѣ сіе одолженіе сдѣлалъ: ты навѣкъ бы меня тѣмъ одолжилъ. Не можно-ль бы хоть теперь мнѣ съ вами туда сходить?

Удивился онъ моей нетерпѣливости и, засмѣявшись, мнѣ сказалъ:—«Добро, добро, г. подпоручикъ, когда такъ вамъ сего хочется, такъ не зачѣмъ же вамъ и трудиться и ходить туда. Я васъ и отъ того избавлю: дѣло уже сдѣлано. Я, не сомнѣваясь, что вамъ будетъ сіе угодно, тамъ теперь уже и побывалъ и все дѣло кончилъ». — Какъ? спросилъ я, вспрыгнувъ даже отъ радости:—возможно ли? —«Точно такъ, отвѣчалъ онъ:—и, въ доказательство тому вотъ вамъ и росписка отъ него въ полученныхъ имъ въ закладъ помянутыхъ денегъ. Три-то талера я не на себя, а на сіе употребилъ».—Невправду ли? и ахъ, какъ вы меня одолжили! сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкой поклонъ.—«А вотъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи тетрадку, и печатный реестръ всѣмъ его книгамъ:—и вамъ стоитъ только любыя изъ него замѣчать и съ запискою посылать за книгами къ нему, такъ онъ и будетъ присылать. Я за первый мѣсяцъ 30 грошей и заплатилъ уже ему».

Боже мой, какъ обрадовался я тогда всему тому! Я такъ доволенъ былъ поступкомъ моего нѣмца, что, бросившись къ нему на шею, расцѣловалъ даже его и не могъ довольно словъ найтить къ изъявленію ему моей благодарности. Истинно, если бы кто меня подарилъ тогда чѣмъ-нибудь важнымъ, такъ бы радость моя и благодарность не была такъ велика, какъ въ то время, и какъ случилось это нечаяннымъ образомъ въ самый день рожденія моего, то день сей былъ мнѣ долго памятенъ, и я не помню, чтобъ я когда-нибудь препроводилъ оный съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ сіе время. Но чему и дивиться не можно: ибо удовольствована была тогда во мнѣ одна изъ наивеличайшихъ моихъ склонностей, да и не однимъ еще, а многимъ, ибо и книгъ купленныхъ осталось у меня еще множество, и случай неожиданнымъ образомъ получилъ я такой, какого могло только желать мое сердце. Словомъ, я не могу изобразить вамъ, какъ доволенъ я былъ всѣмъ симъ произшествіемъ и въ какомъ удовольствіи препроводилъ тотъ вечеръ и большую часть ночи, читая и пересматривая мои книги и полученный реестръ, пришедши на квартиру.

Но я заговорился уже такъ, что и позабылъ, что мнѣ давно время письмо мое кончить и сказать вамъ опять, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 69-е.

Любезный пріятель! Вы, я думаю, предугадывали уже напередъ, что я письмо сіе начну повѣствованіемъ о томъ, какъ я упомянутою въ послѣднемъ моемъ письмѣ нечаянною выгодою началъ пользоваться. Вы и не ошиблись въ томъ, и я дѣйствительно за нужное нахожу вамъ о

томъ пересказать. Пунктъ сей времени былъ особливаго примѣчанія достоинъ въ моей жизни. Мнѣ пошолъ тогда двадцать-первый годъ отъ рожденія, и съ самаго сего времени началось прямо мое читаніе книгъ, которое послѣ обратилось мнѣ въ толикую пользу. До сего времени хотя я и читывалъ книги, но все мое читаніе было ущипками и урывками и только по временамъ; а съ сего времени присѣлъ я, такъ-сказать, вплотную и принялся читать почти уже безпрерывно и не сходя съ мѣста. Тогдашнее осеннее и скучное время, начавшіеся длинные вечера, сидѣніе всякой день въ канцеляріи часу до десятаго вечера, множество остающагося отъ дѣлъ и переводовъ празднаго времени; обстоятельство, что я, хотя не многія, но платилъ за книги деньги, нехотѣніе терять ихъ попустому, но напротивъ того, желаніе воспользоваться сколько можно болѣе симъ вожделѣннымъ случаемъ и успѣть множайшія прочесть книги, а наконецъ и самыя любопытныя и пріятныя матеріи тѣхъ книгъ, которыя читалъ я сначала, были тому причиною, что я не терялъ почти ни минуты праздnаго времени, но все оное употреблялъ на чтеніе.

Теперь разскажу вамъ, какого рода книги читалъ я тогда наиболѣе. Чрезъ посредство помянутой купленной мнѣ товарищемъ моимъ книжки, хотя и узналъ я о всѣхъ наилучшихъ книгахъ и сочиненіяхъ во всѣхъ частяхъ нѣмецкой литературы, и хотя, прочитывая свой каталогъ, къ особливому удовольствію своему, находилъ, что многія изъ нихъ были и у того кёнигсбергскаго жителя, у котораго я на другой же день началъ брать книги для читанія, однако, при томъ одномъ я не остался, но просилъ того же нѣмца, моего товарища, который мнѣ сей случай доставилъ и который взялъ на себя трудъ проводить туда одного изъ нашихъ канцелярскихъ солдатъ, котораго я положилъ посылать всегда за книгами, чтобъ и онъ мнѣ, съ своей стороны, присовѣтовалъ, какія мнѣ сначала читать лучше, и тѣ бы означилъ въ каталогѣ. Онъ охотно сіе и учинилъ, и означивъ всѣ, которыя ему были знакомы и лучше прочихъ, и пересказавъ мнѣніе свое о добротѣ оныхъ, совѣтовалъ мнѣ начало учинить читаніемъ наилучшихъ нѣмецкихъ романовъ. Онъ говорилъ, что чрезъ то не только я научусь читать книги ихъ проворнѣе и узнаю языкъ ихъ совершеннѣе, но и всего способнѣе заохочусь и къ дальнѣйшему чтенію; а сверхъ того, и веселѣе могу провождать тогдашнее скучное время, а особливо по вечерамъ, ибо какъ они любопытны, то могутъ занимать все мое вниманіе и не давать чувствовать скуки нежели другого рода книги.

На предложеніе сіе я тѣмъ охотнѣе согласился, что оно сообразно было и съ самыми склонностями моими. Клевеландъ мой и нѣкоторые другіе, читанные мною до того романы, вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ, и я всегда съ особливымъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что-нибудь историческое.

И какъ романовъ было у того пруссака превеликое множество и въ томъ числѣ были и всѣ наилучшіе и славнѣйшіе, то пустился я въ чтеніе оныхъ и упражнялся въ томъ съ такою прилежностью и усердіемъ, что не зналъ даже усталости. Солдатъ мой принужденъ былъ то и дѣло ходить за книгами, и скоро дошло до того, что не только нѣмцы, мои товарищи, но и самъ хозяинъ книгъ не могъ довольно надивиться скорому прочитыванію мною оныхъ, и такъ наконецъ въ меня ввѣрился, что не опасался присылать ко мнѣ и по цѣлому десятку вдругъ, и гораздо болѣе нежели чего весь мой закладъ стóилъ. Но надобно сказать, что и самъ я старался всегда сохранять кредитъ, и не только возвращалъ ему книги его всегда въ цѣлости и исправно, но и берегъ ихъ, власно, какъ свои собственныя, чтобъ не могли онѣ какъ затеряться, а сіе и было ему въ особливости пріятно. Я же получилъ изъ того ту выгоду, что изъ множества присылаемыхъ могъ дѣлать выборъ и читать тѣ, которыя были лучше прочихъ, и мнѣ болѣе

нравились, и оставлять прочія, которыя казались мнѣ не таковы хороши и чтенія моего недостойными.

Въ таковомъ безпрерывномъ чтеніи однихъ романовъ препроводилъ я не только всю тогдашнюю осень, но и всю зиму и даже бо̀льшую часть послѣдующаго лѣта, и матерія ихъ не только мнѣ не наскучивала, но, дѣлаясь съ каждымъ днемъ еще пріятнѣйшею, въ самомъ дѣлѣ заохочивала меня отчасу болѣе къ чтенію. Я прочелъ ихъ тогда превеликое множество, и изъ всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ тогда романовъ не осталось почти ни одного, который бы не побывалъ у меня въ рукахъ и мною сначала до конца прочитанъ не былъ.

По обыкновенному обвиненію романовъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они нерѣдко ядомъ и отравою молодымъ людямъ почесться могутъ, подумать бы можно было, что и надо мною произвели они подобное тому дѣйствіе, однако я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не сдѣлали они ничего худого. Сколько я ихъ ни читалъ, но отъ всего чтенія оныхъ не примѣтилъ я ни тогда, ни послѣ никакихъ худыхъ и предосудительныхъ для себя слѣдствій, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не соблазненъ я ими былъ ни къ какимъ худымъ дѣламъ и не вовлеченъ въ пороки и распутную жизнь, но чтеніе оныхъ напротивъ того произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы. Умъ мой преисполнился множествомъ новыхъ и такихъ знаній, какихъ онъ до того не имѣлъ, а сердце нѣжными и благородными чувствованіями, способными не преклонять, а отвращать меня отъ пороковъ и худыхъ дѣлъ, которымъ легко бы я могъ сдѣлаться подверженнымъ. Словомъ, я никакъ не могу пожаловаться на оные и обвинять ихъ съ своей стороны вредными слѣдствіями, но паче, за многое хорошее, имъ весьма обязанъ.

Можетъ быть произошло сіе отъ того, что по особливому счастію съ самаго начала попались мнѣ въ руки романы наилучшаго рода, писанные хорошими и славными сочинителями, со вкусомъ, и такіе, въ которыхъ изящность добродѣтелей и хорошаго поведенія, а гнусность пороковъ и дурной жизни изображена была живѣйшими и плѣняющими красками; ибо какъ сначала начитавшись оныхъ, научился я хорошему вкусу въ романахъ, то въ состояніи уже былъ дѣлать между дурными и хорошими выборъ, и тѣмъ меньше могъ послѣ развращенъ быть дурными, попадающимися мнѣ когда въ руки, но оные удобнѣе могъ презирать и неудостоивать своего чтенія. А много, можетъ быть, поспѣшествовало къ тому и предварительное расположеніе и состояніе моего сердца, имѣющаго отъ малолѣтства болѣе наклонности къ хорошему, нежели къ дурному и уже хорошее основаніе къ любленію добродѣтели.

Но какъ бы то ни было, но помянутое чтеніе романовъ произвело мнѣ многоразличныя пользы. Наиглавнѣйшею изъ нихъ можно почесть ту, что я чрезъ многое чтеніе сіе сдѣлался въ нѣмецкомъ языкѣ несравненно знающѣе и совершеннѣе. Не только цѣлыя тысячи словъ и реченій, которыхъ я до того никакъ не зналъ, сдѣлались мнѣ тутъ извѣстными и вразумительными, мимоходомъ и безъ всякаго затверживанія ихъ наизусть, но я научился вкусу отчасти и въ самомъ слогѣ сочиненій нѣмецкихъ и узналъ пріятность и красоту онаго, и чрезъ все то приготовилъ себя нечувствительно къ удобнѣйшему разумѣнію и охотнѣйшему чтенію другихъ и полезнѣйшихъ сочиненій. Второю, и неменѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія можно почесть ту, что я, читая описываемыя произшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно спознакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особливо съ знатнѣйшими въ свѣтѣ городами. Я узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и ка́къ люди въ

томъ и другомъ государствѣ живутъ и что̀ у нихъ тамъ водится. Сіе замѣнило мнѣ весьма много особливое чтеніе географическихъ книгъ и сдѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская, свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ и я о многомъ такомъ получилъ яснѣйшее понятіе, о чемъ до того имѣлъ только слабое и несовершенное. Что касается до моего сердца, то отъ многаго чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемѣну и совсѣмъ себя, власно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на всѣ произшествія въ свѣтѣ нѣкакими иными и благонравнѣйшими глазами, а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго обхожденія и сообщества съ порочными людьми и отвлекало отчасу больше отъ сообщества съ ними. Наконецъ, проистекла отъ того та польза, что какъ все праздное время по большей части занято у меня было однимъ чтеніемъ, то чрезъ сіе не только не былъ я никогда въ праздности, но и не занимался, кромѣ дѣлъ по должности, никакими другими побочными дѣлами, которыя легко могли-бъ меня отвлечь отъ моихъ полезныхъ упражненій и завесть въ какія-нибудь заблужденія. Что-жъ касается до увеселенія, производимаго мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить вамъ оное? А довольно когда скажу, что оное было безпрерывное, и такъ велико, что я и по нынѣ еще не могу позабыть тогдашняго времени и того, сколь оно было для меня пріятно и увеселительно. Мнѣ и по нынѣ еще памятно, какъ увеселялся я, не только во время читанія, просиживая безъ всякой скуки длинные вечера, но голова моя такъ наполнена была читанными повѣстями и приключеніями, что и во время самаго скучнаго хожденія по ночамъ изъ канцеляріи на квартиру, они не выходили у меня изъ памяти и я ими и въ сіи скучныя путешествія не менѣе занимался мыслями и веселился, какъ и во время чтенія, и чрезъ то не чувствовалъ трудовъ и досады, съ шествіемъ по грязной и скользкой мостовой сопряженной.

Но сего довольно о тогдашнемъ моемъ чтеніи; а надобно разсказать мнѣ вамъ теперь и о другомъ упражненіи, въ которомъ я временно упражнялся и которое имѣло хотя предметомъ у себя единое увеселеніе, однако также невинное и позволенное. Оное состояло ни въ чемъ иномъ, какъ въ танцованіи, или паче въ ученіи сему искусству. Вы удивитесь сему безсомнѣнно и почтете сіе дѣломъ, нимало съ прочимъ тогдашнимъ расположеніемъ моимъ несообразнымъ; однако сіе дѣйствительно такъ было, и я побужденъ былъ къ тому отчасти склонностью моею съ малолѣтства къ сему упражненію, отчасти бывающими у генерала нашего кой-когда балами и на нихъ танцами. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видѣть, сматривалъ я на нихъ съ восхищеніемъ и всякой разъ внутренно досадовалъ, для чего не могъ я самъ брать въ томъ соучастія. Но низкость чина моего, природная застѣнчивость и несмѣлость а, паче всего, самое неумѣнье мое танцовать, не дозволяло мнѣ и мыслить о томъ, чтобъ я могъ когда-нибудь въ увеселеніи семъ соучаствовать; ибо хотя, будучи ребенкомъ, я и танцовывалъ, но какъ искусству сему никогда не учился, то всѣ тогдашніе танцы мои ничего не значили. Поелику же мнѣ съ того времени уже никогда болѣе танцовать не случалось, то тогда и считалъ себя къ тому совсѣмъ неспособнымъ; почему и довольствовался я единымъ только зрѣніемъ, какъ другіе танцуютъ и примѣчаніемъ всѣхъ ихъ движеній и оборотовъ, дабы, пришедъ на квартиру, можно мнѣ было, хоть самоучкою, сколько-нибудь сему искусству

понаучиться. Сіе и дѣйствительно я въ праздные часы иногда дѣлывалъ, и, тананакая миноветы, учился дѣлать и à и другіе обороты. И какъ искусство сіе не такъ было мудрено, чтобъ не можно было перенять, то чрезъ нѣсколько времени и затвердилъ я оное такъ, что могъ бы по нуждѣ отважиться танцовать и въ публикѣ, и недоставало мнѣ къ тому одного только удобнаго случая.

Не успѣлъ я до того дойтить, какъ нечаяннымъ образомъ явился къ тому и вожделѣнный случай. Тотъ же нѣмецъ, который спознакомилъ меня съ книгами, доставилъ мнѣ и сей случай. Нѣкогда пришедъ въ канцелярію къ намъ, сказывалъ онъ, что въ сосѣдствѣ у него будетъ въ тотъ день жидовская свадьба, и предлагалъ мнѣ, не хочу ли я полюбопытствовать и посмотрѣть опую.—Очень бы хорошо, сказалъ я:—я никогда еще ихъ не видывалъ; но какъ бы можно было это сдѣлать? — «Ежели вамъ угодно, отвѣчалъ мой нѣмецъ:—то пойдемъ вмѣстѣ. Я васъ ужò ввечеру провожу туда; а надобно только сколько-нибудь получше одѣться, ибо свадьба будетъ хорошая и порядочная». — Хорошо, сказалъ я: — но не дурно ли будетъ, что мы придемъ безъ всякаго приглашенія, а сами собою?—«И, нѣтъ! господинъ подпоручикъ. У насъ обыкновеніе такое, что какъ скоро кто затѣетъ свадьбу отправлять публичную и сколько-нибудь получше, то вольно приходить туда всякому порядочному человѣку, а особливо вамъ, гг. офицерамъ: вы имѣете къ тому особливое право. Всякій хозяинъ не только не скажетъ вамъ ни единаго слова, но еще за честь себѣ поставлять будетъ; а нужно только самому себя вести порядочно и не начинать никакихъ наглостей, шума, забіячества и другихъ неблагопристойныхъ поступковъ».—О, что касается до этого, сказалъ я,— то отъ меня ничего такого воспослѣдовать не можетъ.—«Это я знаю и увѣренъ, отвѣчалъ онъ:—а потому-то я вамъ и предлагаю».—Ну, такъ хорошо-жъ! сказалъ я:—сводите-жъ пожалуйте меня туда и удовольствуйте мое любопытство.

Симъ образомъ условившись и сходивъ на квартиру, чтобъ поправить на себѣ волосы и поприодѣться получше, зашелъ я за нимъ въ назначенный часъ, и какъ онъ меня уже дожидался, то пошли мы тотчасъ съ нимъ на сію свадьбу. Ночь уже была тогда совершенная, но онъ говорилъ, что у нихъ обыкновеніе такое, что свадьбы бываютъ всегда по ночамъ; но какъ я удивился, когда привелъ онъ меня къ превеликому каменному дому, освѣщенному множествомъ огней.—Ужъ не здѣсь ли свадьба-то? спросилъ я. — «Точно тутъ», отвѣчалъ онъ. — Что́ ты говоришь! подхватилъ я запинаясь; ужъ не дурно ли, что мы незванные придемъ; свадьба, видно, огромная. — «И, нѣтъ! сказалъ онъ:—ступайте смѣло и не опасайтесь ничего. Вотъ я пойду напередъ и буду служить вамъ проводникомъ». Сказавъ сіе, пошелъ онъ прямо въ сѣни. Я послѣдовалъ за нимъ. Не успѣли мы войтить въ сѣни, какъ звукъ преогромной музыки поразилъ мои уши.—Ба, ба, ба! здѣсь ажно и музыка есть, сказалъ я.—«А какъ бы вы думали, отвѣчалъ онъ: — «безъ музыки у насъ только одни подлыя свадьбы бываютъ; а если маломало получше, то всегда музыка». Въ самое то время отворились двери и онъ потащилъ меня за собой. Зала была превелпкая, освѣщенная множествомъ свѣчъ и наполненная великимъ множествомъ людей обоего пола.

Я удивился, увидѣвъ что между всѣми ими не было ни одного человѣка изъ самой подлости, но всѣ люди были порядочно одѣтые и наблюдавшіе всю благопристойность. Иные изъ нихъ сидѣли подлѣ стѣнъ на стульяхъ, иные расхаживали и разговаривали между собою; другіе же и множайшіе стояли кучами и смотрѣли на танцующихъ посреди залы въ нѣсколько паръ и порядочно минуетъ. Всѣ, встрѣчающіеся съ нами, давали намъ дорогу и оказывали намъ всякую вѣжливость и учтивость. Все сіе по нечаянности своей поразило меня до безконечности.—

—Что́ ты, это, братецъ, говорилъ я тихо своему товарищу:—куда ты меня это за-

велъ? Это и не походитъ на свадьбу, это сущій балъ!—«А какъ бы вы думали, сказалъ онъ:—у насъ и всегда такъ бываетъ». — Да умплосердись, продолжалъ я его спрашивать:—скажи-жъ ты мнѣ, гдѣ же женихъ и невѣста, и когда они будутъ вѣнчаться и происходить у нихъ свадебная церемонія? — «И, господинъ подпоручикъ, отвѣчалъ онъ: — да они уже давно и еще давича, въ полдни, и въ другомъ мѣстѣ обвѣнчаны, и намъ до того какая нужда, а здѣсь только свадебный балъ. Вѣнчаются они на домахъ своихъ и притомъ бываютъ одни только родные».—А этотъ домъ развѣ не хозяйской? спросилъ я удивившись. — «Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — этотъ домъ городской и публичный, и желающіе отправлять свадебные балы, его только нанимаютъ на вечеръ и платятъ за то въ ратушу самую почти бездѣлицу». — Вотъ сударь, сказалъ я, удивляясь отчасу больше:—это обыкновеніе у васъ очень хорошо и поэтому свадьбы хозяину немного стоятъ.—«Конечно, немного, отвѣчалъ онъ: — ибо весь убытокъ состоитъ въ покупкѣ свѣчъ и въ заплатѣ небольшого колличества денегъ музыкантамъ, а то, впрочемъ, не бываетъ тутъ ни ужиновъ, ни подчиваньевъ, да и за играніе музыки платятъ болѣе сами танцующіе». — Какъ это? спросилъ я, удивившись еще болѣе. — «А вотъ, сказалъ онъ: — это увидите вы сами, дай окончиться миновету, и тогда, если кому захочется въ особенности что-нибудь танцовать, то онъ велитъ музыкантамъ то играть и за сіе преимущество даетъ имъ бездѣлицу, нѣсколько грошей денегъ, такъ они и заревутъ, и играютъ до тѣхъ поръ, покуда ему хочется». — Вотъ какая диковинка! сказалъ я:—но, пожалуйте, скажите мнѣ, какіе же это танцуютъ люди да и всѣ вотъ здѣсь находящіеся?—«Всякаго чина и состоянія, отвѣчалъ онъ:—кромѣ только самой подлости: есть тутъ мѣщане, есть хорошіе ремесленники, есть духовные, есть и хорошіе купцы съ своими женами и дочерьми, а изъ молодыхъ и сихъ танцующихъ мужчинъ, есть множество и штудирующихъ въ здѣшнемъ университетѣ штудентовъ и въ томъ числѣ хорошихъ дворянскихъ дѣтей; а въ прежнія времена хаживало сюда и множество нашихъ гг. офицеровъ, и они бывали лучшіе танцовщики. Словомъ, здѣсь есть всякаго сорта люди, ибо всякому дозволено посѣщать сіи пиры, да еще и съ тѣмъ, что буде кто не хочетъ быть знакомъ, такъ можетъ приходить себѣ и въ маскѣ и въ маскарадномъ платьѣ».—Да умилосердись! продолжалъ я его спрашивать:—когда бываютъ тутъ люди всякаго сорта, и знакомые и незнакомые, то не легко ли могутъ происходить тутъ всякая всячина, напримѣръ: ссоры, шумы, безчинія и тому подобное?—«Ахъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ:—у насъ сего никогда не бываетъ, да и быть не можетъ. Наша полиція наблюдаетъ весьма строго то, чтобъ ничего подобнаго тому на сихъ съѣздахъ не происходило. Сохрани Господи, если кому вздумается что-нибудь непристойное и неприличное предпріять: тотчасъ подъ руки, и выведутъ со стыдомъ вонъ и вытолкаютъ въ двери, ктобъ онъ таковъ ни былъ».—Это, право, очень хорошо! сказалъ я.—Но пожалуйте, вы сказали мнѣ, что эта свадьба жидовская, но чтожъ я жидовъ здѣсь не вижу? — «И, какъ не видать, отвѣчалъ онъ: — развѣ вы ихъ не примѣтили? Ихъ, правда, немного, однако они есть: вонъ, примѣтьте, у которыхъ бороды не чисто всѣ выбриты, а оставлена узенькая полоска на челюстяхъ, подстриженная ножницами: это все жиды и ихъ по одному только сему распознать можно; а, впрочемъ, они такъ же одѣты, какъ и прочіе, ибо бываютъ тутъ изъ нихъ одни лучшіе и богатѣйшіе». — А женщины-то ихъ? спросилъ я далѣе. — «А сихъ, сказалъ онъ: — ничѣмъ уже съ прочими различить не можно: онѣ такъ же хорошо одѣваются, какъ и прочія. Вотъ смотрите, узнаете ли въ числѣ сихъ танцующихъ самую невѣсту?» — Нѣтъ, сказалъ я, пересмотрѣвъ всѣхъ прочихъ:—всѣ онѣ, кажется, одѣты единоравно и всѣ изряднёхонько». — «Вотъ она, сказалъ онъ, указывая на невѣсту:—ее по-

тому только можно отличить, что она вся въ бѣломъ платьѣ и что голова ея убрана цвѣтами. А вотъ это ея женихъ», сказалъ онъ, указывая на молодого и изряднаго молодца.

Я смотрѣлъ тогда съ особливымъ любопытствомъ на сихъ новобрачныхъ и не могъ довольно надивиться всему поведенію ихъ, которое было столь порядочно, что я никакъ бы не подумалъ, что это жиды были, если-бъ мнѣ того не сказали. Наконецъ, спросилъ я моего товарища:—Но самъ-то хозяинъ гдѣ-жъ? пожалуйте покажите мнѣ его. — «Богъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: — мнѣ онъ не знакомъ и тутъ ли онъ или нѣтъ, я, истинно, не знаю, да и какая нужда о немъ знать; онъ такой же тутъ гость, какъ и всѣ прочіе, и какъ онъ ни о комъ, такъ и объ немъ никто не заботится».— Вотъ смѣшно и удивительно, сказалъ я:— правду сказать, тѣмъ и лучше и вольнѣе.

Въ самое сіе время окончился тотъ польской танецъ, который тогда послѣ минуета танцовали. — Ну, теперь что будетъ? сказалъ я.—«Не-бось, контратанецъ!» отвѣчалъ мой товарищъ, и онъ въ мнѣніи своемъ не обманулся. Мы услышали вдругъ голосъ одного молодого человѣка, кричащаго музыкантамъ, чтобъ играли р е ж у и с а н с ъ, и подающаго имъ нѣсколько денегъ. Не успѣлъ онъ сего вымолвить, какъ по всей залѣ раздалось эхо, множество голосовъ начали говорить: «режупсансъ! режупсансъ!» и всѣ молодые люди начали себѣ искать подругъ и, поднимая молодыхъ женщинъ, рапжироваться въ двѣ линіи. Какъ мнѣ имя сего контратанца довольно было извѣстно, потому что я видѣлъ, какъ его нѣсколько разъ танцовали на балахъ у генерала, и мнѣ онъ такъ полюбился, что я и голосъ и фигуру его затвердилъ твердо, то воскипѣлъ я тогда желаніемъ танцовать его. «Эхъ, думалъ я, отвѣдалъ бы потанцовать его! авось-либо не ошибусь; фигура мнѣ знакома». Но несмѣлость моя такъ была велика, что я никакъ не могъ бы на то отважиться, еслибы товарищъ мой примѣтивъ, что я горю желаніемъ, но только не осмѣливаюсь, мнѣ не сказалъ:

Н ѣ м е ц ъ. — Что́, господинъ подпоручикъ, не вздумаете ли и вы имъ компанію сдѣлать?

Я. — Богъ знаетъ! никогда я контратанца сего еще не танцовывалъ! Правда, фигура его мнѣ знакома, но боюсь, чтобъ не помѣшаться и не спутаться.

Н ѣ м е ц ъ. — И, господинъ подпоручикъ, пуститесь, авось-либо не спутаетесь; а хоть бы и помѣшались, бѣда не велика, здѣсь люди не знатные, вамъ то отпустятъ; станьте только въ послѣдней парѣ, такъ покуда дойдетъ до васъ очередь, такъ вы и переймете.

Я. — Такъ иттить?

Н ѣ м е ц ъ. — Ступайте, сударь, ничего не опасаясь.

Я. — Но гдѣ-жъ мнѣ женщину-то взять? ни одна мнѣ не знакома.

Н ѣ м е ц ъ. — Что нужды! берите любую, ни одна вамъ не откажется, но еще за честь себѣ поставить съ вами танцовать, если только умѣетъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ увидѣли мы одну молодую и изрядную дѣвушку, бѣгающую по всему залу и ищущую себѣ товарища, и тогда сказалъ мнѣ мой спутникъ:

— Ну, вотъ на что лучше, сама ищетъ, ступайте и адресуйтесь къ ней.

Духа моего едва стало на то, чтобъ къ тому отважиться. Я подступилъ къ ней въ самое то время, какъ она шла мимо насъ, и сказалъ ей:

— Сударыня! конечно, вамъ недостаетъ пары? Не угодно ли со мною?

— Съ охотою моею, отвѣчала мнѣ дѣвушка, обрадуясь примѣтно моему приглашенію; она подала мнѣ руку и тотчасъ повела-было становиться между первыми парами.

— Сударыня! сказалъ я, остановивъ ее немного:—не лучше ли немного подалѣе, ибо, признаюсь вамъ, что я сего танца еще не танцовывалъ, развѣ вы меня поправлять станете.

— О, сударь, съ превеликою охотой,

отвѣчала она и тотчасъ пошла становиться туда, гдѣ мнѣ хотѣлось.

Сердце вострепетало во мнѣ, какъ скоро сталъ я въ порядокъ, и тѣ минуты, которыя надлежало мнѣ дожидаться, покуда дошла до меня очередь, были для меня наимучительнѣйшія. Весь духъ мой находился въ великомъ смущеніи, и я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, власно, какъ дожидаясь невѣдомо чего. Но, наконецъ, рѣшился мой жребій. Меня подхватили, потащили и заставили также бѣгать, прыгать и вертѣться, и сія минута рѣшила все мое сумнѣніе и къ самому себѣ недовѣрчивость. Я протанцовалъ весь контратанецъ безъ малѣйшей ошибки, и такъ исправно, что товарищъ мой не могъ довольно расхвалить меня. И съ того времени не было ему уже нужды побуждать меня къ танцованію. Мнѣ нужна и тяжела была только первая минута; а какъ я однажды уже осмѣлился, то не было почти уже и уйму мнѣ. Я не пропускалъ ни одного танца, который бы не танцовалъ вмѣстѣ съ прочими, и такъ разохотился, что товарищъ мой уже тому почти и не радъ былъ, но сѣвъ въ уголокъ, только на меня посматривалъ. Пуще всего нравилось мнѣ то, что всѣ женщины съ особливою охотой со мною танцовали, и не только не смѣялись, если я когда въ незнакомыхъ еще мнѣ контратанцахъ сначала ошибался, но всякая съ удовольствіемъ мнѣ сказывала, куда иттить и что дѣлать.

Однимъ-словомъ, вечеръ сей былъ для меня наиприятнѣйшій въ жизни. Я не видалъ, какъ оный прошелъ и затанцовался даже до того, что товарищъ мой, наконецъ, ко мнѣ подошелъ и сказалъ: «Уже первый часъ, господинъ подпоручикъ! не пора ли намъ домой иттить; молодые уже давно ушли и скрылись и скоро всѣ разъѣдутся». Тогда только опомнился я, что задержалъ сего добраго человѣка. Я приносилъ ему тысячу извиненій и благодареній, что онъ для меня столько трудился и, схватя шляпу, тотчасъ пошелъ съ нимъ.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе, а симъ окончу я и письмо мое, и паки вамъ скажу, что я есмь и прочее.

Письмо 70-е.

Вечеръ, препровожденный столь весело, произвелъ мнѣ столько удовольствія и упражненіе въ танцахъ мнѣ такъ понравилось, что они не выходили у меня изъ мыслей во всю дорогу, какъ я возвращался тогда на квартиру. Я благодарилъ товарища моего еще разъ, при разставаніи съ нимъ, и былъ услугою его крайне доволенъ. Танцовать же такъ разохотился, что, идучи далѣе, не одинъ разъ самъ себѣ говорилъ: «Ну, еслибъ еще разъ или два случилось мнѣ такимъ же образомъ потанцовать, такъ бы я и пошелъ себѣ, и могъ бы смѣло танцовать и у самого генерала на балахъ». Сіе желаніе мое и совершилось прежде, нежели я думалъ и ожидалъ. Помянутый товарищъ мой, нѣмецъ, не успѣлъ увидѣть меня на другой день, какъ, разсмѣявшись, сказалъ:

«Ну, господинъ подпоручикъ, охотники вы танцовать, прямо охотникъ! Я этого и не вѣдалъ, а еслибъ зналъ, то давно бы доставилъ вамъ къ тому случай. Не угодно ли вамъ еще такимъ же образомъ танцами позабавиться? Послѣ-завтрева опять будетъ свадьба».

— Что вы говорите! возопилъ я: — не уже ли опять такая-жъ?

— Не только такая-жъ, но еще лучше! Вотъ здѣсь близехонько, въ альштадтскомъ городскомъ домѣ, и будетъ жениться одинъ зажиточный купецъ. И ежели угодно, то я васъ и туда провожу, но только съ тѣмъ, чтобъ мнѣ тамъ не сидѣть такъ долго, какъ вчера, но чтобъ мнѣ вольно было уйтить оттуда когда я похочу.

— Ахъ! любезный другъ, ты меня одолжишь тѣмъ до безконечности! А что касается до васъ, то идите себѣ когда хотите, я и одинъ могу остаться. — «Очень хорошо, сказалъ онъ: — я васъ свожу и туда; но что говорить, была бы только у васъ охота танцовать. Я вамъ буду всякій разъ сказывать, какъ скоро узнаю, что будетъ гдѣ-нибудь свадьба. У насъ онѣ въ нынѣшнее осеннее время бываютъ очень часто, и вы можете на всѣхъ ихъ

быть, если только хотите». — Батюшка ты мой, возопилъ я — ты меня, ей-Богу, такъ одолжаешь, что я истинно не знаю, чѣмъ и какъ мнѣ тебя возблагодарить за то!

Господинъ Пикартъ (ибо такъ онъ прозывался) сдержалъ дѣйствительно свое слово. Онъ сводилъ меня и на сію свадьбу, которая въ самомъ дѣлѣ была несравненно лучше и во всемъ превосходнѣй первой; не только домъ, въ которомъ она отправлялась, гораздо больше, но и собраніе многочисленнѣйшее, да и состояло оно изъ людей гораздо лучшихъ и знаменитѣйшихъ. Мнѣ и тутъ было чрезвычайно весело; ибо какъ я былъ уже смѣлѣе, то вступилъ тотчасъ въ танцы и протанцовалъ часу до третьяго, такъ что, отъ усталости, насилу дошелъ домой и остальную часть ночи спалъ какъ убитый. А не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ, къ великому удовольствію моему, получилъ чрезъ г. Пикарта и въ третій разъ случай, такимъ же образомъ всю почти ночь протанцовать на свадьбѣ.

Чрезъ сіе троекратное и долговременное упражненіе въ танцованіи я такъ въ танцахъ уже наторѣлъ и наблошнился, что мнѣ всѣ танцуемые тогда въ Кёнигсбергѣ разноманерные танцы сдѣлались очень знакомы, и я всѣ ихъ могъ танцовать безъ нужды и безошибочно; а сіе съ столь малымъ трудомъ пріобрѣтенное новое искусство и послужило мнѣ тогда очень кстати.

Ибо не успѣла армія наша возвратиться изъ похода на рѣку Вислу и расположиться тутъ по кантониръ-квартирамъ, какъ городъ нашъ наполнился множествомъ пріѣзжающихъ изъ арміи всякаго рода людей. Изъ всѣхъ полковъ присылаемы были команды и офицеры для разныхъ вещей и покупокъ. Множество другихъ пріѣзжало для собственныхъ своихъ нуждъ и живали тутъ по нѣскольку времени, и между ними были многіе генералы, и бригадиры и другіе знаменитые люди. Что-жъ касается до проѣзда чрезъ нашъ городъ многихъ знатныхъ особъ, отчасти изъ арміи въ Петербургъ, отчасти оттуда въ армію, то онъ почти былъ безпрерывный; и какъ всѣ они, обыкновенно, у насъ въ городѣ на нѣсколько дней останавливались, то отъ всего того, равно какъ и отъ съѣзда изъ уѣздовъ на зимнее время въ городъ прусскаго дворянства, весь городъ нашъ власно какъ оживотворился; а все сіе и подало поводъ генералу нашему, любящему и безъ того пышную и веселую жизнь, показать себя при этомъ случаѣ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ не упускалъ ни одной проѣзжающей знаменитой особы безъ того, чтобъ не угостить у себя наилучшимъ образомъ. Что-жъ касается до пріѣзжающихъ къ намъ и живавшихъ у насъ по нѣскольку недѣль въ городѣ генераловъ, то сіи всѣ имѣли всегдашнее почти у него пребываніе. Не было дня, въ который бы они его не посѣщали и имъ всячески угощаемы и увеселяемы не были; то и дѣло бывали у него многочисленныя собранія и обѣды. А какъ къ тому присовокупилось и то, что онъ и со всѣмъ прусскимъ въ городѣ находящимся дворянствомъ уже спознакомился совершенно и пріобрѣлъ къ себѣ отъ нихъ любовь и почтеніе, а сверхъ всего того нашъ генералъ, несмотря на всѣ свои пожилыя лѣта, не отставалъ еще отъ привычки молодыхъ своихъ лѣтъ, и отъ особливой склонности къ любовнымъ интригамъ и случилось такъ, что онъ въ особливости заразился тутъ страстію къ одной пруской графинѣ изъ фамиліи Кейзерлингъ, то все сіе и побуждало его къ выдумыванію и изобрѣтенію всѣхъ возможнѣйшихъ родовъ увеселеній, и потому не было ни одного праздника и торжественнаго дня въ который бы не давалъ онъ всѣмъ знаменитѣйшимъ людямъ у себя великолѣпнаго пира, а потомъ многочисленнаго бала. Не проѣзжалъ ни одинъ изъ знатныхъ людей чрезъ нашъ городъ, для котораго не сдѣлано-бъ было имъ также пирушки. Но и всѣмъ тѣмъ онъ еще не удовольствовался; но какъ помянутая страсть его къ графинѣ Кейзерлингшѣ увеличивалась съ часу на часъ и побуждала его искать колико можно частѣй-

шихъ случаевъ съ нею къ свиданію, то скоро дошло до того, что, кромѣ всѣхъ праздниковъ, положены были и въ каждую недѣлю особливые дни, въ которые бы быть либо у него, либо въ другихъ знаменитѣйшихъ домахъ съѣздамъ и собраніямъ. И такъ всякій почти день были либо у него гости, либо онъ самъ въ гостяхъ. Но какъ никто изъ прочихъ не могъ жить такъ пышно и расходно какъ онъ, то завелъ онъ преимущественно предъ прочими то, чтобъ всякую недѣлю быть у него, кромѣ обыкновенныхъ съѣздовъ для играніе въ карты въ одинъ день и всеобщему собранію и балу, продолжавшемуся обыкновенно бо́льшую часть ночи. Словомъ, городъ нашъ сдѣлался обиталищемъ утѣхъ и веселостей, и посреди тогдашняго шума военнаго оружія однимъ только мѣстомъ, въ которомъ можно было найтить случай повеселиться и время свое препроводить съ пріятностью; а разнесшійся о томъ слухъ и привлекалъ какъ изъ арміи, такъ и изъ всѣхъ другихъ мѣстъ множество народа, и всѣ молодые люди стремились туда власно какъ къ нѣкоему центру веселостей.

При таковыхъ обстоятельствахъ, судите, каково̀ долженствовало быть мое удовольствіе, когда я, живучи при семъ генералѣ и помянутымъ образомъ получивъ вкусъ въ танцахъ, могъ имѣть случай всякую недѣлю одинъ, а иногда и нѣсколько разъ не только наслаждаться зрѣніемъ на оные во время баловъ, но и самъ брать въ нихъ соучастіе. Ибо сколько сначала и не могъ я ласкаться надеждою, чтобъ мнѣ можно было когда-либо имѣть въ томъ соучастіе, но вскорѣ дошло до того, что меня самого искать и принуждать къ тому стали. Привезенъ былъ къ намъ, взятый въ послѣднюю баталію нашими въ плѣнъ, королевской-прусскій флигель-адъютантъ, графъ Шверинъ. Какъ онъ былъ весьма знатнаго рода, а притомъ малый молодой, свѣжій, ловкій, проворный и сущій красавецъ и разумница, а притомъ находился до того у короля въ милости, то не только не содержанъ былъ онъ у насъ взаперти, но оказываемо было ему отъ всѣхъ и наивозможнѣйшее уваженіе. Онъ жилъ у насъ совсѣмъ на свободѣ и имѣлъ только у себя для имени двухъ приставовъ, такихъ же ребятъ молодыхъ, такихъ же ловкихъ, проворныхъ и красавцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ самый тотъ Орловъ, Григорій Григорьевичъ, который послѣ былъ столь знаменитъ и игралъ великую роль въ свѣтѣ, а другой — братъ его двоюродный, господинъ Зиновьевъ. Оба они были еще тогда самыми низкими армейскими офицерами и не болѣе какъ поручиками, и оба жили безотлучно при графѣ Шверинѣ на одной квартирѣ, и не столько за нимъ смотрѣли, сколько дѣлали ему компанію.

Сіи три молодца были тогда у насъ первые и наилучшіе танцовщики на балахъ, и какъ красотою своею, такъ щегольствомъ и хорошимъ поведеніемъ своимъ привлекали на себя всѣхъ зрѣніе. Ласковое и, въ особливости, пріятное обхожденіе ихъ приобрѣло имъ отъ всѣхъ насъ искреннее почтеніе и любовь; но никто тѣмъ такъ не отличался, какъ помянутый господинъ Орловъ. Онъ и тогда имѣлъ во всемъ характерѣ своемъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить. Ко мнѣ былъ онъ отмѣнно ласковъ и благосклонепъ; ибо какъ квартира ихъ была насупротивъ самаго замка и ему всякой почти день случалось бывать для рапортованія генералу у насъ въ канцеляріи, то имѣли мы скоро случай между собою познакомиться и другъ друга полюбить. Словомъ, чрезъ короткое время онъ меня полюбилъ какъ роднаго брата и никогда не пропускалъ, чтобъ, увидѣвъ меня, не закричать: «Ахъ! Болотепка мой другъ! (ибо такъ онъ меня обыкновепно называлъ) здравствуй, голубчикъ!» и чтобъ не расцѣловать меня какъ родного.

Таковая любовь и всегдашнія ласки ко мнѣ сего человѣка и доставили мнѣ наконецъ ту выгоду, что я могъ во всѣхъ увеселеніяхъ, бываемыхъ у нашего генерала, брать соучастіе. Я выше уже упоминалъ, что онъ былъ однимъ изъ луч-

шихъ нашихъ и первыхъ танцовщиковъ и, власно, какъ душою на балахъ. Ибо, не успѣютъ старики открыть балъ и, потанцовавъ нѣсколько миноветовъ и польскихъ, усѣсться за карты, какъ долженствовали сіи господа, по просьбѣ генерала, заводить съ молодыми дамами и дѣвицами контратанцы и поддерживать веселость бала во все то время, покуда онъ продолжался; но сіе учинить имъ не таково легко было, какъ онъ сперва думалъ. Встрѣтилось одно обстоятельство, дѣлающее имъ въ томъ превеликую остановку, а именно: молодыхъ дамъ и дѣвицъ было у насъ всегда превеликое множество, но молодыхъ мужчинъ, могущихъ танцовать контратанцы и, какъ говорится, пускаться во вся тяжкая, кромѣ ихъ, такъ мало, что они не могли набирать иногда шести и семи паръ. Ибо хотя дѣлали имъ компанію и пріѣзжіе изъ арміи, случающіеся на сихъ балахъ и нерѣдко и изъ самыхъ генераловъ тѣ, которые были помоложе, какъ, напримѣръ, графъ Петръ Ивановичъ Паниинъ и господинъ Вильбоэ и нѣкоторые другіе; но какъ они не всегда случались, да и не могли имъ безпрестанно сотовариществовать. и пускаться съ ними во вся тяжкая, то и была на нихъ превеликая коммиссія и они не знали, что̀ дѣлать. Сперва пробавлялись они кое-какъ нѣсколько времени; но какъ балы у генерала начались очень частые и имъ, наконецъ, недостатокъ въ товарищахъ себѣ наскучилъ, то и начали они выискивать изъ всѣхъ находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ молодыхъ и способныхъ къ тому офицеровъ и всячески ихъ преклонять и уговаривать приходить на сіи балы.

При этомъ случаѣ господинъ Орловъ первѣе всѣхъ устремилъ свое вниманіе на меня. Онъ тотчасъ началъ меня къ тому подговаривать, и я сколько ни отговаривался своимъ неумѣньемъ и тѣмъ, что я не смѣю генерала и не знаю, будетъ ли ему то угодно, но ничто не помогло. При первомъ случившемся послѣ того балѣ, приступилъ онъ къ генералу: «Что̀, ваше превосходительство, сказалъ онъ ему: — воля ваша, танцовать не съ кѣмъ. Не изволите ли приказать вотъ господину Болотову? онъ бы могъ намъ помогать».—«Пожалуй, душа моя! сказалъ генералъ: — съ превеликою охотою; но умѣетъ ли только онъ?» — «Я думаю, что онъ умѣетъ—сказалъ Орловъ,—но хотя бы и не умѣлъ, такъ мы тотчасъ его научимъ, хоть бы фигуру намъ дѣлалъ; извольте только приказать, а то онъ самъ безъ вашего приказанія не осмѣливается». — «И, для чего нѣтъ!» отвѣчалъ генералъ и тотчасъ подошелъ ко мнѣ, и наиласковѣйшимъ образомъ сказалъ: «Другъ ты мой! ежели только можешь, то пожалуй себѣ танцуй, чего тебѣ меня опасаться; ты мнѣ тѣмъ великое еще удовольствіе сдѣлаешь». Сего для меня было довольно; ибо какъ сего давно душа моя желала, то я въ тотъ же мигъ полетѣлъ съ господиномъ Орловымъ и пустился во вся тяжкая. Онъ удивился моему умѣнью и не могъ довольно расхвалить меня за то; а и самъ генералъ увидѣвши, что я танцую порядочно, и на ряду съ ними таково-жъ хорошо прыгаю и верчусь, такъ былъ тѣмъ доволенъ, что, подошедъ ко мнѣ и потрепавъ по плечу, сказалъ: «Браво! браво! мой другъ! Пожалуйста танцуй и приходи сюда всякій разъ, когда у меня ни случится балъ!»

Съ того времени не пропускалъ уже я ни одного бала, но приходя на нихъ, протанцовывалъ всегда до самаго окончанія оныхъ, и Богу единому извѣстно, сколь великое и многое чувствовалъ я оттого удовольствіе. Правда, сперва было мнѣ нѣсколько трудновато привыкать: не соучаствовавъ никогда въ такихъ знатныхъ компаніяхъ и видя себя тогда принужденнымъ танцовать и даже прыгать и вертѣться съ самими принцессами, графинями и баронессами и стоять нерѣдко въ ряду съ самыми нашими генералами въ лептахъ и кавалеріяхъ, а особливо съ столь страшнымъ въ прежнія времена мнѣ господиномъ Вильбоэмъ, чувствовалъ я иногда превеликое смятеніе и сердце было у меня весьма не на мѣстѣ; но къ

чему не можно привыкнуть? Не успѣлъ я нѣсколько оборкаться, какъ ничто уже меня не трогало, и я со всѣми ими и съ такимъ же удовольствіемъ танцовывалъ, какъ и съ ровными себѣ; а сіе весьма много и помогло къ тому, что я въ послѣдующіе потомъ годы моей жизни всегда уже смѣлѣе обходился съ знатными людьми, нежели до того времени. Привычка же моя къ танцованью и удовольствіе, чувствуемое при томъ было такъ велико, что какъ сіи балы ни были у насъ часты, но я всѣмъ тѣмъ далеко еще не удовольствовался, но не пропускалъ и въ городѣ ни одной почти свадьбы, на которой бы мнѣ не побывать и также не потанцовать. Но на сіи хаживалъ я уже не одинъ, а съ нѣсколькими другими офицерами, съ которыми, по случаю танцевъ у генерала, я спознакомился, и они намъ были еще пріятнѣе самыхъ баловъ и болѣе потому, что тамъ составляли уже мы первыхъ танцовщиковъ и пользовались множайшею вольностью нежели на балахъ, по которой причинѣ нерѣдко хаживалъ съ нами на нихъ и самъ Орловъ для компаніи.

Въ таковыхъ-то увеселеніяхъ препроводили мы тогда всю осень; а не успѣла настать зима, какъ генералъ нашъ доставилъ намъ новое удовольствіе. Онъ выписалъ изъ Берлина цѣлую банду комедіантовъ, и какъ у насъ въ городѣ театръ былъ готовый и изрядный каменный, то и начались у насъ театральныя представленія. Зрѣлища сіи были для меня совсѣмъ еще новыя и необыкновенныя; и какъ комедіанты играли довольно хорошо, то весьма скоро получилъ я и въ нихъ вкусъ и они мнѣ такъ полюбились, что я увеселялся ими еще болѣе нежели всѣмъ прочимъ, и не упускалъ ни одного театральнаго зрѣлища, чтобъ не быть на немъ, что̀ мнѣ съ тѣмъ лучшею удобностью можно было дѣлать, что мнѣ они ничего не стоили. Ибо̀ какъ содержателю театра была до нашей канцеляріи и собственно-таки до меня нужда, то, изъ учтивости, подарилъ онъ меня съ самаго начала такъ-называемымъ фрейбилетомъ, или далъ привилегію ходить всегда безденежно.

Не могу изобразить, сколь ко многимъ и безчисленнымъ увеселеніямъ подавали мнѣ эти театральныя зрѣлища поводъ. Частыя перемѣны въ театральныхъ представленіяхъ, комедіи, прологи и трагедіи никогда мною невиданныя, новостью своею плѣняли меня до безконечности. Я сматривалъ на нихъ не только съ превеликою жадностью, но и съ возможнѣйшимъ примѣчаніемъ; и изъ всѣхъ зрителей вѣрно весьма немногіе удостоивали ихъ такимъ вниманіемъ какъ я. Всякій разъ когда ни случалось мнѣ бывать въ театрѣ, наполнена бывала у меня вся голова видѣннымъ и слышаннымъ, и я занимался тѣмъ во весь достальной вечеръ.

Но и сего всего было еще недовольно; но генералъ нашъ, для усовершенствованія нашихъ веселостей и для приданія пышной и великолѣпной своей жизни болѣе блеска, вскорѣ потомъ завелъ у себя и маскарады. Сей родъ увеселеніевъ былъ для меня также совсѣмъ новъ и никогда до того невиданный и потому въ состояніи былъ не менѣе меня утѣшать, какъ и прочія. Но сначала не могъ я брать въ нихъ соучастія. Начались они сперва небольшія и такъ-сказать комнатныя и въ покояхъ у губернатора; и какъ у тамошняго дворянства не у всѣхъ было маскарадное платье, то и собрались на нихъ только немногіе изъ нихъ. Однако сіе продлилось недолго. Не успѣла разнестись объ нихъ молва и слухъ, что генералъ, не удовольствуясь приватными маскарадами, намѣренъ давать большіе и всенародные въ оперномъ домѣ, и дать дозволеніе всѣмъ брать въ нихъ соучастіе, какъ вскружились у всѣхъ головы, и всѣ начали строить себѣ маскарадныя платья. Тотчасъ навезено было множество масокъ и у всѣхъ, захотѣвшихъ брать въ нихъ соучастіе, пошли разныя выдумки. Не могу изобразить, какъ поразительно было для меня первое таковое зрѣлище въ большомъ театральномъ залѣ. Нѣсколько сотъ различныхъ масокъ, изъ кото-

рыхъ одна другой была страннѣе и удивительнѣе, представившись вдругъ моему зрѣнію привели оное въ такую разстройку, что я не зналъ, на которую прежде смотрѣть и которою болѣе любоваться. Но ни которая маска такъ хороша и прелестна не казалась, какъ арапская, невольническая, въ которое платье одѣты были Орловъ съ Зиновьевымъ. Сшито оно было все изъ чернаго бархата, опоясано розовыми тафтяными поясами; чалма украшена бусами и прочими украшеніями, и оба они, будучи одѣты одинаково, скованы были цѣпьми, сдѣланными изъ жести. Поелику оба они были высокаго и ровнаго роста и оба имѣли прекрасную талію, то нельзя изобразить, сколь хорошій видъ они собою представляли и какъ обратили всѣхъ зрѣніе на себя. Изъ госпожъ же наилучшую фигуру представляла тогда принцесса голштейнъ-бекская. Она свела особливое дружество съ молодымъ графомъ Шверинымъ и была одѣта тогда ему подъ пару и прямо щегольски. Но и кромѣ сихъ, многія другія отличались какъ богатствомъ, такъ и особливостью своихъ маскарадныхъ платьевъ.

Я въ сей разъ находился въ числѣ зрителей: и увеселеніе сіе такъ мнѣ полюбилось, что я руки себѣ ѣлъ, что не сдѣлалъ себѣ также, по примѣру другихъ, маскараднаго платья. Почему не успѣлъ узнать, что вскорѣ будетъ другой и многочисленнѣйшій еще маскарадъ, какъ уже не былъ столь глупъ, по смастерилъ и себѣ прекрасное гишпанское платье. Сей маскарадъ былъ еще лучше и несравненно многолюднѣе прежняго. Казалось, что у всѣхъ жителей кёнигсбергскихъ вскружилась голова и что всѣ они восхотѣли взять въ немъ соучастіе и другъ друга перещеголять въ выдумкахъ особыхъ масокъ и украшеній. Какихъ и какихъ масокъ и какихъ удивительныхъ зрѣлищъ не было на ономъ! Были тутъ не только разныя такъ-называемыя кадрили; были не только маски, изображающія разные дикіе и европейскіе старинные и новые народы; были не только маски, изображающія разныхъ художниковъ и мастеровыхъ, напримѣръ, мельниковъ, трубочистовъ, кузнецовъ и другихъ тому подобныхъ, но долженствовали и самыя бездушныя вещи, какъ, напримѣръ, шкафы, пирамиды и прочія тому подобныя, принимать на себя одушевленный видъ и ходить между людьми. Нельзя изобразить, какъ удивили сначала насъ эти движущіеся и расхаживающіе тутъ же между людьми шкафы и пирамиды, ибо скрывшихся во внутренности ихъ людей вовсе не было видно. Но послѣ не могли мы тому довольно насмѣяться. Словомъ, маскарадъ сей былъ наивеликолѣпнѣйшій и имѣлъ всѣ свойства лучшихъ маскарадовъ. Мы препроводили на оном всю почти ночь въ превеликомъ удовольствіи и танцовали до усталости. Господинъ Орловъ былъ въ сей разъ одѣтъ въ платье древнихъ римскихъ сенаторовъ, которое къ нему такъ пристало, что мы, любуясь, ему нѣсколько разъ говорили: «только бы быть тебѣ, братецъ, большимъ боярином и господином; никакое платье такъ къ тебѣ не пристало, какъ сіе». Такимъ образомъ говорили мы ему, не зная, что съ нимъ и дѣйствительно сіе случится и что мы сіе ему власно какъ предсказывали.

Въ таковыхъ-то многоразличныхъ и весьма частыхъ увеселеніяхъ препроводили мы тогдашнюю всю зиму, и никогда не были они у насъ столь многочисленны, какъ около начала 1759 года, или въ святки. Во всѣ сіи двѣ недѣли всякій день было у насъ что-нибудь новое, то-есть, либо балъ, либо маскарадъ, либо театръ, либо такъ собраніе и такъ далѣе. А ко всему тому присовокупилось и еще одно увеселительное для насъ и новое также зрѣлище. Въ Кёнигсбергѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ европейскихъ нѣмецкихъ городахъ, всякій годъ около Рождества бываетъ еще одна, такъ-называемая, христова ярманка. Она начинается въ навечеріе Рождества и продолжается цѣлую недѣлю, и особливое имѣетъ въ себѣ то, что торговля производится не по днямъ, а только по вечерамъ и ночью,

при огняхъ. Вся небольшая и прежде упоминаемая площадь въ Альтштадтѣ загромащивается лавочками, убранными разными товарами и освѣщенными множествомъ свѣчъ и фонарей; и какъ торговля производится наиболѣе мѣдною посудою и конфектами, то блескъ огней, отпрыгивающій вкупѣ отъ чистой мѣдной и оловянной посуды, развѣшанной повсюду и разставновленной по всѣмъ полкамъ въ лавкахъ, производитъ довольно пріятное зрѣлище.

Весь городъ дожидается ярманки сей, власно какъ нѣкоего особливаго праздника, и не успѣетъ наступить навечеріе праздника Рождества Христова, какъ всѣ лучшіе мѣщане со всѣми своими семействами и малолѣтными дѣтьми съѣзжаются и весь вечеръ гуляютъ по рядамъ сихъ лавокъ. Обыкновеніе у нихъ есть покупать малолѣтнымъ дѣтямъ своимъ въ сей вечеръ конфекты, и игрушки и другіе мелочные подарки и приносить и привозить таковые же остающимся дома. А сіе и причиной, что всѣ малыя дѣти дня сего дожидаются у нихъ съ великою нетерпѣливостью, и будущими подарками, которые они называютъ христомъ, веселятся уже заранѣе.

Мы не преминули также посѣщать сію ярманку въ праздные вечера и брать во всенародномъ удовольствіи соучастіе; а въ сихъ упражненіяхъ и засталъ насъ 1759 г.

Но какъ письмо мое получило уже обыкновенную свою величину, то я окончавъ оное, скажу, что есмь вашъ и прочая.

Письмо 71-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ препровождали всю зиму въ Кёнигсбергѣ въ безчисленныхъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, армія наша стояла на кантониръ-квартирахъ, расположившись оными вдоль по рѣкѣ Вислѣ, и по ближнимъ къ оной мѣстамъ и селеніямъ; и какъ главному ея командиру графу Фермору надлежало, для отчета въ своихъ дѣяніяхъ и полученія новыхъ повелѣній, съѣздить въ Петербургъ, то, въ отсутствіе свое, поручилъ онъ команду надъ всею арміей старшему изъ бывшихъ тогда въ оной генералъ-аншефовъ, Фролову-Багрееву. Мы удивились о семъ услышавъ, ибо генералъ сей, служивъ весь свой вѣкъ въ драгунскихъ полкахъ и дожившъ до глубокой старости, способнѣе былъ сидѣть съ покоемъ у печки, нежели командовать столь великою арміей, и былъ столь мало знаменитъ, что мы почти и имя его никогда не слыхивали. Но по обстоятельству, что онъ былъ службой всѣхъ прочихъ старѣе, не можно было его никакъ обидѣть, не смотря хотя онъ, будучи мужикъ совсѣмъ простой не имѣлъ ни малѣйшихъ къ тому способностей.

Сіе обстоятельство причиною тому было, что мы въ теченіе сей зимы, посреди нашихъ веселостей, однажды чрезвычайно были перетревожены. Нѣкогда, не думая, не гадая, получили мы извѣстіе, что во всей арміи произошла превеликая заворошка, и что вся оная посреди зимы готовится выступить въ походъ. Мы не знали, что о семъ думать, ибо, помышляя всего меньше о войнѣ и объ арміи, не вѣдали ничего, что тамъ, въ отдаленности отъ насъ происходило, и по скорости приуготовленія къ выступленію въ походъ, не иное что заключали, что король прусскій, пользуясь отсутствіемъ генерала Фермора и зная дряхлость и слабость нашего тогдашняго командира, конечно, вздумалъ учинить нечаянное на нашу армію нападеніе; и какъ мы не могли на него имѣть ни малѣйшей надежды, то и опасались, чтобъ дѣйствительно не воспослѣдовало какого-нибудь бѣдствія.

Къ вящему усугубленію нашей боязни и опасенія получили мы около самаго тогожъ времени и изъ Петербурга секретное повелѣніе, чтобъ и мы съ своей стороны взяли предосторожность наивозможнѣйшую и въ случаѣ, если усмотрѣно будетъ отъ жителей кёнигсбергскихъ какое опасеніе, то для нагнанія на нихъ страха, положили бы на всѣ дома нехкранцы или смоляныя кольцы и въ случаѣ самой опасности неинако изъ города вышли, какъ зажегши оныя и превративъ весь городъ въ пепелъ. Таковое необыкновенное и страшное повелѣніе привело насъ са-

михъ въ превеликое сомнѣніе, а на жителей кёнигсбергскихъ нагнало такой страхъ и ужасъ, что они нѣсколько дней ходили всѣ повѣся головы и позабыли про всѣ веселости и забавы.

Но по счастію, страхъ сей и опасеніе продлилось недолго. Не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ получили мы извѣстіе, что въ арміи нашей опять все успокоилось и стало тихо и смирно, а сіе успокоило и насъ тотчасъ. Послѣ узнали мы, что произошло сіе оттого, что королю прусскому вздумалось велѣть одному корпусу войскъ вступить изъ Шлезіи въ Польшу. Не успѣлъ дворъ нашъ получить о томъ извѣстіе, какъ велѣно было тотчасъ и нашей арміи выступить изъ своихъ кантониръ-квартиръ и иттить на встрѣчу оному; а слухъ о семъ и устрашилъ такъ пруссаковъ, что они тотчасъ опять изъ Польши вышли и назадъ въ Шлезію возвратились, а тогда оставили и мы оружіе и попрежнему успокоились.

Между тѣмъ, однако, прошлогоднею нашею кампаніею и претерпѣнными уронами были при дворѣ нашемъ не весьма довольны. Нашлись многіе, которые критиковали все поведеніе нашего главнаго командира; а другіе всю вину возлагали на новый нашъ обсерваціонный корпусъ; наконецъ были и такіе, которые порочили и самую нашу артиллерію, а особливо шуваловскія секретныя гаубицы, приписывая имъ далеко не столь хорошее дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали. Всѣ таковые разные толки и подали двору нашему поводъ присылать нарочныхъ для свидѣтельствованія нашей артиллеріи въ армію: почему и производимо было тамъ около сего времени при всѣхъ начальникахъ армейскихъ сіе свидѣтельство. И какъ оказалось, что помянутыя гаубицы дѣйствительно имѣли нѣкоторыя неспособности и несовершенства, то съ того времени и не были онѣ уже въ такой славѣ, какъ прежде, а болѣе начали говорить уже о единорогахъ, которые около сего времени введены у насъ въ употребленіе.

Впрочемъ, впродолженіе сей зимы чинены были съ нашей стороны безпрерывныя и великія приуготовленія къ возобновленію войны на будущее лѣто, и къ продолженію оной усильнѣйшимъ еще образомъ. Англія сколько ни старалась, чрезъ своихъ министровъ, преклонить нашъ дворъ къ воспріятію нейтралитета, но всѣ ея хитр[illegible] и старанія были тщетны. Союзные [illegible] дворы убѣдили императрицу не только продолжать войну, но и вести ее гораздо съ вящимъ усиліемъ, нежели прежде. Они внушали ей, что самая честь ея требуетъ того, чтобъ она отмстила тотъ стыдъ, который претерпѣла въ минувшее лѣто, и она тѣмъ охотнѣе послѣдовала симъ совѣтамъ, что и сама хотѣла возстановить славу россійскаго оружія, а сверхъ того было бы постыдно оставить безъ нужды свои завоеванія. Всѣ усилія и домогательства короля прусскаго къ разорванію сего союза были недѣйствительны и безуспѣшны. Совсѣмъ тѣмъ употреблялъ онъ все, что могъ, къ произведенію сего въ дѣйство, и агенты его должны были вездѣ работать и трудиться. Симъ при французскомъ дворѣ хотя и удалось-было прельстить правившаго тогда всѣми дѣлами кардинала Берписа, и довесть его до того, что онъ началъ-было съ аглинскимъ дворомъ переписку, клонящуюся къ заключенію между собою мира, но по несчастію ихъ сіе узнано было благовременно и приняты такія мѣры, что кардиналъ сей потерялъ чрезъ то самъ свое мѣсто. А вступившій на его мѣсто, дюкъ Шоазель привелъ дѣла опять въ порядокъ и разрушилъ опять все то, что агенты короля прусскаго успѣли-было сдѣлать. Таковую-жъ неудачу имѣли они и при турецкомъ дворѣ, который старались они всѣми образами возжечь и преклонить начать войну либо съ цесарцами, либо съ нами, и сдѣлать чрезъ то намъ наивеличайшую диверсію. Король прусскій не жалѣлъ казны и употреблялъ огромныя суммы къ закупленію турецкихъ министровъ и къ обольщенію самого молодого султана. Однако деньги его и труды пропали попустому. Цесарскіе и фран-

цузскіе министры не пожалѣли и съ своей стороны подарковъ, и количество оныхъ превозмогло прусскіе. Турки разсудили за полезнѣйшее для себя пользоваться съ обѣихъ сторонъ прибытками, а жить притомъ въ мирѣ и тишинѣ и не подвергая отечества своего уронамъ и военнымъ опасностямъ. [illegible] касается до цесарскаго двора, то [illegible]ному сдѣлать ему было нечего, ибо какъ онъ былъ тогда нанглавнѣйшею всей войнѣ пружиною и болѣе всѣхъ о продолженіи войны старался, то всѣ происки короля прусскаго оставались тщетны.

Все сіе озабочивало весьма короля прусскаго и наводило на него велпкое опасеніе и тѣмъ паче, что онъ и на единыхъ своихъ союзниковъ, агличанъ, не могъ возлагать дальней надежды. Ему хотя и весьма хотѣлось, чтобъ они прислали сильный флотъ въ наше Балтійское море и посѣтили нашъ Кронштадтъ и лифляндскіе берега, но Англія углубилась тогда такъ въ морскую свою войну съ французами въ Азіи, Африкѣ и въ Америкѣ и разлакомилась такъ полученными тамъ завоеваніями и прнобрѣтенными выгодами надъ французами, что почитала за выгоднѣйшее для себя продолжать оныя, нежели безъ всякой льстящей надежды колотиться о пустыя и обпаженныя финляндскія скалы и кампи.

Совсѣмъ тѣмъ, дворъ нашъ имѣлъ великое опасеніе, чтобъ сего посѣщенія отъ агличанъ не воспослѣдовало; а самое сіе и причиною тому было, что старался онъ предварительно заключить особливый союзъ съ шведскимъ и датскимъ дворомъ и условиться, чтобъ, въ отвращеніе того, поставить соединенный флотъ въ Зундѣ, для воспрепятствованія проходу агличанамъ, что и учинено было дѣйствительно въ послѣдующее лѣто.

Между тѣмъ, вся армія наша укомплектована была отчасти вновь набранными рекрутами, отчасти оставшимися внутри Россіи старыми войсками. Всѣмъ онымъ велѣно было иттить въ Пруссію, а мѣста ихъ заступили новонабранные рекруты. Вмѣсто потерянной артиллеріи, доставлено было въ армію множество другой; и какъ извѣстно сдѣлалось, что прежній командиръ арміи нелюбимъ былъ опою, то положено было перемѣнить и онаго и избрать кого-нибудь иного. Однако начало кампаніи велѣно было учинить тому же, почему опъ въ мартѣ мѣсяцѣ и возвратился назадъ къ арміи и началъ дѣлать всѣ нужныя къ раповременнѣйшему началу кампаніи приуготовленія.

Не въ меньшихъ стараніяхъ и приуготовленіяхъ упражнялись и прочіе наши союзные дворы, то-есть: цесарскій, французскій и шведскій. Повсюду происходили великія вооруженія, и вездѣ готовились вновь проливать кровь человѣческую и напасть со всѣхъ сторонъ и съ вящимъ усиліемъ на короля прусскаго.

Но и сей оставался между тѣмъ не безъ дѣла, и чего не могъ успѣть въ политическихъ своихъ происках, то награждалъ прочими своими попеченіями и выдумками. И какъ собственное его государство было мало и не могло его снабдить довольнымъ числомъ людей, для укомплектованія своей арміи, то, имѣя въ своей власти все Саксонское Курфирство, воспользовался онъ симъ насильно захваченнымъ княженіемъ, и получилъ силою изъ онаго множество рекрутъ. А не удовольствуясь симъ, навербовалъ онъ великое множество людей и въ самой Польшѣ; также запасся нужными лошадьми и повсюду заготовленными магазинами. Англія, отказавъ ему во флотѣ, снабдила его довольнымъ числомъ денегъ и обѣщала помогать, по прежнему, ганноверанскими войсками. Однимъ словомъ, не преминулъ и король учинить всѣ нужныя къ новой кампаніи приуготовленія и приготовить себя къ мужественному отраженію толь многихъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ непріятелей.

Въ сихъ-то приуготовленіяхъ со всѣхъ сторонъ къ продолженію войны прошла вся тогдашняя зима. Мы же, между тѣмъ,

жили въ Кёнигсбергѣ въ покоѣ и тишинѣ, и не столько о томъ, сколько о своихъ увеселеніяхъ помышляли. Однако, несмотря на то, сколь много мы ими ни занимались, не отставалъ я и отъ прежнихъ своихъ упражненій, но все праздное и отъ канцелярскихъ переводовъ остающееся время употреблялъ на безпрерывное читаніе книгъ. Я окладенъ ими былъ всегда въ своемъ уголкѣ или окошкѣ, и никто не находилъ меня никогда сидѣвшимъ праздно или, по пословицѣ говоря, бьющимъ табалу и ходящимъ безъ дѣла въ канцеляріи. Я прочелъ въ сіе время невѣдомо сколько романовъ, спознакомился со всѣми лучшими изъ оныхъ, и они мнѣ такъ полюбились, что я, для временной перемѣны въ моихъ упражненіяхъ, вздумалъ одинъ изъ нихъ даже перевести на языкъ русскій. Чтобъ не утрудить себя слишкомъ и не заняться надолго симъ переводомъ, то избралъ я къ тому одинъ небольшой и болѣе прочихъ мнѣ полюбившійся романецъ, и трудился надъ переводомъ симъ съ такою прилежностью, что въ нѣсколько недѣль оный совсѣмъ кончилъ. Это была первая почти книга, которую перевелъ я съ начала до конца, и удовольствіе, чувствуемое отъ того, было такъ велико, что я тотчасъ, переписавъ его съ особливою прилежностью на-бѣло, и велѣлъ переплесть его въ три бандажа въ хорошій переплетъ. Книги сіи и понынѣ хранятся у меня въ цѣлости и служатъ памятникомъ тогдашняго моего трудолюбія. Однако, судьбѣ неугодно было, чтобъ переводъ сей былъ напечатанъ, ибо тогда о напечатаніи онаго и помышлять было не можно, поелику всѣ книги печатали тогда у насъ только въ одной Академіи и на казенный коштъ. А послѣ, какъ завелись другія типографіи, и когда было можно, то вдругъ вышла книга сія изъ печати, переведенная уже другимъ — и такъ мой переводъ и остался: чѣмъ я, однако, послѣ былъ и доволенъ, ибо онъ былъ первоученка и не таковъ хорошъ, чтобъ стоилъ тисненія.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и обстоятельствахъ застала меня весна сего года. При наступленіи оной потревожилъ-было меня полковникъ нашего полку требованіемъ своимъ въ полкъ; ибо какъ армія стала собираться къ выступанію въ походъ и всѣмъ полкамъ велѣно было собрать своихъ отлучныхъ, то не позабылъ полковникъ нашъ и обо мнѣ и представилъ по командѣ о томъ, чтобъ я былъ истребованъ изъ Кёнигсберга, а командующіе генералы и не преминули писать о томъ къ нашему генералу.

Нельзя довольно изобразить, какъ смутило меня сіе требованіе. Сердце во мнѣ вострепетало и вся кровь моя взволновалась, какъ принесъ ко мнѣ секретарь нашъ сію бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «Посмотри-ка, братъ, что объ тебѣ пишутъ! Хотятъ, чтобъ ты въ походъ шелъ... Ну, собирайся!» Съ дрожащими руками принялъ я отъ него сію проклятую бумагу и глаза мои почти отреклись служить мнѣ при чтеніи оной. Они остолбенѣли, и я не понималъ ни одного слова изъ читаемаго, такъ смутила меня сія неожиданность. Но я не вышелъ еще изъ перваго моего смущенія и не успѣлъ всего прочесть, какъ секретарь, выхватя у меня опять изъ рукъ бумагу и не сказавъ болѣе ни одного слова, помчалъ ее въ судейскую, оставивъ меня съ разстроенными впрахъ мыслями и въ такомъ состояніи, которое я никакъ изобразить не могу.

Пуще всего озабочивало меня то, что у меня тогда ни лошадей и ничего другого въ готовности къ походу не было. Я такъ увѣренъ былъ о неподвижности своей съ мѣста, что, распродавши лошадей и имѣя столъ готовый у губернатора, всего меньше помышлялъ о походѣ и о запасеніи себя нужною походною провизіей. Все сіе надлежало тогда вдругъ доставать и заготовлять, а что всего досаднѣе, то и поспѣшать тѣмъ неукоснительно, ибо требовано было, чтобъ я отнущенъ былъ въ самой скорости. Сверхъ того, признаться надобно, что пребываніе мое въ Кёнигсбергѣ сдѣлалось уже

мнѣ столь весело и пріятно, что мнѣ и гораздо уже не хотѣлось съ симъ городомъ разстаться и трудную и скучную походную жизнь промѣнять на тутошную спокойную и пріятную.

Мнѣ не взмилились тогда всѣ мои книги и любимыя до того упражненія. Я ходилъ весь тотъ день повѣся голову, и какъ опущенный въ воду не зналъ, что со мною будетъ изъ помянутыхъ словъ секретаря и ушествія его. Не сказавъ мнѣ ничего дальнѣйшаго, не зналъ я, что заключать и въ правду ли онъ говорилъ, чтобъ я собирался въ походъ, или шутилъ. Видъ его, съ которымъ онъ произнесъ сіи слова, хотя и льстилъ меня нѣкоторою надеждой, однако я не смѣлъ на то полагаться. Совсѣмъ тѣмъ смущеніе мое было такъ велико, что я не имѣлъ во весь тотъ день столько духа, чтобъ спросить его о себѣ подлиннѣе и истребовать дальнѣйшаго объясненія. Къ усугубленію смущенія моего, не только онъ не начиналъ самъ о томъ говорить далѣе, а весь тотъ день ходилъ нахмуривши и столь сердитымъ, что никто не отваживался съ нимъ начинать словъ, но и никто другой не начиналъ о томъ со мною говорить, власно, какъ не вѣдая, что меня въ армію требуютъ. Всему тому не могъ я довольно надивиться, и не зная, что заключать, положилъ и самъ соображаться съ ихъ молчаніемъ и ожидать дальнѣйшаго.

Но, по счастью, неизвѣстность сія продолжилась недолго. Не успѣлъ я, препроводивъ весьма безпокойную ночь, притить поутру на другой день въ канцелярію, какъ одинъ изъ подъячихъ нашихъ, подступивъ ко мнѣ, сказалъ: «Кабы дали, баринъ, что-нибудь на вино, такъ я бы вамъ что-нибудь показалъ по секрету».—«Очень-хорошо! сказалъ я вынимая нѣсколько мелкихъ денегъ изъ кармана:—деньги вотъ готовы,а показывай только, и чѣмъ пріятнѣе будетъ, тѣмъ и денегъ больше». — «Посмотримъ!» сказалъ онъ и побѣжалъ отъ меня. Я не зналъ, чтобъ это значило, а догадывался только, что, конечно, что-нибудь касающееся до меня, и догадка моя была справедлива. Копіистъ мой, погодя немного, вышелъ опять и, моргнувъ, далъ мнѣ знать, чтобъ я вышелъ за нимъ въ сѣни. Тутъ, отведя меня въ сокровеннѣйшій уголокъ, вытащилъ онъ изъ-за пазухи бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «Читайте, сударь, скорѣе, мнѣ не велѣно отъ Тимоѳея Ивановича никому этого показывать, а особливо вамъ». Я удивился сіе услышавъ, но удивленіе мое сдѣлалось еще больше, когда я, пробѣжавъ вскользь ее моими глазами, увидѣлъ, что было это отвѣтное писаніе нашего генерала обо мнѣ въ армію. Въ немъ упоминалось, что какъ во мнѣ обстоитъ необходимая надобность, то отпустить меня никакъ не можно, а что представлено будетъ въ Петербургъ, чтобъ присланы были переводчики; и когда пришлются, то въ то время и я въ полкъ отпущенъ буду.

Какъ нѣкая гора съ плечъ у меня тогда свалилась, когда я прочелъ сію бумагу. Я легко могъ усмотрѣть, что мнѣ не было болѣе причины опасаться скораго отправленія въ армію, и, обрадуясь тому до чрезвычайности, далъ цѣлую полтину на вино моему подъячему—такъ радъ я былъ сему сообщенному мнѣ извѣстію! Однако опъ просилъ меня никому о томъ не сказывать, да и притворяться, будто я о томъ ничего не знаю. Я обѣщалъ ему сіе охотно сдѣлать и внутренно хохоталъ, какъ секретарь нашъ, въ тотъ же день ко мнѣ пришедъ и, давая мнѣ нѣчто переводить, опять началъ меня подтуривать и власно, какъ страхъ нагоняя и улыбаючись говорить: для чего-жъ я не собираюсь и не готовлюсь ѣхать? Я принялъ тогда принужденной печальный видъ и жалкимъ образомъ ему отвѣтствуя, сказалъ: «Что-жъ дѣлать, когда не можно чего перемѣнить, такъ, знать, тому такъ уже и быть. Еслибъ захотѣли, то могли-бъ и покинуть, а когда вамъ то надобно, такъ я и поѣду».—«Нельзя! подхватилъ онъ: — вѣдь ты видѣлъ, какъ строго требуютъ. Однако переведите-ка

вотъ это, еще успѣешь собраться!» Сказавъ сіе, пошелъ онъ отъ меня прочь, не сказавъ опять ничего рѣшительнаго. Однако у меня на сердцѣ было уже гораздо легче. «Добро, говорилъ я самъ себѣ: теперь ты меня уже не проведешь и не обманешь. Я готовъ давать надъ собою тебѣ шутить, только посылай-ка скорѣе то, что обо мнѣ написано!» Онъ и дѣйствительно промучилъ меня болѣе недѣли, все протуривая всякой день ѣхать и паки всякой день останавливая переводами, и не прежде мнѣ объявилъ, какъ, уставши уже, по мнѣнію своему, меня мучить. Тогда, будто ничего не зная, благодарилъ я его за одолженіе и приписывалъ все единому его хотѣнію, а сіе было ему всего и милѣе.

Симъ образомъ помогъ мнѣ сей человѣкъ и въ другой разъ; а по его же благосклонности не слишкомъ поспѣшаемо было требованіемъ и изъ Петербурга переводчиковъ. Сіе учинить заставляла ихъ самая необходимость; ибо какъ на всегдашнее удержаніе меня при себѣ не могли сами на себя совершенно надѣяться, то, для всякаго нужнаго случая, учинено было дѣйствительно помянутое требованіе, но въ пользу мою расположено такъ, что никакъ не можно было ожидать, чтобъ учинено было по оному скорое исполненіе и требуемые переводчики къ намъ были присланы.

Совсѣмъ тѣмъ произшествіе сіе не могло у меня долго изъ головы выттить. Несмотря на отказъ, учиненный генераломъ, и на всѣ увѣренія нашихъ секретарей, все-таки я еще опасался, чтобъ не перемѣнились какимъ-нибудь случаемъ обстоятельства и чтобъ меня въ армію не турнули; и не прежде успокоился совершенно, какъ по выступленіи арміи въ походъ и по удаленіи за границы прусскія въ Польшу.

Но письмо мое уже велико и мнѣ время его кончить; чего ради, прерывая свою рѣчь, поспѣшу вамъ сказать тоже, а именно, что я есмь вашъ и прочая.

Письмо 72-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ избавившись опять, безъ всякаго моего домогательства, а случайно, отъ похода, и удостовѣрившись еще болѣе въ неподвижности съ одного мѣста и въ должайшемъ пребываніи въ Кёнигсбергѣ, началъ я продолжать прежній родъ жизни и не только упражняться во всемъ томъ же, но присовокупилъ къ нимъ и нѣкоторыя другія упражненія. Не успѣла пройтить зима и съ нею миновать длинные вечера, толико способные для чтенія книгъ, какъ вмѣстѣ съ наступившею весною перемѣнились во многомъ и наши веселости, забавы и упражненія. Бывшіе въ продолженіе зимы у генерала нашего балы и танцы, хотя и не совсѣмъ пресѣклись, но были уже гораздо рѣже и малолюднѣе. Бо́льшая часть дворянства прусскаго разъѣхалась по деревнямъ, а мало также было уже и пріѣзжихъ изъ арміи: всѣ они отъѣхали къ своимъ мѣстамъ и ушли въ походъ, а все сіе и уменьшило наши зимнія веселости и ограничило ихъ такъ, что балы и собранія были у генерала уже очень рѣдко, а когда и случались, то состояли наиболѣе изъ лучшихъ его друзей и знакомцевъ. Недостатокъ сей хотя и награждаемъ имъ былъ частѣйшими выѣздами въ дома знаменитѣйшихъ прусскихъ дворянъ, оставшихся въ городѣ, а особливо къ любимицѣ своей графинѣ Кайзерлингшѣ, и гуляньями съ ними по садамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ; но какъ забавы и увеселенія сіи были болѣе приватныя, нежели публичныя, то мы не могли въ нихъ брать соучастія, а принуждены были довольствоваться одними торжественными праздниками, изъ которыхъ генералъ нашъ не пропускалъ ни одного, чтобъ не сдѣлать у себя торжественнаго пира, а потомъ, чтобъ не дать бала.

Но какъ праздники сіи были рѣдки, мы же къ танцамъ и увеселеніямъ сего рода не такъ мало привыкли, чтобъ могли они насъ удовольствовать, то стара-

лись мы недостатокъ сей замѣнить отъискиваніемъ городскихъ свадьбъ и танцованіемъ на оныхъ; но какъ, наконецъ, и сіи по причинѣ лѣтняго времени сдѣлались рѣдки, то принуждены были и мы брать прибѣжище свое къ гуляньямъ въ садахъ, и къ препровожденію въ нихъ съ удовольствіемъ тѣхъ часовъ, которые намъ отъ дѣлъ оставались праздными.

По счастью, находилось тогда въ Кёнигсбергѣ множество такихъ садовъ, въ которые ходить и тамъ съ удовольствіемъ время свое препровождать было намъ невозбранно. Они разбросаны были по всему городу, принадлежали приватнымъ людямъ; были хотя не слишкомъ велики и не пышные, однако иные изъ нихъ довольно изрядные и содержимые въ порядкѣ. Хозяева оныхъ, для получанія съ нихъ ежегоднаго нѣкотораго дохода, отдаютъ ихъ въ наймы людямъ, питающимся содержаніемъ трактировъ и сіи, содержа таковые трактиры въ домикахъ посреди садовъ сихъ находящихся, приманиваютъ ими людей для посѣщенія оныхъ, почему и бываютъ они въ лѣтнее время всегда наполнены множествомъ всякаго рода людей. Ходятъ въ нихъ купцы, ходятъ хорошіе мѣщане, ходятъ студенты, а иногда и мастеровые. Словомъ, входъ въ нихъ, кромѣ самой подлости, никому невозбраненъ и всякій имѣетъ свободность въ нихъ сидѣть или гулять, или забавляться разными играми, какъ,напримѣръ, въ карты,кегли, фортунку и въ прочемъ тому подобномъ. Единое только наблюдается строго, чтобъ всегда господствовало тутъ благочиніе, тишина и всякая благопристойность, почему и не услышишь тутъ никогда ни шума, ни крика и никакихъ другихъ вздоровъ; но всѣ посѣщающіе сіи сады, раздѣлясь по партіямъ, либо сидятъ гдѣ-нибудь въ кучкѣ, либо разгуливаютъ себѣ по аллеямъ и дорожкамъ, либо забавляются какою-нибудь игрой и провождаютъ время свое въ удовольствіи и въ смѣхахъ. Никакая партія другой не мѣшаетъ и никому нѣтъ ни до кого нужды; но всѣ только стараются другъ другу оказывать всякую вѣжливость и учтивость. Пріятно было по истинѣ видѣть и находить индѣ небольшую кучку пожилыхъ людей, сидящихъ гдѣ-нибудь въ бесѣдкѣ, тихо и смирно, и разъигрывающихъ себѣ свой ломберъ; другихъ же — индѣ на лавочкахъ, подъ вѣтвями деревъ тѣнистыхъ, пьющихъ принесенныя имъ порціи кофея, чая или шоколата, или сидящихъ съ трубками во рту и со стаканами хорошаго пива предъ собою, и упражняющихся въ важныхъ и степенныхъ разговорахъ. Пиво употребляютъ они для запиванія своего табаку, а прекрасные сухари, испеченные изъ пеклеваннаго хлѣба, для заѣданія онаго. Что касается до молодыхъ, то сіи занимаются болѣе игрою въ кегли или такъ-называемый лангебанъ, играя хотя въ деньги, но безъ всякаго шума, крика, и въ самыя малыя деньги, и отнюдь не для выигрыша, а для единственнаго препровожденія времени. Индѣ же найдешь ихъ упражняющихся въ играніи въ фортунку или въ самомъ домѣ въ биліардъ; а если кому похочется чего-нибудь ѣсть, то и тотъ можетъ заказать себѣ что-нибудь сварить или изжарить изъ съѣстного; также подать себѣ рюмку водки, ликёра или вина, какое есть тутъ въ домѣ. Болѣе сего ничего тутъ не продается; а что и есть, такъ и то все такъ хорошо, такъ дешево и такъ укромонно, что всякій выходитъ съ удовольствіемъ оттуда.

Мнѣ долго неизвѣстны были сады и гульбища сего рода, и познакомилъ меня съ ними не кто иной, какъ тотъ же товарищъ мой, нѣмецъ, г. Пикартъ, которому я такъ много за книги и за свадьбы былъ обязанъ. Онъ, согласясь вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, повелъ меня однажды въ нихъ и они мнѣ такъ полюбились, что я съ того времени въ каждое почти воскресенье, въ которые дни было намъ свободнѣе прочихъ, хаживалъ въ таковые сады пить послѣ обѣда свой чай или кофей, и препровождать все достальное время либо въ играхъ въ кегли и фортуну, либо въ гуляньѣ, а нерѣдко

дѣлали и они оба мнѣ компанію и играли со мною тамъ въ ломберъ. И могу сказать, что таковыя гулянья мнѣ никогда не наскучивали, но всякій разъ возвращался я изъ нихъ на квартиру съ особливымъ удовольствіемъ. Въ особливости же нравилось мнѣ тихое, кроткое и безмятежное обхожденіе всѣхъ бываемыхъ въ оныхъ, и вѣжливость, оказываемая всѣми. Правда, сперва всѣ господа пруссаки меня, какъ россійскаго офицера, дичились и убѣгали, но какъ скоро начиналъ я съ ними говорить ласково понѣмецки, то они, почитая меня природнымъ нѣмцемъ, тотчасъ дѣлались совсѣмъ иными и отмѣнно ласковыми. Они съ охотою пріобщали меня къ своимъ компаніямъ и нерѣдко входили со мною въ разсужденія и даже самые политическіе разговоры. И какъ я охотно давалъ имъ волю обманываться и почитать себя нѣмцемъ, а иногда съ умысла подлаживая имъ въ ихъ мнѣніяхъ, тѣмъ еще больше утверждалъ ихъ въ семъ заблужденіи, то нерѣдко случалось, что я чрезъ самое то узнавалъ отъ нихъ многое такое, чего бы инако никакъ не можно было узнать и провѣдать, а особливо изъ относящихся до тогдашнихъ военныхъ произшествій. О сихъ были они такъ свѣдущи, что я не могъ довольно надивиться; а какимъ образомъ могли они такъ скоро и обстоятельно узнавать всѣ новости, то было для меня совсѣмъ уже непонятно, ибо нерѣдко слыхалъ я отъ нихъ о иныхъ вещахъ недѣли за двѣ или за три до того, какъ писано было въ газетахъ.

Кромѣ сего, нерѣдко прогуливался я и по улицамъ и другимъ лучшимъ мѣстамъ въ городѣ, а особливо по земляным валамъ, окружающимъ форштаты, которые служили общимъ гульбищемъ для жителей кёнигсбергскихъ. Всякое воскресенье послѣ обѣда наполнены они были нѣсколькими тысячами гуляющаго обоего пола народа, и всѣ наилучшимъ гуляньемъ почитали сіе мѣсто. Оно и дѣйствительно было таково Ибо съ высоты оныхъ можно было простирать далеко въ поля свое зрѣніе и съ онымъ встрѣчались во многихъ мѣстахъ наипрекраснѣйшія положенія мѣстъ, окружающихъ сію прусскую столицу. Временемъ же хажпвали мы для прогулки и за самый городъ, а особливо внизъ по рѣкѣ Прегелю. Мѣсто тутъ низменное и въ особливости хорошо и удобно для гулянья. Оно изрыто множествомъ каналовъ, усаженныхъ аллеями изъ деревьевъ, а по главной аллеѣ находятся многіе увеселительные домики и трактиры, для отдохновенія гуляющимъ.

Но сколько всѣ таковыя гулянья меня ни занимали, однако я не отставалъ за ними и отъ моихъ прочихъ упражненій, а особливо отъ книгъ. Правда, по наступленіи весны и лѣта, время было уже не столь способно къ чтенію, какъ скучное зимнее, поелику множайшее количество наружныхъ прельщающихъ предметовъ отвлекали къ себѣ вниманіе и мѣшали чтенію; однако я хотя съ не такимъ усиліемъ, но все продолжалъ упражняться въ ономъ, но читалъ уже не столько романы, сколько другого сорта книги. Причиною тому было то, что наилучшіе романы были уже мною всѣ прочтены и остались одни оборуши и такіе, которыхъ на чтеніе не хотѣлось почти терять время; а сверхъ того, попались мнѣ нечаянно обѣ тѣ книжки господина Зульцера, которыя писалъ сей славный нѣмецкій авторъ о красотѣ натуры. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ новая, но такъ мнѣ полюбилась, что я совершенно плѣнился оною. Словомъ, обѣ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое простерлось на всѣ почти дни живота моего, и были основаніемъ превеликой перемѣнѣ, сдѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Опѣ-то первыя начали меня спознакомливать съ чудным устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотами природы, доставлявшими мнѣ потомъ только пріятныхъ минутъ въ жизни и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ, непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знат-

ную часть моего благополучія составляли.

Не успѣлъ я ихъ прочесть, какъ не только глаза мои, власно, какъ растворились и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ; но возгорѣлось во мнѣ пламенное и ненасытное желаніе читать множайшія книги такого-жъ сорта и узнавать отчасу далѣе все устроеніе свѣта. Словомъ, книжки сіи были, власно, какъ фитилемъ, воспалившимъ гнѣздившуюся въ сердцѣ моемъ и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ такъ-называемымъ естественнымъ наукамъ. Съ того момента почти оставлены были мною всѣ романы съ покоемъ, и я сталъ уже выискивать все такія, которыя къ симъ сколько-нибудь имѣли соотношеніе; и поелику у нѣмца, снабжающаго меня книгами, было такихъ мало, то не жалѣлъ я нимало денегъ на покупку совсѣмъ новыхъ изъ лавки и доставалъ вездѣ такія, гдѣ только можно было отъискать. А неуспѣлъ я къ нимъ нѣсколько попривязаться, какъ нечувствительно получилъ вкусъ и къ піитическимъ сочиненіямъ, имѣющимъ толь близкое и тѣсное сродство съ ними; и какъ сего рода книгъ у нѣмца моего было довольно, то пустился я въ чтеніе оныхъ и сіе такъ меня заохотило, что я нечувствительно получилъ и самъ нѣкоторую склонность къ стихотворству, и въ праздные иногда часы нетолько упражнялся въ сочиненіи кой-какихъ стишковъ, но взялъ на себя трудъ, для удобнѣйшаго пріискиванія риѳмъ, составить нѣкоторый родъ піитическаго словаря, которая книжка и по нынѣ у меня цѣла и служитъ памятникомъ тогдашней моей охоты къ поэзіи. Совсѣмъ тѣмъ судьбѣ, какъ видно, было неугодно сдѣлать меня стихотворцемъ.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ моихъ трудовъ не вышло наконецъ ничего и я хотя остался любителемъ стихотворства, но не сдѣлался поэтомъ и увидѣлъ скоро, что натура не одарила меня потребнымъ къ тому даромъ. Словомъ, трудность составленія риѳмъ мнѣ скоро наскучила, а какъ, между тѣмъ, занялся я другими и важнѣйшими матеріями, то и оставилъ поэзію съ покоемъ.

Впрочемъ, какъ выше уже упомянуто, не въ одномъ чтеніи препровождалъ я все свободное свое время, но съ наступленіемъ весны и полюбленіемъ натурологическихъ книгъ, возродилась во мнѣ старинная моя охота къ рисованію. По причинѣ вышеупомянутыхъ происходившихъ со мною разныхъ перемѣнъ и за неимѣніемъ свободнаго времени, не принимался я уже цѣлый почти годъ за кисти и краски; но какъ въ сіе лѣто дѣла у насъ такъ уже уменьшились, что времени у меня всякой день оставалось множество празднаго, то оборкавшись уже гораздо въ канцеляріи и имѣя особую въ ней комнату, вздумалъ я однажды испытать, не могу ли я иногда, между дѣлъ, въ самой канцеляріи сколько-нибудь порисоваться, и какъ небольшой опытъ мой удался по желанію, и я увидѣлъ, что не только никто меня за то не осуждалъ, но всѣ еще прихаживали смотрѣть, какъ я рисую и, любуясь моими картинками, хвалили мое трудолюбіе и прилежность; то, мало-по-малу, перенесъ я бо́льшую часть моихъ красокъ и прочей рисовальной сбруи въ канцелярію и упражнялся тутъ въ рисованьи между дѣлъ, какъ дома. Цѣлый ящикъ въ столѣ накладенъ былъ у меня тутъ раковинами, стеклами, кистями и прочимъ, и я занимался ими по нѣскольку часовъ почти всякой день.

Вмѣстѣ съ симъ мало-по-малу возобновилась охота моя и къ прочимъ любопытнымъ упражненіямъ. Имѣя свободу упражняться вышеупомянутымъ образомъ въ рисованьи, разрисовалъ я въ сіе время множество картинъ для прошпективическаго ящика и привелъ весь оный въ такое совершенство, что всѣ, видавшіе его, не могли имъ довольно налюбоваться. Я принесъ его нѣсколько разъ въ канцелярію и всѣ наши канцелярскіе расхвалили меня въ прахъ за оной и всегда сматривали въ оный съ удовольствіемъ.

Онъ и дѣйствительно былъ хорошъ; пропорція онаго была такъ удачна, а картины столь живо подъ натуру раскрашены, что въ состояніи были обмануть самого нашего плацъ-майора господина Миллера. Не могу безъ смѣха вспомнить сего приключенія. Было то у меня на квартирѣ. Помянутому господину плацъ-майору случилось нѣкогда зайтить ко мнѣ посмотрѣть моей квартиры, ибо я за нѣсколько времени просилъ его о перемѣнѣ оной и доставленіи мнѣ лучшей. Ящику моему случилось тогда стоять въ спальнѣ моей на окнѣ. Онъ попался ему первый на глаза.—«Это что такое у васъ?» спросилъ онъ. — А вотъ посмотрите въ стеклышко, отвѣчалъ я. Майоръ наклонился и началъ смотрѣть; но какъ я удивился, какъ онъ чрезъ минуту съ великимъ удивленіемъ закричалъ: «Ба, ба, ба! да гдѣ-жъ эта улица-то и такіе хорошіе дома? что-жъ я по сю пору не видалъ, вотъ квартиръ-то сколько!» Сказавъ сіе, отскочилъ онъ отъ ящика и устремилъ съ великою жадностью взоръ свой въ окно, думая, дѣйствительно, что онъ видѣлъ и увидитъ настоящую улицу. — Покатился я со смѣха, увидѣвъ, какъ хорошо онъ обманулся.—«Тьфу, какая пропасть! закричалъ онъ и начавъ плевать и ругать мой ящикъ: — что это за чортъ! Вѣдь я истинно обманулся и думалъ, что я вижу настоящую улицу. Возможно ли, какой дуракъ я былъ!» Я старался прикрыть его стыдъ увѣреніемъ, что не одинъ онъ, а многіе такимъ же образомъ обманываются. Однако ему было до чрезвычайности стыдно, и бездѣлка сія сдѣлала то, что получилъ я потомъ весьма прекрасную квартиру; ибо онъ всячески старался уже меня задобрить и тѣмъ преклонить, чтобъ я сего дѣла не разславилъ.

Въ самое тожъ время смастерилъ я на квартирѣ у себя и другую любопытную и такую штучку, которая заставливала многихъ нарочно ко мнѣ приходить и собою любоваться. Была то хотя сущая дѣтская игрушка, однако существомъ своимъ не недостойная примѣчанія и тѣмъ паче, что составляло второе изобрѣтеніе мое въ жизни, достойное замѣчено быть. Еще съ самаго начала пребыванія моего въ Кёнигсбергѣ полюбились мнѣ въ особливости сдѣланныя кой-гдѣ въ семъ городѣ фонтаны, и какъ мнѣ мимо одного изъ нихъ изъ прежней моей квартиры всякій день ходить случалось, то нерѣдко останавливался я и любовался иногда съ полчаса сею безпрерывно въ верхъ біющею и на себѣ золотой шаръ поддерживающею водою. Частое виданіе сего фонтана вложило мнѣ нѣкогда весьма странную мысль, а именно: мнѣ захотѣлось испытать, не могу ли я выдумать и сдѣлать и для себя хотя небольшой фонтанецъ и смастерить такой, который бы можно мнѣ было возить всегда съ собою и становить вездѣ, гдѣ бы мнѣ ни похотѣлось. Мысль поистинѣ удивительная и довольно странная. Я смѣялся сначала самъ сей своей затѣи и почиталъ дѣло сіе нескладнымъ и невозможнымъ. Но чего не можетъ произвесть охота и склонность къ любопытнымъ художествамъ и искуствамъ? Чѣмъ далѣе я о семъ помышлялъ, тѣмъ менѣе находилъ я невозможностей и наконецъ удалось мнѣ начертать въ мысляхъ своихъ планъ, показавшійся мнѣ совсѣмъ удобопроизводимымъ. Неуспѣлъ я сего выдумать, какъ, по природной своей нетерпѣливости, восхотѣлось мнѣ выдумку свою произвесть и въ самомъ дѣлѣ. Обстоятельство, что находился я тогда въ такомъ городѣ, который наполненъ былъ всякими мастеровыми, могущими сдѣлать все, чтобъ имъ ни заказать, побуждало меня къ тому еще болѣе. Но бывшіе до сего времени мои недосуги остановили на время произведеніе сего намѣренія въ дѣйство. Но въ сію весну, какъ получилъ я болѣе досуга, и притомъ сдѣлался болѣе удостовѣреннымъ, что не пойду въ походъ, то принялся за сіе дѣло и проворилъ съ толикою прилежностію всѣмъ производствомъ онаго и принужденіемъ столяровъ, жестянщиковъ, оловянщиковъ, шлесарей и маляровъ скорѣе то дѣлать, что имъ отъ меня было предписано, что недѣли черезъ двѣ я имѣлъ неописан-

ное удовольствіе видѣть миніатюрный свой фонтанъ существующій и производящій дѣйствіемъ своимъ мнѣ болѣе удовольствія, нежели я сколько могъ думать и ожидать. Словомъ, штучка или паче игрушка сія удалась по желанію и достойна была дѣйствительно любопытнаго смотрѣнія отъ всякаго. Весь сей фонтанъ, со всѣми своими принадлежностями, вмѣщался въ маленькомъ и раскрашенномъ ящичкѣ, имѣвшемъ въ длину и въ ширину не болѣе вершковъ десяти, а вышиною вершковъ трехъ. Совсѣмъ тѣмъ, по вскрытіи сего ящика, поставленнаго на столикѣ въ углу, подлѣ стѣны и окошка, оказывался въ ономъ прекрасный маленькій, круглый басейнецъ, украшенный въ срединѣ одною побольше, а вокругъ двѣнадцатью маленькими вызолоченными фигурками, изображающими отчасти дельфиновъ, отчасти лягушекъ. Изъ всѣхъ ихъ было толикое же число маленькихъ фонтанчиковъ, соотвѣтствующихъ большому въ срединѣ, котораго біеніе простиралось вверхъ болѣе полутора аршина и производило пріятный шумъ и плесканье. Словомъ, все такъ было устроено, что съ удовольствіемъ можно было смотрѣть, а что всего лучше, то приведеніе воды изъ поставленнаго на потолокѣ той комнаты ушата было такъ искусно скрыто, что никому того примѣтить было неможно. Длинная жестяная и составная изъ разныхъ, другъ въ друга входящихъ штукъ, трубка, доставляла сію воду въ фонтанъ и была такъ скрыта за стѣною, что ее вовсе не видать было. Когда надобно было фонтанъ собрать, то всѣ штуки сей трубки всовывались другъ въ друга и потомъ полагалась въ тотъ же ящикъ, отчего и происходила та удобность, что его всюду возить было можно, какъ занималъ собою очень мало мѣста.

Теперь не могу изобразить, сколь много утѣшала не только меня, но и всѣхъ приходящихъ ко мнѣ сія игрушка. Всѣ, видѣвшіе, не могли ею довольно налюбоваться. На главную трубку, находящуюся посреди басена, надѣлано было у меня множество разныхъ наставокъ, посредствомъ которыхъ можно было заставливать воду бить разными манерами, какъ напримѣръ: иногда прямою струею вверхъ, иногда разсыпаться на множество брызговъ, на подобіе дождя, иногда образомъ звѣзды, а иногда образомъ павлинаго хвоста, и такъ далѣе. Словомъ, я производилъ имъ множество разныхъ перемѣнъ и всѣмъ тѣмъ и удивлялъ и забавлялъ зрителей. Всѣ наши канцелярскіе непременнули ко мнѣ прититить, какъ скоро о немъ услышали, и превозносили меня до небесъ похвалами за искусство мое и за выдумку. Сіе увеличило много хорошее ихъ обо мнѣ мнѣніе. Они непременнули разсказывать то другимъ съ похвалою, и сего довольно уже было для меня въ награжденіе за труды, употребленные при дѣланіи онаго.

Но сколько удовольствія наносилъ я симъ фонтаномъ всѣмъ меня посѣщающимъ, столько браней получалъ я за него отъ многихъ другихъ, проходящихъ мимо моей квартиры. Но бранямъ симъ былъ уже собственно я самъ, или паче моя дурость и рѣзвость, причиною. Между прочими свинцовыми наставками на трубку моего фонтана, которыя, по бо́льшей части, мастерилъ и дѣлалъ я самъ, догадало меня сдѣлать одну кривую и расположенную такъ, чтобъ вода, въ случаѣ пущенія фонтана, била не прямо вверхъ, но дугою въ сторону, сквозь отворенное окошко и раздробляясь въ капли, упадала на улицу. Въ сію наставку пускалъ я воду тогда, когда случалось кому итти по улицѣ мимо моей квартиры и единственно для того, чтобъ можно было посмѣятся и похохотать его удивленію; ибо неуспѣвалъ человѣкъ поровняться противъ моего окна, какъ вдругъ орошали его сверху многія капли воды, на подобіе дождя. Человѣкъ, почувствовавъ оныя, удивлялся, смотрѣлъ на небо и на всѣ стороны, вверхъ и, не видя ничего, дивился и не понималъ, откуда вода взялась. А сіе и подавало́ иногда поводъ, что иные, пришедъ въ нестроеніе, бранили сами не зная кого, и отходили прочь, осыпая меня изрядными благословенія-

ми. Но ни надъ кѣмъ шутки сей я такъ часто не производилъ, какъ надъ гуляющими иногда по улицамъ, съ тафтяными своими зонтиками, женщинами. Не успѣю, бывало, завидѣть такихъ госпожъ, какъ, спрятавшись за стѣну, чтобъ меня было не видно, отворялъ я на одну минуту свой фонтанъ и приналравливалъ такъ, чтобъ вода упадала прямо на ихъ зонтики и производила на нихъ, паденіемъ каплей своихъ, шумъ. Боже мой, какой поднимался у нихъ тогда шумъ и крикъ! «Ахъ! Геръ Езу! Геръ Езу! дождь, дождь, дождь!» кричали онѣ и бѣжать начинали, а я надсѣдался со смѣха, сидя въ комнатѣ за стѣною и веселясь ихъ нестроеніемъ.

Не успѣлъ я сію штучку смастерить и черезъ ее сознакомиться со многими мастеровыми, какъ возобновилась и прежняя моя охота къ гокусъ-покусному, которому научился я еще, стоючи въ Эстляндіи, и мнѣ захотѣлось снабдить себя всѣми нужными и къ тому инструментами. Въ единый мигъ надѣлалъ я множество рисунковъ и полетѣлъ съ ними къ разнымъ мастеровымъ. Они и удовольствовали меня, надѣлавъ всѣ оные по моему желанію, и удовольствіе мое было превеликое, когда я увидѣлъ у себя всѣ оные по моему желанію, и могъ самъ дѣлать всѣ тогда перенятыя штучки и хитрости. Однако легко можно заключить, что симъ искусствомъ не имѣлъ я причины ни предъ кѣмъ величаться, но довольствовался только самъ для себя, какъ и упоминаю о семъ только для того, чтобъ тѣмъ доказать, въ какихъ дѣлахъ я около сего времени упражнялся и какую склонность уже и тогда имѣлъ ко всякимъ хитростямъ и искусствамъ.

Но сего довольно будетъ для сего раза. Письмо мое довольно уже велико и получило обыкновенные свои предѣлы; чего ради, предоставя повѣствованіе о дальнѣйшихъ со мною пропзшествіяхъ будущимъ письмамъ, теперешнее окончу новымъ увѣреніемъ васъ о непремѣнности моей къ вамъ дружбы, и что я навсегда есмь вашъ и прочее.

Конецъ

шестой части.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VII.

(соч. 1792—1800, перев. 1801 г.).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 73-е.

Любезный пріятель! Какъ въ послѣднемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на разсказываніи вамъ того, чѣмъ занимался я живучи въ Кёнигсбергѣ, послѣ бывшей со мною тревоги по случаю требованія меня къ полку; то, продолжая теперь повѣствованіе мое далѣе. скажу, что, между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ живучи въ покоѣ упражнялся сколько въ дѣлѣ, а не менѣе того и въ сущихъ, хотя весьма позволительныхъ, бездѣлкахъ, и дни мои протекали въ мирѣ и въ тишинѣ, и всякой почти день въ новыхъ

удовольствіяхъ, армія наша находилась въ полномъ походѣ. Прежній предводитель оной, генералъ Ферморъ, не успѣлъ возвратиться изъ Петербурга и дождаться весны, какъ съ наступленіемъ оной, собравъ всѣ разстановленные по кантониръ-квартирамъ и вновь укомплектованные войска въ окрестностяхъ Торуня, отправился съ ними въ походъ опять въ сторону къ Шлезіи черезъ Польшу. Городъ Познань назначенъ былъ опять генеральнымъ сборнымъ мѣстомъ, и тутъ собралась вся армія довольно еще благовременно. Однако, далѣе сего мѣста онъ съ нею не пошелъ, а дожидался назначеннаго на мѣсто себя другого предводителя.

Къ сему, противъ чаянія всѣхъ, избранъ былъ императрицею генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ, Петръ Семеновичъ. Всѣ удивились, услышавъ о семъ новомъ командирѣ, и тѣмъ паче, что онъ, командуя до сего украинскими ландмилицкими полками, никому почти былъ не извѣстенъ, и не было объ немъ никакихъ выгодныхъ и громкихъ слуховъ. Самые тѣ, которыхъ случай допустилъ его лично знать, не могли о немъ ничего иного распрашивающимъ сказывать, кромѣ того, что онъ былъ хотя весьма добрый человѣкъ, но старичекъ простенькій, никакихъ дальнихъ свѣдѣній и достоинствъ не имѣющій и никакимъ знаменитымъ дѣломъ себя еще не отличившій.

Мы увидѣли его прежде нежели армія, ибо ему ѣхать туда чрезъ Кёнигсбергъ надлежало. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ мы его дожидались и съ какими особыми чувствами смотрѣли на него, расхаживающаго пѣшкомъ по нашему городу. Старичекъ сѣденькій, маленькій, простенькій, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ дальнихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собою болѣе двухъ или трехъ человѣкъ въ послѣдствіи. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпіямъ въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и по всему видимому ничего не значущему старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи, какова была наша, и предводительствовать ею противъ такого короля, которой удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, храбростію, проворствомъ и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущею курочкою, и никто не только надеждою ласкаться, но и мыслить того не отважился, чтобъ могъ онъ учинить что-нибудь важное. Столь мало обѣщевалъ намъ его наружный видъ и всѣ его поступки. Генералъ нашъ хотѣлъ-было, по обыкновенію своему, угостить его великолѣпнымъ пиромъ, но онъ именно истребовалъ, чтобъ ничего особливаго для него предпринимаемо не было и хотѣлъ доволенъ быть напростѣйшимъ угощеніемъ и обѣдомъ. А сіе и было причиною, что проѣздъ его чрезъ нашъ городъ былъ нимало не знаменитъ и столь не громокъ, что, несмотря хотя онъ пробылъ у насъ дни два и исходилъ пѣшкомъ почти всѣ улицы, но большая половина города и не знала о томъ, что онъ находился въ стѣнахъ онаго. Онъ и поѣхалъ отъ насъ столь же просто, какъ и пріѣхалъ, и мы всѣ проводили его хотя съ усерднымъ желаніемъ, чтобъ онъ счастливѣе былъ искуснаго Фермора, но съ сердцами весьма унылыми и не имѣющими никакой надежды. Столь невеликое и невыгодное мнѣніе мы объ немъ имѣли.

По отбытіи сего новаго начальника принялись мы за свои прежнія дѣла и упражненія. Генералъ — за свои разъѣзды по гостямъ и частыя посѣщенія своей графини Кейзерлингши; канцелярскіе наши — за свои бумаги, писанья и дѣла, а я — за свои переводы, читанье, рисованье и другія любопытныя дѣла и упражненія. Охота къ нимъ увеличивалась во мнѣ со дня на день, а особливо съ того времени, какъ случилось мнѣ однажды побывать въ домѣ у одного старичка, прусскаго отставного полковника, великаго охотника до наукъ и до всякихъ рукодѣлій и художествъ. Тутъ-то въ первый еще разъ случилось мнѣ увидѣть, какъ живутъ се-

го рода люди и какъ у нихъ въ домахъ бываетъ чисто и прибористо. Старичка сего удавалось мнѣ видать уже давно и я не одинъ разъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ, ибо онъ жилъ въ одной со мною улицѣ и нерѣдко хаживалъ мимо моихъ оконъ. Но мнѣ и на умъ никогда не приходило, чтобъ былъ онъ столь великимъ любителемъ наукъ и художествъ, какъ узналъ я послѣ, а дивился я только всякой разъ его странному одѣянію и походкѣ. При всей старости своей былъ онъ всегда такъ чопоренъ и свѣжъ, какъ бы лѣтъ въ сорокъ, и какая бы погода ни была, но всегда видалъ я его въ шляпѣ, всегда напудреннымъ, въ странномъ паричкѣ и всегда въ старинномъ прусскомъ мундирѣ съ долгими и спитами набитыми широкими полами, изъ которыхъ одну носилъ онъ всегда приподнятую лѣвою рукою и приложенною плоскостію своею къ животу. Самымъ симъ страннымъ обыкновеніемъ своимъ и отличался онъ отъ всѣхъ прочихъ людей и дѣлался примѣтнымъ, а какъ никто не зналъ и сказать мнѣ не могъ, для чего-бъ онъ полою своею всегда животъ прикрывалъ, то и почиталъ я его какимъ-нибудь чудакомъ или сумасшедшимъ. Однако, побывавъ у него, мысли свои объ немъ весьма перемѣнилъ и инако сталъ думать.

Случилось сіе ненарочнымъ образомъ. Однажды повстрѣчался я съ нимъ не одинъ, а идучи вмѣстѣ съ помянутымъ господиномъ Орловымъ, графомъ Шверинымъ и еще однимъ нашимъ поручикомъ, человѣкомъ богатымъ и также весьма любопытнымъ, и великимъ охотникомъ до наукъ, называющимся Ѳедоромъ Богдановичемъ Пассекомъ. Господамъ симъ былъ онъ болѣе знакомъ, нежели мнѣ, а особливо графу Шверину. Сей послѣдній не успѣлъ его завидѣть, какъ, протягивая ему руку возопилъ: «Ахъ, господинъ полковникъ! милая, любезная старина! все ли вы находитесь еще въ добромъ здоровьѣ? Такъ давно уже объ васъ не слыхать, продолжалъ онъ, пожимая ему руку, все ли вы еще живы; все ли по прежнему упражняетесь въ своихъ хитростяхъ и искусствахъ; въ добромъ ли здоровьѣ всѣ ваши машины и инструменты?»—Старичекъ усмѣхнулся на сіе, пожалъ дружески графу руку и сказалъ: —Въ добромъ,въ добромъ,господинъграфъ! и всѣ къ вашимъ услугамъ.—«О, когда такъ, подхватилъ графъ, то не можно ли опять сдѣлать мнѣ удовольствіе и показать ваши упражненія! У насъ есть, сударь, люди, продолжалъ графъ, которые охотно хотѣли-бъ оныя видѣть». — Сими словами цѣлилъ онъ на товарищей своихъ Орлова и Пассека. Сему послѣднему въ особливости сего хотѣлось и онъ давалъ ему взорами знать, чтобъ убѣдилъ онъ старика учинить сіе тогда же, и показать намъ всѣ свои хитрости, а графу не великаго труда стоило преклонить къ тому престарѣлаго артиста. Старикъ хотя и поупорствовалъ нѣсколько, извиняясь недосугами своими, а отчасти, говоря, что и всѣ нынѣшнія его упражненія не такъ важны, чтобъ стоило ихъ смотрѣть; но, по просьбѣ графа, принужденъ онъ былъ на то согласиться и повесть насъ къ себѣ въ домъ, въ ту же самую минуту.

По приведеніи къ оному хотѣлъ-было онъ насъ ввести въ нижнія свои жилыя комнаты и напередъ чѣмъ-нибудь угостить, но графъ и товарищи его не восхотѣли того и говорили, что не за тѣмъ къ нему пришли, чтобъ его озабочивать угощеніемъ, а хотятъ, чтобъ велъ ихъ прямо въ свою рабочую и мастерскую комнату, и тогда почти нехотя принужденъ былъ нашъ старикъ лѣзть вверхъ по крутой лѣстницѣ и просилъ насъ послѣдовать за нимъ. Тутъ нашли мы превеликую комнату, заставленную и заграмащенную всю множествомъ всякаго рода машинъ, орудій и инструментовъ. Не было почти нигдѣ празднаго мѣста, и мы съ трудомъ могли протѣсниться къ маленькому столику, стоявшему подлѣ окна и самому тому, за которымъ онъ болѣе сижывалъ и въ дѣлахъ своихъ упражнялся. Онъ началъ тотчасъ суетиться и, пріискивая послѣднія свои работы, показывать гостямъ, а я, между тѣмъ, имѣлъ

нѣсколько минутъ свободнаго времени для обозрѣнія его комнаты и всѣхъ вещей, въ ней находящихся.

Не могу изобразить, съ какимъ ненасытно-любопытнымъ окомъ перебѣгалъ я съ одного предмета на другой и съ какою жадностью пожиралъ все своими глазами. Превеликое множество находилось тутъ такихъ вещей, какихъ я еще отъ роду не видывалъ и о которыхъ не имѣлъ еще никакого понятія. Были тутъ токарные разныхъ маперовъ станки, были полированныя машины, было множество разныхъ физическихъ, оптическихъ, математическихъ и механическихъ инструментовъ и орудій. Была огромная библіотека, множество всякаго рода зрительныхъ трубъ, зажигательныхъ зеркаловъ, микроскоповъ, глобусовъ, картъ, эстамповъ, разложенныхъ книгъ и развѣшенныхъ по стѣнамъ желѣзныхъ пилъ, долотъ, рѣзцовъ и всякаго рода рабочихъ орудіевъ и инструментовъ. Все сіе составляло для меня новое и такое зрѣлище, котораго я не могъ довольно насмотрѣться, и хотя всѣ сіи многочисленныя вещи стояли, лежали и висѣли тутъ безъ всякаго малѣйшаго порядка, всѣ были запылены и не въ приборѣ, всѣ разметаны почти коекакъ, но я любовался ими болѣе, нежели драгоцѣнными убранствами, и охотно-бъ согласился пробыть у него цѣлый день и все перебирать и пересматривать, если-бъ только то было мнѣ можно и когда-бъ только хозяинъ согласился мнѣ все показывать и обо всемъ разсказывать подробно. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, сего-то самого и учинить было не можно. Я составлялъ самую меньшую и всѣхъ маловажнѣйшую особу изъ посѣтителей, и потому принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ только, что показывано было моимъ товарищамъ, и слышаніемъ того, что хозяинъ говорилъ съ ними; со мною же не удалось ему и одного слова промолвить,ибо время было такъ коротко и поспѣшеніе товарищей моихъ такъ велико, что ему не удалось и самимъ имъ сотой доли изъ всего того показать, что онъ имѣлъ и что мнѣ видѣть и узнать хотѣлось. Къ вящей же досадѣ моей, и о самыхъ тѣхъ вещахъ, которыя онъ успѣлъ имъ показать, говорено было въ такую скользь и такъ коротко, что я ничего почти понять не могъ. Сіе въ состояніи было любопытство мое только возбудить, а нимало не удовольствовать и я съ крайнимъ нехотѣніемъ пошелъ вслѣдъ за товарищами своими, спѣшившими тогда итти въ гости, и помышлялъ уже отстать отъ нихъ и воротиться къ милому и почтенному старичку, чтобъ познакомиться съ нимъ короче; но и сіе мнѣ не удалось. Старикъ вышелъ вслѣдъ за нами со двора и замкнулъ свою комнату, а что всего мнѣ было досаднѣе, что сколько ни ласкался я надеждою познакомиться съ нимъ впредь и убѣдить его просьбою показать мнѣ и растолковать все, и какъ ни надѣялся узнать и научиться отъ него многому, но мнѣ съ сего времени не удалось его болѣе и видѣть. Ему случилось вскорѣ послѣ того уѣхать куда-то къ родственникамъ своимъ въ деревню, и тамъ, какъ послѣ я услышалъ, окончилъ онъ и жизнь свою.

Совсѣмъ тѣмъ случай сей произвелъ мнѣ много пользы. Я не только получилъ о многихъ незнакомыхъ мнѣ до того вещахъ нѣкоторое понятіе, но списклалъ чрезъ то знакомство съ помянутымъ г. Пассекомъ, бывшимъ до того мнѣ незнакомымъ, ибо какъ они во все обратное свое путешествіе безпрестанно говорили о семъ старикѣ, превозносили похвалами его любопытство и трудолюбіе и дивились множеству его машинъ и инструментовъ, то вмѣшался и я въ ихъ разговоръ. А при семъ случаѣ не успѣлъ я изъявить сожалѣнія своего о томъ, что они не долго у него пробыли, и что мнѣ не удалось многаго такого видѣть, что узнать весьма бы мнѣ хотѣлось, какъ самое сіе и побудило г. Пассека познакомиться со мною короче. Сей былъ изъ всѣхъ ихъ любопытнѣйшимъ, и какъ онъ таковое-жъ любопытство примѣтилъ и во мнѣ, то сіе и побудило его узнать меня покороче: почему и свелъ онъ со мною тотчасъ знакомство и разставаясь

просилъ меня притти когда-нибудь къ себѣ, говоря, что когда я такъ любопытенъ, то и онъ можетъ показать мнѣ что-нибудь достойное моего зрѣнія и любопытства.

Сего я и не преминулъ чрезъ нѣсколько дней сдѣлать и могу сказать, что посѣщеніемъ симъ былъ крайне доволенъ. Я нашелъ у него то, чего я всего меньше ожидалъ. Онъ былъ хотя простой поручикъ въ нашей службѣ, находившійся тогда тутъ по нѣкоторой порученной ему коммиссіи, но я не зналъ, что онъ имѣлъ великій достатокъ, былъ знаменитъ родомъ, знакомъ между большими господами и употреблялъ тогда множество денегъ на доставаніе драгоцѣнныхъ книгъ, всякихъ машинъ и инструментовъ. Я нашелъ у него первыхъ парочитое уже собраніе, а изъ послѣднихъ никоторая меня такъ не удивила и не удовольствовала, какъ электрическая. У него-то въ первый разъ отъ роду случилось мнѣ увидѣть сію чудную машину, сдѣлавшуюся потомъ мнѣ столь много извѣстною, и онъ-то подалъ мнѣ объ ней первѣйшее понятіе. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ я ее тогда разсматривалъ и какъ много удивили меня получаемыя отъ нея искры и удары, также и другіе разные дѣлаемые ею эксперименты. Машина сія была у него хотя староманерная, съ малымъ пузыремъ и большимъ колесомъ для вращенія, и предъ нынѣшними весьма еще несовершенная и занимавшая собою почти цѣлую комнату, однако стоившая ему не малыхъ денегъ и производившая очень сильное и хорошее дѣйствіе. Она мнѣ такъ полюбилась, что я разславилъ ее между всѣми своими знакомыми, и не проходило почти недѣли, въ которую бы я у него не побывалъ и не приводилъ съ собою многихъ другихъ для смотрѣнія какъ оной, такъ и микроскоповъ и другихъ физическихъ инструментовъ, а особливо воздушнаго насоса, который онъ также имѣлъ и съ особливымъ удовольствіемъ намъ опыты свои показывалъ. Но жаль, что пребываніе сего человѣка у насъ въ Кёнигсбергѣ было недолговременно: онъ тѣмъ же лѣтомъ отъ насъ отбылъ и я съ того времени его уже не видалъ. Онъ былъ родной братъ тому Пассеку, который былъ послѣ намѣстникомъ въ Смоленскѣ.

Около самаго того времени познакомился я и съ другимъ нашимъ офицеромъ, который служилъ капитаномъ, но не въ полевыхъ полкахъ, а въ артиллеріи. Звали его Иваномъ Тимоѳеевичемъ и былъ онъ изъ фамиліи господъ Писаревыхъ, и уроженецъ изъ самаго того Каширскаго уѣзда, изъ котораго и я былъ, слѣдовательно прямой мой землякъ и сосѣдъ по деревнямъ и одинъ изъ потомковъ того самаго Писарева, который, вмѣстѣ съ предкомъ моимъ, Еремѣемъ Гавриловичемъ, находился въ полону у татаръ крымскихъ и о которомъ упоминалъ я при началѣ моей исторіи. Ему случалось по дѣламъ нѣсколько разъ бывать у насъ въ канцеляріи и со мною кой-о-чемъ разговаривать. И какъ онъ во мнѣ, а я въ немъ примѣтилъ во многомъ одинакія склонности и согласіе въ мысляхъ, то сіе не только познакомило, но и сдружило насъ очень скоро. Онъ полюбилъ меня отмѣнно, а и я почувствовалъ къ нему не только любовь, но и самое почтеніе, чего онъ былъ и достоинъ. Онъ былъ гораздо меня старѣе, любилъ читать книги, почитался степеннымъ и порядочнымъ человѣкомъ, пріобрѣлъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе и не любилъ говорить о бездѣльѣ, а все о дѣлахъ и дѣлахъ хорошихъ и слушанія достойныхъ; а поелику и я не менѣе любилъ упражняться въ такихъ же разговорахъ, то самое сіе и связало насъ дружествомъ, продолжавшимся многіе годы сряду. Однако, около сего времени было знакомству нашему только первѣйшее начало, ибо вскорѣ послѣ того уѣхалъ онъ въ армію.

Что касается до канцелярскихъ моихъ знакомыхъ, то и къ нимъ прибавилось около сего времени еще двое, ибо какъ письменныя дѣла стали часъ отъ часу умножаться, по причинѣ, что генералу нашему поручены и всѣ бывшія въ Прус-

сіи войска въ команду, то нужна была для сего особая воинская экспедиція, а потому для управленія оною и опредѣлены были два офицера: одинъ поручикъ Козловъ, по имени Савва Константиновичъ, мужикъ толстой, простой, довольно изрядный и меня скоро полюбившій, а другой подпоручикъ Насѣткинъ, вышедшій въ офицеры изъ полковыхъ писарей и составлявшій самую приказную строку. Почему съ симъ человѣкомъ имѣлъ я только шапочное знакомство, ибо характеры наши были слишкомъ между собою различны, къ тому-жъ и по дѣламъ не было у меня съ нимъ никакой связи, да и сидѣли оба они въ другихъ и сѣньми отъ насъ отдѣленныхъ покояхъ, а сверхъ того и не обѣдывали съ нами вмѣстѣ у генерала, а хаживали на свои квартиры.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ упражненій имѣлъ я въ сіе лѣто еще одно особливое. Молодежи нашей восхотѣлось ко всѣмъ обыкновеннымъ увеселеніямъ присовокупить еще одно, именно, составить россійскій благородный театръ. Къ сему побудились они наиболѣе тѣмъ, что бывшая у насъ зимою банда комедіантовъ уѣхала въ иные города, и театральныя наши зрѣлища уже съ самой весны пресѣклись и театральный домъ стоялъ пустъ. Итакъ, вздумалось господамъ нашимъ испытать составить изъ самихъ себя нѣкотораго рода театръ. Первѣйшими заводчиками къ тому были: помянутый господинъ Орловъ, Зиновьевъ и нѣкто изъ пріѣзжихъ и тогда тутъ жившій, по фамилій господинъ Думашневъ. Не успѣли они сего дѣла затѣять и назначить для перваго опыта одну изъ нашихъ трагедій, а именно, «Демофонта», какъ и стали набирать людей кому бы вмѣстѣ съ ними представить оную. Но сіе не такъ легко можно было имъ учинить, какъ они сперва думали. Людей надобно было много, а способныхъ къ тому находили они мало. Тѣ, которые бы могли согласиться, были неспособны, а изъ способныхъ не всякій хотѣлъ отважиться на сіе дѣло и воспріять на себя не только великое бремя, но и самовольно подвергнуться критикѣ и сужденіямъ. Мнѣ сдѣлано было предложеніе отъ нихъ еще съ самаго начала и одному изъ первыхъ, но я самъ долго боролся самъ съ собою и не имѣлъ столько духа, чтобъ на сіе необыкновенное для меня дѣло отважиться и не прежде на желаніе ихъ согласился, какъ по многой и усиленной отъ всѣхъ ихъ просьбѣ. Правда, я имѣлъ къ тому уже нѣкоторое приготовленіе. Въ предслѣдующихъ письмахъ упоминалъ я вамъ, что, стоючи еще въ Эстляндіи на зимнихъ квартирахъ, полюбилъ я трагедію «Хоревъ» и не только ее почти всю наизусть выучилъ, но научился порядочно и декламировать рѣчи; а потому дѣло сіе было мнѣ отчасти уже знакомо, а сіе много и помогло тому, что я согласился взять на себя одну роль. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ никогда еще не случалось видѣть представленій россійскихъ трагедій, то дѣло сіе, а особливо по несмѣлости и застѣнчивости моей, казалось мнѣ очень дико, и если-бъ не помогло къ тому нѣсколько то, что въ минувшую зиму неоднократно случалось мнѣ видѣть нѣмецкія трагедіи, то едва-ль бы я далъ себя къ тому уговорить.

Коликаго труда стоило имъ набрать мужчинъ, толикого-жъ, или несравненно множайшаго требовалось къ отъисканію способныхъ къ тому женщинъ. Надобны были для трагедіи сей двѣ и, къ несчастію, обѣ молодыя, а мы изъ всѣхъ бывшихъ въ Кёнигсбергѣ русскихъ госпожъ не могли отъискать ни единой. Наконецъ, съ великимъ трудомъ уговорена была къ тому бригадирша Розенша, пребывавшая тогда въ Кёнигсбергѣ. Боярыня сія была русская, но уже не молодая, а что всего хуже—дородная и совсѣмъ неспособная къ представленію любовницы. Но нужда чего не дѣлаетъ: мы и той уже были рады; но какъ другой не могли никакъ отъискать, то рѣшились, чтобъ употребить къ тому молодого мужчину. Къ сему избранъ былъ, одинъ изъ товарищей нашихъ, а именно упоминаемый мною прежде родственникъ и товарищъ г. Орлова, Зиновьевъ. Молодость, нѣж-

ность, хорошій станъ и самая красота лица сего молодого, любви достойнаго человѣка, побудила всѣхъ упросить его взять на себя роль любовницы и какъ онъ на то согласился, то для бригадирши Розенши опредѣлена была роль наперсницы, чѣмъ она была и довольна.

Симъ образомъ, набравши всѣхъ потребныхъ къ тому людей, принялись мы за дѣло. Тотчасъ росписаны и розданы были всѣмъ роли и тотчасъ начали всѣ ихъ учить и твердить напзусть. Мнѣ досталась парочито великая, однако я прежде всѣхъ вытвердилъ. Не могу и понынѣ еще безъ смѣха вспомнить, какъ много занимала меня сія роль и съ какимъ рвеніемъ и тщаніемъ я ей учился. Не однажды бывало, что я, запершись одинъ въ своей квартирѣ, прокрикивалъ по нѣскольку часовъ сряду, ходючи взадъ и впередъ по своей комнатѣ; не однажды случалось, что и въ самую ночь, вмѣсто спанья, протверживалъ я выученное и старался тверже и тверже впечатлѣть все въ память. Когда же я дѣло свое кончилъ и всю свою роль выучилъ, то чувствуемое мною удовольствіе я уже никакъ изобразпть не могу. Я возмечталъ о себѣ невѣдомо что и началъ уже самъ турить товарищей своихъ, чтобъ они скорѣй роли свои вытверживали, ибо какъ о себѣ я уже ни мало не сомнѣвался, но надѣялся твердо, что я роль свою сыграю хорошо, то пылалъ я уже нетерпѣливостью, чтобъ начатое нами дѣло скорѣе совершилось. Однако, не то вышло, что мы думали и чего ожидали. Обстоятельствамъ вздумалось вдругъ перемѣниться; произошли нѣкоторыя несогласія между соучастниками въ семъ предпріятіи, и вся наша пышная и великолѣпная затѣя, какъ мыльный пузырь, лопнула и такъ рано, что многіе еще и половины своихъ роль не успѣли вытвердить.

Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ огорченіемъ узналъ я о семъ нечаянномъ всего нашего дѣла разрушеніи. Я получилъ извѣстіе о томъ отъ г. Орлова. «Знаешь-ли, Болотенко, мой другъ, какое горе! сказалъ онъ мнѣ, пришедши однимъ утромъ къ намъ и меня обнимая:—вѣдь дѣлу-то нашему не бывать и оно разрушилось!»—И! что ты говоришь? воскликнулъ я, поразившись: возможно ли? — «Точно такъ, продолжалъ онъ: и ты, мой другъ, уже болѣе не трудись и роли своей не тверди.»—Вотъ хорошо! возопилъ я: роли своей не учи, когда она у меня уже давно выучена, и поэтому всѣ труды и старанія мои были напрасны; спасибо!— «Ну, что дѣлать, голубчикъ! такъ уже и быть; я самъ о томъ горюю, у меня и у самого было много выучено; но что дѣлать, произошли обстоятельства и обстоятельства такія, что намъ теперь и помышлять о томъ болѣе уже не можно». — Но какія же такія? спросилъ я. — «Ну, какія бы то ни были, сказалъ онъ: мнѣ сказать тебѣ того не можно, а довольно, что дѣло кончилось, и ему не бывать никогда». Сказавъ сіе, побѣжалъ онъ отъ меня какъ молнія, такъ что я остался въ превеликомъ изумленіи и на него досадѣ. Совсѣмъ тѣмъ онъ былъ въ разсужденіи сего пункта такъ скроменъ, что я и послѣ, сколько ни старался, но не могъ никакъ узнать ни отъ него, ни отъ другихъ объ истинной тому причинѣ. Всѣ прочіе отговаривались, что сами не знаютъ, а онъ зналъ и говорилъ только всѣмъ, что ему сказать не можно: почему и остался я въ совершенномъ невѣдѣніи, что собственно разрушило сіе наше предпріятіе, и не знаю того даже и понынѣ.

Вскорѣ послѣ сего случилось мнѣ, вмѣстѣ съ ними-жъ и съ помянутою госпожею, бригадиршею Розеншею, быть въ кёнигсбергской жидовской синагогѣ или сонмищѣ и видѣть ихъ богослуженіе. Зрѣлище сіе было для меня новое и никогда еще до того времени невиданное и я смотрѣлъ оное съ особливымъ любопытствомъ и вниманіемъ.

Знатность бригадирши Розенши и графа Шверина были причиною тому, что не воспрепятствовано было намъ войтить въ сей домъ молитвы въ самое то время, когда отправлялось у нихъ богослуженіе и все сіе зданіе наполнено было множе-

ствомъ народа. Было сіе во время самой Петровской ярмонки и тогда, когда весь городъ наполненъ былъ многими сотнями жидовъ польскихъ. Синагога была каменная, нарочитаго пространства и могла помѣщать въ себѣ множество людей. Мы нашли ее всю наполненную народомъ, но не отправляющимъ еще своего богослуженія, и какъ мнѣ въ сей разъ удалось видѣть оное съ самаго начала до конца, то и могу я описать какъ оное, такъ и самую синагогу въ подробности.

Зданіе сіе составляло порядочный продолговатый четвероугольникъ и снаружи украшено было немногими архитектурными украшеніями, но безъ всякаго сверху купола или какого возвышенія сверхъ кровли; внутри же не имѣло ни малѣйшаго украшенія. Все встрѣтившееся съ зрѣніемъ нашимъ при входѣ состояло въ единомъ только возвышенномъ, аршина на полтора отъ полу, осьмиугольномъ амбонъ, сдѣланномъ посреди сего дома и огороженномъ вверху низенькимъ парапетцемъ. Весь сей амбонъ не имѣлъ болѣе четырехъ аршинъ въ діаметрѣ и, для всхода нанего, снабденъ съ боковъ двумя лѣсенками по ступенямъ. По обѣимъ сторонамъ сего амбона подѣланы были сплошныя лавки для сидѣнія, такія точно, какія дѣлаются въ церквахъ лютеранскихъ, съ тою только разностію, что стѣнки, преграждавшія оныя, были повыше и такой пропорціи, чтобы стоящему въ лавкахъ человѣку можно было объ нихъ облокотиться. Сими лавками загражденно было все внутреннее пространство сего зданія и проходъ оставленъ былъ только въ срединѣ, шириною аршина на три; также было нѣсколько просторнаго мѣста и впереди, гдѣ въ прочихъ церквахъ дѣлается олтарь, но въ жидовскихъ сынагогахъ тутъ ничего не было похожаго на олтарь или на престолъ и сіе потому, что синагога ихъ не есть собственно ихъ церковь или храмъ, котораго они нигдѣ не имѣютъ, а единственно только родъ дома, назначеннаго для сходбища евреевъ, для воспѣванія хвалебныхъ пѣсней и псалмовъ Богу и для поученія себя чтеніемъ священнаго писанія. Почему и сдѣланъ у нихъ въ передней стѣнѣ, между оконъ, нѣкоторый родъ небольшого внутри стѣны шкапа или ниша, завѣшеннаго небольшою занавѣскою, и тутъ хранятся у нихъ книги ихъ священнаго писанія ветхаго завѣта, написанныя, по древнему обыкновенію, на пергаментныхъ свиткахъ. Въ сихъ двухъ или трехъ вещахъ, то-есть амбонѣ, лавкахъ и шкапѣ состоялп всѣ внутреннія украшенія синагоги ихъ, а четвертую вещь составляли просторные хоры, сдѣланные у задней стѣны при входѣ, сокрытые со стороны отъ синагоги столь частою рѣшеткою, что не можно было никакъ всѣхъ стоящихъ на хорахъ видѣть. Хоры сіи, составляющіе совсѣмъ особое отдѣленіе и не имѣющіе со внутренностію синагоги никакого сообщенія, назначены у нихъ для женщинъ, и какъ сіи не должны у нихъ никогда входить туда, гдѣ стоятъ и сидятъ мужчины, то и входъ на сіи хоры сдѣланъ особый и не снутри, а снаружи зданія.

Мы нашли всѣ помянутыя лавки наполненныя сидящими людьми, изъ которыхъ иные были съ открытыми главами, а другіе имѣли ихъ покрытыми нѣкоего рода шелковыми разноцвѣтными фатами или покрывалами. Всѣ сидѣли съ крайнимъ благоговѣніемъ и кротостію и не было во всемъ сонмищѣ ни малѣйшаго шума и крика. Насъ провели и поставили посредипѣ подлѣ самаго помянутаго амбона, и тутъ произошло у насъ нѣчто смѣшное. Помянутая бывшая съ нами бригадирша Розенша, не зная, не вѣдая на что у нихъ сдѣланъ былъ помянутый амбонъ, а считая оный ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ для знатныхъ особъ, слѣдовательно и для стоянія и себѣ приличнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ, и будучи столь неблагоразумна, что и не спросивъ никого, вздумала вдругъ взойтить на оный и занять себѣ мѣсто.— Боже мой! какой сдѣлался въ самую ту минуту во всей синагогѣ шумъ, ворчанье, ропотъ и негодованіе! Всѣ обратили на нее глаза свои и многіе поскакали даже съ мѣстъ своихъ и не знали, что дѣлать. Для ихъ и то уже было крайне прискорбно и не-

пріятно, что одна женщина дерзнула войтить въ ихъ сонмище. Они и на то смотрѣли уже косыми глазами, но, по знатности ея, не смѣли воспрекословить; увидѣвъ же ее взошедшею на мѣсто, которое почитали они священнѣйшимъ, пришли въ крайнее смущеніе и безпокойство. Нѣсколько человѣкъ, и какъ думать надобно, старѣйшинъ, безъ памяти почти подбѣжали къ намъ, стоящимъ на полу подлѣ амбона, и напжалобнѣйшимъ и униженнѣйшимъ образомъ, кланялсь и указывая на бригадиршу, просили насъ уговорить ее сойтить долой. «Ахъ! царскіе же, царскіе добродѣи! говорили они намъ, прижимая къ сердцамъ своимъ руки: ахъ, это не треба! это не треба!» Но мы не допустили ихъ долго безпокоиться и шепнули госпожѣ бригадиршѣ, чтобы изволила она сойтить внизъ, но она и сама, примѣтивъ волненіе, произведенное ею во всемъ сборищѣ, была столь благоразумна, что сошла тотчасъ внизъ и вѣжливымъ образомъ просила себя извинить въ томъ, предлагая свое незнаніе, и сіе успокоило тотчасъ же все собраніе.

Вскорѣ послѣ сего началось у нихъ богомолье. Оное состояло въ пѣніи псалмовъ всѣмъ собраніемъ на еврейскомъ языкѣ. Тутъ не только госпожа бригадирша, но чуть-было и всѣ мы не надѣлали крайняго дурачества. Всѣмъ намъ превеличайшаго труда стоило, чтобъ удержаться отъ смѣха и отъ того, чтобъ не захохотать во все горло: такъ смѣшно показалось намъ ихъ богомолье. Оно и подлинно имѣло въ себѣ, а особливо для насъ, не привыкшихъ подобное тому видѣть, много чрезвычайнаго и смѣшного. Не успѣлъ главный ихъ равинъ затянуть пѣніе своего псалма, какъ всѣ сидѣвшіе въ лавкахъ поскакали съ своихъ мѣстъ и, покрывшись своими покрывалами, сдѣлались власно какъ сумасшедшими: они топали ногами, махали руками, кривлялись всѣмъ тѣломъ, качали головами и, въ самое тожъ время, произносили такіе страшные визги, вопли и крики, что мы принуждены были почти зажать свои уши, чтобъ избавить слухъ свой отъ такой странной и необыкновенной музыки. Однимъ словомъ, шумъ, крикъ и вопль сдѣлался во всей синагогѣ столь превеликій и кривлянье всѣхъ было столь странно и смѣшно, что нѣкоторые изъ насъ дѣйствительно не могли никакъ удержаться отъ смѣха; да и для прочихъ зрѣлище сіе было крайне поразительно и мы не перестали тому дивиться до тѣхъ поръ, пока не растолковали намъ, что, по еврейскому закону, долженствуетъ Бога хвалить не только устами своими, но и всѣми членами, и что видимое нами кривляніе и стучаніе ногами и руками есть производство сей священной должности.

Сіе успокоило насъ нѣсколько и принудило спокойно дождаться конца сего крайне нескладнаго и противнаго для слуха пѣнія. Послѣ сего увидѣли мы, что дѣлано было приуготовленіе къ нѣкоей процессіи или ходу. Нѣсколько человѣкъ, вышедши изъ своихъ лавокъ, построились съ благоговѣніемъ рядомъ предъ помянутымъ шкапомъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что будетъ, и увидѣли потомъ старшаго равина, подошедшаго съ почтеніемъ къ шкапу, отдернувшаго занавѣску и съ превеликимъ благоговѣніемъ вынимающаго оттуда свитки священнаго писанія, написанные на пергаментѣ и обернутые въ дорогіе штофы. Онъ возлагалъ оные на головы подходящихъ къ нему помянутыхъ людей и принимающихъ оные съ великимъ почтеніемъ. Потомъ, въ предшествіи его самого, понесли они ихъ одинъ за другимъ процессіею вокругъ всѣхъ лавокъ, и вознесли потомъ на помянутый амбонъ. Тутъ приготовленъ уже былъ нѣкоторый родъ низенькаго столика, покрытаго драгоцѣнною матеріею. На семъ развертывали они одинъ свитокъ за другимъ и по нѣскольку времени читали въ каждомъ изъ нихъ писаніе во все горло и торкая пергаментъ страннымъ образомъ превеликими раззолоченными указками, точно такими, какія употребляются въ нашихъ простыхъ школахъ учащимися грамотѣ ребятишками, но только несравненно величай-

шими. Сіе зрѣлпще было для насъ также забавно и увеселяло насъ даже до смѣха. Но каково ни трудно было намъ воздерживаться отъ смѣха, а особлпво видя ихъ смѣшное указываніе, однако мы имѣли столько духа, чтобъ дождаться конца сего страннаго и съ превеликимъ кривляньемъ, коверканьемъ, взываньемъ и вопіяньемъ соединеннаго чтенія. По окончаніи онаго отпесены были сіи свитки съ такою-жъ церемоніею и при всеобщемъ пѣніи назадъ и положены по прежнему въ шкафъ и задернуты занавѣскою, а тѣмъ и кончилось все богомолье и всѣ стали расходиться по домамъ, что̀ увидя, вышли и мы изъ сего жидовскаго сонмища, поблагодарпвъ напередъ старѣйшихъ за доставленное намъ удовольствіе.

Симъ кончилась тогда наша прогулка, и какъ письмо мое уже велико, то окончу я симъ и оное, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

НОВАЯ КВАРТИРА.

Письмо 74-е.

Любезный пріятель! Продолжая далѣе мое повѣствованіе, скажу теперь, что къ достопамятностямъ сего-жъ лѣта принадлежитъ и то, что я въ оное получилъ себѣ новую и лучшую квартиру, слѣдовательно перешелъ уже на четвертую. Правда, не совсѣмъ дурна была и та, на которой я стоялъ, однако, какъ она была не слишкомъ близко отъ зàмка, и ежедневная ходьба въ нее мнѣ наскучила, а особливо въ дождливое осеннее и зимнее время, сверхъ того находясь въ глухомъ переулкѣ, была она и скучновата, а мнѣ, какъ находившемуся тогда при губернаторѣ и что-нибудь уже значущему, хотѣлось имѣть квартиру сколько-нибудь уже и получше. Итакъ, я до тѣхъ поръ не давалъ покою нашему плацъ-майору, покуда онъ мнѣ не отвелъ новой и самой той, которая была у меня на примѣтѣ. Въ ней стоялъ до того одинъ нашъ армейскій поручикъ изъ фамилiи Челищевыхъ, а по имени Иванъ Егоровичъ, самый тотъ, который послѣ того былъ въ Тулѣ въ уголовной палатѣ совѣтникомъ. И какъ мы съ нимъ были знакомы и пріятели, то по самому сему случаю и узналъ я сію квартиру и съ нетерпѣливостію дожидался того времени, какъ онъ отправится въ армію. Сіе воспослѣдовало въ началѣ сего лѣта и тогда не медлилъ я болѣе ни одной минуты, но тотчасъ на нее перебрался.

Съ квартирою сею сопряжены были для меня многія выгоды и ни которою изъ всѣхъ прежнихъ я такъ доволенъ не былъ, какъ сею послѣднею, ибо, во-первыхъ, была она всѣхъ прежнихъ ближе къ зàмку, и не далѣе саженъ двухъсотъ отъ онаго; во-вторыхъ, стояла въ улицѣ хотя маленькой, но такой, по которой много было ходьбы и ѣзды, а особливо для гулянья по садамъ, слѣдовательно не скучной. Домикъ былъ хотя небольшой, но весёленькой и теплый. Весь верхній этажъ онаго асигнованъ былъ для меня и хотя и весь оный состоялъ только изъ двухъ комнатъ и небольшихъ сѣнецъ, однако для меня было сего довольно и предовольно. Въ одномъ и просторнѣйшемъ изъ помянутыхъ покойцевъ расположился я самъ и онъ составлялъ у меня и спальню и переднюю и все и все, а другой боковой и гораздо тѣснѣйшій опредѣлилъ я для своего младшаго слуги Аврама и для своего багажа: тутъ былъ мой сундукъ и вся прочая рухлядь. Обѣ сіи комнаты были чистёхонько прибраны, были бѣленькія и снабженныя довольнымъ количествомъ столиковъ и стульевъ, а болѣе сего мнѣ было и не надобно. Видъ изъ дома и оконъ моихъ простирался въ одну сторону въ маленькой плодопосный садикъ, принадлежащій къ сосѣдственному дому, котораго плодовитыя деревья верхами своими простирались даже до самыхъ моихъ оконъ, и къ онымъ почти прикасались, а въ другую — на улицу и чрезъ оную въ прекрасный, регулярный и убранный бесѣдками и партерами садъ, принадлежащій къ большому каменному дому, находившемуся за улицею почти противъ моей квартиры. Сей садъ въ особливости меня увеселялъ. Онъ находился въ такой

близости и въ такомъ положеніи, что я могъ весь его обозрѣвать и видѣть всѣхъ въ немъ гуляющихъ и все въ немъ происходящее и находившееся. Самые цвѣты, которыми въ множествѣ усажены были рабатки въ партерахъ, видны мнѣ были до единаго, а запахъ отъ духовитыхъ травъ и цвѣтовъ достигалъ даже до моихъ оконъ, а особливо въ вечернее время. Не одинъ разъ видалъ я въ ономъ цѣлыя компаніи провождающихъ въ прогулкахъ свое время, а иногда сидящаго въ стоячей прямо противъ окна моего полубесѣдкѣ и въ уединеніи читающаго книгу молодого человѣка. Въ иное же время прихаживало туда все семейство того дома и пило чай съ гостями своими. Въ третью сторону, хотя изъ оконъ квартиры моей и не было вида, но за то изъ сѣнецъ моихъ былъ проходъ въ нѣкоторый родъ галерейки, придѣланной съ боку къ моему этажу, и изъ которой открывалось наипріятнѣйшее для глазъ зрѣлище. Домикъ сей стоялъ на самомъ почти берегѣ того большого и видъ озера имѣющаго пруда, который находится посреди сего города и о которомъ я имѣлъ уже случай упомянать. Весь противоположный берегъ украшенъ былъ сплошными и одну почти связь составляющими каменными домами. Всѣ они были о нѣсколько этажей, всѣ раскрашены разными красками, всѣ стояли стѣнами своими вплоть къ водѣ, такъ что вода омывала ихъ стѣны и можно было пріѣзжать на лодочкахъ и шлюпкахъ къ самымъ крыльцамъ. Словомъ, по случаю округлости сего берега, составляли они собою напвеликолѣпнѣйшій амфитеатръ, а особливо въ тихую погоду, когда въ гладкой поверхности воды всѣ они и въ ней изображались превратно власно какъ, въ зеркалѣ. Великое множество оконъ, которыми сіи зданія испещрены были, и разноцвѣтные зонтики, которые отъ многихъ изъ нихъ во время солнца откидывались, придавали картинѣ сей еще болѣе пышности и красы. Не одинъ разъ выходя сиживалъ я на сей галерейкѣ и любовался до восхищенія симъ зрѣлищемъ. Не одинъ разъ выносилъ съ собою туда столикъ и по нѣскольку часовъ тутъ въ тѣни, подъ простою кровелькою, сиживалъ на свѣжемъ воздухѣ и, любуясь красотою мѣста, упражнялся либо въ чтеніи какой-нибудь пріятной и полезной книжки, либо въ писаніи чего-нибудь себѣ въ науку и въ наставленіе. Охота къ писанію начинала уже тогда во мнѣ возрождаться и я производилъ первѣйшіе тому опыты. Нерѣдко извлекали меня на сію галерейку пріятные звуки гармонической музыки. Такъ случилось, что въ домахъ, окружающихъ сей прекрасный прудъ, жило много людей, имѣющихъ охоту къ музыкѣ и потому нерѣдко увеселяемъ былъ слухъ мой изъ иныхъ оконъ пріятнымъ тономъ флейтраверсовъ, изъ иныхъ волторнъ, изъ иныхъ скрипицъ и другихъ инструментовъ, а часто разъѣзжали и по саму пруду на гребляхъ маленькія суденушки съ цѣлыми компаніями людей обоего пола и тѣмъ увеселяли еще болѣе зрѣлище. Нерѣдко утѣшались они въ сихъ плаваніяхъ своихъ музыкою или пѣніемъ пріятныхъ пѣсней. Узенькій и предлинный мостъ, сдѣланный только для перехода пѣшихъ черезъ весь прудъ и видимый отъ меня въ лѣвой сторонѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и за нимъ отдаленнѣйшіе берега сего пруда, украшенные множествомъ прекрасныхъ регулярныхъ садовъ и бесѣдками разныхъ фигуръ, построенныхъ на самой почти водѣ, придавали еще болѣе красоты сему мѣсту. Помянутый мостъ никогда почти не случалось мнѣ видать порожнимъ, но всегда находилось на немъ множество взадъ и впередъ идущаго народа. Иногда собирался онъ толпами и, облокотясь о перплы, сматривалъ на сіе озеро и красотами онаго, вмѣстѣ со мною, любовался, или утѣшался пріятною музыкою, слышимою изъ многихъ домовъ, по берегамъ онаго построенныхъ.

При всѣхъ сихъ наружныхъ преимуществахъ имѣла квартира моя еще одно особое, но которое для меня всего было пріятнѣе, а именно хорошаго хозяина. Онъ былъ хотя мастеровой человѣкъ, рукомесломъ лаешникъ и притомъ весьма

посредственнаго достатка, но я довольнѣе имъ былъ, нежели самымъ лучшимъ и богатѣйшимъ гражданиномъ сего города. Ни отъ кого во всемъ Кёнигсбергѣ и во всю мою въ немъ бытность я столько добра не видалъ, какъ отъ сего добродушнаго старичка, и могу сказать, что я имъ и всѣмъ его семействомъ былъ очень доволенъ. Онъ имѣлъ у себя жену старушку такую же добренькую и тихинькую, каковъ былъ самъ. А прочее его семейство составляли два сына и двѣ дочери, всѣ они были взрослые и всѣ добрые, и первые оба помогали отцу въ работѣ, а обѣ послѣднія матери, и всѣ вообще наблюдали къ родителямъ своимъ особливое почтеніе, но сего они были и достойны. Я не могъ довольно налюбоваться кроткимъ, добродушнымъ и благонравнымъ характеромъ обоихъ стариковъ, и дивился, что нашелъ посреди Кёнигсберга такихъ добрыхъ людей. Но удивленіе мое скоро исчезло, когда я узналъ, что старики мои были не природные прусскіе жители, а уроженцы такой страны, которая наполнена людьми добрыми и честными и которая славится добротою характеровъ своихъ жителей, а именно изъ Швейцаріи.

И подлинно, старики сіи меня удивили отмѣнною своею ко мнѣ благосклонностью. Не успѣлъ я съ ними ознакомиться и раза два у нихъ внизу побывать, и съ ними кое-что, а особливо о Швейцаріи, по-нѣмецки поговорить и препроводить въ разговорахъ съ ними часа по два времени, какъ они меня отмѣнно и такъ полюбили, какъ бы я ихъ какой родной былъ. Они тотчасъ начали мнѣ дѣлать предложенія за предложеніями, и предложенія такія, которыя толико же были для меня пріятны, колико неожидаемы и удивительны. Напервѣйшее состояло въ просьбѣ, чтобъ я велѣлъ прибрать къ сторонѣ и спрятать всю мою походную постелю съ наволоками, подушками и одѣялами и предоставилъ бы имъ имѣть о семъ попеченіе, говоря, что я можетъ быть ихъ постелью буду доволенъ. Я удивился такому несвойственному пруссакамъ благопріятству и, отговарриваясь отъ того изъ учтивости, говорилъ, что я имъ тѣмъ навлеку безпокойство и убытокъ. Однако они сего и слышать не хотѣли, а требовали неотмѣнно, чтобъ я на желаніе ихъ согласился, увѣряя, что они тѣмъ не приведутъ и себя и меня ни въ малѣйшій убытокъ. Словомъ, какъ я ни отговаривался, но принужденъ былъ на желаніе ихъ согласиться. И какъ же много удивился я нашедъ на другой же день у себя прекрасную пуховую постелю, съ чистыми бѣлыми и мягкими подушками и съ прекраснымъ бѣлымъ занавѣсомъ, размытымъ и раскрухмаленнымъ въ прахъ. Не спа́въ очень давно или, паче, еще никогда на такихъ мягкихъ постеляхъ, спалъ я сію ночь, какъ въ раю, и хотя притомъ и была та неудобность, что я вмѣсто прежняго одѣяла принужденъ былъ одѣваться и спать подъ другимъ, тонкимъ и мягкимъ пуховикомъ, по ихъ обыкновенію, однако, къ удивленію моему, увидѣлъ, что обыкновеніе сіе не такъ дурно, какъ я себѣ сначала воображалъ, но я привыкъ къ тому не только скоро, но такъ полюбилъ, что предпочиталъ уже наилучшимъ одѣяламъ. Многимъ, несыпавшимъ подъ таковыми пуховиками покажется сіе странно и невѣроятно, но такъ точно и я сначала думалъ, но опытность мнѣ доказала совсѣмъ тому противное. Мягкость нижняго пуховика и отмѣнная рыхлость верхняго производитъ то, что спать въ постели сей очень спокойно можно и что пуховикъ верхній грѣетъ лучше всѣхъ одѣялъ, а тягости не производитъ ни малѣйшей.

Правда, сначала я уперся-было и не хотѣлъ никакъ ложиться подъ пуховикъ, но хотѣніе угодить желанію моихъ хозяевъ, превозмогло мое отвращеніе, а тѣмъ и угодилъ я такъ много моимъ хозяевамъ, что они отмѣнное стараніе прилагали о томъ, чтобъ постеля моя всегда была чиста, бѣла и опрятна. Каждое воскресенье перемѣняли они всѣ наволоки и простыни, а въ каждый мѣсяцъ

и самый занавѣсъ моей постели. Я удивился сему ихъ прилежанію, но удивился еще болѣе, когда узналъ, что они все бѣлье свое только два раза въ году мывали. Сіе было для меня сначала непонятно, но послѣ узналъ, что у нихъ запасено такое множество бѣлья всякаго рода, что имъ нѣтъ нужды болѣе двухъ разъ мыть оное въ году. Но за то и не допускаютъ они никогда, чтобъ какое-нибудь бѣлье у нихъ слишкомъ замаралось. Когда же придетъ время оное мыть, тогда производятъ они сіе сіе наймомъ, дружно и упражняются въ томъ уже болѣе двухъ недѣль сряду. Сіе бываетъ обыкновенно въ началѣ весны и при концѣ лѣта. И тогда цѣлый почти лугъ устилаютъ они вымытымъ и бѣлящимся на солнцѣ своимъ бѣльемъ, ибо они не только его моютъ, но и бѣлятъ цѣлый день на солнцѣ прыская безпрерывно водою. Я удивился, увидѣвъ однажды все семейство моего хозяина въ томъ упражняющееся и ужаснулся великому множеству бѣлья, одному ихъ дому принадлежавшему.

Сколь много я симъ благопріятствомъ хозяевъ моихъ ни былъ доволенъ, но послѣдующее вскорѣ послѣ того другое и новое предложеніе удивило меня еще болѣе. Добродушные старики мои, увидѣвъ, что я никогда дома не обѣдывалъ, а ввечеру, приходя ночевать домой, довольствовался только самымъ легкимъ и малымъ ужиномъ, за которымъ посылалъ обыкновенно въ ближній трактиръ, восхотѣли и отъ сего труда меня избавить и сказали мнѣ однажды, что они совѣстятся предложить мнѣ, не могу ли я доволенъ быть по вечерамъ ихъ мизерною хлѣбомъ-солью, и что они постараются уже о томъ, чтобы я не былъ никогда голоденъ. Меня поразило сіе предложеніе и какъ мнѣ извѣстно было, что хлѣбъ и соль ихъ не такъ была мизерна, какъ они говорили, но они ѣли хорошо и сытно, то совѣстился я принять сіе предложеніе, хотя мнѣ оно было и не противно, и не прежде на то согласился, какъ обѣщавъ имъ за все то заплатить, сколько имъ угодно будетъ. «Хорошо, хорошо, господинъ подпоручикъ! сказали они мнѣ на сіе, усмѣхнувшись. Это мы увидимъ, а будьте только нашею хлѣбомъ-солью довольны».

Привыкнувъ издавна уже къ легкимъ и малымъ ужинамъ, имѣлъ я тѣмъ болѣе причины быть ихъ попеченіемъ о себѣ довольнымъ, что съ сего времени пользовался я всякій вечеръ несравненно лучшими ужинами, нежели прежде. Они такъ меня полюбили, что оставляли для меня наилучшіе куски и части своей пищи, и не было вечера, въ который бы не было блюдецъ двухъ или трехъ съ прекраснымъ пеклеваннымъ хлѣбомъ и пріятными кусками ко мнѣ на верхъ приносимо. Словомъ, нерѣдко казалось, что они нарочно для меня готовили кушанье и столь хорошее, что я крайне былъ доволенъ. Сія благосклонность ихъ простиралась впослѣдствіи даже до того, что какъ не имѣли мы болѣе стола у губернаторовъ, то таковымъ же образомъ довольствовали они меня не только ужинами, но и самыми обѣдами, и какъ не было дня, въ который бы я не получалъ отъ нихъ блюдца по три и по четыре прекрасно изготовленнаго и вкуснаго кушанья, то я не могу довольно изобразить, сколь я много доволенъ былъ съ сей стороны моими хозяевами, которые симъ образомъ кормили не только меня, но и самого слугу моего.

Наконецъ дошло до того, что не восхотѣли они, чтобъ я пилъ и собственный чай свой, но просили меня дозволить и оный присылать ко мнѣ всякое утро. На сіе хотя мнѣ и всего совѣстнѣе было согласиться, но я принужденъ былъ и въ томъ уступить ихъ просьбамъ и желаніямъ, и съ того времени пивалъ я по утрамъ всегда прекрасный чай со сливками, а по воскресеньямъ и самый кофей.

Вотъ какіе добрые люди случились у меня хозяева; я дивился и не понималъ, за что они меня такъ любили и одолжали, и не оставлялъ спрашивать ихъ о томъ нѣсколько разъ; но они зажимали мнѣ всегда ротъ и говорили только, что они

мною болѣе довольны, нежели я имп, и за счастье себѣ почитаютъ, что имѣютъ у себя такого кроткаго, смирнаго и постояннаго постояльца.

Единый недостатокъ, сопряженный съ сею квартирою, состоялъ въ томъ, что у нихъ не было столь просторнаго двора, чтобъ могъ я помѣстить на немъ свою повозку и лошадей, но и сему недостатку пособилъ я тѣмъ, что выпросилъ для лошадей и другого человѣка моего другую квартиру, гдѣ онъ у меня жилъ и питался самъ собою, такъ какъ я упоминалъ о томъ уже въ прежнихъ моихъ письмахъ.

Словомъ, съ перемѣною моей квартиры, перемѣнились во многомъ и мои обстоятельства. Я жилъ тутъ весело, спокойно и во всякомъ довольствіи и не было мнѣ нужды заботиться ни о пищѣ, ни о содержаніи своемъ; но признаться надобно, что чѣмъ ласковѣе и услужливѣе были ко мнѣ хозяева, тѣмъ болѣе старался и я вести себя степеннѣе, постояннѣе и чрезъ то поддерживать ихъ о себѣ хорошее мнѣніе.

Однако, надобно сказать и то, что я около самаго сего времени сталъ болѣе прилежать къ чтенію нравоучительныхъ, а отчасти и самыхъ философическихъ книгъ и получилъ къ нимъ часъ отчасу болѣе охоты. Случай и поводъ къ тому въ особливости подала мнѣ сама сія квартира, слѣдовательно я ей и съ сей стороны много обязанъ. Помянутый случай былъ слѣдующій:

Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ подлѣ оной была наша походная запасная аптека и при оной одинъ аптекарь, человѣкъ отмѣнно хорошаго характера и свойства, по имени Германъ. Онъ былъ уроженецъ ревельскій и малый умный, постоянный, любившій читать книги и упражняться въ наукахъ. Благодѣтельная и пекущаяся обо мнѣ судьба снискала мнѣ случай съ нимъ познакомиться и какъ жилъ онъ отъ меня шаговъ только со сто, то хаживалъ я къ нему нерѣдко и въ короткое время сдѣлались мы съ нимъ друзьями, сиживали, разговаривали и гуливали вмѣстѣ въ одномъ публичномъ, подлѣ его находящемся, садѣ. При сихъ-то свиданіяхъ съ нимъ разговорились мы однажды о книгахъ. Онъ, узнавъ, что я до нихъ охотникъ, рекомендовалъ мнѣ одну въ особливости и расхвалилъ мнѣ ее столько, что я въ тотъ же еще день купилъ ее себѣ въ книжной лавкѣ. День сей и понынѣ я еще благословляю и благодарю судьбу за случившееся въ оный со мною, ибо книга сія послужила потомъ основаніемъ всей послѣдующей за симъ моей хорошей философической жизни и была власно какъ фундаментомъ, на которомъ начало основываться все зданіе моего спокойствія и благополучія сей жизни. Достопамятная сія книга была извѣстное въ свѣтѣ и столь славное сочиненіе господина Гофмана о Спокойствіи душевномъ, и мнѣ такъ полюбилась, что я нѣсколько разъ ее прочиталъ сначала и до конца и чрезъ то набрался много истинно-философическаго духа, что́ и причиною было, что я съ сего времени сталъ отчасу болѣе прилежать къ чтенію и доставанію себѣ хорошихъ нравоучительныхъ, толико поспѣшествовавшимъ потомъ всѣмъ моимъ знаніямъ и наукамъ.

Къ дальнѣйшимъ достопамятностямъ сего времени относительно до меня принадлежало и то, что я вскорѣ по переѣздѣ моемъ на сію квартиру, впервые научился и сталъ табакъ курить. Случай къ тому былъ въ особливости достопамятный. Уже за нѣсколько времени до того мучился я частыми запорами. Сперва я не уважалъ сіе, но впослѣдствіи времени становились они мнѣ отчасу отяготительнѣе. Сіе побудило меня поговорить объ нихъ съ однимъ изъ нашихъ докторовъ, человѣкомъ мнѣ знакомымъ и науку врачебную довольно разумѣющимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что происходило сіе отъ многаго сидѣнья и, вмѣсто предписанія мнѣ, по требованію моему, лекарства, спросилъ меня, курю ли я табакъ? Какъ услышалъ, что я никогда еще не куривалъ, то совѣтовалъ мнѣ, вмѣсто всѣхъ лекарствъ, курить по утрамъ съ чаемъ табакъ и послѣ съѣдать либо лом-

тикъ хлѣба, намазанный чухонскимъ масломъ, либо по нѣскольку ягодъ французскаго чернослива, увѣряя, что сіе не только уничтожитъ мои запоры, но и впредь предохранитъ меня отъ нихъ. Совѣтъ сей былъ благоразумнѣйшій и для меня весьма полезный, и я и понынѣ благодарю еще господина Нилуса за оный, ибо какъ я исполнялъ совѣтъ сей въ самой точности, то не только тогда отъ запоровъ своихъ освободился, но привыкнувъ съ того времени уже всегда курить съ чаемъ табакъ, не мучивался оными уже никогда болѣе, а что всего лучше, то во все послѣдующее потомъ продолженіе моей жизни, не бывалъ почти никогда больнымъ. Отъ того ли сіе сдѣлалось, или не отъ того, уже не знаю, только то мнѣ извѣстно, что всѣ наилучшіе въ свѣтѣ медики помянутое куреніе съ чаемъ табака почитаютъ наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней и заключаютъ сіе потому, что таковое куреніе содержитъ всегда натуру отверстую; а сіе весьма и справедливо, какъ то доказалъ мнѣ собственный мой примѣръ, а нужно только наблюдать то правило за свято, чтобъ въ другое время уже никакъ табаку не курить, да и во время питья чая, не долѣе какъ пьешь оный. Симъ точно образомъ курилъ я во всю мою жизнь табакъ и отъ того можетъ быть и былъ онъ мнѣ такъ полезенъ.

Другая достопамятность состояла въ томъ, что я около сего времени началъ уже гораздо умножать свою библіотеку. Къ сему подало мнѣ наиболѣе поводъ то обстоятельство, что я узналъ, что въ Кёнигсбергѣ можно доставать ихъ покупкою не только въ лавкахъ, но и на бываемыхъ очень часто книжныхъ аукціонахъ, и на сихъ съ тою еще выгодою, что гораздо дешевѣйшею цѣною и нерѣдко за сущую бездѣлицу. О семъ узналъ я отъ тѣхъ же товарищей моихъ, нѣмецкихъ канцеляристовъ. Они не успѣли меня сводить однажды на одинъ изъ такихъ аукціоновъ, какъ мнѣ сіе такъ полюбилось, что я съ того времени не пропускалъ ни одного, изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время, чтобъ не побывать на ономъ, и къ неописанному удовольствію моему, бывали они нарочито часто. Городъ сей наполненъ былъ учеными людьми и охотниками до книгъ, и какъ нерѣдко случалось таковымъ умирать, а не у всякаго наслѣдники бывали до книгъ охотники, то сіе и подавало случай къ продажѣ оставшихъ послѣ нихъ книгъ съ аукціоннаго торга. Всякій разъ, когда подобное сему случалось, обнародывано было о томъ въ прибавленіяхъ къ газетамъ и всѣмъ желающимъ раздавались печатные всѣмъ продаваемымъ книгамъ каталоги. И тогда, въ назначенный день, собирались въ тотъ домъ всѣ охотники покупать, усаживались за длинный столъ, а аукціонистъ садился на концѣ онаго и проглашая книги по нумерамъ, бралъ каждую напередъ всѣмъ сидящимъ за столомъ пересматривать, а потомъ спрашивалъ, кто что за нее дастъ и начинался обыкновенный аукціонный торгъ; всякій прибавлялъ сколько-нибудь цѣны и какъ скоро переставали надбавлять цѣну, то какая бы ни была послѣдняя, но за оную, по удареніи въ третій разъ молоткомъ, уже книга за тѣмъ и оставалась.

Нельзя изобразить, съ какимъ удовольствіемъ хаживалъ я на сіи аукціоны, и сколь за малую и ничего не стоющую цѣну доставалъ я иногда на нихъ напрекраснѣйшія книги. Нерѣдко случалось, что охотниковъ покупать и всѣхъ набиралось очень мало и не болѣе человѣкъ десяти или пятнадцати, а какъ сіи всѣ были разныхъ вкусовъ и не всякому каждая книга была угодна, то случалось, что за иныя не бралъ никто ни копейки и принуждено было отдавать ее тому, кто шутя дастъ копейку или двѣ, а симъ точно образомъ и доставалъ я множество книгъ за самую бездѣлку и досадовалъ нерѣдко, что мнѣ, какъ служивому человѣку, не можно было себя обременять множествомъ оныхъ; ибо я не зналъ, куда мнѣ было дѣваться и съ тѣми, которыя у меня уже были, въ случаѣ если вышлютъ меня къ арміи въ походъ. Сіе удерживало меня еще много, а то бы я

могъ обогатить библіотеку свою многими рѣдкими и дорогими книгами. Не одинъ разъ случалось, что я, сжавъ сердце, принужденъ былъ разставаться весьма съ прекрасными и дорогими книгами. Совсѣмъ тѣмъ рѣдко случалось, чтобъ съ такового аукціона возвращался я съ пустыми руками, но обыкновенно приначивалъ съ собою цѣлыя связки оныхъ, и тогда какое начиналось у меня разсматриваніе, какое перебиранье купленныхъ книгъ и какое любованье оными. Словомъ, аукціоны сіи доставляли мнѣ многія пріятныя минуты и квартира моя украсилась скоро цѣлымъ шкаломъ разныхъ книгъ.

Что касается до прочихъ пропзшествій, бывшихъ около сего времени у насъ въ Кёнигсбергѣ, то памятны мнѣ только два достойныхъ нѣсколько замѣчанія. Первое состояло въ томъ, что присланъ былъ къ намъ архимандритъ, по имени Ефремъ, для начальствованія надъ всѣмъ армейскимъ духовенствомъ и долженствующимъ имѣть пребываніе свое у насъ въ городѣ. Но сія духовная особа далеко несоотвѣтствовала общему нашему желанію; но сколько хорошую фигуру ни представляла сначала своего пріѣзда, столько стала обращаться потомъ въ безславіе наше и въ позоръ духовенству, ибо не успѣлъ онъ нѣсколько недѣль у насъ пообжиться, какъ стали видать его ѣздящаго въ каретѣ съ непотребными женщинами и нерѣдко упивающагося уже слишкомъ крѣпкими напитками. Чрезъ сіе потерялъ онъ скоро все уваженіе и побудилъ губернатора нашего, донося о томъ, испросить на его мѣсто другого и благоразумнѣйшаго.

Другое пропзшествіе состояло въ томъ, что мы, узнавъ, что находился въ Кёнигсбергѣ прежній монетный дворъ, со всѣми его орудіями и мастерами, вздумали и сами дѣлать особливыя прусскія деньги на подобіе тѣхъ, какія дѣлывались тутъ прежде, то-есть полусеребряныя. Не успѣло воспослѣдовать о томъ повелѣніе отъ двора, какъ собрали мы всѣхъ нужныхъ къ тому мастеровъ, отыскали монетнаго мастера и мнѣ поручено было отъ губернатора сдѣлать для стемпеля рисунки, которые я и смастерилъ какъ умѣлъ. На всѣхъ сихъ деньгахъ изображаемъ былъ съ одной стороны грудной портретъ императрицы, а съ другой прусскій гербъ, одноглавый орелъ съ надписью. Губернаторъ рисунками моими былъ доволенъ и по оному вырѣзаны были штемпели и мы стали дѣлать деньги. При семъ-то случаѣ удалось мнѣ впервые видѣть какъ дѣлаются на монетныхъ дворахъ и тиснятся деньги. Я смотрѣлъ на все производство сей работы съ отмѣннымъ любопытствомъ и не могъ всѣми выдуманными къ тому орудіями и пособіями довольно налюбоваться. Казна имѣла отъ сего великую прибыль, и деньги наши стали несравненно лучше ходить, нежели тѣ обманныя и дурныя, какими прусскій король отягощалъ всѣ свои земли.

Болѣе сего не помню я ничего замѣчанія достойнаго, до самыхъ тѣхъ поръ, покуда стали мы получать отъ арміи нашей извѣстія; но какъ о военныхъ нашихъ произшествіяхъ предоставляю я говорить въ будущемъ письмѣ, то теперешнее симъ кончу, сказавъ, что я навсегда есмь вашъ и прочее.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ.

Письмо 75-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ мы помянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ въ мирѣ и тишинѣ жили и время свое препровождали въ разныхъ увеселеніяхъ, война продолжала горѣть въ Европѣ и пылала полнымъ своимъ пламенемъ. Въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ упоминалъ я уже, какія дѣланы были со всѣхъ сторонъ съ самой весны приуготовленія; а теперь, продолжая тогдашнее повѣствованіе далѣе, скажу, что лѣто сіе было наидостопамятнѣйшее изъ всѣхъ бывшихъ въ продолженіе войны сей, а особливо для насъ. Оно прославило войска наши знаменитыми побѣдами, а королю прусскому было въ особливости не-

счастно; но чтобъ подать вамъ о всѣхъ военныхъ пропзшествіяхъ сего лѣта яснѣйшее понятіе, то разскажу все по порядку и начну съ весны самой.

Начало кровопролитію учинено было въ сей годъ еще очень рано и даже въ самомъ еще апрѣлѣ мѣсяцѣ. Ибо какъ королю прусскому никакъ не хотѣлось, чтобъ земли его и впредь были театромъ войны и терпѣли отъ того неизбѣжное разореніе, то и употреблялъ онъ всѣ силы и возможности къ отвлеченію войны въ самую внутренность Германіи и къ удаленію оной отъ своихъ областей. Для самаго сего и приказалъ принцу Фердинанду, соединясь съ принцемъ Изенбургскимъ, атаковать французовъ, стоявшихъ еще на зимнихъ своихъ квартирахъ, въ окрестностяхъ города Франкфурта, что на Майнѣ. Итакъ, въ половинѣ еще апрѣля, является тамъ вдругъ принцъ Фердинандъ съ сорокью шестью тысячами человѣкъ войска и удивляетъ французовъ. Сими командовалъ тогда дюкъ де-Брогліо. Сему генералу другого не оставалось тогда, какъ собрать скорѣе свои по зимнимъ квартирамъ расположенныя войски и иттить на встрѣчу непріятелю. Онъ и успѣлъ произвесть сіе съ толикою расторопностію, что заслужилъ похвалу отъ всѣхъ знатоковъ военнаго искусства. Не болѣе, какъ въ 36 часовъ собралъ онъ весь свой корпусъ, и хотя оный не простирался свыше двадцати пяти тысячъ человѣкъ, однако онъ не сталъ дожидаться графа Сенжерменя, долженствовавшаго привесть къ нему помощь, но пошелъ съ ними на встрѣчу прусской и въ 46-ти тысячахъ воиновъ состоящей арміи и, сошедшись съ нею при Бергенѣ, имѣлъ столь счастливую схватку, что побѣдилъ принца Фердинанда совершенно и принудилъ его, по потеряніи шести тысячъ человѣкъ съ нѣсколькими пушками, отступить назадъ. Симъ пріобрѣлъ сей генералъ себѣ великую славу и пожалованъ былъ за то отъ цесаря княземъ Римской Имперіи и отъ короля своего—маршаломъ Франціи.

Таковымъ-то несчастнымъ пропзшествіемъ для прусскаго короля началась сія кампанія и несчастіе сіе было равно какъ нѣкакимъ предвѣстіемъ, что и все лѣто сіе будетъ для него въ особливости несчастно.

Вскорѣ за симъ, а именно въ теченіе марта мѣсяца, овладѣли цесарцы городомъ Грейфенбергомъ въ Силезіи и приумножили тѣмъ еще болѣе досаду короля прусскаго, который между тѣмъ, какъ помянутымъ образомъ французы дрались съ ганноверанцами въ окрестностяхъ тамошнихъ, расположился стоять самъ противъ цесарскаго фельдмаршала Даупа, какъ предводителя главной цесарской арміи и наблюдая всѣ его движенія, помышлялъ онъ только о томъ, какъ бы разрушить всѣ планы и намѣренія своихъ непріятелей и воспрепятствовать ихъ исполненію.

Всѣ они были ему довольно извѣстны. Онъ имѣлъ каналы, чрезъ которые могъ узнавать все, что ни было на умѣ у всѣхъ соединившихся противъ него державъ, и потому заблаговременно принималъ всѣ нужныя къ разрушенію замысловъ ихъ мѣры. Въ сей годъ нанглавнѣйшій планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобъ наиболѣе дѣйствовать противъ него намъ, россіянамъ, со стороны Шлезіи, и стараться, войдя въ оную, обратить всю силу короля прусскаго противъ себя; а дабы тѣмъ удобнѣе можно было его разбить, то положено было, чтобы цесарцамъ подкрѣпить насъ знаменитымъ корпусомъ и между тѣмъ, когда король займется нами, самимъ имъ съ главною арміею иттить прямо внутрь его владѣній, и стараться проникнуть хотя бы до самой его резиденціи, города Берлина; а между всѣмъ тѣмъ имперской арміи стараться выгнать прусаковъ изъ Саксоніи и овладѣть тамошними крѣпостями и городами.

Всходствіе сего плана и назначено было нашей арміи иттить прямо въ Шлезію, дабы тѣмъ удобнѣе и скорѣе можно было соединиться ей съ цесарскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, и какъ прямѣйшій туда путь былъ черезъ Польшу, то положено было иттить чрезъ оную и дабы полякамъ сіе вступленіе въ Поль-

шу не такъ было прикро (?), то обнародовано было о семъ походѣ нашего въ сорока тысячахъ состоявшаго войска, особливою публикаціею еще въ половинѣ мая мѣсяца; подобное же тому учинили и пруссаки, ибо обѣимъ сторонамъ нужно было запасеніе себя провіантомъ и фуражемъ изъ польскихъ предѣловъ и обѣ стороны старались преклонить поляковъ въ свою пользу. Публикація сія, съ прусской стороны, учинена была генераломъ графомъ Дона, самымъ тѣмъ, который управлялъ арміею его при случаѣ перваго еще дѣла съ нами въ Пруссіи, ибо къ воспрепятствованію нашего шествія сего отправилъ король прусскій сего генерала, давъ ему довольно знаменитой корпусъ. Сей генералъ находился до сего въ Помераніи, но какъ тамъ дѣлать ему было уже нечего, то и поручилъ король ему — буде не воспрепятствовать походу нашей арміи, такъ по крайней мѣрѣ затруднить оный.

Всходствіе сего, генералъ сей, собравъ войско свое около Ландберга и вступивъ въ Польшу уже 23-го іюня, началъ разсылаемыми партіями всячески стараться разорять повсюду заготовленные отъ насъ въ Польшѣ магазины, и ему удалось отнять и разорить оные въ Бромбергѣ, Рогожнѣ, Цинцѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и лишить насъ болѣе шестидесяти тысячъ шефелей крупъ и муки. Такимъ же образомъ, и болѣе всего, хотѣлось ему добраться и до нашего главнаго магазина въ Позпанѣ. Но какъ мѣсто сіе было нарочито укрѣплено, а притомъ приближались туда и всѣ наши войски, какъ къ генеральному рандеву или сборному мѣсту, то принужденъ онъ былъ сіе намѣреніе оставить, а запялся отнпманіемъ у поляковъ силою и безъ заплаты хлѣба и фуража, и приневоливаніемъ самыхъ жителей къ принятію въ войскѣ своемъ службы, какъ и набралъ оныхъ силою превеликое множество.

Между тѣмъ, какъ симъ образомъ пруссаки хозяйствовали въ Польшѣ, собрались наши войска всѣ въ Познань, куда 29 іюня прибылъ и назпаченный имъ главнымъ командиромъ помянутый генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ. Генералъ Ферморъ, командовавшій до того войсками, тотчасъ сдалъ ему начальство надъ опыми и самъ остался тутъ же безъ малѣйшаго огорченія служить подъ командою онаго. Чрезъ сіе прпобрѣлъ онъ при дворѣ имя великаго патріота, да и при арміи удержалъ всю свою знаменитость и, сдѣлавшись первымъ совѣтникомъ графа Салтыкова, и первѣйшею пружиною всѣмъ предначпнаніямъ, могъ тѣмъ способнѣе отомщать обидѣвшимъ его цесарцамъ, что не подвергалъ себя за то отвѣту.

Первѣйшимъ дѣломъ графа Салтыкова было то, что онъ, учинивъ всей арміи смотръ, не сталъ долѣе ни одного дня въ Позпанѣ медлить, но выступилъ въ походъ и пошелъ прямымъ путемъ къ городу Кросену, на границахъ Шлезіи паходящемуся, при брегахъ рѣки Одера построенному. Графъ Дона не премпнулъ тотчасъ подвинуться туда же съ своимъ корпусомъ, и сближившпся съ нашею арміею, старался всячески взять у ней передъ и захватить большую дорогу, ведущую къ рѣкѣ Одеру. А самое сіе и подало поводъ къ первому въ сіе лѣто сраженію у насъ съ пруссаками. Однако помянутому графу Дона, хотя былъ онъ и искусный генералъ, не удалось при семъ случаѣ предводптельствовать самому прусскими войсками, но опъ принужденъ былъ наканунѣ сего дня сдать все начальство надъ симъ корпусомъ другому присланному отъ короля генералу Веделю.

Сія перемѣна командира въ прусской арміи была никѣмъ не ожидаема, и тѣмъ болѣе для самихъ пруссаковъ непостижима и удивительна, что генералъ сей былъ изъ младшихъ генералъ-поручиковъ и присланъ отъ короля съ такимъ полномочіемъ, какое въ прусскихъ войскахъ было не въ обыкновепіи и потому для всѣхъ поразительно. Причпною присылки его было то, что король прусскій недоволенъ былъ медленностію и нерѣшимостію графа Дона, а особливо упущеніемъ одного выгоднаго случая къ атакованію

насъ при мѣстечкѣ Мезерицѣ въ Польшѣ, а избраніе къ тому сего генерала была особливая надѣятельность королевская на сего любимого имъ генерала. Онъ прислалъ съ нимъ къ графу Дона и ко всей арміи такое письмо, которое достойно особливаго вниманія и было слѣдующаго содержанія:

«Любезный мой генералъ-поручикъ
графъ Дона!

«Обстоятельства, въ которыхъ находится состоящая подъ командою вашею армія, благо и выгоды моего государства и необходимая нужда, принудили меня послать слѣдующее повелѣніе мое къ вамъ и ко всей вашей арміи; и моя воля есть, чтобъ выполнено было оно въ самой точности.

«Какъ обстоятельства не допускаютъ меня самому отправиться къ арміи Доновой для командованія оною, то посылаю я генерала-поручика Веделя, снабдивъ его моими повелѣніями по сему случаю; до тѣхъ поръ покуда станетъ онъ отправлять сію коммисію, представляетъ онъ точно мою особу и всѣ генералы, генералъ-поручики, генералъ-майоры и другіе офицеры, до послѣдняго рядового, должны ему повиноваться точно такъ, какъ бы я самъ присутствовалъ и повелѣвалъ. Я ему накрѣпко подтвердилъ сажать всякаго тотчасъ подъ арестъ, кто не послушаетъ и не исполнитъ того, что прикажетъ онъ своимъ словомъ, а я, всѣхъ таковыхъ ослушниковъ, велю судить судомъ военнымъ, какъ преступниковъ присяги. А дабы вся армія была извѣстна о точной моей на сіе волѣ, то все говоренное здѣсь должно обнародовано быть всему войску. Генералъ Ведель представлять станетъ при арміи то, что представляли нѣкогда диктаторы при арміяхъ римскихъ. Итакъ, всѣмъ офицерамъ кто бы таковы и какихъ степеней они ни были, должны оказывать ему повиновеніе такое, какое слѣдуетъ мнѣ, и выполнять распоряженія его съ вѣрностію, точностію и мужествомъ. Я есмь—

«Въ лагерѣ при Шмотганіенѣ, 20 іюня
1759 года. Фридрихъ».

Ниже сего приписано было по-французски собственною королевскою рукою:

«Вы не такъ здоровы, чтобъ могли обременять себя командою, и хорошо сдѣлаете, когда велите себя отвезть въ Берлинъ или въ иное мѣсто, гдѣ могли бы вы опять возвратить свое здоровье. Прощайте. Фредерикъ».

По полученіи такого повелѣнія, что̀ оставалось господину Донѣ дѣлать, какъ не отправиться тотчасъ же въ Берлинъ, оставивъ армію и все на попеченіе господина Веделя, а сему, въ силу имяннаго повелѣнія королевскаго, тотчасъ дать баталію съ нами.

Оная и воспослѣдовала на другой день пріѣзда господина Веделя, и онъ атаковалъ армію нашу на походѣ, когда она, продолжая шествіе свое, выступила по утру въ походъ, по большой дорогѣ, ведущей къ Кросену, при которомъ назначено было соединиться ей съ цесарскимъ корпусомъ, шедшимъ къ ней подъ командою генерала Лаудона. И такъ какъ король прусскій именно господину Веделю приказалъ воспрепятствовать сему соединенію, то и не сталъ онъ ни единаго дня медлить, но не взирая, что ему ни мѣстоположеніе, ни силы непріятеля, ни состояніе собственной своей арміи было неизвѣстно, атаковалъ ее при деревняхъ Палцигѣ и Каіе, не подалеку отъ Цилихау рѣки Одера на Бранденбургскихъ границахъ—12 іюля. Сраженіе началось въ четвертомъ часу по полудни, и продолжалось съ жестокостію до 7-ми часовъ вечера; господинъ Ведель какъ ни искусенъ былъ, и сколь много король на него ни надѣялся, однако баталію сію совершенно проигралъ, и потерявъ до шести тысячъ человѣкъ убитыми, раненными и въ полонъ взятыми, принужденъ былъ бѣжать и за счастіе себѣ еще почиталъ, что ему не отрѣзали и не перехватили дороги къ Одеру, и допустили спокойно перебраться за оную.

Такимъ образомъ получили наши войски надъ пруссаками неоспоримую побѣду, и всѣ бывшіе въ семъ сраженіи единогласно свидѣтельствовали, что никогда

еще не происходило баталіи столь порядочной, какова была сія. Нигдѣ и ни малѣйшаго безпорядка, во все продолженіе оной, не происходило, какъ у насъ, такъ и пруссаковъ, и побѣду приписываютъ болѣе превосходству нашей силы, преимуществу въ выгодахъ мѣстоположенія и хорошему дѣйствію нашихъ единороговъ и шуваловскихъ гаубицъ. Прусскія войски цѣлыхъ три раза начинали нашихъ атаковать, и всякій разъ съ отчаяннымъ почти свирѣпствомъ нападали, но не могли никакъ одолѣть оныхъ и принуждены были наконецъ ретироваться. Мы потеряли въ семъ сраженіи генералъ-поручика Демику, 2 штабъ-офицеровъ, 2 капитановъ, 11 оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ и рядовыхъ 578 человѣкъ, съ раненными же всего урона считалось до 3,744 человѣкъ; а у пруссаковъ убитъ также былъ славный ихъ генералъ Воберзновъ съ 4,220 рядовыми и болѣе нежели 1,200 человѣкъ взято было въ полонъ; сверхъ того получено было въ добычу 14 пушекъ, 4 знамя, 3 штандарта и 45 барабановъ.

Побѣда сія была хотя не изъ знаменитѣйшихъ, но произвела многія и разныя по-себѣ послѣдствія, изъ которыхъ нѣкоторыя были для насъ въ особливости выгодны. Изъ сихъ наиглавнѣйшимъ было то, что всѣ войски наши симъ одолѣніемъ непріятеля ободрилися, и стали получать болѣе на старичка своего предводителя надежды, который имѣлъ счастіе съ самаго уже начала пріѣзда своего солдатамъ полюбиться; а теперь полюбили они его еще болѣе, да и у всѣхъ насъ сдѣлался онъ уже въ лучшемъ уваженіи. Мы, живучи въ Кёнигсбергѣ, и услышавъ о сей баталіи и о томъ, какъ она порядочно происходила, почти вѣрить не хотѣли, чтобъ могъ сіе произвесть старичекъ сей, и удовольствіе наше было неописанное. Вторая выгода произошла намъ отъ баталіи сей та, что арміи нашей ничто уже не мѣшало иттить далѣе впередъ и соединиться потомъ съ поспѣшавшимъ на помощь къ намъ цесарскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ славнаго ихъ генерала Лаудона, состоявшимъ отъ 18 до 19 тысячъ человѣкъ войска и набольшую часть конницы.

Сей генералъ, будучи отправленъ отъ генерала Дауна къ намъ съ тридцатью тысячами войска, имѣлъ не малой трудъ пройтить изъ своихъ земель чрезъ непріятельскую землю, и несмотря на всю бдительность короля прусскаго и брата его принца Гейнриха, старавшихся его не пропустить, пробрался мастерскимъ образомъ благополучно и, преодолѣвъ всѣ препятствія чрезъ всю Лузацію и оставивъ на дорогѣ генерала Гаддпка, съ двѣнадцатью тысячами войска, прибылъ наконецъ къ рѣкѣ Одеру въ началѣ августа и соединился съ нашею арміею, въ самое то время, когда она, идучи внизъ по рѣкѣ Одеру, дошла уже до города Франкфурта и расположилась лагеремъ насопротивъ онаго за рѣкою, приведя симъ приближеніемъ своимъ самый Берлинъ въ превеликую опасность.

Сему удачному пройденію сквозь всю непріятельскую землю генерала Лаудона поспѣшествовала много дѣйствіями своими и имперская армія, производившая до сего такъ мало дѣла, но въ сей разъ оказавшая свою услугу, вторженіемъ съ своей стороны въ Саксонію и принудившая тѣмъ прусскаго генерала Финка, который стерегъ цесарскаго генерала Гаддика, упустить изъ вида и поспѣшать для прикрытія Лейпцига и Торгау.

Самъ король прусскій находился между тѣмъ въ Шлезіи, и довольствовался защищеніемъ оной. Онъ стоялъ долгое время при Ландсгутѣ въ ожиданіи выгодной минуты для себя, а Даунъ, съ главною цесарскою арміею, стоялъ противъ его и ожидалъ также выгоднаго времени къ шествію впередъ или къ сраженію съ пруссаками. Чтобъ разрушить сію надежду и австрійцевъ прогнать обратно въ Богемію, то старался король всячески дѣлать имъ возможнѣйшія затрудненія въ снабденіи себя провіантомъ и фуражемъ; и уже въ цесарскомъ лагерѣ начали помышлять о премѣненіи мѣста, какъ получено было извѣстіе о при-

ближеніи нашей арміи къ прусскимъ границамъ, и перемѣнило планы обоихъ сихъ полководцевъ. Даунъ, выступя въ походъ, сталъ подвигаться къ намъ ближе для облегченія нашихъ операцій, а король всячески трудиться надъ вымышленіемъ средствъ разрушить наши замыслы.

Несчастная для него баталія палцигская и послѣдовавшее потомъ соединеніе цесарскаго корпуса съ нашею арміею, подвинувшеюся уже близко къ Берлину, побудили наконецъ сего государя поспѣшить въ Бранденбургскія свои области, и какъ краткость времени не дозволила ему въ сей разъ взять изъ арміи своей съ собою ни пѣхоту, ни конницу, то поскакалъ онъ съ небольшимъ только прикрытіемъ гусаръ. Братъ же его, принцъ Гейнрихъ, долженъ былъ большую часть своей арміи отправить для подкрѣпленія разбитой Вейделевой арміи къ Одеру, а самъ отправился къ арміи королевской, стоявшей въ лагерѣ при Шмукъ-Ейзенѣ, въ сорока тысячахъ человѣкъ, для командованія оною во время отсутствія королевскаго, и для удержанія Дауна, стоящаго противъ оной съ тридцатью тысячами человѣкъ цесарскаго войска. А получилъ также и генералъ Финкъ повелѣніе оставить Саксонію и поспѣшать съ корпусомъ своимъ къ рѣкѣ Одеру, гдѣ мы тогда уже находились.

Путешествіе свое совершилъ король благополучно. Всѣ отправленныя къ нему изъ разныхъ мѣстъ войски пришли въ свое мѣсто безъ всякаго урона. Самъ онъ, въ путешествіи своемъ, наткнулся при мѣстечкѣ Губенѣ на корпусъ цесарскаго генерала Гаддика, и отнявъ у него нѣсколько пушекъ и пять-сотъ телегъ съ мукою, и взявъ человѣкъ съ шесть-сотъ въ полонъ, соединился потомъ безпрепятственно съ Вейделевою арміею.

Теперь рѣшился король ни мало не медля дать баталію съ нашею арміею, и хотя вся его армія не превосходила сорокъ тысячъ, а наша армія, вмѣстѣ съ цесарцами къ намъ пришедшими, состояла тогда болѣе нежели изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, однако онъ несумнѣвался ни мало, что онъ такимъ же образомъ ее разобьетъ, какъ въ прошломъ году при Цорндорфѣ, и былъ въ томъ такъ увѣренъ, что какъ въ сіе время присланъ былъ отъ принца Фердинанда къ нему курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что ему удалось разбить французовъ при Минденѣ, и тѣмъ отомстить имъ за разбитіе себя весною, то король остановилъ присланнаго отъ него офицера говоря: «Подождите немного, государь мой! мы отправимъ съ вами же и отъ себя къ принцу такой же поздравительный комплиментъ, какой онъ къ намъ прислалъ».

Однако ему не удалось въ сей разъ сдержать свое слово, и комплиментъ, отправленный съ симъ офицеромъ послѣ, былъ совсѣмъ иного рода. Совсѣмъ тѣмъ, очень малаго не доставало къ тому, чтобъ не быть нашей арміи отъ короля совсѣмъ разбитой, и тотъ же фаворитъ его генералъ Ведель подалъ и въ семъ случаѣ собою поводъ ко вторичному его несчастію, какъ все то усмотрится изъ послѣдующаго ниже сего подробнѣйшаго сему славному сраженію описанія.

Оно по истинѣ и достойно того по многимъ обстоятельствамъ. Сраженіе сіе было напдостопамятнѣйшее для насъ во все продолженіе Семилѣтней войны; ибо въ сей одинъ только разъ удалось нашимъ побѣдить совершенно короля прусскаго, и сего славнаго въ свѣтѣ героя довесть до такой крайности, что онъ въ день сраженія сего желалъ даже себѣ смерти и былъ дѣйствительно очень близокъ къ оной. И какъ побѣда сія приобрѣла намъ величайшую славу, то и опишу я сраженіе сіе колико можно обстоятельнѣе, и упомяну о всѣхъ знаменитѣйшихъ притомъ произшествіяхъ. Но опишу напередъ положеніе нашей арміи.

Она стояла лагеремъ неподалеку отъ города Франкфурта что́ на Одерѣ, подлѣ деревни Кунесдорфа, и имѣла положеніе сколько съ одной стороны выгодное и довольно натурою и искусствомъ укрѣпленное, столько съ другой стороны опасное въ случаѣ несчастія, ибо путь къ

ретирадѣ былъ почти совсѣмъ пресѣченъ. Лицомъ стояла она вверхъ по рѣкѣ Одеру, какъ къ той сторонѣ, откуда дожидался непріятель, и правымъ крыломъ примыкала вплоть къ рѣкѣ Одеру, а лѣвымъ къ одному густому лѣсу и крутому буераку, подлѣ его находящемуся. Весь фронтъ или перёдъ оной прикрытъ былъ топкимъ и непроходимымъ почти болотомъ, чрезъ которое находился только одинъ большой и длинный мостъ; а тылъ, или задъ, простирающійся къ городу Франкфурту, прикрывали также нѣкоторыя вязкія и крутыя мѣстоположенія. Деревня Кунесдорфъ находилась въ срединѣ арміи, и вся она расположена была на довольныхъ высотахъ. Для дальнѣйшаго-жъ обезпеченія ея съ обоихъ крыльевъ, оба они укрѣплены были еще ретраншаментами, правое, стоявшее на горѣ жидовской, сдѣланными на подобіе звѣзды, шанцами, а сверхъ того въ случившемся тутъ лѣсѣ засѣкою, а лѣвое, примыкающее къ помянутому другому и густому лѣсу и прикрытое глубокимъ буеракомъ, укрѣплено было еще ретраншаментомъ и нѣсколькими батареями, содержащими въ себѣ болѣе ста большихъ пушекъ.

На помянутомъ правомъ крылѣ, къ рѣкѣ Одеру, стояла первая дивизія подъ командою графа Фермора; также поставленъ былъ тутъ и авангардный корпусъ, подъ командою генералъ-поручика Вильбоэ. Вторая дивизія поставлена была въ срединѣ, и команда надъ нею поручена генералъ-поручику графу Румянцову; а на лѣвомъ крылѣ поставленъ былъ князь Голицынъ, съ такъ-называемымъ новымъ корпусомъ. Что жъ касается до австрійцевъ, то по тѣснотѣ мѣста въ линію умѣстить ихъ было не можно, и поставлены они были позади праваго крыла, а легкое войско, съ предводителемъ ихъ Тотлебеномъ, поставлено было впереди предъ правымъ крыломъ.

Симъ образомъ укрѣпленъ былъ и натурою и искусствомъ нашъ лагерь, и положеніе арміи было столь выгодно, что хотя и оказалось, что король прусскій совсѣмъ не съ той стороны приближался, съ которой былъ ожидаемъ, а переправился чрезъ рѣку Одеръ, ниже Франкфурта, въ намѣреніи зайтить арміи нашей въ тылъ: однако предводители наши не разсудили за благо перемѣнить позицію арміи, а оставили ее при прежнемъ ея расположеніи.

Симъ прекращу я сіе письмо, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе и описаніе самой баталіи до послѣдующаго письма, а между тѣмъ остаюсь вашъ и прочее *).

КУНЕСДОРФСКАЯ БАТАЛІЯ.

Письмо 76-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію славной франкфуртской или кунесдорфской баталіи, начну оное изображеніемъ хитрости и искусства короля прусскаго въ атакованіи нашей арміи. Прискакавъ изъ Шлезіи, нашелъ онъ Веделеву разбитую армію при мѣстечкѣ Мильрозѣ подкрѣпленную уже сошедшимися туда и присланными изъ прочихъ мѣстъ войсками, такъ что количество сего войска простиралось уже болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Съ сею, хотя небольшою, но по справедливости храброю арміею, не пошелъ онъ такъ, какъ наши ожидали, прямо къ нашей арміи, стоявшей уже тогда при Франкфуртѣ и самый сей городъ занявшей; но судя можетъ быть, что тутъ сдѣланы нами, для принятія и встрѣчи его, всѣ нужныя приготовленія, и что ему тутъ, въ виду у насъ, трудно будетъ переправляться чрезъ рѣку, разсудилъ повернуть влѣво, и учинивъ превеликій и дальній вокругъ Франкфурта обходъ чрезъ мѣстечки Фирштенвальдъ и Лебусъ, переправиться чрезъ рѣку Одеръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы всего меньше думали и ожидали; а именно, гораздо ниже нашей арміи и подъ самыми почти пушками города его Кюстрина, гдѣ при деревнѣ Рендвенѣ тотчасъ навели для него чрезъ рѣку и мостъ.

---

*) Декабря 10, 1797 года. А. Т. Болотовъ.

Сдѣлалъ онъ сіе, во-первыхъ, для того, чтобъ ему тутъ свободнѣе можно было переправиться чрезъ рѣку, и чтобъ мы не успѣли сдѣлать въ томъ ему помѣшательства; во-вторыхъ, чтобъ по возможности запастись изъ Кюстрина поболѣе большими пушками, кои считалъ онъ весьма нужными при атакѣ нашей арміи, и въ-третьихъ, чтобъ, переправившись тутъ, зайтить нашей арміи въ тылъ, и чрезъ то разстроить и смутить нашихъ предводителей и облегчить себѣ побѣду.

Все сіе ему и удалось, кромѣ только послѣдняго. Ибо командиры нашихъ войскъ хотя и увидѣли себя въ заключеніяхъ своихъ обманувшимися, однако не дали себя смутить симъ неожидаемымъ явленіемъ, а остались при прежнемъ своемъ расположеніи, надѣясь на выгодность своего лагеря, и на сдѣланныя со всѣхъ сторонъ укрѣпленія, и спокойно дожидались прибытія его величества короля прусскаго.

Сей не успѣлъ переправиться чрезъ рѣку въ помянутомъ мѣстѣ, какъ не сталъ ни минуты медлить, но стараясь воспользоваться нашимъ смущеніемъ и не дать намъ собраться съ духомъ, пошелъ тотчасъ для атаки нашей арміи всею своею силою. Какъ положеніе нашего воинства было ему извѣстно, и онъ ни мало не сомнѣвался о побѣдѣ и за вѣрное полагалъ, что насъ разобьетъ, то вознамѣрился напасть на армію нашу вдругъ съ трехъ сторонъ: то-есть спереди, и сзади и во флангъ, гдѣ стояло наше лѣвое крыло, дабы чревъ то пресѣчь намъ всѣ пути къ ретирадѣ, и прижавъ насъ къ рѣкѣ истребить всю армію до основанія. Что̀ едва было едва и не удалось ему учинить совершенно.

Какъ случилось сіе въ самомъ началѣ августа мѣсяца и деревня Етшенъ, гдѣ онъ, перешедъ рѣку, съ арміею своею ночевалъ, находилась отъ лагеря нашего нѐ въ близкомъ еще разстояніи, то поднялся онъ очень рано, и по пробитіи только двухъ часовъ, съ мѣста, и поспѣшилъ дойтить до насъ прежде еще наступленія самаго жара. Но какъ ближняя и прямая дорога лежала по горамъ и чрезъ многіе лѣса и буераки, и для шествія арміи совсѣмъ была неспособна, то принужденъ онъ былъ сдѣлать еще превелікій обходъ, и взявъ далеко влѣво иттить черезъ деревни Бишофсзе и Третинъ, и при обхаживаніи многихъ лѣсовъ и прудовъ имѣть не только много труда, но и терять столько времени, что не прежде могъ поспѣть, какъ предъ самымъ полднемъ.

Позиція арміи нашей хотя и была ему извѣстна, но что касается до самаго мѣстоположенія, то сіе не могло ему быть коротко свѣдомо, и потому при обозрѣваніи нашей арміи смутился онъ увидѣвъ, что ему ее не такъ легко атаковать со всѣхъ сторонъ, какъ онъ думалъ и ожидалъ; но что тылъ и перёдъ арміи, куда онъ назначилъ иттить своей конницѣ, совсѣмъ были неприступны, и оставался одинъ только лѣвый нашъ флангъ, съ котораго можно было сколько-нибудь учинить атаку. Но сіе мѣсто, какъ я уже упоминалъ, прикрыто было сперва крѣпкимъ и на горѣ сдѣланнымъ ретраншаментомъ съ тремя сильными батареями, содержащими въ себѣ до 80 пушекъ, а потомъ глубокимъ и широкимъ оврагомъ, а за нимъ густымъ лѣсомъ. Но какъ другого не оставалось, то самое сіе мѣсто и избралъ король для нападенія на насъ, и отдѣливъ по нѣкоторому количеству конницы своей для стоянія противъ нашего праваго крыла, также противъ тыла нашей арміи, все прочее войско началъ тотчасъ строить въ помянутомъ лѣсу въ пять линій, изъ коихъ первыя три составлены были изъ пѣхоты, а достальныя двѣ изъ конницы. А между тѣмъ, генералу Финку велѣлъ взвесть пушки на близь-лежащія высоты, и начать изъ нихъ сильную и страшную со многихъ сторонъ, противъ нашего фланга, канонаду. У насъ тутъ хотя и поставлена была поперечная линія войска, но линія сія была такъ коротка, что по тѣснотѣ мѣста болѣе не умѣстилось двухъ полковъ; ибо на такое разстояніе стояли на семъ крылѣ и обѣ линіи нашей арміи другъ отъ друга. Но какъ недостатокъ сей замѣнялъ по-

мянутый ретраншаментъ, установленный множествомъ пушекъ, а за нимъ превеликій логъ, то командиры наши и почитали мѣсто сіе неприступнымъ и никакъ съ сей стороны атаки не ожидали. Самое сіе обстоятельство и помогло королю въ самое короткое время, опрокинувъ помянутое наше небольшое войско, врѣзаться всей арміи во флангъ, и чрезъ то подвергнуть всю ее явной опасности.

Ибо не успѣлъ онъ построить въ лѣсу сперва линіи, а изъ нихъ густыя колонны, какъ велѣлъ тотчасъ гренадерамъ своимъ вдругъ броситься и иттить прямо чрезъ логъ, взодравшись на нашъ сего буерака высокій берегъ, атаковать тутъ нашъ ретраншаментъ и овладѣть онымъ и батареями. Сіи хотя и не молчали во все сіе время, но поражали ихъ изъ пушекъ своихъ кучами, покуда сходили они и спускались въ долъ, но какъ спустились они внизъ, то стрѣльба изъ нашихъ пушекъ сдѣлалась недѣйствительна, а при выходѣ ихъ изъ лога на гору, хотя и встрѣчены они были картечами изъ пушекъ, и мелкимъ ружьемъ изъ ретраншамента, но время было уже слишкомъ коротко, и бросившіеся съ великою яростію на нашихъ, пруссаки не допустили нашихъ причинить имъ дальнѣйшій вредъ. Ибо они не только опрокинули совсѣмъ оба помянутые наши полка, но овладѣли въ одинъ мигъ и всѣми нашими бывшими тутъ пушками и батареями.

Таковая скорая и неожидаемая удача колико обрадовала короля прусскаго, столько смутила всѣхъ нашихъ генераловъ и полководцевъ. Всѣ они оробѣли тогда, увидѣвъ явно, что вся армія подверглась чрезъ то крайней и превеличайшей опасности, и въ первыя минуты, не зная что дѣлать и чѣмъ сему злу помочь, дали непріятелю свободу переходить себѣ какъ хотѣлъ чрезъ буеракъ и на горѣ строиться и вытягивать фрунтъ свой для пораженія нашихъ. Но наконецъ самъ Богъ надоумилъ ихъ, вмѣсто опрокинутой и совсѣмъ уничтоженной, поперечной короткой линіи составить скорѣе другія, новыя, таковыя-жъ, схватывая по одному полку изъ первой, а по другому изъ второй линіи и составляя изъ нихъ хотя короткія, но многія перемычки, выставлять ихъ одну послѣ другой предъ непріятеля. И хотя они симъ образомъ выставляемы были власно какъ на побіеніе непріятелю, который, ежеминутно умножаясь, подвигался отчасу далѣе впередъ, и съ неописаннымъ мужествомъ нападалъ на наши маленькія линіи и ихъ, одну за другою, истреблялъ до основанія, однако какъ и они не поджавъ руки стояли, а каждая линія, сидючи на колѣняхъ, до тѣхъ поръ отстрѣливалась, покуда уже не оставалось почти никого въ живыхъ и цѣлыхъ, то все сіе останавливало сколько-нибудь пруссаковъ и давало нашимъ генераламъ время хотя нѣсколько обдуматься и собраться съ духомъ; но трудно было тогда придумать какое-нибудь удобное средство къ спасенію себя и всей арміи. Помянутыя перемычки сколько ни задерживали пруссаковъ, но не въ состояніи были никакъ удержать всей ихъ пѣхоты, переправившейся чрезъ помянутый долъ и перешедшей уже большую часть всего нашими тогда занятаго мѣста. Самая деревня Кунесдорфъ, бывшая у насъ до того въ срединѣ арміи, осталась уже у нихъ позади и всѣ оставшія наши войски и полки сжаты были на нашъ правый флангъ и стояли тутъ въ кучѣ и въ превеликомъ стѣсненіи, не имѣя мѣста никуда распространиться, а старались только свозить со всѣхъ сторонъ пушки, и устанавливать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для принятія непріятеля, буде дойдетъ очередь и имъ отстрѣливаться по примѣру прочихъ.

Словомъ, бѣдствіе, которому подвержена была тогда наша армія, было превеликое. Она находилась въ явной опасности. Всѣ почитали баталію сію за проигранную, каковою она и дѣйствительно уже была, ибо, ежели-бъ пруссаки, овладѣвшіе почти всѣмъ нашимъ мѣстомъ, не похотѣли-бъ ничего далѣе предпринимать, а довольствуясь тѣмъ, что они уже учинили, остались при полученныхъ вы-

годахъ, то согнанной и стѣсненной въ кучу нашей арміи не можно бы никакъ надолго остаться въ такомъ положеніи, но она принуждена бы была либо отдаваться вся въ полонъ, либо спасаться бѣгствомъ чрезъ болото, предъ правымъ ея флангомъ находившееся и одинъ только мостъ чрезъ себя имѣвшее, но который отъ самихъ же насъ за нѣсколько часовъ до того, для неперепущенія чрезъ него прусской конницы, сожженъ былъ. Самъ старичокъ, нашъ предводитель, находился уже въ такой разстройкѣ и отчаяніи, что позабывъ все, сошелъ съ лошади, сталъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу при всѣхъ просилъ со слезами Всемогущаго помочь ему въ такомъ бѣдствіи и крайности и спасти людей своихъ отъ погибели явной. И молитва сія, приносимая отъ добродѣтельнаго старца, отъ чистой души и сердца, можетъ быть небесами была и услышана. Ибо чрезъ самое короткое время послѣ того перемѣнилось все, и произошло то, чего никто не могъ и думать и воображать, и чего всего меньше ожидать можно было.

Сраженіе сіе началось въ самыя полдни и въ 6 часовъ вечера пруссаки овладѣли уже всѣми батареями, бывшими на лѣвомъ флангѣ, и имѣли уже во власти своей 180 нашихъ пушекъ и нѣсколько тысячь взятыхъ у насъ въ плѣнъ; и побѣда была уже неоспоримая никѣмъ и точно такая-жъ, каковая была при Колинѣ и Гохкирхенѣ: такъ, что самъ король, почитая ее уже таковою, отправилъ съ мѣста баталіи съ радостнымъ извѣстіемъ симъ уже курьеровъ въ Шлезію и въ Берлинъ. Какъ вдругъ воспослѣдовала помянутая неожидаемость и произошла въ военномъ счастіи ужасная перемѣна.

Причиною тому было то, что его величество недоволенъ еще былъ всѣми вышеупомянутыми, полученными надъ нами выгодами, но возмнилъ, что ничего еще не сдѣлано, буде есть еще что-нибудь, что сдѣлать можно, и ему захотѣлось насъ, такъ сказать, докопать. Во всякое время онъ говаривалъ то, что россійскую армію надобно не только побѣждать, но совсѣмъ и уничтожать и истреблять ее до конца; потому что она опять всегда возвращается и начинаетъ вновь дѣлать опустошенія. А сіи самыя слова проговаривалъ онъ и при семъ случаѣ публично. Прусскіе генералы противопоставляли сему аргументу единое только изнеможеніе войскъ въ тогдашнее время. Они говорили, что солдаты отъ похода, цѣлыхъ пятнадцать часовъ продолжавшагося, и отъ безпрерывной кровавой работы, также отъ ужаснаго жара въ тогдашній знойный день такъ изнемогли, что едва духъ переводить могутъ. Самъ славный и любимый его генералъ Зейдлицъ представлялъ тоже. И представленіе сего великаго полководца, котораго храбрость и мужество королю довольно было извѣстно, столько подѣйствовало, что король начиналъ уже колебаться и хотѣлъ уже приказать войскамъ остановиться, какъ вдругъ приближается къ нему генералъ Ведель, къ которому, несмотря на несчастіе его, все-таки король въ особливости былъ благосклоненъ; король дѣлаетъ ему честь, вопросивъ его сими словами: «А ты, Ведель, какъ думаешь?» Сей будучи столько же придворнымъ человѣкомъ, сколько воиномъ, восхотѣлъ королю польстить и изъявилъ совершенное свое согласіе съ его прежнимъ мнѣніемъ и желаніемъ, и тогда король, не долго думая, закричалъ: «ну! такъ, маршъ!»

Но о! сколь дорого стало ему сіе вылетѣвшее изъ устъ его словцо! и сколько разъ сожалѣлъ онъ объ ономъ и хотѣлъ бы охотно возвратить, но то было уже поздно. Всѣ войски его по сему повелѣнію двинулись вновь для докопанія насъ, и хотя онъ очень скоро послѣ сего увидѣлъ самъ крайнюю свою ошибку въ непослѣдованіи совѣтамъ старцовъ, но начатое дѣйствіе остановить было уже не можно.

Для совершеннаго докопанія насъ потребна была непріятелю конница и пушки, а сего-то самаго ему и не доставало. Помянутые овраги, топкія мѣста и бу-

раки мѣшали и конницѣ взять въ дѣйствіи соучастіе и пушки привезтѣ изъ-за буераковъ: ибо тѣ, которыя отняты были у насъ, по особливому для насъ счастію, пруссаки сами загвоздили и сдѣлали для употребленія негодными. Итакъ, хотя конницы и перебралось нѣсколько чрезъ вершины и буераки, также подвезено было и пушекъ нѣсколько, но все было оныхъ очень мало и недостаточно къ низложенію оставшей нашей арміи, на горѣ праваго фланга въ кучѣ сбившейся и стоящей. Чтобъ пособить себѣ въ сей нуждѣ, то вздумали они стараться овладѣть одною батареею, покинутою отъ насъ на жидовскомъ кладбищѣ. Батарея сія была превеликая, и очищала все мѣсто баталіи. Наши покинули ее, и ушли съ нея, при приближеніи прусской конницы, и какъ она стояла безъ людей, то прусская пѣхота, бывшая отъ нея шаговъ на 800, бросплась для овладѣнія сими пушками: и уже оставалось ей шаговъ полтораста добѣжать, какъ поспѣшаетъ Лаудонъ, занимаетъ батарею сію своею пѣхотою, пущаетъ противъ пруссаковъ цѣлый градъ картечей, и останавливаетъ тѣмъ все ихъ стремительство. Всѣ старанія ихъ подойтить ближе были тщетны и имъ не помогли. Они увеличивали только ихъ безпорядокъ, которымъ Лаудонъ не упустилъ воспользоваться и тотчасъ приказалъ конницѣ своей и справа и слѣва напасть на приступающихъ и врубиться въ пѣхоту и конницу прусскую, и сія конница произвела тогда страшное между ими кровопролитіе.

Съ другой стороны начали пруссаки приступать и стараться овладѣть одною высотою, называемою Спицбергенъ, отъ занятія которой зависѣла вся побѣда. Но высота сія занята была наилучшими нашими и цесарскими войсками, и не только установлена пушками, но прикрыта еще была лежащимъ предъ нею буераком, или лощиною, имѣющею въ длину шаговъ 400, въ ширину отъ 50 до 60 шаговъ, а глубиною была футовъ десять или пятнадцать, и притомъ крутоберёга. Въ сію-то лощину бросились пруссаки и старались какъ можно взодраться на сопротивный берегъ, но всѣ ихъ старанія о томъ были безуспѣшны. Ибо кому и удавалось вскарабкаться на верхъ, всякій находилъ тамъ либо смерть свою, либо опять свергаемъ былъ внизъ въ буеракъ оной.

Наконецъ натура взяла свой верхъ. Все мужество, вся храбрость и вся отвага пруссаковъ не могли наградить истощенныя силы. Они приступали къ горѣ сей нѣсколько разъ съ ряду, но никакъ не могли на нее взодраться; ужасный и безпрерывный огонь, пропзводимый нашими на нихъ изъ многихъ ружей и изъ многихъ пушекъ, поражалъ ихъ страшнымъ образомъ и они пулями и картечами осыпаемы были какъ смертоноснымъ градомъ. Генералъ Финкъ, старавшійся такимъ же образомъ съ корпусомъ своимъ овладѣть другими высотами, истощалъ также тщетно свои силы. Король самъ, приводившій нѣсколько разъ свѣжія войска и принуждающій приступать, подвергалъ себя напвеличайшей опасности. Весь мундиръ былъ на немъ разстрѣлянъ пулями; двѣ лошади подъ нимъ убиты и самъ онъ, хотя и слегка, но былъ раненъ. Золотая готовальня, бывшая у него въ карманѣ, спасла жизнь его, удержавши собою пулю, попавшую въ него, и пуля остановилась въ вогнувшемся золотѣ. Въ таковой же близости къ смерти находился онъ, когда тяжко раненая лошадь подъ нимъ начала упадать, и его флигель-адъютанту Гецу удалось еще въ сей разъ спасти короля и подвесть ему свою лошадь. Всѣ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ просили короля оставить сіе крайне опасное мѣсто, но онъ отвѣчалъ только: «Намъ надобно все возможное испытать для полученія побѣды, и мнѣ надлежитъ здѣсь таковожъ хорошо исправлять должность мою, какъ и всѣмъ прочимъ».

Словомъ, наши россіяне дрались въ сей разъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и запальчивостію, и пруссаки писали даже сами объ нихъ послѣ, что они будто бы въ сей разъ ложились цѣлыми шеренгами и давали пруссакамъ переходить чрезъ

себя, какъ чрезъ побитыхъ и мертвыхъ, а потомъ вскакивали и стрѣляли по нихъ сзади. Но какъ бы то ни было, всѣ старанія и домогательства пруссаковъ согнать насъ съ горы были тщетны.

Теперь отважилась прусская конница атаковать высоты, но все искусство и вся кавалерійская тактика славнаго ихъ генерала Зейдлица не могла тутъ ничего произвесть. Сія конница, привыкнувшая подъ предводительствомъ его опрокидывать непріятельскую конницу, хотя бы она вдвое или втрое была сильнѣе, обращать пѣхоту при всѣхъ положеніяхъ ея въ бѣгство, брать даже самыя батареи и превозмогать всѣ трудности и неспособности въ мѣстоположеніяхъ, пала здѣсь предъ пушками нашихъ россіянъ, стрѣлявшихъ по ней съ высоты очень мѣтко, и осыпающихъ ее картечами своими какъ градомъ. Самъ Зейдлицъ, сей храбрый ея предводитель, былъ раненъ; таковой же участи подверженъ былъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, испытывавшій вторичную атаку. За нимъ послѣдовалъ генералъ Путкамеръ, нападавшій на нашихъ съ своими бѣлыми гусарами, но застрѣленный до смерти. А и прочіе знаменитѣйшіе предводители прусской арміи: генералъ Финкъ и Гильзенъ, были переранены, и всѣ прочія войски и пѣшія и конныя пришли въ великій безпорядокъ и замѣшательство.

Въ самыя сіи критическія и опасныя минуты явился вдругъ Лаудонъ, выйдя изъ-за праваго крыла съ свѣжими войсками, и напалъ на совершенно ослабѣвшихъ пруссаковъ со стороны и сзади. Сей полководецъ, прославившійся тѣмъ, что умѣлъ всегда на баталіяхъ ловить счастливыя минуты, предводительствовалъ въ сей разъ конницею. Онъ построилъ ее въ отдаленіи отъ мѣста побоища какъ надобно и напалъ въ наилучшемъ порядкѣ на разстроившихся пруссаковъ, а сіе и рѣшило всю участь баталіи. Паническій страхъ и ужасъ напалъ тогда вдругъ на всю прусскую армію, и всѣ войски бросились бѣжать въ лѣсъ и на мосты. Всѣмъ хотѣлось перейтить вдругъ; отъ сего сдѣлалась страшная тѣснота и неизобразимая сумятица, которая и причиною тому была, что пруссаки принуждены были не только оставить отнятыя у насъ пушки, но бросить и своихъ еще 165. Король самъ чуть-было не попался нашимъ въ полонъ, находясь въ числѣ самыхъ почти послѣднихъ на мѣстѣ сраженія и долженствующій проѣзжать одною яслиною. Единое только чрезвычайное мужество и рѣдкое присутствіе духа ротмистра Притвица спасло его отъ сего великаго несчастія. Король, самъ почитая то уже неизбѣжнымъ, что его возьмутъ въ полонъ, кричалъ, нѣсколько разъ повторяя: «Притвицъ! Притвицъ! я погибаю!» но сей храбрый офицеръ, имѣвшій при себѣ только сотню гусаръ для сопротивленія цѣлымъ тысячамъ окружающихъ его непріятелей, отвѣтствовалъ ему: «Нѣтъ, ваше величество, сему не бывать покуда есть еще въ насъ дыханіе!» И тогда, вмѣсто того, чтобъ только обороняться, обратясь, поскакалъ онъ самъ атаковать нашихъ россіянъ и до тѣхъ поръ съ ними штурмовалъ, покуда королю удалось убраться впередъ, доскакать до прочихъ своихъ войскъ и соединиться съ ними.

Никогда еще не было твердодушіе сего монарха (какъ пруссаки сами въ сочиненіяхъ своихъ о томъ отзываются) такъ чрезвычайно потрясено, какъ въ сей несчастный для него день. Въ немногіе часы, военное счастіе низвергло его съ высоты безсомнѣнной побѣды въ бездну совершеннаго разбитія и пораженія. Онъ испытывалъ и все, и старался всячески остановить свою бѣгущую пѣхоту, но ничто, ни представленія, ни самыя убѣдительнѣйшія уговариванія, ни просьбы, устами короля произносимыя, не помогли ни мало, сколь ни дѣйствительны бывали они при другихъ случаяхъ, и говорятъ, что онъ, въ семъ отчаянномъ положеніи находясь, самъ себѣ вслухъ желалъ смерти. Живое умовоображеніе его представляло ему, въ первыя минуты, слѣдствія сей потерянной баталіи столь страшными, что онъ съ самаго того-жъ мѣста баталіи, съ

котораго за немногіе часы до того отправилъ онъ курьеровъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, послалъ теперь повелѣнія въ Берлинъ, чтобъ принимать скорѣй всѣ мѣры къ безопасности и къ скорѣйшему спасанію всего нужнаго. Онъ уже мнилъ видѣть непріятелей своихъ въ Берлинѣ и все уже разоряющихъ и опустошающихъ, и себя не въ силахъ учинить тому препятствіе. Войски его были такъ разсѣяны, что къ вечеру сего дня не имѣлъ онъ при себѣ болѣе 5000 человѣкъ онаго. Всѣ отнятыя пушки были опять потеряны, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почти прусскія. Генералъ Вуншъ, поставленный на другой сторонѣ рѣки Одера, съ небольшимъ корпусомъ для загражденія намъ пути къ бѣгству, въ случаѣ ожидаемой побѣды, при концѣ сраженія сего прибылъ во Франктфортъ и захватилъ въ полонъ всѣхъ нашихъ тамъ находившихся; но услышавъ о разбитіи ихъ арміи, принужденъ былъ опять изъ города сего уйтить и покинуть плѣнъ свой. Наступившая ночь благопріятствовала наконецъ королю прусскому. Онъ собралъ сколько-нибудь своей арміи и достигъ съ нею до нѣкоторыхъ высотъ, которыя наши атаковать не отважились.

Симъ образомъ кончилось, къ безсмертной славѣ нашихъ войскъ, сіе кровопролитное сраженіе. Никоторое еще изъ всѣхъ бывшихъ въ сію войну не было таково убивственно и пагубно, какъ сіе. Пруссаки потеряли однимп убитыми болѣе 8,000 человѣкъ, а переранено у нихъ слишкомъ пятнадцать тысячъ человѣкъ, со всѣми почти генералами и наизнаменитѣйшими офицерами. Въ полонъ взято нашими ихъ безъ мала пять тысячъ. И такъ, весь уронъ ихъ простирался около 28 тысячъ. Но не малъ былъ никакъ и нашъ: по собственному признанію графа Салтыкова, число убитыхъ простиралось безъ мала до трехъ, а число раненыхъ безъ мала до одиннадцати тысячъ, кромѣ цесарцевъ, которые также убитыми и ранеными потеряли болѣе 2,000 человѣкъ. Словомъ, число людей, претерпѣвшихъ въ сей день убивство, раны и плѣнъ, съ обѣихъ сторонъ простиралось почти до пятидесяти тысячъ человѣкъ. У насъ также переранены были многіе генералы, а число раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 474 человѣкъ и уронъ нашъ былъ такъ знаменитъ, что самъ графъ Салтыковъ, признаваясь въ томъ въ письмѣ къ императрицѣ, между прочимъ изъяснялся сими словами: «Ваше величество, не извольте тому удивляться, вамъ извѣстно, что король прусскій всегда побѣды надъ собою продаетъ очень дорого».

Также говаривалъ сей полководецъ:— «Ежели мнѣ еще такое же сраженіе выиграть, то принуждено мнѣ будетъ одному съ посошкомъ въ рукахъ несть извѣстіе о томъ въ Петербургъ».

Но какъ бы то ни было и сколь день сей для многихъ былъ ни злосчастенъ, но всѣ оставшіе провели вечеръ дня сего въ неописанной радости и удовольствіи, сколько о совершенной побѣдѣ надъ непріятелемъ, столько и о избавленіи отъ очевидной опасности. Но не такъ проводилъ вечеръ сей и ночь сію король прусскій. Онъ ночевалъ въ деревушкѣ Этшеръ и спалъ въ одной хижинѣ, казаками опустошенной и со всѣхъ сторонъ раскрытой, ни дверей, ни оконъ въ цѣлости неимѣющей. крестьянской хижинѣ, на клочкѣ соломы и нераздѣтый. Шляпа покрывала половину лица его, а шпага лежала обнаженная подлѣ бока. Въ ногахъ спали два его адъютанта на голой землѣ, а на дворѣ у дверей стоялъ одинъ только гренадеръ на часахъ. Ночь, какихъ мало имѣлъ сей славный монархъ и которая была ему во всю жизнь очень памятна!

Тако окончился сей достопамятный день, а симъ окончу и я письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и прочее.

Письмо 77-е.

Любезный пріятель! Извѣстіе о упомянутой въ предслѣдующемъ письмѣ и старичкомъ нашимъ надъ прусскимъ королемъ одержанной, совершенной и знатной побѣдѣ, получили мы въ Кёнигсбергѣ, спустя самое короткое время, чрезъ бригадира князя Хованскаго, отправленнаго

отъ графа Салтыкова съ извѣстіемъ симъ въ Петербургъ. Нельзя изобразить, сколь много обрадованы всѣ мы были онымъ, и какъ начали торжествовать надъ пруссаками, старающимися всегда утверждать, что невозможное совсѣмъ то дѣло, чтобъ наши могли когда-нибудь побѣдить короля ихъ. Всѣ они, не въ состояніи будучи тогда оспоривать побѣды, повѣсили головы, а мы еще болѣе приводили ихъ въ смущеніе, утверждая, что теперь скоро уже посѣтится и Берлинъ нашими, и король не въ состояніи будетъ спасти оный отъ рукъ нашихъ.

Симъ образомъ заключали не только мы, но и всѣ въ свѣтѣ, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ дѣло сіе было не только вѣроятнымъ, но почти безсумнительнымъ. Самъ король не инако думалъ, ибо въ повелѣніи, отправленномъ имъ съ мѣста баталіи въ Берлинъ, находились точно его слова, что теперь находится онъ не въ состояніи защитить городъ, и потому, чтобъ всѣ паизнаменитѣйшіе и богатѣйшіе жители уѣзжали бы изъ онаго и увозили по возможности свое имѣніе. Самая королевская фамилія должна была тотчасъ выѣхать и отправиться въ Магдебургъ, а вывезены были также и архивы.

Но какъ инако и можно было думать? Армія прусская, находящаяся въ тутошныхъ предѣлахъ, двукратнымъ и такъ скоро другъ за другомъ послѣдовавшимъ пораженіемъ, была приведена въ такое изнеможеніе, что она не въ состояніи была ничего предпрять. Я упоминалъ уже, что король по окончаніи сраженія едва могъ собрать вокругъ себя пять тысячъ человѣкъ войска; и хотя на другой день, переправившись назадъ чрезъ Одеръ, и увидѣлъ, что собралось къ нему изъ остатковъ разбитой его арміи и болѣе, такъ что скопилось уже тысячъ до двадцати, но что могъ онъ предпринять безъ пушекъ, безъ припасовъ, безъ аммуниціи и всѣхъ потребностей воинскихъ, и будучи притомъ совсѣмъ нашею арміею отрѣзанъ отъ Шлезіи и Саксоніи и находясь въ такомъ положеніи, что и изъ самыхъ своихъ провинцій не можно было ему получать помощи. И какъ при всемъ томъ путь для насъ въ Берлинъ совершенно былъ отверзтъ и свободенъ: то не должно ли было ожидать, что наши не преминутъ такою славною побѣдою воспользоваться, и ни мало не медля пойдутъ прямо къ Берлину и постараются овладѣть онымъ прежде, нежели король соберется опять съ силами.

Далѣе не сомнѣвались почти всѣ, что побѣда сія послужитъ къ скорому окончанію и войны всей: ибо заключали, что, услышавъ объ ней, не преминутъ и цесарцы напасть съ главною и сильною своею арміею и разбить несравненно слабѣйшей противъ нихъ армію принца Гейнриха, а имперская армія не оставитъ овладѣть всею Саксоніею, и наконецъ и самымъ Магдебургомъ и довесть короля прусскаго до послѣдней крайности.

Такъ думали и заключали всѣ, и готовились получать вскорѣ извѣстія за извѣстіями о новыхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ. Мы сами, живучи въ Кёнигсбергѣ, всякій день ожидали новыхъ радостныхъ извѣстій и готовились уже заблаговременно поздравлять другъ друга со взятьемъ Берлина. Но удивленіе наше было неописанное, когда прошла недѣля, прошла другая, а къ намъ не только не скакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятьѣ Берлина, но мы напротивъ того услышали, что наши и въ сей разъ поступили по прежнему и старинному своему обыкновенію, и вмѣсто того, чтобъ воспользоваться первыми и драгоцѣнными минутами послѣ одержанной побѣды, зарадовавшись слишкомъ, оныя упустили и до тѣхъ поръ на мѣстѣ сраженія безъ всякаго дѣла и упражняясь въ однихъ только праздпествахъ и торжествахъ простояли, покуда король собрался опять съ силами и съ духомъ и, захвативъ путь къ Берлину, сдѣлалъ шествіе наше къ нему невозможнымъ.

Не менѣе-жъ и мы и весь свѣтъ удивился услышавъ, что и господинъ Даунъ, сей славный цесарскій генералъ и опытный полководецъ, въ сей разъ былъ такъ оплошенъ, что ничего не

предпріялъ, и не только не напалъ на принца Гейнриха, но ниже не сдѣлалъ и движенія съ своей стороны къ Берлину, но вмѣсто всего того за нужное почелъ напередъ повидаться съ предводителемъ нашей арміи и согласиться что дѣлать; и для сего свиданія не только самъ пошелъ совсѣмъ въ противоположную отъ Берлина сторону, но преклонилъ и нашего старика съ арміею своею, вмѣсто Берлина, иттить туда же.

Словомъ, у обоихъ сихъ предводителей войскъ вышла власно нѣкая распря и перебранка. Генералъ Даунъ, услышавъ, что нашъ старикъ былъ такъ оплошенъ, что не воспользовался побѣдою, но всѣ первыя и драгоцѣнныя минуты упустивъ, находился въ совершенномъ бездѣйствіи, дѣлалъ ему огорчительные упреки въ томъ, а сей отвѣтствовалъ ему съ такимъ же огорченіемъ.—«Я выигралъ двѣ баталіи, писалъ онъ къ нему, и теперь затѣмъ нейду далѣе впередъ, что жду извѣстія о двухъ такихъ же побѣдахъ отъ васъ, ибо несправедливо-бъ было, если-бъ войскамъ моей императрицы однимъ только дѣйствовать».—Странный и удивительный отвѣтъ, а не менѣе странень былъ и тотъ, который далъ онъ шведскому министру Монталамберту, находившемуся при немъ и его всячески убѣждавшему иттить впередъ и старавшемуся преклонить его къ тому тѣмъ представленіемъ, что если не пойдетъ онъ теперь впередъ, то оставитъ всѣ плоды своей побѣды цесарцамъ. Господинъ Салтыковъ отвѣтствовалъ ему на сіе: «О! я ни мало имъ въ томъ не позавидую, а желаю всѣмъ сердцемъ получить имъ еще болѣе счастія, нежели сколько я имѣлъ, а я съ моей стороны довольно и предовольно уже сдѣлалъ».

Богу извѣстно, чему приписать можно такіе странные и повидимому ни мало съ благоразуміемъ несообразные отзывы господина Салтыкова: своенравію его, или непростительному упрямству, или трудности, или инымъ какимъ причинамъ? Нѣкоторые изъ новѣйшихъ иностранныхъ писателей почитаютъ тому причиною господствовавшее во всѣхъ нашихъ русскихъ генералахъ, а особливо въ главныхъ командирахъ крайнее неудовольствіе и досаду на цесарцевъ. Они говорятъ, что вѣнскій дворъ сдѣлалъ ошибку и вмѣсто того, чтобъ командировъ сихъ лично какъ-нибудь задобрить и привлечь на свою сторону, оный приносилъ въ Петербургѣ превеликія жалобы сперва на Апраксина, тамъ на Фермора, а наконецъ и на самаго господина Салтыкова, и обвинялъ кого недоброхотствомъ, кого неспособностію, недѣятельностію и нехотѣніемъ подкрѣплять своихъ союзниковъ. А симъ, узнавшимъ все, сіе было огорчительно и досадно, а потому они и не помышляли никогда ревностно австрійцамъ помогать, и производили съ своей стороны лишь столько, чтобъ не можно было подпасть отвѣту, а не болѣе. Вѣнскій дворъ хотя и увидѣлъ наконецъ свою ошибку и старался ее всячески исправить, но сіе было уже поздно.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, радость о побѣдѣ, полученной надъ королемъ прусскимъ, была чрезвычайная. Графъ Салтыковъ пожалованъ за нее фельдмаршаломъ, а князь Голицынъ генералъ-аншефомъ. Генералъ-поручики обвѣшены были кавалеріями, а всей арміи выдано было не въ зачетъ полугодовое жалованье. Не менѣе награждены были отъ императрицы и цесарцы. Она подарила Лаудона золотою и богато бриліантами украшенною шпагою, а каждому австрійскому полку, бывшему на сраженіи, пожаловала по пяти тысячъ рублей денегъ; а для увѣковѣчанія сего дня выбито было множество приличныхъ къ тому серебряныхъ медалей и всѣ воины россійскіе, бывшіе на семъ сраженіи, украшены были оными.

Итакъ, отъ помянутой недѣятельности нашей и австрійской арміи потеряны были всѣ плоды, которые можно-бъ было получить отъ обѣихъ побѣдъ нашихъ; и король прусскій, между тѣмъ, покуда мы производили марши и контръ-марши и разгуливали у него по Шлезіи, успѣлъ опять поправить всѣ свои дѣла и хотя не получить никакихъ дальнихъ выгодъ,

по по крайней мѣрѣ помѣшать и непріятелямъ своимъ произвесть что-нибудь важное. Сіи дѣйствительно упустили цѣлую осень, какъ наиспособнѣйшее къ военнымъ операціямъ время года, безъ всякаго почти важнаго дѣла. Оба предводителя армій, нашей и цесарской, имѣли свиданіе въ мѣстечкѣ Губенѣ, при которомъ свиданіи положили они, чтобъ нашимъ россійскимъ войскамъ не выходить изъ прусскихъ земель, а остаться въ провинціяхъ, лежащихъ на лѣвомъ берегѣ рѣки Одера, и Даунъ обязался снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ. Самъ же онъ положилъ дожидаться, покуда имперская армія возьметъ саксонскій столичный городъ Дрезденъ, тогда чтобъ ему предпринять осаду города Нейса и буде бы осада сія удалась и ему посчастливилось бы обовладѣть симъ городомъ; то обѣимъ бы арміямъ войтить тогда въ Шлезію и занять тутъ свои зимнія квартиры.

Вотъ какое сдѣлано было у нихъ положеніе; но счетъ сей производимъ былъ безъ хозяина. Даунъ, сдѣлавъ обѣщаніе снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ, того не помыслилъ, что для арміи нашей потребно было великое множество онаго, и что толикаго числа ему самому взять было негдѣ, да и доставить къ намъ было неудобно. Оправившійся король прусскій слѣдовалъ повсюду по пятамъ нашимъ и цесарскимъ и старался дѣлать вездѣ помѣшательство. Осада Дрездена между тѣмъ продлилась долго. Армія наша, стоявъ и дожидаясь долгое время взятья сего города, на одномъ мѣстѣ при Фирстенвальдѣ, поѣла весь свой запасной хлѣбъ и, не получая отъ цесарцевъ ничего, не знала чѣмъ себя прокормить. Лузація, въ которой она тогда находилась, принуждена была въ сентябрѣ мѣсяцѣ кормить собою цѣлыхъ четыре арміи, то-есть нашу, цесарскую, и прусскихъ двѣ, а именно ту, которою командовалъ самъ король, и ту, которою предводительствовалъ братъ его принцъ Гейнрихъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и за недоставленіемъ цесарцами обѣщаннаго провіанта, и почувствовали мы первые недостатокъ въ ономъ. Дворъ вѣнскій, не могши намъ доставить опый въ натурѣ, предлагалъ намъ деньги на покупку онаго, но Салтыковъ отвѣчалъ, что солдаты его не ѣдятъ денегъ, а имъ надобенъ хлѣбъ. А какъ самаго сего не было и брать болѣе было негдѣ, то и поворотилъ онъ съ арміею своею въ сторону къ Польшѣ, для приближенія себя къ своимъ магазинамъ. Лаудонъ, получивъ новое подкрѣпленіе, не отставалъ отъ онаго и старался всячески убѣдить его предпринять осаду прусской крѣпости Глогау, и отвратить какъ можно отъ прехожденія назадъ чрезъ рѣку Одеръ. Но расторопность короля разрушила всѣ сіи планы.

Армія наша, въ соединеніи съ помянутымъ австрійскимъ корпусомъ, пришла 13 сентября на берега рѣки Одера съ тѣмъ, чтобы иттить вдоль по ней до самаго Глогава. Въ семъ намѣреніи и отправила она передовыхъ для занятія лагеря при мѣстечкѣ Бейтенѣ, но какъ удивился авангардъ нашъ, когда, по приближеніи своемъ туда, увидѣлъ оное мѣсто уже занятымъ отъ короля прусскаго, котораго считали въ Шлезіи и въ отдаленности. Салтыковъ и Лаудонъ посмотрѣли на него издали и не посмѣли никакъ атаковать онаго, хотя вся армія его не состояла болѣе, какъ въ 24 тысячахъ, а они втрое его были сильнѣе. Несмотря на то, король прусскій намѣренъ былъ защищать Глогау во что-бъ то ни стало, и какъ онъ всякій день ожидалъ отъ нашихъ нападенія, то принуждены были его войска всякое утро становиться въ ружье. Однако страхъ и опасеніе его были напрасное. Наши не отважились его атаковать, а переправившись неподалеку отъ Бейтена на другую сторону рѣки Одера, и разстрѣляли изъ пушекъ мостъ, боясь, чтобъ онъ не погнался за нами. Они направили стопы свои въ сторону къ Бреславлю, но куда ни приходили, вездѣ находили они пруссаковъ и всѣ пути заставленные ими. Ибо король прусскій послѣдовалъ за нашими и всегда находился вблизи къ намъ.

При семъ-то случаѣ являлась наилучшая оказія намъ къ атакованію и разбитію сей прусской арміи на-голову, но мы оную по невѣдѣнію упустили. Короля въ самое сіе время схватила обыкновенная его болѣзнь подагра, и никогда онъ насъ такъ не трусилъ, какъ въ сіе время, ибо не сомнѣвался, что какъ скоро мы о сей его болѣзни узнаемъ, то не премпнемъ его тотчасъ атаковать, ибо извѣстно, что онъ во время сей болѣзни не въ состояніи былъ никакъ командовать самъ войсками, но претерпѣвалъ самое адское мученіе: не въ состояніи былъ ни на лошадь сѣсть, ни возить себя давать. Итакъ, принужденъ бы онъ былъ ждать своей несчастной судьбины. Но по особенному его счастію, мы о томъ никакъ не узнали, а продолжали свой походъ; а онъ между тѣмъ велѣлъ себя солдатамъ на рукахъ отнесть въ мѣстечко Кебенъ, на рѣкѣ Одерѣ, и созвавъ туда своихъ генераловъ, объявилъ имъ о жестокости своей болѣзни, отлучающей его отъ арміи и сдѣлалъ имъ слѣдующее порученіе: «Увѣрьте, пожалуйте, сказалъ онъ имъ, моихъ храбрыхъ солдатъ, что хотя я въ кампанію сію и много несчастія имѣлъ, но я не успокоюсь прежде, покуда не возстановлю опять всего въ порядокъ. Скажите имъ, что я полагаюсь на ихъ храбрость и что одна только смерть можетъ меня отлучить отъ арміи».

Городокъ Герштатъ долженствовалъ служить предѣломъ тогдашняго нашего шлезскаго похода. Сей не столько искусствомъ, сколько натурою укрѣпленный городъ, занятъ былъ нѣсколькими сотнями пруссаковъ. Графъ Салтыковъ потребовалъ отъ коменданта сдачи и грозилъ сожженіемъ, ежели не сдастся; но какъ прусскій офицеръ отвѣтствовалъ, что имѣетъ онъ повелѣніе городъ защищать, хотя-бъ они и сожигать стали, то сей отвѣтъ такъ разгорячилъ графа Салтыкова, что онъ велѣлъ тотчасъ кинуть въ него нѣсколько зажигательныхъ ядеръ и все оное превратить въ пепелъ.

Сіе было послѣднее въ сей годъ, и не великой похвалы достойное военное дѣло. Ибо отсюда повернулись наши прямо въ Польшу и пошли къ Познани, такъ что въ концѣ октября не было болѣе ни въ Шлезіи, ни въ Бранденбургіи изъ россіянъ и австрійцевъ ни единаго человѣка, а курились только повсюду одни слѣды наши. И какъ походъ нашъ продолжался безостановочно, то спросилъ Лаудопъ Салтыкова: «чтожъ ему съ своимъ корпусомъ дѣлать?»—«А что хотите, то и дѣлайте! сказалъ Салтыковъ, а я иду въ Познань!» Услышавъ сіе Лаудонъ и побывъ еще нѣсколько дней съ нами, принужденъ былъ потомъ въ крайнемъ неудовольствіи съ нами разстаться и иттить назадъ въ австрійскія земли.

Симъ образомъ окончилась наша кампанія и въ сей годъ, и къ крайнему нашему стыду, опять безъ полученія никакой особливой выгоды, а съ потеряніемъ только множества людей, и съ пріобрѣтеніемъ только одной пустой славы. Король прусскій остался и въ концѣ сего лѣта столь же намъ страшнымъ, какъ былъ прежде: и хотя имперцы и взяли у него въ Саксоніи городъ Дрезденъ и цесарцамъ наконецъ нечаянно удалось, не только разбить, но и совсѣмъ въ полонъ взять цѣлый его, изъ 18 тысячъ состоящій, корпусъ, съ 8 человѣками генераловъ и командиромъ ихъ г. Финкомъ, котораго-было отправилъ онъ для отнятія опять Дрездена, однако всѣ сіи выгоды не имѣли никакихъ по себѣ дальнихъ послѣдствій и не произвели въ войнѣ никакой перемѣны. Для короля прусскаго, сколько она ни несчастна была, но онъ находилъ средства къ подкрѣпленію себя всѣми потребностями; такъ что онъ при концѣ лѣта никакъ не находилъ себя доведеннымъ до такой крайности, чтобъ просить и домогаться мира. Словомъ, стеченіе всѣхъ обстоятельствъ было таково въ сіе лѣто, что самой судьбѣ, какъ казалось, угодно было, чтобъ война сія продлилась еще долѣе и не такъ скоро свой конецъ получила, какъ всѣ думали и ожидали.

Но я остановлюсь на семъ мѣстѣ и, предъоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ военныхъ произшествіяхъ до дру-

гого времени, возвращусь къ собственной моей исторіи и разскажу, что́, между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Европѣ, дѣлали мы живучи въ Кёнигсбергѣ и въ чемъ препровождали осеннее и зимнее время.

Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а теперешнее дозвольте симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вамъ и проч.

Письмо 78-е.

Любезный пріятель. Между тѣмъ, какъ армія наша возвращалась изъ своего похода, и расположась на прежнихъ своихъ квартирахъ, отъ трудовъ своихъ отдыхала, а командиры помышляли о приуготовленіи всего нужнаго къ новому походу и къ продолженію войны сей, мы въ Кёнигсбергѣ продолжали жить по прежнему весело и въ удовольствіи. Не успѣла начаться осень и длинные зимніе вечера, какъ возобновились у насъ по прежнему балы и маскарады. Первые бывали хотя и во все продолженіе лѣта, однако не такъ часто, какъ осенью и зимою: ибо въ сіи скучныя годовыя времена не проходило ни одной недѣли, въ которой бы не было у насъ бала и танцевъ, безъ всякаго праздника или особливаго къ тому повода, напримѣръ проѣзда какого-нибудь знатнаго боярина и генерала. Для сихъ обыкновенно дѣлываны были у насъ балы, а въ праздничные и торжественные дни заводились многочисленные маскарады, либо у губернатора въ домѣ, либо по прежнему, для множайшаго простора, въ театрѣ. Въ семъ наиболѣе бывали только маскарады и мы впервые еще научили пруссаковъ пользоваться театрами для большихъ и многочисленныхъ собраній и, дѣлая надъ всѣми партерами вносные разборные помосты, превращать оные въ соединеніи съ театромъ въ превеличайшую залу. Для меня самого было сіе новое зрѣлище; я съ начала не понималъ, какъ это дѣлали и удивился, вошедъ въ маскарадъ и не узнавши почти того мѣста, гдѣ были партеры. Однѣ только ложи доказывали прежнее его существованіе. Но самыя сіи и придавали маскараду наиболѣе пышности и живости, ибо всѣ они наполнены были множествомъ зрителей и всякаго народа, котораго набиралось такое множество, что было для кого наряжаться и выдумывать разнообразныя одежды; въ сихъ старались тогда всѣ, бравшіе въ увеселеніяхъ сихъ соучастіе, другъ друга превзойтить и, можно сказать, что въ выдумкахъ и затѣяхъ сихъ не уступали ни мало намъ и пруссаки, а нерѣдко насъ еще въ томъ и превосходили.

Кромѣ баловъ и маскарадовъ, нерѣдко занимались мы и самымъ театромъ. Комедіанты не преминули опять, какъ скоро наступила осень, къ намъ пріѣхать и увеселяли насъ своими прекрасными представленіями; а кромѣ сихъ посѣтилъ насъ въ сію осень и разъѣзжающій по всему свѣту, эквилибристъ или балансёръ, и увеселялъ нѣсколько разъ всю нашу небольшую публику на театрѣ показываніемъ намъ своего искусства въ фолтижированьѣ и балансированіи разномъ. Сіе зрѣлище было для меня также новое и никогда еще до сего времени невиданное, и я не могъ оному довольно насмотрѣться и надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ дѣлать такіе удивительные изгибы и перевороты и такъ правильно держать себя въ равновѣсіи.

Итакъ, судя по частымъ и разнымъ увеселеніямъ симъ можно было тогдашнюю мою жизнь почесть прямо веселою. Она и была дѣйствительно такова и была бы для насъ еще и пріятнѣе, если бы только генералъ нашъ не посыпалъ иногда всѣ наши забавы и удовольствія перцомъ и инбиремъ, и въ наилучшія наши веселости не вливалъ желчи по своему безпутному и до безконечности горячему нраву. Несчастный характеръ его съ сей стороны не можно довольно изобразить. Я упоминалъ вамъ уже прежде о странномъ и удивительномъ свойствѣ сего нашего начальника, почему почитаю повторять то за излишнее, а скажу только то, что всѣ мы къ бранямъ и ругательствамъ его наконецъ такъ привыкли, что не ставили почти оныя ни во что и вмѣсто досады

смѣивались только, выходя изъ судейской, и другъ предъ другомъ хвастались тѣмъ, что болѣе или менѣе разъ были въ тотъ день бранены. И къ удивленію всѣхъ, не знающихъ, постороннихъ людей, не рѣдко, сидя въ канцеляріи, спрашивали другъ друга, былъ ли кто въ тотъ день въ канцеляріи и сколько разъ? что значило, былъ ли кто въ судейской и браненъ ли былъ отъ генерала? и тогда иной говорилъ: «Вотъ, слава Богу, я еще сегодня не былъ ни разу», а другой, вздохнувъ, говорилъ, что онъ уже раза три или четыре побывалъ въ оной. Что касается до меня, то я хотя по должности моей и всѣхъ прочихъ меньше имѣлъ съ нимъ дѣла, потому что всѣ мои переводы и бумаги входили въ руки къ секретарямъ и совѣтникамъ, а не къ нему, однако принужденъ былъ и я пить такую же горькую чашу, какъ и всѣ прочіе, и хотя не такъ часто, какъ другіе сотоварищи мои, однако претерпѣвать иногда также брани и ругательства. Поводомъ къ тому бывало наиболѣе то обстоятельство, что онъ нерѣдко употреблялъ меня вмѣсто своего адъютанта. Всякой разъ, когда ни случалось сему прихворнуть, а сіе случалось довольно часто, принужденъ я былъ нести его должность, а особливо въ праздничные и торжественные дни, и разъѣзжая по всему городу, развозить поклоны, а наканунѣ тѣхъ дней сзывать на балъ или на обѣдъ все тамошнее дворянство. Сзыванія и разсылки сіи бывали иногда такъ велики, что и обоимъ намъ съ адъютантомъ едва доставало времени всѣхъ объѣздить и все нужное исполнить. И при такихъ-то случаяхъ и терпѣли мы оба отъ генерала превеликія иногда брани. Ибо какъ онъ былъ не весьма памятливъ, то позабывъ, что иное приказалъ мнѣ, нападаетъ невиннымъ образомъ на адъютанта; а иногда приказавъ что-нибудь ему, и увидѣвъ меня, начиналъ спрашивать о томъ у меня, и какъ незнаніемъ станешь оправдываться, то тогда и пойдетъ потѣха и мы только успѣвай слушать его брани и ругательства. Въ самыхъ даваемыхъ приказаніяхъ бывалъ онъ какъ-то не всегда памятливъ и постояненъ. Часто случалось, что иного онъ совсѣмъ не приказывалъ, а послѣ взыскивалъ, для чего было не сдѣлано; когда же ему скажешь, что онъ того не изволилъ и приказывать, то бранилъ и ругалъ, для чего мы ему того не напомнили: а намъ какъ можно было узнавать, что у него на умѣ и что ему помнить надобно. Словомъ, взыскиванія и брани, а временемъ и самыя ругательства его были столь напрасны и мы претерпѣвали ихъ столь невиннымъ образомъ, что имѣли тысячу причинъ вовсе оныя не уважать и вмѣсто досады за то всему тому только смѣяться; а особливо вѣдая, что брани сіи никакого послѣдствія не возъимѣютъ, но генералъ, несмотря на все сіе, останется къ намъ столь же благорасположеннымъ, какъ былъ и прежде.

Кромѣ сего имѣлъ я въ сію осень паки перетурку. Не успѣла армія возвратиться изъ своего похода и расположиться на кантониръ-квартирахъ, какъ полковникъ нашего полку непреминулъ возобновить опять требованіе меня обратно въ полкъ. И отъ новаго фельдмаршала тотчасъ прислано было о томъ повелѣніе къ Корфу. Сіе меня паки перетревожило ужаснымъ образомъ и тѣмъ паче, что отъ генерала нашего требованы были уже неоднократно переводчики отъ сената и присылки оныхъ со дня на день ожидали. Но какъ сего и по самое сіе время еще не воспослѣдовало, то сіе обстоятельство, а сверхъ того благосклонность ко мнѣ и генерала и всѣхъ нашихъ канцелярскихъ, и нехотѣніе всѣхъ разстаться со мною и помогло мнѣ и въ сей разъ отъ арміи благополучно отдѣлаться: ибо, несмотря на присланное повелѣніе, отвѣтствовано было, что безъ меня обойтиться никакъ было не можно, что требованные переводчики еще отъ сената не присланы и что затѣмъ я и не отправленъ, а оставленъ при отправленіи моей прежней и важной должности.

Сіе удержаніе меня еще на нѣкоторое время въ Кёнигсбергѣ было мнѣ тѣмъ пріятнѣе и произвело мнѣ тѣмъ

больше удовольствія, что чрезъ самое короткое послѣ того времени пріѣхали и отправленные уже давно къ намъ переводчики. Были они все студенты изъ московскаго университета и ихъ, вмѣсто двухъ требуемыхъ генераломъ, прислали къ намъ ровно десять человѣкъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, что по оставленіи изъ нихъ сколько для губернской канцеляріи будетъ надобно, всѣхъ прочихъ чтобъ отдать намъ чему-нибудь учиться. Я вострепеталъ духомъ, о семъ услышавъ, и почиталъ уже то неизбѣжнымъ, что меня тогда тотчасъ уже отправятъ въ армію, такъ какъ и писано было къ фельдмаршалу и мнѣ не миновать бъ того и дѣйствительно, ибо и генералъ и оба совѣтники наши уже помышляли о томъ и говорили уже съ первымъ секретаремъ нашимъ, если-бъ не помѣшало тому бездѣльное и повидимому ничего нестоющее обстоятельство и не помогло къ тому, что я, несмотря и на сіе, оставленъ былъ еще на нѣсколько времени къ неописанной моей пользѣ въ Кёнигсбергѣ. Обстоятельство сіе было слѣдующаго рода.

Помянутому первому секретарю нашему, г. Чонжину, случилось гдѣ-то и какимъ-то образомъ увидѣть сестру того несчастнаго пилавскаго почтмейстера Вагнера, который сосланъ былъ, по нѣкоторому подозрѣнію отъ насъ, въ тайную канцелярію въ Петербургъ, а оттуда уже въ Сибирь въ ссылку отправленъ, и который, чрезъ изданное послѣ о себѣ въ свѣтъ жизнеописаніе, сдѣлался всему свѣту извѣстенъ.—Дѣвушка сія была тогда лѣтъ осьмнадцати и собою хотя не красавица, однако и не дурна. Но какъ бы то ни было, но она имѣла счастіе или несчастіе помянутому секретарю нашему понравиться, и его такъ собою очаровать, что она не сходила у него съ ума, и онъ положилъ, во что-бъ то ни стало, преклонить ее къ себѣ къ любви, что ему какимъ-то образомъ и удалось. Я всего того не зналъ и не вѣдалъ, ибо какъ я и въ разсужденіи самого себя всего меньше о такихъ дѣлахъ помышлялъ, то о посторонемъ заботиться и узнать мнѣ и того меньше было нужды, а сдѣлалась мнѣ сія любовная интрига потому только извѣстна, что какъ секретарь нашъ не умѣлъ ни одного слова по-нѣмецки, а она по-русски, и обоимъ имъ нужно было почти всякій день переписываться или посылать другъ къ другу небольшія записочки и билетцы; секретарю же нашему хотѣлось дѣло сіе производить сколько-нибудь скрытнѣе, потому что онъ былъ уже женатъ и тогда въ скоромъ времени ожидалъ пріѣзда къ себѣ и жены своей, то и нуженъ былъ ему въ семъ случаѣ посредникъ, который бы его записочки переписывалъ на нѣмецкомъ языкѣ для отправленія къ ней, а ея, присылаемыя къ нему, переводилъ ему на русское.—И кому иному можно было коммисію сію исправлять, какъ не мнѣ? Онъ на меня ее уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ и навалилъ и нехотѣвшаго того сперва дѣлать и входить въ такія глупыя и дурныя сплетни, умѣлъ убѣдить своими просьбами и обѣщаніями заслужить мнѣ то самому впредь, что я наконецъ волю его, хотя съ крайнимъ нехотѣніемъ и всегдашнимъ негодованіемъ, и согласился выполнять, и переводя ихъ небольшія, но можно сказать съ обѣихъ сторонъ наиглупѣйшія записочки, дѣлалъ ему превеликое удовольствіе.

Но какъ бы то ни было, но услуга сія мнѣ крайне сгодилась при помянутомъ случаѣ. Ибо какъ секретарю нашему съ сей стороны сдѣлался я крайне нужнымъ, то и не хотѣлось ему никакъ отпустить меня въ полкъ; но онъ, имѣя въ генералѣ великую силу, сталъ и безъ всякой моей о томъ просьбы и домогательства генералу представлять, что меня отпустить еще никакъ не можно, потому что изъ всѣхъ десяти человѣкъ присланныхъ къ намъ студентовъ, по дѣланнымъ испытаніямъ всѣмъ онымъ, не нашелся изъ всѣхъ ихъ ни одинъ, которой бы могъ сколько-нибудь исправлять то, что исправляю я въ канцеляріи: но что всѣ они столь мало умѣютъ по-нѣмецки, что ихъ надлежало еще отдавать сему языку учиться.

Сіе было отчасти и сущая правда, ибо

они всѣ хотя и учились въ Москвѣ понѣмецки, но не имѣя практики, казались столь незнающими, что сначала и подумать было неможно о употребленіи ихъ въ переводческую должность; хотя имъ чрезъ самое короткое время можно-бъ было сдѣлаться къ тому способными, какъ то послѣ и оказалось; но на тогдашній случай помогло мнѣ ихъ незнаніе. Генералъ самъ, испытавъ ихъ нѣсколько и увидѣвъ тоже, тотчасъ на представленіе секретаря согласился, и я оставленъ по прежнему, а гг. студентамъ велѣно было приискивать себѣ учителей и мѣста, гдѣ бы имъ и чему учиться, что они и не преминули сдѣлать и чрезъ короткое время разобрались по разнымъ профессорамъ и иные стали штудировать философію, иные медицину, нѣкоторые физику, а иные металлургію и такъ далѣе, а я остался опять одинъ въ канцеляріи исправлять должность толмача и переводчика.

Вмѣстѣ почти съ ними пріѣхали къ намъ, для отправленія письменныхъ дѣлъ въ канцеляріи нашей, и два юнкера, господа Олины. Они присланы были къ намъ на мѣсто отбывшаго отъ насъ секретаря Гаврилова, и были оба ребята молодые и родные братья между собою. Одного изъ нихъ звали Яковомъ Ивановичемъ, а другого Александромъ. И какъ они сдѣлались во всемъ нашими сотоварищами и приобщены были къ свитѣ генеральской, и съ нами не только всякій день вмѣстѣ сидѣли и писали въ канцеляріи, но и обѣдывали у генерала, то и надобно мнѣ сколько-нибудь упомянуть о ихъ характерахъ.

Какъ оба они были хотя дѣти какого-то богатаго секретаря, но имѣли уже офицерскіе чины, то и вели они себя совсѣмъ не на подъяческой, а на дворянской ногѣ и якшались не съ подъячими, а съ нами. Оба они были еще не стары и старшему не болѣе 21 года, а другой былъ моложе его однимъ только годомъ. Оба весьма не глупы, но кромѣ русской грамоты оба ничего не разумѣли. Старшій изъ нихъ велъ себя не только отмѣнно чисто, но въ скоромъ времени сдѣлался у насъ почти первымъ щеголемъ, и смѣшнымъ и неспоснымъ петиметромъ. Будучи собою недуренъ, возмечталъ онъ о себѣ, что онъ великой красавецъ и сталъ не только проживаться совсѣмъ на уборы и щегольство, но что всего смѣшнѣе, вздумалъ еще высокомѣриться собою и почитать себя и умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Сіе вооружило насъ на него всѣхъ. Ибо сколько мы его ни любили, по намъ его высокомѣріе было несносно и мы вмѣсто искомаго имъ себѣ отъ всѣхъ уваженія, ему внутренно только смѣялись.

Что касается до его брата, то сей былъ совсѣмъ отмѣннаго и лучшаго характера: тихъ, дружелюбенъ, скроменъ, ласковъ, низокъ (?) и столь склоненъ къ узнанію всего того, что ему было неизвѣстно, слѣдовательно способенъ къ наученію себя всему,— что мы его всѣ любили, а особливо у меня съ нимъ возстановилось скоро особливое дружество, которое со временемъ такъ увеличилось, что мы были наилучшими друзьями и препровождали время свое наиболѣе вмѣстѣ.

Вскорѣ послѣ того перетревожены мы были однажды въ самую глухую и темную осеннюю полночь пожаромъ, случившимся у насъ на нашемъ вновь основанномъ монетномъ дворѣ. Какъ оный былъ не подалеку отъ замка и на самой той улицѣ, гдѣ и я имѣлъ свою квартиру и отъ меня недалеко, то перетревоженъ я былъ имъ въ особливости и принужденъ былъ въ полночь вставать, одѣваться, бѣжать на сей пожаръ и помогать его тушить прочимъ. По особливому счастію, удалось намъ не допустить его до усилія, но потушить въ самомъ еще почти началѣ: однако не прошло безъ того, чтобъ не распропало при томъ множества дѣлаемой нами новой монеты, какъ готовой, такъ и не въ отдѣланныхъ еще кружкахъ, которые принуждено было выносить всѣ вонъ и таскать насыпанными вверхъ лотками. Самъ нашъ генералъ былъ на семъ пожарѣ, и не меньше всѣхъ насъ старался о скорѣйшемъ погашеніи онаго, поелику отъ сгорѣнія монетнаго двора зависѣла великая важность.

Другой пожаръ, воспослѣдовавшій чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, былъ еще того важнѣе и хотя утушенъ также при самомъ еще своемъ началѣ, но навелъ намъ премножество хлопотъ. Случился онъ быть въ самой нашей канцеляріи и также въ глубокое ночное время, когда никого изъ насъ въ канцеляріи не было, а одни только сторожа сидѣли въ подъяческой и дожидалися, покуда выйдетъ изъ судейской совѣтникъ нашъ, господинъ Бауманъ, который, по многодѣлію своему и по прилежности, нерѣдко просиживалъ одинъ одинехонекъ и прописывалъ до самой полупочи. Но въ сей разъ, господа сторожа наши какъ-то оплошали и не слыхали, какъ онъ изъ судейской вышелъ, ибо изъ оной были двери особыя въ генеральскія комнаты, гдѣ онъ живалъ; но считая его все въ судейской, не озабочивались ни мало и объ опой и о свѣчахъ, господиномъ Бауманомъ оставленныхъ горящими; да и онъ какъ-то въ сей разъ оплошалъ и вышелъ вонъ, не позвонивъ и не приказавъ сторожамъ потушить свѣчи. Но какъ бы то ни было, но случилось такъ, что отъ одной свѣчи отстрекнулъ кусочекъ горящей еще свѣтильни и, по несчастію, попалъ на лежащія на столѣ во множествѣ разныя бумаги. Сіи тотчасъ начали отъ сего горѣть и полыхать, и въ немногія минуты надѣлали столько дѣла, что намъ цѣлую зиму досталось много потрудиться. Цѣлая половина стола, съ превеликимъ множествомъ накладенныхъ на него важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ не только отъ фельдмаршала и другихъ генераловъ, но и отъ самого двора и отъ сената изъ Петербурга, сгорѣли, отчасти всѣ, отчасти на половину, и вся судейская наполнилась такимъ множествомъ дыма, что въ нее войтить было неможно. Къ особливому несчастію, сторожу, сидѣвшему въ подъяческой, случилось въ самыя сіи минуты вздремать и онъ до тѣхъ поръ не узналъ о семъ пожарѣ, покуда чадомъ и смрадомъ не наполнилась уже отчасти и подъяческая и опый не разбудилъ его дремавшаго. Тогда бросился онъ въ судейскую и вострепеталъ, увидѣвъ всю ее наполненную дымомъ, а судейскій столъ весь въ огнѣ и въ пламени. Онъ бросился тушить и поднялъ такой крикъ, что перетревожилъ всѣхъ въ замкѣ. Самъ генералъ, услышавъ о пожарѣ семъ, прибѣжалъ туда безъ памяти, и его столько сей случай раздосадовалъ, что онъ занемогъ отъ сердца.

Но признаться надобно, что и было за что сердиться, ибо погорѣло множество преважныхъ бумагъ и, между прочимъ, не мало и такихъ, по которымъ требовалось скорое исполненіе, а тогда и исполнять было непочему. — Важны также были и рескрипты императрицины, и генералъ нашъ невѣдомо какъ боялся, чтобъ о пожарѣ семъ, происшедшемъ отъ единой оплошности, не дошло свѣдѣніе до самой императрицы и тѣмъ паче, что на мѣсто сгорѣвшихъ нужно было получить рескрипты новые. Но по особливому его счастію, всею тогдашнею, такъ-называемою конференціею, или верховнѣйшимъ нашимъ государственнымъ Совѣтомъ въ Петербургѣ, изъ котораго разсылались всюду рескрипты или именные указы и подписываемы были не самою императрицею, а членами сего Совѣта, управлялъ тогда своякъ его, великій канцлеръ Воронцовъ, и онъ могъ его чрезъ письма убѣдить прислать, на мѣсто всѣхъ сгорѣвшихъ рескриптовъ, копіи съ отпусковъ оныхъ; а такимъ же образомъ, чрезъ дружескія и проспительныя письма, досталъ онъ копіи съ отпусковъ и другихъ важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ отъ фельдмаршала и другихъ особъ важнѣйшихъ; прочія же сгорѣвшія бумаги принуждены были всѣ мы замѣнить своими трудами и заняться нѣсколько недѣль сряду всѣ безпрерывнымъ писаніемъ.

Впрочемъ, сей случай побудилъ нашего генерала, на предбудущее время, принять лучшія мѣры для предосторожности и для отвращенія подобныхъ сему бѣдственныхъ произшествій. Онъ приказалъ съ сего времени, чтобъ всѣмъ намъ, канцелярскимъ членамъ, по очереди въ канцеляріи дежурить и чтобъ дежурнымъ не только

не отлучаться ни на одинъ часъ днемъ изъ канцеляріи, но чтобъ и ночевать въ оной, и тѣмъ паче, что послѣднее весьма нужно было и по причинѣ проѣзжающихъ очень часто и въ армію и изъ арміи курьеровъ. Всѣ они являлись обыкновенно къ намъ въ канцелярію и завозили письма, а для сихъ нужно было, хотя бы то случилось въ самую полночь, иттить къ генералу и его будить еслибъ найтить его спящимъ.

Но самая сія предосторожность едва-было не произвела у насъ въ канцеляріи другого пожара. И сей чуть-было не произошелъ нечаяннымъ образомъ отъ самого меня; причиною тому было самое помянутое дежурство, которое долженъ былъ и я отправлять на ряду съ прочими. Всѣ мы обыкновенно сыпали въ судейской, приказывая приносить туда свои постели. Итакъ, однажды, какъ мнѣ случилось тутъ ночевать, и для бывшей тогда стужи приказать постелю себѣ постлать на стоявшемъ подлѣ самой печи сундукѣ, то какимъ-то образомъ свисла тулупа моего, которымъ я одѣтъ былъ, одна пола въ узкій промежутокъ между печью и сундукомъ. Печь сія была кафельная, тонкая, горячая до самаго пола и топилась, по нѣмецкому обыкновенію, изъ сѣней. И какъ сторожу нашему, по причинѣ тогдашней стужи, вздумалось встать гораздо поранѣе и судейскую натопить еще до свѣта, и онъ ни мало не пожалѣлъ дровъ, и наворотилъ ими ее до самаго свода: то она, будучи тонкою, такъ раскалилась, что пола моего тулупа тотчасъ зачадѣла и начавъ горѣть, зажгла и простыню и пуховикъ самый. Я, не зная того и не вѣдая, продолжалъ себѣ спать крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ, и прожегъ бы благополучнымъ образомъ и бокъ себѣ, еслибъ также не услышалъ смрада и вони стоящій часовой въ сѣняхъ, и не сказалъ сторожу, чтобы онъ посмотрѣлъ, отчего такъ воняетъ. И сей-то, прибѣжавъ и не меньше прежняго на смерть испугавшись, разбудилъ уже меня, не менѣе сего страннаго случая испужавшагося. Но по счастію, кромѣ моего тулупа и простыни не сгорѣло ничего, и случилось сіе такъ рано, что мы успѣли выпустить въ двери и смрадъ и заглушить его такъ курительнымъ порошкомъ, что никто о томъ кромѣ секретарей нашихъ не узналъ, которые, любя меня, не захотѣли доводить дѣла сего до нашего бѣшеного генерала, отъ котораго и безъ того нѣсколько дней сряду передъ тѣмъ принужденъ я былъ, совсѣмъ невиннымъ образомъ, терпѣть ежедневно брани и гонку.

Поводъ къ тому подавало неудовольствіе, сдѣланное нашему генералу отъ зимовавшаго тогда у насъ въ Кёнигсбергѣ и командовавшаго всѣми тутъ бывшими баталіонами генерала графа Петра Ивановича Панина. Не знаю, какимъ-то образомъ и чѣмъ-то такимъ проступился онъ противъ нашего генерала, съ которымъ до того была у него всегдашняя дружба. По наружности дѣло касалось только до квартиръ, но мы, по великости произшедшей между ими за сущую бездѣлку ужасной ссоры и распри, заключали, что надлежало быть какой-нибудь потаенной еще причинѣ. Но какъ бы то ни было, но мнѣ, по несчастію, случилось быть перенощикомъ дѣлаемыхъ обоими ими другъ другу немилосердыхъ браней и ругательствъ. Ибо какъ адъютанту нашему случилось въ сіе время занемочь, то принужденъ былъ я, исправляя его должность, нѣсколько дней сряду, и раза по два и по три въ день, ходить къ помянутому генералу, и переносить отъ генерала нашего къ нему, а отъ него къ генералу нашему такіе комплименты, какими истинно едва ли и сами бурлаки и фабричные другъ друга когда подчиваютъ. Словомъ, препорученія сіи составляли тогда для меня не только наитруднѣйшую, но тѣмъ и досаднѣйшую коммисію, что я принужденъ былъ со стороны, и за чужіе грѣхи, терпѣть отъ генерала нашего брани и ругательства. Ибо, какъ всякій разъ, посылая меня къ господину Папину, приказывалъ сказывать такой нескладный и до безконечности обидный для того вздоръ, какого безъ смѣха слышать было не можно, и отпуская, накрѣпко приказывалъ пересказывать ему все дѣло точно

такими словами: то подумайте сами, можно ли мнѣ было выполнять въ точности его повелѣніе и ругать армейскаго и тогда очень важнаго генералъ-поручика самыми скверными браньми? Нѣтъ, я сего никакъ не дѣлалъ; но идучи всякій разъ къ нему, во всю дорогу вымышлялъ и выдумывалъ умѣреннѣйшія и такія выраженія, которыя хотя бы и непріятны были сему генералу, но не такъ бы могли его сердить. Все мое студированіе оставалось почти всякій разъ безполезнымъ. Ибо какъ и сей въ перебранкахъ не менѣе того былъ вспыльчивъ, бѣшенъ и горячъ, то какъ ни позлащалъ я присылаемыя къ нему пилюли, но онъ не успѣвалъ ихъ увидѣть, какъ приходилъ въ сущее бѣшенство и въ тотъ же мигъ насказывалъ мнѣ столько нелѣпыхъ брапей и ругательствъ для обратнаго пересказыванія господину Корфу, что я не въ состояніи бывалъ и десятой доли ихъ упомнить. Да правду сказать, я о томъ всего меньше старался: ибо сколько и сей не оставлялъ мнѣ разъ по пяти подтверждать, чтобъ отвѣтъ его пересказанъ былъ генералу моему точно тѣми словами, какими онъ говорилъ, однако у меня и на умѣ того не было, а я и его отвѣты также переливалъ въ другую и лучшую форму. Но несчастіе мое было то, что иногда не можно было никакъ столь искусно перелаживать на иной ладъ, чтобъ не могли они съ обѣихъ сторонъ догадываться, что я не все то пересказываю, что прпказываемо было, пли пересказываю совсѣмъ инако, а за сіе самое и терпѣлъ я отъ моего генерала ужасныя брани и ругательства. Но я хотѣлъ охотнѣе переносить невинпымъ образомъ самъ, нежели точнымъ пересказываніемъ всѣхъ ихъ рѣчей, ссору ихъ увеличивать еще болѣе и въ пламя оной подливать еще масло и спиртъ и доводить ихъ до вражды смертельной между собою. А я разсудилъ за лучшее лить въ пламя сіе воду, оное тушить и уменьшать стараться, въ чемъ и удалось мнѣ успѣть къ собственному моему, а не менѣе и къ обоюдпому ихъ удовольствію. Ибо, какъ выдумывая для пересказыванія имъ умѣреннѣйшія и менѣе обидныя слова, помышлялъ я самъ собою и о томъ, какими бы уступками другъ другу и чѣмъ бы удобнѣе можно было имъ распрю сію прекратить; то, походивъ помянутымъ образомъ взадъ и впередъ, рѣшился наконецъ я преподать обоимъ имъ къ тому мысли, вскленавъ, будто бы я слышалъ то, хотя не отъ самого генерала, а отъ другихъ, при немъ находящихся, а сею выдумкою мало-помалу и посократилъ ихъ взаимную другъ на друга досаду и огорченіе и побудилъ наконецъ дѣйствительно сдѣлать другъ другу, будто желаемыя ими самими снисхожденія, а въ самомъ дѣлѣ мною, единственно для пользы ихъ и прекращенія ссоры ихъ, выдуманныя и имъ искусно предложенныя, и чрезъ самое то прекратить ихъ ссору.

Но я удалился уже отъ повѣствованія о нашихъ пожарахъ и, возвращаясь теперь къ нимъ, скажу, что вышеупомянутымъ третьимъ, случившимся у насъ въ канцеляріи, дѣло еще не кончилось, но они были на насъ въ сію осень и зиму власно какъ напущенныя; и послѣ сего случился еще одинъ и хотя не правской, а почти совсѣмъ ложный, но произведшій по себѣ пагубныя и весьма печальныя послѣдствія.

Случилось сіе въ одинъ зимній воскресный день и въ самое то время, когда генералъ нашъ, по случаю бывшаго въ тотъ день викторіяльнаго празденства, давалъ превеликій столъ всѣмъ лучшимъ въ Кёнигсбергѣ находившимся особамъ и сидѣлъ съ ними еще за обѣдомъ, хотя уже часъ третій былъ послѣ полудня. Впереди, описывая замокъ сей, въ которомъ жилъ тогда нашъ губернаторъ, между прочимъ упоминалъ я, что весь задній фасъ онаго, противоположный тому, гдѣ жилъ губернаторъ, составляла превеликая и огромная кирка или нѣмецкая церковь. Какъ въ приходѣ у оной были всѣ лежащіе вокругъ замка кварталы, то и собиралось въ кирку сію въ каждое воскресенье и въ каждый праздничный и торжественный день превеликое множество обоего пола народа, сколько для отправленія

божественной службы, а паиболѣе для слушанія проповѣдей, которыя тутъ, какъ въ главной церкви, сказываемы были всегда хорошія и гораздо лучшія, нежели въ другихъ мѣстахъ; и кирка сія была такъ счастлива, что всегда бывала набита народомъ и не только по утрамъ, но и послѣ обѣда, ибо надобно знать, что у лютеранъ въ праздничные дни бываетъ и послѣ обѣда такая же служба какъ и до обѣда.

Симъ образомъ случилось и въ сей разъ киркѣ сей и вторично уже быть наполненною превеликимъ множествомъ людей обоего пола и состояній различныхъ, ибо было тутъ сколько низкихъ и подлыхъ, а того еще болѣе зажиточныхъ и хорошихъ кёнигсбергскихъ жителей. Къ вящему несчастію, имѣли всѣ они особливую побудительную причину сойтиться въ нее въ сіе послѣобѣденное время. За годъ до того случилось одному изъ ихъ тутошнихъ пасторовъ и любимѣйшему всѣми ими, говоря проповѣдь, завраться и проболтать нѣкоторыя неприличныя слова противъ нашей императрицы. О семъ узнало тотчасъ наше правительство и пасторъ сей терпѣлъ за то превеликое истязаніе и цѣлый годъ находился подъ арестомъ и подъ слѣдствіемъ. Всѣ считали его погибшимъ. Но монархинѣ нашей, по милосердію своему, угодно было вину его простить, и повелѣніе о выпускѣ его изъ-подъ ареста получено было дни за три только до сего времени. И какъ всѣмъ прихожанамъ и всему городу сдѣлалось сіе извѣстнымъ, а равно и то,что онъ въ сей день послѣ обѣда вознамѣрился быть тутъ на катедрѣ и сказывать проповѣдь, то обратился почти весь городъ и собрался для слушанія сей проповѣди; но что-жъ и какое несчастіе случись во время самой оной?

У кёнигсбергскихъ зажиточныхъ жительницъ есть обыкновеніе, въ зимнее холодное время носить съ собою въ церковь особливые мѣдные, и на подобіе плоскихъ ларчиковъ сдѣланные, сосудцы, наполненные жаромъ. Сіи сосудцы или согрѣвальницы, усѣвшись въ своихъ лавкахъ, становятъ онѣ у себя подъ ноги и подъ подолъ: и какъ они и сверху и съ сторонъ дѣлаются скрытыми, то опасности отъ огня быть не можетъ, а тепла производятъ они собою много и согрѣваютъ съ избыткомъ пѣжныхъ прусачекъ. Симъ образомъ было и въ сей разъ множество женщинъ съ таковыми точно мѣдными и прекрасными коробочками, наполненными жаромъ, въ сей киркѣ. Неизвѣстно уже заподлинно, по какому собственно поводу случилось одной изъ сихъ женщинъ, сидѣвшей посреди самой церкви во время продолженія проповѣди, которую слушали всѣ съ великимъ вниманіемъ, обратиться къ сосѣдкѣ своей и, заворошившись, молвить словцо феіеръ, что на нашемъ языкѣ собственно значитъ огонь. Обожглась ли она о свою коробочку, растворилась ли она, и высыпался ли изъ ней жаръ, или такъ хотѣла она сосѣдкѣ сказать, что огонь въ коробочкѣ ея потухъ; всего того заподлинно не извѣстно, да и допытаться того въ точночти послѣ не могли; а довольно только того, что помянутое выговоренное ею словцо услышали многія и другія, и изъ единаго любопытства стали другъ у друга разспрашивать, что-бъ такое сдѣлалось? и повторять словцо сіе въ тихихъ разговорахъ между собою. Какъ произошло отъ того небольшое шушуканье и другъ у друга спрашиваніе, то къ особливому несчастію и разнеслось слово сіе въ единый мигъ по всей церкви и весь народъ началъ твердить феіеръ! феіеръ! Теперь надобно знать, что самымъ симъ словцомъ на нѣмецкомъ языкѣ означаютъ пожаръ, и какъ въ случаѣ и пожара говорится у нѣмцевъ только феіеръ, феіеръ, то незнающіе и невидавшіе помянутаго самаго дѣла и возмечтали себѣ, что всѣми говорено тогда было о сдѣлавшемся въ той церкви пожарѣ. Мысль сія вдругъ поразила весь народъ сперва смущеніемъ, а потомъ неописаннымъ страхомъ и ужасомъ. Всѣ, власно какъ смолвившись, въ одинъ голосъ закричали феіеръ! феіеръ! или пожаръ, пожаръ! и всѣ, повскакавъ съ своихъ лавокъ, побѣ-

жали опрометью къ дверямъ и выходамъ церковнымъ. Сихъ выходовъ было только два, простиравшихся на площадь, внутри замка находящуюся, но оба они были столь просторны и имѣли предъ собою хотя высокіе сходы по ступенямъ, но столь спокойные и широкіе, что безъ всякой нужды и въ самое короткое время можно-бъ было и изъ церкви выттить всѣмъ, если бы сколько-нибудь наблюдать порядокъ и не такъ спѣшить, какъ тогда всѣ, сами не зная для чего и, прямо сказать, безъ ума безъ разума, спѣшили, и самымъ тѣмъ произвели въ обѣихъ дверяхъ и на обоихъ крыльцахъ такую тѣсноту и давку, какой себѣ никакъ вообразить не можно. А какъ отъ нѣкоторыхъ глупцовъ и бездѣльниковъ разнеслась и та еще молва, что подъ церковью всѣ погреба наполнены отъ русскихъ порохомъ и что хотятъ подорвать всю кирку, и съ пасторомъ ихъ на воздухъ; то сколь вранье сіе ни было сумасбродно и ни съ чѣмъ несогласно, однако оно увеличивало даже до того страхъ и ужасъ всѣхъ находившихся въ церкви, что сіи стали уже силою продавливать всѣхъ сквозь двери и чрезъ самое то, поваливъ множество людей, съ крыльца сходящихъ, бросились сами бѣжать вонъ по упавшимъ безъ всякаго разбора и разсмотрѣнія; а другіе, и особливо находящіеся на хорахъ и которымъ нѣсколько лѣстницъ сходить надлежало, такъ перетрусились и перепугались, что, не надѣясь сойтить внизъ по лѣстницамъ и выттить дверьми изъ церкви, спрыгивали съ хоръ внизъ на полъ, а иные, перебивъ окончины въ окнахъ церковныхъ, начали изъ нихъ, несмотря на всю ужасную высоту, внизъ по стѣнамъ, на ближнія кровли и на землю спускаться и отъ поспѣшности упадать, ломая у себя руки и ноги. Словомъ, смятеніе и давка, соединенная съ шумомъ и крикомъ, сдѣлалась неописанная и вопль, произносимый и выбѣгающими и паки въ церковь обратно для спасенія сродниковъ своихъ бѣгущими, сдѣлался столь громокъ, что достигъ до ушей самого генерала нашего, пирующаго съ гостьми своими въ залѣ. И какъ ему на вопросъ, что это такое? донесено было, что весь народъ бѣжитъ что-то въ безпамятствѣ изъ церкви, и въ тотъ же еще мигъ другіе прибѣгшіе доносили, что въ киркѣ сдѣлался пожаръ, то все сіе, а особливо то всѣмъ нашимъ довольно извѣстное обстоятельство, что подъ церковью сею въ погребахъ дѣйствительно установлены были наши патронные и артиллерійскіе ящики и находилось въ погребахъ сихъ множество пороха, такъ какъ въ цейхгаузѣ и въ магазинѣ, такъ смутило и устрашило всѣхъ пировавшихъ, что они всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и опрометью побѣжали внизъ, и чрезъ площадь, къ дверямъ церковнымъ, куда подоспѣла между тѣмъ и вся гаутвахта. Но ни она, ни мы всѣ и ни самый генералъ не могъ ничего сдѣлать съ симъ перепугавшимся и власно какъ съ ума сошедшимъ народомъ. Ничто и никакія увѣренія, что пожара не было и нѣтъ никакого, не помогали нимало и мы принуждены были дать волю странному произшествію сему кончиться само собою и слухи свои обратить къ жалкимъ воплямъ и стенаніямъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣли несчастіе въ сумятицѣ сей претерпѣть какое-нибудь поврежденіе. Многіе, выпрыгивая въ окна, переломали себѣ руки и ноги; другіе претерпѣли превеликіе толчки и давленіе въ тѣснотѣ бывшей; у иныхъ разорвано было платье, иные въ кровь изранены; многіе растеряли свои шляпы, и трости и другія вещи; а иные, попавши подъ ноги бѣгущимъ, были немилосердо изуродованы и такъ издавлены ногами, что лежали почти безъ движенія. А одна молодая дѣвушка была такъ несчастна, что въ тѣснотѣ задавили ее упавшую, и попавшую подъ ноги бѣгущимъ, совершенно до смерти. Сіе несчастіе поразило всѣхъ насъ крайнимъ объ ней сожалѣніемъ. И сожалѣніе сіе увеличилось еще болѣе, когда услышали мы, что она была не кёнигсбергская жительница, а пріѣзжая изъ уѣзда въ гости къ родственникамъ своимъ, и была одна только дочь у отца и матери и не только собою очень

не дурна, но хорошаго воспитанія и добраго поведенія и нрава. Бѣдные родители ея были безутѣшны о ея потерѣ и не только они, но и многіе изъ зрителей не могли удержаться отъ слезъ, когда повезли ее отъ насъ изъ замка.

Симъ окончу я сіе мое уже слишкомъ увеличившееся письмо, и какъ симъ приключеніемъ окончился и 1759 годъ, то въ будущемъ разскажу, что происходило со мною въ послѣдующемъ за симъ годѣ, а между тѣмъ остаюсь вашъ и протчее.

КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 79-е.

Любезный пріятель! Какъ святки, такъ и начало 1760 года, праздновали мы обыкновеннымъ образомъ—многими увеселеніями, и генералъ нашъ, будучи до нихъ охотникъ, а сверхъ того для любовныхъ своихъ интригъ съ графинею Кейзерлингшею имѣя въ томъ и нужду, въ сей разъ не удовольствовался даваніемъ у себя нѣсколько разъ большихъ обѣдовъ, а по вечерамъ баловъ и маскарадовъ, но восхотѣлъ еще въ новый годъ увеселить всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, а вмѣстѣ съ ними и всю кёнигсбергскую публику, иллюминаціею, какъ такимъ всенароднымъ зрѣлищемъ, которое въ нѣмецкихъ городахъ бываетъ очень рѣдко; и потому, хотя вся сія иллюминація ничего почти не значила и была самая маленькая, и иллюминирована была тогда только рѣшетка и ворота двора, передъ замкомъ находившагося; но для пруссаковъ было уже и сіе въ великую диковинку, и народъ, собираясь въ великомъ множествѣ, не могъ ей довольно насмотрѣться и ею довольно налюбоваться.

Впрочемъ, какъ всю ее дѣлали не наши, а тамошніе мастера и жители, то имѣлъ я случай видѣть, какъ дѣлаются иллюминаціи въ земляхъ иностранныхъ и какая превеликая разница находится между ихъ иллюминаціями и нашими. У нихъ совсѣмъ не употребляются ни разными красками раскрашенные фонари, изъ какихъ у насъ составлялись въ тогдашнія времена напрекраснѣйшія иллюминаціи, ни такія глиняныя и саломъ налитыя плошки, изъ какихъ дѣлаютъ у насъ простыя иллюминаціи; но вмѣсто сихъ надѣлано было изъ жести нѣсколько тысячъ маленькихъ ночниковъ или плоскихъ лампадцовъ и всѣ они наливаны были масломъ конопнымъ, и горѣло не сало, а масло. Сими установлены были всѣ каменные столбы рѣшетки, также и сама она по прибитымъ еловымъ брусочкамъ и по укрытіи напередъ всѣхъ столбовъ и рѣшетки еловою хвоею или вѣтвями и на верхушкахъ столбовъ утверждены были хрустальные шары, наполненные разноцвѣтными подкрашенными, водами' и какъ позадь шаровъ сихъ поставлены были также помянутыя жестяныя плошечки, то и казались они какими-то драгоцѣнными круглыми камнями и хотя дѣлали видъ, но очень малый и почти непримѣтный. Самыя же ворота застановлены были прозрачною и по холстинѣ намалеванною картиною, но сработанною столь съ памѣреніемъ симъ не согласно и дурно, что вся она не заслуживала ни малѣйшаго вниманія; и какъ изъ сей картины и помянутыхъ плошекъ и десятковъ двухъ помянутыхъ стеклянныхъ шаровъ состояла и вся иллюминація, то и вся она не составляла дальней важности.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я удовольствіе видѣть одного гишпанскаго знатнаго боярина, проѣзжавшаго чрезъ Кёнигсбергъ полномочнымъ посломъ къ нашему двору. Начитавшись въ книгахъ о гишпанскихъ знатныхъ господахъ, не сомнѣвался я, что найду его и въ натурѣ таковымъ, каковымъ изображало мнѣ его мое умовоображеніе; но какъ удивился я, пришедъ къ нему отъ генерала нашего съ поздравленіемъ и съ поклономъ и нашедъ маленькаго, сухощаваго, ничего незначущаго человѣченца и при томъ еще обритаго всего со лба до затылка чисто на чисто и умывающаго въ самое то время не только лицо, но и всю свою обритую голову превеликимъ шматомъ грецкой губ-

ки. Зрѣлище сіе было для меня такъ ново и такъ поразительно и смѣшно, что я чуть-было не разсмѣялся; но, по счастію, господину маркизу того было не примѣтно, ибо при входѣ моемъ сидѣлъ онъ на стулѣ, держалъ предъ собою превеликій тазъ съ намыленною водою, а каммердинеръ его, ухватя въ обѣ руки помянутый шматъ грецкой губки, теръ ему изо всей силы и лицо и всю голову, а тотъ только что поморщивался. Ну! нечего сказать, подумалъ я самъ въ себѣ тогда, что городъ, то норовъ, и пословица сія справедлива.

Посолъ сей ѣхалъ къ намъ въ Петербургъ отъ новаго гишпанскаго короля съ извѣщеніемъ о вступленіи его на престолъ, и мы приняли и проводили его съ приличною сану его честію.

Между тѣмъ дѣлались у насъ повсюду приуготовленія къ новой съ наступленіемъ весны кампаніи и продолженію войны нашей, которой конецъ былъ никѣмъ непредвидимъ. Всѣ невоюющія державы хотя и прилагали возможнѣйшія старанія о прекращеніи сего военнаго пламени, которое начинало уже всѣмъ наскучивать, и хотя съ стороны Англіи и короля прусскаго уже дѣланы были стороною нѣкоторыя предложенія, что они не отреклись бы вступить въ мирные переговоры, еслибъ непріятели ихъ къ тому согласились, а старикъ, польскій отставной король Станиславъ Лещинскій, уже предлагалъ и мѣсто пребыванія своего городъ Нанси для мирнаго конгресса, и голландцы съ своей стороны предлагали къ тому же городъ Бреду, а другіе предлагали для сего конгреса городъ Лейпцигъ: однако, всѣ переписки, сношенія и переговоры о томъ, продолжавшіеся во всю зиму, были безуспѣшны и въ апрѣлѣ совершенно всѣ пресѣклись, такъ что не осталось ни малѣйшей надежды, чтобы могъ въ сей годъ воспослѣдовать миръ въ Европѣ.

Причиною тому полагаютъ наиболѣе то, что императрицѣ нашей, ненавидѣвшей лично короля прусскаго, хотѣлось удержать за собою захваченную Пруссію, а цесаревѣ хотѣлось неотмѣнно возвратить себѣ назадъ и завоевать всю Шлезію; а для нихъ не соглашались мириться и французы, которые управляемы тогда были любовницею королевскою, маркизою Помпадуршею, и министромъ ихъ Шоазелемъ, кои оба преданы были цесаревѣ.

И какъ у обоихъ нашихъ дворовъ и на умѣ не было въ сей годъ мириться и лишиться потерянныхъ уже толь многихъ тысячъ людей и толь многихъ милліоновъ денегъ безъ всякаго приобрѣтенія и пользы, то и не преминули они въ теченіе зимы сдѣлать всѣ нужныя къ продолженію войны приуготовленія. У насъ учрежденъ былъ новый и многочисленный рекрутскій наборъ, и множество повыхъ и старыхъ солдатъ отправлено было въ Пруссію для укомплектованія полковъ, претерпѣвшихъ уронъ въ послѣднюю кампанію. Прилагаемы были также возможнѣйшія старанія о запасеніи арміи и всего войска довольнымъ количествомъ провіанта и фуража, а артиллерію—амуниціею и всѣми нужными припасами. Фельдмаршалъ Салтыковъ призванъ былъ въ Петербургъ, осыпанъ милостьми и благодѣяніями отъ императрицы. Съ нимъ держаны были совѣты о будущей кампаніи и, по расположеніи съ нимъ всѣхъ нужныхъ мѣръ, отправленъ онъ былъ паки въ армію и съ нимъ многіе генералы: а въ томъ числѣ и вымѣненный изъ прусскаго плѣна генералъ-поручикъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ибо договоръ о размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ заключенъ былъ у насъ съ пруссаками еще осенью въ померанскомъ мѣстечкѣ Бютовѣ.

Всѣ сіи генералы, какъ въ Петербургъ, такъ и обратно въ армію, проѣзжали чрезъ Кёнигсбергъ и для всѣхъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ дѣланы были генераломъ нашимъ пирушки.—Всякаго изъ нихъ старался онъ наивозможнѣйшимъ образомъ угостить и всякаго привлечь къ себѣ въ дружбу, въ чемъ весьма много и успѣвалъ чрезъ сіе средство.

А какія дѣлали приуготовленія мы,—

такія же, или еще множайшія, дѣланы были и отъ цесарцевъ; для сихъ продолженіе войны было еще нужнѣе, нежели для насъ, ибо у сихъ Шлезія ихъ не выходила изъ ума и они собирались воевать за нее до самой крайности.

Что касается до короля прусскаго, которому подобныя сему приуготовленія были еще нужнѣе, нежели намъ, потому что онъ въ минувшую кампанію порастерялся и деньгами и людьми, то ему дѣлать ихъ не таково легко было, какъ намъ. Собственныя земли были его не слишкомъ велики, а притомъ уже отчасти поистощены, а чужихъ, кромѣ Саксоніи, никакихъ въ рукахъ его не находилось; итакъ, принуждена была бѣдная Саксонія за все про все ему отвѣтствовать и снабжать его и людьми, и деньгами, и хлѣбомъ, и всѣми другими потребностьми. И какихъ, и какихъ посягательствъ онъ на сію бѣдную землю въ сей годъ не дѣлалъ! Одинъ городъ Эрфуртъ принужденъ былъ поставить 400 человѣкъ рекрутъ, 500 лошадей и 100 тысячъ талеровъ деньгами, а Наумбургъ заплатить 200, Мерзебургъ 120, Цвикау 80, Хемницъ 215, всѣ города Тюрингскаго округа 1 милліонъ 375 тысячъ талеровъ. Контрибуція одного города Лейпцига простиралась до 1 милліона и до 100 тысячъ талеровъ, а весь Лейпцигскій округъ заплатить 2 милліона деньгами и поставить 10 тысячъ рекрутъ, нѣсколько сотъ тысячъ шефелей хлѣба и многія тысячи лошадей съ великимъ множествомъ рогатаго скота. Сверхъ того, всѣ наилучшіе въ Саксоніи лѣса были срублены, и лѣсъ и дрова богачамъ распроданы или внизъ по Ельбѣ въ Гамбургъ сплавлены, а со всѣхъ арендаторовъ казенныхъ деревень вынуждены оброчныя деньги за цѣлый годъ впередъ.

Сими и подобными сему насильственными средствами накопилъ себѣ король прусскій довольно денегъ. Но не такъ легко можно было ему снабдить себя людьми изъ Саксоніи; сколько ни патаскалъ онъ себѣ рекрутовъ, но количество оныхъ далеко не въ состояніи было замѣнить ему уронъ въ нихъ, въ минувшее лѣто претерпѣнный. Сіе произвело новую вербовальную систему, какой никогда и нигдѣ еще до того времени не бывало. Всѣ плѣнные изъ всѣхъ непріятельскихъ армій дѣланы были насильно прусскими солдатами. Не было спрашивано, хотятъ ли они служить или нѣтъ, но ихъ силою привлекали къ прусскимъ знаменамъ, гдѣ принуждены они были присягать и потомъ противъ своихъ одноземцевъ драться. Вся Германія наполнена была тайными прусскими вербовальщиками. Большая часть изъ нихъ не были совсѣмъ офицеры, но нанятые проходимцы, употребляющіе всевозможныя выдумки и хитрости къ уловленію глупыхъ и неопытныхъ молодыхъ людей въ свои сѣти.

Одинъ прусскій полковникъ, по имени Колиньонъ, человѣкъ самою натурою къ сему дѣлу образованный, былъ ихъ повелителемъ и наставникомъ въ семъ дѣлѣ собственнымъ своимъ примѣромъ. Онъ разъѣзжалъ всюду и всюду въ перемѣнныхъ платьяхъ и разныхъ видахъ и цѣлыми сотнями подговаривалъ людей вступать въ прусскую службу. Онъ не только дѣлалъ обѣщанія и посулы, но раздавалъ даже самые патенты на поручицкіе и на капитанскіе чины въ прусской арміи, и прельщалъ ими многихъ молодыхъ повѣсъ изъ штудентовъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и другихъ тому подобныхъ людей, отдавая всякому на волю избирать пѣхоту ли, или конницу, или легкое гусарское войско. Слава прусскаго войска была такъ велика и молва о получаемыхъ имъ добычахъ такъ прельстительна, что Колиньенова патентная фабрика въ безпрерывной была работѣ. Ему не было нужды ни о транспортѣ, ни о прокормленіи, ни о снабденіи задатками своихъ рекрутъ имѣть попеченіе, но всѣ его рекруты на бо́льшую часть на собственномъ своемъ иждивеніи отправлялись въ Пруссію. Множество негодяевъ сыновей во Франконіи, въ Швабіи и на рѣкѣ Рейнѣ окрадывали своихъ отцевъ и матерей; сидѣльцы и прикащики—своихъ хозяевъ, управители и казначеи свои конторы, для

отыскиванія великодушныхъ прусскихъ офицеровъ, дарящихъ всякаго цѣлыми ротами, какъ калачами. Они поспѣшали всѣ съ офицерскими патентами своими въ Магдебургъ, но тутъ принимаемы они были, какъ простые рекруты и неволею по полкамъ распредѣляемы. Не помогали тутъ никакіе споры и сопротивленія, но палки до тѣхъ поръ на спинахъ работали, покуда оказывалось совершенное послушаніе и во всемъ повиновеніе. Симъ и подобнымъ сему образомъ доставилъ Колиньонъ съ своими помощниками королю въ теченіи войны сей болѣе 60-ти тысячь рекрутъ.

Впрочемъ, планъ военнымъ въ сіе лѣто дѣйствіямъ, учиненный между всѣми союзными державами, имѣлъ наиглавною цѣлію то, чтобъ короля прусскаго принудить опростать, либо отдать Саксонію, либо Шлезію. Нашъ и цесарскій дворъ не скоро на предложеніе сіе согласились, но и мы и цесарцы помышляли болѣе о приватныхъ своихъ выгодахъ. Французамъ хотѣлось, чтобъ мы въ сей годъ осадили городъ Штетинъ въ Помераніи. Салтыкову же хотѣлось войну вести вдоль подлѣ морскихъ береговъ въ Померанiи и онъ настоялъ, чтобъ овладѣть сперва Данцигомъ. Король Августъ просилъ, чтобы свободить какъ можно скорѣе Саксонію изъ рукъ короля прусскаго, австрійцы помышляли только о завоеваніи Шлезіи. Наконецъ, предложенія сихъ послѣднихъ одержали верхъ, и Салтыковъ получилъ повелѣніе итти съ арміею своею въ Шлезію и осадить Бреславль. Сей планъ почитали въ Петербургѣ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ, хотя и былъ тотъ недостатокъ, что армія наша не имѣла при себѣ ни осадной артиллеріи, ни снарядовъ. Но сими хотѣли уже снабдить насъ цесарцы изъ Богеміи.

Симъ образомъ вооружалась и приготовлялась вся Европа къ новымъ въ сей годъ кровопролитіямъ, которыя тотчасъ и начались, какъ скоро весна наступила; но я возвращусь на время къ продолженію собственной своей исторіи.

Между тѣмъ какъ арміи и правительства помянутымъ образомъ приготовлялись къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, мы продолжали жить, по прежнему, въ Кёнигсбергѣ и все праздное время, остающееся отъ дѣлъ, употреблять на увеселенія разнаго рода. Что касается собственно до меня, то мнѣ съ 7-го октября минувшаго года пошелъ уже двадцать второй годъ моей жизни и я началъ уже мыслить постепеннѣе прежняго. Характеръ и склонности мои часъ-отъ-часу развертывались и означались болѣе. Охота моя къ литературѣ и ко всѣмъ ученымъ упражненіямъ не только не уменьшалась, но со всякимъ днемъ увеличилась болѣе. И можно было уже ясно видѣть, что я рожденъ былъ не для войны, а для наукъ, и что натура одарила меня въ особливости склонностью къ онымъ, и самая отмѣнная склонность сія причиною тому была, что я далеко не употреблялъ всего своего празднаго времени на однѣ только увеселенія и забавы, но употреблялъ бо́льшую часть онаго себѣ гораздо въ лучшую пользу. Я препровождалъ оное отчасти, по прежнему, въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ, отчасти въ переводахъ и переписываніи оныхъ на-бѣло, а отчасти занимался красками и рисованьемъ. Однако въ семъ послѣднемъ упражнялся я только временно, кой-когда и на досугѣ и понемногу, также и перевелъ только небольшой нѣмецкій романъ подъ названіемъ: «Приключенія милорда Кингстона», и переписалъ переводъ сей набѣло, хотя и сей былъ еще весьма плоховатъ и того ни мало не стоилъ; а величайшее мое занятіе было чтеніе: въ ономъ углублялся я отчасу болѣе и всегда находили меня окладеннаго множествомъ книгъ, не только дома, но и въ самой канцеляріи. Но читалъ я и въ сей годъ, какъ выше упомянуто, не одни уже романы и сказочки по прежнему, но, мало-по-малу, сталъ уже привыкать и къ нравоучительнымъ и степеннымъ книгамъ. И какъ, по особливому счастію, сіи мнѣ съ самаго начала не только не наскучили, но отмѣнно полюбились, то съ сей стороны можно сей

годъ почесть уже весьма достопамятнымъ въ моей жизни; ибо съ начала онаго началъ я самъ себя образовать, обдѣлывать свой разумъ, исправлять сердце и дѣлаться человѣкомъ.

Ко всему тому очень много помогло мнѣ то, что попались мнѣ въ руки хорошія нравоучительныя сочиненія и, между прочими, нравоучительныя разсужденія господина Гольберга. Сему славному датскому барону и сочинителю я очень много въ жизнь свою обязанъ. Онъ почти первый сочиненіями своими вперилъ въ меня охоту къ нравоученію и прилѣпилъ меня такъ сильно къ оному, что мнѣ захотѣлось уже и самому, по примѣру его, сдѣлаться нравоучителемъ. За сіе и понынѣ имѣю я къ сему давно уже умершему мужу особливое почтеніе и съ особливыми чувствіями смотрю на его портретъ, въ одной книгѣ у себя найденный.

Не мало же обязанъ я въ жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду. Сей начальными своими основаніями философіи не только спознакомилъ меня вскользь и со всѣми высшими философическими науками, но и вперилъ первый охоту къ симъ высокимъ знаніямъ и проложилъ помянутыми книгами своими мнѣ путь къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ сей ученой части. Многія и разныя ежепедѣльныя сочиненія, издаванныя въ Германіи въ разныя времена и въ городахъ разныхъ, попавшись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ нравоученію, но спознакомили меня и съ эстетикою, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ и умъ мой и сердце. Я не только всѣ сіи журналы съ особливымъ усердіемъ и удовольствіемъ читалъ, но многія пьесы изъ нихъ, которыя мнѣ наиболѣе нравились, даже испытывалъ переводить на нашъ языкъ и въ трудѣ семъ съ особливымъ удовольствіемъ упражнялся. И сочиненія сего рода мнѣ столь много полюбились, что нѣкогда и самого меня предпринять нѣчто подобное тому и произвесть дѣло, которое едвали кому-нибудь въ свѣтѣ произвесть съ толикимъ успѣхомъ довелось какъ мнѣ, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

Но никому изъ всѣхъ нѣмецкихъ сочинителей не обязанъ я такъ много въ жизнь мою, какъ господину Зульцеру; онъ, такъ какъ я уже и прежде упоминалъ, обѣими маленькими и свѣту довольно извѣстными книжками о красотѣ натуры спознакомилъ меня первый съ устроеніемъ міра, влилъ въ меня охоту къ физическимъ знаніямъ и научилъ узнавать, примѣчать и любоваться красотами и прелестьми натуры и чрезъ самое то доставилъ мнѣ въ послѣдующіе потомъ дни, годы и времена безчисленное множество веселыхъ и драгоцѣнныхъ минутъ въ жизни, каковыми и понынѣ, и даже въ самой своей старости, пользуюсь.

Со всѣми сими и многими другими полезными книгами и лучшими нѣмецкими сочиненіями спознакомила меня отчасти помянутая библіотека, доставлявшая мнѣ книги для чтенія, отчасти товарищи мои, нѣмецкіе канцеляристы, а отчасти и книжные аукціоны. На сіи продолжалъ я съ такою ревностію ходить, что не пропускалъ изъ нихъ ни единаго и не возвращался никогда на квартиру, не принося съ собою по нѣскольку книгъ, купленныхъ на оныхъ. Отъ сего самаго начала уже около сего времени формироваться у меня порядочная библіотека и было у меня книгъ уже подъ сотенку и болѣе; но всѣ онѣ стоили мнѣ очень недорогова. Однако, нельзя сказать, чтобъ и не покупалъ я кое-когда и новыхъ. Всякій разъ, когда ни случалось мнѣ узнать какую-нибудь новую и полезную для себя книжку, какъ бѣгпвалъ я въ книжную лавку, и купивъ отсылалъ къ моему переплетчику и работникъ его нерѣдко приношивалъ ко мнѣ цѣлыя кипы книгъ, вновь переплетенныхъ.

Впрочемъ, побуждало меня много къ множайшему занимапію себя книгами и науками и знакомство, сведенное съ присланными къ намъ изъ Москвы студентами; всѣ они были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ

склонные молодые люди; и какъ они штудировали и учились у разныхъ профессоровъ и къ намъ не рѣдко хаживали въ канцелярію, то и былъ мнѣ случай всегда съ ними объ ученыхъ дѣлахъ говорить и какъ имъ сообщать свои знанія, такъ и отъ нихъ пользоваться взаимными, и я могу сказать, что я въ образованіи своемъ весьма много и имъ обязанъ.

Между сими учеными упражненіями, занимавшими, можно сказать, величайшую часть моего времени, не оставлялъ я иногда жертвовать нѣкоторою частію онаго и другимъ увеселеніямъ и забавамъ, однако не такимъ, какими занимались множайшіе изъ сверстниковъ моихъ, другіе офицеры, но благороднымъ и позволительнымъ. Въ зимнее и осеннее время захаживалъ я на какіе-нибудь четверть или полчаса въ трактиръ, но не для мотовства и безчинія какого, а единственно для того, чтобъ велѣть напоить себя кофеемъ или чаемъ, а между тѣмъ философическимъ окомъ посмотрѣть на людей разнаго состоянія, въ нихъ находящихся, и въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ время свое провождающихъ. Иногда читывалъ я тамъ новѣйшія и разныя иностранныя газеты, а иногда съ товарищами своими, нѣмцами, садились за особый столикъ, составляли свой собственный и неубыточный ломберокъ и играя не для прибытка, а для увеселенія единаго. Временемъ же бралъ и кій и сыгрывалъ партію-другую съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ своихъ въ биліаръ и также не для выигрыша какого, а для единаго увеселенія. Однако, все сіе случалось не всякій день, но очень рѣдко.

Напротивъ того, въ лѣтнее время уже гораздо чаще хаживалъ я по публичнымъ садамъ, а особливо въ праздничные и воскресные дни послѣ обѣда, и въ нихъ въ сообществѣ не нашихъ, а смирныхъ и кроткихъ кёнигсбергскихъ жителей, препровождалъ всегда съ особливымъ удовольствіемъ время. Чашка чаю или кофея и трубка табаку составляли все мое мотовство въ оныхъ; что очень рѣдко бралъ я соучастіе и въ самой неубыточной игрѣ въ кегли.

Иногда же, хотя сіе и рѣдко случалось, выѣзжали мы, сговорясь съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ, и за городъ или хаживали пѣшкомъ по нѣсколько верстъ за ворота городскія. Наилучшія таковыя прогулки бывали у насъ въ сторону къ Пилавѣ и внизъ по рѣкѣ Прегелю, по берегу оной. Дорога была тутъ широкая, гладкая, возвышенная, осажденная съ обѣихъ сторонъ ветлами и имѣющая по одну сторону рѣку Прегель, текущую почти совсѣмъ прямо и покрытую всегда множествомъ судовъ, а по другую сторону— низкіе и ровные луга, пресѣченные также кой-гдѣ длинными рядами насажденныхъ лозъ. Плывущія по рѣкѣ малыя и большія суда, бѣлые, распростертые ихъ паруса, разноцвѣтные флаги или шумъ отъ веслъ, плывущихъ на греблѣ, а съ другой стороны безчисленное множество всякаго скота, стрегомаго на лугахъ въ отдаленіи; самый городъ, сидящій отчасти на горѣ, отчасти на косогорѣ; многочисленныя его красныя черепичныя, а индѣ зеленыя и отъ солнца иногда какъ жаръ горящія кровли домовъ высокихъ; королевскій замокъ, возвышающійся выше всѣхъ зданій на горѣ и четвероугольною и высокою башнею своею особливый и нѣкакой важный видъ представляющій; высокія и остроконечныя колокольни церквей, видимыхъ въ разныхъ мѣстахъ между безчисленными домами; зеленые валы крѣпости Фридрихсбергской, по лѣвую сторону рѣки и при выходѣ изъ города находящейся; цѣлый лѣсъ изъ мачтъ многихъ судовъ, украшенныхъ флюгерами и вымпелами разноцвѣтными; многія огромныя и превысокія вѣтряныя мельницы, подлѣ вала въ городѣ и на горѣ воздвигнутыя; все— все сіе представляло глазамъ въ семъ мѣстѣ пріятное зрѣлище, а особливо по отшествіи по сей дорогѣ версты двѣ или три; вся она въ праздничные и воскресные дни испещрена бывала множествомъ гуляющихъ людей обоего пола. Во многихъ мѣстахъ подѣланы были скамейки для отдохновенія онымъ, а въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ находились небольшіе домики, составляющіе нѣкоторый родъ трактировъ, ибо гуляющимъ можно было въ нихъ заѣзжать, заходить и въ нихъ доставать себѣ купить: молоко, яйца, масло, колбасы, сыры и прочее тому подобное; а для питья: пиво, вино, а въ иныхъ самый чай и кофей, и всѣ такіе домики всегда нахаживалъ я наполненные многими людьми, но нигдѣ и никогда не видалъ я какого-нибудь безчинія и шума, а все было тихо, кротко и хорошо, такъ что мило было смотрѣть и можно было всегда съ пріятностію провождать свое время.

Упоминаніе о сей прогулкѣ приводитъ мнѣ на память и ѣзду мою въ сіе лѣто гулять въ сіи мѣста на шлюпкѣ. Подговорили меня къ сему наши канцелярскіе секретари и сотоварищи, а ихъ взялся симъ образомъ по рѣкѣ покатать одинъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Я тѣмъ охотнѣе на уговариванье ихъ вмѣстѣ съ ними ѣхать согласился, что давно уже не ѣзжалъ по водѣ, а на шлюпкахъ и никогда еще не случалось мнѣ кататься. Но, о! какъ досадовалъ я самъ на себя послѣ, что далъ себя уговорить — ѣхать съ ними вмѣстѣ. Никогда не позабуду я сей прогулки и того, какъ много настрадался я во время оной. Уже одно и то заставливало меня раскаяваться, когда я, пріѣхавъ съ ними въ одинъ и самый отдаленнѣйшій изъ помянутыхъ домиковъ, увидѣлъ, что главное намѣреніе ихъ было то, чтобъ тутъ, на свободѣ, по нарѣчію ихъ говоря, погулять, а попросту сказать — попьянствовать и побуянствовать по русскому манеру.

Покуда мы плыли внизъ по рѣкѣ и не столько гребли, сколько несомы были внизъ стремленіемъ рѣки, до тѣхъ (поръ) все еще я веселился и скоростію плаванія, и встрѣчающимися съ глазами моими разными и невиданными еще до того предметами, ибо я такъ далеко никогда за городъ не ѣзжалъ. Но не успѣли мы доѣхать до помянутаго домика и войтить въ оный, какъ потащили въ него изъ нашего суденышка цѣлыя дюжины бутылокъ разныхъ винъ и напитковъ. «Э! э! э! возопилъ я тогда самъ въ себѣ, сіе увидѣвъ:— такъ за тѣмъ-то мы сюда ѣхали; но, волёнъ Богъ, и они мнѣ, а я имъ не товарищъ и пить съ ними никакъ не стану». Я и сдержалъ дѣйствительно сіе слово, ибо сколько они меня ни уговаривали, сколько ни убѣждали и какъ ни старались даже приневоливать, но я никакъ не согласился на ихъ просьбы и желанія, и не хотѣлъ никакъ также изъ ума почти выпиться, какъ они. Но сколь же многаго мнѣ все сіе стоило! всѣ они даже разсердились на меня за то, но я всего менѣе уважалъ ихъ гнѣвъ и сердце, а желалъ только, чтобъ скорѣе приблизился вечеръ и погналъ ихъ обратно въ городъ. Наконецъ сей и началъ приближаться. Но они такъ распились, что сколько я имъ ни предлагалъ, что пора домой ѣхать, но они и не помышляли о томъ, ибо бутылки не всѣ еще были опорожнены. Наконецъ насилу-насилу осушили они всѣ оныя и рѣшились ѣхать обратно; но тутъ, какъ поразился я страхомъ и ужасомъ, когда увидѣлъ рѣку, вмѣсто прежней гладкости и тишины, всю покрытую страшными волнами. Ибо, между тѣмъ, покуда они помянутымъ образомъ пили, погода перемѣнилась и поднялся превеликій вѣтръ снизу и произвелъ въ рѣкѣ превеликое волненіе; я, имѣя издавна отвращеніе отъ воды и боясь всегда по оной ѣздить, обмеръ тогда, испужался и не зналъ, какъ мы по такимъ страшнымъ волнамъ поѣдемъ. Ежелибъ были мы не такъ далеко отъ города и было не такъ поздно, то рѣшился-бъ я тотчасъ, оставивъ ихъ, иттить пѣшкомъ до города; но какъ мы удалены были отъ онаго болѣе десяти верстъ и притомъ наступилъ уже вечеръ и никакого народа по дорогѣ уже не было, то о томъ и помыслить было не можно, но я принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними опять, но съ замирающимъ уже сердцемъ, садиться въ шлюпку. Что касается до нихъ, то какъ имъ пьянымъ казалось самое море по-колѣно, то вмѣсто страха и боязни они только смѣялись мнѣ и называли меня трусомъ. Я имъ далъ уже волю говорить, что хотятъ,

а помышлялъ только объ опасности и молилъ Бога о томъ, чтобъ намъ доѣхать благополучно.

Но сколь опасность ни казалась мнѣ велика, но я и въ половину таковою ее себѣ не воображалъ, каковою послѣ я ее увидѣлъ, ибо не успѣли мы отвалить отъ берега и выбраться на средину рѣки, какъ опьянѣвшій нашъ первый секретарь, какъ главная всей прогулки особа, самъ себя почти не помня, морскому офицеру закричалъ: «братъ и другъ! вели-ка поднять парусъ и пустимся на немъ; видишь, братъ, какой прекрасный вѣтеръ, мы тотчасъ приѣдемъ».— «Хорошо!» сказалъ офицеръ сквозь зубы и замолчалъ послѣ, но матросъ, правившій рулемъ, подхватилъ: «Не опасно ли, сударь, будетъ и чтобъ не опрокинуться намъ, вѣтеръ слишкомъ великъ!» «Вотъ какой вздоръ! закричалъ нашъ Чонжинъ:—поднимайка парусъ-отъ скорѣе!» Я обмеръ, испужался, сіе услышавъ отъ матроса, и ужасъ мой еще больше увеличился, когда и самъ офицеръ нехотя сталъ приказывать поднимать парусъ.

Но какъ изобразить мнѣ тотъ ужасъ, которымъ поразился я, когда по поднятіи паруса всѣ пересѣли на одну сторону и шлюпку повалили совсѣмъ на бокъ и кричали, чтобъ пересаживался и я скорѣе также какъ они. Мнѣ сего обыкновенія вовсе было неизвѣстно и какъ я на шлюпкахъ никогда на парусахъ не ѣзживалъ, да и не видывалъ какъ ѣздятъ, то и не вѣдалъ я, что такъ и надобно; а потому обмеръ испужался, увидѣвъ одинъ бортъ или край шлюпки почти до самой воды прикоснувшимся и загребающимъ почти воду. Я, позабывъ все, кричалъ, вопѣлъ, почиталъ себя уже погибшимъ карабкался и хватался за сопротивный бортъ и почитая всякую минуту уже послѣднею въ моей жизни, призывалъ святыхъ на помощь; просилъ и умолялъ всѣхъ товарищей моихъ, чтобъ они сдѣлали милость и выпустили меня на берегъ; и я хотѣлъ уже, несмотря ни на что, иттить хотя всю ночь одинъ пѣшкомъ, но все сіе было тщетно. Они всѣ только смѣялись и хохотали надо мною, называли меня трусомъ и малодушнымъ и говоря, что мнѣ это за то, для чего я упрямствую и не хотѣлъ никакъ ихъ просьбъ и уговариваніевъ слушать и въ питьѣ ихъ дѣлать имъ компанію.

Тысячу разъ проклиналъ я тогда и шлюпку, и офицера, и всю свою охоту и желаніе покататься на шлюпкѣ, и тысячу разъ раскаявался въ томъ, что не остался на берегѣ и не пошелъ пѣшкомъ въ городъ; но все сіе было уже поздно. Но я болѣе получаса препроводилъ въ неизобразимомъ страхѣ и ужасѣ; и не знаю, что́ со мною-бъ было, еслибъ сама судьба не похотѣла меня отъ того избавить, ибо придп такъ-называемый шквалъ или родъ вихря и погнуло такъ сильно нашу шлюпку, что она дѣйствительно чуть-было въ волнахъ не зарылась и не опрокинулась со всѣми нами, и еслибъ искусство и расторопность кормчаго не помогла, то купаться бы намъ всѣмъ и погибать въ рѣкѣ Прегелѣ. Сами господа наши пьяные рыцари, какъ ни храбровали до того времени, но какъ бортомъ захватило уже и воды нѣсколько въ нашу шлюпку и она насъ всѣхъ перемочила, то сскочилъ и хмѣль съ нихъ долой и они закричали всѣ въ одинъ голосъ, чтобъ опускали скорѣе парусъ и принимались бы по прежнему за весла и не отреклись вмѣстѣ съ прочими выливать воду изъ шлюпки шляпами и чѣмъ ни попало; а сіе и положило всему страху и опасенію моему предѣлъ, ибо погода какъ была ни велика, но мы на веслахъ доѣхали до города благополучно. Совсѣмъ тѣмъ, выходя изъ шлюпки заклиналъ я самъ себя впредь, чтобъ никогда и ни подъ какимъ видомъ на ней подобнымъ образомъ не ѣздить.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе, а симъ кончу я и письмо мое, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму послѣдующему, а между тѣмъ остаюсь и прочее.

Письмо 80-е.

Любезный пріятель! Напоминая да-

лѣе прочее, что у насъ въ теченіе сего года въ Кёнигсбергѣ происходило, приходитъ мнѣ на память между прочимъ то, что генералу нашему скучилось жить въ старинныхъ, скучныхъ и темныхъ герцогскихъ комнатахъ, которыя, будучи во второмъ этажѣ замка, имѣли очень немногія, а притомъ и маленькія окны, отчего, а особливо въ разсужденіи просторности и величины своей, были очень темны; и какъ сверхъ сего этажа было еще два, и одинъ самый лучшій, или бель-этажъ, а и другой мизенинной, но довольно высокій, но оба сіи этажа. не были еще отдѣланы, то генералу нашему восхотѣлось помянутый бель-этажъ отдѣлать для своего жительства, и испросилъ на то дозволеніе у императрицы. Поправленія и отдѣлка сія стопла намъ не одну тысячу, ибо генералъ отдѣлывалъ покои сіи съ пышной руки и не жалѣя нимало денегъ; наилучшіе лѣпные мастера и живописцы альфреско употреблены были для убиранія и расписыванія комнатъ, и одна галерея стоила, я думаю, тысячъ двухъ, а о прочихъ и многочисленныхъ, жилыхъ и парадныхъ комнатахъ уже и упоминать нечего. Изъ сихъ убрана и украшена была одна другой лучше и весь сей этажъ отдѣланъ былъ такъ хорошо, что ежелибъ пріѣхала къ намъ и сама императрица, такъ бы могла найтить въ немъ себѣ спокойную квартиру.

Работа сія началась у насъ еще въ минувшемъ году и продолжалась болѣе года, и генералъ насилу могъ дождаться отдѣлки онаго, такъ наскучили ему его темныя комнаты, нимало несообразныя съ его пышнымъ родомъ жизни. И какъ въ началѣ сего лѣта отдѣлка сія приведена къ окончанію, то генералъ нашъ тотчасъ и перешелъ въ оный, и тутъ-то прямо, какъ говорится въ пословицѣ, развернулся и показалъ, какъ онъ и умѣетъ и любитъ жить. Балы, маскарады и танцы происходили у насъ и до того не рѣдко, а тутъ, когда уже было гдѣ потанцовать и поразгуляться, количество ихъ уже усугубилось и танцованіе мнѣ уже такъ наскучило, что иногда нарочно уже сказывался больнымъ, чтобы не иттить на балъ и не истощать сплы свои до изнуренія въ танцахъ и прыганьѣ.

Сіе и дѣйствительно было и болѣе отъ того, что дамъ и дѣвицъ съѣзжалось къ намъ всякій разъ превеликое множество и всѣ онѣ были ужасныя охотницы танцовать, а мужчинъ, а особливо молодыхъ и могущихъ танцовать, какъ говорится, во вся тяжкая, очень мало; а какъ я находился уже тогда въ немногомъ числѣ первѣйшихъ и лучшихъ танцовщиковъ, то судите, каково было намъ безъ отдыха по нѣскольку часовъ пропрыгивать и кругомъ вертѣться, танцуя разные контратанцы, изъ которыхъ и одинъ всегда кроваваго пота стоилъ протанцовать; ибо мы ихъ тутъ въ новой и пространной галлереѣ танцовали не менѣе, какъ паръ въ тридцать; а другая и такая-жъ или еще множайшая половина молодыхъ госпожъ и дѣвицъ, поджавъ руки, стояла и съ нетерпѣливостью дожидалась окончанія того, дабы начать имъ самимъ другой контратанецъ, и жадность ихъ къ тому и въ пріисканіи себѣ кавалеровъ была такъ велика, что не мы ихъ, а онѣ сами уже насъ отыскивали и не поднимали, а просьбою прашивали, чтобъ съ ними потанцовать, и спѣшили всякій разъ другъ предъ другомъ захватить себѣ лучшаго танцовщика; такъ что въ половинѣ еще танцуемаго контратанца уже къ намъ сзади подхаживали и обѣщанія рукъ нашихъ себѣ прашивали..

Сперва, и покуда было намъ сіе въ диковинку, ставили мы себѣ то въ особенную честь; но послѣ, когда длина контратанцевъ, а особливо самыхъ бѣшеныхъ и рѣзвыхъ, такъ намъ надоѣла, что ждешь не дождешься покуда и одинъ окончится, ибо и отъ одного рубаха совсѣмъ мокра отъ пота дѣлалась, то начали мы прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ, и, отдѣлавшись отъ всѣхъ подбѣгающихъ сзади и требующихъ обѣщанія танцовать, увѣреніемъ, что мы уже заняты и дали уже слово

свое другимъ, хотя ничего того не бывало, тотчасъ по окончаніи танца уходили въ самые отдаленнѣйшіе и такіе покои, гдѣ никого не было и тамъ брали себѣ сколько-нибудь отдохновеніе. Но нерѣдко отыскивали насъ и тамъ госпожи и мы не знали уже куда отъ нихъ, пищущихъ насъ шайками и короводами, дѣваться.

Словомъ, годъ сей былъ для насъ наивеселѣйшій и великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ. Генералъ нашъ жилъ такъ, какъ маленькому царику или какому владѣтельному и богатому князю жить слѣдовало, и прямо можно сказать пышною и богатою рукою. Какіе это пиры и многочисленные обѣды и ужины давалъ онъ во всѣ, и даже самомалѣйшіе, праздничные и торжественные дни, но и при случаѣ проѣздовъ всѣхъ знаменитыхъ особъ чрезъ нашъ городъ! какое и всякій разъ новое великолѣпіе и пышность являема была на столахъ! какая пышность въ балахъ и въ маскарадахъ! Со всѣхъ сторонъ выписываемы были и съѣзжались къ намъ наилучшіе музыканты и для всякаго почти бала привозимы были новыя музыкаліи и танцы. Коротко, все новое и лучшее надлежало видимо и слышано быть у насъ и можно безошибочно сказать, что жители прусскіе не видывали, съ самаго начала своего королевства, никогда такихъ еще въ столичномъ городѣ своемъ пышностей, забавъ и увеселеній, какія тогда видѣли и врядъ ли когда-нибудь и впредь увидятъ. Ибо и самые прусскіе короли едва ли могутъ когда-нибудь такъ весело, пышно и великолѣпно жить, какъ жилъ тогда нашъ Корфъ. У него прямо былъ какъ маленькій дворикъ, почему и неудивительно, что слухъ и слава о семъ такъ разнеслась повсюду, что со всѣхъ сторонъ съѣзжалось къ намъ не только прусское, но даже и сосѣдственное польское дворянство, дабы брать въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и чтобъ себя намъ показать и насъ посмотрѣть, и мы всякій разъ имѣли удовольствіе видѣть новыя лица и фигуры.

Къ симъ увеселеніямъ, кромѣ обыкновенныхъ празднествъ и торжествъ, подала намъ въ сей годъ поводъ и свадьба, съигранная нашимъ генераломъ у себя въ домѣ. Одинъ изъ нашихъ совѣтниковъ, а именно господинъ Бауманъ, вздумалъ жениться на одной прусской дворянской дѣвушкѣ; и какъ онъ жилъ въ домѣ генерала и на его былъ содержаніи, то генералъ и помогъ ему съиграть сію свадьбу. Она была великолѣпнѣйшая и такъ, какъ бы какая княжеская, и мнѣ нѣсколько дней сряду удалось потанцовать на оной, а притомъ имѣть случай видѣть, какъ производится у нѣмцевъ вѣнчаніе въ домахъ. У насъ производимо оно было въ большой галлереѣ, и мы съ удовольствіемъ на сіе зрѣлище смотрѣли, хотя въ самомъ дѣлѣ обрядъ сей у нихъ далеко не такъ зрѣнія достоинъ, какъ при нашихъ свадьбахъ.

Кромѣ сего имѣли мы еще въ теченіе сего лѣта случай видѣть довольно прекрасный и не малой цѣны стоющій феїерверкъ. Ибо какъ сего одного къ увеселеніямъ нашимъ недоставало, то хотѣлось генералу нашему и симъ, никогда еще невиданнымъ, зрѣлищемъ пруссаковъ и всю кёнигсбергскую публику увеселить.

Сдѣлалъ и смастерилъ намъ его прежде упоминаемый мною, жившій у генерала итальянецъ Морнини, и какъ былъ онъ не малый и составленъ изъ огромнаго фитильнаго и изъ свѣчекъ сдѣланнаго щита, и изъ множества колесъ, фонтановъ, ракетъ, бураковъ и другихъ тому подобныхъ вещей, то работалъ онъ его долго, и мнѣ случилось тутъ еще впервые видѣть, какъ они дѣлаются. Сограждение для него выбрано было у насъ на берегу рѣки Прегеля, неподалеку отъ прежней моей квартиры и мы сожгли его на Петровъ день, при собраніи безчисленнаго множества народа; и удовольствіе, произведенное зрѣлищемъ симъ всѣмъ кёнигсбергскимъ жителямъ было превеликое, всѣ они не могли довольно расхвалить его за сіе.

Сей случай сопровождаемъ былъ также большимъ баломъ и торжествомъ, а вско-

рѣ за симъ получили мы опять случай нѣсколько дней сряду прыгать и вертѣться по случаю проѣзда чрезъ Кёнигсбергъ старшаго графа Чернышова, Петра Григорьевича. Онъ отправленъ былъ отъ двора нашего въ Гишпанію посломъ, для поздравленія новаго короля со вступленіемъ на престолъ, и какъ ему велѣно было на долго тамъ остаться, то и ѣхалъ онъ туда съ женою и обѣими дочерьми, дѣвушками уже невѣстами. Они пробыли у насъ въ Кёнигсбергѣ съ недѣлю и какъ стояли они въ замкѣ у нашего генерала, то сей и старался ихъ угостить какъ можно лучше и выдумывалъ всякій день новыя увеселенія. Обѣ молодыя графини были превеликія танцовщицы, играли также на разныхъ инструментахъ, навезли намъ множество новыхъ танцевъ и намъ удалось и съ ними потанцовать до усталости.

Съ отъѣздомъ ихъ лишились мы одного изъ нашихъ друзей и собесѣдниковъ, а именно вышеупомянутаго итальянца Морнини. Графу Чернышову нуженъ былъ, при его посольствѣ, человѣкъ таковыхъ способностей, каковъ былъ сей итальянецъ. Онъ уговорилъ его ѣхать въ Гишпанію съ собою и надавалъ ему столько обѣщаній, что сей къ тому наконецъ и склонился. Генералу нашему весьма не хотѣлось его отпустить, а и мы всѣ разставались съ нимъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, въ особливости жаль было мнѣ его. Онъ такъ меня любилъ и я такъ къ нему привыкъ и дружбою и ласкою его былъ доволенъ, что проводилъ его утирая пальцами глаза свои, и не надѣялся болѣе уже никогда его видѣть, какъ и дѣйствительно съ того времени не имѣлъ уже объ немъ ни малѣйшаго слуха.

Но не одного его, а лишились мы въ сіе лѣто и другого своего собесѣдника. Не захотѣлось болѣе жить при генералѣ нашемъ и адъютанту его господину Андрееву; но отецъ его, видя, что ему тутъ ничего не выслужить, пріискалъ ему въ Петербургѣ другое, и гораздо лучшее мѣсто, и генералъ нашъ принужденъ былъ хотя нехотя его отъ себя отпустить и мы проводили его также съ сожалѣніемъ.

Какъ чрезъ отъѣздъ его генералъ нашъ остался безъ адъютанта, то дѣлано было мнѣ стороною предложеніе, не хочу ли я заступить его мѣсто; но я, не долго думая, на отрѣзъ отказался, ибо какъ я при таковой перемѣнѣ званія моего ничего не выигрывалъ, а оставался тѣмъ же подпоручикомъ, чѣмъ былъ, то не хотѣлось мнѣ самопроизвольно и безъ всякой себѣ пользы наложить на себя весьма тяжкія оковы, и не только убытчиться и разориться, дѣлая для себя и лучшее платье и наряды, но и быть ежедневно бранену отъ нашего бѣшенаго генерала. «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! сказалъ я прямо то мнѣ предлагавшимъ. Я благодарю покорно за честь, мнѣ предлагаемую, но уступаю ее всѣмъ сердцемъ и душею другимъ, а самъ хочу остаться въ прежнемъ своемъ армейскомъ чинѣ и мѣстѣ, адъютантскую же должность, буде угодно генералу, могу отправлять и не будучи адъютантомъ».

Но онъ, ожидая уже такого отъ меня отказа, не хотѣлъ отягощать меня и несеніемъ сей должности, а истребовалъ себѣ другого, и къ нему присланъ былъ нѣкто господинъ Балабинъ, по имени Иванъ Тимоѳеевичъ, человѣкъ хотя низкаго происхожденія, но весьма хорошихъ свойствъ и такого характера, что мы его всѣ очень скоро и много полюбили. Въ особливости же, и всѣхъ прочихъ скорѣе, сладилъ я съ нимъ и сдружился, такъ, что мы навсегда сдѣлались хорошими друзьями. Онъ не разумѣлъ хотя языковъ, но охотникъ былъ до чтенія книгъ и читалъ отмѣнно хорошо, и сего было довольно уже къ тому, чтобъ ему меня, а мнѣ его полюбить. Впрочемъ, какъ онъ способнѣе былъ отправлять по канцеляріи письменныя дѣла, нежели чины строить при генералѣ, то и посаженъ онъ былъ къ намъ въ канцелярію, и сидѣлъ отъ меня шага только на два за дощатою перегородкою, а сіе и подало намъ поводъ къ скорѣйшему сведенію знакомства и дружбы.

Впрочемъ, въ мѣсяцѣ іюлѣ сего года, обрадованъ я былъ присылкою ко мнѣ

изъ деревни нарочнаго человѣка съ письмами и деньгами. Отъ меня давно уже писано было туда, чтобъ присылали ко мнѣ доходы и я съ самаго вступленія въ Пруссію не получалъ оттуда ничего; а потому и присланы они были ко мнѣ въ сіе время. Но, о! какое огромное количество получилъ я тогда съ деревень своихъ доходовъ! Они были хотя тѣже или еще множайшія передъ нынѣшними, но вмѣсто нынѣшнихъ тысячъ привезли ко мнѣ тогда не болѣе двухъ сотъ рублей изъ собранныхъ въ цѣлые два года доходовъ: видно, что была въ нихъ хорошая экономія. Но правду сказать, что и времена тогдашнія весьма отмѣнны были отъ нынѣшнихъ и мы не получали тогда съ деревень своихъ и пятой доли доходовъ противъ нынѣшнихъ, слѣдовательно многаго и требовать было не можно.

Но какъ бы то ни было, но и сіи деньги, по неимѣнію тогда еще ассигнацій, доставить ко мнѣ было трудно и крестьянинъ мой, боясь, чтобъ дорогою у него ихъ не отняли и не украли, спряталъ оныя въ выдолбленную заднюю ось своей телеги, и самъ принялъ на себя почти нищенскій образъ.

Помянутая привезенная тогда ко мнѣ сумма какъ была ни мала, но для меня составляла тогда довольную важность, ибо денегъ было у меня и тамъ немного. Жалованье получалъ я самое маленькое, подпоручичье, а побочныхъ доходовъ не имѣлъ никакихъ, или имѣлъ, но очень малые и ничего незначущіе. Съ однихъ только прусскихъ фурманщиковъ, возившихъ на фурахъ своихъ разныхъ людей и товары изъ Кёнигсберга въ Мемель, въ Эльбингъ и въ Данцигъ дозволено было мнѣ изъ-подъ руки отъ самого генерала брать по бездѣлкѣ за переводъ паспортовъ. Паспорты сіи получали они нѣмецкіе, печатные, за генеральскою рукою и печатью и выписываемы въ нихъ были имена ихъ товарищами моими нѣмецкими канцеляристами. Но какъ фурманщикамъ симъ нуженъ былъ для нашихъ русскихъ и переводъ сихъ паспортовъ на оборотѣ, я же сіе, какъ совсѣмъ не казенное, а партикулярное дѣло, не обязанъ былъ производить и надъ переводомъ симъ трудиться, то и дозволено было и мнѣ и товарищамъ моимъ получать отъ фурманщиковъ сихъ небольшую аксиденцію, которую они для скорѣйшаго ихъ отправленія намъ охотно и давали.

Но всего того и вмѣстѣ съ жалованьемъ и раціонами едва доставало мнѣ на снабженіе себя платьемъ и обувью и на покупку книгъ, мнѣ нужныхъ, ибо всѣ почти излишки употреблялъ я на оныя, нимало о томъ не жалѣя; когда же привезли ко мнѣ помянутое количество изъ дома, то почиталъ я себя уже богатымъ человѣкомъ и, употребивъ нѣсколько изъ нихъ на покупку давно желаемыхъ книгъ, всѣ прочія положилъ впрокъ для сбереженія на черный день.

Какъ сему присланному надлежало ѣхать ко мнѣ чрезъ Новгородъ и Псковскую провинцію, то въ сей послѣдней заѣхалъ онъ и къ старшей сестрѣ моей, жившей, какъ прежде упоминаемо было, въ Островскомъ уѣздѣ, и верстъ за восемьдесятъ отъ Пскова, и привезъ мнѣ объ ней извѣстіе. Въ сіе время находился уже и зять мой, господинъ Неклюдовъ, съ нею въ деревнѣ, ибо ему удалось какъ-то выбиться изъ военной службы, къ которой онъ былъ неспособенъ, и получить чистую отставку; итакъ, жилъ онъ тогда уже дома, и оба они съ сестрой моей занимались только воспитаніемъ сына своего, который у нихъ одинъ только и былъ, и тогда, будучи уже мальчикомъ изряднымъ, учился языкамъ.

Я очень радъ былъ, узнавъ о сихъ ближнихъ и лучшихъ родныхъ, и отпуская обратно присланнаго, написалъ къ сестрѣ своей предлинное письмо и наговорился съ нею заочно до сыта. Я разсказывалъ ей о себѣ все и вся, а наконецъ предлагалъ ей совѣты, какъ бы лучше имъ воспитать и чему обучать моего племянника. Между прочимъ, сколько помнится мнѣ, совѣтовалъ я ей достать для него бывшія тогда въ величайшей у насъ славѣ и только что вышедшія книги, «Дѣтское училище» на-

зываемыя. Но мальчикъ сей не рожденъ былъ къ наукамъ и къ сожалѣнію такъ изнѣженъ и избалованъ, что вышелъ изъ него превеликій лѣнивецъ.

Впрочемъ, при отправленіи крестьянина моего въ деревню, не преминулъ я помыслить и о деревнѣ и сколько-нибудь о сельской экономіи, изъ которой я тогда хотя и ничего не разумѣлъ, да и надѣяться было не можно, чтобъ я могъ вскорѣ увидѣть свою деревню, однако мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ показать домашнимъ своимъ, что я не совсѣмъ ихъ забываю, и какъ у меня находился тамъ старинный мой дядька Артамонъ, о способностяхъ котораго я былъ довольно увѣренъ, то вздумалось мнѣ велѣть ему разширить одинъ изъ моихъ садовъ, заведенный и основанный покойною моею матерью, и превратить оный изъ простого въ регулярный. Я нарисовалъ ему порядочный планъ, раскрасилъ его красками, сдѣлалъ подробнѣйшее описаніе и наставленіе, гдѣ и что ему садить, и какія гдѣ деревья и кустарники, и отправилъ къ нему сіе предписаніе. Сіе было первоначальное мое съ садами предпріятіе и садикъ сей хотя и не точь въ точь такъ, какъ я начертилъ, однако посаженъ былъ имъ довольно порядочно и послужилъ потомъ основаніемъ большому саду. Нѣкоторыя деревья, а особливо вишни и сливы ростутъ еще и понынѣ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тогда имъ посажены были, и служатъ ему нѣкоторымъ памятникомъ.

Отпустивъ мужичка своего обратно въ деревню, пересталъ я объ ней мыслить, и обратилъ паки всѣ свои помышленія къ службѣ и тогдашнимъ моимъ упражненіямъ. Мнѣ поручена была около сего времени особая коммисія. На всю армію строили тогда у насъ въ Кёнигсбергѣ новыя знамены, и работа сія производилась подъ смотрѣніемъ капитана Немецкаго; но какъ онъ не разумѣлъ живописи и рисованья, а на знаменахъ должно было малевать всѣхъ полковъ гербы, то надсматриваніе надъ живописцами поручено было мнѣ, и я долженъ былъ ходить къ нимъ всякій день и поправлять ихъ ошибки. Прочее время дѣлилъ я между чтеніемъ книгъ и рисованьемъ, а нерѣдко въ лѣтнее время хаживалъ по прежнему и гулять по садамъ, а особливо въ Сатургусовъ, который почитался наилучшимъ и первѣйшимъ изъ садовъ во всемъ Кёнигсбергѣ, и дѣйствительно былъ зрѣнія и хвалы достоинъ. Купецъ, которому онъ принадлежалъ, познакомившись со мною, далъ мнѣ дозволеніе ходить въ садъ его когда мнѣ угодно, и я не упускалъ пользоваться симъ его дозволеніемъ.

Но всѣ сіи гулянья, равно какъ танцованіе на балахъ и на свадьбахъ, которыя по прежнему обыкновенію не оставляли мы посѣщать, не могли меня никакъ совратить съ того хорошаго пути, по которому пошелъ я съ самаго того времени, какъ опредѣлился въ камору и къ генералу и получилъ охоту читать книги. Я старался часъ отъ часу дѣлаться постояннѣйшимъ и вмѣсто того, чтобъ по примѣру прочихъ молодыхъ монхъ сверстниковъ и сотоварищей, гоняться за женщинами, посѣщать всякій день трактиры и шататься изъ гостей въ гости, я старался колико можно отъ того удаляться и вести жизнь совсѣмъ не по лѣтамъ моимъ, а прямо философическую; но мое особливое счастіе было то, что изъ всего того великаго множества молодыхъ женщинъ, которыя къ намъ еженедѣльно на балы съѣзжались да и изъ всѣхъ прочихъ, живущихъ въ городѣ семъ, конхъ видать удавалось мнѣ, также въ киркахъ, на свадьбахъ и на гуляньяхъ и между которыми много было и хорошихъ, не случилось однако ни одной такой, которая бы въ особливости плѣнила меня своими прелестьми и въ которую бы я могъ страстно влюбиться. Сіе обстоятельство, которому я самъ довольно не надивлюсь, помогло мнѣ въ особливости спастись отъ сей заразы, которая могла-бъ произвесть великія дѣйствія и всѣ мои тогдашнія хорошія намѣренія разрушить; но я хотя часто видалъ женщинъ, но сматривалъ на нихъ на всѣхъ равнодушно, а будучи

отъ природы застѣнчивъ и несмѣлъ, не имѣлъ никакого близкаго обхожденія и съ самыми знакомѣйшими изъ нихъ, а ежедневно только помышлялъ о томъ, какъ бы себя отъ всего того дурного отучить, что находилъ я самъ въ себѣ при читаніи книгъ нравоучительныхъ. Сіи заставили меня самого себя разсматривать и примѣчать всѣ свои душевныя движенія и страсти, и какъ изъ нихъ находилъ я въ себѣ особливую наклонность къ гнѣву и вспыльчивости, то и старался я въ особливости себя отъ того отучить и паблюдать въ семъ случаѣ самыя тѣ правила, какія въ книгахъ были предписаны, и могу сказать, что я нарочито въ томъ и успѣлъ и въ одно сіе лѣто такъ много себя передѣлалъ, что не сталъ почти походить самъ на себя и многіе не могли тому довольно надивиться.

Въ доказательство, какъ много успѣлъ я въ наукѣ обладать самимъ собою и страстями своими, разскажу я два произшествія, случившіяся со мною въ сіе лѣто. Въ одинъ день, понадобилось мнѣ, не помню зачѣмъ, сходить изъ канцеляріи въ необыкновенное время на свою квартиру; кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней обыкновенно просиживалъ я съ утра до вечера въ канцеляріи и на квартиру прихаживалъ только ночевать, но въ сей день пришелъ я неожиданнымъ образомъ туда вскорѣ послѣ обѣда. Вхожу въ большую мою комнату, которая была вкупѣ и моя спальня, и не нашедъ въ ней никого, думаю, что слуга мой Абрамъ, который одинъ со мною тутъ жилъ, куда-нибудь вышелъ. Но маленькій шумъ, услышанный мною въ комнатѣ, побудилъ меня туда заглянуть. Но чтожъ я тутъ увидѣлъ? Слуга мой изволилъ трудиться надъ моею шкатулкою и, отперши ее прибраннымъ ключемъ въ самую ту минуту, выдвигалъ потайные ящики и доставалъ изъ нихъ серебряныя деньги. Усердіе его въ сей работѣ было такъ велико, что онъ и не слыхалъ, какъ я вошелъ и не прежде меня увидѣлъ, какъ я ему сказалъ: «Э! братъ, что такое это ты дѣлаешь?»— Слова сіи и неожидаемое имъ мое пришествіе такъ его поразило, что онъ остолбенѣлъ и не въ состояніи былъ встать на ноги; но рубли посыпались у него изъ рукъ, и онъ, устремя глаза свои на меня, разинулъ ротъ и не въ состояніи былъ выговорить ни единаго слова.— Явленію таковому натурально долженствовало воспалить всю кровь мою огнемъ и пламенемъ и привесть меня въ бѣшенство, но произошло противное тому. Я успѣлъ опомниться и такъ много себя одолѣлъ, что ниже малѣйшему гнѣву не далъ въ сердцѣ своемъ мѣста, но съ спокойнымъ духомъ, пожавъ только плечами, сказалъ ему:«Ну, хорошо это?»—Виноватъ, сударь, отвѣчалъ онъ, и что ужъ говорить, виноватъ какъ собака, простите меня. Вотъ вамъ Богъ, впередъ этого не будетъ и буду служить вамъ вѣрно.— «Ну, хорошо, сказалъ я, посмотримъ, только сдержи свое слово». — Изволь сударь.—Онъ и подлинно устоялъ въ своемъ словѣ и во всѣ прочіе годы пребыванія его при мнѣ не примѣтилъ я въ немъ ни малѣйшей невѣрности.

Нельзя изобразить, какое истинное душевное удовольствіе имѣлъ я во весь остатокъ того дня и многіе послѣдующіе затѣмъ дни о сей самимъ надъ собою побѣдѣ, которая такъ легка мнѣ показалась, что я не могъ тому довольно надивиться, и благодарилъ Бога, что онъ помогъ мнѣ такъ много въ стараніяхъ своихъ о исправленіи своемъ.

Другое произшествіе было слѣдующее: въ самый тотъ день, когда былъ у насъ феіерверкъ, случилось мнѣ въ ожиданіи зажженія онаго находиться посреди безчисленной толпы сшедшагося смотрѣть оный народа и стоять въ кучкѣ собравшихся для того же нашей братьи офицеровъ. Было тутъ насъ человѣкъ десятокъ и болѣе, и на большую часть знакомыхъ другъ другу и всѣ они, въ ожиданіи пріѣзда губернаторскаго, провожали время свое тутъ отъ скуки по обыкновенію своему въ разныхъ шуточныхъ разговорахъ, смѣхахъ и дружескихъ издѣвкахъ другъ на другомъ. Но ни надъ кѣмъ такъ много

они тутъ не трунили и не смѣялись, какъ надъ однимъ сотоварищемъ своимъ, который былъ родомъ изъ Лифляндіи, слѣдовательно нѣмецъ, и по прозвищу г. Кульбарсъ. Какъ всѣ нѣмцы обыкновенно одѣвалпсь чище и убирались лучше нашихъ русскихъ офицеровъ, то случилось такъ, что сей г. Кульбарсъ убранъ, разчесанъ и распудренъ былъ въ сей день отмѣнно какъ-то уже предъ обыкновеннымъ, и даже такъ, что всѣмъ онъ казался смѣшнымъ и всѣ они надъ нимъ трунили до единаго, а особливо за то, что онъ, убравшись симъ образомъ почти по-дурацки, вздумалъ тѣмъ еще кичиться, и не только не хотѣлъ почти ни съ кѣмъ говорить слова, но еще и сердился и досадовалъ, для чего надъ нимъ смѣялись; а сіе, какъ извѣстно, ужѐ и бѣда между молодыми офицерами. Они сдѣлали вокругъ его кружокъ и чѣмъ болѣе онъ сердился, тѣмъ болѣе надъ нимъ трунили и смѣялись. Мнѣ случилось въ самое то время войтить къ нимъ въ кружокъ, когда они наиболѣе его раззадорили и дошли даже до того, что кто-то изъ нихъ, будучи наглѣе всѣхъ прочихъ, дернулъ даже его сзади за толстую его прусскую и внизу закорючившуюся косу. Г. Кульбарсъ тотчасъ оборачивается назадъ и не говоря ни слова, вдругъ опрокидывается на меня, нимало въ томъ не участвовавшаго, а только въ самую ту минуту туда и по несчастію сзади къ нему подошедшаго. Какъ было сіе въ самыя уже сумерки, то хотя не только онъ, но и самъ я истинно не видалъ кто его за косу дернулъ, но онъ счелъ, что это былъ я, и, вспыхнувъ какъ порохъ, началъ меня немилосердымъ образомъ и такъ бранить и ругать такъ что другой бы, будучи на моемъ мѣстѣ, никакъ не утерпѣлъ, но его бы вѣрно съѣздилъ въ рожу и готовъ бы съ нимъ хоть рѣзаться и драться. Но я имѣлъ столько духа, что будучи совсѣмъ невиненъ, глупости его только усмѣхался и въ соотвѣтствіе на все его лаяніе только ему сказалъ: «Слушайте, г. Кульбарсъ, я васъ, какъ честный человѣкъ, увѣряю, что я васъ не трогалъ и не замалъ, и что вы меня ругаете напрасно! А кто васъ трогалъ, того не видалъ и не знаю; а таковъ ли я или нѣтъ, какимъ вы меня называете, это отдаю на судъ вотъ всѣмъ здѣсь присутствующимъ! Вы, государи мои, знаете меня всѣ и можете сему господину сказать, достоинъ ли я такихъ наименованій».—Сказавъ сіе хладнокровнѣйшимъ образомъ, пошелъ я отъ нихъ прочь, и симъ самымъ произвелъ то, что вмѣсто того, чтобъ мнѣ съ нимъ перебраниваться, напали на него всѣ тутъ бывшіе и начали, защищая меня единогласно, всячески самого его не только осуждать, но ругать и бранить, какъ напрасно меня обидившаго. Не могу изобразить, съ какимъ истиннымъ и душевнымъ удовольствіемъ слушалъ я издалека сіи дѣлаемыя ото всѣхъ ему тазанія, которыя даже до того простирались, что они для увѣренія его о моей невинности объявили ему и о самомъ томъ, кто его за косу дернулъ и всѣмъ тѣмъ довели его до того, что онъ отъ стыда принужденъ былъ уйтить и въ толпѣ народа скрыться отъ нихъ. Тогда подошелъ я опять къ нимъ и благодарилъ ихъ, что они за меня такъ вступились. «Да какъ, братецъ, не вступиться, говорили они мнѣ:—мы не можемъ надивиться, что ты имѣлъ столько духа и этого нѣмчуру не съѣздилъ въ рожу. Мы бы всѣ тебѣ помогли проучить этого невѣжу».—«Добро, добро, сказалъ я имъ, оставимъ его съ покоемъ: какъ опомнится, такъ и самъ почувствуетъ, что онъ дурно сдѣлалъ». Сіе дѣйствительно и воспослѣдовало и г. Кульбарсу было такъ передо мною послѣ совѣстно, что онъ, не отыскавъ меня въ тотъ вечеръ, поутру на другой день отыскалъ мою квартиру, и пришедъ ко мнѣ, приносилъ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я ему отпустилъ его глупости и сдѣланный имъ отъ вспыльчивости и горячности предо мною непростительный проступокъ. Меня сіе такъ тронуло, что я со слезою на глазахъ подалъ ему мою руку, и пожавъ ею его, сказалъ, что я ему отпущаю все охотно и вмѣсто досады прошу только его знать меня короче и быть мнѣ лучше другомъ.

Онъ и былъ съ того времени дѣйствительно таковымъ и всегда изъявлялъ ко мнѣ отмѣнное почтеніе. Мнѣ же побѣда сія сто разъ пріятнѣе была, нежели-бъ я его приколотилъ палкою.

Симъ образомъ кончилось сіе дѣло и оно было мнѣ долго памятно, а удовольствіе полученное отъ того побуждало меня и впредь симъ образомъ отчасти болѣе обладать самимъ собою и обуздывать всѣ мои страсти; а симъ окончу я и сіе письмо мое, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь навсегда вашъ и прочее.

Письмо 81-е *).

Любезный пріятель! Въ предслѣдующемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на разсказываніи вамъ о томъ, какой успѣхъ имѣлъ я въ исправленіи своемъ и въ отученіи себя отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ и страстей, натурѣ человѣческой свойственныхъ; а теперь, продолжая ту же матерію, скажу, что ко всему тому побуждали меня болѣе нравоучительныя книги, до чтенія которыхъ сдѣлался я такимъ же охотникомъ, какимъ былъ до того до чтенія романовъ, и какъ я имѣлъ тогда наилучшій и наивожделѣннѣйшій случай къ доставанію себѣ оныхъ, потому что помянутая библіотека, изъ которой бралъ я себѣ для чтенія книги, наполнена была не одними только романами, но и всѣхъ родовъ сочиненіями и между прочимъ и самыми философическими и наилучшими нравоучительными, и я могъ получать изъ ней, какія только мнѣ хотѣлось, то и читалъ я почти безпрерывно оныя и наполнялъ умъ свой отъ-часу множайшими и важнѣйшими познаніями. Не могу изобразить, сколь великую пользу онѣ мнѣ принесли и какъ много распространили всѣ мои свѣдѣнія и знанія. Словомъ, чрезъ нихъ узналъ я не только самъ себя, но и все нужнѣйшее, что знать человѣку въ жизни надобно; а что всего лучше, спознакомился гораздо со всѣмъ ученымъ свѣтомъ и безъ всякихъ учителей и наставниковъ узналъ многое такое, чего многіе иные не узнаютъ, учась порядочнымъ образомъ въ академіяхъ и университетахъ и имѣя у себя многихъ учителей и наставниковъ. Словомъ, онѣ были наилучшіе мои друзья, наставники, учители и совѣтники и помогали невѣдомо какъ мнѣ въ моемъ исправленіи и образованіи моего сердца и духа. И сколь блаженно было для меня тогдашнее время. Я со всякимъ днемъ получалъ новыя знанія и со всякимъ днемъ дѣлался лучшимъ; но можно сказать, что много помогали къ тому и важныя размышленія, въ какихъ я нерѣдко упражнялся и которыя побудили меня предпринять тогда одно особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился; а именно: я положилъ всякую хорошую попадавшуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувствіе души своей записывать на особыхъ лоскуткахъ бумаги, и всякій день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь. И какъ я въ томъ упражнялся почти цѣлое годичное время, то и набралось сихъ исписанныхъ лоскутковъ бумаги такое множество, что, по переписаніи всѣхъ оныхъ на-бѣло, могъ я изъ всѣхъ ихъ составить и велѣть переплесть цѣлую книгу, содержащую въ себѣ столько же самому себѣ предписанныхъ правилъ, сколько дней въ году. Книжка, которая и понынѣ у меня цѣла и которую храню я, какъ нѣкакой монументъ тогдашнихъ моихъ занятій и упражненій, а вкупѣ и первый слабѣйшій опытъ нравоучительныхъ своихъ сочиненій, и которой, всходствіе намѣренія своего, и не придалъ я никакого иного особаго названія, а назвалъ ее просто только памятною книжкою.

Но всего для меня полезнѣе и достопамятнѣе было то, что я въ теченіи сего года началъ учиться и порядочно штудировать философію. Произошло сіе совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ и такъ, что я и сей случай отношу къ особымъ дѣйствіямъ и попеченіямъ объ истинномъ благѣ моемъ божескаго Про-

*) Сверху письма надписано: «ноябрь 4 д. 1800».

мысла. И какъ произшествіе сіе имѣло вліяніе на всю жизнь мою, то и разскажу я о томъ пространнѣе.

Между многими и разными книгами, читаемыми мною въ тогдашнее время, хотя и читалъ я нѣкоторыя и философическія, и чрезъ то получилъ и о сей важнѣйшей части учености нѣкоторое уже понятіе, однако все мое по сей части знаніе было весьма еще несовершенно; а сверхъ того и еще таково, что могло-бъ мнѣ и въ неописанный еще вредъ обратиться, еслибъ благодѣтельная судьба моя помянутымъ произшествіемъ не положила тому преграды и чрезъ самое то не спасла меня отъ погибели совершенной, какъ о томъ упомяну я послѣ пространнѣе.

Изъ всѣхъ читанныхъ мною до того времени философическихъ книгъ, ни которая такъ мнѣ не нравилась, какъ Готшедовы начальныя основанія всей философіи. Книга сія содержала въ себѣ краткое изображеніе или сокращеніе всей такъ-называемой вольфіанской философіи, которая была въ тогдашнее время во всеобщемъ вездѣ употребленіи и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, почиталась тогда наилучшею. Почему и въ Кёнигсбергѣ всѣ профессоры и учители юношества обучали оной, такъ какъ, къ сожалѣнію, переселясь и къ намъ, господствуетъ она и у насъ еще и понынѣ. И какъ помянутыя книжки, по краткости и ясности своей, мнѣ такъ полюбились, что я не преминулъ даже купить оныя, то, прочитавъ ихъ нѣсколько разъ отъ доски до доски и получивъ о философіи сей нарочитое уже и такое понятіе, что могъ съ разумѣніемъ читать и другія подобныя тому книги, а чрезъ то печувствительно напоился я и мнѣніями, обо всѣмъ съ философіею сею сообразными.

Но мнѣ всего меньше извѣстно было тогда то, что философія сія имѣла многіе недостатки и несовершенства: что самыя основанія, на которыхъ все зданіе оной воздвигнуто, были слабы и ненадежны и что вообще была она такого свойства, что дотолѣ, покуда человѣкъ, прилѣпившій къ оной, будетъ только вскользь оной держаться и оставаться довольнымъ тѣмъ, что въ ней содержится, онъ можетъ быть и добрымъ и безопаснымъ, а какъ скоро изъ послѣдователей оной кто-нибудь похочетъ далѣе простирать свои мысли и углубляться болѣе въ существо вещей всѣхъ, то всего и скорѣе можетъ сбиться съ правой тропы и заблудиться до того, что сдѣлается наконецъ деистомъ, вольнодумомъ и самымъ даже безбожникомъ, и что весьма многіе, преразумные впрочемъ люди, дѣйствительно отъ ней таковыми негодями сдѣлались и, вмѣсто искомой пользы, крайній себѣ вредъ приобрѣли и въ невозвратимую впали пагубу, такъ какъ тоже самое едва-было и со мною не случилось, какъ о томъ упомяну я послѣ въ своемъ мѣстѣ.

А сколь мало было мнѣ сіе извѣстно, столь же мало зналъ я и о томъ, что за нѣсколько до того лѣтъ проявилась въ свѣтѣ новая и несравненно сей лучшая, основательнѣйшая и не только ни мало не вредная, но и то особливое предъ всѣми бывшими до того философіями преимущество имѣющая философія, что она всякаго прилѣпившагося къ ней человѣка, хотя бы онъ и не хотѣлъ, но по неволѣ почти сдѣлаетъ добрымъ христіаниномъ, такъ какъ, напротивъ того, вольфіанская и хорошаго христіанина превращала почти всегда въ худого или паче въ самаго деиста и маловѣра, и что сія новая и крайне человѣческому роду полезная философія, основанная въ Лейпцигѣ однимъ изъ тамошнихъ ученѣйшихъ людей, по имени Христіаномъ Августомъ Крузіемъ, начинала уже гремѣть въ свѣтѣ, получать многихъ себѣ послѣдователей и мало-по-малу распространяться въ Европѣ и между прочимъ въ самомъ томъ городѣ, гдѣ я тогда находился. Тутъ преподавалъ уже ее или училъ публично одинъ изъ университетскихъ магистровъ, по имени Вейманъ; но какъ всѣ прочіе профессоры были еще вольфіанцы и послѣдователями помянутой прежней и несовершенной философіи, то и терпѣлъ онъ еще отъ нихъ за то нѣкоторое себѣ гоненіе и недоброхотство, а особливо потому, что многіе

изъ студирующихъ въ Кёнигсбергѣ, отставая отъ прежнихъ учителей, прилѣплялись къ оному и, научившись лучшимъ правиламъ, основаніямъ и мыслямъ, дѣлались имъ такими противниками, которыхъ они никакъ преоборать были не въ состояніи на обыкновенныхъ своихъ преніяхъ.

Всего того я еще не зналъ и не узналъ бы, можетъ быть, никогда, еслибъ не случилось присланнымъ быть къ намъ изъ Москвы вышеупомянутымъ десяти студентамъ и мнѣ съ двумя изъ нихъ покороче познакомиться. Оба они были наилучшенькіе изъ всѣхъ и самые тѣ, которые назначались для занятія моего мѣста и для исправленія моей должности. Одинъ изъ нихъ прозывался Садовскимъ, а другой Малиновскимъ. Оба они были московскіе уроженцы, оба тамошнихъ поповъ дѣти, но оба весьма хорошихъ характеровъ, хорошаго и смирнаго поведенія; оба охотники до наукъ и хорошо въ университетѣ учившіеся и довольныя уже свѣдѣнія обо всемъ имѣвшіе, а притомъ съ хорошими чувствіями люди. Какъ обоимъ имъ велѣно до того времени, покуда понавыкнутъ они болѣе нѣмецкому языку и къ переводамъ сдѣлаются способнѣйшими, пріискать себѣ учителей изъ тамошнихъ профессоровъ и продолжать у нихъ прежнія свои науки, то, учась еще въ университетѣ философіи, избрали они и тутъ сей самый факультетъ и, приговоривъ одного изъ тамошнихъ профессоровъ, стали продолжать слушать у нихъ лекціи, такъ какъ дѣлывали то, будучи еще въ московскомъ университетѣ.

Такъ случилось, что профессоръ тотъ былъ хотя, какъ и всѣ прочіе, вольфіанецъ, но изъ учениковъ его, тамошнихъ студентовъ, были нѣкоторые, учившіеся тайно и упомянутаго магистра Веймана той новой крузіанской философіи, о которой упоминалъ я выше, и что сіи, познакомившись и сдружившись съ обоими нашими студентами, насказали имъ столь много добраго какъ о сей новой философіи, такъ и о Веймапѣ, что возбудили и у нихъ охоту поучиться сей новой и толико лучшей и преимущественной философіи. Они, при помощи оныхъ, и познакомились тотчасъ съ симъ магистромъ, и какъ сей таковымъ новымъ охотникамъ учиться его философіи очень былъ радъ, то и пригласилъ онъ ихъ ходить къ себѣ по вечерамъ, и взялся охотно преподавать имъ приватно лекціи, а хотѣлъ только, чтобъ дѣло сіе производимо было тайно и такъ, чтобъ не узналъ того до времени тотъ профессоръ, у котораго они до того учились, и чтобъ онъ не могъ за то претерпѣть отъ него какого-нибудь себѣ злодѣйства, на что они и сами охотно согласились.

Но не успѣли они у него нѣсколько разъ побывать и лекціевъ его послушать, какъ и плѣнились они столь сильно сею новою философіею, что восхотѣлось имъ и мнѣ сообщить свое удовольствіе. Со мною имѣли они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо какъ имъ приказано было отъ времени до времени приходить къ намъ и въ канцелярію, то, узнавъ обо мнѣ и объ отмѣнной моей охотѣ до книгъ и до наукъ, тотчасъ со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно, а не менѣе полюбилъ тотчасъ и я обоихъ ихъ, и у насъ всегда, какъ ни прихаживали они къ намъ, бывали съ ними обо всемъ и обо всемъ, касающемся до книгъ и до наукъ, безпрерывные и для меня отмѣнно пріятные разговоры, а сіе и подружило насъ между собою очень скоро неразрывною почти дружбою.

Не могу изобразить, какъ удивился я, услышавъ отъ нихъ о помянутой новой и совсѣмъ для меня еще неизвѣстной философіи, и о преимуществахъ ея предъ прежней и мнѣ знакомой, и какъ заохотили они самого меня узнать короче объ оной и слышать, какъ преподаются объ ней имъ лекціи. Они услышали желаніе мое и не преминули поговорить о томъ съ своимъ магистромъ Веймановъ и спросить его, не дозволитъ ли онъ имъ привесть меня когда-нибудь съ собою, дабы могъ я хоть одинъ разъ присутствовать при преподаваніи имъ его лек-

ціи: и какъ неописанно обрадовали они меня, принеся извѣстіе ко мнѣ, что онъ не только имъ то дозволилъ, но поставляетъ себѣ за особливую честь и будетъ очень радъ, если удостою я его своимъ посѣщеніемъ.

Мы условились еще въ тотъ же день иттить къ нему всѣ вмѣстѣ. Вечеръ случился тогда, какъ теперь помню, очень темный, осенній и притомъ ненастный, и хотя иттить намъ было очень дурно и проходить многія улицы и тѣсные переулки по скользкимъ мостовымъ, но я не шелъ, а летѣлъ, ногъ подъ собою не слыша, вслѣдъ за моими проводниками. Я не инако думалъ, что найду порядочный и хорошо убранный домъ; но какъ удивился я, нашедъ сущую хибарочку, во второмъ этажѣ одного посредственнаго домика, и въ ней повсюду единые слѣды совершенной бѣдности. Иному не могла бы она ничего иного вперить, кромѣ одного презрѣнія, но у меня не то было на умѣ. Я искалъ въ ней мудрости, и былъ столь счастливъ, что и нашелъ оную.

Господинъ Вейманъ принялъ меня съ отмѣнною ласкою, и посадивъ насъ, тотчасъ началъ свое дѣло. Матерія, о которой по порядку имъ тогда говорить слѣдовало, была наитончайшая и самая еажнѣйшая изъ всей метафизики; какъ теперь помню, о времени и мѣстѣ, и онъ, несмотря на всю ея тонкость, трактовалъ ее такъ хорошо, такъ внятно и украшалъ ее толь многими до обѣихъ философій относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствіемъ, и пользуясь дозволеніемъ его, не уставалъ его то о томъ, то о другомъ, для лучшаго понятія себѣ, разспрашивать. И какъ отмѣннымъ вниманіемъ своимъ, такъ и пониманіемъ всего того, что онъ сказывалъ, равно какъ и совершеннымъ разумѣніемъ нѣмецкаго языка я ему такъ угодилъ, что онъ при отшествіи нашемъ и при дѣлаемыхъ ему благодареніяхъ мнѣ сказалъ, что если мнѣ только угодно будетъ, то онъ за особливое удовольствіе почтетъ, если я къ нему и впредь всегда ходить и лекціи его слушать буду, и что онъ не только ничего за то не потребуетъ, но за особливую честь себѣ поставитъ учить меня философіи, которая такъ мнѣ полюбилась.

Я очень доволенъ былъ симъ его приглашеніемъ, и не преминулъ воспользоваться даннымъ отъ него мнѣ дозволеніемъ, и съ самаго того времени не пропускалъ ни одного раза, чтобъ вмѣстѣ съ товарищами моими къ нему не ходить, и всегда располагалъ дѣла свои такъ, чтобъ мнѣ на весь седьмой часъ послѣ обѣда можно было изъ канцеляріи къ нему отлучаться. И г. Вейманъ такъ меня полюбилъ, что изъ всѣхъ своихъ учениковъ почиталъ наилучшимъ и всѣхъ скорѣе и совершеннѣе все понимающимъ и о просвѣщеніи разума моего такъ много старался, что я могу сказать, что обязанъ сему человѣку очень много въ моей жизни.

Симъ образомъ началъ я съ сего времени порядочно студировать и слушать философическія лекціи и производилъ сіе такъ сокровенно, что долгое время никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ. Но какъ наконецъ частыя и всегда въ одно время бываемыя отлучки мои изъ канцеляріи сдѣлались примѣтны, и нѣкоторые изъ нашихъ канцелярскихъ стали подозрѣвать меня и толковать оныя въ худую сторону, то принужденъ я былъ наконецъ открыться въ томъ г. Чонжину и у него выпросить формальное уже для отлучекъ сихъ себѣ дозволеніе. И тогда имѣлъ я удовольствіе видѣть, что обратилось мнѣ сіе не въ предосужденіе, но въ особливую честь и похвалу. Г. Чонжинъ не только разславилъ и разсказалъ о томъ всѣмъ съ превеликою мнѣ похвалою; но сказалъ даже и самому генералу, и такимъ тономъ, что и тотъ не преминулъ меня за то публично похвалить и при многихъ случаяхъ приводить меня въ примѣръ и образецъ молодымъ людямъ, особливо распутнымъ офицерамъ.

Но при семъ одномъ не осталось; но какъ около самаго сего времени присланъ

былъ къ нему изъ Петербурга одинъ изъ дальнихъ родственниковъ его, изъ фамиліи Чоглоковыхъ, для отданія его въ тамошній университетъ учиться языкамъ и наукамъ, и онъ жилъ у одного изъ первыхъ тамошнихъ профессоровъ г. Ковалевскаго, такъ, какъ въ пансіонѣ, но молодой человѣкъ сей былъ такого характера, что потребенъ былъ за нимъ присмотръ: то генералъ нашъ не нашелъ никого, кромѣ меня, кому-бъ могъ препоручить сію коммисію. Почему и принужденъ былъ я отъ времени до времени ходить въ тамошній университетъ, и въ домъ къ помянутому г. Ковалевскому, и не только свидѣтельствовать успѣхи сего его родственника, но освѣдомляться о его поведеніи и поступкахъ; а какъ вскорѣ послѣ того и другой изъ нашихъ армейскихъ и тутъ бывшихъ генераловъ, а именно господинъ Хомутовъ, по рекомендаціи отъ нашего генерала, усильнымъ образомъ просилъ меня принять подъ присмотръ свой и его сына, учившагося тутъ же въ университетѣ, то все сіе сдѣлало меня и въ университетѣ извѣстнымъ и пріобрѣло мнѣ и отъ всѣхъ тамошнихъ профессоровъ честь и особливое уваженіе, простиравшееся даже до того, что они при каждомъ университетскомъ торжествѣ и празднествѣ не упускали никогда приглашать и меня вмѣстѣ съ прочими знаменитѣйшими людьми къ присутствованію при оныхъ, и всѣ оказывали мнѣ, какъ бы уже ученому человѣку, особливую вѣжливость и учтивство.

Теперь легко можно всякому заключить, что для меня все сіе не могло быть противно, но было въ особливости пріятно, и польза, проистекшая отъ того мнѣ была та, что я чрезъ то имѣлъ случай видѣть всѣ университетскіе обряды и обыкновенія и получить какъ о родѣ ученія, такъ и обо всемъ ближайшее понятіе. Что-жъ касается до помянутаго профессора Ковалевскаго, славившагося въ особливости тѣмъ, что живали у него въ домѣ всегда и учивались многіе пансіонеры и не рѣдко изъ самыхъ знаменитѣйшихъ прусскихъ и другихъ земель фамилій, то хотя бывалъ я у него и часто, но кромѣ одного холоднаго учтивства не видалъ отъ него ничего; да и находилъ, что онъ болѣе былъ славенъ, нежели того достоинъ. Все ученіе его не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго и особливаго, а и самое смотрѣніе за учениками и стараніе о просвѣщеніи ихъ было весьма посредственное; а единую рѣдкость и особливость въ его домѣ нашелъ я только ту, что у него со всѣхъ бывавшихъ до того и тогда бывшихъ учениковъ списаны были живописные портреты и ими установлена цѣлая комната: но и сіе происходило ни отъ чего иного, какъ отъ единаго любославія сего надменнаго и кичащагося тѣмъ человѣка; а впрочемъ нельзя сказать, чтобъ всѣ учащіеся у него получали отъ него многую пользу.

Другая достопамятность, случившаяся со мною около сего времени, была та, что я повышенъ былъ рангомъ и пожалованъ изъ подпоручиковъ въ поручики. Сей чинъ давно-бъ я имѣть могъ, ежели-бъ производство мое зависѣло отъ нашего генерала, но какъ я счислялся по арміи и все еще въ полку, то не можно было генералу ничего въ пользу мою сдѣлать я и долженъ былъ ожидать всего отъ главныхъ командировъ арміи и ждать, когда по линіи и по старшинству мнѣ въ поручики достанется. Но какъ находился я отъ полку въ отлучкѣ и не состоялъ на лицѣ въ арміи, то и не ожидалъ ни мало себѣ повышенія, и всего меньше онаго добивался, но какъ новый нашъ старичекъ фельдмаршалъ, будучи самъ за побѣды отъ императрицы награжденъ и повышенъ чиномъ, восхотѣлъ по возвращеніи своемъ изъ похода въ Польшу оказать благодѣяніе и всѣмъ бывшимъ съ нимъ въ походѣ армейскимъ офицерамъ и обрадовать ихъ сдѣланіемъ генеральнаго, общаго всѣмъ и большого произвожденія, то при самомъ семъ случаѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего досталось и мнѣ въ поручики. И сообщено, было о томъ во извѣстіе отъ полку къ

нашему генералу съ повторительнымъ опять требованіемъ и просьбою объ отпускѣ меня и отправленіи къ полку.

Повышеніе сіе было хотя посему не чрезвычайное какое и не важное, но какъ чины давались тогда очень туго, да и я всего меньше онаго ожидалъ, то и былъ я тѣмъ чрезвычайно обрадованъ. Г. Чонжинъ не преминулъ и при семъ случаѣ съиграть со мною шутку. Онъ узналъ о томъ всѣхъ прежде, но какъ генералъ запретилъ ему о томъ мнѣ сказывать, желая самъ обрадовать меня въ послѣдующее утро, то и восхотѣлось г. Чонжину надо мною позабавиться и приготовить меня къ тому страхомъ и напуганіемъ. Итакъ, не успѣлъ я въ послѣдующее утро приттить въ канцелярію, какъ притворился онъ не только ничего о томъ незнающимъ, но еще сердитымъ и угрюмымъ, и призвавъ меня къ себѣ въ судейскую, сердитымъ голосомъ и видомъ мнѣ сказалъ: «Что ты тамъ надѣлалъ? генералъ невѣдомо какъ на тебя сердится. Дошла на тебя къ нему какая-то отъ нѣмчуровъ просьба; я теперь только у него въ покояхъ былъ и онъ рветъ и мечетъ, и посмотри, что тебѣ отъ него будетъ». Я остолбенѣлъ, сіе услышавъ, и какъ за собою ничего не вѣдалъ, то и отвѣчалъ ему, что его превосходительству вольно со мною дѣлать, что ему угодно, но я по-крайней-мѣрѣ ничего такого за собою не знаю, чѣмъ бы могъ заслужить гнѣвъ его.—«Совсѣмъ тѣмъ, подхватилъ онъ, подана на тебя какая-то бумага. Я самъ ее видѣлъ и писана она по-нѣмецки. Не знаешь ли ты чего за собою?»—Не знаю, сказалъ я, а развѣ вздумалось какому-нибудь бездѣльнику что-нибудь ложное на меня наклепать!—«Ну, вотъ посмотримъ, генералъ скоро сюда придетъ и ты готовься только отвѣчать; а мнѣ досадно только, что случилось сіе не къ порѣ и не ко времени. Ты того не знаешь, что со вчерашнимъ курьеромъ получено между прочимъ вновь требованіе тебя въ полкъ, и я истинно теперь уже не знаю, какъ намъ тебя удержать; и боюсь, чтобъ генералъ въ теперешней досадѣ на тебя не рѣшился наконецъ отпустить тебя, такъ какъ онъ уже и намекалъ мнѣ о томъ».—Воля его! сказалъ я; но признаться надобно, что сіе послѣднее встревожило духъ мой еще больше и, по пословицѣ говоря, на сердцѣ у меня начали скресть тогда сильно кошки. Не имѣлъ я охоты и до того ѣхать въ армію, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ и подавно не хотѣлось мнѣ никакъ разстаться съ Кёнигсбергомъ.

Въ самую сію минуту вошли въ судейскую наши совѣтники и г. Чонжинъ далъ мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ вонъ. Я пошелъ, повѣся голову, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ такимъ разстроеннымъ и смущеннымъ видомъ, что всѣ сотоварищи мои тотчасъ сіе примѣтили и, окруживъ меня, стали спрашивать, что такое сдѣлалось со мною?—«Что, братцы, съ досадою сказалъ я имъ, какая-то бестія, сказываютъ, подала на меня какую-то жалобу генералу, хотя я ничего за собою не знаю, не вѣдаю, а съ другой стороны требуютъ опять въ полкъ, и Тимоѳей Ивановичъ сказалъ мнѣ, что генералъ, будучи теперь въ превеликихъ сердцахъ на меня, болѣе и удерживать меня не хочетъ и рѣшился отпустить».—Что вы говорите? закричали всѣ въ одинъ голосъ, сіе услышавъ, и сдѣлавши вокругъ меня кружокъ, начали всѣ тужить и горевать обо мнѣ; ибо надобно знать, что вся канцелярія меня искренно любила и всѣ до единаго брали въ горести и досадѣ моей живѣйшее соучастіе. Но не успѣли они другъ передъ другомъ напрерывъ начать разспрашивать меня о томъ подробнѣе, какъ вдругъ зашумѣли въ судейской и сторожъ выбѣжалъ къ намъ оттуда съ извѣстіемъ, что генералъ идетъ.—Въ мигъ тогда разсыпались всѣ, какъ дождь, отъ меня и, усѣвшись по мѣстамъ своимъ, замолчали. Я пошелъ также на свое, за перегородку, но едва успѣлъ усѣсться и начать разсказывать о горѣ своемъ сотоварищамъ своимъ нѣмцамъ, также о томъ любопытствующимъ, какъ загремѣлъ въ судейской колокольчикъ

и чрезъ минуту потомъ выбѣгаетъ опять сторожъ, бѣжитъ прямо ко мнѣ и говоритъ: «Извольте, сударь, къ генералу!»— Я помертвѣлъ сіе услышавъ и сердце мое во мнѣ такъ забилось, и кровь взволновалась во всемъ тѣлѣ, что я едва въ состояніи былъ встать съ мѣста и, сколько въ скорости можно было, пооправиться и изготовиться къ отвѣту. Съ трепещущимъ сердцемъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ подгибающимися колѣнами пошелъ я куда меня звали, и какъ, при раствореніи дверей, издали уже увидѣлъ я генерала, держащаго въ рукахъ бумагу и меня дожидающагося: то не сомнѣваясь нимало, что была то самая поданная просьба, о которой сказывалъ мнѣ г. Чонжинъ, еще болѣе отъ того встревожился духомъ, и въ неописанномъ будучи смущеніи, едва былъ въ силахъ войтить въ судейскую и генералу поклониться. Я другого не ожидалъ, какъ того, что онъ въ тотъ же мигъ на меня, по обыкновенію своему, запылитъ огнемъ и пламенемъ и смѣшаетъ меня совсѣмъ съ грязью: но какъ удивился я, увидѣвъ тому противное, и что генералъ безъ всякаго сердитаго вида, а только протянувъ ко мнѣ руку съ бумагою, и власно какъ еще съ нѣкакимъ сожалѣніемъ, сказалъ: «Что дѣлать, Болотовъ! требуютъ тебя опять въ полкъ, и требованія сіи, чортъ ихъ побери, ужъ такъ мнѣ надоѣли, что я не знаю уже что мнѣ дѣлать и рѣшаюсь почти отпустить тебя; вотъ возьми прочти самъ!»—«Воля ваша въ томъ, ваше превосходительство, въ полкъ такъ въ полкъ», — отвѣчалъ я, и сталъ подходить для принятія бумаги. Но какъ генералъ, взглянувъ пристальнѣе на меня, увидѣлъ, что я съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и крайне съ безпокойнымъ духомъ едва въ состояніи былъ переступать ногами, то принявъ на себя веселый видъ и усмѣхнувшись, сказалъ мнѣ далѣе: «Ну, добро, добро, господинъ, Болотовъ, не безпокойтесь и не смущайтесь духомъ. Требовать васъ хотя и требуютъ, однако мы и въ сей разъ васъ никакъ не отпустимъ, вы и здѣсь не бакалушъ бьете, а столько-жъ государынѣ своей или еще болѣе служите, нежели другіе многіе; а сверхъ того похвальнымъ образомъ дѣлаетесь еще и съ другой стороны отечеству полезными».—Слова сіи влили какъ нѣкакой живительный бальзамъ въ смущенное мое сердце, и меня столько ободрили, что я, сдѣлавъ генералу пренизкой поклонъ, не хотѣлъ-было и читать уже принятой отъ него бумаги; но онъ тотчасъ подхватилъ: «Однако прочтите, прочтите бумагу-то и прочтите ее въ слухъ намъ; можетъ быть нѣтъ ли въ ней чего-нибудь еще иного».

Приказаніе сіе меня удивило; но сколь удивленіе сіе безконечно увеличилось, когда, развернувъ бумагу и начавъ читать, увидѣлъ я, что это было извѣщеніе о пожалованіи меня поручикомъ, и требованіе, чтобъ я на сей чинъ приведенъ былъ къ присягѣ. Я остолбенѣлъ почти также отъ нечаянной и неожидаемой сей радости, какъ сперва отъ смущенія, и досада, и состояніе мое въ сію минуту было таково, что я оное никакъ описать не въ состояніи, а скажу только, что происшедшее вновь во мнѣ, но пріятное уже смущеніе духа, произвело то, что я читать остановился, онѣмѣлъ, стоялъ дуракъ дуракомъ и не зналъ что мнѣ дѣлать; а особливо когда увидѣлъ, что генералъ, развеселившись вдругъ такъ, что таковымъ я давно его не видывалъ, началъ меня поздравлять съ чиномъ и увѣряя, что онъ тому очень радъ, желать мнѣ и дальнѣйшаго еще повышенія. А не успѣли услышать того оба сидѣвшіе съ нимъ за столомъ и меня любившіе совѣтники, какъ послѣдовали его примѣру и напрерывъ другъ предъ другомъ меня поздравляли, говоря, что я того давно уже достоинъ и передостоинъ. Словомъ, со всѣхъ сторонъ были дѣланы мнѣ поздравленія, а особливо когда вышелъ я изъ судейской. Тутъ, въ одинъ мигъ облѣпили меня со всѣхъ сторонъ всѣ канцелярскіе, отъ вышняго до нижняго, всѣ брали въ радости моей искреннее соучастіе, всѣ желали мнѣ дослужиться до генеральскаго чина, и я едва успѣвалъ только всѣмъ откланиваться, и охот-

но простилъ напужавшему меня г. Чонжину за выдуманную имъ надо мною шутку, въ чемъ признавался онъ, надсѣдаясь со смѣха, а особливо когда узналъ, что генералъ хотѣлъ-было сначала дѣйствительно меня уже отпустить, и что сей господинъ Чонжинъ убѣдилъ его и въ сей разъ меня не отпускать, чему не только я, но и всѣ наши канцелярскіе были очень рады. Впрочемъ тотчасъ послано было за плацъ-майоромъ и въ тотъ же часъ велѣно меня привесть къ присягѣ, а генералъ столько былъ ко мнѣ милостивъ, что пригласилъ меня въ сей день обѣдать за собственнымъ своимъ столомъ и въ продолженіе онаго удостоилъ выпить рюмку вина за мое здоровье и поздравить меня съ чиномъ.

Симъ кончилось тогда сіе пріятное для меня произшествіе; а поелику письмо мое уже сдѣлалось довольно велико, то окончу я и оное на семъ мѣстѣ, сказавъ вамъ что я есмь навсегда вашъ и прочее.

Письмо 82-е *).

Любезный пріятель! Продолжая повѣствованіе мое о бывшихъ со мною въ теченіи 1760 года произшествіяхъ, и о томъ, что у насъ въ Кёнигсбергѣ въ сей годъ происходило, скажу, что къ числу первыхъ относится и особая дружба, основанная у меня съ однимъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ, по имени Николаемъ Еремѣевичемъ Тулубьевымъ, — дружба, которая и по нынѣ мнѣ памятна и которую я никогда не позабуду. Онъ былъ лейтнантомъ на одномъ изъ нашихъ морскихъ судовъ, и жилъ у насъ въ сіе лѣто въ Кёнигсбергѣ для исправленія нѣкоторыхъ порученныхъ ему коммисій. Какъ ему по поводу самыхъ оныхъ часто доходило имѣть дѣло съ нашимъ генераломъ и онъ нерѣдко для того прихаживалъ къ намъ въ канцелярію и провождалъ въ ней и въ самой моей комнатѣ иногда по нѣскольку часовъ сряду, то самый сей случай и познакомилъ меня съ нимъ короче. Онъ былъ человѣкъ еще молодой, однако нѣсколькими годами меня старѣе, и какъ всякому морскому офицеру свойственно, нарочито учонъ и во многомъ столь свѣдущъ, что можно было съ нимъ всегда о многихъ вещахъ съ удовольствіемъ говорить. Но все сіе не сдружило бы насъ съ нимъ такъ много и такъ скоро, еслибъ не случились у обоихъ насъ нравы и склонности во всемъ почти одинакіе и такая между обоими нами натуральная симпатія, что мы съ перваго почти свиданія полюбили другъ друга, а чрезъ нѣсколько дней такъ сдружились и такъ сдѣлались коротки, какъ бы ближніе родные. И могу сказать, что ощущенія имѣлъ я къ сему человѣку прямо дружескія и въ каждый разъ былъ въ особливости радъ, когда прихаживалъ онъ къ намъ въ канцелярію. Я покидалъ тогда всѣ свои дѣла и упражненія и занимался разговорами съ симъ любезнымъ человѣкомъ, и о чемъ и о чемъ, не говаривали мы съ нимъ и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ не препроводили въ сихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ. Словомъ, я не уставалъ никогда говорить съ нимъ, а онъ со мною, и изъ всѣхъ, бывшихъ у меня въ жизни друзей, ни къ кому не прилѣпленъ я былъ такимъ нѣжнымъ и искреннимъ дружествомъ, какъ къ сему человѣку. А сіе и было тому причиною, что мы не только во все время пребыванія его у насъ въ Кёнигсбергѣ видались очень часто и вмѣстѣ съ нимъ сиживали въ канцеляріи, вмѣстѣ гуливали по лучшимъ и пріятнѣйшимъ мѣстамъ города и его окрестностямъ; вмѣстѣ увеселялись красотами и прелестностями натуры, до чего онъ такой же былъ охотникъ какъ и я; вмѣстѣ читывали наилучшія и пріятнѣйшія книги; вмѣстѣ занимались разными и о разныхъ матеріяхъ разсужденіями. Но какъ наконецъ надлежало ему отъ насъ отбыть и отправиться жить въ Мемель, гдѣ находилось его судно, то при отъѣздѣ его условились мы продолжать и заочно наши свиданія и разговоры и имѣть съ нимъ частую и еженедѣльную переписку.

Переписка сія была между нами и дѣйствительно. Я первый ее началъ и заохотилъ друга моего такъ, что продолжа-

*) Ноября 6 д. 1800 г. Помѣта А. Т. Болотова.

лась она безпрерывно нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и какъ была она особаго и такого рода, какая рѣдко у кого бываетъ, то и доставляла обоимъ намъ безчисленное множество минутъ пріятныхъ и неоцѣненныхъ въ жизни. Я не могу и нынѣ еще позабыть, съ какою нетерпѣливостію всякій разъ дожидался я тогда почты, съ какою жадностію распечатывалъ друга моего пакеты, и съ какимъ удовольствіемъ читывалъ пространныя и дружескія его къ себѣ письма. Онъ описывалъ мнѣ все, что происходило съ нимъ въ Мемелѣ; а я ему сообщалъ то, что у насъ дѣлалось въ Кёнигсбергѣ, и мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, присовокуплялъ къ тому разныя шутки и другія побочныя и такія матеріи, о которыхъ зналъ, что онѣ будутъ другу моему пріятны, а онъ самое тоже дѣлалъ и въ своихъ письмахъ. Словомъ, переписка сія была у насъ примѣрная и не только частая, но и столь пространная, что мы посылывали иногда другъ къ другу цѣлыя почти тетрадки и я провождалъ иногда по нѣскольку часовъ сряду въ писаніи и одного письма къ нему. Всѣ сіи минуты были для меня всегда нетолько утѣшны, но и крайне увеселительны, а какъ и ему столь же пріятно было писать и ко мнѣ, то все сіе увеличивало еще болѣе наше дружество, которое продолжалось до самаго того времени, какъ онъ отлучился наконецъ въ море, гдѣ вскорѣ послѣ того, къ превеликому моему сожалѣнію, лишился онъ жизни, приказавъ доставить ко мнѣ вкупѣ съ извѣстіемъ о его смерти и всѣ присыланныя къ нему мои письма. Письма сіи и понынѣ еще хранятся у меня въ цѣлости; и какъ онѣ писаны были всѣ въ одну форму, то велѣлъ я ихъ тогда же еще переплесть и храню ихъ какъ нѣкакой памятникъ тогдашнимъ моимъ чувствованіямъ и упражненіямъ, а вкупѣ и тогдашней моей способности къ писанію и великому еще несовершенству моего слога. Но какъ бы то ни было, но сей случай доказалъ мнѣ самою опытностію, что повѣренная и прямо дружеская и такая переписка, какую имѣлъ тогда я съ симъ человѣкомъ, можетъ быть не только крайне пріятна но доставлять обоимъ друзьямъ несмѣтное множество минутъ, неоцѣненныхъ въ жизни.

Кстати къ сему упомяну я, что къ числу бывшихъ со мною въ теченіе сего года произшествій, принадлежитъ также и то, что я однажды чуть-было не сжогъ самъ себя и со всею квартирою своею, и не подвергся крайней опасности. Произошло сіе отъ непомѣрной охоты моей до чтенія книгъ. Я занимался тѣмъ не только во всѣ праздные часы дня и самыхъ вечеровъ, но сдѣлалъ какъ-то глупую привычку читать ихъ со свѣчкою и легши уже спать въ постелю и продолжать оное до тѣхъ поръ, покуда сонъ начнетъ сжимать мои вѣжды и покуда я совсѣмъ забудусь. Тогда чрезъ минуту просыпался я опять, погашалъ свою свѣчку и предавался уже сну. Такимъ образомъ читывалъ я по вечерамъ книги уже нѣсколько времени и привычка сдѣлалась такъ сильна, что въ каждый разъ бывало то, что чрезъ минуту послѣ того, какъ я забудусь, власно какъ кто меня нарочно для потушенія свѣчки разбудитъ и я, сдѣлавъ сіе, засыпалъ уже спокойно. Но какъ смертельно испужался я однажды, когда проснувшись помянутымъ образомъ, для погашенія своей свѣчки, увидѣлъ себя вдругъ объятаго всего огнемъ и поломемъ, ибо въ теченіи помянутой минуты свѣчка моя была такъ неосторожна, что зажгла повиснувшій, какъ-то близко къ ней, пологъ моей кровати, и онъ уже пылалъ весь въ то время, какъ я очнулся. Не могу изобразить, какимъ ужасомъ и страхомъ я тогда поразился. Я вспрыгнулъ безъ памяти съ кровати и начавъ тушить, пережогъ и перемаралъ себѣ всѣ руки, и по особливому счастію пламя недостигло еще до потолока, и что мнѣ хотя съ трудомъ, но потушить было еще можно. Какъ совѣстился я тогда предъ добродушными старикамп, моими хозяевами, которыхъ всѣхъ сей случай перестращалъ до чрезвычайности, и которые черезъ сожженіе полога претерпѣли отъ меня убытокъ. Я охотно брался заплатить имъ

вдвое противъ того, чего онъ стóитъ, но они никакъ на то не согласились, но были довольны обѣщаніемъ моимъ не читать никогда уже болѣе въ постелѣ со свѣчкою книги, которое обѣщаніе и постарался я дѣйствительно выполнить; да и самого меня случай сей такъ настращалъ, что я съ того времени, во всю жизнь мою, никогда уже по вечерамъ книгъ въ постелѣ со свѣчкою не читывалъ, да и другимъ того дѣлать не совѣтую.

Что касается до посторонних знаменитѣйшихъ произшествій, бывшихъ около сего времени въ Кёнигсбергѣ, то памятны мнѣ только два, а именно освященіе нашей церкви и смерть генерала Языкова. Относительно до церкви скажу вамъ, что до того времени довольствовались мы только маленькою, полковою, поставленною въ одномъ домѣ; но какъ Кёнигсбергъ мы себѣ прочили на долгайшее время и можетъ быть на вѣкъ, то во все минувшее время помышляемо было уже о томъ, гдѣ-бъ можно было намъ сдѣлать порядочную для всѣхъ россіянъ церковь, которая и нужна была какъ по множеству нашего народа, такъ и потому, что императрицѣ угодно было прислать къ намъ туда для служенія и архимандрита съ свитою, пѣвчими и со всѣмъ приборомъ. Сперва думали-было достроивать находившуюся на парадномъ мѣстѣ огромную кирку, начатую давно уже строить, но которой строеніе за чѣмъ-то остановилось; но какъ оказалось, что къ отдѣлкѣ сей потребна была великая сумма, а построенныя стѣны не слишкомъ были прочны и надежны, то рѣшились наконецъ велѣть пруссакамъ опростать одну изъ ихъ кирокъ, и сію-то кирку надобно намъ было тогда освятить и превратить изъ лютеранской въ греческую. Избрана и назначена была къ тому одна изъ древнѣйшихъ кёнигсбергскихъ кирокъ, довольно хотя просторная, но самой старинной готической архитектуры, съ высокою и остроконечною башнею или шпицемъ, а именно та, которая находилась у нихъ въ Штейндамскомъ форштатѣ, не подалеку отъ зàмка.

Главнѣйшее затрудненіе при семъ дѣлѣ было хотя то, чтобъ снять съ помянутаго высокаго шпица обыкновеннаго ихъ пѣтуха и поставить вмѣсто того крестъ на оный, однако мы произвели и сіе. Отысканы были люди, отважившіеся взлѣсть на самый верхъ оной башни и снять не только пѣтуха, но и вынуть изъ самаго яблока тотъ свернутый трубкою мѣдный листъ, который есть у иностранныхъ обыкновеніе полагать въ яблоко на каждой церкви, и на которомъ листѣ вырѣзываютъ они письмена, означающія исторію той церкви, какъ, напримѣръ, когда она? по какому случаю? кѣмъ? какимъ коштомъ? какими мастерами и при какомъ владѣтелѣ построена и освящена, и такъ далѣе. Мнѣ случилось самому видѣть оный вынутый старинный листъ, по которому означилось, что церковь та построена была болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ до того. И мы положили его опять туда, присовокупивъ къ тому другой и новый, съ вырѣзанными также на немъ латинскими письменами, означающими помянутое превращеніе оной изъ лютеранской въ греческую, съ означеніемъ времени, когда, по чьему повелѣнію и кѣмъ сіе произведено. А посему и остался теперь въ Кёнигсбергѣ на вѣки монументъ, означающій, что мы, россіяне, нѣкогда имъ владѣли и что управлялъ имъ нашъ генералъ Корфъ и производилъ сіе превращеніе. Что касается до иконостаса, то присланъ оный былъ изъ Петербурга, написанный прекрасно на камкѣ и довольно великолѣпный; а прислана была также оттуда и вся прочая церковная утварь и ризницай на славу, очень богатая и великолѣпная. Самый архимандритъ присланъ былъ уже другой, по имени Тихонъ, и мужъ прямо благочестивый, кроткій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ почтеніе и отъ самыхъ прусскихъ духовныхъ. Сей-то самый архимандритъ освящалъ тогда сію церковь: и какъ церемонія сдѣлана была при семъ случаѣ самая пышная, то привлекла она безчисленное множество зрителей, и всѣ пруссаки не могли духовнымъ

обрядамъ нашимъ, а особливо мvропомазанію самыхъ церковныхъ стѣнъ, которое и намъ случилось тутъ впервые видѣть, довольно надивиться. И какъ въ сей церкви и служеніе производилось всегда на пышной ногѣ, съ прекрасными пѣвчими, и какъ архимандритомъ, такъ и бывшими съ нимъ іеромонахами сказываны были всегда разумныя проповѣди, то все сіе тамошнимъ жителямъ такъ полюбилось, что не было ни одной почти обѣдни, въ которую не приходило-бъ по нѣскольку человѣкъ изъ тамошнихъ зрителей для смотрѣнія.

Чтожъ касается до второго произшествія или смерти и погребенія генерала Языкова, то былъ онъ самый тотъ, который, будучи еще полковникомъ, съ гренадерскимъ своимъ полкомъ такъ храбро защищалъ на Егерсдорфской или Апраксинской баталіи интервалъ между обоими лагерь нашей арміи прикрывающими лѣсами, и который, будучи при семъ случаѣ весь израненъ, приобрѣлъ себѣ тѣмъ великую славу и пожалованъ за то генераломъ. Отъ сихъ-то ранъ не могъ онъ съ самаго того времени еще оправиться, но они свели его во гробъ, несмотря хотя и старались ему помочь всѣ наилучшіе какъ наши, такъ и кёнигсбергскіе медики. Мы погребли его тогда со всею должною по чину его и по славѣ честію, и какъ и сія церемонія была одна изъ великолѣпнѣйшихъ и пышныхъ, то обратила и она на себя вниманіе всѣхъ кёнигсбергскихъ жителей и произведена была при стеченіи безчисленнаго множества народа.

Вотъ все, что я могу упомнить относительно до произшествій тогдашняго времени, и какъ чрезъ описаніе ихъ и сіе письмо нарочито увеличилось, то симъ окончу я и оное, сказавъ вамъ, что я есмь и пребуду навсегда вашъ и прочая.

Конецъ

седьмой части.

КОНЕЦЪ I-ГО ТОМА ЗАПИСОКЪ БОЛОТОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: I, II, III, IV, V, VI и VII

съ XVI столѣтія по 1760 годъ.

стр.

Предисловіе отъ редакціи «Русской Старины» . . . . . I—X

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV ст.—1750 г.

Предисловіе. Предъувѣдомленіе . . 1

Исторія моихъ предковъ и первѣйшихъ лѣтъ моей жизни.

I. **Происхожденіе фамиліи Болотовыхъ** — Родословіе ихъ. — Пожалованіе предковъ имѣніями (XVI—XVII стол.). 3

II. **Исторія Еремѣя Гавриловича Болотова.** — Битва съ татарами. — Плѣнъ у татаръ. — Бѣгство. — Возвратъ на родину (XVII ст.). 8

III. **Исторія ближнихъ предковъ.** — Воспитаніе дѣтей въ рпжской нѣмецкой школѣ. — Гвардіи капитанъ Тимоѳей Болотовъ, любимецъ Бирона. — Письмо Петра Великаго къ подпоручику Болотову объ отвозѣ нѣмецкихъ жнецовъ въ русскія степи. 1700—1738 гг. 22

IV. **Исторія моего младенчества.** — Миръ Россіи съ Турціею. — Жизнь при полку. 1738—1744 гг. 28

V. **При ревизіи во Псковѣ.** — Обученіе грамотѣ.—Дѣтскія шалости.—Викторіальные дни. 1744—1746 гг. . . . 35

VI. **Домъ Удрихъ и Лай Мыза.** — Внутреннее расположеніе домовъ у псковскихъ помѣщиковъ.—Полковая жизнь. — Приданое невѣстъ. — Обученіе письму и рисованію. — Крещеніе татарина въ проруби. — Пушечная пальба на праздникахъ. — Учителя-иноземцы. — Русскіе нѣмцы въ военной службѣ. 1747 г. 42

VII. **Въ лагерѣ и во Псковѣ.**—Фельдмаршалъ Лессій. — Охота за зайцами. — Петербургъ. — Наводненіе. — Лейбъ-компанія. — Дворецъ. — Педагогическіе пріемы нѣмца-учителя. 1747 г. 55

VIII. **Въ Курляндіи.** — Походъ русскаго вспомогательнаго корпуса въ Австрію.—Вокабулы и розги.—Курляндское гостепріимство.—Поступленіе въ военную службу солдатомъ на 10-мъ году отъ роду. — Воинскія потѣхи. — Производство въ подпрапорщики и каптенармусы. 1748 г. . . . 70

IX. **Въ мызѣ Пацъ.** — Воспитаніе въ семействѣ курляндскаго помѣщика.—Учитель Лейпцигскаго университета. — Дядька Артамонъ. — Производство въ сержанты. 1748 г. 79

X. **Походъ въ Петербургъ.** — Поединокъ. — Первый день въ строю. — Нарвскій комендантъ Штейнъ.—Пансіонъ Ферре, при Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1749 г. 98

стр.

XI. **Жизнь въ пансіонѣ.**—Товарищи.—Учебныя занятія. — Чтеніе книгъ. — Уроки рисованія. 1750 г. 104

XII. **Въ Выборгѣ.**—Чтеніе.—Стрѣльба. — Городъ и крѣпость. — Смерть отца. — Характеристика покойнаго. 1750 г. 112

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія моего малолѣтства.

1750—1755.

XIII. **Отъѣздъ изъ полка.** — Прибытіе въ Петербургъ. — Оберъ-гофмаршалъ Шепелевъ. — Хлопоты объ отпускѣ въ деревню. 1750 г. 130

XIV. **Ѣзда.** — Поѣздка изъ Петербурга въ деревню. 1750 г. 139

XV. **Въ деревнѣ Дворяниновѣ.**—Сосѣди. — Попы. — Суевѣрія. — Самообученіе. — Обстановка помѣщичьяго дома. — Храмовые праздники. —Провинціальное дворянство. — Посылка дядьки Артамона въ столицу. 1750 г. 147

XVI. **Увольненіе отъ службы, для окончанія наукъ.** — Исковая челобитная. — Шалости. — Отправка въ ученье въ Петербургъ. 1751 г. 159

XVII. **Пріѣздъ въ Петербургъ.**—Е. А. Масловъ.—Отдача въ ученье къ французу. — Выработка крѣпостнымъ человѣкомъ платы за воспитаніе барчука. — Жизнь въ свѣтлицахъ конной гвардіи. — Смерть матери. 1752 г. . . 177

XVIII. **Замыслы о поѣздкѣ въ деревню.** — Празднованіе дня имянинъ императрицы Елисаветы Петровны.—Иллюминація. — Балъ въ лѣтнемъ дворцѣ.—Полиція.— Результаты обученія наукамъ. 1752 г. 187

XIX. **Ѣзда во Псковъ и прибытіе въ деревню Опанкино.** — Суевѣріе.—Псковскіе помѣщики и помѣщицы.—Пиршества.— Охота на звѣрей съ тенетами. 1752 г. 200

XX. **Въ Опанкинѣ.**—Рыбная ловля зимой.— Обученіе ремесламъ и художествамъ. — Игра на гусляхъ. — Ленъ и его обработка. — Надворныя увеселенія и забавы. 1753 г. 209

стр.

XXI. **Пріѣздъ въ Дворяниново.** — Матвѣй Петровичъ Болотовъ и его семья. — Водвореніе въ родительскомъ домѣ. — Воспоминаніе о Миннихѣ. — Чтеніе книгъ: «Камень Вѣры» и «Четіи-Минеи». — Изученіе геометріи и фортификаціи. — Страсть къ письму. 1753 г. 223

XXII. **Самообученіе.** — Постройка крѣпостцы. — Народная игра «килька». — Игра въ мячъ. — Святочныя игрища. — Новый товарищъ. — Шалости. 1754 г. 235

XXIII. **Въ деревнѣ.** — Лунатизмъ. — Таинственный голосъ. — Сосѣди. — Ловля перепеловъ ястребами. — Нѣмцы-заводчики. — Дворянскій учитель. 1754 г. 248

XXIV. **Сборы къ возвращенію въ полкъ.** — Достопамятности Москвы. — Путь во Псковъ. — Пребываніе у сестры въ Опанкинѣ. — Прибытіе въ полкъ. 1755 г. 260

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія моей военной службы.

1755—1757.

XXV. **Полковое начальство и штабъ.**—Мартыновна. — Военный постой въ Лифляндіи. — Уроки нѣмецкаго языка. — Офицеры-иноземцы. — Сверстники и товарищи. 1755 г. 271

XXVI. **Походъ въ Ревель.** — Ловъ рыбы кокулями. — Первая командировка. — Ночь въ лѣсу. — Покупка лошади. 1755 г. 283

XXVII. **Ревель и Рогервикъ.** — Непріятныя послѣдствія покупки лошади. — Русскій генералъ изъ нѣмцевъ, баронъ Ливенъ. — Первыя напасти. — Обходъ чиномъ. 1755 г. . . 292

XXVIII. **Поѣздка въ Петербургъ.** — Хлопоты объ отпускѣ для ходатайства о производствѣ въ офицеры. — Дорога по берегу моря. — Яковлевъ, фаворитъ графа П. И. Шувалова. 1755 г. 303

XXIX. **Пребываніе въ Петербургѣ.** — Пріемная сильнаго человѣка. — Уроки

стр.

набожности. — Покупка книгъ. — Посѣщеніе родственника. — Производство въ подпоручики. — «Аргенида» и «Жилблазъ». 1755 г. 314

XXX. **Рогервикъ.** — Жизнь съ ротой на квартирахъ въ деревняхъ. — Бытъ эстляндскихъ крестьянъ. — Болѣзнь и выздоровленіе. 1755 г. . . 328

XXXI. **Въ Рогервикѣ.** — Караульная служба. — Предположеніе Петра Великаго объ устройствѣ порта. — Постройка мули (мола). — Каторжные. — «Христосъ» — Андреюшка. — Товарищескія шутки. — Запой до чортиковъ. 1755 г. 338

XXXII. **Экзерцированіе.** — Командировка въ Ревель. — Переводъ «Хиромантіи». — Изученіе гокусъ-покусовъ. — Трагедія «Хоревъ». — Приготовленія къ войнѣ съ Пруссіею. — Успѣхи въ обученіи солдатъ новой экзерціціи. — Опасная переправа. 1756 г. 350

XXXIII. **Лагерь при Ригѣ.** — Походъ изъ Ревеля въ Ригу. — Лагерныя стоянки. — Опасенія перевода въ гренадерскій полкъ. 1756 г. . . . 363

XXXIV. **На кантониръ-квартирахъ.** — Нѣмецкія книги. — Первое командованіе ротою. — Женское общество. 1756 г. 376

XXXV. **Въ мызѣ Кальтебрунъ.** — Переводъ нѣмецкаго романа. — Фейерверочныя потѣхи. 1756 г. 390

XXXVI. **Приуготовленіе къ походу.** — Болѣзнь. — Голодъ, какъ лекарство отъ лихорадки. — Выступленіе въ походъ. — Масляная мельница. — Приказъ по арміи объ уничтоженіи лишнихъ вещей въ обозѣ офицеровъ. 1757 г. 400

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и прусскіе походы.

1757.

XXXVII. **Начало похода.** — Причины войны съ Пруссіею. — Русская армія подъ Ригою. — Смотръ арміи генералъ-фельдмаршаломъ С. Ѳ. Апраксинымъ. — Выѣздъ его изъ Риги. — Шуваловскія гаубицы 411

XXXVIII. **Походъ Литвою.** — Распоряженія Фридриха II къ отпору непріятелей. — Разгромъ австрійцевъ подъ Прагою. — Смерть фельдмаршала графа Шверина. — Походъ русской арміи чрезъ Курляндію и Литву. — Назначеніе полковымъ квартирмейстеромъ. 422

XXXIX. **Стояніе въ Ковнахъ.** — Разбивка лагеря. — Арестъ. — Польскій медъ. — Фридрихъ II подъ Прагою. — Бой прусскаго короля съ арміею фельдмаршала Дауна. — Разбитіе пруссаковъ. — Учрежденіе ордена Маріи-Терезіи. — Пиръ русской арміи въ Ковнѣ. 433

XL. **О походѣ къ Пруссіи.** — Смерть и похороны товарищей. — Генеральный смотръ арміи. — Взятіе Мемеля. — Торжество по сему случаю. — Предосторожности противъ непріятеля. — Поимка шпіона 450

XLI. **Вступленіе въ Пруссію и тревога.** — Распоряженія фельдмаршала Левальда къ отпору русской арміи. — Оплошность де-ла-Рюи, маіора русской службы. — Тревога. — Приводъ пруссаковъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ. — Первая стычка 460

XLII. **Походъ Пруссіею.** — Дѣйствія казаковъ и калмыковъ. — Одежда, пища и богослуженіе калмыковъ. — Наказаніе прусскихъ поселянъ. — Успѣхи казаковъ. — Соединеніе съ арміей корпуса генералъ-аншефа Фермора. — Списочное и наличное состояніе русской арміи 475

XLIII. **Походъ Пруссіею къ Прегелю.** — Фуражировки. — Картофель. — Нѣмецкія извѣстія о варварствѣ русскихъ фуражировъ. — Русская армія за рѣкою Прегелемъ 487

XLIV. **Первая тревога.** — Расположеніе русской арміи на Эгерсдорфскомъ полѣ. — Двукратная тревога . 497

XLV. **Вторая тревога.** — Выѣздъ генералъ-фельдмаршала предъ армію. —

стр.

Ожиданіе непріятеля. — Канунъ генеральной баталіи 506

XLVI. **Тревога.** — Распоряженія къ битвѣ русскихъ военачальниковъ. — Аттака пруссаковъ.—Чувства при началѣ битвы. — Начало Грос-Эгерсдорфскаго боя 19 августа 1757 года. 514

XLVII. **Баталія.**—Ходъ сраженія.—Аттака донскихъ казаковъ. — Дѣйствія прусской кавалеріи нафлангѣ.—Бой въ центрѣ. — Геройская смерть генерала Лопухина.—Разбитіе первой линіи русской арміи. — Удачное вступленіе въ бой двухъ полковъ изъ задней линіи.—Бѣгство непріятеля . 530

XLVIII. **Походъ къ Велавѣ.**—Общій видъ мѣста побоища.—Ограбленіе труповъ.—Уронъ обѣихъ армій.—Торжество побѣдителей.—Погребеніе мертвыхъ.—Реляція Апраксина и прусскія извѣстія о сраженіи 19 августа 1757 года.—Положеніе Фридриха II послѣ грос-эгерсдорфскаго пораженія. . . 542

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и прусской войны.

1757—1758.

XLIX. **Походъ къ Велавѣ.** — Ропотъ въ арміи на медленность и трусость военачальниковъ.—Сожженіе артилеріею деревни при рѣкѣ Аль. — Тревога отъ коровъ.—Удальство калмыковъ.—Препятствіе къ переправѣ. 555

L. **При Аленбургѣ.** — Удача военной хитрости пруссаковъ. — Подозрѣніе на генерала Ливена. — Ловля карпіевъ.—Рѣшеніе русскихъ военачальниковъ уйти съ арміею изъ Пруссіи.—Генералъ-аншефъ Сибильскій. — Промахъ французскаго маршала Ришелье. — Поворотъ счастья въ пользу прусскаго короля. 1757 г. 567

LI. **Обратный походъ.**—Лишенія русской арміи.—Погоня пруссаковъ за русскою арміею. — Въ Тильзитѣ и переходъ черезъ рѣку Мемель . . . 575

LII. **При Тильзитѣ.** — Занятіе Тильзита пруссаками и стрѣльба по русскому лагерю. — Прекращеніе прусской погони. — Бѣдствіе русской арміи при отступленіи къ предѣламъ отечества. — С. Ѳ. Апраксинъ.—Расположеніе полковъ по зимнимъ квартирамъ 1757 г. 589

LIII. **Жизнь въ Курляндіи.** — Чтеніе и письмо.—Знакомство съ латышскимъ языкомъ. — Переводъ въ гренадерскую роту. — Дѣйствія на театрѣ войны: побѣды Фридриха II надъ союзниками въ концѣ 1757 г. . . . 608

LIV. **Занятіе Кёнигсберга.** — Отозваніе Апраксина. — Назначеніе графа Фермора начальникомъ арміи. — Быстрота его дѣйствій. — Зимній походъ въ Пруссію. — Занятіе Тильзита и Кёнигсберга. — Выступленіе въ походъ полковъ, зимовавшихъ въ Курляндіи. 1758 г. 619

LV. **Вторичный походъ въ Пруссію.** — Легкость похода. — Католическія часовни въ Литвѣ. — Синагоги. — Висѣлицы съ казненными ворами. — Польская уха. — Игра въ карты. — Зальцбургскіе эмигранты. — Городъ Гумбины. — Мелкій католическій государь-епископъ.—Самобичеваніе фанатиковъ-католиковъ. — Трудность конца похода 1758 г. 631

LVI. **Стояніе при Торунѣ.**—Жулавы—образцово-благоустроенныя селенія на Вислѣ. — Городъ Торунь. — Нѣмецкій журналъ. — Панорама. — Нелюбовь офицеровъ къ чтенію. — Политическія обстоятельства и интриги. — Тайное соглашеніе короля прусскаго съ наслѣдникомъ россійскаго престола. — Паденіе Бестужева. — Приготовленіе союзниковъ и короля прусскаго къ продолженію войны и новые успѣхи пруссаковъ . 646

LVII. **Походъ въ Кёнигсбергъ.** . . . 661

LVIII. **Входъ въ Кёнигсбергъ.** — Квартира. — Покупка и разрисовка картинъ. — Приключеніе въ караулѣ. . 672

LIX. **Въ Кёнигсбергѣ.**—Новая квартира. — Панорама. — Знакомство съ оптикомъ и приобрѣтеніе камеръ-об-

стр.

скуры. — Увлеченіе офицеровъ распутствомъ. — Назначеніе Болотова къ письменнымъ дѣламъ.— Непріязнь нѣмцевъ къ русскимъ. 1758 г. 683

LX. **Описаніе Кёнигсберга.** Рѣка Прегель.— Крѣпость. — Замокъ. — Портреты Лютера и его жены. — Публичная библіотека. — Улицы, площади, церкви и гробницы. — Садъ купца Сатургуса. — Водяная колокольная игра. — Устройство домовъ.— Нравы, обычаи, образъ жизни кёнигсбергцевъ. 1758 г. 700

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1758—1759.

LXI. **Пребываніе въ Кёнигсбергѣ.** — Ярмарка.—Польскіе жиды.—Даровой площадной театръ, для сбыта народу шарлатанскихъ лекарствъ. — Волокитства офицеровъ. 1758 г. 715

LXII. **Пріѣздъ Корфа.** — Обстоятельства возвышенія Н. А. Корфа. — Назначеніе его губернаторомъ, управляющимъ Пруссіею. — Опредѣленіе Болотова переводчикомъ въ канцелярію губернатора. 1758 г. 726

LXIII. **При Корфѣ.** — Причина назначенія Болотова переводчикомъ. — Характерпстика лицъ служащихъ при губернаторѣ и въ его канцеляріи . 739

LXIV. **Характеръ Корфа.** — Образъ его жизни въ Кёнигсбергѣ.—Балы.— Дворецъ въ Кёнигсбергѣ. — Книга графа Оксенштирна. 1758 г. 750

LXV. **Исторія войны.**—Побѣды пруссаковъ надъ французами. — Взятіе прусскимъ королемъ крѣпости Швейдница.—Безуспѣшная осада крѣпости Ольмица. — Дѣйствія принца Брауншвейгскаго. — Движенія и дѣйствія русскихъ войскъ. — Сожженіе города Кюстрина. 1758 г. 764

LXVI. **Битва Цорндорфская.** — Лживость нѣмецкихъ извѣстій.—Быстрота дѣйствій короля прусскаго.—Боевое построеніе русской арміи. — Дѣйствія прусскаго генерала Зейдлица. — Пьянство солдатъ во время сраженія. — Потери обѣихъ сторонъ. — Нерѣшительность генерала Фермора. — Жестокость прусскаго короля съ плѣнными русскими генералами. — Дѣйствія австрійцевъ и французовъ противъ пруссаковъ . . 780

LXVII. **Извѣстія военныя.** — Чрезвычайная убыль офицеровъ въ русской арміи. — Полковникъ князь Долгоруковъ. — Призывъ въ полкъ.—Выступленіе полка изъ Кёнигсберга . . . 797

LXVIII. **Покупка книгъ.** — Библіотека для чтенія 812

LXIX. **Забавы и развлеченія.**—Романы.— Танцы.—Еврейская свадьба. — Балъ для званыхъ и незваныхъ. — Первые танцы въ обществѣ 822

LXX. **Губернаторскіе балы.**—Любовь Корфа къ графинѣ Кейзерлингъ. — Флигель-адъютантъ короля прусскаго графъ Шверинъ. — Григорій Григорьевичъ Орловъ.—Театръ.—Маскарады. — Ярмарка 836

LXXI. **Политич. извѣстія.**— Фроловъ-Багреевъ. — Опасенія за армію. — Свидѣтельствованіе артиллеріи. — Единороги. — Безуспѣшныя старанія Англіи и прусскаго короля о склоненіи Россіи къ нейтралитету. — Прусскія и французскія интриги и подкупы въ Турціи.— Политика Англіи. — Союзъ Россіи съ Швеціею и Даніею. — Приготовленія прусскаго короля къ продолженію войны. — Требованіе Болотова въ полкъ и оставленіе въ губернаторской канцеляріи. 1759 г. 847

LXXII. **Увеселительные сады.** — Гулянья. — Книга Зульцера о природѣ. — Стихотворство. — Художества.— Устройство фонтана. — Шалости 858

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1759—1760.

LXXIII. **Въ Кёнигсбергѣ.** — Новый

стр.

главнокомандующій П. С. Салтыковъ. — Старичокъ-полковникъ-любитель наукъ.—Поручикъ Пассекъ.—Капитанъ Писаревъ. — Приготовленія къ открытію русскихъ любительскихъ спектаклей. — Еврейская синагога. 1759 г. 869

LXXIV. **Новая квартира.** — Хозяева.—Книга Гофмана.— Лекарственное свойство куренья табаку при питьѣ чая.— Книжные аукціоны. — Архимандритъ Ефремъ. — Чеканка русской монеты въ Кёнигсбергѣ. 1759 г. 887

LXXV. **Исторія войны.** — Разбитіе пруссаковъ французами. — Насильственная вербовка поляковъ въ прусскую армію.— Генералъ Ферморъ, по передачѣ командованія арміею графу Салтыкову, поступаетъ подъ его начальство. — Письмо прусскаго короля къ графу Дона о передачѣ командованія арміею генералу Веделю.—Побѣда русскихъ надъ пруссаками при Одерѣ.— Присоединеніе австрійцевъ къ русской арміи.— Расположеніе русскихъ и австрійскихъ войскъ предъ Кунесдорфской битвой. 1759 г. 900

LXXVI. **Кунесдорфская баталія.** — Аттака короля прусскаго. — Критическое положеніе русской арміи. — Отчаяніе главнокомандующаго. — Увлеченіе прусскаго короля и послѣдованіе совѣту генерала Веделя.— Дѣйствія австрійскаго генерала Лаудона. — Гибель прусской арміи. — Опасность для жизни и свободы Фридриха II и спасеніе его ротмистромъ Притвицомъ.— Потери обѣихъ сражавшихся сторонъ. 1759 г. . . . 912

LXXVII. **Всеобщая увѣренность въ возможности взятія у пруссаковъ Берлина.** — Бездѣйствіе и взаимныя неудовольствія русскихъ и австрійцевъ. — Награды за Кунесдорфскую побѣду. — Недоставка австрійцами провіанта для русскихъ войскъ. — Дѣятельность прусскаго короля. — Положеніе воюющихъ. 1759 г. . . . 924

LXXVIII. **Жизнь въ Кёнигсбергѣ.** — Маскарады въ театрѣ.—Балансёръ.— Бранчивость Корфа. – Студенты изъ Московскаго университета въ Кёнигсбергѣ. — Любовная шашня секретаря Чонжина. — Братья Олины. — Пожаръ на монетномъ дворѣ. — Пожаръ въ канцеляріи Корфа. — Ссора Корфа съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. — Женскія нагрѣвательницы.— Фальшивая тревога въ киркѣ о пожарѣ. 1759 г. 933

LXXIX. **Кёнигсбергъ.** — Иллюминація въ день новаго 1760 года. — Гишпанскій посолъ. — Попытка нейтральныхъ дворовъ къ возстановленію мира.—Новыя приготовленія воюющихъ сторонъ. — Прусскія вербовки. — Науки, чтеніе книгъ, знакомство со студентами. — Увеселенія.— Катанье въ шлюпкѣ. 1760 г. 951

LXXX. **Отдѣлка новыхъ покоевъ въ замкѣ для губернатора.** — Празднества.—Пресыщеніе танцами.—Свадьба совѣтника Баумана. — Фейерверкъ. — Проѣздъ графа П. Г. Чернышова въ Испанію, въ качествѣ посла. — Предложеніе Болотову званія адъютанта при Корфѣ. — Полученіе доходовъ изъ деревни. — Изготовленіе новыхъ знаменъ для арміи. — Выработка характера. 1760 г. 966

LXXXI. **Продолженіе самообученія по книгамъ.** — Памятная книжка.— Познаніе превосходства крузіанской философіи предъ вольфіанскою.—Лекціи магистра крузіанской философіи Веймана.—Пансіонъ Ковалевскаго. — Производство въ поручики. 1760 г. 981

LXXXII. **Дружба съ лейтенантомъ Тулубьевымъ.** — Переписка. — Опасность отъ свѣчи. — Освященіе кирки въ православную церковь. — Смерть и погребеніе генерала Языкова. 1760 г. 995

Примѣчаніе. Къ первому тому „Записокъ Болотова“ приложенъ портретъ автора, имъ самимъ нарисованный; гравир. академикъ Л. А. Сѣряковъ. Въ текстѣ записокъ помѣщено двадцать четыре рисунка, Болотовымъ же исполненныхъ и г. Сѣряковымъ гравированныхъ. Подробный алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ автобіографіи Болотова смотри въ концѣ послѣдняго тома его сочиненія.